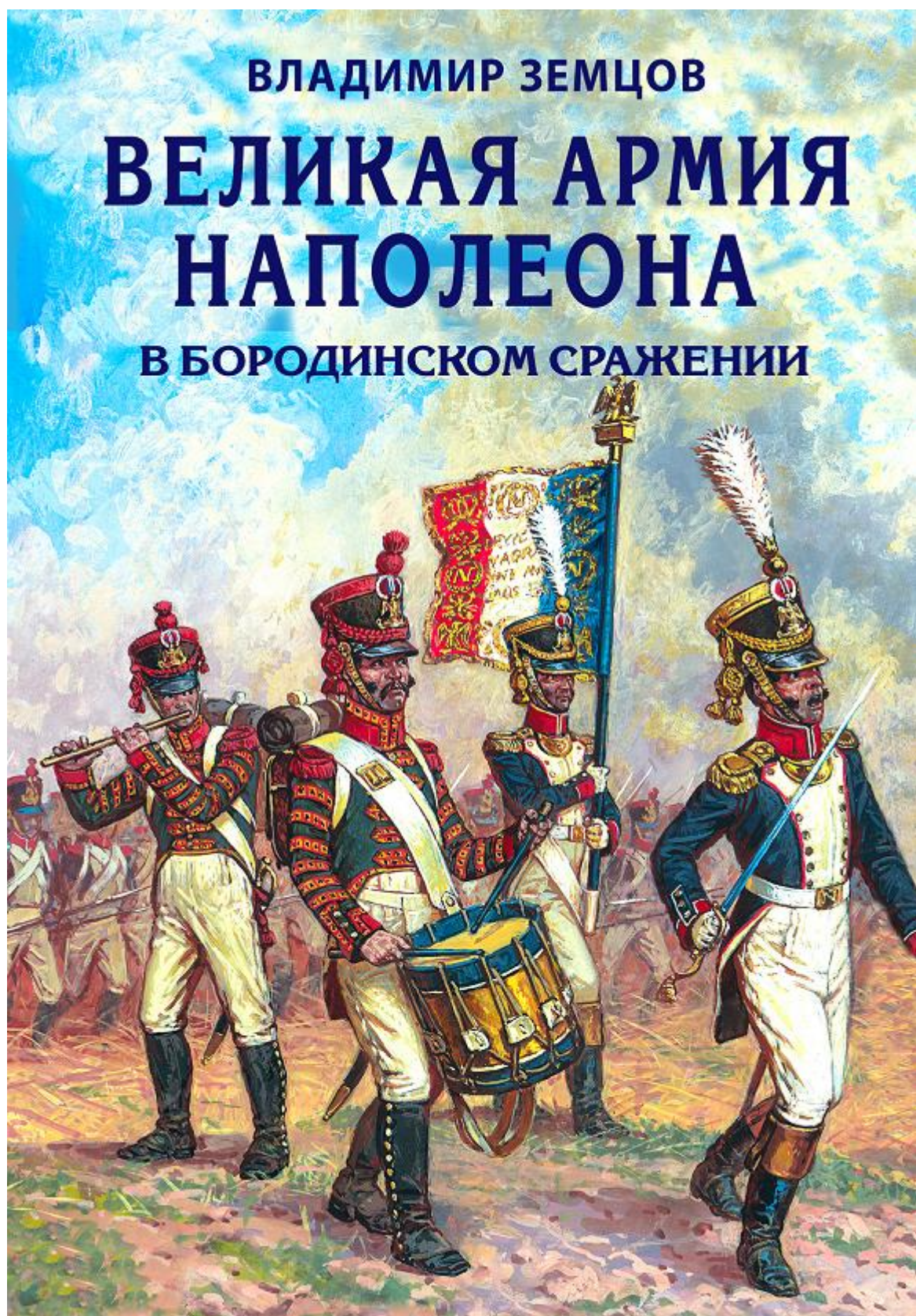

Владимир Николаевич Земцов
Великая армия Наполеона в Бородинском сражении

Лучшие воины в истории –

«Великая армия Наполеона в Бородинском сражении / Владимир Земцов»: Эксмо :
Яуза; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-094910-6

Аннотация

Наполеон вторгся в Россию с десятью пехотными и четырьмя кавалерийскими корпусами общей численностью почти 400 тысяч человек. Только половина солдат Великой армии (Grande Armee), или как ее прозвали русские – «армии двенадцати языков», были французами, остальные поляками, немцами из Пруссии, германских государств Рейнского союза, итальянцами, швейцарцами, испанцами, португальцами, хорватами, австрийцами.

НОВАЯ КНИГА ведущего исследователя Наполеоновской эпохи впервые позволяет взглянуть на Бородинское сражение глазами противников русских войск. Эта фундаментальная работа на основе широкого комплекса источников не только тщательно реконструирует действия Великой армии Наполеона в ключевые моменты величайшей битвы – самой кровопролитной в истории среди однокдневных сражений, но и впервые во всех подробностях восстанавливает механизмы функционирования этой сложнейшей военной машины в 1812 году, отвечая на самые спорные вопросы. Каково было устройство, комплектование и состав Великой армии? Каковы были униформа и оружие? Что собой представлял ее офицерский корпус? Какое влияние здоровье и быт Наполеона в ходе Русской кампании оказывали на решения французского главнокомандующего? Что заставляло наполеоновского солдата идти в бой, драться и умирать под Бородином? Как тяготы Русской кампании расшатывали армейскую дисциплину и обостряли межнациональные взаимоотношения в Великой армии? Наконец, сочетание каких факторов привело к полному поражению наполеоновской армии в России?

Владимир Земцов **Великая армия Наполеона в Бородинском сражении**

© Земцов В. Н., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Якорь», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Введение

Война 1812 г. стала важнейшей вехой в российской и мировой истории. Катастрофа Великой армии Наполеона в России обозначила многие из тех проблем, которые и по сегодняшний день продолжают волновать воображение исследователей и политиков многих стран мира. Что такое дух народа и что такое загадочная «русская душа»? Как должны строиться отношения между Западом и Россией в европейской и мировой политике? Как соотносить национальный интерес отдельных европейских стран с интересами Единой Европы? Что является решающим в принятии великих государственных решений – рок «исторической предопределенности», совокупная воля большинства общества или же решимость его отдельных лидеров? Поиски ответов на эти и многие другие вопросы, связанные с событиями 1812 г., кульминацией которых стало Бородинское сражение, привели к появлению в России и за рубежом почти необозримой исторической, художественной и публицистической литературы.

Столь длительный, а нередко и достаточно стойкий интерес к войне 1812 г. и Бородину предопределил рождение иллюзии о некоей «прозрачности» событий Бородинской битвы, об очевидности причин, ее породивших, хода и последствий. В сущности, все книги о Бородинском сражении длительное время с удивительным постоянством воспроизводили в

каждой отдельно взятой стране одни и те же национально ограниченные сюжеты и вызывали одни и те же национально определенные чувства. Историческая память каждого народа, участвовавшего в сражении или наблюдавшего его издали (как, например, обстояло дело с британцами и североамериканцами), оказалась основана на одном, строго определенном мифе-основании, созданном как путем воздействия коллективных представлений той или иной нации, так и благодаря манипуляциям, производимым с этим мифом государственной властью.

Помимо этих «ловушек» исторической памяти, была и другая причина, предопределявшая иллюзию «изученности» Бородинской битвы, а именно последовательное стремление историков к «научному», то есть фактически к структуралистски заданному, объяснению событий грандиозной битвы, когда все многообразие человеческих трагедий тех дней сводилось к неким общим социологизированным или военно-социологизированным схемам. Живые люди либо исчезали со страниц такого рода научных исследований, либо же превращались в заложников «объективных обстоятельств» социального, военного, политического или иного рода.

Сегодня, на наш взгляд, стал наблюдаться явный поворот к живому человеку прошлого, который боролся, страдал и умирал на Бородинском поле в 1812 г. Это стало возможным вследствие отказа исторической науки от идеи всеобщего детерминирования, отхода от жестких структуралистских подходов, благодаря появлению «микроисторической» парадигмы в гуманитарном знании. И все же проблема выбора познавательных процедур, с помощью которых мы смогли бы отделить «запрограммированность» в действиях участников тех далеких событий от результатов воздействия на их поступки неожиданных порывов воли или минутной слабости, эмоционального настроения или наполненности желудка, не становится менее сложной. В этой связи обращает на себя внимание опыт, уже накопленный исторической и военно-исторической психологией, военно-исторической социологией, военно-исторической просопографией и другими смежными направлениями в исследовании «человека воюющего» прошедших столетий¹.

Попытаемся обозначить наши исследовательские процедуры. Первым делом мы должны выявить, дабы избежать их, многочисленные ловушки, расставленные историографической традицией. Не следует принимать гипотезы, рожденные историками или участниками событий, за реальные объекты познания. Этого можно добиться, только идентифицировав природу национальных историографических традиций, находящихся в зависимости от колебаний истории, исторической мысли и исторической памяти наций, и обратить взоры исключительно к первичному историческому материалу. Решению этой задачи подчинена первая глава книги.

Вторая глава призвана воссоздать психико-физиологические и социальные структуры Великой армии Наполеона в их преломлении к событиям 1812 г. и Бородинскому сражению. Реконструируя мировидение, чувства и ориентацию наполеоновского солдата, мы пытаемся определить своего рода физиологические, социальные и ментальные рамки, в которых он

¹ См., например: Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960; Иванов Ф. И. Реактивные психозы военного времени. М., 1970; Keegan J. The Face of Battle. L., 1976; Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Ее же. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999; Поршнев О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Ее же. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002–2005; Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2002; Bertaud J. P. Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P., 2006; Furrer D. Soldatenleben. Napoleons Russlandfeldzug 1812. Paderborn, 2012; Кревельд М., ван. Трансформация войны. Пер. с англ. 2-е изд. М., 2015; Безотосный В. М. Закаленные эпохой. Российский генералитет Александра I. М., 2015; Ададуров В. В. Война цивилизаций: социокультурная история русского похода Наполеона. Киев, 2017. Т. 1; Целорунго Д. Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017; Goubina M. Russes et Français (1812–1818). Une histoire des perceptions mutuelles. P., 2017; и др.

мог действовать, а также выясняем вероятность отклонения его поступков от этих, заложенных армейским организмом, стратегий поведения.

Наконец, в третьей главе мы обращаемся к «пыли ничтожных событий» (Ж. Ревель), конструируя из множества примарных фактов прошлого живую картину самого Бородинского боя. С помощью «плотного описания» мы добиваемся постижения реальности прошлого во всей его сложности, выявляя человеческий контекст и субъективную сторону происходившей на Бородинском поле драмы. Соединением и наложением друг на друга сюжетов трех глав автор пытается создать целостную картину великого события, соединяющую в себе процессы разной временной протяженности: от явлений большой длительности в историографической части, средней длительности во второй главе и малой длительности – в третьей. Сам факт стремления автора к «внутреннему включению» в поступки и чувства людей, выступавших в те дни в качестве «национального» противника его предков, можно истолковывать как своеобразную попытку преодоления узких рамок «национальных историй» Бородин.

В соответствии с обозначенными ступенями исследования организована и источниковая база. Если источниками первой главы стал в основном традиционный историографический материал, то в написании второй и третьей особую роль сыграли материалы личного происхождения. Автору удалось выявить и обработать более 600 писем маршалов, генералов, офицеров, чиновников и солдат Великой армии 1812 г., находящихся в основном в отечественных архивохранилищах в качестве трофейных документов², но частью также хранящихся во Франции и там опубликованных³. Широко привлечены опубликованные и неопубликованные дневники⁴ и мемуары⁵ участников Русского похода,

² Российский государственный архив древних актов. Ф.30. Оп.1. (далее – РГАДА). Д.239–243, 245–254, 260–264, 266–268, 284. Ч. 1–2; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.151. Оп.1. Д.92; Ф.846. Оп.16. Д.3605. Ч. 1–2; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.41. К.165. Ед. 25. Часть этих писем публиковалась. Наиболее крупные публикации: *Затворницкий Н. К.* истории 1812 года // *Русская старина* (далее – РС). 1907. № 9. С. 459–478; № 11. С. 305–318; № 12. С. 563–575; *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* / Publ. par S.E.M.Goriainow. P., 1913; *Петерс Т. П.* С полей сражений 1812–1815 гг.: трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии императора Наполеона I и переписка генерал-лейтенанта Д. В. Голицына. М., 2012. В том случае, если письмо полностью или частично было издано, делаем двойную ссылку на оригинал и публикацию.

³ *Lettres interceptées...*; [Du Casse A.] *Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène*. P., 1858 (1860). Т. 7–8; *Peyrusse G.-J.* *Mémorial et archives. 1809–1815*. Carcassone, 1869; *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville)*. *Le marechal Davout, prince D'Eckmühl*. P., 1880. Т. 3; *Chuguet A.* *Lettres de 1812*. P., 1911. Sér.1; Idem. 1812. Notes et documents. P., 1912. Sér.1–3; *Ternaux-Compans H.* *Le général Compans*. P., 1912; *Napoléon*. *Lettres inédits de Napoléon à Marie-Louise. 1810–1814*. P., 1935 (мы воспользовались также и английским изд. того же года: *The Letters of Napoleon to Marie-Louise*. L., 1935); *Lyautey H.* *Lettres d'un lieutenant de la Grande Armée* // *La Revue des Deux Mondes*. 1962. 15 Décembre. P. 485–500; *Charrié P.* *Lettres de guerres, 1792–1815: Témoignages de soldats*. Nantes, 2004; *Lettres de la campagne de Russie. 1812*. P., 2012; *Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie, conservés au Service historique de la Défense*. P., 2012; etc. Особое значение имеют публикации корреспонденции Наполеона. Наряду с классическим изданием (*Napoléon I. Correspondance de Napoléon I*. P., 1868. Т. 23–24), мы воспользовались новейшей публикацией писем императора, осуществляемой Фондом Наполеона (*Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. P., 2012. Т. 12). См. нашу публикацию: *Земцов В. Н.* Новые французские документы о Бородинском сражении // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 69–78.

⁴ *Mailly-Nesle A.-A.-A.* *Mon journal pendant la campagne de Russie...* P., 1841; *Castellane E.-V.-E.-B.* *Journal*. P., 1895. Т. 1; *Fantin des Odoards L.-F.* *Journal*. P., 1895; *François C.* *Journal du capitaine François*. P., 1904. Т. 2; *Bonnet*. *Journal* // *Carnet de la Sabretache*. 1912; *Lagneau L.-V.* *Journal d'un chirurgien de la Grande Armée*. P., 1913; *Lacorde J.-L.* *Journal historique, 1er janvier 1803 – 17 mars 1813*. P., 1992 (русский перевод фрагмента о Бородине: *Горишков Д. И.* 13-я пехотная дивизия армии Наполеона в сражении при Москве-реке. Дневник Ж.-Л. Лякорда и воспоминания Ж.-Б. Рикомы // *Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы*. М., 2007. С. 31–33); *Gardier L.* *Journal de la Campagne de Russie en 1812*. P., 1999; *Фосслер Г.* На войне под наполеоновским орлом. Дневник (1812–1814) и мемуары (1828–1829) вюртембергского обер-лейтенанта

обширная военно-оперативная документация⁶, среди которой исключительную ценность имеют немногие сохранившиеся рапорты различных чинов Великой армии о Бородинской битве⁷. Обширные сведения о производствах, назначениях и награждениях до и после

Генриха фон Фосслера. М., 2017; *Journal de marche et operations du 9e regiment de ligne* // Archives Nationales (далее – AN). AB XIX 3325. Dossier 4; etc.

⁵ *Bourgeois R.* Tableau de la campagne de Moscou en 1812. P., 1814; *Labaume E.* Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. P., 1814; *Larrey D.-J.* Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P., 1817. T. 4; *Rapp J.* Memoires. L., 1823; *Fain A.-J.-F.* Manuscrit de 1812. P., 1827. T. 1–2; *Bausset L.-F.-J.* Mémoires anecdotiques... Bruxelles, 1827. T. 2; *Dumas M.* Souvenirs. P., 1839. T. 3; *Denniée P.-P.* Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842; *Lejeune L.-F.* Souvenirs d'un officiers de l'Empire. P., 1850; *Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes. P., 1857. T. 2; *Fézensac M.* Souvenirs militaires. P., 1863; *Aubry Th.-J.* Souvenirs du 12-ème de chasseurs. P., 1889; *Pion des Loches A.-A.* Mes campagnes. P., 1889; *Dupuy V.* Souvenirs militaires. P., 1892; *Boulart J.-F.* Mémoires militaires. P., 1894; Le Manuscrit des carabiniers // *Revue de cavalerie*. Paris; Nancy, 1894; *Le Roy C.-F.-M.* Souvenirs // Mémoires de la Société Bourguignonne de geographic et d'histoire. Dijon, 1894. T. 29; *Seruzier T.-J.-J.* Mémoires militaires. P., 1894; *Planat de la Faye N.-L.* Vie de Planat de la Faye... P., 1895; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Souvenirs... P., 1899; *Dutheillet de Lamothe A.* Mémoires. Bruxelles, 1899; *Bellet de Kergorre A.* Un commissaire des guerres pendant le Premier Empire. P., 1899; *Dedem de Gelder.* Mémoires du général *Dedem de Gelder*. P., 1900; *Biot H.-F.* Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901; *Bertrand V.* Mémoires de capitaine Bertrand. Augers, 1909; *Griols L.* Mémoires du général Griols. P., 1909. T. 2; *Henckens J. L.* Mémoires. La Haye, 1910; *Teste F.-A.* Souvenirs // *Carnet de la Sabretache*. 1911; *Bro L.* Mémoires du général Bro. P., 1914; *Caulaincourt A.-A.-L.* Mémoires. P., 1933. T. 1; *Dumonceau F.* Mémoires. Bruxelles, 1958. T. 1–2; *Cheron A.* Mémoires ineditis sur la campagne de Russie. P... 2001 (русский перевод: *Попов А. И.* Мемуары о Бородинском сражении // *Воин*. № 10. С. 68–69); Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 132). М., 2002. С. 224–228; *Burkersroda.* Die Sachen in Rußland. Naumburg, 1846; *Meerheim F. L.A.* Erlebuiss eines Veteranen der Grossen Armee, während des Feldzuges in Rußland, 1812. Dresden, 1860; *Wedel C. A.W.* Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rußland 1812... Berlin, 1897; *Suckow K.* D'Iéna à Moscou. Fragments de ma vie. P., 1901; *Дневник поручика Фоссена* // *Русский архив* (далее – РА). 1903. № 11. С. 467–479; *Поос Г.* С Наполеоном в Россию. М., 1912; *Лоссберг.* Поход в Россию в 1812 г. // *Военно-исторический вестник*. 1912. Кн.1. Приложение; *Vossler H. A.* With Napoleon in Russia. 1812. L., 1969; *Фосслер Г.* Указ. соч.; *Tagebuch des Capitains Theodor von Papet über den Feldzug in Russland 1812* // <http://www.amg-fnz.de/quellen/papet/index.php?key=1> (русский пер.: *Хомченко С. Н.* Бородинское сражение в воспоминаниях К.-А. Гайзвайт ванн дер Неттена, капитана 11-го гусарского (голландского) полка Великой армии // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы*. Бородино, 2017. С. 101–110); *Chlapowski D.* Lettres sur les événements militaires en Pologne et en Lithuanie. P., 1832; *Soltyk R.* Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836; *Malachowski S.* Pamietniki. Poznań, 1885; *Kolaczowski K.* Wspomnienia. Kraków, 1898. T. 1; *Turno Ch.* Souvenirs d'un officier polonais (1811–1814) // *Szymanowski J., Turno Ch.* Souvenirs de deux généraux polonais au service de la France. P., 2001 (русский перевод: *Попов А. И.* Мемуары о Бородинском сражении... С. 68); *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912; *Bertolini B.* La mia prigionia. Racconto storico. Trieste, 1859 (2-е изд.: *Bertolini B.* La campagna di Russia. Milano, 1940); *Biaggi F.* Memorie di F. Baggi. Bologna, 1898. Vol. 1–2; *Pisani F.* Con Napoleone nella campagna di Russia. Memoria inedita di un ufficiale della Grande Armata. Milano, 1942; etc.

⁶ *Napoléon I.* Correspondance. T. 23–24; *Napoléon Bonaparte.* Op. cit.; *Margueron.* Campagne de Russie. P., 1898–1906. T. 1–4; *Fabry G.* Campagne de Russie (1812). P., 1900–1903. T. 1–5; *Chuquet A.* 1812; AN. F IV. 1649. Pl. 4; 1650; *Service historiques de la Défence* (далее – SHD). 2 С 131; 286–287; 290; 529; *Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 2. Бумаги, отбитые у противника*. СПб., 1903. Т. 1; и т. д.

⁷ *Рапорт Мюрата о действиях 5 сентября; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. Можайск, 9 сентября 1812 г.; Рапорт Е. Богарне о Бородинском сражении. Руза, 10 сентября 1812 г.; Рапорт Нея о Бородинском сражении. Возле Бородина, Можайская дорога, 9 сентября 1812 г.; Рапорт Понятовского о Бородинском сражении. Поле сражения, 10 часов вечера 7 сентября 1812 г. // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P. 125–139; Рапорт Жерара о Бородинском сражении // РГВИА. Ф.846. Д.3465. Ч.5.Л. 268 (далее цит. по: *Васильев А. А.* Комментарии к рапорту о сражении при Можайске // *Орел*. 1991. С. 15–17; исправленная версия: *Рапорт генерала Жерара* // *Император*. № 1. С. 20–27); Рапорт 57-го линейного полка; Рапорт 61-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; Рапорт сводных вольтижеров дивизии Компана. 6 сентября 1812 г.; Рапорт 111-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; Ведомость потерь 111-го линейного полка за 5 сентября, составленная 30 сентября 1812 г.; Записка генерала Компана о сражении за Шевардинский*

Бородинской битвы содержатся в трофейных бумагах Великой армии, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве и Российском государственном архиве древних актов⁸. В ряде российских и зарубежных архивов мы обнаружили обширные материалы французской разведки, которыми пользовалось наполеоновское командование, а также письма чинам Великой армии с родины⁹. Значительную роль сыграли для нас материалы французской периодической печати, в которых публиковались не только важные документы, касавшиеся Бородина, но и материалы, позволяющие понять процесс кристаллизации французской национальной памяти о сражении при Москве-реке¹⁰. При подсчете потерь Великой армии и при реконструкции социальных структур армии Наполеона 1812 г. немалую помощь оказали материалы военной статистики и военного законодательства¹¹. В целом мы попытались воспользоваться широким комплексом доступных источников, сделав основной упор на тех из них, которые помогают лучше услышать живой голос солдат Великой армии. Там же, где вопросы общего характера

редут. 5 сентября 1812 г.; Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября, составленный 1 октября 1812 г.; Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября; Записка генерала Компана о сражении 7 сентября // *Ternaux-Compans H.* Op. cit. P. 175–176, 184–185; 344–359; Рапорт полковника де Чюди о бое 5 сентября // *Voppe P.* Les Espagnols à la Grande Armée. Paris; Nancy, 1899. P. 147. Notel; Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка // *Chuquet A.* 1812. Sér.2.P.61; Рапорты вестфальского военного министра графа фон Хене королю Вестфалии Жерому о Бородинском сражении, 8 октября 1812 г. // Ibid. Sér.1.P.71–75; Рапорт генерала Тильмана королю Фридриху Августу о Бородинском сражении 11 сентября 1812 г. // *Le Journal de l'Empire.* 1812. 15 Oct. (русский пер.: Рапорт генерала Тильманна королю Фридриху Августу о Бородинском сражении // Воин. № 7. С. 46–47); Рапорт генерала Э. Груши Неаполитанскому королю о действиях 3-го кавалерийского корпуса в течение дня 7 сентября 1812 г. // SHD. 2C 287. F. 7–9 (русский пер.: *Земцов В. Н.* Бородинское сражение в малоизвестных рапортах генералов Великой армии // «Сей день пребудет...» Бородино 1812–2012: Материалы международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск, 2013. С. 211–213); Рапорт генерала М. Сокольниковского о допросе русских военнопленных, захваченных в сражении. Можайск, 10 сентября 1812 г. // *Le Moniteur universel.* 1812. 27 Sept. (русский пер.: *Земцов В. Н.* Бородинское сражение в малоизвестных рапортах... С. 213–215); Рапорт генерала Бельяра Бертье. Крымское, 11 сентября 1812 г. // SHD. 2C 286. F. 9; etc.

К рапортам можно условно отнести и ряд записок военачальников о действиях их частей или соединений: Записка генерала Дедема об участии его и его бригады (33-го линейного полка) в Бородинском сражении. Москва. 21 сентября 1812 г. // SHD. 2C 131; Записка о действиях полка Жозефа-Наполеона. 24 июня – 18 ноября 1812 г. полковника Чюди. Бромберг, 10 января 1813 г. // SHD. 1 M674; etc.

⁸ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3604–3606; РГАДА. Д.279.

⁹ РГАДА. Д.259, 266–270, 273–274, 278, 285; Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 155; Ф. 160. Оп. 1; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 961. Франция. F IV. № 160; РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588, 3605. Ч. 1–2; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия МИД. 1812–1813. Оп. 468 (далее – АВПРИ); Д. 1840, 1842; AN. AF IV. 1646 (I–II), 1657, 1706 (E)), Archives du Ministère des affaires étrangères (далее – AMAE). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie» vol. 147–154; Sous-série «Autriche». Vol. 391–392; Sous-série «Pologne». Vol. 326–330; Série «Mémoires et documents». Sous-série «Russie». Vol. 26, 32; Sous-série «Pologne». Vol. 28; SHD. 1 M 1486–1487, 1489; Hof-, Haus-und Staats-Archiv. Russland. 1811. Karton 38; Russland 1812. Karton 50; Kriegsarchiv. Serie AFA 1812. Karton 1520.

¹⁰ *Le Moniteur universel.* 1812; *Le Journal de l'Empire.* Важную роль в плане формирования первоначальных представлений французской и европейской публики о Бородинском сражении имели письма министра внешних сношений Франции Ю.-Б. Маре, находившегося тогда в Вильно и осуществлявшего своего рода пропагандистское прикрытие действий Великой армии (SHD. 2C 131).

¹¹ *Martinien A.* Liste des officiers généraux, tués ou blessés sous le Premier Empire de 1805 à 1815. P., 1895; Idem. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805–1815.P., 1899; Idem. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805–1815. Partie supplémentaire. P., 1909; Législation militaire ou Recueil methodique et raisonnée des Lois, Décrets, arrêtés, réglemens et instructions... / Par H. Berriot. Alexandrie, 1812. T. 1–4.

казались нам уже достаточно проясненными предшествующими авторами, мы считали возможным ограничиваться ссылками на их труды.

Целью нашей работы является создание многоплановой, своего рода «тотальной» истории Бородинского сражения применительно к всеевропейской армии Наполеона. Это, как мы надеемся, позволит более убедительно, чем делалось ранее, определить роль и место гигантской битвы в поражении Великой армии в России в 1812 г., а также в становлении и развитии национального самосознания ряда наций в XIX – начале XXI вв. Помимо решения этой, до известной степени, прикладной исторической задачи, мы попытались также апробировать собственный методологический подход, условно названный нами методом военной микроистории.

Автор благодарен всем тем, кто, так или иначе, оказал ему помощь и поддержку в работе над книгой. Прежде всего, хотелось бы отдать дань памяти моему учителю профессору И. Н. Чемпалову, чей энтузиазм ученого пробудил в свое время мой интерес к зарубежной истории. Я благодарен моим коллегам по историческому факультету Уральского государственного педагогического университета и исторического факультета Уральского государственного университета (Уральского федерального университета), поддержку которых я постоянно ощущал; сотрудникам Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Центрального исторического архива Москвы, Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Франции (г. Париж), Архива Исторической службы министерства обороны Франции (г. Париж), Дворцового, Домашнего и Государственного архива (г. Вена), Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского, Британской библиотеки (г. Лондон), Национальной библиотеки Уэльса (г. Аберистуит, Великобритания), библиотеки Уэльского университета Тринити – Сент-Дэвидс (г. Лампетер, Великобритания); моим российским коллегам А. И. Попову, В. М. Безотосному, А. А. Смирнову, А. А. Постниковой, Б. П. Миловидову, Е. Г. Болдиной, С. Н. Хомченко, Е. А. Назарян, А. В. Чудинову, О. С. Даниловой, В. П. Турусову, О. В. Соколову, А. А. Васильеву, А. М. Вальковичу, В. Н. Шиканову, друзьям по Екатеринбургскому военно-историческому клубу (в особенности А. М. Кручинину), с которыми мы много лет вместе бродили по Священному полю и сентябрьскими ночами смотрели в бородинское небо; сотрудникам Бородинского военно-исторического музея-заповедника (прежде всего, А. Д. Качаловой и А. В. Горбунову), чья самоотверженная преданность памяти предков сохраняет уникальный памятник ратной славы; зарубежным коллегам профессору К. Роббинсу, доктору П. Финни, другим преподавателям и сотрудникам Университета Уэльса в Лампетере, которые с пониманием отнеслись к моему увлечению необычной темой; безвременно ушедшим от нас, но часто мною вспоминаемым Д. Чандлеру и Ф. Бокуру; замечательным французским исследователям эпохи М.-П. Рей, Т. Ленцу и Ж.-О. Будону, историкам Э. Вовси (г. Таллахасси, США), Н. Робертсу (г. Норидж, Великобритания) и моему старому другу доктору В. М. Гобареву, оказавшим всю возможную поддержку; моей семье, проявлявшей многие годы терпение по отношению к моим военно-историческим увлечениям.

Глава 1

Историография темы, или ловушки национальной памяти

1812 год и грандиозная битва под Бородином стали важным импульсом к пробуждению и становлению национального духа многих народов. Русские, французы, немцы и поляки вот уже более 200 лет обращаются к образам этой великой битвы, интерпретируя память о ней в зависимости от переживаемых ими в тот или иной момент событий. Народы находили и находят в этой памяти то источник духовной стойкости, то примеры мужества и воинской чести, то факторы, формирующие чувство национальной общности, которое иногда

перерастало в национальное чванство или фобию. Все это предопределило вполне естественную «деформацию» при воспроизведении и интерпретации «национальными историографиями» событий и последствий Бородина. Нередко картина этого сражения приобретала освященный традицией набор образов и суждений, которые, будучи односторонними, искажали «подлинную» историческую реальность. Попытаемся выявить своего рода национальные историографические «коды» в освещении действий Великой армии в Бородинском сражении.

1.1. Битва при Москве-реке («французское» Бородино)

История о том, как формировался и видоизменялся в представлениях французских историков образ Бородинского сражения, замечательна. Ее можно было бы назвать «Историей об армии, написанной ею самой». Истоки ее уходят еще в те своеобразные чувства и ощущения, которые переживались французскими солдатами в незабываемый день 7 сентября¹² 1812 г. и сразу после него.

Еще не закончилась Бородинская битва, как в 3 часа пополудни начальник Главного штаба Великой армии маршал Л.-А. Бертье отправил министру внешних сношений Франции Г.-Б. Маре, герцогу Бассано, сообщение о выигранном сражении: «Его величество атаковал неприятеля в 5 часов утра. Он [неприятель] совершенно разбит. Сейчас 3 часа, враг полностью отходит, император его преследует. Напишите в Париж»¹³. Через три дня в Можайске Наполеон, не имея возможности из-за ларингита диктовать, собственноручно составил 18-й бюллетень Великой армии¹⁴. Наполеон попытался представить «битву при Москве-реке» как полную и решительную победу над русскими войсками. По утверждению бюллетеня, уже к 8 часам утра неприятель был сбит со всех позиций, и хотя после этого он еще пытался их возвратить, но всюду был отражен; к двум часам пополудни сражение фактически было закончено. Русские потери оценивались в 40–50 тыс., французские – в 10 тыс. «Не было подобного поля битвы, – гласил бюллетень, – из шести трупов один принадлежал французу, а 5 – русским». Хотя бюллетень и упоминал о 6 убитых французских генералах и 7 или 8 раненых, но потери среди русского генералитета оценивал в 40 человек; общее количество пленных – в 5 тыс.; количество захваченных орудий – в 60! Особо в бюллетене отмечались действия маршала М. Нея, командующего резервной кавалерией Неаполитанского короля И. Мюрата, дивизионного генерала О.-Ж.-Г. Коленкура, коменданта Главной квартиры Великой армии, и некоторых других. Только о дивизионном генерале Ю. А. Понятовском, командире 5-го (польского) армейского корпуса, было сказано, что он «сражался за леса с переменным успехом». В целом, по бюллетеню, битва должна была предстать как упорное сражение, которое, благодаря героизму солдат Великой армии и гению императора, оказалось решительно выиграно: русская армия полностью разбита, а дорога на Москву совершенно открыта. Похожие цифры своих и неприятельских потерь Наполеон называл и в письме 9 сентября, адресованном австрийскому императору Францу I¹⁵. Однако днем ранее, в письме к императрице Марии-Луизе, он говорил о 30 тыс. русских

¹² Все даты, за исключением особо указанных, даны по новому стилю.

¹³ Бертье – Маре. Поле боя у Можайска. 7 сентября после полудня 1812 г.// AN F IV. 1649. Pl. 4. F. 409; *Chuquet A. Lettres de 1812*. P. 11–12. 23 сентября, получив 22-го сообщение от Бассано, парижские газеты разместили новость о победоносном для Великой армии сражении на своих полосах (*Le Moniteur universel*. 1812. 23 Sept.; *Le Journal de l'Empire*. 1812. 23 Sept.).

¹⁴ *Dix-huitième bulletin // Bulletins officiels...* P. 99–104.

¹⁵ *Napoléon I. Correspondance*. T. 24. P. 206.

потерь и уклончиво («У меня было много убитых и раненых») – о своих¹⁶. Общие силы неприятеля перед сражением во всех трех документах оценивались Наполеоном в 120–130 тыс. человек. Конечно, эта картина сражения во многом была рассчитана на публику, как свою, так и европейскую. Сам Наполеон, отложив написание бюллетеня до 10 сентября¹⁷ и оставаясь в Можайске до 12-го, не исключал вероятности нового сражения, поскольку бой 7-го явно не принес ему решительной победы.

Большую активность в стремлении раструбить по всей Европе об абсолютной победе Наполеона под Бородином проявил Маре, находившийся в те дни в Вильно и занимавшийся не только устройством тыла, но и своего рода «пропагандистским прикрытием». Ряд сохранившихся писем, отправленных тогда Маре в европейские столицы и отдельным лицам, являют собой яркие примеры пропаганды тех лет¹⁸.

Однако было бы неверным утверждать, что все написанное в бюллетене было совершенной выдумкой хитроумного политика и полководца. Испытав 7 сентября сильнейшее напряжение, проявив величайшую доблесть и отбросив противника, солдаты Великой армии ощущали себя победителями. Впереди была Москва, которая ассоциировалась с почетным миром и завершением всех трудов и лишений. Из сохранившихся 93 писем, отправленных чинами Великой армии после сражения в сентябре 1812 г. (25 из них принадлежат маршалам и генералам, 52 – офицерам, 3 – чиновникам, 7 – рядовому составу, у авторов 12 писем чины и должности идентифицировать не удалось), ни в одном не было зафиксировано сомнений в одержанной победе, хотя авторы многих и признавали собственные большие потери¹⁹.

Последовавшие вскоре после Бородинского события (пожар Москвы, полное трагизма отступление из России, ожесточенная борьба в 1813–1814 гг. и реставрация Бурбонов) заставили французов на время отложить воспоминания о сражении при Москве-реке. Однако уже после первого отречения императора в 1814 г. в Париже стали выходить публикации о русской кампании, авторы которых писали и о Бородинском сражении²⁰. Наибольшее

¹⁶ The Letters of Napoleon to Marie-Louise. P. 67.

¹⁷ Другими причинами задержки с написанием бюллетеня были: болезнь Наполеона, огромное количество неотложных дел, отсутствие рапортов о сражении от корпусных начальников (только дивизионный генерал Ю. А. Понятовский написал рапорт прямо на поле боя уже вечером 7 сентября, в то время как, скажем, дивизионный генерал Е. Богарне, командир 4-го армейского корпуса, подписал написанный начальником штаба бригадным генералом А.-Ш. Гильемино рапорт только 10-го, находясь в Рузе).

¹⁸ Маре – К. Шварценбергу. Б.м., сентябрь 1812 г. // SHD. 2C 131. F. 44; Маре – К. Шварценбергу. Б.м., б. д. (?) // Ibidem; etc. 23 сентября в парижских газетах появились первые сообщения о битве под Бородином. «Журналь д'Ампис» поместил следующее сообщение, прибывшее явно от Маре: «Париж, 22 сентября. Выдержки из письма из Вильно, датированного 12 сентября. Император дал сражение русской армии 7 сентября у Можайска. Его величество атаковал в 5 часов утра. Неприятель полностью разбит и совершенно расстроен. В 3 часа дня Его величество энергично преследует неприятельскую армию». И далее, от имени некоего информатора: «Такова новость, которая доставлена к нам курьером, отправленным с поля битвы 7 сентября. В тот момент, когда я запечатываю мое письмо, со всех сторон раздаются пушечные выстрелы, звонят все колокола города, и я оставляю перо, дабы присутствовать на благодарственной службе, которая идет в соборе» (Journal de l'Empire. 1812. 23 Sept.).

Во многих городах Франции было произведено 100 орудийных выстрелов по случаю победы при Москве-реке (См., например: Наполеон – Кларку. Можайск, 10 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31706. P. 1090; Телеграфная депеша из Парижа от военного министра в Анвер (Амстердам), 27 сентября 1812 г., 2 ¾ после полудня // SHD. C2 131).

¹⁹ РГАДА. Д.268. Л. 68–72, 77, 80, 150 –151об.; Д.267. Л. 25 –26об.; Д.241. Л. 1; Д.245. Л. 1–2; Д.246. Л. 7; Д.260. Л. 1 –1об.; РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92. Л. 70 –70об.; ОР РГБ. Ф.41. К.165. Ед. 25. Л. 1–4; *Chuquet A. Lettres de 1812*. P. 24–25, 26–30.

²⁰ *Bourgeois R.* Op. cit.; *Durdent R. J.* Campagne de Moscou, en 1812. P., 1814.

внимание привлекла брошюра Р. Ж. Дюрдана, новообращенного роялиста, которого русский историк А. М. Васютинский точно охарактеризовал как «художника-неудачника, маленького мастера на все руки, поэта, романиста и, при случае, историка, – если хорошо заплатит издатель...»²¹. За развязностью опытного фельетониста отчетливо проступала полная невежественность автора в военных вопросах. Первая попытка критически оценить действия Наполеона в битве под Бородином была явно неудачной.

Гораздо более аргументированная критика прозвучала из уст участника сражения Луи-Эжена-Антуана Лабома (1783–1849), бывшего в те дни инженером-капитаном в штабе 4-го корпуса вице-короля Италии Е. Богарне. Его повествование выходило за рамки обычных воспоминаний, и перед читателем впервые предстала панорамная картина Бородинского сражения, проникнутая трагизмом происходившего. Основываясь почти исключительно на своих воспоминаниях и записях, которые он делал во время похода, Лабом все же смог показать, как важно было для Великой армии заставить русских принять сражение, разгромить их и войти в Москву. Особенно подробно в книге были представлены действия 4-го корпуса, с приложением карты сражения, составленной на основе набросков, которые Лабом сделал накануне и после битвы. Автор не пытался дать глубокий анализ хода и результатов сражения, но страницы, ему посвященные, были проникнуты суровым трагизмом бесполезности великих жертв французской армии²². Работа Лабома, написанная в атмосфере поиска новых политических и нравственных ориентиров, быстро завоевала популярность. Даже Наполеон, изгнанный на о. Св. Елены, не избежал знакомства с нею. Его ближайшее окружение и он сам восприняли книгу как «очередной пасквиль». Но бывший император, тем не менее, заявил в связи с появлением книги Лабома, что факты, которые историки все же вынуждены признавать, несмотря на свои декларации, очевидны: русские сами сожгли Москву, в то время как французы выходили победителями из всех сражений²³.

В 1815 г. от имени несломленных бонапартистов выступил барон Фредерик-Франсуа Гиойом де Водонкур (1772–1845), в 1812 г. бригадный генерал, командир бригады 15-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса²⁴. Его книга вышла в Лондоне на французском языке. Генерал, пережив все перипетии кампании 1812 г., побывав в русском плену, что сделало его убежденным русофобом, сохранил веру в величие императора и французского солдата. Пожалуй, он был первым, кто попытался представить систематизированное изложение русской кампании. Избегая скоропалительных выводов по Бородинскому сражению, Водонкур сделал попытку выяснить численность войск, их размещение, передвижения и потери. Однако ограниченность документальной базы заставила его следовать, чаще всего, за 18-м бюллетенем, внося, правда, серьезные коррективы. Так, численность русских потерь он снизил до 30 тыс., а французские потери увеличил до 20 тыс.

²¹ *Васютинский А. М.* Отечественная война во французской исторической литературе // Отечественная война и русское общество (далее – ОВиРО). М., 1912. Т. 7. С. 282.

²² *Labaume E.* Relation circonstanciée... Книга Лабома выдержала множество изданий на французском, до десятка на английском и несколько на других языках, в том числе даже на испанском, датском и шведском! Далее цит. по англ. изд.: *Labaume E.* A circumstantial narrative of the Campaign in Russia. L., 1814. В том же духе, что и Лабом, осуждая авантюризм Наполеона, писал в те годы о Русском походе и Бородинском сражении аббат де Прадт, наполеоновский посланник в Варшаве: *Pradt D.* Histoire de l'ambassade dans le Grand duché de Varsovie en 1812. P., 1815. P. 187–188.

²³ *Las Cases A.-E.-D.-M.* Mémorial de Sainte-Hélène par le Comte de Las Cases suivi de Napoléon dans l'exile par MM. O'Méara et Antomarchi... P., s. a. T. 1. P. 730 (запись от 19 июня 1816 г.).

²⁴ *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.* Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. L., 1815. T. 1–2.

человек. Во 2-й части своей работы генерал поместил карту сражения, правда, достаточно спорную.

Постепенно стала расширяться документальная база, необходимая для описания Бородинского сражения. В 1817 г. публикует свои мемуары главный хирург французской армии Доминик-Жан Ларрей (1766–1842), человек большого сердца и большого таланта, великий гуманист наполеоновской эпохи. Значительную часть 4-го тома воспоминаний он посвятил 1812 г. и десятка два страниц – Бородинскому сражению²⁵. Не предлагая собственных оценок ходу военных действий, Ларрей, тем не менее, описал катастрофическое состояние санитарной службы Великой армии, что было обусловлено, как можно было понять, большими стратегическими просчетами наполеоновского командования. В результате изнурительной погони за русской армией ради генерального сражения французские войска оказались к его началу чрезвычайно измотанными. Ларрей сделал все возможное перед сражением для того, чтобы обеспечить раненых медицинской помощью, но ресурсы оказались просто ничтожными. Большинство раненных при Бородине солдат Великой армии так и не смогли снова встать в строй. Ларрей сопроводил 4-й том воспоминаний картой, позволявшей представить систему медицинской помощи в ходе сражения.

Почти одновременно с мемуарами главного хирурга в Париже вышли основательно отредактированные перед изданием письма интенданта Луи-Гийома Пюибюска о войне в России. Они подтверждали, что уже накануне генерального сражения Великая армия оказалась в критическом положении в связи с недостатком средств, а после сражения эта ситуация ухудшилась до катастрофической, в особенности в кавалерии²⁶.

В год смерти великого императора, в 1821 г., были переизданы бюллетени Великой армии; вместе с ними оказались опубликованными рапорты Мюрата, Нея, Богарне и Понятовского о битве при Москве-реке²⁷. И все же большая часть материалов о походе в Россию еще хранилась в архивах. Военный министр Франции в 1821–1823 гг., маршал К.-Ф. Виктор, понимая важность обобщения опыта русской кампании, предоставил возможность полковнику маркизу Жоржу де Шамбрэ (1783–1848), участнику похода в Россию (в те дни капитану гвардейской конной артиллерии, попавшему при Березине в русский плен), работать с документами архива военного министерства. В 1823 г. вышло первое издание его замечательной работы «История экспедиции в Россию»²⁸. Книга оказалась в значительной степени свободной от разного рода идеологических воздействий национального, личностного и иного характера. Тон ее был сдержанным, оценки скупы, но доказательны. Именно в таком ключе автор подошел и к описанию Бородинского сражения.

Необходимость догнать и уничтожить русскую армию заставила Наполеона решиться на уникальный, как полагал Шамбрэ, в истории современных войн стремительный марш на Москву²⁹. Этот марш с неизбежностью «принял характер варварского вторжения», когда местность совершенно разорвалась передовыми частями французской армии, обрекая всех

²⁵ Larrey D.-J. Op. cit.

²⁶ [Puibuisque L.-G.] Lettres sur la guerre de Russie en 1812. P., 1816 (2-е изд. было в 1817 г.). Русский перевод: Пюибюск. Письма о войне в России 1812 г. М., 1833.

²⁷ Bulletins officiels... P. 125–136. В 1812 г. большая часть рапортов была опубликована в: Le Moniteur universel. 1812. 2 Nov.; Le Journal de l'Empire. 1812. 3 Nov.

²⁸ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. Т. 1–2. Второе и третье парижские изд. были в 1825 и 1838 гг. Все последующие ссылки на последнее 3-томное изд.

²⁹ Chambray G. Op. cit. Т. 2. Р. 24.

остальных на голод и болезни. Перекличка 2 сентября в Гжатске, накануне генерального сражения, показала, что у Наполеона могло быть в строю не более 133 819 человек. Данные переклички, которые приводил автор, включали и тех, кто должен был присоединиться к главным силам в течение пяти дней. Но, как замечал Шамбрэ, успели подойти далеко не все³⁰. Настигнув русскую армию 5 сентября, Наполеон немедленно атаковал Шевардинский редут, являвшийся, по мнению Шамбрэ, опорным пунктом левого русского фланга и мешавший французской армии развернуться. Захватив редут, император стал действовать более осторожно, опасаясь, что русские могут вновь продолжить свое отступление. Это же обстоятельство предопределило и общий план генеральной битвы. Проанализировав приказы, отданные Наполеоном 6 сентября, автор представил этот план таким образом: император, отклонив свой левый фланг, сосредоточил усилия на взятии «трех редутов», что позволило бы «столкнуть» русских до Московской дороги и отсечь им путь к отступлению; большая часть армии М. И. Кутузова должна была оказаться зажатой в угол между р. Колочью и р. Москвой³¹.

Пытаясь оценить соотношение сил перед битвой, Шамбрэ отметил превосходство французской армии в тяжелой кавалерии и то, что пехота состояла в основном из опытных, закаленных солдат; у русских же, наоборот, было много новобранцев. Но французская артиллерия уступала по численности русской (587 против более 600 орудий)³². Результат битвы Шамбрэ оценил как недостаточно полный успех французской армии. Причины этого он видел в нерешительности Наполеона в день сражения, что, в свою очередь, объяснял досаждавшим императору насморком. Во время поворотного момента в сражении, когда русские «флеши» были взяты и надо было бросать в бой гвардию, Наполеон промедлил половину часа и упустил шанс добиться полной победы: «...запаздывание оказало огромное влияние на весь ход сражения, а затем и на судьбу Наполеона». Русские успели укрепиться впереди д. Семеновское, а рейд их кавалерии, несмотря на относительно слабый успех, задержал французскую атаку на «большой редут»³³. В целом же Шамбрэ весьма высоко оценивал боеспособность многонациональной наполеоновской армии при Бородине, полагая это следствием «прекрасного военного устройства и методов ведения войны». Книга Шамбрэ должна была вывести французскую историческую науку в изучении Бородинского сражения на новый уровень, предполагавший опору на строгий документальный материал и сознательный уход от предвзятых оценок.

Но именно в это время в полную силу зазвучал голос бывшего узника Св. Елены, покойного императора Наполеона. В 1822 г. Гаспар Гурго (1783–1852), ординарец Наполеона в 1812 г., и Шарль-Тристан Монтолон (1783–1853), не менее известный наполеоновский генерал, бывшие с императором на Св. Елене, начали публиковать его воспоминания³⁴. В 1823 г. вышли восемь томов знаменитого «Мемориала» О.-Э.-Д.-М. Лас Каза, также представлявшие собой «устные мемуары» Наполеона³⁵. Великий император, находясь в

³⁰ Ibid. P. 33, 246. Note 11.

³¹ Ibid. P. 57.

³² Ibid. P. 61.

³³ Ibid. P. 65–66, 69.

³⁴ *Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagés sa captivité.* P., 1822–1825. T. 1–8.

³⁵ *Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de St. – Hélène.* P., 1823. T. 1–2. Далее цит. по изд.: *Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène.* P., s. a. T. 1–2.

заточении, как выразилась королева Гортензия, «с изощренным кокетством хорошего драматурга» «аранжировал свою жизнь, свою защиту и свою славу»³⁶. Не придумывая факты, но искусно их истолковывая, Наполеон создавал легенду о себе самом, вновь включаясь тем самым «в развитие истории»³⁷. Располагая по кампании 1812 г. весьма скудным документальным материалом (главным образом, комплектом бюллетеней Великой армии), Наполеон, тем не менее, понимал, что для создания достоверной легенды следовало убедительно опровергнуть заявления своих противников, которые уже касались темы 1812 г. Первым тезисом Наполеона было стремление представить поход на Россию общеевропейским делом, во многом являвшимся борьбой с «казацкой» опасностью и которое должно было завершиться в случае успеха созданием процветающей европейской системы³⁸. «Если бы я вышел победителем России в 1812 г., проблема мира на сотню лет была бы решена...» – заявил он ночью 17 апреля 1821 г., накануне своей смерти, пытаясь успеть продиктовать Монтолону свои главные мысли³⁹. Причину неудачи Русского похода Наполеон связал исключительно с варварством русских, сжегших свою столицу, и с морозами⁴⁰. Дикость, соединенная с природной стихией, – вот что оказалось сильнее Наполеона, но не русская армия. И в этой связи было важно представить Бородино абсолютной победой французов и их полководца. «Разумеется, русская кампания, – рассуждал он 25 октября 1816 г., – наиболее славная, наиболее трудная и наиболее почетная для галлов из тех, о которых упоминает древняя и новая история». «Затем, – продолжает запись Лас Каз, – император отдал справедливость и великую дань, расточая похвалы нашим генералам и нашим героям, Мюрату, Нею, Понятовскому, которые стали героями дня битвы при Москве-реке, славным кирасирам, которые захватывали редуты, порубив канониров своими палашами; храбрым артиллеристам, которые с полной решимостью боролись не на жизнь, а на смерть с численно превосходившим неприятелем, и этим неустрашимым пехотинцам, которые в наиболее критический момент, вселяя в себя храбрость, кричали своему командиру: будь покоен, твои солдаты обречены сегодня победить, и они победили, и т. д., и т. д.»⁴¹. Год спустя Наполеон рисовал картину Бородинской битвы уже в совершенно фантастическом духе: «...я атаковал с 80 тысячами русскую армию, которая была в 250 тысяч и вооруженную до зубов, и полностью разгромил. Семьдесят тысяч русских остались на поле боя. Они [русские] имели неосторожность сказать всем, что выиграли баталию, в то время как я маршировал на Москву»⁴². Наполеон говорил о Бородинском сражении как о своей победе еще не раз – 27 января 1817 г., 19 июня 1816 г. и т. д. Правда, только однажды,

³⁶ Цит. по: *Собуль А.* Герой, легенда и история // Французский ежегодник. 1969. М., 1971. С. 234.

³⁷ О методах работы Наполеона над историческими сочинениями см.: *Gonnard Ph.* Les origines de la légende napoléonienne. Р., 1906; *Собуль А.* Указ. соч. С. 233–254.

³⁸ *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 1. Р. 165 (запись от 6 ноября 1815 г.), Р. 454 (запись от 18 июня 1816 г.), Р. 457 (запись от 28 апреля 1816 г.); Т. 2. Р. 143–144 (запись от 24 августа 1816 г.), Р. 391 (запись от 6 ноября 1816 г.); *O'Méara.* Napoléon dans l'exil // *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 2. Р. 639 (запись от 14 февраля 1816 г.); *Montholon.* Histoire de la captivité de St.Hélène. Bruxelles, 1846. Т. 2. Р. 97–98 (запись от 17 апреля 1821 г.).

³⁹ *Montholon.* Op. cit. Р. 97–98.

⁴⁰ *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 2. Р. 143–144 (запись от 24 августа 1816 г.), Р. 342 (запись от 25 октября 1816 г.); *O'Méara.* Op. cit. Р. 697–698 (запись от 10 октября 1817 г.); *Montholon.* Op. cit. Р. 180, 228.

⁴¹ *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 2. Р. 340.

⁴² *O'Méara.* Op. cit. Р. 698 (запись от 10 октября 1817 г.).

28 августа 1816 г., из его уст проскользнула фраза, выдававшая подлинную оценку Наполеоном Бородинской битвы. Битва «при Москве-реке, – заявил он, – была битвой, где проявлено наиболее доблести и достигнуты наименьшие результаты»⁴³. Хотя некоторые историки, особенно русские, обратили на эту фразу позже особое внимание, но для французских читателей «Мемориала» (таких, как стендалевский Жюльен Сорель) и других канонических произведений, связанных с о. Св. Елены, это было не главным. Бородино стало яркой победой Франции, доказавшей, что французов смогло победить только варварство русских, спаливших свою столицу, и природные стихии Севера. Против этого даже гений Наполеона оказался бессилён.

Одновременно с началом публикаций «устных воспоминаний» Наполеона, в 1824 г. вышла двухтомная книга графа Филиппа-Поля де Сегюра (1780–1873) «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.»⁴⁴. Сын дипломата и историка, бывшего посла в Петербурге, а в годы Первой империи – обер-церемониймейстера и сенатора, Филипп-Поль не был обделен писательским даром. Если к этому добавить полную событиями жизнь (он, к примеру, попал во время «польского похода» в русский плен и был доставлен в Москву), близость к императору в 1812 г. (в чине бригадного генерала он стал главным квартирмейстером Главной квартиры Наполеона), а также вынужденный уход со службы после второй реставрации и неудовлетворенное честолюбие, то можно понять импульсы, толкнувшие Сегюра к созданию знаменитой книги. Этим литературно-историческим творением бывший наполеоновский генерал надеялся снискать лавры великого писателя и знатока человеческих душ, чье бессмертное полотно затмило бы славу самого Наполеона. «...Великих историков, – писал он, – рождают великие люди, и поэтому они реже встречаются, чем герои!» Но эта напыщенность, соединенная нередко с искусственной драматизацией событий, составила только одну из черт его произведения. Сегюр фактически одним из первых обратился к человеческой и психологической сторонам в разработке темы Наполеона и Бородинского сражения. «...Я думаю, – писал он, – что ничто не может считаться мелочью в этом великом гении, в этих гигантских деяниях, без которых мы не познали бы, до чего может дойти сила, слава и несчастье человека!» Сегюр попытался показать, хотя и не всегда убедительно, как мучительно принимал Наполеон решение о движении на Москву в погоне за русской армией и как быстрота этого движения приводила к расстройству войск и к столкновениям характеров и темпераментов среди французского генералитета (например, между маршалом Л.-Н. Даву и Мюратом).

Численность войск под Бородином Сегюр определял приблизительно: и с той и с другой стороны по 120 тыс. человек и примерно по 600 орудий. Размышляя о преимуществах русских войск, он отметил естественную защиту местности, «единство мундира» и единство идеи людей, защищавших свою Родину; но сказал он и о многочисленных новобранцах и ополченцах, что ослабляло русскую армию. И наоборот, пестрота мундиров Великой армии компенсировалась наличием большого числа опытных солдат. Значительно выше оценивал Сегюр и моральные качества французского солдата по сравнению с русским. О последнем он отзывался весьма высокомерно и уничижительно, полагая, что в русской армии все

⁴³ Так как Н. А. Троицкий в свое время оспорил общепринятый перевод этой фразы, утверждая, что следует переводить ее начало как «Битва при Москве-реке была *одной из тех* битв...» (Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 178), приведем дословную запись Лас Каза от 28 августа 1816 г.: «Celle de la Moskowa, disait-il, était une celles où l'on avait déployé le plus de mérite et obtenu le moins de resultants» (Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 2. P. 166).

⁴⁴ *Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824. T. 1–2.* Книга Сегюра переиздавалась, по крайней мере, более 30 раз во Франции, не менее полутора раз на немецком, более 10 раз на английском и других языках. Существующие русские переводы, к сожалению, очень слабые и неполные: Сегюр Ф. П. Бородинское сражение. Киев, 1901; Его же. Поход на Москву в 1812 г. М., 1911; Его же. Поход в Россию. М., 1916; и др.

покойлось только на слепой, невежественной вере крепостного солдата в своего Бога и своих господ-угнетателей.

Особое внимание Сегюр заострил на самочувствии Наполеона накануне и в день сражения. Вследствие простуды и обострения мочеиспускательной болезни император проявил 7 сентября «ленивую мягкость, лишенную всякой энергии»; «все окружающие с изумлением смотрели на него». Вслед за Шамбрэ Сегюр обратился и к вопросу об отказе Наполеона послать в огонь гвардию, чтобы завершить битву полной победой. Эта тема проходила через все страницы, посвященные Бородинскому сражению. Автор отметил полную истощенность французской армии к вечеру 7-го. На следующий день «до полудня армия оставалась в бездействии или, вернее, можно было подумать, что армии больше не было, и оставался один авангард...». Количество русских пленных Сегюр полагал менее чем в 800 человек. Не поднимая вопроса о русских потерях, французские он определил цифрой около 40 тыс. В целом Сегюр попытался более или менее последовательно проследить ход великой битвы, отдавая, правда, предпочтение красочным эпизодам и предвзято расставляя акценты в угоду драматизации событий.

Не было ничего удивительного в том, что книга Сегюра встретила неоднозначную оценку у современников. Многие из тех приверженцев покойного императора, которые продолжали обожествлять его образ и не могли или не хотели приспособливаться к новым реалиям бурбоновской Франции, отнеслись к творению Сегюра как к предательству. Особенно неистовствовал темпераментный Гурго, который немедленно написал отповедь клеветнику и уже на следующий год издал собственную книгу «Наполеон и Великая армия в России, или Критический разбор работы г-на графа Ф. де Сегюра»⁴⁵. По мнению Гурго, Сегюр написал только эффектную мелодраму, спекулируя на потребности современного ему общества к сильным ощущениям ради кресла академика. Гурго стремился во что бы то ни стало опровергнуть все, что Сегюр написал, – и об императоре, и о событиях Бородинского сражения. Оспаривая Сегюра, Гурго не хотел упустить ни одной детали, которая, по его мнению, искажала истину. Бородинская битва, по Гурго, была не просто выиграна Наполеоном, но выиграна блестяще, следствием чего и стало занятие русской столицы французской армией. Гурго полагал, что план императора, сводившийся фактически к фронтальной атаке русских позиций, был единственно правильным, так как при попытке их глубокого обхода (тем более ночью и без проводников) Кутузов мог бы отойти и вновь избежать генерального сражения. Наполеон и накануне, и в день битвы демонстрировал кипучую энергию. Это в значительной степени и обусловило победу французского оружия. Его болезни обострились только в Можайске, но и там император продолжал интенсивно работать. Гурго решительно отверг обвинения Сегюра в том, что император отказался использовать гвардию: во-первых, Молодая гвардия была использована для сохранения поля боя, а во-вторых, ее атака могла бы и не иметь решающего результата и привела бы к расстройству главного резерва. По Гурго, невозможно было действовать при Бородине более разумно, чем действовал Наполеон.

Сегюр счел публикацию Гурго оскорбительной, своего рода обвинением в лживости. Обмен письмами между ними в конечном итоге привел к дуэли, закончившейся ранением Сегюра⁴⁶. К этому столкновению двух бывших наполеоновских генералов на «исторической

⁴⁵ *Gourgaud G.* Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. P., 1825. Более 10 раз книга Гурго издавалась на французском и множество раз на других языках.

⁴⁶ Конфликт между Сегюром и Гурго сослужил историкам великую службу. Сегюр, пытаясь подтвердить свои тезисы о болезни Наполеона накануне, в день и после Бородинского сражения, обратился ко многим остававшимся в живых участникам Русского похода. Многие из них, в том числе бывшие адъютанты императора Ж.А.Б.Л. Лористон, Ж. Мутон, главный интендант Великой армии М. Дюма, государственный секретарь П.А.Н.Б. Дарю, личный врач покойного императора Э. О. Метивьер и другие лица, наблюдавшие императора в сентябре 1812 г., представили Сегюру свои письменные свидетельства о состоянии здоровья Наполеона в те дни. Эти свидетельства в числе 35 до сих пор до конца не введены в научный оборот (AN 36 AP

почве» участники похода в Россию отнеслись по-разному, но особого резонанса оно не произвело. Многие, зная неуживчивый характер Гурго, восприняли скептически и его книгу. Ж.-Ж.-Ж. Пеле, в 1812 г. бывший штабным полковником, к примеру, отметил, что он вообще не считает генерала Гурго «в числе историков кампании», так как «уже одно название его сочинения указывает на его свойство и цель»⁴⁷. Интересно, что Пеле предоставлял свои материалы о кампании 1812 г. как Сегюру, который, правда, ими совершенно не воспользовался, так и Гурго. Последний взял из материалов Пеле некоторые подробности о Бородинском сражении⁴⁸.

Вместе с тем этот первый спор о Бородинском сражении, который его участники попытались столь «ненаучно» разрешить, сыграл большую роль. Он рельефно обозначил основные вопросы «бородинской темы» (результаты сражения; степень и характер влияния Наполеона как главнокомандующего на ход битвы; роль, которую сыграл отказ использовать гвардию, и др.). Как Сегюр, так и Гурго сделали известными для исторической науки и читателя целый ряд частных событий и деталей сражения.

В 1827 г. опубликовал свой труд другой участник похода, барон Агатон-Жан-Франсуа Фэн (1778–1837). В 1812 г. этот маленький ростом, удивительно исполнительный и точный человек был секретарем-архивистом личного кабинета Наполеона и поэтому мог поведать о многом. Работа его, названная «Рукопись 1812 г.»⁴⁹, в действительности была исследованием, сделанным как на основе собственных воспоминаний и сохранившихся бумаг, так и на базе опубликованных к тому времени материалов: 18-го бюллетеня, воспоминаний Наполеона, Ларрея, книг Сегюра и Гурго. Пожалуй, Фэн был первым среди французов, кто воспользовался «Военной историей кампании в России» русского полковника Д. П. Бутурлина, вышедшей впервые на французском языке в 1824 г.⁵⁰ Характерной особенностью книги Фэна, 2-й том которой начинался с событий Бородинского сражения, было стремление к максимальной фактологической точности. Автор, ссылаясь на используемые материалы, избегал того, чтобы делать собственные выводы и оценки. И все же его отношение к Бородину просматривалось. Силы сторон он оценивал как равные, в 120–130 тыс. человек, при том, что русские пользовались всеми преимуществами местности. План атаки Наполеон разработал с учетом опасности отхода русских войск в случае попытки французов обойти их позиции. Сам император был деятелен, как накануне, так и в ходе самого сражения; он «видел все, и заботился обо всем». Однако ряд инцидентов в самом начале сражения (к примеру, выход из строя многих начальников в войсках Л. Н. Даву), наряду с упорным сопротивлением неприятеля, создал для французских войск серьезные затруднения. Героическими усилиями затруднения были преодолены, сражение выиграно, хотя и с серьезными потерями (потери французов Фэн оценил в 22 тыс. человек, выбывших из строя). «Рукопись» Фэна была высоко оценена современниками (сам К.В.Л. Меттерних отзывался о нем, как о добросовестном и хорошем историке) и последующими исследователями 1812 г. Наибольшую ценность в его работе имели личные наблюдения и те коррективы, которые он попытался сделать в отношении трудов предшествовавших ему авторов.

1).

⁴⁷ Пеле Ж. Бородинское сражение // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1872. Кн. 1. М., 1872. С. 56. Примеч. 2.

⁴⁸ Там же. С. 59. Примеч. 7.

⁴⁹ Fain A.-J.-F. Op. cit.

⁵⁰ Boutourlin D. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. P., 1824.

Определенное воздействие на французскую историографию имели и мемуары Луи-Франсуа-Жозефа Боссе, префекта императорского двора, того самого, который привез Наполеону 6 сентября портрет его сына⁵¹. Имея возможность наблюдать за поведением императора в день сражения, Боссе мог авторитетно утверждать о недостаточном воздействии главнокомандующего на ход сражения, которое хотя и было выиграно, но с большими потерями.

Почти одновременно с Фэном и Боссе публикует свой четырехтомный труд знаменитый Антуан-Анри Жомини (1779–1869)⁵². Будучи в 1812 г. начальником исторической секции в Главном штабе Великой армии, некоторое время военным губернатором Вильно, а затем Смоленска, он не участвовал в Бородинском сражении. Однако, располагая достаточными материалами, в том числе уже вышедшими к тому времени работами, Жомини попытался обозначить место Бородинского сражения в общей стратегии Наполеона. Император, вторгаясь в Россию, не имел четко определенного плана. После неудачных попыток дать генеральное сражение у Витебска и Смоленска Наполеон, исходя во многом из политических соображений, уже не мог остановиться, не принудив русских к миру. Кроме того, «моральный дух ее [армии] и самый состав, из двадцати разноплеменных народов, требовали, чтобы я поддерживал ее деятельность наступлением...» – так передал Жомини размышления Наполеона⁵³. Численность обеих армий была одинакова – от 125 до 130 тыс. с каждой стороны, но у французов было тысяч 15 старых ветеранов, между тем как у русских было такое же число ополченцев и казаков⁵⁴.

Позже, пытаясь систематизировать типы боевых порядков Наполеона, Жомини отнес замысел Бородинского сражения к так называемому «штурмовому порядку с колоннами одновременно в центре и на одном из крыльев». По его мнению, «атака в центр со вспомогательной атакой крыла, обходящего неприятеля, мешает последнему... обрушиться на фланг атакующего. Неприятельское крыло, сжатое между атакующим центром и крылом противной стороны, которому приходится, таким образом, сражаться почти со всей наступающей массой, по всей вероятности, будет подавлено и разгромлено»⁵⁵. Что касается предложения Даву обойти русских крупными силами, то оно было неприемлемо, так как «русские могли отойти». Однако с самого начала сражения случилась целая цепь частных сбоев в реализации плана (от задержки войск Даву и Нея по овладению «флешами», досадного запаздывания с переброской корпуса Жюно в стык между частями Даву и Понятовского, до отсутствия скоординированности хода атаки дивизией Морана «большого редута» с развитием событий на южном фланге). Свою лепту в срыв плана внесла и атака русской кавалерией северного крыла⁵⁶. Удар гвардией, как писал Жомини от имени Наполеона, мог бы «быть очень выгоден, но отказ мой нельзя считать ошибкой. Неприятель показал еще довольно твердости». Остановившись на вопросе о болезни императора в день сражения, Жомини отверг утверждение о ее заметной роли на исход битвы. Причина

⁵¹ Bausset L.-F.-J. Op. cit.

⁵² Jomini A.-H. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui meme au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. P., 1827. Т. 1–4. Русский перевод: Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Ч. 1–5. Далее цит. по 2-й части 3-го русского изд. 1844 г.

⁵³ Жомини А. Политическая и военная... С. 281.

⁵⁴ Там же. С. 290.

⁵⁵ Жомини А. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2. С. 18.

⁵⁶ Жомини А. Политическая и военная... С. 291, 293–296.

осторожности Наполеона была в другом: «Победа, как бы она ни была несовершенна, – говорил Жомини устами Наполеона, – должна была отворить мне врата Москвы. Как только мы овладели позицией левого фланга, я был уже уверен, что неприятель оставит поле сражения в продолжение ночи. Для чего же было добровольно подвергаться опасным последствиям новой Полтавы?»⁵⁷. Общие потери обеих сторон автор оценивал в 80 тыс. В целом, испытав на себе некоторое влияние появлявшейся русской историографии, Жомини усилил традицию «жесткого реализма», существовавшую со времени Шамбрэ во французской историографии.

В близком ключе была написана и обширная статья генерала Жана-Жака-Жермена Пеле-Клозо (1777–1858), в 1812 г. штабного полковника, состоявшего при штабе помощника начальника Главного штаба по пехоте генерал-адъютанта Ж. Мутона, графа Лобо⁵⁸. Пожалуй, это было наиболее взвешенное, глубокое и убедительное описание «сражения при Москве-реке», вышедшее из-под пера участника великой битвы. Пеле не просто был очевидцем многих эпизодов сражения, но и имел прямое отношение к работе Главного штаба и передвижениям французских войск. Еще в ходе кампании он успел составить точный журнал событий при Бородине, который, к несчастью, потерял под Красным, но в начале 1813 г. по памяти его вновь восстановил.

Наполеон, ставя своею целью разбить русскую армию в генеральном сражении и двигаясь к Москве, вынудил тем самым русских принять баталию. Силы французской и русской армий Пеле оценивал как, в целом, равные, но внутреннее состояние французских войск ставил заметно выше противника. Французские войска, по словам автора, отличались инициативностью, храбростью и превосходной организацией, в то время как русский солдат, хотя и стойкий, и сражавшийся за свою Родину, характеризовался «храбростью бездейственной» и «страдальческим повиновением». Во время Шевардинского боя Наполеон, как считал Пеле, был введен в заблуждение неточными картами и не понял «странного расположения» русской армии, думая, что войска генерала А. И. Горчакова, составлявшие шевардинскую группировку, только прикрывали арьергард генерала П. П. Коновницына. Если бы император имел возможность понять истинное предназначение Шевардинского редута как опоры русского левого фланга, полагал автор, то это имело бы для русских «гибельные последствия»⁵⁹.

Подробно описав поле сражения, Пеле пришел к выводу, что Наполеон не имел возможности понять назначение правого русского фланга, располагавшегося севернее Московской дороги, и счел, что дает «почти фронтальное сражение» армии М. И. Кутузова. Пеле, в целом согласившись с мнением Шамбрэ о сути наполеоновского плана сражения, отметил, что французские войска действовали против русских «концентрически», не распыляя при своем продвижении наступающие колонны и артиллерию, а, наоборот, сближая их друг с другом, как бы усиливая свой фронт и нанося большой урон неприятелю. Автор приложил к тексту неплохую карту, обозначив на ней главную директрису движения французской армии и линию (или фронт) сражения по отношению к главной коммуникационной линии – Большой Московской дороге. Карта наглядно демонстрировала главные преимущества в развертывании французских войск и недостатки в расположении русских. Пеле считал, что отнюдь не искусство главнокомандующего Кутузова, а самоотверженность русских генералов и «непоколебимая храбрость солдат спасли Россию».

⁵⁷ Жомини А. Политическая и военная... С. 299–301.

⁵⁸ *Pélet J.-J.-J. Bataille de la Moskowa // Spectateur militaire. Т. 8. 1829. Р. 112–158.* Русский перевод, ранее указанный, выполнен вполне сносно. Далее цит. по русскому переводу. Материалы, связанные с работой Пеле над этой публикацией, см.: SHD. 1 М 673.

⁵⁹ Пеле Ж. Указ. соч. С. 59.

Подробно осветив ход боя за Семеновские высоты, автор попытался понять, почему героические усилия Даву и Нея не завершились окончательным успехом. Не возлагая ни на кого из французского командования персональной ответственности за это (за исключением Понятовского, да и то косвенным образом), Пеле показал обусловленность патовой ситуации объективными обстоятельствами, проистекавшими из сложности руководства боем и из случайных моментов⁶⁰. Блестящий захват батареи Раевского – центра русских позиций, на который после падения Семеновских укреплений опирался левый фланг неприятеля, также не привел к полной победе: оставались горкинские укрепления, обеспечившие отход русской армии. Наполеон, как признал Пеле, «был не очень доволен следствиями сражения». Пленных почти не было. Французская армия «была утомлена таким продолжительным и упорным сражением». Ссылаясь на Ларрея, Пеле предположил французские потери в 21–22 тыс. человек, а русские (вслед за Д. П. Бутурлиным) в 50 тыс.⁶¹ Основную вину за проигранное русской армией сражение автор возложил на Кутузова. Действия Наполеона, хотя и не лишенные ошибок, он оценил достаточно высоко, в том числе и решение не посылать гвардию в огонь. Текст статьи Пеле сопровождал великолепными приложениями, состоявшими из приказов на сражение, карты и данных переключки французской армии на 2 сентября.

Приближались 30-е годы XIX века. Заканчивалась эпоха Реставрации, столь много давшая для развития исторической мысли. Тема русской кампании пока еще не привлекла внимание великих историков того времени – О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф.-О. Минье и Л.-А. Тьера. Минье и Тьер обратятся к ней позже. Пока же события наполеоновских походов только становились историей, и дискутировали о Бородинском сражении главным образом его непосредственные участники. Нередко в зависимости от того, как именно сложилась их судьба в годы Реставрации, они фактически разделились на две группы: последовательных критиков Наполеона и его апологетов. Единственным исключением, пожалуй, можно считать Шамбрэ, работа которого имела целью решение прикладной задачи: извлечь практические выводы для Военного министерства.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. стали уходить из жизни многие ветераны Наполеоновских войн, свидетели и участники кампании 1812 г. В 1830 г. умер маршал Л. Гувион Сен-Сир (1764–1830), находившийся с 1819 г. в отставке и занимавшийся вплоть до своей смерти сельским хозяйством и написанием мемуаров. Вышедшие в 1831 г. его воспоминания⁶², казалось, не могли внести чего-то нового в изучение Бородинского сражения, тем более что, сражаясь у Полоцка, он не был участником великой битвы. Однако суждения покойного маршала оказались не лишены интереса. Имея огромный военный опыт и анализируя материалы о Бородинской битве, он пришел к однозначному выводу, «что под Можайском во французских атаках не было точности и в особенности связи, что могло сообщить им только деятельное участие главнокомандующего». Хотя русские отступили, «но они не были разбиты». Потери русской армии «почти вознаграждались потерями Наполеона; и на стороне русских было то огромное преимущество, что беспрестанно получаемые ими подкрепления должны были вскоре изгладить следы их [потерь], между тем пустота, открывшаяся в наших рядах, не пополнялась». Сен-Сир пришел к мнению, что единственным способом разбить русскую армию при Бородине, а тем самым и вынудить Александра I к миру, было введение в бой гвардии, чего Наполеон сделать так и не решился.

⁶⁰ Там же. С. 78–79.

⁶¹ В русском переводе (С. 90) опечатка: вместо «97» тыс. русских убитых следует читать «9».

⁶² *Gouvion Saint-Cyr L. Mémoires*. P., 1831. Т. 1–4. Русский перевод четырех страниц 3-го тома (Р. 267–270), касавшихся Бородинского сражения, помещен в приложении к русскому изд. Пеле (С. 109–111). Мемуарам Сен-Сира предшествовала публикация более краткого дневника: *Gouvion Saint-Cyr L. Journal*. P., 1821.

Через 11 лет после смерти Армана-Огюстена-Луи де Коленкура, герцога Виченцкого (1773–1827), обер-шталмейстера императора во время Русского похода, вышли его воспоминания⁶³. Как и можно было предполагать, воспоминания Коленкура не только сделали известными многие детали Бородинской битвы, но и вообще вышли за рамки собственно воспоминаний, став своего рода исследованием о событиях 1812 г. По уверению Коленкура, Наполеон был убежден, что его продвижение к Москве с неизбежностью заставит русскую армию принять сражение. Император полагал, что в своем стремлении «угодить дворянству» новый русский главнокомандующий Кутузов будет вынужден принять бой, проиграет его, а это, в свою очередь, даст возможность Александру I пойти на мирные переговоры с Наполеоном, «избежав упреков и порицаний со стороны русских вельмож». Опасаясь отхода русской армии, император решился на фронтальный бой, что обусловило нерешительные результаты сражения. Особую роль в этом сыграл отказ от использования гвардии, что, впрочем, Коленкур и не осуждал, и не одобрял. «Эти успехи без пленных, без трофеев, – писал Коленкур об императоре, – не удовлетворяли его». Говоря о катастрофическом состоянии французской армии после сражения, Коленкур дал понять, что Наполеон не достиг своей цели и что взятие Москвы без разгрома русской армии было обесценено. Особое внимание при описании Бородинского сражения Коленкур конечно же уделил героической смерти своего брата Огюста-Жана-Габриэля, дивизионного генерала и коменданта Главной квартиры императора, овладевшего, по мнению автора, Курганной высотой.

В 1839 г. были опубликованы воспоминания Матье Дюма (1753–1837), генерал-интенданта Великой армии, в которых автор еще раз подтверждал отсутствие обычной активности у императора в день сражения; несмотря на очевидную необходимость перемен в первоначальной диспозиции в ходе боя, Наполеон этого так и не сделал⁶⁴.

В 1842 г. увидели свет воспоминания бывшего субинспектора смотров в кабинете начальника Главного штаба Великой армии барона Пьера-Поля Деннье (1781–1848)⁶⁵. Его свидетельства и размышления о Бородинской битве, но особенно цифры потерь, которые он приводил, сыграли заметную роль в зарубежной историографии великого сражения. Не претендуя на глубокий анализ хода сражения, Деннье остановился на поведении Наполеона в те дни, отметив его кипучую деятельность 5 и 6 сентября: «Он видел все, он предвидел все, он был всюду как в самые прекрасные дни своей славы». Однако 7 сентября Наполеон с раннего утра страдал от сильной головной боли, и его влияние на ход битвы оказалось более скромным, чем ожидалось. Численность русских войск Деннье оценивал в 162 тыс. человек, а французских – не более чем в 140 тыс. Деннье был первым, кто во французской историографии попытался не произвольно, но на основе документальных материалов оценить потери Великой армии. Он привел цифры рапорта, сделанного им на основе данных начальников корпусных штабов в Москве и представленного начальнику Главного штаба маршалу Бертье (вероятно, 21 сентября): 49 выбывших из строя генералов (из них 10 убитыми), 37 выбывших из строя полковников (10 убитыми), 6547 офицеров, унтер-офицеров и солдат убитыми и 21 453 ранеными. Бертье, получив эти цифры, приказал

⁶³ *Caulaincourt A.-A.-L. Souvenirs du duc de Vicence. Bruxelles, 1838. Т. 1–2. Более полное изд., сопровождавшееся хорошими примечаниями, среди которых помещены выдержки из «Дорожного дневника» Коленкура, вышло в 1933 г.: Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. Основное русское изд.: Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. Далее цит. по 2-му французскому изд. 1933 г. или по указанному русскому изд.*

⁶⁴ *Dumas M. Op. cit.*

⁶⁵ *Dennée P.-P. Op. cit.*

Денные держать их в секрете⁶⁶. Одновременно Денные представил Бертье список убитых и раненых 5 и 7 сентября 1812 г. генералов и полковников⁶⁷, который, как нам совершенно очевидно, был недостаточно точным. Так, дивизионный генерал Л.-П.-Э. Шастель, командир 3-й дивизии легкой кавалерии, который фигурирует среди убитых, не был даже ранен, значившийся в списке бригадный генерал 1-й дивизии 1-го пехотного корпуса П.-Г. Грасьен был ранен не под Москвой, а под Смоленском, полковник 12-го линейного полка 3-й дивизии того же корпуса Ж.-М. Тулуз был смертельно ранен еще под Валутиной горой и т. д. Это заставляет нас признать данные Денные недостаточно точными и нуждающимися в проверке.

Денные представил также интересные цифры из рапорта командующего артиллерией дивизионного генерала Ж.-А. Бастона де Ларибуазьера: в день 7 сентября было выпущено 60 тыс. снарядов и истрачено 1 млн 400 тыс. ружейных зарядов⁶⁸. Русские потери Денные оценивал в 50 тыс. человек.

На фоне той литературы о Наполеоне, которая выходила во Франции в 40-е гг. XIX в., книга Денные выглядела явным исключением из правил. Еще с конца 30-х гг. июльская монархия, готовясь к переносу праха Наполеона во Францию, стала активно пропагандировать культ покойного императора. Огромными тиражами выходили воспоминания Наполеона, мемуары о нем и его времени. Французские беллетристы рьяно взялись писать книги о Наполеоне. К примеру, Александр Дюма, издавший в 1840 г. биографию императора, посвятил в ней немало страниц описанию Бородинского сражения⁶⁹. Картина получилась явно компилятивной (были использованы 18-й бюллетень, работы Гурго, Сегюра, Жомини, воспоминания генерала Ж. Раппа), но еще раз упрочившей в представлении французов расхожие сюжеты о «смертоносном редуте», подвиге Коленкура и пр.⁷⁰

Как правило, литература тех лет о Наполеоне сопровождалась многочисленными иллюстрациями, нередко талантливо исполненными (скажем, Ж.Л.И. Беланже или О. С. Шарлем), но неизменно рассчитанными на широкую публику и создававшими сказочно-зримый для народа облик эпохи Первой империи. В потоке этой литературы Бородинское сражение почти неизменно описывалось в духе наполеоновской легенды. В качестве характерного примера исторических работ, явно подпавших под влияние этой «наполеоновской волны», упомянем книгу Эмиля-Марко де Сент-Илера, бывшего пажа при императорском дворе, второй том которой повествовал о Бородинском сражении⁷¹. Отсутствие критического анализа событий, слабое введение в научный оборот новых источников и односторонний отбор прежних были ее характерными чертами. Начавшая

⁶⁶ Ibid. P. 80. Note 1.

⁶⁷ Ibid. P. 186–188.

⁶⁸ Ibid. P. 80. Note 1. Ниже мы еще остановимся на проверке этих цифр.

⁶⁹ *Dumas A. Napoléon. P., 1840. P. 172–194.*

⁷⁰ В 1858 г. А. Дюма побывает на Бородинском поле и заметно обогатит свои «хрестоматийные» сведения живыми впечатлениями (*Дюма А. Путевые впечатления в России // Дюма А. Собр. соч.: В 3 тт. М., 1993. Т. 3. С. 63–82*). До Дюма французские беллетристы уже не раз обращались к теме Бородина, например, П. Мериме, напечатавший в 1829 г. (*Revue Française. 1829. № 11*) рассказ «Взятие редута» и талантливо передавший чувство солдатского фатализма. Мериме описал взятие Шевардинского редута, явно домыслив многие обстоятельства дела.

⁷¹ *Saint-Hilaire E.-M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. P., 1846. Т. 2. Переизданная в 2003 г. А. Пижааром книга Сент-Илера сопровождается рядом новых документов.*

выходить в 1845 г. многотомная «История Консульства и Империи» Луи-Адольфа Тьера (1797–1877) первоначально также укладывалась в рамки раздуваемого культа императора.

Диссонансом среди книг, вышедших из-под пера профессиональных историков, звучали работы Жюль Мишле, полагавшего время Консульства и Империи «маленькой историей». Позже Мишле, остановившись на Бородинской битве, напишет, что Наполеон, так долго желавший сражения, выказал себя перед Москвой колеблющимся и нерешительным. «Победа его была неполная, он очень мало воспользовался ею, не преследовал ослабленных русских, как того хотели Мюрат и другие»⁷².

Наступившие 1850-е годы, а вместе с ними и эпоха Второй империи еще более усилили интерес к Наполеоновским войнам и русской кампании. В 1853 г. выходит работа Ф. Шапюи, а в 1855 г. – генерала Пьера Бертезена (1775–1847)⁷³. Если работа первого автора была достаточно беглой, то труд второго оказался не лишенным интереса. Работа Бертезена, опубликованная его сыном, представляла воспоминания по названию и историческое исследование по существу. Опираясь на опубликованные материалы, используя документы и карты военного депо и, конечно, свой опыт (в 1812 г. он был бригадным генералом в дивизии Молодой гвардии А.-Ф. Делаборда; он не участвовал в Бородинском сражении, но хорошо мог представить, что произошло во время боя), Бертезен попытался показать общую картину битвы. Наиболее интересными были его рассуждения о потерях французской армии. Он полагал их равными примерно 22 600 человек, так как, исходя из собственного опыта, знал, что командиры частей, не желая подавать рапорты о солдатах, которые по тем или иным причинам оказались вне полков, нередко указывали потери большими, чем они были в действительности. Автор считал, что в Москве армию догнали примерно 4–5 тыс. солдат, внесенных в рапорты как выбывшие из строя⁷⁴.

В 1856 г. вышел 14-й том «Истории Консульства и Империи» Тьера, посвященный русской кампании⁷⁵. Хотя труд Тьера и носил характер «официальной» истории, но не был лишен и критических элементов. Многие деятели и писатели Второй империи, «не смея нападать на третьего Наполеона, старались дискредитировать первого»⁷⁶. Наиболее последовательным в этом отношении оказался П. Ланфрэ в «Истории Наполеона I»⁷⁷. Тьер, с одной стороны, давал отпор этим нападкам, но, с другой стороны, не мог их не учитывать. Хотя работа Тьера была издана фактически, без каких-либо ссылок на источники, было очевидным, что автор основательно с ними познакомился, в том числе и с рядом неопубликованных документов. Однако сильная сторона книги была до известной степени обесценена слишком вольной интерпретацией событий в угоду яркости изложения и остросюжетности. Более того, Тьер не затруднял себя сопоставлением и проверкой фактов, однозначно решая вопрос выбора в пользу занимательности. Говоря о подготовке Наполеона к генеральному сражению, Тьер целиком опирался на выводы своих предшественников (Шамбрэ и др.), соглашаясь с ними и высоко оценивая план императора. Численность сил он

⁷² Мишле Ж. История XIX века. СПб., 1884. Т. 3. С. 291.

⁷³ Chapuis F. Bataille de la Moskowa // Bibliothèque historique et militaire. P., 1853. Т. 7; Berthezène P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P., 1855. Т. 2.

⁷⁴ Berthezène P. Op. cit. P. 54–55. Note 1.

⁷⁵ Thiers L.-A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Т. 14.

⁷⁶ Собуль А. Указ. соч. С. 235.

⁷⁷ Мы пользовались 2-м изд. Ланфрэ, вышедшим позже и в котором описание кампании 1812 г. содержится в 6-м томе: Lanfrey P. Histoire de Napoléon I. 2-ème éd. P., 1875. Т. 6.

определял в 127 тыс. у французов, «одушевленных верой и необыкновенным жаром», и в 140 тыс. у русских, включая 20 тыс. иррегулярных войск⁷⁸. Само сражение Тьер постарался описать подробно, однако при этом почти не пытаясь анализировать его ход. Следуя за многими предшественниками, он сетовал на слабую активность Наполеона в день сражения из-за простуды и на отказ последнего от решительного использования гвардии. Впрочем, это решение императора, который во что бы то ни стало хотел сохранить последний резерв в 8 сотнях лье от Франции, Тьер воспринял как свидетельство ошибочности самого Русского похода. Результаты битвы автор оценил как победу, но «не абсолютно полную»; потери – в 20–21 тыс. выбывших из строя у французов (из них 9 –10 тыс. убитыми) и 60 тыс. у русских⁷⁹. Пожалуй, единственным по-настоящему новым моментом в работе Тьера была попытка возложить часть ответственности за ограниченный успех сражения на Богарне, который в нужный момент не проявил «горячей активности» и не поддержал генерала Ш.-О. Бонами, захватившего Курганную высоту.

Последний тезис почти немедленно был оспорен в работе А. Дю Касса, опубликовавшего корреспонденцию Богарне и снабдившего ее своими собственными комментариями⁸⁰. Дю Касс пытался защитить Богарне от нападков Тьера, указывая на то, что принцу Евгению пришлось действовать в изоляции от основной армии, испытывая сильнейшее давление русских, в том числе кавалерии Ф. П. Уварова и М. И. Платова. В целом действия вице-короля Италии автор оценивал высоко. Что же касалось опубликованных Дю Кассом документов, то они представляли собой в основном письма от Бертье к принцу Евгению накануне и сразу после сражения и не повлияли на прежние представления исследователей о битве.

Наиболее последовательным ответом на критику Русского похода Наполеона стала в те годы публикация корреспонденции императора. 23-й и 24-й тома, посвященные кампании 1812 г., вышли в 1868 г.⁸¹ Составителям этого издания, трудившимся над ним по распоряжению Наполеона III, удалось поместить материалы, проливавшие некоторый свет на место генерального сражения в общем стратегическом замысле императора и освещавшие деятельную и многостороннюю подготовку к битве. Документы в целом подтверждали версию о стремлении Наполеона уничтожить русскую армию в генеральном сражении. В итоге, нагнав русскую армию только у Москвы, Наполеон, однако, не исключал и неблагоприятного для себя исхода сражения. Эта мудрая предусмотрительность, возможно, и повлияла на отказ от использования значительной части гвардии в ходе генеральной баталии. Непосредственно по Бородинскому сражению в «Корреспонденции» Наполеона было помещено только два документа (общая диспозиция и воззвание), которые уже были известны исследователям.

Среди литературы, выходившей в годы Второй империи и затрагивавшей русскую кампанию 1812 г., большой интерес представляли воспоминания Пьера Пельпора, полковника, командира 18-го линейного полка 3-го корпуса Нея⁸². Как и многие его предшественники, Пельпор в мемуарах предпринял попытку исторического исследования войны 1812 г., обратившись к ранее вышедшим работам (Шамбрэ, Фэна, Сегюра и др.). Не скрывая доли презрения к «темным и суеверным москвитам», Пельпор, тем не менее,

⁷⁸ *Thiers L.-A.* Op. cit. P. 313, 315.

⁷⁹ *Ibid.* P. 348–349.

⁸⁰ [*Du Casse A.*] Op. cit.

⁸¹ *Napoléon I. Correspondance.* T. 23–24.

⁸² *Pelleport P.* Op. cit.

повествуя о почти полном истощении 3-го армейского корпуса к концу сражения, отдал должное их стойкости. Он особо остановился на отказе от использования гвардии, полностью оправдывая это решение и подчеркивая, что даже такие соперники, как Сегюр и Гурго, были вынуждены разделить мысль о рискованности для французов остаться без последнего резерва. Было довольно и того, подчеркивал Пельпор, что Молодая гвардия охраняла захваченное поле битвы, а гвардейская артиллерия вела огонь. В целом же победа, «столь дорого купленная, была нерешительной; она нас огорчила!» – восклицал автор. Французские потери он давал по Деннье (примерно 28 тыс.), русские оценивал в 50 тыс.⁸³

Те же цифры (и тоже явно по Деннье) называл Раймон Эмери-Филипп-Жозеф де Монтескье, герцог (в 1812 г. барон) Фезенсак (1784–1867), служивший в чине начальника эскадрона у Бертье, а после Бородина ставший командиром 4-го линейного полка 3-го корпуса Нея. В 1863 г. он, пользуясь интересом публики к истории Первой империи, выпустил полный вариант своих воспоминаний⁸⁴. Бородинское сражение было описано Фезенсаком на основе компиляции материалов предшественников. Однако совершенно новой и неожиданной была оценка им состояния французской армии после боя. Приняв 12 сентября 4-й линейный полк, Фезенсак, ранее наблюдавший армию только из штаба, обнаружил истинное положение дел. «С первого дня я был поражен вымотанностью войск и их малой численностью. В штабах ценили только результаты, не думая, чего они стоили, и они [штабные] реально не знали состояния армии; но приняв командование полком, я... узнал истинную степень несчастья»; «никогда еще мы не несли столь тяжкие потери; никогда еще моральное состояние армии не было столь поколеблено». Войско походило на армию, «потерпевшую поражение, это было тем более странно после решительного боя, победа в котором открывала для нас ворота Москвы»⁸⁵. Впрочем, оценки Фезенсака, которые он подтверждал цифрами по своему полку и 25-й пехотной дивизии, не привлекли особого внимания французских исследователей.

Полезной в плане уточнения деталей хода Бородинского сражения оказалась биография генерала Луи Фриана, написанная и изданная в 1857 г. его сыном, также участником сражения, Жаном-Франсуа (1790–1867), бывшим в 1812 г. капитаном и адъютантом отца. Особый интерес вызывали те страницы, которые были посвящены борьбе за д. Семеновское⁸⁶. В целом в годы Второй империи, несмотря на заметную идеализацию императора и Великой армии в Бородинском сражении, французская историография смогла несколько расширить круг используемых источников и подтвердила тезис о нерешительных результатах Бородинского сражения.

Несмотря на сокрушительное поражение Франции в войне с Пруссией в 1870–1871 гг. и крах Второй империи, французы в конце XIX в. сохраняли стойкий интерес к наполеоновской тематике и войне 1812 г. Но интерес этот приобрел новые черты.

Во-первых, начался массовый выход в свет материалов малоизвестных участников событий офицерского и даже сержантского состава. Были опубликованы воспоминания капитана Ж.-М.-Ф. Жиро де л'Эна (1789–1874), адъютанта генерала Ж.-М. Дессэ, добавившие много интересного к представлениям о действиях 1-го армейского корпуса; переведены на французский язык мемуары Генриха фон Брандта (1789–1868), капитана 2-го пехотного полка Легиона Вислы, поведавшие об участии Молодой гвардии в бою за батарею

⁸³ Ibid. P. 28. Note.

⁸⁴ *Fézensac M.* Souvenirs militaires. P., 1863. Краткий вариант мемуаров: *Journal de la campagne de Russie en 1812.* P., 1849. Далее цит. по: *Fézensac M.* The Russian Campaign, 1812. Athens, 1970.

⁸⁵ *Fézensac M.* Op. cit. P. 39.

⁸⁶ *Friant J.-F.* La vie militaire du lieutenant-général comte Friant. P., 1857.

Раевского. Изданы мемуары Антуана-Огюстена-Флавьена Пион де Лоша (1770–1819), капитана гвардейской пешей артиллерии, повествовавшие об участии гвардейской артиллерии в сражении 7 сентября; воспоминания Даниэля-Жан-Жака-Виктора Дюпюи (1777–1857), капитана 7-го гусарского полка, адъютанта бригадного генерала Ш.-К. Жакино, командира 3-й легкой кавалерийской бригады 1-го кавалерийского корпуса, и старшего вахмистра 2-го кирасирского полка того же корпуса О. Тириона (1787–1869), добавившие новые сведения о 1-м кавалерийском корпусе Э.-М.-А. Нансути. Опубликованы воспоминания Жана-Франсуа Булара (1776–1843), майора гвардейской артиллерии, наблюдавшего Бородинское сражение с позиций, расположенных недалеко от командного пункта Наполеона; мемуары полковника Жана-Теодора-Жозефа Серюзье (1769–1825), начальника артиллерии 2-го кавалерийского корпуса, отличавшиеся бравурно-задиристым стилем и гиперболизацией его, Серюзье, участия в сражении, но, тем не менее, оказавшиеся чрезвычайно полезными; цельное повествование о действиях 1-го и 2-го карабинерных полков, принимавших участие в кавалерийском сражении к востоку от батареи Раевского, составленное на основе воспоминаний многих офицеров; мемуары майора Клода-Франсуа-Мадлена Ле Руа (1767–1851), состоявшего в начале сражения при штабе Даву, а затем заменившего выбывшего из строя второго майора 85-го линейного полка (имея реальное представление о состоянии французской пехоты после боя, он нарисовал удручающую картину измотанной потерями Великой армии). Журнал капитана Экпри-Виктора-Элизабет-Бонифация Каstellана, адъютанта генерал-адъютанта Л. Нарбонна, оказался интересен во многих отношениях; журнал капитана Луи-Фларимона Фантена дез Одоарда (1778–1866), капитана 2-го полка гвардейских пеших гренадеров, добавил материал о настроениях солдат императорской гвардии; воспоминания лейтенанта Николя-Луи Плана де ла Фэ, адъютанта командующего артиллерией генерала Ларибуазьера, продиктованные еще в 1835 г., но долгое время не публиковавшиеся, дали некоторые сведения о действиях французской артиллерии; в мемуарах сержанта-велита полка фузелеров-гренадеров гвардии Адриена-Жана-Батиста-Франсуа Бургоня (1785–1867) и воспоминаниях Луи-Жозефа Вьонне де Марингоне (1769–1834), начальника батальона того же полка, были переданы настроения офицеров Молодой гвардии; в мемуарах Обэна Дютейе де Ламота (1791–1851), су-лейтенанта 57-го линейного полка дивизии Компана корпуса Даву, уточнены детали участия 5-й пехотной дивизии в Бородинском сражении. Воспоминания Александра Бело де Кергора (1784–1840), военного комиссара 2-го класса, представляли взгляд интендантского чиновника на битву; были не лишены интереса и мемуары Клода-Франсуа Меневаля (1778–1850), секретаря портфеля в кабинете Наполеона, в которых затрагивался вопрос о здоровье и деятельности главнокомандующего французской армией накануне, в день и после Бородина⁸⁷.

Прежний интерес, сосредоточенный почти исключительно на гигантской фигуре Наполеона и фигурах видных военачальников, начал постепенно сменяться вниманием к простым офицерам и солдатам. Выход в конце XIX в. многочисленных полковых историй⁸⁸,

⁸⁷ *Girod de l'Ain*. Dix ans de mes souvenirs militaires. P., 1873 (мы воспользовались отрывками из этого изд., опубликованными в: *Bertin G*. La campagne de 1812 d'après des temoins oculaires. P., 1895); *Brandt H*. Souvenirs d'un officiers polonais. P., 1877; *Pion des Loches A.-A.* Op. cit.; *Thirion (de Metz) A.* Souvenirs militaires. 1807–1818. P., 1892 (русское изд.: [Колубакин Б.М.] 1812 год. Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года. СПб., 1912); *Dupuy V.* Op. cit.; *Boulart J.-F.* Op. cit.; *Seruzier T.-J.-J.* Op. cit.; *Le Manuscrit des carabiniers*; *Le Roy C.-F.-M.* Op. cit.; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit.; *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit.; *Planat de la Faye N.-L.* Op. cit.; *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Mémoires du sergent Bourgogne. P., 1896 (первое, более краткое изд., было в 1857 г.; далее цит. по парижскому изд. 1900 г. или по изд. 1979 г.: *The memoirs of Sergeant Bourgogne*. 1812–1813. London; Melbourne; New York, 1979); *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit.; *Dutheil de Lamothe A.* Op. cit.; *Bellot de Kergorrec A.* Op. cit.; *Méneval C.-F.* Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon... P., 1894 (мы использовали английское изд.: *Memoirs to serve for the History of Napoleon I. L.*, 1894. Vol. 3).

⁸⁸ См., например: *Arvers P.* Histoire du 82-e Régiment d'infanterie de ligne et du 7-e Régiment d'infanterie

которые чаще всего основывались на общеизвестных опубликованных материалах, был отражением той же тенденции. Французы, как нация, которую постигла трагедия, искали духовную опору в своей великой истории, причем в истории не только великих полководцев и больших политиков, но и всего народа. Память о сражении при Москве-реке теперь оказалась, с одной стороны, «оплодотворена» образами простых офицеров и солдат Франции, наполнена человеческой теплотой и стала более близкой и подлинно национальной, но, с другой стороны, не могла не избежать еще большей мифологизации. Вообще, французские историки на протяжении тридцати последних лет XIX в., несмотря на появление новых материалов, даже не попытались сформировать, хотя бы частично, обновленный взгляд на сражение при Москве-реке. Из собственно исторических работ можно упомянуть только биографию генерала Ж.-М. Дессэ, написанную Жозефом Дессэ и Андре Фолье, где на основе воспоминаний Жиро де л'Эна уточнялась роль 4-й пехотной дивизии в сражении, и две книги П. Боппа об участии в битве полка Жозефа-Наполеона и 1-го хорватского полка⁸⁹.

Во-вторых, французская историография Бородине стала утрачивать свою антирусскую, «антиварварскую» заостренность. Для Франции начался поиск стратегического союзника, которым в те годы могла стать только Россия. Новая международная ситуация заставляла французов подвергнуть образы своей исторической памяти заметной корректировке. Особенно показательными в этой связи стали работы Альфреда-Николя Рамбо (1842–1905), известного специалиста по русской истории, преподававшего тогда в Нанси, и профессора Леоне Пинго из Безансона⁹⁰. Рамбо попытался понять динамику француско-русских отношений, показав как противоречия, ведущие к долговременной ожесточенности, так и факторы, сближающие оба народа. Подчеркнув, что французский дух определенно является частью духовной русской жизни (особенно в среде средних и высших слоев), автор указал на такую общую их черту, как стремление к созданию легенд о своем прошлом⁹¹. Стремясь лучше понять суть ощущений обоих народов в 1812 г., Рамбо не преминул посетить Бородинское поле. При этом, повествуя о надписях, выбитых на бородинских памятниках, которые были призваны увековечить русские мифы, автор считал своим долгом их опровергнуть, особенно те, которые касались количества потерь сторон. Реальные потери составили, по его мнению, 28–30 тыс. бойцов Великой армии и до 58 тыс. у русских⁹². Вместе с тем, не находя сил бороться с образами своей памяти, Рамбо воспроизвел все те сюжеты и легенды, которые в представлении француза были неизменно связаны с Бородином (героическую гибель О.-Ж.-Г. Коленкура, великолепную храбрость И. Мюрата и пр.). В похожем ключе была выдержана и книга Пинго. Бородино, по его мнению, должно было стать не только символом противоречий и борьбы двух народов, но и той частью истории, которая их сближает.

légère. 1684–1876. P., 1876; *Martimprey*. Historique du 9-e Régiment de cuirassiers. Paris; Nancy, 1888; *Lassus*. Historique du 11-e Régiment de hussards. Valence, 1890; *Bouchard S*. Histoire du 28-e Régiment de dragons. P., 1893.

⁸⁹ *Dessaix J., Folliet A*. Le général Dessaix. Sa vie politique et militaire. Chambéry; Paris; Genève, 1879; *Boppe P*. Les Espagnols...; Idem. La Croatie militaire. Les regiments Croates à la Grande Armée. Paris; Nancy, 1900.

⁹⁰ *Rambaud A*. Français et Russes. Moscou et Sébastopol. 1812–1854. P., 187; *Pingaud L*. Les français en Russie et les russes en France. P., 1886. Российский читатель хорошо знаком с главой, написанной Рамбо о Бородинском сражении в «Истории XIX века»: История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. 2-е изд. М., 1938. Т. 2. С. 262–265.

⁹¹ *Rambaud A*. Op. cit. P. III–XXI.

⁹² Ibid. P. 152–155. Рамбо приводил русские потери по М. И. Богдановичу, указывая, что из 58 тыс. 10 тыс. были отбившимися от своих частей солдатами.

Завершался XIX в. выходом в свет солидного труда известного статиста французской армии Аристида Мартиньена, собравшего исключительные сведения о потерях среди офицерского состава наполеоновской армии в 1805–1815 гг.⁹³ Распределив потери по дням сражений и по полкам, Мартиньен дал возможность представить интенсивность ведения боевых действий каждой частью в ходе Бородинского сражения. Несмотря на бесспорную ценность этих сведений, труд Мартиньена все же не повлиял на разрешение вопроса о том, каковы были точные потери французских войск 5–7 сентября 1812 г. Французские исследователи, к удивлению, весьма редко обращались к этим бесценным материалам.

Заметный интерес во Франции к русской кампании сохранялся вплоть до Первой мировой войны. Этот интерес проявлялся не только со стороны писателей и историков, но и со стороны военных кругов. Примером тому служило издание пяти массивных томов документов, осуществленное военным архивистом лейтенантом 101-го полка Жозефом-Габриэлем-Андре Фабри в 1900–1903 гг.⁹⁴ Эти материалы должны были стать полезными при анализе проведения крупных стратегических операций. Правда, документов, касавшихся непосредственно Бородинского сражения, там оказалось немного. Документальная база продолжала расширяться и за счет других документальных публикаций, осуществленных в начале XX в. генералом Дерекэ⁹⁵, историком Артюром Шюке⁹⁶, потомком генерала Ж.-Д. Компана А. Терно-Компаном⁹⁷ и др.

Но еще более мощным потоком стали выходить в свет воспоминания, дневники и письма французских участников событий. Они выходили один за другим: в 1900 г. были изданы мемуары Антуана-Бодуэна-Жибера ван Дедема ван дер Гельдера (1774–1825), командира бригады 2-й пехотной дивизии Фриана 1-го армейского корпуса, поведавшего много интересного об участии 33-го линейного полка и всей дивизии в Бородинском сражении; через год – воспоминания лейтенанта Юбера-Франсуа Био (1778–1842), адъютанта кавалерийского генерала К.-П. Пажоля; через три года – полный текст журнала Шарля Франсуа (1777–1853), прозванного «Дромадером Египта» за его приключения на Востоке (он не только сражался под Пирамидами, но и испытал участь турецкого раба), в 1812 г. капитана 1-го батальона 30-го линейного полка 1-й пехотной дивизии, штурмовавшей батарею Раевского. В 1906 г. увидели свет мемуары генерала Шарля-Антуана-Николя д'Антуара де Врэнкура, командовавшего артиллерией 4-го армейского корпуса, которая обстреливала батарею Раевского; в 1909 г. – мемуары Венсана Бертрана (1785–1864), сержанта-карабинера 7-го легкого полка дивизии Э.-М. Жерара, также боровшейся за Курганную высоту; затем – воспоминания Шарля-Пьера-Любена Гриуа (1772–1839), полковника, начальника артиллерии 3-го кавалерийского корпуса, и Ж.-Л. Хенкенса (1780–1855), исполнявшего обязанности полкового адъютанта 6-го полка конных егерей того же корпуса и уточнявшего детали действий войск Богарне. В 1911 и 1912 гг. журнал «Карне де ла сабреташ (*Carnet de la sabretache*)» опубликовал воспоминания бригадного генерала Ф.-А. Теста, командира 2-й бригады 5-й пехотной дивизии, и журнал капитана Г. Бонне из 18-го линейного полка дивизии Ж.-Н. Разу, повествовавшие о бое за Багратионовы «флеши».

⁹³ *Martinien A. Tableaux...* Напомним, что в 1909 г. Мартиньеном было опубликовано дополнение к этому изданию (*Idem. Tableaux... Partie supplémentaire*).

⁹⁴ *Fabry G. Op. cit.* В приложении к 3-му тому было опубликовано несколько карт из архива Военного министерства в качестве образца тех, которыми французы пользовались в 1812 г.

⁹⁵ [*Derrecagaix*]. *Le maréchal Berthier. P., 1905. T. 2; Idem. Le général comte Belliard. P., 1908.*

⁹⁶ *Chuquet A. 1812...; Idem. Lettres de 1812.*

⁹⁷ *Ternaux-Compans H. Op. cit.*

В 1912 г. Лионне осуществил французское издание дневника младшего лейтенанта Чезаре Ложье де Белькура (1789–1871), старшего адъютанта полка королевских велитов итальянской гвардии, красочно изобразившего действия 4-го армейского корпуса на северном фланге и в центре Бородинского поля; через год Эжен Татэ опубликовал журнал Луи-Вивана Ланьо (1781–1868), старшего хирурга 3-го полка пеших grenadiers императорской гвардии, добавившего новые детали к картине Бородинской битвы. В том же году крупнейший русский архивист С. М. Горяинов при участии французских историков публикует в Париже значительную часть трофейных писем чинов Великой армии 1812 г. Наконец, в год начала Первой мировой войны вышли мемуары Луи Бро (1781–1844), капитана 5-го эскадрона конных егерей гвардии⁹⁸. Как и ранее, поразительным было то, что, несмотря на такой объем ставших доступными источников, французская историческая наука даже не попыталась этим воспользоваться. В начале XX в. не было опубликовано ни одной работы, которая обращалась бы к теме Бородинского сражения. Публикации документальных материалов только подпитывали уже устоявшиеся национальные мифы.

После Первой мировой войны интерес со стороны французских исследователей, а фактически и со стороны общественности к тематике 1812 г. заметно иссяк. Только после Второй мировой войны, с появлением темы «атлантической солидарности», история русской кампании вновь стала обсуждаться. В 1949 г. публикует свой 12-й том «Истории Консульства и Империи», освещавший Русский поход, Луи Мадлен⁹⁹. На основе традиционной еще для середины XIX в. документальной базы он решительно оценил Бородинское сражение как полную победу французской армии¹⁰⁰. Главной причиной поражения кампании в целом он считал пожар Москвы. В еще более бонапартистском духе представил события 1812 г. А. Фюжье, объяснив провал похода пространством, климатом, неистощимыми человеческими ресурсами России и «варварскими» обычаями русских. Бородино, как и другие сражения 1812 г., сыграли, по его мнению, незначительную роль. При этом, рассматривая борьбу Наполеона с Россией через призму враждебности интересов России и Западной Европы, он устанавливал явные параллели с ситуацией 40–50-х гг. XX в.¹⁰¹

К началу 1960-х гг. отношение французских историков к войне 1812 г. заметно меняется. Президент Ш. де Голль говорит о Наполеоне как о «сверхчеловеческом гении», объединившем французскую нацию¹⁰². Национальный, но не общемировой контекст политики Наполеона становится теперь сферой главных интересов французской общественности. При этом образ России постепенно теряет свои зловещие черты, характерные для традиционной наполеоновской легенды. В этой связи особый интерес представляла книга Константина де Грюнвальда, специалиста по русской истории, «Русская

⁹⁸ *Dedem de Gelder*. Op. cit.; *Biot H.-F.* Op. cit.; *François C.* Op. cit.; *d'Anthouard*. Notes et documents... // *Carnet de la Sabretache*. Sér. 2. № 162. 1906. Juin; *Bertrand V.* Op. cit.; *Griois L.* Op. cit.; *Henckens J. L.* Op. cit.; *Teste F.-A.* Op. cit.; *Bonnet*. Op. cit.; *Laugier*. La Grande Armée, récit de... P., 1910 (Первое изд. вышло в Италии: *Gli Italiani in Russia*. Firenze, 1826–1827. Т. 1–4. Русское изд., переведенное с французского: *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 1912); *Lagneau L.-V.* Op. cit.; *Lettres interceptées...*; *Bro L.* Op. cit.

⁹⁹ *Madelin L.* Histoire de Consulat et de l'Empire. P., 1949. Т. 12.

¹⁰⁰ Ibid. P. 163.

¹⁰¹ *Fugier A.* La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954. См. также: *Сироткин В. Г.* Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции // История СССР. 1962. № 6. С. 181–191.

¹⁰² См., например: *Gaulle Ch.* La France et son armée. P., 1973.

кампания. 1812»¹⁰³. Автор создал калейдоскопическую картину Бородинского сражения, основанную на отрывках из воспоминаний и работ участников событий, сопроводив их собственными комментариями. Привлечение ряда материалов, а именно воспоминаний некоторых русских и немецких участников сражения (К. Ф. Толя, полковника и генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии, В. Г. Левенштерна, старшего адъютанта М. Б. Баркляя де Толли, К. Клаузевица, подполковника, исполнявшего должность обер-квартирмейстера 1-го кавалерийского корпуса, лейтенанта саксонского шевалежерского полка «принц Альбрехт» В. Л. Ляйсниха и др.), было совершенно необычным для французской историографии, которая основывалась ранее почти исключительно на источниках, исходивших от французской стороны. Несмотря на это, картина сражения оказалась мозаичной, а работа слишком поверхностной.

Своего рода вершиной, впрочем, тоже относительной, стала книга барона Жана Тири, корреспондента Института Наполеона, потомка бригадного генерала Н.-М. Тири, командира 1-й бригады 6-й тяжелой кавалерийской дивизии 3-го кавалерийского корпуса, получившего рану при Бородине¹⁰⁴. Тири попытался опереться в своей работе на наиболее достоверные документы: переписку Наполеона, книги Фэна, Коленкура, Деннье, Кастеллана и др. В поисках ранее неизвестных материалов Тири обратился к неопубликованным бумагам генералов Теста, Тири, бумагам А. Коленкура, которые, однако, только подтверждали то, что было известно и ранее из опубликованных документов тех же самых участников сражения. Уделив значительное внимание деталям в период подготовки и в ходе Бородинской битвы, автор, тем не менее, подошел к ним поверхностно, некритически воспринимая источники и не прибегая к их перекрестной проверке. Описание Бородинского сражения, сделанное им, оказалось полно неточностями и сомнительными с точки зрения достоверности, хотя и красивыми легендами. Тири, придерживаясь мнения об особой роли генерального сражения в стратегических планах Наполеона, показал, как император готовился к нему, принимая одновременно контрмеры против возможных ответных действий русских войск на флангах основной группировки. В отношении самого плана сражения автор целиком следовал за Коленкуром, не пытаясь вносить какие-либо собственные уточнения. Французские силы он оценивал в 120 тыс., а французские потери давал по Деннье. Русские потери, по его мнению, были около 50 тыс. человек. Какого-либо разбора хода сражения или его последствий Тири предпочел не проводить. В целом, хотя автор и старался выдержать сдержанный и беспристрастный тон, не делая каких-либо категорических выводов, он не смог сделать более, чем просто пересказать ход событий.

Не пошел далее Тири в исследовании сражения и другой автор – Жорж Блонд, издавший в 1979 г. книгу «Великая армия. 1804–1815». Блонд вновь привлек внимание к состоянию здоровья Наполеона накануне и в ходе сражения, пересказав уже известные ранее вещи. Пожалуй, только один момент в его работе все же заслуживал внимания. Приводя ставшие давно известными данные Деннье о французских потерях, Блонд счел необходимым усомниться в их абсолютной точности. По его мнению, в эти цифры не было включено значительное количество пропавших без вести, число которых не поддается учету. Реальные французские потери автор полагал в 35 тыс., русские – в 45, а то и более тысяч человек¹⁰⁵.

Главным образом познавательный характер носила книга Т. Транье и Ж. Карминьяни, вышедшая в 1981 г.¹⁰⁶ Авторы, демонстрируя уважительное отношение к стойкости

¹⁰³ Grünwald C. La campagne de Russie. 1812. P., 1963.

¹⁰⁴ Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969.

¹⁰⁵ Blond G. La Grande Armée. 1804–1815. P., 1979. P. 345.

¹⁰⁶ Tranie J., Carmigniani J.-C. La campagne de Russie. Napoléon – 1812. P., 1981.

русских в Бородинском сражении, вместе с тем весьма некритически воспроизвели все известные наполеоновские легенды, прежде всего о головной боли у императора как чуть ли не единственной причине нерешительных результатов «москворецкой битвы». Французские потери они оценивали в 30 тыс., русские – в 50 тыс. человек. Любопытная для широкой публики и сопровождаемая большим иллюстративным материалом, работа носила поверхностный, популяризаторский характер.

Значительно бо́льшая глубина анализа была продемонстрирована Жаком Гарнье в маленьком очерке «Бородино» к знаменитому «Словарю Наполеона» Ж. Тюлара¹⁰⁷. По мнению Гарнье, перед сражением Наполеон оценивал русскую позицию как сильную, но все же приемлемую для атаки. План его заключался в том, чтобы, сбросив русских с «флешей» а затем оттеснив их к «большому редуту», перейти в решительную фронтальную атаку и нанести полное поражение. Предложение Даву об обходе противника было отвергнуто как слишком опасное и не обеспеченное достаточными силами (численность французской армии Гарнье оценивал в 130 тыс.). В самом сражении автор выделил два периода: а) с 6 до 10 утра, когда центр сражения был сосредоточен у Семеновских укреплений; б) с 10 утра до 6 вечера, когда Наполеон предпринимал энергичные усилия с целью завершить оттеснение русских с оставшихся у них позиций. Последнее не удалось завершить полностью, так как, по мнению автора, Наполеон напрасно не решился ввести в дело гвардейский резерв. Потери сторон автор определял традиционно для французской историографии: 30 тыс. солдат Великой армии (из которых 9–10 тыс. убитыми) и 50 тыс. русских (из них 15 тыс. убитыми).

В отличие от англо-американской историографии 1812 г., в которой в 70–90-е гг. XX в. нашел явное отражение интерес к количественным методам в исторических исследованиях и стало ощущаться влияние некоторых направлений «новой научной истории» и даже «микроистории» с ее интересом к роли субъективного начала, во французской историографии это оказалось слабо заметным. Пожалуй, единственным исключением явилась статья генералов Бернара-Жака Ле Сеньёра и Эмиля Лакомба, в которой они на основе материалов Бородинской битвы предложили математический метод выявления степени и характера воздействия главнокомандующего на результативность боя¹⁰⁸. Обратившись к работам Сегюра, Жомини, Коленкура, Шамбрэ, Бутурлина и других авторов, Ле Сеньёр и Лакомб пришли к выводу о том, что координация в действиях французских войск 7 сентября оставляла желать много лучшего, а выход из строя всего командования 1-го армейского корпуса в начальной фазе сражения вызвал вынужденное личное вмешательство в ход боя за «флеш» не только Даву, но и Нея, и Мюрата. Ле Сеньёр и Лакомб критически отнеслись к отказу императора вовлечь в сражение гвардию, так как, по их словам, «русская армия была на грани краха» и надлежащий маневр гвардией привел бы к ее (русской армии) окончательному уничтожению. В целом, делали они вывод, Наполеон, будучи болен, не проявил под Москвой своей обычной решительности, что непосредственным образом и отразилось на всем ходе сражения.

В течение 1990-х гг. французские исследователи не издали ни одной заметной работы, посвященной 1812 г. и Бородинскому сражению. Только в 2000 г. французский военный историк Ф.-Д. Уртуль опубликовал книгу «Москва-река – Бородино. Битва редутов»¹⁰⁹. Уртуль отказался от последовательного и систематического описания сражения, предложив в качестве основной канвы сомнительное расписание Великой армии и собственный анализ ее

¹⁰⁷ Garnie J. Borodino // Dictionnaire Napoléon. P., 1987. P. 269–270.

¹⁰⁸ La Seigneur B.-J., Lacombe E. La valeur du commandement: l'exemple de la Moskowa // Revue historique des armées. 1990. Vol.181. P. 64–72.

¹⁰⁹ Hourtoulle F.-G. La Moskowa – Borodino. La Bataille des Redoutes. P., 2000 (Есть русское изд.: Уртуль Ф.-Г. 1812. Бородино. Битва за Москву. М., 2014).

потерь. Последнее оказалось в работе Уртуля наиболее интересным, так как автор попытался проверить и уточнить данные Мартиньена по офицерскому корпусу на основе просмотра персональных досье. Кроме того, Уртуль постарался вникнуть в тонкости подсчета убитых, пропавших без вести и раненых. По его мнению, пропорция между убитыми солдатами и офицерами по пехоте составляла от 10 до 15 человек солдат на одного офицера; ранеными – от 20 до 30 солдат на одного офицера. В кавалерии убитыми и ранеными: 13–14 солдат к одному офицеру. В целом, по его подсчетам, получалось, что французы и их союзники потеряли убитыми от 4 до 6 тыс. и примерно 20 тыс. ранеными (правда, автор признавал, что количество умерших затем возросло за счет тяжелораненых). Общие потери русских составили 50 тыс., причем пропорция мертвых у них была значительно большей, чем у французов. Исходя из этих подсчетов, а также из убежденности, что Наполеон имел в начале сражения 115 тыс. войск против 130–140 тыс. русских и что битва открыла ворота Москвы, Уртуль уверял, что французы одержали под Бородином грандиозную победу. Причины же поражения всей кампании автор связал с тем, что Наполеон начал войну с Россией, не завершив войну в Испании, и что он, совершенно убежденный в своей победе при Москве-реке, слишком долго ждал в Москве предложений о мире.

Несмотря на решительный тон текста книги и постоянные ссылки автора на неизвестные и малоизвестные ранее материалы, его исследование вызывает множество возражений. Так, автор полагает, что бригада Бертезена из Молодой гвардии участвовала в сражении, хотя вполне определенно известно обратное. В отношении 127-го линейного полка Уртуль предлагает обратную версию, обнаруживая незнание того, что этот полк был прикомандирован к артиллерийскому парку 1-го армейского корпуса. Как и все французские предшественники, Уртуль игнорировал обширную, хотя и разрозненную, документацию о польских и немецких частях. Остановившись на споре о том, кто же первым вошел в Большой редут, он «уличает» саксонских кавалеристов полка Цастрова в том, что они, исходя из расположения их части во время битвы, просто не могли его атаковать. При этом автор «забывает», что полк Цастрова никогда и не претендовал на честь взятия Большого редута, и речь должна идти о полке Гар дю Кор, который имел все основания заявить о своем первенстве в этом тяжелейшем деле. В целом книга Уртуля ни в коей мере не поставила под сомнение ставшую для французской историографии традиционную картину Бородинского сражения. Она стала только еще одной иллюстрацией к образу «французского Бородина»¹¹⁰.

Интерес к теме вспыхнул во Франции только в связи с 200-летним юбилеем Русского похода. Прежде всего, Фонд Наполеона, работавший над многотомным изданием «Общей корреспонденции Наполеона Бонапарта», издал 12-й том, охвативший события войны 1812 года¹¹¹. В нем оказался помещенным целый ряд до того времени неизвестных или малоизвестных документов, вышедших из-под пера (или надиктованных) императором накануне и сразу после Бородинского сражения. Хотя эти материалы не меняли общей картины событий, однако позволяли внести ряд уточнений. Так, судя по ставшему известным письму Наполеона к архиканцлеру Империи Ж. – Ж.-Р. Камбасересу от 8 сентября 1812 г., император полагал численность русской армии в 120 тыс. человек, русские потери – в 30 тыс., а свои в 10 тыс. человек¹¹².

Благодаря усилиям ряда французских ученых в 1812 г. был издан сборник ранее не

¹¹⁰ Известный интерес имела в эти годы публикация новой биографии маршала Даву (*Charrier P . Le maréchal Davout. P., 2005*).

¹¹¹ *Napoléon Bonaparte . Op. cit.*

¹¹² Наполеон – Камбасересу. Бородино, 8 сентября 1812 // *Ibid.* № 31677. Р. 1080. Письмо было воспроизведено по неподписанному отпуску. Имелась пометка, сделанная А.-Ж.-Ф. Фэном: «Его величество, сев на лошадь, распорядился, чтобы это письмо осталось без подписи». Подробнее см.: *Земцов В . Новые французские документы о Бородинском сражении.*

публиковавшихся писем и мемуаров чинов Великой армии, участвовавших в Русском походе¹¹³. Ф. Удесек (F. Houdecek) предпослал публикации содержательное введение, в котором определил численность армии Наполеона перед сражением в 124 тыс. против 125 тыс. русских солдат и 31 тыс. ополченцев. Опираясь на работы К. Кейта, Д. Ливена и других историков, Удесек кратко воспроизвел ход сражения и назвал цифры потерь: 28 тыс. французов и их союзников (что составляло примерно 22,5 % от общей численности армии) и 44 тыс. русских (примерно 35 % численности армии, не считая ополчения). Остановившись на ставшем традиционным вопросе о том, надо ли было бросать гвардию в огонь, автор введения отметил, что полки гвардии были неполными, включая 10–12 тыс. пехоты и менее 5 тыс. кавалерии, что русские отступили в достаточно хорошем порядке и что «многочисленные» полки русской гвардии еще не были введены в дело. Поэтому император в ожидании новой битвы перед Москвой не рискнул использовать свою гвардию. День 7 сентября хотя и был чрезвычайно кровавым, но не стал решающим. Русские отошли, но не были разбиты¹¹⁴. Среди опубликованных в сборнике материалов, имеющих отношение к Бородину, оказались письма капитана О. М. Дюпена (Dupin) из 10-го кирасирского полка, своего рода воспоминания-дневник капитана Ж. Эюмара (Eumard), офицера-топографа, и выдержки из мемуаров полковника Ж. Пюнье де Монфора, начальника штаба инженеров Великой армии.

В ходе colloquium, организованного Фондом Наполеона, Обществом памяти Наполеона и Центром изучения истории славян Университета Париж-I 4–5 апреля 2012 г., были заслушаны сообщения двух французских исследователей, затронувших вопросы Бородинского сражения. Если В. Бажу попытался дать общую характеристику репрезентации битвы при Москве-реке в батальной живописи России, Франции и ряда других стран¹¹⁵, то К. Филос затронул вопрос о потерях сторон в ходе сражения. Последний не нашел ничего лучшего, как уверенно воспроизвести цифры потерь французской армии по Деннье (6547 убитыми и 21 453 ранеными), а русские (непонятно, на основе каких данных) примерно в 15 тыс. убитыми и 30 тыс. ранеными и пленными¹¹⁶.

Полагаем, что наиболее цельной и до известной степени новаторской работой, предложенной французской историографией к 200-летию Русского похода, стала книга М.-П. Рей «Невероятная трагедия. Новая история Русской кампании»¹¹⁷. Сильной стороной работы стало обращение автора к русскоязычной литературе (публикациям Е. В. Тарле, Н. А. Троицкого, к энциклопедии «Отечественная война 1812 года» 2004 г. издания и др.) и ряду источников русского происхождения. Однако автор, сориентировав свою концепцию на историко-антропологический вариант освещения прошлого, предпочла не заострять внимания на военной стороне происходивших в сражении при Москве-реке событий. По ее мнению, к утру 5 сентября у Наполеона было немногим более 140 тыс. человек при 587 орудиях, тогда как русские располагали 150 тыс. человек, из которых 114 тыс. было регулярных войск, 8 тыс. казаков и 28 тыс. ополченцев. Русская армия имела 624 орудия. Но для читателя оставалось непонятным, на основе каких материалов был сделан этот подсчет,

¹¹³ Du Niémen à la Bérézina.

¹¹⁴ Ibid. P. 19–21.

¹¹⁵ Bajou V. Un siècle de représentation de la bataille de la Moskova // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités. P., 2012. P. 117–127.

¹¹⁶ Fileaux C. La bataille de la Moscova – 7 septembre 1812. Récit // Ibid. P. 111–115.

¹¹⁷ Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la Campagne de Russie. P., 2012 (русское изд.: Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015).

как и подсчет потерь (русские, по утверждению автора, потеряли 45 тыс. убитыми, ранеными и выбывшими из строя, в то время как наполеоновская армия потеряла «немногим более пятой части»)¹¹⁸.

Вообще же, несмотря на целый ряд интересных работ, предложенных в последние годы французскими авторами¹¹⁹, военно-исторический аспект явно ускользает от их внимания.

Подведем итоги. История французской памяти о Бородине тесно связана с теми чувствами и настроениями, которые испытали французские солдаты накануне, во время и сразу после сражения. Будучи уверены в предстоящей победе перед боем, проявив редкий героизм и воодушевление во время него, они, хоть и не без сомнений, были убеждены в ее достижении. Несмотря на то что победа была неполной и она досталась небывало большой ценой, наполеоновская пропаганда и сам факт вступления Великой армии в Москву вытеснили из сознания многих солдат сомнения в отношении результатов битвы. Последовавшие затем пожар русской столицы и страшное отступление еще более оттенили в памяти славу битвы при Москве-реке.

Несмотря на объективистско-критический тон многих работ, начиная с книг Лабома и Шамбрэ, более сильной оказалась та интерпретация Бородина, которая была предложена самим Наполеоном. Она была сильна прежде всего тем, что апеллировала к естественной склонности французов чтить примеры воинской доблести своих предков¹²⁰ и черпать в памяти о них жизненные силы в минуту драматических поворотов национальной истории (как, скажем, это произошло после франко-прусской войны). К тому же наполеоновская интерпретация Бородина оказалась достаточно простой и легкой для массового восприятия, сохранения и передачи ее из поколения в поколение. Несмотря на известную деформацию первичного мифа-основания (что происходило во многом под влиянием внутрисполитических и внешнеполитических обстоятельств), он, в своей основе, на протяжении почти двухсот лет оставался неизменным. Именно этим преимущественно и определяется двойственность тех результатов, которые демонстрирует французская историческая наука в изучении Бородина. С одной стороны, французские историки обозначили ряд ключевых проблем (место сражения в стратегических планах Наполеона; численность французских войск, их состояние; французский план предстоящего сражения; роль, которую сыграл отказ императора от полномасштабного использования гвардии; степень и характер воздействия главнокомандующего на ход сражения; потери сторон и результаты «москворецкой битвы»), проделали значительную работу по выявлению и публикации большого массива разнообразных источников, в связи с 200-летием русской кампании 1812 года сделали доступными ряд ранее неизвестных документов и материалов, проявили определенную готовность к взаимодействию с российскими и другими зарубежными специалистами, концентрируя усилия, главным образом, на историко-антропологических аспектах войны. Вместе с тем, с другой стороны, французской историографии оказались свойственны и недостатки. Их можно свести к двум главным моментам: 1. Французские историки длительное время игнорировали, а нередко продолжают это делать и сегодня, зарубежную

¹¹⁸ Ibid. P. 152–153, 163.

¹¹⁹ Так, известный французский историк президент Института Наполеона Ж.-О. Будон, также выпустивший в 2012 г. книгу, посвященную русской кампании (Boudon J.-O. Napoléon et la campagne de Russie 1812. P., 2012), вообще не стал затрагивать вопросы численности войск и потерь, как и другие аспекты, обычные при описании военных действий, предпочтя схематичное изложение хода сражения и заявив, что «битва при Москве-реке открыла ворота Москвы». См. другие работы французских авторов: *Damamme J.-C.* Les aigles en hiver. Russie 1812. P., 2009 (русское изд.: *Дамам Ж.-К.* Орлы зимой. Русская кампания 1812 года. СПб., 2012. Кн. 1–2); *Bregeon J.J.* 1812: La Paix et la Guerre. P., 2012; и др.

¹²⁰ См., например: *Girardet R.* Les Trois couleurs. Ni blanc, ni rouge // Les lieux de mémoire / Sous la direction de P. Nora. P., 1984. Т. 1. P. 5–35.

литературу и источники нефранцузского происхождения. Оставлены вне поля зрения многочисленные немецкие, польские, англо-американские и, особенно, русские материалы и работы. Следствием этого является не только обеднение источниковой базы, но и отсутствие у многих французских исследователей последних десятилетий какого-либо движения вперед, невозможность для них выйти за пределы уже давно обозначенной тематики и укоренившихся романтизированных мифов. 2. Обращает на себя внимание отсутствие попыток комплексного использования доступных источников, даже французских. Большая часть опубликованных во Франции документов, дневников и мемуаров до сих пор недостаточно введена в научный оборот самими французскими исследователями. Французские архивы все еще хранят в своих недрах значительные пласты еще не востребованных исследователями ценнейших материалов, которые могли бы заметно скорректировать картину событий войны 1812 года и Бородинской битвы в частности.

Полагаем, что французская историческая наука далеко не до конца реализовала свои возможности по созданию исторически достоверной картины сражения при Москве-реке.

1.2. Бородино в немецкой, польской и итальянской историографии

1.2.1. «Немецкое» Бородино

Весной 1805 г., накануне смерти, Фридрих Шиллер начал работу над трагедией из русской жизни «Деметриус», действие которой происходило в начале XVII в., в годы русской Смуты и борьбы с иноземным нашествием. Пройдет семь лет, и многие немцы сами станут участниками великой трагедии, разыгравшейся в пределах России, – вторжения и гибели Великой армии Наполеона. Одни немцы окажутся в армии вторжения, другие, хотя их будет значительно меньше, – на стороне русских войск. Вечером накануне великой битвы под Бородином 32-летний главный хирург 3-го вюртембергского конно-егерского полка «герцога Людвиг» Генрих Роос, с напряженной надеждой думая о завтрашнем дне, вспомнит слова Шиллера:

Грозно пылает вечерний закат.
Что там за лесом сверкает?
Вы видите ль веянье вражьих знамен?
Мы видим, как веют знамена,
Как блещет оружие врагов¹²¹.

Не мог не вспоминать Шиллера и 47-летний генерал-лейтенант Иоганн Адольф Тильман, на следующий день решивший со своей бригадой саксонских кирасир исход боя у д. Семеновское и у батареи Раевского. Помимо того, что его отличала высокая образованность и любовь к немецкой поэзии, он был близким другом Христиана Готфрида Кёрнера, семейство которого находилось в тесной дружбе с Шиллером, немало гостившим у них. В 1813 г. сын Кёрнера, 24-летний Карл Теодор, талантливый поэт, последователь Шиллера, вступит в Добровольческий корпус Лютцова и погибнет, горько оплакиваемый всей немецкой молодежью. Сам Тильман, получив за Бородино титул барона и командантский крест ордена Почетного легиона¹²², пережив трагедию отступления, сдаст в 1813 г. Торгау русским войскам и в их составе будет сражаться с Наполеоном. Но и те немцы, благородная горстка которых уже в 1812 г. окажется в составе русской армии (мы не

¹²¹ Роос Г. Указ. соч. С. 114.

¹²² Офицеры бригады Тильмана, помимо его самого, получили за Бородино 16 крестов ордена Почетного легиона (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3605. Ч. 2. Л. 72–73, 76–77).

говорим здесь о тех немцах, которые по рождению были российскими подданными), бросив вызов судьбе, своим государям, а то и самому народу (у К. Клаузевица, например, в составе Великой армии воевали два брата), тоже думали и чувствовали по-немецки, и тоже обращались к строкам Шиллера (жена Клаузевица Мария в письмах к мужу нередко цитировала стихи великого поэта).

К пруссакам, баварцам, вюртембержцам, саксонцам, гессенцам и ко всем другим немцам все чаще приходила идея о национальном единстве, об общности их культуры, языка и политических интересов. Идея эта рождалась в условиях циничной борьбы, которую вела Французская империя, наследник революции, за поглощение немецких территорий и использовала немцев в качестве пушечного мяса. Но не меньшую боязнь у многих вызывала и Российская империя, оплот феодализма и крепостничества, также не упускавшая возможности расширить зону своих интересов за счет стран Центральной Европы. В этих условиях немецкий романтизм, из которого постепенно формировался дух нации, дал толчок поразительно разным явлениям немецкой истории XIX и XX вв. Точкой отсчета этой истории по праву могут считаться не только поля Лейпцига, но и поля Бородина.

Важной особенностью «конденсации» исторической памяти немцев о Бородине был изначальный взгляд на него сразу с трех «точек»: во-первых, со стороны тех, кто воевал в составе Великой армии; во-вторых, тех, кто накануне добровольно перешел в русскую армию, оставив, чаще всего, прусскую службу (Клаузевиц, Л.Ю.Ф.А.В. Вольцоген и др.); и, в-третьих, тех, кто, будучи по языку и во многом по культуре немцем, родился в Российской империи, был с рождения российским подданным и изначально служил в русской армии (К. Ф. Толь, В. Г. Левенштерн и др.). Это и предопределило тесное переплетение немецкой историографии Бородина с русской и, отчасти, французской историографией.

Первые попытки осмыслить то, что произошло 5–7 сентября на Бородинском поле, его участники попытались сделать уже вскоре после сражения. «Мы проиграли сражение, но в меру. Наши силы ежедневно пополняются, а неприятельские нет», – написал 30 сентября жене Клаузевиц, перешедший накануне войны 1812 г. на русскую службу и состоявший в день Бородина в должности обер-квартирмейстера 1-го кавалерийского корпуса¹²³. Примерно тогда же, в сентябре, генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии полковник Толь составил первый вариант «Описания битвы при селе Бородине», ставший не только основой отчета М. И. Кутузова Александру I, но и отправной точкой для последующего развития темы Бородина для многих немецких авторов, например для Т. Бернгарди¹²⁴.

Составляли рапорты о сражении и немцы, боровшиеся на стороне Наполеона и тоже интуитивно пытавшиеся оценить место и роль своих братьев по языку и культуре в этом гигантском побоище¹²⁵. Многие немцы бережно и методично занесли впечатления о потрясшем их до глубин души сражении в свои дневники, а баварец А. Адам, художник, числившийся при штабе Е. Богарне, и обер-лейтенант вюртембергской артиллерии Х.В. фон Фабер дю Фор, увидевший поле через несколько дней после битвы, сделали поразительные по своей правдивости зарисовки. Последовавшие за Бородином события – пожар Москвы, страшное отступление, борьба за свободу в 1813–1815 гг. – потеснили на несколько лет воспоминания немцев о Бородине. Исключение составили те, кто оказался в русском плену, – они чаще возвращались в мыслях к сражению, скрупулезно «сортируя» и сберегая

¹²³ Письма К. Клаузевица Марии Клаузевиц // Клаузевиц К. 1812 год. 2-е изд. М., 1937. С. 246.

¹²⁴ Этот текст «Описания...» составлен на немецком языке и опубликован в известном издании документов Военно-ученого архива Главного штаба (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 16). В значительно расширенном варианте «Описание битвы при селе Бородине» на немецком языке было опубликовано в Петербурге в 1939 г. Подробнее о «записках» Толя см.: *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г. (опыт реконструкции) // Исторические записки. М., 1970. Т. 85. С. 368–428.

¹²⁵ См., например: Рапорты вестфальского военного министра графа фон Хене...

свои переживания, например граф фон К.А.В. Ведель или Роос.

Со второй половины 1810-х гг. стали публиковаться первые немецкие воспоминания о Русском походе, в которых повествовалось и о Бородинском сражении¹²⁶. Наиболее примечательной среди этих первых книг была работа Бретшнейдера, почти немедленно переведенная на русский язык¹²⁷. Приводя нередко явно искаженные данные о силах сторон, потерях и ходе боя, автор, тем не менее, убежденно заявлял, что русские незаслуженно «присвоили себе победу». «Судя... по следствиям битвы и взятию столицы, победа была на стороне французов». И все же, «сражение сие, – утверждал Бретшнейдер, – принадлежит к числу тех, которые более вредят победителю, нежели пораженному»¹²⁸. В те же годы вышло 4-томное сочинение К.Х.Г. Вентурини, историка религии из Брауншвейга, который тоже попытался описать Бородинское сражение на основе пока еще скудной документальной базы, разбавляя крупницы достоверных фактов своей буйной фантазией¹²⁹.

В 1820-е гг. хлынул настоящий поток мемуаров, мемуарно-биографической литературы и работ, основанных на воспоминаниях¹³⁰. Для истории участия немцев в Бородинском сражении весьма интересной оказалась работа Э. Фельдерндорфа и Варадайна, показавших участие баварских частей главным образом на северном фланге сражения, биография генерала А. Л. Охса, командовавшего 24-й дивизией 8-го армейского корпуса, боровшейся в Утицком лесу, и, особенно, работа бывшего в 1812 г. капитаном, помощником начальника штаба 21-й пехотной дивизии 7-го (саксонского) корпуса Ф. К. Церрини ди Монте Варчи (1785–1852) о действиях саксонской кавалерии у д. Семеновское и у «большого редута»¹³¹. Из материалов Церрини неопровержимо следовал вывод, прямо оспаривавший уже широко распространенную в те годы через публикацию бюллетеней армии Наполеона версию о том, что героями взятия центрального укрепления русских позиций – батареи Раевского – были не французские кирасиры во главе с О. Коленкурром, но саксонские латники Тильмана. В целом же, где бы работы ни были опубликованы – в Мюнхене, Касселе, Дрездене или Веймаре, все они были проникнуты пафосом героизма, проявленного немецкими солдатами из чувства долга. Отчетливо слышалась и другая нота: горечь за пролитую кровь ради интересов французского императора и надежда на объединение Германии.

К концу 20-х – началу 30-х гг. XIX в. к ряду опубликованных свидетельств и работ по Бородину добавились две серии замечательных рисунков Адама (1786–1862) и Фабер дю

¹²⁶ *Bomdsdorff R.*, von. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Leipzig, 1816; *Dillenius K.* Beobachtungen über die Ruhr... Lüdwigsburg, 1817; *Liebenstein F. L.A.* Der Krieg Napoleons gegen Rußland in den Jahren 1812 und 1813. Frankfurt a M., 1819. Bd.2.

¹²⁷ *Бретшнейдер*. Четырехлетняя война союзных держав противу Наполеона Бонапарте. СПб., 1820.

¹²⁸ Там же. Ч. 1. С. 85–87.

¹²⁹ *Venturini C.* Russlands und Deutschlands Befreiungskriege... Leipzig; Atenburg, 1816–1819. Bd.1–4. Множество авторов принимало Вентурини за участника событий или серьезного историка (Об этом см.: *Попов А. И.* «Засадный отряд» Н. А. Тучкова (сомнения в очевидном, или апология Беннигсена) // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 135, 138, 142).

¹³⁰ *Lemazurier M. J.* Medicinische Geschichte der rußischen Feldzuges von 1812. Jena, 1823; *Leissnig W. L.* Märsche und Kriegerlebnisse im Jahre 1812. Budissen, 1828; etc.

¹³¹ *Völdemdorf W.* Kriegsgeschichte von Bayern... München, 1826. Bd.3; Hohenhausen L. von. Biographie des Generals von Ochs. Cassel, 1827; *Cerrini de Monte Varchi C. F.X.* Die Feldzüge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821; [*Cerrini*]. Bruchstücke, die Mitwirkung der rgl. Sächsischen Kürassier-Brigade bei der Schlacht an der Moskwa // Oesterreichische militärische Zeitschrift. 1824. Bd.4. Hft.11. См. также анонимную работу: Die Schlacht von Borodino oder an der Moskwa. Weimar, 1824.

Фора (1780–1857)¹³². Рисунки Адама, видевшего битву (правда, чаще всего из вторых линий, а то и из обоза), еще несли на себе некоторый отпечаток того ощущения героической романтики, которое возникает у стороннего наблюдателя сражения, но зарисовки Фабер дю Фора, прибывшего на поле через 10 дней после битвы, были посвящены в основном изображению полуобнаженных трупов и человеческих страданий и запечатлели, таким образом, иную для немецких войск сторону сражения.

В 1830-е гг. немцы неизменно сохраняли интерес к эпопее 1812 г. и Бородинскому сражению, публикуя не только многочисленные воспоминания¹³³, но и собственно исторические работы, написанные участниками похода¹³⁴. Особое место среди них, конечно же, занимала книга великого военного теоретика Карла фон Клаузевица (1780–1831), вышедшая в 7-м томе его посмертных сочинений¹³⁵. Основной текст работы был набросан через 3–4 года после событий 1812 г., но, судя по ссылкам на книги Шамбрэ (2-е издание, на которое ссылается Клаузевиц, вышло в 1825 г.) и Бутурлина (французское издание вышло в 1824 г.), она была доработана им значительно позже. В описании и анализе Клаузевицем Бородина нашли отражение не только военно-теоретические поиски автора, но и противоречивые политические и духовные германские реалии 10-х – начала 30-х гг. XIX в.

В годы подъема борьбы с Наполеоном, казалось, исчезали грани между традициями профессиональных армий германских государств (во многом еще сохранившихся, несмотря на реформы наполеоновских ставленников, а в Пруссии – несмотря на реформы Г. Д. Шарнгорста) и народом, охваченным экзальтацией из-за проснувшихся национальных чувств: «В одном общем хоре сливались звуки военных оркестров и пение борцов за свободу»¹³⁶. Сам патриотизм приобрел какую-то ожесточенность. Многие немцы «не столько думали о родине, которую необходимо освободить, сколько о враге, которому нужно отомстить за все унижения»¹³⁷. В этом хоре патриотических призывов отчетливо звучал голос Ф. Л. Яна, лидера движения «гимнастических союзов», которому приписывают возрождение идеи средневекового рейха как воплощения национальных чаяний немцев, соединенной с сильной долей франкофобства. Этим настроениям поддавался даже Э. М. Арендт, который, подобно Г.Ф.К. Штейну, Э. Морицу и Клаузевицу, был в 1812 г. на стороне русских. Со временем германским королям при поддержке русского царизма удалось обуздать этот экзальтированный и романтический патриотизм. Теперь генерал Л. Вольцоген,

¹³² Adam A. Voyage de Willenberg en Prusse jusqu'à Moscou en 1812. Munich, 1828 (наиболее распространенное немецкое изд.: Adam A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886); Faber du Faur. Blatter aus meinen Portfeuille, im Laufe des Feldzuge 1812. Stuttgart, 1831–1843 (наиболее известны два французских изд.: Faber du Faur C. W. Campagne de Russie, 1812. P., s. d.; Faber du Faure G. Campagne de Russie, 1812. P., 1895). См. также: Quennevat J. C. Albrecht Adam et Faber du Faure, "Reporters" de la campagne de Russie // Souvenir napoléoniennes. T. 262. P. 14–18; Tradition magazine. Hors série. № 3.

¹³³ Roos H. U.L. Ein Jahr aus meinem Leben... St.Petersburg, 1832 (вышедшие 1-м изд. в Петербурге на немецком языке воспоминания Рооса были широко известны в Германии, но стали переиздаваться там только в конце XIX – начале XX в.); Schrafel J. Merkwürdige Schicksale des eines Feldwebels in den Jahren 1812–1814. Nürnberg, 1834 (Йозеф Шрафель, служивший в 5-м баварском линейном полку, не участвовал в Бородинском сражении, но писал о нем); Kurz K. G.F., von. Der Feldzug von 1812. Esslingen, 1838; etc.

¹³⁴ Clausewitz C. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1834; Celner L. Geschichte des Feldzugs in Rußland. o.O., 1839 (2-е изд. этой работы вышло с иным названием: Celner L. Geschichte der russische Kriege. 1812. o.O., 1862).

¹³⁵ Clausewitz C. Hinterlassene Werke über Krieg und Kriegführung. Berlin, 1832–1837. Bd.1 –10.

¹³⁶ Пухт В. Немецкий солдат // Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. М., 1957. С. 47.

¹³⁷ Дживелегов А. И. История современной Германии. СПб., 1908. Ч. 1. С. 65.

участник Бородинского сражения на стороне русских (он был флигель-адъютантом Александра I и состоял при штабе Баркляя-де-Толли), преподавая военное искусство прусскому принцу Вильгельму, пытается внушить будущему германскому императору мысль о мистической роли прусского короля в разгроме Наполеона и в возрождении германского духа. Романтизм стал опорой консерваторов, а прусская армия превратилась в орудие защиты монархии от любых посягательств со стороны либеральных сил. На этом фоне картина Бородина, написанная Клаузевицем, выглядела как попытка соединения точного, реалистического военного знания со стремлением постичь внутренний дух боровшихся армий.

По мнению Клаузевица, Наполеон изначально хотел окончить войну с Россией в течение одной кампании и поэтому отводил генеральному сражению решающее значение. Однако, допустив ряд ошибок, Наполеон позволил русским отступить до Москвы. При этом силы обеих армий в силу «высокомерного легкомыслия» Наполеона ко времени генерального сражения приблизились к точке равновесия – 120 тыс. у русских и 130 тыс. у французов¹³⁸. Характер действий французской и русской армий на Бородинском поле, по мнению Клаузевица, был вполне объяснимым и единственно возможным. Местность обусловила то, что расположение русских «получило форму выгнутой дуги, а наступление французов, следовательно, получило охватывающую форму, и огонь французского фронта действовал концентрически». Следовательно, при изменившемся соотношении сил результат мог быть только один – медленное опускание «чаши весов к невыгоде русских»¹³⁹. Стратегический обход русской армии Наполеоном, полагал автор, был вряд ли возможен, а попытка тактического обхода, осуществленная корпусом Понятовского, натолкнулась на стремление войск Н. А. Тучкова осуществить то же движение и была таким образом парирована; хотя все же позже полякам при поддержке Жюно удалось отеснить русских, вызвав у последних серьезную тревогу за участь левого фланга и за путь для отступления всей армии. В целом же, отмечает Клаузевиц, простота замысла Наполеона в сражении «доказывает, что он высоко расценивал ожидаемое сопротивление», но «простая форма, естественно, является... в то же время и менее решительной». Французы, имея превосходство как в численности, так и в тактике, хотя и заставили русскую армию отступить, но не смогли разгромить ее (по мнению Клаузевица, русская армия потеряла около 30 тыс., в том числе несколько тысяч пленными, и от 20 до 30 орудий). Французы потеряли около 20 тыс. человек¹⁴⁰. Однако к концу дня Старая Московская дорога почти целиком оказалась в руках французов, а левый фланг русских откинулся назад и вытянулся параллельно линии отступления. Следующим «этапом поражения русских» явился бы полный их разгром. И все же Наполеон не сделал последнего усилия. Император, видя, как быстро таяли его силы, но осознавая, сколь «его предприятие в целом было огромным», решил не рисковать, считая, что и с таким результатом дня он займет Москву¹⁴¹.

Таким образом, педантичный расчет, сделанный Клаузевицем, казалось бы, не оставлял возможности ни одной из боровшихся сторон надеяться на какой-либо иной, чем оказалось реально, результат. А так как Бородино было единственным крупным сражением, участником и очевидцем которого был Клаузевиц, то в своем главном труде «О войне» (часть «Бой») он идеализировал «сражение на истощение», умаляя роль и значение

¹³⁸ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 73–89, 182, 232–233.

¹³⁹ Там же. С. 95, 98.

¹⁴⁰ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 103, 115, 117, 205. Клаузевиц оспаривал мнение Бутурлина, который считал русские потери в 50 тыс.

¹⁴¹ Там же. С. 112, 114.

маневра¹⁴².

7 сентября Клаузевиц, будучи обер-квартирмейстером корпуса Ф. П. Уварова, участвовал в знаменитом рейде русской конницы на левый фланг французской армии. Наблюдая, сколь малое значение придавал этому рейду Кутузов и сколь малую роль рейд сыграл реально, Клаузевиц пришел к странным на первый взгляд выводам, которые, казалось бы, совершенно противоречили складу его рационалистического и строгого ума. Чрезвычайно низко оценив роль Кутузова в сражении, который, по его мнению, был не кем иным, как «абстрактным авторитетом», Клаузевиц тем не менее превозносил «хитрость и рассудительность» полководца, утверждая, что тот расценивал Бородинское сражение «как неизбежное зло» и не надеялся на более благоприятный, чем произошло в действительности, исход. Не только искусный маневр и натиск, но суровая решимость бороться, не обращая внимания на потери, соединенная с религиозным чувством, – вот что оказывалось главным в генеральном сражении¹⁴³.

Опыт, почерпнутый Клаузевицем при Бородине, прусское руководство использовало на рубеже 20–30-х гг. XIX в. для разработки планов борьбы Священного союза с Францией, где назревала, а затем произошла в 1830 г. июльская революция (в последний год жизни Клаузевиц был начальником штаба прусской обсервационной армии, предназначенной для вторжения во Францию; его помощником, находившимся во главе разведывательного отделения, был Генрих Брандт, участвовавший в Бородинском сражении на стороне Наполеона в составе дивизии Клапареда). Эти планы легли в основу некоторых проектов Г. К. Мольтке, начальника прусского Генштаба, разбившего в 1870–1871 гг. Францию. Позже немецкая военная мысль еще не раз обращалась к наследию Клаузевица – во время подготовки к Первой мировой и ко Второй мировой войнам. Его пытались сделать «своим» и деятели гогенцоллерновской Германии¹⁴⁴, и Третьего рейха¹⁴⁵, и социалистической ГДР¹⁴⁶, и капиталистической ФРГ¹⁴⁷. Но самое удивительное в том, что книга Клаузевица о Бородине оказала мощное воздействие и на историческую память русских. Л. Н. Толстой, работая над великим романом «Война и мир», будучи хорошо знаком с работой Клаузевица и с работой Бернгарди (о которой речь пойдет ниже), целиком воспринял мысль о «духе войска», противопоставив великую мудрость бездеятельного Кутузова бесполезной суетливости далекого от постижения народного духа Наполеона.

В 1845 г. вышла биография Фабер дю Фора, написанная Ф. Кауслером¹⁴⁸. В 1840-е гг. поток немецкой литературы о войне 1812 г. и о Бородине не только не иссяк, но даже

¹⁴² Известный русский и советский военный теоретик А. А. Свечин справедливо указывал на то, что при Бородине Наполеон и его армия находились «в эпохе заката» и что абсолютизация опыта Бородина привела Клаузевица к чересчур категорическим выводам (*Свечин А. А.* Клаузевиц. М., 1935. С. 255). Здесь следует отметить, что к 7 сентября 1812 г. Клаузевиц тяжело страдал от зубной боли. К тому же, совершенно не зная русского языка, он мог весьма поверхностно ориентироваться в происходивших событиях.

¹⁴³ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 90–91.

¹⁴⁴ *Meerheimb F.* Karl von Clausewitz. Berlin, 1875; *Schwartz K.* Leben des Generals Karl von Clausewitz. Berlin, 1878. Bd.1–2; etc.

¹⁴⁵ *Blaschke R.* Carl von Clausewitz. Berlin, 1934.

¹⁴⁶ *Hahlweg W.* Carl von Clausewitz. Soldat. Politiker. Penker. Göttingen, 1957; *Фабиан Н.* Перо и меч. Клаузевиц и его время. М., 1956.

¹⁴⁷ *Hörh R.* Scharnchorst's Vermächtniß. Bonn, 1953.

¹⁴⁸ *Kausler F.* Erläuternde Andeutungen, beigegeben zu dem Werke von Faber du Faur's. Stuttgart, 1831.

увеличился. В воспоминаниях, основанных на дневниках Ф. В. Лоссберга и А. Флека (первый был подполковником, второй – рядовым 8-го армейского корпуса), освещались героические действия вестфальской пехоты в бою за Семеновские укрепления и в Утицком лесу¹⁴⁹. В. А. Буркесрода, бывший секунд-лейтенантом саксонской кавалерии в корпусе Латур-Мобура, а 7 сентября – ординарцем Мюрата, поведал о самоотверженных атаках бригады Тильмана при Бородине¹⁵⁰. Специальную работу Бородинскому сражению и русской кампании посвятил немецкий генерал Ф. В. Бисмарк¹⁵¹. При Бородине он был майором и после ранения полковника К. Норманна принял командование 2-м вюртембергским шеволежерским полком. Позже он стал не только генерал-лейтенантом, но и известным военным писателем.

Продолжались публикации и тех немцев, которые сражались при Бородине на стороне русских. Герцог Е. Вюртембергский, в 1812 г. генерал-майор и командир 4-й пехотной дивизии, поделился ценными воспоминаниями о действиях своих войск возле Курганной высоты¹⁵².

Тема 1812 г. и Бородина не ограничивалась только кругом специальной литературы. Многие немцы обращались к памяти 1812 г., связывая это с широкой идейно-политической борьбой, которая развернулась в Германии в преддверии революции 1848–1849 гг. При этом нередко «злободневность» темы не всегда подкреплялась широким привлечением уже имевшихся в те годы материалов. Так, известный писатель Фридрих Штегер, поставивший перед собою цель показать, как космополитическая идея объединения Европы столкнулась в 1812 г. с пробуждавшимся духом наций, не смог убедительно осветить участие немцев в Русском походе¹⁵³. Основными источниками для него стали мемуары Сегюра, работы Гурго и Шамбрэ. По мнению автора, в 1812 г. Наполеон действовал неразумно и, влекомый роком революционного космополитизма, не смог остановиться в Витебске или Смоленске. К Бородинскому сражению он располагал только 120 тыс. солдат, основу которых составляли французские части. Русские же имели 102 тыс. солдат, не считая ополченцев, но зато располагали большим числом орудий (600 против 587)¹⁵⁴. Бегло осветив ход сражения и не вполне показав участие в нем немцев, Штегер сделал вывод о формальной победе Наполеона, цена которой (примерно 30 тыс. убитыми и ранеными) имела, однако, для Великой армии тяжелые моральные последствия¹⁵⁵ и стала одной из причин краха всего

¹⁴⁹ *Lossberg F. W . Briefe in die Heimath geschrieben während des Feldzuges 1812 in Rußland. Cassel, 1844* (русское изд.: *Лоссберг . Указ. соч.*); *Fleck A. Beschreibung meiner Leiben und Schicksale... Hildesheim, 1845; Burkersroda . Op. cit.*

¹⁵⁰ *Burkersroda . Op. cit.*

¹⁵¹ *Bismark F. W . Aufzeichnungen. Karlsruhe, 1847* (в том же году вышло французское изд.: *Bismark, de . Campagne de Russie. P., 1847*).

¹⁵² *Württemberg . Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jares 1812 in Rußland von dem Herzog Eugen von Württemberg. Breslau, 1846.* В 1862 г. вышло новое немецкое изд.: *Memoiren des Herzogs Eugen v. Württemberg. Frankfurt a O., 1862. Bd.2.* Страницы воспоминаний, посвященные Бородину, были опубликованы на русском языке уже в 1848 г.: *Воспоминания герцога Евгения Виртембергского... // Военный журнал. 1848. № 1. С. 32–98.* Наиболее известное русское изд.: *Евгений, принц Виртемберг. Воспоминания о Русском походе 1812 г. Б.м. и б. г.*

¹⁵³ *Steger F . Der Feldzug von 1812. Braunschweig, 1845.*

¹⁵⁴ *Ibid. S. 90–91.*

¹⁵⁵ *Ibid. S. 100, 112.*

Русского похода. «Жертвы, принесенные немецкими сыновьями чужому государю в 1812 г., должны были стать последними!» – восклицал автор¹⁵⁶.

С либерально-просветительских позиций обратился к теме Бородин Фридрих Кристоф Шлоссер (1776–1861), начавший в середине 1840-х гг. издавать свою многотомную «Всемирную историю»¹⁵⁷. Он отдал долг событиям 1812 г. в деле борьбы немецкого народа против «военного деспотизма» Наполеона. Опираясь в основном на работу Шамбрэ и беглую книгу прусского генерала Г. Ф. Гофмана, опубликованную в 1846 г., он отметил противоречивость результатов сражения: русские были вынуждены отойти, лишившись 40–45 тыс. человек, но потеряв совсем «мало пушек и вовсе мало пленных» и отступив в порядке. Французские потери оказались меньшими (по его мнению – 30 тыс., в отличие от того, что «бюллетени и дюжинные французские строчили... бессовестно врут» о 10 тыс. убитых и раненых), так как Наполеон «действовал самыми тяжелыми орудиями, и притом русских водили в бой огромными массами»¹⁵⁸. Крах похода в Россию, в чем Бородинское сражение сыграло достойную роль, способствовал «отпадению» Пруссии. Убежденный противник народной революции и даже франкофоб, Шлоссер, тем не менее, выступал за либеральный вариант единой монархической Германии. Его творения были весьма популярны среди буржуазного и мелкобуржуазного читателя, который черпал в них основные сведения о событиях русского похода. Труд Шлоссера демонстрировал, что цифры и выводы, сделанные в специальной немецкой военно-исторической литературе, постепенно становились достоянием широких кругов немецких читателей и превращались в важный элемент единой национальной памяти.

В самый канун революции – в январе 1848 г. – был подготовлен к изданию крупный труд по истории русской кампании, автором которого был Франц Рёдер, в 1812 г. офицер 1-го батальона лейб-гвардии армии Гессена, а к концу жизни – полковник Генерального штаба гессенской армии, многие годы собиравший материалы о событиях Русского похода. Отвергая «французские романы» Сегюра, он привлек «пригодные труды» Шамбрэ, Гурго, Бутурлина, Пеле, но главное – использовал некоторые рукописные материалы, подготовленные для военного руководства германских государств, и свой дневник, который он методически вел, несмотря ни на что¹⁵⁹. К сожалению, Франц Рёдер не успел издать свой труд, и это пришлось делать его сыну Карлу Давиду Августу Рёдеру (1806–1879), известному профессору права в Гейдельберге, ученику К.Х.Ф. Краузе, масону, преподававшему странную смесь идей Фихте, Шеллинга и собственных фантазий. Карл Рёдер вскоре стал членом Франкфуртского парламента и, наряду с учеными занятиями, многие годы участвовал в политической жизни.

Книга Рёдера была выдержана в строгом, беспристрастном стиле, затрагивая главным образом военную сторону событий и одновременно уклоняясь от каких-либо значительных выводов и обобщений. Численность противоборствующих армий ко времени генерального сражения автор определял по Шамбрэ и Бутурлину: 134 тыс. по ведомостям и 120 тыс. реально к 7 сентября у Наполеона и 131 тыс. – у русских, включая новобранцев и ополченцев¹⁶⁰. Подготовка к сражению и его ход были воспроизведены весьма убедительно.

¹⁵⁶ Ibid. S. XVI.

¹⁵⁷ Шлоссер Ф. Всемирная история. 2-е изд. СПб.; М., 1872. Т. 6.

¹⁵⁸ Там же. С. 598–600.

¹⁵⁹ Большая часть записей дневника была опубликована в XX в. потомком Франца Рёдера Еленой Рёдер: Roeder H. The Ordeal of Captain Roeder. L., 1960.

¹⁶⁰ Röder F. Der Kriegszug Napoleons gegen Rußland im Jahr 1812. Leipzig, 1848. S. 125–127.

Автор показал перипетии боя за Багратионовы «флеши», когда сил Даву оказалось недостаточно для их захвата и пришлось бросить корпуса Нея и Жюно, вследствие чего солдаты дивизии Ледрю вошли в южный люнет попеременно с 57-м линейным 1-го корпуса. Рёдер отметил противоречивость в указаниях на то, когда же окончательно были взяты «флеши»: если французские источники говорили о 8 утра, то в «вюртембергском отчете» значилось 11 утра!¹⁶¹ Автор отметил разночтения источников и в отношении поведения Наполеона во время рейда русской кавалерии (в описании которого он использовал книгу Клаузевица), указывая, что только Пеле говорил, будто Наполеон покинул ставку и поехал к северному флангу. Наконец, предлагая картину взятия «большого редута», Рёдер обратил внимание на вариации в описании этого события, ставя под сомнение французскую версию. При этом он использовал бумаги И. Минквица, бывшего первым лейтенантом саксонского «полка Цастрова» и адъютантом Тильмана¹⁶². Наполеон, как следовало из текста книги, встретил на Бородинском поле ожесточенное сопротивление, что и вызвало многочисленные сбои в реализации первоначального замысла. Задачи разгрома русских ему достичь не удалось. О потерях сторон в сражении Рёдер писал уклончиво, предпочитая просто перечислять противоречащие друг другу данные Ларрея, Бутурлина, 18-го бюллетеня и пр. Все же он полагал, что в плен попало до 1 тыс. русских солдат и 21 орудие, бывшее в укреплениях. Русские взяли одну полевую пушку¹⁶³.

Революция 1848–1849 гг. не принесла Германии единства на принципах либерализма, но ускорила консолидацию земель вокруг прусской монархии. Легенда о решающей роли немецких князей и королей (особенно прусских Гогенцоллернов) в освободительной борьбе 1813–1815 гг., восхищение стойкостью и героизмом немецкого солдата стали главными темами всех немецких изданий 1850-х гг., посвященных наполеоновской эпохе¹⁶⁴.

Особенно хорошо была встречена немецким читателем в 1850-е гг. книга майора в отставке доктора Генриха фон Байцке ¹⁶⁵, вскоре вышедшая и вторым изданием, переработанным с учетом книги Бернгарди и, частично, Рот фон Шрекенштайна. Байцке воспользовался многими общеизвестными источниками – работами Пеле, Гурго, Лоссберга, Клаузевица, Бутурлина, Вольцогена, Е. Вюртембергского. Но, пытаясь сохранить объективность, он все же не смог избежать тенденциозности в изложении темы Бородина, иногда прибегая к весьма легковесным материалам, скажем к работе Вентурини. Помимо этого, стремясь к взвешенному изложению событий, Байцке, по сути, подменил научный анализ простым перечислением точек зрения различных авторов. Остались невыясненными и такие ключевые вопросы, как место Бородинского сражения в планах Наполеона и Кутузова, а также его последствия. Сам ход сражения Байцке излагал в целом убедительно (хотя и допуская некоторые явные неточности), пытаясь уделять основное внимание достойной храбрости немцев с той и с другой стороны. У читателя невольно возникал вопрос: почему немцы были разделены и почему они должны были биться друг с другом ради чужих интересов? Потери сторон Байцке определял в 58 тыс. убитыми и ранеными со стороны русской армии и в 34–35 тыс. со стороны французской. Количество русских пленных он

¹⁶¹ Ibid. S. 134–141.

¹⁶² Ibid. S. 145–146; Anm. Сама книга Минквица была опубликована только в 1879 г.

¹⁶³ Ibid. S. 152–154.

¹⁶⁴ См., например: *Förster F* . Napoleon's I russischer Feldzug 1812. Berlin, 1856; *Krauss T* . Geschichte der bayerschen Heersabtheilung im Feldzuge gegen Rußland. Augsburg, 1857.

¹⁶⁵ *Beitske H* . Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812. Berlin, 1856 (далее цит. по 2-му берлинскому изд. 1862 г.).

полагал не более чем в 1 тыс. человек, а число захваченных орудий – в 13¹⁶⁶. Сражение было совершенно проиграно армией Кутузова, и все попытки русских представить Бородино как победу Байцке считал просто смешными. Освобождение Германии и всей Европы автор (как, впрочем, и большинство других немецких авторов) связывал не с войной 1812 г., а с более поздними событиями, особенно с Ватерлоо, когда «доблесть пруссаков и их знаменитого предводителя» сорвала все планы Наполеона.

Не меньшее влияние на формирование памяти о «немецком Бородине» оказала работа генерал-лейтенанта Людвиг Иоганна Карла Густава Эвсебея Рот фон Шрекенштайна (1789–1858), бывшего в 1812 г. младшим лейтенантом кавалерийского «полка Цастрова» и адъютантом Тильмана¹⁶⁷. Рот фон Шрекенштайн поставил перед собой задачу осветить роль и характер действий кавалерии Великой армии при Бородине в основном на примере 4-го кавалерийского корпуса. Всего в сражении участвовало 83 кавалерийских полка Великой армии, из которых 20 (!) были немецкими. Ключевую роль в бою у Семеновского оврага и, особенно, за батарею Раевского сыграла немецкая кавалерия, имевшая лучший, чем у французов, конский состав. Автор отверг поэтическую историю о взятии Курганной высоты Коленкуром и попытался реконструировать подлинный ход событий, отдав всю славу покорения «вулкана» саксонским, вестфальским и польским кирасирам и, отчасти, польским уланам Рожнецкого¹⁶⁸. В качестве приложения Рот фон Шрекенштайн предложил обзор состояния к 7 сентября личного и конского состава саксонской бригады, дал списки всех офицеров с указанием их служебного положения к середине 1850-х гг. Хотя работа Рот фон Шрекенштайна и была не лишена неточностей, вполне объяснимых при воспроизведении автором, нередко по памяти, давних событий, но в последующие 150 лет она стала основой для изучения многих событий Бородина немецкими, англо-американскими и русскими историками.

Внес свой вклад в формирование представлений о «немецком Бородине» и Людвиг Юстус Филипп Адольф Вильгельм Вольцоген (1774–1845). Состоявший во время сражения при Барклае-де-Толли, Вольцоген, перейдя в 1815 г. на прусскую службу, достиг чина генерала от инфантерии. Его мемуары издал в 1851 г. сын, писатель и большой поклонник Р. Вагнера¹⁶⁹. Именно из них читатель узнал о докладе, который сделал Вольцоген по поручению Барклая-де-Толли Кутузову в конце сражения о невозможности для русской армии продолжать бой и о том, как лицемерно резко главнокомандующий отчитал его за это, но ночью сам отдал приказ об отходе¹⁷⁰. Для Вольцогена и любого немецкого читателя этот эпизод был лишним доказательством той великой роли, которую сыграли немцы, участвуя в сражении на стороне как одной, так и другой боровшихся армий, тем более на фоне пустого бахвальства французов и бездарности русского командования. Л. Н. Толстой переосмыслил этот эпизод, известный ему как в пересказах М. И. Богдановича и Бернгарди, так и по мемуарам Вольцогена.

¹⁶⁶ Ibid. S. 227–228.

¹⁶⁷ Roth von Schreckenstein . Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. Münster, 1858.

¹⁶⁸ Ibid. S. 69 –122.

¹⁶⁹ Wolzogen L . Memoiren des Königlich preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherrn von Wolzogen. Leipzig, 1851.

¹⁷⁰ В архиве Исторической службы министерства обороны Франции хранится документ (SHD. C2 130), свидетельствующий, что эпизод, связанный с этой беседой Вольцогена с Кутузовым, получил широкую известность значительно раньше выхода мемуаров немецкого генерала (Земцов В. Н. Михаил Кутузов, Людвиг фон Вольцоген и жареная курица (Эпизод Бородинского сражения в историческом документе и романе Льва Толстого) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 269–279).

Во 2-й половине 1850-х гг. выпускает свою работу о жизни К. Ф. Толя Теодор фон Бернгарди (1802–1887), получивший образование в Гейдельберге под руководством Шлоссера, живший несколько лет в России, а позже, в 60-е и 70-е гг., выполнявший различные военно-дипломатические поручения прусского руководства. Помимо этого, Бернгарди сочетал занятия политэкономией (он принадлежал к так называемой «немецко-русской» экономической школе, выступавшей с критикой английских экономических теорий) с занятиями русской историей. Будучи в России близок к Толю и даже воспитывая его детей, Бернгарди, собрав во многом случайные материалы и перетолковывая устные рассказы самого Толя, издал в 1856–1858 гг. биографию последнего¹⁷¹. Остановившись в 3-м томе на участии Толя в Бородинском сражении, Бернгарди попытался противопоставить его активную деятельность вялому поведению Кутузова. К концу сражения русская армия оказалась в критическом положении и должна была отступить. Только благодаря Толю и другим немцам, воевавшим в составе русской армии, удалось сдержать войска Наполеона и не допустить полного поражения. Несмотря на явно тенденциозный характер, книга Бернгарди была тепло встречена многими немцами. Хотя в отечественной литературе и принято жестко разделять, и даже противопоставлять, взгляды Бернгарди и Толя (это делали Л. Г. Бескровный, А. Г. Тартаковский, Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский), но очевидно и другое: Толь, не имея возможности вполне откровенно изложить свои представления о Бородине в публикуемых под его именем многочисленных «Описаниях...», в устных беседах с Бернгарди мог выразиться более открыто.

Особенно заметное влияние оказала книга Бернгарди на К. Маркса и Ф. Энгельса, живших тогда в Англии и опубликовавших серию статей по военной истории для «Нью-Йорк дейли трибюн» и «Новой американской энциклопедии». Тема Бородина, вероятно, впервые начинает интересовать Энгельса, который пытался заниматься военно-исторической теорией, в 1853 г. В апреле этого года, когда назревала Крымская война, Энгельс в письме к И. Вейдемейеру всерьез ставит «практический вопрос»: «что должна делать революционная армия в случае удачного наступления на Россию?» Под «революционной армией» он понимает объединенные силы будущей демократической Европы. В этой связи он и обратился к войне 1812 г. «Русская кампания 1812 г.» была для него «темной и неясной», в частности потому, что он не мог ответить на вопрос, входило ли в оперативный план Наполеона с самого начала сразу идти на Москву или нет¹⁷². Уже во время Крымской войны, делая обзор военных действий для газеты «Нью-Йорк дейли трибюн» и описывая сражение при Альме, Энгельс вспоминает Бородино, «где русская пехота, хотя и разбитая, продолжала драться, не способная к панике»¹⁷³. В декабре того же года он совместно с Марксом вновь возвращается к теме 1812 г., пытаясь выяснить причины поражения Наполеона в походе на Москву. При этом, обращаясь к прогнозам на будущее, Энгельс и Маркс рассматривали Австрию и Германию в качестве важных участников общеевропейского (надо полагать, демократического) лагеря в борьбе с реакционной царской Россией¹⁷⁴. В 1855 г., вновь поднимая тему борьбы объединенных армий Европы против России, Энгельс обращается к Бородинской битве. Наполеон при Бородине, по его

¹⁷¹ [Bernhardi T.] Denkwürdigkeiten des Kaiserl. – russ. Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll von Theodor von Bernhardt. Leipzig, 1856–1858. Bd.1–4. См.: Тартаковский А. Г. Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г.; Его же. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 67–68.

¹⁷² Ф. Энгельс – И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г.// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 487.

¹⁷³ Энгельс Ф. Кампания в Крыму. 9 ноября 1854 г.// Там же. Т. 10. С. 544.

¹⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Развитие военных действий. 14–15 декабря 1854 г.// Там же. С. 575–576.

мнению, совершил серьезнейшую ошибку: «...он в решающий момент не двинул вперед гвардию и тем самым упустил случай помешать русским войскам отступить в полном порядке»¹⁷⁵.

Наконец, в 1857 г., когда Энгельс при участии Маркса работал для «Новой американской энциклопедии», был окончательно сформирован взгляд на Бородинское сражение. Основным источником послужил труд Бернгарди (при периодическом обращении к Жомини, которого Энгельс явно предпочитал Клаузевицу). Французская армия, имея в целом около 125 тыс. бойцов, 5 сентября потеснила русских на левом фланге, что позволило Наполеону в день генерального сражения попытаться прорвать этот фланг, «ограничиваясь наблюдением за центром русских». Весь «план Наполеона был построен на ошибках Кутузова». Несмотря на ожесточенное сопротивление русских у люнетов южного фланга и в центре (по мнению Энгельса, «редут Раевского» был взят французами к 11 часам и отбит войсками Васильчикова в начале 12-го), атаку Платова и Уварова (которая «до некоторой степени» расстроила план Наполеона), ситуация для русских складывалась критическая. Будучи сброшены с позиций у Семеновского оврага, «в беспорядке мелкими группами они бежали к Можайску, и их удалось собрать лишь поздно ночью; только три гвардейских полка сохранили некоторый порядок». Уже в 12 часов французы заняли позицию непосредственно в тылу русского центра. Около 3 часов дня русские уступили редут в центре и затем начали общее отступление. Русские потери насчитывали 52 тыс. человек; в строю на следующий день оказалось столько же. Численность французской армии, потерявшей 30 тыс., была значительно большей, особенно с учетом сохранившегося гвардейского резерва в 14 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалерии и артиллерии. Французам удалось захватить 40 орудий и 1 тыс. пленных. «Если бы Наполеон ввел в сражение свою гвардию, то, по словам генерала Толя, – писал Энгельс вслед за Бернгарди, – русская армия была бы наверняка уничтожена. Однако он не рискнул своим последним резервом... и, может быть, поэтому упустил возможность заключения мира в Москве»¹⁷⁶. Энгельс еще не раз обращался к Бородинской битве¹⁷⁷. Однако, хотя отношение пренебрежительного превосходства к русским у Энгельса постепенно проходило, его представления о Бородине остались, по-видимому, неизменными.

В 1860-е гг., когда в германской исторической науке господствующие позиции все более стали занимать «малогерманцы» (Г. Зибель, Г. Трейчке и др.), превознося деятельность прусской монархии, продолжали выходить многочисленные материалы немецких участников Бородинского сражения¹⁷⁸, наиболее важными среди них были воспоминания Франца Людвиг Августа фон Меерхайма (1785–1858), первого лейтенанта саксонского полка Гар дю Кор, впоследствии полковника и адъютанта короля Саксонии, изданные сыном. Вместе с ними были опубликованы письма «с берегов Волги» его командира полковника А.В.Ф. Лейсера, попавшего в день сражения в русский плен. Эти материалы окончательно закрепляли саксонскую версию взятия «большого редута», которая почти напрямую оспаривала французскую версию, ставшую к тому времени символом военной

¹⁷⁵ Энгельс Ф. Армии Европы // Там же. Т. 11. С. 439.

¹⁷⁶ Энгельс Ф. Бородино // Там же. Т. 14. С. 256–261. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Барклай-де-Толли // Там же. С. 92–94.

¹⁷⁷ См., например: Энгельс Ф. Кавалерия // Там же. Т. 14. С. 324; Ф. Энгельс – К. Марксу. 23 мая 1862 г. // Там же. Т. 30. С. 196.

¹⁷⁸ *Meerheim F. L.A.* Op. cit. (в виде приложения были опубликованы воспоминания полковника А. Ф. Лейсера, командира полка Гар дю Кор – S. 278–301); *Suckow K.* Aus meinem Soldatenleben. Stuttgart, 1862; *Schehl K.* Selbstbiographie des jüngsten niederrheinischen Veteranen der Großen Aemee von 1812. Krefeld, 1862; *Martens C.* Vor fünfzig Jahren. Tagebuch meines Feldzuges in Rußland 1812. Stuttgart, 1862 (1-е изд. было в 1814 г.); etc.

славы и предметом гордости французов. Пройдет 10 лет, и германские войска растопчут французскую армию, с которой они воевали бок о бок на Бородинском поле. Большой интерес представляли также мемуары мекленбуржца Карла Фридриха Эмиля фон Зукова (1787–1863), который в 1812 г. был лейтенантом 4-го вюртембергского полка линейной пехоты в 25-й вюртембергской дивизии корпуса Нея и участвовал в бою у Семеновских укреплений, а также воспоминания Карла Шееля, трубача 2-го карабинерного полка из дивизии Дефранса. Продолжали публиковаться и переводиться на немецкий язык специальные работы¹⁷⁹. Весь этот поток литературы апеллировал к чувству гордости немецких солдат за подвиги, проявленные на Бородинском поле, звал к новым победам во имя единой Германии и к мщению за страдания и унижения, которые достались немцам по вине французского императора в начале века.

После Франко-прусской войны и образования Германской империи память о Бородинском сражении продолжала оставаться важным формирующим элементом немецкой политической, исторической и военной культуры. Разница заключалась только в том, что коллективная память непосредственных участников событий 1812–1815 гг. теперь все более замещалась коллективными представлениями того поколения немцев, для которого страшная эпопея 1812 г. и последующее освобождение Германии были миром преданий и легенд. Романтизированное восприятие славного прошлого стало определять поступки государственных, политических и военных деятелей, а нередко немецких обывателей и рабочих на рубеже XIX–XX вв. «Государственная германская идея» и «германский дух», – писал наиболее влиятельный в то время историк Ф. Мейнеке, духовно объединивший реформаторов и реакционеров, о 1813 г., – наконец-то «нашли друг друга»: в огне борьбы произошло их мистическое слияние, истинным выразителем которого стало Прусское государство¹⁸⁰. Важнейшим фактором, предопределившим интерес немцев рубежа XIX–XX вв. к эпохе Наполеоновских войн, и в частности к 1812 г., стала проблема войны для Германии на два фронта. На многочисленных примерах сражений наполеоновской эпохи, в том числе Бородинской битвы, Йорк фон Вартенбург и Фрейтаг-Лорингофен демонстрировали роль морального фактора, под которым они понимали прежде всего гений полководца, для исхода сражения. При этом исход всей вооруженной борьбы, по их мнению, мог быть решен только через сражение. Поэтому в сражении необходимо, хладнокровно жертвуя собственными войсками, добиваться полного уничтожения противника¹⁸¹. В данном случае, по мнению прусских военных теоретиков, кампания 1812 г. и Бородинское сражение были свидетельством заката гения Наполеона, но не его принципов. Литература такого рода оказала сильнейшее влияние на немецкий Генеральный штаб, в том числе при подготовке к Первой мировой войне.

На рубеже веков о кампании 1812 г. и о Бородине вышло множество воспоминаний и работ мемуарного характера: воспоминания Г. фон Брандта (1789–1868), человека удивительной судьбы, офицера 2-го полка Легиона Вислы, который поведал о перипетиях борьбы за «большой редут» 7 сентября; целая серия публикаций о действиях 8-го вестфальского корпуса в районе Утицкого леса (подполковника И. Л. Бёдикера, раненного в день битвы пулей в рот навывлет, капитана Й. Борке, капитана Линзингена, подполковника Л.

¹⁷⁹ *Smitt F.* Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812, nach archivalischen... Leipzig; Heidelberg, 1861; *Bogdanovitch M. I.* Geschichte des Feldzuges im Jahre 1812. Leipzig, 1863; etc.

¹⁸⁰ *Кан С. Б.* Освободительная борьба в немецкой исторической литературе // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 131.

¹⁸¹ *York von Wartenburg M.* Napoleon als Feldherr. Berlin, 1884; *Freitag-Loringhoven.* Mit welchen Mittelworte er erstrebt? // Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik. Berlin, 1903. Bd. 3. См. также: *Гельмерт Г.* Освободительная война 1813 г. в военно-исторической литературе прусского генерального штаба // Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965. С. 357–371.

В. Конради); мемуары лейтенанта 1-й вюртембергской конной батареи Х.В.А. Флейшмана, бок о бок сражавшегося с батареями 2-го кавалерийского корпуса; воспоминания В. А. Фоссена, немца из 57-го линейного французского полка 5-й дивизии Компана, боровшегося за Семеновские укрепления; лейтенанта К.А.В. Веделя, воевавшего в 9-м полку шеволежеров-лансьеров; и т. д.¹⁸² Были опубликованы на французском языке и воспоминания В. Г. Левенштерна, адъютанта Барклая-де-Толли, представившие взгляд немца с позиции русских и оспаривавшие подвиг А. П. Ермолова в отбитии у неприятеля Курганной высоты¹⁸³.

Война 1812 г. нашла отражение и в многочисленных полковых историях и историях армий отдельных немецких государств¹⁸⁴. Целый ряд работ был специально посвящен войне 1812 г. и участию немецких контингентов в Бородинском сражении¹⁸⁵. Среди них наибольший интерес вызывали книги известного писателя Карла Блейбетрау и военного историка К. Остен-Сакена, которые попытались критически подойти к имевшемуся в те годы документальному материалу. Так, Блейбетрау, используя уже широко известные к тому времени работы французских и русских авторов, попытался подтвердить данные Денье о потерях Великой армии в 28 тыс. человек. Остен-Сакен склонялся к той же цифре, определяя русские потери в 52 тыс.¹⁸⁶ Но ни тот, ни другой автор, собственно, не претендовал на новое слово в освещении Бородина. Общей чертой их работ был особый акцент на бессмысленности жертв, понесенных народами германских государств.

Своего рода «классическим» немецким исследованием по Бородинскому сражению стал в те годы труд Максимилиана фон Дитфурта, бывшего гессенского капитана, историка гессенской армии, умершего от гипертонии вследствие тяжелой исследовательской работы¹⁸⁷. Дитфурт определял, вслед за Пеле, силы Наполеона к началу Бородинского сражения в 130 тыс. человек. Придирчиво подсчитав в процентах, сколько солдат и лошадей, перешедших Неман, и в каком состоянии смогло добраться до генеральной баталии, он делал

¹⁸² *Brandt H.* Aus dem Leben des Generals der Infanterie Heinrich von Brandt. Berlin, 1868. Bd.2 (уже в 1870 г. началась публикация 2-го немецкого изд.; французское изд.: *Brandt H.* Souvenirs d'un officier polonais. P., 1877; отрывки, опубликованные на русском: *Брандт Г.* Воспоминания // Записки современников 1812 года. СПб., 6. г.); *Die militärische Laufbahn L. Boedicker // Beiheft zum Militär-Wochenblatt.* 1880. Hft.1; *Borke J.* Kriegerleben des Johann von Borcke, weiland kgl. Preuss. Oberstlieutenants, 1806–1815. Berlin, 1888; *Linsingen .* Auszug aus dem Tagebuch // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1894; *Conrady W.* Aus sturmischer Zeit. Berlin, 1907; *Fleischmann Ch.W.A.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1892; *Vossen A.* Tagebuch des Lieutenants Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Rußland 1812. Marburg, 1892 (русское изд.: Дневник поручика Фоссена); *Wedel C. A.W.* , von. Op. cit.

¹⁸³ *Löwenstern W. H.* Mémoires du général-major Russe baron de Löwenstern. s. l., 1903. Т. 1–2.

¹⁸⁴ См., например: *Schuster O., Frank F. A.* Geschichte der Sächsischen Armee. Leipzig, 1885. Т. 2; *Ulrich M.* Die Königs-Schevaulegers. Gedenklätter aus der Geschichte des königlich bayerischen 4. Schvaulegers-Regiments "König". München, 1892; *Barschewisch, von .* Geschichte des Grossherzoglich badischen Leib-Grenadier Regiments, 1803–1871. Karlsruhe, 1893; *Kattrein L.* Ein Jahrhundert deutscher Truppengeschichte dargestellt an derjenigen des Grosse Hessischen Kotingents 1806–1906. Darmstadt, 1907; etc.

¹⁸⁵ *Welden L.* Der Feldzug der Oesterreicher gegen Rußland im Jahre 1812. Wien, 1870; *Horsetzky A., von .* Der Feldzug 1812 in Rußland. Wien, 1889; *Bleibtreu K.* Der russische Feldzug 1812. Leipzig, 1893; *Exner M.* Der Antheil der Königl. Sächsischen Armee am Feldzuge gegen Rußland, 1812. Leipzig, 1896; *Osten-Sacken C.* Der Feldzug von 1812. Berlin, 1901; *Bleibtreu K.* Die Grosse Armee. Stuttgart, 1908. Bd.3; Heilmann. Die Bayerische Cavallerie Division Preysing im Feldzuge von 1812 // Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine. 1875. Bd.17; *Minckwitz A.* , von. Die Brigade Thielmann in dem Feldzuge 1812. Dresden, 1879.

¹⁸⁶ *Bleibtreu K.* Der russische Feldzug. S.62–63; Idem. Die Grosse Armee. S. 103; *Osten-Sacken C.* Op. cit. S. 127, 330–331.

¹⁸⁷ *Ditfurth M.* Die Schlacht bei Borodino am 7. September 1812. Marburg, 1887.

вывод о значительной, если не решающей роли немецкой кавалерии в Бородинском сражении. Состояние собственно французской кавалерии, полагал Дитфурт, было значительно худшим, тем более что «вообще французы являются плохими кавалеристами». В подсчетах численности русских сил автор, опираясь исключительно на немецких авторов, отметил противоречивость данных, но отдал все же предпочтение цифре 142 тыс., включив сюда и ополченцев¹⁸⁸. Особенно подробно, обращаясь к работам Рот фон Шрекенштайна, Буркесроды, Рёдера и других немцев, Дитфурт описал организацию, вооружение, личный состав, а также моральный дух немецких контингентов к Бородинскому бою и пришел к выводу об их удовлетворительном (в отличие от французских контингентов) состоянии. Вполне убедительно, нередко детализируя, Дитфурт осветил главные события сражения, подчеркнув ожесточенность боя за Багратионовы «флеши», которые были взяты к 10 часам, Утицкий лес и д. Семеновское. Всюду немецкие войска сыграли решающую роль. Там, где французы действовали «в одиночку», как, например, при атаке Бонами батареи Раевского, все заканчивалось неудачей. Особую роль сыграла немецкая кавалерия в окончательном покорении «большого редута» и кавалерийском бое к востоку от него. Ключевую роль немцев Дитфурт отметил и в действиях противоборствующей русской армии – Е. Вюртембергского, Вольцогена и др. Хотя сражение и не закончилось полным разгромом русской армии, что Дитфурт связывал, прежде всего, с ошибками французского командования, недостаточно хорошей организацией и моральным состоянием французских частей, русские потери составили 40–45 тыс. (10–12 тыс. убитыми и 30–33 тыс. ранеными), 30 орудий и 5 тыс. пленными. Французские потери составили 30 тыс. человек.

В 1910–1914 гг. выходит особенно многочисленная немецкая литература, посвященная кампании 1812 г.¹⁸⁹ Это было вызвано не только столетним юбилеем великих событий, но и совершенно новой социальной и духовно-психологической ситуацией в Германии. Народ становился армией и по-новому понимал долг, достоинство и авторитет. Примером того может служить работа социал-демократа Франца Меринга (1846–1919) «От Тильзита до Таурогена», опубликованная в 1913 г. В начале XIX в., полагал он, завоевательные стремления Французской революции «столкнулись с дикими захватническими инстинктами азиатской деспотии». 7 сентября 1812 г. Кутузов проиграл генеральное сражение. «...Если ужасная битва явилась все же для русских почетным поражением, то это заслуга Барклая, а не Кутузова, который бражничал вдали от поля сражения и имел бесстыдство донести царю, будто была одержана победа. Ответом на это явилось вступление Наполеона в Москву 14 сентября». Однако к Бородину у Наполеона было только 120 тыс., и пространства России быстро поглотили его армию. Последующее освобождение Германии Меринг категорически отказывался связывать с результатами Русского похода¹⁹⁰.

¹⁸⁸ Ibid. S. 5–12.

¹⁸⁹ В те годы в Германии был издан и переиздан большой объем мемуарной литературы, так или иначе освещавшей участие немцев в Бородинском сражении: *Lossberg F. W.* Briefe des Westphälischen Stabsoffiziers vom russischen Feldzug des Jahre 1812. Berlin, 1910 (в 1911 г. вышло лейпцигское изд., а в 1919 г. – снова берлинское); *Wachsmuth J.* Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft... Magdeburg, 1910; *Württembergische im Russischen Feldzug 1812* // *Württembergische Volksbücher*. Stuttgart, 1911; *Morgenstern F.* Kriegserinnerungen aus Westfälischer Zeit. Wolfenbüttel, 1912; *Behm W.* Die Mecklenburger 1812. Hamburg, 1912; *Furtenbach F.* Krieg gegen Rußland und russische Gefangenschaft. Nürnberg; Leipzig, 1912 (русское изд.: *Фюртенбах* . Из воспоминаний баварской службы обер-лейтенанта Фюртенбаха о походе в Россию в 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 181–194); *Hochberg W.* La campagne de 1812. Mémoires du Margrave de Bade (le comte de Hochberg). P., 1912; *Obst A.* Die Hamburger 1812 im Russischen Feldzuge. Hamburg, 1912; *Preysing-Moos M.* Tagebuch. Munich, 1912; *Roos H.* Mit Napoleon in Rußland. Stuttgart, 1911; *Rüppell E.* Kriegsgefangen im Herzen Rußlands. 1812–1814. Berlin, 1912; *Schehl K.* Mit der Grossen Armee 1812 von Krefeld nach Moskau. Düsseldorf, 1912; etc. Публиковались, хотя и в меньшем количестве, и собственно исторические работы: *Gerdes A.* Die Geschichte der Truppen Bergrs und Westfalen 1812 in Rußland. Langendreer, 1914; etc.

¹⁹⁰ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М., 1956. С. 273–327.

Наибольшую известность приобрели вышедшие накануне Первой мировой войны работы авторитетного немецкого историка Пауля Хольцхаузена¹⁹¹, особенно книга «Немцы в России в 1812 г.». Попытавшись учесть всю массу опубликованных к тому времени документов, дневников и воспоминаний немцев – участников русского похода, Хольцхаузен создал масштабную и исторически достоверную картину Бородинской битвы. В его книге участники сражения как бы рассказывали сами о том, что они видели, как боролись и страдали. Со страниц работы Хольцхаузена вставала более сложная, чем привыкли убеждать себя в последние годы немцы, картина взаимоотношений наций в составе Великой армии и движущих сил, побуждавших немецких солдат воевать на стороне Наполеона. Не только воинская честь, но и стремление скорее прекратить страдания, а нередко и надежда получить свою долю славы, – вот что двигало немцами при Бородине. И вместе с тем Хольцхаузен оттенил гуманизм и лиризм чувств, которые, по его мнению, были характерны для немецкого солдата, при любых обстоятельствах остававшегося, прежде всего, человеком. Общие потери Великой армии Хольцхаузен оценивал в 28 тыс., в то время как русские потери – в 52 тыс. человек¹⁹². Но победа была «незавершенной» из-за отказа Наполеона ввести в бой основную часть своей гвардии. Причину этого решения автор усматривал как в стратегических соображениях Наполеона, так и в физическом и душевном состоянии великого полководца, впрочем не сделав каких-либо окончательных собственных выводов¹⁹³.

Тяжелейшие испытания 1914–1918 гг. и поражение Германии заставили немцев на время отказаться от романтически-воинственных оценок событий наполеоновской эпохи. В течение более десяти лет преобладали в целом умеренно-либеральные воззрения, соединенные с признанием роли прусской монархии и преисполненные чувством долга немецкой армии в деле возрождения Германии¹⁹⁴. Интерес к собственно военной истории 1812 г. был невелик¹⁹⁵. Характерные взгляды немецких историков в это время на события Бородина выразил очередной том «Истории военного искусства в рамках политической истории» Ганса Дельбрюка, вышедший в 1919 г.¹⁹⁶ «Наполеон разбил русских под Бородином, – писал Дельбрюк, – взял Москву, был вынужден отступить и во время отступления потерял почти всю свою армию». Главная причина поражения Наполеона заключалась, однако, не в морозе и не в стойкости русских под Бородином, но в недостатках снабжения и в плохом людском составе многих частей Великой армии.

¹⁹¹ Holzhausen P. Erinnerungen Heinrichs von Roos. Stuttgart, 1910; Idem. Die Deutschen in Rußland 1812; Leben und Leiden auf der Moskaner Heerfahrt. Berlin, 1912; Idem. Ein Verwandter Goethes im russischen Feldzuge, 1812. Berlin, 1912. Хольцхаузен был автором предисловия к сборнику воспоминаний участников войны 1812 г. (среди которых были немцы Роос, Брандт, В. Г. Левенштерн и Е. Вюртембергский), вышедшему на русском языке в С.-Петербурге накануне юбилея великого события: Записки современников 1812 года. СПб., б. г.

¹⁹² Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S. 103.

¹⁹³ Ibid. S. 105–106.

¹⁹⁴ См., например: Ritter G. Stein. Berlin, 1931. Bd. 1–2.

¹⁹⁵ Одной из немногих книг по 1812 г., вышедших в эти годы, были воспоминания Фердинанда Функа: Funck F. In Rußland und Sacheen 1812–1815. Dresden, 1930. На следующий год вышло английское изд. мемуаров Функа, посвященное более раннему периоду: Funck F. In the Wake of Napoleon: Being the Memoires (1807–1809) of Ferdinand von Funck... L., 1931.

¹⁹⁶ Мы воспользовались 2-м русским изд.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 320.

Картина в оценках событий 1812 г. существенно изменилась с приходом к власти нацистов. 1813 год превратился в прообраз 1933 года, а Шарнгорст и Гнейзенау стали предвестниками воссоединения германского духа и германской власти¹⁹⁷. На страницах целого ряда изданий рождается «гитлеровское Бородино»¹⁹⁸, наполненное героическими поступками немецких воинов, не имеющих ничего общего с космополитическим духом Запада и рождающих подлинный дух немецкой народной свободы.

Подготовка плана «Барбаросса» заставила гитлеровское командование обратить пристальное внимание на военные аспекты кампании Наполеона в 1812 г. Г. Блюментрит, начальник штаба 4-й армии, наступавшей в 1941 г. на Москву, вспоминал, как накануне войны немецкие офицеры изучали русскую кампанию Наполеона: «Места боев Великой армии Наполеона были нанесены на наши карты, мы знали, что вскоре пойдем по следам Наполеона»¹⁹⁹. Немцы осознавали, что «все войны, которые вела Россия, были жестокими и кровопролитными... Наполеон считал Бородинское сражение самым кровопролитным из всех своих боев»²⁰⁰. Изучение событий 1812 г. показало необходимость разгромить русские армии западнее Днепра и Западной Двины. «Если они смогут, – писал Блюментрит о Красной армии, – отойти нетронутыми за эти водные преграды, мы столкнемся с той же проблемой, которая стояла перед Наполеоном в 1812 г.»²⁰¹. При этом германское руководство ошибочно надеялось, что широкомасштабное использование техники позволит исключить всякую возможность повторения ситуации 1812 г.²⁰²

22 июня 1941 г., почти в тот же день, что и Наполеон, Германия начала военные действия против Советского Союза. «Перед глазами у меня до сих пор стоит живая картина первых недель войны, – вспоминал в 50-е гг. Блюментрит, – невыносимая жара, огромные облака желтой пыли, поднимаемой колоннами...» Как это было похоже на ту картину, которую нарисовал немец Брандт, совершавший в колоннах наполеоновской армии марш на Москву в 1812 г.! «Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией»²⁰³. Поразительно похожими были также и настроения солдат гитлеровского вермахта и бойцов Великой армии перед генеральной битвой: «Каждому солдату немецкой армии, – писал Блюментрит, – было ясно, что от исхода битвы за Москву зависит наша жизнь или смерть». На Бородинском поле фельдмаршал фон Клюге (который, кстати сказать, нередко в шутку сравнивал себя с маршалом Неем) обратился к четырем батальонам французского легиона «с речью, напоминая о том, что во времена Наполеона французы и немцы сражались бок о бок против

¹⁹⁷ Blaschke R. Carl v. Clausewitz. Berlin, 1934; Botzenhart E. Deutsche Revolution 1806–1813. Hamburg, 1940.

¹⁹⁸ Lünsmann F. Die Armee des Königsreichs Westfalen 1807–1813. Berlin, 1935; Gerhardt O. Die Württemberger in Rußland 1812. Stuttgart, 1937; Blankenhorn E. 1812. Badischen Truppen in Rußland. Karlsruhe, 1937.

¹⁹⁹ Блюментрит Г. Московская битва // Роковые решения. М., 1958. С. 68.

²⁰⁰ Там же. С. 73.

²⁰¹ Там же. С. 74–75.

²⁰² Ланес Ф. Значение прогрессивных традиций Отечественной войны 1812 г. и освободительной войны 1813 г. для антифашистского движения в Германии // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 288.

²⁰³ Блюментрит Г. Указ. соч. С. 93.

общего врага»²⁰⁴. Но, если Наполеон все же смог войти в Москву, гитлеровскому вермахту этого сделать не удалось. Пытаясь проводить параллели между поражением Великой армии и гитлеровского вермахта, генералы Г. Гудериан²⁰⁵ и Блюментрит указывали на такие общие причины, как недооценка противника, растянутость коммуникаций, что затрудняло снабжение войск, и стратегические просчеты. Причем просчеты Гитлера они объясняли его авантюристичностью, тем, что этот «мечтатель игнорировал время, пространство и ограниченность немецкой мощи». «Наполеон был не французом, – писал Блюментрит, – а итальянцем с Корсики... Гитлер был не чистым немцем, а австрийцем»²⁰⁶.

После 1945 г. начался долгий путь преодоления немцами страшной трагедии нацистского рейха. У восточных немцев и западных это происходило по-разному. Но важной опорой в прошлом в этом преодолении и для тех и для других были события Наполеоновских войн. Историки ГДР предпринимали попытки провести параллель между предательством немецкими монархами в 1812 г., превратившими своих солдат в пушечное мясо армии Наполеона, и государственными деятелями Третьего рейха, напавшими на СССР в 1941 г.²⁰⁷ Особое внимание уделялось роли, которую сыграла стойкость русских войск при Бородине для подъема национально-освободительной войны немецкого народа в 1813 г. «Без Бородина не было бы Лейпцига», – сказал крупнейший исследователь Восточной Германии Л. Штерн в 1963 г. на совместной сессии историков ГДР и СССР, посвященной 1813 г.²⁰⁸ При этом восточногерманские историки, много говоря о народном немецком патриотизме, не уделяли практически никакого внимания участию немецких воинских контингентов в походе 1812 г. О Бородине говорилось либо словами советских историков П. А. Жилина и Л. Г. Бескровного (в основополагающей для восточногерманской историографии фундаментальной «Германской истории» отмечалось, что при Бородине пало до 50 тыс. офицеров и солдат Великой армии и 40 тыс. русских, и поэтому вхождение Наполеона в Москву только со 100 тыс. солдат стало началом его стратегического поражения²⁰⁹), либо вскользь²¹⁰, либо вообще ничего²¹¹.

В Западной Германии ситуация была иной. Хотя принято считать, будто вплоть до 1960-х гг. в Западной Германии господствовал тезис о том, что нацистская диктатура являлась разрывом с национальным прошлым, но обращение к тематике наполеоновской эпохи дает несколько иную картину. Скажем, такой влиятельный западногерманский историк, как Риттер, на протяжении 2-й половины 40-х – середины 60-х гг. неизменно проводил идею об исторической связи между гитлеровским фашизмом и тем национализмом, который был связан «с полями битвы под Лейпцигом». «Авантюристам» типа Гнейзенау, пытавшимся мобилизовать массы, Риттер противопоставлял честных

²⁰⁴ Блюментрит Г. Указ. соч. С. 99.

²⁰⁵ Гудериан Г. Опыт войны с Россией // Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. М., 1957. С. 114–116.

²⁰⁶ Блюментрит Г. Указ. соч. С. 66, 109.

²⁰⁷ См., например: Абуш А. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962; Норден А. Народ восстал и победил // Освободительная война 1813 г... С. 5–7; и др.

²⁰⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964. С. XII–XIII.

²⁰⁹ Deutsche Geschichte. Berlin, 1967. Bd. 2. S. 482.

²¹⁰ Borodino // Meyers neues Lexicon. Leipzig, 1972. Bd. 2. S. 482.

²¹¹ Markov W., Helmert H. Battles of Word history. Leipzig, 1978.

солдат-профессионалов, которые при любых обстоятельствах неизменно руководствовались чувством долга²¹². «Разгулу народного духа» западногерманские историки до известной степени противопоставляли организующую и сдерживающую роль монархий²¹³. Но это не было реанимацией «прусской легенды». Германия, будь то «революционная» или «прусская», не противопоставлялась Западу, а рассматривалась как его органическая часть.

Подобно тому, как после крушения наполеоновской Франции А. де Виньи поднял вопрос о чести и достоинстве солдата, о чести и достоинстве воина заговорили после 1945 г. и немцы. Пытаясь снять с немецкого солдата ответственность за преступления Третьего рейха, западногерманские авторы обратились к более ранней истории, стремясь показать немецкую армию носителем высших моральных качеств²¹⁴. Решению этой задачи во многом были подчинены издания, где затрагивалась тема Русского похода и Бородина²¹⁵. Эти книги добавляли некоторые детали, но сколь бы то ни было серьезно не влияли на представления немцев о Бородине. Своеобразным отражением новой Германии, в чем-то ставшей интегрированной частью единого Запада, явился выход работ англичанина Дигби Смита, который многие годы служил в назовских структурах в Западной Германии и публиковался под немецким псевдонимом Отто фон Пивка²¹⁶. Его взгляды на Бородино в целом вписываются в англо-американскую традицию, но отличаются большим вниманием к немецким источникам и обнаруживают теплую симпатию к немецким солдатам Великой армии.

В последние десятилетия немецкие историки не опубликовали ни одной работы, которая бы могла свидетельствовать о существовании сегодня хотя бы поверхностного интереса к теме Бородина²¹⁷.

Итак, Бородинское сражение стало для немцев важнейшим элементом коллективной памяти и коллективных представлений о прошлом. С удивительным постоянством «призрак Бородина» возрождался всякий раз, когда немецкий народ оказывался перед той или иной важной проблемой в своей истории. Витавший над полем Бородина немецкий национальный

²¹² Ritter G. Geschichte der Bildungsmacht. Stuttgart, 1946; Idem. Staatskunst und Kriegshandwerk. München, 1954. Bd. 1; Норден А. Указ. соч. С. 22; Бок Г. Французская революция и немецкое освободительное движение в немецкой реакционной историографии // Там же. С. 385–389; Петряев К. Д. Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев, 1969; и др.

²¹³ См., например: Höhn R. Op. cit.

²¹⁴ См., например: Пухт В. Указ. соч.

²¹⁵ Kraft H. Die Württemberger in den Napoleonischen Kriegen. Stuttgart, 1953; Schubert F. Unter dem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen im russischen Offizierdienst 1789–1814. Stuttgart, 1962; Golling E. Die Schlacht bei Borodino // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1962. № 12. S. 501–517; Wesemann J. H. C. Kanonier des Kaisers. Kriegstagebuch der Heinrich Wesemann. Köln, 1971; Lenschrer P. Nur Wenige Kamen Zurück 3000 Bayern mit Napoleon im Rußland. Pfaffenhofen, 1980; Kersten F., Ortenburg G. Die Sachische Armee von 1763 bis 1862. Berum, 1982.

²¹⁶ Pivka O. Armies of 1812. Cambridge, 1977; Idem. Armies of the Napoleonic Era. N.Y., 1979; Smith D. Borodino. Moreton-in-March, Gloucestershire, 1998.

²¹⁷ Полагаем, что тема 1812 года в целом немцев (как профессиональную историческую корпорацию, так и околонучные круги) продолжает интересовать. Об этом говорит деятельность Ф. Мерле, принявшего участие в проекте Германского исторического института в Москве по изданию дневника и мемуаров Г. Фосслера (Фосслер Г. На войне под наполеоновским орлом), К. Шарфа, работающего над биографией и наследием «московского немца» А. В. Нордхофа, и Т. Штамм-Кульмана, которого привлекает проблематика исторической памяти о 1812 году (См.: После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы: сб. ст. / под ред. Д.А. Сдвижкова. М., 2015).

дух принимал в дальнейшем самые разнообразные формы: от «прусско-гогенцоллерновской идеи» до антизападного и антирусского национализма и прорусского социализма. Данный феномен может быть истолкован либо как вольное обращение немецких интеллектуалов и политиков с податливой массой «исторической памяти» Бородин, либо как результат многообразия сильнейших импульсов, посылаемых из прошлого немецкими солдатами Бородин своим потомкам-соотечественникам. Так или иначе, многочисленные интерпретации Бородин были связаны с осмыслением таких важнейших проблем истории, как взаимоотношения Германии и Франции, Германии и России, как место и роль Германии в формирующихся общеевропейских структурах, и с рядом других. Интерес к событиям 1812 года в германской историографии сохраняется и по сей день, хотя проявляется он и не столь интенсивно, как это было нередко ранее.

1.2.2. «Польское» Бородино

Среди многочисленных, но не всегда верных союзников Наполеона особым рвением и последовательностью в борьбе с русскими в 1812 г. отличались поляки. Это была их война, война за свободу, «вторая польская война», как назвал ее Наполеон в своем обращении при переходе Немана. Большинство поляков всерьез воспринимало тезис наполеоновской пропаганды о том, что поход 1812 г. – это поход против варварства, который закончится наступлением счастливой эпохи в истории человечества²¹⁸. Готовясь к битве под Москвой, а затем вступая в русскую столицу, многие из поляков обращались к картинам далекого прошлого, вплетая происходившие события в ткань своей национальной истории. «Можно понять, какое испытывал я чувство при виде древней столицы царей, возбудившей во мне столько великих исторических воспоминаний, – обращался под влиянием трагических польских событий 1830–1831 гг. к своим ощущениям 1812 г. Роман Солтык, состоявший в день Бородин адъютантом генерала М. Сокольниковского. – Над ней в начале XVII столетия победоносные поляки водрузили свое знамя, и перед ним преклонялся московский народ, признав своим государем сына нашего короля. И вот их потомки, сражаясь в фалангах Наполеона, пришли во второй раз осенить ее своими победоносными орлами. Все эти победы моих соотечественников, старые и новые, сливались в одно целое в моем воображении, и я припоминал деяния Ходкевичей, Жолкевских и Сапег, заставлявших трепетать Московское царство»²¹⁹.

Стоит ли говорить, что Бородино было воспринято его польскими участниками как победа, достигнутая во многом усилиями и кровью поляков? «До Москвы известия были великолепны», – вспоминала графиня А. Потоцкая, находившаяся тогда в Варшаве. Но когда началось отступление, «отчаяние охватило всех»²²⁰. Рушились столь долго лелеянные надежды на то, что «вторая польская война» завершится возрождением Польского государства. Большинство поляков, современников 1812 г., упорно не хотело видеть, что вся «польская» политика Наполеона уже давно была подчинена решению исключительно

²¹⁸ См., например, специальную брошюру, выпущенную по этому поводу в Париже: *Montgaillard G. H.M. Seconde guerre de Pologne, ou Considération sur la paix publique du continent*. P., 1812. В советской историографии делались попытки поставить под сомнение антирусские настроения среди поляков в 1812 г. (см., например: *Абалихин Б. С.* Поход русской армии в Польшу в конце 1812–1813 г.// Из истории классовой и национально-освободительной борьбы народов дореволюционной и советской России. Волгоград, 1975. С. 57–96).

²¹⁹ *Soltyk R.* Опр. cit. P. 259–260.

²²⁰ *Потоцкая А.* Мемуары графини Потоцкой. СПб., 1915. С. 217, 219. Из 74 722 человек польских войск Великого княжества Варшавского вернулось на родину лишь 6 тыс. (*Новацкая М.* Поляки в войне 1812 года// Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 178).

военных задач, а энтузиазм и антирусские чувства поляков должны были обеспечить ему «пушечное мясо»²²¹. Но вскоре трагические для поляков события Русского похода подернутся дымкой забвения, Адам Мицкевич воспевает прекрасную «весну великих битв» 1812 г., и останутся только воспоминания о чудесных надеждах на освобождение, казавшихся тогда столь реальными, особенно после разгрома русских в битве под Москвой. Эта «польская романтизация» Бородин только усилится благодаря трагическим событиям 1831 г., когда во главе польских войск окажутся герои Бородинского сражения Я. З. Скржинецкий (1786–1861), в 1812 г. капитан 16-го пехотного полка, М. Рыбинский (1784–1874), в 1812 г. подполковник 15-го пехотного полка, и многие другие, вновь встретившиеся на поле боя с русскими, тоже нередко героями Бородин (как, например, генерал И. Ф. Паскевич).

По сути, именно разгром польского восстания 1831 г. послужил толчком к появлению польской историографии 1812 г. В книге Станислава Богуславского, посвященной жизни Юзефа Понятовского, военного министра Великого княжества Варшавского, командира 5-го (польского) корпуса Великой армии, ставшего в 1813 г. маршалом Франции, были строки, посвященные героической борьбе поляков в Бородинском сражении²²². Почти одновременно с тем, как А. Мицкевич создавал в 1832–1834 гг. знаменитую шляхетскую историю 1811–1812 гг. «Пан Тадеуш», Роман Солтык, польский граф, в 1812 г. командир эскадрона, состоявший при топографическом бюро Великой армии в качестве адъютанта Сокольниковского, тоже в отрыве от родины писал воспоминания о событиях Русского похода. В 1836 г. они, наконец, были изданы в Париже²²³. Собственно мемуары были существенно дополнены общеисторическими сюжетами, основанными главным образом на французских источниках и литературе. Это делало работу Солтыка первым историческим исследованием кампании 1812 г., вышедшим из-под пера поляка. Книга Солтыка отличалась явной антирусской направленностью. Несмотря, в целом, на верные подсчеты численности сторон перед Бородинским сражением (103 тыс. пехоты, 31 тыс. кавалерии и 587 орудий в Великой армии на момент переклички в Гжатске; 114 тыс. регулярных и 17 тыс. иррегулярных войск и ополченцев в русской), цифры потерь выглядели, по меньшей мере, странными: русские потеряли 50 тыс., тогда как французы и их союзники – только 18²²⁴. И все же Солтык писал о результатах сражения как о недостаточно решительных. Некоторые ремарки, передававшие слова генерала Сокольниковского, который отвечал за разведку всей Великой армии и 7 сентября фактически исполнял роль координатора между Наполеоном и 5-м корпусом, заставляли читателя часть ответственности за нерешительные результаты баталии возлагать и на Понятовского. Последний, командуя корпусом, вывел его к русским позициям недостаточно быстро и тем самым не смог синхронизировать его действия с действиями основной группировки наполеоновской армии²²⁵. Солтык же полагал, что главная причина была в том, что русские своевременно передвинули на Старую Смоленскую дорогу корпус

²²¹ См., например: *Askenazy S.* Napoleon a Polska. Warszawa, 1918. Т. 1–3; История Польши. М., 1956. Т. 1; *Федосова Е. И.* Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980; и др.

²²² *Boguslawski S.* Życie księcia Józefa Poniatowskiego. Warszawa, 1831. Ряд сюжетов, касавшихся Бородин, нашел отражение в книге Дезидерия Хлаповского (1788–1879), воевавшего в 1812 г. в чине начальника эскадрона 1-го полка шевалежеров-лансьеров императорской гвардии, а в 1831 г. в чине бригадного, а затем дивизионного генерала (*Chlapowski D.* Lettres sur les événements...).

²²³ *Soltyk R.* Op. cit.

²²⁴ Ibid. P. 201–202, 245–248.

²²⁵ Ibid. P. 219.

Н. А. Тучкова. В целом же автор не жалел красок при описании героизма поляков в сражении с «московитами». При этом раненым «московитам», писал он, после сражения была оказана медицинская помощь наравне с солдатами Великой армии. В Колоцком монастыре, утверждал Солтык, оказалось после сражения 25 тыс. русских и только 12 тыс. раненых наполеоновских солдат²²⁶.

Общий обзор действий польского корпуса в кампании 1812 г., кратко остановившись в том числе и на Бородинском сражении, дал в середине 1840-х гг. Л. Жельский²²⁷. Однако слабость документальной базы, отсутствие политических и материальных условий сдерживали в течение долгих десятилетий формирование глубокой и устойчивой историографической традиции «польского» Бородина. На протяжении 2-й половины XIX в. вышло значительное количество мемуаров поляков – участников Бородинского сражения, что позволило не только конкретизировать ряд моментов, касавшихся действий польских войск, но и наметить некоторые исключительно национальные черты польской историографии Бородина²²⁸. Так, Юзеф Залуский, в 1812 г. капитан 1-го полка гвардейских улан, попытался уверить читателей, что битва была совершенно выиграна и не было даже повода, ни политического, ни военного, для Наполеона использовать гвардию²²⁹. Несмотря на широкое использование материалов, заимствованных из французской историографии (в частности, работ Гурго, Сегюра и Тьера), книга Залуского несла на себе отпечаток польской интерпретации Бородина. Это проявилось хотя бы даже в том, что она связывала традиции «старых гусар» начала XVII в. с их потомками, воевавшими под Можайском против «москалей»²³⁰. Граф Станислав Наленч-Малаховский попытался уверить, что вся Бородинская битва «была битвой исключительно артиллерии и кавалерии» и что пехота просто бездействовала на своих позициях²³¹.

Сам же Малаховский во главе двух эскадронов польских кирасир только у д. Семеновское, опрокинув русскую оборону, взял в плен более 300 пехотинцев и две пушки (впрочем, его солдаты здесь же захватили «еще 4 пушки, но, разъяренные, и не слыша голоса рассудка», порубили лафеты, а сами орудия «бросили в неприятельской крови»²³²). Более

²²⁶ Ibid. P. 252. Note 1. В декабре 1840 г. генерал Рыбинский и Солтык будут присутствовать при возвращении праха Наполеона во Францию, в Париж.

²²⁷ *Jelski L. Marsze i działania korpusu polskiego w kampanii moskiewskiej 1812 roku. Od Mohylewa aż do końca zaczepnej wojny // Pamiętniki polskie / Wyd. K. Bronikowski. Paryż, 1845. T. 3. Str. 45–49.*

²²⁸ Наиболее интересными для нас представляются воспоминания Ж. Залуского, в 1812 г. капитана 1-го гвардейского полка улан (*Zaluski J. Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona I. Kraków, 1865*), И. Красинского, бригадного генерала, командира 16-й (польской) пехотной дивизии (*Kraśiński J. I. Pamiętniki wojenne 1792–1812. Drezno, 1871*), графа С. Наленч-Малаховского, полковника, командира 14-го (польского) кирасирского полка, боровшегося за д. Семеновское и батарею Раевского (*Malachowski S. Op. cit.*), Д. Хлаповского, капитана 1-го полка гвардейских улан (*Chlapowski D. Pamiętniki. Poznań, 1889*; есть немецкое и французское изд. – *Chlapowski D. Erinnerungen. Berlin, 1910*; *Chlapowski D. Mémoires sur les guerres de Napoléon. P., 1908*) и К. Колачковского, служившего в штабе 5-го корпуса (*Kołaczkowski K. Wspomnienia. Kraków, 1898. Księga 1*; есть русский перевод: Записки Колачковского // Варшавский военный журнал. 1899. № 2), а также известного политического и культурного деятеля Ю. У. Немцевича (*Niemcewicz J. U. Pamiętniki. 1811–1813. Poznań, 1871*).

²²⁹ *Zaluski J. Op. cit. Str. 261.*

²³⁰ Ibid. Str. 37.

²³¹ *Malachowski S. Op. cit. Str. 108.*

²³² Ibid. Str. 107.

реалистичной выглядела картина сражения у Клеменса Колачковского, который попытался определить задачу, поставленную Наполеоном перед корпусом Понятовского, и выяснить причину того, почему успех дня дался с таким большим трудом. Потери корпуса за 5 и 7 сентября он исчислял в 2 тыс. убитыми и ранеными²³³.

В начале XX в. в основном завершился выход воспоминаний польских участников войны 1812 г. и Бородинского сражения²³⁴ и начался период многочисленных жизнеописаний. Вышло несколько биографических работ о Юзефе Понятовском²³⁵ и биография генерала М. Сокольниковского²³⁶. Значительно повысился интерес и к организации войск Великого герцогства Варшавского²³⁷. И все же вряд ли можно считать, что польская историографическая традиция войны 1812 г. окончательно оформилась.

Окончательное становление польской историографии связано с именем военного историка Мариана Кукеля (1885–1973). В его работах, написанных в бурные годы возрождения польской государственности в 1918–1919 гг.²³⁸, концепция Бородинского сражения была намечена только в общих чертах. На основе опубликованных материалов Кукель попытался показать роль польских войск в победе Великой армии над русскими 5–7 сентября 1812 г. Принимая в целом французскую версию Бородина, он одновременно постарался отдать должное немецким и, особенно, польским союзникам Наполеона. Этот взгляд Кукель развил, к тому времени будучи уже бригадным генералом, в работе «Наполеоновские войны», вышедшей в 1927 г., а также в статье, сделанной на ее основе и опубликованной во Франции²³⁹. Силы французских войск он определил в 130 тыс. при 587 орудиях, русских – в 121 тыс. регулярных войск при 637 орудиях²⁴⁰. На этот раз Кукель предпочел не особенно подробно останавливаться на действиях немецкой кавалерии, как в предыдущих работах, зато доблесть поляков была еще более оттенена. Корпус Понятовского сыграл существенную роль и в бое за Шевардинский редут, и серьезно способствовал войскам Даву и Нея в покорении Семеновских укреплений. Не слишком быстрый успех 5-го корпуса в районе Старой Смоленской дороги объяснялся его недостаточной численностью. Итогом сражения стала потеря русскими 58 тыс., в то время как Наполеон потерял 28 тыс.

²³³ *Kołaczowski K* . Op. cit. Str. 123.

²³⁴ *Weyssenhoff J* . Pamiętnik. Warszawa, 1904 (русский перевод: Из записок генерала Яна Вейссенгофа // Военно-исторический сборник. 1912. № 2–3). Были переведены на польский язык мемуары Г. Брандта, немца, сражавшегося под Бородином в польском Легионе Вислы (*Brandt H* . Pamiętniki oficera polskiego. 1808–1812. Warszawa, 1904).

²³⁵ *Skalkowski A* . Książę Józef. Bytom, 1913; *Askenazy S* . Książę Józef Poniatowski. Poznań, 1913.

²³⁶ *Sokolnicki M* . Generał Michał Sokolnicki. Kraków, 1912.

²³⁷ *Gembarszewski B* . Wojsko polskie. 1807–1814. Warszawa, 1905 (2-е изд. вышло в 1912 г.); *Chelminski J. V., Malibran A* . L'Armée du Duché de Varsovie. P., 1913; *Gembarszewski B* . Wojsko Księstwa Warszawskiego. Warszawa, 1923.

²³⁸ *Kukiel M* . Dzieje wojska polskiego w dobie napoleońskiej. Warszawa, 1918. T. 2. Str. 92 –102; *Tenże*, Jazda polska nad Moskwą. Poznań, 1919.

²³⁹ *Kukiel M* . Wojny napoleońskie. Warszawa, 1927. Str. 219–223; *Idem*, Les polonaises à la Moskwa // *Revue des Etudes napoléoniennes*. 1929. № 1. Janiary. P. 10–32.

²⁴⁰ *Kukiel M* . Wojny napoleońskie. Str. 220.

человек²⁴¹. Сомнений в наполеоновской победе у Кукеля не возникало.

Особое место описание Бородина заняло в главной книге Кукеля «Война 1812 года»²⁴². Это двухтомное фундаментальное исследование было подготовлено польским генералом после длительной работы с документами французских (Национального архива, Исторического военного архива, Архива внешней политики) и польских архивов²⁴³. Им были привлечены все основные документальные публикации и труды, в том числе и русские, по войне 1812 г. Большое значение для работы Кукеля сыграла также публикация А. Сталковским в 1923 г. 4-го тома корреспонденции Понятовского²⁴⁴. Несмотря на демонстративную объективность, Кукель постарался в максимально выгодном свете представить действия поляков. Дело доходило до явных передержек. Например, осталось непонятным, на основе чего Кукель утверждал, будто 5 сентября «две польские роты» совместно с солдатами Компана вошли в русское укрепление. При этом Шевардинский бой, как оказалось, закончился только благодаря взятию поздно вечером 5-м корпусом леска в тылу у русского редута²⁴⁵. Наиболее «пропольской» выглядела картина событий к вечеру 7 сентября. Когда наполеоновские войска взяли батарею Раевского и император размышлял над тем, посылать ли ему гвардию в огонь, Понятовский предпринял решительное наступление на русские позиции в районе Старой Смоленской дороги. Русские войска были отброшены, и поляки могли бы легко дойти до Можайска (13-й польский гусарский полк, опрокидывая обозы Кутузова, оказывается, уже вышел под сам Можайск!). И только два обстоятельства помешали полному разгрому русских. Во-первых, уже наступившая ночь. Во-вторых, недооценка Наполеоном потерь противника (58 тыс. у русских против 28–29 тыс. у французов и их союзников), что привело императора к ошибочному отказу от маневрирования в ночь после битвы²⁴⁶.

После Второй мировой войны генерал Кукель, который был министром обороны в эмигрантском лондонском правительстве, оказался вдали от родины и более к теме Бородина не возвращался²⁴⁷. Отдельные работы, опубликованные поляками-эмигрантами в Западной Европе и США, только вскользь упоминали Бородинскую битву²⁴⁸. Однако и в новой, «народной», Польше память о польских героях 1812 г. энергично поддерживалась.

²⁴¹ Ibid. Str. 223.

²⁴² *Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. T. 2.*

²⁴³ См.: Ibid. T. 1. Str. I–XVIII.

²⁴⁴ *Stałkowski A. Korespondencja księcia Józefa Poniatowskiego. Poznań, 1923. T. 4.*

²⁴⁵ *Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 2. Str. 172–175.*

²⁴⁶ Ibid. Str. 182, 197–199.

²⁴⁷ В наиболее заметной работе, написанной в эмиграции, Кукель развивал идею единства Польши с «западноевропейской цивилизацией», которая противостоит России (*Kukiel M. Gzartoryski and European Unity. 1770–1861. Princeton, 1955*).

²⁴⁸ Примером может служить классическая работа профессора Оскара Халецкого, впервые вышедшая еще в 1942 г., а затем, с доработками, множество раз издававшаяся в Западной Европе и США. Халецкий особенно подчеркивал последовательную приверженность Понятовского и многих поляков «общеевропейскому» делу Наполеона в борьбе против России. Несмотря на его советы германским союзникам в этом духе, действия последних на разрыв общеевропейского единства оказались фатальными для судеб Европы и Польши (*Halecki O. A History of Poland. N.Y., 1981. P. 223*).

Издавались и переиздавались биографии Понятовского и его соратников²⁴⁹, говорилось об их подвигах под Бородином в общих трудах²⁵⁰. Но главной работой, воспевшей «польское» Бородино в социалистической Польше, стала книга военного историка Габриэля Зыха, изданная в 1961 г.²⁵¹ Хотя Зых и воздерживался от откровенных антирусских выпадов и упоминал работы советских историков, особенно П. А. Жилина, но в то же время не скрывал, что продолжает традицию Кукеля и других польских авторов. Польские войска, и особенно корпус Понятовского, считал он, сыграли чрезвычайно большую роль в Бородинском сражении. Несмотря на малочисленность корпуса (на 2 сентября в его рядах было 8430 человек пехоты, 1638 кавалерии и 60 орудий), его смелая атака утром 7 сентября заставила превосходивший в силах корпус Тучкова отойти от Утицы. После того как французские корпуса Даву и Нея завязли у «флешей» и Наполеон через Сокольниковского вновь потребовал у Понятовского решительных действий, последнему, несмотря на превосходство неприятельских сил, вновь удалось отбросить русских, на этот раз с Утицкого кургана²⁵². Правда, закрепиться здесь поляки так и не смогли. Между 3 и 4 часами пополудни Понятовский ожесточенной атакой окончательно захватил курган; при этом 13-й гусарский полк смог пройти по русским тылам до Можайска. Отброшенные на 4 км, «русские уже не были способны к борьбе». При подсчете потерь обеих армий в сражении Зых, отметив разноречивость сведений, все же предпочел цифры 40 тыс. у Великой армии и 50 тыс. у русской убитых и раненых. Вторая уступка русско-советской историографической традиции заключалась в том, что успех сил Великой армии Зых охарактеризовал как формальный, соединенный с «неуспехом наполеоновской теории генеральной битвы». Но здесь же подчеркнул, открыто полемизируя с Жилиным, что военно-исторические споры не следует чересчур политизировать, и поэтому нужно отдать должное Понятовскому: он сковал русские силы и ослабил русских на главных направлениях²⁵³.

Последние обращения поляков к теме Бородинского сражения немногочисленны.

В 1984 г., когда Польша вновь предпринимала усилия обрести свою национально-политическую идентичность, Роберт Билецкий и Анджей Тышка опубликовали сборник воспоминаний и документов польских участников Наполеоновских войн, где были материалы, в том числе и новые, посвященные «Можайскому сражению»²⁵⁴. В первые годы XXI века увидела свет публикация Билецкого, известного журналиста и популяризатора истории, умершего еще в 1998 г.²⁵⁵ По мнению Билецкого, к 5 сентября Наполеон располагал 127 тыс. солдат и 580 артиллерийскими стволами, русские – 120 тыс. и 600 орудиями. Потери составили 60 тыс. у русских и 30 тыс. у французов; особенно тяжелы были

²⁴⁹ *Askenazy S.* *Kiaże Józef Poniatowski*. Warszawa, 1974; *Szenic S.* *Książę wódz*. Warszawa, 1979; *Przewalski S.* *Generał Maciej Rybiński*. Wrocław, 1949; etc.

²⁵⁰ *Rutkowski J.* *Historia gospodarcza Polski do 1864 r.* Warszawa, 1953; *Grochulska B.* *Księstwo Warszawskie*. Warszawa, 1966. Последняя все военные сюжеты давала по Кукелю, тем самым подчеркивая преемственность с прежней историографией буржуазной Польши.

²⁵¹ *Zych G.* *Armia Księstwa Warszawskiego. 1807–1812*. Warszawa, 1961.

²⁵² *Ibid.* Str. 317–318.

²⁵³ *Ibid.* Str. 320–322.

²⁵⁴ *Dał nam przykład Bonaparte. Wspomnienia i relacje żołnierzy polskich. 1796–1815*. Kraków, 1984. Т. 1–2.

²⁵⁵ *Bielecki R.* *Możajsk – batalia gigantów // Mówią wieki. Magazyn historyczny. Numer specjalny. Ów rok 1812*. Str. 72–75. Статья была впервые опубликована в “*Encyclopedia wojen napoleońskich*” (Warszawa, 2001).

потери французской кавалерии. Признавая, что французская победа не носила решительного характера из-за отказа Наполеона ввести в дело всю императорскую гвардию, Билецкий не стал чрезмерно превозносить действия поляков, особенно 5-го корпуса. Однако он отметил, что Понятовский, возобновив свое движение около четырех часов дня, заставил русских отойти на новую линию обороны в нескольких километрах на восток. Обращает на себя внимание, что вторичная публикация статьи Билецкого состоялась в рамках специального номера известного научно-популярного журнала «Говорящие века», целиком посвященного событиям 1812 г. В создании этого номера, который представил достаточно взвешенный взгляд на события, наряду с польскими авторами приняли участие и современные российские историки (В. М. Безотосный, А. И. Попов и др.). Вообще же характерной чертой для современной польской историографии 1812 года стала готовность обращения к русскоязычным документам и литературе, а также расширение контактов с историками России²⁵⁶. Однако обращение к теме Бородинского сражения происходит сегодня чрезвычайно редко и отличается поверхностностью²⁵⁷.

Суммируем выводы. 1. Историографию 1812 г. и Бородинского сражения трудно представить без польской традиции и вклада польских авторов (особенно Солтыка и Кукеля). 2. Особенностью польской исторической памяти стало тесное переплетение осмысления событий Бородинского сражения с процессом национального становления и борьбы за независимость, которая мыслилась чаще всего через вхождение в семью западноевропейских государств. 3. Несмотря на попытки приспособления к особенностям политической минуты (как это делал, например, Зых), в основе польской историографической традиции оставалась явно профранцузская версия, соединенная с неумеренным подчеркиванием польских заслуг и с более или менее ярко выраженным антирусским фоном. 4. В последние годы стала проявляться, пока еще слабая, тенденция к диалогу с современными российскими историками.

1.2.3. «Итальянское» Бородино

Трудно определенно утверждать, когда именно появляется итальянская историография Бородинского сражения. В начале XIX в. жители Италии были еще далеки от полного осознания общности национальной судьбы и идеи собственной единой государственности. Вице-король Итальянского королевства Е. Богарне, составляя 10 сентября в Рузе рапорт об участии в Бородинском сражении 4-го армейского корпуса, в составе которого была большая часть итальянцев, никоим образом не отметил «итальянскую доблесть». Да и сами итальянцы, по-видимому, значительно меньше французов, поляков, голландцев и даже немцев думали о той чести, которая им выпала благодаря участию в великой битве. Несколько десятков писем итальянских солдат и офицеров из Великой армии, помеченных сентябрем – ноябрем 1812 г. и сохранившихся в российских архивах, хранят почти полное молчание о военных делах и совершенное молчание о Бородинском сражении. Делая обзор

²⁵⁶ Примером этого могут быть работы Д. Наврота (См.: *Nawrot D. Litwa i Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008*), публикации и деятельность А. Неуважного (1960–2015), внимание которого было сосредоточено в последние годы на проблемах польской национальной памяти и польской идентичности (*Nieuważny A. Napoleon and Polish Identity // History Today. Vol. 48. May 1998; Nieuważny A. My z Napoleonem. Wrocław, 1999; Неуважный А. Наполеон и Польша: неоконченный роман // URL: www.yeltsincenter.ru/en/node/3670 (дата обращения 05.08.2015)). О творчестве Неуважного см.: *Земцов В. Н. Польский улан, или Искусство жизни Анджея Неуважного // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М., 2015. С. 475–479.**

²⁵⁷ См., например: *Kowalczyk R. Katastrofa Wielkiej Armii Napoleona w Rosji w 1812 roku. Łódź, 2007.* Книга А. Замойского, которая вызвала заметный интерес научной и околонушной общественности (*Zamoyski A. 1812. Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004 (N.Y., 2005) (русский пер.: Замойский А. 1812. Фатальный марш на Москву. М., 2013)*), находится в русле традиций англо-американской историографии.

трофейных писем для А. А. Аракчеева, русский чиновник (вероятнее всего, тайный советник П. Т. Дивов) сделал пометку: «Письма итальянцев не имеют интереса»²⁵⁸. Итальянские солдаты предпочитали писать о ежедневных бытовых хлопотах, вспоминали своих родных и близких, оставленных в солнечной Италии, мечтали о возвращении домой²⁵⁹. Все письма, отправленные итальянским солдатам из дому, тоже были посвящены исключительно личным делам²⁶⁰.

Хотя первая работа, специально описывавшая участие 4-го корпуса в войне 1812 г., появилась уже в 1814 г.²⁶¹, но, написанная французом по рождению, она не стала собственно итальянским исследованием. Однако те факты, которые приводил ее автор Эжен Лабом, описывая отвагу итальянских солдат, доблесть итальянской королевской гвардии, подвиг командира батальона К. Дель Фанте, по мнению автора, захватившего в плен русского генерала П. Г. Лихачева, создавали известную фактологическую базу на будущее.

Только в 1826–1827 гг. выходит первая собственно итальянская работа, уделившая внимание Бородинскому сражению, – книга Чезаре Ложье де Белькура (1789–1871), выходца из среды мелкого итальянского дворянства французского происхождения с о. Эльба, участника нескольких Наполеоновских кампаний, в 1812 г. – су-лейтенанта и старшего адъютанта полка королевских велитов итальянской гвардии²⁶². Вернувшись после Наполеоновских войн в Тоскану, Ложье к 1816 г. достигнет чина капитана. Позже он станет генерал-лейтенантом и военным министром. Готовя работу о событиях 1812 г., Ложье воспользовался уже имевшимися сочинениями – книгами Лабомы, Водонкура, Шамбрэ и бюллетенями Великой армии, талантливо добавляя к этому материалы собственного дневника, который он вел почти ежедневно. На страницах книги Ложье впервые появился итальянский солдат наполеоновской армии, который, подобно французу, был охвачен духом военного соревнования и стремлением к славе. «У вас в жилах течет кровь римлян», – вспоминал Ложье слова Наполеона, обращенные к итальянцам. В строках, посвященных сражению, явственно чувствовалось влияние французской историографии – от исчисления сил Великой армии до описания подвига Коленкура. Правда, перипетии боя были изложены автором довольно сбивчиво, что отразило сумбурность воспоминаний самого Ложье. Не скрывал Ложье и того настроения подавленности, которым, несмотря на достигнутую победу, были охвачены итальянские солдаты.

Работа Ложье более 20 лет оставалась единственным оригинальным итальянским произведением, посвященным 1812 г. Только в середине XIX в., в связи с усилившимся среди итальянцев стремлением к объединению, заметно возрос интерес к наполеоновской эпохе, пробудившей национальный дух жителей полуострова. Война 1812 г. и Бородинское сражение нашли отражение в 3-м томе классического труда Ф. Туротти «История итальянской армии с 1796 по 1814 г.»²⁶³. В работе Фердинанда Пинелли, посвященной

²⁵⁸ РГАДА. Д. 268. Л. 79.

²⁵⁹ Там же. Д. 266–267.

²⁶⁰ Там же. Д. 269. Ч. 1–2.

²⁶¹ *Labaume E.* Relation circonstanciée...

²⁶² *Laugier C.* Gli Italiani in Russia. Т. 3. В начале XX в. французский историк Лионе издал «Воспоминания» Ложье, по всей видимости, просто «выделенные» им из ранее изданной 4-томной работы (*Laugier C.* La Grande Armée, recits de...). В 1912 г. вышло еще одно парижское изд. и русский перевод с французского изд. 1910 г. (Ложье Ц. Указ. соч.). В 1913 г. – итальянское: *Pini C. G.* In Russia nel 1812. Memorie d'un ufficiale italiano conte Cesare de Laugier de Bellecour. Livorno, 1913. Имеются и другие издания книги Ложье.

²⁶³ *Turossi F.* Storia dell'armi italiane dal 1796 al 1814. Milano, 1855. Т. 1–3. Т. 3.

военной истории Пьемонта, также были страницы о Бородинском сражении. Собственно, не проявляя интереса к самой битве, автор останавливался на примерах воинской доблести итальянских солдат, особенно пьемонтцев²⁶⁴.

Симптоматичным явлением стал выход в годы борьбы за окончательное объединение Италии книги Бартоломео Бертолини, в 1812 г. капитана итальянской королевской гвардии²⁶⁵. Как и следовало ожидать, в описании Бородина Бертолини уделил внимание исключительно итальянским солдатам Великой армии. При этом Бертолини нередко домысливал некоторые факты, утверждая, например, что 12, 21-й и 127-й линейные полки 1-го корпуса Даву, сформированные, по его мнению, почти исключительно из уроженцев Пьемонта, Тосканы, Эмилии и Романьи, особенно отличились при штурме Шевардинского редута, или описывая страшную бурю 5 сентября, от которой итальянские солдаты укрылись в ограде какого-то обширного монастыря. (В образе этой обители, вероятно, воплотились воспоминания автора о Колоцком и Звенигородском монастырях.) Основные события сражения были описаны во многом по работам Лабома и Ложье. Потери сторон он указывал следующие: 50 тыс. у русских и от 12 до 15 тыс. у французской армии. Впрочем, ни сам автор, ни издатели не стремились к критическому описанию Бородинской битвы. Задачи были другие: у автора – оставить часть своей индивидуальной памяти итальянскому народу, а у издателей – поддержать в итальянцах «дух древних римлян»²⁶⁶.

Заметный интерес итальянских историков к русской кампании 1812 г. и Бородину проявился в канун и в период Первой мировой войны. В 1912 г., приуроченная к юбилею, выходит книга Дж. Капелло, составленная в основном на материалах Лабома и Ложье²⁶⁷. А в 1915 г. публикуется работа Е. Салариса об итальянской артиллерии и инженерах в кампании 1812 года²⁶⁸. Ни та, ни другая книга не внесли чего-либо нового в изучение Бородинского сражения, но заставляли итальянцев вспомнить о заметной вехе в их истории. Впрочем, общедоступная литература рассказывала итальянцам о Бородинском сражении очень кратко: только о том, что под Москвой произошел большой бой, в котором французы и их союзники-итальянцы потеряли 25 тыс., а русские – 40 тыс.²⁶⁹

С началом Второй мировой войны фашистские власти вновь вспомнили о 1812 г. На этот раз «история Бородина» опять оказалась связанной с личностью Бертолини. В 1940 г. итальянские власти посчитали нужным переиздать его книгу²⁷⁰. Дух славного «нашего главного кондотьера», как писали о нем в предисловии фашистские издатели, должен был

²⁶⁴ Мы воспользовались немецким изд.: *Pinelli F. . Piemont's Militair-Geschichte. Leipzig, 1856. Т. 2. S. 223–227.*

²⁶⁵ *Bertolini B. Di Sciabola di Bartolomeo Bertolini. Trieste, 1842.* В дальнейшем книга неоднократно переиздавалась под разными названиями.

²⁶⁶ К той же эпохе Рисорджименто относится публикация мемуаров уроженца Пьемонта Ж. Т. Колоссо, участвовавшего в Русском походе в чине старшего сержанта 24-го конно-егерского полка ([Colosso J.T.] *Mémoires d'un vieux soldat. Turin, 1857*). Позже, на рубеже XIX–XX вв., выходит еще ряд мемуаров итальянских участников войны 1812 г. (*Canfalonieri F. Memoire. Milano, 1890; Baggi F. Memorie. Bologna, 1898; Venturini J. L.A. Carnets d'un Italien au service de la France// Nouvelle Revue Retrospective. P., 1904. Jan.-June*).

²⁶⁷ *Capello G. Gli italiani in Russia. Citta di Castello, 1912.*

²⁶⁸ *Salaris E. L'artigleria e il Genio dei' Esercito Italico nella campagna di Russia. Borgo, 1915.*

²⁶⁹ *Borodino // Enciclopedia Pomba. Torino, 1929. Т. 1. P.242.*

²⁷⁰ *Bertolini B. La campagna di Russia. Milano, 1940.*

помочь итальянцам преодолеть тяжелые испытания, которые их ожидали²⁷¹.

После Второй мировой войны ни итальянские историки, ни итальянская публика, практически уже не проявляли интереса к войне 1812 г. Полагаем, что современной итальянской историографии Бородин не существует.

Подведем итоги: 1. Интерес итальянцев к битве при Бородине носил эпизодический характер и проявлялся только в наиболее ключевые моменты итальянской истории: в период интенсивного становления национального самосознания (имеем в виду работу Ложье), в период завершения объединения Италии в середине и конце XIX в., накануне и в ходе Первой мировой и в начале Второй мировой войн. 2. Очевидна тесная связь итальянской историографии с французской традицией, что можно объяснить как слабым развитием итальянского национального самосознания в эпоху 1812 г., так и во многом поверхностным влиянием бородинских событий на национальную память жителей Италии.

1.3. Русская историография (история об армии, написанная ее противником)

«Я не знаю описания Бородинского сражения, вполне свободного от окраски псевдопатриотизмом», – заявил в начале XX в. известный военный историк А. П. Скугаревский²⁷². С тех пор отечественные историки добавили еще немало красок к тем многочисленным мифам и легендам, которыми уже в XIX в. была столь богата наша историография. Существует своего рода «обязательный набор» сюжетов, суждений и выводов, своеобразные «места национальной памяти» русских, избежать которые не смогла почти ни одна работа, вышедшая в императорской России и Советском Союзе. К концу XX в. ситуация несколько изменилась, однако обойти «ловушки национальной памяти» оказалось не так-то легко. И дело здесь не только в злом умысле государственной власти, традиционно манипулировавшей образами 1812 г. ради своих «властных» интересов, но и в особом механизме русской национальной памяти, основанном не на историческом, но космологическом восприятии событий Бородине. Наиболее рельефно это можно увидеть, обратившись к «образу врага» русских войск в Бородинской битве. Этот образ сыграл ключевую роль в формировании представлений русского человека о себе самом, стал важным элементом национального самопознания и национальной самоидентификации.

Попытки проанализировать русскую историческую литературу о Бородинском сражении применительно к действиям наполеоновских войск предпринимались неоднократно. Если отвлечься от чисто «технического» разбора, а точнее говоря, от перечисления работ и источников, то первое серьезное обращение к историографии вопроса было сделано в начале XX в. В. П. Алексеевым в статье к известному буржуазно-либеральному изданию «Отечественная война и русское общество»²⁷³. «Затронув национальные и патриотические чувства в современниках, события Отечественной войны, – писал Алексеев, – оставили в душе их сознание подвига, совершенного русским народом в эту годину, и, так сказать, торжества русского гения над

²⁷¹ Ibid. P. 72–79.

²⁷² Скугаревский А. П. Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб., 1912. С. 114.

²⁷³ Алексеев В. П. Отечественная война в русской исторической литературе // Отечественная война и русское общество (далее – ОВиРО). М., 1912. Ч. 7. С. 299–317. Упомянем также работы К. А. Военского «Отечественная война в русской журналистике» (СПб., 1906) и «Отечественная война 1812 года в записках современников» (СПб., 1911).

гением мирового полководца»²⁷⁴. Это ощущение торжества, считал автор, «перешло и на последующие поколения», отразившись в трудах Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского, П. И. Липранди и даже М. И. Богдановича. «Национально-патриотическому» направлению Алексеев противопоставлял «научное», связав его с именами А. Н. Попова, В. П. Харкевича, М. Н. Покровского и К. А. Военского. Неудачу русской кампании Наполеона эти авторы, по мнению Алексеева, видели в «объеме и качестве его войск». Сам Наполеон должен был действовать при Бородине не как полководец, а как император, политический деятель. В целом, заключал Алексеев, вслед за Военским, «поворотным пунктом наполеоновского счастья было не Бородино, но Трафальгар», то есть исход бородинского дня был предопределен общим изменением экономического и политического соперничества не в пользу Наполеона. В менее обобщающем ключе, но в том же духе радостного торжества «научного» и «критического» начала над узконациональным был выдержан обзор литературы по Бородину и у А. Г. Скугаревского²⁷⁵.

В советское время, вплоть до 1960-х гг., отечественные авторы избегали обобщающих историографических сюжетов, предпочитая в лучшем случае скороговоркой упоминать недостатки своих предшественников, особенно у Покровского. Обширный историографический материал был предложен только в 1962 г. Л. Г. Бескровным²⁷⁶, который установил своего рода историографическую традицию, продержавшуюся до рубежа 80 –90-х гг. Историографические оценки в рамках этой традиции нередко определялись такими категориями, как «правильные» или «неправильные», а это зависело во многом от принадлежности автора к официальной дворянской, революционно-демократической, марксистской или буржуазной историографии. Поразительно, но, нападая на официальную дворянскую историографию XIX в., Бескровный фактически возродил ее псевдопатриотический дух: Бородино было безусловной победой русских, причем не только в плане нравственном, но и в материальном, что, по мнению автора, подтверждалось несравненно большими потерями французов. Не меньшим схематизмом отличались и историографические подходы П. А. Жилина²⁷⁷.

На излете советского времени, в 1990 г., вышла интересная работа Б. С. Абалихина и В. А. Дунаевского²⁷⁸. Заострив внимание на изменениях в источниковой базе и в тематике исследований советского времени, выявив спорные вопросы и, казалось бы, уже «закрытые» сюжеты в исследовании Бородинской битвы, авторы констатировали необходимость более активного привлечения зарубежных материалов и учета вышедших за рубежом исторических работ для более глубокого освещения «стратегии и тактики Наполеона в 1812 г.»²⁷⁹. Вместе с тем Абалихин и Дунаевский обошли молчанием внутреннюю логику развития отечественной исторической мысли применительно к Наполеону и его армии в 1812 г. Пожалуй, в большей степени это удалось сделать А. Г. Тартаковскому на материалах

²⁷⁴ Алексеев В. П. Указ. соч. С. 300.

²⁷⁵ Скугаревский А. П. Указ. соч. С. 110–125.

²⁷⁶ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 7 –114.

²⁷⁷ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд. М., 1974. С. 8 –24.

²⁷⁸ Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990.

²⁷⁹ Там же. С. 241–243.

русской мемуаристики²⁸⁰. Тартаковский увидел в русской традиции исторического осмысления событий 1812 г. определенное чередование всплесков националистических и патриархально-консервативных настроений и моментов более спокойного отношения к Западу, которые, как правило, сочетались с либеральным курсом правящих верхов.

Важным этапом в осмыслении историографии 1812 г., в том числе и Бородине, стала книга Н. А. Троицкого «Отечественная война 1812 года. История темы»²⁸¹. Отметив, что тема Бородина оказалась особенно «засоренной» в нашей литературе «издержками стереотипного мышления и фактическими ошибками», и прежде всего в отношении оценок противника, Троицкий призвал «устранить конъюнктурщину, заданность и, оставив все ценное из старого, двигать изучение темы вперед по-новому»²⁸². Однако оставалось неясным, как именно по-новому надо было «двигать изучение темы», но, главное, складывалось впечатление, что все беды стереотипного отношения к войне 1812 г., к Бородину, к противнику проистекали исключительно от «конъюнктурщины». С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что чуть ли не самым важным «прародителем» идеи о безоговорочной победе русских над Наполеоном в Бородинской битве был Л. Н. Толстой, далекий в своем творчестве от того, чтобы выслуживать блага и почести от властей предрекающих.

Стремлением выделить ряд конкретных проблем в новейшем изучении Бородина и охарактеризовать степень их разрешения были отмечены публикации начала XXI в. А. В. Горбунова, Л. Л. Ивченко и монография И. А. Шеина, вышедшая в 2002 г.²⁸³ В обобщающем историографическом труде 2013 г. А. И. Шеин дал убедительную ретроспективную картину развития отечественной историографии применительно к войне 1812 г. и Бородинскому сражению в частности. Свою работу, написанную во многом с позиций современного «научно-критического» направления, автор построил на основе такой периодизации развития исторической мысли, которая снимает жесткое разделение авторов по их социально-политической принадлежности²⁸⁴. Не менее интересна и в своем роде знаковой оказалась монография Л. Л. Ивченко «Бородинское сражение. История русской версии событий»²⁸⁵. Изучив «комплекс знаний» о битве и «источниковую базу историографических построений», автор попыталась доказать, что «решения русского командования были более взвешенными и продуманными, а действия более осмысленными, профессиональными и результативными, чем это представлено в великой легенде». Не во всем разделяя выводы Л. Л. Ивченко, мы, тем не менее, увидели в появлении ее работы явный признак перехода отечественной историографии 1812 года к тому, что принято сегодня называть «новой историографией», «интеллектуальной историей» и, до известной

²⁸⁰ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

²⁸¹ Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991.

²⁸² Там же. С. 77, 97.

²⁸³ Горбунов А. В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 гг.) // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Вологда, 2000. С. 135–151; Ивченко Л. Л. Историография Бородинского сражения // Там же. С. 124–135; Ее же. Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии // Бородино и Наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003; Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.

²⁸⁴ Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013.

²⁸⁵ Ивченко Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009.

степени, «историей представлений»²⁸⁶.

Как бы ни странно это звучало, но память русских о Бородине стала складываться еще до того, как произошло сражение. После вторжения в июне 1812 г. «армии двенадцати языков» происходившее все более и более осмысливалось русским сознанием как событие не исторического, но космологического значения, связанное с покушением на какие-то базовые, первичные духовные основания России и русскости. И решительное сражение с этой инородной, чуждой по духу опасностью должно было стать решающим для жизни и смерти всего русского. 22 августа²⁸⁷ 1812 г. поручик Ф. Н. Глинка, участник великой битвы, позже ставший одним из первых историков и публицистов темы Бородина, был у вечерни в Колоцком монастыре: «Вид пылающего отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили мое сердце», – напишет он чуть позже²⁸⁸. Многие из русских офицеров, кто смог, побывали в те дни в монастырской церкви. «Есть в жизни положения, более отмечающие некоторые дни ее, – писал о днях кануна Бородина П. Х. Граббе. – Не особенною деятельностью памятливы они; скорее можно, напротив, назвать их страдательными. Это какое-то отражение внешнего мира в душе вашей... Эти кризисы нравственного образования, на целую жизнь действующие»²⁸⁹.

Этот великий духовный подъем, который пережили вначале отдельные люди, 25 августа охватил всю русскую армию, когда в середине дня по полю пронесли икону Смоленской Божьей Матери, вывезенную из пылающего города на разбитом зарядном ящике. Множество описаний мощнейшего нравственного воздействия, произведенного на русских воинов, которые оставлены нам отечественными мемуаристами, подтверждаются свидетельствами со стороны войск Наполеона²⁹⁰. Эта процессия стала ритуалом, когда каждый православный воин соотнес свое бытие и свой дух с неким первоначалом. Конкретная, осязаемая реальность становилась для него до известной степени эфемерной, воскресал мифический момент извечного. Предстоящий бой теперь воспринимался многими как некое жертвоприношение, и этот разрыв исторического времени заранее включал грядущее сражение в круг сакрализированных русских архетипов²⁹¹. Стоит ли удивляться,

²⁸⁶ Не можем не отметить в этой связи и ряд наших статей, посвященных историографии 1812 года и Бородина (Земцов В. Н. «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2002. С. 246–267; Земцов В. Н., Тотфалушин В. П. Историография // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 309–316; Их же. Историография // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: В 3 т. М., 2012. Т. 2. С. 60–77), а также соответствующих разделов в монографии (Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 7–120; Его же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 7–70). Значительный интерес представляет также кандидатская диссертация М. В. Шистерова (Шистеров М. В. Отечественная война 1812 года в зарубежной историографии. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009).

²⁸⁷ Все даты этого раздела, посвященные дореволюционной отечественной историографии, даны по старому стилю.

²⁸⁸ Цит. по: России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 203.

²⁸⁹ Там же. С. 403–404.

²⁹⁰ Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 1. Р. 11; François P. 788–789; Lejeune L.-F. Mémoires. P., 1895. P. 207; Rapp J. Op. cit. P. 199; etc.

²⁹¹ См., например: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 108; Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. М., 1996. С. 9–70.

что в день Бородинского сражения история увидела картину исключительного единодушия всех его участников с русской стороны²⁹². Единодушие было и в ощущении победы, одержанной к концу дня над Наполеоном. Оно складывалось из того очевидного факта, что Наполеону не удалось разбить русскую армию, что он вынужден был остановить свои атаки, что русская армия продолжала держать оборону и намеревалась бороться дальше. Трудно указать с определенностью, какие обстоятельства заставили Кутузова принять решение о возобновлении боя на следующий день и насколько он сам был уверен, что это произойдет²⁹³. Но общее мнение, в том числе даже такого убежденного сторонника «скифской тактики», как Барклай-де-Толли, было продолжать сражение. Весть о Бородине как о победе восприняли в Москве и Петербурге²⁹⁴, об этом было объявлено и с церковных амвонов.

Последовавшие за этим трагические события – отступление к Можайску, затем к Москве, оставление ее без боя и страшный пожар второй столицы – заставили современников отнестись к Бородинской битве как к неудаче. Многие в правительственных кругах, и прежде всего Александр I и Ростопчин, были склонны винить Кутузова, который ввел их в заблуждение, «присвоив себе победу». Позже, в 1813 г., когда неприятель был уже изгнан из России, значение Бородинского боя предстало широким общественным кругам уже в новом свете. В вышедшей в том же году в Москве анонимной книжке «Русские и Наполеон Бонапарт» говорилось о Бородине так: «Можно поздравить с победой не только знаменитое российское воинство, но и весь человеческий род. На Бородинском поле погребены дерзость, мнимая непобедимость, гордость и могущество избалованного счастливица»²⁹⁵. Из этого сложного комплекса чувств, вызванных мощным духовным подъемом, своего рода космологическим озарением национального бытия, сменой настроений и суждений о сражении в течение непосредственной борьбы с Наполеоном, и вырос удивительный феномен русской памяти о победе на Бородинском поле.

Тесным образом с этой начальной историей «русского Бородина» связан и вопрос о том, как воспринимали Наполеона и его «общевропейскую» армию русские современники. Скажем сразу, что почти все они отдавали себе отчет в силе и могуществе Наполеона и его войск. В сентябре 1812 г. в письме великой княгине Екатерине Павловне Александр I писал, что ему приходится иметь дело с «адским противником, в котором самое ужасное злодейство соединено с выдающимся талантом»²⁹⁶. «Кто не жил во время Наполеона, – скажет позже А. И. Михайловский-Данилевский, – тот не может вообразить себе степени его нравственного могущества, действовавшего на умы современников. Имя его было известно каждому и

²⁹² См.: *Предтеченский А. В.* Бородинский бой и русская общественность // ЛГУ. Ученые записки. Серия исторических наук. № 19. Вып. 1. Л., 1938. С. 101–110. В оглавлении статья названа «Бородинский бой и русское общественное мнение».

²⁹³ Так, в записке, отправленной вечером 26 августа Барклаю-де-Толли, русский главнокомандующий объяснил намерение возобновить сражение тем, что «всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии» (*Кутузов М. И.* Письма, записки. М., 1989. С. 325), но в письме Ф. В. Ростопчину того же дня об этом обстоятельстве умолчал (Там же. С. 325–326).

²⁹⁴ Донесение Кутузова о Бородинском сражении было получено в Петербурге в день Святого Александра Невского. Император, который узнал о сражении со слов Кутузова, слушая в день своего тезоименитства обедню в Александро-Невском монастыре, воспринял это, конечно же, не только как случайное совпадение.

²⁹⁵ Цит. по: *Предтеченский А. В.* Бородинский бой. С. 110.

²⁹⁶ Цит. по: *Казаков Н. И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история (далее – ННИ). 1970. № 3. С. 44–45.

заклюало в себе какое-то безотчетное понятие о силе без всяких границ»²⁹⁷.

Немало русских помещиков всерьез опасались возможности освобождения крепостных этим «французским Пугачевым». Проснувшееся патриотическое одушевление народных масс вызывало сильное недоверие со стороны правящих классов, которые во что бы то ни стало стремились не допустить какого-либо идейного воздействия наполеоновской пропаганды на простонародье²⁹⁸. Широкий арсенал средств, пущенных в дело русским правительством, должен был закрепить в сознании масс представление о Наполеоне как о «изверге», «хищнике», «сыне сатаны и антихристе» и т. д. Нередко пропаганда отождествляла Наполеона и Францию, Наполеона и Европу, перенося ненависть к захватчикам на всех французов и европейцев²⁹⁹. Заносчивость, эгоизм французов стали постоянными темами в литературе того времени.

Конечно, откровенная франкофобия, присутствовавшая в писаниях А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина и, до некоторой степени, С. Н. Глинки, не стала повсеместным явлением. Многие из тех русских офицеров, которые оказались на Бородинском поле и позже стали первыми историками сражения, воспринимали «европейскую армию» и Наполеона в тираноборческом духе, духе борьбы свободы против деспотизма. Но и они, пытаясь избавиться от гипноза наполеоновской военной славы, усиленно убеждали себя в сомнительности его полководческих дарований³⁰⁰. Великие победы, последовавшие после оставления Наполеоном Москвы, вселили в сердца многих участников Бородинского сражения уверенность в явном превосходстве русского оружия над европейским. А еще позже, когда началось осмысление великой эпопеи 1812–1814 гг., непосредственное живое восприятие русскими офицерами Наполеона и его армии на Бородинском поле уступило место памяти и толкованию их образов. Как видим, в этой атмосфере эпохи 1812–1814 гг. уже изначально стали проступать две традиции восприятия противника под Бородином в русской памяти. Одна – во многом связанная с воинствующим самодержавно-крепостническим патриотизмом и другая – представленная демократическими и либеральными кругами, воспринимавшими Наполеона и его армию в тираноборческом духе. Попробуем представить эти традиции более конкретно.

Уже в 1813 г., в ходе продолжавшейся войны с Наполеоном, стали выходить многочисленные книги, затрагивавшие бородинские события. Особенно много было откровенно пропагандистской литературы, в которой описание Бородина не отличалось глубиной анализа и широтой источников. Бородино, как писал Шишков в книге «Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах...», якобы только переведенной с немецкого оригинала, была битва, где «многочисленные французские силы, темнотою и туманом прикрытые, напали с яростию на слабейшие силы русских, и с таковою же яростию были от них встречены». К концу боя русские удержали поле сражения, а

²⁹⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. 2-е изд. СПб., 1840. Ч. 1. С. 138.

²⁹⁸ См., например: Предтеченский А. В. Указ. соч. Казаков Н. И. Указ. соч. № 3. С. 31–47; № 4. С. 42–55; Сироткин В. Г. Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 222–243; Его же. Наполеоновская «война перьев» против России // ННИ. № 1. С. 137–152.

²⁹⁹ Предтеченский А. В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. С. 222–241. «Восставшая против веры и законных властей часть Европы представляла Содом и Гомор, а Наполеон пламя всепожирающее», – писал неизвестный русский автор того времени о войне 1812 г. (Что сделала бывшая 1812 года в России война // ОР РГБ. Ф.344. № 256. Л. 49).

³⁰⁰ Так, в 1816 г. Ф. Н. Глинка даже заявил, что «многие правила военного искусства» Наполеон «занял у великого нашего Суворова» (Глинка Ф. Н. Краткое начертание «Военного журнала». СПб., 1816. С. 10).

французы отступили на десять верст³⁰¹. Цифры французской армии и ее потерь при Бородине были в этой литературе фантастически завышены. Своего рода «документальную» основу под это заблуждение подвел Ф. В. Ростопчин, опубликовавший еще в 1813 г. несуразные сведения, единственным источником которых, как установлено³⁰², были показания швейцарского авантюриста Александра Шмидта, перебежавшего к русским в октябре 1812 г. и выдававшего себя за майора, якобы служащего в канцелярии маршала Бертье. Согласно этим опубликованным «данным», под Бородином Великая армия потеряла убитыми 10 дивизионных генералов; 15 бригадных генералов, 7 дивизионных и 14 бригадных генералов были ранены; убитыми и ранеными 57 полковников, 14 майоров, 105 батальонных и эскадронных командиров, 17 штабных офицеров, 1367 офицеров и 50 876 унтер-офицеров и солдат. Всего же в сражении якобы участвовало 180,5 тыс. неприятельских солдат³⁰³. Удивительно несуразно говорилось о 5-м корпусе Жюно, 6-м Понятовского, 7-м корпусе Ренье, который был в это время на Волыни, о 9-м корпусе маршала Монсея и т. д. Для большей достоверности приводились подробности: «Маршал Даву ранен легко в пятку», а под принцем Евгением убита лошадь...

Большинство же подобной литературы было основано в лучшем случае на официальных сообщениях из действующей армии, публиковавшихся в газетах. Как правило, к газетным сообщениям добавлялись художественные подробности, как, например, в книге Якова Деминского «Поход Наполеона в Россию», выдержанной в духе франкофобии и умиления перед единством русских крепостных со своими господами: «Мрачный туман покрывал природу», неприятель в отчаянии бросился на смерть, «мучимый голодом и нуждой»³⁰⁴. Заканчивались такие описания тем, что французы «ни на шаг земли не выиграли», а россияне ночь провели на месте сражения, но решили вследствие больших потерь отойти «навстречу подкреплениям»³⁰⁵. Русские потери, как правило, оказывались несоразмерно малыми по сравнению с французскими.

Каков же был основной источник информации для подобного рода брошюр, впрочем, вполне оправданных в условиях военного времени? Главным образом этим источником были реляции, которые выходили из Главной квартиры действующей армии³⁰⁶. И в этой связи обращает на себя внимание один документ, ставший позже основой для более глубокой разработки официального взгляда на Бородинское сражение. Это черновик донесения Кутузова Александру I о сражении, озаглавленный «Описание сражения при селе Бородино...» и подготовленный, без сомнения, К. Ф. Толем. Иногда он датируется августом 1812 г. Мы полагаем, что он был составлен в сентябре, так как большинство рапортов корпусных и дивизионных командиров о Бородинском сражении, которыми явно воспользовался автор, поступило только в сентябре (августом были помечены только

³⁰¹ [Шишков А. С.] Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпаниею и Россиею... СПб., 1814. С. 31–32.

³⁰² См., например: Васильев А. А. Лукавая цифра авантюриста. Потери подлинные и придуманные // Родина. 1992. № 6–7. С. 68–71; Троицкий Н. А. Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 186–187.

³⁰³ Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 году, с приложением расписания потерь... М., 1813. С. 22–28.

³⁰⁴ Деминский Я. Поход Наполеона в Россию. СПб., 1813. С. 70–72.

³⁰⁵ Там же. С. 74–75.

³⁰⁶ В 1813 г. эти реляции, частично опубликованные в прессе, были изданы отдельной книгой: Документы, относящиеся к истории 1812 г. СПб., 1813.

рапорты М. И. Платова и И. Ф. Удома, командира лейб-гвардии Литовского полка)³⁰⁷. Документ этот во многом перекликается с прежними донесениями, которые были посланы от имени Кутузова Александру I и большие фрагменты из которых попали затем в газеты. Для «Описания сражения...» характерны три черты. Во-первых, чувствуется отпечаток недавно произошедшего сражения, когда впечатления участника еще очень живы и он только начинает отделять одно событие от другого, пытаясь расположить их в строгой логической последовательности. Так, из этого первоначального «Описания...» не ясно, сколько же атак сделал неприятель на Багратионовы «флешы», когда именно русские отошли к д. Семеновское, как по времени соотносились события у «флешей», возле Курганной высоты и в Утицком лесу и т. д. Во-вторых, весьма общее представление о противнике, его передвижениях и участии конкретных соединений в том или ином эпизоде боя. В-третьих, явное стремление представить действия русского командования в наиболее благоприятном свете. Так, уже в этом черновике автор пытался затемнить цели сооружения Шевардинского редута, а в связи с этим и вводит в заблуждение читателя о времени размещения 3-го пехотного корпуса Тучкова на Старой Смоленской дороге (по утверждению автора, корпус решили перевести только 25 августа, как только смогли убедиться в намерении неприятеля нанести главный удар по левому флангу русских; реально же, как нам представляется, возможность обхода левого фланга и необходимость отвода армии Багратиона от Шевардинского редута стали очевидны русскому командованию еще в первой половине дня 24-го, и тогда же было решено отправить Тучкова к Утице, но в этом случае труднее было бы оправдать упорную защиту Шевардинского редута). Все атаки неприятеля отбиваются с огромным для него уроном: «...потеря французов противу нас несравнительна». Русские, если и отступают, то под давлением целесообразности. К ночи артиллерию неприятеля заставили замолчать, а его «пехота и артиллерия отступила». «Таким образом, войска наши, удержав почти все свои места, оставались на оных», – констатирует автор. Потери неприятеля оценивались в 42 генерала убитыми и ранеными, множеством офицеров «и за 40 тыс. рядовых». Потери русских – до 25 тыс., в том числе 13 убитых и раненых генералов. «Французская армия под предводительством Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата...» Однако Кутузов все же решил войска «оттянуть», видя большую убыль в личном составе и «превосходство сил неприятеля»³⁰⁸.

Как известно, еще в ходе военных действий против Наполеона (определенно с 1815 г.) Толь начал работать над историческим трудом, своего рода журналом военных действий. Примерно в 1816 г., когда Александр I поручил А.-А. Жomini заняться историей Наполеоновских войн, Толь передал ему все разработанные уже материалы по 1812 г. В качестве переводчика и интерпретатора к нему был прикомандирован служивший под начальством Толя в 1812 г. квартирмейстерский офицер Д. П. Бутурлин. Позже, в 1817 г., в связи с отъездом Жomini из России, за историю Наполеоновских войн снова взялся Толь. Картографический материал для его труда готовил А. И. Хатов, начальник 1-го отделения канцелярии генерал-квартирмейстерской части, который, вполне понятно, ориентировался на указания и материалы Толя³⁰⁹.

В 1822 г. в «Отечественных записках» было опубликовано «Описание сражения при селе Бородине...» Толя³¹⁰, а в 1839 г. вышло отдельной книгой на русском, французском и

³⁰⁷ К датировке этого документа сентябрем 1812 г. склонялся и А. Г. Тартаковский (*Тартаковский А. Г. . Труд К. Ф. Толя... С. 408*).

³⁰⁸ Описание сражения при селе Бородино... // Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. № 131. С. 134–141.

³⁰⁹ *Тартаковский А. Г. . Труд К. Ф. Толя... С. 380–408; Его же. Неразгаданный Барклай С. 67–68.*

³¹⁰ Отечественные записки. 1822. № 28. С. 145–193.

немецком языках. Изменил ли Толь, и насколько, свой первоначальный взгляд на действия противника при Бородине? Еще в 1815 г., только начав работу над трудом, Толь обратился в Коллегию иностранных дел с просьбой предоставить ему документы наполеоновского командования, захваченные у отступавших французов. Документы он не получил, так как оказалось, что они находятся у А. А. Аракчеева. Поэтому Толю ничего не оставалось, как воспользоваться уже опубликованными на Западе работами Лабома, Водонкура и, конечно же, 18-м бюллетенем. Однако это обращение к материалам неприятельской стороны нисколько, по замыслу автора, не должно было повлиять на главную цель работы, которая заключалась в том, чтобы выставить действия русского командования, а значит, и самого Толя, в наиболее благоприятном свете. Хотя автор в работе 1822 г. и конкретизировал действия отдельных соединений Великой армии, но делал этот так, чтобы не поставить под сомнение основной тезис своей работы, а скорее наоборот, чтобы подтвердить его. Главной целью Шевардинского редута, писал он, было «открыть настоящее направление неприятельских сил» и «главное намерение императора Наполеона»³¹¹. Численность русских войск Толь определяет в 112 тыс. и 640 орудий, а французских – в 185 тыс. и более чем в 1 тыс. орудий. Неприятель, выходя к «флешам» утром 26 августа, якобы неоднократно «прогонялся» в лес, что дало в дальнейшем возможность ряду авторов сделать из этого «парочку отбитых атак». «Флеши», как можно было понять из текста, были окончательно захвачены французами после ранения Багратиона около или даже после полудня. Знаменитая же атака батареи Раевского силами Морана и контратака А. П. Ермолова состоялись еще до ранения Багратиона и взятия укреплений левого фланга. «Около двух часов пополудни» неприятель вновь попытался захватить Курган, кавалерия Нансути и Латур-Мобура атаковала пехоту, возле него стоявшую, но была отбита. После чего неприятель «потянулся» на левое крыло русских, но здесь его действия были остановлены удачным рейдом Уварова. Только спустя какое-то время неприятель вновь атаковал Курганную высоту и, двинув вперед Молодую гвардию, смог овладеть ею, но оказался не в состоянии двинуться вперед. Около 6 вечера удачные действия нашей артиллерии заставили умолкнуть батареи неприятеля по всей линии. Около 9 вечера французы попытались было овладеть д. Семеновское, но были вытеснены оттуда лейб-гвардии Финляндским полком, который якобы «удержал оную за собою»! Потери Великой армии Толь исчислял в 9 убитых и 30 раненых генералов, более 1,5 тыс. убитых офицеров и до 50 тыс. рядовых. Было захвачено 10 пушек. Русские же потери составили 25 тыс. убитыми и ранеными, около 800 офицеров и 13 генералов. Русские потеряли 13 орудий. Причины последующего ухода с поля боя и сдачи Москвы Толь объяснял тем, что якобы так и было задумано русским командованием с самого начала. Само же сражение имело целью «ослабить неприятеля, затем заманить его в Москву», где и «приготовить ему неизбежную гибель»³¹².

Так начинала складываться официальная традиция «русского Бородина», хотя и опиравшаяся на объяснимое ощущение победы, испытанное русской армией к концу сражения, но прибегавшая при этом к сознательным искажениям. Последнее преследовало две цели: во-первых, оправдательную (что было вполне объяснимо в случае с Толем, за

³¹¹ Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1962. С. 318.

³¹² Там же. С. 320–321, 326, 328–330. На рукописи Сен-При, начальника штаба Багратиона, Толь, препровождая ее Михайловскому-Данилевскому, указал, что из числа русских войск, не принимавших участия в бою, оставалось только 2 полка гвардии и 6 батальонов егерей, в то время как у французов вся гвардия силой в 30 тыс. не была введена в дело (*Харкевич В. П.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1910. Вып. 1. С. 170. Примеч.). На сознательное искажение Толем событий и на его «авторские приемы», использовавшиеся с этой целью, уже обращали внимание отечественные авторы (См., например: *Васильев А. А., Ивченко Л. Л.* Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6–7. С. 62–67).

спиной которого довольно ясно вырисовывалась фигура его начальника М. И. Кутузова³¹³), а во-вторых, идейно-политическую, связанную с деятельностью крепостнических кругов, насаждавших псевдопатриотические и, до известной степени, антизападнические настроения в русском обществе.

Могло ли этому что-либо противостоять? Да, наряду с официозной трактовкой, в ходе самой войны возникла и иная тенденция, духовно ей противостоящая. Она была представлена людьми декабристского поколения. Вопреки клерикально-монархическому поношению европейцев, пришедших с Наполеоном в Россию, эти люди видели в Западе не только угрозу русской жизни, но и источник свободолобивого духа. Подобно будущему декабристу Н. И. Кривцову, который спасал раненых французов в Москве от казаков, они видели в своих противниках не только исчадие ада, но и людей, завлеченных в русские пределы тираном-честолюбцем. К 1813 г. оформилась своеобразная группа, называемая «рейхенбахским кружком» и состоявшая в основном из гвардейских и квартирмейстерских офицеров, озабоченных сохранением памяти 1812 г.³¹⁴

Пожалуй, наиболее известным среди них был Федор Николаевич Глинка (1786–1880), участвовавший в Бородинском сражении как адъютант М. А. Милорадовича. В 1814–1815 гг. он издал знаменитые «Письма русского офицера»³¹⁵, своего рода, как заметил А. Г. Тартаковский, «ретроспективно обработанный дневник». Глинка «кипит злобой против злодеев», но это не мешает ему постоянно упоминать французские книги и Шиллера. Пытаясь понять, что двигало солдатами Великой армии в Бородинском сражении, яростно оспаривавшими русские позиции, он пишет о хитрости «честолюбивого вождя», который льстил «страстям и потакал распутству», «не щадит ни вина ни уличений». Явно воспользовавшись 18-м бюллетенем Великой армии, который Глинка мог прочесть чуть ли не в любой европейской газете, он писал о том, что французы сделали в день битвы 60 тыс. выстрелов, и, пользуясь какими-то иными сведениями, о выходе из строя 40 генералов (в действительности же было убито и ранено до пяти десятков!). Не собираясь преувеличивать степень успеха русских войск, Глинка писал: «Вечер наступал, и неприятель начал уклоняться. Русские устояли!»

В отличие от «Писем...» Глинки, Дмитрий Иванович Ахшарумов (1785–1837), в день Бородина капитан Апшеронского полка и адъютант П. П. Коновницына, издал работу иного жанра – «Историческое описание войны 1812 года», вышедшую в первом варианте анонимно в 1813 г.³¹⁶ Ахшарумов был чужд взгляду на Наполеона как на «исчадие» Французской революции. В самом описании действий наполеоновской армии в Бородинском сражении у него нет ни грана пренебрежения к противнику. Так, автор отмечал: «...французские чиновники утверждают, что Наполеон, против своего обыкновения, во время Бородинского сражения худо поддерживал деланные войсками его атаки, то есть, что войски атакующие не были последуемы другими в достаточных силах для пособия первым... Кажется однако, что

³¹³ 2 января 1825 г. Толь писал Д. П. Бутурлину, что в течение всей кампании 1812 г. был только «орудием» Кутузова (ОР РГБ. Ф. 344. № 256. Л. 165об.; см. также: Письмо графа Толя к Д. П. Бутурлину // РА. 1873. Кн. 3. Стлб. 415).

³¹⁴ Полагаем, что утверждение, высказанное в свое время А. Г. Тартаковским о том, что русская историография 1812 г. зародилась еще в ходе самой войны (*Тартаковский А. Г. У истоков русской историографии 1812 года // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 67–95*), сегодня выглядит уже вполне доказанным.

³¹⁵ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1814–1815. Ч. 1–8.

³¹⁶ В 1819 г. книга вышла вторично, с указанием имени автора и в заметно расширенном виде, с описанием Бородинского сражения.

столь большой ошибки нельзя приписывать Наполеону»³¹⁷. И вместе с тем в основе описания Ахшарумовым Бородинского сражения, наряду с официальными сообщениями, были все те же материалы Толя! В этом нетрудно убедиться, сопоставив между собой тексты черновика «Реляции...» и «Описания...» Толя с «Описанием...» Ахшарумова. Правда, цифры русских и французских сил Ахшарумов дает несколько иные – 108 тыс. у русских и 180 тыс. у неприятеля; потери русских – 10 тыс. убитых и 14,7 тыс. раненых, о французских же потерях он предпочел не говорить, отметив только, что «неприятель потерял больше». Но самым поразительным было то, что Ахшарумов даже не собирался опровергать известный тезис о «стихийных факторах» гибели Великой армии! Он только указал, что Наполеон вторгся, не имея «точных понятий о духе, обычаях, силах и способах народа», и «что если трудно побеждать людей, то преодолевать Природу и стихии еще труднее...»³¹⁸.

Не меньший интерес представляет описание Бородина, сделанное Петром Андреевичем Чуйкевичем (1783–1831), также близким к «рейхенбахскому кружку» ревнителей памяти 1812 г. В день Бородина Чуйкевич в чине подполковника был адъютантом М. Б. Барклая-де-Толли. В 1813 г., уже будучи полковником, он издает две интересные книги: «Рассуждения о войне 1812 года» и «Покушение Наполеона на Индию 1812 года...»³¹⁹. Основной пафос обеих книг заключался в прославлении того образа войны, который избрала Россия – уклоняясь длительное время от генерального сражения, ослабляя неприятеля, заманивая его в глубь страны. В условиях, когда еще шла война с Наполеоном («Рассуждения...» вообще написаны в начале 1813 г.), автор счел необходимым приложить усилия, чтобы развенчать «предусмотрительность и искусство» Наполеона. Затронув потери Великой армии в Бородинской битве, Чуйкевич писал о 18 тыс. убитых, пленении 1 генерала, 35 штаб – и обер-офицеров и 1140 нижних чинов, о захвате 5 пушек³²⁰. Как видим, эти цифры, хотя и завышенные, выглядели вполне реалистично. Будучи фактическим руководителем особой канцелярии Барклая, осуществляя разведывательную деятельность, Чуйкевич смог опубликовать немало трофейных французских документов, в частности приказ по некоторым частям императорской гвардии о переключке и подготовке к генеральному сражению, отданный 4 сентября. В нем говорилось о том, что «гвардейцы, находящиеся при обозе, должны быть призваны в полки, а на место их поступят туда больные и те, которые не в состоянии быть в сражении»³²¹. Другие приказы, отданные также по гвардии, в июне – августе 1812 г., ясно говорили о прогрессирующем разложении армии и о попытках поддержания должной дисциплины со стороны командования³²².

³¹⁷ Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 116. Примеч.

³¹⁸ Там же. С. 115, 117–118, 292. Позже Д. И. Ахшарумов станет генерал-майором, составителем, при поддержке М. М. Сперанского, «Свода военных постановлений», первого отечественного опыта кодификации военного законодательства. Его сын, Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (1823–1910), станет петрашевцем, последователем Ш. Фурье. Первоначальный приговор к расстрелу был заменен ссылкой в арестантские роты. После освобождения он окончил медико-хирургическую академию и стал известным врачом, автором многих трудов по медицине. Другой его сын, Николай Дмитриевич (1819–1893), известный беллетрист и критик, вступит в полемику вокруг романа Л. Н. Толстого «Война и мир», затронув в том числе и строки, написанные о Бородинском сражении.

³¹⁹ Чуйкевич П. А. Рассуждения о войне 1812 года. СПб., 1813; Его же. Покушение Наполеона на Индию 1812 года, или Разговор двух офицеров российского и французского на аванпостах армий... СПб., 1813.

³²⁰ Чуйкевич П. А. Рассуждения... С. 44.

³²¹ Чуйкевич П. А. Покушение... С. 37.

³²² Там же. С. 33–37.

Повествуя об историографической традиции Бородина, возникшей вокруг «рейхенбахского кружка», нельзя не остановиться на еще одной фигуре, влияние которой на первых историков 1812 г. демократического и либерального направления было несомненным. Это – М. Б. Барклай-де-Толли. Еще осенью 1812 г. им была подготовлена своего рода оправдательная записка «Изображение военных действий 1-й армии», опубликованная только в 1858 г., но к тому времени широко известная в многочисленных списках. «Изображение...», написанное в жестко реалистичном духе, чуждом малейшего псевдопатриотического пафоса, объясняет многие «необъяснимые» обстоятельства в действиях русских войск, например построшку и длительную защиту большими силами Шевардинского редута. По мнению Барклая, левый фланг, который первоначально опирался на этот редут, было решено, по вполне оправданым настояниям Багратиона, «загнуть» назад. Но это решение вследствие вялости и стремления к постоянным компромиссам главнокомандующего Кутузова и упорства в ошибках Л. Л. Беннигсена было выполнено только частично, в результате чего 24 августа вся 2-я армия была втянута в ненужный Шевардинский бой. Хотя Барклай предлагал Кутузову, видя намерения неприятеля, передвинуть все войска влево, оперев правый фланг в Горки, а всю 2-ю армию поставить в районе Старой Смоленской дороги, но туда ушел только корпус Тучкова, и передвинут он был только поздно вечером и ночью с 24-го на 25-е³²³. Рукопись Барклая не только объясняла причины Шевардинского боя, вынужденного для русских, но и ставила под сомнение целесообразность расположения всей русской армии к утру 26 августа. Из дальнейшего изложения событий неизбежно вытекал вывод о том, что в течение боя 26 августа вся инициатива полностью была в руках неприятеля, русские резервы, спешно перебрасывавшиеся с северного фланга, подходили поздно и еле-еле успевали затыкать разрывы в русской обороне, неся при этом неоправданно тяжелые потери. Вместе с этим Барклай постарался показать в наиболее выгодном свете действия тех войск, которые находились под его непосредственным командованием в день генерального сражения. Так, оказалось, что 26-я пехотная дивизия, стоявшая возле Курганной высоты, к 11 часам уже дважды отразила неприятеля, а затем, «около часа», неприятель, все-таки захватив ее, был по инициативе А. П. Ермолова контратакован и отброшен, потеряв до 3 тыс. человек. В ходе этого боя неприятельская кавалерия одновременно атаковала 4-й пехотный корпус, стоявший где-то возле Кургана, но была отбита Перновским пехотным и 24-м егерским полками. В дальнейшем, после окончательного взятия Кургана французами и кавалерийского боя к востоку от него, неприятель отвел основные массы войск за высоту, оставив только цепь стрелков. Это дало возможность Барклаю, энергично готовившему войска к возобновлению сражения 27 августа, приказать Милорадовичу занять эту высоту на рассвете³²⁴.

При всем доверии к утверждениям и оценкам Барклая, нельзя не отметить два момента. Во-первых, когда писалось «Изображение...», в руках Барклая не было никакой оперативной документации и многое излагалось по памяти, что побуждало его иногда к достаточно вольной интерпретации событий и к тому, чтобы выдавать субъективные впечатления за мнение беспристрастного наблюдателя. Во-вторых, Барклай прибег к тому же приему в обращении со временем, какой использовал и Толь: применительно к действиям тех войск, которыми он сам руководил, Барклай время «растягивал» для того, чтобы втиснуть в него как можно большее количество неприятельских атак. Поэтому-то и первое взятие Курганной высоты французами произошло только около часа. Этот отпечаток пристрастности к событиям Бородина в записке Барклая был обусловлен вполне объяснимым стремлением

³²³ Барклай-де-Толли М. Б. Изображение военных действий 1-й армии в 1812 г. // Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. № 179. С. 331–332.

³²⁴ Там же. С. 333–336.

оправдать себя в тяжелый период несправедливого удаления от дел³²⁵.

К началу 20-х гг. XIX в. традиция, возникшая было вокруг «рейхенбахского кружка», почти угасла. Вся историография 1812 г. оказалась втиснутой в рамки официально-монархического курса³²⁶. Немалую роль, как считал Тартаковский, сыграл страх императора Александра I перед духом «вольности и неповиновения», который мог возникнуть при обращении к событиям 1812 г. Наконец, тот же Тартаковский указывал на сближение Петербурга с бурбоновской Францией, что заставляло Александра I приглушать общественное звучание темы Отечественной войны³²⁷.

К концу 1820 г. была закончена первая масштабная работа по истории 1812 г., подготовленная по распоряжению царя. «Генетически», как доказал Тартаковский, она была во многом связана с военно-политическими занятиями Толя, а затем Жomini. Автором ее был Дмитрий Петрович Бутурлин (1790–1849), принимавший ранее участие в исследовательских работах и Толя, и Жomini. Служивший перед войной в гусарах и кавалергардах, он в 1812 г. оказался в чине подпоручика в свите его императорского величества по квартирмейстерской части. В 1819 г. Бутурлин уже получил чин полковника, а с 1817 г. стал флигель-адъютантом. Хотя работа Бутурлина о войне 1812 г. была в основном закончена к 1820 г., но затем, что видно из текста, еще дорабатывалась. Так, очевидно, что применительно к действиям Великой армии при Бородине Бутурлин воспользовался, наряду с 18-м бюллетенем, работами Водонкура, Лабома и других зарубежных авторов, вышедшими до 1820 г., рапортами французских корпусных командиров, опубликованными в 1821 г. Хотя произведение Бутурлина и должно было носить официозный характер и прославлять престол и русское воинство, но в нем не было и грана пренебрежения к неприятелю. Трагические события 1812 г. были еще столь близки, что заменять жестокую реальность тяжелой годины сказками и мифами правительство не решалось. Сыграла свою роль и личность самого Бутурлина. Человек во многом западноевропейской культуры, он все свои труды писал по-французски. В 1823 г. Дмитрий Петрович будет в составе французской армии участвовать во вторжении в Испанию для подавления революции, за что получит чин генерал-майора. А позже, в 1843 г., его назначат директором Императорской публичной библиотеки, а перед смертью – главой Цензурного комитета. Его «западничество» было отнюдь не либерального характера, но легитимистско-охранительного, в духе идеологии Священного союза. Вероятно, именно такой подход в описании войны 1812 г. и виделся Александру I к началу 20-х гг. наиболее предпочтительным.

В 1824 г. книга Бутурлина почти одновременно вышла в Париже на французском языке и в Петербурге на русском в переводе и с комментариями А. И. Хатова³²⁸. С чисто военной точки зрения книга оказалась одной из лучших, написанных о войне 1812 г. Скугаревский в

³²⁵ Напомним, что «Изображение...» было опубликовано только в 1858 г. (ЧОИДР. 1858. Кн. IV. 2. С. 1–32), но и после этого долгое время не было известно широкой публике. Военный историк Скугаревский, готовя в начале XX в. работу о Бородинском сражении, удивлялся, почему «Изображение...» Барклай «все еще не напечатано» (Скугаревский А. П. Указ. соч. С. 115).

³²⁶ В серьезном исследовании нуждается тема памяти в сознании и в деятельности Александра I. При всей безусловной глубине воздействия на него великих событий 1812 г., невозможно не заметить определенное безразличие его в последующие годы к данной теме. Так, он не посетил ни одного из мест великих сражений войны, в том числе и Бородинское поле, явно не спешил с созданием полномасштабного исторического труда о событиях этой войны. Отчасти это можно объяснить заинтересованностью Александра прежде всего в показе роли России как освободителя Европы, но не в том, чтобы муслировать идею о враждебности их интересов.

³²⁷ См.: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика.

³²⁸ Boutourlin D. P. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. P., 1824. Т. 1–2; Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823–1824. Ч. 1–2.

начале XX в. справедливо отметил, что в дальнейшем и «Михайловский-Данилевский и Богданович много заимствовали у Бутурлина и все-таки не все списали; приходится и теперь обращаться к Бутурлину»³²⁹.

В основу описания действий русских войск на Бородинском поле Бутурлин положил схему К. Ф. Толя, вплоть до передачи близко к тексту некоторых фрагментов знаменитого «Описания...». Так, Бутурлин не сомневался, что Шевардинский редут был построен, «дабы удобнее было наблюдать движение неприятеля» и «затруднить наступление его колонн», численность русской армии определил в 115 тыс. регулярных войск (у Толя – 112 тыс.) при 640 орудиях³³⁰, ход многих эпизодов сражения 26 августа, причины отхода русской армии и многое другое были изложены близко к «Описанию...» Толя. Вместе с тем Бутурлин решился заявить о потерях русской стороны в 50 тыс. (!) выбывших из строя (у Толя – 25–26 тыс.). Еще более реалистично выглядела картина действий Наполеона и Великой армии. Противник русских, по мнению автора, действовал весьма активно, нередко оставляя инициативу за собой. Это проявилось как в событиях тех дней, которые предшествовали Бородину, так и в событиях 24–26 августа. Нередко автор даже восхищался отвагой французов, как, например, при описании подвига Коленкура. Несмотря на это, Бутурлин все-таки, следуя за Толем, уверял, что с наступлением темноты французы отвели свои войска на прежние позиции, хотя и оставили «передовые посты» в с. Бородино, в Утице и «в кустарниках перед фронтом Российской армии». Предпочитая не распространяться о безоговорочной победе русской армии, Бутурлин попытался разобраться в том, использовал ли Наполеон все возможности в день сражения, и если нет, то ответить на вопрос почему³³¹. В этой связи автор отметил два момента. Во-первых, то, что «Наполеон мог бы совсем решить победу в свою пользу, если бы... двинул главную громаду войск по старой Смоленской дороге». Но император на это не решился, так как «находился в стороне, совершенно ему неизвестной, не имел верных карт, лишен способов доставить себе надежных проводников...»³³². Во-вторых, Наполеон прекратил сражение в то самое время, когда, бросив в бой гвардию (Бутурлин полагал, что у Наполеона было еще 30 тыс. нетронутых войск гвардии), он мог бы «опокинуть российскую армию и довершить ее расстройство». Последняя ошибка Наполеона, по мнению автора, не могла быть чем-либо оправдана³³³.

Спустя пять лет после выхода работы Бутурлина, в 1829 г., также в Париже, была опубликована книга русского генерала Н. А. Окунева «Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях...», переведенная в 1833 г. на русский язык³³⁴. В связи с тем,

³²⁹ Скугаревский А. П. Указ. соч. С. 116.

³³⁰ Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 249, 258, 261; и т. д.

³³¹ Бутурлин Д. П. С. 282, 286, 298, и др. Потери французской армии были даны близко к Толю – 60 тыс. выбывшими из строя (у Толя – 51,5–52 тыс. убитыми и ранеными).

³³² Стоит заметить, что выше, повествуя о планах Наполеона на сражение, которые тот обдумывал 25 августа, Бутурлин написал, что в случае сильного движения своими войсками вправо император вынудил бы русскую армию отойти, отказавшись от генерального сражения. Очевидно, что в данном случае речь идет о варианте широкого стратегического маневра, начатого заранее, еще до начала сражения. Бутурлин, по-видимому, был единственным из авторов, кто развел возможность стратегического маневра Наполеона с целью создания угрозы русским коммуникациям и возможность массированного наступательного движения по Старой Смоленской дороге уже в ходе самого сражения.

³³³ Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 290–291.

³³⁴ *Okounief* (col.). *Considérations sur la campagne de Russie*. P., 1829; Окунев Н. А. *Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году*. СПб., 1833.

что Петербург продолжал расценивать бурбоновский Париж как важнейшего союзника, общие подходы в оценках французской армии под Бородином оставались сдержанно-уважительными. Развивая мысль Бутурлина о значительных преимуществах, вытекавших для Наполеона из возможности удара по Старой Смоленской дороге, Окунев полагал, что император должен был направить по ней вслед за Понятовским корпусом Даву, Нея и Жюно, а «нападение с лица» должно было бы стать только вспомогательным. Вообще, все действия французов 26 августа, по мнению автора, могли бы быть более эффективными, принимая во внимание достаточно неумелое расположение русских войск. Последнее, считал Окунев, было исправлено «храбростью войск», но не отметил, за счет каких потерь это было сделано.

В начале 30-х гг. XIX в. интерес к войне 1812 г. и Бородину приобрел иной оттенок. Польское восстание, осложненное внешнеполитическими последствиями западноевропейских революций, призывы Франции к вмешательству в «польские дела» всколыхнули память о 1812 г.³³⁵ В 1831 г. публикуются «Краткие записки...» о 1812 г. престарелого А. С. Шишкова, написанные им незадолго до польских событий³³⁶. Бородино он объявил знаменательной победой русских сил. «Французы отступили, оставя нас на месте сражения» и потеряв «еще более» военачальников убитыми и ранеными, чем русские. Причина же последующего отхода русских, по его мнению, заключалась в том, что неприятельская армия, состоявшая «почти из всех европейских народов», по численности изначально значительно превосходила русские силы.

Под влиянием «польских событий» начала 1830-х гг. создаются многие литературные и поэтические сочинения о 1812 г. (упомянем хотя бы пушкинскую «Бородинскую годовщину») и выходят, правда немногочисленные, исторические работы³³⁷. Но обострившаяся память о Бородине оказалась тогда, в 30-е гг., не только результатом международных потрясений и «польских» дел. В условиях николаевского режима война 1812 г. рисовалась молодому поколению «эпической порой русской истории» (А. Г. Тартаковский). К тому же, в условиях зарождения славянофильства и западничества 1812 год все чаще воспринимался как пора великого столкновения Запада и Востока, пробудившая русское сознание. В этих условиях правительство предприняло энергичные усилия, чтобы монополизировать тему 1812 г.

В 1837 г. переиздается работа Бутурлина. Но теперь она уже не устраивала правительственные круги, которым нужен был дивный и всеохватывающий миф о великих потрясениях, явивших патриархально-самодержавную особость России. Для создания этого мифа был использован 25-летний юбилей войны, призванный канонизировать официально-патриархальную память о 1812 г. Центром юбилейных торжеств, конечно же, стали празднества на Бородинском поле. Собранные там 120 тыс. войск 29 августа 1839 г. разыграли «подобие Бородинского сражения». Спектакль был замечателен двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что в нем не было «неприятеля»: русские войска изображали только самих себя, распугивая, как говорили очевидцы, только местных зайцев. Во-вторых, Николай I, наблюдавший за действием с того самого холма, где был Наполеон во время боя, не довольствуясь «обороной» русских, неожиданно для всех приказал «перейти в

Затем было еще три русских изд.

³³⁵ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 190.

³³⁶ Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им... в бывшую с французами в 1812-м и последующих годах войну. СПб., 1831. Отметим, что Шишков, страстный ревнитель старорусских традиций, первым браком был женат на немке, а вторым на польке, и в последние годы жизни был окружен исключительно поляками.

³³⁷ См., например: Свечин П. Воспоминания: Бородино // Русский инвалид. 1833. № 259.

общее наступление». Все оставленные ранее укрепления, и даже село Бородино, были вновь взяты русскими. Государь лично повел кавалерию, изображавшую конницу Уварова и Платова, в тылы «неприятелю», отрезая ему путь отступления!³³⁸ После окончания торжеств войска с Бородинского поля двинулись в Москву для участия в церемонии закладки храма Христа Спасителя. На самом поле был водружен на Курганной высоте монумент, полумифические надписи на котором должны были закрепить «новую память» о Бородинском сражении.

В 1839 г. был издан целый ряд исторических работ о Бородинском сражении, среди которых особенно примечательны были две работы – Н. Д. Неелова и Михайловского-Данилевского. Работа Неелова³³⁹ была написана специально к торжествам по случаю открытия памятника на Бородинском поле. Хотя автор и использовал французские материалы – работы Фэна, Жомини и Сегюра, но исключительно для того, чтобы подтвердить явное превосходство русских войск. Вполне в «патриотическом» духе Неелов писал о том, как во время сражения «русские подвинулись в порядке на несколько шагов», но поля не уступили.

Но еще более патриархально-консервативная тенденция нашла отражение в труде Александра Ивановича Михайловского-Данилевского (1790–1848). Бывший адъютант М. И. Кутузова, Михайловский-Данилевский пережил сложнейшую идейную эволюцию. В молодости близкий к «рейхенбахскому кружку», он в начале 1816 г. заканчивает историю войны 1812 г. Написанная на французском языке и отличавшаяся искренним стремлением к установлению «исторической истины», она так никогда и не была опубликована. Став с 1816 г. флигель-адъютантом императора, затем генералом, Михайловский-Данилевский отошел от вольнолюбивых идеалов молодости. Начав в середине 30-х гг. работу над трудом о войне 1812 г., он, с 1835 г. будучи уже генерал-лейтенантом, был даже допущен к секретным бумагам аракчеевского архива. Работая при непосредственном участии Николая I, Михайловский-Данилевский в январе 1838 г. представил ему рукопись книги. Затем она прошла через сито многослойной цензуры³⁴⁰ и вышла в августе 1839 г.³⁴¹ Идея о единстве самодержавия и народа, псевдопатриотический, высокопарный стиль в отношении русских, уничижительные реплики в отношении противника – все это присутствовало в труде Михайловского-Данилевского в полной мере. Схема Бородинского сражения во многом была заимствована у Толя, а кое-где отличалась даже еще более вольным обращением со временем, «растягивая» его, дабы увеличить продолжительность русской обороны (особенно это касалось защиты Курганной высоты, последняя атака которой началась, как можно было понять из текста, около пяти, а то и в пять часов вечера)³⁴². И все же за сказочным стилем Михайловского-Данилевского просматривалась «своя» правда. Так, он был хорошо знаком не только с русскими источниками (он впервые широко использовал рапорты русских

³³⁸ А. И. Веригин, тогда подполковник Генерального штаба, участвовавший в подготовке «сражения», оставил прелюбопытные воспоминания об этом эпизоде (Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 г. Из воспоминаний офицера Генерального штаба А.И.В.//Русская старина (далее – РС). 1885. № 4. С. 125–138).

³³⁹ Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839.

³⁴⁰ Тартаковский А. Г. 1812 г. и русская мемуаристика. С. 207.

³⁴¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1–4. Книга дважды переиздавалась – в 1840 и 1843 гг. По решению Николая I из книги было сделано извлечение о Бородинском сражении и отпечатано на русском и французском языках отдельной брошюрой: Михайловский-Данилевский А. И. Бородинская битва 26 августа 1812 г. с присовокуплением дела, происходившего 24 августа при Шевардине. СПб., 1839.

³⁴² Михайловский-Данилевский А. И. Описание... 2-е изд. Ч. 2. С. 261–263.

военачальников), но и с опубликованными французскими и немецкими материалами. Он не только широко ссылаясь на Шамбрэ, Фэна, Гурго, Сегюра, М. Дюма, но и использовал немецкие данные о штурме саксонской кавалерией Тильмана Курганной высоты. Правда, там, где речь заходила о численности неприятельской армии и ее потерях, автор явно игнорировал французские материалы, «забывая», например, о вполне убедительных данных Шамбрэ и «увеличивая» Великую армию под Бородином до более чем 170 тыс. Численность русских войск Михайловский-Данилевский определял в 113 тыс., из которых 15 тыс. относил к рекрутам, а примерно 15 тыс. – к ополчению. Неприятельские потери он исчислял, ссылаясь на рапорты, отбитые «у них во время войны», и на показания «пленных генералов», в 50 тыс. Последняя цифра, возникшая, как мы видели, еще в 1813 г. и преследовавшая во многом пропагандистские цели, теперь была принята без всяких оговорок. Для Михайловского-Данилевского, в условиях отсутствия официальных французских данных (они появятся только в 1848 г. у Деннье), цифра неприятельских потерь в 50 тыс. казалась вполне убедительной. Дело в том, что она логично соотносилась с числом русских потерь (57–58 тыс.), которое автор попытался обосновать, опираясь на обнаруженную им ведомость убыли личного состава 1-й армии в день сражения. Михайловский-Данилевский не решился напрямую провозгласить Бородино русской победой, но и не отдал ее Наполеону. «Убедительным доказательством, что Наполеон не одержал победы», считал автор, служили два обстоятельства: то, что французы уступили русским поле сражения, и то, что до 11 часов утра следующего дня неприятельская армия не трогалась с места, ожидая якобы русской атаки. Пытаясь усилить впечатление от последнего тезиса, автор утверждал, что у русских остались значительные резервы. Причины неудачи армии Наполеона под Бородином Михайловский-Данилевский видел, в отличие от «французских писателей», не в ошибках и не в болезни Наполеона, но в силе духа и военном искусстве его неприятеля: «Со стороны Наполеона не было никаких маневров. Действия его походили на приступ, где крепостью были железная грудь и стойкость русских»³⁴³. Работа Михайловского-Данилевского станет позже главным историческим источником для создания Л. Н. Толстым «самой русской» картины Бородина.

Сразу вслед за книгой Михайловского-Данилевского была опубликована работа Ф. Н. Глинки «Очерки Бородинского сражения»³⁴⁴. Хотя концептуально «Очерки...» Глинки, казалось бы, противостояли самодержавно-псевдопатриотической традиции, но применительно к изображению событий Бородина объективность не стоило переоценивать. В «Очерках...» Глинка хотя и широко использовал сведения, почерпнутые из французских публикаций, но, будучи участником Бородина, так интерпретировал их в духе народной героики, что они только оттеняли величие подвига русской армии. В год юбилейных торжеств не только Михайловский-Данилевский, утративший идеалы молодости, но и Ф. Н. Глинка, сохранивший демократические убеждения, были уже склонны воспринимать Бородино скорее как миф, как «героическую сказку». Это опиралось на то всеобщее ощущение торжества духа русских войск, ощущение победы, которые испытала русская армия к концу сражения³⁴⁵. Официозная лжепатриотическая традиция и традиция «рейхенбахского кружка», сохранив различия в оценках роли самодержавия и народа, оказались практически единодушны в трактовке событий и последствий Бородина, в характеристике действий Наполеона и его армии в генеральном сражении. Нередко утверждения Глинки казались еще более «патриотичными», чем

³⁴³ Михайловский-Данилевский А. И. С. 227, 263, 274–277, 281.

³⁴⁴ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839.

³⁴⁵ Справедливости ради следует отметить, что Глинка все же написал: «Великий вопрос: “Кто победил?” остался неразрешенным».

Михайловского-Данилевского: французские потери Глинка оценивал в 75 тыс., а русские примерно в 46 тыс., количество атак на Багратионовы «флеши» доводил не менее чем до восьми и т. д. Несмотря на отсутствие поддержки официальных властей, «Очерки...» Глинки, подобно «Описанию...» Михайловского-Данилевского, получили большой общественный резонанс.

В течение 40-х – первой половины 50-х гг. XIX в. в России не вышло ни одной заметной работы по истории 1812 г. Общественный интерес к героической эпопее стал пробуждаться только к середине 50-х в связи с обострением Восточного вопроса и началом Крымской войны. Обращение к эпопее 1812 г. было теперь тем более естественным, что в качестве одного из главных противников России вновь выступила Франция во главе с племянником великого императора Наполеоном III. Ассоциации с 12-м годом у разных идейно-политических групп русского общества оказались свои. В отличие от официозно-националистических кругов, которые рассчитывали «закидать шапками» своих противников, либеральные и демократические круги, несмотря на уязвленное патриотическое чувство, надеялись на падение в результате войны правящего режима.

Одним из первых в исторической литературе на события Крымской войны откликнулся Иван Петрович Липранди (1790–1880). Во время Бородинского сражения обер-квартирмейстер 6-го пехотного корпуса, затем близкий к декабристам, он в середине 1820-х гг. заметно изменил жизненные ориентиры и проявил свои таланты на разных поприщах, в том числе и в деле сыска. Особенно зловещую роль Липранди сыграл в деле петрашевцев³⁴⁶. Проявляя постоянный интерес к событиям 1812 г., Липранди собрал богатейшую коллекцию книг и документов и стал автором семи историко-критических трудов по Отечественной войне. Первой была книга, вышедшая в 1855 г. и представлявшая собою многочисленные выдержки из опубликованного о войне за рубежом, главным образом во Франции и Германии³⁴⁷. Несмотря на внешнее стремление к «объективности», подбор и трактовка представленных материалов были весьма тенденциозны. Липранди пытался отстаивать сугубо официозные, во многом антизападные позиции, не предлагая своего осмысления событий. Примером этого может служить ожесточенная критика со стороны Липранди и французской, и немецкой версий окончательного взятия батареи Раевского. Особенно (и незаслуженно) «досталось» немцам, которые пытались отдать пальму первенства в этом событии саксонцам Тильмана.

В таком же антиевропейском и псевдопатриотическом духе были выдержаны брошюра официозного публициста А. Горяйнова, вышедшая в качестве «русского» ответа на знаменитую «Историю» Тьера в 1858 г.³⁴⁸, и рецензии на книгу Бернгарди о Толе³⁴⁹.

К 50-летию юбилею 1812 г. «по высочайшему повелению» была подготовлена новая правительственная история великой эпопеи. Автором ее был Модест Иванович Богданович (1805–1882), профессор Военной академии, генерал-майор, позже, с 1863 г., генерал-лейтенант³⁵⁰. Большая часть 2-го тома оказалась посвященной Бородинскому

³⁴⁶ См. о нем интересный очерк: *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?...» // Из потаенной истории России XVIII–XIX вв. М., 1993. С. 429–434. Отметим, что среди привлеченных по делу петрашевцев был Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов, сын историка войны 1812 г.

³⁴⁷ *Липранди И. П.* Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 г. СПб., 1855.

³⁴⁸ *Горяйнов А.* Что такое А. Тьер и нашествие его на Россию. СПб., 1858.

³⁴⁹ Напечатаны в «Русском инвалиде» за 1858 и 1859 гг. См.: *Тартаковский А. Г.* 1812 г. и русская мемуаристика. С. 240. Примеч. 297.

³⁵⁰ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859–1860. Т. 1–3.

сражению³⁵¹. В труде Богдановича произошла известная трансформация официозной трактовки Бородин: он широко и критически использовал источники, в том числе многочисленные зарубежные, как французские, так и немецкие; предложил относительно объективную характеристику противника; в концептуальном осмыслении делал явные уступки либерализму. Содержалась в книге и сдержанная критика предшественника Михайловского-Данилевского³⁵². Отказавшись от велеречивости слога, Богданович обратился к беспристрастному изложению фактов, при этом отдавая предпочтение русским источникам. Он показал весьма непростое положение перед Бородином Великой армии, испытывавшей сильную нужду в продовольственных и медицинских припасах, что еще больше осложнялось непростыми отношениями среди высшего командного состава (особенно между Даву и Мюратом). Взяв за основу данные переключки в Гжатске, Богданович придерживался цифры 130 тыс. солдат Великой армии при 587 орудиях. Численность русских сил, по его мнению, составляла 103,3 тыс. регулярных войск, 7 тыс. казаков и 10 тыс. ополченцев³⁵³. При изложении событий самого Бородин Богданович предпочел избегать каких-либо выводов и оценок, просто нанизывая один факт на другой, что хотя и способствовало «объективности», но одновременно и граничило с компиляцией. При определении хронометража событий Богданович явно следовал за русской (то есть «толевской») версией Бородинского сражения. Слава покорителей Курганной высоты была отдана автором, который привлек книгу Рот фон Шрекенштайна, саксонцам Тильмана³⁵⁴. Подводя беглый итог Бородинской битвы, Богданович только констатировал, что атака императорской гвардии могла бы иметь для Наполеона решающее значение³⁵⁵. Потери Великой армии он, ссылаясь в том числе и на данные Деннье, насчитывал примерно в 30 тыс. человек. Хотя работа Богдановича и несла на себе груз внешнеполитической задачи – способствовать примирению России и Франции после Крымской войны³⁵⁶, но в основном выросла из общественных, а частью и правительственных, надежд на либеральное переустройство российской жизни.

Однако вскоре во внешней политике России наступила новая полоса враждебности с Западной Европой, связанная с польским восстанием 1863 г. А внутри страны самодержавно-охранительные круги попытались взять реванш в борьбе с либерализмом. На книгу Богдановича обрушилась волна критики. Критика раздавалась со всех сторон! Либералы критиковали Богдановича за «лакейство» и угодничество перед правительственными кругами³⁵⁷, «правые» – за либерализм и преклонение перед

³⁵¹ Бородинское сражение Богданович подробно описал и в 3-м томе 6-томной «Истории царствования императора Александра I и России в его время» (СПб., 1869).

³⁵² Начало критике Михайловского-Данилевского положил, вероятно, Липранди в работе 1855 г., найдя у первого ряд фактологических ошибок в описании военных действий, в том числе в ходе Бородинского сражения.

³⁵³ Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2. С. 160–162.

³⁵⁴ Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2 С. 210–211.

³⁵⁵ Там же. С. 219.

³⁵⁶ В 1-м томе автор поместил такие слова: «...и враждуя между собою, обе нации уважали одна другую, а восстановив согласие, питали взаимное сочувствие и никогда не прибегали к презренному оружию злословия» (С. 18).

³⁵⁷ Упомянем хотя бы рецензию либерально настроенного в ту пору историка К. Н. Бестужева-Рюмина и критику бывшего декабриста М. И. Муравьева-Апостола. Очень немногие в те годы отзывались о книге

иноземцами. Со стороны последних особенно жесткой и аргументированной была критика Липранди, говорившего как бы от имени партии «ветеранов». Статьи Липранди были вначале опубликованы в «Северной пчеле» и «Русском инвалиде», а в 1867–1869 гг. переизданы отдельными книгами³⁵⁸. Липранди нашел у Богдановича множество огрехов и фактологических неточностей, особенно там, где дело касалось действий русского 6-го корпуса, обер-квартирмейстером которого, как известно, был сам критик. Но главное, в чем Липранди обвинял Богдановича, – это то, что последний историю «нашей отечественной войны» во многом строил на «показаниях иностранцев». Помимо всего прочего, в уничтожающей критике Липранди ясно просматривался протест «ветеранов» против прихода нового поколения историков, которые хотели увидеть Бородино другими глазами, во многом как бы со стороны. Но в таком святом деле, как память Бородина, полагали «ветераны», национальная отстраненность была совершенно недопустима. Возникшая благодаря Богдановичу новая тенденция в историописании «русского» Бородина была почти сразу задушена. Но это сделали не столько «ветераны», которым это было бы явно не под силу, но гений Л. Н. Толстого.

Толстой начал работу над романом «Война и мир» в начале 60-х гг. (чаще пишут о 1863 г.) в атмосфере разбухшего Крымской войной, 50-летним юбилеем и польским восстанием общественного интереса к войне 1812 г. Это были годы, когда Н. Я. Данилевский писал «Россию и Европу», Н. К. Михайловский – «Что такое прогресс», и когда русская читающая публика размышляла над книгой Т. Карлейля «О героях, культе героев и героическом в истории». Разрешение всех краеугольных вопросов русской общественной жизни Толстой собирался дать в кульминационных строках романа – в описании Бородина. Вечером 25 сентября 1867 г. Толстой едет на Бородинское поле. Ночь с 25-го на 26-е проводит в Можайске на станции, и утром 26-го он наконец-то видит Священное поле. Проведя ночь в странноприимном доме Спасо-Бородинского монастыря (увидев во сне свою жену Софью Александровну), он утром 27-го объезжает поле еще раз и возвращается в Москву³⁵⁹. Толстой был воодушевлен, ему казалось, что, находясь на Бородинском поле, он без особого труда может представить все передвижения русских и неприятельских войск. «Только бы дал Бог здоровья и спокойствия, а я напишу такое Бородинское сражение, какого еще не было», – сообщал он жене 27 сентября 1867 г.³⁶⁰

На чем основывались представления писателя о Бородине? Одно перечисление зарубежных первоисточников и литературы впечатляет. Толстой хорошо знал воспоминания Боссе, Фэна, Раппа, Меневаля, «Мемориал» Лас Каза, работы Сегюра, Лабома, Шамбрэ, Тьера, Ланфре, А. Дюма, Бернгарди и Клаузевица!³⁶¹ Но все зарубежные материалы, нередко вызывая в нем возмущение, как, например, работа Бернгарди, который стремился «показать, что французское войско еще было в тех же кадрах, так же могущественно в 13-м,

Богдановича положительно. Среди последних был, например, П. Х. Граббе.

³⁵⁸ Липранди И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867; Его же, Война 1812 года: Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Соч. г.-м. М. Богдановича». М., 1869.

³⁵⁹ Л. Н. Толстой – С. А. Толстой. 25 сентября 1867 г.; Л. Н. Толстой – С. А. Толстой. 27 сентября 1867 г. // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 83. № 71. С. 151; № 72. С. 152–153.

³⁶⁰ Л. Н. Толстой – С. А. Толстой. 27 сентября 1863 г. // Там же. С. 152–153.

³⁶¹ Список книг, явно неполный, которыми Толстой пользовался во время работы над романом, см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 16. С. 141–145. То, что с этими книгами Толстой был знаком, вполне подтверждается текстом самого романа.

как и в 12 году, и что слава покорителя Наполеона принадлежит немцам»³⁶², были им основательно переосмыслены благодаря чтению русских книг – Д. В. Давыдова, Н. А. Дуровой, А. П. Ермолова, С. Глинки и Ф. Глинки, И. Роджичко, Михайловского-Данилевского, Богдановича и Липранди. При этом явное предпочтение Толстой отдал не Богдановичу, чью работу он считал несамостоятельной, «позорной книгой», но Михайловскому-Данилевскому, откровенно восхищаясь его работой, «беспристрастной и совершенной»³⁶³. Своего рода эмоциональный настрой, помогавший, как казалось писателю, проникать в дух эпохи, давали литературные произведения: «Рославлев» М. Н. Загоскина, «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» Р. М. Зотова, стихи А. И. Крылова, В. А. Жуковского, а также журналы того времени. Основываться только на донесениях главнокомандующего и частных начальников писатель, видевший в них «необходимую ложь», вполне естественно не хотел. Ему нужен был «человек изнутри». «Через месяц или два расспрашивайте человека, участвовавшего в сражении, – уж вы не почувствуете в его рассказе того сырого жизненного материала, который был прежде, а он рассказывает по реляции», – говорил Толстой³⁶⁴. Правдой для Толстого являлась та «русская правда», то изначальное ощущение ожидавшейся и состоявшейся победы, которое чувствовали русские воины накануне и во время Бородинской битвы³⁶⁵.

Какими же оказались Наполеон и его армия у Толстого в описании Бородинского сражения? ³⁶⁶ Прославляя русскую победу, Толстой вольно или невольно написал те страницы, которые касались Наполеона, его армии, французов и немцев, в пренебрежительном и ироническом тоне. Так, анализируя диспозицию, которую привел по Богдановичу, Толстой не пожелал видеть в ней ничего не только гениального, но и разумного. Сам Наполеон, по мнению автора, находился так далеко от поля боя, что ход сражения ему вообще «не мог быть известен и ни одно распоряжение его во время сражения не могло быть исполнено». Великая армия безусловно, считал Толстой, проиграла сражение, так как победа могла быть только «в сознании сражающихся». В этом смысле русские, в отличие даже от немцев, сражавшихся на их стороне (как, например, Вольцоген), без сомнения чувствовали себя победителями. (Удивительно, что Толстой, противопоставляя сознание русских сознанию людей других наций, особенно даже и не французов, а немцев, позаимствовал идею об изначальной предопределенности нерешительного исхода сражения у Клаузевица!)

³⁶² Толстой Л. Н. Черновые варианты романа «Война и мир» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 15. С. 87–88.

³⁶³ См., например: Зайденинур Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого. М., 1966. С. 7–8, 346; Толстой Л. Н. Черновые варианты «Войны и мира» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 88; № 318а. С. 240. Впрочем, и с Михайловским-Данилевским писатель был в корне не согласен в том, что тот приписал лавры идейного вдохновителя победы в войне 1812 г. Александру I, а не Кутузову, глубоко чувствовавшему и постигшему русский народ.

³⁶⁴ Цит. по: Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л., 1989. С. 16.

³⁶⁵ Любопытно, как еще до завершения романа Толстой рассказывал о 1812 г. в яснополянской школе – «почти в сказочном тоне, большей частью исторически неверно», так как считал, что рассказ об Отечественной войне – не история, а только сказка, «возбуждающая народное чувство». На уроке присутствовал учитель немец, который заметил, что это была «сказка», которая «совершенно по-русски» изображала Отечественную войну (Зайденинур Э. Е. Указ. соч. С. 9–10).

³⁶⁶ Как известно, в 1870-е гг. при участии Н. Н. Страхова организация романа была подвергнута «перестройке», когда все военно-исторические и историко-философские рассуждения были включены в «Приложение» под общим заглавием «Статьи о кампании 1812 года». В 1886 г. прежняя организация романа была восстановлена.

В 1867–1869 гг. роман вышел из печати. Он составлял тогда «вопрос времени», и им была занята «чуть ли не вся русская публика». Роман, и в особенности страницы, посвященные Бородину, вызвали волну критики. При этом если «ветераны» (А. С. Норов, П. А. Вяземский, А. А. Щербинин и др.)³⁶⁷ обрушились на то, как Толстой описывал русскую армию, то люди более либеральных взглядов критиковали страницы, посвященные Наполеону и европейскому солдату. «...Описания военных сцен, происходящих в иностранных войсках, далеко не имеют той силы и жизненной правды, которыми отличаются собственно русские военные сцены», – отметил капитан Н. А. Лачинов, сотрудник «Военного сборника», преподававший военную историю и тактику в кадетском корпусе³⁶⁸. Лачинов был категорически против тезиса о том, что Наполеон, готовясь к Бородинскому сражению, заведомо, как якобы и Кутузов, рассчитывал на поражение, так как «нерешительный его исход» мог вызвать гибель армии. Диспозиция Наполеона была «совершенно разумной и сообразной с обстоятельствами»³⁶⁹. Еще более решительно критиковал Толстого за пренебрежительное изображение Наполеона и его маршалов преподаватель Академии Генштаба А. Н. Витмер. Даже спустя много лет Витмер продолжал указывать на множество общих и частных ошибок Толстого в изображении Великой армии при Бородине³⁷⁰. И вместе с тем все критики тех строк Толстого, которые искаженно изображали Великую армию в день сражения, были вынуждены согласиться с тем, что «нигде, ни в одном сочинении, несмотря на все пожелания, не доказана так ясно победа, одержанная нашими войсками под Бородином», и что Толстой указал «на самую из действительных побед, одержанных нашими войсками, – победу нравственную»³⁷¹.

Толстой был так убедителен, что право русских на «свою правду» в отношении Бородина признали и за рубежом. В 1879 г. вышел первый французский перевод «Войны и мира», в 1885 г. – второе издание, и далее – почти ежегодно стали выходить все новые и новые издания романа. После Франции «Войну и мир» стали издавать в Германии, Дании, Америке, Англии и других странах. Отдельной книжкой не раз издавались извлечения из романа, посвященные войне 1812 г. В 1942–1943 гг., по словам Луи Арагона, этот роман «стал предметом страсти французов». Тогда же, в годы Второй мировой войны, роман стал пользоваться беспримерным успехом в Британии и США³⁷². Но то, что иностранцы признали право русских считать Бородино своей победой, конечно, вовсе не означало, что их национальная память смирилась со своим «поражением».

³⁶⁷ Норов А. С. Война и мир. 1805–1812: С исторической точки зрения. По воспоминаниям современников. (По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Военный сборник. 1868. № 11. С. 189–246; Вяземский П. А. Поминки по Бородинской битве и воспоминания о 1812 годе. М., 1869; Щербинин А. А. «Война и мир», замечания мои на V том // ЧОИДР. 1912. Кн. 4. II. С. 4 –10.

³⁶⁸ Лачинов Н. А. «По поводу романа гр. Толстого» // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. С. 118.

³⁶⁹ Там же. С. 124.

³⁷⁰ Витмер справедливо отмечал, что Толстой путал дивизии Фриана и Жерара, совершенно неверно истолковывал действия дивизии Компана, и пр. См., например: Витмер А. 1812 год в «Войне и мире». По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого // Военно-исторический сборник (далее ВИС). 1913. № 1. С. 47–54.

³⁷¹ Лачинов Н. А. Указ. соч. С. 126–127. См. также статью сына военного историка Ахшарумова Н. Д. Ахшарумова «Война и мир». Сочинение гр. Толстого. 1–4 части» (Там же. С. 86 –115) и работу Э. Г. Бабаева «Лев Толстой и русская журналистика его эпохи» (М., 1993. С. 30–40).

³⁷² Зайденинур Э. Е. Указ. соч. С. 380–386; Бабаев Э. Г. Указ. соч. С. 104.

Основоположником так называемого научно-критического направления в историографии 1812 г., представители которого столь самонадеянно в начале XX в. провозгласили, будто бы им удалось преодолеть псевдопатриотическую и мифологизированную картину Бородинского сражения, принято считать Александра Николаевича Попова (1820–1877), члена знаменитых Редакционных комиссий 1859–1860 гг. Присмотримся к работам Попова внимательнее. На интересующей нас проблеме этот основательный и осторожный в выводах ученый остановился в работе «Французы в Москве»³⁷³. Начав повествование с конца Бородинского сражения, Попов на основе широкого круга опубликованных французских и немецких материалов дал фактологически насыщенную и исторически убедительную картину итогов и последствий боя для наполеоновской армии. Все упреки французских авторов в адрес Наполеона, который не бросил в дело резервы и не разбил русских наголову, «вытекают, – как писал Попов, – из общей французам уверенности, что в Бородинском сражении победа осталась на их стороне». Причина этой уверенности, полагал автор, была в том, что «частные успехи в разные моменты сражения и общая отчаянная храбрость, как солдат, так и офицеров, могли возродить и поддерживать это обольщение». О том, что сам Наполеон не считал Бородино победой, свидетельствует то, что бюллетень о победе он продиктовал только через несколько дней, когда убедился, что русские войска безостановочно продолжали отступление к Москве. «Очевидно, – пишет Попов, – это была такая победа, которая равнялась поражению». «Попытное движение наших войск после Бородинского сражения дало повод неприятелю присвоить себе победу. Но коль скоро отступление входило в общие военные соображения с самого начала кампании, то конечно оно не могло служить знаком проигранного сражения, тем более, что неприятель не отваживался преследовать»³⁷⁴. В чем же было принципиальное расхождение нового «научного» направления со всей предшествующей русской историографией? Только в том, что оно все более делало упор на «объективной» предопределенности поражения французского императора и его армии под Бородином: на обусловленности результатов боя экономическими, общественными обстоятельствами, политическим перерождением режима Наполеона. Так, руководство Наполеона в 1812 г. огромными войсковыми массами было несовместимо с быстротой, отличавшей его тактику, и это приводило к быстрому уменьшению численности Великой армии, равнявшейся к Бородину 130 тыс. Кроме того, в решительный момент боя Наполеон не использовал свои резервы, так как император обязан во что бы то ни стало сохранить гвардию как гарант своего положения и престижа.

Однако в период этого почти всеобщего увлечения «объективной предопределенностью» были все же предприняты любопытные попытки понять внутренние мотивы поступков отдельных людей и целых народов в 1812 г. В этой связи достойны внимания два очень разных автора второй половины XIX в. – военный теоретик Г. А. Леер, глава так называемой школы академистов, и В. К. Надлер, ученый «дворянского» направления, пытавшийся соединить историю с теологией. При всех спорных моментах творчества Леера все же следует отдать должное тому, что он первым в России поставил проблему военной психологии применительно к военно-историческим сюжетам. Правда, в связи с отсутствием достаточной базы эмпирических данных в сфере военной психологии, он говорил только о «военно-психологических этюдах». Однако и в этом случае нельзя не признать интересным его идеи об «элементе случайности» в военном деле, в том числе применительно к Наполеону и его поведению в день Бородинского сражения. Именно Леер указал на важность воссоздания максимально полной конкретно-исторической картины

³⁷³ Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году. М., 1876. В том же году эта работа вышла и в журнальном варианте.

³⁷⁴ Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году. С. 4, 7.

сражения для того, чтобы понять внутреннюю обусловленность поступков людей во время боя. «При изучении фактов, – писал он, – нужно дойти до сознания идеи, лежащей в основании факта, а для этого необходимо воссоздать в возможной полноте ту обстановку, при которой совершился факт, т.е. принять во внимание, по возможности, *все* обстоятельства, *все* причины, и притом в той совокупности, в которой они влияли на то, что факт совершился так, а не иначе, короче: необходимо передумать и перечувствовать все то, что было продумано и перечувствовано распоряжавшимися событием... только подобный разбор факта и дает право сделать из него какой-либо вывод»³⁷⁵. Леер высказал предположение о недостаточном «соображении» действий Наполеона в 1812 г. с географическими условиями театра войны «и особенно с нравственными качествами противника»³⁷⁶. В самом Бородинском сражении Леер не увидел возможности ни для русской, ни для французской армии одержать решительную победу, поскольку по всей совокупности характеристик и та и другая армия «стоили одна другую». Леер уклонился от того, чтобы признать Бородино русской победой, хотя, вслед за А. П. Ермоловым, заявил, что «французская армия разбилась о русскую»³⁷⁷.

Надлер рассматривал войну 1812 г. как столкновение антигуманной идеи космополитизма с живительной идеей самобытного развития наций. Антинациональная политика Наполеона, которую он осуществлял в Европе, привела в 1812 г. к духовному бессилию его армии. Это и предопределило нравственное торжество русских при Бородине. «Сомнения и колебания впервые вкрались» в душу Наполеона на Бородинском поле. «Геройское, поистине неслыханное сопротивление наших войск, – писал Надлер, – страшные потери, понесенные его полчищами, потрясли даже эту железную натуру. Он вспомнил вдруг о Париже, о громадном расстоянии, отделяющем его от родины и всех источников его силы, и страх, трепет перед неизвестным будущим впервые закрался в его душу». Хотя «стратегические преимущества, если хотите, победа, были уже на его стороне», и «Наполеону оставалось завершить свой успех, превратить свою победу стратегическую в тактическую», но он отказался это сделать. Русские потери, считал Надлер, составили 52 тыс., Великой армии – не менее 35 тыс. Наполеон, полагал автор, отступил на свои прежние позиции, что и заставило русских считать себя победителями³⁷⁸.

К «внутренней» стороне Бородинских событий обратился в конце XIX в. и великий художник-баталист В. В. Верещагин. В великолепном исследовании «Наполеон I в России», как и в другой работе, своего рода пояснительном тексте к живописным полотнам, «1812 год»³⁷⁹, Верещагин на основе воспоминаний и работ иностранных участников наполеоновского похода создал масштабную картину человеческой трагедии. Отказавшись от академической отрешенности, Верещагин попытался заглянуть в души солдат и офицеров Великой армии. Нерешительное поведение Наполеона в день битвы художник объяснил целым комплексом факторов, не игнорируя при этом и влияние физических страданий. Но главное, на что указывал Верещагин, при Бородине произошел окончательный нравственный

³⁷⁵ Леер Г. А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. (Положительная стратегия). СПб., 1869. Ч. 1. С. 52–53.

³⁷⁶ Там. же. С. 87; Его же. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1885. Ч. 1. С. 357.

³⁷⁷ Леер Г. А. Обзор войн... С. 400. Выводы Леера в отношении Бородинского сражения базировались на очень шатком фундаменте. Отказавшись от ссылок на источники и литературу, он прибег к весьма вольной и неубедительной интерпретации общеизвестных фактов.

³⁷⁸ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1. С. 28–30, 75, 259–263.

³⁷⁹ Верещагин В. В. Наполеон I в России. СПб., 1899; Его же. 1812 год. М., 1895.

и физический надлом Великой армии. Французы, полагал он, потеряли «никак не менее 60 тысяч», но не достигли победы. Тонкие наблюдения над поступками императора, его маршалов, генералов и офицеров на Бородинском поле, широкое использование не только русских, но и зарубежных источников позволяли отнести книги Верещагина к лучшим достижениям русской историографии конца XIX в.

На рубеже XIX – XX вв., во многом благодаря деятельности историков «научного» направления, значительно расширилась источниковая база изучения Бородинского сражения. Хотя в сборниках Н. Ф. Дубровина, В. П. Харкевича, К. А. Военского, В. Беляева, Н. К. Затворницкого, С. М. Горяинова, многотомном издании документов Военно-ученого архива Главного штаба было не так много материалов, относившихся собственно к армии Наполеона в Бородинском сражении, но рапорты русских военачальников, трофейные французские материалы, принадлежавшие к периоду до Бородина и после, могли способствовать созданию в значительной степени реалистической картины событий³⁸⁰. Большой интерес представляли многочисленные переводы из воспоминаний чинов Великой армии 1812 г.: великолепный сборник, изданный А. М. Васютинским, А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым, воспоминания вюртембергца Г. Рооса, мемуары старшего вахмистра 2-го кирасирского полка А. Тириона, выдержки из мемуаров Ф.-П. Сегюра и др.³⁸¹

Огромный объем литературы, изданный к 100-летию юбилею 1812 г.³⁸², выявил любопытные тенденции в изучении Отечественной войны и Бородинского сражения. Прежде всего, помимо исторического и общественного интереса к этой теме, все более серьезный отпечаток стали накладывать на исторические работы по 1812 г. военно-теоретические споры. К началу XX в. в военных кругах стала доминировать группа теоретиков, которые решительно отвергали существование каких-либо «вечных» законов войны, воплощением которых были наполеоновские образцы, и стали искать решения современных задач в русском боевом прошлом. Это отразилось на характере оценок противника в 1812 г. Так, военный историк В. А. Афанасьев попытался не просто реанимировать «ростопчинскую» версию численности потерь Великой армии, но совершенно произвольно увеличил это число потерь до 58 478 человек³⁸³. Профессор Военной академии генерал-лейтенант Б. М. Коллюбакин представил псевдопатриотическую работу, в которой (без единой ссылки на источники) попытался утвердить мысль о том, что под Бородином Наполеон был «велик, как и всегда», но, проявив «наибольшее напряжение своего ума и характера», потерпел неудачу. Русская армия якобы «продиктовала ему свою волю – ни шагу вперед, и он отступил...»³⁸⁴.

³⁸⁰ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882; Харкевич В. П. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1; Его же, Барклай-де-Толли в Отечественную войну. СПб., 1904; Военский К. А. Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911; Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-Ученого архива главного штаба. СПб., 1900–1914. Вып. 1. Т. 1 –21; Вып. 2. Т. 1; и др.

³⁸¹ Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. М., 1912. Ч. 1; Роос Г. Указ. соч.; [Коллюбакин Б.М.] 1812 год; Сегюр Ф. П. Указ. с оч.

³⁸² Мы не ставили целью проанализировать весь объем откровенно «популярной» литературы периода празднования 100-летнего юбилея. Как правило, эта литература была достаточно поверхностной, компилятивной и «патриотической». Упомянем только две книги, хотя и не претендовавшие на научный характер, но в которых отношение к Наполеону и его армии было вполне трезвым и уважительным: Ниве П. А. Отечественная война. СПб., 1911. Т. 2; Наполеон в России в 1812 г. / Изд. А. А. Каспари. СПб., б. г.

³⁸³ Афанасьев В. А. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М., 1912. См. также: Троицкий Н. А. Первоисточник...

³⁸⁴ Коллюбакин Б. М. 1812 год. Бородинское сражение 26 августа. СПб., 1912.

Бывший профессор Академии Генерального штаба А. Н. Витмер справедливо заметил, что этот труд стал «выразителем особого направления, овладевшего руководителями нашего военного образования», которое он далее характеризовал как схоластическое, отличавшееся явной предвзятостью. Витмер провидчески указал, что эта историческая схоластика будет стоять в скором времени «потоков напрасно пролитой крови и славы отечества»³⁸⁵.

В более критическом ключе, но в духе все того же официального псевдопатриотизма была написана работа А. В. Геруа³⁸⁶. Явно избегая вопроса о численности Великой армии в день сражения, Геруа вполне оправданно писал о силе русских войск в 103,8 тыс. человек регулярных солдат, 7 тыс. казаков и 10 тыс. ополчения. Несомненным достоинством работы было стремление «привязать» имеющиеся данные о действиях русских и неприятельских войск к реальному ландшафту местности той эпохи, для чего автор использовал знаменитую карту Пресса, Шеврие и Ренье (Pressat, Chevries, Resnault), составленную этими французскими офицерами сразу после сражения. Справедливо указав, что первые русские историки Бородин (прежде всего Толь) были заинтересованы в сокрытии истинного первоначального положения армии, Геруа, тем не менее, не смог серьезно изменить ставшую для отечественных авторов уже стереотипной картину действий неприятельской армии и Наполеона. Приведя различные данные о потерях Великой армии (22, 28 и 30 тыс.), он все же остановился на несуразной цифре в 50 тыс. человек (правда, русские потери он оценил в 58 тыс.). Французы, по его мнению, оставили поле боя, а Кутузов в конечном итоге «перехитрил» Наполеона и навязал ему свою волю. Упомянув о «лжеметодиках», Геруа категорически утверждал, что победа была за русскими³⁸⁷. Автор, возможно первым высказал интересное предположение о том, что Кутузов, получив донесения командира 2-го пехотного корпуса К. Ф. Багговута и Баркляя-де-Толли об отходе французов и потеряв, таким образом, из виду неприятельскую армию, стал опасаться обхода своего правого фланга. Это как раз и могло заставить его предпринять скорейшее отступление.

Благодаря военному профессору генералу Н. П. Михневичу, автору статьи «Бородино» к знаменитому 7-томному труду «Отечественная война и русское общество»³⁸⁸, «патриотический» подход к великому сражению еще более утвердился в отечественной науке и общественном сознании. Несмотря на попытку авторов этого юбилейного издания, вышедшего под редакцией А. К. Джигалова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичеты, преодолеть «официозно-легендарный период» в историографии 1812 г., который отличался предвзятостью и односторонностью, в отношении Бородина мало что изменилось³⁸⁹. Михневич развил тот подход, который был свойствен ярким ревнителям русских воинских традиций. Оценивая потери сторон так же, как Геруа (57–58 тыс. для русских и 50 тыс. для французов), Михневич отнесся к Бородину как к «искупительной жертве за оставление

³⁸⁵ Витмер А. Бородино в очерках наших современников // ВИС. 1913. № 1. С. 115–146.

³⁸⁶ Геруа А. Бородино. (По новым данным). СПб., 1912. См. интересный разбор этого сочинения, сделанный А. Н. Витмером (Русский инвалид. 1912. № 58, 60).

³⁸⁷ Геруа А. В. Указ. соч. С. 22, 60–63.

³⁸⁸ Михневич Н. П. Бородино // ОВРО. М., 1911–1912. Т. 1–7. Т. 4. С. 17–33.

³⁸⁹ Для нас очевидный интерес представляет ряд статей, косвенно связанных с темой Бородина: А. К. Джигалов «Наполеон» (Т. 3. С. 1–17) и «Вторжение. План Наполеона» (Т. 3. С. 144–146); А. А. Рябинин «Наполеон, как полководец» (Т. 3. С. 17–40); В. А. Бутенко «Состав великой армии» (Т. 3. С. 40–50); А. М. Васютинский «Наполеоновский солдат» и «Военачальники Наполеона» (Т. 3. С. 55–63); Б. М. Колубакин «Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа» (Т. 3. С. 198–227); В. П. Федоров «От Царева-Займища до Бородина» (Т. 4. С. 8–16), а также ряд историографических статей.

Москвы»³⁹⁰. Допуская явные неточности в отношении французской армии и оставляя без ответа целый ряд вопросов (к примеру, каков же был план Наполеона на сражение), автор не попытался вникнуть в характер решений и поступков Наполеона и его военачальников. Ночью, по мнению Михневича, французы очистили поле боя и отступили за р. Колоочь. Автор открыто заявлял о том, что результат Бородинского сражения был уже предопределен заранее. Теперь, в русле буржуазно-либеральной историографии начала XX в., это выглядело как стремление «снять» субъективизм «дворянской» историографии и водрузить на пьедестал «объективную закономерность»³⁹¹.

Направлению, представленному Афанасьевым, Коллюбакиным, Геруа, Михневичем и др., до известной степени противостоял ряд других историков, прежде всего Н. П. Поликарпов, А. П. Скугаревский и А. Н. Витмер³⁹². Поликарпов в труде, основанном, как правило, на неизданных русских архивных документах, осветил дни, предшествовавшие 26 августа, включая бой за Шевардинский редут и действия сторон 25 августа 1812 г. Материалы подтверждали мысль (впрочем, высказанную и в 7-томном издании «Отечественная война и русское общество») о том, что инициатива в навязывании генерального сражения почти целиком исходила от французов, которым удавалось действовать в этом направлении достаточно успешно.

Аркадий Платонович Скугаревский (1847 —?) исходил из объективных трудностей при воспроизведении картины боя и поэтому построил свою книгу на скрупулезном сопоставлении имеющихся документов и материалов. Несмотря на то что Скугаревский не привлек всей совокупности опубликованных материалов, картина действий французской армии, представленная им, выглядела вполне убедительной: Наполеон и его военачальники действовали как опытные военные, сообразуясь с реальными (или казавшимися им таковыми), а не домысленными автором, обстоятельствами. Книга была чужда громких фраз и патриотических лозунгов³⁹³.

Наиболее интересной и оригинальной среди работ, вышедших в начале XX в., была статья А. Н. Витмера, о которой отечественные историки почти не вспоминали вплоть до наших дней. Бывший профессор Академии Генштаба, еще в 60-е гг. выступивший по теме 1812 г., Витмер вновь обратился к теме Бородина уже на склоне лет. Решив проверить основные утверждения русских историков в отношении битвы по опубликованным зарубежным материалам, он подверг аргументированной критике восторжествовавшую к началу XX в. картину «русского» Бородина³⁹⁴. Он был убежден, что только «полная

³⁹⁰ Михневич Н. П. Бородино. С. 17, 27.

³⁹¹ Михневич развил те же идеи и в ряде других работ: *Михневич Н. П. Основы русского военного искусства*. СПб., 1898; Его же. Отечественная война 1812 года // *История русской армии и флота*. М., 1911. Т. 5.

³⁹² Поликарпов Н. П. К истории войны 1812 года (по первоисточникам). М., 1911–1913. Вып. 1–3; Скугаревский А. П. Указ. соч.; Витмер А. Бородинский бой. Опыт критического исследования // ВИС. 1912. № 3. С. 91–174; Его же. Бородино в очерках наших современников.

³⁹³ Работа Скугаревского все же не была избавлена от ряда явных неточностей в описании расположения и частных действий французских войск. Уже Витмер справедливо оспорил мнение Скугаревского о том, что Наполеон, узнав о рейде русской кавалерии, выехал на северный фланг, а также аргументацию автора при объяснении им отказа императора от предложений Даву об обходе русских позиций. Витмер полагал, что главной причиной этого отказа было отсутствие у французской армии опыта маневрирования по лесам, в особенности ночью, а вовсе не опасения русского отхода. (Витмер А. Бородино в очерках наших современников. С. 140, 145).

³⁹⁴ К сожалению, с текстами работ Пеле, Деннье, Фезенсака, Кастелана и некоторых других французских авторов Витмер, не найдя их в библиотеках, вынужден был знакомиться по упомянутой выше книге Липранди.

объективность и уважительное отношение к борцам как собственной родины, так и враждебного лагеря» может дать «картину, полную трагического величия мирового события». Поэтому Витмер попытался учесть многие «субъективные» факторы, не исключая в том числе и влияние мочеполовой болезни (dysurie) Наполеона на принятие им решений. Возможность полной победы французов в бою автор считал вполне вероятной, что, в свою очередь, могло бы привести к иному исходу всей войны 1812 г.³⁹⁵ Сравнивая две армии, Витмер принял данные Богдановича о численности русских регулярных войск в 104 тыс. (плюс 7 тыс. казаков и 10 тыс. ополчения), а французской армии в 130 тыс.³⁹⁶, однако указал, что значительная часть русской армии состояла из новобранцев (по его мнению, на четверть), а французская включала только наиболее сильных, «твердых телом и духом» солдат. К тому же около 200 русских орудий из-за смерти А. И. Кутайсова вообще не приняли участия в сражении. Пытаясь понять источники внутренней силы многонациональной Великой армии, Витмер указал на целый ряд факторов, которые вполне уравнивали жертвенный патриотизм русских: хорошо отлаженную военную организацию, обаяние славы Наполеона, «психологию злобы» к противнику, которой искусно пользовались наполеоновские военачальники. Наконец, сказался факт еще слабо развитой национальной идеи, подавляемой в войсковой среде чувством служения «государственности»³⁹⁷. Остановившись на нескольких явных промахах Наполеона в день сражения, автор объяснял их, во-первых, тем, что решения вынужден был принимать не только Наполеон-полководец, но и Наполеон-император, а во-вторых, «психическим состоянием великого вождя, явившимся, быть может, результатом физического недомогания»³⁹⁸. Остановившись на «пустившем глубокие корни» утверждении, будто французы покинули поле битвы, Витмер попытался, правда без достаточных данных, его опровергнуть. Он пришел к выводу о том, что французы имеют все основания и даже право считать себя победителями, так как русские были выбиты со всех позиций, отступили, сдали столицу, оставили на поле боя раненых и понесли потери значительно бóльшие, чем французы. Но в то же время автор признал оправданность утверждений и русской стороны о победе под Бородином: «Несомненным признаком победы должно быть *торжество* победителя и поражение, упадок духа побежденного. Но все говорит об обратном». Более того, при «материальной» победе русских под Бородином, победа в войне могла бы оказаться у Наполеона: отступив, он в 1813 г. мог бы возобновить кампанию с новыми силами³⁹⁹.

Совершенно особое место в русской историографии начала XX в. занял марксист Михаил Николаевич Покровский, опубликовавший в те годы ряд работ, затрагивавших тему 1812 г.⁴⁰⁰ Близкую сердцам историков либерального и демократического лагеря идею об «объективных закономерностях», предопределивших место и результат Бородинского

³⁹⁵ Витмер А. Бородинский бой. С. 101, 107.

³⁹⁶ Там же. С. 110.

³⁹⁷ Витмер А. Бородинский бой. С. 136–139.

³⁹⁸ Там же. С. 157–160.

³⁹⁹ Там же. С. 168–169, 172.

⁴⁰⁰ См., например: Покровский М. Н. О значении эпохи отечественной войны // Голос минувшего. 1913. № 1; Его же. Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века (подготовлена для издания Гранат «История России в XIX в.»; мы пользовались сборником «Дипломатия и войны Царской России в XIX столетии» (М., 1923), где статья была переиздана без изменений).

сражения, Покровский довел до абсурда. Заняв бородинские позиции, русская армия, по его мнению, пассивно ожидала противника «и фактически *приняла* сражение вместо того, чтобы его *дать* ». Исходя из цифры 130 тыс. солдат у каждой армии при превосходстве в артиллерии у Кутузова, автор не без оснований полагал русские потери не менее чем в 44 тыс., а наполеоновские – только в 28 тыс., поражаясь их непропорциональности. На этом основании Покровский уничижительно оценивал действия русской стороны, одновременно свысока повествуя и о действиях Наполеона. Ни малейшего намека на искру того удивительного чувства, которое охватило русскую армию в день Бородинского сражения, у Покровского не было. Неудивительно, что другой марксист, В. И. Ленин, несмотря на богатейшее письменное наследие, вообще сумел ни одного раза не упомянуть слово «Бородино»!

Начался ли в 1917 г. новый этап в эволюции отечественной историографии 1812 г. и Бородинского сражения? По-видимому, только в одном смысле: вплоть до середины 1930-х гг. почти безраздельно господствовала концепция Покровского. Она, с небольшими вариациями, проводилась в общих курсах русской истории (Н. А. Рожкова, С. А. Пионтковского и др.) и в военно-исторических трудах (А. И. Верховского, А. А. Свечина, В. Г. Сухова)⁴⁰¹. Придерживался ее в лекциях по истории военного искусства для курсов красных командиров и Михневич. «Русское» Бородино усиленно вычеркивалось из национальной памяти. Период 20-х – середины 30-х гг. стал особым этапом «развития» историографии Бородина. Он был утрированной картиной тех идей, с помощью которых либеральные историки пытались в начале XX в. подчинить многообразие действий, поступков и импульсов живых людей «железной логике истории».

Во второй половине 30-х гг. ситуация резко изменилась. Очевидным толчком к этому послужили постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 16 мая⁴⁰² 1934 г. и 26 января 1936 г. о преподавании истории, осудившие схематизм и абстрактное социологизирование⁴⁰³. Советская власть, подталкиваемая внешней опасностью и готовившая массовые репрессии внутри страны, теперь явно стремилась найти точки опоры в русском патриотизме, решившись на своеобразную реанимацию не только «буржуазных», но и «дворянских» концепций. Немалую роль в этом возрождении «русского духа» должен был сыграть образ Бородина.

Если в вышедшей в 1935 г. книге А. А. Свечина, известного военного теоретика дореволюционного и советского времени, еще присутствовала идея изначальной заданности результатов сражения⁴⁰⁴, то в работе комбрига М. С. Свечникова, возглавлявшего кафедру истории военного искусства академии им. М. В. Фрунзе, произошло возвращение к дореволюционным подходам⁴⁰⁵. Книга Свечникова была предназначена для военного читателя и включала, помимо описания сражения, рекомендации для офицеров и курсантов по ознакомлению с ходом военных действий на месте, на самом поле. Отметив уязвимые

⁴⁰¹ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 58; Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. С. 33–34. Пожалуй, только в отношении Верховского следует сделать специальную оговорку. В изданных в 1922 г. «Очерках по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.» он утверждал, что в «бою решает не только сила оружия – победу дает сердце героя» (Цит. по: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 73. Примеч. 19.).

⁴⁰² Отсюда все даты даны по новому стилю.

⁴⁰³ Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. С. 34.

⁴⁰⁴ Свечин А. А. Клаузевиц. М., 1935. С. 177. По-видимому, книга была написана Свечиным еще раньше, но перед изданием автор, конечно же, мог ее доработать.

⁴⁰⁵ Свечников М. С. Война 1812 года: Бородино. М., 1937.

стороны Великой армии 1812 г. (прежде всего, ее многонациональный состав), Свечников утверждал, что уже в Смоленске Наполеон склонялся к тому, чтобы остановить дальнейшее движение в глубь России, но бои, разгоревшиеся при отходе русских от Смоленска, и надежда втянуть неприятеля в генеральное сражение, в успехе которого император не сомневался, увлекли его в безостановочное движение на Москву. Шевардинский бой автор расценил как органическую часть Бородинского сражения. Хотя Шевардинский редут являлся вначале укреплением крайнего левого фланга русских (о чем свидетельствовала его упорная оборона), но его хотели заранее оставить и отвести фланг назад, однако не успели, и это, по мнению Свечникова, сослужило русским хорошую службу: Шевардинский бой заставил Наполеона весь день 6 сентября потратить на перегруппировку своих сил. В целом же, полагал автор, Бородинское сражение, несмотря на почти равные силы сторон (примерно 130 тыс. солдат Великой армии против 120 тыс. русских), протекало при сохранении инициативы в руках Наполеона⁴⁰⁶. На основе работ Толя, Михайловского-Данилевского, Клаузевица, Жомини, русских авторов начала XX в. (особенно Михневича) Свечников попытался дать обзор основных этапов Бородинского сражения. Потери сторон за три дня боев он оценил в 58 тыс. у русских и примерно в 50 тыс. у неприятеля. «Тактический успех под Бородином, – заключил автор, – был на стороне Наполеона, но победы над русскими он не одержал... Бородинская битва, несмотря на дальнейший отход русской армии, была по существу началом конца успехов завоевательной политики Франции наполеоновского периода». Пытаясь понять, почему Наполеон не использовал силы гвардии для упрочения успеха, Свечников указал на необходимость сохранения из-за грандиозности всего предприятия хотя бы части армии до заключения мира. «Кроме того, на нерешительность Наполеона влияло понижение моральных качеств его армии, при которых ценность гвардии... была особенно важна для него...» Интересны были размышления автора о причинах менее значительных, чем у русских, потерь Великой армии. Они заключались в более высокой тактической подготовке французских войск, в широком использовании взаимодействия огня и удара (в отличие от французов, стрелковому огню большая часть русских солдат была просто не обучена), в слишком частом использовании русскими холодного оружия при отражении атак, что приводило их к большим потерям⁴⁰⁷.

Развил идею о Бородинском сражении как начале окончательного поражения Наполеона комбриг Н. А. Левицкий, профессор Академии Генштаба. Набросав широкими мазками ход Бородинского сражения, допустив при этом ряд очевидных неточностей, Левицкий делал вывод о том, что французы потеряли свыше 50 тыс. убитыми и ранеными и были вынуждены отойти за Колодь. «Утверждение некоторых авторов, – писал Левицкий, – что Наполеон под Бородином одержал победу, хотя и неполную, абсолютно не соответствует действительности...» Хотя несколькими строками ниже он пояснял, что речь идет прежде всего о «моральном поражении Наполеона»⁴⁰⁸.

Совершенно особое место в отечественной историографии заняла книга Евгения Викторовича Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», напечатанная вначале в журнале «Молодая гвардия», а затем вышедшая в 1938 г. отдельным изданием⁴⁰⁹. Человек глубокой эрудиции и широкого кругозора, свободно владевший французским языком и чувствовавший образ мыслей европейского человека, Тарле смог блестяще выполнить «классовый» и

⁴⁰⁶ Там же. С. 49, 55–67.

⁴⁰⁷ Свечников М. С. . Война 1812 года: Бородино. С. 88, 92–93, 98 –100.

⁴⁰⁸ Левицкий Н. А. . Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 198–205.

⁴⁰⁹ Тарле Е. В. . Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. Далее ссылки на издание: Тарле Е. В. . Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992.

«патриотический» заказ, наполнив при этом книгу живой исторической плотью. Показав сложность обстоятельств, в которых Наполеон искал генерального сражения, отметив плюсы и минусы Великой армии, Тарле попытался непредвзято показать действия французов в Бородинском сражении. Численность Великой армии, согласно переписке 2 сентября, автор оценил в 103 тыс. пехоты, 30 тыс. кавалерии и 587 орудий, отметив при этом, что «еще продолжали подходить свежие части»⁴¹⁰. В последующие дни авангард Мюрата, наседа на арьергард Коновницына, принудил русского главнокомандующего к скорейшей генеральной битве. Однако в изложении событий самой генеральной баталии Тарле начал делать одну фактологическую ошибку за другой. Используя при описании Бородина крайне ограниченную документальную базу и опираясь в основном на русские материалы (исключение составили фрагменты из мемуаров Боссе, де ла Флиза и письма Наполеона к Марии-Луизе), Тарле не счел нужным разбираться в многочисленных фактологических тонкостях и сделал вывод о потерях французской армии более чем в 50 тыс., а русской в 58 тыс. человек⁴¹¹. Повторив утверждение, что «Наполеон вечером отвел свои войска с поля битвы», автор делал вывод о том, что «Бородино оказалось, в конечном счете, великой моральной победой русского народа над всеевропейским диктатором». Верное в целом, это утверждение оказалось слабо подтвержденным проверенными и сопоставленными между собой историческими материалами.

Завершались 30-е годы в изучении Бородина разносной статьёй В. И. Пичеты по поводу работ М. Н. Покровского⁴¹². «М.Н. Покровский, – писал Пичета, – сделал все возможное, чтобы представить Бородинское сражение в неверном освещении». «...Он ограничивается лишь тем, что старается показать неспособность русского командования и всячески подчеркнуть талантливость командования французов». Пичета даже уверял, что в действительности, вопреки всем заявлениям Покровского, «Наполеон даже отступил за реку Колочь. Бородинское сражение было победой русской армии...». Кутузов был слишком «скромен», считал автор, чтобы употребить в своем рапорте слово «победа». Более того, уверял он, «теперь известно, что подлинный рапорт Кутузова был подделан и изменен Аракчеевым»⁴¹³. При всем неприятии той грубости и «разносности», которыми была пропитана статья Пичеты, написанная «по заказу», нельзя все же не признать одно утверждение справедливым: взгляды Покровского на войну 1812 г. и Бородино не подкреплялись глубоким изучением исторической фактуры.

В канун начала Великой Отечественной войны «Военно-исторический журнал» опубликовал небезынтересную статью капитана Н. Павленко⁴¹⁴. Предваряя разбор сражения кратким историографическим обзором, Павленко охарактеризовал взгляды русских историков до середины XIX в. крайне критически, противопоставив им труды Богдановича, Витмера, Драгомирова, Попова, Харкевича и др. Отвергая «антимарксистскую школу» Покровского и справедливо указывая на ошибки у Левицкого и Тарле, Павленко дал беглый, но научно обоснованный очерк сражения. По его мнению, Наполеон избрал «наиболее

⁴¹⁰ Тарле Е. В. Указ соч. С. 129. Русские силы автор оценивал в 110 800 регулярных войск, 7 тыс. казаков и 10 тыс. ополченцев при 640 орудиях.

⁴¹¹ Тарле Е. В. Указ соч. С. 144–145.

⁴¹² Пичета В. И. М. Н. Покровский о войне 1812 года // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сб. статей. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 276–302.

⁴¹³ Там же. С. 282–283, 286–287.

⁴¹⁴ Павленко Н. Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). 1941. № 5. С. 22–44.

целесообразный вариант» плана сражения, решившись на фронтальный прорыв в направлении Семеновских «флешей», одновременно приняв меры к обеспечению безопасности своего левого фланга и коммуникаций. Несмотря на частные успехи Великой армии, Бородино все же не имело «ясно выраженного исхода». Стратегическая ситуация для Наполеона в целом стала ухудшаться вследствие больших невосполнимых потерь и подорванного морального состояния войск. Для русских же, хотя ближайшая цель – спасение Москвы – была не достигнута, стратегическая обстановка стала вполне выгодной. Павленко делал вывод о стратегической победе русских войск⁴¹⁵.

В годы Великой Отечественной войны работы, посвященные 1812 г., стали носить во многом пропагандистский характер. В статье «Отечественная война 1812 г.» А. В. Предтеченский⁴¹⁶, «подправляя» Павленко, указал, что Шевардинский бой был полезен для русской армии и дал возможность ее левому флангу занять удобную позицию. Численность русских сил Предтеченский оценивал в 110–120 тыс. при 654 орудиях (редко встречаемая цифра!), а французских – в 125 тыс. при 556 орудийных стволах. Кратко изложив ход сражения по уже ставшей традиционной «патриотической» схеме, автор заметил, что готовность русских войск продолжить сражение и после взятия батареи Раевского заставила Наполеона отказаться от мысли бросить в бой Старую гвардию. Потери русских, как указывал Предтеченский, равнялись 58 тыс., а французов – не менее 50 тыс. При этом автор делал общий вывод о том, что Бородино было «серьезной победой русских».

В том же номере «Исторического журнала» Б. Кац предпринял попытку возродить абсолютно беспочвенную версию В. А. Афанасьева о потерях французской армии в 58 478 человек⁴¹⁷. Русские потери он оценивал в 42 438 человек и на этом основании делал вывод, что Великая армия потеряла 44 % личного состава (исходя из численности в 130 тыс.), а русская – 38,5 % регулярного состава (исходя из первоначальной численности в 109,9 тыс. человек). В строю у русских оставалось, считал Кац, 77 тыс., а у французов – 72 тыс. Поэтому результатом Бородинского сражения, заключал автор, было изменение стратегической обстановки в пользу русских⁴¹⁸.

6 ноября 1941 г., когда гитлеровские армии были на подступах к Москве, И. В. Сталин на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся, остановившись на событиях 1812 г., заявил: «Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует как Наполеон и он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А, во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва...»⁴¹⁹ Для советских историков это стало сигналом к тому, как следует

⁴¹⁵ Павленко, затронув, в частности, вопрос о целях сооружения Шевардинского редута, утверждал, что он должен был первоначально играть роль левого фланга русских. Толь, виновник этого ошибочного решения, затем стал и виновником сокрытия истины. Это сокрытие продолжили Михайловский-Данилевский и Богданович.

⁴¹⁶ Предтеченский А. В. Отечественная война 1812 года // Исторический журнал (далее – ИЖ). 1941. № 7–8. С. 81–101.

⁴¹⁷ Кац Б. Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении // Там же. С. 122–126.

⁴¹⁸ Несмотря на слабую достоверность приводимых Кацем цифр, некоторые его размышления были интересны. Он, в частности, привлек внимание к возможности соотнести цифру сожженных властями в 1813 г. человеческих и конских трупов на Бородинском поле с исчислением точных потерь сторон в ходе сражения. Уже первые попытки, проведенные им, сопоставления бытовавших в литературе цифр по уничтоженным трупам показали необходимость проведения большой предварительной работы по проверке и подтверждению имеющихся на этот счет данных.

⁴¹⁹ Выступление И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы // Правда. 1941. 7 ноября.

писать о Великой армии в Бородинском сражении. В статье Б. Соколова, вышедшей в 1943 г.⁴²⁰, обозначилось явное умаление действий Наполеона и его армии. При этом русские силы откровенно преуменьшались (131 548 человек вместе с ополчением при 606 орудиях), как и их потери (42 438 человек), а цифры численности и потерь по Великой армии оставались прежними (130 тыс., из которых потери составили 58 478 человек). Наполеон, не добившись успеха, отошел за Колочье, оставив поле боя в руках русских. Хотя Кутузову все же не удалось разгромить Великую армию под Бородином, но стратегическая обстановка заметно изменилась в пользу русских.

Великая победа 1945 г. совпала с празднованием 200-летнего юбилея со дня рождения М. И. Кутузова. В многочисленных докладах, сообщениях и статьях советские историки, подчеркивая превосходство стратегии и тактики Кутузова в Бородинском сражении, целенаправленно умалляли достоинства неприятельской армии. К примеру, Н. М. Коротков утверждал, что, по якобы «вновь обнаруженному в архиве Государственного исторического музея французскому документу, армия Наполеона в Бородинском сражении состояла из 180 тыс. человек...»⁴²¹. В ходе боя русскими была достигнута «стратегическая победа», причина которой была «отнюдь не в ошибках Наполеона и не в его насморке», а в блестящем руководстве Кутузова, который якобы не растратил своих резервов⁴²². О том, что Кутузов «еще до начала Бородинского сражения» разгадал наполеоновский замысел и искусно сорвал его, говорила М. В. Нечкина⁴²³. В том же духе были выдержаны выступления А. И. Готовцева, В. В. Прунцова, А. В. Ярославцева и др.⁴²⁴ Аналогичная трактовка событий Бородина содержалась в ранних работах Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина, вышедших в конце 40-х – начале 50-х гг.⁴²⁵ В ура-патриотическом духе была выдержана статья Н. И. Казакова⁴²⁶.

Конечно, обилие такого рода публикаций в те годы было связано не только с вполне объяснимым юбилейным славословием, но с чем-то гораздо большим. Во-первых, такой подход к войне 1812 г. и Бородинскому сражению теперь стал новой, чуть ли не «обязательной» традицией, санкционированной властью. А во-вторых, в военно-историческую науку пришло поколение исследователей, которые были участниками Великой Отечественной войны (В. В. Прунцов, Н. И. Казаков, П. А. Жилин, Л. Г.

⁴²⁰ Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения // ИЖ. 1943. № 2. С. 62–71.

⁴²¹ Коробков Н. М. Военное искусство Кутузова // ВИ. 1945. № 3/4. С. 18. Примеч. 3.

⁴²² Там же. С. 19. См. также: Коробков Н. М. Михаил Кутузов. М., 1945.

⁴²³ О заседании кафедры истории СССР исторического факультета МГУ 19 сентября 1945 г., посвященном 200-летию со дня рождения Кутузова // Вопросы истории (далее – ВИ). 1945. № 3–4. С. 150.

⁴²⁴ Содержание выступлений А. И. Готовцева и В. В. Прунцова опубликовано в: Научная сессия, посвященная фельдмаршалу Кутузову // Военная мысль. 1945. № 10/11. См. также: Готовцев А. И. Полководческий путь Кутузова // Там же. 1945. № 10–12; Ярославцев А. В. Стратегия Кутузова в войне 1812 г. // Там же. № 9.

⁴²⁵ Хрестоматия по русской военной истории / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1947; Атлас карт и схем по русской военной истории / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1956; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. и полководческое искусство Кутузова. М., 1948; Его же. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951; Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950; Его же, Контрнаступление русской армии в 1812 г. М., 1953; и др.

⁴²⁶ Казаков Н. И. Бородинское сражение // Военный вестник. 1947. № 16. С. 49–52.

Бескровный и др.), и сталинско-патриотический тип ветеранской психологии прочно утвердился в историографии войны 1812 г. Некоторым исключением на фоне нахлынувшего потока квазипатриотической литературы выглядела только популярная книга полковника В. В. Прунцова, вышедшая в 1947 г.⁴²⁷ Произнеся ритуальные фразы о том, что французский император не добился успеха в Бородинском сражении и что оно «положило начало разгрому» Наполеона, выделив уже ставшие обычными восемь атак на Багратионовы «флеши» и написав о 58 тыс. убитых и раненых солдат Великой армии, но не упомянув при этом русские потери, Прунцов сделал несколько интересных замечаний, в частности о психологическом воздействии «тесноты» Бородинского поля на чувства солдат борющихся армий. Он предложил читателю представить, что мог чувствовать наполеоновский солдат, когда части Великой армии постоянно перемещивались, поле боя заволакивалось пороховым дымом, а ему самому приходилось по несколько раз ходить в атаку по одному и тому же месту, часто по трупам своих товарищей⁴²⁸.

В откровенно тенденциозном духе был написан ряд работ о Бородинском сражении, вышедших в начале 1950-х гг. Казалось, что авторы соревновались в том, кто из них более принизит противника и возвеличит, нередко подтасовывая факты, русских. Полковник Н. Царев, к примеру, прямо заявил, что Наполеон впервые проиграл генеральное сражение⁴²⁹. В том же духе была написана книга П. А. Жилина и А. В. Ярославцева⁴³⁰. Но, пожалуй, всех их превзошел генерал-майор Н. Ф. Гарнич⁴³¹, утверждавший, что Великая армия потеряла около 60 тыс. убитыми и ранеными, в то время как русская – только 38,5 тыс. «Наполеон впервые проиграл генеральное сражение», – заявил генерал Гарнич в унисон с полковником Царевым. И все же вряд ли книга Гарнича заслужила столь уничтожающей критики со стороны сатирика М. Г. Семенова, историков Абалихина, Дунаевского и Троицкого⁴³². По крайней мере, картина Бородина, несмотря на явные передержки, вполне укладывалась в схему, множество раз использованную русскими авторами, такими как Толь, Михайловский-Данилевский, Геруа, Жилин и Бескровный.

В 3-м номере за 1951 г. журнала «Большевик» была помещена статья С. И. Кожухова, в которой тот обрушился с критикой на книгу Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию»⁴³³. Обвинив академика в преклонении перед «иностранными историками» и в том, что тот использовал «лживые» и «грязные источники», Кожухов заявлял о стратегической и нравственной победе русской армии⁴³⁴. В условиях борьбы с «космополитизмом», чувствуя, что над головой сгущаются тучи, Тарле был вынужден начать «пересмотр» своих взглядов

⁴²⁷ Прунцов В. В. Бородинское сражение. Популярный очерк. М., 1947.

⁴²⁸ Там же. С. 37–39.

⁴²⁹ Царев Н. Бородинское сражение // Военный вестник. 1952. № 16. С. 50–57.

⁴³⁰ Жилин П. А., Ярославцев А. В. Бородинское сражение. М., 1952.

⁴³¹ Гарнич Н. Ф. 1812 год. М., 1952. Мы воспользовались 2-м изд. (М., 1956).

⁴³² Семенов М. Г. Тайны ремесла // Крокодил. 1959. № 7; Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 113, 123. Примеч. 214; Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 г. С. 51–52.

⁴³³ Кожухов С. И. К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Большевик. 1951. № 3.

⁴³⁴ Подробнее о «полемике» Кожухова и Тарле см.: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 108–110; Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 г. С. 46–48; Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977.

на Бородинское сражение. В 1952 г. академик написал специальную работу «Бородино», которая, правда, так и не была опубликована при жизни автора. Вероятно, смерть Сталина позволила Тарле не спешить с ее изданием⁴³⁵. Лишенная каких-либо ссылок на источники, работа была полна противоречий и явных неточностей. Так, непонятно, на основании чего Тарле утверждал, будто во время беседы 7 сентября 1812 г. с генералом Лихачевым Наполеон спросил его, правда ли, что Бухарестский мир нарушен и что война Турции против России продолжается. Лихачев ответил, что никакой войны с турками уже нет, и это якобы заставило Наполеона как можно быстрее завершить сражение, отойти и выжидать. Французские потери Тарле определял в 58,5 тыс. (из 136 тыс. к утру 7 сентября), русские – в 42 тыс. В заключение автор счел необходимым уличить во «лжи» французов, поляков и даже британцев, которые утверждают, будто Бородино было победой Наполеона⁴³⁶.

150-летие Отечественной войны 1812 г. было использовано для прочного и безоговорочного закрепления тезиса о полной русской победе под Бородином. Особую роль в этом сыграл профессор полковник Любомир Григорьевич Бескровный (1905–1981). Под его редакцией вышел сборник документов «Бородино»⁴³⁷, он был автором эпохальной монографии⁴³⁸, принял участие в редактировании нескольких сборников статей⁴³⁹, наконец, выступал с докладами⁴⁴⁰. Документы, помещенные в сборнике «Бородино», казалось, должны были опровергнуть утверждения, не раз высказывавшиеся в зарубежной и отечественной историографии, о том, что Наполеон, владея инициативой, навязал генеральное сражение русской армии, а также подтвердить тезис о «русской победе»⁴⁴¹. Действительно, материалы сборника показывали известную гибкость в поведении Кутузова, решившегося на генеральное сражение, подтверждали его намерение возобновить бой 8 сентября, а также частично давали ответ на вопрос о причинах окончательного решения русского главнокомандующего об отступлении с поля сражения. Однако все эти документы, исходившие исключительно от русской стороны, явно нуждались в сопоставлении с материалами, исходившими от Великой армии, а также с массой других источников, опубликованных ранее. В аналогичном, патристическом духе были выдержаны выводы статей сборника «1812 год». Несмотря на высокий уровень работы с фактологическим материалом (наиболее интересными, с точки зрения изучения Бородинского сражения были статьи Л. П. Богданова «Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении» и А. П. Ларионова «Использование артиллерии в Бородинском сражении»), выводы выглядели односторонними⁴⁴². Богданов попытался доказать, что Шевардинский редут уже изначально

⁴³⁵ Тарле Е. В. Бородино // Тарле Е. В. Собр. соч. М., 1962. Т. 12. Далее цит. по отдельному изд., подготовленному Л. Г. Бескровным: Тарле Е. В. Бородино. М., 1962.

⁴³⁶ Тарле Е. В. Бородино. С. 13, 52, 72, 76, 89.

⁴³⁷ Бородино: Документы, письма, воспоминания / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. П. Мещерякова. М., 1962.

⁴³⁸ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года.

⁴³⁹ Наиболее важным является: 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962.

⁴⁴⁰ Наиболее примечательным был доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 13 сентября 1962 г., опубликованный затем в виде статьи: Бескровный Л. Г. Бородинское сражение // История СССР. 1962. № 6. С. 3–18.

⁴⁴¹ См. также: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 134–135.

⁴⁴² См. также брошюру Л. П. Богданова «На поле Бородинском» (М., 1962), в которой патетически утверждалось, что «сознание непоколебимости русской армии овладело французскими солдатами и их

не был крайним левым флангом русской армии, а Ларионов – уверить, будто почти весь русский артиллерийский резерв к вечеру 7 сентября был введен в бой и использован с высокой эффективностью.

Монография Бескровного, хотя и не лишенная многочисленных достоинств, также была призвана рассеять все сомнения читателей в «наполеоновском поражении» при Бородине. По его мнению, Наполеон вынужден был подчиниться воле Кутузова, «французская армия не проявила воли к победе и энтузиазма», неприятельские потери составили 58 578 солдат и 49 генералов, в то время как русские – 38 506 солдат и офицеров и 22 генерала. Бородино, утверждал автор, явилось завершающим этапом оборонительного периода войны, а «Кутузов одержал под Бородином полную победу, разрешив поставленные стратегические и тактические задачи». В статье о Бородинском сражении, опубликованной в 1962 г. в журнале «История СССР», Бескровный, в отличие от монографии, специально остановился на историографии вопросов, связанных с Бородинским сражением. Весьма вольно трактуя позиции дореволюционных историков, автор утверждал, что в представлении Бутурлина, Михайловского-Данилевского и Богдановича Бородино завершилось победой Наполеона. Якобы только декабристы и революционные демократы противостояли такой трактовке результатов битвы и «не сомневались в том, что сражение под Бородином было победой русских». По его мнению, поколение «буржуазных историков», призывая покончить с «героической легендой 1812 г.», не создало, однако, «стройной концепции войны и Бородинского сражения, продолжая считать его со стороны русских “очистительной жертвой”». Только советские историки «на основе широкой источниковедческой базы доказали, что Бородинское сражение является победой русской армии, что оно входит в общий замысел Кутузова». Поразительно, насколько смело Бескровный искажал позиции своих предшественников, пытаясь скрыть тот очевидный факт, что его собственная концепция отнюдь не противостояла «дворянским историкам», но была последовательным воплощением их главных идей!

Единственной попыткой противостоять этой юбилейной волне про-патриотической литературы была статья подполковника в отставке А. Кочеткова⁴⁴³. Автор, справедливо поставив под сомнение знание Бескровным, Гарничем и другими авторами последнего десятилетия элементарных основ тактики начала XIX в., выступил против того, чтобы считать, будто замысел Наполеона и сам ход сражения были заранее предусмотрены Кутузовым. Несмотря на очень незначительное превосходство французов в численности войск и явно уступая русским в артиллерии, Наполеон «создавал на всех пунктах атаки... превосходство, доходящее до подавляющего...». Признавая, что к концу сражения французские войска оставили батарею Раевского и «флешы» (в действительности это было не так), Кочетков тем не менее отверг утверждение ряда русских и советских историков, будто французы отошли за Колочь. Статья Кочеткова осталась почти не замеченной.

«Концепция» Бородина, утвердившаяся в послевоенное время, особенно благодаря деятельности Бескровного, получила в конце 60-х гг. некоторую корректировку в работах Павла Андреевича Жилина (1913–1987), в дальнейшем генерал-лейтенанта, начальника Института военной истории МО СССР, с 1968 г. – члена-корреспондента АН СССР⁴⁴⁴. Хотя и опираясь в основном на русские источники, но все же используя четыре документа из «Архива исторической службы французской армии» (приказ Бертье о перекличке в Гжатске, историческую справку о действиях 9-го линейного полка, список убитых офицеров Великой армии 7 сентября и материалы опроса русских пленных), Жилин сделал вывод о том, что

полководцем».

⁴⁴³ Кочетков А. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // ВИЖ. 1963. № 12. С. 36–44.

⁴⁴⁴ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968 (2-е изд. было в 1974 г. и 3-е, посмертное, под названием «Отечественная война 1812 г.», в 1988 г.).

Бородино все же не обеспечило коренного перелома в ходе всей войны. Тем не менее, как считал автор, Бородино нанесло смертельный удар Великой армии, которая потеряла убитыми и ранеными более 50 тыс. человек, в то время как русские потери достигли 44 тыс., и «понесла невосполнимый моральный ущерб». Автор категорически, вступая в полемику с англичанами К. Даффи и Д. Чандлером и французом Э. Терзеном, отверг мнение о том, что Наполеон, вследствие болезни, не проявил во время боя должной энергии.

175-летняя годовщина Бородина ознаменовалась выходом целого ряда работ, авторы которых в большинстве полностью сохранили свою приверженность выводам Бескровного с учетом корректировок Жилина⁴⁴⁵. Но в некоторых публикациях наметилась все же тенденция к явному отходу от поверхностно-патриотических мифов⁴⁴⁶. Цельная работа Николая Алексеевича Троицкого, вышедшая в 1988 г., закрепила существование этой последней тенденции⁴⁴⁷. Троицкий считал исключительно важным подвергнуть основные тезисы о Бородинском сражении, закрепившиеся в советской литературе, беспристрастной проверке на основе сопоставления отечественных и зарубежных данных. Он пришел к выводу, что формально численный перевес к началу генеральной баталии был на стороне русских (154,8 тыс. человек, из которых только 115,3 тыс. было регулярных войск, против 134 тыс. солдат Наполеона). Но потери оказались несопоставимыми: французские – в пределах от 20 до 30 тыс. (автор привел официальную цифру потерь Великой армии, обратившись к Денне, – 28 086 человек), русские – 45,6 тыс. человек. «Наполеон диктовал ход сражения, – утверждал Троицкий, – атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отражал его атаки...» Французский император хотя и не реализовал «главной своей задачи» разгрома русской армии, но добился материального успеха. Однако и за русскими автор признал победу – «не в материальном, а в моральном и даже в политическом отношении». Вместе с тем в целом убедительные выводы Троицкого нередко сочетались с воспроизведением типичной «советской» схемы сражения – со знаменитыми восемью атаками Багратионовых «флешей», с устоявшимся хронометражем событий и без живой, достоверной картины действий противников русских войск. В своей новой работе «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты»⁴⁴⁸ Н. А. Троицкий постарался привлечь ряд новых данных с опорой на исследования по Бородину А. А. Васильева и Л. Л. Ивченко, А. И. Попова и других отечественных историков. Автор принял выводы этих исследователей о падении «флешей» уже к 10 часам утра в результате 3-й атаки и, в целом, внес коррективы в описание Бородинского сражения.

В 1990-е гг. появился целый ряд важных статей, подготовленных Алексеем Анатольевичем Васильевым. Уже в 1992 г. на основе широкого привлечения французских материалов он попытался подтвердить цифру потерь Великой армии примерно в 30 тыс. человек⁴⁴⁹ и совместно с Л. Л. Ивченко пересмотрел устоявшийся «российский» хронометраж бородинских событий, выявив его основной источник – работы Толя.

В конце XX и в начале XXI в. А. А. Васильев осуществил несколько важных

⁴⁴⁵ Бородино. 1812 год. М., 1987; Орлик О. В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987; Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1988; и др.

⁴⁴⁶ Троицкий Н. А. День Бородина // Знамя. 1987. № 8. С. 204–207; Его же. Повторение пройденного // ВИ. 1988. № 4. С. 117–119; Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // История СССР. 1987. № 4. С. 120–139; и др.

⁴⁴⁷ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

⁴⁴⁸ Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

⁴⁴⁹ Васильев А. А. Лукавая цифра авантюриста.

публикаций, как французских материалов, так и собственных исследований, по действиям армии Наполеона в Бородинском сражении⁴⁵⁰.

Важнейшим явлением в историографии Бородина стали работы Андрея Ивановича Попова, который на основе скрупулезного сопоставления источников осветил события на северном и южном флангах и в центре Бородинского поля. Принцип строгой научности и национальной беспристрастности, великолепное знание зарубежных, особенно немецких, источников позволили ему показать отвагу солдат и таланты командиров Великой армии, проявленные в день Бородина, по-новому взглянуть на целый ряд ключевых событий великой битвы⁴⁵¹.

Принцип исторической беспристрастности и стремление вырваться из цепких объятий «национальных мифов» пытается реализовать автор данной монографии В. Н. Земцов⁴⁵².

Важные уточнения применительно к потерям военнопленными Великой армии при

⁴⁵⁰ Васильев А. А., Ивченко Л. Л. Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6–7. С. 62–67; Васильев А. А. Комментарии к рапорту о сражении при Можайске...; Его же. Французские карабинеры при Бородино // Цейхгауз. № 2. С. 6–10; Его же. Кавалерия Наполеона в Бородинском сражении. Боевое расписание на 5–7 сентября 1812 г. // Там же. № 4. С. 13–15; № 5. С. 13–15; № 6. С. 25–27; Его же. Испанский полк «Жозефа-Наполеона» в русской кампании // Там же. № 6. С. 20–23; Его же. Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2001. С. 67–68; Васильев А. А., Попов А. И. Grande Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002. В 2011 г. А. А. Васильев возвратился к вопросу о численности потерь Великой армии в Бородинском сражении, обратившись к дополнительному тому французского военного статиста А. Мартиньена и указав на ряд неточностей в наших подсчетах (Васильев А. А. Офицерские потери Великой армии Наполеона в Бородинском сражении, подсчитанные по именным спискам А. Мартиньена // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы международной конференции. М., 21–22 апреля 2011 г. М., 2011. С. 19–43).

⁴⁵¹ Попов А. И. Бой за деревню Семеновское // Бородино. Материалы научной конференции. 1993. Бородино, 1993. С. 54–62; Его же. Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994. С. 42–51; Его же. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995; Его же. Боевые действия в центре Бородинского поля // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 229–251; Его же. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Харьков, 1997; Васильев А. А., Попов А. И. Указ. соч.; Попов А. И. Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 46–64; Его же. «Немного левее центра...» (действия отряда Сиверса в Бородинском сражении) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 245–266; Его же. Боевые действия в Утицком лесу // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2007. С. 50–78; Его же. Бородино. Северный фланг. М., 2008; Земцов В. Н., Попов В. Н. Бородино. Южный фланг. М., 2009; Их же. Бородино. Центр. М., 2010; Попов А. И. От Смоленска до Бородина // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012. Можайск, 2013. С. 81–90; и др.

⁴⁵² Земцов В. Н. Бой за Шевардинский редут 5 сентября 1812 г. (по зарубежным источникам) // 185 лет Отечественной войне 1812 г. Сб. статей. Самара, 1997. С. 9–21; Его же. Французская армия 6 сентября 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1998. С. 67–88; Его же. Французская историография Бородинского сражения // Там же. 1999. С. 53–73; Его же. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999; Насморк полководца, или Наполеон в Бородинском сражении // Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С. 349–374; Его же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; Французский солдат в Бородинском сражении: опыт военно-исторической психологии // Человек и война. Война как явление культуры. Челябинск, 2000. С. 38–64; Его же. «Французское» Бородино (французская историография Бородинского сражения) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 38–51; Его же. Зарубежная историография Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны. С. 25–32; Его же. Наполеон на острове Св. Елены: воспоминания о Русском походе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. 2004. С. 121–132; Его же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008; Его же. Бородинское сражение в малоизвестных рапортах генералов Великой армии // «Сей день пребудет...» С. 211–224; Его же. Французская пресса 1812 г. о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVIII Международной научной конференции. Бородино, 2–4 сентября 2013 года. Бородино, 2014. С. 21–35; и др.

Бородине внес в последние годы С. Н. Хомченко⁴⁵³. Он же предложил ряд предварительных выводов о ходе Бородинского боя на основе находок, сделанных в ходе археологических исследований 2004–2012 гг.⁴⁵⁴ Помимо сведений, которыми воспользовался С. Н. Хомченко, археологическая экспедиция (во главе с заведующим отделом комплексных историко-археологических исследований Государственного Исторического музея М. И. Гоняным), проводившая обследование поля, позволила выявить ряд важных деталей и уточнить целый ряд моментов, связанных с событиями 1812 года⁴⁵⁵.

Небезынтересными, хотя и не всегда убедительными, оказались попытки последних лет уточнить вопросы, относящиеся к топографическим источникам изучения Бородинского сражения⁴⁵⁶, а также попытки нового прочтения ряда изобразительных источников⁴⁵⁷.

К исследованиям, посвященным наполеоновским войскам в Бородинском сражении, примыкает ряд работ, освещающих различные стороны функционирования Великой армии в 1812 г., авторами которых являются О. В. Соколов, В. Н. Шиканов, В. П. Турусов⁴⁵⁸. Нельзя не упомянуть о плодотворной деятельности еще в 1980-е гг. К. Г. Бочоришвили, исследовавшего французскую армию эпохи Империи⁴⁵⁹. Подлинным событием стал выход в

⁴⁵³ Хомченко С. Н. *Офицеры Великой армии, взятые в плен в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.* Можайск, 2012. С. 310–318; Его же. *Нижние чины Великой армии, плененные в Бородинском сражении // «Сей день пребудет...»* С. 178–194.

⁴⁵⁴ Хомченко С. Н. *Археологические находки боеприпасов как источник изучения Бородинского сражения. Русские позиции // Бородино в истории и культуре. Материалы международной конференции, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 74–86; Его же. Археологические находки в западной части Бородинского поля как источник изучения Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2011. С. 65–73; и др.*

⁴⁵⁵ См., например: Гоняный М. И., Двуреченский О. В. *История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет...»*. С. 333–350; Соловьев Д. Б. *Неприступная крепость или слабое укрепление? Сопоставление данных исторических источников и результатов современных археологических исследований Батареи Раевского // ВИЖ. 2016. № 8. С. 40–44; и др. Высоко оценивая вклад археологической экспедиции в изучение Бородинского сражения, мы вместе с тем должны отметить и далеко не во всем удачный опыт археолога Д. Б. Соловьева в попытках соединить данные археологии с письменными источниками (Соловьев Д. Б. Опыт реконструкции первой атаки Батареи Раевского // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2016. Вып. 16. С. 90–108).*

⁴⁵⁶ Колесник Е. А. *Анализ системы обозначений и изобразительных средств топографических карт начала XIX в., посвященных Бородинскому сражению // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII международной конференции. 5–7 сентября 2011 г. Можайск, 2012. С. 18–28; Пармонова А. А. План Пресса – Шеврие – Реньо как источник научной реконструкции ландшафта поля сражения 26 августа 1812 г. // «Сей день пребудет...» С. 310–332; и др.*

⁴⁵⁷ См., например: Горшков Д. И. *Акварельный рисунок сражения при Москве-реке 7 сентября 1812 г. работы капитана штаба Великой армии Фердинана Жоржа Тарара. К вопросу о классификации иконографии сражения // «Сей день пребудет...»*. С. 640–671; и др.

⁴⁵⁸ Соколов О. В. *Капитан №. Происхождение младших офицеров армии Наполеона в 1812–1814 гг. // Родина. 1992. № 6–7. С. 14–15; Шиканов В. Н. Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. М., 1999; Его же. Генералы Наполеона (биографический словарь). М., 2004; Турусов В. П. *Великая армия в 1812 г.: организация и управление // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. 2002. С. 41–59; и др.**

⁴⁵⁹ Бочоришвили К. Г. *Французская армия как общественно-политическая сила во время Консульства и Империи (1799–1815). Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1982; Его же. Орден Почетного легиона при Наполеоне I // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 210–220; Его же. Итальянские эмигранты – солдаты армии Наполеона // ВИ. 1981. № 6. С. 171–172.*

1999 г. первого на русском языке комплексного исследования Олега Валерьевича Соколова «Армия Наполеона»⁴⁶⁰. Применительно к Бородину автор высказал убеждение в той решающей роли, которую сыграл отказ Наполеона использовать гвардию для исхода генерального сражения, а также в том, что поворотным пунктом всей войны 1812 г. был пожар русской столицы.

Важные публикации по действиям русских войск при Бородине, что позволяет внести коррективы в описание действий Великой армии, осуществлены в последние годы А. А. Смирновым, В. М. Безотосным, Л. Л. Ивченко, Д. Г. Целорунго. Огромное значение имел выход в свет сборника документов «Бородино. Документальная хроника» (составители – А. М. Валькович и А. П. Капитонов) и двух энциклопедий «Отечественная война 1812 года» и «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг.»⁴⁶¹. В сборнике документов «Бородино» составители впервые свели воедино огромный массив, как опубликованных ранее, так и выявленных в последнее время, отечественных материалов о сражении. Сборник помогал раскрыть стратегические и тактические замыслы сторон, сопоставить данные о составе и состоянии русской армии, прояснить характер различных фаз битвы.

Статья «Бородинское сражение» (авторы – А. А. Васильев, Л. Л. Ивченко, А. И. Попов, В. Н. Земцов)⁴⁶², опубликованная в двух энциклопедиях, стала, фактически, первой (хотя и не во всем удачной) попыткой свести воедино все «наработки» последних десятилетий применительно к действиям как русской, так и французской стороны. Численность армий авторы определили как около 150 тыс. при 624 орудиях у русских и около 135 тыс. при 587 орудиях у французов. Ни один из противников не смог решить поставленных задач и не добился существенных результатов: «Наполеон не сумел разгромить российскую армию, а Кутузов не защитил Москву». В то же время стоит отметить, что для русского главнокомандующего сражение скорее носило вынужденный характер, так как он не мог сдать столицу без боя. Бородино имело значительные последствия для судеб каждой армии.

⁴⁶⁰ Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. Книга одновременно вышла на французском языке: Sokolov O. L'Armée de Napoléon. P., 1999.

⁴⁶¹ Целорунго Д. Г. . Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения (историко-социологическое исследование). М., 2002; Его же. К вопросу о потерях русской армии в Бородинском сражении // Бородино и Наполеоновские войны. С. 33–37; Его же. База данных «Солдаты и офицеры российской армии – участники Бородинского сражения: социальные портреты, поведение в бою, боевые отличия» // «Сей день пребудет...». С. 31–40; Его же. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017; Безотосный В. М. ., Целорунго Д. Г. . Бородино: Русское поле. Русские полки. Русские офицеры. М., 2010; Безотосный В. М. . Закаленные эпохой: Российский генералитет Александра I. М., 2015; Смирнов А. А. . Что же такое Шевардинский редут? // Эпоха 1812 года. 2003. С. 267–281; Его же. Генерал Александр Кутайсов. М., 2002; Его же. «Многочисленная артиллерия». О записках генерала К.И.Е. Колачковского // Там же. 2002. С. 141–146; Его же. Артиллерия Шевардинского редута // Император. № 4. 2003. С. 15–17; Его же. Сомнительные выстрелы // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 150–156; Ивченко Л. Л. . Бородино. Легенда и действительность. М., 2002; Её же. Бой за Семеновские высоты // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 121–143; Бородино. Документальная хроника / Сост. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М., 2004. См. также интересные публикации В. А. Бессонова и С. В. Потрашкова (Бессонов В. А. . Пополнение русских армий накануне Бородинского сражения. Войска генерала М. А. Милорадовича // «Сей день пребудет...» С. 62–69; Потрашков С. В. . К вопросу об участии Харьковского драгунского полка в Шевардинском бою и Бородинском сражении // «Сей день пребудет...» С. 123–131; и др.).

⁴⁶² Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 80–92; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг. Т. 1. С. 211–224. В подготовке и обсуждении материалов приняли участие и другие исследователи – А. А. Смирнов, В. М. Безотосный, А. А. Подмазо. См. также статью «Шевардинский бой» (авторы – А. А. Васильев и В. Н. Земцов) (Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 792–794; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг. Т. 3. С. 678–679).

Российские войска (потерявшие примерно 45–50 тыс. человек) смогли восстановить численность своих рядов, тогда как Наполеон (потерял около 35 тыс.) не смог этого сделать, особенно в кавалерии. И все же статья оставила множество вопросов: достаточно ли убедительно ее авторы обосновали свою версию численности и потерь сражавшихся армий?; не стало ли стремление «согласовать» между собой сведения, исходящие от разных сторон, своеобразной формой «подгонки» материала, при которой происходит неизбежное отступление от буквы и духа источника?; не слишком ли схематичен жанр энциклопедической статьи для того, чтобы делать заявку на подведение окончательных итогов исследования великого сражения?; и т. д., и т. д.

Факт появления энциклопедической статьи, написанной в рамках «научно-критического» направления, фактически закрепил общий отход от псевдопатриотической традиции, которая господствовала в нашей историографии к 90-м гг. XX в. Но как соотносится столь решительный «пересмотр» основополагающих вопросов Бородинского сражения с тем непреложным убеждением русской национальной памяти считать Бородино «нашей» победой? Не способен ли отказ от основополагающей опоры национального сознания привести к губительной эрозии национальной самоидентификации? Это еще один вопрос, возникающий в связи с появлением статьи о Бородинском сражении в энциклопедиях, посвященных войне 1812 года. В любом случае, по нашему глубокому убеждению, следует различать и до известной степени разделять научные подходы (что требует максимально возможной точности и достоверности в воспроизведении картины прошлого) и учебно-познавательный уровень, который сориентирован, по большей части, на эмоциональное восприятие исторических событий. Но и в последнем случае совершенно недопустимо искажение достоверно установленных фактов и провозглашение заведомо ложных суждений и выводов.

В целом, мы видим, что в течение последних десятилетий была заложена основа для преодоления почти двухвековой традиции отечественной историографии в освещении противника русских войск в Бородинском сражении. Возможно, это связано с серьезными национально-идентификационными сдвигами, происходившими в среде российской исторической науки. Однако события последних лет заставляют всерьез задуматься над тем, насколько эти сдвиги отражают общий поворот в национально-историческом самосознании русского народа, а насколько являются результатом деятельности узкой группы интеллектуалов. Судя по объему откровенно спекулятивной продукции последних лет (литература в стиле фолк-хистори, скороспелые публикации, претендующие на новое слово в освещении сражения, ура-патриотические издания, воскрешающие давно опровергнутые мифы, бездарные научно-популярные и художественные фильмы), посвященной войне 1812 года и Бородинскому сражению в частности, не исключена возможность возвращения к тем временам, когда сильный, достойный и опасный противник России воспринимался большинством населения исключительно через карикатуры М. И. Теребенева...

Подведем итоги. В основе русского представления о Бородине лежит конструкция, имеющая, главным образом, два источника. Во-первых, это память о космологическом, национально-непреходящем для русского человека историческом событии. Во-вторых, историографическая традиция, имеющая своим началом стремление главнокомандующего Кутузова и полковника Толя представить свои действия и действия вверенных им войск в день Бородина в наиболее благоприятном свете. Эти два обстоятельства обусловили особую склонность русских историков к необъективному и недостоверному изображению противника в Бородинском сражении. Солдаты, офицеры, генералы Великой армии и сам Наполеон нередко представляли в виде абстрактных единиц, лишенных живых человеческих черт. Более того, всякий раз, когда происходила известная самоизоляция России, а государственная политика обретала антизападническую направленность, образы наполеоновских солдат приобретали ходульно-мифологические черты, воплощавшие некое вечное зло. В этой связи можно было бы предложить иной принцип периодизации отечественной историографии Бородина и всей войны 1812 г., беря за основу не смену

«дворянского», «буржуазного», «советского» и «постсоветского» этапов, а смену общеполитического и общекультурного курса государственных структур по отношению к Западу.

Крайне любопытной представляется зависимость коллективной русской исторической памяти о Бородине от характера общей политики государства, которое санкционирует тот или иной вариант «памяти о прошлом». На основе представленного материала можем высказать предварительное суждение об относительной легкости, с которой государству при необходимости удастся усиливать и раздувать псевдопатриотический и исторически недостоверный образ противника русских в их национальной памяти. Таким образом, проблема соединения научного реализма с выявлением «духа» сражавшихся армий до сих пор сохраняет свою абсолютную актуальность для российской науки в исследовании Отечественной войны 1812 г.

1.4. Британская и американская историография

Британская и американская историография демонстрируют пласт исторической памяти тех народов о Бородине, которые в сражении не участвовали. Эти народы предлагают своего рода взгляд со стороны на историю сражавшихся под Бородином армий. Насколько «объективна» их картина прошлого?

1.4.1. Британская историография

В отличие от русских, французов, немцев, поляков, итальянцев, и даже испанцев и хорватов, британцы в битве участия не принимали. На Бородинском поле в сентябре 1812 г., по всей видимости, оказался только один английский солдат – драгун, прибывший в Россию вместе с генералом Р. Т. Вильсоном, британским комиссаром при Главной квартире русской армии, и «откомандированный» последним к русскому генералу М. С. Воронцову. Поэтому логично предположить, что вполне естественная заинтересованность британцев в победе русской стороны тогда, в 1812 г., должна была бы в дальнейшем смениться более трезвой и взвешенной оценкой исторического факта прошлого, что, в свою очередь, помогло бы увидеть внутренний смысл и «механику» самого события.

В эпоху 1812 г. англичане, безусловно, были жизненно заинтересованы в гибельном для Наполеона исходе русской кампании. Генерал Вильсон, который день 7 сентября провел в Петербурге, обедая у вдовствующей императрицы в обществе русского императора и «августейшей фамилии», 12-го стал свидетелем того, как Александр I получил донесение главнокомандующего М. И. Кутузова «о поражении Бонапарта в генеральном сражении». «Сие вызвало общий восторг, – записал он в дневнике. – Тут же были объявлены императорские награды»⁴⁶³. Английский посланник в Петербурге лорд У. Ш. Каткерт писал в Лондон: «Я счастлив сообщить, что армии его императорского величества одержали победу в самой упорной битве при Бородине»⁴⁶⁴. 3 октября газета «Таймс» перепечатала это сообщение, а также опубликовала бюллетени русской армии и рапорт Кутузова царю о том, что произошло у Бородина. Ряд статей в «Таймс» и других газетах был посвящен Бородинскому сражению⁴⁶⁵. «Таймс» называла день сражения при Бородине грандиозным памятным днем в русской истории и «фатальной битвой» для Наполеона. Последний «не получил никакого преимущества, как ни дорого он заплатил за Бородино».

⁴⁶³ Вильсон Р. Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 55, 57.

⁴⁶⁴ Цит. по: Гуткина И. Г. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года // ННИ. 1962. № 5. С. 85.

⁴⁶⁵ Там же.

Первоначально, когда Наполеон начал вторжение в Россию, в Лондоне не надеялись, что ее сопротивление будет длительным. Министр иностранных дел лорд Р. С. Каспри вообще полагал, что русские продержатся не более трех месяцев. Теперь же, после Бородин, британское общественное мнение кардинально изменилось. Русский дипломатический агент в Лондоне Борель доносил 11 октября канцлеру Н. П. Румянцеву: «До битвы при Бородино в обществе имели место малоблагоприятные высказывания о русских. Эта битва внушила более справедливое суждение о них». «Я вас заверяю, – писал он далее, – что все здесь единодушны в вопросе о том, что эта ужасная борьба закончится триумфом России...»⁴⁶⁶. Теперь Наполеон, как сообщал премьер-министр Р. Б. Дж. Ливерпуль главнокомандующему британской армией в Испании А. К. Уэсли, будущему герцогу Веллингтону, окажется в более критическом положении, чем когда-либо, и не сможет послать подкрепления на полуостров⁴⁶⁷.

Живой интерес в Британии к событиям 1812 г. в России сохранялся в течение всех последующих лет Наполеоновских войн. В 1813 г., одновременно с изданием на русском языке брошюры полковника квартирмейстерской части П. А. Чуйкевича, в Петербурге выходит ее вариант на французском, немецком и английском⁴⁶⁸. Книга эта привлекла внимание англичан, которые, по утверждению ряда авторов, переиздали ее в Англии⁴⁶⁹. Однако она заинтересовала британцев отнюдь не описанием «регулярных» сражений 1812 г., а теми параллелями, которые Чуйкевич проводил между «средствами необыкновенными» в войне русских против Наполеона и действиями «гишпанских» партизан и британских войск на Пиренеях. Несомненный интерес имеет также факт выхода в 1813 г. в валлийском городке Суонси издания русских и французских документов, касавшихся войны 1812 г.⁴⁷⁰

В 1815 г. в Британии выходят сразу три книги, затрагивавшие события 1812 г. в России⁴⁷¹. Эти издания были далеки от того, чтобы представить точное и пространное изложение войны 1812 г., и Бородинского сражения в частности. Они были основаны, главным образом, на официальных публикациях тех лет. Более глубокую картину мог бы предложить генерал Вильсон, издавший работу «Набросок военной и политической силы в

⁴⁶⁶ Цит. по: Гуткина И. Г. Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810–1812 гг. // Ленинградский гос. ун-т. Ученые записки. Т. 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943. С. 62–63. См. также: Звавич И. Англия и Отечественная война русского народа против наполеоновского владычества // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1945. Вып. 2. С. 11–13.

⁴⁶⁷ Wellington A. Supplementary dispatches, Correspondence and Memoranda of Field-Marshal duke of Wellington. L., 1860. Vol. 7. P. 462.

⁴⁶⁸ Чуйкевич П. Рассуждение о войне 1812 г.

⁴⁶⁹ Британский историк М. С. Андерсон (Anderson M. S. Britain's discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958. P. 217), а вслед за ним и И. Г. Гуткина (Гуткина И. Г. Отклики... С. 89), утверждают, что в том же году книга Чуйкевича была издана в Англии. В британских книгохранилищах мы смогли обнаружить только американское изд. 1813 г., подготовленное русским консулом в Бостоне А. Г. Евстафьевым (Tchuykevitch, Col. Reflection on the War of 1812 with Tables. Boston, 1813).

⁴⁷⁰ A view of the French campaign in Russia, in the year 1812, collected from the official and other documents of both nations. By an officer. Swansea, 1813.

⁴⁷¹ Hemingway J. The Northern Campaigns and History of the War, from the Invasion of Russia, in 1812. Manchester, 1815; McQueen J. The Campaigns of 1812, 1813 and 1814. Glasgow, 1815; Porter, sir R.K. A Narrative of the Campaign in Russia during the year 1812. L., 1815 (последняя книга через два года была переведена на французский: Porter K. (sir Robert). Histoire de la campagne de Russie. P., 1817).

России в 1817 г.»⁴⁷². Однако, как он сам заметил, было еще нельзя писать о кампании 1812 г. со всей откровенностью и «эта история... для Европы еще остается загадкой». Без сомнения, Вильсон систематически собирал все сведения о Бородинском сражении, увидеть которое ему самому не довелось. Однако в своей работе 1817 г., в свойственной британцу манере соотносить великие сражения другого народа с великими сражениями своего, написал следующее: «При Бородине, как при Ватерлоо, ряды были против рядов, человек против человека, и зов был обращен к храбрости каждого солдата: дело зависело от напряжения сил более, нежели от искусства маневрировать или от каприза судьбы...»⁴⁷³ В этом кратком замечании опытного солдата, разделившего тяжесть войны с русской армией, был обозначен важный момент, свойственный всей англо-саксонской традиции в изучении событий 1812 г. и Бородина: внимание к внутренней, человеческой стороне, признание важности морально-психологического аспекта войны 1812 г. Вильсон работал над историей русской кампании многие годы, но опубликовать материалы до своей смерти в 1849 г. так и не сумел.

Признанным основоположником британской традиции изучения Отечественной войны 1812 г. и Бородина стал другой британец – великий писатель Вальтер Скотт. В июне 1827 г. вышли девять томов его книги «Жизнь Наполеона Бонапарта»⁴⁷⁴, вызвавшей бурную, но неоднозначную реакцию в Европе. Г. Гейне прямо обвинил Скотта в том, что «Жизнь Наполеона» была написана исключительно ради заработка: «Будь ты богат, ты не написал бы этой книги...» Но особенно досаждал Скотту неугомонный генерал Гурго, обвинивший писателя в клевете как на Наполеона, так и на самого Гурго. Скотт публично опроверг нападки наполеоновского генерала. Но это Гурго не остановило. Стали поговаривать уже и о предстоящей дуэли, подобно тому, как разрешилась «научная полемика» Гурго с Сегюром. И только угроза Скотта опубликовать во французской печати документы, которые могли бросить тень на самого Гурго, заставила неугомонного французского генерала прекратить свои выступления⁴⁷⁵. В России книга Скотта о Наполеоне сразу вызвала заметный интерес. Вначале «Московский телеграф» опубликовал выдержки из нее, а в начале 1830-х гг. она была полностью переведена на русский язык. События 1812 г. охватывала 9-я часть русского издания⁴⁷⁶. Можно вполне согласиться с российским историком Н. А. Троицким, который, назвав работу Скотта «энциклопедией взглядов английской олигархии на французскую революцию и все ее порождения», вместе с тем обнаружил в ней «и рациональное зерно»⁴⁷⁷. Основными материалами при описании войны 1812 г. стали для Скотта работы Бутурлина и, особенно, Сегюра, вследствие чего автор уделил немало внимания внутренним метаниям Бонапарта, «тому, как здравый ум и хладнокровие императора уступили сильному и пылкому его желанию кончить войну блистательным боем и победой». По мнению Скотта, к

⁴⁷² *Wilson R. Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. L., 1817.*

⁴⁷³ *Ibid. P. 27.*

⁴⁷⁴ *Scott W. Vie de Napoléon. Bruxelles, 1827. T. 1–9.*

⁴⁷⁵ *Левинтон А. Г. Краткая летопись жизни и творчества Вальтера Скотта // Скотт В. Собр. соч.: В 20-ти тт. М.; Л., 1965. Т. 20. С. 825. На книгу английского писателя активно откликнулись в России (См., например: Мальцев И. Несколько слов об истории Наполеона, сочиненной Вальтером Скоттом // Московский вестник. 1827. № 15–16; К.В. [Ксенофонт Полевой] Взгляд на историю Наполеона // Московский телеграф. 1833. № 8; и т. д.).*

⁴⁷⁶ *Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов / Пер. С. Шаплет. СПб., 1832. Ч. 9.*

⁴⁷⁷ *Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 г. С. 105.*

Смоленску французская армия «в расстройстве своем походила несколько на пьяного человека, который может еще бежать, но не в состоянии был удержаться на ногах, когда бы он остановился». Численности противоборствующих армий к началу сражения английский писатель определял как равные примерно 120 тыс. каждая (Скотт в данном случае критически подошел к мнению Бутурлина, полагавшему русские силы в 132 тыс., а французские в 190 тыс.). Великая армия состояла из «многонациональных элементов», но это были отборные воины, ветераны. И все же сомнения в своем превосходстве у солдат Великой армии были. Поэтому не случайно, как полагал автор, они «окружили себя окопами». Готовясь к сражению, французы понимали, что «будут истреблены при отступлении», если проиграют сражение. Речь Наполеона к войскам также была «не столь напыщенна», как ранее. Вообще же Наполеон, готовясь к битве, был полон мужества и твердости, даже несмотря на тревожные события в Испании. Остановившись на отказе Наполеона послать вперед гвардию, Скотт заметил, что осуждавшие его приписывали данное решение нездоровью и дурно проведенной ночи, но тайна отказа, по мнению автора, крылась в ответе Наполеона маршалу Бертье: «Если завтра будет другое сражение, то где моя армия?» Французские потери Скотт оценивал в 10 тыс. убитыми и «вдвое больше ранеными», замечая при этом, что русские взяли тысячу пленными, а французы «едва ли вдвое против сего числа». Общий вывод Скотт давал следующий: «...хотя победа осталась на стороне французов, но соперники их могли сказать, что они скорее сами отказались от боя, чем потерпели поражение». После сражения Наполеон пребывал в растерянности, не зная, по какой дороге – Московской или Калужской – отступила русская армия, и это заставило его остаться в Можайске до 12 сентября. Наполеон, получив подкрепления, желал нового сражения, но русские обманули его надежды, снова навязав ему войну на истощение⁴⁷⁸. В целом, несмотря на довольно беглое и путаное изложение хода военных действий, Скотт попытался создать вполне взвешенную картину, по достоинству оценив усилия обоих противников. К явным недостаткам его работы следовало бы отнести чересчур точное следование за концепцией и материалами Сегюра, что подменяло собственный строгий анализ автора не всегда беспристрастным мнением участника Русского похода. Но одновременно это же обстоятельство способствовало тому, что в английской историографии войны 1812 г. теперь прочно установилась традиция рассматривать и учитывать эмоционально-психологический фактор как один из важнейших и предопределивших исход великого сражения. Две работы английских авторов А. Алисона и Дж. Каткарта, вышедшие в 1841 и 1850 гг., закрепили эту традицию⁴⁷⁹.

Наиболее интересной представляется работа сэра Арчибальда Алисона «История Европы от начала Французской революции до реставрации Бурбонов», в 8-м томе которой значительное место было отведено войне 1812 г. Окончательное решение о движении на Москву, вынуждая тем самым русских к генеральному сражению, Наполеон принял, находясь в Витебске. Как военные, так и политические обстоятельства, считал автор, не оставляли императору иного выбора. Но к 7 сентября силы противников почти сравнялись. Русские располагали 132 тыс., из которых 10 тыс. были ополченцами, а 7 тыс. – казаками. Французы имели 133 тыс. превосходных солдат, но уступали в артиллерии (570 против 640 орудий у русских). По мнению Алисона, «никогда еще результаты предстоящего сражения не зависели в такой степени от простого солдата. На одной стороне были собраны воины той части европейского континента, которая противостояла «дикости азиатского правления», на другой была нация, происходившая по рождению от татар, но приобщенная к

⁴⁷⁸ *Скотт В.* Указ. соч. С. 381, 391–402.

⁴⁷⁹ *Alison A.* History of Europe from the Commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons in 1815. L., 1841 (2-е изд. вышло в 1860 г. в Эдинбурге); *Cathcart G.* Commentaries on the War in Russia and Germany, 1812 and 1813. L., 1850.

цивилизированному обществу, однако вступившая теперь в борьбу против соединенных сил цивилизации. И командование Наполеона, и командование Кутузова прибегли перед боем к своим методам воздействия на струны солдатской души, обещая либо зимние квартиры, славу и окончание лишений, либо взывая к религиозной вере и защите Отечества. Опираясь, главным образом, на работы Сегюра, Жомини, Фэна, Шамбрэ и Бутурлина, Алисон достаточно убедительно проследил основные этапы и перипетии Бородинского сражения, стараясь отдать должное и храбрости солдат Наполеона, и стойкости русских. Потери последних он определял в 15 тыс. убитыми, 30 тыс. ранеными и 2 тыс. взятыми в плен. Французы, по его мнению, потеряли 12 тыс. убитыми и 38 тыс. ранеными, то есть в целом на 3 тыс. больше русских. Остановившись на отказе Наполеона от полномасштабного использования гвардии, автор, хотя и указал на болезнь как на одну из главных причин этого решения, но основными считал другие факторы. А именно то, что Наполеону приходилось действовать в центре вражеской страны, в отрыве от своих баз, и это заставляло его быть осторожным, не исключать в том числе возможности еще одной битвы под стенами Москвы⁴⁸⁰. В целом работа Алисона закрепила в британской исторической науке мнение о Бородинском сражении как о значительном, и даже ключевом, событии в европейской истории Нового времени. Несмотря на известную предубежденность против «получивилизованной» России, автор пытался выдержать беспристрастный тон.

В 1860 г. племянник и зять сэра Роберта Вильсона опубликовал его «Повествование о случившемся во время вторжения в Россию Наполеона Бонапарта и отступления французской армии в 1812 г.», а через год – его дневник о кампаниях 1812, 1813 и 1814 гг.⁴⁸¹ Это стало подлинным событием в английской историографии Отечественной войны 1812 г. Несмотря на то что Вильсон конечно же смотрел на события в России исключительно с точки зрения английских интересов, его участие в кампании, великолепное знание обстоятельств и людей той героической эпохи, стремление к достоверному изложению и соблюдению объективности, а также знакомство со всеми основными опубликованными материалами (работами Бутурлина, Шамбрэ, Жомини, Толя и др.) и наличие собственных личных записей и переписки 1812 г. способствовали созданию яркого исторического произведения.

Как мы уже писали, первые впечатления о Бородинском сражении сложились у Вильсона при получении известий о нем в Петербурге. Прибыв позже, вероятно 25 сентября, в Красную Пахру и собирая сведения о Бородине, Вильсон смог составить более точное представление о великом сражении. Он сразу пришел к двум выводам: во-первых, что «Бородинскую битву нельзя назвать регулярным сражением, *une bataille rangée*... Это была борьба за отдельные позиции...», а во-вторых, что русская армия в значительной степени действовала пассивно, особенно после сражения, хотя «силы неприятеля были гораздо больше расстроены»⁴⁸². Последнее суждение английского генерала было явно чересчур смелым и напрямую связано с той политикой, которую он проводил в Главной квартире русской армии, пытаясь побудить русских к более активным действиям. Вскоре Вильсон пришел к еще одному важному заключению о том, что события накануне и во время сражения заставили Наполеона серьезно пересмотреть стратегические планы: французский

⁴⁸⁰ Alison A. Op. cit. Vol. 8. P. 365–371.

⁴⁸¹ Wilson R. Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the Retreat of the French Army, 1812. L., 1860; Idem. Private Diary of Travels, Personal Services and Public Events in the Campaigns of 1812, 1813 and 1814. L., 1861. Русский перевод дневника Вильсона сделан С. Н. Искюлем и Д. В. Соколовым в 1995 г. «Повествование о случившемся...» под названием «Повествование о событиях, случившихся во время вторжения...» они же издали в 2008 г.

⁴⁸² Вильсон – императору Александру I. Красная Пахра, 25 сентября 1812 г. // Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 144.

император теперь стал больше полагаться на тот эффект, который произведет на Александра I взятие Москвы, нежели на разгром всех сил противника⁴⁸³. Основываясь на этих главных тезисах, сформированных еще тогда, в 1812 г., Вильсон и создал цельную картину Бородинского сражения.

Численность русских сил, по Вильсону, составляла 90 тыс. регулярного войска, 10 тыс. ополченцев и 7 тыс. казаков при 640 орудиях, а Великой армии – 140 тыс. при 1 тыс. (!) орудий. Пехота Наполеона, по его мнению, была в хорошем состоянии, чего нельзя было сказать о кавалерии. Предшествовавший генеральному столкновению бой за Шевардинский редут, как не без оснований считал автор, был упорным, но ненужным и безрезультатным. События 7 сентября он изложил достаточно последовательно и, по возможности, точно, показывая, как шаг за шагом план Наполеона по разгрому русской армии давал сбои из-за стойкости противника и простого стечения обстоятельств. По мнению Вильсона, подготовка Наполеоном решающего удара совпала с рейдом русской кавалерии Уварова и Платова, что и заставило его отложить штурм Курганной высоты. Хотя батарея Раевского и была позже взята (описывая этот штурм, автор искренне восхищался отвагой и военным искусством О. Коленкура, который смог выбрать верный путь среди русских колонн), но последнюю неприятельскую позицию у Горок он уже не имел сил атаковать. Считая, что русские не предпримут сражения на следующий день, и надеясь на вступление в Москву без нового столкновения, Наполеон целиком положился на «политические интриги». Потери сторон английский генерал оценивал поровну – в 40 тыс. (за 5 и 7 сентября). Результат сражения был неопределенен – «каждая армия представляла себя хозяином поля». Поэтому, как писал Вильсон, не Бородинскому сражению, а «вялости» неприятеля, вступившего в Москву, но боявшегося возможности нового сражения, обязана Россия своим последующим триумфом. Точка зрения интересная, хотя и не бесспорная. Не бесспорны также были и утверждения автора о численности войск, особенно о численности орудий у Великой армии, о потерях, о действиях отдельных генералов и их солдат на поле боя. Нередко английский генерал, явно желая угодить русскому правительству, делал сомнительные утверждения, сохраняя при этом стиль невозмутимого наблюдателя⁴⁸⁴. И все же рядом с картиной, созданной Вильсоном, как верно отмечали его современники, в сущности, поставить в Англии в те годы было просто нечего. Произведением английского генерала будут пользоваться все последующие поколения англосаксонских историков.

Значительно меньший интерес вызвала работа Ч. А. Файфа «История XIX в.», первое издание которой вышло в Лондоне в 1880 г. Рассматривая события 1812 г., Файф обратился к трудам Богдановича, Шамбрэ, к ряду опубликованных документов, но основным источником материалов для него стал, конечно же, Вильсон. Наполеон, по мнению Файфа, безуспешно гоняясь за русской армией, пришел в конечном итоге к убеждению, что всякое сопротивление противника прекратится со взятием Москвы. Это и побудило его двинуться к русской столице. При Бородине, считал Файф, французы потеряли 40 тыс. (!), русские – 30 тыс. (!). «Обе стороны, – отмечал автор, – приписывали себе победу; на самом же деле ни одна из них не одержала ее. Это не было такое поражение русских, какое было необходимо Наполеону для окончательного решения войны; это не было торжество достаточное для того, чтобы спасти Россию от необходимости покинуть свою столицу»⁴⁸⁵.

Многие отечественные авторы, вслед за К. А. Военским, обратившимся к британской историографии войны 1812 г., утверждали, что рубеж XIX–XX вв. стал для нее переломным.

⁴⁸³ Вильсон – герцогу Глостерскому. Юрки, 27 октября 1812 г. // Там же. С. 197.

⁴⁸⁴ *Wilson R. Narrative...* Р. 133–155, 315–317. Любопытно, что даже имя французского генерала Ромёфа почему-то звучало у Вильсона как «Романов» (“Romanow”).

⁴⁸⁵ *Файф Ч. А.* История Европы XIX века. М., 1889. Т. 1. С. 335–340.

Они связывали это с выходом в свет в начале 90-х гг. XIX в. работ американского адмирала А. Т. Мэхэна, ставших основой геополитической науки⁴⁸⁶. Теперь для североамериканской и британской публики война в России в 1812 г. должна была предстать только как эпизод великой борьбы континентального монстра Франции с могущественной Британской империей⁴⁸⁷. Одновременно с американцем Мэхэном к похожим выводам пришел и британец О'Коннор⁴⁸⁸. И все же в специальных работах, затрагивавших как события в России в 1812 г., так и Наполеоновские войны в целом, этот взгляд стал прослеживаться не сразу. Примером тому могут служить работы Х. Д. Хатчинсона, Х. Б. Джорджа и Р. Дж. Бартон, вышедшие в конце XIX – начале XX в.⁴⁸⁹ Общим для них было повторение того фактологического материала и тех оценок, которые ранее уже звучали в работах английских авторов. Некоторые нюансы (скажем, полковник Бартон оценивал русские потери в 44 тыс., а французские – в 28 тыс.), в сущности, ничего не меняли. Пожалуй, только одна работа того времени могла претендовать на новое прочтение событий 1812 г. – это книга бывшего премьер-министра Англии А. Розбери, вышедшая в 1900 г., которая, впрочем, не была по достоинству оценена ни в те годы, ни позже⁴⁹⁰. Не претендуя на профессиональный военно-исторический анализ событий, Розбери сделал попытку, хотя и не бесспорную, психологического анализа личности Наполеона. Принадлежа к категории великих людей и наделенный некой сверхъестественной силой, французский император переживал в 1812 г. фазу постепенного угасания своего таланта. Это, в свою очередь, толкало его к безрассудным попыткам «до конца испытать свою судьбу»⁴⁹¹.

И все же, несмотря на отсутствие оживленных дискуссий о Бородинском сражении в британской историографии того времени, память о нем держалась прочно. В преддверии Первой мировой войны и в ходе ее представления британцев о стойкости русских были важным фактором доверия к России как к союзнику. Эти представления во многом определялись такими изданиями, как, например, «Британская энциклопедия». Автор статьи, посвященной Бородину, вполне убедительно осветил основные этапы битвы и остановился на уже традиционном вопросе об использовании (или, точнее, неиспользовании) Наполеоном гвардии. Автор утверждал, что совсем «неочевидно», будто дополнительное введение в бой войск могло бы привести к решительным результатам. Полный разгром русской армии на поле боя под Бородином не имел бы решительного воздействия на «национальный дух русских». В целом наполеоновская армия, состоявшая наполовину из иностранных контингентов, потеряла 32 из 130 тыс., а русская – около 42 из 121 тыс. человек⁴⁹². Хотя сражение при Бородине, указывалось в энциклопедии, памятно в основном по ужасным

⁴⁸⁶ Наиболее известное русское изд.: Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793–1812). М.; Л., 1940. Т. 1–2.

⁴⁸⁷ См., например, характерную работу: Fitchett W. H. How England Saved Europe. L., 1899.

⁴⁸⁸ O'Connor M. W. Napoleon, Warier and Ruler, and the military supremacy of Revolutionary France. L., 1893.

⁴⁸⁹ Hutchinson H. D. The Story of 1812. L., 1897 (русское изд.: Гутчинсон Г. Д. Английский историк русской отечественной войны 1812 года. СПб., 1905); George H. Napoleon's Invasion of Russia. Oxford, 1899; Burton R. G. Napoleon's Invasion of Russia. L., 1914.

⁴⁹⁰ Rosebery A. Ph. Napoleon: The Last Phase. L., 1900.

⁴⁹¹ Обращает на себя внимание, что несколькими годами ранее Розбери В. К. Надлер тоже сделал попытку психологического объяснения поступков Наполеона и Александра I в 1812 г.

⁴⁹² The Encyclopaedia Britannica. Cambridge, 1910. Vol. 4. P. 267.

потерям обеих сторон, во многих моментах оно являло «прекрасный пример для исследования наполеоновской тактики».

В межвоенное время интерес в Британии к Бородину и к войне 1812 г. в целом был невысоким. Русские всерьез, даже в самый канун Второй мировой войны, не расценивались как союзники. Только в 1950-е гг., уже в условиях «холодной войны», англичане начинают вспоминать войну Наполеона против России в 1812 г. В 1957 г. выходит книга У. Джексона «Семь дорог на Москву»⁴⁹³. В условиях чередования обострения отношений с СССР с временным потеплением эта работа была своего рода исследованием природы «русской силы».

1960-е годы, в отличие от предшествующих десятилетий, оказались для британской исторической науки чрезвычайно продуктивными в исследовании войны 1812 г. В 1966 г. вышло фундаментальное исследование преподавателя Королевской военной академии в Сандхерсте Дэвида Чандлера «Кампании Наполеона»⁴⁹⁴. Как и все прочие главы его книги, сюжет о 1812 г. и Бородинском сражении был написан ярко и талантливо. Чандлер был оправданно осторожен, говоря об общем плане Наполеона при вторжении в Россию, и отмечал, что император, не разбив русские армии, первоначально предполагал провести зиму около Смоленска. Однако серьезные военные (возможный рост сил противника, трудности со снабжением собственной армии) и политические (неизбежные колебания союзников, активизация Англии, испанские дела, польский вопрос и признаки заговора в Париже) причины заставили его искать решающего сражения. К 7 сентября главные силы Великой армии насчитывали, по мнению Чандлера, 131 тыс. человек при 587 орудиях, тогда как русская армия состояла из 120,8 тыс. человек. Признавая роль случая и человеческого фактора в военном деле, автор отмечал, что холод обострил к началу сражения болезни Наполеона, вопрос, каким образом это повлияло на исход сражения, не затрагивал. Наоборот, Чандлер был склонен объяснять все решения Наполеона в Бородинском сражении факторами вполне рационалистическими, вытекавшими из военной необходимости, относя к ним и моральное состояние войск. Объясняя отказ Наполеона от предложения Даву обойти русские позиции, Чандлер, отметив недостаток сил, плохое состояние артиллерии и кавалерии, возможность отхода русских, отметил вместе с тем и достаточно глубокое знание императором боевых качеств русского солдата, который мог бы продолжать сражение даже при обходе фланга неприятелем. Общий план Наполеона на сражение основывался на идее прямой фронтальной атаки с диверсионными действиями против флангов врага. На полномасштабную атаку левого фланга Наполеон не решился, так как Великая армия со стратегической точки зрения была ослаблена. Помимо этого, Наполеон испытывал такое давление времени (а новости из Испании заставляли спешить еще более), что был вынужден остановиться на достаточно простом плане действий, и превратил сражение в «столкновение грубой силы». Оказало влияние и то, что дух армии к 1812 г. уже заметно изменился, и поэтому пришлось отказаться от практики перестройки в ходе боя колонн в линию: колоннами было легче управлять, но и потери были большими.

По мнению автора, уже к 8.30 резервы Наполеона были введены в дело; оставалась одна императорская гвардия. Но когда пришло время бросать и гвардию в огонь, Наполеон не удосужился самостоятельно ознакомиться с ходом сражения. Штаб был в шоке, видя его

⁴⁹³ Jackson W. Seven Roads to Moscow. L., 1957.

⁴⁹⁴ Chandler D. G. The Campaigns of Napoleon. N.Y., 1966. Книга выдержала огромное количество изданий в разных странах. В России переведена только в 1999 г. «Центрполиграфом» со странным названием: Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999. Чандлер, считавший, что его авторские права были нарушены, безрезультатно обращался к российским властям, используя парламентские, дипломатические и частные каналы. В конечном итоге он получил на свое имя письмо за подписью президента В. В. Путина, в котором безымянный референт в неподражаемом советско-комсомольском стиле выразил надежду, что книга «послужит развитию дружбы между нашими народами».

безучастным и апатичным. Рейд русской кавалерии окончательно заставил Наполеона отказаться от использования гвардии. Поэтому, когда был взят «большой редут», вопрос использования или неиспользования гвардии для Наполеона уже не стоял, тем более что Мюрат и Бертье тоже были против этого. Данное решение императора было «возможно правильным в долговременной перспективе». Французские потери были не менее 30 тыс. (эту цифру, отметил Чандлер, некоторые авторы поднимают до 50 тыс.), а русских – 44 тыс.⁴⁹⁵ В целом в работе Чандлера нашли развитие лучшие черты британской историографии Наполеоновских войн и войны 1812 г.: ясный, взвешенный военно-исторический анализ события, учет влияния политических факторов и, до некоторой степени, «человеческого фактора», стремление к объективности в оценке действий противоборствующих сторон. Помимо этого, книга Чандлера свидетельствовала еще об одном важном моменте: казалось, что на берегах Альбиона окончательно ушла в небытие наполеонофобия, постепенно замещаясь до некоторой степени даже восторженным отношением к деяниям великого императора.

В 1967 г. в Англии вышли сразу три работы, посвященные наполеоновской армии в России и оставившие заметный след в историографии, – книги Алана Палмера «Наполеон в России», Р. Ф. Делдерфилда «Отступление из Москвы» и своеобразное собрание свидетельств очевидцев с комментариями Энтони Бретт-Джеймса⁴⁹⁶. Работа Палмера была основана на значительном количестве французской литературы и опубликованных воспоминаний. До него в англо-американской историографии еще никто не смог представить столь широкого набора франкоязычных материалов. Однако автор ушел от наукообразной формы изложения событий, предпочтя форму увлекательного рассказа, в котором повествователь избегает делать какие-либо собственные выводы и не прибегает к придирическому разбору фактов. При всех недостатках такого изложения Палмеру удалось затронуть мир внутренних ощущений, которые Наполеон мог испытывать при соприкосновении с Россией. Описывая события 6 сентября, автор поднимает рассказ о процессии с иконой в русском лагере и о портрете маленького Римского короля в лагере французов до уровня очевидного контраста в менталитете народов разных культур, встретившихся на Бородинском поле. К сожалению, сам ход событий Палмер представил довольно размыто, к тому же явно следуя за Сегюром в своей увязке перипетий сражения с душевными порывами Наполеона⁴⁹⁷. Несколько меньший интерес представляла книга Делдерфилда. Ее автор хотя и описывал Бородино⁴⁹⁸, но довольно бегло – его внимание привлекла, главным образом, трагическая эпопея отступления Великой армии. Хотя Делдерфилд и затрагивал вопрос о здоровье Наполеона, увязывая его с отказом от использования императорской гвардии в сражении, но делал это поверхностно, избегая каких-либо выводов.

Бретт-Джеймс предложил вниманию публики большое количество отрывков из воспоминаний и писем французских, немецких, русских, швейцарских и английских участников войны 1812 г., предпослав к каждой главе собственный комментарий. В предисловии к главе о Бородине он счел важным отметить, что Наполеон ответил отказом на призывы бросить гвардию в бой в поворотный момент сражения по причине своего

⁴⁹⁵ Chandler D. G. The Campaigns... P. 183, 762–807. См. также: Idem. Borodino // On the Napoleonic Wars. L., 1994. P. 192–204.

⁴⁹⁶ Palmer A. Napoleon in Russia. L., 1967; Delderfield R. F. The Retreat from Moscow. L., 1967; Eyewitness Accounts of Napoleon's Defeat in Russia. Ed. by A. Brett-James. L., 1967.

⁴⁹⁷ Palmer A. Op. cit. P. 103–127.

⁴⁹⁸ Delderfield R. F. Op. cit. P. 60–72.

нездоровья и рассеянности. Двумя строками далее комментатор написал, что это было сделано из-за «разумной предусмотрительности», хотя, заметил он здесь же, одна гвардия только и могла изменить ситуацию и сделать Бородино решающей победой Наполеона. В целом собственного взгляда на события великого сражения Бретт-Джеймс так и не представил. Даже несмотря на всю полезность публикаторской работы, которую он проделал, вызывают досаду нередкие фактологические ошибки при редактировании текстов (иногда были перепутаны даже авторы помещенных писем и воспоминаний)⁴⁹⁹.

1970-е годы начались с публикации небольшой книги преподавателя Королевской военной академии в Сандхерсте Э. Р. Холмса «Бородино. 1812»⁵⁰⁰. Работа была достаточно беглая, хотя и не лишённая интереса. Так, Холмс заявлял, что разумного объяснения отказу Наполеона от плана обхода русских позиций Даву он не видит, так как при сильной фронтальной атаке французов русские могли отступить с таким же успехом. Официальная цифра французских потерь (28 тыс.), по мнению автора, неубедительна, так как французам приходилось атаковать русские укрепленные позиции, которые к тому же защищались многочисленной артиллерией. Отказывался Холмс и от окончательного решения вопроса о том, почему же Наполеон не использовал гвардию, тем самым отказавшись от достижения решительных результатов.

Одной из лучших работ по Бородинскому сражению, опубликованных на английском языке, остается книга британского историка Кристофера Даффи, вышедшая в 1972 г.⁵⁰¹ Характерной чертой его произведения стало достаточно критическое внимание к источникам. Причем, наряду с французскими и немецкими материалами, Даффи счел необходимым обратиться и к русским опубликованным документам. Прежде чем начать изложение событий самого Бородина, автор дал квалифицированный обзор стратегии и тактики русской и Великой армий, охарактеризовал особенности их материального обеспечения и сделал беглый очерк хода военных событий с начала войны 1812 г. Впрочем, особых откровений Даффи не сделал, следуя в основном за Чандлером. К моменту генерального сражения Наполеон располагал 133 тыс. солдат (что составляло 44 тыс. на милю), русские – 125 тыс. (то есть 36 тыс. на милю). Причем состояние французской кавалерии оставляло желать много лучшего, а из 587 орудий только 1/10 часть могла быть отнесена к батареейной артиллерии (последнее утверждение Даффи, вероятно, позаимствовал у Богдановича). В то же время русская армия включала много рекрутов, а 1/3 кавалерии составляли казаки (7 тыс. из общего количества кавалерии в 24 тыс.).

6 сентября, предприняв рекогносцировку, Наполеон, по мнению британского историка, допустил существенные ошибки, оценивая расположение неприятеля, его оборонительные сооружения и саму местность. Это и предопределило его решимость, отвергнув план Даву, предпринять фронтальную атаку русских позиций. Впрочем, как считал Даффи, были и другие причины отказа императора от предложений маршала: трудности обхода русских позиций ночью, возможность отказа неприятеля от генерального сражения, а также состояние летаргии, в которое Наполеон все более погружался. Достаточно подробно, стараясь отмечать важные детали, Даффи изложил перипетии самого сражения. Остановившись, в частности, на описании боя за «флеши», он заметил, что некоторые историки выделяли во второй французской атаке на «флеши» четыре отдельных удара. Поэтому, полагал автор, спор о количестве атак не столь уж существен, как казалось многим

⁴⁹⁹ Среди работ, вышедших в Англии в 1960-е гг., упомянем любопытную, но неглубокую статью, в которой анализировалась численность Великой армии в 1812 г.: *Fry M. G., Fox J. P. The Grand Army and the Invasion of Russia // History Today. 1960. № 10. P. 255–265.*

⁵⁰⁰ *Holmes E. R. Borodino. 1812. L., 1971.*

⁵⁰¹ *Duffy Ch. Borodino and the War of 1812. L., 1972.*

историкам. Объясняя причины неудачи знаменитой атаки генерала Бонами батареи Раевского, автор отметил, что тот был контратакован русскими сразу с четырех направлений и, конечно, не мог удержаться. Сам Наполеон, по мнению Даффи, вел себя в ходе сражения неожиданно пассивно, предоставив Мюрата и Нея самим себе, игнорируя в то же время призывы оказать им поддержку императорской гвардией. Причины такого отказа историк видел в трех моментах: во-первых, в том, что император, находясь во враждебной стране, не мог отказаться от сохранения своего последнего, элитного корпуса, во-вторых, ему не был ясен результат с фланговым движением Понятовского, посланного по Старой Смоленской дороге, и, в-третьих, русская кавалерия появилась на северном фланге. Последнее, как отмечал Даффи, весьма беспокоило императора и заставило его самого отправиться на левое крыло. Эта задержка с решительной атакой батареи Раевского привела к двухчасовому стоянию французской кавалерии под жестоким огнем и большим потерям. Само же взятие «большого редута», как утверждал Даффи вслед за Рот фон Шрекенштайном, осуществили саксонские кирасиры, которым уступила место расстроенная французская кавалерия 2-го корпуса. К концу боя и русская, и французская армия были расстроены. На другой день, считает историк, Кутузов мог выставить не более 45 тыс. человек, хотя точное число русских потерь Даффи все же предпочел не давать. Не совсем ясным остался для него и вопрос о потерях Великой армии – то ли не более 30 тыс. (по Чандлеру), то ли 58 тыс. (по П. А. Жилину!). Все наиболее важные решения Наполеона, как и Кутузова, считал Даффи, были в основном негативного характера: не принимать план Даву о ночном обходе русских позиций и не бросать в бой императорскую гвардию. Но, в отличие от Кутузова, Наполеон находился в худшем положении, так как не мог надеяться на инициативу своих подчиненных. Он пытался руководить боем диктаторски, как в ранних своих сражениях, но под Бородином он был уже не молод и физически не активен. Если говорить строго, подводил Даффи итоги, русские проиграли сражение – они не были в состоянии возобновить баталию и оставили поле боя. Но в то же время часы наивысшего триумфа Великой армии были моментом ее окончательного разрушения, когда Наполеон и его солдаты увидели, как, поражая врага, они сталкиваются со все более усиливающейся решимостью неприятеля сражаться.

Наряду с великолепным трудом Даффи, в котором были использованы в основном классические методы исследования, в историографии 1970-х гг. наметилось новое направление, связанное с поисками иных ракурсов в исследовании и иной методологии. Это были, главным образом, работы Филиппа Дж. Хэйторнтуэйта и Отто фон Пивки (Д. Смита)⁵⁰². В 1976 г. Хэйторнтуэйт издал работу, рассчитанную на широкую аудиторию и посвященную истории военной одежды в эпоху Отечественной войны 1812 г. За внешней популярностью этой книги скрывалось стремление через символику, военный мундир и военные аксессуары не просто показать перипетии кампании 1812 г., но и воссоздать живой образный мир того времени. Понимая, что одежда является сферой материальной жизни, через которую могут быть познаны важные человеческие стороны эпохи, Хэйторнтуэйт предложил многочисленные штрихи к «структурам повседневности» наполеоновской и, в меньшей степени, русской армий 1812 г. На основе воспоминаний, рисунков очевидцев (прежде всего, А. Адама и Х. Фабер дю Фора) и других материалов, Хэйторнтуэйт затронул характер взаимоотношений солдат и командиров Великой армии, дух наполеоновского войска и его отдельных частей, эмоциональный настрой бойцов и взаимоотношения разных наций в рамках единой европейской армии.

Другой историк – О. фон Пивка (под этим именем скрывался британец Дигби Смит), предложил еще более оригинальную работу, предприняв попытку соединить в одной книге униформологический материал, анализ динамики потерь различных соединений Великой армии в 1812 г. (это он сделал на основе данных, опубликованных Г. Фабри) и собственные

⁵⁰² Haythornthwaite P. J. *Uniforms of the Retreat from Moscow, 1812*. Dorset, 1976 (См. также: Idem. *The Napoleonic Source Book*. L., 1990); Pivka O., von . *Armies of 1812*; Idem. *Armies of the Napoleonic Era*. Newton Abbey, 1979; etc).

размышления о причинах неудачи Наполеона в русской кампании. Главную причину гибели Великой армии автор увидел в глубоко порочной практике наполеоновских маршей в начальный период войны. Негативные последствия этого «прыжка» во всей полноте обнаружились в Бородинском сражении. Представив динамику потерь корпусов Великой армии, Пивка показал, что 50-процентный рубеж в уменьшении численного состава все соединения центральной группировки (за исключением одной только императорской гвардии) перешагнули еще до Бородинской битвы. Потери французской армии в ходе самого сражения (автор относит сражение только к 7 сентября) составили 28 тыс. человек и 13 орудий. Русские потери были в 52 тыс. (включая сюда пленных и отставших примерно 9 тыс.) и 40 орудий. В бою при д. Шевардино потери были в 3,6 тыс. у французов и в 6 тыс. у русских⁵⁰³. И все же следует признать, что, несмотря на интересный материал, представленный Пивкой, ему не удалось убедительно совместить разные плоскости своего исследования: все три части работы выглядели как совершенно самостоятельные, соединенные чисто механически.

В 1976 и 1980 гг. в Англии появились два любопытных исследования в жанре военно-исторической биографистики, посвященные жизни М. И. Кутузова и М. Б. Барклая-де-Толли⁵⁰⁴, где затрагивалась тема Бородина. Бегло остановился на Бородинском сражении, не добавив по существу ничего нового, и Майкл Гловер, автор иллюстрированной истории «Наполеоновских войн»⁵⁰⁵. Достаточно традиционной выглядела и книга Найджела Николсона о Наполеоне в 1812 г., изданная в 1985 г.⁵⁰⁶ Целиком скомпилировав на основе литературы картину событий, автор вместе с тем счел вправе заявить о том, что атака императорской гвардией могла бы стать решающей для хода сражения, однако не изменила бы результат всей кампании: захватив Москву, Наполеон вскоре столкнулся бы с воссозданной русской армией.

В конце 1980-х – середине 1990-х гг. среди британских историков возникла тенденция к выявлению исторических параллелей между эпохами борьбы Британии с наполеоновской Францией и с империей Гитлера. В этой связи их привлекал и вопрос о роли России в противоборстве Британии с враждебной ей континентальной Европой. По-видимому, традиция сопоставления Наполеона и Гитлера была заложена голландским профессором Питером Гейла, бывшим узником Бухенвальда, издавшим в 1949 г. книгу «Наполеон: За и Против», и по сей день чрезвычайно популярную в англосаксонском ученом мире⁵⁰⁷. Как мы уже упоминали, в 1957 г. британец У. Джексон опубликовал книгу «Семь дорог на Москву», в которой обратился к истории вторжения Наполеона и Гитлера в Россию, а в 1988 г. вышла работа Десмонда Сьюарда «Наполеон и Гитлер»⁵⁰⁸. Главные причины поражения Наполеона и Гитлера авторы видели не только в обширности русских

⁵⁰³ Pivka O. *Armies of 1812*. P. 157.

⁵⁰⁴ Parkinson R. *The Fox of the North. Life of Kutusov, general of War and Peace*. L., 1976 (2-е изд. вышло в том же году в Нью-Йорке); Josselson M., Josselson D. *The Commander: a Life of Barclay de Tolly*. Oxford, 1980. В многочисленных биографиях наполеоновских маршалов, вышедших в Англии, внимание Бородину было уделено скромное. См., например: Dunn-Pattison R. P. *Napoleon's marshals*. L., 1909; Wattson S. J. *By Command of the Emperor. A Life of marshal Berthier*. L., 1957; Gallaher J. G. *The Iron Marshal. A biography of Louis N. Davout*. L., 1976; etc.

⁵⁰⁵ Glover M. *The Napoleonic Wars: an illustrated history 1792–1815*. L., 1979.

⁵⁰⁶ Nicolson N. *Napoleon: 1812*. L., 1985.

⁵⁰⁷ Geyl P. *Napoleon: For and Against*. L., 1949.

⁵⁰⁸ Русское изд.: Сьюард Д. *Наполеон и Гитлер*. Смоленск, 1995.

пространств, особенностях климата, но, в неменьшей степени, и в непоколебимой стойкости русского правительства, народа и в «живучести русской армии».

В 1995 г., когда для Великобритании приобрел особую актуальность вопрос о формах европейского единства и о перспективах отношений Альбиона с европейскими континентальными державами, вышла работа преподавателя Ливерпульского университета Чарльза Дж. Исдейла «Войны Наполеона»⁵⁰⁹. В предисловии Исдейл счел своим долгом посетовать на то, что «новая научная история», вошедшая в моду в конце 1950-х гг. и склонная к использованию «изолированных современных методик и приемов», упорно обходит вниманием наполеоновскую эпоху. Исдейл же заявлял о готовности представить увлекательное исследование, демонстрирующее новый обобщающий взгляд на природу, характер и последствия Наполеоновских войн. Полагая империю Наполеона продуктом деятельности мощной милитаристской группы во Франции, возникшей благодаря стечению различных обстоятельств и стремящейся к полной гегемонии в Европе, Исдейл вместе с тем декларативно отвергал роль национальных народных движений в ликвидации этой империи. Точно так же и в событиях 1812 г. главную роль, по его мнению, сыграла не народная война, но военные просчеты Наполеона. В общем, хотя точка зрения автора и была спорной, но без сомнения, заслуживала внимания. Наполеон, по утверждению Исдейла, был в 1812 г. уже не таким динамичным руководителем, как в молодости; император заметно пополнил и начал болеть. Автор утверждал, что под Смоленском Наполеон упустил последний шанс на победу, хотя через несколько строк вдруг заявлял, что возможность одержать решительную победу под Бородином, оказывается, все еще была. Вместе с тем, «не имея никаких разумных причин», Наполеон отверг идею стратегического окружения русских. Вместо этого он решился на серию массированных фронтальных атак, которые требовали предельного напряжения сил от измотанной и деморализованной армии. У императора не оставалось другого выхода, как ввести в сражение всех оставшихся в резерве солдат, но делать этого он не стал. «Было ли дело в том, что император устал и был болен», или в том, что он «безнадежно ошибся в оценке реальной ситуации либо его просто оставило мужество» – на это автор счел возможным ответа не давать. Исход Бородинского сражения, констатировал он, предопределил окончательный проигрыш войны⁵¹⁰. В целом книга Исдейла скорее рождала больше вопросов, в том числе в отношении концепции автора, чем проясняла важные проблемы, уже не раз до него поставленные исторической наукой⁵¹¹.

В 1993 г. известный в литературных кругах Британии и Швеции писатель Поль Бриттен Остин, живший в те годы в Южном Девоне, опубликовал первую часть трилогии, посвященной эпохе 1812 г.⁵¹² Чандлер, предпославший предисловие к книге, с обоснованным восторгом отметил, что автор смог собрать, обработать и сопоставить между собой до 100 воспоминаний участников Русского похода. Действительно, Остину удалось создать внушительный образ мощного человеческого потока, подобного тому, который представил великий Э. Золя в романе «Разгром», с той только разницей, что британский автор предоставил участникам похода возможность говорить самим, без, казалось бы, посредничества писателя. В книге Остина удачно соединились таланты историка, писателя и журналиста. Вместе с тем книга, представившая живую ткань событий и человеческих

⁵⁰⁹ Esdail Ch.J. . The Wars of Napoleon. L., 1995. Русский перевод: Исдейл Ч. Дж. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997.

⁵¹⁰ Исдейл Ч. Дж. . Указ. соч. С. 380–387.

⁵¹¹ См., например: Дунаевский В. А., Орлов А. Л. . Книга парадоксов. О характере и значении Наполеоновских войн // ННИ. 1988. № 4. С. 182–187.

⁵¹² Austin P. B. The March on Moscow. L., 1993.

чувств, была не лишена и недостатков. Нередко автор весьма вольно и некритически интерпретировал и соединял между собой воспоминания очевидцев, игнорируя особенности такого своеобразного источника, как мемуаристика, и допуская тем самым массу фактологических ошибок или представляя весьма спорные точки зрения. Так, по непонятным причинам, Остин перемешал ряд событий, произошедших 5, 6 и сентября⁵¹³, лишив тем самым свои выводы, и без того весьма размытые, исторической достоверности. И все же Остин смог добиться того, чего не удавалось профессиональным историкам, – он воссоздал эмоционально-психологическую атмосферу, царившую в рядах Великой армии накануне, в день и после Бородинского сражения.

К 11 часам дня 7 сентября, как писал Остин, отмечались явные признаки внутренней усталости наполеоновских солдат. Сам Наполеон, встревоженный отсутствием пленных, стал проявлять обеспокоенность ходом сражения. Несмотря на то что ему в конечном итоге удалось взять «большой редут», французские войска не вышли на Московскую дорогу, что единственно и могло решить исход боя. С большим писательским мастерством Остин смог показать метания Наполеона при принятии решения отказаться от использования гвардии. К концу сражения, не добившись решительного успеха, Наполеон все еще продолжал считать, что победу принесет взятие Москвы. Но вступление в древнюю столицу уже не имело значения из-за того, что русская армия так и не была разгромлена.

В 1998 г. вышла еще одна книга Д. Смита (О. фон Пивки), на этот раз специально посвященная Бородину⁵¹⁴. Дважды, в 1992 и 1993 гг., Смит побывал на Бородинском поле и, поддерживая постоянный контакт с участниками российского движения военно-исторической реконструкции (своеобразного аналога западного движения «Re-enactment»), смог воспользоваться рядом русских публикаций. Впрочем, основную канву событий Бородина Смит выстроил по работе Даффи, расширив ее за счет более широкого использования немецких воспоминаний и, в меньшей степени, русскоязычных материалов. В основе видения автором Бородинского сражения лежит парадокс: обе армии проявили сверхгероизм, а оба главнокомандующих выказали удивительную бездеятельность или, по крайней мере, не проявили «высокого стиля командования». Это проявилось, в частности, со стороны Наполеона уже при подготовке к сражению, когда он отказался принять план ночного обхода русских позиций Даву. Смит высказал предположение, что причина этого отказа могла заключаться как в болезненных страданиях, испытываемых императором в тот час, так и в тонкой сфере взаимоотношений Наполеона с маршалом, который предложил якобы лучший план. Однако через десять страниц, до известной степени противореча самому себе, автор удивлялся столь прекрасному размещению войск Великой армии перед сражением, «как будто Наполеон имел в руках копию русской диспозиции». Рассматривая ход сражения, Смит вполне убедительно повествовал о перипетиях борьбы за «флешы», в районе Старой Смоленской дороги, за батарею Раевского и на северном фланге. Он полагал, что рейд Уварова и Платова имел важнейшие последствия, так как русская армия, будучи расстроена, таким образом была спасена от полного разгрома. Русские потери за период 6–7 сентября он оценивал в 58 тыс., отмечая, что 8–10 тыс. в течение нескольких последующих дней вновь присоединились к армии. О французских же потерях автор писал довольно размыто, хотя и приводил данные Деннье. Несмотря на, в целом, убедительную картину событий, Смит допустил многочисленные частные ошибки. Некоторые моменты просто вызывают удивление. Так, явно цитируя русского историка Геруа, Смит ссылаясь почему-то на немецкого ученого Хольцхаузена, а приказ Наполеона на сражение по непонятным причинам давал по английскому изданию «Войны и мира» Л. Н. Толстого⁵¹⁵.

⁵¹³ Ibid. P. 266–267, 283; etc.

⁵¹⁴ Smith D. Borodino. Moreton-in-Marsh, Gloucestershire, 1998.

⁵¹⁵ Ibid. P. X, 45, 49–52.

В 2004 г., когда Д. Смит опубликовал очередную книгу, посвященную 1812 году⁵¹⁶, вышло одно из обсуждавшихся в британской историографии сочинений по русской кампании Наполеона – «1812. Фатальный марш на Москву» А. Замойского⁵¹⁷. Надо отдать должное – Замойский заметно расширил круг источников и литературы, который ранее, нередко уже традиционно, использовался в британской историографии. Автор активно использовал и русскоязычные материалы. И все же мы должны констатировать: многое, в том числе и применительно к Бородину, было рассмотрено весьма бегло, а суждения большей частью оказались достаточно традиционными, а нередко и спорными. Французские силы, оказавшиеся под Бородином, Замойский оценил примерно в 134 тыс. человек при 584 орудиях (полагая при этом, что $\frac{3}{4}$ орудий были «легкими батальонными (?! – В.З.) пушками»), русские силы – в 154,8 – 157 тыс. человек (при 640 орудиях), включая 10 тыс. казаков и 30 тыс. ополчения. Русская кавалерия, как он считал, была в лучшем состоянии, чем наполеоновская. Описывая само сражение, Замойский, к удивлению, допустил множество сомнительных утверждений, которые явно обнаружили его достаточно поверхностное представление об источниках и о ходе событий. Немало оказалось и откровенных неточностей: дивизия Морана почему-то оказывается в корпусе Нея, Ф. Меерхайм фигурирует как полковник, и т. д. Столь вольное обращение с историческими фактами заставляет сомневаться и в обоснованности тех цифр потерь, которые приводит автор: французские потери он называет в 28 тыс. человек, русские – от 38,5 до 58 тыс. Однако, явно заглянув в российскую энциклопедию «Отечественная война 1812 года», но не упоминая о ней, Замойский отметил, что «по более новым подсчетам» русские потери могли быть около 45 тыс. человек⁵¹⁸.

Несколько более интересной представляется работа известного британского историка Д. Ливена⁵¹⁹, отличающаяся нетривиальными оригинальными выводами и значительно более активным использованием российских материалов, в том числе и наработок, сделанных российскими авторами последних десятилетий (в том числе и не без обращения к книге американского историка А. Микаберидзе). По мнению автора, сражение при Бородине было своего рода «микрокосмом кампании 1812 года», в течение которой русское верховное командование заставило Наполеона вести войну так, как хотело оно, но не он⁵²⁰. По мнению автора, Наполеон располагал 130 тыс. солдат. Русская армия насчитывала 125 тыс. регулярного войска и 8,6 тыс. казаков. Потери составили 45–50 тыс. у русских и 35 тыс. у французов. Ливен придерживается мнения, что Кутузов действительно собирался сражаться на следующий после 7 сентября день и что он не планировал сдачу Москвы. К сожалению, работе Ливена оказались свойственны и явные недостатки. Так, автор отказался от необходимости глубокой проработки обширного комплекса первоисточников по Бородинскому сражению, совершенно оставил вне поля зрения документальную базу, исходившую от Великой армии, счел возможным не останавливаться на «частностях», хотя

⁵¹⁶ *Smith D.* Napoleon against Russia. A concise history of 1812. Barnsley, S. Yorkshire, 2004.

⁵¹⁷ *Zamoyski A.* 1812. Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004 (второе изд. – Нью-Йорк, 2005; русское изд.: Замойский А. 1812. Фатальный марш на Москву. М., 2013).

⁵¹⁸ *Zamoyski A.* Op. cit. 2004. P. 258–288. В книге еще одного британского автора, вышедшей в 2009 г. (*Spring L.* 1812: Russia's Patriotic War. Stroud, Gloucestershire, 2009), содержатся еще более сомнительные, чем у Замойского, утверждения.

⁵¹⁹ *Lieven D.* Russia against Napoleon. The True Story of the Campaigns of War and Peace. L., 2010 (русское изд.: Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814. М., 2012).

⁵²⁰ *Ibid.* P. 195.

именно они нередко могли бы серьезно скорректировать и общие выводы по отдельным главам и по всему исследованию.

Подведем итоги развития британской историографии Бородинского сражения. Полагаем, что характерной ее чертой, несмотря на ряд исключений, является большая степень беспристрастности при оценке событий 1812 г. Стремясь к взвешенному анализу событий, многие британские авторы пытались воспользоваться по возможности всей доступной для них документальной и историографической базой, вне зависимости от ее «национального» происхождения. Нередко английская историография предлагала новые, оригинальные подходы в исследовании 1812 г. и Бородинского сражения – от фрагментарного использования количественных методов до психологических этюдов и униформологии. Наконец, характерной чертой стало пристальное внимание многих британских авторов к внутренней, человеческой стороне событий, когда выявлялись недоступные при традиционном исследовании срезы исторического прошлого. Вместе с тем британская историография демонстрировала и существенные недостатки. В отличие от французских историков, их английские коллеги совершенно игнорировали неопубликованные материалы, предпочитая в лучшем случае вводить в научный оборот малоизвестные публикации. Нередко предлагались «скороспелые» работы, явно рассчитанные на то, чтобы автор мог получить «осязаемый результат» в виде выхода книги, хотя и уступающей по глубине и масштабности опубликованным исследованиям. Наконец, британские авторы, затрагивая как бы вскользь спорные вопросы войны 1812 г. и Бородинского сражения и высказывая о них свое мнение, предпочитают, по большому счету, избегать критического и полномасштабного взвешивания всех «за» и «против». По причине этого решение практически всех ключевых проблем данного гигантского события оказывается вновь отложенным на будущее⁵²¹.

1.4.2. Американская историография

19 июня 1812 г. США официально начали войну с Англией; война продолжалась до 1814–1815 гг. Поэтому события, развернувшиеся в далекой России, могли привлечь к себе только косвенное внимание американцев. И все же пресса, политические круги и даже общественность не упустили из поля зрения того, что происходило на полях Бородина. Если республиканцы и демократы, как правило, симпатизировали победам Наполеона над русскими, которые были союзниками Англии, то федералисты, склонные к соглашению с Британией и представлявшие торгово-промышленные круги Северо-Востока, занимали в отношении России благожелательную позицию⁵²². Со своей стороны, русское правительство через посланника в США А. Я. Дашкова и консула в Бостоне А. Г. Евстафьева, пыталось выступить в качестве посредника в англо-американской войне. В этой связи Евстафьев развернул в Бостоне энергичную деятельность, стремясь создать у американской общественности благоприятное для России впечатление о ходе войны с Наполеоном. 3 декабря 1812 г. его стараниями была опубликована в «Бостон Гэзетт (Boston Gazette)» информация о Бородинской битве. Она оценивалась как «самая кровопролитная,

⁵²¹ Приведем один пример из сферы торговой рекламы недавнего прошлого. В Британии (по-видимому, в 2001 г.) появился хлеб «Бородинский». Чтобы хлеб хорошо продавался, реализаторы придумали маленькую историю об этом хлебе. Будто бы его испекла перед сражением у Москвы по старинным рецептам жена одного русского генерала, а затем раздала этот хлеб солдатам. Запах и вкус этого хлеба столь глубоко наполнили ощущения солдат чувством родины, что они выстояли и заставили французов в расстройстве отступить. Хлеб тот получил название «Бородинский». Употреблять его, как рекомендовала фирма, лучше всего с украинским салом. Так современная торговая реклама, идя вразрез с британскими историографическими традициями, воздействует на массовые представления англичан о Бородине!

⁵²² См.: Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966. С. 583.

которая когда-либо происходила в современной Европе». Несмотря на то что единственным источником для статьи Евстафьева был 18-й бюллетень Наполеона, количество убитых и раненых в Великой армии он произвольно указал в 50 тыс. человек⁵²³. Чуть позже Евстафьев оперативно перевел только что вышедшую в Петербурге знаменитую работу П. А. Чуйкевича, напечатав в приложении к ней критический разбор книги американского журналиста и литератора Роберта Уолша, который являлся американским «первооткрывателем» русской опасности для цивилизованного мира⁵²⁴. Еще позже, в 1814 г., все тот же Евстафьев выпустил сводное издание своих статей, куда вошла и публикация о Бородинском сражении⁵²⁵. Однако те американские круги, которые были настроены по отношению к России враждебно и симпатизировали Наполеону, действовали не менее энергично. Многочисленные статьи в газетах, также основанные на бюллетенях Великой армии, старались создать образ варварской, деспотичной России, вынашивающей захватнические планы. В целом события 1812 г. в России вызвали среди американцев споры, дискуссии и разногласия. Благодаря этому Россия «из почти неизвестной и загадочной страны и какого-то неопределенного географического понятия стала приобретать в глазах американцев вполне конкретные и реальные очертания»⁵²⁶.

Однако с окончанием Наполеоновских войн интерес в США к событиям 1812 г. быстро иссяк. Он возродился вновь только на рубеже XIX–XX вв. В значительной степени это совпало с началом осознания американцами той великой роли, которую их стране предстояло сыграть в мировых делах XX в. В. Слоон, американский автор жизнеописания Наполеона, выпустивший свою работу в 1896 г.⁵²⁷, счел необходимым посвятить немало страниц войне 1812 г. По мнению Слоона, главной целью Наполеона было оттеснить Россию от Европы и, быть может, «отбросить ее совсем в Азию». Хотя французский император и планировал захватить русскую столицу, но собирался сделать это не сразу, ограничившись в первый год взятием Минска и Смоленска. Однако нерадивость Жерома Бонапарта привела к провалу этого плана; стремясь восстановить престиж, Наполеон возжаждал генерального сражения. Кроме того, расстройство тыла, что Наполеон воочию увидел в Смоленске, еще более заставляло его продолжать движение к Москве. Это, в свою очередь, удлиняло его операционную базу и ослабляло силы. К дню генеральной баталии у Наполеона было только 128 тыс., в то время как русские располагали 120 тыс., включая ополченцев. Слоон счел необходимым отметить физические перемены, произошедшие в организме императора в 1812 г.: он сильно пополнился, сделался чрезвычайно медлительным, его движения утратили прежнюю живость, преобладающим стало вялое настроение. По временам, как, например, перед Бородинским сражением, увидев портрет сына, Наполеон демонстрировал склонность к чрезвычайной чувствительности. Однако все это, по мысли Слоона, несколько не ослабило гений Наполеона. Хода сражения Слоон почти не касался, почему-то полагая, что оно произошло 6 сентября! Он только отметил, что, несмотря на ожесточенное сопротивление, русские были вытеснены со своих позиций. Но «русские были слишком утомлены, чтобы помышлять о бегстве, а французы до того выбились из сил, что не могли воспользоваться

⁵²³ Болховитинов Н. Н. Отклики в США на Отечественную войну 1812 года // ННИ. 1962. № 6. С. 94.

⁵²⁴ Tchuykevitch (col.) Reflection on the War of 1812 with tables. Boston, 1813.

⁵²⁵ Eustaphie A . Memorable Predictions of the Late Events in Europe. Boston, 1814.

⁵²⁶ Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. С. 586.

⁵²⁷ Sloane W. N . Life of Napoleon Bonapart. London; New York, 1896. Vol. 1–4. Русское изд.: Слоон В . Новое жизнеописание Наполеона I. СПб., 1896. Т. 1–2.

одержанной победой», – подвел Слоон итог Бородину⁵²⁸.

Несколько более подробно описывали ход Бородинского сражения Е. Фурд и Х. Беллок⁵²⁹. Общим для этих работ было повторение того фактологического материала и тех оценок, которые ранее уже звучали в работах английских и американских авторов. На этом фоне явно выделялась фундаментальная книга Теодора Доджа «Наполеон. История искусства войны», в 3-м томе которой автор попытался взвешенно оценить ход и результаты Бородинской битвы. По его мнению, «технически» Бородино было поражением русских, которые оставили поле боя. Однако для французов это была «пиррова победа», которая означала несомненный провал русской кампании. В то же время, если бы Наполеон проявил бо́льшую энергию и использовал гвардию, он бы разбил русскую армию, а Александр I пошел бы на мирные переговоры⁵³⁰.

В период между Первой и Второй мировыми войнами в американской исторической науке не появилось ни одной новой работы, посвященной 1812 г. и достойной внимания. Только в 1947 г. Л. Страховский наконец-то нарушил длительный перерыв в изучении американцами русской кампании Наполеона⁵³¹. Работа оказалась заслуживающей интереса. В определенной степени она продолжила традицию британца Розбери и русского исследователя Надлера, хотя, по существу, к самой картине Бородинского сражения и не смогла добавить ничего нового. То же можно сказать о статье Лео Яреша, вышедшей в 1956 г.⁵³² Подобно книге британца У. Джексона, изданной в 1967 г., это было своего рода исследование природы «русской силы» в условиях «холодной войны».

В 1965 г. Винсент Дж. Эспозито, бригадный генерал и бывший глава Департамента военного искусства и техники военной академии в Вест-Пойнте, и Джон Роберт Элтинг, полковник и доцент того же департамента, опубликовали своеобразный атлас военных карт по наполеоновской эпохе с комментариями⁵³³. Точный план Наполеона на Бородинское сражение, отмечали Эспозито и Элтинг, недостаточно ясен. Реализация предложения Даву по обходу левого фланга русской армии, полагали они, без сомнения имела бы успех, но оно не было принято Наполеоном. Несмотря на в целом успешные действия Великой армии, особенно ее артиллерии, решительной победы добиться не удалось. В то время, когда около 11 утра произошло взятие «большого редута» дивизией Морана, пришло известие об атаке Уварова и Платова. Хотя этот рейд не принес русским серьезного успеха, так как Кутузов не

⁵²⁸ Слоон В. Указ. соч. Т.2. С. 397–407.

⁵²⁹ Foord E. Napoleon's Russian Campaign of 1812. Boston, 1913 (переиздана в Лондоне в 1914 г.); Belloc H. The Campaign of 1812 and the Retreat from Moscow. London; Edinburg; New York, s. a. (1-е изд. вышло без года, хотя из текста следовало, что книга была закончена в 1912 г.; она была переиздана в Лондоне в 1925 г. и в Нью-Йорке в 1926 г.).

⁵³⁰ Dodge T. A. Napoleon. A history of the art of war. Boston; New York, 1906. Vol. 3. P. 560–587.

⁵³¹ Strakhofsky L. Alexander I of Russia. The man who defeated Napoleon. N.Y., 1947. Мы не можем согласиться с пренебрежительной оценкой работы Страховского Бескровным и Троицким, отзывавшимися о ней не иначе как об «опусе, реанимировавшем русскую дворянскую концепцию войны 1812 г. в ее самом слабом пункте».

⁵³² Yares L. The Campaign of 1812 // Rewriting Russian History. N.Y., 1956.

⁵³³ Esposito V. J., Elting J. R. A Military History and Atlas of the Napoleonic Wars. New York; Washington, 1964. В 1988 г. Элтинг издал фундаментальную работу о Великой армии, позволившую лучше понять функционирование этого сложнейшего военного и человеческого механизма в 1812 г. (Elting J. R. Swords around a Throne. Napoleon's Grand Armée. N.Y.; L., 1988). Этот труд, уже не раз переиздававшийся, не имеет аналогов в англо-американской историографии.

поставил перед Уваровым ясной задачи, но он серьезно помешал Наполеону в осуществлении его планов. Потери составили 28–31 тыс. у французов и более 45 тыс. у русских. Французская армия, за исключением 30 тыс. гвардии, оказалась совершенно измотанной. Возможно, пишут авторы, Наполеон был еще более уставшим, чем его армия. О долговременных последствиях Бородинского сражения Эспозито и Элтинг предпочли ничего не писать.

В 1970-е гг. тема войны 1812 г. оказалась отмеченной в американской историографии только одной небольшой работой⁵³⁴. Однако в следующем десятилетии американцами было предложено интереснейшее исследование, до сих пор, по нашему мнению, недостаточно оцененное специалистами. Кертис Кэйт, создав широкую панораму событий Отечественной войны на основе обширного комплекса опубликованных материалов, в том числе русских документов и воспоминаний, исходил из тезиса о поворотном значении 1812 г. для судеб мировой истории. Все, что произошло позже в 1813–1815 гг., было, по его словам, только «конвульсивным эпилогом», агонией режима Наполеона I⁵³⁵. Вторым тезисом своего исследования Кэйт провозгласил право «не по-научному» ставить вопросы о том, «что могло бы быть, если бы...». Отсутствие этой формулы при рассмотрении прошлого, по его мнению, не оставляло за человеком права на решение и ошибку. Опираясь на эти два момента, Кэйт попытался показать, во-первых, как случай, зависящий от не всегда ясно объясняемого поступка отдельного человека, предопределял ход исторических событий, а во-вторых, характер взаимоотношений друг с другом отдельных действующих лиц той великой эпопеи. И все же провозглашенные Кэйтом принципы исследования оказались реализованы только частично. Склонность к литературной яркости в описании событий в ущерб предельной точности и глубине исторического анализа привела автора к заметной поверхностности. Он так и не смог выявить реальные «кризисные точки» в ходе войны 1812 г. и показать подлинную роль человеческого поступка. Так, очень неопределенными оказались такие принципиальные вещи, как планы Наполеона при подготовке всей кампании и планы на генеральное сражение, конкретные обстоятельства ряда ключевых событий боя, фактические результаты Бородина. Вместе с тем в работе Кэйта присутствовали талантливые, хотя и спорные, попытки разрешения ряда дискуссионных вопросов. Так, он считал, что для Наполеона сражение «фактически было проиграно, или, в любом случае, не выиграно» и результат был предreshen во время боя за «Семеновское плато», где император не сумел сконцентрировать свои силы и разрезать русскую армию надвое. Вину за это автор возложил как на «обстоятельства», так и на «странное» поведение Наполеона, Понятовского и некоторых других участников драмы. В заключение Кэйт предложил любопытный парадокс: если бы Кутузов по совету Барклая-де-Толли нанес удар на северном фланге, сражение было бы выиграно русскими войсками и французы бы не вступили в Москву. Однако тем самым Наполеон избежал бы провала всей кампании. Французские потери при Бородине Кэйт приводил по Деннье, хотя и отмечал, что реальная цифра может быть большей. Особенно сильно пострадала кавалерия Великой армии.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. были отмечены в США выходом двух обширных трудов по кампании Наполеона в 1812 г. – Джорджа Нафзигера и Ричарда К. Рьена⁵³⁶. На первых страницах введения Нафзигер заявил о стремлении рассмотреть в совокупности все факторы, повлиявшие на военные действия в 1812 г.: политические, экономические и

⁵³⁴ Davis F. 1812 Campaign. Napoleon in Russia // Strategy and Tactics. 1972. № 35. P. 21–35.

⁵³⁵ Cate C. The War of the Two Emperors. The Duel between Napoleon and Alexander: Russia, 1812. N.Y., 1985. P. IX.

⁵³⁶ Nafziger G. Napoleon's Invasion of Russia. Novato, CA, 1988; Riehn R. K. 1812. Napoleon's Russian Campaign. N.Y., 1990.

вопросы снабжения. Однако реально несомненным достоинством книги стал только подробный обзор организации Великой армии и сопоставление различных тактических приемов того времени. Политические и экономические моменты присутствовали слабо, а сами военные действия были рассмотрены достаточно бегло, без какого-либо критического анализа источников. Вообще, характерной чертой работы явилось восприятие автором описываемых событий в виде некой данности, не вызывающей каких-либо вопросов. При изложении событий Бородинского сражения Нафziger активно использовал материалы книги Даффи, допуская при этом досадные промахи, которые свидетельствовали об отказе автора от собственного углубленного анализа источников. Почти совершенно отсутствовал в книге Нафzigера реальный человек, уподобленный автомату. Французские потери автор исчислял в 30 тыс.; число же русских потерь он решил не называть, отметив, что различные источники указывали цифры от 38,5 до 44 тыс. (при этом официальные данные, по его мнению, определяли потери в 43 924 человека)⁵³⁷. Каких-либо итогов Нафziger не подводил, отметив только физическую и моральную усталость обеих армий.

На первый взгляд, работа Рьена была построена по тому же принципу, что и книга Нафzigера: изложение военных событий 1812 г. предваряли обзор общего состояния Великой армии, анализ системы снабжения и «анатомии тактики колонн». Но содержание работы было заметно более оригинальным и глубоким. Так, описывая характер Великой армии, Рьен считал необходимым остановиться на качественной характеристике ее составлявших, как с точки зрения боевого опыта, так и с точки зрения национальных и политических настроений, солдат⁵³⁸. Бородинское сражение, по мнению автора, предоставило последний шанс Наполеону выиграть кампанию и подписать мир. Однако император не смог им воспользоваться. Ко времени генерального сражения французская армия уже очень сильно, особенно из-за ускоренного марша на Москву, ослабла. Только после переклички в Гжатске, считает автор, Наполеон потерял еще 15 256 человек (нам осталось неясным, на основе чего Рьен приводил столь точную цифру), оставляя гарнизоны, теряя солдат в авангардных боях, неся большие потери из-за тяжелой погоды и изнурительных маршей. К утру 7 сентября силы Великой армии (принимая в расчет подошедшую кавалерийскую дивизию Пажоля) составили около 124 тыс. человек при 587 орудиях. Русские силы автор оценивал в 103 тыс. регулярных войск, 7 тыс. казаков и 637 орудий. Конский состав Великой армии находился в худшем состоянии, чем русской; что же касается артиллерии, то, несмотря на перевес в числе орудий у русской стороны, значительная их часть в сражении не участвовала. Благодаря этому более слабая французская артиллерия превратилась в решающий фактор в сражении⁵³⁹. Причины отказа Наполеона от плана Даву Рьен видел, во-первых, в боязни отхода русских сил, а во-вторых, в нежелании (которое вряд ли можно объяснить только какими-то рациональными причинами) императора передать обратно в руки Даву из распоряжения Евгения Богарне две дивизии 1-го корпуса. Как результат такого дробления корпуса Даву, Евгений получил войск больше, чем он мог эффективно использовать, а Даву и Понятовский не получили достаточных сил для эффективной реализации своих задач. Вслед за Даффи, Рьен склонен был также считать, что Наполеон не понял особенностей русских позиций, полагая, что батарея Раевского и Багратионовы укрепления находились на одной возвышенности. При описании самого сражения Рьен уделил главное внимание поведению Наполеона, утверждая, что тот не проявил должной активности, не смог из-за дыма и пыли верно оценить складывающуюся в ходе битвы ситуацию и упустил шанс «раздавить врага». В целом автор без всякого

⁵³⁷ *Nafziger G.* . Op. cit. P. 254.

⁵³⁸ *Riehn R. K.* . Op. cit. P. 65–82.

⁵³⁹ *Ibid.* P. 239, 242–244.

снисхождения констатировал, что Наполеон при Бородине не показал ни умения выбрать направление главного удара, ни умения воспользоваться резервами. Он, который до сражения столь мало заботился о сохранении армии, внезапно стал «сверхзаботливым» в отношении гвардии. Автор спрашивал, чем мог рисковать Наполеон, бросая гвардию в бой? После сражения армия Наполеона все еще насчитывала 96 тыс., в то время как русская едва ли имела 52 тыс., не считая казаков и ополчения. Следовательно, заключал Рьен, потеря 5–6 тыс. ничего бы кардинально не изменила в численном отношении, но зато в случае успеха русская армия была бы уничтожена. Французские потери, по мнению автора, составили около 28 тыс., русские – около 53 тыс. (в том числе 1 тыс. пленными и примерно 8 тыс. «отбившимися»). В целом книга Рьена могла оказаться оригинальным и основательно фундированным исследованием, если бы не наличие в ней большого числа спорных моментов, которые свидетельствовали о недостаточно критическом отношении автора к источникам и использованной литературе. Кроме того, обратившись к «человеческому измерению» великого сражения, он счел возможным заострить внимание только на крупнейших фигурах, почти совершенно проигнорировав состояние внутреннего мира большинства участников Бородинской битвы.

Активизация процессов «глобализации» в конце XX в. и пришедшийся на это же время распад Советского Союза причудливым образом сказались на американской историографии Бородинского сражения. Среди американских историков появились два имени историков, родившихся на пространствах бывшего СССР, – А. Микаберидзе и Э. Вовси.

Александр Микаберидзе, грузинский историк, работающий в США, посвятил свою докторскую диссертацию, защищенную в Государственном университете Флориды, жизни П. И. Багратиона. В дальнейшем Микаберидзе сосредоточился, главным образом, на истории русской армии в эпоху Наполеоновских войн⁵⁴⁰. Представленная им картина военных действий 1812 г. характеризуется широким использованием документов и литературы русскоязычного происхождения (работ Л. Л. Ивченко, А. И. Попова, В. М. Безотосного, С. В. Шведова, Д. Г. Целорунго, А. А. Васильева, В. Н. Земцова) и стремлением равным образом представить обе борющиеся стороны. На этом основании вывод автора о французской победе под Бородином, с точки зрения «технической», выглядит достаточно убедительным.

Значительно расширить наши представления о французской документальной базе Бородинского сражения предложил в 2010–2012 гг. Эман (Эммануил) Вовси. Уроженец Риги, один из подвижников движения военно-исторической реконструкции в Латвии, эмигрировавший впоследствии в США, Вовси защитил в Государственном университете Флориды магистерскую и докторскую диссертации по истории Наполеоновских войн⁵⁴¹. Обратившись к документам архива Исторической службы министерства обороны Франции, Вовси обнаружил оригиналы сводок сведений о численном составе Великой армии, составленных накануне Бородинского сражения и которые в свое время опубликовал Пеле. Обратившись к вопросу о потерях армии Наполеона в сражении, автор указал на заметные расхождения между данными Мартиньена и архивными документами, а также попытался восстановить реальную картину того, как происходил сбор подобных сведений наполеоновскими штабами. В целом, по его мнению, данные выписок 2–3 сентября можно считать результатом корпусных переключек конца августа и что общая численность армии в день генерального сражения не превышала 130–132 тыс. человек в строю. Что же касается

⁵⁴⁰ Mikaberidze A. The Russian Officer Corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792–1815. Staplehurst, 2005; Idem. The Battle of Borodino. Napoleon against Kutuzov. Barnsley, 2007; Idem. The Battle of Berezina. Barnsley, 2010; Idem. The Burning of Moscow. Barnsley, 2014; etc.

⁵⁴¹ Земцов В. Н. Власть и семантика мундира. Рец. на кн.: Вовси Э. М. Трансформация униформы и снаряжения французского пехотинца 1791–1812 гг. М.: Изд-во «Мастерская Vanderhoff & 15-e legere», 2012 // Запад, Восток и Россия: символика Власти: Вопросы всеобщей истории. Вып. 15 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. С. 290–293.

численности потерь, то, по словам Вовси, они составили до 20 тыс. убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести⁵⁴².

Суммируем особенности американской традиции в исследовании Бородинского сражения. Во-первых, обращает на себя внимание то, что интерес в США к Бородину, вспыхнув в 1812–1813 гг. не без участия русских официальных представителей в Америке, вскоре быстро иссяк. Он возродился только на рубеже XIX–XX вв., когда американцы начали задумываться о кардинальном пересмотре своего места и своей роли в мире. В рамках обновленного американского самовосприятия, которое к середине XX в. оказалось связанным с идеей супердержавности, интерес к природе «русской силы» оказался вполне естественным. Столь же естественным стало стремление ответить на вопрос о характере стратегических и тактических ошибок, допущенных предводителем объединенной европейской армии в борьбе с Россией в 1812 г. Поскольку к концу XX в. с Россией как со сверхдержавой было покончено, интерес американцев к Бородинским событиям заметно стал ослабевать. Во-вторых, американская историография оказалась в XX в. во многом связана с британской традицией изучения русской кампании Наполеона. Это, в частности, проявилось в попытках найти новые ракурсы и, до некоторой степени, новые методики в исследовании Бородина. В-третьих, сохраняя известную беспристрастность в характеристике событий 1812 г., американские авторы, вместе с тем, подобно своим британским коллегам, пренебрегли масштабным использованием первоисточников, ограничиваясь, в лучшем случае, опубликованными документальными материалами. Беспристрастность, нередко в соединении с холодной отстраненностью (счастливым исключением является, пожалуй, только книга Кэйта), не позволяла американцам понять, почувствовать и проникнуть в человеческий контекст событий русской кампании Наполеона. В-четвертых, начало XXI в. ознаменовалось ростом интереса американской историографии к событиям 1812 года в России и к Бородинскому сражению в том числе. Можно допустить, что это связано не только с появлением в Америке двух историков, которые являются выходцами из бывшего СССР, но и с процессами своеобразной «глобализации» и интернационализации в рамках рассматриваемой нами тематики, а также с новыми, порою неожиданными внешними вызовами, с которыми сталкиваются США сегодня.

Итак. Историческая память о Бородинском сражении являет собою ряд самостоятельных историографических традиций, тесно связанных с особенностями исторического развития каждой нации. Несмотря на многократно провозглашавшееся стремление к «исторической объективности», мы чаще всего имеем дело с набором во многом замкнутых национальных традиций и интерпретаций памяти о Бородинском сражении. И все же преодоление «ловушек» национальной памяти, по нашему мнению, возможно. Во-первых, путем их выявления и идентификации, что мы и попытались сделать в 1-й главе. Во-вторых, путем обращения почти исключительно к первоисточникам, старательно обходя тем самым «капканы», возникшие в национальных историографиях. В-третьих, через процедуру «внутреннего включения» в характер жизни, чувств и языка сражавшихся на Бородинском поле людей.

Отечественная традиция изучения войны 1812 г. и Бородинского сражения длительное время находилась, большей частью, под влиянием и контролем властных институтов (монархическо-патриотических или советско-патриотических). Методами изучения были, в лучшем случае, позитивистско-традиционалистские или, в худшем варианте, – иллюстративно-восторженные. Человеческий аспект исследований был подчинен задаче последовательного воспроизведения заранее заданной схемы, которая, в свою очередь, покоилась на причудливом переплетении мифологем, освященных властью. С середины

⁵⁴² Вовси Э. Великая армия Наполеона накануне Бородинского сражения: новые цифры и факты (по материалам французских архивов) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2010. Т. 9. С. 151–161; Его же. Состав и потери Великой армии в Бородинском сражении (по материалам французских архивов) // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 37–46; и др.

1980-х гг. начался процесс быстрого расширения исследовательского инструментария, стали предприниматься попытки к постановке проблем, идущих вразрез с устоявшейся традицией. Параллельно с этим заметно усилилась и тенденция к чисто спекулятивному, поверхностному воспроизведению реалий 1812 года.

Зарубежные традиции изучения проблем 1812 года представлены несколькими национальными сегментами, нередко имеющими исключительно свою, неповторимую логику развития. Как правило, обращение к событиям Русской кампании Наполеона оказывалось связанным с особенностями того или иного этапа национальной истории французов, немцев, поляков, итальянцев, британцев, американцев и других народов. В конце XX – начале XXI в., наряду с ростом разнообразия методологических подходов и «интернационализацией» тем, одновременно обозначилось и стремление к сужению источниковой базы и поверхностному, нередко беллетризованному, подходу в описании событий 1812 года.

Двухсотлетний юбилей 1812 года вызвал определенный всплеск интереса к истории войны⁵⁴³. Прошел ряд важных конференций, в том числе международного характера, как в России, так и за рубежом, на которых неизменно подчеркивалась, во-первых, необходимость соединения достижений российской историографии, в особенности, последних двух десятилетий, с методологическими и презентационными поисками зарубежных коллег, а во-вторых, важность использования, наряду с новыми методологическими подходами и тематическими ракурсами, традиционных, позитивистско-фактологических, методов в изучении феномена 1812 года и Бородинского сражения в частности.

Глава 2

Армия Наполеона и ее солдат

Человеческое измерение социального организма

Армия Наполеона и ее солдат...

Что заставляло наполеоновского солдата идти в бой, драться и умирать под Бородином? При всем многообразии проявлений индивидуальных чувств, характеров и мотиваций существовала и некая общая для всех схема поведения, заставлявшая многотысячные массы людей действовать так, а не иначе. Каково было устройство и действие этой сложнейшей машины социо- и психовласти? Каковы были социокультурные установки наполеоновского солдата? Из чего состояли тело и душа Великой армии? Только на фоне этой общей матрицы поведения и чувств можно понять и оценить те поступки живых людей, из которых, собственно, и оказалась соткана история Бородинского сражения.

2.1. Историография темы

Предметом научного интереса армия Первой империи стала с середины XIX в. Однако вплоть до XX в. внимание исследователей было сосредоточено на описании чисто военных структур и слабо затрагивало социальный, социокультурный и психологический уровни проблемы⁵⁴⁴. Только в 1904 г. вышла первая работа, автор которой капитан (позже –

⁵⁴³ О противоречивости воздействия юбилейных мероприятий на результативность изучения событий 1812 года см.: *Земцов В. Н.* Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Большой европейской войны 1812–1814 гг.) // *Запад, Восток и Россия: историческая политика и политика памяти. Вопросы всеобщей истории.* Вып. 16. Екатеринбург, 2014. С. 208–223.

⁵⁴⁴ См., например: *Sicard M. F.* Histoire des institutions militaires des française. P., 1834. Т. 3; *Susane L.* Histoire de l'ancienne infanterie française. P., 1849; *Idem.* Histoire de l'ancienne infanterie française. P., 1850–1853. Т. 3–8;

генерал) Тикси, выступивший под псевдонимом Ж. Морван, попытался дать антропологическую картину наполеоновской армии⁵⁴⁵. На основе главным образом мемуарной литературы и документов из «Корреспонденции Наполеона» автор предпринял попытку осветить такие проблемы, как порядок конскрипции, деятельность администрации, материальное стимулирование солдат и офицеров, роль маршей и сражений в жизни наполеоновского солдата, природа его энтузиазма и морали. На фоне достаточно поверхностного представления о наполеоновской армии, которое было широко распространено благодаря трудам Тьера, Мишле, Вандаля и др., работа Морвана предлагала критический взгляд на механизм функционирования армии Первой империи.

С 1930-х гг. берет начало просопографическое направление. Ж. Сис представил уникальный словарь генералов и адмиралов эпохи Революции и Первой империи⁵⁴⁶. Завершались 1930-е годы выходом книги генерала Ш. де Голля, в которой автор попытался вписать армию Первой империи в историческую эволюцию вооруженных сил Франции⁵⁴⁷. С начала 50-х гг. изучение структур наполеоновской армии возобновилось⁵⁴⁸, после чего на протяжении 60-х и 70-х гг. вышла целая серия работ⁵⁴⁹, осветивших не только социальное происхождение воинов Первой империи, их возрастную, образовательную структуры, роль военных в пополнении наполеоновского дворянства, но также затронувших проблему социальной ориентации и социальных связей внутри армии. Теперь армия Наполеона выглядела уже не как безмолвный механизм в руках великого диктатора, но как сложнейший, во многом самовоспроизводящийся и воздействующий на самого Наполеона организм.

Последними в ряду работ французских историков могут быть названы книги А. Пижара⁵⁵⁰, впрочем вызвавшие и критические отклики, работы Ж.-П. Берто (проанализировал социальный облик наполеоновского солдата, его чаяния, надежды и

Idem. Histoire de la cavalerie française. P., 1874. Т. 2–3; Idem. Histoire de l'artillerie française. P., 1874; *Dussieux L.* L'armée en France. Histoire et organization. Versailles, 1884. Т. 1–3; *Belhomme V.* Histoire de l'infanterie française. P., 1895. Т. 4; *Picard L.* La cavalerie dans les guerres de la Révolution et de l'Empire. Saumur, 1895–1896. Т. 1–2; *Jaquier L.* La cavalerie française de 1800 à 1815. P., 1899; *Fallou L.* La garde impériale. 1804–1815. P., 1901; *Picard E.* L'artillerie française au XVIII siècle. Paris; Nancy, 1906; etc.

⁵⁴⁵ *Morvan J.* Le Soldat impérial. 1800–1814. P., 1904. Т. 1–2. Были не лишены интереса и работы А. Шюке и Ф. Массона, в которых в большей степени, чем у Морвана, присутствовал личностный элемент: *Chuquet A.* Épisodes et portraits. Plusieurs portraits de soldats de l'Empire. P., 1910; *Masson F.* Cavaliers de Napoléon. P., s. a.

⁵⁴⁶ *Six G.* Dictionnaire biographique des généraux et amiraux de la Révolution et l'Empire. P., 1934. Т. 1–2. Сегодня это направление блестяще продолжают Д. и Б. Кюнтэны: *Quintin D. et B.* Dictionnaire des colonels de Napoléon. P., 1996.

⁵⁴⁷ *Gaulle Ch., de.* La France et son armée. P., 1938; Idem. Vers l'armée de métier. P., 1934.

⁵⁴⁸ *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et de l'Empire. P., 1951; *Brunon J.* Grenadiers de Napoléon. P., 1955.

⁵⁴⁹ *Brunon J. et R.* La Grande Armée de 1812. Marseille, 1960–1962; *Baldet M.* La vie quotidienne dans les armées de Napoléon. P., 1964; *Choury M.* Les grognards et Napoléon. P., 1968; *Houdaille J.* Les officiers de la Grande Armée: étude par sondage sur l'âge, l'origine régionale et le destin des officiers // *Revue de l'Institut Napoléon. CVIII* (1968); Idem. Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules // *Population. Revue bimestrielle de l'institut national d'études démographiques*. 1972. N 1; *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P., 1977; *Blond G.* La Grande Armée (1804–1815). P., 1979; *Tulard J.* Napoléon et la noblesse l'Empire suivi de la liste complète des membres de la noblesse impériale. P., 1979.

⁵⁵⁰ *Pigeard A.* L'armée napoléonienne. P., 1994; Idem. Dictionnaire de la Grande Armée. P., 2002.

мотивы поведения)⁵⁵¹, Ж.-Ж. Брежона (представил общую картину эпохи 1812 года, соединив элементы войны, политики, социальной жизни и культуры)⁵⁵², а также монументальный обобщающий 4-томный труд директора Фонда Наполеона Т. Ленца⁵⁵³ и работы Н. Петито⁵⁵⁴.

Не менее интересно идет исследование армии Наполеона в англоязычной историографии. После того как в 1937 г. А. Вагтс поставил проблему милитаризма, выведя за рамки этого явления наполеоновскую систему цезаризма⁵⁵⁵, в Британии и США не утихают споры вокруг армии Первой империи. Интересным примером этой дискуссии стал спор о «движущих пружинах» наполеоновской армии, начатый в 1989 г. британским историком Дж. Линном. По его мнению, французская армия в конце XVIII – начале XIX в. прошла трансформацию из армии «добродетели» в армию «чести». При этом функционально армия стала играть ту же роль, которую играла аристократия при Старом порядке. Основным мотивационным фактором этой новой аристократии стала честь, понимаемая автором как соединение чувства воинской доблести с персональной материальной заинтересованностью в социальном продвижении и обогащении. При этом Наполеон, выступая как бог войны, как средоточие и источник этой воинской чести, тем самым легитимизировал свою власть. Американский историк О. Коннели немедленно выступил с критикой позиции Линна. По его мнению, переоценивать роль военной корпорации в управлении жизнью Франции и Империи не стоит. Точно так же не стоит воспринимать наполеоновскую армию как некую модель, которая навязывалась Наполеоном всему европейскому сообществу⁵⁵⁶.

В 1995 г. британский исследователь Ч. Дж. Исдейл, по сути, развил идеи Линна⁵⁵⁷. Во Франции к началу XIX в., как он полагал, образовалась мощная группа, интересы которой были связаны с перманентной войной и которая втянула в систему грабежа и милитаризированной экономики массы французского населения. Таким образом, Исдейл оценивал Великую армию как своего рода предшественницу армий тоталитарных обществ XX в.

Пожалуй, наиболее крупной работой в англо-американской историографии, посвященной феномену наполеоновской армии, является исследование Дж. Р. Элтинга, впервые вышедшее в 1988 г.⁵⁵⁸ Автор попытался скрупулезно осветить все основные стороны жизни Великой армии – от ее происхождения до функционирования отдельных родов войск. Несмотря на энциклопедичность труда, Элтингу все же не удалось создать

⁵⁵¹ *Bertaud J.-P.* Quand les enfants parlaient de gloire. L'Armée au Coeur de la France de Napoléon. P., 2006.

⁵⁵² *Bregeon J.-J.* 1812: La Paix et la Guerre. P., 2012.

⁵⁵³ Интересующий нас период и проблематика представлены в 3-м томе: *Lenz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. P., 2007. Т. 3.

⁵⁵⁴ *Petiteau N.* Lendemain d'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P., 2003; Idem. *Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires.* P., 2011; etc.

⁵⁵⁵ *Vagts A.* The History of Militarism. N.Y., 1937.

⁵⁵⁶ *Lynn J. A.* Toward an Army of Honour: The Maral Evolution of the French Army. 1789–1815 // French Historical Studies. Vol. 16. 1989. № 1. P. 152–173. Возражения американского профессора О. Коннели (O. Connely) см. в том же номере (P. 174–179).

⁵⁵⁷ *Esdaile Ch.J.* Op. cit.

⁵⁵⁸ *Elting J. R.* Op. cit. Далее цит. по изд. 1997 г.

убедительной цельной картины. Работа американца Дж. Нафзигера, специально посвященная Великой армии 1812 г. и вышедшая в один год с книгой Элтинга, тоже представляла интерес⁵⁵⁹. Однако чисто военно-исторический подход автора к материалу не позволил ему увидеть внутренний механизм функционирования наполеоновской армии.

Среди работ последнего времени особенно выделяется несколько беглая, но небезыңтересная книга Р. Блауфарба «Французская армия 1750–1820»⁵⁶⁰, труд А. Форреста, британского историка, попытавшегося на основе изучения эпистолярного наследия периода Революции и Наполеоновских войн проникнуть в сознание и душу французского солдата⁵⁶¹, книга Б. Мартина, обратившегося к теме солдатской дружбы, роли женщин, семьи, воспитания детей и к сфере сексуальности в эпоху Наполеона⁵⁶², и книга американца М. Хьюза с говорящим названием «Выковывание Великой армии Наполеона: мотивация, военная культура и мужественность во французской армии, 1800–1808 гг.»⁵⁶³.

Отечественные исследователи обратились к изучению наполеоновской армии относительно недавно. На протяжении XIX – середины XX в. не вышло ни одной серьезной работы, посвященной этой проблеме. Отдельные сюжеты были затронуты только М. И. Богдановичем, Баскаковым, В. А. Бутенко, А. М. Васютинским, Е. В. Тарле⁵⁶⁴. При этом ни один из авторов не претендовал на оригинальность в освещении феномена наполеоновской армии. В 1962 г. Л. Г. Бескровный, пожалуй, впервые в отечественной историографии попытался охарактеризовать вооруженные силы Франции в комплексе – от организации и тактики до комплектования, боевой подготовки и управления войсками⁵⁶⁵. Однако на «антропологизм» не было и намека. Наполеоновский солдат как элемент сложнейшего социального организма остался за пределами картины, предложенной советским историком.

В 1980-е гг. отечественные исследователи заметно меняют ракурс своих работ. В зоне внимания все более оказываются внутренние структуры наполеоновской армии. Большое значение в этой связи имели работы Д. М. Туган-Барановского о происхождении наполеоновского режима и политических настроениях в армии Первой империи⁵⁶⁶. К. Г. Бочоришвили, обратившийся к французской армии как общественно-политической силе, проанализировал социальные аспекты военного законодательства Наполеона и роль военных

⁵⁵⁹ *Nafziger G* . Op. cit.

⁵⁶⁰ *Blaufarb R* . The French Army 1750–1820. Careers, Talent, Merit. Manchester, 2002.

⁵⁶¹ *Forrest A* . Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2006.

⁵⁶² *Martin J* . Napoleonic Friendship: Military Fraternity, Intimacy, and Sexuality in Nineteenth-Century France. New Hampshire, 2011.

⁵⁶³ *Hughes M* . Forging Napoleon's Grande Armée: Motivation, Military Culture, and Masculinity in the French Army, 1800–1808. N.Y., 2012.

⁵⁶⁴ *Богданович М. И.* Отечественная война 1812 года. Т. 1; *Баскаков* . Наполеон. СПб., 1904; *Бутенко В. А.* Состав «великой армии» // ОВиРО. Т. 3. С. 40–50; *Васютинский А. М.* Наполеоновский солдат // Там же. С. 50–55; Его же. Военачальники Наполеона // Там же. С. 55–63; Его же. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М., 1912; *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1941; Его же. Нашествие...

⁵⁶⁵ *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. С. 252–269.

⁵⁶⁶ *Туган-Барановский Д. М.* Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799–1812 гг.). Саратов, 1980; Его же. У истоков бонапартизма. Происхождение режима Наполеона I. Саратов, 1986; Его же. Наполеон и власть. Балашов, 1993.

в формировании имперского дворянства⁵⁶⁷. Бочоришвили пришел к достаточно спорным выводам о том, что к 1812 г. французская армия переживала процесс «внутреннего разложения» из-за, по его мнению, неоправданно широкой системы материального стимулирования, которая «обуржуазивала» армию и пропитывала ее духом «пошлого рационализма». И все же этот, один из первых в отечественной историографии, опыт углубления в проблематику социальных структур Великой армии нельзя не признать полезным. В 1990-е гг. эти опыты были продолжены О. В. Соколовым и В. Н. Шикановым⁵⁶⁸. В их работах наметилось явное стремление, отойдя от жесткой запрограммированности выводов, что было характерно для советской историографии, обогатить свой методологический и тематический потенциал идеями и наработками французских историков. Наиболее крупным достижением в этом ряду стала, конечно, работа Соколова «Армия Наполеона», представляющая подлинную энциклопедию жизни наполеоновского солдата по содержанию и произведение искусства по полиграфии. Соколов впервые в отечественной историографии использовал в обосновании своих выводов широкий комплекс документов архива Исторической службы министерства обороны Франции.

В целом историческая наука прошла немалый путь в исследовании феномена наполеоновской армии и заложила серьезную базу, во-первых, для создания обобщающей и, по возможности, непротиворечивой картины функционирования социальных и морально-психологических структур Великой армии 1812 г., а во-вторых, для выявления общих мотивационных установок наполеоновского солдата, которые во многом определили его действия на Бородинском поле.

2.2. Великая армия: происхождение, комплектование, состав

2.2.1. Происхождение

Было бы серьезным просчетом писать об армии Первой империи, не затрагивая периода Французской революции. Но еще бо́льшей ошибкой стало бы игнорирование тех процессов, которые происходили в армии Старого порядка. Та модель принуждения-стимулирования человека, которая действовала в годы Первой империи и блестяще проявила себя в день Бородинского сражения, была предопределена в своих общих чертах еще до Французской революции, в эпоху Разума и Просвещения.

К 1789 г. армия Франции состояла из трех элементов:

1) королевской гвардии, списочный состав которой насчитывал 7278 человек, из которых 2300 человек составляли швейцарцы;

2) регулярных войск, включавших 102 полка линейной пехоты (из них 79 французских, 11 швейцарских, 8 немецких, 3 ирландских и 1 льежский), 12 батальонов легкой пехоты, сформированных только в 1788 г., 2 полков конных карабинеров, 24 полков тяжелой кавалерии, 18 драгунских, 12 конноегерских, 6 гусарских полков, 7 полков артиллерии и

⁵⁶⁷ Бочоришвили К. Г. Французская армия как общественно-политическая сила...; Его же. Орден Почетного Легиона при Наполеоне I // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 210–220; Его же. Итальянские эмигранты...; Его же. Карьера наполеоновского солдата // ВИ. 1985. С. 181–186.

⁵⁶⁸ Соколов О. В. Офицерский корпус французской армии при Старом порядке и в период Революции 1789–1799 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 1991; Его же. Капитан №. Происхождение младших офицеров армии Наполеона в 1812–1814 гг.; Его же. Армия Наполеона; Его же. Офицеры короля. Командный состав французской армии при Старом Порядке // Империя истории. 2001. Июль/август. С. 60–73; Его же. Аустерлиц: Наполеон, Россия и Европа: 1799–1805 гг. М., 2006. Т. 1–2; Его же. Битва двух империй. 1805–1812. М.; СПб., 2012; Шиканов В. Н. Под знаменами императора. Малоизвестные страницы наполеоновских войн. М., 1997; Его же. Созвездие Наполеона; Его же. Генералы Наполеона.

инженерного корпуса. Общая численность колебалась от 150 до 170 тыс. человек;

3) милиции, разделенной на 13 полков «королевских гренадер», 12 провинциальных полков и 80 гарнизонных батальонов, общей численностью более 75 тыс. человек. При учете жандармерии и отрядов береговой стражи общая численность французской армии составляла примерно 270 тыс. человек⁵⁶⁹.

Комплектование рядовым составом происходило на основе вербовки и во многом по «феодалному» принципу, когда офицер сам заботился о рекрутировании в свое подразделение или часть. За 100 или 120 (для иностранных полков) ливров солдат должен был отслужить 7 или 8 лет. При повторном поступлении на службу (обычно на 2–4 года) выплачивалось от 25 до 50 ливров, в зависимости от срока нового контракта. После 24 лет службы вновь поступивший мог получить не более 20 ливров. Для тех, кто становился капралом или сержантом, предусматривались дополнительные денежные суммы⁵⁷⁰. Иначе формировалась милиция. Она комплектовалась на основе жеребьевки среди неженатых крестьянских парней в возрасте от 18 до 40 лет. При этом богатый крестьянин мог нанять вместо себя или своего сына бедняка. В мирное время эти милиционные полки собирались нерегулярно, как правило, на «сборы» в 15 дней. Командовали полками милиции отставные офицеры или старые дворяне⁵⁷¹.

Что представляло собой «тело» армии? Для рекрутируемых в пехоту был установлен минимальный рост чуть более 1,65 м. Однако реально почти 1/5 не в швейцарских полках линейной пехоты была ниже этого минимума. У швейцарцев число солдат, имевших рост ниже минимального, было 12 %. Что касается батальонов легкой пехоты, то они большей частью состояли из низкорослых людей. Появление этих батальонов во многом было связано со стремлением государства использовать весь имеющийся человеческий материал. Рост людей в кавалерии и артиллерии должен был составить не менее 1,7 м. 2/3 людского состава этих родов войск (исключение составляли полки легкой кавалерии) было примерно этого роста. В линейной кавалерии, как правило, обычно не обращали внимания на рост совсем молодых людей или «специалистов»⁵⁷². Солдаты, за исключением унтер-офицеров, были молодыми людьми: половину составляли лица в возрасте между 18 и 25 годами; 5 % – моложе 18 лет; менее 1 % – моложе 15 лет (как правило, это были сыновья солдат или офицеров, служившие барабанщиками). В целом до 90 % солдат всех родов войск были моложе 35 лет! Но это сочеталось с достаточной профессиональной опытностью: к 1789 г. в линейных частях более 60 % служили 4 года и более, 1/5 – 2 года или более, и только 1/8 – менее 2 лет. Унтер-офицеры, комплектовавшиеся из тех, кто прослужил не менее 7 лет, тоже, в целом, были достаточно молодыми людьми.

Французская армия к 1789 г. во многом еще не приобрела ярко выраженного национального характера. Подобно многим другим профессиональным армиям XVII–XVIII вв., в ней был велик процент иностранцев. Служили не нации, служили государству и сюзерену. Напомним, что в линейной пехоте из 102 полков 23 были иностранными. Но и во французских полках было много иностранцев. Так, в линейной

⁵⁶⁹ *Susanne L.* Op. cit. 1849. P. 309–310; *Sicard M. F.* Op. cit. P. 7–31, 97–108, 133–135, 151–155, 242–259, 339–342, 458–463; *Bertaud J.-P.* La Révolution armée, les Soldats citoyens et la Révolution française. P., 1979. P. 35–36; *Scott S. F.* The response of the royal army to the French Revolution. The role and development of the line army (1787–1793). Oxford, 1978; etc.

⁵⁷⁰ *Belhomme V.* Op. cit. P. 421; *Leverrier J.* La Naissance de l'armée nationale. 1789–1794. P., 1939. P. 17–20.

⁵⁷¹ *Bertaud J. P.* La Révolution armée... P. 36; *Мамьез А.* Как победила Великая французская революция. М., 1928. С. 26.

⁵⁷² *Belhomme V.* Op. cit. P. 421; *Scott S. F.* Op. cit. P. 11–12; *Bertaud J.-P.* Valmy, la démocratie en armée. P., 1980. P. 165.

пехоте до 8 % рядового состава были немцы, в кавалерии – 3 % немцев. Меньше всего иностранцев было в артиллерии⁵⁷³. Столь многонациональный состав армии одновременно сочетался с принципом землячества. В составе полков французской пехоты, стоявших гарнизонами на севере и востоке (а их было не менее половины), 1/3 солдат родилась в тех же районах. В кавалерийских полках, стоявших здесь же (до 3/4 кавалерии), число местных уроженцев составляло 1/2. Еще бóльший процент был в артиллерийских полках (в приграничных провинциях на севере и востоке стояло 6 из 7 артиллерийских полков) – до 3/4⁵⁷⁴. Полки носили названия французских провинций или городов. Тем самым как бы сохранялась связь между жителями отдельных местностей. При всем «феодализме» этой практики нельзя не признать за ней известные позитивные моменты, которые в дальнейшем будут использованы Наполеоном. Что касается иностранных частей, то в них соблюдался принцип многонационального рядового состава, а в отношении офицерства допускались значительные исключения⁵⁷⁵.

Весьма показательно социальное происхождение солдат Старого порядка. До 35 % солдат линейной пехоты происходило из городов с населением более 2 тыс. жителей, 20 % – из городов с населением более 10 тыс. И это при том, что 80–85 % населения дореволюционной Франции жило в сельской местности! Основную массу этих 55 % составляли те, кто в гражданской жизни был ремесленником или сыном ремесленника. Помимо этого, многие солдаты происходили из тех районов, где военная служба уже являлась как бы традиционным занятием⁵⁷⁶. Конечно, не следует забывать о том, что армия наиболее интенсивно пополнялась в «голодные» годы, а нередко и за счет «пены» общества – авантюристов разного рода, дезертиров из армий других стран, бывших преступников и т. д. Но одновременно очевидно и другое: человеческий материал армии Старого порядка в своей массе был достаточно молод, энергичен, более интеллектуально развит, чем значительная часть населения Франции. Нередко в полках царил корпоративный дух маленькой родины, и одновременно с этим армия представляла собой многонациональный организм, где народы не просто перемешивались, но взаимодействовали друг с другом как важные элементы одного и того же огромного механизма.

Что представлял собой офицерский корпус? Можно считать доказанным факт значительной неоднородности французского офицерства к началу Революции⁵⁷⁷. Во-первых, продолжала существовать возможность получения офицерского чина путем выслуги из рядовых. Такие офицеры назывались «офицерами фортуны», с опытом которых государство не просто считалось, но полагало его важным элементом для поддержания боеспособности армии. Во-вторых, несмотря на серию министерских циркуляров, сохранялась практика торговли офицерскими должностями⁵⁷⁸, что обеспечивало приток в

⁵⁷³ *Scott S. F.* Op. cit. P. 7–12.

⁵⁷⁴ *Ibid.* P. 11.

⁵⁷⁵ К примеру, когда незадолго до Революции, в 1787 г., формировался Льежский полк, было установлено, что солдаты будут все льежцами, офицеры на $\frac{3}{4}$ будут состоять из льежских дворян, а на $\frac{1}{4}$ из дворян Лоррейна и Эльзаса (*Belhomme V.* Op. cit. P. 409).

⁵⁷⁶ *Bertaud J.-P.* La Revolution armée... P. 37; *Scott S. F.* Op. cit. P. 18–19; *Elting J. R.* Op. cit. P. 14.

⁵⁷⁷ См.: *Léonard E. G.* La question sociale dans l'armée française au XVIII siècle // *Annales: Economies, sociétés, civilisations*. 1948. № 2; *Bien D. D.* La reaction aristocratique avant 1789: l'exemple de l'armée// *Ibid.* 1974. N 1–2; *Corvisier A.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976; *Bodinier G.* Les officiers de l'armée royale combattants de la guerre d'Indépendance des Etats-Unis. Vincennes, 1983; *Соколов О. В.* Офицерский корпус...; и др.

⁵⁷⁸ А. Корвизье приводит даже фиксированные цены на офицерские должности: *Corvisier A.* Op. cit. P.

офицерский корпус представителей состоятельных буржуазных семей. Хотя служба в армии и не являлась для буржуа XVIII в. главным каналом получения дворянства, но продолжала, тем не менее, в этом плане играть все же заметную роль. Эдикт 1750 г. предусматривал после истечения определенного срока службы для каждого офицерского чина получение дворянства. Дворянство получали также и в случае отставки по ранению. Наконец, в-третьих, основную массу офицерских должностей продолжали занимать потомственные дворяне. В 1781 г. эта часть служилого дворянства сумела добиться принятия ордонанса о необходимости представления доказательств происхождения на «четыре четверти» из дворянства, чтобы получить офицерский чин. Это был удар по офицерству «от прилавка», но не затрагивал «офицеров фортуны». В связи с процессами, которые развивались внутри и вокруг офицерского корпуса, к 1789 г. обозначилось сразу несколько конфликтов: между традиционным дворянством и выходцами из буржуазных кругов, между малоимущим и богатым знатным дворянством и монархией⁵⁷⁹. Все это дополнялось отнюдь не блестящим материальным положением почти всех слоев офицерства, так как сама служба не давала возможности обеспечить достойное существование⁵⁸⁰, что и порождало глубокое недовольство. Нередко при этом импульсы недовольства, идущие как от разных групп офицеров, так и от солдат, порожденные разными причинами, переплетались между собой⁵⁸¹ и накладывались на идеи всеобщего переустройства общества на основах Разума и Справедливости.

«Историки идей обычно приписывают философам и юристам XVIII столетия мечту о совершенном обществе, – отмечал крупнейший мыслитель и историк XX в. М. Фуко. – Но была и военная мечта об обществе: она была связана не столько с естественным состоянием, сколько с детально подчиненными и прилаженными колесиками машины, не с первоначальным договором, а с постоянными принуждениями, не с основополагающими правами, а с бесконечно возрастающей муштрой, не с общей волей, а с автоматическим послушанием»⁵⁸². Действительно, армия Старого порядка несла в себе идею создания новой системы воздействия на человека, которая столь блестяще была позже реализована Наполеоном. Главный смысл этой идеи проявился в поисках более тонкой, чем существовала ранее, взаимосвязи между отдельными мельчайшими составляющими военной машины ради резкого повышения ее эффективности. Это было связано и с широким распространением ружья, заменившего мушкет, когда техника масс должна была уступить место тонкому искусству распределения людей, и с совершенствованием техники контроля над деятельностью отдельного человека, когда власть научилась устанавливать ежеминутный надзор за поведением людей, и с распространением идей свободы, которые причудливо переплетались с проектами идеально дисциплинированного общества. Армия Старого

115–117.

⁵⁷⁹ Эти проблемы наиболее хорошо представлены в следующих работах: *Chaussinaud-Nogaret G.* La noblesse au XVIII siècle: De la Féodalité aux Lumières. P., 1976; *Goubert P.* L'ancien Régime. P., 1972. Т. 2; *Furet F.* Penser la Révolution française. P., 1978 (русский перевод: *Фюре Ф.* Постигание Французской революции. СПб., 1998); *Пименова Л. А.* Дворянство накануне великой Французской революции. М., 1986. Несмотря на полемику, которую Пименова вела со сторонниками концепции «революции элит», выводы ее работы, по нашему мнению, в своей основе не противоречили концепциям Ж. Шоссино-Нагаре, Ф. Фюре и других французских историков.

⁵⁸⁰ См.: *Sturgill C. C.* De l'argent pour les généraux (1768–1789). Le Soldat, la strategie, la mort. P., 1986.

⁵⁸¹ Отметим, что в 1788 г. во французской армии служило в общей сложности 12 тыс. дворян, из них 3 тыс. солдатами (*Пименова Л. А.* Указ. соч. С. 134).

⁵⁸² *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 246–247.

порядка, как никакой другой институт дореволюционной Франции, энергично осваивала искусство делать из «непригодной человеческой плоти» «требуемую машину», в которой «рассчитанное принуждение медленно проникает в каждую часть тела, овладевает им, делает его послушным, всегда готовым и молчаливо продолжается в автоматизме привычки»⁵⁸³.

Наиболее ярким проявлением того, как энергично овладевала армия техникой новой дисциплины, являются многочисленные уставы, которые, начиная с середины XVIII в., стремились подчинить все движения человека жесткой схеме, навязывая ему такой ритм, который превращал его в послушный автомат⁵⁸⁴. Военные кадры стали выращиваться с юных лет. В 1760-е гг. открывается Парижская военная школа, затем появляются подобные заведения и в провинции. По ордонансу 1787 г. при замещении вакансий субалтерн-офицеров должен был устраиваться конкурс среди молодых дворян, предпочтение отдавалось тем, кто заканчивал военный коллеж⁵⁸⁵. В каждом полку были организованы начальные школы, в которых все солдаты должны были научиться читать, писать и считать. Это было необходимое условие для того, чтобы новая регламентация жизни, новая дисциплина проникли в каждую клеточку армейского организма. По тому же регламенту 1787 г., который вводил солдатские школы, было предписано завести в каждой роте книгу приказов, куда должны были записываться все детали, которые касались действий каждого солдата роты и где должен был вестись подробнейший учет состояния кожного снаряжения и оружия⁵⁸⁶.

С той же целью наиболее эффективного использования человеческого материала создавалась сеть госпиталей и устанавливались штаты медицинских служителей. Для старых солдат были организованы роты инвалидов, которые использовались для гарнизонной службы. Армия пыталась соединить заботу о человеческом индивидууме с неременным превращением его в эффективный элемент военной машины. При этом всякие попытки повысить эффективность этой машины за счет «немецкой дисциплины», то есть через телесные наказания, армией отвергались. Введенная военным министром Ш. Л. Сен-Жерменом в 70-е гг. XVIII в. прусская система наказаний не прижилась. Против выступила не только солдатская масса, но и унтер-офицеры и офицеры.

Большое влияние на французское общество оказало сочинение Ж. Сервана «Солдат-гражданин», во многом развивавшее идеи Ш.-Л. Монтескье об эффективности всеобщей воинской повинности, которая существовала в Древнем Риме⁵⁸⁷. Подобные настроения затронули и профессиональных военных мыслителей. Наиболее известный из них граф Ж.-А. де Гибер (1743–1790) рекомендовал распространить военное обучение во всех классах населения, вплоть «до самых бедных деревень». «Любовь к оружию и к воинским упражнениям, привитая дворянству, – считал он, – вскоре передастся народу...» Это, по мнению Гибера, лучше организует нацию⁵⁸⁸. В этих проектах Сервана и Гибера, как

⁵⁸³ Там же. С. 198.

⁵⁸⁴ Великолепным примером этих уставов является «Extraits du Règlement militaire de 1786», своего рода выписка из устава, предназначенная для обучения рекрутов младшими офицерами, переведенная в 1996 г. О. В. Плужниковым.

⁵⁸⁵ *Belhomme V.* Op. cit. P. 408.

⁵⁸⁶ *Ibid.* P. 422

⁵⁸⁷ [*Servan J.*] *Le Soldat citoyen ou vues patriotiques sur la manière la plus avantageuse de pourvoir à la defense de royaume.* Neuchâtel, 1780.

⁵⁸⁸ *Guibert J.-A.* *Essai général de tactique, precede d'un Discours préliminaire sur l'état actuel de la politique et de la science militaire en Europe.* Londres, 1772.

блестяще показал современный автор Ж. де Пюимеж, проявлялся миф о «солдате-землепашце», рожденный памятью о военизированном обществе Римской республики и реализованный европейским обществом в XIX и XX вв.⁵⁸⁹ Таким образом, еще в дореволюционную эпоху во Франции были созданы многие предпосылки для появления новой армии, причудливо соединившей дух свободы с изощренной формой подчинения человека военной и государственной машине.

Эволюция французской армии в годы революции хорошо исследована. Среди наиболее крупных зарубежных работ отметим труды Ш.-Л. Шассена и Л. Энне, Ж. Жореса, А. Собоуля, Р. Кобба, Ж.-П. Берто, С. Ф. Скотта, Р. Блауфарба, А. Форреста⁵⁹⁰. Среди отечественных авторов – В. А. Бутенко, А. К. Дживелегова и О. В. Соколова⁵⁹¹. Армия восприняла начало революции в целом положительно. Несмотря на создание Национальной гвардии, которая должна была во многом составить противовес регулярным частям, армия в первые месяцы приветствовала происходившие перемены. Однако с конца 1789 г. начал разрастаться конфликт внутри самой армии, вследствие чего наметился рост дезертирства, в том числе и среди офицерского состава. Как отметил 4 июля 1790 г. военный министр де ла Тур дю Пен, офицеры покидали части, нередко эмигрируя за границу, главным образом в связи с развитием «армейской демократии», выразившейся в отказе рядовых и унтер-офицеров от соблюдения субординации⁵⁹². Однако те офицеры, чья карьера зависела от революционных изменений, предпочли оставаться со своими полками.

В условиях быстрого ослабления старой регулярной армии все чаще стали раздаваться голоса о создании массовой общенациональной армии, основанной на новых, демократических, гражданских принципах. 12 декабря 1789 г. депутат Учредительного собрания Э.-Л. Дюбуа-Крансе потребовал «действительно национального набора, который бы охватил каждого второго в стране...»⁵⁹³. 28 февраля был принят декрет о праве каждого гражданина «быть допущенным ко всем военным должностям и званиям». Еще ранее названия полков были заменены номерами, что должно было, как мыслилось, подорвать их корпоративный дух (впрочем, несмотря на этот акт, многие части продолжали еще много лет спустя называть себя «наваррцами», «пьемонтцами», «пикардийцами» и т. д.). 4 марта 1791 г. была упразднена милиция и королевская гвардия. 1 августа того же года был принят ордонанс, вводивший новый устав, изменявший правила маневрирования, подготовки войск, методы военного строительства. Основанный на принципах Гибера, этот устав практически не изменялся до 30-х гг. XIX в.

⁵⁸⁹ Пюимеж Ж. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М., 1999. С. 152–153.

⁵⁹⁰ Chassin Ch.-L., Henne L. Les volontaires nationaux pendant la Révolution. P., 1899–1906. Т. 1–3; Jaurès J. L'armée nouvelle. P., 1910; Soboul A. Les Soldats de l'an II. P., 1959; Cobb R. Les armées révolutionnaires des départements du Midi. Toulouse, 1955; Idem. Les armées révolutionnaires, instrument de la Terreur dans les départements. P., 1961–1963. Т. 1–2; Bertaud J.-P. Valmy...; Idem. La Révolution armée...; Idem. La vie quotidienne des Soldats de la Révolution. 1789–1799. P., 1985; Scott S. F. Op. cit.; Blaufarb R. Op. cit.; Forrest A. Napoleon's Men.

⁵⁹¹ Бутенко В. А. Реформа французской армии при революции и Наполеоне // ОВиРО. Т. 1. С. 118–138; Дживелегов А. К. Революционная армия и ее вожди. М.; Пг., 1923; Соколов О. В. Высшие офицеры французской армии и революционное правительство в 1792–1794 гг. // От Старого Порядка к Революции. Л., 1988; Его же. Офицерский корпус...; Его же. Армия Наполеона.

⁵⁹² Scott S. F. Op. cit. P. 97.

⁵⁹³ Цит. по: Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1979. Т. 3. С. 173. Примеч. 24.

Поворотным пунктом в истории старой армии стали события, связанные с бегством короля. С середины сентября 1791 г. стал происходить массовый отток из полков и эмиграция офицеров. К концу 1791 г. примерно 60 % офицерства покинуло армию⁵⁹⁴. Все иностранные части (за исключением швейцарских) были полностью растворены во французских полках. Ослабление старой армии, недоверие к ней со стороны революционных властей, а также внутривойсковая борьба вызвали появление в 1791 г. волонтерских батальонов. Физическое состояние личного состава, возрастные и социальные показатели этих частей пока не очень сильно отличались от старой армии⁵⁹⁵. Однако волонтеры следующего, 1792 г. уже являли резительный контраст. 68 % их вышло из крестьянской среды, и только 23 % – из среды ремесленников, причем живших в маленьких городках. По возрасту они были более молоды, чем армейские новобранцы и волонтеры 1791-го года. 3/4 были моложе 25 лет, от 10 до 15 % составляли лица до 18 лет. Хуже было физическое состояние, заметно уменьшился средний рост⁵⁹⁶. Летом 1792 г. минимальный возраст был уменьшен с 18 до 16 лет. Офицерские должности на 1/2 оказались заполнены бывшими унтер-офицерами линейных частей. Параллельно была возобновлена вербовка и в линейные войска. Теперь возрастной потолок был увеличен до 50 лет, а минимальный рост уменьшен.

В 1793 г. происходило два параллельных процесса. Во-первых, была проведена амальгама, то есть слияние частей старой армии и волонтерских батальонов, что должно было, по мысли организаторов, совместить военный опыт и республиканский энтузиазм. В значительной степени замысел удался. Несмотря на существование принципа избрания офицеров, реальный механизм был таков, что обеспечивал до известной степени страховку от необдуманных решений⁵⁹⁷. В конечном итоге на офицерских постах остались вполне достойные люди, чаще всего разделявшие республиканские идеалы. Одновременно выборы офицерского состава способствовали возрождению корпоративного чувства с сохранением главных рычагов контроля над армией в руках политиков. Сен-Жюст в те дни справедливо отмечал: «Воинские части имеют право избирать своих офицеров, так как, в сущности, они представляют собой корпорации ...<...> Избрание отдельных командиров частей – право солдатской общины... Избрание генералов – право государства в целом»⁵⁹⁸. Во-вторых, в 1793 г. состоялся знаменитый «набор 300 тысяч». 24 февраля Конвент предписал произвести призыв 300 тыс. человек на военную службу. Во многом он уже носил обязательный характер, став зачатком будущей конскрипции. Отличие от всеобщей воинской повинности заключалось в том, что при «разнарядке» в коммуны учитывалось число волонтеров, ранее уже данных коммуной; затем производилась новая запись волонтеров, и если их не хватало (а повсеместно так и было), то производилась жеребьевка или выборы большинством голосов. В любом случае пополнение было только из числа холостых или бездетных вдовцов в возрасте от 18 до 40 лет включительно. При этом каждый призванный гражданин имел право найти себе заместителя в возрасте не менее 18 лет и снарядить его. Для того чтобы привлечь граждан в армию, которая теперь обрела демократический и народный характер, Конвент предоставлял возможности социального продвижения, гарантии гражданских прав и реальные материальные преимущества. Всем отставным солдатам были обеспечены пенсии – либо в виде денежной суммы в 240 ливров, либо в виде недвижимости

⁵⁹⁴ Scott S. F. . Op. cit. P. 106.

⁵⁹⁵ Bertaud J.-P. Valmy... P. 289–290.

⁵⁹⁶ Bertaud J.-P. La Révolution armée... P. 82–83.

⁵⁹⁷ Матвеев А. . Указ. соч. С. 94–95; Соколов О. В. Офицерский корпус...

⁵⁹⁸ Цит. по: Жорес Ж. . Указ. соч. Т. 3. С. 164–165.

из фондов национальных имуществ стоимостью 2400 ливров. «Солдаты уходили на войну, – писал Ж. Жорес, – мысленно видя поля, луга, виноградники, которые они получают от отечества по возвращении. И люди того времени, воспитанные на примерах античности, говорили: “Это напоминает римских ветеранов, получавших земельные наделы”»⁵⁹⁹. Реально набор 300 тыс. вызвал великие затруднения. Поэтому 23 августа 1793 г. Конвент на короткий срок ввел своего рода всеобщую воинскую повинность. Призывались холостые от 18 до 25 лет без права замещения. Набор 1793-го оказался «молодым»: 66 % призванных было между 18 и 25 годами. Большинство было из деревни – более 60 %⁶⁰⁰. К сентябрю 1794 г. в армии был уже 1 млн 26 тыс. солдат⁶⁰¹. Созданию столь многочисленной армии, помимо социальных и политических предпосылок, способствовали демографические факторы: в 1750–1770 гг. во Франции была отмечена очень высокая рождаемость. Это была армия, рядовой состав которой все более расширялся за счет в основном крестьянской массы, которую необходимо было быстро и эффективно «перерабатывать». Офицерский же состав оказался порождением как армии Старого порядка (более 80 % старших офицеров 1794 г. служило до Революции офицерами и унтер-офицерами), так и Революции (около четверти младших офицеров были сыновьями крестьян и мелких землевладельцев, и столько же происходило из семей ремесленников и других небогатых горожан)⁶⁰². С середины 1790-х гг. практика избрания офицеров фактически перестала действовать. Было даже запрещено продвигать неграмотных в чин капрала. Офицеры стали занимать более авторитетное положение в отношении как рядового состава, так и гражданских властей.

В 1794–1799 гг. облик французской армии окончательно сложился. Социальные характеристики в основном оставались неизменными и далее, в эпоху Консульства и Империи. Среди младших офицеров в годы Первой империи около 30 % составляли выходцы из буржуазных семей; из «семей землевладельцев» – около 20 % (частью это были также выходцы из буржуазии, частью – из дворянства); из семей лиц свободных профессий – около 10–11 %; из ремесленников – около 10 %; из семей военных – около 7 %; из дворян – около 5 %; из рабочих – около 1 %. Около 80 % офицеров Империи существовали лишь на свое жалованье, которое наконец-то смогло обеспечить им достойный материальный уровень. Возраст младших офицеров колебался в основном от 20 до 40 лет, старших – от 26 до 50 лет. При этом средний возраст полковников был чаще всего от 40 до 42 лет. Так как французская армия той поры практически постоянно вела войны, любой военный, имевший 6–7 лет службы, принял участие уже в нескольких кампаниях, получив боевой опыт и закалку⁶⁰³. Известная демократизация командных кадров сочеталась с неизменностью, а позже и с заметным возрастанием роли принципа социальной иерархии, предполагавшего сохранение достаточно явных социальных перегородок. На основе известного словаря Ж. Сиса⁶⁰⁴ и других материалов высчитано, что из 2248 революционных и наполеоновских генералов только 177 были из среды бедного крестьянства, рабочих и домашней прислуги.

Важным элементом духовной эволюции армии в период Директории было дальнейшее развитие корпоративизма, противопоставление армией себя гражданскому обществу. На

⁵⁹⁹ Жорес Ж. Указ. соч. Т. 5. С. 176.

⁶⁰⁰ Bertaud J.-P. La Révolution armée... P. 103.

⁶⁰¹ Карно И. История французской революции. СПб., 1893. С. 224.

⁶⁰² Соколов О. В. Офицерский корпус... С. 12

⁶⁰³ Там же. С. 14; Его же. Капитан № ... С. 14; Его же. Армия Наполеона. С. 72–78.

⁶⁰⁴ Six G. Op. cit.

фоне всеобщего эгоизма, стяжательства и забвения великих идей Просвещения и Революции армия продолжала являть собою своего рода заповедник республиканских добродетелей. Именно в армейской среде произошло своеобразное соединение идеологии мессионизма с национальным чувством. Фюре назвал эту идеологию «одновременно и буржуазной, и народной, и крестьянской, в которой военная слава старого общества перемешалась с идеями философии Просвещения, правда демократизированным и преобразованным культом нового государства и “великой нации”, наделенной отныне миссией всеобщего освобождения»⁶⁰⁵.

2.2.2. Комплектование

Логическим завершением становления новой армии было окончательное закрепление своеобразной формы всеобщей воинской повинности – конскрипции (от лат. «*conscribere milites*» – воинская повинность, или франц. «*inscrits ensemble*» – записанные вместе). Эта система была разработана военным министром Ж.-Б. Журданом, будущим маршалом Империи, и введена «законом Журдана – Дельбреля» 5 сентября 1798 г. От всеобщей личной воинской повинности конскрипция отличалась следующим. Во-первых, от каждого департамента и коммуны определялась квота призывников, которая зависела не только от численности населения, но и от степени сопротивления населения политике конскрипции. Как правило, из тех районов, где недовольство конскрипцией проявлялось особенно энергично, брали на службу меньшее количество призывников. Это благоприятно сказывалось также и на настроениях личного состава уже во время службы в армии. Во-вторых, все граждане мужского пола в возрасте от 20 до 25 лет включительно делились на 5 возрастных классов, которые подлежали призыву в очередности (от первого «младшего» класса). В-третьих, обычно призыву подлежала только часть класса, количественно определяемая правительственными постановлениями. Кроме того, из списков исключались не прошедшие по здоровью (в том числе имевшие рост ниже 1 м 54,4 см), единственные кормильцы, государственные чиновники, священники, студенты, женатые (до 1809 г.) и т. д. С 1803 г. в мирное время действовала система «заместителей», то есть найма заместителя (его стоимость все время возрастала, дойдя в 1811 г. до 6500 франков в год). Ряд категорий (женатые мужчины с детьми, имевшие брата на службе, сыновья вдов, старшие из трех сирот, лица, имевшие отца старше 71 года) мог вместо призыва заплатить от 50 до 100 франков. Наконец, представители буржуазии нередко предпочитали заранее записываться в роты Почетной гвардии, существовавшие с 1805 г., что обеспечивало защиту от призыва в армию⁶⁰⁶. Несмотря на первоначально широкое сопротивление конскрипции, путем ряда мер (укрепление государственных структур, усиление жандармерии, принятие жестких мер в отношении уклоняющихся и дезертиров, закрепление за полками специальных районов для набора и т. д.) ситуацию с набором удалось стабилизировать⁶⁰⁷. Этому способствовало общее укрепление наполеоновского режима, его растущая поддержка среди различных классов общества, а также относительно небольшие наборы в армию в 1802–1805 гг. (по

⁶⁰⁵ Фюре Ф. Указ. соч. С. 135.

⁶⁰⁶ Loi relative au mode de formation de l'armée de terre, du 19 fructidor, an 6 // *Législation militaire...* Т. 1. Р. 1–9; Loi qui autorise les conscrits à résilier les engagements par eux contractés à raison des loyers, fermes, etc. Du premier jour complémentaire an 7 // Ibid. Р. 9; Circulaire relative aux enrôlemens volontaires. Du 27 nov. 1806 // Ibid. Р. 28–29; Margueron . Op. cit. Т. 1. Р. 236–262; Vallée G . La conscription dans le département de la Charente (1797–1807). Р., 1937; Baldet M. Op. cit. Р. 25–32; Kukiel M. Wojna 1812 roku. Т. 1. Str. 134–152; Prasad D., Smyth T. Conscription: A World Survey. L., 1968; Elting J. R. Op. cit. Р. 322–323; Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 49–59.

⁶⁰⁷ Arnold E . Some observation on the French opposition to Napoleonic conscription. 1804–1806 // *French Historical Studies*. 1966. № 4. Р. 452–461; Elting J. R. Op. cit. Р. 322–325; Исдейл Ч. Дж. Указ. соч. С. 85–89, 93.

разным оценкам, от 50 до 60 тыс. в год). Помимо регулярной армии, в 1804 г. была учреждена Национальная гвардия, своего рода территориальные войска, в которых числились все подлежащие призыву французы в возрасте от 20 до 60 лет.

С 1806 г. ситуация стала меняться. Для увеличения армии стала применяться практика призыва новобранцев будущих годов, а также тех, кто подлежал призыву ранее, но по разным причинам не был призван. Поэтому с 1807 г., когда призвали набор следующего, 1808 г., многим рекрутам оказалось по 18 лет. Падение качества рядового состава наиболее отчетливо стало проявляться с 1809 г. Армия Булони, укомплектованная во многом ветеранами (немалое число которых было профессионалами) и которая блестяще проявила себя при Аустерлице, была обескровлена в Польше, ослаблена в маршах по Европе, частью погибла при Ваграме, частью была в Испании. Власти все более пытались компенсировать потери людского состава ужесточением конскрипции. Стало все труднее уклоняться от воинской повинности: были снижены требования, касавшиеся роста, предпринимались попытки отменить освобождение от воинской повинности женатых, на семьи уклонявшихся налагались огромные денежные штрафы, специальные летучие отряды только за 1810 г. задержали до 50 тыс. дезертиров⁶⁰⁸.

Готовясь к походу на Россию, Наполеон объявил в апреле 1811 г. о наборе призывников 1811 г. Было собрано 120 тыс. В декабре 1811 г. было объявлено о призыве контингента 1812 г. 13 марта 1812 г. последовал сенатский указ о созыве Национальной гвардии поочередно трех призывов (банов). Несмотря на значительное число добровольцев из-за голода, начавшегося в конце 1811 г., призыв вызвал большие трудности. Наблюдались попытки массового уклонения от службы. Были даже случаи, когда 18-летние юноши женились на 99-летних женщинах. За 1811 и 1812 гг. летучие отряды задержали до 60 тыс. беглых рекрутов. Причем почти все они были вновь включены в армейские части⁶⁰⁹.

Более того, говоря о конскриптах, особенно 1811 и 1812 гг., следует помнить об особенностях общей социальной ситуации во Франции того времени. С конца 1811 г. во многих департаментах, особенно на севере, северо-востоке и северо-западе, начался голод. В Париже обнаружилась сильная нехватка хлеба, и он резко вздорожал. Правительство, располагая незначительными запасами ржи и муки, проявило беспомощность. Единственные реальные действия свелись к закрытию застав вокруг Парижа для предотвращения вывоза муки и хлеба, а окрестным жителям было выделено небольшое количество муки. Британский исследователь Р. Кобб, специально обратившийся к положению «простых французов» конца XVIII – начала XIX в., пришел к обоснованному выводу о том, что периодические неурожаи и голод к 1812 г. все еще составляли обычное явление и оставляли массы населения в прежней, традиционной системе социальных и ментальных ориентиров. Как было и ранее, уже первые признаки голода в конце 1811 г. не могли не вызвать панику и автоматически привели к организации банд и началу грабежей (типичными лозунгами восставших были: «Хлеба и работы!» и «Хлеба и пресечь махинации!»). Эта ситуация сохранялась до апреля 1812 г. и окончательно была переломлена только в мае. Декретами 4 и 8 мая 1812 г. наполеоновский режим установил нечто похожее на максимум времен якобинской диктатуры и системы реквизиций⁶¹⁰. В этих условиях армия, принимая в свои ряды новое

⁶⁰⁸ См., например: *Молок А. И.* Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. № 19. 1938. Т. 4. Л., 1938. С. 66–67; *Elting J. R.* Op. cit. P. 325–327.

⁶⁰⁹ *Instruction générale sur la conscription.* 1 Nov. 1811 // *Législation militaire.* Т. 1. P. 31–73; *Margueron.* Т. 2. P. 17–34; Подготовка Наполеона к войне 1812 года. По мемуарам Паскье // Военно-исторический вестник (далее – ВИВ). 1912. Кн. 1. С. 139–141; *Elting J. R.* Op. cit. P. 327. В целом, 17 наборов, сделанных Наполеоном, изъяли из старой Франции 1 млн 660 тыс. человек (*Madelin L.* Op. cit. P. 133). Потери составили с 1800 по 1815 г. 1 млн человек, то есть 68 % основного контингента.

⁶¹⁰ *Cobb R.* The Police and the people. French Popular Protest. 1789–1820. Oxford., 1970. P. 104–109, 249–259, 263, 278.

пополнение, в значительной степени поглощала реальных или потенциальных бунтовщиков. В 1812 г. организм Великой армии как никогда сыграл роль амортизатора социальных катаклизмов, роль своеобразного «поглотителя» опасного человеческого материала, который удалялся из Франции и находил себе применение, а порой и смерть в далекой России.

2.2.3. Состав

Французские части составляли основу Великой армии, которая стала формироваться Наполеоном с начала 1811 г. для вторжения в Россию. На 1 июня 1812 г. в Великой армии было по списку 678 080 человек⁶¹¹. В строю из них было примерно 620 тыс.⁶¹² Из общего списочного состава 322 167 служили в нефранцузской армии⁶¹³. Реально через русскую границу, согласно подсчетам Шамбрэ, перешло 647 158 человек при 1372 орудиях. В составе первого эшелона было 448 083 человека, включая Австрийский корпус К. Ф. Шварценберга. Из этой суммы число нестроевых составляло примерно 6 %⁶¹⁴. Вопрос о национальном составе сил вторжения и тех войск, которые сражались при Бородине, будет рассмотрен ниже. Сейчас же предварительно отметим, что более 1/2 (примерно 255 тыс.) первого эшелона Великой армии составили солдаты частей собственно французской армии. Хотя далеко не все они были природными французами, но их формирование происходило на основе положений французской конскрипции.

При среднем росте европейца XIX в. 160–165 см во французскую армию первоначально призывали лиц не ниже 155 см. Позже, с введением вольтижерских рот, стали брать и низкорослых – не менее 152,4 см. В гренадерских ротах служили высокорослые – имевшие не менее 167,5 см. Иногда, правда, допускались и исключения. Более жесткие требования были к конскриптам в кавалерийские части. Карабинеры должны были быть ростом более

⁶¹¹ *Blond G.* Op. cit. P. 317. М. Кукель, а за ним Г. Зых дают цифру в 674–678 тыс. человек (*Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. Str. 161–163; *Zych G.* Op. cit. Str. 233–235). Все эти цифры восходят к данным Денные.

⁶¹² По Кукелю – 618 448 (*Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. Str. 161–163), по Бутенко – 612 тыс. при 1372 орудиях (*Бутенко В. А.* Указ. соч. С. 44–45).

⁶¹³ *Blond G.* Op. cit. P. 317.

⁶¹⁴ *Chambray G.* Op. cit. Т. 1. App.2. Интересные данные по составу Великой армии 1812 г. дал еще в середине XIX в. Сент-Илер (*Saint-Hilaire M.-E.* Histoire de la campagne de Russie... Т. 1. P. 314–322). В начале XX в. была предпринята первая серьезная попытка критически оценить силы армии, вторгшейся в Россию (*Villatee des Prugnes R.* Les effectives des la Grand Armée pour la campagne de Russie de 1812 // *Revue des etudes historiques.* 1913. Vol. 79. P. 245–287). Эти попытки были возобновлены в конце XX в. Американский историк Рьен, выпустивший книгу в 1990 г., заново просчитал численность армии вторжения и предложил цифры в 611 858 человек с 1242 единицами полевой артиллерии, 130 осадными орудиями, 32 700 единицами военного транспорта, 183 911 боевыми лошадьми. При них было около 25 тыс. различных гражданских лиц. В боевом составе этих сил было 265 французских и 291 иностранный батальон, 219 французских и 261 иностранный эскадрон. К концу года к границам России, не переходя ее, подошло еще 32 918 человек пехоты и 1520 кавалерии при 40 орудиях. Таким образом, общая цифра у Рьена оказывалась близка к данным Шамбрэ (*Riehn R. K.* Op. cit. P. 159, 426–443. App.).

В начале XXI в. вновь были предприняты усилия приблизиться к точным цифрам армии вторжения. На этот раз основой стали две внушительного объема книги, подготовленные Бертье для императора лично, с расписанием соединений Великой армии, находившихся непосредственно под командованием Наполеона (SHD. C2 700; C2 701). Они помечены 15 июня 1812 г. и 1 августа 1812 г. Особый интерес представляет вторая книга, надпись на которой свидетельствует, что она была подготовлена по приказу Наполеона в Витебске. Как справедливо отмечает О. В. Соколов, именно этот вариант расписания оказывается наиболее приемлемым для определения численности войск Наполеона на середину июня 1812 г. в связи с тем, что подсчеты численности многих корпусов относятся к июню и даже к маю этого года (*Соколов О. В.* Битва двух империй. С. 628–629; Приложение 2). Общая численность армии без Австрийского корпуса равнялась 644 024 человекам.

177 см, кирасиры – более 172 см, конные егеря – более 165 см, драгуны – более 162,5 см, гусары – более 160 см⁶¹⁵. К 1812 г., в связи с размахом приготовлений к войне с Россией, требования к росту и общему физическому состоянию были несколько ослаблены. Так, во 2, 3, 9-й и 12-й кирасирские полки (они окажутся на Бородинском поле в составе 1-го кавалерийского корпуса) попало несколько сотен конскриптов, предназначавшихся для пехотных полков⁶¹⁶.

К 1812 г. качество нового пополнения во французские части упало в целом. Новые полки формировались либо из молодых конскриптов с включением некоторых старых, но не самых надежных кадров, либо из беглых рекрутов, прошедших дисциплинарные части. Так, 127, 128 и 129-й линейные полки, созданные в 1811 г., формировались из Ганноверского легиона и конскриптов 1811 г., 130-й – из вспомогательных батальонов, 131, 132 и 133-й – из кадров дисциплинарных полков (полков о. Валхерен, Ре и 2-го Средиземноморского), 34-й легкий – из временного батальона Испанской армии, 35 и 36-й легкие – из дисциплинарных батальонов и т. д. По подсчетам Нафзигера, только дисциплинарные части «поставили» наполеоновской армии к походу 1812 г. 38 351 бывшего дезертира!⁶¹⁷ В кавалерийские части пополнение попадало более хорошее, однако требовалось немало времени, чтобы его «абсорбировать». Как отмечал весной 1812 г. военный министр, половина новых людей, прибывавшая в кавалерию, не обладала необходимой физической силой, чтобы «держат саблю». Ж. Морван писал, что прибывшие в марте 1812 г. в легкую кавалерию конскрипты получили очень хороших лошадей, но, не обладая навыками верховой езды, ко времени вступления в Берлин изранили уже весь конский состав⁶¹⁸.

На этом фоне ситуация с новым пополнением в те французские части, которые оказались под Бородином, была значительно лучше. Особенно много конскриптов оказалось в 1-м армейском корпусе Даву. Наполеон, решив увеличить количество действующих батальонов линейных и легких полков до пяти (обычно действующими были 1–4-е батальоны, а 5-й составлял депо), заставил Даву наполнить шестые (а в значительной степени, и четвертые) батальоны конскриптами и солдатами из штрафных полков. Сержантский состав был выделен из старых батальонов и дополнен выпускниками из специальной школы в Фонтенбло. Таким образом, 4-е и особенно 6-е батальоны 7, 13, 17-го и 33-го легкого (во многом сохранившего свой «голландский состав») в значительной степени состояли из конскриптов Везеля и Страсбурга; 12, 21, 25, 30, 48, 57, 61, 85, 108, 111-го линейных и 15-го легкого – не только из конскриптов 1811 г., но и бывших штрафников. 127-й линейный, созданный только в 1811 г., включал в себя наряду с конскриптами солдат бывшего Ганноверского легиона⁶¹⁹. Хотя у командования 1-го корпуса возникли значительные проблемы из-за столь быстрого увеличения полков за счет не самого лучшего

⁶¹⁵ *Наполеон*. Избранные произведения. М., 1956. С. 652; *Elting J. R.* Op. cit. P. 323; *Nafziger G.* Op. cit. P. 30; etc.

⁶¹⁶ Отечественная война 1812 года. Отд. 2. Т. 1. № 488. С. 300.

⁶¹⁷ *Margueron*. Op. cit. Т. 2. С. 17–34, 75; Даву – военному министру. Гамбург, 15 октября 1811 г. // Отечественная война 1812 года. Отд. 2. Т. 1. № 10. С. 5–6; *Thiers L.-A.* Op. cit. P. 193–196; *Elting J. R.* Op. cit. P. 208; *Nafziger G.* Op. cit. P. 17; etc.

⁶¹⁸ *Morvan J.* Op. cit. Т. 1. P. 336.

⁶¹⁹ Даву – Наполеону. Гамбург, 14 и 29 октября 1811 г.; Магдебург, 3 и 4 ноября 1811 г.; Брауншвейг, 4 ноября 1811 г.; Гамбург, 7 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 1. С. 1; № 80. С. 44; № 105. С. 57; № 115. С. 65–66; № 120. С. 68–69; № 139. С. 78–79.

«человеческого материала»⁶²⁰, но к началу русской кампании они в основном были решены. Конскрипты и штрафники адаптировались и органично вошли в ряды старых кадров. Французские пехотные части 3-го и 4-го армейских корпусов также были заметно пополнены конскриптами и штрафниками. Но так как перед полками этих корпусов не ставилась задача увеличения боевого состава на один дополнительный батальон, абсорбция прошла также неплохо. Правда, уже в ходе кампании среди нового пополнения обнаружилось значительное дезертирство и повышенная заболеваемость. Поэтому в 3-м корпусе Нея 3-й и 4-й батальоны решили упразднить, дополнить за счет этого личный состав 1-х и 2-х батальонов, а из оставшихся людей образовать маршевый полк.

Комплектование офицерского состава французской армии 1812 г. также встретило заметные трудности. К тому времени офицерские кадры готовились в нескольких учебных заведениях: в специальной школе в Сен-Сире (имевшей среди своих предшественников и знаменитую революционную *École de Mars*), выпускники которой служили в основном в пехотных частях; в Политехнической школе, выпускавшей офицеров артиллерии и инженерных войск; в Кавалерийской военной школе в Сен-Жермене, а также в Ветеринарной школе⁶²¹. Однако общее количество выпускников всех этих военных школ было не столь уж значительным. К концу Первой империи их было не более 15 %⁶²². К тому же почти все выпускники, влившиеся в армию только в 1811–1812 гг., не имели никакого опыта и с трудом выносили тяготы похода. Большинство офицерского корпуса составляли бывшие сержанты, закаленные в боях и имевшие огромный опыт, но не располагавшие достаточными военными знаниями. Фезенсак, принявший после Бородинского сражения 4-й линейный полк, столкнулся, помимо первых двух, еще и с третьей категорией офицеров – теми, кто имел достаточный опыт, знания и хорошую физическую закалку. «Этот класс, – с горечью отметил он, – к сожалению, составлял меньшинство»⁶²³.

Подготовка к русской кампании обнаружила большую нехватку офицеров. Для укомплектования новых батальонов своего корпуса Даву к октябрю – ноябрю 1811 г. нуждался в 2 полковниках, 10 командирах батальонов и эскадронов, 9 капитанах штаба, 67 капитанах, 117 лейтенантах и 80 сублейтенантах⁶²⁴. В других корпусах ситуация была несколько лучше. В целом же это обусловило быстрое продвижение многих офицеров в должностях и чинах. Хотя особыми преимуществами пользовались те, кто ранее участвовал в военных действиях, особенно в Испании, на офицерские должности пришло множество совсем молодых людей, часто не прошедших должного предварительного обучения. Хотя император все еще демонстрировал открытость военной карьеры для выходцев из старых солдат, но реально они продвигались плохо из-за нехватки образования и из-за препятствий, которые им создавались на уровне штабов⁶²⁵. Уже в ходе военных действий началось массовое производство в офицеры из сержантского состава и повышение офицеров в чинах. Так, 7 августа в Витебске Наполеон произвел в 17-м линейном полку (1-й армейский корпус)

⁶²⁰ См.: Даву – Наполеону. Брауншвейг, 31 октября и 4 ноября 1811 г.; Целле, 6 ноября 1811 г.; Гамбург, 7 и 8 ноября 1811 г. // Там же. № 93. С. 52; № 120. С. 68–69; № 135. С. 75; № 139. С. 78–79; № 142. С. 81–82.

⁶²¹ См.: *Législation militaires*. Т. 2. Р. 822–840.

⁶²² *Соколов О. В.* Капитан № ... С. 14.

⁶²³ *Fezensac M.* *Op. cit.* Р. 38.

⁶²⁴ Даву – Наполеону. Гамбург, 22 октября и 11 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 года. Отд. 2. Т. 1. № 45. С. 29, № 163. С. 95.

⁶²⁵ *Morvan J.* *Op. cit.* Т. 2. Р. 435.

в су-лейтенанты 3 старших сержантов, 6 сержантов, 5 аджудан-су-офицеров; в 30-м линейном полку (1-й армейский корпус) – 1 старшего сержанта, 5 сержантов, 1 аджудан-су-офицера, а 12 су-лейтенантов стали лейтенантами. 9 августа в 19-м линейном полку в командиры батальона были произведены второй майор и 2 капитана, 4 лейтенанта стали капитанами, 8 су-лейтенантов – лейтенантами, 4 аджудан-су-офицера, 2 старших сержанта и 2 сержанта – су-лейтенантами. В Дорогобуже 26 августа в 93-м линейном полку (также 1-го корпуса) 1 майор и 1 капитан стали командирами батальона, 2 лейтенанта – аджудан-майорами в чине капитана, 2 лейтенанта – капитанами, 5 су-лейтенантов – лейтенантами, 2 аджудан-су-офицера, 1 старший сержант, 2 сержанта – су-лейтенантами и т. д.⁶²⁶ Массовые производства происходили и в самый канун Бородинского сражения. 2 сентября в Гжатске в 24-м легком полку 3 сержанта, 3 аджудан-су-офицера и 3 сержанта стали су-лейтенантами⁶²⁷. То же происходило в других частях. Трудно определить точное количество из-за разрозненности документации, но очевидно, что 5–7 сентября в сражении участвовало достаточно много офицеров, особенно ротного состава, получивших свой чин совсем недавно, а то и несколько дней назад.

В целом, несмотря на ряд серьезных проблем с адаптированием нового пополнения и, особенно, с наличием опытных офицеров, армейские части собственно французской армии выглядели неплохо. Даже офицеры из Молодой гвардии, сравнивая своих солдат с солдатами армейских корпусов, не раз восхищались людским составом 1, 3 и 4-го армейских корпусов⁶²⁸. К Бородинскому сражению остались лучшие.

Особыми характеристиками «человеческого материала» отличалась Старая и Средняя императорская гвардия. Минимальный рост для гвардейских пеших гренадеров был 167,5 см, для гвардейских пеших егерей – 160 см, гвардейских конных егерей – 167,5 см и т. д. Только немногие более малорослые удостоивались чести попасть в их ряды. Для вступления в гвардию обычно необходимо было прослужить не менее 5 лет и участвовать в двух кампаниях. 27 августа в Дорогобуже Лоссберг впервые увидел французскую гвардию: «Вот, это действительно... солдаты в истинном смысле этого слова! – запишет он. – Вообще, я видел людей более крупного роста, но никогда не видел в сборе такого числа бородатых, загорелых и, вместе с тем, интеллигентных лиц. Хотя многие из них были ростом не выше 5 футов 7 дюймов, но зато обладали крепким сложением и мускулистым телом. Я видел, как закаленные в войнах солдаты прошли мимо меня походным шагом, и при этом убедился в легкости их шага и в ловкости, с которою они несли свои ружья и ранцы»⁶²⁹. Лоссбергу вторит капитан Брандт из дивизии Клапареда, приданной Молодой гвардии, наблюдавший Старую гвардию у Смоленска: «Я видел много гораздо более красивые полки, но невозможно было представить себе более внушительных солдат. Я мог бы сравнить их только с русской гвардией, с тою только разницею, что офицеры французской гвардии были исключительно люди пожилые и опытные...»⁶³⁰

По сравнению с частями Старой и Средней гвардии, людской состав Молодой гвардии был заметно хуже. Очевидцы и более поздние авторы отмечали значительные потери в начале русской кампании среди ее солдат из-за усталости и болезней⁶³¹. Однако в целом,

⁶²⁶ РГВИА. Ф. 846. Д. 3604. Ч. 1. Л. 45–69.

⁶²⁷ Там же. Ч. 2. Л. 70–70об.

⁶²⁸ См., например: *Bourgoing*. Souvenirs militaires. P., 1897. P. 108.

⁶²⁹ Лоссберг. Указ. соч. С. 19–20.

⁶³⁰ Брандт Г. Указ. соч. С. 90.

⁶³¹ См., например: *Morvan J.* Op. cit. Т. 2. P. 180–181; *Fezensac M.* Op. cit. P. 13.

имея на 2 сентября в своем составе вместе с приданными частями 18 862 солдата при 109 орудиях, императорская гвардия являлась к моменту Бородинского сражения по своим боевым характеристикам и физическому состоянию личного состава лучшим корпусом французской армии.

2.3. Великая армия и Единая Европа: национальные и межнациональные структуры

2.3.1. Наполеон и идея объединенной Европы в 1812 году

Глубинный смысл того, что произошло с европейской историей на полях Бородина и в целом в 1812 г., вряд ли можно понять, если рассматривать армию Наполеона только в качестве военной организации. Великая армия 1812 г. была прообразом той Единой Европы, которую пытался создать французский император. Политические, социальные и военные аспекты жизнедеятельности наполеоновской империи оказались настолько тесно спаяны между собой, что военная победа в 1812 г. могла завершиться появлением Единой Европы, а военное поражение почти неминуемо должно было привести наполеоновскую идею единого европейского пространства к краху.

Наполеоновская идея объединенной Европы, на наш взгляд, все еще не нашла убедительного освещения в исторической литературе. Вначале провал русской кампании вызвал усиление того варианта «европейской федерации», который, по-видимому, возник еще в недрах III антифранцузской коалиции⁶³² и привел к образованию Священного союза и Венской системы. Затем были революции 1848–1849 гг., остро поставившие вопрос о политической и государственной идентификации европейских народов, объединении Германии и Италии. Наполеоновская Европа все более воспринималась как тираническая система, подавлявшая живой национальный дух⁶³³. В начале XX в. в популярной исторической литературе, особенно в германской, возникла была тема неудавшейся попытки Наполеона сплотить европейский континент, противопоставив его Англии, но очень быстро исчезла. Авторитетнейшие историки предпочли акцентировать внимание на том, что разделяло европейские страны, стремившиеся вырваться из-под опеки Наполеона, а не сближало их⁶³⁴. Пожалуй, только в 1950-е гг. ряд историков достаточно уверенно выступили с более непредвзятых позиций, представив континентальную блокаду своеобразной предтечей набравшей силу послевоенной европейской интеграции⁶³⁵. Однако реальные очертания Единой Европы 2-й половины XX в., возникавшей во многом на иной, не цезаристской, но либеральной основе, вновь заставили историков скептически расценить возможные перспективы Европы Наполеона. Авторитет Ж. Тюлара,

⁶³² См.: Зак Л. А. Из истории дипломатической борьбы на Венском конгрессе // ВИ. 1966. № 3. С. 70–82.

⁶³³ См., например: Sybel H., von. Die Erhebung Europas gegen Napoleon. Munich, 1860; Надлер В. К. Указ. соч.; и др.

⁶³⁴ См., например: Driault E. Napoléon et l'Europe. P., 1924. Т. 4. Le Grand Empire (1809–1812); Тарле Е. В. Континентальная блокада. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. М., 1913; и др.

⁶³⁵ Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Histoire des relations internationales. P., 1954. Т. 4; Kukiel M. Czartoryski and European Unity; Crouzet F. L'Economie britannique et le blocus continental (1806–1813). P., 1958. Т. 1–2. См. критику этих работ В. Г. Сироткиным: Сироткин В. Г. Континентальная блокада и «объединение Европы» // ННИ. 1964. № 3.

поддержанный целым рядом авторов, особенно англоязычных, закрепил эту позицию⁶³⁶.

На рубеже XX–XXI вв. историки, казалось, нашли путь, благодаря которому можно было бы избежать Сциллы и Харибды. Эта тенденция нашла отражение в обширной литературе последних десятилетий, посвященной наполеоновской интеграции Европы и появившейся вслед за публикацией работы С. Вульфа⁶³⁷. Отказавшись от изначальной заданности выводов, многие авторы рубежа XX–XXI вв. попытались выяснить степень воздействия и, в целом, приемлемости политики Наполеона в отношении отдельных фрагментов того, что принято называть «наполеоновской Европой». Эти подходы нашли отражение в публикациях М. Броэrsa⁶³⁸, П. Двайера⁶³⁹, М. Роу⁶⁴⁰, Дж. Дэвиса⁶⁴¹, У. Планерта⁶⁴², Ж. М. Лафон⁶⁴³, М. Лайонса⁶⁴⁴, А. Журдан⁶⁴⁵ и многих других. В обобщающем виде попытка представить проблему сделана Т. Ленцем в фундаментальном 4-томном издании «Новая история Первой империи»⁶⁴⁶. Наконец, особую роль сыграл международный коллоквиум под его же руководством, который проходил в Париже в 2004 г., «Наполеон и Европа»⁶⁴⁷. К сожалению, среди отечественных авторов,

⁶³⁶ *Tular J.* Napoléon ou Le mythe du savoir. P., 1971 (русское изд.: Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1997); *Idem.* Le Grand Empire. P., 1982; *Idem.* Murat, ou l'Eveil des Nations. P., 1986 (русское изд.: Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993); *Castelot A.* Le Grand Empire. P., 1971; *Woolf S.* Napoleon's Integration of Europe. L., 1991; *Esdail Op. cit.*; etc. Среди отечественных работ см.: Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблемы власти и мира. М., 1987.

⁶³⁷ *Woolf S.* Op. cit.

⁶³⁸ *Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821. State Building in Piedmont. Lampeter, 1997. P. 313–350; *Idem.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814. Cultural Imperialism in European Context? Basingstoke, 2005; *Idem.* The First Napoleonic Empire, 1799–1815 // *Nationalizing Empires* / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; N.Y., 2015; *Броэрс М.* Цицерон и Аристотель: культурный империализм и наполеоновская география империи // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 12. М., 2014. С. 270–287.

⁶³⁹ *Dwyer P.* (ed.) Napoleon and Europe. L., 2001.

⁶⁴⁰ *Rowe M.* Reich to State: the Rhineland in the Revolutionary Age, 1780–1830. Cambridge, 2003; *Idem.* Napoleon and state formation in Central Europe // *Napoleon and Europe*. P. 275–285.

⁶⁴¹ *Davis J.* Napoleon and Naples, Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford, 2006.

⁶⁴² *Planert U.* Resistance to Napoleonic Reforms in the Grand Duchy of Berg, the Kingdom of Westphalia and the South German States // *The Napoleonic Empire and the New European Political Culture*. Basingstoke, 2012. S. 148–159; *Idem.* Der Mythos von Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden. Alltag, Wahrnehmung, Deutung, 1792–1841. Paderborn, 2007; *Планерт У.* Германский национализм и опыт регионов в эпоху Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 12. С. 312–328.

⁶⁴³ *Lafon J. M.* L'Adalouise et Napoléon. Contre-insurrection, Collaboration et Resistances dans le Midi de l'Espagne, 1808–1812. P., 2007.

⁶⁴⁴ *Lyons M.* Napoleon Bonaparte and the Legacy of the French Revolution. L., 1994.

⁶⁴⁵ *Jourdan A.* L'Empire de Napoléon. P., 2000.

⁶⁴⁶ *Lenz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. P., 2004–2010. T. 1–4. См. также: *Idem.* Napoléon diplomate. P., 2012.

⁶⁴⁷ *Lenz T.* (ed.) Napoléon et l'Europe. Actes du colloque organize par la direction des Archives du ministère des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon 18 et 19 novembre 2004. P., 2005.

обратившихся к этой проблематике, можно назвать только А. В. Чубарьяна с его книгами «Европейская идея в истории» и «Российский европеизм»⁶⁴⁸.

Общим результатом этой более чем 20-летней работы стала очевидность того, что модель объединения, предложенная Наполеоном Европе, оказалась малопримемла не только для большинства макрорегионов за пределами Старой Франции, но и для двух (для «средиземноморского» и «атлантического») из трех (третьим является «континентальный», основой которого можно считать ось Рейн – Сона – Рона) макрорегионов собственно Франции. Однако, вместе с тем, было немало и таких регионов, не относящихся к собственно французским, где преобразования Наполеона находили вполне приемлемую почву, – Пьемонт, государства Рейнской конфедерации, Швейцария и др.

Подобные выводы заставили исследователей более реалистично взглянуть и на вопрос о судьбоносности всей наполеоновской эпохи применительно к сфере международных отношений. Наиболее последовательно поставил в этом плане под сомнение «революционность» эпохи Д. Ливен. По его мнению, Наполеон, в сущности, не изменил природы международных отношений XVIII в., не ликвидировал систему баланса европейских сил, которая в 1814–1815 гг., особенно с Венского конгресса, вновь заявила о себе. Мы не можем не согласиться с этим выводом, но все же полагаем, что Вена внесла один важный корректив в модель XVIII в.: возник, правда, не очень надолго, вариант «концерта» великих держав, в котором у каждого из исполнителей оказалась своя «музыкальная» партия.

В сущности, общая тенденция в исторических исследованиях наполеоновской эпохи последних лет ведет не только к «выдавливанию» из исторического процесса живых людей с их порой неординарными решениями и поступками, к «исчезновению» самого Наполеона, именем которого эта эпоха, собственно, и названа, но и сводит все к якобы изначально заданному экономическими и социальными структурами порядку вещей, не оставляя места тому, что мы обычно называем «волей», «гением», наконец, «случайностью».

В 2005 г. в заключении к сборнику статей, изданному на основе материалов международного коллоквиума «Наполеон и Европа», Ж. Тюлар, в сущности, родоначальник современного, господствующего в изучении эпохи направления, заявил об отсутствии у прагматика Наполеона ярко выраженной европейской политики, выделив у него сразу «три европейские политики». Так, в эпоху Директории Бонапарт являлся сторонником создания европейской конфедерации республик. В период Аустерлица он выдвинул концепцию французской Европы, предполагавшей создание системы вассальных и союзных королевств. Наконец, на пике борьбы с Англией и максимального расцвета континентального блока система вассалитета начала уступать место прямой аннексии. С 1812 г. такой проект «Единой Европы» вызывал все более растущее сопротивление, появилась «нация, враг европейской идеи. Наполеоновская Европа оказывалась обреченной». Сама же легенда о Наполеоне как «европейском спасителе» и стороннике «некой европейской ассоциации» была создана, по мнению Тюлара, им самим на о-ве Св. Елены^[649]. Мы не убеждены в правильности такой трактовки. Тем более что материалы самого сборника, к которому было написано заключение, явно не укладывались в подобное прокрустово ложе.

Действительно, на о-ве Св. Елены Наполеон много и патетически рассуждал о своих нереализованных, но «гениальных» планах европейского объединения^[650]. Но есть

⁶⁴⁸ Чубарьян А. В. . Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987; Его же. Российский европеизм. М., 2005.

свидетельства и иного рода, причем несмотря на то, что многие свои замыслы французский император зачастую не конкретизировал и не переносил на бумагу.

3 апреля 1808 г. в письме к своему брату Луи, ставшему королем Голландии, Наполеон пишет: «Ради этого мира, которого я хочу достичь всеми возможными средствами, совместимыми с достоинством и могуществом Франции, я готов пожертвовать всем, что составляет национальную честь. Каждый день я все более и более чувствую необходимость этого [мира]; и монархи континента чувствуют то же, что и я...» А целью континентальной системы, по его словам, является стремление добиться того, чтобы Англия признала «необходимость урегулирования наших разногласий»^[651]. Позже, в 1811 г., в разговоре с Фуше император заявил следующее: «Нам нужно единое европейское законодательство, единая кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы»^[652]. Еще более предметно Наполеон обозначил свои цели в отношении европейской политической конфигурации в инструкциях аббату Д. Прадту, французскому посланнику в Варшаве, которые он продиктовал министру внешних сношений Маре в апреле 1812 г.: «Европа, – говорилось в документе, – состоит из трех больших территориальных частей: французской империи на западе, немецких государств в центре и Российской империи на востоке». Рейнскую конфедерацию император считал только элементом временной системы, которая должна была быть в ближайшее время преобразована путем «восстановления полной независимости всех федеративных государств Европы». «Императорский дом Австрии, владеющий тремя обширными королевствами, должен стать душой этого восстановления независимости, учитывая географическое положение федеративных государств, но он не должен управлять этими государствами» в силу опасности, возникающей в этом случае для европейского равновесия. В целях нейтрализации такого рода развития событий Наполеон считал необходимым восстановление Польши. «Когда Европа будет организована именно таким образом, то не останется причин для соперничества между Францией и Россией; эти две империи будут иметь одни и те же торговые интересы и будут действовать в соответствии с одними и теми же принципами»^[653]. Эти инструкции были конкретизированы Наполеоном в Дрездене 28 мая 1812 г.^[654]

Наконец, в апреле 1815 г., в период «ста дней», в преамбуле к «Дополнительному акту к Конституциям Империи» Наполеон заявил: «Нашей целью было создание великой европейской федеративной системы, которая, как мы верили, будет соответствовать как духу века, так и обеспечит прогресс цивилизации. Для того чтобы укрепить эту систему, расширить ее и упрочить, мы учредили многообразные внешние институты, в особенности с целью защиты свобод граждан»^[655]. В сущности, в 1815 г. Наполеон констатировал смысл своих намерений уже только постфактум. Вопрос о возможности или невозможности создания подобной европейской федеративной системы был окончательно решен самим фактом провала для Наполеона русской кампании.

Какое место, по мнению Наполеона, должна была занять Россия по отношению к проекту «европейской конфедерации»? Документ, обнаруженный русскими войсками в 1813 г. в бумагах поверенного в делах Франции в Берлине г-на Лефевюра и идеи которого подтверждаются другой документацией, ясно определял эти рамки. В документе говорилось, что Наполеон должен был стать главой Европейской континентальной конфедерации. Это могло стать возможным при соблюдении ряда международных условий, а именно: конфедерация признает полную свободу и независимость во всех сферах (административной, военной и коммерческой) оставшихся за ее пределами стран; признает и гарантирует независимость шведской, датской и турецкой монархий; признает факт независимости внешней политики США; будет достигнута универсальность для всех стран коммерческих отношений на суше и на море, а также будут признаны все захваты, сделанные как Францией, так и Великобританией после 1809 г. Для достижения компромисса на этой основе со странами, не входящими в Европейскую конфедерацию, предусматривалась

широкая система компенсаций. Реализация этих положений, при военном доминировании Франции, по мысли составителя документа, должна была привести к росту коммерции, процветанию и ликвидации войн. О России в этой системе документ умалчивал^[656]. Хотя происхождение документа неизвестно, но главные его положения достаточно четко укладываются в контекст общих настроений Наполеона как в начале 1813 г., так и в 1812 г. Россия должна была быть вытеснена из большой европейской политики и уж конечно, не могла быть включена в наполеоновскую конфедерацию или федерацию. «Всякий мог ясно видеть, что Россия была слишком сильна, чтобы войти в новую, преобразованную систему Европы, стержнем которой была Франция». «Мне должно было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единства моей системы, и дать этому новому политическому разделению довольно сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы», – так позже интерпретировал планы Наполеона в 1812 г. Жомини^[657]. Более того, борьба с Россией и русскими мыслилась как важнейший фактор сплочения остальных народов континента. «... Я поведу за собой всю Европу», – сказал Наполеон Фуше перед походом в Россию^[658]. «... Я шел на Россию во главе остальной Европы, – говорил он на Св. Елене. – Начало было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое оставалось сделать Франции... Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России, и успех предприятия был несомненен»^[659]. Эта идея оказалась близка многим солдатам Франции в день Бородина. «...Солдаты, офицеры, генералы – все соперничали в отваге и храбрости, – писал жене из Москвы Ж. П.М. Барье, командир батальона 17-го линейного полка 1-го корпуса Даву, 24 сентября 1812 г. – Это выглядело так, словно вся Европа обрушилась в тот день своей колоссальной мощью» на Россию, «которая примерно 12 или 15 лет угрожала вторжением в наши провинции»^[660]. Общеввропейский дух, полагал Наполеон, должен был рождаться тогда, в ходе грандиозной борьбы с «русскими варварами». И с этой точки зрения создание Великой армии 1812 г. было уникальным политическим проектом.

2.3.2. Национальный состав Великой армии

Если взять чисто военный аспект, то «Великая армия» означала просто «Большую армию». Впервые этот термин появился в 1805 г. В отличие от прежних «фронтовых» армий, это была единая французская армия, сосредоточенная против одной цели. В 1805 г. она имела, включая гарнизоны и войска второго эшелона, около 350 тыс. человек^[661]. Формально первая Великая армия была упразднена осенью 1808 г. и вновь воссоздана в начале 1811 г. при подготовке похода на Россию. К этому времени понятие «Великая армия» наполнилось во многом новым содержанием. Если армия 1805 г. все еще могла считаться французской, то к 1812 г., состоя более чем наполовину из иностранцев, она стала армией Западной и Центральной Европы. Само название «Великая армия», вновь возникнув в 1811 г., отразило важный процесс конституирования и самоидентификации единой наполеоновской Европы. Все более широкое использование Наполеоном иностранцев и иностранных воинских контингентов происходило параллельно с глубокими политическими, административными и социальными реформами в «новых» французских департаментах, в вассальных и зависимых государствах Европы. Французская система конскрипции, целиком или в модифицированном виде перенесенная в Голландию, Иллирийские провинции, Ольденбург, итальянские государства, страны Рейнского союза, в великое княжество Варшавское и даже в Пруссию^[662], не могла не быть связана с глубоким переустройством этих государств на единых принципах, рожденных буржуазной Францией. В сущности, на подвластных Франции территориях конскрипция столкнулась с теми же проблемами, что и в «старых» департаментах, но механизм их решения был уже отработан. Все эти факторы в совокупности (связанные как с переустройством самого общества подвластных Франции территорий, так и с чисто техническими аспектами конскрипции) и позволили создать к 1812 г. небывалую общеевропейскую армию.

Попытаемся представить национальную структуру той части Великой армии, которая оказалась на Бородинском поле. Для этого следует оговорить следующие вещи. Во-первых, французская армия традиционно была многонациональной. В собственно французских частях служило большое количество неприродных французов. Особенно их количество увеличилось после присоединения к «старой» Франции территорий левого берега Рейна, Савойи, Иллирии и т. д. Так, юный трубач Карл Шеель, немец, оказался на Бородинском поле в составе 2-го французского карабинерного полка, а другой немец, Вильгельм Антон Фоссен (Fossen), родившийся в Дюссельдорфе и взятый по конскрипции в 1803 г., воевал в 1812 г. в составе 111-го (пьемонтского) линейного полка. Много немцев было в 30-м линейном полку (1-й армейский корпус), принявшем часть людей из бывшего Ганноверского легиона. В 19-м конно-егерском полку (4-й армейский корпус) было немало швейцарцев. К итальянцам можно отнести значительную часть состава 111-го линейного полка. Среди писем с родины в Великую армию, хранящихся в 30-м фонде РГАДА (Д. 269. Ч. 1), имеется несколько посланий, отправленных в «чисто» французский 57-й линейный полк (5-я пехотная дивизия 1-го корпуса), написанных по-итальянски. Одно такое письмо на итальянском языке шло в 30-й линейный. Во-вторых, большое число частей французской армии представляло собой «национальные» формирования, появившиеся в результате «округления» империи (из числа голландцев, тосканцев, ганноверцев и т. д.), или созданные на основе особых договоров с другими странами (как, например, со Швейцарией, «поставившей» четыре полка линейной пехоты), или же возникшие в связи с иными обстоятельствами (как, например, польские, испанские и португальские формирования).

Итак, голландцы формировали 3-й гренадерский полк императорской гвардии (2 батальона), 2-й уланский гвардейский полк (4 эскадрона), 33-й легкий полк (5 батальонов) в составе 1-го армейского корпуса, 11-й гусарский (4 эскадрона), созданный на базе бывшего 2-го голландского (кавалерийская дивизия Вельварта 3-го армейского корпуса). Император, убежденный, что интеграция голландцев в империю идет очень благополучно, придерживался правила сохранять в этих частях в качестве командиров преимущественно голландцев.

Поляки формировали три полка бывшего Легиона Вислы, а ныне дивизии Клапареда (6 батальонов), имевших в своем составе и немало немцев (как, например, знаменитого Г. Брандта из Восточной Пруссии), 1-й гвардейский уланский полк (4 эскадрона). Другие польские части, входившие в армию Великого княжества Варшавского, либо составляли 5-й армейский корпус, либо были распределены по иным корпусам.

Немцы в собственно французской армии, бывшей под Бородино, формировали 127-й линейный (2 батальона), куда попало много солдат из Ганноверского легиона, но которые оказались «разбавлены» французскими конскриптами 1811 г., и 9-й шеволежерский (4 эскадрона), бывший ранее 30-м конноегерским, образованным с включением в него гамбургских драгун. Помимо немцев (среди офицеров этого полка оказался также уже упоминавшийся нами мемуарист Ведель), в его рядах было немало австрийцев, венгров, а возможно, даже и русских. Правда, накануне Русского похода началось их массовое дезертирство, но кто-то из русских все-таки мог оказаться и при Бородине на стороне Наполеона.

Португальцы, составлявшие Португальский легион, оказались в начале сентября 1812 г. в 11-й пехотной дивизии (2-й пехотный полк легиона – 2 батальона). Впрочем, состав Португальского легиона не был мононациональным. Согласно данным инспекции, проведенной, видимо, только в части легиона 25 января 1812 г., среди рядовых и унтер-офицеров оказалось 545 португальцев, 17 французов, 245 испанцев, 9 немцев и 7 итальянцев. Но все офицеры были португальского происхождения^[663].

Испанцы формировали пионерный батальон, находившийся при Главной квартире, и полк Жозефа-Наполеона (2-й и 3-й батальоны – во 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса, 1-й и 4-й – в 14-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса). Основой личного состава были испанцы, в свое время переброшенные в составе корпуса маркиза де Романа для усиления армии маршала Г.-М.-А. Брюна против Швеции, и военнопленные. Среди офицеров было несколько французов, говоривших по-испански, а также один унтер-офицер из французов на роту. 1-м и 4-м батальонами командовал Жан Дорейль (Doreille), родившийся в Люксембурге в ирландской семье, служивший в ирландских частях Испанской армии, старший брат которого был известным испанским партизаном! Во главе 2-го и 3-го батальонов стояла не менее удивительная личность – Жан-Батист Чюди (Tschudy), родившийся во Франции в швейцарской семье, эмигрировавший во время Революции, затем попавший в армию принца Конде, потом – на португальскую службу, откуда он и перешел в Португальский легион в составе французской армии. Организованный по-французски, полк Жозефа-Наполеона был на хорошем счету, дезертирства из него почти не наблюдалось. Все команды, кроме «Кто идет?», подавались по-испански.

В составе 13-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса оказались также два батальона 1-го хорватского полка, набранные в Иллирии. Об их бойцах отзывались как о храбрых солдатах и искусных стрелках, но имевших слабую дисциплину^[664]. Наконец, под Бородином оказалась рота мамелюков, среди которых, наряду с арабами, были грузины, армяне, турки, евреи, албанцы и даже французы.

Широко были представлены в Великой армии 1812 г. военные силы вассальных от Франции государств. Особенно своим боевым и антирусским духом выделялись польские части. Великое княжество Варшавское отправило на «вторую польскую войну» 74 722 человека и 22 851 лошадь^[665]. Наполеон возлагал на польский человеческий материал особые надежды, согласившись в начале 1812 г. даже с тем, чтобы новые польские батальоны были созданы за счет французских денежных и материальных средств. Это позволило увеличить армию княжества к началу войны с Россией до 90 тыс. человек^[666]. Полностью сформированное по французскому образцу и отличавшееся в целом высоким боевым духом, польское войско в конце 1811 – весной 1812 г. столкнулось с проблемой молодого пополнения^[667]. Среди молодых солдат немало оказалось и таких, кто был склонен к дезертирству. Впрочем, по подсчетам Кукеля, соотношение новобранцев и ветеранов в польских полках в среднем соответствовало ситуации в полках Франции: на 10 солдат 4 рекрута^[668]. Брандт, впервые увидевший войска 5-го корпуса вскоре после Смоленска, отметил: «Все были видные, красивые, хорошо одетые и прекрасно вооруженные люди»^[669]. Под Бородином 5-й (польский) армейский корпус целиком состоял из польских войск: 6 пехотных полков (18 батальонов) и 4 кавалерийских полка (16 эскадронов). Кроме того, кавалерия Великого княжества Варшавского оказалась разбросанной по другим корпусам: 9-й уланский (4 эскадрона) был в кавалерийской дивизии 1-го армейского корпуса, 6-й и 8-й (в нем, между прочим, служил Ф. В. Булгарин) уланские (8 эскадронов) – в 1-м резервном кавалерийском корпусе, 10-й гусарский (4 эскадрона) – во 2-м резервном кавалерийском, 3, 11 и 16-й уланские (9 эскадронов) и 14-й кирасирский (2 эскадрона) – в 4-м кавалерийском корпусе. Д. Хлаповский, офицер из 1-го полка шевалежеров-лансьеров императорской гвардии, увидев кавалерию герцогства Варшавского под Смоленском, невольно залюбовался: «Это были великолепные люди на прекрасных лошадях»^[670].

Отдельный корпус (11 батальонов и 10 эскадронов) под Бородином формировали и вестфальцы. Два вестфальских кирасирских полка (8 эскадронов) были в 4-м корпусе резервной кавалерии. Мнения о личном составе вестфальских частей были различными. Еще до начала военных действий Даву отзывался о вестфальцах очень скептически. Отмечая в письме к Наполеону значительное дезертирство из вестфальских частей, он написал: «Сверх того, что они немцы, они очень молоды»^[671]. О большом количестве молодых конскриптов

писали многие мемуаристы. Сержантский и офицерский состав вестфальских частей был хорошим. К примеру, капитан Франц Юлиус Христиан Моргенштайн из 2-го вестфальского линейного полка с большим уважением вспоминал своего фельдфебеля, уже успевшего послужить в армиях Гессен-Касселя, Пруссии и Австрии^[672]. Довольно обычной выглядит и биография пехотного подполковника Фридриха Вильгельма фон Лоссберга, который, начав службу в гессенских войсках в 1790 г., воевал против Франции в 1792–1795 гг. Позже, в 1806 г., он участвовал в планах восстания северогерманских народов против Наполеона, но под давлением жизненных обстоятельств поступил в вестфальскую армию и сражался в кампании 1809 г. уже на стороне французов. Такой тип немецкого солдата-профессионала был в те годы чрезвычайно распространен. Воевали не за нацию, воевали за государя, которому служили. Верность ему была делом профессиональной чести. И все же 8-му (вестфальскому) корпусу с самого начала русской кампании не сопутствовала удача. Происходила постоянная чехарда с командованием. Приход на пост командующего 6 августа дивизионного генерала Ж.-А. Жюно еще более ухудшил моральную атмосферу, которая негативно сказывалась на поведении как многих солдат, так и опытных сержантов и офицеров^[673].

Саксонские солдаты были распределены по армии, сражавшейся при Бородине, следующим образом: один эскадрон шеволежерского полка принца Альбрехта находился при Главной квартире, три эскадрона – в 3-м кавалерийском корпусе, два полка тяжелой кавалерии (Гардю Кор – Кавалергардский, и «Цастрова» – всего 8 эскадронов) – в 4-м кавалерийском корпусе. Личный состав этих частей был великолепен, а состояние конского состава было намного лучше, чем в полках французской кавалерии^[674]. Примечательна была фигура генерала Иоганна Адольфа Тильмана, командовавшего тяжелой кавалерией. Он успел повоевать как против Франции в 1793–1798 и 1806 гг., так и вместе с французами в 1807 г., послужить как в саксонской, так и в австрийской армии. Немало воинов, находившихся под его началом, имело сходную судьбу солдат-профессионалов.

Большая часть вюртембергских войск при Бородине была сосредоточена в 3-м армейском корпусе в составе 25-й дивизии (сведенной, фактически, в три батальона) и кавалерийской дивизии Вельварта (12 эскадронов). Кроме того, во 2-м резервном кавалерийском корпусе был 3-й вюртембергский конноегерский полк «принца Людвига» (4 эскадрона). Многие среди вюртембергских солдат участвовали на стороне Наполеона в войне 1809 г. против Австрии и являли собой блестящие примеры закаленных профессионалов. Однако подобно тому, как не повезло 8-му вестфальскому корпусу, неудачи преследовали и вюртембергскую 25-ю пехотную дивизию. Высокая заболеваемость, вызванная эпидемией дизентерии, и огромные боевые потери заставили свернуть к Бородинскому сражению четыре пехотных полка и четыре отдельных батальона в три батальона! При этом немецкое командование дивизии как бы дублировалось французами, что не могло не создавать известную психологическую напряженность в среде личного состава вюртембержцев^[675]. Ситуация в кавалерийских частях, которые действовали чаще всего в отрыве от 3-го армейского корпуса, была более благоприятной.

Баварцы оказались в составе отдельной кавалерийской дивизии в 4-м армейском корпусе (12 эскадронов) и в 3-м кавалерийском корпусе (8 эскадронов). Среди них было немало тех, кто сражался под предводительством Наполеона в 1805 и 1809 гг. Состояние личного состава было вполне удовлетворительным.

Баденский контингент при Бородине был включен в состав войск, прикомандированных к Главной квартире (гренадерский батальон 2-го Баденского пехотного полка). Его личный состав был отличным.

Под Бородином оказался и один Гессен-Дармштадтский батальон (из Лейб-регимента). Хотя он был отряжен охранять резервный парк 1-го корпуса, но формально имел право разделить честь участника Бородинского сражения.

Две роты Мекленбург-Стрелицкого батальона находились в 3-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса, будучи прикомандированы к 127-му линейному полку.

Войска Итальянского королевства, большей частью, входили в 4-й армейский корпус во главе с вице-королем Италии Е. Богарне. Итальянская королевская гвардия состояла из полка пеших велитов (2 батальона), гвардейского пехотного полка (2 батальона) и полка пеших гвардейских егерей (2 батальона), полка гвардейских драгун (2 эскадрона), драгунского полка Королевы (4 эскадрона), который, однако, формально к гвардии не принадлежал, и конной итальянской почетной гвардии (5 рот, условно – 2 эскадрона). «Итальянская королевская гвардия, – записал в дневнике адъютант генерал-адъютанта Нарбонна Каstellан 18 июля, – в отличной форме. Итальянская армия, благодаря вице-королю, выглядит более дисциплинированной, чем остальная армия»^[676]. Кроме этого, в составе кавалерийской дивизии Орнано, также в 4-м армейском корпусе, были два итальянских конноегерских полка (8 эскадронов).

Пруссия, как союзное Франции государство, также была представлена в Бородинском сражении. 1-й сводный уланский и 2-й сводный гусарский полки (всего 8 эскадронов) оказались соответственно во 2-м и 1-м резервных кавалерийских корпусах.

Таким образом, если брать собственно национальный, а не формально-государственный критерий, то получается, что в составе боевых частей пехоты и кавалерии Великой армии на Бородинском поле оказалось 127 французских батальонов и 147,5 эскадрона. Тогда как из неприродных французов было сформировано (без испанского пионерного батальона) 74,5 батальона и 154,5 эскадрона. Следовательно, нефранцузы составили 36,9 % пехоты и 48,8 % кавалерии. Хотя в артиллерии доля иностранцев была в целом меньшей, чем даже в пехоте, тем не менее, армия Наполеона под Бородином вполне может считаться общеевропейской.

Как эти цифры соотносились с национальным составом Великой армии 1812 г. в целом? В литературе на этот счет распространены самые разнообразные суждения. При этом нередко исследователи даже не считают нужным оговаривать, о какой именно части Великой армии идет речь – о всей ли, о первом эшелоне или о войсках, перешедших русскую границу в течение всего 1812 г. Сам Наполеон, говоря о первом эшелоне, часть которого и составили те силы, которые оказались под Бородином, говорил так: «Половина этих 400 тыс. людей была австрийцами, пруссаками, саксонцами, поляками, баварцами, вюртембергцами, бергцами, баденцами, гессенцами, вестфальцами, мекленбуржцами, испанцами, итальянцами, испанцами; императорская армия соответственно на треть состояла из голландцев, бельгийцев, жителей берегов Рейна, пьемонтцев, швейцарцев, генуэзцев, тосканцев, римлян... бременцев, гамбургцев и т. д.; она включала от силы 140 тыс. говоривших по-французски»^[677]. Наиболее убедительную роспись национального состава Великой армии, исходя из боевой силы в 612 тыс., сделал в начале XX в. немецкий историк К. Остен-Сакен. Немцы, по его мнению, в составе собственных контингентов составили 190 тыс. (40 тыс. австрийцев, 23 тыс. пруссаков, 30 тыс. баварцев, 23 тыс. саксонцев, 21 тыс. вестфальцев, 15 тыс. вюртембергцев, 6 тыс. баденцев, 5 тыс. гессенцев, 5 тыс. бергцев, 13 тыс. немцев из небольших германских государств, 9 тыс. швейцарцев), поляки и литовцы – 90 тыс., итальянцы, испанцы, португальцы и иллирийцы – 32 тыс. Таким образом, на долю французских частей приходилось 300 тыс. человек. К этому следует добавить выходцев в составе французской армии из ее «новых» департаментов. Вслед за О. В. Соколовым будем исходить из того, что их было примерно 25 %. Таким образом, получается, что из 612 тыс. 387 тыс. были нефранцузы, а французы составляли в Великой армии только 36,8 %^[678].

Наш обзор национального состава армии, которую Наполеон привел под Москву, позволяет сделать два предварительных вывода. Во-первых, под Бородином оказались лучшие войска Европы, которые смогли преодолеть обширные расстояния, ведя бои и преодолевая неисчислимые преграды. Во-вторых, состав армии, пришедшей под Бородино, достаточно полно отразил национальные особенности Великой армии 1812 г. (исключение может быть сделано только по отношению к швейцарцам, оказавшимся в основном во 2-м армейском корпусе на полоцком направлении, к австрийцам, составившим отдельный корпус К. Шварценберга, а также к неаполитанцам, принявшим участие в войне только на ее заключительном этапе).

2.3.3. Межнациональные взаимоотношения

Воинские части и контингенты разного национального состава были так распределены в Великой армии, что должны были бы не только наиболее эффективно взаимодействовать друг с другом на поле боя, но и формировать многочисленные и разнообразные социальные и психологические структуры, неизбежно развивавшиеся в условиях ведения военных действий. Насколько целенаправленно наполеоновское командование проводило политику национального сближения в рамках Великой армии? В каком состоянии находились ее межнациональные структуры? Насколько они были прочны?

Без сомнения, «национальная» политика на уровне общих принципов в Великой армии существовала. Она начиналась с комплектования войск. «Общие принципы должны строго соблюдаться при распределении новобранцев, – писал 18 декабря 1811 г. Наполеон генералу М. Дюма, занимавшемуся очередным рекрутским набором, – то есть части, предназначенные стоять в Италии, не должны вовсе принимать в свои ряды итальянцев, вообще жителей областей, расположенных по ту сторону Альп, а только уроженцев Дофинэ, Прованса, Лангедока, Лиона»^[679].

Затем в действие вступали многочисленные механизмы, как говорил Наполеон, хорошей военной организации. Позже он скажет об этом так: «Греки на службе великого сюзерена не были увлечены за свое дело! Швейцарцы, на службе Франции, Испании, принцев Италии, не дрались за свое дело! Войска Великого Фридриха, состоявшие большей частью из иностранцев, боролись не за свое дело! Хороший генерал, хорошие кадры, хорошая организация, хорошая инструкция, хорошая и строгая дисциплина делают войска хорошими вне зависимости от дела, за которое они сражаются»^[680]. Наполеон и его командование на практике всегда учитывали особенности национальных воинских контингентов и стремились к тому, чтобы у них возникало чувство общности с тем воинским духом, который генерировали французы. Примеров тому было множество. Так, Наполеон приказал хорватские части, перебрасываемые к границам России, провести через Париж и там осмотрел их сам – это должно было произвести очень благоприятный эффект и уменьшить возможное дезертирство. Польские полки, также двигавшиеся к России из Испании, в Париже встретились со своими товарищами – инвалидами, которых император «призрел за пролитую кровь»^[681]. Уже во время кампании, 14 июля, в Вильно Наполеон при смотре баварских частей, несмотря на дождь, стоял без редингота и перед каждым знаменем снимал шляпу. 22 июля возле Глубокого он вновь посетил этих же баварцев, утешал солдат, обещал улучшить снабжение продовольствием, доверительно разговаривал с рядовыми^[682]. Французское командование, когда было возможно, стремилось довольно тонко учесть национальные особенности своих войск. В конце 1811 г., когда в дивизию генерала Фриана влились два батальона испанского полка Жозефа-Наполеона, Даву специально рекомендовал устраивать для них католические мессы по воскресеньям и в праздничные дни. При этом предлагал присутствовать на них и французам. Зная гордый нрав испанцев, Даву советовал отдавать приказы непосредственно их начальникам, а не через французского бригадного генерала^[683].

Но особенно эффективным средством воздействия на дух иностранных частей Наполеон полагал награждения. До открытия военных действий в 1812 г. наполеоновское командование награждало тех иностранных офицеров, которые, как однажды выразился Даву, «наиболее близки к Франции»^[684]. С началом русской кампании награждения иностранцев стали производиться в массовом порядке. Так, 2 сентября в Гжатске, производя перед генеральной баталией последнее большое награждение орденом Почетного легиона, император включил в списки значительное количество иностранцев. Туда попало даже 8 португальцев^[685]. Особенно массовые награждения чинов иностранных частей Французской армии и иностранных войск Наполеон осуществил после Бородина. Они производились в отношении тех, кто отличился как в генеральном сражении, так и в других боях. 25 сентября был подписан декрет о награждении 122 баварцев, сражавшихся у Полоцка^[686]. 11 октября только в одном 5-м корпусе было награждено 132 поляка^[687]. Это намного позже станут рождаться легенды о черной несправедливости, которую император проявил по отношению к своим союзникам, героически воевавшим под Бородином. Рот фон Шрекенштайн, например, напишет о циничной неблагодарности Наполеона в отношении саксонских кавалеристов, взявших батарею Раевского, приписавшего всю славу французской кавалерии. Документы тех дней говорят о другом. В то время как в списках, поданных на награждение, во французских частях оказалось множество вычеркнутых рукой Наполеона или Бертье фамилий, в полку Гар дю Кор и полку «Цастрова» оказались награждены все 16 человек, имевшиеся в первоначальных списках^[688]. Сам Тильман, как известно, был награжден команданским крестом Почетного легиона^[689].

Вообще, подготовительная документация о награждениях и производствах после Бородина, благодаря пометам и вычеркиваниям фамилий из поданных высшему командованию списков, наглядно отразила особенности проводившейся Наполеоном «национальной политики» в рядах Великой армии^[690]. Наполеон и Бертье, вычеркивая фамилии из списков, стремились выдержать некоторую пропорциональность среди награжденных таким образом, чтобы не вызвать чувства оскорбленного самолюбия нефранцузов.

В отечественной историографии прочно укрепились традиции делать акцент на противоречиях, которые разъедали многонациональную Великую армию. Реально же существовала и иная тенденция – к ее сплочению. Нередко солдаты и офицеры европейских стран, еще недавно воевавшие друг с другом, учились находить общий язык. Конечно, это было непросто. Ложье из 4-го армейского корпуса вспоминал, например, как 29 июля у Сурожа, возле палатки Наполеона, он увидел австрийского штаб-офицера, прибывшего от Шварценберга: «...мы так много в течение долгих лет воевали с австрийцами, что присутствие среди нас штаб-офицера этой национальности вызывало общее удивление»^[691]. Но первое замешательство скоро проходило, и возникало чувство боевого братства. Полк Жозефа-Наполеона, составленный в основном из испанцев, с которыми французы продолжали вести жестокую войну, быстро заслужил всеобщее уважение^[692].

Великолепно сражались два прусских кавалерийских полка. Лоссберг с удивлением и восхищением отметил, что они боролись «с величайшей храбростью против недавних своих союзников. Вот что значит настоящий солдатский дух и дисциплина!»^[693]. Когда тот же Лоссберг услышал 26 августа о героизме баварцев под Полоцком, он с завистью подумал, что и о вестфальцах «могли бы говорить так же... ибо наши солдаты никому в мире не уступают в храбрости»^[694]. В сердцах многих иностранных солдат с течением времени рождалось искреннее чувство преданности французскому императору: «Мои страдания и мои раны, – писал спустя много лет бывший капитан 2-го швейцарского полка Луи Бего, – которые я получил... не изменили моего восхищения старым солдатом великим командиром, императором Наполеоном»^[695]. С гордостью вспоминал о том, как похвалил вюртембержцев во время Бородинского боя Мюрат, лейтенант из 25-й дивизии Карл Зуков^[696], сам, кстати, мекленбуржец. Вообще, в 1812 г. было уже не редкостью, когда иностранные части

демонстрировали даже бóльшую крепость духа, верность императору и его знамени, чем сами французы. По крайней мере, в немецких частях во время отступления от Москвы порядок и дисциплина держались наиболее долго^[697].

Особенно последовательными сторонниками нового духа единой Европы, олицетворением которой стал Наполеон и его армия, были поляки. «Французами Севера» называли их солдаты французских частей^[698]. Большая часть польского дворянства проявила тогда, в 1812 г., небывалый энтузиазм. «Как только распространилось известие о войне, вся молодежь, не ожидая призыва, бросилась к оружию», – вспоминала графиня А. Потоцкая^[699]. Менее восторженно вели себя простые поляки, но и они стали прочным элементом, скреплявшим Великую армию. Лоссберг справедливо писал: «Польский простолюдин... при его привычке к лишениям и раболепию представляет прекрасный материал для солдата... Сюда прибавляется то обстоятельство, что бедному поляку дома нечего терять, поэтому он и чувствует себя счастливее всего, имея в руке саблю, а еще более – пику»^[700]. Вообще, для многих поляков появление Единой Европы, от которой была бы изолирована Россия, нередко представлялось чуть ли не единственным условием возрождения национальной самостоятельности. Пеле в своем исследовании Бородинского сражения привел интересный эпизод. 6 сентября Даву, генерал Фриан и генерал Понятовский углубились ради рекогносцировки в Утицкий лес и обнаружили двух мертвых пехотинцев – поляка и русского, лежавших там с 5-го числа. «Оба солдата, смертельно ранивши друг друга своим оружием и не имея более сил владеть им, сцепились за волосы. По их положению казалось, что каждый из них, прежде чем испустить последний вздох, желал видеть смерть своего противника. Князь Понятовский первый заметил эту группу, лица которой продолжали еще сохранять выражение ненависти. “Вот, господин маршал, – сказал он князю Экмюльскому, т. е. Даву, – пример неискоренимого отвращения, существующего между двумя народами”»^[701].

Самое удивительное было в том, что среди солдат разных наций, долго воевавших бок о бок, стало появляться много общих черт и общих привычек. Когда в мае 1812 г. солдаты Легиона Вислы после длительного времени наконец-то очутились в польских краях, в Познани, они на чем свет стали ругать грязь своих родных мест. «Вообще я заметил, – записал позже офицер 2-го полка Легиона Брандт, – что долгое пребывание в более цивилизованных краях не прошло бесследно для наших солдат и что, несмотря на ежечасно и ежеминутно грозившие нам в Испании опасности, они не прочь были снова вернуться туда и проклинали нечистоплотность своего родного края»^[702].

О том, как удивительно менялись люди разных наций, попадавшие в состав Великой армии, говорит их переписка. Основная масса писем, отправленных из главных сил армии и хранящихся в российских архивах, относится уже к периоду сентября – ноября 1812 г. и поэтому уже несет на себе отпечаток распада многонационального военного организма, который создавал Наполеон. Но письма с родины или отправленные из других частей, находящихся вне России, позволяют составить представление о тех внутренних процессах, которые действовали до сентября 1812 г. и которые, по замыслу императора, сплачивали воинов^[703]. Сразу бросается в глаза обширнейшая география личных связей солдат Великой армии – от Испании и Северной Италии до глухих мест французской провинции и небольших германских местечек. Письма, как правило, находили своих адресатов (исключая, конечно, ситуацию с большинством тех писем, к которым мы обратились, так как они были перехвачены русскими). Так, много посланий, отправленных из Испанской армии от бывших сослуживцев, прибывало вначале в те места, где перед походом в Россию части располагались (в Германию или в Италию). Не найдя адресата, они немедленно, помеченные штемпелем, пересылались дальше, вслед за армией. Адреса не обязательно писались по-французски. Отправитель писал по-итальянски, по-голландски, по-немецки, причем нередко свободным почерком и не всегда предельно точно указывая адрес. Он был уверен,

что письмо все равно придет по назначению – ведь в адресе было указано: «Великая армия»! Особенно забавно указывали адрес итальянцы, предпочитая вместо слова «солдат» писать «Militare» или «Carriere militare». И французы, и итальянцы в любом случае неизменно перед чином, в том числе солдатским или сержантским, обязательно указывали «Monsieur» или «Seigneur». Множество писем было написано по-итальянски с французскими словами, на французском – с итальянскими выражениями; немецкий высокопоставленный офицер мог написать письмо по-французски с приписками по-итальянски. Воины разных наций, постоянно соприкасаясь друг с другом, меняя места своей службы, «завязывая» многочисленные «узелки» между собой, неизбежно учились понимать друг друга.

И все же позитивный вектор во взаимоотношениях солдат многочисленной армии не мог заслонить того напряжения, которое возрастало по мере подготовки к войне с Россией и с началом военных действий. Это определялось рядом обстоятельств. Во-первых, сама национальная политика Наполеона преследовала в первую очередь утилитарные, чисто военные задачи и только затем принимала в расчет долговременные политические последствия. Поэтому неудивительно, что рано или поздно происходило разочарование иностранных солдат в Наполеоне как всеевропейском сюзерене. Это испытывали даже поляки, наиболее последовательные сторонники Наполеона, видя, как тот цинично использует их национальные чаяния, полностью подчинив польскую проблему задачам внешней политики Франции^[704]. Переломным стал 1812 г. По подсчетам Б. С. Абалихина, к маю 1813 г. на русской службе числился уже 11 421 бывший польский военный служащий^[705].

Принятый в наполеоновской армии механизм адаптации иностранцев был нередко груб и прямолинеен. Скажем, Даву, беспокоившийся о духе молодых солдат, «разговаривающих по-немецки», смог порекомендовать генералу Фриану только одно средство: приказать офицерам и унтер-офицерам объяснить, что ждет солдат в случае их дезертирства^[706]. Многие необдуманные решения и назначения, принимавшиеся Наполеоном в начале Русского похода, больно затрагивали национальные чувства иностранцев. Так, в конце июня император полностью раскассировал вюртембергский корпус, низведя кронпринца Вильгельма до положения обычного дивизионного командира. Когда Вильгельм заболел и оставил командование, ему на смену был назначен французский генерал Ж.-Г. Маршан, хотя у вюртембержцев, собственно, был и свой командир генерал-лейтенант И. Г. Шелер. Так, находясь под контролем природного француза, Шелер и должен был вести в бой своих солдат в день Бородинского сражения. То же было в 14-й кавалерийской бригаде, где французскому генералу Ф. О. Бёрману должен был подчиняться вюртембергский генерал К.Л. фон Бройнинг^[707]. Необдуманное назначение французского генерала командующим над немецким контингентом имело особенно пагубные последствия для морального состояния 8-го (вестфальского) корпуса. Лоссберг не раз писал о том, насколько подавляюще действовал на него факт командования корпусом Жюно. «Зачем я свои лучшие годы службы, – сетовал профессиональный солдат, – провожу в корпусе, который при таких обстоятельствах не может быть уважаем ни нами, ни неприятелем»^[708].

Когда Наполеон все же спохватывался, стремясь соблюсти «вежливость» в отношении иностранцев, оказывалось слишком поздно. В Вильно император вдруг захотел произвести несколько лейтенантов гвардии, говорящих по-немецки, в капитаны, направив их в армейские части. Но в гвардии не нашлось ни одного лейтенанта и даже сержанта, происходившего из прирейнских земель^[709]. Начавшиеся еще до открытия военных действий и тем более углубившиеся в России, трудности со снабжением войск вызвали резкое обострение национального эгоизма, особенно со стороны высшего французского командования. Солдаты нефранцузских войск со все возрастающим раздражением обнаруживали, что все магазины для них были закрыты. Обычно они получали ответ, что магазины предназначаются только для гвардии и французских частей. Тогда начиналось

подчас жестокое, соперничество между самими нефранцузскими частями за то, что еще можно было «урвать». Дерясь друг с другом, все между тем посылали проклятия французам.

Во-вторых, все народы, представленные в Великой армии, имели свои неискоренимые национальные особенности, нередко сопротивлявшиеся «перевариванию» в чреве военного организма. Эти особенности были многообразны – от языка до религиозных воззрений и темперамента. Первое, что бросалось в глаза, были языковые барьеры. Несмотря на широкое распространение французского языка, он не мог быть быстро освоен многотысячными массами рядового и даже офицерского состава армий многих европейских стран. Там же, где французские военачальники стремились заигрывать с иностранцами, используя их язык, выходило не всегда убедительно. Многие вспоминали, как во время Бородинского боя Мюрат кричал вюртембержцам по-немецки, чтобы они стреляли. У него получалось то ли «Scheuss», то ли «Schüß», и это вызывало смех. Но когда он, коверкая слова, начал хвалить немецких стрелков, говоря «мерзкий егерь», это уже воспринималось только с раздражением^[710]. Русская кампания, которая потребовала напряжения всех человеческих сил, обнажила и природные, биологические различия европейских народов. Во время боя, на маршах и в госпиталях эти различия хорошо улавливались медиками Великой армии. Воспоминания каждого из них о русском походе пестрят рассуждениями о том, как организм людей разных наций по-разному себя проявлял. Главный хирург Д.-Ж. Ларрей, например, составил следующее представление о национальных темпераментах. Блондины, которых было много среди немцев и голландцев, имевшие флегматический темперамент, хотя и являлись, по словам Ларрея, «сынами Севера», хуже других переносили холод. Сангвинический же темперамент, часто встречавшийся среди южан, наоборот, способствовал преодолению холода и физических трудностей. Доля немцев и голландцев, погибших от холода в 1812 г., оказалась значительно большей, чем французов. Так, голландцы 3-го полка гренадеров гвардии погибли почти все без исключения, в то время как два других полка гренадеров, составленных из французов центральных департаментов, сохранили большинство своих людей^[711]. Наблюдения медиков в 1812 г. показали, что предрасположенность или сопротивляемость дизентерии и тифу также зависели от национальной принадлежности. Немцы заболели дизентерией и тифом в значительно большей степени, чем французы. Врачи это объясняли более нервным национальным характером^[712].

В-третьих, не могла не проявиться глубокая предубежденность одних народов по отношению к другим. Так, французы, убежденные в своем политическом и культурном превосходстве, с явным пренебрежением относились к бельгийцам, голландцам, немцам, итальянцам, испанцам, которых почитали людьми отсталыми и суеверными. Даже поляки, наиболее верные союзники, воспринимались большинством французских солдат как люди убогие. Этому во многом способствовала память о кампании 1806–1807 гг., проходившей на территориях с польским населением. Генерал-адъютант Рапп вспоминал, что для французского солдата «весь польский язык сводился к четырем словам: – Хлеба? – Нема. – Воды? – Зараз... В этих словах для них заключалась вся Польша»^[713]. Явная предубежденность звучит и в словах командира эскадрона, затем – полковника 23-го конноегерского полка А.-М. Марбо: «Иностранцы (которые составили более 1/2 сил Мюрата) все служили очень плохо и часто парализовывали усилия французских войск»^[714]. Иностранцы, со своей стороны, тоже воспринимали многие действия французов как провокацию. Упоминаниями об этом пестрят дневники и мемуары солдат-нефранцузов о кампании 1812 г. Да и могло ли быть иначе? «Не стоит удивляться, что немцы нас ненавидят, – писал один французский ветеран. – Они не могут простить, что мы двадцать лет щупали их жен и дочерей прямо на их глазах»^[715]. Среди самих иностранных солдат существовала сильная предубежденность друг против друга. Невольно обращаешь внимание на то, как иностранные солдаты наполеоновской армии 1812 г. подчеркивали в своих дневниках, письмах и мемуарах национальную принадлежность тех, кто совершил

неблаговидный поступок. Фюртенбах, скажем, с большим удовольствием рассказывал, как в Докшицах, недалеко от местечка Глубокое (между Вильно и Витебском) семь итальянцев воровали с полковой пекарни муку и ею торговали. Честный баварец Фюртенбах прогнал их и поручил хлебопечение местным евреям^[716]. Постоянно возникавшие напряженные ситуации, нервозность обстановки способствовали тому, что даже глубоко спрятанное чувство национальной предубежденности выплескивалось наружу. 23 июля вице-король Италии Богарне, которого итальянские солдаты искренне любили и уважали, во время «разноса» офицеров неожиданно бросил оскорбительные слова в адрес итальянцев как народа. Ложье немедленно отметил, какое ошеломляющее воздействие это оказало на психологическое состояние итальянцев 4-го корпуса^[717].

Те различия в морально-психологическом настроении французского и нефранцузского солдат в рядах Великой армии, которые стали резко проявляться по мере углубления в Россию, дали о себе знать, конечно же, еще до открытия военных действий. Переписка маршала Даву за 1811 г. переполнена сведениями о настроениях дезертирства среди молодых вестфальских, голландских солдат, солдат из Иллирии, из различных немецких областей. Особенно обеспокоило командование восстание в подразделениях 129-го линейного полка, стоявших гарнизоном на о. Бальрум. Организаторами заговора были три су-лейтенанта из бывшей армии Ольденбурга, пытавшиеся бежать в Англию^[718].

Возникает законный вопрос: можно ли на основе этих данных делать далекоидущие выводы (что было характерной чертой почти всех отечественных исследователей – от дворянской историографии до постсоветской) об изначальной слабости многонациональной Великой армии?^[719] В 1999 г. О. В. Соколов на основе анализа послужных списков более 1200 солдат попытался выявить зависимость уровня дезертирства в частях собственно французской армии от национальной принадлежности. Хотя он пришел к выводу о существовании такой зависимости и о большем количестве дезертиров среди солдат иностранного происхождения, но вместе с тем показал, что отличия были не очень значительными (в пехоте дезертирство составило среди французов – 8,2 %, среди немцев – 7,7 %, итальянцев – 10,4 %; в кавалерии среди французов – 10 %, немцев – 14 %, итальянцев – 10,6 %)^[720]. По контингентам вассальных и союзных государств столь же убедительный анализ провести значительно сложнее, однако обширный, хотя и фрагментарный, материал все же заставляет подойти к выводам многих отечественных историков с большой осторожностью.

Дух иностранных солдат начал заметно падать только при столкновении с тяготами военных действий в России. Огромные физические нагрузки во время маршей по бескрайним пространствам, развал системы снабжения, все более частые проявления национального эгоизма со стороны французского командования и рядовых французских солдат угнетающе воздействовали на душевное состояние иностранцев. По подсчетам О. В. Соколова, сделанным на основе документов Г. Фабри, с 25 июня по 3 августа 1812 г. французские пехотные дивизии уменьшились на 25–30 %, в то время как союзные – на 43–53 %^[721]. Межнациональные столкновения стали приобретать все больший размах. Дело доходило до вооруженных столкновений. Французское командование жесткими мерами пыталось бороться с беспорядками. Ж.-Р. Куанье, су-лейтенант пеших гвардейских гренадеров, вспоминал, как у Вильно из его маршевого батальона убежало 133 испанца. Они были задержаны. 62 из них расстреляны. «Боже! Какая это была сцена!» – восклицал Куанье^[722]. Эти меры еще более увеличивали пропасть, которая стала возникать между французами и нефранцузами армии Наполеона.

Усиливался и еще один канал негативного воздействия на моральное состояние иностранных солдат – через письма с родины. До поры до времени мощные механизмы Великой армии демонстрировали удивительную способность нейтрализации среди иностранных солдат тех антифранцузских настроений, которые были широко распространены в вассальных и

союзных государствах. Но с началом военных действий в России эти механизмы стали ослабевать.

Интереснейшую картину взаимодействия настроений и слухов в Вестфальском королевстве с реальными событиями, происходившими летом и осенью 1812 г. в России, можно увидеть, обратившись к публикациям К. И. Раткевич и С. Н. Искюля, работавших с документами знаменитого «Вестфальского архива», хранящегося в Отделе рукописей РНБ. Донесения различных чинов вестфальской полиции в 1812 г. свидетельствовали о том, что многие антифранцузски настроенные подданные Вестфальского королевства стали выражать надежду на провал Русского похода. Если еще в 1811 г. они могли рассчитывать, что поднимется Пруссия, то после заключения ею союзного договора с Францией все надежды оказались связанными с поражением Наполеона в России. Генеральный комиссар тайной полиции департамента Верра Вольф доносил, что население злорадно предрекало гибель Великой армии, «после чего все рухнет»^[723]. Население упорно стало повторять баснословные цифры размеров войска, которое Россия будто бы готова выставить против Наполеона. Кое-где народная молва говорила о том, что руководители восстаний 1809 г. поступили на русскую службу и что среди них есть даже майор Шилль, о смерти которого стало известно 3 года тому назад! Еще не начались военные действия, а в мае 1812 г., согласно слухам, прусский генерал-лейтенант Г. Л. Блюхер уже перешел к русским с целым кавалерийским корпусом^[724], а чуть позже, в начале июня, пополз слух, что русские намерены завлечь Великую армию в глубь страны и уже опустошили местность, по которой пойдет Наполеон. Самое поразительное, что слухи о генеральном сражении родились еще в феврале 1812 г.! В департаменте Верра тогда стали упорно говорить о крупных сражениях, будто бы имевших место где-то на севере или на востоке и проигранных французами^[725]. Накануне и после начала военных действий в вестфальские города, местечки и деревни начали приходить многочисленные письма солдат, чаще всего недавно мобилизованных. Они вполне откровенно, нередко даже сгущая краски, надеясь на присылку из дома нескольких крейцеров или белья, описывали тяготы похода. Каждое такое письмо ходило по рукам. Его читали в харчевнях, на постоянных дворах, в гостиницах. «Теперь милые родители, – писал домой гренадер 3-го вестфальского линейного полка Фигнер, – расскажу, как плохо справил я пасху и троицу, наверное они были лучшими для самого бедного человека на земле, чем для меня и остальных: на троицу нам дали так мало еды, что хлеба мы получили едва 1 фунт на 3 дня. <...> Так как мы не получали ни мяса, ни овощей, то мы с голода 30 человек убили собаку и потом собирали крапиву и сварили щи и потом натопили собачьего сала, а мясо этой большой собаки ели»^[726]. «Мне сейчас очень тяжело, я так давно ничего не получал (жалованья. – В.З.). Угощения тоже нет, еды мало, так что приходится пропадать», – писал солдат Рункель 14 июля, уже на русской территории^[727]. «Теперь мы должны учиться терпеть голод и жажду. Наши лица совершенно изменились, стали коричневыми, как каштаны, а усы меня совершенно изменили», – написал он же через два дня^[728].

Как ни странно, но несмотря на всю изощренность контроля над настроениями, военная цензура Великой армии оказалась не в состоянии перехватывать множество таких посланий. Наша собственная продолжительная работа с письмами 1812 г., отправленными как в армию, так и из нее, подтверждает, что в личных письмах, посланных даже по армейской почте, очень часто содержалась такая информация, передавать которую таким образом в XX в. не рискнул бы даже самый наивный человек. Кроме того, помимо почты, существовали и иные способы переправлять весточки на родину или получать письма из дома, скажем с оказией, что постоянно и практиковалось.

Письма солдат как бы подтверждали те фантастические слухи, которые уже давно циркулировали на родине. В свою очередь, письма, получаемые из дома и наполненные

сетованиями родных по поводу того, что происходит в России, еще больше угнетали солдат и заражали их теми настроениями, которые уже давно были распространены на родине.

В первых числах сентября, когда сообщения о Бородинском сражении, происходившем с 5 по 7 сентября, еще просто не могли дойти до Вестфалии, в одной харчевне в Роттенбурге заезжий адвокат рассказывал о том, что «недавно происходил трехдневный бой, и армия Наполеона потерпела решительное поражение»^[729]. К середине сентября уже стали говорить о том, что Наполеон тяжело ранен, а Мюрат убит. Когда наконец пришло официальное сообщение о Бородинском сражении как о решающей победе Великой армии, оно встретило бойкот и полное непонимание жителей Вестфалии^[730]. Многие этому просто не верили!

Пожалуй, в этой удивительной механике слухов, когда человек слышал то, что хотел услышать, и кроется объяснение своеобразия воздействия Бородинского сражения на умонастроения в вассальных и союзных Наполеону государствах. Косвенное и долговременное воздействие великой битвы оказалось более важным, чем ее непосредственные результаты. То же было характерно и в плане морального воздействия Бородина на нефранцузских солдат Великой армии. Общая атмосфера на родине, все более сочувственная к русским и все менее благоприятная для французов, спустя некоторое время после Бородина начинала сказываться и на солдатах, нейтрализуя факторы межнационального единства Великой армии и вызывая внутренний распад ее интернационального организма. Уже упоминавшийся генеральный комиссар департамента Верра в своем отчете от 5 ноября 1812 г. в Кассель нарисовал любопытную картину, которую застал в одном из клубов. В зале вокруг стола столпились завсегдатаи клуба и с жадным вниманием слушали, как комендант города читал, смакуя каждое слово, письмо из армии от какого-то вестфальского генерала. В письме генерал рассказывал о больших потерях французов под Бородином и восхищался мужеством русских. Участники сцены были представителями влиятельных кругов^[731]. Начинался распад Единой Европы и общеевропейской армии.

Подведем некоторые итоги. Великая армия 1812 г., сердцевиной которой были французские части, обладала сильнейшим потенциалом, способным «переваривать» разнообразные национальные элементы. В случае победоносного похода против России эти иностранные солдаты стали бы сильнейшими агентами французского проникновения в своих землях, а оппозиционные наполеоновской Европе элементы были бы эффективно нейтрализованы. Однако война с Россией вызвала необходимость таких гигантских усилий со стороны солдат Великой армии, что это не могло не вызвать напряжений и даже разрывов в пока еще только возникавшей структуре многонационального единства наполеоновской Европы. К моменту генеральной битвы под Бородином многонациональная Великая армия была еще сильной и сплоченной, хотя и больной изнутри. Ее явный распад начался позже и был связан в целом с провалом похода на Россию.

2.4. Социальные структуры. Человек и Власть

Солдат Наполеона, сражавшийся под Бородином, был продуктом сложнейших социальных механизмов, сложившихся в рамках Великой армии. Что представляли собой эти социальные институты в 1812 г.? Насколько эффективным было их воздействие на поведение солдата? Как проявился в ходе драматических событий 1812 г. кризис этого социального организма и насколько он был связан с Бородинским сражением?

2.4.1. Механизмы «абсорбции» человека Великой армией

Обратимся, прежде всего, к тому, что же представляла собой система мотивации поведения солдата Великой армии и каким образом эта система преобразовывала инстанции внешнего контроля в механизмы внутреннего самоконтроля человека.

Военная пропаганда Наполеона начинала «обрабатывать» человека еще до того, как он призывался на службу. Разнообразные пропагандистские структуры – от красочных военных церемоний, устраиваемых для публики, до знаменитых императорских бюллетеней – все должно было воздействовать на молодого человека, нейтрализуя в его сознании естественное сопротивление службе в армии^[732]. Однако в подавляющем большинстве конскрипты все же расставались с гражданской жизнью с глубоким сожалением, а то и переживали подлинное чувство горя. Да и могло ли быть иначе в условиях нескончаемых войн? По убедительным подсчетам О. В. Соколова, домой в конечном итоге возвращалось чуть более половины призывников, причем 1/2 из них дезертировала либо вернулась из плена после войны^[733].

Каким же образом армия «абсорбировала» новобранцев?^[734] Первоначально «работа» с новобранцем, еще не попавшим в полк, сводилась к тому, чтобы не допустить его дезертирства или суицида. Для нейтрализации стремления к побегу широко практиковались беседы с объяснением того, что беглеца ожидает. Помимо помещения беглых рекрутов в специальные дисциплинарные части, с 1811 г. стали все чаще использовать и более суровые наказания. По декрету от 2 февраля 1811 г. была введена смертная казнь для руководителей заговора с целью дезертирства, а при особых обстоятельствах – и для главных исполнителей. По декрету от 23 ноября 1811 г. вводилась смертная казнь для тех, кто был ранее прощен за дезертирство, но не возвратился к своим частям^[735]. Чтобы исключить самоубийство рекрутов с наиболее неустойчивой психикой, опытные капралы и сержанты, а то и офицеры, сопровождавшие конскриптов в полковое депо, пытались всячески отвлекать их от грустных настроений, расписывая прелести солдатской жизни.

Как правило, новобранец попадал вначале в 5-й батальон полка, который представлял собой депо части. Обычно он состоял из четырех фузилерных рот, каждая из которых несла свои функции. 1-я и 3-я роты были ответственны за транспортировку рекрутов, с которыми было закончено первоначальное обучение, в действующие батальоны, 2-я – использовалась для охраны местных объектов, а состав 4-й тренировал рекрутов, обеспечивая в то же время полк кадрами ремесленников, а также включая в себя ветеранов, ожидавших отставки, и пенсионеров. Здесь, в депо, рекрут проходил «солдатскую школу» (*école de soldat*), обучение в которой состояло из трех частей. Вначале новобранец учился держать оружие, затем – его содержать и стрелять, наконец – двигаться, в том числе в составе небольшой группы. После этого солдата учили выполнять маневры в больших массах, но в составе не более роты. Все те механизмы, дробившие действия человека на мельчайшие движения, а потом соединявшие их в жесткой последовательности и разработанные еще при Старом порядке, теперь еще более были усовершенствованы. Не случайно базовым регламентом в течение всей эпохи Империи оставался регламент 1792 г., вобравший в себя богатый опыт обработки и контроля за человеком дореволюционного времени^[736]. Постоянные тренировки и жесткий контроль за любым движением рекрута начинали превращать его в почти абсолютно послушный механизм. Молодой солдат должен был делать шаг в 65 см. При этом, двигаясь «обычным шагом», он должен был проходить 76 шагов в минуту, «походным» – 85–90, «быстрым» – 100, «шагом атаки» (*pas de charge*) – 120, «шагом погони» (*pas de course*) – 200–250. После прохождения первоначального обучения, которое обычно называлось ротной школой, молодых солдат сбивали в маршевые батальоны и под охраной солдат из 1-й и 3-й рот депо отправляли к действующим батальонам.

Благодаря документации корпуса Даву кануна войны 1812 г., попавшей в наши архивы, можем довольно ясно представить, как именно шла обработка молодого солдата дальше. Даже в составе новых батальонов, которые формировались Даву в старых полках, было значительное число опытных унтер-офицеров и капралов, имевших стаж службы более двух лет. Кантонирование было организовано таким образом, чтобы молодые солдаты были вместе со старыми. Кроме ротных, была организована система полковых школ, ориентированных на 2–3 месяца обучения. Вместе с опытными солдатами молодые бойцы

отрабатывали различные практические навыки в организации патрулирования, рекогносцировки, осмотре рощ, населенных пунктов, навыки пересечения оврагов, защиты орудий и т. д. Даву даже решился на базе этих школ обучить всю свою пехоту действиям в застрельщиках. Обучавшими стали роты вольтижеров, которые показывали примеры для рот центра при действиях на пересеченной местности с использованием всех возможных укрытий, а также при действии против кавалерии. Наставление для войск, подготовленное в этих целях, оказалось весьма удачным. Даву и его генералы часто инспектировали эти полковые школы и следили за регулярной выдачей довольствия, положенного солдатам. В полковых школах для кавалерии, практиковавшихся с 1810 г., «обкатывались» не только люди, но и лошади. К обычным тренировкам добавлялись серии маршей – вначале в группах по 4 человека, затем – взводом и дивизионом. С помощью специальных приемов лошадей приучали к шуму боя^[737].

При этом система жестких наказаний для дезертиров продолжала сохраняться. В ноябре 1811 г. Даву даже потребовал от Наполеона разрешить расстреливать всех, кто «покидает знамена»^[738]. В ожидании решения Наполеона Даву приказал своей властью в корпусе в случае дезертирства группы из двух человек расценивать это как заговор, выявлять его организатора и расстреливать. При продвижении Великой армии к Неману в 1812 г. в каждом армейском корпусе была создана специальная комиссия, разбиравшая дела отлучившихся солдат, мародеров и грабителей. Комиссия выносила смертные приговоры в течение 24 часов. Существовали специальные мобильные колонны, отлавливавшие одиночных солдат^[739]. Применялись и меры морального воздействия с целью уменьшения бегства молодых солдат. В Минске, например, Даву приказал 127-му линейному полку, в котором наблюдалось значительное дезертирство, пройти по фронту остальных полков с дубинами в руках вместо ружей^[740].

Практика показывала, что после двух лет службы солдаты практически уже не дезертировали^[741]. Многие конскрипты, попавшие в армию из маленьких грязных деревень, где жизнь их была заполнена тяжелой монотонной работой, вскоре находили новый образ жизни не таким уж плохим. Теперь они были обеспечены питанием, одеждой, перед ними открывался большой мир, другие страны; они могли стать сержантами и получить награду. Сердца их все более наполнялись гордостью.

При обращении к письмам, отправленным из Великой армии и посланным в нее, бросается в глаза одна деталь. Солдаты, значительную часть которых составляли те, кто начал службу недавно, поддерживали переписку с родными, которых не так давно оставили. «Получили твое письмо, рады, что ты здоров», – пишет 14 марта 1812 г. из местечка Сент-Бенуа-на-Луаре отец солдату линейной пехоты. Письмо заполнено новостями о друзьях и знакомых из «той жизни», о сельскохозяйственных делах^[742]. «Мой дорогой Гаспар, мой дорогой сын», – пишет мать из Кале, сообщая семейные новости о том, кто и куда ездил во время зимних месяцев^[743]. О крестьянских делах, о том, что уродилось много хлеба, пишет отец 19 августа 1812 г. солдату Луи Обри из 19-го линейного^[744]. О своей усталости от похода сообщает солдат Маршал кюре прихода д'Альанвиль в департаменте Марна, где, видимо, он ранее жил. Дойдя до Москвы и оказавшись на ее пепелище, солдат пишет о том, что он огорчен известием о смерти своего дяди и горюет из-за его жены, которая осталась одна с маленьким мальчиком^[745].

Совсем иное дело – письма старослужащих солдат или сержантов. Переписка с домом почти прекращается. Человек обретает другую семью, его интересуют теперь дела службы и новости от своих прежних сослуживцев. О своем планируемом переходе в оркестр 35-го линейного полка сообщает из Москвы своему бывшему сослуживцу в Майнц музыкант Ж. Фишер из итальянской гвардии. Его волнует вопрос о перспективах продвижения и повышения жалованья^[746]. Просит извинения у жены за то, что давно не писал, солдат 21-го

линейного полка Ф. Пулашо, отправивший послание из Москвы. Из его слов о том, что «мы уже 7 месяцев на биваках», можно понять, что весточками своих родных он балует все реже и реже^[747]. У солдата постепенно не оставалось других надежд, как жить изо дня в день служебными делами, не оставалось других связей, кроме связей со своими армейскими товарищами. Как огорчался теперь солдат при разлуке со своим полком, когда прерывалось столько уже укоренившихся привычек, с которыми было связано столько воспоминаний! Только среди своих боевых друзей – от небольшой группы в 6–8 человек, питавшихся из одного котелка (она называлась капральством или «котелком»), до своей части – человек чувствовал себя уверенно, обретая ощущение коллективной силы. Военная семья подталкивала его к деятельности и дерзости, уничтожала или ослабляла чувство опасности и личной ответственности.

2.4.2. Структуры внутренних связей

Хороший полк французской армии являл собой истинную семью. С 1803 г., когда полкам для пополнения состава были определены специальные районы для набора рекрутов, в одной части нередко оказывалось много земляков. А так как жители каждой провинции отличались своим характером (бретонцы – меланхоличностью, бургундцы – веселостью, жители Лотарингии – честолюбием и воинственностью, гасконцы – бахвальством и склонностью к интригам и пр.), войсковая часть приобретала как бы свой характер, а солдатам ее было легче найти друг с другом общий язык. Когда в бою под Островно 27 июля 1812 г. Наполеон спросил у отличившихся вольтижеров, кто они, солдаты радостно сообщили, что «из 9-го линейного и на три четверти дети Парижа»^[748]. В тех полках, при формировании которых этот принцип почти не соблюдался (как, например, в частях гвардии), солдат-земляков разных частей все равно неизменно тянуло друг к другу. С чувством ностальгии вспоминал много лет спустя А.-Ж.-Б.-Ф. Бургонь, служивший в начале русского похода сержантом-вольтижером в полку фузелеров-гренадеров Молодой гвардии, как под Витебском он очутился в компании своих земляков из Конде, служивших в 61-м линейном корпусе Даву. Весь вечер 28 июля они провели вместе, разговаривая и попивая вино. А позже, уже под Москвой, Бургонь с тяжелым сердцем узнает, какая судьба была уготована его землякам на Бородинском поле^[749].

Конечно, отношения между солдатами в полку отнюдь не были идиллическими. Так, прибывшие в полк новобранцы, как правило, проходили разного рода инициации, часто отнюдь не безобидные. В любом случае вновь прибывшие должны были угостить выпивкой своих будущих сослуживцев^[750]. Нередко имели место и схватки между двумя солдатами, группами солдат, а то и столкновения «полк на полк»^[751]. Хотя командование часто предпочитало закрывать на это глаза, но в случае серьезных инцидентов зачинщиков приходилось наказывать. Вообще же сосуществование «официальных» и «неофициальных» структур было делом достаточно тонким. Иногда командование боролось с «неформальными» социальными структурами в части, а иногда стремилось ими воспользоваться, как, например, своеобразным солдатским самосудом «саватом». Тот, кто был уличен в трусости в бою, получал удары башмаком по ягодицам, теряя тем самым надежду на служебное продвижение и уважение товарищей^[752].

Иногда, в условиях военных действий, появлялись своеобразные неформальные ассоциации, или, как их еще называли, «клики» и «клики смельчаков» («cranes» или «loustics»). Это были своего рода содружества «дурных голов и храбрых сердец». Их члены брали на себя обязанность оказывать помощь или поддержку в любых тяжелых обстоятельствах, особенно перед лицом врага. Для того чтобы опознавать друг друга, они делали насечку ножом на первой пуговице первого ряда своей униформы^[753]. В условиях отступления из России, но не ранее (!), когда формальные воинские структуры практически стали распадаться, возникли маленькие корпорации под названием «cteries de fricoteurs». Это были группы мародеров,

поставившие целью выжить любой ценой, в том числе, и прежде всего, за счет грабежа. «Фрикотеры» жестко следовали принципу не принимать в свои ряды чужаков, относясь ко всем, не состоявшим в банде, как к врагам^[754]. Но это будет уже во время страшного отступления... До Бородинского сражения и сразу после него, вплоть до начала грабежей в горящей Москве, опасные для армии и ее духа социальные структуры не играли определяющей роли.

2.4.3. Система поощрения

Наполеоновская армия использовала эффективную систему поощрений и наказаний. Это была не просто «дрессировка» человеческого существа. Система поощрения, включая в себя важные элементы социальной защиты, открывала возможности для социального продвижения и изменения общественного статуса. Чтобы по достоинству оценить эти социальные мотивы, руководившие наполеоновским солдатом в битве под Бородином, остановимся на этом вопросе подробнее.

Во-первых, не только для офицеров, но и для рядового и сержантского состава было определено денежное жалование, которое выплачивалось в соответствии с чином и должностью. Официально рядовой пехоты должен был получать в месяц 9 франков, капрал – 14, сержант – 18, старший сержант – 24, старший унтер-офицер – 48 франков, а, скажем, первый кларнетист в полковом оркестре имел оклад в 100 франков!^[755] Для соотнесения с ценами отметим, что баран в те годы стоил 10 франков, башмаки – 4 франка. Денежные выплаты выглядят тем более значительными, что к вышеприведенным размерам жалования полагались надбавки за выслугу лет, «квартирные», за фураж и пр. Тарифы по денежным выплатам заметно увеличивались во время кампаний^[756]. Кроме того, практиковались разовые денежные вознаграждения за проявленную в бою доблесть. Среди трофейных бумаг Великой армии, хранящихся в российских архивах, имеется большое число документов о такого рода денежных премиях после Бородинского сражения. Обычно для «нижних чинов», младших офицеров и чиновников эта сумма составляла от 400 до 500 франков!^[757] Были также определены и пенсионные выплаты для солдат-инвалидов и ветеранов. Увечные и престарелые могли полностью содержаться за государственный счет в системе специальных приютов, а ветераны, еще способные служить, могли состоять в полувоенных формированиях, жить в особых лагерях, при этом занимаясь хозяйством. Вдовы и сироты погибших солдат получали (точнее – должны были получать) разовые дотации и ежегодные пенсионные. Сироты имели преимущества при поступлении в лицеи и специальные военные школы^[758].

Во-вторых, система денежного поощрения и социальной защиты сочеталась с возможностью для солдата изменить свое социальное положение, прежде всего в рамках самого военного организма. Иерархичность и соперничество – вот что делало армейский организм, по мысли Наполеона, жизнеспособным и динамичным. Хорошо показавший себя и отличавшийся ростом и физической силой солдат мог быть зачислен в элитную гренадерскую роту. Расторопный и смывленный, но имевший небольшой рост, попадал в роту вольтижеров, которая также считалась элитной. В среднем около 8 % рядовых солдат получали капральские и сержантские нашивки^[759]. Конечно, далеко не многие могли стать офицерами, и все же... Мы уже останавливались на том, как накануне и после Бородина Наполеон осуществил массовые производства лиц сержантского состава в сублейтенанты. Так, в 17-м линейном полку 7 августа было произведено сразу 15 человек, в 30-м линейном – 7 человек; 9 августа в 19-м линейном – 8; в Дорогобуже 26 августа в 93-м линейном – 5; 2 сентября в Гжатске в 24-м легком – по крайней мере, – 14, в том же полку 23 сентября – 15 человек!^[760] В общем, война и сражения открывали возможности для многих солдат.

Конечно, главным препятствием к получению офицерских эполет было отсутствие у выходцев из народных низов образования. Но и здесь были исключения. Брандт вспоминал,

как в Смоленске во время смотра полка Легиона Вислы Наполеон распорядился сделать «украшенного орденом сержанта с тремя нашивками на рукаве (имелись в виду нашивки за выслугу лет; три нашивки означали более 20 лет беспорочной службы. – В.З.)» офицером. Услышав со стороны окружающих, что сержант неграмотен, император произнес: «Эти бедные неграмотные солдаты, которых никто не хочет знать, часто бывают прекрасными офицерами»^[761].

Но самым желанным для солдата было получение беленького крестика Почетного легиона. Далеко не все награжденные становились «принятыми» в организацию Ордена. Однако как награда орден был универсальным в социальном и национальном плане, и его кавалерами с 1807 г. почти поровну становились как офицеры, так унтер-офицеры и солдаты. Массовые награждения производились после каждого сражения или крупного боя, а нередко и в преддверии сражения. Так, многочисленные награждения были произведены Наполеоном после Смоленска, когда, по словам Сегюра, «нужно было превратить поле битвы в поле триумфа»^[762]. 12, 21 и 127-й линейные и 7-й легкий получили 87 крестов. Много было награжденных и в 93-м линейном из корпуса Нея^[763]. Позже, уже в Москве, сублейтенант 12-го линейного Ж.М.Ф. Пари писал домой матери о том, что 20 августа император сделал смотр полку, дав 31 крест и произведя многих сержантов в офицеры. Но так как Пари был ранен 17 августа, он не присутствовал на смотре. Однако, догнав полк перед самым Бородинским сражением, он с радостью узнал, что стал суб-лейтенантом и, как раненый офицер, получил от императора 10 наполеондоров^[764]. Император, готовя солдат к генеральной баталии, продолжил награждения в Гжатске. 2 сентября император наградил, по меньшей мере, 307 человек!^[765] Настоящим потоком белые крестики посыпались уже в Москве, после Бородина. 23 сентября получили желанные награды 106 человек из гвардейской артиллерии, 21 из гвардейского обоза, 10 октября – 41 человек из 25-го линейного, 31 – из 61-го линейного, 28 – из 111-го линейного и т. д.^[766] Хотя точное количество награжденных по всей армии за Бородино определить крайне сложно, но очевидно, что оно превосходило размеры подобных массовых награждений, как, например, за Фридланд, когда было вручено рекордное число легионерских крестов (более 600).

Представление к награждению происходило двумя путями. Либо командир части составлял список отличившихся, либо награждавшийся представлял свой рапорт вместе с послужным списком командиру части, и последний ходатайствовал перед начальником генерального штаба. Окончательное решение принимал Наполеон. И Бертье, и император нередко вычеркивали многие фамилии, пытаясь либо добиться соразмерности в награждении между различными категориями военнослужащих, либо выразить тем самым сомнение по поводу истинных заслуг той или иной части. В последнем случае вряд ли учитывалось соотношение персональных заслуг тех, кто оставался в списке, и тех, кто из него вычеркивался. Вообще же такой механизм награждения нес в себе немалую долю несправедливости, нередко оскорбляя достойных солдат и давая возможность тем, кто имел протекцию в штабах, при удобном случае получить крестик. Так, в общем списке офицеров к награждению за Бородино, подготовленном генералом Груши, значилось имя его сына адъютанта Альфонса Груши. Кто-то из двух, Бертье или Наполеон, вычеркнул его из списка. Однако уже вскоре Альфонс все-таки стал офицером ордена Почетного легиона^[767]. Отец быстро уладил допущенную «ошибку». Совсем иначе обстояло дело с солдатами или даже с офицерами без протекции. Сколько раз был представлен к ордену знаменитый капитан Франсуа из 30-го линейного, и всякий раз по непонятным для него причинам его имя вычеркивалось! Наконец, 11 октября 1812 г. на императорском смотре в Москве, когда Наполеон производил награждения за Бородино, Франсуа попытался сделать вещь, которую от него никто, и он сам тоже, не ожидал. Когда император, увидев раненого Франсуа в строю, спросил полковника Ш.-Ж. Бюке, где тот был ранен, а затем – что он требует в качестве награды, капитан попытался просить денег! Франсуа, вконец уставший от солдатской жизни, ран и неблагодарности, стал подумывать о том, чтобы хоть как-то обеспечить себе старость. Но его

опередил полковник Бюке: «Крест!» – закричал он. Эта награда, очень долго ожидавшаяся Франсуа, вызвала в его душе разочарование. Кстати, беленький крестик Франсуа не получит и в этот раз!^[768] Для чиновного аппарата Великой армии это стало уже делом обычным: театральный жест императора, призванный воодушевить бойцов, нередко заканчивался для солдата горькой обидой и разочарованием.

И таких оскорбленных после Бородина оказалось немало. Никак не были отмечены блестящие действия двух испанских батальонов полковника Чюди 5 сентября у д. Шевардино, хотя командир дивизии генерал Л. Фриан и сделал «очень лестный рапорт Даву»^[769]. Был вычеркнут из списков, как, впрочем, многие из дивизии Сен-Жермена, старший вахмистр 2-го кирасирского Тирион^[770]. Уже много лет спустя будет вспоминать о несправедливости, проявленной к нему и его доблестно сражавшимся под Бородином солдатам 33-го линейного, генерал Ван Дедем^[771]. Все эти люди были очень разными по характеру, по социальному положению в наполеоновской иерархии, и это делает очевидным только одно: механизм поощрения в Великой армии 1812 г. давал серьезные сбои. Рядовые солдаты хорошо представляли, что, даже если они выживут и выйдут в отставку, их пенсии будет явно недостаточно, чтобы прокормить себя. За каждые три года службы отставник должен был получать 91 франк 25 сантимов в год^[772]. Система всех остальных «вспомоществований» была достаточно случайной. Так, ампутированные в кампанию 1809 г. получили дотацию в 500 франков ренты, но те, кто воевал и стал инвалидом в Испании, не получили ничего. Вдовы тех, кто был убит при Аустерлице, получили ренту в 200 франков, тогда как обычно получали только 60 франков^[773]. Все, в конечном итоге, зависело от решения императора и случайности.

Но главное, уже обычной практикой в 1812 г. была частая задержка жалованья. Так, солдаты дивизии Жерара не получили ни су после отбытия в мае 1812 г. из Торна, а офицеры, которые были переброшены в Россию из Испании, не получали жалованья с февраля 1811 г.!^[774] Для многих, особенно для офицеров, это создавало невыносимую ситуацию. 2 сентября возле Гжатска, когда войскам было объявлено о предстоящем генеральном сражении, офицер Межан из 13-го легкого полка 1-й дивизии 1-го армейского корпуса писал директрисе приюта в местечке Мепине департамента Ипр. Недавно он получил письмо от своей матери, которая содержалась в этом госпитале, и узнал, что та нуждается в деньгах. Сын, озабоченный отсутствием у него денег, которые бы он мог прислать, обратился к директрисе с просьбой написать банкиру Бонне де Ноксу, жившему в Париже, чтобы он выдал по его просьбе 200 франков на нужды матери^[775]. А вот письмо Франсуа Шарто, военного чиновника, состоявшего при администрации фуражирования, отправленное 27 сентября из Москвы своей матери. Он сетует, что уже давно не получал жалованья и очень огорчен, что может послать домой только несколько франков^[776]. Ситуация с задержкой жалованья была в Великой армии 1812 г. обычным делом и не могла не сказываться на моральном состоянии солдат и офицеров, шедших в бой под Бородином.

2.4.4. Социальные структуры офицерского корпуса

Вопросы, связанные с социальным происхождением офицеров, их подготовкой, доходами и в целом системой стимулирования, не раз рассматривались в исторической литературе. Среди работ последних десятилетий особенно выделяются труды Ж. Удайля, Ж.-П. Берто, О. В. Соколова, Р. Блауфарба и М. Хьюза^[777]. Основными выводами этих работ можно считать следующее. Социальное происхождение офицерства приобрело более демократичный, чем при Старом порядке, характер. Основную массу в офицерском корпусе составили представители средних классов, более четверти – выходцы из крестьян и ремесленников. Но при этом было немало выходцев из дворянства. Жалованье офицеров стало значительным, в идеале – обеспечивало им прочное материальное положение^[778], в то время как значение иных, неслужебных доходов заметно сокращалось. Основная масса офицеров имела к 1812 г.

значительный срок выслуги. Для лиц в звании от капитана до полковника он был от 18 до 22 лет. Причем это сочеталось с великолепными средними показателями по возрасту офицеров: командиры батальонов были лет сорока, капитаны – 35–40 лет, лейтенанты – более 30 лет. Правда, к 1812 г. стало заметно увеличиваться количество молодых су-лейтенантов и лейтенантов благодаря деятельности специальных военных школ и лицеев, но это не оказывало негативного влияния на качество офицерского корпуса. Учебные заведения – Сен-Сирская военная школа, Политехническая школа, Сен-Жерменская кавалерийская школа и Ветеринарная школа – выпускали отличных специалистов. В целом офицерский корпус был великолепен.

Без сомнения, эти выводы, сделанные на основе социологических подходов и количественных данных, чрезвычайно важны. Однако без обращения к личностному аспекту и без выявления особенностей человеческих взаимоотношений в среде тех офицеров и генералов, которые оказались на Бородинском поле, многое останется непонятным. Важнейшим моментом, не поддающимся количественному измерению, является система родственных и служебных связей. Воистину поразительно, насколько сроднились между собой многие офицеры и генералы Великой армии! Так, начальник 1-го армейского корпуса маршал Даву был женат на Луизе Эме Жюли, приходившейся сестрой генералу В.-Э. Леклерку, который был первым мужем сестры Наполеона Полины Бонапарт. Генерал Фриан, командир 5-й пехотной дивизии, находившийся в подчинении у Даву и на которого маршал уверенно мог положиться, был мужем одной из дочерей Леклерка – Луизы Франсуазы Шарлотты. Дядя Даву барон Ж.-Ш.М. де Бопре служил в чине бригадного генерала в штабе 1-го корпуса. Брат жены Даву граф Леклерк дез Эссар, также в чине бригадного генерала, служил в 3-й пехотной дивизии того же 1-го армейского корпуса. Маршал, будучи контужен 7 сентября, уже на следующий день первым делом сообщил жене о том, что ее брат и дядя вышли совершенно невредимыми из сражения^[779]. В том же 1-м корпусе бок о бок служили генерал Фриан и его сын, капитан Жан Франсуа, бывший адъютантом у отца. Они оба будут ранены в ходе сражения. Вместе оказались на поле сражения под Бородином генерал Ж.-М. Дессэ, командир 4-й пехотной дивизии корпуса Даву, оба его брата. При штабе Даву находился майор Ле Руа, сын которого сержантом воевал в 85-м линейном того же корпуса. После страшного сражения они будут разыскивать друг друга.

Адъютантом в чине начальника эскадрона состоял при своем отце генерале Груши его сын Альфонс-Фредерик-Эммануэль. Брат жены Груши Луи-Адольф Ле Дульсе де Понтекулан, закончив в мае 1812 г. военную школу в Сен-Сире, тоже поспешил добратся до России и, став лейтенантом 19-го конноегерского полка, оказался при штабе Груши. Он будет взят в плен в Вильно. Сын великого камергера А.Е.П. графа де Монтескье Фезенсака командир эскадрона Раймон Эмери-Филипп-Жозеф де Монтескье барон Фезенсак был определен поближе к своему кузену генерал-адъютанту Нарбонну, который время от времени сообщал своему родственнику об успехах сына^[780]. Причем сам барон Фезенсак был женат на дочери военного министра А.-Ж.-Г. Кларка, герцога Фельтрского, и, перенося тяготы русского похода, постоянно вспоминал о своем маленьком сыне, родившемся в декабре 1810 г. Адъютантом у Ф.-П. Сегюра был капитан Жозеф Альбер Баклэ д'Альб, сын начальника топографического кабинета императора^[781].

Будет тяжело ранен под Бородином полковник 7-го драгунского полка барон Луи-Амбруаз-Бартоломе Сопранзи. Он был сыном от первого брака Джузеппины Каркано, являвшейся любовницей начальника Главного штаба маршала Бертье. Сам же Бертье был женат на двоюродной сестре жены принца Евгения, командира 4-го армейского корпуса.

Оказались в Русском походе братья Ла Гранж. Двое из них окажутся на Бородинском поле – Арман Шарль Луи, бригадный генерал, командир бригады 5-й кирасирской дивизии, и Оже

Франсуа, штабной полковник в 25-й вюртембергской пехотной дивизии. Последний за Бородино станет офицером ордена Почетного легиона^[782].

Генерал-адъютант императора Лористон имел сына Огюста, состоявшего при Наполеоне. У командира 16-й бригады легкой кавалерии генерала Сюберви в адъютантах был его брат су-лейтенант 10-го конно-егерского полка. На следующий день после Бородина, раненый, генерал Сюберви будет просить о награждении брата за «москворецкую битву»^[783]. Граф Ламберти, шталмейстер Наполеона, станет весь день переживать за своего младшего брата су-лейтенанта 2-го карабинерного полка. В 1-м карабинерном окажется сублейтенантом только что перешедший из пажей Фердинанд Бастон де Ларибуазьер, младший сын начальника артиллерии Великой армии дивизионного генерала Жана-Амбруаза Бастона де Ларибуазьера, служившего еще вместе с су-лейтенантом Бонапартом в Валансе. Фердинанд будет смертельно ранен при Бородине, получит крестик Почетного легиона и умрет в страшных муках в Можайске. Другому сыну генерала, Оноре-Шарлю, командиру эскадрона артиллерии, состоявшему адъютантом при отце, предстоит везти на родину сердце брата.

Су-лейтенантом 6-го гусарского оказался на Бородинском поле Жозеф-Шарль-Гильом Даниэль, сын Элизабет-Огюсты Даниэль, любовницы дивизионного генерала Ж.-А. Жюно. А кузина Жюно 14 апреля 1812 г. стала женой Луи Бро, капитана гвардейских конных егерей, также воевавшего под Бородином.

Пережил страстный роман с сестрой Наполеона Полиной, которая, как мы уже знаем, была связана родственными отношениями с Даву и Фрианом, командир эскадрона 2-го конноегерского полка Арман-Жюль-Элизабет де Канувиль. Ему суждено будет погибнуть вместе с Огюстом Коленкуром у «большого редута». Брат Канувиль, Александр-Шарль-Мари-Эрнест, будучи в администрации императора (квартирьер двора) и присутствуя при сражении, будет оплакивать его смерть.

Прибывший накануне Бородинского сражения и ходивший в атаку на «большой редут» адъютант маршала Мармона капитан Шарль Никола Фавье к тому времени уже находился в тесных, но, правда, пока только дружеских отношениях с женой всесильного Ж.-К.-М. Дюрока. В 1802 г. 14-летней девочкой она вышла замуж за будущего герцога Фриульского, а овдовев в 1813 г., станет баронессой Фавье.

Перечислять родственные, любовные, а тем более служебные связи бойцов Великой армии можно было бы бесконечно долго. Но уже вполне очевидно, что на поле под Бородином оказалась достаточно прочная корпорация военных, слившихся друг с другом за годы совместных боев и походов. Но и это не все.

Поступки многих генералов и офицеров, а иногда и солдат на Бородинском поле возможно понять только путем проникновения во внутренний, душевный мир этих людей, который, в свою очередь, может быть раскрыт через их взаимоотношения с близкими. Одной из ключевых фигур сражения стал Огюст Жан-Габриэль Коленкур, дивизионный генерал и комендант Главной квартиры императора, овладевший, согласно французской версии, «большим редутом». Присмотримся к нему внимательнее. Младший брат знаменитого герцога Виченцкого, родившийся в 1777 г., Огюст Коленкур особенно отличился при Арсобиспо в Испании, когда он 8 августа 1809 г. с отрядом драгун переправился вброд через р. Тагус, атаковал силы герцога Альбукерского с тыла и захватил укрепленный мост. 7 сентября (sic!) 1809 г. он стал дивизионным генералом. Красивый, благородный и рыцарственный, он вызывал всеобщую симпатию и восхищение. Императорские пажи (среди которых, между прочим, был и Фердинанд Ларибуазьер), начальником которых его сделали в 1811 г., боготворили его. 21 апреля 1812 г. он женился по большой любви на юной и восхитительной Анриет-Бланш д'Обюссон де ла Файад. Расставание с молодой женой перед Русским походом породило тяжелые предчувствия у Коленкура, к которым добавились еще

и физические страдания, вызванные ранее полученными боевыми ранами. С началом войны Огюстом завладело подавленное настроение. Он старался бороться с ним, безупречно исполняя с 7 июля обязанности коменданта Главной квартиры. Но ко времени Бородинского сражения психологическое состояние генерала резко ухудшилось. Еще 29 июля при Рудне был ранен брат его жены Огюстен-Пьер д'Обюссон де ла Файад, лейтенант 9-го гусарского. Пуля попала ему в шею и в правое плечо. Обожая свою жену, Огюст представлял, как та будет огорчена раной брата. Перед самым сражением пришла еще одна тяжелая весть: другой брат жены – Анри Раймон, су-лейтенант 7-го конноегерского, был убит 3 сентября при Полоцке. Ночью перед битвой секретарь Наполеона Фэн увидит, как Коленкур, лежа на раздвижной кровати в императорской палатке, укрывшись плащом и подперев голову локтем, будет смотреть на миниатюрный портрет своей жены^[784]. Всю ночь он не сомкнет глаз. Когда станет светать, Огюст поделится своими настроениями с генералом Компаном. В письме к жене Компан, предвидя горькие слезы семьи де ла Файад, напишет так: «Этот храбрый Огюст сильно страдал. Я не думаю, что он мог бы долго прожить. Он мне вдобавок сказал утром перед своей смертью, что он уже не может дольше выносить эту усталость, что он не смыкал глаз ночью и что он под тяжестью неслыханных страданий... В то время, как он рассказывал это мне, я варил для него на биваке в последний раз добрую чашку кофе»^[785]. В течение всего сражения Коленкур пытался не думать о физической и нравственной боли, он был деятелен, беспрестанно скакал на коне. Но когда Наполеон вручил ему кирасирскую дивизию и приказал взять «большой редут», Огюст испытал жгучую потребность принести в жертву свою жизнь.

Иные настроения одолевали Жюно. Былой красавец, вулканическая натура, «Жюно-буря», как его прежде называли, выглядел 7 сентября апатичным, дряхлым и состарившимся. Капитан 7-го гусарского В. Дюпюи, прискакавший в разгар сражения с донесениями к Жюно, увидел, как тот расположился позавтракать на поляне в Утицком лесу. «Прежде этого, – вспоминал Дюпюи, – 8 или 9 лет ранее, в Булонском лагере, я видел красивого генерала Жюно, который своей фигурой, манерой держаться и внешним видом превосходил всех офицеров армии! Но как он изменился!.. Я увидел толстого человека со сгорбленной спиной, с “изломанной” и отталкивающей фигурой, одетого с небрежностью в потрепанный редингот, который, трудно было сказать, сколько лет носился»^[786].

Командуя 8-м армейским корпусом, Жюно вел себя апатично, испытывая приступы психической болезни. Началась она давно, после того, как Жюно был втянут в опасную интригу женой Мюрата и получил «разнос» от Наполеона. Будучи женат на Лауре Пермон, талантливой, цепкой и честлюбивой женщине, он между тем не отличался осторожностью в своих любовных увлечениях. Зимой 1806/07 г., когда Наполеон был в походе, а Жюно оставлен губернатором в Париже, он страстно влюбился в герцогиню Бергскую, жену Мюрата Каролину. Каролина, не разделяя любовного пыла Жюно, надеялась его использовать, чтобы обеспечить за собой и мужем первую роль в случае смерти императора на поле боя. Наполеон, возвратившись в Париж невредимым, устроил Жюно головомойку. Чуть было не произошла и дуэль бывшего губернатора с Мюратом. Наполеон предотвратил дуэль, но лишил своего давнего товарища расположения^[787]. После неудачного похода в Португалию, где Жюно надеялся заслужить маршальский жезл, а затем боев в Испании и на Рейне он оказался удаленным от военного поприща, получив назначение правителем Иллирийских провинций.

Неуемное честолюбие Жюно и память Наполеона о былой дружбе позволили генералу получить назначение в армию, которая готовилась к вторжению в Россию. В конечном итоге 30 июля 1812 г. он оказывается во главе 8-го корпуса, все еще надеясь получить маршальские регалии. Однако психическое состояние Жюно было уже удручающим. В начале 1812 г. он, к примеру, даже перепутал письма, отправленные в один день жене и любовнице баронессе Элизабет Августе Даниэль, вложив их не в те конверты^[788]. После

Смоленска, у Валутиной горы Жюно, испытывая приступы психического расстройства, не смог выполнить поставленной перед ним важной задачи. Хотя вестфальские солдаты, во главе которых он был, показали себя великолепно, но поведение их начальника удивляло многих. Трудно сказать точно, насколько были справедливы упреки Наполеона, возложившего исключительно на одного Жюно вину за большую неудачу у Валутиной горы, но очевидно, что болезнь генерала сыграла не последнюю роль. Разговоры о его психическом расстройстве, начавшие циркулировать по всей армии, от маршалов до рядовых, не могли не достичь и ушей Жюно, что еще более подавляло его волю^[789].

До нас дошло множество писем Жюно, отправленных во время Русского похода. Если в своей деловой корреспонденции и в посланиях любовнице генерал еще сохраняет достойный тон^[790], то в письмах жене^[791] он уже не считает нужным скрывать свою боль, усталость и желание как можно скорее расстаться с войной. «Никогда не испытывал я так, как сего дня, нетерпения свидеться со всеми существами, которых так сильно люблю! – писал он, к примеру, 6 октября из Можайска. – У меня нет больше никаких других обетов, никаких желаний, кроме одного, чтобы моя Лора и мои дети любили меня... чтобы она была здорова, добра, мила... больше не желаю ничего на свете... Но, моя драгоценная Лора, как далеко отсюда до Парижа!.. Ты не можешь составить себе никакого понятия об этом... Все далекие путешествия только прогулка в сравнении с этим...»^[792] Стоит ли удивляться, что перед генеральной битвой Наполеон передал 8-й корпус под общее командование маршала Нея? Однако, не решившись сместить своего старого друга Жюно, он оставил его во главе 8-го корпуса, тем самым лишив вестфальцев деятельного оперативного руководства.

При знакомстве с внутренним миром командного состава наполеоновской армии обнаруживаешь важную особенность: тесные родственные и служебные отношения в соединении с борьбой честолюбий и характеров приводили в среде маршалов и генералов к все более усиливавшимся трениям и столкновениям. Та степень честолюбия, которая до поры до времени благоприятствовала функционированию армейских структур, к 1812 г. переросла свои оптимальные размеры и стала во многом фактором негативного порядка. Наиболее известный пример связан с историей взаимоотношений Мюрата и Даву во время Русского похода. Их части формировали авангард главных сил Великой армии, но из-за несхожести темпераментов и из-за личной предубежденности по отношению друг к другу во взаимодействии пехоты и кавалерии авангарда происходили постоянные сбои. Столкновения двух полководцев стали особенно усиливаться по мере приближения дня генеральной битвы. «...Принципиальной позицией Неаполитанского короля является его нежелание быть под командой маршала Даву», – отметил в письме генерал Маршан, командир 25-й дивизии 3-го армейского корпуса^[793]. Это привело к тому, что Наполеону далеко не во всем удалось обеспечить подготовку к сражению, а в ходе него – эффективное взаимодействие пехоты и кавалерии. Французская кавалерия, сильно ослабленная к генеральной битве, хотя и смогла сыграть решающую роль на некоторых участках боя 7 сентября, оказалась совершенно расстроенной к его окончанию.

В постоянных стычках между Мюратором и Даву Наполеон занимал двойственную позицию. С одной стороны, он понимал справедливость аргументов Даву, не желавшего без нужды утомлять и расстраивать пехоту, с другой – его собственное решение как можно скорее и любой ценой догнать русскую армию заставляло его не останавливать Мюрата в необдуманном расходовании сил кавалерии. Внутренне Наполеон, по-видимому, был солидарен с Мюратором, но не хотел этого обнаруживать. Когда обвинения Даву в ходе этих нескончаемых стычек стали уже затрагивать честь Мюрата, наполеоновского зятя, император получил формальное право проявить свое нерасположение к Даву. В день сражения корпус Даву оказался раздробленным: две дивизии были вручены командованию принца Евгения, одна – оставлена в резерве, а маршал должен был с двумя оставшимися штурмовать Багратионовы «флеши», что закончилось неудачей. Предложение Даву обойти в

ночь на 7-е левый фланг русских, используя для этого весь 1-й корпус и войска 5-го корпуса, Наполеоном было отвергнуто с раздражением. «Рациональные» объяснения этого шага, которые обычно дают военные историки, явно нуждаются в уточнении и с личностно-психологической точки зрения.

Столкновения Даву и Мюрата, до известной степени провоцируемые Наполеоном, втягивали в свою орбиту генералов, подчиненных Неаполитанскому королю и герцогу Экмюльскому, а это, в свою очередь, вызывало конфликты в отдельных армейских частях. Тирион, старший вахмистр из 2-го кирасирского полка, вспоминал, как их дивизионный начальник генерал А.-Л.-Д. Сен-Жермен, буквально следуя приказам Мюрата, совершенно измотал людей и лошадей своих полков. Офицеры и рядовой состав были настолько взвинчены губительным действием приказов Сен-Жермена, что решились на открытый конфликт с ним^[794].

Оставляли желать много лучшего в день Бородина и личные взаимоотношения между Наполеоном и его правой рукой, начальником Главного штаба маршалом Бертье. Еще в Гжатске император допустил по отношению к Бертье непозволительную резкость, после чего начальник штаба больше не присутствовал на обедах императора вплоть до Можайска^[795].

Менее очевидны факты, говорящие о внутреннем конфликте между Наполеоном и Ю. А. Понятовским. В Смоленске Наполеон незаслуженно задел национальные чувства Понятовского, усомнившись в воинской доблести вверенного ему корпуса. Конфликт этот не стал далее разрастаться. Понятовский смог сдерживать чувства негодования, однако в действиях императора с той поры все более стали угадываться оттенки недоброжелательства к польскому князю и его корпусу. В 18-м бюллетене, где Наполеон восторженно объявил миру о Бородинской битве и доблести своих воинов, только о Понятовском было сказано, что он «сражался за леса с переменным успехом»^[796].

Вообще, если та часть Великой армии, которую составляли солдаты и офицеры, являла собой достойный восхищения социальный организм, то генералитет, особенно высший генералитет, во многом, говоря словами А. З. Манфреда, погружался в «трясину корыстных расчетов, мелкого себялюбия, обмана и лицемерия»^[797]. В документах о денежных награждениях за Бородинское сражение поражает та гигантская разница, которая существовала в оплате крови и пота офицерского и высшего генеральского состава. Напомним, что офицеры получали обычно в 1812 г. не более 500 франков в качестве единовременного вознаграждения, в то время как «дотации» генералитета выражались пяти-, а то и шестизначными цифрами. Генерал Груши получил 18 440 франков, генерал Маршан – 24 665, генерал Фриан – 26 934, генерал Бельяр – 27 130, маршал Ней – 28 326, генерал-адъютант Мутон – 32 178, генерал Красинский – 35 867, Бертран – 36 357 франков... Больше всех, в том числе, видимо, в качестве компенсации за контузию, получил Даву – 293 201 франк 47 сантимов!^[798] Наполеон не забывал и семьи погибших генералов. Так, графиня Гюден, муж которой погиб у Валутиной горы, по декрету 15 октября стала получать пенсию в 12 тыс. франков^[799]. Сын генерала Ромёфа, умершего от раны, полученной 7 сентября, по декрету от 26 сентября приобрел титул барона и ту «дотацию», которую имел генерал^[800]. И так далее, и так далее.

Солдаты и офицеры все более ощущали ту пропасть, которая была между ними и тесным мирком высших начальников. Стендаль (А. Бейль), который прикоснулся к этому миру, но не попал в него, так передал чувства многих, участвовавших в Русском походе: «...я увидел в нескольких шагах от себя двух или трех убитых... генералов, и у меня вырвались слова, которые могли погубить меня: “Несколькими наглецами меньше!”»^[801]

2.4.5. Армия, Гвардия и Режим

Переходила ли эта антипатия по отношению к узкой группе высшего генералитета, существовавшая в армии, границы морально-нравственного осуждения? В этой связи, без сомнения, интересны события, связанные с известным заговором генерала Клода-Франсуа Мале в Париже 23 октября 1812 г. Убежденный республиканец, Мале впервые пытался организовать заговор в 1807 г., однако был арестован, посажен в парижскую тюрьму Ла Форс и обвинен в принадлежности к тайному республиканскому обществу «филадельфов». 23 октября 1812 г. он бежал из тюремной больницы и, объявив о том, что Наполеон погиб 7 октября в Москве, а Сенат провозгласил Республику, увлек вместе со своими немногочисленными сторонниками 10-ю когарту Национальной гвардии. Министр полиции А.-Ж.-М. Савари и префект Парижа Е.-Д. Пакье были арестованы, комендант Парижа генерал Юлень убит. Однако благодаря штабному полковнику Дусе и другим офицерам Мале был разоблачен, арестован и вместе с другими тринадцатью заговорщиками расстрелян. Был ли это заговор одиночки и его немногочисленных сторонников либо «дело Мале» отразило существование в 1812 г. широкой организованной оппозиции Наполеону в рядах армии? Напомним, что после того, как Ш. Нодье в 1815 г. заявил о существовании обширного заговора, историки смогли как опровергнуть это утверждение, так и найти фрагментарные данные, подтверждавшие его^[802]. Последней в ряду этих исследований оказалась работа Т. Ленца, который не нашел подтверждений версии Нодье^[803].

Работая с письмами, отправленными из Великой армии в России на родину, мы не могли не обратить внимания на те из них, в которых хотя бы вскользь упоминалось о парижских событиях 23 октября и в которых обнаруживалась бы реакция на них авторов. Три письма к Савари, письмо к архиканцлеру Империи Ж.-Р. Камбасересу и военному министру А.-Ж.-Г. Кларку, отправленные Наполеоном 11 ноября из Смоленска, известны давно. Они продолжают храниться в «фонде Аракчеева» в РГВИА^[804]. Письма отразили явную обеспокоенность Наполеона произошедшими событиями. Впрочем, обращает на себя внимание то, что император получил известие о них от Савари еще 6 ноября, но отреагировал только 11-го, после депеши Кларка. Туган-Барановский объяснил это разницей в оценках Савари и Кларком масштабов заговора. В целом Наполеон, не скрывая своего удивления и обеспокоенности, одобрил решения парижских властей в отношении заговорщиков.

Известия о заговоре Мале проникали в Русскую армию не только через правительственные каналы, но и через частные письма. Сохранилось, к примеру, письмо из Парижа графини А. Нансути своему мужу, дивизионному генералу Э.-М.-Л. Нансути, написанное 25 октября. Графиня, в деталях описав обстоятельства дела, назвала его «жалким фарсом, который являлся результатом махинации человеческим сознанием». Ничего, кроме коллективного гипноза, которому поддались власти Парижа, графиня не увидела^[805]. Сохранилось также письмо королевы Гортензии принцу Евгению из Сен-Лу от 13 ноября^[806]. Упомянув о заговоре Мале, она подчеркнула, что последний бюллетень Великой армии от 20 октября, опубликованный в «Монитёр», поднял во Франции тревогу. Сообщение бюллетеня о том, что армия готовится к отступлению, дало повод опасаться того, что это «заставит думать весь мир, будто император может быть мертв».

Чины Великой армии, находившиеся в данное время в Смоленске и посвященные в эту новость, живо откликнулись на сообщения или слухи о «заговоре Мале». Тон писем был разный. Министр государственный секретарь Дарю, например, выразив уверенность, что жена встретила ложное сообщение о смерти императора спокойно, посвятил письмо описанию своих личных новостей^[807]. В ответ на сообщения о слухах в Париже по поводу смерти императора генерал А.-Ф. Делаборд лаконично отписал: «Наш Бог хранит этого великого человека; он отлично себя чувствует, его здоровье не выказало признаков ухудшения в эту кампанию, несмотря на гигантские труды»^[808]. «Известие о смерти императора, – написал своей жене маршал Мортье, – не могло взволновать нас ничуть,

потому что мы все знали, что он наслаждается отменным здоровьем, но наше первое беспокойство было за Римского короля и императрицу. Господь защитил их... но я думаю о несчастьях, которые на нас обрушатся, если мы потеряем императора, и это единственная мысль, которая не дает мне покоя»^[809]. В ответ на письмо государственного министра Ж.-Б. Шампаньи от 24 октября, в котором тот сообщал о деталях заговора, Дюрок заметил, что «легко можно представить, как воспринял император это известие»^[810].

К сожалению, до нас дошло только два письма, авторы которых не принадлежали к генералитету. Это письмо некоего Риве (Rives) и некоего Лекронье (Lecrosnier), по-видимому, военных чиновников. Риве, узнав о заговоре, отписал неизвестному лицу, что армия «не перестала быть победоносной» и что «Император, Неаполитанский король, принц Невшательский, в общем, все высшие лица армии чувствуют себя отлично...»^[811]. В тот же день, 10 ноября, отправил письмо жене Лакронье: «Несмотря на то что произошло в Париже, все чувствуют себя хорошо», и далее – «все это напоминает те слухи, которые циркулировали во время нашей Венской кампании»^[812].

Конечно, было бы слишком наивным надеяться найти в письмах из Великой армии послание, где бы скрытый «филадельф» излагал свое мнение о заговоре Мале. Но все же те крупницы, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что те чины Великой армии, которые узнали о событиях в Париже, не были склонны опасаться широкого республиканского заговора. Опасения были связаны, во-первых, с тем резонансом, который заговор мог бы вызвать в подвластных Наполеону европейских столицах, во-вторых, с интригами, которые могли исходить в Париже от кого угодно из числа стоявших близко к власти особ, в-третьих, с общей неблагоприятной ситуацией во Франции, связанной с массовым голодом начала 1812 г., когда психика простого люда стала чрезвычайно восприимчива к любым слухам, а тем более слухам о смерти императора в далекой Москве. Наполеон знал, что парижане готовы были поверить чему угодно и что вся его хорошо продуманная система господства могла рухнуть из-за простого слуха!

Другими словами, в 1812 г. армия в целом продолжала оставаться эффективной машиной, преданной своему императору и открыто еще не обнаруживающей глубоких социальных противоречий, начинавших проявляться в ее основаниях. Но вместе с тем она уже и не могла гарантировать абсолютной безопасности режиму. Тем более что в высших ее эшелонах, наиболее чутко реагиовавших на настроения «нотаблей», происходил процесс разложения. Наполеон чувствовал, что обогатившаяся и ставшая самостоятельной верхушка Империи могла поддаться искушению низложить его, провозгласив своим государем более покладистую персону.

Впрочем, среди институтов Великой армии 1812 г., причем не только среди высшего генералитета, начали проявляться признаки кризиса. Экстремальные условия русской кампании обнажили все недостатки военной администрации. Нельзя сказать, что Наполеон уделял улучшению деятельности этой структуры слабое внимание, скорее наоборот^[813]. Но, во-первых, масштабы военных операций в России потребовали максимально возможного увеличения размеров администрации. Фезенсак, к примеру, вспоминал, что когда Бертье в Вильно сделал смотр администрации, то «на расстоянии она выглядела как армия, построенная к битве»^[814]. А во-вторых, начало внутреннего кризиса режима неминуемо должно было проявиться среди армейских кругов, прежде всего в этой структуре.

Военная администрация, особенно в системе снабжения, показала несостоятельность еще до начала военных действий. С открытием кампании ситуация с обеспечением быстро двигавшихся войск стала просто катастрофической. Накануне Бородина, 3 сентября, Наполеон написал министру военного снабжения Лакюзэ: «За 20 лет, в течение которых я команду французской армией, я не видел военной администрации более никчемной: нет ни одной личности. Те, которые посланы сюда, – без способностей и без знаний»^[815]. И все же

головные силы Великой армии смогли выдержать Бородинский бой и вступить в Москву. Наполеон был уверен, что ресурсы русской столицы смогут на время компенсировать развал системы тыловых служб. Однако Москва готовила сюрприз...

Среди социальных институтов Великой армии особое место занимала императорская гвардия. Ее личный состав не только отличался отменными боевыми характеристиками (прежде всего, Старая и Средняя гвардия), но и занимал особо привилегированное положение в системе материального стимулирования и отличий, существовавшей во французской армии. Попастъ в гвардию было заветной мечтой (часто неосуществимой) почти всех армейских солдат и офицеров^[816].

Рядовые и унтер-офицеры имели старшинство в два чина по сравнению с армейскими, получали жалованье вчетверо большее, располагались в лучших казармах, обслуживались превосходной системой вещевого и продовольственного снабжения и т. д. «Гвардейский осел имеет чин мула», – говорилось в одной солдатской шутке, ходившей по армии в разных вариантах.

И вместе с тем бросается в глаза, что гвардия не так уж часто использовалась императором на поле боя. Как это ни покажется странным, но на факт того, что реально гвардейский резерв до 1812 г. еще ни разу не решал участь сражений, впервые обратил внимание только в 1999 г. О. В. Соколов^[817]. Гвардия являлась не просто элитным военным соединением, призванным блестяще выполнять боевые задачи, но прежде всего политическим институтом, обеспечивающим опору и безопасность режима. «Общество Парижа, – заявил однажды Наполеон, – не имеет никакого влияния на них [гвардейцев]. Они целиком зависят от меня...»^[818] Реальным главнокомандующим гвардией был только сам Наполеон, и никто более. При этом особо привилегированное положение гвардейцев к 1812 г. привело к образованию между ними и солдатами обычных частей глубокой социальной и человеческой пропасти. С одной стороны, каждый солдат-армеец мечтал попасть в гвардейский корпус, с другой – испытывал к гвардейцам чувство черной зависти, нередко переходящей в ненависть. К началу русской кампании за гвардейцами уже прочно закрепилась слава плохих товарищей, и марш на Москву только подтвердил это. Пребывание в Москве, где гвардия развернула бойкую торговлю награбленными вещами, не улучшило мнения о них. А во время отступления солдаты гнали от себя прочь отставших гвардейцев или даже убивали.

Таким образом, гвардия Наполеона была своеобразным аналогом преторианской гвардии римских императоров, обеспечивавшей личную власть цезаря. И с этой точки зрения роковое решение Наполеона под Бородином, когда он не использовал гвардейского резерва, чтобы завершить поражение русских, следует рассматривать не только с военной точки зрения или через призму эмоционально-психологического состояния императора, но и с политических позиций. Как и ранее, гвардия была призвана решать, прежде всего, не военные задачи, но задачи обеспечения прочной власти императора.

Многие проблемы, затронутые в этом параграфе, заставляют нас в заключение остановиться на одном из главных вопросов, который призван прояснить природу наполеоновского режима в целом. В исторической литературе давно обсуждается проблема наличия в эпоху Первой империи во Франции некоего подобия милитаристской диктатуры, при которой все сферы жизни контролировались военными, а экономика и социальная жизнь были подчинены интересам офицерской корпорации во главе с Наполеоном. Пытаясь прояснить этот вопрос, французские историки в 1970-е гг. обратились к исследованию двух тесно связанных между собой институтов французского общества времен Наполеона – к системе имперского дворянства и ордену Почетного легиона^[819]. Чуть позже в обсуждении этих проблем приняли участие англоязычные и советские историки^[820]. При этом суждение о существовании при Наполеоне диктатуры замкнутой военной корпорации встречалось только у англоязычных авторов (например, у Дж. Линна и Ч. Дж. Исдейла). Отечественные

историки, характеризуя наполеоновский режим как авторитарный правого типа и отмечая общую тенденцию французского общества к уменьшению мобильности социальных структур, все же делали вывод о существовании режима «прогрессивного цезаризма» (Д. М. Туган-Барановский). Менее неоднозначно можно толковать выводы французских исследователей. С одной стороны, они делали вывод, что имперское дворянство вполне можно было назвать новым классом, но классом открытым. То, что военные составляли в нем значительную часть, не означало, что военный статус был главным критерием для аноблирования. С другой стороны, французские авторы показали возникновение во Франции в начале XIX в. «закрытого общества», построенного на основе династических связей и строгой иерархии и проникнутого целым комплексом противоречий.

На основе материалов, характеризующих Великую армию 1812 г., выскажем свое мнение. Вряд ли следует рассматривать империю Наполеона как своего рода результат узурпации кликой военных политической власти, поставивших ресурсы Франции и Европы на службу своим корпоративным интересам. Военные играли в обществе Первой империи значительную, но не всеохватывающую роль. Еще более ошибочным было бы ассоциировать наполеоновский режим с тоталитаризмом XX в. (а такие попытки делались^[821]), хотя, без сомнения, в нем проявились некоторые элементы, которые в дальнейшем станут характерными для тоталитарных обществ. Многие заставляют полагать, что мир наполеоновской Франции, наполеоновской Европы и наполеоновской армии функционировал как некое переходное образование, вобравшее в себя и структуры Старого порядка, и элементы возникавшего индустриального общества. Известная мобильность социальных институтов сочеталась в нем с тенденцией возвращения к старым сословным порядкам. Достаточно полно это проявилось в функционировании механизмов наполеоновской армии. Многие в них зависело от взаимодействия многочисленных микроструктур, составлявших вместе гигантский организм: от проявлявшихся симпатий и антипатий во взаимоотношениях генералитета, готовности или неготовности отдельных солдат и их командиров проявить волю и находчивость до решения малозначительных повседневных бытовых вопросов. Все оказалось важным и решающим в те драматические дни 1812 г.

И все же когда и почему это соотношение прочности и распада составлявших Великую армию элементов прошло свою критическую отметку и привело к надлому наполеоновского войска? Где был кульминационный момент этой драмы? Был ли он связан с Бородинским боем или был вызван иными событиями? Ответить на эти вопросы возможно будет только тогда, когда мы последовательно проинвентаризируем элементы физической жизни наполеоновского солдата, его ментальные образы и мотивы поступков, а затем обратимся к тому, что же происходило с Великой армией накануне, в ходе и сразу после Бородинского сражения.

2.5. Структуры повседневности

Нетерпеливому историку, изучающему военные события наполеоновской эпохи и обратившемуся с этой целью к дневникам и воспоминаниям солдат, может показаться странным, с какой дотошностью авторы фиксировали на бумаге или в сознании чисто бытовые, казалось бы, малозначимые вещи. Но для участника событий тех лет именно вопросы куска хлеба или глотка воды, хорошего или дурного ночлега, стоптанных башмаков или порвавшегося мундира были главными, не только определявшими физическое состояние, но нередко составлявшими вопрос жизни и смерти.

2.5.1. Питание

Первое, что должно нас заинтересовать в этой связи, – это характер и качество питания наполеоновского солдата 1812 г. В идеале простой деревенский парень или парень из

городского предместья, попав в армию по конскрипции, сразу должен был ощутить огромную разницу в пище, которую он ел раньше и ест теперь. При этом следует помнить, что к началу XIX в., говоря словами Ф. Броделя, «биологический старый порядок» еще был прочен. Даже в нормальные времена народ питался очень плохо. Мясо, особенно на севере Франции, люди ели редко, а голод был совершенно обычным явлением^[822]. Если нормальным потреблением энергии для взрослого человека считается 3 тыс. ккал в день, то реально, скажем, в Провансе в начале XIX в. крестьянин получал 1,5–2 тыс. ккал. Причем если при тяжелом физическом труде человеку необходимо как минимум 4–5 тыс. ккал в день, то это означает, что ощущение голода было для французского крестьянина постоянным явлением^[823]. К этому следует добавить почти полное отсутствие в пище сахара, недостаток витаминов и высокий удельный вес алкоголя.

В армии ситуация была иной. Командование строго следило, чтобы у солдата было два приема пищи в день: первый – в 10 утра, состоявший из супа, сваренного из говядины или баранины с овощами и так называемым «суповым хлебом» (белым хлебом, клавшимся перед окончанием варки сверху в суп); второй – ближе к вечеру, представлявший собой либо тоже суп, либо вареный картофель, заправленный луком, в сливочном масле. Пил солдат водку, смешанную с водой (1 часть водки и 6–7 частей воды), дешевый коньяк, пиво, вино. 4 мая 1809 г. Наполеон закрепил перечень продуктов, которые солдат должен был получать каждый день^[824]. В зависимости от времени года, погоды, климата, страны, в которой пребывали войска, меню могло меняться. Даву, например, накануне Русского похода постоянно учитывал это^[825].

Вообще, прием пищи играл и важную социальную и социально-знаковую роль. Если в эпоху Старого порядка каждый социальный слой потреблял определенный сорт хлеба и народные массы питались черным и серым, а высшие слои – белым, то теперь армия постоянно давала солдату, вчерашнему крестьянину или подмастерью, белый хлеб (как мы уже упоминали, так называемый «суповой хлеб»). Сам прием пищи, осуществлявшийся в идеале регулярно, являлся символом порядка и заботы власти о своем солдате. Обычно 5–8 человек ели из одного котелка, черпая из него попеременно своими ложками, и эта маленькая группа, капральство, или, как ее еще называли, «котелок», была своего рода первичной социальной ячейкой армейского организма. Индивидуальная посуда (тарелки или миски) была только у гвардейцев, выделяя их из общей армейской массы^[826].

Когда солдат уходил в поход, он должен был получать ежедневный пищевой рацион, тоже определенный военным законодательством^[827]. Стандартный рацион солдата включал в себя: 550 г хлеба (на 3/4 пшеничного, на 1/4 ржаного; обычно такой «походный» хлеб выпекался круглой формы, чтобы его удобнее было носить), 30 г риса, 60 г сухих овощей, 240 г рыбы, 200 г соленого мяса, 16 г соли, 1/4 литра вина, 1/16 литра коньяка, 1/12 литра уксуса. Лейтенанты получали 1,5 рациона, полковники – 3, маршалы – 24^[828]. Энергетическая ценность такого рациона была (без учета спиртного) примерно 8 тыс. ккал, и этого было более чем достаточно для взрослого человека, занятого тяжелым физическим трудом. При этом, так как сухари были чрезвычайно непопулярны у французов (в то время как немцы их неохотно, но ели), командование особое внимание традиционно уделяло сооружению полевых печей для хлебопечения. Небольшая команда, состоявшая из четырех мастеров и четырех помощников, могла соорудить стандартную армейскую печь за 12–14 часов. После двух часов просушки в ней можно было печь. Если запасы топлива были достаточны, то 40 таких печей могли произвести в день хлеба для 100 тыс. человек. Однако условия русской кампании не позволяли организовать постоянную централизованную выпечку хлеба. Поэтому многие солдаты пытались печь сами. Не имея к этому навыков и осуществляя хлебопечение в крестьянских домах, они зачастую устраивали пожары^[829].

Немаловажной проблемой стал также помол зерна. Предполагая, с какими трудностями в этом плане столкнется армия, Наполеон приказал организовать производство и раздачу небольших ручных мельниц, с помощью которых можно было намолоть 30–40 фунтов муки в час. Они не только отличались несовершенством, но и раздача их была произведена поздно, в основном уже перед отступлением, когда молотье, собственно говоря, было нечего. Поэтому солдаты мололи зерно нередко между камней, а то и попросту бросали немолотое зерно в суп.

Растянутасть коммуникаций и серьезное расстройство администрации заставили Наполеона еще задолго до Бородинского сражения начать уменьшение официально установленных рационов. 9 июля в Вильно, планируя дальнейший бросок вперед за ускользавшей русской армией, он распорядился установить следующий рацион: 330 г хлеба, 60 г риса, 450 г мяса; о других продуктах не было сказано ничего. Причем сухари император приказал попридерживать до «двух последних дней пути», когда рацион должен был составить 270 г сухарей, 60 г риса и 450 г мяса^[830].

Но каково было реальное положение дел? Еще до начала кампании обеспечение продовольствием выглядело крайне тревожным. Особенно туго приходилось французским союзникам, магазины для которых при вступлении в Польшу оказались закрыты. Поэтому союзным контингентам не оставалось ничего другого, как скорейшим образом осваивать французскую систему грабежа местного населения. Перед началом движения к Неману командование приказало создать для каждой части продовольственный резерв. К примеру, 30 мая Ней распорядился собрать до 2 июня 800 голов скота для вюртембергского корпуса, при этом «сохраняя строгую дисциплину»^[831]. Несмотря на последние слова приказа о дисциплине, все это выглядело в разоренной местности как прямое поощрение к грабежу. Даже за хорошие деньги купить что-либо из съестного было тяжело^[832].

И все же к началу кампании ситуацию с продовольствием вряд ли можно было назвать катастрофической. Солдаты боевых частей вполне сносно питались. В корпусе Даву, например, дабы не быть в зависимости от перебоев централизованного обеспечения, была предусмотрена автономность существования солдата в течение 15 дней! В ранце каждого пехотинца 1-го корпуса было 4 больших сухаря, около 5 кг муки в холщовом мешке, в сумке через плечо – два хлеба по 1,5 кг каждый^[833].

Однако к концу июня проблемы с продовольствием начались даже в гвардии. К 27 июня запасы выпеченного хлеба закончились в гвардейской артиллерии, части Молодой гвардии прикончили хлеб и сухари к 29-му и вынуждены были перейти к муке^[834]. Армейские части к тому времени испытывали, конечно, большие трудности. Г. Роос, главный хирург 3-го вюртембергского конноегерского полка, утверждал, что уже к Вильно не только хлеб, но мука и водка стали большой редкостью^[835]. Надежды на то, что в Вильно удастся захватить русские запасы продовольствия, не оправдались. И дело было не только в том, что припасы были своевременно вывезены или уничтожены русскими, но также и в том, что начались все более заметные трения среди чинов наполеоновского командования. Перед вступлением в Вильно командир 2-го кавалерийского корпуса Монбрён получил приказ от императора как можно скорее войти в город и захватить продовольственные магазины, еще не уничтоженные отходившими русскими. Однако Мюрат, командующий резервной кавалерией, оскорбленный тем, что Монбрён получил приказ через его голову, помешал его выполнению. Магазины были сожжены. Вся эта история закончилась совсем уже необычно для Великой армии, когда Мюрат попытался свалить вину на Монбрёна, а генерал, оскорбленный до глубины души, допустил уж совершенно невообразимую вещь, бросив шпагу и заявив, что готов сражаться последним волонтером^[836].

В июле трудности с продовольствием не могли не усилиться еще больше. «...Солдаты без хлеба, лошади без овса», – записал 8 июля адъютант Нарбонна Кастелан^[837]. «Поставленный

хлеб так плох, – писал на родину 16 июля из Гродно вестфальский солдат Рункель, – что его невозможно есть, а стоит очень дорого, за один хлеб нужно платить 8 больших грошей, а испечен он из муки грубого помола, да еще не выпечен как следует, так что ложится в желудок, как свинец... мясо тоже очень дорого, наполовину испорченное, и все же вынуждены есть – другого ничего нет»^[838]. Конечно, нельзя сказать, что централизованное снабжение войск продовольствием совершенно отсутствовало: припасы привозились из тыла, кое-что удавалось захватывать на русских складах^[839]. Но этого было очень мало.

Вся эта ситуация выглядит на первый взгляд совершенно непонятной. Наполеон осуществил перед походом на Россию небывалые ранее приготовления, сосредоточив недалеко от русской границы огромные продовольственные запасы и значительно увеличив военный обоз (общее число батальонов военных экипажей только с начала 1812 г., создав 9 новых, император довел до 23). Четыре тома документов, собранных и изданных в конце XIX – начале XX в. Л. Маргероном о подготовке к русской кампании, неопровержимо свидетельствуют о том, что Наполеон отдавал себе отчет в трудностях предстоящей войны и пытался исключить любые случайности^[840]. Что же произошло? Произошли три вещи.

Во-первых, эффективность администрации Великой армии 1812 г. оказалась необычайно слабой. Причины этого скрывались как в углублении внутренних, часто невидимых, факторов распада военного организма имперской Франции, о чем мы уже писали выше, так и в чрезмерном увеличении численности группировки вторжения. Уровень развития транспортных средств и коммуникаций еще не давал административных и технических возможностей для осуществления такого рода операций. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов и совпадения многочисленных привходящих факторов, чаще всего связанных с природными явлениями и оказавшихся психологически неожиданными для Наполеона, его офицеров и солдат. Ж. Морван верно подметил, что, отправляясь в поход, старые солдаты пренебрегли припасами, помня о беззаботности прежних кампаний, а конскрипты нередко следовали их примеру из чувства подражания и надеясь избавить себя от чрезмерной поклажи^[841]. Наконец, в-третьих, и это, пожалуй, являлось главным, Наполеон в планировании всей кампании исходил из порочной идеи быстрого военного решения конфликта с Россией путем разгрома русских армий в западных областях империи^[842].

Итак, к 25 августа, к началу марша на Москву от Смоленска, весь расчет Наполеона мог строиться только на скором поражении русской армии в генеральном сражении, стремительном вхождении в Москву и быстром заключении мира.

Как же питались солдаты, бросившиеся 25 августа вдогонку за русской армией и оказавшиеся на Бородинском поле? Нехватка хлеба была уже обычным явлением. Система армейских пекарен могла обеспечить только тыловые части или войска на флангах, но не главные силы, идущие к Москве. Поэтому солдаты сами пытались печь хлеб, используя разные способы, но в условиях биваков чаще всего зажаривая тесто на углях и в пепле. Иногда муку, если она была, просто засыпали в воду и варили, либо делали из муки и воды шарики и бросали в суп. Такое варево, иногда с добавлением хлебных зерен и свечного сала, называли «пульта». Те же хлебные припасы, которые удавалось захватить у русских, чаще всего состояли из ржаных сухарей («biscuit russe»), и французы, правда в отличие от немцев, есть их не могли. Столь же разочаровывали ранцы и сухарные мешки убитых русских солдат, где обычно обнаруживались только черствые и горькие на вкус сухари. Обычной пищей стала конина. Лошади, валявшиеся по сторонам Московской дороги, умиравшие или уже умершие, становились добычей голодных бойцов. Особенным предпочтением пользовались печень и сердце животного, а также еще не остывшая кровь. Другие же части лошадиной туши, приготовленные в спешке, французские солдаты ели с трудом. Конину либо варили, либо зажаривали на углях или на вертеле. Без соли такое блюдо шло очень плохо, и солдатам приходилось заменять соль ружейным порохом, содержащим селитру.

Главным неудобством было то, что порох, брошенный в воду, все окрашивал в черный цвет (язык и рот у многих после такого блюда становились черными). Селитра тонула, а уголь и сера плавали на поверхности, давая большую пену. Хотя селитра делала до известной степени конину сносной, но была едкой и горькой, вызывая изжогу и поносы. Особую проблему составляла вода, которая вплоть до Семлева встречалась редко. Та вода, которую все же находили, была плохого качества и приводила к расстройству желудка. Но иногда не было и ее. Очевидцы наблюдали, как обезумевшие солдаты пытались пить лошадиную или человеческую мочу. Попытки фильтровать воду, взятую из луж или грязных ручьев и речушек, слабо помогали. Пытались копать колодцы, но и это было не выходом – на их дне обнаруживали только грязную желтую воду^[843].

Потребление алкоголя в ходе русской кампании было в целом велико. Но солдаты получали, главным образом, шнапс или русскую водку, к которой французский или итальянский желудок совершенно не был приспособлен. Главный хирург Ларрей оценивал ее действие исключительно как наркотическое. Водка на время снимала усталость и возбуждала, но вскоре вызывала полный паралич организма уставшего и голодного солдата. Многие молодые конскрипты стали жертвами этого напитка^[844].

Конечно, так питались далеко не все. Часть генералитета не терпела вообще никакой нужды. Довольно неплохо питались и офицеры Главной квартиры. Кастелан написал в журнале, что в Главной квартире он неизменно мог получить «хлеб, полбутылки вина, суп и рагу»^[845]. Об обычном своем питании он сделал следующую запись: «Я давал, время от времени, по 20 франков одному курьеру, который готовил нам завтрак и обед. Каждый вечер он клал ко мне в карман небольшой кусок белого хлеба, и я понемногу его ел, когда был голоден; это мне обеспечивало белый хлеб к кофе, который также был со мной»^[846]. Следующей категорией, не терпевшей такой нужды, как большинство солдат, была гвардия, прежде всего Старая и Средняя, продолжавшая регулярно получать свои рационы, хотя и заметно уменьшившиеся. Наконец, командование некоторых частей, изначально систематически заботившееся о пропитании солдат, смогло обеспечить им сносную пищу. Примером тому может служить хотя бы 3-й линейный вестфальский полк. Находясь возле Смоленска, офицеры не только организовали доставку продовольствия из тыла, но, скосив хлеба, обмолотив их и перемолов на местных водяных и ветряных мельницах, сделали запас муки. В полку был также запас соли и квашеного теста (дрожжей)^[847]. Поэтому ко времени генерального сражения в этом полку большой проблемы с питанием не было. Утром 7-го солдатам было выдано 2 фунта хлеба и удвоенная порция водки. Через день после сражения запасы полка вновь были пополнены: часть нагнал офицер, отправленный накануне с командой для поиска припасов; он привез 8 тыс. фунтов хорошо выпеченных хлебов. 11 сентября один из полковых фуражиров раздобыл даже деликатесы: икру, семгу, консервированные фрукты и вино^[848].

И все же этот полк выглядел исключением. В других полках того же 8-го корпуса ситуация с питанием была тяжелой. «Дорогие родители, – писал домой вестфальский солдат И. А. Вернке, – теперь я должен сообщить вам о нашем последнем сражении, перед которым мы три дня голодали и находились на марше днем и ночью. В 4 утра мы пошли в бой с одной капустной кочерыжкой в желудке и так до 10 часов вечера. Тут мы опять ничего не получили и от усталости не могли ничего есть. Потом пришел маркитант, у которого был еще шнапс, у меня было всего три цвангера, которые я ему и отдал за маленькую шнапса, и тогда я снова вернулся к жизни, а то и меня не было бы на свете»^[849]. О почти полном отсутствии съестного и воды среди солдат и офицеров 4-го армейского корпуса накануне и после сражения писал Ложье^[850]. О том, что солдаты, «не получая никакой пищи в течение нескольких дней, были изнурены трудом и голодом», сообщил Пюибюску «один из главных чиновников армии»^[851]. Почти умирающим от голода встретил Кастелан после сражения генерала Дедема из дивизии Фриана. «Я дал ему кусок хлеба, за который он был очень благодарен, и выпил с ним кофе...»^[852]

Конечно же, изобилие продуктов у штабных и части генералитета на этом фоне выглядело вызывающим, разрушая еще оставшиеся у кого-то иллюзии о всеобщем братстве в Великой армии. Во время Бородинского сражения лейтенант К. Зуков оказался прикомандированным к штабу маршала Нея. В разгар боя маршал, повернувшись к одному из своих слуг, приказал: «Завтрак!» «В мгновение ока стол был накрыт — он состоял из большой льняной скатерти, раскинутой на земле, и включал такие аппетитные вещи, как масло, сыр, хлеб и прочее. Всевозможные спиртные напитки были в изобилии»^[853]. Столь же чудесным образом завтракал на лесной поляне примерно в тот же час генерал Жюно^[854]. Позже, в Можайске, где умирали от голода тысячи раненных под Бородином французских солдат, Жюно будет проводить время за столом, уставленным бутылками и всевозможными яствами^[855]. Даже во время отступления, когда случаи каннибализма стали не редкостью, Жюно брюзжал по поводу отсутствия хорошего вина и деликатесов. Потерявший свой багаж, он был пригрит в Смоленске генералом А.-Ф.-М. Шарпантье. «...Но у него неважные вина и повар, а потому ты можешь представить себе, что я не доволен подобного рода гостиницей», — отпишет Жюно своей жене^[856].

И все же под Бородином голод, который испытывали многие солдаты Великой армии, сыграл удивительнейшую и парадоксальнейшую роль. В известном смысле солдат был поставлен перед выбором — победить или умереть, и это делало его восприятие императорского воззвания, слов командиров и их призывов к победе уникальным. Как ни странно, но голод объединил и сплотил многих солдат, сделав их одновременно склонными к различного рода аффективным действиям. Только необычностью протекания психических реакций у многих солдат Великой армии 7 сентября, обусловленной во многом высокой степенью их возбудимости и раздражительности из-за голода, можно объяснить целый ряд эпизодов Бородинского сражения.

7 сентября под Бородином наполеоновский солдат сражался на пределе своих физических и психических сил. Он был убежден в скором заключении мира и завершении своих страданий. Этим и следует объяснять тот небывалый разгул грабежей, который начался в Москве. Впрочем, корни мародерства, которое разложило Великую армию, были более глубокими. Армия, рожденная в годы революции, ввела в практику обеспечение своих нужд за счет страны-противника. Вначале это практиковалось как «стихийное» мародерство, а затем Наполеон превратил его в официальный и хорошо организованный официальный грабеж при сохранении, если было возможно, дисциплины на низшем, солдатском, уровне. Но уже при подготовке к походу на Россию «стихийное» и «официальное» ограбление населения стали сливаться. Со стороны французских частей мародерство в отношении населения союзных государств вновь стало делом обычным. Советский историк Раткевич, работавшая с документами «вестфальского архива», выявила массу примеров того, как французы, проходя Вестфалию, не только грабили население, но и почти свободно громили королевские продовольственные склады, а в одном из городов даже стреляли в мэра^[857]. В этом отношении союзные контингенты вели себя не в пример более сдержанно. Немецкие и даже итальянские части стремились сохранить высокую дисциплину. Вестфалец Лоссберг свидетельствовал, что, когда в Польше один офицер 3-го линейного вестфальского полка грубо потребовал у хозяина дома, куда он был определен на постой, отдельной кровати, он был наказан^[858]. Однако после перехода русской границы ситуация с продовольствием деморализующе подействовала и на союзников, которые были вынуждены усвоить практику французских солдат. Уже у Вильно Брандт из Легиона Вислы видел целые толпы мародеров и то, как по всем дорогам тянулись обозы всевозможного награбленного добра^[859]. Ко времени марша от Смоленска на Москву грабили уже все. «Наши войска, — писал Лоссберг о своих вестфальцах 31 августа в Вязьме, — конечно, тоже (как вступившие ранее французские части. — В.З.) занялись тушением пожара, а больше всего грабежом»^[860]. Нельзя сказать, что командование не боролось с мародерством, боясь прежде всего его разлагающего

воздействия на войска. Расстрелы мародеров имели место в Вильно, Минске и других местах^[861].

При движении от Смоленска грабежи только усилились. Наполеон, въезжая в Вязьму и оказавшись свидетелем беспорядков, направил свою лошадь в группу грабивших солдат и разогнал их. Он немедленно приказал расстрелять одного из грабивших, которого удалось поймать, но... позже остыл и отменил приказ^[862]. В Гжатске, готовясь к генеральному сражению, командиры корпусов безуспешно пытались хотя бы на несколько дней остановить мародерство. Богарне в приказе озабоченно отметил, что число пленных из числа отлучившихся из частей солдат, которых враг берет каждый день, достигает уже многих сотен!^[863] Но что можно было сделать? Уже давно сами армейские части были заняты организацией партий мародеров, которые должны были действовать в радиусе 10, а то и более километров^[864]. «Голод научит всякому промыслу», – был вынужден философски заметить добродетельный Роос, видя, как солдаты его полка обшаривают трупы^[865].

Начиная с Гжатска, французские солдаты стали обворовывать своих офицеров. Впрочем, солдаты соблюдали известную «порядочность»: они воровали у «чужих» офицеров, то есть не из своих полков. Один из таких случаев описал Кастелан в своем дневнике. В Гжатске он приобрел 6 бутылок вина за 48 франков и поставил их на подоконник в своей комнате, не обратив внимания на то, что форточка была открыта. Удалившись на 5 минут и возвратясь обратно, он увидел, как «дьявольская рука берет мою последнюю бутылку». «Мой слуга, – повествует он далее, – быстро выбежал отрезать отход этому солдату; я от него потребовал возвратить мое вино, он мне ответил, что взял только одну бутылку и что его товарищ уже все унес. Я не отставал и сильными ударами сабли плашмя заставил его открыть ранец; я обнаружил еще две бутылки. Этот собрат по оружию хорошо знал, что вино принадлежит офицерам, но не офицеру его полка; поэтому все было вполне легально»^[866]. Кастелану пока повезло, однако позже в Можайске, 11 сентября солдаты все-таки смогли ободрать его седельные сумы^[867].

Но настоящее мародерство со всеми вытекающими из него последствиями для дисциплины и духа войска началось в Москве. Солдаты говорили, «что теперь настало время отдохнуть и вознаградить себя за все пережитые лишения. Теперь стало уже немыслимо поддерживать порядок». «В этом до сих пор так прекрасно дисциплинированном войске, – продолжает Брандт, – беспорядок дошел до того, что даже патрули украдкой покидали свои посты»^[868]. Разгул солдатского грабежа, без сомнения, стал одной из важных причин великого московского пожара. «...Везде, где мы проходим, мы сжигаем страну, – написал домой 27 сентября солдат 21-го линейного полка Филиберт Пулашо, – войдя в Москву, мы сожгли этот старый город...»^[869] Командование тщетно, даже спустя две недели после вхождения в Москву, пыталось прекратить грабежи. В приказе на день 29 сентября Бертье беспомощно пытался заставить командиров корпусов удерживать солдат в пределах частей их квартирования. «Солдаты, в отношении которых будет доказано, что они продолжают грабеж, будут преданы, начиная с завтрашнего дня, т. е. с 30 сентября, воинским комиссиям и осуждены по строгости законов», – гласил приказ^[870]. Но остановить внутренний развал армии было уже невозможно. Эпидемия грабежей и торговли ворованным захватила и гвардию. Армейцы стали называть теперь гвардейцев не иначе как «московскими купцами» или «московскими евреями»^[871]. Организм Великой армии стал интенсивно распадаться.

2.5.2. Марши

Тяжелая ситуация с продовольствием, которая, в свою очередь, способствовала массовому мародерству, была не единственным фактором, подорвавшим физические и моральные силы наполеоновского солдата. Необычайно изматывающими оказались марши. «Войска больше убивают маршами, усталостью, нежели оружием врага», – так выразился в письме,

отправленном жене из Москвы, начальник штаба 4-го армейского корпуса генерал А.-Ш. Гильемино^[872].

В идеале марш представлял собою следующее. Он начинался в 5–6 утра и заканчивался к полудню, когда войска проходили определенную дистанцию (в среднем по 30 км). Расчет обычно исходил из того, что пехотинец делал 76 шагов в минуту с 5-минутными перерывами в конце каждого часа. При движении разных родов войск в параллельных колоннах кавалерия, которая поднимала много пыли, обычно шла с подветренной стороны. Артиллерию с тактической точки зрения командование старалось располагать справа от дороги. Каждая дивизия (если двигалось меньшее соединение, то оно тоже) высылала за несколько часов до начала марша передовую партию, состоявшую из фурьеров и адъютанта. Она заранее определяла место биваков. Отставшие во время марша солдаты собирались потом в небольшие депо вдоль коммуникационной линии. Там их сбивали во временные подразделения и отправляли вслед за их частями. Но даже марш, проведенный в идеальных условиях, требовал большого искусства и напряжения физических и нравственных сил его участников^[873].

Но каково было делать марши в условиях военных действий, да еще в России! Часто на очень длительные расстояния, без должного продовольственного и прочего обеспечения, нередко по дурным дорогам, в зной или под проливным дождем. Особенно часто вспоминали участники кампании марш на Смоленск, который проходил под раскаленным солнцем. По дорогам стояла такая страшная пыль, что не видно было в нескольких шагах. Люди задыхались от пыли и, испытывая острую нехватку воды, клали в рот листья березы, чтобы хоть как-то облегчить жажду. «Пыль эта была так густа, что ее, казалось, можно было резать ножом», – писал Брандт^[874]. «Но самое неприятное для нас было то, – писал в те дни Лоссберг, – что правее и левее нас по широкой дороге шли части всех родов войск и повозки. Хотя от полка, еще до прибытия на бивак, были высланы квартирьеры и отряды фуражиров... но все же солдатам пришлось поздно ложиться спать, так как вода была найдена в расстоянии около 1 1/2 часа»^[875]. Такого рода марши заканчивались для многих солдат плачевно. Каждый день были слышны выстрелы по сторонам дороги. «Докладывали, – вспоминал лейтенант Зуков, – что это кирасир, гусар или пехотинец, француз или союзник, который только что застрелился»^[876]. «В течение сегодняшнего дня, – докладывал генерал Делаборд, командир дивизии Молодой гвардии, 30 июня, – 3 тиральера и 6 вольтижеров остались мертвыми по дороге»^[877]. Даже лучшие части и соединения приходили в расстройство от таких маршей. Так, в конце июля возле Орши солдаты лучшего из армейских 1-го корпуса Даву передвигались без строя, малыми группами, многие на лошадях верхом или на русских телегах^[878].

Особенно сильно эти марши расстраивали кавалерию и артиллерию. Массовый падеж лошадей катастрофически быстро уменьшал боевую силу кавалерийских частей, тем более когда происходило передвижение больших корпусных масс резервной кавалерии. Что касается кавалерийских обозов, то Наполеону долго казалось, что выход состоял в широком использовании в упряжках волов^[879]. Но на практике этого не получалось. Н.-Ж. Соваж, лейтенант из резервной артиллерии 3-го армейского корпуса, вспоминал, что когда солдаты артиллерийского обоза согнали волов и запрягли их в зарядные ящики, то оказалось, что 10 волов едва могли тянуть одну упряжку. Тогда капитан Гудар, начальник Соважа, предложил способ «перепряжки»: партии лошадей и волов перевозили часть зарядных ящиков до определенного пункта, а затем, возвратившись назад, перетаскивали остальные^[880]. Это с неизбежностью приводило к отставанию обозов от артиллерии.

От Смоленска до Бородина главные силы двигались тремя колоннами. Центральная колонна, во главе с Наполеоном, шла по Большой Московской дороге практически одной массой. Сама дорога была занята артиллерией и экипажами, по сторонам от нее шла пехота в

дивизионных колоннах, то есть примерно по 80 человек по фронту! Далее, за пехотой, двигалась кавалерия^[881]. С 26 по 31 августа, вплоть до Гжатска, войска испытывали страшную нужду в воде и невыносимо страдали от пыли, которую поднимали марширующие колонны в знойный день. Солдаты закутывали головы платками, мастерили самодельные респираторы, оставляя только щелку для глаз^[882]. Не видя ничего вокруг себя, марширующие прислушивались к звуку барабана, который двигался в голове батальона, и шли за ним. «Почти каждые 100 шагов по сторонам дороги валялись павшие лошади или другая убитая скотина; их внутренности лежали тут же на дороге и распространяли страшное зловоние», – писал Лоссберг^[883].

В Гжатске удалось немного передохнуть. Почва пошла более плодородная, встречалось много лугов, воды стало больше. В преддверии генерального сражения император приказал войскам подтянуться, всем начальникам поставить в строй тех, кто сопровождал повозки, а главное – избавиться от «лишних» экипажей и груза. Хотя жандармам был дан приказ сжигать все небоевые повозки, мешавшие движению войск, но реально этого сделать не удалось. Командиры загоняли повозки в середину строя и оберегали их. Многие мемуаристы передают рассказ о двух повозках генерал-адъютанта Нарбонна, которые попались на глаза императору и которые тот приказал для острастки сжечь. Но как только император ускакал, солома, обложенная вокруг повозок, была немедленно потушена^[884]. Каждый теперь думал не только о том, чтобы беспрекословно выполнять приказания императора, но и о том, чтобы выжить. Все надеялись на то, что эти ужасные марши вскоре закончатся. Генеральное сражение, за которым должно было последовать вступление в Москву, казалось концом всех испытаний. Мало кто думал, что изнурительные летние марши будет невозможно сравнить с теми, которыми пойдут остатки Великой армии при отступлении 1812 г.

2.5.3. Ночлеги, биваки и животные

В дни войны, когда солдат оказывается в так называемой «пограничной ситуации», между жизнью и смертью, ежедневные бытовые занятия наполняются особым смыслом. С одной стороны, быт также приобретает необычный характер, пропитываясь духом экстремальной ситуации, но с другой – солдат привыкает к необычности своего существования и превращает бытовые занятия в сферу физического и душевного отдохновения.

Второй после пищи главной проблемой для солдата был, конечно, ночлег. В походе прочные стены и крыша казармы сменялись открытым небом или в лучшем случае шалашом. Наполеон не одобрял палаток, полагая, что по ним враг может легко определить численность войска, потому что они требовали больших усилий при транспортировке и потому что они не давали возможности солдату обогреться теплом костра. Палатки, считал император, нужны только для старших офицеров, работающих с картой и готовящих письменные приказы^[885]. Действительно, солдаты и большинство офицеров наполеоновской армии обычно спали у костров, часто сооружая из подручных материалов какой-либо навес. Обычно это был шалаш из веток, открытый в сторону костра. Но иногда в дело шло все, что попадалось, как, например, парниковые рамы, которые использовали солдаты Легиона Вислы возле Вильно^[886]. Конечно, если стоянка ожидалась длительной, строились казармы или более основательные укрытия. Как это часто бывает, солдат быстро привязывался к такому жилищу, проникаясь ощущением своего дома. На одном из писем, отправленном неизвестным офицером из России в 1812 г. и не попавшем на родину, мы увидели рисунок одного такого временного жилища, похожего то ли на палатку, то ли на сарай, с выходом, завешанным шкурой, с окном, «диваном» и даже «библиотекой»! С какой теплотой описывал офицер это пристанище, стараясь, без сомнения, сохранить память о каждом уголке своего военного дома^[887].

Большим счастьем для солдата считалось переночевать в каком-либо доме или на сеновале. Нередко последнее оказывалось даже предпочтительнее, так как русские избы были обычно переполнены другими постояльцами – клопами. Дневники и воспоминания французских и немецких офицеров пестрят пометами об этих «избяных зверях». Однако с приходом холодных ночей европейцы становились покладистее. Впрочем, за исключением ужаса перед клопами, не только солдаты, офицеры, но и генералы наполеоновской армии были в отношении ночлега достаточно неприсохливы. В дневнике Кастелана, к примеру, постоянно упоминается о том, как высший генералитет Великой армии спит то в риге, то под лестницей «греческой церкви» на соломе, то в хлебном амбаре^[888]. Рисунки с натуры А. Адама повествуют нам о биваках вице-короля Италии Богарне: он отдыхает под кустом, набросив на голову платок, спит на соломе возле костра, лежит на телеге...^[889] Только на рисунке, помеченном 6 сентября, изображена, наконец, палатка вице-короля^[890]. Очень немногие отличались требовательностью к хорошему ночлегу. Одним из них, например, был Мюрат, который проявлял истинную страсть ночевать в хороших «шато» (русских помещичьих усадьбах). Дело доходило до того, что вечером по его приказанию авангард специально ввязывался в бой, чтобы захватить «хорошенькое» жилище. Среди солдат это получило название «la guerre de château»^[891].

Остановившись на бивак (а порядок его разбивки для каждого подразделения, конечно, специально определялся командованием, дабы можно было быстро изготовиться к отражению нападения или же двигаться дальше) и разведя костры, солдаты, прежде всего, погружались в хлопоты о еде и ночлеге. В каждой роте должно было быть 8 больших чайников, 4 топора, 4 кирки и 4 лопаты. Ротный наряд обычно назначался в 15 человек во главе с капралом. Поварами могли быть попеременно члены наряда. Старшие офицеры, конечно, питались отдельно. Генералы для обеспечения своего быта имели обширный «персонал». В распоряжении дивизионного генерала Компана, к примеру, был метрдотель Луи, лакей Деваль, 2 кучера, 4 жандарма. Его обоз состоял из 5 лошадей для экипажа, множества верховых лошадей, около 30 грузовых лошадей, большого количества фургонов, колясок и экипажей!^[892]

Быт же большинства чинов Великой армии был очень нехитрым. Весь «персонал» рядового солдата мог состоять в лучшем случае из какой-нибудь прибившейся собаки. Эти животные были обычными спутниками солдат наполеоновской армии. На о. Св. Елены Наполеон вспоминал, как однажды в Италии ночью он объезжал поле битвы и увидел убитого солдата, рядом с которым стоял его верный пес^[893]. Много собак было с французами и в России. Р. Вильсона, британского военного комиссара при русской армии, особенно поразил один случай возле Вязьмы, имевший место во время отступления Великой армии, который он описал так: «Пятьдесят французов были схвачены и сожжены заживо. Собака одного из них несчастных каждый день приходила из французского лагеря на могилу своего хозяина. Крестьяне боялись, как бы все не открылось, но только через две недели они смогли убить верное животное»^[894].

Война оказалась жестокой и по отношению к другим животным – лошадям. При вступлении в Россию конский состав Великой армии был великолепен. «Никогда мир не видел лучшей кавалерии, большего наличного состава и лучшего конского ремонта!» – вспоминал Тирион, в 1812 г. старший вахмистр 2-го кирасирского^[895]. Однако сразу после Немана начался массовый падеж лошадей. Причин этого было много – от изменений в пище и воде, что для лошадей всегда имеет большое значение, до чрезмерно изнурительных маршей и честолюбия кавалерийских начальников. В последнем случае особенно неразумно, впрочем, при сознательном попустительстве со стороны императора, вел себя начальник всей резервной кавалерии Мюрат. Сохраняя огромные кавалерийские массы вдоль больших дорог и не утруждая себя выяснением реального состояния конского состава, Мюрат губил кавалерию. Однажды командир 1-го кавалерийского корпуса Нансути в ответ на безрассудный приказ

Мюрата заявил, что «лошади не имеют патриотизма» и если солдаты могут воевать без хлеба, то лошади без овса не могут^[896].

С большой болью расставались кавалеристы со своими павшими лошадьми. Много лет спустя они будут вспоминать о своих «боевых товарищах», погибших от вражеского снаряда, а чаще всего от отсутствия фуража и невыносимых маршей. «Утром у каждого передка, – вспоминал лейтенант Н.-Ж. Соваж из парков резервной артиллерии 3-го армейского корпуса, – можно было видеть по два или по три из этих несчастных животных, в упряжи, с построками на вальках, в борьбе со смертью или уже без движения. Конюхи и обозные солдаты, со слезами на глазах, старались не смотреть на эту тяжелую картину»^[897]. О тех лошадях, которые возвратились из Русского похода, рассказывали потом легенды. Одной из них был конь по кличке Кадет. Рядовой драгун Меле из императорской гвардии ездил на нем с 1806 г., участвуя в прусской, польской, испанской, австрийской кампаниях. Во время отступления из России он постоянно заезжал ночью в русские линии, чтобы захватить фураж для Кадета. Они были вместе и в 1813, и в 1814 г. Только под Ватерлоо драгун был ранен, а его верный товарищ убит^[898].

Биваки перед Бородинским сражением запомнились многим. Ложье с 4-м армейским корпусом в ночь с 5 на 6 сентября оказался «среди песков, с длинными рядами ив и кустарников по сторонам». Остро ощущался недостаток топлива, костры лишь слабо мерцали, было мокро и сыро. «Наши огни, – вспоминал Ложье, – распространяют вокруг нас облака густого черного дыма и обрисовывают во мраке лишь бледный отсвет. Одни стараются как-нибудь устроить себе шалаши из листвы, т. к. погода суровая. Другие сидят вокруг котлов и присматривают за своим скромным ужином. Те, у кого есть ржаная мука, готовят род теста, который зовут, не знаю почему, пульта. Около полуночи начинает капать мелкий холодный дождь при сильном ветре, и очень скоро наш лагерь становится сплошной топью»^[899]. Кое-кому повезло. Кастелан, например, «провел ночь очень хорошо, на прекрасной соломе, в маленьком доме (вероятно, в Валуеве. – В.З.)»^[900]. 6-го, когда стало известно, что русская армия не ушла и будет битва, все занялись приготовлениями к сражению. «...Некоторые чистили ружья и иное орудие, другие делали бандаж для ран, другие писали свои завещания, а третьи пели или спали в совершенно индифферентном состоянии», – вспоминал Бургонь из Молодой гвардии^[901]. Известный нам Кастелан провел большую часть дня 6 сентября в Валуеве. Солдаты в поисках припасов и других «полезных вещей» обшарили не только дома, но и огороды. «Днем, в доме, – записал в дневник Кастелан, – мы не находили посуды; кирасир сказал мне: “Посмотрим в саду”. Он обшарил землю саблей и нашел тарелки и кастрюли»^[902]. Некоторые части, например из 4-го кавалерийского и 8-го армейского корпуса, подошли на поле только к ночи. «Уже наступили сумерки, – записал Лоссберг, – когда мы после перехода через ручей (вероятно, р. Колоочь. – В.З.), текущий вдоль большой дороги и вправо от нее, остановились на месте нашего нового ночлега. Уже наступила совершенная темнота, когда мы расположились на ночлег, воткнувши около себя срубленный кустарник для защиты от холодного осеннего ветра»^[903]. Кастелан намеревался провести в Валуеве комфортно и эту ночь. Не тут-то было. «Я остановился во дворе деревни, – повествует его дневник, – вблизи моих лошадей, и провел очень дурную ночь. Я замерз. Неожиданно раздался сильный шум; это шеволежерский офицер обронил свою пику, ворча о том, что не ел хлеба последние три дня... Затем были отосланы лошади; конюхи, после ушли гусары; спать было невозможно...»^[904] Еще хуже пришлось Ложье из 4-го корпуса, который провел ночь на сырой земле, без огней. «Дождливая и холодная погода, – вспоминал он, – резко сменила жары. Внезапная перемена температуры вместе с необходимостью обходиться без огня заставила нас жестоко страдать последние часы перед рассветом. Кроме того, мы умирали от жажды, у нас не доставало воды, хотя мы и лежали на влажной земле»^[905].

Таким для многих солдат оказался последний бивак... Те, кто выжил 7 сентября, были убеждены, что страдания их наконец закончились. Все предвкушали вступление в Москву. «Ничто не может быть забавнее, – писал Лоссберг, – чем те желания, которые теперь проявляются. Среди офицеров некоторые уже предвкушают ухаживания своего хозяина, справляющегося, какое он любит вино, предпочитает ли он матрац или пуховую перину. Другой мечтает найти в своей будущей квартире немцев и, особенно, любезных и музыкальных дам. Третий мечтает о театре, четвертый о балах, и т. д. до бесконечности. Солдаты высказывают больше материальных интересов и говорят о хорошей еде, о вине, пиве и водке»^[906].

Теперь никто и ничто уже не могли сдерживать природных инстинктов... Еще совсем недавно эстетствующий военный чиновник А. Бейль, остановившийся недалеко от Вязьмы рядом с биваком гвардейской кавалерии, был оскорблен, когда в тридцати шагах от него «в подветренной стороне мамелюки Наполеона расположили свою уборную»^[907]. Теперь же, в Москве, охраняя Кремль, гвардейцы будут оправляться вообще где им заблагорассудится. «Обер-гофмаршал (Дюрок. – В.З.), – читаем мы в приказе на день по дивизии Старой гвардии от 23 сентября, – оживленно сетовал на то, что, несмотря на повторные запреты, солдаты продолжают отправлять свои нужды во всех углах и даже под окнами императора»^[908].

Это был распад армии. Агония произойдет при отступлении. Письма французов, отправленные домой из занесенного снегом Смоленска, полны перечислением того, что они потеряли, какого добра, награбленного или благоприобретенного, лишились: «кале, четверых лошадей», «коляску, лошадей, провизию, багаж и много чудесных вещей...», «карету, лошадей, багаж, слуг»...^[909] После Смоленска биваки выглядели просто страшными. 13 ноября Вильсон занес в дневник один из ужаснувших его эпизодов: «Несколько голых мужчин с обмороженными спинами, греющие переднюю часть тела, сидя перед пылающими остатками хижины. Все еще чувствительные к холоду воздуха, они поворачивались, когда загоралась их обмороженная плоть, отчего вся поверхность спины покрыта была твердой пригорелой кожей»^[910].

2.5.4. Быт и здоровье Наполеона

Подобно тому, как повседневные бытовые детали играли жизненно важную роль для рядового солдата Великой армии 1812 г., ночлег, питание и способ передвижения так же не могли не сказаться на мыслях и решениях французского главнокомандующего накануне, во время и после Бородинского сражения.

В 1812 г. Наполеон был уже не молод. Еще под Аустерлицем в 1805 г. он как-то сказал, что для войны нужен определенный возраст: «Я оставляю себе еще 6 лет, после чего даже я должен буду остановиться». Наблюдавшие его в 1812 г. отмечали, что верховая езда начинала утомлять его, он стал более сонлив, менее подвижен. «Его величество проявляет меньше жизни, – записал 7 июля Кастелан, – он разжирел; садится на лошадь с большим трудом. Главный шталмейстер должен был ему помочь садиться в седло»^[911].

Медики и историки не раз обращались к изучению тех заболеваний, от которых Наполеон особенно страдал в 1812 г. Их можно суммировать следующим образом. Во-первых, геморрой, который серьезно мешал императору ездить верхом, сопровождаемый болями и запорами. Во-вторых, уремия, проявлявшаяся в задержке мочеиспускания. Современные медики склонны считать, что это было заболевание, которое сегодня обычно называют дизурией и которое у Наполеона было связано либо с психическими перегрузками (хирург Ивон отмечал, что на эмоциональные перегрузки организм Наполеона реагировал спазмами желудка и мочевого пузыря), либо с шистосоматозом, обусловленным специфической инфекцией, занесенной еще в Египте. В-третьих, с 1811 г. у Наполеона начал развиваться нейроэндокринный синдром, проявлявшийся в ослаблении энергии, в усталости, снижении

веры в себя^[912]. Стоит ли поэтому удивляться, что малейшие детали, ухудшавшие повседневный быт Наполеона, самым серьезным образом отражались на его поведении как главнокомандующего?

Персонал, обслуживавший в 1812 г. Главную квартиру и Главный штаб, был огромен. Только «первый эшелон» сопровождало 5 вагонов с палатками и их оборудованием, один вагон для амбуланса, 5 вагонов для продовольственных припасов и т. д. Со «второй партией» двигались более крупные палатки для императорского лагеря, 1 тыс. «рационов» сухарей, риса и спиртного, затем – еще «резерв» из 2 тыс. «рационов». «Тяжелый» багаж одного только императора имел 24 повозки, включая большой наполеоновский «берлин» и 240 лошадей. Однако Наполеон с Бертье двигались обычно с малой передовой партией, налегке, перевозя с собой только 4–5, а то и только две небольшие палатки. Однако и они употреблялись только тогда, когда не было удобных зданий. Если такое здание находилось, первой заботой было устроить кабинет в одной из его комнат. Немедленно вносились портфели с бумагами, карты, 2–3 коробки, разделенные на ячейки, в которых была часть походной библиотеки императора. Любой стол, а иногда и дверь, положенная горизонтально, становилась его рабочим столом. В соседней комнате раскидывалась небольшая железная кровать под пологом, ставился его несессер...^[913] Однако найти в России удобное строение для императора было не всегда возможно, тем более что особый ужас у французов вызывали русские клопы, не дававшие по ночам сомкнуть глаз, а нередко и тяжелый душный запах, стоявший в комнатах.

С 4 сентября, когда Наполеон в преддверии генерального сражения покинул Гжатск, четыре ночи подряд он вынужден был спать только в палатке. Что она собой представляла? В течение своей карьеры Наполеон использовал несколько палаток, в чем-то отличавшихся друг от друга. Те, в которых (или в которой?) он ночевал в 1812 г., по всей видимости, были из холста с белыми и светло-синими полосами, имевшими две большие «комнаты». Польский офицер Жозеф-Игнасий Тадеуш Грабовский, поступивший в конце 1812 г. на службу к генералу М. Сокольницкому, описал такую палатку, увиденную им в 1813 г. Перед палаткой стояли на посту два гренадера. Войдя в проход, Грабовский увидел идущий справа и слева от себя своего рода коридор, окружавший два главных помещения. Ночью в коридоре находились первый лакей императора, мамелюк и несколько офицеров-ординарцев. В первой «комнате» стоял большой стол, на котором были разложены карты, утыканные булавами с разноцветными – красными и черными – головками, обозначавшими перемещение своих и неприятельских войск. Сбоку от этого стола стоял другой, предназначенный для секретарей и для работы императора^[914]. Вторую «комнату» Грабовский не увидел: это была спальня, отделенная от «кабинета» холщовой перегородкой. В спальне размещалась небольшая железная кровать под балдахином, на походный столик ставился знаменитый императорский золотой несессер, который Наполеон в 1821 г. завещал своему сыну, особо отметив, что тот был при нем в битве при Москве-реке^[915]. Здесь же был оборудован походный клозет. Рапп описывает, как 26 августа у Дорогобужа Наполеон, мучимый запором, из-за занавески, отделявшей «спальню» от «кабинета», диктовал своим адъютантам «с индифференцией, но достаточно громко» инструкции для герцога Беллунского^[916]. «Кабинет» же служил еще для двух целей – в нем император обедал (чаще всего с Бертье, за исключением тех нескольких дней в начале сентября 1812 г., когда начальник Главного штаба, оскорбленный одной из выходок своего сюзерена, в знак протеста ел у себя; совместные обеды возобновились только в Можайске), а когда уходил спать, там располагались на ночлег дежурный адъютант и секретарь.

Уже первая ночевка после Гжатска в такой палатке возле Гриднево с 4 на 5 сентября, дала себя почувствовать. В ту ночь заметно похолодало, а к утру 5-го на траве появилась изморозь^[917]. Две следующие ночи, проведенные в палатке возле Валуева, совсем расстроили здоровье императора. Помимо сырой, холодной и ветреной погоды свою роль сыграло еще и

то, что приближалось осеннее равноденствие, когда Наполеон всегда чувствовал себя плохо. Ночь после тяжелейшего дня сражения тоже пришлось провести в палатке, к западу от Шевардинского редута, и тоже в условиях чрезвычайно плохой погоды. Только вечером 8-го император наконец-то оказался под крышей деревенского дома д. Кекувячино. К тому времени состояние его здоровья было совсем плачевным – к простуде и обострившейся уремии добавился ларингит. Когда 9 сентября Наполеон въедет в Можайск и разместится в каменном купеческом доме, он уже не сможет, как обычно, диктовать приказы и письма. Наполеон будет царапать их своей рукой на листках бумаги, передавая затем секретарям, адъютантам и другим чинам Главной квартиры. Последние, с трудом разбирая каракули, будут их переписывать^[918].

Для передвижения Наполеон использовал две кареты. Одна представляла собой большой «берлин», другая же была более легким экипажем. Прочно сделанная, хорошо оборудованная и выкрашенная в зеленый цвет, эта вторая карета использовалась Наполеоном в 1812 г. чаще всего. Она имела только два места для пассажиров, одним из которых был Наполеон, а вторым, как правило, Бертье. Император и начальник Главного штаба могли работать в ней одновременно, не мешая друг другу. Там же можно было есть, а «превратив» одно из сидений в кровать, – и спать. Однако начиная с 4 сентября, когда Наполеон сел в Гжатске в час дня верхом на коня по имени Москву^[919], и вплоть до второй половины дня 8-го, когда император впервые за несколько дней залез в экипаж, он неизменно передвигался только верхом. В его распоряжении было множество лошадей разной масти – белых, серых, чубарых и гнедых. Большей частью это были арабские лошади, но были лошади и других, в том числе русских, пород. Во время кампании 1812 г. обер-шталмейстер Коленкур каждый вечер педантично заносил в свой журнал имена лошадей, на которых ездил император, и расстояние, им преодоленное. Благодаря этому нам известно, например, что одного из коней звали Москву (le Moscou, Москва), а того, который у Ковно сбросил Наполеона, – Фридланд (le Fridland). Во время верховой езды Наполеон, как правило, через несколько часов менял лошадей. Так, утром 7-го Наполеон отправился от своей палатки к Шевардинскому редуту на коне Люцифере, а в 4 часа дня он выехал от командного пункта на рекогносцировку на Эмире, затем пересев на Куртуа. Во время таких поездок верхом сопровождавшие его специальные лица должны были везти все, что ему могло понадобиться в дороге: мамелюк вез флягу с коньяком, редингот и запасной мундир, свернутыми у седла; паж, помимо подзорной трубы, имел в седельных сумках носовые платки, пару перчаток, небольшой запас бумаги, перьев, чернил, карандашей и сургуча, а также пару циркулей; хирург (под Бородином это был знаменитый А.-Ю. Иван) – свои инструменты и бандаж, в то время как два специально выделенных лакея, ехавшие чуть подальше, – транспортировали другие медицинские припасы; двигалась бригада запасных лошадей и т. д.^[920]

И все же в 1812 г. работа служб, призванных обеспечить быт и работу главнокомандующего Великой армией, не всегда была на высоте. Сказывались обширность пространств, особенности дорог (не всегда столь восхитительных, как главные тракты), масштабы проводимых операций и слабое представление о театре действий. Наконец, нельзя игнорировать такие важные и естественные для любого человеческого организма вещи, как влияние на самочувствие непогоды и непривычного для южного европейца русского климата. Все вместе это не могло не сказаться на тех решениях, которые принимал Наполеон под Бородином.

2.5.5. Униформа и оружие

Особую роль в жизни солдата Великой армии 1812 г. играла военная одежда. Она не только была важнейшим символом принадлежности к военному сообществу, не только воплотила в себе эстетические взгляды, корпоративные традиции, особенности социального и национального положения ее владельцев, но и отразила все перипетии кампании 1812 г.,

начиная от природных условий театра военных действий и заканчивая состоянием духа армии, отдельных частей и даже солдат.

Французский мундир наполеоновской эпохи родился в годы Революции, когда белые кафтаны армии Старого порядка постепенно были вытеснены синими, носившимися первоначально солдатами национальной гвардии^[921]. В начале XIX в., в связи с проблемами получения с Явы, из Бенгалии и Гватемалы индиго, использовавшегося в качестве красителя, был поставлен вопрос о возможности вернуть пехотинцам белые мундиры. В армии это вызвало разную эмоциональную реакцию. Многие приветствовали этот эксперимент, вызвавший у некоторых ветеранов чувство ностальгии по временам старой армии, а кое у кого и надежды на возвращение к прежним дореволюционным порядкам. Однако большинство в армии, все еще проникнутое республиканскими настроениями, этой затее не одобрило. В конечном итоге эта попытка, начатая в 1805 г., к 1807 г. была оставлена. Однако вплоть до 1812 г. среди полков французской армии продолжали еще встречаться мундиры белого цвета^[922].

Помимо того, что мундир наполеоновского времени воплощал своего рода политический идеал французской армии – цезаризм, рожденный Революцией, он отразил и особенности эстетических воззрений людей той эпохи (человек начала XIX в., чувствуя противоречие между античным идеалом в одежде и утилитарностью своего костюма, пытался сделать этот костюм более разнообразным и ярким), а также заметное стремление к функциональности. Несмотря на бросающееся в глаза современному человеку неудобство военной формы начала XIX в., она не была уж столь непрактичной. К примеру, кивера, которые стали с 1806 г. заменять в пехоте фетровые шляпы, защищали голову солдата и от сабельных ударов, и от непогоды, а козырек кивера защищал глаза от солнца. В самом кивере можно было носить разнообразные солдатские принадлежности, а ночью его нередко подкладывали под голову вместо подушки (такого рода картину изобразил на одном из своих рисунков 1812 г. Адам).

Наполеоновская армия, все более иерархизируясь, производила многочисленные внешние символы в одежде для закрепления новых социальных структур. Все начиналось с первых дней службы, когда молодой солдат, получив форменную одежду и амуницию, получал и свою персональную книжку (*livret*), в которую периодически заносились сведения о состоянии носимого имущества. Военная одежда становилась частью солдатского естества, тем элементом, который, наряду с самой жизнью солдата, был единицей учета огромного армейского организма. Любая перемена в солдатском статусе в рамках этого механизма теперь автоматически отражалась на его одежде: от шевронов за выслугу лет до множества внешних отличий при переходе в элитную роту. То же происходило и с одеждой офицеров. Кастелан вспоминал, как, узнав о своем продвижении по службе после Бородина, его товарищи, не дожидаясь оформления официальных бумаг, спешили внести изменения в детали своих эполет^[923]. Социальный статус человека не просто отражался на внешних элементах формы, но и сами детали мундира непреодолимо воздействовали на внутреннее самоощущение его владельца. Помимо этого, мундир традиционно использовался властью и для распаления духа состязательности и корпоративности: гвардии с армейскими частями, элитных рот с ротами центра, кавалерии, пехоты и артиллерии друг с другом, наконец, между отдельными полками, равными в формальной иерархии между собой. Это было то, что называется «честью мундира», но никогда это чувство не было столь эффективно использовано властью, как во время Первой империи во Франции.

Вплоть до 1812 г. фактически существовали два канала формирования и развития «честь мундира»: один – формировался властью через различного рода частные регламентации форменной одежды, а второй представлял собой некую внутреннюю самопроизвольную традицию, рождавшуюся в обыденной армейской жизни. Так, помимо официальных

регламентов, элитные роты сами вводили или видоизменяли элементы своих отличий – султаны, этишкеты, эполеты, латунные бляхи, галуны... Полковники придумывали самые замысловатые формы для своих музыкантов. Да и сам непростой армейский быт постоянно вызывал к жизни такие варианты одежды, которые в обычной жизни было трудно представить. «Во многих частях, – отмечалось в циркуляре по корпусу Даву от 21 сентября 1811 г. – солдаты нередко надевают предметы обмундирования... не соответствующие даже полкам, так что создается фантастическая униформа»^[924]. Однако все же это подчинялось ряду неких общих принципов и традиций. К 1812 г. власть сделала попытку монополизировать регламентацию мундирной символики. Комиссия, в состав которой входили многие видные военачальники, в том числе маршалы Л.-А. Бертье, Ж.-Б. Бессьер, генералы Ф.-Ж.-Б. Ф. Кюриаль, П. Ватье и др., попыталась разработать и утвердить все или почти все, что касалось униформы. В разгар подготовки к походу в Россию Наполеон торопился с утверждением и введением этого нового всеобъемлющего регламента^[925]. Наконец, 19 января и 7 февраля 1812 г. подписанием двух декретов^[926] новое обмундирование было узаконено в «регламенте Бардена», по имени Э.-Л. Бардена, гвардейского майора, автора основного текста утвержденных документов.

Хотя военная администрация предпринимала энергичные усилия реализовать унификацию обмундирования на практике^[927], но к началу военных действий заметных перемен в облике войск все еще не произошло. Новая форма стала появляться только в 1-м армейском корпусе Даву, но в каких именно частях – исследователи до сих пор не установили (есть даже мнение, что мундиры «барденковского» типа вообще так и не попали в войска, вторгшиеся в Россию). Мундиры французских солдат, двинувшихся в Россию, являли собой воплощение идей нового мира, не успевшего еще закоснеть в имперских формах, и придавали солдатам, их носившим, мощный заряд психологического превосходства над противником.

Однако Великая армия 1812 г. состояла не только из солдат Франции. И разнообразие ее мундиров воочию отражало идею всеевропейского нашествия на Россию и всеевропейского единства. П.-Ш.-А. Бургоэнь, су-лейтенант 5-го полка вольтижеров гвардии, вспоминал позже, сколь глубокое впечатление произвел на него калейдоскоп всевозможных форм при переправе через Неман: «...там были все варианты солдатских форм из разных регионов необъятной империи Наполеона»!^[928] С большим удовольствием и любопытством взирали многие французы на мундиры своих многочисленных союзников, сравнивая их расцветки, покррой, знаки различия со своими^[929]. Кое у кого возникало даже странное чувство нереальности происходившего, особенно когда взор улавливал мундиры недавних противников^[930]. В дальнейшем, в ходе военных действий 1812 г., пестрота мундиров многонациональной Великой армии станет причиной многих драматических несуразностей, а подчас и трагической путаницы. Однако здесь была и другая сторона: форма французской армии являла собой как бы образец, которому желали подражать многие из союзников, перенимая и покррой мундира, и его отдельные элементы. Будущность «европейского» мундира зависела от того, удастся ли Наполеону одержать победу над Россией и укрепить тем самым шаткое западноевропейское единство.

Готовясь к кампании против России, которая, как многие не без оснований полагали, будет трудной, французские военачальники заботились, конечно, прежде всего об удобстве и практичности униформы. Парадные мундиры либо убирались в ранец, либо поверх них надевались шинель или плащ, либо же, как в Старой гвардии, заменялись на специальные походные мундиры. Широко были распространены длинные холщовые штаны, чехлы на киверах и патронных сумках и множество других своеобразных принадлежностей походной солдатской униформы. Особенно заботились об обуви, которая быстро изнашивалась во время бесконечных маршей. Даву, например, исходил из расчета 6 пар обуви на человека^[931]. Полностью снаряженный пехотинец вынужден был нести на себе огромный груз. Только официально принятые нормы, учитывавшие, как казалось в мирное время, все – от репейка

на кивере до 4-дневного запаса провизии и ружья, исходили из общей тяжести снаряжения фузилера в 24 кг 172 г^[932]. Однако реально этот вес был значительно большим. Так, в идеале на группу из семи человек при вступлении в Россию было дополнительно предусмотрено: котел с крышкой, один котелок, большой бидон, лопата, мотыга, топор, садовый нож, два шерстяных одеяла, персональная фляга для каждого солдата и три малые фляги для уксуса. Хотя для перевозки всего этого хозяйства выделялись две лошади на взвод, в действительности этот груз солдатам приходилось нести на себе^[933]. По нашим подсчетам, рядовой пехотинец нес не менее 32–35 кг. Офицеры же, хотя также были отягощены многочисленной экипировкой, широко использовали лошадей. Дютейе де Ламот из 57-го линейного, к примеру, хотя и был только сублейтенантом, всю поклажу приторачивал к лошади^[934]. Конечно, помимо регламентированных вещей, солдаты, а особенно офицеры, имели и иные многочисленные личные предметы. К примеру, во время реставрации одной из Багратионовых «флешей» в 1980-е гг. рядом с останками французского офицера был найден красивый стеклянный бокал, помещенный в кожаный футляр, зеркало, флакон с какой-то парфюмерией...^[935]

Особую заботу в своей экипировке чины Великой армии проявляли о том, как сохранить наличные деньги. Чаще всего их зашивали в особый пояс, который носили всегда при себе. Скажем, у капитана роты вольтижеров 1-го батальона 85-го линейного полка Гобера, убитого при Бородине, его товарищи нашли в таком поясе ни много ни мало тысячу экю золотом^[936]. Когда же денег было больше, их чаще всего распределяли по другим частям одежды. Немец Фюртенбах, к примеру, при отступлении из Москвы зашил часть денег в белье, в галстук и штаны, а оставшуюся часть уложил в особый сверток и привязал его «к правой ноге ниже колена»^[937]. К каким только ухищрениям не прибегал человек, чтобы сохранить свое, часто очень небольшое, богатство! Причем, когда возникала дилемма «деньги или честь», французский солдат, как правило, выбирал честь. Полковник П. Пельпор, командир 18-го линейного, во время отступления роздал солдатам на сохранение 120 тыс. франков из полковой казны. После кампании все 120 тыс. были возвращены!^[938]

В преддверии большого боя солдаты, особенно умудренные опытом, пытались приспособить свою одежду и амуницию так, чтобы она защищала от пуль и ударов холодным оружием. Излюбленным приемом кавалерии, к примеру, было свернуть плащи «в скатку» и надеть их через плечо (это называлось «à la Madrid»). Так, к примеру, поступили саксонские кирасиры в битве при Бородине, оставившие свои панцири по ту сторону Немана. К такому же приему нередко прибегали и пехотные офицеры. «К большому счастью, моя обожаемая супруга, – писал 20 сентября из Москвы лейтенант 25-го линейного П.-Л. Паради, – утром я из-за предосторожности свернул мой плащ и надел через плечо... Это не было бесполезной предосторожностью»^[939]. Это спасло его под Бородином. После боя пробитая и изодранная одежда оставшихся в живых становилась красноречивым свидетельством мужества и бесстрашия ее владельца. Ветераны Бородина с поразительной скрупулезностью записывали в свои дневники или позже воспроизводили в мемуарах детали того, сколько именно отверстий они насчитали в кивере, плаще или в мундире (см., например, дневник Кастелана, воспоминания Лоссберга, Ле Руа, Фоссена и др.). Нередко пара дырок от пуль в кивере могла быть замечена старшим начальником и привести к повышению в чине или к награждению его владельца, как, например, это произошло с лейтенантом гренадерской роты 3-го линейного вестфальского полка Де Лёффеном^[940].

Небывалой яркостью и, как многие считали, безвкусицей отличалась в 1812 г. одежда Неаполитанского короля Мюрата. Сопровождаемый большим обозом, перевозившим его одежду, перья для шляп, духи и помаду^[941], Мюрат менял свои наряды во время кампании постоянно. Однако в них было нечто общее, что заставляет нас попытаться все же объяснить, почему мужественный воин и король так любил бросать вызов общепринятой манере одеваться, а нередко даже сносил насмешки Наполеона и всей армии (император иногда

называл Мюрата «Франкони Великой армии», имея в виду знаменитый в те годы цирк Франкони, а впервые видевшие его солдаты принимали Мюрата то за разодетого тамбур-мажора, то за драм-мажора). 28 августа Кастелан записал в свой дневник: «Невозможно увидеть более храброго человека, чем Неаполитанский король; он подвергается бóльшей опасности, чем солдат; в него не попала ни одна ружейная пуля, несмотря на его костюм: большая шляпа, окаймленная широким золотым галуном, увенчанная возвышающимся очень высоким султаном, вокруг которого – несколько других султанов, волосы с длинными локонами, зеленый велюровый ментик, отороченный золотом, а под ним – голубая туника, тоже отороченная золотом в виде бранденбуров во всю ее длину... польские панталоны темно-красного цвета с золотыми галунами, желтые короткие сапоги». «Таков его прекрасный и нелепый наряд; но чудо, что он не был даже ранен»^[942]. А вот как воспринял одежду Мюрата лейтенант вюртембергской пехоты Зуков: Неаполитанский король носил шляпу в стиле Генриха IV с белыми плюмажами и алмазной брошью, расстегнутый голубой вельветовый жакет с золотыми вензелями, брыжами «а-ля Тюдор», шелковый голубой шарф с золотой бахромой, белые обтягивающие брюки и громадные замшевые ботфорты времен Тридцатилетней войны с великолепными золотыми шпорами^[943]. «Паладин», – нередко говорили о Мюрате в армии. Необычность костюма Мюрата, конечно же, объясняется не только отсутствием у него вкуса, но также и тем, что героическая и рыцарственная натура Неаполитанского короля не могла мириться с той обыденностью в одежде, которую все более утверждал за собою новый, XIX век. Темпераментный Мюрат, рожденный с пламенной душой романтического рыцаря, жил по законам своего необычного естества. На Бородинском поле ему довелось сыграть одну из самых важных ролей и проявить свой необыкновенный темперамент в полной мере. Хотя вопрос о том, спас ли темперамент Неаполитанского короля 7 сентября положение наполеоновской армии или же окончательно погубил кавалерию, исследователями до сих пор не решен.

Почти весь генералитет Великой армии 1812 г. мог позволить себе разнообразие в одежде. Иллюстрацией тому может служить хотя бы опись имущества бригадного генерала Л. Юара де Сент-Обена, погибшего на Бородинском поле, она была составлена военным комиссаром. Длинный столбец с перечислением носимых вещей, рядом с которыми была указана их примерная цена, включал в себя многочисленные мундиры, шляпы и штаны. Среди прочих значились даже «панталоны мамелюка из красного драпа с золотым галуном», «кюлоты из белого кашемира» и «панталоны из нанкина». Там же упоминались «буржуазный костюм табачного цвета», жилеты, сапоги и пр.^[944] Однако большую часть вещей хозяин надевал редко. Генералы «входили» в определенный образ и предпочитали ему следовать. Генерал Пажоль, например, во время всей кампании (конечно, пока холода во время отступления не заставили его утеплиться) носил гусарский доломан королевского синего цвета со звездами на рукавах, обозначавшими его чин^[945]. А, скажем, дивизионный генерал О.-Ф.-Б. Себастиани отличался поразительной неряшливостью в одежде: нахлобучивая на нечесанные длинные волосы шляпу с обвисшими полями, он обычно носил «темно-коричневое верхнее платье...»^[946] Вообще, если бы было возможно описать одежду каждого генерала Великой армии, мы смогли бы многое узнать об их темпераменте, привычках и взглядах на жизнь.

В большинстве частей Великой армии к началу русской кампании одежда и обувь были в хорошем состоянии. Однако к началу августа даже в лучшем 1-м армейском корпусе обмундирование сильно поистрепалось. Генералу Ш.-А.-Л.-А. Морану, к примеру, пришлось из Витебска отправлять команды своих полков в депо за новыми башмаками, панталонами и шинелями^[947]. Не лучшим состояние одежды было и в резервной кавалерии^[948]. Кстати, именно здесь, перед Витебском, Наполеон, убежденный в готовности русских дать генеральное сражение, впервые приказал своей армии надеть парадную форму^[949]. Тогда многие части впервые после того, как покинули Дрезден, вытащили этишкеты, султаны, натянули белые кюлоты и убрали в ранцы чехлы. Эта суэта с переодеванием настраивала

солдат на торжественный лад, придавала предстоящему сражению праздничность. Но сражения не состоялось... «Праздника» не было. Солдатам вновь пришлось облачаться в будничную походную одежду. Особенно жалкий вид приобрели многие солдаты Великой армии во время тяжелейшего марша от Смоленска до Гжатска. Дело доходило до того, что они водружали себе на головы безобразные «крыши» из соломы и листьев, пытались защититься от солнечных лучей или дождя. Черные из-за постоянного использования пороха вместо соли языки в сочетании с такими «шалашами» на головах придавали солдатам невообразимый вид. Сразу после Гжатска, когда в ночь на 4 сентября стало впервые по-настоящему холодно, на солдатах появились первые меховые вещи – шубы и меховые шапки^[950]. «... Попадались всадники в бабьих шубах и наушниках из овчины, – вспоминал Роос утро 4 сентября, – эти новые костюмы давали богатую пищу смеху, однако не были запрещены»^[951].

6 сентября Великая армия, уверенная (или почти уверенная) в генеральной битве на следующий день, вновь стала облачаться в парадную униформу. «Прекрасный обычай существовал в ту эпоху в императорской армии, – написал по этому поводу Жуков. – Было принято относиться к дням сражения, как к дням праздника, и поэтому надевали самую лучшую форму». «Наполеон, этот великий знаток людей, – вспоминал Тирион, – внушил войскам, что дни сражения суть большие праздники, и раз навсегда был отдан приказ, чтобы в дни сражений люди были в полной парадной форме». Этот обычай «был политически сильным», – отмечал Солтык^[952]. Действительно, 6 сентября многие части привели, насколько это было возможно, свою одежду в порядок и украсили ее элементами парадной униформы (в основном султанами и этишкетами, кто их носил)^[953]. Вестфальская пехота надела парадную форму в спешке, уже в самом начале сражения^[954]. При этом, как вспоминал капитан Моргенштайн, «офицерам было разрешено оставить свою синюю нестроевую форму»^[955]. Вообще же, судя по многочисленным воспоминаниям и рисункам очевидцев, форма чуть ли не всех армейских частей 7 сентября была далеко не парадной – солдаты оставили длинные походные брюки, а иногда и шинели. Что же касается офицеров, то приказ о смене походного обмундирования на парадное они выполнили еще более неохотно, оставшись в сюртуках, плащах и шинелях. Армия, измотанная маршами, хотя и чувствовала моральный подъем перед предстоящим сражением, уже физически не могла подготовить одежду к ожидавшемуся «празднику». Исключение, как всегда, составляла императорская гвардия. Письма и многочисленные воспоминания пестрят упоминаниями о парадном блеске гвардейской униформы под Бородином^[956]. «Императорская гвардия, – писал Фезенсак, – казалось, скорее, готовилась к параду, нежели к сражению»^[957]. Гвардия, вторит ему Дюпюи, «представляла собой импозантное и великолепное зрелище. Все люди были в парадных мундирах, как будто они собрались для парада на площади Карусели»^[958]. Стоит ли удивляться, что к концу сражения стоявшие рядом с полем боя массы императорской гвардии воспринимались солдатами и Великой армии, и русской, как могущественнейшая сила, способная переменить судьбу всего сражения.

Разнообразие форменной одежды многонациональной Великой армии, схлестнувшейся с русскими под Бородином, не могло не привести к заметной путанице во время самых драматических эпизодов сражения. Наибольшая путаница возникала из-за похожести униформы саксонских и русских кирасир. В бою у Багратионовых «флешей» вестфальские пехотинцы не раз оказывались парализованными, не зная, вести им огонь по кавалерии или нет. Жуков уверяет, что для его однополчан во время одной из таких пауз все разъяснилось только тогда, когда «командир псевдосаксонцев крикнул по-немецки: “Порубим всех этих немецких собак”»^[959]. Но еще более любопытный эпизод описал вестфалец Моргенштайн. По его словам, когда русские кирасиры проносились совсем рядом с пехотной бригадой Дама и солдаты уже хотели стрелять, генерал неожиданно закричал: «Не стрелять, это саксонские кирасиры!», и ни один не выстрелил. Спустя мгновение солдаты услышали спор среди старших офицеров, бывших в середине каре, о том, означает ли литера «А» (вероятно,

на кавалерийских чепраках. – В.З.) «Август, король Саксонский» либо «Александр I». Кто-то даже уверял, что расслышал русские слова команды. Между тем кирасиры уже возвращались обратно, все так же рядом с каре вестфальской пехоты. Моргенштайн увидел, как один из кирасиров, возможно пьяный, нарушил строй и выстрелил в пехотинцев, а затем атаковал двух вестфальских артиллеристов. Только тогда вестфальская пехота опомнилась и стала стрелять, но было уже поздно...^[960]

Так было в реальной действительности, которая оказывалась гораздо сложнее и запутаннее тех исходных условий, которые имели на руках полководцы, намечая планы действий, или, тем более, историки, пытающиеся уложить события в прокрустово ложе «исторической предопределенности»!

К концу Бородинского сражения форма и амуниция многих бойцов оказались в плачевном состоянии. Читая дневник капитана 18-го линейного Бонне, можно ярко представить, с каким удрученным видом он рассматривал лохмотья своей шинели. В одну из прорех проскользнул даже томик Б. Паскаля, доставлявший любознательному офицеру столь приятные минуты на биваках. «...Мои штаны и моя шинель пробиты множеством пуль», – написал в письме своему знакомому в Руан офицер 57-го линейного полка Ж.-А. Леюше. В другом письме, м-ль Анриетт в Гамбург, отправленном в тот же день, он к списку простреленных вещей добавил еще и кивер (любимая должна была знать, как ее обожаемый рисковал жизнью!)^[961].

Но то, что произошло с мундирами Великой армии в Москве, почти не поддается описанию! Наиболее емко это передает фраза, сказанная одним московским жителем, французом по происхождению, оставшимся в Москве: «Переодевание во всевозможные одежды давало повод солдатам грабить даже своих офицеров, которых они как будто бы не узнавали в новых одеждах»^[962]. Маскарад с переодеванием, с одной стороны, был проявлением глубокого внутреннего морального кризиса Великой армии, а с другой – способствовал ее дальнейшему разложению. Мундир, который являлся символом порядка, иерархичности и воинской чести, исчез. Самые дурные стороны измученного и алчного человеческого естества вырвались теперь наружу. Генерал Компан, «покоритель редутов», рыцарь без страха и упрека, подробно теперь описывал в письмах домой шубы и лисьи воротники, которые ему удалось «достать» в Москве^[963].

Когда, наконец, армия тронулась из Москвы, она являла картину уже почти совсем разложившегося военного организма. О том, как выглядели тогда солдаты, повествуют многие мемуаристы. Зуков, например, при выступлении из Москвы имел только один эполет, сверху мундира был надет домашний шлафрок красного бархата, «отороченный кроликом», на голове вместо потеряннго кивера было «нечто вроде каски»^[964]. Сержант полка фузилеров-гренадеров Молодой гвардии неунывающий Бургонь надел поверх рубашки «жилет из стеганного на вате желтого шелка», который «сам сшил из женской юбки, а поверх всего большой воротник, подбитый горностаем»; через плечо висела сумка на широком серебряном галуне»^[965]. Фезенсак, наблюдая, как Великая европейская армия выступала из Москвы, подумал, что это «спектакль, который напоминает войны азиатских завоевателей»^[966]. Москва превратила армию европейскую в армию азиатскую! Отступление ее окончательно уничтожило. Только одна униформологическая деталь из эпохи отступления: некоторые солдаты и офицеры специально разрывали сзади свои брюки, чтобы иметь возможность отправлять естественные потребности без риска быть обмороженным!^[967] Вот так Москва, пространства и русские морозы разрушали внутренние основы, на которых зиждилось могущество Великой армии Наполеона.

Сам Наполеон, как известно, облачился во время морозов в зеленую «польскую» шубу и меховую шапку. Но ему, конечно, не пришлось испытать тех нечеловеческих страданий, которые выпали на долю простых солдат Великой армии. Большую же часть кампании 1812 г. император проделал в своем обычном, подчеркнуто простом, сером рединготе. Там,

где позволяли обстоятельства, Наполеон мог облачаться и в другую одежду. В Вильно, например, отдыхая, император был в «домашнем халате, в красно-желтом платке на голове»^[968]. А во время дождя, находясь верхом, он отгибал заднее поле своей шляпы так, что вода с него «стекала ручьями»^[969]. На Бородинском поле он был в своем «классическом» походном одеянии – зеленом мундире гвардейских конных егерей и надетом поверх него сером рединготе. На фоне блестящей свиты, окружавшей его, Наполеон, как тонко заметил Ю. М. Лотман^[970], демонстрировал, кто был истинным режиссером грандиозного спектакля.

Еще более тщательно, чем одежду, готовили перед сражением солдаты Наполеона свое оружие. Боевой моделью французского ружья, как известно, был усовершенствованный образец 1777 г. длиной 1 м 52 см (1 м 417 см для вольтижеров) весом 4 кг 646 г калибром 17,5 мм. Несмотря на относительную надежность, это ружье, как и все кремневые образцы, отличалось капризным характером и требовало тщательного ухода. После долгого марша приходилось обычно тратить не менее двух часов на восстановление исправности ружья. Все, кто так или иначе имел дело с «кремневкой», знают, что наиболее «деликатной» ее частью являются кремень и порох. Высококачественный кремень мог обеспечить, в идеальном варианте, 30–40 выстрелов (у всех солдат в запасе должно было быть, по крайней мере, 2–3 кремня), а после 50–60 выстрелов совершенно была необходима тщательная чистка ствола. Некоторые солдаты, будучи в поле, чистили ружья чуть ли не каждый вечер, уделяя этому в целом очень немало своего времени. Способы чистки и рецепты раствора для этого были разнообразны. Скорострельность таких ружей была, на первый взгляд, достаточно высокой – в идеале до 7 выстрелов в минуту. Но на самом деле средний солдат во время боя мог произвести не более 2 выстрелов в минуту.

Несмотря на реально слабую скорострельность, а также на то, что многие ружья неизбежно выходили во время боя из строя, ружейная стрельба под Бородином была ужасной. По убедительным данным Д. Г. Целорунго, ранения и контузии русских офицеров от стрелкового оружия составили 65,3 %, в то время как от артиллерийских боеприпасов – 29 %, а от холодного оружия – только 5,3 %^[971]. Из-за не утихавшей ружейной и артиллерийской пальбы поле Бородинского сражения весь день 7 сентября было затянуто клубами дыма, которые давал черный порох, а в воздухе непрерывно стоял удушливо-кислый запах.

В отличие от рядовых и сержантов, пехотные офицеры наполеоновской армии должны были иметь из стрелкового оружия только пистолет. Но его, как точно заметил в письме на родину лейтенант П.-Л. Паради из 25-го линейного, офицеры использовали «разве что только в сильно пьяном виде»^[972]. В действительности многие офицеры, особенно из вольтижерских и гренадерских рот, помимо холодного оружия обзаводились карабинами. Капитан Бонне из 18-го линейного, например, имел двустольный карабин. Это позволяло более эффективно действовать на поле боя, обеспечивая свою безопасность и увеличивая огневую мощь подразделения.

Кавалерия также имела огнестрельное оружие – укороченные ружья (у драгун), мушкетоны (у гусар, конных егерей, шеволежеров и кирасиров) и пистолеты (у всей кавалерии). Накануне русской кампании Наполеон проявил большую озабоченность тем, чтобы вооружить не только гусар, конных егерей и драгун, но также кирасиров и шеволежеров мушкетонами или ружьями^[973]. Причина заключалась в том, что император надеялся таким образом нейтрализовать эффективность действий казаков^[974]. Но на практике эта мера себя не оправдала. Карабин или мушкетон только отягощал и без того немалое вооружение кирасира (которое состояло из палаша, кирасы, каски и пистолетов) или шеволежера (вооруженного саблей, пикой и пистолетами)^[975].

Основой огневой мощи сошедшихся под Бородином армий была, конечно же, артиллерия. Трудно сказать определенно, артиллерия какой армии – французской или русской –

превосходила одна другую с точки зрения технических характеристик. В сущности, как убедительно показал русскоязычному читателю в своей работе «Армия Наполеона» О. В. Соколов, вся европейская артиллерия того времени уже достигла своего рода «потолка» тактико-технических характеристик и любые усовершенствования в эпоху мануфактурного производства не могли оказать на ее качественное состояние существенного воздействия. И все же мы не можем не отметить ряда особенностей артиллерии Великой армии под Бородином.

Во-первых, как никогда ранее, ее отличало немалое смешение калибров использовавшихся орудий. Наряду с унифицированными 4, 8-и 12-фунтовыми (система Грибовала) и 6-фунтовыми (система XI года) пушками было немало других калибров, особенно 3-фунтовых. Не меньшая мозаичность была и в отношении калибров гаубиц – были 6-дюймовые (6 дюймов 4 линии), 5-дюймовые (5 дюймов 6 линий) и 3-дюймовые (3 дюйма 6 линий). При этом 5-дюймовые гаубицы, обычно калибра 5 дюймов 6 линий, могли иметь калибр 5 дюймов 5 линий, да к тому же могли обозначаться как 24-фунтовые. Стоит ли говорить, что такое разнообразие калибров, связанное как с незавершенностью перехода французской артиллерии от системы Грибовала к системе XI года, так и с «общеевропейским характером» Великой армии 1812 года, создавало немалые проблемы, и прежде всего в отношении боеприпасов.

Во-вторых, в связи с наличием в наполеоновской армии полковой артиллерии, укомплектованной пушками небольшого калибра, а также наличием 3-дюймовых гаубиц, орудия крупных калибров (обычно называемых батарейными) не могли составлять значительной доли. В исторической литературе установилась традиция считать, что в Бородинском сражении батарейные орудия составляли только 10 % (Хатов, Богданович, Скугаревский, Даффи и др.). Наши попытки проверить эту цифру не смогли дать точного результата, хотя на основе неполных данных в более раннем издании нашей книги мы и сделали предположение о том, что эта цифра занижена.

В-третьих, дальность ведения эффективного огня (как, впрочем, и в русской артиллерии) была не очень большой. При стрельбе ядрами эффективный огонь в среднем мог вестись 12-фунтовой пушкой на расстоянии 1100 м, 8-фунтовой – 1000 м, 4-фунтовой пушкой, 5-дюймовой и 6-дюймовой гаубицами – на расстоянии 900 м. Этим обстоятельством и объясняются некоторые маневры артиллерии Великой армии в Бородинском сражении: необходимость передвижения батарей Фуше, Сорбе и Пернети, а также «батарей Богарне» из-за укрытий на открытое пространство уже в первые минуты боя, так как они не могли вести эффективный огонь по русским порядкам.

В-четвертых, поражающее воздействие артиллерийских ядер определялось в значительной степени эффектом рикошетирующего, что наносило, особенно при концентрическом ведении огня, гигантский урон в рядах противника. Не меньший урон наносила и стрельба гранатами, которые разлетались на 25–50 осколков, и, конечно же, на близких расстояниях – картечью. В ходе Бородинского сражения французская артиллерия пыталась действовать именно концентрически, сосредоточивая огонь из нескольких точек по одному пункту. Особенно эффективным был ее огонь по русским порядкам в районе Курганной высоты перед ее взятием и позже, после ее падения, когда русская армия «сгрудилась» в районе Новой Смоленской дороги.

В-пятых, артиллерия Великой армии, несмотря на ее обычные для того времени тактико-технические характеристики и чрезмерное разнообразие калибров, имела, в основном, хороший или даже отличный людской состав. Это обеспечивало не только самоотверженные действия артиллеристов (стойкость под огнем неприятеля, ожесточенную борьбу за сохранение орудия во время вражеской атаки), но и высокую скорострельность орудий. Пушка на поле боя в среднем могла делать 2–4 выстрела, а гаубица – 1–2 выстрела в

минуту (впрочем, как хорошо показал в своих работах А. А. Смирнов, действия русских артиллеристов в этих отношениях ничуть не уступали действиям артиллеристов Великой армии). Ниже мы еще остановимся на том, сколько же зарядов могла израсходовать артиллерия наполеоновской армии в Бородинском сражении. Несмотря на сложность (а то и невозможность) определения точной цифры использованных зарядов, их количество было очень значительным (по нашему мнению, не менее 90 тыс. за 5–7 сентября), намного превосходящим количество выпущенных снарядов русской артиллерией. Правда, это обстоятельство автоматически создавало большую проблему скорейшего их восполнения, и это заставляло Наполеона не торопиться с навязыванием неприятелю нового генерального сражения.

Не меньшую роль, чем людской состав, при характеристике артиллерии того времени имело состояние конского состава. Как мы уже отмечали, еще задолго до Бородина во французской армии, и особенно в артиллерии, начался массовый падеж лошадей. Если к Бородинскому сражению еще удавалось обеспечивать более или менее удовлетворительную транспортировку материальной части артиллерии, то уже после сражения, отмеченного небывалой убылью конского состава, но особенно из-за способа ведения войны, навязанного наполеоновской армии еще ранее, состояние артиллерийских лошадей стало просто катастрофическим. Обычно утверждают, что Бородино стало могилой кавалерии Великой армии. Но еще более справедливо утверждать это в отношении ее артиллерии.

2.5.6. Болезни, раны, медицина

Совершенно очевидно, что в 1812 г. Великая армия несла гораздо более значительные потери от маршей, переутомления, недоедания, болезней и плохого ухода за ранеными, чем от неприятельского оружия. Эта постоянная борьба человека за то, чтобы сохранить свои физические силы, остаться здоровым или своевременно найти сносную медицинскую помощь, составляла важнейшую сторону повседневности бойцов Великой армии.

Дело медицинской службы, по всеобщему признанию, в наполеоновской армии было лучшим, чем в какой-либо другой армии начала XIX в. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, вопреки цинизму, с которым Наполеон нередко относился к человеческой жизни, ценность человеческого существа, какое бы социальное положение оно ни занимало, спустя годы после Французской революции становилась все более самоочевидной. Во-вторых, Великая армия имела в своих рядах немало поразительных подвижников, например главного хирурга Д.-Ж. Ларрея, подлинного гуманиста, неустанно совершенствовавшего подведомственную ему службу. В-третьих, сам император также уделял немало внимания и сил медицинской части, повторяя, что армия, потерявшая свои госпитали, теряет свои знамена^[976].

Основу медицинской службы составляли так называемые амбулансы, подвижные походные госпитали, которые должны были обеспечивать не только быстрое удаление раненых с поля боя, но и как можно скорейшее проведение хирургических операций. Как полагал Ларрей, все операции, проведенные в первые 24 часа после ранения, как правило, заканчиваются для больного успешно^[977]. При этом, несмотря на отсутствие поддержки со стороны командиров частей, заинтересованных в скорейшем возвращении солдат в строй, было принято оперировать вначале тяжелораненых. Чаще всего это была ампутация, которая занимала у опытного хирурга всего 3 минуты. Каждая дивизия обязательно имела свой амбуланс, что дополнялось наличием медицинских офицеров корпусного и полкового уровней^[978].

Конечно, общий профессиональный уровень медиков Великой армии (а все они были распределены на три подразделения – доктора, хирурги и фармацевты – и на три класса в соответствии со старшинством и квалификацией) был невысок. Большинство из них знало о человеческом организме немного, за исключением общих сведений о костях, основных

нервах и общем функционировании главных органов. Но жизненный опыт, а нередко и удивительное человеколюбие позволяли им часто эмпирически находить наилучшие решения^[979]. Нередко хирурги обучали солдат и офицеров простейшим вещам, прежде всего накладывать биндаж. Известно, что в корпусе Даву это мог делать каждый солдат. И все же, несмотря на широкую подготовку медицинской службы к Русскому походу^[980], ее состояние оказалось значительно ниже тех требований, которые предъявляла реальная обстановка войны.

Уже к началу августа ситуация с медицинским обеспечением армии стала критической. 2 и 3 августа Ларрей и Дюма в резкой остроте обвинили друг друга в тяжелом состоянии службы. Инициатором выступил Ларрей, обвинив администрацию в том, что она не выполняет предписаний самого императора. В ответ на это Дюма также вполне убедительно сослался на невозможность обеспечить амбулансы и раненых всем необходимым в связи с огромным отрывом главных сил армии от тылов^[981]. С этого момента Наполеон почти непрерывно начал получать информацию о катастрофическом состоянии медицинской службы^[982].

В Смоленске пришлось использовать фактически последние медицинские ресурсы. В конце второго дня пребывания в этом городе Ларрей начал применять для перевязки раненых бумагу, найденную в архивах, паклю и тонкую бересту!^[983] Положение раненых было ужасным, и многие медики стали весьма скептически оценивать возможность возвращения большинства раненых в строй. Между тем, решившись на бросок к Москве и ожидая генерального сражения, Наполеон осознавал всю уязвимость армии, не имеющей достаточных медицинских средств. Во-первых, большинство раненых должно было попасть в число «невосполнимых потерь», а во-вторых, сам факт отсутствия должной медицинской службы мог иметь тяжелейшие последствия для морального состояния всех чинов Великой армии. 23 августа Наполеон предпринял тщетное усилие обязать чинов администрации и строевых начальников обеспечить действенность амбулансов. При этом он подтвердил, что вывоз раненых с поля сражения остается обязанностью только администрации, но отнюдь не строевых чинов^[984].

И все же раны на поле предстоящего сражения казались солдатам Великой армии не самой страшной опасностью. Как дико это ни звучало, но наибольшее беспокойство, помимо пуль и ядер, вызывали у них страшные поносы. Поносы охватили всю армию, без различия национальной принадлежности. Еще возле Лесной вюртембержец Роос увидел своих земляков в тяжелейшем положении: «понос захватил их настолько сильно, что нельзя было производить ученья, больше того – едва возможно было отправлять обычную службу». Происходило «беспрерывное беганье из фронта, как будто всем полкам сразу дали слабительного»^[985]. То же было в 4-м корпусе у итальянцев^[986], французов и поляков. Во время Бородинского сражения многие солдаты и офицеры армии Наполеона были вынуждены больше думать о том, как им отправить свою нужду, чем атаковать русских. Адъютант Ларибуазьера Плана де ла Файе написал о 7 сентября так: «Я не осмеливаюсь описать точно, как я управлялся, чтобы совладать с тем, что меня мучило; но в этом процессе я потерял 2 платка, которые мне пришлось... бросить так осторожно, как только возможно, в ров укрепления. Это было серьезной потерей в стране, где не было прачек»^[987].

Массовые поносы были вызваны разными причинами. Часто – дизентерией, а часто и неприспособленностью организма западноевропейца к русской воде и продуктам питания. Врачи Великой армии боролись с поносами достаточно традиционно: с помощью отвара из мяты и ромашки, чая из мелиссы и бузины, добавлением уксуса в питьевую воду. Иногда помогали простые похлебki с мукой и каша-размазня, особенно из риса^[988]. Однако помогало это, конечно, далеко не всегда.

Широкое распространение получили и другие болезни – респираторные заболевания, тиф, недомогания, вызванные укусами русских мух, комаров и других насекомых, болезни груди

из-за пыли, расстройство зрения...^[989] У многих обострились их «обычные» заболевания. Генерал Груши, например, тяжело страдал от ревматизма^[990], генерал-адъютант Мутон – от зубной боли^[991] и т. д.

К началу сентября, с приближением генерального сражения, обострились многочисленные болезни и у Наполеона. В те дни император сказал своему личному врачу Э.-О. Метивьеру: «Да, доктор, видите, я стал старым». Сам же Метивьер сообщает, что у Наполеона был сильный сухой кашель, затруднительное прерывистое дыхание, он мог мочиться с трудом, только по каплям и с болями; моча была густая и с осадком, его ноги и ступни сильно отекали, пульс был лихорадочным и прерывистым^[992].

Кампания 1812 г. выявила одно неожиданное массовое заболевание – ностальгию. Меланхолические русские березы, темные ели, чрезмерные и слабозаселенные пространства, которые как бы уменьшали человека, навевали на европейцев печаль и уныние. Медики Великой армии сделали в тот год важное наблюдение: французские солдаты были менее подвержены этому угнетающему для западноевропейца воздействию русской природы; гораздо хуже чувствовали себя немцы и, особенно, голландцы, проявлявшие особо сильную ностальгию по родным местам. Ностальгия, наряду с невиданными тяготами русской кампании, привела к настоящей эпидемии суицида. Мемуаристы вспоминали, как каждый день по сторонам дороги были слышны выстрелы, после которых в кустах или в лесах находили покончивших жизнь самоубийством. Среди последних были не только молодые конскрипты, но и закаленные жизненными трудностями люди. Роос, например, с горечью вспоминал о г-не Шлайере, старшем враче одного из вюртембергских лазаретов, который прибегнул к суициду^[993].

Когда Великая армия прибыла в Гжатск и было приказано готовиться к генеральной битве, ведомство Ларрея оказалось в драматическом положении. Еще в Смоленске, где скопилось 10 тыс. раненых, Ларрей распорядился оставить всех военных врачей резерва и 5 отделений амбулансов. Теперь же, пытаясь хоть как-то путем организационных мер подготовиться к массовому наплыву раненых, Ларрей потребовал в свое распоряжение (то есть в главный амбуланс) полковых хирургов. Таким образом к 6 сентября ему удалось собрать из полков 45 хирургов, помощников хирургов и подпомощников^[994]. Пожалуй, только в отношении специальных фур для перевозки раненых ситуация была более или менее удовлетворительной – значительная их часть догнала главные силы в Гжатске. Теперь они были распределены между амбулансами.

6 сентября Ларреем окончательно была определена организация системы медицинской помощи на день сражения. Место для амбуланса Главной квартиры и императорской гвардии выбрал сам Наполеон – в Доронине (по сути, он должен был стать главным амбулансом центра и правого фланга). Амбуланс левого фланга (на базе 4-го корпуса) разместился в небольшом леске в тылу правого фланга итальянской гвардии. Центральный амбуланс (одновременно он должен был играть роль эвакуационного госпиталя) раскинулся в строениях Колоцкого монастыря и в д. Гриднево. Кроме того, по Новой Смоленской дороге были развернуты промежуточные амбулансы – в Валуеве, Головине и в Акиншине. Наконец, вся эта система дополнялась амбулансами дивизий (не исключено, что иногда и корпусов). Вечером Ларрей объехал все амбулансы и удостоверился в их готовности к приему раненых, а в случае необходимости – к передвижению вслед за войсками^[995].

В день сражения медикам пришлось туго. «Наши амбулансы делали что могли», – напишет потом Дюма^[996]. С утра, но особенно к полудню, начался наплыв тех раненых, которые могли передвигаться сами. Некоторым амбулансам и полковым хирургам в течение дня пришлось даже несколько раз сменить место своего расположения, приближаясь почти вплотную к позициям^[997]. Медики амбулансов и полковые хирурги не отказывали никому, обслуживая все без разбора части и национальности^[998]. Особо следует отметить, что они

помогали русским раненым наряду со своими ранеными. Это практиковалось с самого начала кампании. Не только многочисленные воспоминания, но и делопроизводственная документация свидетельствуют об этом^[999]. Данной практики врачи Великой армии старались неукоснительно следовать и во время Бородинского сражения. Однако...

При гигантском наплыве раненых, ограниченности медицинского персонала и острой нехватке медикаментов и других средств врачам Великой армии не оставалось ничего другого, как начать дифференциацию своих пациентов. Во-первых, по принципу «свой – чужой», во-вторых, по их служебному положению. В последнем случае наполеоновская администрация, конечно же, стремилась сохранить в первую очередь офицерские кадры. Впрочем, нередко многое зависело от удачи и настойчивости человека. Кастелан описывает случай, произошедший 8 сентября, когда Наполеон объезжал поле вчерашнего боя: «Один из наших солдат, догнавший голову колонны, обратился на ходу к императору с просьбой сделать перевязку. Его величество дал ему водки и спросил у него, из какой он страны; тот ответил: “Из Флоренции...” Император приказал хирургу сделать перевязку; барон Ивон неохотно повиновался, и когда минутой позже присоединился к нам, то пожаловался на то, что император лишился своей корпии...»^[1000]

Общим правилом было то, что, если раненый чувствовал в себе хоть немного сил, он должен был попытаться не отстать от своего полка. Когда Брандт, двинувшийся вместе с Легионом Вислы вперед во второй половине дня 8-го, увидел «одного из этих несчастных» и стал уговаривать его остаться в госпитале, тот резонно ответил: «Не расставаясь с полком... я имею хоть какую-нибудь надежду спасти свою шкуру; в худшем случае я, по крайней мере, буду похоронен товарищами. Иначе, я уверен, меня все равно съедят волки, живого или мертвого»^[1001].

Многие хирурги, делавшие в день сражения и в ночь после него операции, обратили внимание на то, как по-разному вели себя раненые, невольно отмечая, что почти все французы, в отличие от их союзников, «обнаруживали спокойствие и терпение, и многие из них умирали от тяжелых пушечных ран прежде, чем очередь перевязки доходила до них»^[1002]. Вьонне де Марингоне, командир батальона фузилеров-гренадеров императорской гвардии, в полусомнамбулическом состоянии бродивший 8-го по полю сражения, наткнулся на одного французского солдата, которому ядро оторвало ногу. «Она еще немного держалась на коже, и он сам отрезал ее своей саблей, чтобы она не мешала ему доползти до какого-нибудь места, где он мог бы спокойно умереть...»^[1003]

Число раненых, нуждавшихся в помощи после Бородина, было огромным. Только согласно официальным данным, было ранено 21 453 офицера, унтер-офицера и солдата Великой армии^[1004]. Реально их было, вероятно, больше. К этому стоит добавить русских раненых, оставленных на поле боя (полагаем, их было как минимум, 6–8 тыс.^[1005]). «Это был ужасный спектакль, – писал секретарь Наполеона Фэн, – но усердие хирургов было непередаваемым; они оказывали первую помощь как русским, так и французам, и всю ночь занимались поисками крова в соседних деревнях»^[1006]. Не покладая рук делал операцию за операцией в главном амбулансе за Шевардинским редутом великий Ларрей. «Я делал трудные операции без перерыва до поздней ночи следующего дня», – вспоминал он. Ночью перед ним держали зажженную восковую свечу, которую постоянно задувал ветер. Многие действия Ларрей делал в совершенной темноте, полагаясь на свой огромный опыт. «В общем раны, полученные в этом сражении, – писал он, – были тяжелые, так как почти все они были причинены артиллерийским огнем, раны от ружейных пуль были получены в упор с очень близкого расстояния». «Большая часть артиллерийских ран требовала ампутации одного или двух членов. В течение первых суток я сделал до 200 ампутаций. Исход их мог быть вполне благоприятным при наличии у наших раненых убежища, соломы для постелей, одеял и достаточной пищи. Всего этого мы были, к сожалению, лишены...»^[1007]

Основным местом концентрации раненых после операции и перевозки стал Колоцкий монастырь, в котором их скопилось более 10 тыс. Капитан 30-го линейного Франсуа, прошедший через него, утверждает, что через 8 или 10 дней после битвы 3/4 этих раненых были уже мертвы^[1008]. Мертвые, умирающие и страдающие люди столь густо заполнили его строения, что для того, чтобы пройти в нем по лестнице, надо было перешагивать через лежащие на каждой ступеньке людские тела^[1009]. Кроме Колоцкого, все селения, где еще сохранился хоть какой-то кров, также были заполнены ранеными и умирающими. 8 сентября Богарне приказал было перенести свою штаб-квартиру в Бородинскую церковь, но его офицеры, толкнувшись туда, увидели, что все строение было занято ранеными, которым хирурги без остановки делали операции^[1010]. Экипажам Богарне пришлось тащиться в с. Новое.

Постепенно раненых стали переводить в пункты подальше от злополучного поля. «Многие из раненых 7 сентября, – записал Лоссберг, остановившийся во время отступления 28 октября возле Колоцкого, – были оттуда эвакуированы в тыл, немногие вернулись к армии, большинство же из них умерло. Но там все еще много раненых и больных»^[1011]. Часть тех, кто все же был отправлен из Колоцкого, оказалась в Витебске^[1012], другая часть – в близлежащих, еще не совсем разоренных деревнях^[1013], третьи – в Москве^[1014], четвертые – в Можайске. Последним, пожалуй, пришлось особенно тяжело. Хотя французы, ожесточившись после несчастий сражения, вопреки своим прежним правилам, освободили дома и церкви города от русских раненых, попросту выкинув их в окошки и ставив в сады и огороды, и разместили под крышами своих, отсутствие медикаментов и пищи сыграло фатальную роль. Александр Белло де Кергор, молодой военный комиссар 2-го класса, оставленный в Можайске, чтобы позаботиться о 3 тыс. раненых, позже вспоминал с содроганием: «Главный интендант (Дюма. – В.З.) уехал, не оставив мне ничего, кроме одной бочки муки, которую мы распределили между генералами, по 4–5 фунтов каждому. Там было 12 дивизионных и 14 бригадных генералов. Что касается других раненых, то они были из этой раздачи исключены». «Наши бедные несчастные раненые умирали от голода и жажды. Они были перебинтованы сеном из-за отсутствия корпии и полотна, и они ужасно стонали. В течение дней они жили на нескольких крупицах зерна, найденных в соломе, на которой они лежали, и на горсти муки, которую я смог им дать. Но когда суп был готов и его надо было нести раненым, у нас не оказалось никакой посуды! К счастью, у меня было несколько маленьких плошек для ламп, и таким образом мы смогли дать пациентам воды. Ужасным было отсутствие свеч. В первые дни я имел несчастье потерять нескольких человек, которые были закиданы соломой и их не было видно, когда я распределял пищу при свете соснового факела. Шоком стало то, что было невозможно распознать мертвых среди живых. К тому же у меня не было ни санитаров, ни носилок. Не только сам госпиталь был заполнен мертвыми, но они были на улицах и во многих домах. После решения наиболее неотложных нужд я воспользовался несколькими телегами, которые нашел, чтобы свезти тела из госпиталя. Только я один отвез 128 трупов, которые служили в качестве подушек для ослабевших [раненых] и были нескольких дней давности»^[1015]. Прочитанные строки позволяют представить то отчаянное состояние, в котором пребывали раненые Великой армии после Бородинского сражения.

К середине октября, когда Наполеон готовился к отступлению, он решил не оставлять раненых неприятелю. Для их транспортировки было приказано использовать все имеющиеся транспортные средства. Любая повозка, выезжавшая из Москвы, должна была взять двоих раненых, и если она оказывалась пустой, то ее было приказано сжигать. Местом концентрации раненых Наполеон избрал Смоленск^[1016]. Однако столь массовая эвакуация больных и раненых оказалась уже не по силам Великой армии. Лица, ответственные за эвакуацию, будь то из Москвы или из Можайска, были в панике^[1017]. Жюно, например, смог эвакуировать из Можайска более 2 тыс. больных и раненых, но для остальных просто уже не было подвоза. Между тем главные силы, отступая из Москвы, все-таки пытались забирать

всех раненых, хотя это вовсе не значит, что в Москве, Можайске и других городах Великая армия не оставила никого. В Москве, например, было оставлено немало тяжелораненых и тяжелобольных, транспортировать которых было просто невозможно. Например, Т.-Ж. Обри, капитан 12-го конноегерского, пораженный под Бородином пулей, подхватил в Москве тиф и должен был там остаться^[1018]. Те, кого сразу не убили казаки или грабители из числа местных жителей, попали в плен.

29 октября Наполеон, двигаясь через Горки, Колоцкое и Гриднево в Гжатск, вновь пересек Бородинское поле. Днем ранее возле Колоцкого монастыря разбил свой бивак вестфальский полк Лоссберга. «Там все еще много раненых и больных», – вспоминал он^[1019]. Вечером 29-го, уже после проезда Наполеона, Колоцкий достиг Фезенсак, командовавший 4-м линейным полком. Колоцкий монастырь он назвал не чем иным, «как огромным кладбищем», где уже не было раненых и больных, только мертвые. Но далее, в Гжатске, раненых оказалось еще много. Полковникам был дан приказ найти и забрать солдат своих полков. Фезенсак смог отыскать трех «своих» солдат, чему был несказанно рад, так как все другие были «оставлены без медикаментов, пищи и без какой-либо помощи»^[1020].

Так сложилась судьба раненных в Бородинском сражении солдат Великой армии. Долг человеколюбия, сострадания и боевой дружбы неуклонно соблюдался до тех пор, пока небывалая по своему ожесточению «азиатская» война не заставила европейских солдат думать только о спасении своих жизней. Война в России шаг за шагом разъедала один из важнейших стержней, составлявших основу наполеоновской армии, – чувство гуманности и боевого братства. Начало этому положили первые месяцы кампании, Бородино усугубило и ускорило, а отступление окончательно завершило этот процесс.

2.6. Душа солдата

Погружение в структуры повседневности дало нам более или менее ясную картину физиологической заданности поступков наполеоновского солдата. Но не меньшую роль, конечно же, сыграла и заданность другого плана – ментальная и чувственная. Обратимся к ней, пытаясь, как и выше, соединить уникальность единичного с типичностью коллективного.

2.6.1. Солдатская честь и солдатская дружба

«Французский солдат, – говорил Наполеон, – заинтересован победить в сражении более, чем русский офицер...»^[1021] Не берясь оспаривать Наполеона, все же заметим, что честь – понятие многогранное, различное в понимании генерала и солдата, да к тому же меняющееся от эпохи к эпохе. Нет ничего более простого, как заявить, вслед за Лука-Дюбретоном, будто наполеоновский солдат отличался «храбростью, выносливостью, чувством долга, отсутствием критического духа и чувства опасности», что все, вместе взятое, и создавало «расу людей античного характера, презиравших боль и смерть...»^[1022]. Гораздо сложнее и важнее уловить природу тех чувств, которые составляли понятие воинской чести.

По нашему глубокому убеждению, честь бойцов Великой армии имела двух «родителей». Первым была Революция, раскрепостившая национальный дух Франции, вторым «родителем» была Власть в лице Наполеона, пытавшаяся контролировать и использовать пробудившуюся энергию ради воплощения ее в институтах нового государства и общества. При этом Наполеон выступал во многом как наследник эпохи Просвещения и века Разума, пытаясь создать глубоко продуманное и рационально организованное общество во Франции и во всей Европе. И в этом плане нельзя не пройти мимо той взаимосвязи, которая существовала между идейно-политическими коллизиями, духом эпохи и эстетическими пристрастиями людей. Традиции классицизма, воплотившиеся в начале XIX в. в принципах и эстетике ампира, как нельзя лучше отвечали стоявшим перед Наполеоном политическим

задачам. Но очевидна была и обратная зависимость: принципы взаимодействия власти и общества во Франции, воплощенные в образе Первой империи, и контуры Единой наполеоновской Европы были не чем иным, как воплощением основ мировоззрения и эстетики классицизма^[1023].

Однако Революция породила и романтизм, с одной стороны, как идейную и эстетическую реакцию на ее попытки основать всеобщее царство Разума, с другой – как воплощение духовной стихии самой Революции. Это уникальное переплетение столь противоречивых идейных, политических и эстетических начал придало наполеоновской эпохе неповторимое своеобразие^[1024]. Поэтому и в людях Великой армии мы видим то тщеславие, смешанное с властолюбием и кичливой гордостью по отношению ко «всем остальным», то бурные всплески рыцарской энергии, благородства и неукротимой романтики. Встречались среди них и удивительные проявления вечных человеческих качеств – высокой морали и тихого благородства. Крупнейший французский историк XIX в. Мишле, еще заставший в живых многих ветеранов Великой армии, с удивительной теплотой писал о них: «Я знал также солдат, людей без особого образования, которые своею кротостью, мягкостью нрава, нравственными качествами были, пожалуй, достойнее многих знаменитостей». «Армия, великая духом, – утверждал он, – сохраняла еще свою иллюзию, свою веру в то, что она оружие революции», и лелеяла мысли о свободе других народов. «Наполеон сам боялся этой великой страсти своей армии»^[1025].

Действительно, стоит помнить о том, что большинство офицеров 1812 г. начали службу еще в 1790–1794 гг., пройдя все ступени от волонтера революционной армии или ее рекрута^[1026]. Эти люди вносили особую атмосферу в жизнь своих частей. Таким, например, был полковник Ж. Груань, командир 48-го линейного полка, начавший службу пехотным солдатом еще при Старом порядке, прошедший войны Республики, произведенный в командиры батальона генералом Ж.-В. Моро. Несмотря на сильнейшую болезнь, которая после Смоленска заставляла его передвигаться только на носилках, он не покидал своего полка. В пылу сражения 7 сентября офицеры убеждали его: «Полковник! Вам нельзя идти далее. Вы сделали более, нежели вам предписывает долг...» Но Груань был непреклонен: «Успокойтесь! Вы забываете, что мой полк в деле против неприятеля. Если вы не хотите послать за лошадью, я велю нести себя четверем солдатам»^[1027]. Другой полковник-ветеран из дивизии Разу (предположительно – П.-Ф. Бодюэн, командир 93-го полка линейной пехоты), которого 7 сентября несли на ружьях в тыл с раздробленной рукой, считал своим долгом указать дорогу неизвестным ему лейтенантам вюртембергской дивизии. «Хотя он был в полусознании, – вспоминал один из этих офицеров, лейтенант Зуков, – у него была раздроблена рука, но он между тем дал нам указание: “Значительно правее, мои друзья!”»^[1028]. Эта же «великая страсть», оставшаяся от армии революции, заставляла солдат и офицеров 1812 г. наивно-искренне, без тени корысти и мелкого честолюбия писать после Бородина домой своим родным о том, как генерал, маршал или сам император с похвалой отзывались об их части. «Эта похвала, – писал лейтенант Ж.-А. Леюше, – стоит больше всего на свете»^[1029].

Подобное чувство чести, проникнутое бескорыстием, проявлялось и в нефранцузских частях. Вечером 7 сентября Лоссберг почувствовал себя совершенно счастливым, когда «сегодняшние боевые товарищи тут же, на поле битвы, провозгласили тост за мое здоровье», «ибо в такой день, где ряды наши так сильно поредели от смерти, никто, конечно, не был способен на низкопоклонство»^[1030].

Неотделимой от чести, о которой мы сейчас пишем, была и солдатская дружба. Многих солдат Великой армии, воевавших в России, разыскивали письма их боевых друзей и товарищей, оказавшихся в других уголках Европы. Среди них было много писем из Испанской армии^[1031]. Но вот удивительная вещь: 6 сентября, перед страшной битвой,

встречи со своими старыми друзьями, служившими в других полках, искали только немецкие офицеры! По крайней мере, ни один французский мемуарист или автор дневника не описывает такого факта. Зато все немецкие авторы как один повествуют об этих встречах, пронизанных чувством романтической сентиментальности.

Вечером 6 сентября вестфалец капитан Моргенштайн разыскал командира эскадрона 1-го кирасирского полка К.А.Ф. фон Крамма, с которым служил ранее в брауншвейгской армии. «Мы не видели друг друга годы, и наша радость при встрече была великой», – напишет Моргенштайн позже. Они провели вместе весь вечер. «...Время прошло так быстро, и была уже поздняя ночь, когда мы расстались, и каждый пожелал другому всего наилучшего в той дьявольской работе, которая нас ожидала завтра, и чтобы мы снова смогли встретиться в добром здравии завтра вечером»^[1032]. В те же самые минуты прощался со своим другом, главным хирургом 25-й пехотной дивизии Кёльройтером, врач Роос. Когда несколькими часами ранее они встретились, то первыми словами Кёльройтера были: «Тебе нужно есть и пить; возьми из того, что есть у меня»^[1033]. О подобной встрече написали и Лоссберг, беседовавший с Г.Л.А. фон Гильзой, командиром 1-го вестфальского кирасирского полка в 4-м кавалерийском корпусе^[1034], лейтенант Зуков, встретившийся с лейтенантом д'Альтроком, вместе с которым ранее был на вюртембергской службе^[1035], и др.

Хотя французские офицеры и солдаты испытывали менее сентиментальные чувства дружбы по отношению к своим товарищам, но чувства эти были, вероятно, не менее глубокими. Об этом говорят письма. Вот, к примеру, сублейтенант 12-го линейного, ветеран 93-го года Дове (Dauvé) пишет на родину о том, что 7 сентября его товарищ по полку и земляк сержант Пьер Вашёро (Vacherot) «погиб, о чем я очень сожалею». «В день битвы я искал Вашёро, чтобы попытаться помочь ему, но это было бесполезно, так как рана была смертельной – пуля попала в голову, так что трудно было узнать, и я долго был опечален... Если увидишь его родителей, – пишет сержант неизвестному лицу, – передай от меня поклон и скажи, что эта печальная новость вызвала сожаление многих его братьев по оружию»^[1036]. «В этом деле я потерял много добрых товарищей», – с чувством горечи пишет о сражении 7 сентября лейтенант 25-го линейного П.-А. Паради^[1037]. Те же чувства угадываются в письмах генералов и маршалов. 6 ноября, во время страшного отступления, на биваке возле Смоленска М. Дюма напишет жене о последней встрече ночью после сражения со своим младшим другом генералом Ж.-Л. Ромёфом: «Я сказал ему последнее прощай, пройдя после битвы и найдя дом, где я обнял его за 3 часа перед его смертью»^[1038].

И все же была у солдат Великой армии честь и другого рода, замешенная на тщеславной гордости, питаемая «опиумом военной славы» и взлелеянная Властью. Наполеон систематически разжигал в солдатах «дух части», «честь мундира», чувство соперничества. Каким юношеским нетерпением было проникнуто письмо ученика Сен-Сирской военной школы Ланна, которое он послал своему старшему товарищу, уже ставшему сублейтенантом и оказавшемуся в России! Ланну, который поставил рядом со своим именем прозвище «римский гренадер», казалось, что на его долю уже не достанется славы^[1039]. Конечно, у младших офицеров, а то и у некоторых солдат и сержантов, эта жажда военной славы и чести проявлялась нередко в наивно-трогательной форме. Так, солдату Ф. Бондю из инженерного парка 1-го армейского корпуса пришлось 7 сентября впервые понюхать порошу и отбиваться саблей от «казаков». Пытаясь быть скромным, но явно переполненный гордостью, он напишет: «Храбрость солдата, подобная моей... не сравнится с храбростью, которая присуща французскому солдату, когда дело касается родины, олицетворением которой является сам император»^[1040].

Но у многих военных чиновников, офицеров, унтер-офицеров и солдат настроения были совсем иные. Их письма не скрывают, что авторы мечтали получить за свои подвиги нечто более материальное, чем простое признание Родины или уважение друзей. «Был в битве 5 и 7

на глазах Неаполитанского короля, – пишет домой раненый генерал Тест. – Думаю, что он уже передал об этом... в своем рапорте...»^[1041] И так, по-деловому сухо – в десятках писем генералов и офицеров, повествовавших о Бородине. Ради того, чтобы обеспечить себе старость либо занять и подтвердить положение на социальной лестнице Первой империи, шли в бой многие и многие из чинов Великой армии. Это были те, кто к 1812 г. уже хорошо осознал принципы, на которых культивировалась Властью военная честь. А следовательно, и растерял всякие иллюзии.

Итак, говоря о чувстве военной чести, которая должна была и действительно составляла духовный стержень Великой армии, мы не склонны ее упрощать и идеализировать. Далеко не каждый чин армии Наполеона, оказавшийся на Бородинском поле, являл собой героическую личность, проникнутую духом военной романтики. Людью Великой армии двигали разные стимулы, и испытывали они при этом очень различные чувства. И все же было у них и нечто общее, что заставляет нас в конечном итоге говорить о духе наполеоновской армии. Попробуем это общее обозначить.

2.6.2. Ритуалы и символы

Любая социальная группа, стремящаяся к сплочению и развитию, обретает обычаи и символы, которые становятся для нее важнейшим средством самоидентификации. Более того, символ и ритуал закрепляют в сознании члена коллектива, объясняют ему и указывают на определенную модель поведения. Великая армия демонстрировала все это виртуозно. Через ритуалы и символы Наполеон неустанно напоминал солдатам «о духе, галльском духе, любви к славе, об инстинкте французов, о чести и храбрости»^[1042].

Особую роль в этом, конечно же, играли знамена. «Когда я, объезжая ряды армии в центре огня, – патетически вспоминал Наполеон на о. Св. Елены, – говорю: “Развернуть знамена! Момент пришел!” – жест, действие, движение – все воздействует на солдата»^[1043]. Полотнища знамен французских полков были трехцветные, доставшиеся в наследство от Революции и символизировавшие нацию и национализм. Очевидно, что эти, по сути, неизвестные ранее европейцам понятия открывали новую эру не только в становлении многих народов как таковых, но и в практике манипуляции массовым сознанием через символы. Надписи на полотнищах говорили о том, что знамена были вручены императором, носителем священной власти. Но главной частью знамени было все-таки не полотнище, но древко, увенчанное сверху бронзовым одноглавым «римским орлом», заменившим революционные пики. Именно орел, прежде всего, почитался как священная реликвия, полученная от самого императора. Закрепляя эти системы перед русской кампанией, Наполеон 30 ноября 1811 г. писал Бертье: «Я дал одно знамя для пехотного полка, одно – для кавалерийского полка, одно – для артиллерийского полка... Не будет ни одного орла, который был бы получен не из рук императора»^[1044]. Декретом от 25 декабря 1811 г. это было окончательно утверждено^[1045]. Вообще, Наполеон, следуя за римлянами в выборе высшего символа, подражал им и в более глубоком смысле: священная императорская власть была стержнем новой государственности, превосходившей по своей сущности суверенность самой нации.

Вручение орла воинской части выглядело всегда как священный ритуал – от первой раздачи императорских знамен на Марсовом поле в декабре 1805 г., запечатленной великим Ж.-Л. Давидом, до вручения орла молодому 127-му линейному полку на кровавом поле битвы у Валутиной горы в августе 1812 г. Брандт так описал последнее действие: «Полк стоял в каре, люди были закопчены пороховым дымом, покрыты пылью, иные даже кровью. Полковник и офицеры образовали полукруг около императора. Егерь-гвардеец передал Бертье полковое знамя; став по левую руку императора, Бертье взял знамя в правую руку. “Солдаты! – обратился к полку Наполеон. – Вот ваш орел! Пусть он указывает вам то место, куда вам

следует собираться в минуту опасности. Клянитесь мне никогда не изменять ему, никогда не уклоняться с пути чести, клянитесь мне защищать свое отечество, не допускать позорить нашу Францию!» Громкое «клянемся» было ему ответом. Потом Наполеон взял знамя из рук Бертье и передал его полковнику. Тотчас же каре расступилось, и знаменосец, украшенный орденами офицер, понес знамя под звуки музыки и дробь барабана в знаменный ряд»^[1046]. Лабом, так же как и Брандт, бывший свидетелем этого замечательного ритуала, отметил: «Эта раздача наград среди мертвых и умирающих и к тому же на месте, прославленном победой, представляла величественное зрелище, которое как бы уподобляло наши подвиги наиболее геройским подвигам древности»^[1047].

7 сентября 127-й линейный полк будет драться на поле под Бородином. В тот день ни одной из сторон не удастся взять ни одного знамени!^[1048] Однако позже, во время отступления, судьба орлов многих частей сложилась трагически – одни были взяты русскими в качестве трофеев, другие пришлось уничтожить, но немало удалось и сохранить. Известна, например, история о том, как командир батальона 125-го линейного Жан-Жак Треманже (Tremanger), взятый в плен при Березине, сумел сохранить полкового орла вместе с кистями и полотнищем в течение двух лет русского плена и привез его обратно во Францию в 1814 г.^[1049] Когда было невозможно сохранить свое знамя, солдаты пытались спасти, прежде всего, орла. Но когда 84-му линейному принцем Евгением было приказано уничтожить и его, дабы он не попал к русским, полковник все же сохранил серебряную плакетку с надписью «Один против десяти», которая крепилась под орлом и была дана части в память о подвиге в битве против австрийцев в 1809 г. при Граце. Эта реликвия напоминала и еще об одном славном эпизоде из истории 84-го линейного: во время Бородина полк отбил несколько атак русской кавалерии на северном фланге, а в его рядах рядом со знаменем укрылся Евгений Богарне^[1050].

Помимо орлов и фаньонов (последние были не только в батальонах, но и в ротах), существовало и множество других символов, обладавших меньшей степенью святости, но также являвшихся важными элементами самоидентификации военных сообществ и предметом гордости и поклонения. Такими символами, к примеру, были различные «особенности» в униформе либо прозвища полков. 25-й линейный, скажем, назывался «La 25-e s'est couverte de gloire», 57-й – «La terrible 57-e» и т. д.

Жизнь любой части наполеоновской армии подчинялась целому комплексу ритуалов и обычаев. Ритуализировалось все: от порядка вступления новобранца или офицера в полк до расстрела приговоренного к смерти. Была своего рода система этих обычаев и ритуалов: ритуалы общенациональные (скажем, национальные праздники, в том числе день рождения императора), общеармейские и характерные только для определенной воинской части. Допустим, в одном из кирасирских полков неуклонно соблюдался своеобразный обычай: новый офицер должен был пройти «тест». Он получал трех лошадей, три бутылки шампанского и трех женщин. В течение трех часов он должен был выпить вино, «расправиться» с девочками и проскакать оговоренное расстояние на лошади^[1051]. Если вспомнить, что служба в кирасирах требовала недюжинной силы и выносливости, такой ритуал инициации был явно не бесполезен. А, скажем, обычай «расстрела ранца», который проводился после получения унтер-офицером офицерского чина, был общеармейским и сохранился с королевских времен. Он отразил важную черту, свидетельствовавшую о преемственности традиций армии Старого порядка и наполеоновского времени – и тогда и сейчас офицерский корпус в значительной степени пополнялся выходцами из солдатских рядов.

В целом же ритуалы и обычаи, как бы являя собою присутствие прошлого, включали человека в некий замкнутый круг иррациональных истин, задавали строго определенный спектр мыслей, чувств и потребностей.

2.6.3. Религия, суеверия, культ Императора

Армия Наполеона не была армией атеистов. Характер тех религиозных убеждений, которые преобладали в среде, по крайней мере, французских солдат, скорее следовало бы назвать деизмом. Да и вряд ли это могло быть иначе, ведь дехристианизация эпохи Революции привела к поискам «естественной» религиозности, соединенной с возрождением народных верований. Многие революционеры, в том числе и М. Робеспьер, чувствуя образовавшиеся лакуны в народном сознании, попытались их заполнить культом Природы и Разума, воплотившихся в образе Верховного существа (*l'Être suprême*)^[1052]. Наполеон это развил. «Не надо менять ни одного слова в мысли и в языке Робеспьера, – точно заметил французский историк Э. Кине, – чтобы извлечь из них конкордат Наполеона...»^[1053]

Армия, однако, приняла конкордат без энтузиазма: в ней долго продолжало жить неприятие какой бы то ни было церкви. Тем более что в годы революционных войн, а затем и войны в Испании французские солдаты столкнулись с таким врагом, который выступал под религиозными знаменами против безбожников. Все это, конечно, не означает, что в рядах французских частей не было людей, принимавших церковь и ее догматы. Такие люди были. Майор Старой гвардии А. Друо, к примеру, столь блестяще распоряжавшийся под Бородином гвардейской артиллерией, всегда имел при себе карманную Библию, постоянно перечитывая любимые им страницы^[1054]. В ряде полков на полулегальном положении, числясь как солдаты, были даже и полковые священники^[1055]. И все же во французских частях искренне верующих было очень мало. Знаменитый аббат Сюрюг, отправлявший службу в католической церкви Св. Людовика в Москве во время нахождения там Великой армии, определенно утверждал, что в его церкви «почти никто из французской армии не появлялся, за исключением 4 или 5 офицеров из старых фамилий Франции, двое или трое исповедовались». «Однажды я посетил комнату, полную ранеными офицерами, – писал аббат в письме другу в октябре 1812 г. – Все они говорили о своих физических нуждах, но ни один – о своих душевных проблемах, хотя трое из них уже имели печать смерти на своих устах. Я окрестил детей нескольких солдат: это единственное, на чем они еще настаивают... В остальном религия для них пустой звук»^[1056].

Конечно, в национальных частях Великой армии, особенно в польских, испанских, португальских и даже немецких, ситуация была иной. Были в этих полках и капелланы. Командование ничего не имело против этого. Наполеон с самого начала своей военной и государственной карьеры относился к религии весьма прагматически. «Римские легионы любили все религии», – вспоминал он историю, описывая свою Египетскую кампанию. Необходимо было, говорил он, «примирить с собою религиозное мышление»^[1057]. Столь же прагматически он отнесся к религиозным чувствам русских во время войны 1812 г. Понимая, сколь опасен религиозный фанатизм, в первые месяцы кампании он не поощрял разрушения церквей и преследования русского духовенства. На ступенях церкви в горящем Смоленске Наполеон, отвечая на обвинения русского священника в разрушениях и поджогах, горячо заявил, что его армия в этом не виновна. Многие церкви, по его словам, сгорели потому, что священники разбежались, бросив свои храмы. «Мои солдаты уважают ваши святыни; мы христиане, и ваш “Бог” есть наш “Господь”»^[1058].

В своих речах, приказах и письмах 1812 г. Наполеон не раз упоминает имя Бога. «Молю Бога оградить Вас своим святым покровом», – пишет он из заснеженного Смоленска герцогу Бассано^[1059]. Вообще, имя Господа вспоминали многие солдаты Великой армии накануне, во время и после Бородинского сражения. Упоминали имя Бога генералы^[1060], офицеры^[1061], солдаты, музыканты и обозники^[1062]. Многие из них благодарили Бога за победу в сражении и за то, что он сохранил им жизнь. «Благодарение Богу, мы одержали победу», – восклицал Даве, су-лейтенант 12-го линейного полка^[1063]. «...Бог, который помогал нам весь этот день

(7 сентября. – В.З.), сотворил великое чудо, так как я насчитал сам 20 мертвых русских на одного француза», – писал уже известный нам Паради^[1064].

Примерно те же выражения встречаем и в письмах немецких солдат. Солдат-вестфалец И. А. Вернке писал, что Господь Бог «помог без раны» пережить два сражения. «Господь помог мне и с третьего сражения вынес без вреда, где пули сыпались дождем как горох, но ни одна пуля меня не задела», – отписал он домой о Бородинском сражении^[1065].

Однако многие из тех, кто пережил Бородино, благодарили все же не Бога, но Судьбу. «Спешу с радостью сообщить, – писал отцу капитан Пьер д'Алгэй (d'Algay), – что моя счастливая звезда (bonne étoile) не покинула меня 7-го этого месяца, когда все мои братья по оружию расстались с жизнью»^[1066]. «Твердо положился на свое воинское счастье», но не на Бога и немец Лоссберг. «Поэтому мне, – писал он после Бородина, – и не приходила в голову возможность быть раненым, но в момент, когда я был поражен пулей, я несказанно обрадовался, увидя, что я в состоянии шевелить раненою ногою в стремени и что все кости остались невредимы»^[1067].

Воздавали хвалу наполеоновские солдаты после Бородина также и Верховному Существо. «Мой дорогой сын, – писал лейтенант Паради после Бородина, – благодарение Верховному Существо, я чувствую себя хорошо, и в этой кампании не получил ни одной раны»^[1068]. По-видимому, некоторые идентифицировали образ Верховного Существа с Богом, другие воспринимали его весьма абстрактно, следуя, так сказать, укоренившейся еще со времен Революции традиции. Известно, к примеру, что песня Ф.-Ж. Госсека на стихи Дезорга об «Отце Вселенной», впервые исполненная 22 июня 1794 г., была одной из самых любимых в армии Наполеона. Ее трогательная мелодия, отзываясь в сердцах солдат, воспринималась как молитва. Приведем только первый и последний ее куплеты:

Père de l'univers, suprême intelligence
Bien fauteur ignoré des avengles mortels,
Tu révélas tou être à la reconnaissance
Qui seule éleva tes autels.
Dessipe nos erreurs, rends-nous bons, rends-nous justes;
Règne, règne au delà du tout illimité:
Enchaine la nature à tes décrets augustes:
Laisse à l'homme sa liberté!^[1069]

И все же основной формой проявления религиозных чувств наполеоновского солдата в 1812 г. были не осколки католической веры или тень культа Верховного Существа, но различного рода суеверия. Хорошо известно, что на войне, когда человек оказывается в «пограничной ситуации», между жизнью и смертью, начинается интенсивный поиск психологической опоры. Солдат стремится получить мистическую защиту путем выполнения разного рода ритуальных действий^[1070]. Наполеоновский солдат, прежде всего тот, который не чувствовал себя в лоне церкви, прибегал к разного рода амулетам. Это могли быть какие-нибудь обработанные камни, кабаны или медвежьи клыки, носившиеся на шее, и пр. Известно, например, что и Наполеон до рождения сына носил с собой привезенную из Египта булавку с изображением скарабея^[1071]. А Даву, контуженный при Бородине, но избежавший смерти, решил сохранить седло, ольстры и пистолеты, которые приняли на себя удар русских пуль^[1072].

Много внимания уделялось различного рода предзнаменованиям и ритуальным действиям. Сын генерала Пажоля рассказывал: «Мой отец вспоминал, что по счастливому случаю я родился в тот же день, когда он получил чин дивизионного генерала, 7 августа 1812 г., и что он извещен был об этом 7 сентября, прямо перед битвой у Москвы. Не будучи суеверным, он

принял это как счастливый знак»^[1073]. Соблюдением определенных правил поведения, боязнью раздражить Судьбу можно объяснить отказ генерала Дедема после Бородина принять от Кастелана немного кофе. Генерал заставил Кастелана «на счастье» непременно продать его^[1074]. Как знак сверху воспринимали солдаты и офицеры пулю, пробившую головной убор, но не задевшую голову. Тот же Кастелан описывает, как 15 октября у Нарбонна побывал Раска (Rascas), командир батальона 30-го линейного. Раска поведал, как получил картечную пулю в кивер, выше головы, при атаке редута 7 сентября^[1075]. Как здесь не вспомнить персонаж известной новеллы П. Мериме, в которой столь блестяще были отображены фаталистические чувства французских солдат, оказавшихся под Москвой?!

Вспоминал, сидя в Москве, эпизоды Бородина и генерал-адъютант Рапп. 7 октября, в связи с месячной годовщиной, он описал в письме барону Депорте, префекту в Верхнем Рейне, эпизоды «наиболее прекрасной и наиболее страшной баталии, подобной которой не было со времен Революции». Рапп рассказал о том, как получил четыре раны в течение 1,5 часа. «К счастью, эти раны ничего не повредили, и я почти выздоровел. Все говорит за то, что я не буду убит на войне»^[1076]. Несколькими днями позже Х. Эрихрат, сержант 2-го вестфальского линейного полка, который был легко ранен 7 сентября, напишет матери из Можайска о том, что надеется вернуться домой, «потому что, кажется, невидимая сила хочет меня сохранить, потому что многие товарищи пали на моих глазах и были тяжело ранены, лишь я как заговоренный...»^[1077].

Основную массу суеверий составляли все же недобрые приметы и предзнаменования. Сам 1812 год начинался с дурных предчувствий, вызванных знаменитой кометой. «Ярко сиявшая длиннохвостая комета, под ослепительным светом которой созрел чудеснейший виноград, давала повод к самым странным чаяниям и пророчествам», – вспоминал Роос^[1078]. Затем был переход через Неман. Уже на русской стороне конь по имени Фридланд сбросил Наполеона^[1079]. Говорят, что Фридланда испугал заяц, традиционный мифологический персонаж. В те дни во время переправы с очень многими солдатами произошли события, заставившие их внутренне вздрогнуть. Тирион, скажем, вспоминал, что, когда 6-й эскадрон его 2-го кирасирского полка переходил понтонный мост, ударила молния. Лошадь орлоносца Вандедрие испугалась, бросилась в воду, и штандарт, притороченный к седлу, «искупался». Тогда кирасиры отогнали от себя дурные предчувствия, но позже не раз вспоминали о них^[1080]. Был внутренне напряжен в дни переправы интеллигентный Роос. Так как его полк совершал переход Немана в ночь на Иванов день, с которым у вюртембергца было ранее связано множество событий, он «настроен был серьезно и торжественно»^[1081].

Особенно много дурных предчувствий теснилось в душах солдат, когда приблизилось генеральное сражение. Как правило, эти предчувствия сбывались! Командир 6-го конноегерского полка Ф. Ледар (Ledard, или Le Dard), прошедший огонь и воду, неожиданно в Гжатске почувствовал, что будет убит. Действительно, 7 сентября он получил две тяжелые раны возле «большого редута» и умер на следующий день^[1082]. 6 сентября предчувствовали свою смерть командир эскадрона Ж. Канувиль, генерал О. Коленкур, полковник 11-го конноегерского М. Дезира и др. Дезира, например, угощая чашкой кофе утром 7-го адъютанта генерала Пажоля Био, печально произнес: «Я совершенно убежден, что это моя последняя битва». В самом начале сражения Био с ужасом увидел, как перед фронтом «одно из первых ядер проломило тому череп»^[1083]. Тот же Био наблюдал, как тяжелые предчувствия овладели накануне сражения генералом Монбрёном. 6-го Монбрён пришел пешком на Шевардинский редут, простоял там в задумчивости некоторое время, затем, в такой же задумчивости, недалеко от редута разделил с генералом Тестом его обед. Вечером Био, прибыв к Монбрёну, увидел его о чем-то задумавшимся над картой. «Когда я представился, – вспоминал Био, – он начал с того, что спросил меня, ужинал ли я. Я ответил, что нет; после чего он добавил: “В этом случае вы поужинаете со мной”. Вскоре после того вошел слуга и объявил, что некто Веше (Vecher), ординарец его штаба, возвратился после

того, как сопровождал госпожу Монбрён из Варшавы. “Пригласи его”, – сказал генерал. После вопроса генерала офицер вручил ему письмо и пакет, и, когда он отдал письмо, Монбрён воскликнул: “Я знаю, что в нем. Вы оставили мою жену в добром здравии, не так ли? Что касается ее письма, то я прочту его после сражения”^[1084]. На следующий день, утром, Монбрён будет смертельно ранен, а через несколько часов умрет.

В условиях, когда обширнейшая сфера религиозного сознания наполеоновского солдата оказалась свободной и нередко стихийно заполнялась разного рода бытовыми суевериями, Власть попыталась взять ее под свой постоянный контроль. Родился культ Императора. Многие в нем было от образа прежнего Господа, от революционных Верховного Существа и культа героев, от религии римских легионов с их богом Митрой. Наконец, культ Императора выглядел своего рода всплеском знаменитого «королевского мифа», одно время загнанного в глубины подсознания, но теперь вновь всплывшего на поверхность. Наполеон, осознавая живучесть этого мифа и его действенность, стал активно его эксплуатировать, соединяя в своем лице Власть, опиравшуюся как на демократическое право, так и на право божественное^[1085].

О культе Наполеона в армейских кругах историки писали многократно^[1086]. Очевидно, что для многих солдат Наполеон был не просто олицетворением Родины (солдат-обозник Ф. Бондю прямо так и писал об этом своей матери из Москвы^[1087]), но также и воплощением неких сверхъестественных сакральных сил, достойных религиозного поклонения. Брандт, например, описывает, как весной 1812 г. поляки Легиона Вислы, шедшие из Испании к границам России, оказались в Париже. Статую императора на Вандомской колонне они приняли за статую святого!^[1088] Не случайно, при Ратисбоне, когда Наполеон получил ранение в ногу, это скрыли от армии: священная персона императора не могла быть поражена, как простой смертный.

К началу Русского похода преклонение перед императором достигло среди солдат наибольших размеров. Один пьемонтец, оказавшийся в русском плену, так рассказывал Жозефу де Местру о чувстве священного трепета, охватившем его, когда он впервые увидел во время кампании Наполеона: «Когда я увидел его проезжающим перед фронтом, сердце мое забилося из всех сил и мой лоб покрылся холодным потом»^[1089].

Лоссберг впервые встретил Наполеона 4 сентября у Гжатска. Это произошло сразу после того, как офицер увидел императора во сне! «Описанное событие, – записал Лоссберг, – для меня еще замечательно тем, что в предыдущую ночь я увидел во сне императора в таком же виде, и при оставлении города, совершенно похожего на Гжатск»^[1090].

Уверенность, что под командованием Наполеона Великая армия непременно разобьет русских в сражении, была всеобщей. Еще у Валутиной горы Брандт «увидел, как смертельно раненные собирали свои последние силы, чтобы приветствовать Наполеона, и слышал, как один сидевший на дороге и перевязывавший свою раненую ногу гренадер воскликнул: “Если бы вы, государь, были с нами, мы разбили бы неприятеля наголову”»^[1091]. Поэтому и прокламация императора перед Бородинским сражением была встречена с небывалым воодушевлением. «Это энергичное и короткое воззвание окончательно наэлектризовало армию, – пишет Тирион, – в нескольких словах оно затрагивало все ее интересы, все ее страсти, все ее нужды, короче, в них было все сказано. Да! Армия устала от этих непрестанных маршей, от этого непрестанного движения в глубь России, не встретя серьезного сопротивления. Да! Победа действительно зависела от солдата, в особенности, когда он доверяет своему начальнику, сознавая его искусство. Император же внушал своим легионам более, чем одно доверие, он внушал любовь, граничившую с фанатизмом!»^[1092] «Наш император командовал лично, – описывал Бородино в письме домой командир батальона 17-го линейного Ж.-П.-М. Барье. – Его присутствие наэлектризовало дух; ничто не ускользало от его наблюдательного взгляда; это может быть выражено двумя строками:

«Готовность к повиновению Твоей грозной армии

Проистекает от восторга, который ты в нее вселил»^[1093].

Многие почитали за честь умереть на глазах императора. А те, кто выжил, изобретали потом насчет «себя и императора» разные небылицы. Лейтенант 57-го линейного Ж.-А. Леюше, например, рассказывал в письме, что полк заслужил похвалы Его Величества императора за взятие и защиту Шевардинского редута. При этом император якобы смог доверить оборону редута только 57-му и лично сказал: «Оставляя его 57-му полку, я уверен, так как враг попытается вернуть его». Похвала императора, заключил Леюше, «это стоит больше всего в мире»^[1094]. Но уж совершенно фантазмагорическими картинами были заполнены некоторые воспоминания, к примеру, Серюзье. Картины Бородинского сражения, содержащиеся в его мемуарах, можно было бы охарактеризовать так: «Я и Наполеон»^[1095].

После Бородина вера в Наполеона несколько покачнулась. Горячие надежды на то, что удастся полностью разгромить неприятеля, героическое самопожертвование, проявленное в день битвы, и огромные потери имели своим результатом весьма сомнительную победу. «Мы были недовольны, суждения наши были суровы», – написал о настроениях в Главном штабе в отношении поведения Наполеона в день битвы полковник Л.-Ф. Лежен^[1096]. «Во всей армии сильно критикуют действия императора в день сражения, к чему присоединяюсь и я», – отметил Лоссберг. Главными пунктами критики Наполеона, по словам Лоссберга, было то, что он слишком долго держал гвардию в резерве; сам же, оставаясь при гвардии, поздно получал донесения; многие критики говорили, что Наполеону следовало бы обойти лес на левом фланге, как предполагал Даву; и т. д.^[1097] Уже спустя неделю, где-то возле Можайска на почтовой станции Лоссберг снова стал свидетелем открытой критики действий Наполеона в Бородинском сражении, особенно за то, что он не бросил в огонь гвардию^[1098].

Московские пожары и тщетное ожидание мира стали решающими факторами того поворота, который уже ранее начал происходить в головах солдат Великой армии: образ императора стал терять свои сакральные черты и приобретать образ человека. Но не следует преувеличивать темпы этого поворота. Так, в фондах РГАДА мы обнаружили интереснейшее письмо известного мемуариста Плана де ла Файе, который в 1812 г. был адъютантом генерала Ларибуазьера, а затем ординарцем Наполеона. 15 октября, за три дня до выступления из Москвы, в письме к некоей мадам Анриетт Деплас (Henriette Deplacé) он описывал, как русская армия отступала в большом порядке, и сообщал, что наполеоновской армии, вероятно, придется отойти к Висле на зимние квартиры. Жителей в Москве нет, город сожжен, и Москву придется покинуть. «Я проклинаю войну и *суверена* (выделено мной. – В.З.), который таким образом играет счастьем, судьбой и жизнью людей», – заявил он^[1099]. Увидев эту фразу, мы сразу, как бы по инерции, расценили ее не иначе как вырвавшийся из груди офицера-бонапартиста протест против Наполеона. И только чуть позже поняли, что Плана де ла Файе осуждал не Наполеона, но Александра I! Как прочно сидят в сознании русского историка национальные стереотипы!

2.6.4. Язык, песни, музыка и фольклор

В любом человеческом сообществе язык, связанный с глубинными психологическими и социальными процессами, является важнейшим компонентом его духовного развития. В этом отношении Великая армия Наполеона не составляла исключения. Язык, песни, музыка и фольклор Великой армии не только отразили разные стороны ее бытия, но и сами существенно воздействовали на ее формирование как целостного организма.

Языковым стержнем Великой армии был, конечно, французский язык, испытывавший в конце XVIII в. существенное воздействие бурных революционных процессов. Это воздействие проявилось в появлении крайней патетической фразеологии и образности, в широком

распространении просторечий, жаргонизмов, в «тыканье», наконец, в возникновении множества новых слов и выражений. Стали широко употребляться такие слова, как *volcaniser* (воодушевлять), *électriser* (экзальтировать, наэлектризовать), *fusillade*, *mitraille* (расстрел), *expropriation* (экспроприация), *ordre du jour* (порядок дня, приказ на день), *masse* (в значении «народная масса»), *travailler* («обрабатывать» в значении «обрабатывать человека, человеческую массу», войска) и т. д.^[1100] А «тыканье» в армии получило столь широкое распространение, отразив возникшее чувство братства, подлинное или мнимое, что «vous» смогло полностью возвратиться во французскую армию только после Второй мировой войны^[1101]. С одной стороны, это свидетельствовало о мощных переменах, произошедших в конце XVIII в. во французском обществе и французской армии, но с другой – сами люди старательно прибегали к табуистическим заменам в своей речи, веря во взаимосвязь, существующую между именем и вещью. Наконец, следует отметить, что демократизация языка той эпохи была связана и с процессами смешения огромных масс населения в территориальном и социальном пространстве: носители разных территориальных и социальных диалектов, попадая в новые языковые среды, испытывали влияние чужой речи^[1102]. К 1812 г. все эти процессы, с той или иной степенью интенсивности, продолжали развиваться на территории континентальной Европы. Особенно интересно они проходили в рамках Великой армии, ядром которой были французские части, носители уже достаточно устоявшегося языкового мира. Этот мир отразил в себе не только мощные социальные перемены рубежа веков, но и своеобразие быта наполеоновского солдата. Историки не раз обращались к этой теме^[1103]. Отметим только наиболее характерные примеры и черты.

Особенно тонко отразили эмоционально-психологический настрой в армии, конечно же, многочисленные жаргонизмы. Можно выделить целый ряд своего рода тематических групп. Прежде всего, это жаргон, отразивший восприятие войны, боя и оружия. Война была «ночью» (*la pose*), «праздником» (*la fête*) и «музыкой» (*la musique*). Пули врагов «создавали развлечение для шеренг» (*à mettre de la distraction dans les rangs*). В сражении было обычно «чертовски жарко» (*bougrement chaud*). Штыковая атака была «завтраком а ля фуршет». Те, кто испытывал страх в бою, – «трусы», (*les rafalés*) или «озябшие» (*frileux*), или «разбившие нос» (*saignent du nez*). ...Сабля – это «бычье ребро» (*côte de boeuf*), пистолет – «распятие для приговоренного» (*crucifix à resort*). Ствол – это «пушка» (*le brutal*), он «кашляет» (*tousse*), делая из тела «курятник» (*poulailler*), и «салюtujeет головой» (*saluer de la tête*). К болезням, ранениям и гибели наполеоновские солдаты относились философски спокойно, даже с юмором и усмешкой. Кровь была «виноградным вареньем», которым «кормят мух». Когда ожидалась большая потеря, обычно говорили о «происшествии, которое создает огорчение» (*un accident qui fait du tort*). Солдат, потерявший глаз, был «охромевшим на один глаз», рана в голову – «легкой обидой» (*légèrement offense*), мертвые – «холоденькими» (*refroidis*), «определенными в другой мир» (*charges d'une commission pour l'autre monde*) или «оставившими пост» (*descendent la garde*).

Особенно ярко отражал солдатский язык мельчайшие нюансы быта, того, что составляло повседневную жизнь солдата. Суп был «жижей», «баландой» (*la mouillante*), закуска – «шуточками» (*les drolleries*), вода – «рикики» (*le riquiqui*), или «святой водой», или «святой жижей» (*le sacré mouillante*). Если не было ничего поесть, то солдатам приходилось «читать газету» (*lit la gazette*) или «заниматься макаронами» (*trouve des vermicelles*). Солома была «пером из Боса» (*la plume de la Beauce*), ранец – «добычей» (*le butin*). Тот, кто находил в походе хорошую пищу, назывался «нос», занимавшегося мародерством называли «набившим живот», мародеров – «бандой Луны». Долгие занятия солдат своим обмундированием и снаряжением оставили во французском языке слово «гибернировать» (*giberner*) – от «parler» (говорить) и «la giberne» (патронная сума), которую приходилось, ведя беседы, долго натирать воском. Блоха, которая также составляла неотъемлемый элемент солдатского быта, называлась «кузнечиком» (*la sauterelle*), а мышь – «бегунком» (*la trottante*).

Неизменными элементами всех биваков, а нередко и боя, были юмор и шутки. Много их произвела на свет и русская кампания. Самой известной шуткой был ответ, которым французские солдаты неизменно отвечали на русское «Ура!», которое слышалось как «Au rat!» («На крысу!»). Французы в ответ кричали: «Au chat!» («На кошку!»)^[1104].

Враги Франции также нашли свои имена в солдатском жаргоне. Англичане были «angluches» («англуши») или «goddams» («годдемы») – от английского «Черт побери!», или «санкюлоты» – из-за шотландских килтов. Австрийцев называли «autr (e) chiens» («другие псы») и т. д. Хотя русские в целом не удостоились того, чтобы получить какое-либо прозвище, но некоторые из особенно экзотических для французов народов Российской империи и частей русской армии все же получили свои названия. Это были, прежде всего, башкиры – «купидоны» или «амуры» (за их луки и стрелы). Слово «татарин» (точнее, «тартарин») французы использовали для обозначения содержателей кабаков.

Особенно важным для наполеоновского солдата было отделить себя и свою военную корпорацию от всех гражданских. Все невоенные назывались просто «крестьянами» (les paysans) или, в лучшем случае, «пекинами» (pékin), что означало «штатский». Сами же себя солдаты называли любовно-уважительно – «землеход» (то есть пехотинец), «ворчун», «старый ус» (une vieille moustache), «превосходный служака» (troupiier fini), «знаменитый кролик» (fameux lapin).

Внутри самого армейского организма солдатский язык достаточно строго обозначил различные вертикальные и горизонтальные иерархические структуры. Молодые рекруты были «молокососами» (les blanc-becs) или «сосунками» (les becs à sucre). Гренадеров называли «сынами гренады», кирасиров – «железными жилетами» (les gilets de fer), жандармов и музыкантов, которые, как правило, редко появлялись в первой линии, окрестили соответственно «бессмертными» (immortels) и «далекими от ядер» (loin des balles). Интендантов обычно презрительно называли «рис-хлеб-соль», а тех, кто был на продовольственных складах, – «сельдереи» (les celery). Те части, которые, хоть бы и не официально, получили какое-либо почетное наименование, стремились его обязательно подтвердить. Таким был, например, 57-й линейный. Компан с гордостью писал жене из России, что под Бородином 57-й оправдал свое название «Terrible» («Ужасный»), которое император дал ему в Испании^[1105].

То же касалось людских кличек. История, к сожалению, почти не оставила нам звучание прозвищ простых солдат и офицеров Великой армии (остались только немногие из них, как, скажем, капитана Франсуа, «дромадера Египта»). Но прозвища маршалов и многих генералов известны. Вот некоторые из тех, владельцы которых были при Бородине: Мюрата звали Roi Franconi (король Франкони), по названию известного в те годы цирка, так как Неаполитанский король предпочитал весьма экстравагантные наряды; Нея – Рыжеволосым (le Rougeaud); Жюно все еще в память о старых временах ходил с именем Сержант-буря (le Sergent la tempête); генерал-адъютант Мутон после того, как Наполеон однажды сказал «Мой Мутон (le mouton – баран) – лев», не мог называться иначе как Лев; Компан имел прозвище Покорителя редутов, подтвердив его при Бородине; Друо, известный моралист, звался Мудрец Великой армии. А сколько было Баяров, наследников имени славного рыцаря без страха и упрека, – от павшего под Бородином Монбрёна до Понятовского!

Язык Великой армии отразил и ее многонациональный состав. Представители каждой нации имели свое прозвище: голландец – «le Godfredoms», поляк – «француз Севера», итальянец, из-за того, что начинал свою французскую речь словами «Dis-donc», – «le Didons».

Вообще, в нефранцузские части все больше проникало двуязычие, о чем мы уже писали выше, рассматривая многонациональные структуры Великой армии. Но иногда и французы пользовались языковыми заимствованиями. Ротного весельчака французские солдаты

называли не иначе как «loustic», заимствовав немецкое «lustig» (весельчак). И все же нам бы не хотелось делать окончательные выводы о степени языковой интеграции Великой армии: на этот счет до сих пор не появилось специальных исследований.

Непревзойденный знаток солдатской души и человеческого сердца, Наполеон верил в чудодейственную магию слова. Его бюллетени и воззвания неизменно производили мощное воздействие на человеческую психику, становясь для солдата своего рода божественным откровением. Процесс взаимодействия императорского слова и солдатской души был заимообразным. Наполеон, чутко улавливая настроения армии, ее, так сказать, внутреннюю пульсацию, соответствующим образом выстраивал свое воззвание. В то же время солдат, отзываясь на обращение императора, уже изначально воспринимал его как идущее от некоего божественного существа. Эффект, в случае удачного совпадения всех этих элементов, был потрясающим. Два примера из русской кампании. 18 июля 1812 г., когда Наполеон был в Глубоком, ему была представлена русская прокламация, адресованная французским солдатам, осуждавшая конскрипцию и наполеоновскую тиранию и призывавшая к дезертирству. Император счел необходимым лично составить «Ответ французского гренадера» и распорядился довести его не только до войск противника, но и своих собственных войск^[1106]. В «Ответе...» Наполеон счел важным прямо обратиться к тем чувствам, которые составляли моральный стержень его воинов. Как заклинание, император несколько раз подчеркнул, что солдат Франции «свободный» и что «он повинуетс только чести и закону». Проявлением этого закона и является конскрипция. Этому император противопоставил «крепостничество и рабство» России, «скотское существование» русских солдат, основой дисциплины которых является «страх», «но не честь». Призвание солдат Великой армии заключается в том, чтобы уничтожить «рабство в русской империи», «восстановить права ее подданных, когда каждый крестьянин станет субъектом и гражданином государства, станет господином своего труда и своего времени, и он не будет больше собственностью своего господина, подобно быку или лошади». Легко представить, как вдохновились бойцы наполеоновской армии, какой гордостью наполнились их сердца, когда они ознакомились с «Ответом французского гренадера»!

И все же то обращение к бойцам, которое прозвучало утром 7 сентября из уст божественного цезаря, превзошло все, с чем он обращался к ним раньше. Вот русский перевод этого воззвания, который только отдаленно передает всю выразительность, энергичность и ритм этого документа: «Солдаты! Вот сражение, которого вы так желали! Отныне победа зависит от вас; она нам необходима. Она даст изобилие, зимние квартиры и скорое возвращение на Родину. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, под Фридландом, под Витебском и Смоленском. Чтобы позднейшее потомство вспоминало о ваших подвигах в этот день. Чтобы о вас все сказали: он участвовал в великой битве под Москвой»^[1107]. «Да! – воскликнул много лет спустя ветеран Бородина Тирион, вспоминая тот эффект, который произвела на него эта прокламация. – Победа все еще была нужна, она была даже необходима, и что бы случилось с армией или, вернее, с ее остатками, без победы в этой отдаленной стране... Только победа обещала нуждающейся армии изобилие, изнуренной – покой и возвращение на родину, о которой все время вздыхали. Этот приказ напоминал солдатам их былые успехи: ветеранам – Аустерлиц и Фридланд, молодым – Витебск и Смоленск, а всем – славу, которую до сих пор еще не давало ни одно сражение, славу до самого отдаленного потомства, которое сохранит имена участников с чувством восхищенного благоговения. Как много – в этих немногих словах приказа: настоящее, прошедшее и будущее все преисполнено славой!!»^[1108] «Тысячекратные возгласы “Да здравствует император!” были ответом на это лаконическое приглашение, – вспоминал Ложье из 4-го корпуса. – Все удивляются выразительности, простоте и мощной силе императорской прокламации, которая так хорошо соответствовала теперешним обстоятельствам. “Она достойна главы армии”, – слышались замечания»^[1109].

«Императорские слова оставили след во всех наших сердцах», – вспоминал немец Моргенштайн^[1110].

В наполеоновской армии существовали разнообразные школы, призванные дать солдатам и унтер-офицерам основы чтения, письма и математических знаний. Однако цельной системы школ все же не было, и далеко не каждый солдат знал даже основы грамоты. Впрочем, для получения сержантских нашивок грамотность была обязательна, и многие старые служаки, скрепя сердце, должны были садиться на школьную скамью. И все же переоценивать уровень книжной образованности даже в среде унтер-офицерского состава не стоит. Среди выявленных нами 615 писем, посланных из Великой армии в 1812 г., только 13 совершенно определенно принадлежали солдатам и унтер-офицерам! Впрочем, из 615 писем 221 письмо осталось для нас анонимным, а положение их авторов в системе армии неизвестным. Судя по почерку, многие из этих посланий принадлежали отнюдь не армейской элите.

И тем не менее, несмотря на известный уровень грамотности, превосходивший средний уровень грамотности солдат других стран, Великая армия все еще являла собой традиционный мир с «малописьменным сознанием». Солдаты читали очень немного – бюллетени, иногда – письма, еще реже – случайно попавшие им в руки брошюры. В офицерской среде ситуация, конечно, была иной. «Армия занималась литературой», – заявил в свое время французский историк Мишле, лично знавший многих ветеранов Наполеоновских войн. По его мнению, широкой популярностью продолжали пользоваться древние авторы – Вергилий, Тацит и др.^[1111] Были популярны французские авторы XVII–XVIII вв. – Расин, Корнель, Мольер... Читали Тассо, Ариосто и, конечно же, знаменитого «Оссиана», томик которого в итальянском издании Наполеон всегда возил с собой^[1112]. Ощущения и ассоциации многих офицеров были настолько пропитаны литературными образами, что даже в разгар Бородинского боя они вспоминали любимые сцены из классических книг. Таким, например, был 25-летний сублейтенант Итальянской гвардии Ложье, который 7 сентября наблюдал атаку 30-м линейным «большого редута»: «...я вижу перед собой в далеком расстоянии густой лес, заставляющий меня вспомнить о чудесных описаниях Тассо и Ариосто. Из этого леса все время вырываются громадные столбы огня, сопровождаемого страшными ударами», – напишет он^[1113]. Постоянно носил с собой в кармане мундира томик Б. Паскаля 28-летний капитан гренадерской роты 18-го линейного француз Г. Бонне. После Бородинского сражения он с горечью обнаружил, что книга выпала из прорехи во время боя и потерялась^[1114]. Большой любовью к литературе, особенно к поэзии, отличались многие немецкие офицеры и чиновники, например Роос, специально посетивший во Франкфурте перед походом в Россию памятник Эвальду фон Клейсту, известному поэту XVIII в.^[1115] Лейтенант Фосслер, раненный при Бородине и только после недели мытарств оказавшийся под хорошей кровлей, немедленно бросился приводить в порядок свой дневник^[1116]. Да и письма многих, очень многих офицеров Великой армии, написанные в 1812 г. на родину, безошибочно выдают в них людей, не чуждых изящному слову. У некоторых просто была страсть к сочинительству, особенно в эпистолярном жанре. Среди них был известный нам капитан, а затем командир батальона Кастелан, неизменно отправлявший домой настолько длинные письма, что, когда во время отступления у него заканчивался лист бумаги, он начинал писать на полях, а затем, между строк, «перевертывая» текст!^[1117]

Кое-какие крохи большой литературы попадали от офицеров и в солдатскую среду. Лейтенант Соваж из резервной артиллерии 3-го армейского корпуса вспоминал своего трубача, который блистал своими познаниями Корнеля, повторяя, правда, все одну и ту же строчку из «Сида»: «Победить, не подвергаясь опасности, все равно, что торжествовать без славы»^[1118]. С этим девизом он прошел кампанию 1812 г.

И все же солдатская среда жила не литературой. Она питалась легендами, слухами, рассказами о героической военной жизни, рождавшимися сразу после каждого крупного боя. В отличие от того, как формировались солдатские легенды и слухи позже, в годы «окопной войны», о чем столь тонко написал в свое время М. Блок^[1119], в 1812 г. они рождались и прямо на поле боя. Многие очевидцы описывают, как вечером 7 сентября, либо у костров, либо просто сбившись в кучку, бойцы делились друг с другом подробностями достопамятного дня^[1120]. Однако в тот день эти, уже ставшие обычными картины все же отличались от обычных: рассказов было не столь уж много, а песен не было слышно вовсе. Господствовало «грустное и молчаливое уныние»^[1121]. Только позже, в Москве, а то и вспоминая русскую кампанию спустя многие годы, солдаты и офицеры вновь обратились к созданию легенд, рассказов и «случаев» о славных днях Бородинской битвы.

Сегодня только опосредованно, через мемуары ряда офицеров, мы можем представить себе характер рассказов, бытовавших среди рядовой массы. Вот, например, отрывок из мемуаров полковника Серюзе о Бородинском сражении, который, кстати, был в тот день заметно пьян: «Император, который наблюдал за нашей атакой, приехал в этот момент с конной гвардейской артиллерией и своей кавалерией, он прежде всего отдал приказ мне сменить позицию тотчас же, как я освобожусь... пройдя между вторым и третьим редутами. Он приказал генералу Коленкуру атаковать врага легкой кавалерией, а после отступить за мою артиллерию. Маршал Ней получил приказ поддержать наш правый фланг во время этой атаки; вторая кирасирская дивизия должна была войти во второй редут в проход сразу, как я его проломлю...»^[1122] Можно было бы продолжать цитату и далее, но в целом нетрудно заметить уже сразу, что рассказчик, во-первых, сделал себя центральной фигурой сражения, заставив Наполеона, Коленкура, Ней и др. как бы вращаться вокруг своей особы, а во-вторых, хорошо известные эпизоды, уже ставшие благодаря бюллетеням мифами, «вписал» в свое повествование о сражении. Нечто подобное мы встречаем и у Куанье, воспоминания которого по стилистике и по духу очень близки к устной солдатской традиции^[1123].

И все же душа Великой армии была не только в хвастливых рассказах, которые обильно рождала удивительная эпоха. Душа также была в музыке и песнях. Каждый полк обязательно имел свой оркестр, количество музыкантов которого в пехоте достигало двух или трех десятков человек! Хороший оркестр был и делом престижа, и мощным источником для поддержания бодрого солдатского духа. Когда же по каким-то причинам с полком не было его оркестра, все равно били барабаны и играли вольтижерские горны^[1124]. Особенно был любим, конечно, барабан. Он сопровождал солдат всюду, и звук его был подобен голосу полка. «Барабан подражает гулу орудий, – говорил Наполеон, – это лучший из всех инструментов, он никогда не фальшивит»^[1125]. В Бородинском бою барабаны управляли движениями войск, определяя темп и очередность маневров, звали в атаку и собирали рассеявшихся после нее солдат.

Во время Бородинского сражения многие полковые оркестры шли за частями и пытались время от времени вдохновлять маршами солдат. Особенно энергично действовали гвардейские оркестры, которые вместе со всей императорской гвардией оставались весь день 7 сентября вдалеке от вражеского огня. «Полковые музыки, – вспоминал врач Де ла Флиз, наблюдавший гвардию во время сражения, – разыгрывали военные марши, напоминавшие победные поля первых походов революции: *Allons, enfants de la patrie*, когда дрались за свободу»^[1126]. Звуки «Марсельезы», раздававшиеся над полями Бородина, были не случайны. Революционные песни и марши, казалось окончательно вытесненные в годы Первой империи, сейчас, в России, были вновь востребованными: французский солдат должен был почувствовать себя посланцем свободы в стране крепостного права.

Что пели солдаты Великой армии, готовясь к Бородинской битве, приходя в себя после ее ужасов, а затем вступая в Москву? Чтобы понять их выбор тех дней, обратимся вначале к тому, что вообще обычно пел в те годы французский солдат.

Пел он часто – на марше (обычно рота разучивала две или три песни и подхватывала вслед за запевалой припев), на биваке, вступая во вражеские города и на солдатских пирушках. Песни были на любой вкус и под любое настроение. Вот, например, любимая солдатская песня «Fanchon» («Фаншон»), где в женском образе явственно проступали черты горячо любимой Франции:

Amis, il nous faut faire pause
J'aperois l'ombre d'un bouchon,
Buvons à l'aimable Franchon
Faisons pour elle quelque chose.
Ah! que son entretien est doux
Qu'elle a de mérite et de gloire
Elle aime à rire, elle aime à boire
Elle aime à chanter comme nous^[1127].

Немало было и таких песен, которые своей сентиментальностью явно контрастировали с грубостью солдатского быта:

L'astre des nuits de son paisible éclat
Lançait des feux sur les tentes de France
Non loin du camp un jeune et beau soldat
Ainsi chantait appuyé sur sa lance:
Allez, volez, Zéphyre joyeux,
Portez mes chants vers ma patrie...^[1128]

Вот еще одна песня, пожалуй, самая любимая в Великой армии, потому что ее пели все, от маршала до конскрипта, «Partant pour la Syrie» («Отъезд в Сирию»). Она воскрешала романтические времена благородных рыцарей:

Partant pour la Syrie
Le jeune et brave
Dunois Venait prier
Marie De bénir ses exploits:
«Faites, Reine immortelle»
Lui dit-il en partant,
«Que j'aime la plus belle
Et soit le plus vaillant!»^[1129]

Конечно, Дюнуа одержал победу и получил руку принцессы! Удивительно красивая мелодия этой песни, сочиненная Гортензией Богарне, станет позже, при Наполеоне III, французским гимном. Образ прекрасного Дюнуа был настолько популярен среди чинов Великой армии, что самые дерзкие даже отваживались сравнивать себя с ним^[1130].

Вообще, в песнях любая красotka никогда не могла устоять перед бравым гусаром или драгуном, как, например, в «Конскрипте XIII года»:

– Cher amour, j’ai envie
D’aller avec que toi
Si l’on me recevra —
Tu es belle de taille
Tu as le coeur luron
Et tu seras jolie,
Habillée en dragon^[1131].

Но больше всего песен было, конечно же, о воинской славе и доблести.

Сколько их? Сколько их?
Это крик бесславного солдата...
Чем больше — тем славнее победа, —

пелось в песне, сочиненной великим Руже де Лиллем, «Роланд в Ронсевальском ущелье». Да и все другие наиболее любимые и бравурные мелодии имели революционную основу, как, скажем, мелодия песни «Идем на защиту Империи!» («Veillons au salut de l’Empire!»), которая ранее называлась «Идем на защиту Республики!»:

Veillons au salut de l’Empire,
Veillons au maintien de nos droits!
Si le despotisme conspire
Conspirons la perte de rois!
Liberté! que tout mortel te rende hommage,
Tremblez, tyrans!
Vous allez expiervos forfaits.
Plutôt la mort que l’esclavage!
C’est la devise des Français^[1132].

Именно подобные песни звучали во французском лагере перед Бородином.

La victoire en chantant
Nous ouvre la barriere!

— слышал Наполеон, проезжая 6 сентября бивак генерала Пажоля, одну из любимых песен революционной поры^[1133].

О наступлении царства свободы пели в те часы и немецкие солдаты. «Во главе одного полка, — вспоминал Брандт утро 7 сентября, — солдат, красивым голосом и звонко, пел “Песнь всадника” Шиллера; слабый, по правде говоря, хор, но неплохо, повторял рефреном последнюю строку: “Когда в мире наступит свобода, не будет ни господ, ни слуг”». Как показалось Брандту, это были пруссаки^[1134].

Конечно, звучали и иные темы и мотивы. Наполеон, например, 6 сентября мурлыкал строки из «Оды на фортуна» Ж.-Б. Руссо. А кто-то, возможно, напевал шуточную песню «La medecin et l’amour» («Врач и любовь»), слова которой мы обнаружили среди разрозненных трофейных бумаг Великой армии:

Le medecin, le Dieu d’amour
Sond de service nuit et jour

Voila (bis) la ressemblance
L'un est eprave et de noir vetée
L'autre similliaul et tout nu
Voila (bis) la difference (bis)^[1135].

Но как бы то ни было, все же в песнях перед Бородином преобладала тема славы, доблести и морального превосходства над неприятелем. После битвы было не до песен. «...Тягостное молчание сменило песни и шутки, которые ранее помогали забывать тяготы долгих маршей», – писал о тех часах Фезенсак^[1136].

С приближением к Москве песни зазвучали вновь. «Победа за нами!» – играли оркестры перед вступлением в русскую столицу. Однако московские пожары начали рассеивать все надежды на заключение мира, и Наполеон, желая поддержать дух войска, приказывает открыть в Москве театр. Сохранились афиши тех немногих спектаклей, которые удалось дать французам в Москве, в частном доме возле Никитских ворот. Первой 10 октября была представлена комедия в стихах «Про ветрениц, или Живая смерть», после которой в тот же день дали еще одну одноактную комедию «Недоверие и злоба», 11-го – снова две комедии – «Военная увертюра, или Русь против Руси» и «Деревенский прохожа». Наконец, 13 октября была дана пятиактная комедия в стихах «Рассеянный», за которой последовал «русский танец»^[1137]. Оркестр был набран из полковых музыкантов, среди которых, правда, как говорили, было и несколько русских^[1138]. Впечатление от этих спектаклей, сыгранных на пепелище русской столицы и на пепелище надежд Великой армии на мир, было противоречивым. «Здесь играет французская комедия, оркестры очень сносные», – писал домой польский майор граф Дунин-Стрижевский^[1139]. «Сыграны две пьесы французским театром, сыграны вопреки здравому смыслу, – возмущался французский почтовый чиновник Итасс (Ytasse), – а затем для нас показали русский танец. Этот танец совершенно никому не понравился, это было все равно, что английский танец...»^[1140]

Театр не мог развеять того мрачного настроения, в которое все более и более после Бородина погружалась Великая армия. 30 октября во французских рядах в последний раз в кампании 1812 г. будут петь песни^[1141]. Пройдет немного времени, и немцы сложат такие слова:

Александр, царь великий, великий герой,
Сражается с Наполеоном,
Под Москвой, в большой, большой битве,
Наполеон потерял всю свою армию^[1142].

2.6.5. Жены, женщины, родные и близкие

В душе каждого солдата Великой армии жила любовь к женщине, детям, отцу, матери, братьям и сестрам. Хотя в 1812 г. все они оставались далеко от России, но мысли солдат постоянно были заняты размышлениями о доме и дорогих их сердцам людях. Когда Лоссберг однажды ясно увидел во сне всех «своих домашних, на родине, и вполне здоровыми», он не преминул утром отправить им письмо, подчеркнув, что только подобными мыслями и желаниями «в настоящее время и ограничивается большинство самых честолюбивых воинов Великой армии, исключая разве Наполеона и немногих его приближенных»^[1143].

Впрочем, и Наполеон тоже постоянно думал о своей молодой жене и обожаемом сыне. Большое количество писем, отправленных Марии-Луизе и составленных в короткие промежутки между неотложными делами, проникнуты подлинным чувством стареющего мужчины и государя. Наполеон искренне радовался любому письму или известию,

касавшемуся его супруги и сына. Герцогиня д'Абрантес, много лет спустя работая над мемуарами (правда, говорят, не без помощи О. Бальзака), была совершенно убеждена, что император в России часто вспоминал свое прощание с Парижем в 1812 г.: был солнечный день, «воздух благоухал запахом... фиалок... Император прощался с сыном. Сын обвил ручонками его шею, прижал его к своему сердцу. Отец был счастлив. Бойкий ребенок, наигравшись у него на руках, положил свою белокурую головку на широкую и могучую грудь своего отца и после нескольких нежных ласк заснул... Отец заботливо положил его в колыбель. Поцеловал в колыбели, посмотрел немного»^[1144] и – уехал.

Не менее глубоким чувством дышат письма Компана, обожавшего свою 20-летнюю жену Луизу-Октави, подарившую ему в марте 1812 г. сына Наполеона-Доминика, письма Ф.-П. де Сегюра к жене Люции и многих, многих других генералов и маршалов. Даже Рапп, в сердце которого не утихала боль из-за развода с женой, тоже нашел в нем уголок для любви к женщине. Думали о родных, доме, домашних делах и все (или почти все) офицеры Великой армии. 2 сентября, когда в Гжатске армия готовилась к генеральной битве, офицер 13-го легкого полка Межан был обеспокоен тем, что его мать, находящаяся в приюте, осталась без денег^[1145].

Думали о своих родных и простые солдаты. Те, кто не обзавелся семьями, обычно вспоминали своих родителей и радовались весточке от них. «Ваше, дражайшие родители, последнее письмо, – писал вестфальский солдат И. А. Вернке, – я получил утром после битвы... чему я очень обрадовался, вышел живым из огня, да и письмо получить – хорошее дело»^[1146]. Но и во время жестокого боя, каким была Бородинская битва, солдаты Великой армии в своих мыслях были нередко далеко на родине. «Поверьте мне, – писал в 8 утра 8 сентября Лоссберг домой, – что и во время сражения я часто думал о вас...»^[1147]

Эти мысли о доме, которые питали жизненную силу солдата, поддерживала хорошо налаженная в Великой армии почтовая переписка. Каждый полк имел свой почтовый ящик, который обычно был рядом с полковым штабом. В 1812 г. отправка одного письма стоила 25 сантимов, но нередко разрешалось отправлять и за счет почты. Почта переводила и деньги, взимая в 1812 г. за это 5 %^[1148].

Обратимся хотя бы к нескольким письмам 1812 г., авторы которых прошли через огонь Бородинской битвы. Вот, например, письма лейтенанта 25-го линейного Паради, который страстно влюблен в некую м-ль Ж. Бонграс. Описав последние боевые новости, в том числе и Бородино, Паради сообщил, что выслал через своего знакомого директора почт Главной квартиры Лальмана ящичек, в который вложил медальон в форме сердца, кружева (*de pastilles du serial*), шитые золотом, булавку и несколько жемчужин, а также немного китайки. Всем этим Паради, вероятно, только что поживился в Москве. Хотя м-ль Бонграс, видимо, отвечала ему взаимностью, но была одна сложность: Паради, видимо, ранее был женат, и у него был сын Гектор, обучавшийся в императорском лицее в Лионе. Поэтому офицер делал все возможное, чтобы между сыном и будущей мачехой завязались дружеские отношения^[1149].

Из Москвы пишет жене, с которой он познакомился в Варшаве в 1808 г., генерал Моран: «...обожаемая Эмили, очарование и счастье моей жизни, я прижимаю тебя тысячу раз к своему сердцу, которое тебя обожает, вместе с нашими любимыми детьми». Дабы не расстраивать жену и родных, о тяжелой ране в челюсть, полученной 7 сентября, он упоминает только вскользь («*ma petite blessure*»)^[1150].

А вот солдат Маршал, 18 дней назад переживший ужас Бородина, очень огорчен смертью своего дяди Жозефа, о чем узнал из письма кюре. Маршал был расстроен из-за своей тетки, жены Жозефа, которая осталась теперь одна с маленьким мальчиком^[1151].

Конечно, письма с родины чаще приносили добрые, нежели горестные, известия. Они грели солдат и чиновников Великой армии в России далеким теплом домашнего очага. Невозможно перечислить те милые выдумки, к которым прибегали родные во Франции или Германии, чтобы порадовать своего отца, мужа или брата. Это могли быть многочисленные подписи, в том числе еще не умеющих читать маленьких детей, которые домочадцы ставили в конце письма (такое письмо, например, получил г-н Мёлэн, лакей того самого барона Боссе, который привез 6 сентября в армию портрет сына Наполеона)^[1152], или нежный волосок сына, запечатанный в сургучную печать (так решила порадовать своего брата генерала Нансути его сестра, воспитывавшая его 9-летнего сына Этьена-Жана Шарля)^[1153], и многое, многое другое.

В эпоху Наполеоновских войн, когда родным людям приходилось так часто расставаться, появилось множество миниатюрных портретов. Каждый хотел сохранить для воспоминаний черты отсутствовавшего любимого человека. Тем более что эти портреты, а также подаренные на память перстни, кольца и пряди волос любимых женщин играли еще и роль амулетов. Миниатюрный портрет своей юной жены рассматривал в ночь перед Бородинской битвой О. Коленкур. Портрет будет на его груди, которую пробьет русская пуля на следующий день^[1154]. Графа Альфреда де Ноай, адъютанта Бертье, судьба пощадит в день Бородинской битвы. Он будет убит при Березине. На груди погибшего найдут портрет его жены. Кровь офицера просочится внутрь медальона и оставит на нем кровавый подтек^[1155]. Дома останется жена с маленькой дочкой, родившейся в феврале 1812 г.^[1156] Офицеры Великой армии хранили также и портреты своих матерей (о таком портрете, например, упоминает Фернан де Шабо, адъютант Нарбонна^[1157]) и своих сыновей и дочек (генералу Жюно, например, в Россию отправили портрет 3-летнего сына в форме гвардейского улана^[1158]).

Несколько портретов своего любимого сына получил в России и император. Один из них был послан Марией-Луизой ко дню рождения Наполеона. На миниатюре, выполненной м-ль Эме Тибо, Орленок был изображен верхом на овце. Получив этот портрет неделей позже после дня рождения из рук аудитора государственного совета г-на Дебонер де Жифа, нагнавшего армию, Наполеон был искренне рад, любясь на изображение сына. «Поцелуй его от меня дважды», – немедленно написал он Марии-Луизе^[1159]. Эта миниатюра будет с Наполеоном до самой смерти. 6 сентября, готовясь к решающей битве с русскими, Наполеон получит большой портрет сына работы Жерара. История с этим портретом, повлиявшая на настроение Наполеона и его армии перед Бородинским сражением, войдет во все описания русской кампании Наполеона.

К сожалению, мы располагаем только несколькими письмами, отправленными чинами Великой армии во время подготовки к Бородинскому сражению. Помимо письма офицера 13-го легкого полка Межана, в котором отразилась его забота о матери, обратимся еще к одному письму маршала Даву, написанному тоже из Гжатска 3 сентября и отправленному, как обычно, жене в Париж, в особняк на улице Св. Доминика, 107. Маршал волнуется о здоровье жены, хочет, «чтобы воды этого года» скорее прошли и дали ему и жене счастье «отметить тот праздник, который ей принадлежит». Даву пишет о горячем желании иметь второго сына, но сожалеет о тех страданиях, которые беременность жены ей доставляет^[1160]. Здесь мы должны пояснить, что в 1810 г. у четы Даву умер маленький сын Наполеон. В 1811 г. Луиза-Эме-Жюли снова родила сына – Луи, а в следующем, 1812 г., вновь забеременела. Все разрешилось благополучно – в том же году родится сын Жюль! Перед самым сражением, 6 сентября, в Великую армию прибудет почта. Многие бойцы получили в тот день весточку от родных. Капитан Бро, получив 6-го письмо от жены Лауры, запишет в дневнике: «Любовь размягчает солдата»^[1161].

Не менее сильный эффект имели письма из дома, пришедшие к солдатам сразу после кровавой битвы. «...К полуночи я глубоко уснул на солдатском биваке, – напишет 8 сентября в 8 утра Е. Богарне, сразу же после получения письма от жены. – Меня разбудили, это был Форти (Fortis), который передал мне любезное письмо и твой восхитительный подарок...»^[1162]

После битвы все солдаты, кто мог, сразу бросились писать домой: они понимали, насколько было важным, чтобы домашние, узнав о Бородинском сражении, как можно скорее получили бы известие о том, что их сын или отец живы. Старший вахмистр 2-го кирасирского полка Тирион, узнав 8-го, что во Францию отправляется почта Неаполитанского короля, выпросил у дежурного адъютанта разрешение воспользоваться этой оказией и набросал письмо матери и жене своего командира г-же Роллан. Оба письма дошли, «и они не могли быть получены матерью и супругой командира более кстати, как тогда, когда во Франции распространилось известие о большом и кровопролитном сражении под Москвой»^[1163]. Торопился отправить домой весточку и Лоссберг, тем более что его фамилию родные могли увидеть в списке раненых. Он сообщил, что рана была несерьезна^[1164]. 8 сентября писал домой и Даву, не только торопясь дать знать, что жив, хотя и ранен, но и что брат и дядя жены, также служившие в 1-м армейском корпусе, «вышли без единой царапины»^[1165]. Все эти письма пришлось как нельзя кстати. Нетрудно представить, скажем, по письму сестры генерала Нансути Александрина, как та была рада известию, отправленному генералом еще вечером 7 сентября, «которое... развеяло все наши печали и утешило»^[1166].

Действительно, те дни, когда родные солдат Великой армии ожидали о них известий после генеральной битвы под Бородином, были полны драматизма. Вот, например, что происходило с супругой генерала Жюно герцогиней д'Абрантес, которая в те дни лечилась от «нервических болей в желудке» на водах в Эксе. 7 сентября, в тот самый день, когда за тысячи лье от Экса шло Бородинское сражение, она писала мужу письмо в Россию^[1167]. В том письме не было и намека о каких-либо дурных предчувствиях: Лаура д'Абрантес и Жюно давно уже отдалились друг от друга. Однако к середине сентября в Экс стали доходить тревожные слухи о «губительном сражении» в Испании. Говорили то о ране, которую маршал Мармон получил в битве при Арапилах, то о его смерти. Мармон и Жюно были «товарищами со школьной парты», и поэтому новости из Испании встревожили Лауру д'Абрантес. «...Едва коснулось моего слуха известие о его [Мармона] смерти, – напишет позже герцогиня д'Абрантес, – как сердце мое сжалось при мысли о Жюно...»^[1168] 28 сентября герцогиня, мучимая дурными предчувствиями, выехала во Францию. «Тогда уже начинали беспокоиться. Из России приходили известия, где описывались чудеса; но частные письма говорили совсем иное»^[1169]. «Когда были получены официальные известия об этой баталии (Бородинской. – В.З.), – писала позже мужу герцогиня Ж.-Ф.-А. Нансути, – как всегда с явным преувеличением: многие женщины должны были подготовиться к смерти своего мужа или своего сына»^[1170]. «После новости об этой ужасной баталии, – писала графиня Ремюза, сестра Нансути, – разлились слухи самого разнообразного рода, вдобавок увеличивая наши потери, и весь мир начал о них плакать»^[1171]. В большой тревоге, узнав о Бородинском сражении, пребывал несколько дней в Смоленске интендант Пюибюск: его сын был с главными силами. Как признавался Пюибюск-старший, его одолевали «черные мысли по поводу сына, который был в полку и принял участие в том деле»^[1172]. Пюибюску повезло – он вскоре узнал, что его сын жив. Но многие семьи получили страшные известия.

Теперь новый поток писем пошел уже в обратном направлении – с родины в Русскую армию. «О, мой Артур!.. Твоя рана! Мой возлюбленный!» – восклицала в письме командиру эскадрона 12-го конноегерского полка Ф. Де Ла Бурдоннай (Bourdonnaye) некая дама^[1173]. Особенно часто в письмах тех, кто принадлежал к дворянству Франции, встречались сожаления по поводу смерти О.-Ж.-Г. Коленкура и А.-Ж.-Э. Канувиля. Братья того и другого, находясь в действующей армии, получили немало соболезнований. Все жалели

молодую вдову Коленкура и вспоминали о страстной, нашумевшей в свое время любви Канувиля и принцессы Полины. Полина же, узнав о гибели своего бывшего возлюбленного, была потрясена и в течение нескольких дней отказывалась от пищи. Чуть позже к именам Коленкура и Канувиля добавилось имя юного сублейтенанта Фердинанда Ларибуазьера, младшего сына командующего артиллерией Великой армии, раненного под Бородином и умершего в Можайске. Молодость, отвага и страстность этих трех молодых рыцарей, павших под Москвой, заставили сожалеть о них даже больше, чем о генералах Монбрёне или Ромёфе. Рана, нанесенная Великой армии в Бородинском сражении, оказалась глубока для всей наполеоновской Европы.

Далеко не для всех чинов Великой армии мысли о женщине были связаны только с далеким домом. Немало лиц прекрасного пола было и при самой армии. В 1800 г. было установлено, что в батальоне могло быть четыре маркитантки (*les vivandières* или *les cantinières*) и две в эскадроне. С 1804 г. маркитантки официально появились и при госпиталях. Как правило, они носили полувоенный костюм: какой-нибудь гусарский ментик, юбку до середины икр, надетую поверх панталон и гетр, круглую шляпу с длинными цветными лентами. Неотъемлемой принадлежностью костюма маркитантки был бочонок, нередко разрисованный в национальные цвета и с полковым девизом, носившийся на плечевом ремне. К нему подвешивался мерный стакан, которым можно было отпускать вино на марше^[1174]. В лагерях палатки маркитанток обычно становились ротными или батальонными «салонами», где солдаты играли, пили вино, курили и балагурили. Но во время боя фургон маркитантки часто становился «амбулансом» для солдат своего батальона. Так, например, поступила маркитантка Флоренсия из 61-го линейного во время Бородинского сражения. Вообще, отношения между маркитантками и солдатами очень редко оскорбляли пристойность и нравственность.

Все солдаты мои братья.
У меня великая семья!
Для всех есть у меня вино,
Любви ни для кого! —

пелось в одной из солдатских песен^[1175].

Правда, в конце концов, многие из маркитанток становились женами нестроевых, сержантов или даже офицеров. Такими были, например, мамаша Дюбуа, жена цирюльника роты, где служил знаменитый Бургонь (во время русской кампании она помогала хирургу делать операции), или Катерина Ромер (*Rohmer*), жена тамбур-мажора 62-го линейного. Судьбы многих из тех, кто последовал за армией в Россию, сложились трагически. Некая Мари из Намюра, пройдя в качестве маркитантки Испанию и Португалию и став супругой одного из сержантов Молодой гвардии, в России потеряла не только свою повозку и лошадь, но и своего мужа. Ей еще повезло — она спаслась в 1812 г., была ранена при Люцене, а позже, под Ватерлоо, попала в плен к англичанам^[1176].

Помимо маркитанток, за частями нередко следовали и другие женщины, не имевшие какой-либо должности в полку, но бывшие женами или даже подругами солдат, унтер-офицеров и офицеров. Генерал Дедем, например, рассказал о некой молодой девушке, которая в 14 или 15 лет покинула свой дом из-за любви к артиллерийскому офицеру. В битве при Москве-реке он был убит. Так как ей некуда было идти, она осталась при части, прислуживая за лошадьми. При Березине она исчезла, скорее всего, погибла^[1177].

Немало «полковых дам» следовало и за нефранцузскими частями. Роос, к примеру, упоминает двух жен вахмистров своего полка^[1178]. Наконец, были в армии и дети. Каждой роте французской армии было разрешено иметь двух детей в возрасте примерно 12 лет. Они

были сыновьями маркитанток или армейских прачек, но (с 1809 г.) обязательно – сыновьями солдата, который был убит или смертельно ранен в бою. Такие «сыновья полков» с 14 лет попадали в оркестр, а в 16 получали барабан.

Трагедия Великой армии 1812 г. стала трагедией не только для мужчин, бывших солдатами, но и для многих детей и женщин.

2.6.6. Солдатская смерть

В гигантском сражении под Бородином все солдаты Великой армии ощутили себя, в той или иной степени, перед лицом смерти. Каждый почувствовал приближение некоего «момента истины», когда, как при яркой вспышке, стали видны все лучшие и все худшие качества солдата и человека. С одной стороны, «привыкание» к смерти, переплетение смерти и быта притупили человеческие чувства, с другой – постоянная угроза собственному существованию не могла не вызывать ярость к жизни и ненависть к врагу, но с третьей – люди как никогда были готовы к тому, чтобы проявить свои лучшие человеческие свойства. «Во время сражения, – утверждают Дж. Киган и Р. Холмс, исследовавшие исторический феномен человека в бою, – человек делается не менее, но более человечным»^[1179].

В Великой армии 1812 г. мы ясно можем различить два типа людей по их отношению к смерти. Люди первого типа принадлежали к дворянско-рыцарской знати Первой империи и, если можно так сказать, дышали воздухом, пронизанным славой великих подвигов. Особенно пылко эта жажда славы, отвергавшая и презиравшая смерть, проявлялась среди молодого поколения, возвращенного уже в годы Империи. «Они хорошо знали, – пронзительно точно писал о них позже А. Мюссе, – что обречены на заклание, но Мюрата они считали неуязвимым, а император на глазах у всех перешел через мост, где свистело столько пуль, что, казалось, он не может умереть. Да если бы и пришлось умереть? Сама смерть в своем дымящемся пурпуре облачении была тогда так прекрасна, так величественна, так великолепна! Она так походила на надежду, побег, которые она косила, были так зелены, что она как будто помолодела, и никто больше не верил в старость. Все колыбели и все гробы Франции стали ее щитами. Стариков больше не было, были только трупы или полубоги»^[1180]. Именно среди таких людей, как дивизионный генерал Монбрён или молодой су-лейтенант Ф. Ларибуазьер, расцветало подлинное искусство «правильно умирать»^[1181].

Второй тип людей, составлявший основную массу армии, значительно реже испытывал страсть к героической и красивой смерти. Это были выходцы из народных низов или из числа людей среднего достатка, менее подверженные экзальтации и рыцарским порывам. Но и среди них мы наблюдаем достаточно высокую психологическую стойкость перед лицом смерти. Чтобы объяснить это, следует, во-первых, вспомнить, что на рубеже XVIII–XIX вв. народные массы Западной Европы все еще были фаталистически равнодушны к смерти из-за обычности и, так сказать, бытовой заданности этого явления^[1182], а во-вторых, общий эмоциональный подъем той эпохи, во многом вызванный наполеоновским рыцарством, и в простых французских солдатах смог разбудить героическое начало. «Эти солдаты не боялись смерти, той, которая появлялась внезапно во время опьянения сражением и которая могла стать вечным раем славы», – написал позже Ж. Морван^[1183]. Наивная душа французского крестьянина, облагороженная клинком и огнем, являла в те годы удивительные примеры стоицизма и трагического спокойствия перед лицом смерти.

Что думали наполеоновские солдаты о том, куда попадала их душа после смерти, каковы были, так сказать, их некрологические представления? Если оставить в стороне тех, кто искренне пребывал в лоне той или иной церкви, и обратиться к представлениям основной массы французских солдат, то материала окажется поразительно немного. Все говорит о том, что солдаты Франции не часто задумывались об этом вечном вопросе. И все же одна черта прослеживается определенно – она перешла в наследство от Революции. В те годы «многим

людям, чей ум был возбужден несчастьем, героизмом и славой, бессмертие представлялось как прекрасное свидание героев всех веков»^[1184]. Деизм, рожденный Революцией, постоянно смешивал бессмертие души с бессмертием славы. Небо являло собой своего рода «невидимый Пантеон, где обитал бог, но ключи от него – в Руках Революции, и она открывает двери тем, чье чело она сама отметила знаком бессмертия»^[1185]. Эти представления не только сохранились, но и усилились благодаря Власти и общественным настроениям в годы Империи. Культ героев, павших за Францию и Империю, воплотившийся в торжественных церемониях погребения, в сооружениях памятников и речах, в широком распространении оссиановских мифов среди читающей публики, утвердил в умах и сердцах многих солдат образ Елисейских полей, где непременно встречаются бессмертные души героев. Ф. Н. Глинка, оказавшийся в 1814 г. в Париже перед Домом инвалидов, удивительно точно уловил эти настроения, воплотившиеся в стройных архитектурных формах. Ему сразу пришло на ум «описание Валкала в “Северной Эдде”», то, какие награды «сулили северные баснословия» «героям своим в будущей жизни». Валкал был «жилищем радости», куда уносились души храбрых^[1186].

Однако эта возвышенность, доступная, видимо, не многим, соседствовала с бытовым, почти ежедневным, видом смерти, притуплявшим любые поэтические проявления. За несколько дней до Бородина Лоссберг «сошел с лошади, чтобы передохнуть в тени и выпить кофе», для которого его денщик возил с собой все необходимое. Вначале Лоссберг хотел расположиться возле одного строения, но оно оказалось заполнено «отставшими всех национальностей», и поэтому он решил сесть на траву «рядом с совершенно разложившимся человеческим трупом». «Мои чувства, – записал он в тот день с ужасом, – настолько притупились, что у меня преобладала только одна мысль, что труп еще не разложился, и я могу, наконец, выпить мой кофе!»^[1187]

Во время Бородинского боя, когда 2-й кирасирский оказался на длительное время под обстрелом, один из кирасиров поделился с Тирионом куском хлеба. Только он протянул хлеб, как русский снаряд оторвал ему голову. Тирион, как ни в чем не бывало, поднял хлеб концом палаша и, заметив, что тот обрызган мозгом убитого товарища, срезал омоченный кусок и съел хлеб^[1188]. Только позже, вспоминая все это, Тирион осознал весь ужас этой ситуации. Для многих в день Бородина такое «привыкание к смерти» стало обычным и по отношению к себе самому. В разгар боя капитан 7-го гусарского Дюпюи предложил бутылку с ромом своему командиру эскадрона Буасселье (Boisselier). После того как Буасселье сделал глоток, он сказал: «Ну вот, я возвращаю; если же я буду убит, то твоим будет мое место!» После этих слов пуля попала ему в грудь, и он скончался^[1189].

Что уж говорить о том, насколько бесцеремонно и буднично рылись солдаты в ранцах, мешках и карманах мертвых товарищей после сражения в поисках какой-нибудь пищи^[1190] или, подобно Кастелану, использовали трупы в качестве стульев, чтобы сидеть вокруг огня!^[1191] Не менее буднично, и оттого страшно, выглядело погребение мертвых, если оно вообще происходило. В начале кампании Великая армия еще старалась хоронить убитых, по крайней мере, своих. У Витебска врач Роос, прибыв с полком к месту недавнего боя, увидел, что тела «с нашей стороны» были уже погребены. То же было у Инкова^[1192]. Но к Смоленску отношение к павшим изменилось. В дни сражения за Смоленск Брандт увидел, что «в ложбине, куда, очевидно, сносили раненых, трупы лежали один на другом. Почти все они были уже раздеты донага». То же он увидел через несколько дней и за Смоленском, где по сторонам дороги «лежали груды раздетых и уже начавших разлагаться трупов»^[1193]. Такой же была картина и у Валутиной горы, где Брандт был 24 августа: «Всюду лежали груды непогребенных трупов, и тут, – писал он, – я еще раз имел случай убедиться в том, как неосновательны были уверения французов, будто они всегда погребают своих убитых...»^[1194] Интендант Пюибюск, оставшийся в Смоленске, описывал, как ему пришлось бороться с тысячами разложившихся трупов, заражавших воздух. Не хватало ни лопат, ни

свободных рук для их погребения^[1195]. Во время стремительного марша на Москву, который предшествовал Бородину, мертвых, видимо, совсем перестали хоронить^[1196].

Что случилось с телами тех, кто пал под Бородином? Похоронили, точнее, зарыли в землю (часто во рвах, просто засыпав немного землей брустверов) очень немногих. Уже вечером 7-го и утром 8-го, как свидетельствует Пельпор, в полках попытались захоронить хотя бы часть своих мертвых товарищей^[1197]. Большая часть армии уже 8-го двинулась дальше. На поле остался 8-й вестфальский корпус (на некоторое время задержались и части 3-го корпуса), который вскоре, после 12 сентября, переместился в Можайск. Под Бородином оказался только один батальон вестфальцев, который, конечно, не сильно утруждал себя обязанностями могильщиков. Основная масса тел так и не была погребена. Фабер дю Фор, который оказался на поле 17 сентября, сделал несколько страшных по своей правдивости рисунков: поле было усеяно разлагавшимися полураздетыми или совсем обнаженными трупами^[1198]. Посетившие поле в октябре и оставившие записи об этом Лоссберг, Зуков, Фосслер и другие увидели «всех убитых там, где они пали» (Фезенсак). Солдаты 4-го линейного, бродившие по полю в конце октября, сказали своему командиру Фезенсаку, что видели там «раненых солдат, все еще цеплявшихся за жизнь». Фезенсак этому не поверил^[1199]. Немец Фосслер, увидевший мертвых Бородина несколько раньше, 6 октября, долго бродил по полю и философски разглядывал выражения лиц мертвых солдат. «На лицах павших французов, – напишет он позже, – я мог все еще различить различные эмоции, с которыми смерть застигла их: храбрость, безумство, вызов, безразличие, невыносимую боль; а среди русских – страстную ярость, апатию и оцепенение»^[1200].

Фосслер увидел в тот день импровизированный памятник, поставленный на могиле генерала Монбрёна. Видел его двумя неделями позже и Зуков. Памятник выглядел так: на простом стволе ели, врытом в землю, была прикреплена доска, на которой были написаны следующие слова: «*Çi git / Le Général Montbrun / Passant de quelque nation / que tu sois / Respecte ses cendres / Ce sont les restes d'un des plus Braves / Parmi tous les Braves du Monde, / Du Général Montbrun. / Le M. d'Empire, Duc de Danzig, / lui á érigé ce foible monument. / Sa mémoire est dans tous les coeurs / de la grande Armée*». Можно довольно точно сказать, что этот импровизированный памятник простоял, по меньшей мере, около года, а то и больше, так как летом 1813 г. (?) его зарисовал английский художник Дж. Джеймс^[1201]. Вместе с тем трудно утверждать с полной уверенностью, где именно стоял этот простой и трогательный памятник, дань дружбе и военному братству наполеоновского рыцарства. Фосслер, например, считал, что памятник был воздвигнут в центре «большого редута». Но не исключено, что Фосслер перепутал и это был либо Шевардинский редут, либо одна из Багратионовых «флешей». Судя по рисунку английского художника, последнее более вероятно. В этой связи следует напомнить, что Монбрён скончался, по всей видимости, в д. Шевардино. Хотя памятник, конечно, могли поставить не обязательно на месте погребения тела.

Известен еще и второй памятник, поставленный в те дни наполеоновскому генералу, – памятник «вестфальскому Баяру» А. Дама. Любившие его солдаты соорудили где-то возле кромки Утицкого леса «небольшой памятник из дерева»^[1202]. О памятниках другим бойцам Великой армии, павшим 5 и 7 сентября, никаких сведений не сохранилось.

Хотя на Бородинском поле, по нашим сведениям, было похоронено, по меньшей мере, 9 генералов Великой армии, никаких памятников на могилах большинства из них могло и не быть. После Бородина европейские солдаты относились к телам павших все более и более безразлично. Это поразительно контрастировало с тем, как поступали с телами мертвых в русской армии. Фантен дез Одар, двинувшийся вместе с арьергардом 8 сентября к Можайску по Новой Смоленской дороге, с нескрываемым удивлением и восхищением записал в журнал: «Несмотря на расстройство и стремительность отступления русские смогли

похоронить в течение последующей ночи всех своих раненых, которые умерли по дороге. Эти люди, которых мы называем варварами, весьма заботятся о своих раненых и считают долгом похоронить своих мертвых, в то время как мы, французы, гордые нашей цивилизацией, оставляем людей погибать без помощи и не утруждаем себя погребением трупов до тех пор, пока зловоние не будет вызывать неудобство»^[1203].

Все, или почти все, оставшиеся непогребенными тела мертвых Великой армии на Бородинском поле были стащены в ямы и сожжены весной 1813 г. силами местных властей и мужиков.

Как ожидали и как принимали смерть солдаты Великой армии на Бородинском поле? Уже в ночь с 4-го на 5-е, когда приближение генерального сражения стало очевидным, многие солдаты почувствовали дыхание смерти. Капитан Дюмонсо, наблюдая той ночью, как в гробовом молчании «вся армия сконцентрировалась в массах», воспринимал окружающие его фигуры людей, «как будто деревья на обширном некрополе...»^[1204]. Но, видимо, такие ассоциации и мысли о смерти все же мучили далеко не всех. Бургонь вспоминал, как 6-го, перед боем, «некоторые писали завещания», другие же пели или спали «в совершенно индифферентном состоянии»^[1205].

На следующий день особенно тяжело пришлось тем, кто на длительное время оказался под огнем неприятельских орудий. Ощущения солдат были, конечно, различны, однако в чувствах каждого из них было много общего. Вот что, например, думал в те минуты капитан Клод Орио из 9-го кирасирского: «Что делать, когда ожидаешь смерти под пулями, гранатами и картечью, когда не замечаешь вокруг себя ничего, кроме умирающих и мертвых? Тогда говоришь себе: “Это лотерея, и если бы [счастье] уже переменилось, ты был бы уже мертв; предпочтительнее жизнь с честью, но и смерть тоже с честью”»^[1206].

Особенно памятными стали часы и минуты под русским огнем 7 сентября для тех, у кого смерть, бывшая рядом, оставила какие-либо «зарубки». Кроме ран и пробитого кивера, этим напоминанием нередко служили обрызганный кровью (как у Обри из 12-го конноегерского) или мозгом товарища (как у Брандта из Легиона Вислы) мундир. Позже, всякий раз, когда Брандт будет чистить свой мундир, на том месте, которое было забрызгано мозгом, будет проступать сальное пятно, как своего рода «Memento mori»^[1207].

Конечно, вид тысяч трупов и постоянная готовность принять смерть притупляли чувства наполеоновских солдат. Нередко труп убитого товарища вызывал эгоистическую мысль: «А ты жив». Когда Нею (это будет позже, при Березине) доложили о смерти молодого адъютанта де Ноай, который прошел с ним Бородино, маршал ответил: «Что ж, пришел его черед – все-таки лучше, что мы сожалеем о нем, нежели если бы он сожалел о нас»^[1208]. И все же даже в пылу Бородинского сражения воины находили в себе нравственные силы скорбеть о товарище. Когда капитан Д.-Ж.-Ж.-В. Дюпюи, контуженный снарядом, упал на землю и лежал без движения, ехавшие за ним генерал Ш.-К. Жакино, полковник 9-го шевалежерского полка М.-Ш. Гобрект и несколько офицеров окружили его и искренне стали горевать о нем. Дюпюи, слышавший этот разговор, вспоминал его всю свою жизнь^[1209].

Любая смерть, принятая на Бородинском поле солдатом Великой армии, была великой трагедией для него самого, его родных, близких, а нередко и для товарищей. Этот личностный, человеческий масштаб трагедии, как правило, исчезает, если историк, абстрагируясь от конкретных людей, пытается оперировать общими цифрами и абстрактными фактами. Попытаемся прикоснуться хотя бы к одной из тех 10 тыс. трагедий, которые произошли с солдатами Европы в битве при Москве-реке.

Фердинанд Бастон де Ларибуазьер был еще совсем молод. Ему едва ли было 18 лет, когда накануне Русского похода он стал младшим офицером 1-го карабинерного полка. Сын

крупнейшего артиллерийского генерала наполеоновской эпохи, графа Жана-Амбруаза Бастона де Ларибуазьера, Фердинанд принадлежал к тому молодому поколению французов, которое, говоря словами А. Мюссе, было зачато своими отцами «в промежутке между двумя битвами». Старший Ларибуазьер, 53-летний дивизионный генерал, прекрасный артиллерист и организатор, начавший службу в 1781 г. и одно время даже читавший вместе с молодым су-лейтенантом Наполеоном Буонапарте книги у книготорговца в Валансе, он прошел через гром войн Революции, Консульства и Империи. Оба его сына просто не могли не избрать стезю военного. Старший, 24-летний Оноре-Шарль, уже в чине командира эскадрона, состоял адъютантом при отце. Младший же, Фердинанд, с трудом дождался, когда перейдет из пажей императора в офицеры и примет участие в военной кампании. Только перед походом на Россию он облачился в белый колет карабинерного полка и стальную кирасу. На кирасе сверкало изображение солнечного диска; в нем отражались лучи того ослепительного солнца, которое современники называли «солнцем Аустерлица». Николя-Луи Плана де ла Файе, в 1812 г. лейтенант артиллерии, неожиданно ставший адъютантом генерала Ларибуазьера, хотя и знал Фердинанда совсем немного, всю долгую жизнь будет вспоминать о нем как о «веселом, рыцарственном и великодушном» молодом человеке, «настолько искреннем и преданном, насколько это возможно»^[1210]. Бородино должно было стать для Фердинанда первым сражением. Все дни накануне он грезил о славе, величии приближавшегося дня и о том, как после кампании он с отцом и братом с триумфом возвратятся на родину.

Рано утром 7 сентября 2-й корпус резервной кавалерии, в котором состояли карабинеры, выстроился к югу от Шевардинского редута. Командир саксонского полка Гар дю Кор полковник А. Ф. Лейссер невольно залюбовался карабинерами, которые стояли от него справа: «Они являли собой импозантное зрелище. Гигантские люди и лошади, античные шлемы с красными плюмажами и султанами, двойные кирасы из желтой латуни. Воистину, вряд ли можно увидеть более прекрасных, отборных, грозных кавалеристов»^[1211]. Перед фронтом гарцевал обожаемый всеми храбрец генерал Монбрён. Фердинанд смотрел на него с восторгом. Уже в 10 утра 2-й кавалерийский корпус потерял своего храброго начальника генерала Монбрёна. Хотя кавалеристы еще не ходили в атаку, но уже несли заметные потери от огня русской артиллерии. В полдень 2-й корпус был передвинут к «большому редуту», представлявшемуся французам огнедышащим вулканом. Карабинеры встали на открытой местности и, в ожидании дальнейших приказов, оказались без движения под огнем. Генерал Ларибуазьер, энергично занимаясь делами службы, тем не менее, ни на минуту не забывал о своем младшем сыне. Генерал переправился вместе со своим штабом через ручей Каменку и пристально вглядывался в ряды карабинеров. Как раз в это время они пошли в атаку. Фердинанд, заметив отца, не удержался и, выйдя из рядов, бросился к генералу. Он быстро пожал отцу руку и успел только сказать, как показалось Плана де ла Файе, «с очень оживленной радостью: “Мы идем в атаку”»^[1212]. В ту минуту Фердинанд был совершенно счастлив. Он будет смертельно ранен к вечеру, во время одной из атак уже за Курганной высотой. Плана де ла Файе, возвратившийся после выполнения очередного поручения в 2 часа ночи к биваку своего начальника, увидел бедного Фердинанда, лежащего завернутым в плащ; над раненым склонились его отец и брат. Русская пуля пробила ему кирасу и вошла в тело в области поясницы близко от позвоночника. Иван, хирург императора, вынул пулю, но было ясно, что Фердинанд вряд ли сможет выжить^[1213].

Бедному Фердинанду предстояло страдать еще несколько дней... 8 сентября, когда Наполеон снова двинулся вперед вместе со своим штабом и генералу Ларибуазьеру нужно было его сопровождать, четверо артиллеристов, положив на носилки Фердинанда, осторожно понесли его. Отец не хотел оставлять умирающего сына там, где ему вряд ли могли обеспечить должный уход. В Можайск 8 сентября французы не попали. Наполеон вынужден был заночевать в д. Кукарино. Где-то в одном из крестьянских домов стонал той ночью бедный Фердинанд. Утром 9, когда русский арьергард оставил Можайск, вместе с передовыми

частями дивизии Дюфура в город вошел Плана де ла Файе – он должен был захватить для генерала Ларибуазьера и его умирающего сына какой-нибудь еще не разрушенный дом. Не углубляясь к центру города, лейтенант вбежал в первый попавшийся дом на правой стороне главной улицы и немедленно написал на двери имя генерала Ларибуазьера. Дом был очень маленький и грязный, но выбирать не приходилось.

В Можайске генерала Ларибуазьера в те дни ждала большая работа – надо было подсчитать расход боеприпасов, возобновить их, а также привести в порядок штат всей артиллерии. Работали в те дни не покладая рук также Плана де ла Файе и его писарь Кайли. Рядом с ними, в соседней комнате, лежал в агонии молодой Фердинанд. Хирург Гюдоль, «довольно хороший малый, но страшно болтливый», который, как считал Плана де ла Файе, «знал очень немного», ухаживал за умирающим. Когда днем 12 сентября императорская Квартира и Главный штаб двинулись дальше, генерал Ларибуазьер и его начальник штаба Ж.-К.-М. Шарбоннель ненадолго задержались: отец «ждал момента, когда его сын сделает последний вздох». Но так как генерал Ларибуазьер должен был постоянно отлучаться по делам, все эти часы рядом с Фердинандом сидел Плана де ла Файе. «Около 4 вечера бедный молодой человек, который стонал с утра от своей раны, начал беспорядочно говорить и содрогаться в конвульсиях, которые предвещали его конец. На мгновение, – вспоминал де ла Файе, – Фердинанд открыл свои глаза, обнял одной рукой меня за шею и моментом позже умер»^[1214]. Лейтенант немедленно послал уведомить отца о кончине Фердинанда. Позднее он писал: генерал сразу явился, «сжал мою руку и несколькими мгновениями позже удалился, чтобы присоединиться к императору». Плана де ла Файе должен был остаться и похоронить Фердинанда.

Той ночью, с 12-го на 13-е, де ла Файе получил записку, начертанную рукой Оноре Ларибуазьера. Оноре просил, чтобы сердце его брата было вынуто и сохранено. Вечером 13-го, только спустя 24 часа после кончины су-лейтенанта (вероятно, из-за широко распространенной в то время меры предосторожности^[1215]), Гюдоль вскрыл тело Фердинанда. Плана де ла Файе находился рядом и наблюдал за этим страшным и грустным спектаклем. Хирург вынул сердце и, промыв, поместил его в небольшой сосуд с винным спиртом. Само тело было положено в гроб, «наскоро сколоченный рабочими корпуса инженеров». Плана де ла Файе положил в гроб, рядом с телом, свиток из плотной бумаги, на котором были написаны следующие слова: «Тело Фердинанда Бастона де Ларибуазьера, лейтенанта карабинеров, убитого в битве при Москве-реке, сентябрь 1812 г. Его отец распорядился предать его останки общественной панихиде». Когда наступила ночь, 25 артиллеристов под командованием лейтенанта в качестве эскорта, без какой-либо церковной церемонии, двинулись с гробом к холму, на котором когда-то возвышался городской кремль. В последние годы русские использовали его камни для строительства Никольского собора. Но остатки стены все еще в беспорядке виднелись на холме. Французы сделали в полуразрушенной стене (как пишет Плана де ла Файе, «татарской конструкции») пролом, вынув из нее несколько больших камней. В образовавшееся углубление был помещен гроб, после чего каменные блоки были водворены обратно так, чтобы по возможности не было видно следов захоронения^[1216]. Почему был избран столь старинный способ захоронения тела Фердинанда? Сам Плана де ла Файе утверждал, что все испытывали боязнь, как бы останки не были осквернены. Но помимо этого здесь ощущается и что-то иное, а именно, стремление захоронить тело не «в чистом поле», как какого-то отлученного от церкви, а в чем-то похожем на церковную стену или пол в церкви. Не исключено также и то, что погребение Фердинанда, павшего на поле битвы, было отголоском той давней традиции хоронить воина «под защитой тяжелой группы камней», которая была описана Данте в «Божественной комедии» и которую упоминает Арьес^[1217].

14 сентября Плана де ла Файе отправился догонять своего генерала. Сердце Фердинанда, прядь его волос и оставшиеся вещи он передаст Оноре. Среди трофейных бумаг в

российском архиве сохранилось несколько писем, отправленных из России Плана де ла Файе, генералом Ларибуазьером и его старшим сыном Оноре. Плана, повествуя о своих злоключениях некой мадам Анриетт Деplas (Deplase), искренне переживает о том, «как чувствует себя мадам Ларибуазьер после известия о смерти сына». Хорошо еще, пишет он далее, что отца в несчастье поддерживает старший сын Оноре. «...В конце концов, – заключает лейтенант, – он [Ларибуазьер-старший] останется с хорошим достойным сыном и его любовью»^[1218]. Отец и сын Ларибуазьеры писали домой, в Париж на улицу Бонди, 40, где в те дни не находила себе места от горя мадам Ларибуазьер. Они старались писать о своей «работе», обстоятельствах похода и об отличном здоровье. Имя Фердинанда старались не упоминать^[1219]. 21 декабря в Вильно генерал Ларибуазьер умрет от болезней и перенесенных страданий. Домой возвратится один Оноре. Он умрет только 22 мая 1868 г., будучи сенатором Второй империи.

Могил его отца и брата к тому времени уже давно не будет. Но память останется. Посетивший в 1827 г. Бородинское поле известный поэт, участник войны 1812 г. П. Свечин увидит заросшие травой и деревьями окопы французских батарей Сорбье и Фуше, огнем которых руководил 7 сентября 1812 г. генерал Ларибуазьер. «На сих двух батареях, – напишет Свечин, – во рвах, выросли березки; они осеняют боевые насыпи. Я нашел сплетенные из ветвей их венки и после узнал, что это воспоминание посетивших сии места чужестранных людей, посвященная им признательность героизму их соотечественников»^[1220]. Но только в 1913 г. на месте командного пункта Наполеона в день Бородинского сражения будет наконец-то поставлен большой монумент «Погибшим Великой армии». Императорский орел, помещенный на его вершине, станет охранять покой тысяч павших воинов наполеоновской армии.

Попытаемся подвести итоги. Великая армия Наполеона являла собой не только великолепно отрегулированный военный организм. Она была центральным элементом целого мира, который возник во Франции после Революции на стыке общества традиционного и общества индустриального. Функционирование этого мира обеспечивали в значительной мере военные структуры, перерабатывая человеческую массу, которая во многом была еще носителем традиционной культуры, в новый человеческий материал, объединенный не только чувством корпоративного братства, но и чувством принадлежности к целой нации. Сами механизмы обработки человека, связанные с развитием образцов военизированного общества Римской республики, возникли еще в эпоху армии Старого порядка, но только в наполеоновское время на основе конскрипции произошло соединение общекрестьянской культуры с либеральными и революционными образцами. Крестьянин, подчиняясь армейской дисциплине, которая нередко воспринималась как своего рода замена отцовской власти, получал своеобразную свободу, приобщавшую его к новой жизни и новым ценностям.

Великая армия, имея в своей основе армию Франции, явно претендовала на универсальный общеевропейский характер. Она являлась своеобразным прообразом той Единой Европы, контуры которой к 1812 г. стали уже четко проступать. Несмотря на спорный характер принципов, лежавших в основе формирования наполеоновской империи, общая тенденция к интеграции европейского континента при изоляции России проступала достаточно ясно. Удачное для Наполеона завершение войны с Россией вполне смогло бы нейтрализовать те негативные тенденции, которые работали на распад наполеоновской империи.

К 1812 г. наполеоновская военная машина была высокоэффективным и хорошо отлаженным социальным организмом, располагая мощными регуляторами воздействия как на внешнее поведение человека, так и на его внутренний мир. Прочно укоренившиеся ценностные и поведенческие стереотипы делали поведение основной массы бойцов на поле боя исключительно эффективным, сочетавшим в себе готовность к беспрекословному

подчинению с личной инициативностью того уровня, который определялся местом в армейской иерархии.

Вместе с тем Великая армия представляла собой отнюдь не статичный, но постоянно изменяющийся многоуровневый организм, различные элементы которого, взаимодействуя друг с другом, находились в состоянии постоянного развития и саморазвития. К 1812 г. в армейских структурах различного уровня шел постоянный процесс накопления отклонений от идеально заданной нормы. Тяготы начавшегося Русского похода не могли не усилить эти флуктуации, приближая Великую армию ко времени Бородинского сражения к своего рода точке бифуркации. Солдат сражался на пределе своих физиологических и психических возможностей.

Великая армия и ее бойцы смогли выдержать тяжелейшее испытание Бородина. Однако надежды на завершение кампании, которые придавали силы наполеоновскому солдату в день сражения, оказались неосуществленными. Пожар русской столицы и отказ Александра I от переговоров о мире, а затем и страшное отступление, отягченное непривычным климатом, привели к краху ожиданий солдат Наполеона и к усилению процесса внутреннего распада как самого армейского организма, так и системы всего наполеоновского господства.

Могло ли Бородинское сражение иметь для наполеоновской армии иные, более благоприятные последствия, которые бы в значительной степени нейтрализовали основные процессы внутреннего кризиса и усилили тенденцию к сплочению и укреплению ее жизнеспособности? Материал 2-й главы позволяет предположить, что это было вполне вероятно и зависело не только от макропроцессов «объективного» кризиса наполеоновского господства в Европе, но и от процессов на микроуровне, являвшихся результатом как случая, так и воздействия проявления воли и эмоционально-психологического настроения отдельных актеров великой драмы 1812 г.

Попытаемся сфокусировать наше внимание на Бородинском сражении, эпицентре событий 1812 г., избрав максимально возможный на сегодняшний день крупный масштаб. Он позволит воочию представить уникальность исторического текста и окказиональность поступка его действующих лиц.

Глава 3

Великая армия в бородинском сражении

Военно-историческое измерение

Люди представляют собой не только статистические единицы, составляющие элементы социального организма. Они имеют разум и душу и действуют не всегда так, как рассчитывает на то Власть. В конечном итоге исход великих событий определяется совокупностью огромного множества составляющих, одна доля которых соотносится со «структурами большой и средней длительности», то есть в принципе составляющими «известными», но вторая доля – с «неизвестными», часто непредсказуемыми вещами, связанными со своеобразием и неповторимостью поведения отдельных людей в конкретный час и в конкретном месте. Попытаемся пристальнее разглядеть поступки этих людей и оценить их последствия.

3.1. Зачарованная армия: поход на Москву

3.1.1. От Немана до Витебска

Поздно вечером 23 июня 1812 г. Наполеон приказал переходить русскую границу. То утро, когда началась война, Деннье, инспектор смотров при штабе Бертье, вспоминал так: «24-го числа небо освещает огромное пространство, которое омывает Неман и над которым возвышается площадка с биваком императора. Сейчас 6 часов: уже достигнут

противоположный берег; уже просматриваются все наши линии, и они дефилируют мимо Него [Наполеона] своими бесчисленными батальонами; крики “Да здравствует император!” стоят в воздухе и достигают самых отдаленных рядов. Своей блестящей униформой выделяется Генеральный штаб. Польская кавалерия, вооруженная длинными пиками, на которых развеваются маленькие флажки всевозможных цветов, отличается как своей силой, проворством лошадей, так и изяществом своей национальной униформы. Медленно движутся кирасиры, похожие на стальные стены, на которых играют солнечные лучи. Батальоны линейной пехоты маршируют с музыкой, сопровождаемые своей прекрасной артиллерией и прочерчивают на равнине темные и непрерывные линии. Наконец, императорская гвардия, Старая и Молодая, прекрасная, как на параде в Тюильри, замыкает этот внушительный марш»^[1221].

Куда двигалась вся эта громада людей, собранных со всех уголков Западной, Южной и Центральной Европы? Куда вел ее Наполеон? При всей очевидности политических целей войны, призванной заставить Россию неуклонно следовать в фарватере политики французского императора (мы сознательно оставляем в стороне все нюансы в трактовке этого тезиса), вопрос о военно-стратегических планах Наполеона ясен не до конца. Появление целого ряда блестящих работ в последние 30 лет, написанных отечественными историками^[1222], казалось бы, окончательно подтвердило вывод о планировании Наполеоном быстротечной войны, не связанной с глубоким проникновением в глубь Российской империи и предполагавшей разгром русских армий вблизи их собственной границы. Однако обращение к трофейным документам Великой армии, содержащим всевозможные статистические, географические и военные сведения французской разведки о России, вызывает сомнения в правильности столь категорического утверждения^[1223]. Эти сведения, по крайней мере, в потенциале, создавали возможность для политического и военного руководства Франции, а в значительной степени и других стран, готовившихся к вторжению, не только представить картину основных коммуникаций западных регионов Российской империи, общий состав и дислокацию ее вооруженных сил, но и особенности этнонационального, сословного, административного и социокультурного состояния страны и общества. Так, были собраны и подвергнуты анализу многочисленные бумаги, начиная от знаменитого «Завещания Петра Великого», аналитических записок времен Людовика XV и Людовика XVI по поводу внешней политики и внутреннего состояния России до обширного мемуара 1809 г. (?) о переменах в организации казачьих войск и подробных планах укреплений Крондштадта и «русской Финляндии», подготовленных батальонным командиром инженерных войск Ш. Ф. Де Понтоном. Обращает на себя внимание разнообразие и подробный характер сведений о географии Российской империи. Если аккумуляция сведений о западных губерниях Российской империи легко объяснить планированием в этих регионах военных операций, то обширные материалы о Московской губернии и, в особенности, о Кавказе, Крыме и даже Урале вряд ли можно связывать с предположением о непосредственной встрече здесь с русскими войсками. В этом плане чрезвычайный интерес представляет массивный рукописный фолиант, озаглавленный «Статистический очерк Российской империи», оказавшийся в числе трофейных бумаг в наших архивохранилищах^[1224]. В фондах Архива Исторической службы министерства обороны Франции нами были обнаружены подготовительные материалы для этого «Статистического очерка»^[1225], которые содержат, в том числе, обширный список источников, привлеченных для его составления. Список охватывает 11,5 листа большого формата, на которых уборым почерком перечислены сотни изданий, карт и рукописей на французском, русском и немецком языках. Это дало возможность составителям дать точные сведения практически обо всех регионах Российской империи.

Разумеется, все это может свидетельствовать лишь о стремлении Наполеона как можно полнее узнать своего противника и о надеждах французского императора возродить известный проект похода в Индию. Однако множество иных свидетельств говорит о

размытости военных планов Наполеона и на ближайшую перспективу. В марте 1812 г. состоялась беседа Наполеона с архиканцлером Ж.-Р. Камбасересом. Император отметил, что задуманное им «предприятие» (война с Россией) трудно для осуществления и война будет отнюдь не скоротечной, «порывистой», как прежние войны, и что она будет «по крайней мере делом двух кампаний». Наполеон заявил, что он не собирается сразу «погрузиться в дикие равнины, которые, вероятно, еще и разорены», чтобы «отдать себя во власть нужды и холода»; что «в этот год» он продвинется самое большее до Двины и Днепра, после чего займется обустройством захваченной территории, организацией ее защиты и созданием громадных магазинов. Вероятно, только через год после этого он сочтет целесообразным двинуться далее вглубь, чтобы нанести по России смертельный удар^[1226].

Но вместе с этим, в начале 1812 г. (судя по воспоминаниям тогдашнего министра иностранных дел Австрии К. В.Н.Л. Меттерниха) Наполеон не раз развивал и идею о том, что война начнется переходом русской армии в наступление. Когда же Меттерних пытался возразить императору и даже высказал предположение о готовности русских отойти в случае французской атаки, Наполеон отверг это, указав на некие «стратегические причины и ссылаясь на образ мышления и действия царя, которые он успел постигнуть вполне». Чуть позже, в мае 1812 г., мнение Наполеона было уже другим. «Победа достанется наиболее терпеливому, – заявил император тому же Меттерниху. – Я открою кампанию переходом Немана. Эта кампания закончится в Смоленске и Минске. Это будет тем пределом, у которого я остановлюсь. Я укреплю эти два пункта, сам же займу Вильну, где будет размещена в течение следующей зимы главная квартира; займусь реорганизацией Литвы, которая сгорает от нетерпения избавиться от ярма России». Далее Наполеон заявил, что «Александр накормит мою армию за счет своей страны». В ответ на вопрос Меттерниха, что император будет делать в случае, если император Александр все же, несмотря на оккупацию Литвы, не согласится пойти на мир, Наполеон ответил: «В этом случае я продвинусь в следующем году до центра империи, и я буду ждать [мира] в 1813 г., как я ждал в 1812 году. Это дело, как я уже сказал, является вопросом времени». И все же – в те же месяцы перед вторжением – Наполеон не раз излагал и иные варианты своего плана. В разговоре с аббатом Д. Прадтом император заявил, что пойдет на Москву и «в одно или в два сражения закончит кампанию», а в беседе с генерал-адъютантом Л. Нарбонном, прибывшим из Петербурга, начал даже размышлять о более отдаленных планах похода через Россию в Индию: «Так или иначе, но ведь длинный путь – это тот же путь в Индию. И Александру (Македонскому. – В.З.) предстояло пройти расстояние не меньшее, чем оттуда до Москвы, чтобы добраться до Ганга... Теперь же мне придется с окраины Европы взяться за Азию с другой стороны, чтобы ударить по Англии»^[1227].

Вряд ли столь разноречивые свидетельства могут быть связаны только с попытками Наполеона дезорганизовать своих противников и воздействовать на не очень верных друзей. Скорее это говорит о неопределенности общих планов самого императора. К тому же Наполеон был сам явно удивлен грандиозностью перспектив, которые открылись бы перед ним в случае удачного исхода русской кампании. Следует всегда помнить о бессмысленности пытаться измерять планы Наполеона мерками прагматичного и приземленного политика. Сколько раз его проекты приобретали форму истинных фантазмагорий! Последнее великолепно уловил А. Вандаль, размышляя о планах Наполеона при вторжении в Россию: «В Москве он вторично подошел бы к Востоку, к тому миру, к которому не так давно приблизился с другого конца и от которого у него осталось глубокое и неизгладимое впечатление»^[1228].

Да и сама Великая армия оказалась тогда, на берегах Немана, просто зачарована фантастичностью предпринимавшегося похода в полуазиатскую, сказочно-далекую Московию. «В нашем предприятии, – писал позже участник похода генерал А.-А. Жomini, пытаясь передать настроения, царившие в Великой армии при переходе русской границы, –

было что-то гигантское, поражавшее нас самым изумлением. Казалось, мы, как титаны, шли на приступ неба...»^[1229] «Сперва мы вступим в Россию, где нам придется немножко подраться, чтобы проложить себе путь дальше, – писал своим родителям один гвардейский фузилер. – Император, должно быть, уже приехал в Россию, чтобы объявить ему – тамошнему маленькому императору – войну. О! Мы живо разделаем его под белый соус! Если бы мы были одни, и то было бы достаточно. А! Отец, и как же здорово готовятся к войне. Наши старые солдаты говорят, что никогда не видели ничего подобного. И это правда, ибо ведут сильное и огромное войско, но мы не знаем, для России ли оно. Кто говорит, что пойдем в Ост-Индию, кто в Египет; не знаешь, кому верить. Мне лично решительно все равно. Я хотел бы, чтобы мы пошли на край света»^[1230]. Конечно, так думали и рассуждали далеко не все, но многие, и их эмоциональный подъем на время заражал и остальных.

Какой план будет избран в конечном итоге – остановится ли армия в Смоленске и Минске, либо же пойдет дальше, то ли к Москве, то ли к Санкт-Петербургу, – император в дни перехода через Неман окончательно не решил. Пока перед ним стояла задача как можно скорее разбить западные русские армии. Главным стратегическим направлением была дорога на Вильно^[1231].

Первым событием, глубоко взволновавшим Наполеона и заставившим его задуматься о возможном провале всего начатого предприятия, стал случай, произошедший накануне перехода через русскую границу. Ночью с 23 на 24 июня, когда император заканчивал последнюю рекогносцировку, из-под ног его лошади по имени Фридланд выпрыгнул заяц. Лошадь испугалась, отскочила, и Наполеон упал наземь. Чины штаба, и среди них А. Коленкур, подробно описавший позже этот случай, внутренне содрогнулись. Бертье произнес: «Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили через Неман. Это падение – дурное предзнаменование». Наполеон был глубоко потрясен случившимся; он пытался шутить, отгоняя дурные мысли, но получалось очень искусственно. Генералы хранили молчание. «Каждый думал об этом падении, и на лицах чинов штаба можно было прочесть, что римляне, верившие в предзнаменования, не перешли бы через Неман». Вскоре перестал шутить и Наполеон; в течение всего дня 24-го он оставался очень серьезным и озабоченным. После обеда император все же решился спросить у Коленкура, что говорят об этом происшествии в ставке^[1232]. Величественное зрелище переправы Великой армии через Неман и опьяняющий энтузиазм войск помогли Наполеону развеять дурное настроение и заставили забыть о несчастном происшествии.

Французские солдаты были переполнены энтузиазмом. Дурные мысли, как писал позже Тирион, старший вахмистр 2-го кирасирского, «нас тогда, на берегах Немана, не тревожили; полные сил и надежд, гордые принадлежностью к великой нации, гордые мундиром, мы мечтали о славе, о движении по службе и победах...»^[1233]. Энтузиазм французов заражал и иностранцев Великой армии. «На этом походе царит радость и веселье; итальянским войскам присуще в высшей степени самолюбие, рождающее чувство собственного достоинства, соревнование и храбрость», – писал Ложье, адъютант полка велитов итальянской гвардии^[1234]. Убежденность в своем могуществе снова возвращалась к Наполеону. Полный азарта, он устремился к Вильно.

Каждую минуту, двигаясь к Вильно, и в течение нескольких дней после того, как Главная квартира уже вступила в этот город, Наполеон и вся армия были в ожидании генерального сражения. 30 июня Брандт с полком Легиона Вислы был возле Вильно. «...Ее окрестности, – вспоминал он, – представляли теперь какую-то пустыню... Дождь продолжал лить как из ведра». «Говорили, – продолжает он, – что неприятель в виду и что ожидают сражения». «Дождь все продолжал идти, небо заволочло темными, беспросветными тучами. Вдруг из окружавшей нас завесы дождя показался Наполеон. Задний отворот его треуголки был

отогнут назад, вода ручьями стекала с его серого походного сюртука. Он ехал на небольшой серой лошади с хлыстом в руке, которым он нахлестывал по своим высоким ботфортам; время от времени он подносил к глазам подозрную трубу, хотя вряд ли можно было что-нибудь разглядеть при таком ливне. “Какой ужасный дождь!” – промолвил император, обращаясь к Бертье, который, сердитый и нахмуренный, ехал рядом с ним»^[1235]. Сражения ждали все: Наполеон, польский офицер Брандт, вестфальский солдат Рункель...^[1236] Сражения не произошло.

Причины военного характера, предопределившие неудачу Виленской операции, достаточно хорошо известны^[1237]. Обратим внимание только на два момента. Во-первых, уже с первых дней кампании стало сказываться недостаточное знание командованием Великой армии театра военных действий, сил и возможностей противника. Войска Даву и Жерома, которые должны были перехватить 2-ю Западную армию П. И. Багратиона, двигались словно на ощупь, безвозвратно теряя драгоценное время. Во-вторых, крайне остро стало ощущаться расстройство тылов из-за дурной администрации, а главное, из-за небывалых масштабов проводимых операций. Начался массовый падеж лошадей. К 30 июня окончательно завязли большие корпусные парки. Солдаты терпели нужду во всем. «Теперь мы должны учиться терпеть голод и жажду», – писал 16 июля солдат-вестфалец Рункель^[1238].

Но была и еще одна важная причина, повлиявшая на исход Виленской операции, которую точно подметил Д. Чандлер: у Наполеона стал проявляться недостаток «физической энергии»^[1239]. 7 июля, в Вильно, адъютант Нарбонна Кастелан сделал запись: «Его величество проявляет меньше жизни; он разжирел; садится на лошадь с большим трудом. Главный шталмейстер должен был ему помогать руками сесть в седло»^[1240].

В Вильно Наполеон ведет разговоры с посланцем Александра I генерал-адъютантом А. Д. Балашевым, тщетно ожидая мирных предложений русского императора, и там же он заявляет своим генералам: «Я не перейду Двину. Хотеть идти дальше в течение этого года – значит идти навстречу собственной гибели»^[1241]. Но стоило 16 июля только замаячить на горизонте миражу решающего сражения, как Наполеон отбросил все свои сомнения и помчался вперед, надеясь перехватить русские армии и навязать им бой. Несколько раз, с 16 по 24 июля, Наполеон меняет военные комбинации, стремясь «ухватить» противника и заставить его сражаться. Наконец, возле Витебска показалось, что сражение обязательно состоится^[1242].

К этому времени армия была уже физически сильно измотана и катастрофически быстро уменьшалась. Между Ковно и Витебском, по подсчетам М. Дюма, было потеряно 20 тыс. лошадей^[1243]. Кавалеристы и артиллеристы с тяжелым сердцем покидали своих лошадей, умиравших на дороге. Но тогда солдаты еще не теряли бодрости духа. «Счастье, которое столько лет баловало нас, – вспоминал о тех днях лейтенант из резервной артиллерии 3-го армейского корпуса Н. Ж. Соваж, – поддерживало в нас мужество, и по мере того, как солнце поднималось к меридиану, блистая своими лучами на наших колоннах, и мы удалялись от этой страшной картины, наши предчувствия испарялись подобно утренней росе, и воспоминания о победах затмевали всякие признаки опасности. Великий полководец нас настолько приучил побеждать, что нам казалось, что, пока нас ведет его гений, ничто не в состоянии нам сопротивляться»^[1244]. Все считали, что сражение непременно положит конец всем страданиям и неопределенностям.

25 и 26 июля произошли тяжелые бои на подступах к Витебску – у местечка Островно и у д. Какувячина. Русский арьергард был отброшен к р. Лучёсе. В ночь на 27-е Наполеон приказал ускорить движение всех корпусов и артиллерийских резервов. «...Были пущены в ход все средства, – писал А. Коленкур, – в надежде, что завтра или самое позднее послезавтра состоится генеральное сражение – предмет всех желаний и упований императора. Его величество часть ночи оставался на лошади, подгоняя и ускоряя движение воинских частей и ободряя войска, которые были полны воинственного пыла. Неаполитанский король уверял,

что все маневры неприятеля указывают на подготовку к сражению. Император и вся армия слишком сильно желали этого сражения и поэтому тешили себя надеждой, что великий результат близок»^[1245]. С утра 27-го начались упорные кавалерийские сшибки, которые задержали развертывание французских войск (в тот день особенно отличились 8-й гусарский и 9-й линейный полки). Наполеон, убежденный в готовности русских дать генеральное сражение, решил не торопиться и, подтянув и развернув все войска, напасть 28 июля. Вечером 27-го «император был весел и уже сиял лучами славы, – до такой степени он верил в то, что померяется силами со своими врагами и добьется результата, оправдывающего его поход, который завел его уже слишком далеко»^[1246]. «Завтра в 5 часов взойдет солнце Аустерлица!» – заявил он Мюрату^[1247]. У него под рукой против русской 1-й Западной армии был 4-й армейский корпус Богарне, три дивизии 1-го корпуса, императорская гвардия и вся кавалерия Мюрата (за исключением 3-го корпуса Груши). Наутро выяснилось, что русская армия, стоявшая накануне напротив французских войск, исчезла (французы нашли только одного русского солдата, спавшего в кустах). Наполеон понял свою ошибку: он, отсрочив на один день сражение, дал русской армии возможность полностью отойти. Память об этом событии заставит Наполеона позже, под Бородином, нервно дожидаться утра 7 сентября, отказавшись при этом от любых обходных маневров.

Тогда же, утром 28 июля, Наполеон, узнав об отходе русских, поразмыслив более часа, вполне уверенно произнес: «Возможно, что русские хотят дать бой в Смоленске. Багратион еще не присоединился к ним. Надо их атаковать»^[1248]. В ту минуту император не сомневался, что пойдет дальше, в Смоленск. Более того, есть основания предполагать, что еще до Витебска Наполеон уже решил двигаться не только до Смоленска, но до Москвы^[1249]. Однако в любом случае предстояло подтянуть войска и тылы, дать отдых солдатам. 29 июля Наполеон рекомендовал войскам Нея построить хорошие бараки^[1250]. Император, таким образом, не исключал и возможности остановить армию в Витебске, не двигаясь дальше в глубь России. Наступила вынужденная пауза, во время которой Наполеон стал взвешивать самые разные варианты своих дальнейших действий.

Днем 28-го, выехав в половине второго из Витебска, император проехал вперед, по направлению к Суражу, к войскам авангарда, стараясь уяснить обстановку и понять, куда же отступили русские. К вечеру он остановился возле Агапоновщины и приказал разбить бивак. Вечером 28-го здесь, в палатке, которую окружило каре итальянской гвардии, произошло знаменитое совещание с участием Мюрата, Бертье и Богарне (вероятно, в совещании участвовало еще несколько человек, среди которых был А. Коленкур, но достоверные сведения об этом отсутствуют)^[1251]. Совещание началось с того, что Наполеон сделал выговор собравшимся за то, что они не принимают достаточных мер к захвату пленных, бывших в те дни фактически единственным источником информации о противнике. Тогда Мюрат вынужден был напрямую доложить о катастрофическом состоянии конского состава, который был совершенно измотан, из-за чего, собственно, кавалеристы и не были способны активно преследовать русских. Император, казалось, пропустил это мимо ушей, но затем неожиданно пустился в рассуждения о ходе всей кампании и под конец заявил: «Здесь остановимся! Я должен собраться с силами... Кампания 1812 года закончена...» Наутро Наполеон возвратился в Витебск и развернул бурную деятельность с целью привести войска, тылы армии и дела всей империи в порядок.

А. Коленкур и Сегюр, наблюдавшие Наполеона в дни его пребывания в Витебске, попытаются позже описать то, как император в конце концов должен был изменить первоначальное решение – и вновь двинуться вперед в тщетных попытках сразиться с русскими. Однако описания Коленкура и Сегюра далеко не всегда убедительны. Оба автора (в особенности Коленкур) представили Наполеона человеком, оказавшимся во власти своих собственных иллюзий и заблуждений. Все попытки окружения отговорить его от дальнейшего продвижения в глубь России вызывали якобы только раздражение со стороны

опьяненного фантазмами и славой императора. Попытаемся взглянуть на этот вопрос менее предубежденно. Проанализируем характер той информации, которая поступала в дни витебской стоянки к Наполеону, и то, как она влияла на его решения.

От Немана до Витебска Великая армия заметно уменьшилась. По подсчетам А. Н. Попова и П. О. Смоленского, она лишилась более 150 тыс. человек, из которых только 15 тыс. можно было отнести к числу боевых потерь^[1252]. Дальнейшее пребывание на разоренной территории, изначально обладавшей ничтожным потенциалом для обеспечения нужд армии, могло бы обернуться дополнительными, и очень немалыми, боевыми (а фактически бесполезными) потерями.

В то же время оставшихся сил было вполне достаточно, чтобы заставить русских принять большое сражение и выиграть его. Было совершенно ясно, что воспрепятствовать соединению двух западных русских армий теперь уже не удастся. П. И. Багратиону в районе Могилева удалось ускользнуть от Даву. Последний располагал только двумя из трех своих пехотных дивизий и 3-м кавалерийским корпусом Груши (Вестфальский король Жером, командовавший до середины июля 8-м армейским корпусом, откровенно саботировал приказы французского маршала, а войска Понятовского еще не подошли) и поэтому просто не мог остановить 2-ю Западную русскую армию. Тем более что французское командование постоянно путалось в подсчетах русских сил, ошибочно полагая, что 6-й пехотный корпус входил в состав 2-й Западной армии Багратиона. 3 августа две русские армии соединились.

Какими же сведениями о противнике располагал Наполеон? Благодаря трофейным французским документам и материалам, опубликованным Фабри, вполне можно воссоздать общую картину^[1253]. К началу военных действий сведения о русских армиях были более или менее точными, по крайней мере, давали возможность принимать рациональные решения. Э.-Л.-Ф. Лелорнь д'Идевилль, в обязанности которого входило обобщение разведывательной информации и представление ее Наполеону (уже в ходе войны Лелорнь д'Идевилль займет формальную должность секретаря-переводчика, хотя фактически будет возглавлять разведывательное бюро при Главной квартире), составлял сводные таблицы как по отдельным корпусам русской армии, так и в целом по армиям. Учитывалась боевая сила, места дислокации, возможность пополнения, качество командного состава и т. д. С началом военных действий Лелорнь д'Идевилль, как и сотрудники других разведывательных подразделений, пытался отслеживать перемещения русских войск и вычислять их потери. Но информация оказывалась очень фрагментарной и путаной^[1254]. Почти вся она базировалась на основе допросов перебежчиков (главным образом, из числа поляков и литовцев) и не очень многих пленных. Причем пленные из числа солдат и унтер-офицеров знали, как правило, только фамилию своего ротного командира, не более. 31 июля Наполеон раздраженно потребовал от Даву прояснить наконец ситуацию с составом армии Багратиона: «Вообще, сколько дивизий (у Багратиона. – В.З.): три, четыре или шесть?»^[1255] 23-й дивизии, утверждал он, во 2-й армии не может быть, «так как она здесь», в 1-й армии. Только к началу августа удалось более или менее точно выяснить общую ситуацию в отношении численности и состава войск противника. 1 августа Лелорнь д'Идевилль составил обновленное расписание русской армии^[1256] и, вероятно 2 августа^[1257], представил эти сведения императору. На основе дополнительных данных, поступивших в последующие несколько дней, была составлена следующая картина: силы 1-й Западной армии предполагались не более чем в 150 тыс., 2-й – примерно в 75 тыс., 3-й – примерно в 40 тыс., в армии адмирала П. В. Чичагова, которая после ратификации мира с Турцией должна была передвинуться к театру военных действий, – до 50 тыс. Корпус генерала Ф. Ф. Эртеля включал 20 тыс.^[1258] О перемещениях Александра I, великого князя Константина Павловича, о настроениях в русских столицах и глубинке информация продолжала оставаться очень отрывочной и противоречивой. Нередко она приходила в ставку только окружным путем, через Вильно.

Важными были сведения, которые приходили с фланговых группировок Великой армии. 2 августа император узнал о сражении под Кобрином 27 июля, когда 3-я Западная русская армия нанесла поражение войскам 7-го (саксонского) корпуса Ж. Л. Ренье. На следующий день Наполеон приказывает австрийскому корпусу К. Ф. Шварценберга двигаться на помощь Ренье^[1259]. От прежнего намерения подключить австрийцев к войскам центральной группировки пришлось отказаться. Часть войск Шварценберга совместно с польской дивизией Я. Г. Домбровского действовала против 2-го русского резервного корпуса Ф. Ф. Эртеля. Тем временем и с левого фланга стали приходить сведения о столкновениях войск 2-го корпуса Н.-Ш. Удино с корпусом П. Х. Витгенштейна. Пришлось подкрепить Удино 6-м корпусом Гувион Сен-Сира^[1260].

Информация о военных действиях на флангах накладывалась на политические новости: в Витебске Наполеон узнал о ратификации мирного договора России с Турцией, подписанного еще 28 мая, а также получил текст договора России с Англией. Эти события, отметил Сегюр, «сделали победу еще более необходимой как никогда»^[1261]. Следовало ожидать появления на севере русской Финляндской армии, а на юге – Дунайской! Многочисленные дела империи (особенно в Испании), о которых также приходилось думать, находясь в Витебске, еще больше убеждали Наполеона не затягивать войну с Россией, но закончить ее как можно скорее. Не мог не видеть Наполеон и то пагубное состояние, в котором все больше и больше оказывалась его армия, находясь в бездействии на разоренной территории, катастрофически быстро утрачивая свой энтузиазм, жажду победы и славы. «Настроение у нас было далеко не веселое», – писал о тех днях Брандт^[1262]. Дабы поддержать дух армии, Наполеону приходилось ежедневно проводить парады, смотры («Сплошные парады!» – записал в своем дневнике Кастелан 3 августа^[1263]) и производить назначения. Все попытки прекратить мародерство, наладить регулярную раздачу пайков и привести в порядок медицинскую часть (именно к этому времени относится резкое выяснение отношений по поводу виновности в плохом состоянии медицинской части между Ларреем и Дюма, о чем мы писали выше) оказывались тщетными. Административные перестановки (как, например, введение новых должностей помощников начальника Главного штаба по пехоте и кавалерии – ими стали генерал-адъютанты Ж. Мутон и А.-Ж.-О.-А. Дюронель – или назначение комендантом Главной квартиры решительного и честного О. Коленкура) мало что давали.

Ко времени витебской стоянки относятся и первые серьезные беспокойства по поводу поведения местных крестьян, ставших нападать на мародеров^[1264].

Все говорило о том, что Наполеону был необходим немедленный успех. Успех могло дать только сражение. «Как это бывает с людьми его натуры, – писал о пребывании императора в Витебске Сегюр, – бездействие было тяжело для него, и он предпочитал опасность скуке ожидания...»^[1265] «Он верил в сражение, – заметил Коленкур, – потому что желал его, и верил, что выиграет его, потому что это было необходимо. Он не сомневался, что русское дворянство принудит Александра просить у него мира...»^[1266] По свидетельству Фэна, в начале августа Наполеон уже совершенно определенно говорил своим соратникам о готовности двигаться к Смоленску, а затем к Москве. Он был уверен, что перед тем или другим городом русские обязательно дадут генеральное сражение. Времени, считал Наполеон, чтобы продолжить активную фазу кампании и добиться решительных результатов, оставалось еще вполне достаточно. «...Мой план кампании, – резюмировал император, – связан с сражением, в результате которого вся моя политика увенчается успехом»^[1267].

3.1.2. От Витебска до Бородина

8 августа произошло серьезное столкновение возле Инково. Русские войска атаковали кавалерию генерала О.-Ф.-Б. Себастиани. Надежды Наполеона на скорое сражение немедленно оживились. Все свидетельствовало о том, что русские собираются наступать^[1268]. Наполеон, не дожидаясь подтверждения сведений о том, что русские действительно перешли к решительным действиям, приказывает общее наступление. 12 августа Друо, командующий гвардейской пешей артиллерией, полный воодушевления, как и вся армия, пишет во Францию: «Господь желает доставить нам в конце концов счастье встретиться с этими русскими, которых мы преследуем уже столь долгое время!»^[1269] В час ночи 13 августа император выехал из Витебска. Тогда же выступила и императорская гвардия.

Как известно, русское командование действительно намеревалось первоначально осуществить наступление (точнее, выдвижение вперед), однако, опасаясь обхода, вскоре отдало приказ войскам возвратиться к Смоленску. Тем временем Наполеон, оставив возле Инкова только прикрытие, спешно вышел к переправе через Днепр у Расасны. Проведя там в палатке ночь с 13-го на 14-е, он переправил на левый берег Днепра свои главные силы и бросил кавалерию Мюрата на Красный, стремясь обойти 1-ю и 2-ю русские армии с юга, тем самым отрезав их от Смоленска. Историкам еще предстоит подробно исследовать все перипетии драматических событий возле с. Красного, где 14 августа дивизия Д. П. Неверовского смогла предотвратить трагедию всей русской армии^[1270]. Предстоит также окончательно решить задачу: осуществлял ли Наполеон, двигаясь через Красный к Смоленску, заранее разработанный план выхода к городу раньше русских армий, либо же, как об этом пишет Коленкур^[1271], он просто не знал, где находятся главные силы русских, хотя и прошел рядом с ними.

15 августа, в день своего рождения, когда прямо на марше был устроен смотр, Наполеон был у стен Смоленска. Однако решительного штурма ни в тот день, ни 16 августа не последовало. Денные, как правило человек исключительно осведомленный о том, что происходило в Главном штабе и Главной квартире, писал: «Мы все были уверены, что неприятель покинул город. Сам император разделял это убеждение...»^[1272] Хотя ему докладывали, что русские держатся в городе и, по всей видимости, намерены его оборонять, «император был настолько уверен, что защита Смоленска не могла быть серьезной и что русские не намеревались там удержаться, что он не придавал никакой веры рапортам...»^[1273]

В этой связи закономерен вопрос: движение Наполеона к Смоленску было связано исключительно с надеждами дать русским генеральное сражение или же было частью осуществления более серьезного общего плана движения на Москву? Первоисточники дают на этот счет противоречивую информацию. Коленкур, к примеру, раскрывает этот вопрос следующим образом. Вечером 16-го «император не знал, что думать, и заранее злился при мысли, что придется идти еще дальше, чтобы настигнуть эту армию, которую он принудил бы к сражению, если бы атаковал ее 48 часами раньше». В тот миг Коленкуру показалось, что император вдруг принял наконец решение остановиться у Смоленска. «Я обоснуюсь в Витебске. Я поставлю под ружье Польшу, а потом решу, если будет нужно, идти ли на Москву или на Петербург», – заявил он. Радостный Коленкур немедленно сообщил о решении императора Бертье. Князь Невшательский, лучше знавший Наполеона, сразу выразил сомнения в том, что эти идеи «удержатся после взятия Смоленска». В ночь с 17 на 18 августа, когда уже весь город был объят страшным пожаром, император, вдруг хлопнув обер-шталмейстера по плечу, радостно произнес: «Это извержение Везувия! Не правда ли – красивое зрелище, господин обер-шталмейстер?» – и чуть позже добавил: «...труп врага пахнет всегда хорошо». Коленкур и Бертье переглянулись. Они поняли, что Наполеон продолжит наступление^[1274].

О том, что если какие-то колебания у Наполеона в те дни в отношении похода на Москву и были, то они были недолгими, говорят и воспоминания Раппа. Во время беседы с ним Наполеона, видимо, 20 августа, последний говорил об этом, как о деле давно решенном. «Ваше величество только что сказали мне о Москве. Армия не ожидает этого похода». – «Стакан наполнен, я должен выпить его», – ответил император^[1275]. О планах Наполеона, созревших еще до Смоленска, отнюдь не останавливаться в этом городе, но идти дальше на Москву, свидетельствует многое, в том числе передвижения и действия Великой армии во время Смоленского сражения и сразу после него: авангард продолжал энергично теснить русских, а император подтягивал войска, тылы и приводил в порядок различные службы для дальнейшего движения вперед. Все это выглядело так, как если бы решение о походе на Москву было уже ранее принято, и если какие-то сомнения у императора на этот счет все же возникали, то они оказывались мимолетными (связанными в том числе и с тем, куда именно – на Петербург или Москву – будут отступать главные силы русских^[1276]). Даст ли русская армия генеральное сражение перед сдачей Москвы или нет – этого Наполеон с абсолютной точностью сказать не мог. Но он полагал, что скорее всего сражение должно будет произойти. И в этом случае взятие русской столицы, наряду с разгромом войск противника, неминуемо должно будет завершиться окончанием войны и миром. В том, что Великая армия одержит победу в генеральной битве, Наполеон ни минуты не сомневался, но все же было важно, чтобы сражение произошло как можно раньше. Этим было бы выиграно время, сразу значительно прояснились бы общие перспективы войны и, главное, – чем скорее произошла бы генеральная баталия, тем большими силами обладала бы французская армия и меньшими – русская. Великая армия, двигаясь в глубь России, должна была бы оставлять на своих коммуникационных линиях гарнизоны, уменьшая численность передовой группировки, в то время как русские, сближаясь с Москвой, наоборот, получали бы все новые и новые подкрепления.

Надежда на то, что русские войска решатся на генеральное сражение у Смоленска, была, но не очень большая. Когда русские армии оставили город, Наполеон приказал войскам 3-го корпуса преследовать их, атаковав у Валутиной горы русский арьергард. Сам же император, отдав приказания, к вечеру 19 августа возвратился в город. Неожиданно для французского командования бой у Валутиной горы приобрел ожесточенный характер. Становилось ясно, что значительная часть войск русской 1-й Западной армии еще не вышла с Петербургской дороги на Московскую и могла быть легко отрезана. На помощь Нею поспешила пехотная дивизия Ш.-Э. Гюдена из 1-го корпуса, а Жюно получил приказ ускорить свое движение с целью обхода русской позиции. Жюно, пройдя с Покровское, переправился в районе Прудисево через Днепр и попытался выйти на Московскую дорогу. То, что реально произошло с 8-м корпусом, какую роль в срыве его намерений сыграли действия русских, особенности местности, усталость самих вестфальских войск, неожиданная нерасторопность Жюно, подвергшегося в те часы приступу психической болезни, – до сих пор не ясно. Участник тех событий Лоссберг попытался в последующие после этого дни выяснить для себя причины неудач 8-го корпуса, взвешивая все за и против, но, поддавшись в конечном итоге общему настроению, стал злиться только на своего начальника корпуса^[1277].

Наполеон, только спустя несколько часов после начала боя поняв, что в его руках была вся 1-я русская армия, ночью на 20 августа прискакал на поле боя. Но шанс был уже упущен. Всю вину Наполеон возложил исключительно на Жюно, и его негодованию не было предела^[1278].

На следующий день на поле боя при Валутиной горе, еще покрытом трупами, император устроил смотр и награждения отличившихся^[1279]. «Надо было превратить поле битвы в поле триумфа», – заметил в этой связи Сегюр^[1280]. Наполеон чувствовал необходимость поддержать боевой дух армии – впереди была тяжелая дорога на Москву и генеральное сражение.

Действительно, события в Смоленске и у Валутиной горы произвели на солдат Великой армии тяжелое впечатление. «Единственными свидетелями нашего вступления в опустошенный Смоленск являются дымящиеся развалины домов...» – вспоминал Ложье. Повсюду были обгоревшие трупы русских раненых, покинутых в городе на «жестокую смерть». Они «лежали здесь кучами, обугленные, едва сохраняя человеческий образ, среди дымящихся развалин и пылающих балок, – вспоминал Комб. – Я дрожал от ужаса при виде этого зрелища, которое никогда не исчезнет из моей памяти»^[1281]. Позже, уже в октябре, солдат вестфальского корпуса И. А. Вернке вспоминал в письме к родителям о тех днях у Смоленска: «Теперь, дорогие родители, я буду вам жаловаться на мое положение, как было дело в трех сражениях: 16 августа перед крепостью Смоленском, второе было 19-го снова в двух милях от Смоленска... где мне пришлось видеть многих соотечественников, которые лежали без ног и без рук, как я видел лежащим маленького Зельтера на поле битвы»^[1282]. Врач Руа, пытаясь позднее понять, почему именно тогда, в Смоленске, вид убитых, больных и раненых произвел на него столь неизгладимое впечатление, объяснял тем, что «это происходило, так сказать, в начале кампании; впоследствии же, когда душу раздирающие сцены и картины успели притупить чувствительность нервов, моя восприимчивость была несколько понижена, благодаря привычке к подобным зрелищам»^[1283].

Наполеон был убежден, что поколебленный дух армии можно было поддерживать только неуклонным стремлением вперед и постоянными успехами. «...Моральный дух ее и самый состав, из двадцати разноплеменных народов, – писал позже как бы от имени императора Жомини, – требовали, чтобы я поддерживал ее деятельность наступлением, одним словом, что мне не оставалось другого средства, как вести войска к Москве»^[1284].

Не оставляли Наполеону другого варианта, как идти на Москву, и дела империи. 20 августа он получил первые известия о сражении под Арапилами в Испании. Новости были неутешительными. В результате этой битвы французы были вынуждены оставить Мадрид.

Почти одновременно, 19 августа, император был информирован о сражении у Полоцка^[1285]. Войска Гувион Сен-Сира отбросили генерала П. Х. Витгенштейна за р. Дриссу. В случае, если бы Наполеон двинулся к Москве, он мог бы быть на какое-то время спокоен за свой северный фланг. Тем временем продолжался интенсивный сбор сведений о противнике. Лелорнь д'Идевилль скрупулезно фиксировал данные о том, какова боеспособность участвовавших в Смоленском сражении войск, как ведут себя взятые в плен офицеры и солдаты и какой именно они части. Тревогу вызывали материалы, почерпнутые из русских газет: они сообщали о консолидации дворянства, о формировании из рекрутов новых полков, сколачивании ополчения, писалось также о благодарственных молебнах, идущих по случаю успехов у Кобрино...^[1286] Практически вся информация, поступавшая в те дни к Наполеону, торопила его с наступлением на Москву. В беседе с раненым и плененным у Валутиной горы русским генералом П. А. Тучковым он заявил, что занятие Москвы станет бесчестьем для русских^[1287]. Это предназначалось для ушей Александра I.

Многочисленные смотры войск, перегруппировка сил, организация тылов и дела империи оставляли Наполеону совсем немного времени для размышлений о жене и маленьком сыне. Письма императора домой были, как всегда, лаконичными и отрывистыми, но неизменно полными любви. В Смоленске Наполеон получил миниатюрный портрет Орленка, написанный м-ль Эме Тибо, о котором мы уже писали во 2-й главе. Наполеон немедленно написал письмо: «Я только что получил прелестное изображение маленького Короля... Я нашел его очень похожим и прелестным. Поцелуй его от меня дважды. Мое здоровье отлично, мои дела идут хорошо, жара сильная. Прощай, моя дорогая. Держись и не сомневайся, Твой Наполеон»^[1288]. Перед самым выступлением из Смоленска, получив 24 августа письмо Марии-Луизы от 11-го, император, измученный жарой, напишет: «Кажется, что в Париже не так жарко, как сейчас здесь; сегодня у нас температура была 26 градусов,

такая жара стоит уже месяц»^[1289]. Утром того дня, 24 августа, Наполеон уже принял решение покинуть на следующий день Смоленск^[1290]. Он был уверен в скором сражении. В этом его убеждали сведения, приходившие от авангарда.

В течение 20–21 августа главные силы французского авангарда, осторожно двигаясь по Московской дороге, не доходя Днепра у Соловьевой переправы, были встречены огнем русского арьергарда^[1291]. До 22 августа Мюрат, поддержанный пехотой Даву и Нея, не очень-то напирал на войска русского арьергарда, которые смогли спокойно переправиться через Днепр и уничтожить мосты через него. Только 22 августа, когда Наполеон отдал более ясные приказы на движение войск^[1292], французский авангард активизировался. Вначале перешла Днепр у Соловьевой переправы французская кавалерия, а затем, спешно соорудив два моста, и пехота. В том же направлении, стараясь двигаться параллельно Московской дороге, с юга шли войска Понятовского, а с севера – Богарне. 5-й корпус двигался на Белкино, в двух лье от авангарда Мюрата, 4-й – по дороге на Духовщину. Позже принц Евгений сойдет с духовщинской дороги и двинется на Дорогобуж, перейдет р. Вопь и 25-го окажется в Заселье, в одном дне пути от Дорогобужа. Во взаимодействии с Богарне и в одном направлении с ним действовал 3-й кавалерийский корпус Груши. 5-й корпус Понятовского «подпирался» 4-м кавалерийским корпусом Латур-Мобура, шедшим через Мстиславль и Ельню^[1293]. У Мюрата создалось впечатление (и не без оснований), что русские наконец-то собираются дать сражение и за р. Ужей, впереди Дорогобужа, готовят позиции. Мюрат немедленно известил об этом Наполеона^[1294].

24 августа гвардия, находившаяся в Смоленске, с 8 утра была под ружьем, за исключением дивизии Молодой гвардии Делаборда, готовая выступить. Приказ о выступлении был отдан в 7 вечера^[1295]. Ночью на 25-е (примерно в полночь) из Смоленска выехал и Наполеон^[1296]. Какими силами он располагал, намереваясь напасть на русскую армию? В свое время Шамбрэ на основе документов военного министерства достаточно точно подсчитал численность комбатантов. Согласно расписанию на 25 августа, императорская гвардия (включая дивизию Клапареда), 1, 3, 4, 5 и 8-й армейские корпуса, 1, 2, 3 и 4-й кавалерийские корпуса (не считая дивизии Думерка и кавалерийской бригады, прикомандированной к войскам Домбровского) составляли 136 278 человек пехоты (вместе с артиллерией) и 23 697 человек кавалерии (вместе с артиллерией). Однако, если учесть легкую кавалерию, приданную пехотным корпусам, и вычсть дивизию Делаборда, оставленную в Смоленске, то реальная картина выглядела так: 123 978 человек в пехоте и 31 697 человек в кавалерии^[1297]. Но в любом случае количество находившихся в строю вряд ли могло превышать 160 тыс. человек.

Между тем русская армия тоже готовилась к генеральному сражению. Вначале Барклай-де-Толли полагал дать его на р. Уже, впереди Дорогобужа. Однако, испытывая большие сомнения в отношении удобства позиции, а также вследствие активных действий французского авангарда 22 и 23 августа (особенно из-за боязни обхода 4-м корпусом Богарне русских войск с северо-запада, а 5-м корпусом Понятовского – с юга), приказал отходить к Вязьме^[1298]. Задерживать французов должны были три арьергарда – К. А. Крейца на северном крыле, М. И. Платова и генерал-майора Г. В. Розена в центре и генерала И. В. Васильчикова (затем – К. К. Сиверса) на южном. К вечеру 23-го пехота центрального русского арьергарда заняла с. Усвятье и готовилась к отражению неприятеля. Основные силы 1-й и 2-й Западных армий во второй половине дня 23-го и в ночь на 24-е отошли к Дорогобужу.

Вечером 24-го французский авангард начал осторожно наседать на русские арьергардные части. Отряд Розена отступил от р. Ужи и стал в 7 верстах не доходя до Дорогобужа, части Платова остались на Уже. Однако утром 25-го, боясь обхода с севера войсками 4-го корпуса Богарне, Платов, приказав Розену пройти Дорогобуж и остановиться за р. Осьмой, решил и

сам отступить к городу, а затем, миновав его, сдать французам^[1299]. Кавалерийские части Мюрата, пехота 1-го корпуса Даву и 3-го Нея немедленно вступили в Дорогобуж. Майор 85-го Ле Руа видел, как горят строения городского базара и магазины. Город был пуст^[1300]. Французская кавалерия и пехота, не останавливаясь, прошли через город и двинулись дальше, испытывая очень слабое сопротивление русского арьергарда^[1301]. На смену армейским частям в Дорогобуж вступила императорская гвардия.

Между тем император, выехав ночью в карете из Смоленска, проехал Пнёво и вскоре, позавтракав в лесу, двинулся дальше на Дорогобуж. В одном лье от города он сел верхом на Эмира, проехал город и осмотрел берега р. Осьмы. К тому времени Платов уже сжег мост через реку и отступил на несколько верст от Дорогобужа, а отряд Розена двигался к Болдино и далее к Славкову. Наполеон перебрался через Осьму по только что навешенному французскими инженерами мосту и проехал дальше вперед, рекогносцируя местность. В 5.30 вечера он возвратился в Дорогобуж^[1302].

Так как город очень сильно пострадал, Наполеон разместился справа от города, где рядом с Московской дорогой возвышался «крепкий дом». По словам Фэна, в этом строении раньше «укрывались старые инвалиды»^[1303]. Здесь ночью с 25-го на 26-е, а также значительную часть дня 26-го император интенсивно работал. В комнате первого этажа здания он собрал своих адъютантов и тех из секретарей, которые успели приехать (возможно, был только один Фэн), и начал им диктовать. Император дал инструкции Гувион Сен-Сиру продолжать сдерживать Витгенштейна силами двух корпусов, которых было вполне достаточно, чтобы нанести русским на этом направлении ощутимый урон. Одновременно маршал Ж.-С. -Ж.-А. Макдональд с 11-м корпусом должен был начать важную операцию в бассейне Двины – осаду Риги. Одновременно Шварценбергу было приказано более интенсивно теснить Тормасова. Помимо обеспечения безопасности на своих флангах, Наполеон должен был быть уверен и за свои центральные коммуникации. К.-П. Виктор с 9-м корпусом должен был двигаться из Восточной Пруссии на Вильно. Имея Вильно своей основной базой, герцог Беллюнский (Виктор) смог бы контролировать коммуникации до Смоленска, и оттуда – до Москвы. Кроме того, Виктор должен был стать своего рода резервом как для фланговых группировок, так и для центральной группировки. «Быть может, я не найду мира там, куда я за ним иду. Но тогда, имея за собой сильный, в надежном месте расположенный резерв, отойду безопасно, и ничто не заставит меня ускорить отступление», – писал Наполеон^[1304]. Последняя фраза достаточно ясно говорит о том, что император в те дни не исключал и самого неблагоприятного для него варианта развития событий, когда русские, сдав Москву, а может быть, и потеряв армию, будут все-таки отказываться от заключения мира.

Наполеон предписал маршалу П.-Ф.-Ш. Ожеро, который располагал 56 тыс. солдат, находиться на Одере, обеспечивая таким образом второй эшелон резерва^[1305]. О своих ближайших планах император сообщил Маре: «Говорят, что враг решился ждать в Вязьме. Мы располагаем, таким образом, несколькими днями. И мы окажемся тогда на полпути из Смоленска в Москву, думаю, в 40 лье от Москвы. Если враг примет сражение, то ничто не сможет спасти эту великую столицу, и я предполагаю, что это произойдет около 5 сентября»^[1306]. Местом концентрации войск центральной группировки 26 августа Наполеон, таким образом, избрал Вязьму. Князь Понятовский получил приказ обеспечить правый фланг, направив для разведки вправо часть своей кавалерии; Мюрат – приказ выдвинуться на лье перед Славковым, куда должен был прибыть корпус Нея; Богарне – двигаться совместно с корпусом Груши к Вязьме слева от армии (за войсками 4-го корпуса должны были спешно следовать пехотная дивизия Пино и кавалерийская дивизия Пажоля, отделившиеся для обеспечения безопасности от отряда Ф. Ф. Винценгероде)^[1307].

В 2 часа утра 26-го Наполеон успевает набросать несколько строк Марии-Луизе. Он пишет о том, что его авангард уже в 40 лье от Москвы, что жара стоит чрезвычайная, но он здоров и

вспоминает, как год назад они гуляли вместе в саду Трианона и наблюдали чудесную иллюминацию^[1308].

Ночь с 25-го на 26-е многим солдатам, особенно тем, кто бивакировал в поле, показалась холодной^[1309]. Однако день 26-го выдался теплым, а к полудню стало нестерпимо жарко, как это было в дни накануне. Французский авангард, оттеснив казачьи посты, быстро занял правый берег р. Осьмы и стремительно двинулся вперед. Сбив несколько сотен казаков у Болдина, кавалерия Мюрата быстро достигла Славкова и в 3 часа дня обрушилась на основные силы Платова. Платов отошел на 8 верст^[1310]. Эти события заставили Барклая-де-Толли преждевременно закончить дневку у Семлево и немедленно выступить к Вязьме. 2-я Западная армия отходила к Сколеву и Быкову.

События развивались все более стремительно. Наполеон постоянно торопил свои войска. Солдаты 8-го корпуса, например, встав было на бивак и уже окончив варку пищи, неожиданно были спешно подняты и брошены вперед, как пишет Лоссберг, «усталые и голодные»^[1311]. Но тяжелее всех, конечно, приходилось кавалерии и артиллерии – лошади были на пределе физических возможностей.

Испытывая всевозможные лишения и двигаясь очень быстро вперед, не ощущая сколь бы то ни было сильного сопротивления со стороны русского арьергарда, наполеоновские солдаты все более заражались уверенностью в полной деморализации противника^[1312]. Этими иллюзиями все более тешил себя и Наполеон. 26-го в 3 часа дня он сел верхом на Куртуа, проехал разграбленный и догорающий город, выехал на противоположный от Дорогобужа берег р. Осьмы, провел смотр 93-го линейного полка из дивизии Разу 3-го корпуса, сделал многочисленные производства и в 5 часов снова возвратился в свою квартиру. После 11 часов вечера он сел на почтовой станции в кале и выехал по направлению к Славкову^[1313]. Лоссберг видел той ночью, как императорский экипаж проехал между бивачных огней 8-го корпуса, расположившегося по обеим сторонам Московской дороги^[1314]. Рано утром (по данным Кастелана – в 5 утра, по Коленкуру – в 3 утра^[1315]), проехав 40 верст, Наполеон прибыл в Славково и здесь, то ли в господском доме, то ли в здании почты, остановился.

Пока утром 27-го император, как и все чины Главной квартиры, отдыхал (Кастелан отметил в дневнике, что весь генералитет, находившийся при Главной квартире, в том числе Нарбонн, Лористон, Рапп, Дюронель и Сегюр, отправился в ригу, чтобы немного поспать на соломе^[1316]), силы авангарда вступили в бой с русскими на р. Осьме, которая, петляя, очередной раз возле Рыбков (или Рубков) пересекала дорогу между Дорогобужем и Вязьмой. Не только французская кавалерия, но и пехота атаковали русских казаков и егерей на противоположном берегу реки. Русские ожесточенно защищались. Их артиллерия, установленная на более высоком берегу, вела огонь очень удачно. Спустя несколько часов ожесточенного боя Мюрату не оставалось ничего другого, как попытаться обойти русские позиции с южного фланга. На этот раз удача сопутствовала французам. 4-й шеволежерский полк дивизии Дефранса атаковал подразделения русских егерей и, захватив небольшое количество пленных, заставил их отойти. Ближе к вечеру Платов приказал центральному арьергарду отступить к Семлеву^[1317].

В тот же день силы южной колонны Великой армии атаковали русский арьергард Сиверса возле с. Лужки и заставили его отойти к с. Монино^[1318]. Войска 4-го корпуса на севере теснили Крейца. Двигаясь по дороге на с. Благово, солдаты 4-го корпуса видели вокруг себя обработанные поля, красивые «греческие церкви» и, что особенно обрадовало их в тот день, местных жителей, многие из которых остались в своих селениях^[1319]. Понятовский 27-го двигался на Бражино и Лужки, наседая на арьергард Сиверса, который отходил к с. Афанасьево.

Вплоть до позднего вечера 27-го Наполеон оставался в Славкове, где получал рапорты и отдавал приказы. Было очень жарко и пыльно, и поэтому имело смысл дожидаться ночной прохлады, чтобы двигаться дальше. Император поторапливал Мюрата, предписав 5-й пехотной дивизии Компана следовать вместе с кавалерией авангарда, а остальным войскам корпуса Даву, несмотря на усталость, находиться от кавалерии так близко, как только возможно. Северная и южная колонны должны были двигаться на уровне главного авангарда^[1320]. В тот же день Наполеон послал Виктору инструкции, подтверждавшие и уточнявшие те указания, которые были отосланы днем ранее^[1321]. Генерал Гувийон Сен-Сир, обеспечивший своей победой под Полоцком безопасность северного фланга, был произведен в маршалы Империи^[1322]. Вечером Наполеон написал письмо Марии-Луизе. Накануне он получил от нее письмо, помеченное 13 августа, в котором императрица сообщила о легком недомогании сына. Наполеон пытается успокоить жену и сетует на то, что ему все еще приходится двигаться по направлению не к ней, а от нее^[1323].

В 6 вечера вперед в с. Рыбки (или Рубки) был выслан генерал Сегюр вместе с офицерами; они должны были подготовить местный господский дом к размещению императора и Неаполитанского короля^[1324]. В 11 – начале 12-го вечера император покинул Славково. Он жаждал как можно скорее настигнуть русских, дать им сражение и вступить в Москву. Те же настроения испытывала и вся армия. Лоссберг, будучи под впечатлением от вида разграбленного и полусожженного Дорогобужа, написал в те часы: «Только решительное сражение может привести к миру, почему все солдаты, будь то французы, пруссаки, итальянцы, поляки, португальцы, голландцы или рейнские союзники, так сильно желают этого»^[1325].

Рано утром («Дорожный дневник» Коленкура указывает 3 часа, а дневник Кастелана – 5 утра^[1326]) 28-го император в карете прибыл в Рыбки. Чуть позже вперед двинулся и авангард. Все походило на то, как это было в предшествующие дни. В голове авангарда Мюрата шла легкокавалерийская дивизия, перед которой двигался эскадрон, предшествуемый одним пелотоном и несколькими застрельщиками. Вскоре, возле Семлева, выстрелы тиральеров объявили о столкновении с русскими, и колонны тотчас же развернулись в многочисленные линии. Еще через какое-то время стала видна неприятельская легкая артиллерийская батарея, за которой стояли ряды кавалерии. Французы развернули свои орудия. Начались канонада и кавалерийские атаки^[1327].

Утром 28-го Платов, которого накануне отстранили от командования арьергардом и назначили вместо него генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, быстро оставил Семлево, отошел к Полянову, а затем и еще дальше – к Вязьме. Сиверс, не извещенный об отступлении центрального арьергарда, продолжал еще некоторое время держаться на прежней позиции. Крейц, под давлением войск Богарне, ведя непрерывный бой, отступал к Вязьме. Основные силы русской 1-й Западной армии отходят от Вязьмы к с. Федоровскому, а 2-й – к с. Максимовка.

Наполеон оставался в Рыбках до 2 часов пополудни. Скорее всего здесь (но не исключено, что в Семлеве) в его присутствии произошла крупная ссора между Мюратам и Даву. Неаполитанский король ставил в вину маршалу Даву, что его пехота не прибыла вовремя на помощь кавалерии, заставив и так измотанную конницу взять на себя всю тяжесть боя с русским арьергардом^[1328].

В 2 часа дня император сел верхом на коня и двинулся вперед вдоль Московской дороги. Дюмонсо, офицер гвардейских шевалежеров, вспоминал, как войска, увидев Наполеона, закричали: «На Москву, на Москву!» В течение оставшегося дня Наполеон двигался на фланге идущей по дороге колонны войск и к 9 вечера остановился в трех лье, не доходя до Вязьмы, где в стороне от дороги на холме были раскинуты палатки его Главной квартиры^[1329].

Вечером подул ветер, поднялась пыль, а ночью пошел дождь^[1330]. Все три колонны главных сил Великой армии приблизились к Вязьме вплотную и готовились рано утром 29-го вступить в город^[1331].

В 5 утра, когда в Вязьме оставались только казачьи патрули, туда ворвалась французская кавалерия во главе с комендантом Главной квартиры О. Коленкуром^[1332]. Коленкур еще смог увидеть, как отходившие казаки зажигали горючие материалы в различных местах, пытаясь уничтожить оставшиеся склады. Французы бросились тушить пожары. Два батальона 25-го линейного из дивизии Компана специально были отряжены для этого дела. Благодаря предпринятым мерам солдаты спасли некоторые запасы зерна, муки, соленой рыбы и водки^[1333]. Находясь на высотах перед городом, Наполеон отдал ряд приказов. Они как касались обеспечения коммуникаций от Смоленска, так и содержали требования к Богарне, Даву и Мюрату продолжать теснить неприятеля уже за Вязьмой^[1334].

Наполеон въехал в Вязьму в час пополудни 29-го, когда все пожары были уже потушены, а оставшиеся дома уже несколько часов как подвергались разграблению. Император, видя вокруг себя страшный беспорядок и заметив группу мародерствующих солдат, в бешенстве направил на них своего скакуна Эмира, стегая их стеком и расшвыривая. Одного из солдат он схватил и приказал подскакавшему эскورتу немедленно его расстрелять^[1335].

Наполеон был еще на лошади, когда к нему подъехал начальник штаба Мюрата Бельяр и сообщил, что сразу за Вязьмой неприятель, заняв хорошую позицию, возможно, изготавливается к битве. Император немедленно переехал через р. Вязьму, которая пересекала город, и проехал вперед по дороге на Москву, где авангард уже сбил русские арьергардные части и заставил их отступить дальше, в сторону с. Фёдоровского. Из отчета генерала Бельяра следовало, что Мюрат и Даву не только никак не могли добиться должной координации в действиях пехоты и кавалерии, но в решающий момент чуть было не передрались друг с другом. Мюрат, чья кавалерия еще утром вступила в дело, потребовал от Даву поддержки со стороны пехоты. Не дождавшись ее, Неаполитанский король сам стал во главе частей 1-го армейского корпуса и двинул их вперед. Тогда Даву бросился наперерез, остановил пехоту и прямо перед строем стал порицать Мюрата за его действия, а затем приказал генералам не повиноваться Неаполитанскому королю. Мюрат был взбешен! Возмущению Наполеона, узнавшему об инциденте, тоже не было предела. По его мнению, Даву не только забыл о дисциплине, но и нарушил основные принципы имперской иерархии, позволяя себе третировать зятя императора! Бертье было поручено подготовить приказ о передаче 5-й пехотной дивизии Компана, которая являлась предметом стычки военачальников, под командование Мюрата^[1336].

В 7.30 вечера император возвратился в город^[1337]. Он устроился в большом пустующем доме (возможно, что дом находился где-то рядом с городом). С задней стороны дома был ухоженный сад, в глубине которого стояла небольшая элегантная ротонда с колоннами, представлявшая копию некоего греческого храма^[1338]. Возможно, именно здесь император и набросал письмо Марии-Луизе, помеченное 29 августа. Он написал, что получил от нее письмо от 14-го, из которого увидел, что маленький король уже избавился от простуды. Он сожалел, что Марии-Луизе это доставило беспокойство, но радовался, что все так быстро и благополучно закончилось. Он просил как можно скорее сообщить, что мальчик уже полностью здоров. О своих делах писал кратко. Писал, что они идут хорошо и что дождь, который был прошлой ночью, наконец-то «прибил» пыль, которая очень всех раздражала^[1339]. От размышлений о доме Наполеон возвратился к военным делам. Он был обеспокоен за свои тылы и фланги и поэтому торопил прибытие резервов в Ковно и Смоленск, а своего тестя, австрийского императора Франца, просил увеличить корпус Шварценберга на 3 тыс. кавалерии и 6 тыс. пехоты^[1340]. Недавние надежды на то, что враг остановится у Вязьмы, будет разбит и очистит дорогу на Москву, не сбылись. Жесткий и

несправедливый выговор, который император сделал днем 29-го Даву за отказ поддержать Мюрата, во многом был связан с раздражением, которое Наполеон испытал из-за невозможности навязать неприятелю сражение как можно скорее. Правда, была и обнадеживающая весть: стали поступать сведения о том, что главнокомандующим русскими армиями назначен М. И. Кутузов и что еще 28-го он вступил в командование^[1341]. Эти перемены могли свидетельствовать только о том, что русская армия должна была со дня на день переменить свою тактику и наконец-то дать сражение. Наполеон был полон решимости как можно быстрее идти к Москве, наседа на врага и вынуждая его к битве. Погода и русский климат, казалось, более не волновали Наполеона. «Идет небольшой дождь, который “прибил” большую пыль, мешавшую армии, – говорилось в 16-м бюллетене, продиктованном в Вязьме, скорее всего, самим Наполеоном. – Погода сейчас очень хорошая, говорят, что она продержится до 10 октября, то есть еще 40 дней кампании»^[1342].

Тем временем, когда Наполеон предавался этим размышлениям, Мюрат все еще пребывал в ярости от стычки с Даву. Уйдя в штабную палатку (раскинутую, вероятно, где-то впереди Вязьмы, в тылу авангарда), он долго кричал Бельяру о том, что его публично оскорбили и что он вызовет Даву на поединок. Бельяр, как мог, пытался его удержать, напоминая, какой пример тот должен подавать своим войскам. Даву же, тоже находясь в своей палатке, где-то недалеко от Мюрата, казался совершенно спокойным и, убежденный, что император сделал ошибку, писал жене: «Мы продолжаем наступать на Москву... Сомнительно, чтобы враг пустил нас туда без сражения; в любом случае, мы получим желанный для нас шанс, и это может решить войну, как, впрочем, взятие Москвы это решит определенно»^[1343].

Весь день 30 августа императорская квартира продолжала пребывать в Вязьме, а сам император без усталости объезжал окрестности, рекогносцируя местность и отдавая приказы на движение войск^[1344]. Армия находилась в ожидании скорого сражения. После Смоленска солдаты увидели вокруг себя «хорошие почвы, луга, многочисленные реки». «Все это, – писал Лоссберг, – а в особенности вид обработанных полей, оказал благотворное влияние на настроение наших солдат...»^[1345] Сама Вязьма, не сильно пострадавшая от пожаров, показалась европейцам очень милым городом. «Хороший город, – записал в дневнике Фантен дез Одар, – сады, много церквей, возвышающихся многочисленными куполами, большими и маленькими, которые выкрашены в прекрасный зеленый цвет, и все это придает Вязьме чудесный вид. Небольшая речка, мост через которую погиб в огне, течет по городу, который замечателен некоторыми элегантными каменными строениями»^[1346]. О подобных впечатлениях от Вязьмы поделились Деннье и Лабом. Понравилась Вязьма и Наполеону, о чем он написал 30-го Марии-Луизе^[1347].

Далеко не все чины Великой армии имели возможность восхищаться красотами города и его окрестностей. Трудности, связанные с быстрыми маршами, жаркой погодой и страшным разорением обширной местности, продолжали угнетать большинство солдат. Каждый полк, отделяя от себя подразделения для поисков продовольствия, как заметил в те дни Ле Руа, «выедает район в 5–6 лье»^[1348]. «В тылу – ужас!» – воскликнул 30-го Лоссберг. Все было забито повозками, кибитками, стадами скота, массой отставших, «из которых многие были близки к смерти»^[1349]. Все солдаты были обеспокоены тем, что местные жители, за исключением редких случаев, покидали свои селения^[1350]. Армия двигалась словно в безвоздушном пространстве, нередко без всяких проводников, наугад.

Ночью с 30 на 31 августа Наполеон отдает последние приказы из Вязьмы. Авангард Мюрата должен был продолжить движение вперед и к концу дня 31-го быть уже в 8 или 9 лье от Вязьмы, возле Гжатска. Головные части Богарне и Понятовского должны были следовать почти на одном уровне с Мюратом, имея возможность, в случае необходимости, совершить обход вражеского фланга^[1351]. 31-го в 9 утра император сел верхом и двинулся из Вязьмы по Московской дороге в Величево^[1352]. Следом выступила гвардия.

Еще 29-го, во второй половине дня, в Царево-Займище, где располагались обе русские армии, прибыл новый главнокомандующий Кутузов. Осмотрев выбранную ранее позицию для сражения, он признал ее негодной и приказал отступить к Гжатску, куда 30-го должен был прибыть с резервами генерал от инфантерии М. А. Милорадович. 31 августа русские армии отошли за Гжатск и остановились у д. Ивашково. Коновницын, который теперь командовал всеми тремя арьергардами, должен был сдерживать противника на западных подступах к городу.

Весь день 31-го части Великой армии двигались вперед, вслед за отходившими русскими, и не встречали сколь бы то ни было серьезного сопротивления. Ближе к вечеру, когда авангард Мюрата уже приближался к Гжатску, Наполеон прибыл в Теплуху, осмотрев по дороге оставленный русскими войсками лагерь возле Царево-Займища. В 5.30 вечера он был в Величеве, где остановился в красивом господском доме вблизи озера^[1353].

4-й корпус Богарне сделал в тот день марш от с. Новое до с. Покровское. В Покровском вице-король остановился на ночь в господском доме, расположенном среди красивого сада с хорошо устроенными дорожками и беседками. Вся обстановка усадьбы была уже разорена, осколки чудесного фарфора валялись по саду, а обрывки картин, выданных из рам, носил ветер^[1354]. Корпус Понятовского, как и ранее, двигался южнее Большой дороги.

Немного отдохнув вечером 31-го, Наполеон ночью возобновил работу. Продолжая неукоснительно следовать тактике беспрестанно наседавать на врага, Наполеон в час утра 1 сентября продиктовал приказ Мюрату выступить в 5 утра, подойти к Гжатску и взять его, даже если враг окажет сопротивление. Богарне, Понятовскому, Даву и Нею было приказано следовать за Мюратом вперед^[1355]. Наполеон жаждал сражения. «Возможно, что в течение нескольких дней у меня будет сражение, – писал он Маре, – и если враг его проиграет, он потеряет Москву»^[1356]. После этого император набрасывает письмо жене. Он пишет, что был рад узнать, что болезнь сына уже прошла; просил, чтобы Мария-Луиза не беспокоилась, если в течение двух или трех дней не будет от него известий (можно было понять, что из-за занятости ввиду подготовки к сражению, а также из-за быстрого продвижения вперед). О здоровье писал, что оно у него хорошее, погода немного холодна, так как уже осень, и просил поцеловать «маленького короля» от него в обе щеки^[1357].

Утром 1 сентября французские войска пришли в движение. Напирая на арьергард Коновницына, Мюрат заставил его отойти в Гжатск и, не останавливаясь, спешно пройти город. В полдень Крейц с Иркутским драгунским и одним казачьим полками, пытаясь сдерживать неприятеля, подходившего с севера, и дать возможность арьергарду беспрепятственно миновать Гжатск, а главное, мост на р. Гжати, был опрокинут. Так как одновременно с юго-запада в пригороды Гжатска вступила кавалерия Мюрата, два полка Крейца с трудом избежали полного уничтожения и, пробравшись полями, отошли к селению Машкову^[1358]. Мост через Гжати русские, вероятно, уничтожили не полностью. Помимо того, что французы не дали им времени, почти весь день шел дождь^[1359], тушил начинавшиеся пожары, и все попытки отступавших казаков поджечь городские склады не увенчались успехом. Поэтому французский авангард быстро прошел вслед за русскими город и двинулся дальше по Московской дороге. Части Мюрата остановились где-то в двух лье слева, в д. Павлово, 5-й корпус – в двух лье справа, по направлению к Будаеву. 1-й и 3-й армейские корпуса – частью в городе, а большей частью вне его, справа и слева. Гвардия частью вступила в город, а частью, как и корпус Жюно, была в арьергарде^[1360].

Утром 1 сентября, когда уже рассвело, Наполеон сел в экипаж и выехал, вслед за войсками, в направлении Гжатска. В 10 утра, когда до города оставалось 10 верст, он пересел в седло^[1361]. Вероятно, где-то в это время к императору доставили двух пленных – одного казака, под которым была убита лошадь, и одного негра, занимавшегося мародерством в какой-то деревне перед Гжатском, заявившего, что он повар атамана Платова. Коленкур в

своих мемуарах, а за ним Тьер в своей «Истории» подробно воспроизвели содержание разговора императора с двумя пленниками^[1362]. Они подтвердили известия о прибытии два дня назад к русским армиям Кутузова, который сменил Барклая. «Узнав о прибытии Кутузова, – писал Коленкур, – он тотчас же с довольным видом сделал отсюда вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву... Он расхваливал ум Кутузова, он говорил, что с ослабленной, деморализованной армией ему не остановить похода императора на Москву. Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, а через две недели император Александр окажется без столицы и без армии...»^[1363]

В 2 часа дня император въехал в Гжатск. Он проехал город, посетил здание госпиталя, сделал распоряжения о скорейшем восстановлении мостов через Гжать, проехал вперед, рекогносцируя ближайшие окрестности, и только в 9 вечера возвратился обратно в город^[1364]. Помимо тех сведений, которые сообщили Наполеону пленные казак и негр-повар, днем 1 сентября, а также ночью на 2-е стала поступать и другая информация, определенно подтверждавшая готовность русской армии принять сражение в ближайшее время^[1365]. Хотя вместе с тем стало известно о прибытии в русскую армию подкреплений во главе с Милорадовичем (император оценивал эти подкрепления в 30 тыс.)^[1366], это несколько его, уверенного в победе, не смущало. Предстоящее сражение настолько радовало императора и штаб, что никто не считал нужным даже держать эти новости в секрете. К вечеру 1-го даже в арьергардном корпусе Жюно, заночевавшем возле Теплухи, офицеры без усталости обсуждали прибытие Кутузова в русскую армию и скорую баталию. Однако умный Лоссберг в этой связи подумал: «Прибытие Кутузова доказывает также, что его армия, сражавшаяся против турок, тоже в скором времени станет против нас»^[1367]. Было ясно, что в предстоящем сражении на карту будет поставлена судьба всей кампании, а может быть, и судьба Империи.

1 сентября, вероятно к вечеру, Наполеон отдает приказ освободить дороги от багажных фургонов и повозок, дабы дать возможность артиллерии и санитарным экипажам двигаться вперед беспрепятственно. Все повозки, не относящиеся к артиллерии и медицине, должны были идти в самом хвосте, а в случае нарушения приказа, начиная с 3 сентября, немедленно сжигаться^[1368]. Таким образом, к вечеру 1-го Наполеон решил, что 2, а то и 3 сентября армия останется в Гжатске и будет готовиться к предстоящему сражению. Остановка была тем более необходимой, что непрекращающийся дождь быстро размыл все дороги. «Армия не может больше двигаться, лошади обоза скользят, падают... Почва в этой части России одна из самых дурных», – записал вечером 1 сентября в свой журнал Кастелан. Ночью с 1-го на 2-е его жутко донимали клопы. «Мы жалеем сами себя... в связи с размерами и обилием клопов; они доставили нам ужасную ночь. Деревянные дома способствуют их размножению. Я не представляю, как русские могут спать в такой компании», – отметил капитан Кастелан^[1369].

Рано утром 2-го, задолго до рассвета, Наполеон возобновил работу. В 3 часа утра он послал приказ Даву, в котором предложил ему позаботиться о лучшем, чем это было ранее, порядке продвижения 1-го корпуса^[1370]. Четырьмя утра помечен другой приказ, отправленный принцу Евгению. Наполеон предлагал Богарне доложить о результатах рекогносцировки в сторону Твери, где ранее были замечены скопления живой силы противника. Император предположил, что это могло быть «простое стечение крестьян». Генерал Пино со своей дивизией должен был поторопиться в своем марше на соединение с корпусом Богарне^[1371]. Немного позже император распорядился произвести в течение 2 сентября смотр всех войск основной группировки. В 3 часа пополудни должна была состояться переключка, имевшая целью определить число людей, готовых к сражению, орудий, артиллерийских и ружейных зарядов, повозок амбулансов и т. д. Предписывалось объявить солдатам о предстоящем сражении и подготовиться к нему. Бертье должен был обеспечить, чтобы к 10 вечера все сведения о числе людей, орудий, их калибре, боеприпасах и состоянии амбулансов были у

Наполеона. Император хотел также знать, какое число людей могло присоединиться к частям в течение «2 или 3 дней». Наполеон особо подчеркнул, что подсчет следует произвести «с большим вниманием, так как от этих результатов зависит мое решение». Одновременно Мюрат должен был «выровнять свою позицию», продвинув части авангарда на несколько верст вперед; Понятовский и Богарне также должны были осуществить соответствующий маневр, ориентируясь на войска центрального авангарда^[1372]. Выполняя приказ, 2 сентября войска Богарне, которые несколько продвинулись вперед, чтобы встать в линию с Мюратом, выдержали стычку с казаками. Последние, впрочем, не проявили стремления к упорному сопротивлению и отошли^[1373].

Несмотря на чрезвычайную занятость подготовкой к сражению, Наполеон нашел время написать утром несколько строк Марии-Луизе. Он уведомил ее, что только что получил ее письмо от 17 августа, из которого узнал, что «маленький король» вполне поправился и что в Париже началась жара. «Здесь же сейчас осень», – кратко отметил он, имея в виду непрекращавшийся дождь и размытые дороги. «Я думаю о Тебе, и мне доставит большое удовольствие снова увидеть Тебя и подарить Тебе любовный поцелуй», – так закончил Наполеон свое письмо^[1374].

Вероятно, где-то к полудню Наполеон в экипаже, сопровождаемый небольшим эскортом, съездил вперед, к войскам авангарда Мюрата. Затем, возвратившись назад, в 6 вечера сел в седло и шагом проехал к берегам Гжати, где осмотрел, как его инженеры сооружали несколько мостов. Его сопровождали Богарне, Мюрат и Даву. В 7 вечера он уже снова был в ставке^[1375].

Трудно с абсолютной точностью определить час, когда именно во время стоянки в Гжатске произошли серьезный спор и ссора между Наполеоном и Бертье. Скорее всего, это было в первой половине дня 2 сентября, когда не было еще никаких признаков того, что дождь, размывший все дороги, скоро прекратится. Начальник Главного штаба стал убеждать Наполеона отказаться от дальнейшего движения на Москву, что могло привести армию, и так находившуюся в критическом состоянии, к полной дезорганизации. На это Наполеон, для которого уже все было решено, резко заявил Бертье: «Поезжайте, я не буду удерживать вас... Возвращайтесь во Францию...» Бертье отверг это предложение: «Когда армия видит перед собой неприятеля, вице-коннетабль не может покинуть свой пост, он берет ружье и становится в ряды своих солдат»^[1376]. Несмотря на то что инцидент с Бертье вроде бы завершился, однако чуть позже столь же настоятельно стал убеждать императора не двигаться далее вперед и маршал Ней. Согласно Деннье, Наполеон ответил: «Если дождь будет продолжаться весь день, завтра мы отступим к Смоленску»^[1377]. Однако к вечеру 2-го погода прояснилась. Стало очень холодно, но дождь прекратился^[1378].

Большую часть дня 2-го солдаты приводили в порядок свою амуницию, готовили к бою ружья и тесаки, пополняли заряды. Был проведен подсчет личного состава. Офицеры пытались вернуть в строй как можно большее число людей, заставляя их покидать обозы или возвращаться из «фуражировки»^[1379]. Ситуация, как стало еще более очевидным из проведенной 2-го переклички, была далеко не блестящей. Не только кавалерийские, но и многие пехотные части и соединения сильно ослабли и уменьшились. 25-я пехотная (вюртембергская) дивизия, к примеру, настолько уменьшилась, что ее, состоявшую ранее из двенадцати батальонов, пришлось свести в три!^[1380]

Вечером 2-го все сведения о количественном состоянии армии легли на стол Наполеону^[1381]. В строю налицо было 97 073 человека пехоты и 29 425 человек кавалерии, включая в эти цифры и штат артиллерии. По расчетам штабов, в течение пяти дней к частям должно было еще присоединиться 6003 пехотинца и 1318 кавалеристов. Таким образом, можно было исходить из общей численности армии в 133 819 человек^[1382].

Стремясь использовать все возможные ресурсы для увеличения и быстрейшего сосредоточения войск, Наполеон отдал два приказа, в одном из которых, возмущаясь царившими на марше беспорядками, напомнил приказ от 1 сентября о сжигании лишнего багажа, а в другом распорядился о мерах по ускорению движения маршевых частей из Витебска и Смоленска^[1383].

В разгар всех этих событий 2 сентября, связанных с окончательным решением о движении на Москву и подготовкой к генеральной битве, пришло крайне тревожное сообщение о крупной неудаче в Испании. Длинное и беспокойное письмо, отправленное Наполеоном 2 сентября сразу после известий об испанских событиях военному министру Кларку, явно свидетельствовало о появлении нового и очень важного компонента, влиявшего теперь на все решения, которые будет принимать император. По стилю отправленного Кларку письма видно, что Наполеон был очень рассержен тем, что из сообщения о битве при Саламанке (или, как чаще его называли, при Арапилах) совершенно нельзя было понять, что же в действительности там произошло, а значит, какие последствия можно было ожидать в результате этого проигранного сражения. Наполеон потребовал от Кларка более ясных сведений и написал, что с нетерпением ждет «приезда генерал-адъютанта», который бы их доставил^[1384].

Уже поздно вечером, совершенно устав от дел и тех волнений, которые он пережил, а еще более от тех, которые его ожидали, Наполеон пишет краткое письмо Марии-Луизе (уже второе за один день!). Он радуется тому, что жена и сын чувствуют себя хорошо, что план художника Денона проиллюстрировать его военные кампании ей понравился. «Ты находишь, – писал он далее, – что я подвергался большим опасностям. Вот уже 19 лет, как я даю сражения и провожу осады в Европе, Азии и в Африке. Я стремлюсь закончить эту [войну] с тем, чтобы увидеть Тебя и доказать Тебе те чувства, которые Ты внушаешь»^[1385].

После холодной ночи со 2 на 3 сентября утром солдаты увидели белый иней. Было очень холодно^[1386]. 3 сентября Наполеон не покидал Гжатска, но, судя по всему, совершил поездку по городу. Во время ее он встретил много частных экипажей, передвигавшихся рядом с артиллерийским обозом. Так как с 3-го вступил в силу приказ, отданный 1-го и подтвержденный 2-го, о сжигании экипажей, которые нарушали установленный порядок передвижения, император распорядился конным егерям своего конвоя задержать несколько и первый из них сжечь. Генерал-адъютант Нарбонн вступился было за экипаж, сказав, что из-за этого какой-нибудь офицер лишится всего необходимого, а завтра ему, может быть, оторвет ногу. Наполеон был неумолим. Но когда две коляски охватил огонь, император сразу ускакал, явно предоставив возможность загасить только еще начинавшееся пламя^[1387].

Весь день 3-го армия отдыхала и продолжала готовиться к битве. Тем солдатам, которые были в Гжатске, город даже стал нравиться. «...Приятный маленький город, напоминающий собой немного городок в Восточной Пруссии», – отметил капитан Дюмонсо^[1388]. «Гжатск – маленький город, регулярной застройки, некоторая часть [домов] в котором из камня, что редко в России», – вспоминал сержант Бертран^[1389]. «Гжатск имеет от 8 до 10 тыс. жителей, там много каменных и кирпичных зданий; несколько колоколен и несколько полотняных заводов, – повествовал 17-й бюллетень Великой армии, помеченный 3-м сентября и составленный, возможно, самим Наполеоном. – В этом районе большое развитие получило сельское хозяйство. Картофель, зелень и капуста в изобилии, риги полны, сейчас осень, и здесь такое же время, как во Франции в начале октября»^[1390]. Впрочем, Гжатск, оставшийся без жителей (Кастелан, вступая в город, отметил, что в нем «был найден только один человек, раб»^[1391]), ожидала участь всех остальных городов России, в которые вступала Великая армия. Брандт из Легиона Вислы, который 3 сентября был в Гжатске, отметил, что город «до этого времени каким-то чудом уцелел от пожара». «...После нашего ухода, – продолжал Брандт, – в нем выгорела вся главная улица»^[1392].

Между тем 3 сентября во многих частях, расквартированных в Гжатске, продолжали проходить инспекторские смотры. 30-й линейный, например, осматривал сам император. Он сказал солдатам перед строем, что пришел час генерального сражения и чтобы они были к нему готовы. Солдаты в ответ кричали: «Да здравствует император!»^[1393]

Несколько приказов Наполеона от 3 сентября, дошедших до нас, свидетельствуют, что император продолжал энергично, но, видимо, с малой результативностью, бороться с дезорганизацией тылов и боевых частей. Он сетовал на то, что армия каждый день теряет много людей, оторвавшихся от своих частей и становящихся жертвами крестьян и казаков; требовал решительных мер против беспорядков, царивших в армии; без устали распекал военную администрацию^[1394]. Кроме того, император предложил Маре написать князю К. Ф. Шварценбергу, командующему австрийским корпусом, что А. П. Тормасов, командующий 3-й Обсервационной армией, не пойдет на Киев, а двинется на Москву^[1395]. Наполеону было важно не распылять свои силы, а также побудить австрийцев действовать более решительно. В том же письме Маре предлагалось известить турок о том, что Смоленск взят и французская армия приближается к Москве.

Лелорнь д'Идевилль представил в тот день доклад императору о состоянии русской армии^[1396]. Хотя сохранилось только упоминание в бумагах Лелорнь д'Идевиля о таком докладе, но вполне можно предполагать, что французская разведка исходила из численности войск противника в 120–130 тыс. человек^[1397]. Моральное состояние войск противника Наполеон, судя по всему, оценивал не очень высоко, полагая, что отступающая армия, да еще приближающаяся к своей столице, была подвержена все большей и большей деморализации. Об этом, казалось бы, свидетельствовала и смена командования русских сил^[1398]. Поздно вечером Наполеон рассылает приказы командующим авангардами с требованием начать рано утром 4 сентября продвижение вперед «до первой почтовой станции на дороге из Гжатска на Москву»^[1399]. Император успевает еще набросать письмо Марии-Луизе: «После этой ночи я двинусь по направлению к Москве. Здесь сейчас осень. У нас была такая же погода, как тогда, когда мы ездили в Фонтенбло». О делах написал, что они идут нормально, о здоровье – что оно хорошее, и просил поцеловать маленького короля в обе щеки^[1400].

Наступила холодная ночь с 3 на 4 сентября. Кастелан, измотанный за день разъездами, потерявший перчатки и с жалостью рассматривавший свою размокшую шляпу с обвисшими полями, залез в хлебный амбар, чтобы, не встречаясь с русскими клопами, хоть немного отдохнуть накануне предстоявших для армии тяжелых испытаний^[1401].

Утром 4-го, когда главные силы русской армии выходили на бородинскую позицию, войска Великой армии двинулись вперед. Вскоре возле д. Твердики авангард Мюрата натолкнулся на арьергардные части Коновницына. Завязался бой, который не прекращался весь день 4-го. Коновницын, усиленный 1-м кавалерийским корпусом, пытался задержать французов вначале у Твердики, а во второй половине дня – у Гриднева. Но, находясь под угрозой флангового обхода с севера, вынужден был отойти. К вечеру 4-го ему пришлось занять новую позицию у Колоцкого^[1402].

Соппротивление, правда не очень сильное, ощутила при своем продвижении вперед и группировка Богарне. Начав движение утром, как и войска Мюрата, солдаты 4-го корпуса «все время слышали вправо от себя сильную канонаду и видели густые облака дыма, поднимающегося к небу»^[1403]. Уже поздним утром 4-й корпус встретил на своем пути русскую кавалерию, тщетно пытавшуюся задержать его продвижение дальше. Вице-король приказал 3-му итальянскому конноегерскому полку атаковать. При его приближении русские попытались контратаковать, но после краткой схватки все же отошли. Столь легкий успех вызвал в рядах корпуса Богарне военный азарт. Солдаты рукоплескали 3-му конноегерскому, который вышел победителем из схватки. Дальнейшее продвижение вице-короля

сдерживалось только слабым огнем русской артиллерии и пехоты. К вечеру Богарне остановился на одном уровне с войсками Мюрата на линии восточнее Гриднева^[1404]. Корпус Понятовского оказался на той же линии, но южнее авангарда Мюрата.

Почти одновременно с авангардными частями вперед двинулись и другие корпуса Великой армии. Императорская гвардия, выступив в 6 утра из Гжатска и пройдя небольшое расстояние, была остановлена, чтобы дать возможность подойти 1-му и 3-му армейским корпусам. Когда это произошло, первым при движении главных сил оказался корпус Даву, вторым – Нея, потом – дивизия Клапареда, прикомандированная к Молодой гвардии, за ней – императорская гвардия. В арьергарде шел корпус Жюно. Кавалерия и артиллерия шли по самой дороге, слева и справа от нее тянулась пехота^[1405].

Наполеон, задержавшись утром в Гжатске, отдавая приказы^[1406] и поджидая, пока главные силы пройдут некоторое расстояние, в час дня сел верхом на коня по имени Моску (имя которого должно было напоминать Наполеону о цели, к которой двигалась армия)^[1407], догнал гвардейские части и далее двигался верхом шагом (один раз сменив лошадь) вместе с ними до Гриднева. К вечеру войска 1-го и 3-го армейских корпусов и гвардия оказались сконцентрированными вокруг и к западу от двух небольших близлежащих деревень у Московской дороги – Гриднево и Прокофьево. Было холодно. Императорские палатки были раскинута на холме возле почтовой станции у Гриднева. Вокруг, защищая императорский ночлег, расположилась гвардия. Остальные части бивакировали подальше, по обе стороны дороги, большей частью в направлении Гжатска^[1408]. Тем вечером Кастелан, расположившись на ночлег в какой-то риге возле Гриднева и ежась от холода, записал в дневнике: «Наша армия походит на Вавилонскую башню; нельзя приблизиться к биваку без того, чтобы не услышать речь на немецком, французском, итальянском, испанском, португальском, польском, фламандском и т. д.». Вдалеке он слышал, как постреливали орудия авангарда^[1409]. К ночи биваки погрузились в непривычную тишину. Она напомнила капитану Дюмонсо тишину на кладбище^[1410]. Ожидание приближавшегося сражения, соединенное с неопределенностью, наполнило чувства солдат предельной сосредоточенностью. На следующий день им предстояло увидеть Бородинское поле.

Подведем итоги. Идея генерального сражения в стратегии Наполеона, вступившего в войну с Россией, играла особую роль. В условиях отсутствия у Наполеона ясного военного плана борьбы с Россией решающая битва выглядела первоначально как некая самоцель, после достижения которой общая стратегическая ситуация должна была стать более определенной. Однако крах надежд на быстрое военное поражение противника автоматически выводил на первый план другую важную задачу, которая подспудно, но тоже достаточно ясно присутствовала в головах солдат Великой армии, от простого рядового до главнокомандующего, – захват Москвы, второй русской столицы. Разрешение этой задачи связывалось не только с надеждой заставить русскую армию дать сражение ради защиты города, но и с намерением добиться политического и морального эффекта самим фактом падения Москвы. Последнее представлялось даже не менее важным, чем полный разгром неприятельской армии.

На протяжении всего начального этапа кампании, от Немана до Бородина, Наполеон неизменно владел военной инициативой. Он энергично, не переставая, как только позволяла обстановка, теснил русских. При этом давление было таково, что оно несколько раз становилось причиной отказа русских от генерального сражения, которые просто не имели возможности закрепиться на избранной позиции и должны были отступать вплоть до Бородина. До известной степени, можно даже утверждать, что и под Бородином русских вынудили принять сражение в связи с тем, что дальнейшее отступление и спокойный поиск наиболее благоприятной для боя местности были уже просто невозможны как с военной, так и с политической точки зрения.

Ко времени Бородинского боя Наполеон еще располагал достаточными силами и средствами для достижения решительной победы. Однако соотношение их с силами и средствами противника приблизилось к точке равновесия. Бородино должно было стать таким столкновением, в котором случайность, а точнее говоря, инициатива, воля, всплеск энергии у главнокомандующего, начальников и отдельных бойцов могли иметь решающее значение для исхода великого исторического события. Бородино стало, как любят говорить поклонники синергетики, «точкой бифуркации», предопределяющей течение истории по тому или иному руслу.

3.2. Шевардинский бой

Столкновение русских и французских войск 5 сентября в бою за Шевардинский редут стало первым актом великого Бородинского сражения. Противоборствующие стороны не просто попытались помериться силами перед решающей схваткой, но и обнаружили главные особенности своих действий в предстоящем сражении.

События 5 сентября вызывали интерес у многих историков, но, как ни странно, большинство из них только добавляло неясности и путаницы в описание Шевардинского боя. Начало споров о бое за Шевардинский редут, вероятно, следует отнести к полемике, возникшей между Сегюром и Гурго. Если Сегюр красочно писал о трех ожесточенных штурмах Шевардинского редута, то Гурго начисто опровергал это мнение, полагая, что укрепление было взято путем его обхода французскими войсками^[1411]. С тех пор в исторических исследованиях можно было встретить как категорические заявления о том, что после взятия редута французами он уже не переходил из рук в руки^[1412], так и утверждения, что к ночи укрепление оказалось целиком в руках русской армии и только по приказу русского командования оно было оставлено^[1413]. Стоит упомянуть и о споре, начатом Денне и русским историком Бутурлиным, которые дискутировали о том, какой именно полк – 57-й или 61-й линейный – первым ворвался в редут^[1414]. Множество противоречий содержится в исторических работах о ночном бое вокруг редута – о действиях кавалерии и 5-го (польского) корпуса, о движении 1-й дивизии Морана и 2-й дивизии Фриана 1-го корпуса Даву, об атаке русской кавалерией 111-го линейного полка и т. д. Но главные проблемы, которые, на наш взгляд, остались до сих пор не разрешенными, – это то, какие цели преследовал Наполеон, с ходу атакуя Шевардинский редут, и ради чего построило и упорно защищало шевардинское укрепление русское командование. Последняя проблема особенно занимала отечественную историографию. Первые историки Бородинского сражения и некоторые из его участников (к примеру, А. П. Ермолов) считали Шевардинский редут опорной точкой левого фланга русского фронта. Из этого следовало, что по ошибке командования фронт русских войск мог оказаться фактически развернутым флангом к наступавшему противнику. Ошибку попытались исправить 5 сентября, «отклонив» левый фланг к Семеновским высотам, но не успели и вынуждены были защищать редут перед лицом наседавшего противника. Наиболее аргументированно эту версию защищал в начале XX в. Н. П. Поликарпов^[1415].

Иной вариант предложил в середине XIX в. М. И. Богданович, утверждавший, будто редут был возведен как передовой пункт «с целью разъяснить намерения французского главнокомандующего», что якобы блестящим образом и удалось сделать^[1416]. Версия Богдановича нашла много сторонников в советское время. Особенно интересной и, казалось бы, доказательной была статья Л. П. Богданова, вышедшая в 1962 г.^[1417], давшая Б. С. Абалихину и В. А. Дунаевскому основание заявить, будто мысль о том, что Шевардинский редут был сооружен как передовое укрепление, вполне доказана^[1418].

Что же касается вопроса о целях Наполеона, атаковавшего Шевардинский редут, то они, как ни странно, отечественную историографию совершенно не интересовали. Французские же

участники сражения, как правило, высказывали мнение о том, что Шевардинский редут представлял собой большое передовое укрепление, мешавшее рассмотреть основные русские позиции и развернуть французскую армию^[1419]. Несколько дальше пошли Шамбрэ и Пеле, которые, ознакомившись с доступными им русскими материалами (в основном с книгой Бутурлина), полагали редут левым флангом русской армии^[1420]. Пеле, как известно, считал, что Наполеон, вследствие дурных карт^[1421], просто не понял «странного расположения» Кутузова, развернувшегося левым флангом к фронту противника, и потому решил, что войска А. И. Горчакова поставлены впереди русской армии для поддержки авангарда Коновницына. Если бы Наполеон имел возможность понять истинную цель Шевардинского редута (как опоры левого фланга), то он не стал бы атаковать 5-го, дав русским тем самым остаться на прежних позициях, и обрушился бы 6-го или даже 7-го, и полностью разгромил русских.

Рано утром, в 5 или в 6 часов, 5 сентября большая часть главных сил Великой армии двинулась вперед. Гвардия и Главная квартира выступили позже, в 9 – половине 10-го^[1422]. Было холодно, но ясно. К 10 часам утра подул холодный ветер, который не прекращался уже весь день^[1423]. Авангард Мюрата, состоявший из 1-го и 2-го кавалерийских корпусов (исключая 2-ю легкую кавалерийскую дивизию Пажоля), 5-й пехотной дивизии Компана и легкой кавалерии 1-го и 3-го армейских корпусов, двинулся на части русского арьергарда генерал-лейтенанта П. П. Коновницына. Бой на главном направлении – вдоль Новой Смоленской дороги – оказался не слишком ожесточенным. Судя по документам, утренний бой вели, главным образом, два сводных батальона вольтижеров 5-й пехотной дивизии под командованием полкового адъютанта 25-го линейного полка Дюшена. По приказу Компана четыре роты вольтижеров вытеснили русских егерей из леса, находившегося чуть южнее Московской дороги, а потом две роты 1-го батальона и 2-й батальон сводных вольтижеров, построившись в развернутую линию и предшествуемые линией стрелков, атаковали д. Акиншино, занятую противником. Русские войска оставили ее без боя^[1424].

Позднее, в полдень либо вскоре после полудня, произошло серьезное кавалерийское дело к северу от Новой Смоленской дороги, возможно, где-то в районе д. Валуево. 11-й гусарский из дивизии Вельварта 3-го армейского корпуса, прикомандированный к авангарду Мюрата, состоявший почти исключительно из голландцев, был атакован русской кавалерией, по одной версии – казаками, по другой, что более вероятно, – русскими драгунами. Хотя русская кавалерия после этого продолжила свой отход, но потери 11-го гусарского оказались очень значительными. «...На поле боя, – писал начальник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса Гриуа, – осталось много мертвых лошадей и людей, одетых в белые ментики 11-го гусарского»^[1425].

Несмотря на попытки сдержать неприятеля, войска Коновницына вначале оставили позицию у Колоцкого, а затем и другую позицию, сразу за ним, и продолжили отход к расположению главных сил. Основная причина этого отступления заключалась в том, что с обеих сторон, особенно с севера, им все время угрожали обходным движением Понятовский и Богарне. Войск Сиверса, призванных сдерживать Понятовского, и войск Крейца, противодействовавших Богарне, было недостаточно.

Пока части Понятовского двигались по Старой Смоленской дороге на Ельню, войска Богарне, отбрасывая русскую кавалерию^[1426], в полдень «вышли на колонны русских», расположившихся «на обширной равнине». Справа от себя они видели Колоцкий монастырь; «разноцветные крыши, которые его покрывали, отражали солнечные лучи... и являли чудный контраст той мрачной и разоренной стороне, которую представляла окружающая местность»^[1427]. Мюрат, двигаясь следом за войсками Коновницына, в начале 2-го пополудни вышел на рубеж д. Головино и увидел главные позиции русской армии, расположившейся на уровне с. Бородино. Справа от дороги и выдвинутый значительно

вперед находился русский редут. Одновременно французы были замечены с основных русских позиций^[1428].

Шевардинский редут начал возводиться на холме юго-восточнее д. Шевардино вечером 4 сентября. К полудню 5-го это пятиугольное полевое укрепление еще не было закончено. Грунт оказался твердым, и ров выкопали неглубоким, контрэскарпы также были небольшими. Бруствер пришлось насыпать, используя пахотную землю, собранную вокруг редута. Палисады сделаны не были. Единственную значительную трудность для штурмующих, как полагал Шамбрэ, создавали крутые склоны холма, на котором возвышался редут^[1429].

Расположение русских войск в районе Шевардина было следующим. На самом редуте и рядом с ним размещалось двенадцать орудий 12-й батареей роты под командованием полковника Винспера (большая часть орудий находилась вне самого редута). За Шевардинским редутом стояла в батальонных колоннах 27-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского: Одесский и Симбирский пехотные полки – в первой линии, Виленский и Тарнопольский – во второй. 6, 41 и 49-й егерские полки под общим командованием полковника Глебова 1-го расположились в д. Доронино, в лесу южнее этой деревни и по восточным скатам Доронинского оврага. Егерский отряд полковника Гогеля 1-го, включавший 50, 5 и 42-й егерские полки, примкнул к позициям отряда Глебова так, что занял целиком Доронинский лес и кустарники южнее его вплоть до самой дороги в с. Ельня, имея на своем левом фланге 5-й полк. Севернее д. Шевардино стали Харьковский и Черниговский драгунские полки. Новороссийский и Киевский драгунские – позади д. Доронино, поддерживая егерей в Доронине и роще, а два эскадрона Ахтырского гусарского полка прикрывали восьмиорудийную батарею 9-й конной роты, которая находилась на возвышенности южнее редута. Кроме того, справа от редута находились шесть орудий 23-й легкой роты, двенадцать орудий 47-й легкой роты и четыре орудия 21-й легкой роты, а также четыре орудия 9-й конной роты. В тылу 27-й пехотной дивизии уступом влево стояла 2-я кирасирская дивизия генерал-майора Дуки в полковых колоннах. Значительно далее – у ручья Каменка – была расположена 2-я гренадерская дивизия под командованием генерал-майора К. Мекленбургского. 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-майора М. С. Воронцова, четыре батальона которой тоже приняли участие в деле, первоначально находилась у д. Семеновское^[1430]. Всего, таким образом, в Шевардинском бою с русской стороны приняло участие 36 батальонов пехоты, 38 эскадронов кавалерии и 46 орудий, что составляет (из расчета максимум 600 человек в батальоне и 140 в эскадроне) примерно 18 тыс. (без учета штата артиллерии) регулярных войск. Что касается отдельного казачьего отряда генерал-майора Карпова 2-го, действовавшего на Старой Смоленской дороге и включавшего семь Донских казачьих полков, то его участие в шевардинских событиях было незначительным.

С высоты, по которой проходила Новая Смоленская дорога, несколько впереди уровня д. Головино, командир 2-го кавалерийского корпуса генерал Л.-П. Монбрён и генерал Тест (вероятно, 57-й линейный двигался вместе с вольтижерами впереди остальных войск Компана), бегло обзрев русские позиции, немедленно сообщили об увиденном находившемуся от них на некотором расстоянии Мюрату^[1431]. Между тем французский авангард продолжал двигаться вдоль большого тракта и при выходе к д. Валуево был обстрелян из оврагов и кустарников, росших по берегам р. Колочь^[1432].

В начале третьего либо в половине третьего часа пополудни Мюрат отдал приказ батальону 57-го линейного полка двинуться к д. Доронино и к участку леса, примыкавшему к ней (Доронинской роще), и захватить их^[1433]. Батальон, переправившись через р. Колочь возле д. Фомкино, начал продвигаться к Доронино. Остальные части дивизии Компана продолжали оставаться в районе Большой дороги на уровне д. Фомкино.

Между тем Наполеон, двигаясь вслед за авангардом, где-то к полудню был в Колоцком монастыре. Он вошел в него. Там оказалось несколько монахов. Один из них много позже рассказывал: «Мы только что сели обедать, как они набежали. Он вошел, как был, в шапке, пожелал нам по-польски доброго аппетита, и – как раз против меня было пустое место, – перешагнув через скамейку, взял ложку и стал есть наши щи. Съел немного, сказал: “Добрые щи!” – и ушел...»^[1434] После этого Наполеон, без сомнения, поднялся на колокольню, откуда попытался разглядеть вдалеке русские порядки^[1435]. В тот же час в монастырском дворе императора видел Х. Флейшман, лейтенант 2-й вюртембергской конно-артиллерийской батареи, приданной 14-й легкой кавалерийской бригаде генерала Бёрмана. Император был окружен чинами штаба и, прохаживаясь, ударял хлыстом по своим сапогам. Увидев Флейшмана, он неожиданно спросил: «Кого вы ищете?» «Сир, – ответил лейтенант, – я ищу генерала Ларибуазьера, чтобы получить от него разрешение на получение артиллерийских зарядов». – «Из какой вы части?» – «Из легкой батареи генерала Бёрмана. Вчера и этим утром мы расстреляли все заряды, и я не думаю, что смогу получить боеприпасы, которые нам нужны, без записки генерала Ларибуазьера». Наполеон, повернувшись к свите, крикнул: «Генерал Ларибуазьер!» Все стали искать генерала, и, когда он появился, император сказал ему: «Дайте этому офицеру то, что ему нужно»^[1436].

Двинувшись от монастыря дальше, Наполеон был извещен Мюратом о том, что русская армия расположилась на уровне с. Бородино и что значительно впереди, южнее Московской дороги, возвышается редут, прикрытый большим количеством войск. Где-то в половине третьего Наполеон прибыл в поле видимости русского арьергарда^[1437]. Наполеон долго беседовал с маршалом Неем и пытался обозреть русские позиции, чему сильно мешал огонь горящих деревень^[1438]. Наполеон убедился в том, что перед ним, в тылу редута, раскинувшись влево и вправо, стояла вся русская армия. Наступал долгожданный час генеральной битвы. Наполеон послал Даву приказ энергично атаковать русскую позицию дивизией Компана. Мюрат, в чьем оперативном подчинении находился Компан, также получил приказ атаковать редут своей кавалерией и дивизией Компана во взаимодействии с 5-м (польским) пехотным корпусом^[1439]. Командиру 5-го корпуса Понятовскому, который двигался по Старой Смоленской дороге, приближаясь к Ельне, немедленно был отправлен приказ свернуть налево и выйти во фланг и тыл редута^[1440]. Атакуя Шевардинский редут, император вряд ли полагал, что его захватом он спугнет русскую армию, – редут он расценил тогда как передовое укрепление, которое мешало ему обозреть русские позиции и развернуть войска.

После отдачи этих приказов Наполеон вместе со штабом поскакал на левый фланг к вице-королю, где, разместившись на высоте, некоторое время наблюдал за расположением русских войск. Видевший Наполеона в тот момент Лабом вспоминал, что император, внимательно обзрев окружающую местность, начал что-то мурлыкать себе под нос, а затем, поговорив с вице-королем, сел на лошадь и снова отправился к войскам Даву^[1441].

Вице-король, со своей стороны, оставив итальянскую королевскую гвардию в резерве, двинул 13-ю и 14-ю пехотные дивизии вперед, заняв возвышенности на расстоянии чуть более километра к западу от р. Войны, угрожая тем самым возможной атакой русскому правому флангу. С юга части Богарне примыкали к дивизии Жерара корпуса Даву, застрельщики которой вели оживленный ружейный огонь с русскими. 13-я и 14-я дивизии попытались было продвинуться еще ближе к р. Войне, но, встретив отпор русских и видя их значительные силы, предпочли ретироваться^[1442].

Французский император, закончив рекогносцировку местности, возвратился в район Новой Смоленской дороги где-то на уровне Валуева. В течение всего последующего времени, пока шел бой, он либо оставался на месте, наблюдая за ходом событий у Шевардинского редута, либо, к концу боя, несколько отъехал назад, продолжая непрерывно получать донесения от

своих войск. Где-то после 6 часов вечера Наполеона, сопровождаемого Бертье, начальником гвардейской артиллерии Ж.-Ж.-О. Сорбье, генерал-квартирмейстером Ж.-Б. Монтионом и командующим понтонерами Ж.-Б. Эбле, за которыми ехали гофмаршал императорского двора Ж.-К. Дюрок и командир 4-й бригады гвардейской кавалерии В. Красинский, увидел недалеко от фронта Молодой гвардии офицер Легиона Вислы Брандт^[1443].

Дивизия Компана (за исключением 1-го батальона 57-го полка, который уже двигался к Доронину) немедленно стала переправляться через р. Колочь в районе Фомкина, установив мосты на козлах^[1444] и используя мельничную плотину. Выдвинувшись за Фомкино, Компан разделил войска: 61-й полк и четыре батальона 57-го, вместе со сводными вольтижерами, стали двигаться по направлению к редуту, принимая на юг, намереваясь выйти к редуту с запада и юго-запада. Эти части находились под командованием самого Компана. 25-й и 111-й полки (ими командовал генерал Дюплен) должны были действовать с левой стороны редута: 25-й должен был наступать на д. Шевардино, после этого – двигаться на редут и помочь общей атаке; 111-му полку было приказано, обойдя Шевардино с севера, сковать войска, находившиеся позади редута^[1445]. «Прекрасное зрелище являли наши войска в своем одушевлении, – писал начальник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса полковник Гриуа, очевидец происходившего. – Ясное небо и заходящее солнце увеличивали красоту спектакля. Остальная армия следила со своих позиций за двигающимися войсками, гордыми тем, что им первым выпала честь открыть сражение, она приветствовала их криками одобрения»^[1446].

Немедленно началось развертывание французской артиллерии. Для обстрела редута и русских войск, размещенных вокруг, было сконцентрировано большое количество орудий. Огонь вели: артиллерия 1-го и 2-го кавалерийских корпусов^[1447], часть гвардейской артиллерии, 24 орудия резервной польской артиллерии, занявших позиции к юго-востоку от Доронина^[1448], а также, вероятно, полковая артиллерия польских частей. Действия пехоты дивизий Морана и Фриана также поддерживались их дивизионной артиллерией. Вели огонь 14 орудий 3-й пехотной дивизии Жерара. Огневую поддержку атаке редута оказала и артиллерия 4-го армейского корпуса^[1449]. Вместе с пехотой Компана через Колочь была переправлена дивизионная артиллерия 5-й дивизии. Часть ее первоначально была размещена на высоте между Фомкином и Шевардинским редутом, позже, вслед за пехотой, она была передвинута ближе. Полковая артиллерия частью шла вместе с пехотными колоннами, частью (как у 111-го полка) двигалась сзади на некотором удалении. Первыми открыли огонь французы; русская артиллерия ответила спустя некоторое время^[1450]. Поле боя застилали облака дыма. Деревни горели.

Общее количество французских войск и артиллерии, принимавших непосредственное участие в бою за Шевардинский редут, было следующим: пехотные дивизии Компана (20 батальонов при 30 орудиях), Морана (15 батальонов при 26 орудиях) и Фриана (17 батальонов при 26 орудиях), два батальона 7-го полка легкой пехоты и 14 орудий дивизии Жерара, четыре пехотных полка 5-го армейского корпуса – 8, 12, 15-й и 16-й (12 батальонов при 12 орудиях), 24 орудия резервной польской артиллерии, часть гвардейской артиллерии (возьмем предположительно 30 орудий), 1-й кавалерийский корпус вместе с кавалерийской дивизией Жирардена (76 эскадронов при 25 орудиях), артиллерия 2-го кавалерийского корпуса (29 орудий). Итого, без учета других войск, слабо соприкоснувшихся с противником, получается 36 тыс. пехоты и кавалерии при 194 орудиях.

1-й батальон 57-го полка, получивший ранее других частей Компана приказ атаковать Доронино и прилегавшую к нему с юго-запада рощу, пройдя равнину, вступил недалеко от деревни в перестрелку с русскими егерями. Сил для атаки оказалось явно недостаточно, и батальон 57-го был уже готов отступить, как получил поддержку со стороны подошедших остальных четырех батальонов полка. В бой с егерями, поддерживая 1-й батальон, вступили весь 3-й батальон и рота 2-го батальона. Это позволило оттеснить русских егерей и

закрепиться на позициях возле Доронино. Потери всех одиннадцати рот составили 17 человек убитыми и 161 ранеными, среди последних было три офицера^[1451].

Не менее тяжелый бой пришлось выдержать 1-му сводному батальону вольтижеров, который двигался впереди колонны 57-го полка. Его четыре роты были развернуты в цепь стрелков, в то время как позади них двигались в колонне две роты (1-я и 2-я вольтижерские 57-го полка во главе с капитаном Симоном). Помимо того что вольтижеры оказались под обстрелом русских егерей и артиллерии, они столкнулись с Новороссийским драгунским полком под командованием майора Терепина. Русские драгуны, пройдя интервал между рощей и д. Доронино, попытались окружить французских вольтижеров, отрезав их от рощи, где те собирались укрыться от кавалерии, и от колонны 57-го полка. Четыре вольтижерские роты, не успевшие достичь леса, сбились в группы и открыли сильный огонь по русским драгунам, пытаясь держать круговую оборону. Две роты капитана Симона, также окруженные с двух сторон, успели сгруппироваться в каре и оказали упорное сопротивление кавалерии, намеревавшейся атаковать и порубить французских вольтижеров. Особую распорядительность и хладнокровие проявили капитаны Симон, Бастуль и лейтенант Гаспар, чуть позже тяжело раненный возле редута, и сублейтенант Ришар. Новороссийские драгуны, потеряв немало людей (в том числе пленными), и под давлением французской кавалерии (вероятно, дивизии Брюйера), вынуждены были отойти^[1452]. Это дало возможность четырем ротам стрелков и двум ротам капитана Симона соединиться и атаковать д. Доронино, которая после упорного боя с егерями на ее подступах была взята^[1453]. Вместе со сводными вольтижерами участие во взятии деревни приняли батальоны 57-го полка^[1454].

Еще до того, как разгорелся бой за д. Доронино, кавалерия Себастиани корпуса Понятовского вступила в соприкосновение с русскими казаками, находившимися возле Ельни на Старой Смоленской дороге. Казаки, после небольшой стычки, отошли за д. Утицу^[1455]. Вскоре офицер-ординарец, посланный Наполеоном, доставил Понятовскому приказ атаковать русских в районе Шевардинского редута. Оставив большую часть кавалерии в районе Ельни, Понятовский с пехотными дивизиями (16-й и 18-й) оставил старый тракт и двинулся налево – по большой равнине, поросшей лесками и кустарниками. Полки 16-й дивизии, двигаясь побатальонно и имея впереди цепь застрельщиков, первыми попали под огонь пушек Шевардинского редута. 18-я дивизия, оказавшись на правом фланге, завязала перестрелку с русскими егерями. Вскоре поляки развернули 24 орудия, в том числе 12 тяжелых из резервной артиллерии корпуса, и начали обстрел русского редута и его окрестностей. Занимая менее выгодную, чем у русских, позицию, польские артиллеристы несли большие потери. В течение нескольких часов польская артиллерия и пехота оказывали сильное давление на левый фланг русских, отбивая атаки Киевского драгунского полка и двух эскадронов Ахтырского гусарского полка. Тяжело раненный в ногу, начальник артиллерии 16-й дивизии подполковник Совинский, дав себя перевязать, оставался лежать на земле возле орудий, с невозмутимостью продолжая руководить действиями своих артиллеристов^[1456].

Пространство между поляками и дивизией Компана заполнила кавалерия Мюрата. Впереди двигался корпус Нансути, за ним – Монбрёна. Основное участие в деле вначале принимала только легкая кавалерия Брюйера, за которой в нескольких сотнях метров позади расположились кирасирские полки^[1457].

К левому флангу 5-й дивизии Компана примыкали войска 2-й дивизии Фриана, которая переправилась через Колоочь западнее Алексинок, а восточнее, выдвинувшись вперед, – войска 1-й дивизии Морана. Их задачей было занять пространство между Колочью и д. Шевардино, угрожая правому флангу и тылу войск Горчакова. Наконец, дивизия Морана «подпиралась» со стороны Большой дороги войсками 3-й дивизии Жерара. Промежутки между всеми четырьмя дивизиями были связаны линиями стрелков^[1458].

Захват Доронина сводными вольтижерами и 57-м полком, поддержка Компана с правого фланга войсками Мюрата и Понятовского, а с левого – выдвижение Морана и Фриана позволили 5-й дивизии около 5 часов вечера начать атаку самого редута. В то время как 25-й и 111-й линейные вели бой к северу от редута, честь овладения им выпала на долю 57-го и 61-го полков. 61-й, построенный в батальонные колонны, должен был атаковать сам редут и русские войска, прикрывавшие его с северного фланга, тогда как части 57-го, также в батальонных колоннах, примкнув к 61-му своим левым крылом, должны были двигаться на неприятеля, находившегося южнее. Перед фронтом 61-го полка шел 2-й сводный батальон вольтижеров, перед 57-м – 1-й батальон. Дивизионная артиллерия Компана, а также орудия других французских войск способствовали взятию редута.

Перед тем как Компан подал сигнал к атаке, роты 2-го сводного батальона вольтижеров заняли холм (Доронинский курган), находившийся примерно в 250 метрах к западу от редута. Моментально весь гребень и скаты холма были заполнены французскими стрелками, которые стали вести огонь по орудийной прислуге в Шевардинском редуте. На холм вкатили несколько орудий (по одним сведениям – 8, по другим – 12)^[1459], которые также открыли огонь. За западным склоном Доронинского кургана укрылись части 61-го полка (возможно, 1-й батальон).

Парапет Шевардинского редута был полуразрушен, скаты обвалились. Орудийная прислуга и лошади, ничем не защищенные, оказались под интенсивным огнем с Доронинского кургана. Без ведома старшего начальника 12-я батарейная артиллерийская рота стала свозить орудия с редута. Пехота 27-й дивизии, прикрывавшая редут, также стала отходить. Однако прибывший к месту боя начальник артиллерии 2-й Западной армии К. Ф. Левенштерн приказал орудиям и отступавшей пехоте занять прежние позиции^[1460]. Французы, воспользовавшись заминкой в русских порядках, решительно пошли вперед, намереваясь овладеть редутом. Французские батальоны, двигаясь в колоннах к атаке, быстро вышли на гребень косогора, на котором стоял редут. Здесь они увидели, в нескольких десятках метрах перед собой, полки 27-й дивизии, которые хотя и отступили от линии редута, но были готовы продолжать обороняться. «Когда же мы почти уже достигли отступающего неприятеля, – вспоминал Фоссен, двигавшийся в составе своего 111-го линейного севернее редута, – он вдруг остановился, повернул назад и открыл по нам стрельбу повзводно». Французские батальоны, шедшие впереди, развернулись в линию и тоже начали интенсивный огонь по русской пехоте. Русские энергично отвечали. Этот огонь в упор продолжался довольно долгое время (показавшееся особенно долгим для тех, кто был там) без видимого успеха той или другой стороны. Компан, видя бессмысленность этой перестрелки, выкрикивал команды атаковать врага в штыки, но за треском стрельбы его никто не слышал. Тогда Компан поскакал галопом к двум батальонам, остававшимся в резерве, и повел их в колоннах к атаке на правый фланг своей линии. Позади одного из этих батальонов – 2-го 57-го полка – двигались четыре заряженных картечью орудия. Как только 2-й батальон 57-го вышел на правый фланг французской линии, тонувшей в клубах ружейного дыма, движением вправо и вперед он демаскировал скрытую за ним батарею. Артиллерия немедленно дала залп по шеренгам русской пехоты, затем еще и еще с большой скоростью. А батальон 57-го почти бегом устремился на врага в штыки. Увлеченная этим примером, вся французская линия двинулась вперед. «Скоро взводы первого батальона, – вспоминал о своем 111-м линейном Фоссен, – так приблизились к неприятелю, что некоторые гренадеры уже пустили в дело штыки...» О том же пишет и лейтенант Гардые, старший адъютант 3-го батальона 111-го: «Мы получили приказ от начальника штаба дивизии Симера проломить линию русских, которая находилась перед нами между редутом и горящей деревней. Поэтому мы направляемся в сомкнутой колонне и наступаем с оружием в руках под градом пуль, выставив штыки, которые тотчас введены в дело головным дивизионом». Русская пехота стала отходить, продолжая держать фронт.

В это время 1-й батальон с командиром 61-го полковником Ж. Бужем и две роты вольтижеров 57-го полка, состоявшие во 2-м сводном вольтижерском батальоне, устремились к полуобвалившимся эскарпам и склонам редута. Несколько орудий (возможно, три, которые, согласно А. А. Смирнову, изначально были в самом редуте), среди которых, вероятно, были и подбитые, еще на нем оставались. Первым на редуте среди офицеров оказался командир 1-го батальона 61-го полка капитан Дюон и капитан Дестор. Солдаты, карабкавшиеся вместе с ними, немедленно бросились на русских канониров, пытавшихся спасти оставшиеся орудия и отчаянно защищавшихся. Силы были неравные. Капрал Перре убил артиллерийского офицера, капрал Леруа и фузилер Бовар – двух канониров. Один из вольтижеров и капрал Кайзер, поразив двух русских солдат, хлеставших по лошадям и пытавшихся свезти с редута орудие, захватили его. Сержанту Родану с шестью солдатами удалось развернуть одно из захваченных орудий и начать огонь по русским порядкам.

Редут был захвачен. Если штурм самого укрепления прошел, вероятно, почти без потерь, то бой на подступах к редуту стоил многим солдатам Компана жизни. Особенно пострадал 2-й батальон 57-го полка. Командир батальона Ла Булаэр, два других офицера и 16 унтер-офицеров и солдат были убиты, 178 человек – ранены. Командование батальоном принял капитан Лаваляр. Понесли значительные потери и другие батальоны, участвовавшие в бою^[1461].

Количество захваченных на редуте (и, полагаем, возле редута) орудий указывается разное. Большинство французских мемуаристов говорит о 7 орудиях^[1462], Деннье и капитан 18-го линейного Бонне – о 6, офицер 57-го полка Леюше – о 8, Солтык – даже о «дюжине». Шамбрэ полагал, что было захвачено 5 орудий, Барклай-де-Толли – 3, Сен-При – тоже 3^[1463]. К сожалению, ни французские, ни русские материалы не помогают нам достоверно определить точное число захваченных на редуте орудий.

Французы овладели редутом около 7 часов вечера. Наступила непродолжительная пауза. Компан приводил в порядок свои части, подтягивал ближе к редуту дивизионную артиллерию, надеясь вернуть утраченные позиции. В этот момент, в районе 7 часов, когда уже стало быстро темнеть, подошли русские резервы – полки 2-й гренадерской и часть 2-й сводно-гренадерской дивизии. Выдвинулись вперед и полки 2-й кирасирской дивизии. То, что произошло позже, в сумерках либо в темноте, когда пространство освещалось только пожарами горящих деревень или огнем орудий и ружейных залпов (во время которых скорее было больше дыма), поддается реконструкции с большим трудом.

Судя по русским рапортам, гренадерские полки не раз ходили в атаку (Сибирский и Малороссийский гренадерские даже в сопровождении священников, благословлявших идущих в бой крестом), пытаясь оттеснить 61-й и 57-й линейные полки. Французы, со своей стороны, хотя и подавались назад, но всякий раз заставляли русских снова отходить.

Полковые начальники 5-й дивизии и сам Компан предпочли в своих рапортах вообще обойти молчанием подробности ночного боя за Шевардинский редут; нет упоминаний и о том, что русские смогли, хотя бы ненадолго, его отбить. Мюрат в своем рапорте отмечает, что русские пытались возвратить редут, но были обращены дивизией Компана в бегство^[1464]. Такое же впечатление создается при чтении воспоминаний Дютейе де Ламота и писем адъютанта 57-го полка Леюше и лейтенанта 25-го линейного Паради. Леюше из 57-го через 10 дней после описываемых событий вспоминал так: «Император доверил защиту этого редута полку и сказал: “Оставляя его 57-му полку, я могу быть уверен [в его защите], так как враг попытается его вернуть”. Мы оправдали то мнение, которого он был о нас, ибо русские пробовали, но безрезультатно, выбить нас дважды; они должны были каждый раз ретироваться со значительными потерями». Лейтенант 25-го Паради в письме своей любимой м-ль Бонграс из Москвы 20 сентября написал так: «...я был прикомандирован к роте для защиты редута, который мы взяли у врага. Мне был дан приказ находиться впереди

этого редута, чтобы встретить 500 русских, которые были поддержаны тремя эскадронами своих кирасир, чтобы те препятствовали им повернуть назад (т. е. не дать пехоте отойти. — В.З.), как я понимаю. Я сам с удовольствием видел, как быстро уменьшалось их число, потому что за один час их почти больше не осталось; каждый ружейный выстрел укладывал на землю или наносил рану»^[1465]. Однако многие французские мемуаристы и историки — участники событий пишут о том, что редут переходил из рук в руки несколько раз. То же следует из воспоминаний участников боя с русской стороны^[1466]. Что же произошло тогда в действительности, мы, вероятно, никогда так и не узнаем. Для каждого из участников событий его восприятие было своим, и «историческая действительность» рассыпалась на множество осколков, из которых сейчас ничего не удастся собрать, кроме кривого зеркала.

Не менее ожесточенные столкновения происходили на флангах дерущейся в темноте пехоты. Когда русские гренадеры и пехотинцы пошли в контратаку на редут, на правом фланге, между горящей д. Шевардино и редут, показались две французские колонны. Вероятно, это были батальонные колонны 111-го линейного полка. Сиверс немедленно бросил в бой Малороссийский и Глуховский кирасирские полки, а за ними — два эскадрона Харьковского и два эскадрона Черниговского драгунских полков. На основе русских рапортов и наградных документов картина боя выглядит следующим образом. Малороссийские и глуховские кирасиры опрокинули обе колонны французской пехоты и, преследуя их, налетели на стоявшую впереди д. Доронино французскую батарею. К этому моменту батальон Симбирского пехотного полка, оказавшийся здесь ранее, уже захватил 2 пушки. Кирасирам же достались оставшиеся 3 орудия. Черниговские и харьковские драгуны, прикрывая правый фланг кирасир, тоже опрокинули какую-то французскую пехоту и тоже захватили 3 орудия (черниговцы взяли два, но смогли вывезти только одно, харьковцы взяли «конное неприятельское орудие с картечным зарядом, не дав ему времени выстрелить»)^[1467].

Французские материалы преподносят эти события иначе, связывая их исключительно с атакой русской кавалерией 111-го линейного полка. Этот полк, передвигаясь в темноте вдоль восточной окраины Шевардина, неожиданно был атакован неприятельской кавалерией (согласно рапорту командира 4-й бригады 5-й дивизии генерала Лоншана и воспоминаниям Фоссена и Гардье, кирасирами). Пехота была застигнута врасплох. Не менее 60 стрелков из состава вольтижерских рот было порублено. Полковник Жюйе закричал: «Полк, стройся в каре!» Не успели батальоны полка собраться в каре и начать отход, как кавалеристы врубились в передние шеренги 1-го батальона и нанесли ему большой урон. «Прочие батальоны, — вспоминал Фоссен, — начали отступление в большом беспорядке; уцелевшие могли еще спастись, благодаря одному селению, расположенному с нашей левой стороны и загоревшемуся в ту минуту, когда мы к нему приблизились». По мнению Фоссена, в этой стычке полк потерял 300 убитыми, среди которых был начальник батальона со своим адъютантом, майор и 12 ротных офицеров; «вся полковая артиллерия с людьми и обозом погибли».

Несколько иной вариант предлагает лейтенант того же 111-го линейного Гардье. «Полностью наступила ночь, — пишет Гардье, — когда появилась дивизия русских кирасир, которые называли себя союзниками и которые действительно были похожи на саксонских кирасир. Полагая, что они прибыли, чтобы атаковать неприятеля, мы спешим позволить им пройти через наши ряды. Они построились позади нас и, когда привели себя в порядок, напали на нас и изрубили всех, кто мог попасть под их удары. Поэтому мы бросаемся, насколько возможно быстро, в фруктовый сад, который находился позади нас и напротив горящей деревни. Огонь, который мы оттуда ведем, отгоняет неприятеля; но вред, который он причинил нам, был уже слишком велик, пятнадцать офицеров и около тысячи человек и наша артиллерия, которая пустилась по оврагу, доходившему до деревни, стали жертвами этой злополучной ошибки». Представляется, что версия Гардье выглядит не совсем убедительной. Как в процитированных строках, так и ниже Гардье делает все возможное,

чтобы снять с полка вину за понесенные значительные потери, допуская при этом явные несуразности. Фактически он совмещает общий штурм редута с атакой русских кирасир на 111-й линейный полк, что выглядит совершенно нереальным при обращении к иным источникам, да и к самому тексту Гардые.

Утраченных орудий, судя по французским документам, было три (по Гардые – четыре). О каких-либо иных потерянных пушках французская сторона умалчивает. Нельзя исключить, что помимо трех или четырех орудий 111-го линейного французы потеряли еще одно или два орудия, но эту потерю удалось скрыть, скажем, за счет захваченных на редуте русских орудий.

После атаки русской кавалерии несчастья продолжали преследовать 111-й линейный. С трудом отразив атаку кавалерии, полк оказался под обстрелом какой-то своей пехотной части, находившейся слева (не исключено, что это был полк Жозефа-Наполеона), в темноте принявшей его за русских. Тогда полковой адъютант Ристон галопом помчался к стрелявшему полку и объяснил его ошибку^[1468].

Пока русская кавалерия расправлялась со 111-м линейным, у северной окраины д. Шевардино происходили не менее драматические события. Как известно, дивизия Фриана к вечеру 5 сентября заняла пространство между войсками Компана и Морана; последний действовал восточнее Алексинок на тылы шевардинского отряда. В районе 7 вечера, когда 2-я дивизия уже готовилась разбить свой бивак, Фриан приказал полковнику де Чюди, командовавшему 2-м и 3-м батальонами полка Жозефа-Наполеона, идти к горевшей д. Шевардино, чтобы прикрыть правый фланг 2-й дивизии. Чюди прибыл со своими батальонами к северной окраине деревни как раз в тот момент, когда русские кавалеристы атаковали 111-й линейный. Скрытые сумерками и горящими домами деревни, батальоны Чюди, которые насчитывали в своих рядах приблизительно по 400 бойцов, сформировали каре. Чюди отправил вперед, по его словам, «в качестве приманки» роту вольтижеров, которая должна была привлечь внимание кавалеристов (это были драгуны) и своим отходом завлечь их к каре. Уловка удалась. Драгуны, погнавшиеся за горсткой стрелков, оказались под огнем двух фасов каре. «Эта кавалерия отступила в беспорядке, – писал Чюди, – потеряв перед строем каре десятков убитыми, между которыми был командовавший ими начальник, и большое количество раненых людей и лошадей; батальоны не потеряли ни единого человека...»^[1469]

Русская кавалерия атаковала французов не только на северном участке боя, но и южнее редута. Основной удар здесь нанесли Екатеринославский и Орденский кирасирские полки^[1470] при участии драгун. Возле леса продолжали действовать егеря, Тарнопольский пехотный и Фанагорийский гренадерские полки. Русская кавалерия атаковала здесь, вероятно, некоторые батальоны 57-го полка, батареею артиллерии (если только она не стала той самой жертвой малороссийских и глуховских кирасир, о чем пишут русские источники) и, определенно, 6-й батальон 61-го полка. Были атакованы и выдвинувшиеся на опушку леса польские стрелки, которых поддерживала рота 16-го пехотного полка во главе с капитаном Яном Скржинецким. Польская пехота частью успела сбиться в небольшой клубок и огнем с ближнего расстояния отбила кавалерию^[1471]. Тяжелее пришлось частям Компана. Они были атакованы не менее двух раз, но, хотя передовые подразделения были расстроены, им также удалось отразить кавалерию ружейным и артиллерийским огнем^[1472]. Русская кавалерия прекратила дальнейшие атаки ввиду подхода частей французского 1-го кавалерийского корпуса.

Тирион, старший вахмистр 2-го кирасирского полка корпуса Нансути, который мог видеть часть происходивших событий, так как его 1-я дивизия тяжелой кавалерии стояла сзади легкой кавалерийской дивизии Брюйера, непрерывно атаковавшей и контратаковавшей русских, запечатлел в своих воспоминаниях интересный эпизод. Нансути приказал

командиру 9-го шеволежерского полка атаковать русскую кавалерию. Шеволеры, ранее не видевшие русских кирасир, да еще в темноте, когда черные кирасы трудно было разглядеть, пытались их атаковать. Но когда пики зазвенели о кирасы, шеволежеры, поняв, с кем имеют дело, и не ожидая встречного удара, повернули кругом, пройдя сквозь интервалы 2-го и 3-го полков французских кирасир^[1473].

А. Розвадовский, поручик 8-го польского уланского полка 1-го корпуса резервной кавалерии, описывает тот же эпизод, но относит его на счет 6-го польского уланского полка, бывшего в одной бригаде с 8-м. В воспоминаниях су-лейтенанта 9-го шеволежерского полка графа фон Веделя, из которых явствует, что полк действительно ходил в атаки на русскую тяжелую кавалерию, вместе с тем не упоминается вышеприведенный эпизод^[1474]. В целом эта история остается не до конца ясной.

С отходом русской кавалерии бой на южном крыле еще продолжался некоторое время. Польский подполковник Рыбинский во главе четырнадцати рот польских вольтижеров совместно с 15-м пехотным польским полком атаковал русскую пехоту, занимавшую холм и маленький лесок метрах в пятистах к востоку (или юго-востоку) от редута. Русская пехота отошла^[1475].

Примерно в 10 часов вечера сражение закончилось^[1476]. Большинство данных не подтверждает ни утверждения 18-го бюллетеня французской армии о том, что огонь прекратился в 7 часов вечера, ни мнения ряда отечественных авторов, полагавших, что это произошло в 11 часов ночи. Шевардинский редут, который скорее походил уже на бесформенный холм, и вся местность вокруг были усеяны трупами французов, как отметил Гриуа, видевший все при свете следующего дня, – на французской стороне, и русских – на противоположной^[1477]. Майор Ле Руа из штаба Даву увидел к северу от редута множество убитых русских кирасир в черных кирасах^[1478].

Поздно вечером 5-го побывал возле редута польский офицер Брандт. По его словам, «с той стороны редута, откуда нападали французы», убитых было не много, но лежали трупы кавалерийских лошадей, как французских, так и русских. На других склонах холма лежало много человеческих трупов; в самом редуте «не было ни души, раненых и убитых там тоже почти не было»^[1479]. Однако Дютейе де Ламоту, который провел всю ночь вместе со своим 6-м батальоном 57-го полка на самом редуте, среди стонов и хрипов умиравших людей и лошадей, количество убитых и раненых показалось более чем достаточным. Батальон провел ночь без огня; в то время как половина солдат отдыхала, другая бодрствовала^[1480]. Французские солдаты не были чужды отвратительных обычаев войны – они обшаривали трупы русских в поисках «скверной водки, которая была в их флягах»^[1481]. Черствые ржаные сухари, которые обычно находили у убитых русских солдат, французы есть не могли.

Наступила темная ветреная ночь, временами накрапывал холодный сентябрьский дождь, который, однако, не мог потушить огонь горящих по всей округе деревень. Войска Компана занимали позиции впереди, сзади и с флангов редута, ожидая любых неожиданностей^[1482]. И не напрасно. Хотя русское командование и приказало своим войскам оставить любые попытки вернуть редут, но горячие головы на свой страх и риск все еще вынашивали планы его захвата^[1483]. Аванпосты русских находились совсем вблизи от французов, и время от времени раздавались одиночные выстрелы. С. И. Маевский, адъютант П. И. Багратиона, наткнулся той ночью на солдата «в полной русской одежде», который, к удивлению, оказался французом и выстрелил в него из ружья^[1484].

Всю ночь персонал французских амбулансов трудился, делая операции, перебинтовывая и отправляя раненых в Колоцкий монастырь^[1485]. Полковой врач 3-го вюртембергского конноегерского полка «герцога Людвига» Роос и его спутники увидели на следующий день «между монастырем и лагерем Великой армии, влево от дороги (Большой Смоленской

дороги. – В.З.) ...поросшее травой углубление, в котором валялось много рук и ног, а также трупов; отсюда мы заключили, что вчера здесь работал Ларрей со своими коллегами и походными госпиталями»^[1486].

Судьба русских раненых, оставшихся лежать у редута, неизвестна. Только Гриуа упоминает, что рядом с редутом он увидел раненого русского офицера. Движимый состраданием, Гриуа дал ему хлеба и водки. Гриуа, однако, сомневался, что русскому офицеру удалось пережить ночь и что санитары подобрали его живым^[1487]. Не исключено, что какая-то часть русских раненых все же получила медицинскую помощь, как это произошло после сражения 7 сентября.

Среди французских войск особенно значительные потери 5 сентября понесла дивизия Компана. Благодаря рапортам мы достаточно точно можем предположить потери двух из четырех полков, составлявших дивизию Компана, а также двух сводных батальонов вольтижеров. 61-й потерял: убитыми – одного офицера и 29 солдат, ранеными – 12 офицеров и 226 солдат, пленными – 17 человек. 111-й: убитыми – 4 офицеров и 82 солдата; ранеными – 15 офицеров и 540 солдат, пленными – 33 солдата, пропавшими без вести или отставшими – 138 человек; убито 35 лошадей. Потери сводных вольтижеров составили 25 убитыми и 220 ранеными, среди последних – 6 офицеров^[1488]. Потери 57-го и 25-го полков точно определить затруднительно. В воспоминаниях Дютейе де Ламота говорится о том, что 57-й потерял 600 человек^[1489]. Судя по материалам известного статиста Мартиньена, 5 сентября в 57-м полку было убито 3 офицера, трое умерло от ран и ранено 6 офицеров^[1490]. Думаем, что данные Мартиньена (памятуя, что они неполные) вполне могут соотноситься с общими потерями 57-го полка примерно в 500 человек. Что касается 25-го линейного, то, по материалам Мартиньена, полк потерял ранеными двух офицеров, один из которых умер 12 сентября^[1491]. Имея в виду неполноту сведений Мартиньена, а также все-таки более скромную роль 25-го полка в бою за Шевардинский редут, полагаем – его общие потери примерно в 50 человек^[1492]. Таким образом, приблизительная цифра потерь дивизии составила около 2 тыс. человек.

Цифры потерь других частей и соединений французской армии 5 сентября менее достоверны^[1493]. Так, согласно Франсуа, 30-й линейный полк дивизии Морана потерял убитыми капитана гренадерской роты, 23 солдата, ранеными – двух офицеров и 40 солдат^[1494]. Польские потери составили 25 офицеров и 591 солдата^[1495]. Гвардейская артиллерия потеряла одного капитана, лейтенанта и 20 рядовых^[1496]. Французские потери от огня русских орудий были даже в 3-м корпусе резервной кавалерии, который маневрировал в районе Новой Смоленской дороги, и в дивизии Жерара^[1497]. Данные по другим соединениям еще более фрагментарны.

Наиболее авторитетные авторы дают такие цифры общих французских потерь: Тьер и Кукель – 4–5 тыс., Тири – около 5 тыс.^[1498] Другие – либо следуют за Тьером, либо дают меньшую цифру (Бертезен – более 3 тыс., Бутурлин – более 1 тыс., Бартон – 4 тыс., Никольсон – 2 тыс.)^[1499], либо говорят о потерях очень расплывчато (Кэйт), либо, наконец, вообще обходят этот вопрос молчанием (например, Шамбрэ). Мы полагаем, что наиболее правильно будет оценить французские потери в 4–5 тыс.

Что касается русских потерь, то установить их еще более трудно. Мнения как авторов – современников событий (Бертезен, Таттэ), так и поздних исследователей (Тьер, Кукель, Тири и др.) расходятся чрезвычайно. Несомненно только, что русские потери оказались большими, чем у французов. Это было предопределено значительным численным превосходством, особенно в орудиях, французской группировки, боровшейся за редут. Наиболее убедительно звучит цифра русских потерь в 6 тыс. Русских пленных почти не было.

Участники боя с французской стороны отмечали упорство, с которым русские защищали редут: некоторые, как капитан пеших егерей Старой гвардии Фантен дез Одар, считали это упорство «глупым» и «гибельным». Многие французские военачальники специально приезжали к редуту, пытаясь оценить противника перед предстоящим генеральным сражением. Ночью к императору возвратился Коленкур с захваченного редута; он сообщил, что пленных нет. Наполеон подробно расспрашивал Коленкура, что тот увидел, особенно пытаясь понять «настроения русских»^[1500].

Своеобразным отражением чувств и настроений французов, взволнованных кровавым боем 5 сентября, стал рассказ о том, как на следующий день Наполеон, делая смотр 61-му линейному полку, спросил полковника, где один из его батальонов. «Сир, он в редуте», – ответил тот. Этот случай приводят в своих воспоминаниях многие – Лабом, Лежен, Сегюр, Коленкур (последний относит этот эпизод к вечеру 7 сентября). Эти авторы не указывают, присутствовали ли они сами при этом разговоре или, что скорее всего, записали его с чужих слов. Только Франсуа пишет, что этот рассказ поведал ему офицер 61-го полка. Согласно Франсуа, Наполеон, услышав слова полковника, ничего не ответил и молча продолжил смотр других частей. Как похожа эта история, рожденная в 1812 г., на известный эпизод при Рокруа, когда, согласно легенде, граф Фуэнтес, указав пальцем на место, назначенное его погибшему войску, сказал: «Вот они!»^[1501].

Лейтенант Гардые также поведал нам историю, связанную с потерей при штурме редута, и императором. По его словам, Наполеон, объезжая 6-го числа французские порядки, спросил полковника 111-го: каким образом он позволил захватить свои четыре орудия? После чего Гардые было приказано следовать за императором и дать разъяснения на местности, каким образом все это произошло. После чего император велел Гардые сообщить генералу Лоншану, командиру 4-й бригады, которую составлял 111-й линейный, «что он забыл об этой ошибке, принимая во внимание прекрасную атаку, которая решила взятие редута...»^[1502].

Таким образом, ход боя за Шевардинский редут и характер последующих событий (о чем речь пойдет ниже) убеждают в том, что столкновение 5 сентября носило, до известной степени, случайный характер, как со стороны русских, так и со стороны французских войск. Русское командование, еще до появления французов, решило перенести позиции левого фланга от Шевардина к Семеновским высотам, но не успело. Французы, двигавшиеся сразу вслед за арьергардом Коновницына, вынудили шевардинский отряд принять бой. Русские упорно оборонялись, чтобы дать возможность 2-й Западной армии обосноваться на новой позиции, а частям арьергарда оторваться от наседавшего противника. В этом смысле Шевардинский бой был для русской стороны отнюдь не бесполезным, в отличие, скажем, от того, что утверждал Барклай-де-Толли («бессмысленно загубили 6–7 тыс. человек»). Оборона Шевардинского редута, помимо всего прочего, могла бы помочь русскому командованию определить и направление главного удара противника в день решающего сражения. Хотя вопрос о том, насколько последняя возможность была реализована русскими штабами, остается открытым.

Что касается французской стороны, то она решилась с ходу атаковать Шевардинский редут, расценив его как передовое укрепление, мешавшее развернуть войска и основательно обозреть русские позиции. Только на следующий день, проведя более полную рекогносцировку русской позиции и увидев странный загиб русского правого фланга, Наполеон усомнился в точности своих оценок назначения Шевардинского редута. Но 5 сентября император стремился овладеть редутом как можно быстрее, надеясь во что бы то ни стало занять важный плацдарм для атаки основных русских позиций.

3.3. Великая армия перед сражением: день 6-го и утро 7 сентября

В ночь после взятия Шевардинского редута шел холодный мелкий дождь, дул резкий ветер. Французы почувствовали осень. «Мы отдыхали после усталости дня, под шум порывистого ветра и сильного холодного дождя», – писал Лабом^[1503]. Огни русских костров, которые виднелись впереди, казались многим французам (Лабому, Ложье, Сегюру, Брандту и др.) огромным амфитеатром, придавая русским позициям «почти волшебный вид» (Лабом). Наполеоновские солдаты с завистью смотрели на эти огни, представляя себе сытный ужин, тепло и уют, которыми наслаждался противник. Сами французские войска «стекались в беспорядке на незнакомые места, где не было ничего приготовлено» (Сегюр); особенно в центре и на левом фланге чувствовался острый недостаток в топливе для костров. Костры дымили и отбрасывали «во мраке лишь бледный отсвет» (Ложье). Одни солдаты «старались как-нибудь устроить себе шалаши из листвы, так как погода суровая. Другие сидят вокруг котлов и присматривают за своим скромным ужином. Те, у кого есть ржаная мука, готовят род теста, который зовут... пульты. Около ночи начинает накрапывать мелкий холодный дождь при сильном ветре: очень скоро наш лагерь становится сплошной топью», – писал Ложье из 4-го армейского корпуса^[1504].

Бивак 1-го армейского корпуса был не менее суров. Мало того что его солдаты провели ночь среди убитых и раненных в бою за Шевардинский редут, они были вынуждены сохранять готовность в любую минуту схватить оружие и вступить в бой с неприятелем. Не меньшие тяготы испытывала резервная кавалерия. Тирион, старший вахмистр 2-го кирасирского полка из 1-го корпуса Нансути, повествует, как вечером 5-го их дивизия оттеснила русских кирасир, заставив их очистить опушку леса (видимо, Утицкого либо какой-то близлежащей к нему рощи). В этом лесу 9-й шеволежерский выставил главный караул, выдвинув вперед свои посты. Где-то рядом с 9-м шеволежерским разместился и 2-й кирасирский. «... Что это был за печальный бивак. Ничего для лошадей, ничего для людей, голая, бесплодная равнина, никаких селений и неприятель впереди и кругом нас!...»^[1505]

Вечером 5 сентября, в 8 часов вечера, когда уже совсем стемнело, к западу от д. Валуево установили палатку императора. Рядом была раскинута палатка Бертье. Палатки «тотчас же осветились огнями, которые зажглись вокруг». Часть чинов Главного штаба и квартиры расположились в оставшихся строениях Валуева^[1506].

В ту ночь одна мысль снедала всю французскую армию, от императора до солдата: уйдут ли русские снова, отказавшись от решительного сражения, как это было уже много раз – под Витебском, Смоленском, Валутиной горой, либо примут бой. «Мы были в таком положении, когда встал вопрос – либо завоевать, либо погибнуть. И эта мысль придавала всем столько храбрости, что, несмотря на силу русской армии и их непреодолимые укрепления, каждый смотрел на наше вступление в Москву как на необходимость. Хотя наша усталость вызывала непреодолимое желание спать, среди нас были, однако, такие люди, возбужденные желанием славы, что экзальтация сделала их невосприимчивыми к отдыху», – писал Лабом^[1507]. «Сколько разных тревог было пережито в ту ночь! – восклицает Сегюр. – Солдаты и офицеры готовили оружие, чистили амуницию, боролись с холодом и голодом...»

Поздно вечером 5 сентября, когда бой за редут был уже закончен, император, по свидетельствам Коленкура, Сегюра и Раппа, приказал произвести рекогносцировки и отдал предварительные приказы на сражение утром следующего дня^[1508]. Но уверенности в том, что «ему придется начать атаку завтра утром», у Наполеона не было. Русская армия могла ночью сняться и уйти, чего очень опасались во французской армии^[1509]. С одной стороны, опыт и проницательность говорили Наполеону, что русские обязательно должны дать решающее сражение под Москвой и что недавно назначенный главнокомандующим Кутузов с неизбежностью должен был на это пойти. Упорство русских, с которым они защищали Шевардинский редут, всего-навсего только передовое укрепление, казалось, это доказывало. Но полной уверенности у Наполеона не было – он боялся, что к утру призрак русской армии

вновь растает. Вполне реальной была возможность того, что Кутузов вообще сдаст Москву без боя. Тогда поход на Москву, несмотря на важный политический результат в виде падения русской столицы, с военной точки зрения был бы значительно обесценен. Исход всей войны с Россией оказался бы под угрозой.

Той ночью в палатке Наполеона дежурил генерал-адъютант Ж. Рапп^[1510]. Позже события тех дней и ночей, которые предшествовали сражению, сольются в памяти Раппа воедино и обрастут явными неточностями^[1511]. Но общее настроение императора Рапп передал, без сомнения, верно. Наполеон спал мало, погруженный в состояние нервного ожидания. Под утро, чтобы согреться, он потребовал пуншу. Испытывая потребность в разговоре и найдя собеседника в лице Раппа, он, размышляя вслух о русском командовании, о трудностях, с которыми столкнулась Великая армия, о том, что «счастье самая настоящая куртизанка», попытался убедить прежде всего самого себя в несомненном успехе предстоящего сражения^[1512].

Как Наполеон предполагал действовать утром 6 сентября в случае атаки? Прямых указаний на этот счет нет. Поэтому мы вынуждены обратиться вначале к расположению французских войск в ночь с 5 на 6 сентября, чтобы определить наиболее возможный вариант действий Наполеона. Левый фланг составлял 4-й армейский корпус. Как известно, 5 сентября, двигаясь вдоль дороги из с. Грязь, он вышел на пространство в виду с. Бородино. 13-я пехотная дивизия разместилась севернее дороги, ведущей из Грязи, 14-я – южнее, возможно перекрывая саму дорогу. Правый фланг 14-й дивизии был примерно в полукилометре от Большой Смоленской дороги. За порядками пехотных дивизий расположилась пешая и конная Итальянская гвардия, а еще значительно северо-западнее – кавалерийская дивизия Орнано (три легкокавалерийские бригады – 13, 21 и 22-я). Квартира вице-короля в ночь с 5-го на 6-е была в расположении Итальянской гвардии^[1513].

Фэн относит к 5 сентября достопамятный эпизод, когда разведка кавалерии Орнано, перейдя, вероятно, р. Войну, приблизилась к впадению Колочи в р. Москву («la rivière de Moscou, la Moskowa!»). Напив своих лошадей (мы сомневаемся, что они напоили их водой из самой р. Москвы, скорее, из какого-то ее притока), солдаты возвратились к главным силам и поспешили сообщить о своем открытии (Фэн). Предстоящее сражение получило у французов название «Битва при Москве-реке».

Южнее вице-короля, перекрывая Большую Смоленскую дорогу, стала 3-я дивизия Жерара, так и не перейдя Колочь. Только два батальона 7-го легкого полка расположились возле реки для связи с войсками 1-й дивизии, которая была на правом берегу Колочи, занимая часть довольно обширного леса^[1514].

Еще днем 5 сентября французы стали сооружать через Колочь временные мосты (с их помощью переправлялись части Компана, а возможно, и Фриана). Поздно вечером и ночью эти мосты, вероятно, укрепили, а также соорудили один-два новых^[1515].

Непосредственно вокруг Шевардинского редута располагалась 5-я пехотная дивизия Компана. 2-я дивизия Фриана бивакировала на левом фланге от 5-й, а 4-я Дессэ – на правом, примерно на одной линии^[1516]. Корпус Понятовского на всех картах обычно располагают на пространстве между д. Доронино и с. Ельня, помещая его таким образом в тылу с правого фланга трех дивизий 1-го армейского корпуса и кавалерийских корпусов Мюрата. Между тем ход военных действий вечером 5 сентября ясно говорит о том, что польские части действовали к юго-востоку от Шевардинского редута^[1517]. Шамбрэ полагал, что правый фланг армии простирался вплоть до Старой Смоленской дороги, а Брандт утверждал, что польская дивизия Княжевича под прикрытием артиллерии вышла на эту дорогу^[1518]. По всей видимости, некоторые части польского корпуса действительно примыкали к Старой Смолянке, а польские вольтижеры с 15-м пехотным полком были метрах в пятистах к

юго-востоку от Шевардинского редута, возле опушки Утицкого леса. Основные же соединения 5-го корпуса находились где-то юго-западнее Доронинской рощи.

Кавалерийские корпуса Нансути и Монбрёна, вместе с приданной им легкой кавалерией 1-го и 3-го армейских корпусов (за исключением дивизии Пажоля), оставались ночью к юго-западу от Шевардинского редута, в тылу войск Морана, Фриана и Жерара, расположившись, таким образом, по обе стороны Колочи. 4-й кавалерийский корпус Латур-Мобура, вероятно, был где-то между Колоцким монастырем и д. Головиной^[1519].

Влево от Новой Смоленской дороги, в кустарнике, были расположены императорские палатки. Пеле уточняет: «Императорские палатки были расположены влево от большой дороги, на округленной возвышенности, саженях в 300 к западу от деревни Валуевой. Гвардия и императорская квартира стали биваком вокруг Валуева». Это подтверждает дневник Вьонне де Марингоне: «Бивакировали на поле боя; гвардия разбила лагерь возле деревни, бывшей в ложине и имея речку перед собой; она была в 3 линиях и на таких дистанциях, чтобы иметь возможность сформировать каре...»^[1520]. Возможно, только Легион Вислы (судя по воспоминаниям Брандта) бивакировал отдельно, где-то к востоку от Валуева.

Сзади гвардии – по дороге и вдоль нее – была «масса парков и конвоев». Поздно вечером Наполеон, будучи уже в палатке, отдал приказ о «скорейшем доставлении отставших артиллерийских парков» (Сегюр). По мнению Пеле, артиллерийские резервы могли подойти к фронту только к полудню 6-го^[1521].

На некотором расстоянии за гвардией, также вдоль Новой Смоленской дороги (а передовые части – на самом берегу Колочи, у Фомкина) бивакировали войска 3-го армейского корпуса. Еще далее в тылу расположился 8-й корпус Жюно^[1522].

Итак, обзор размещения французских корпусов в ночь после Шевардинского боя позволяет предположить, что Наполеон не был до конца готов к началу генерального сражения утром 6 сентября: во-первых, было необходимо подтянуть 3-й и 8-й армейские корпуса, корпус Латур-Мобура, резервную артиллерию и парки, развернуть их; во-вторых, не были ясны намерения противника (Наполеон не мог исключить не только возможность русского отхода, но и возможность русской атаки 6 сентября, особенно с целью вернуть Шевардинский редут). И все же направление главной атаки французской армией русских позиций стало уже определяться. Захватив Шевардинский редут, Наполеон создал условия для давления на левый фланг русских, который не был прикрыт серьезными естественными препятствиями, что, помимо всего, позволяло Наполеону использовать кавалерийские массы. Но для окончательного решения о направлении атаки нужно было удостовериться в безопасности своего левого фланга и провести более детальную рекогносцировку местности.

После того как Наполеон провел в палатке несколько часов, которые были заполнены не только кратким отдыхом, но и выяснением ситуации и отдачей приказов, ранним утром 6 сентября он начал рекогносцировку. Несмотря на «хрестоматийность» этого события, сюжет оказался чрезвычайно запутан. Пеле и Шамбрэ писали о рекогносцировке в общем. Воспоминания Сегюра, Брандта, Раппа, Гриуа, Колачковского и др. также создают весьма размытую картину. Более убедительны свидетельства Деннье, Коленкура, Фэна, Фантена дез Одара и др. Вероятно, опираясь на их свидетельства, Тьер, Тири, Чандлер, Даффи и Кэйт выделяют две рекогносцировки, а Остин – три, но и у этих авторов остается много неясностей и противоречий.

На основе сопоставления наиболее достоверных материалов можем утверждать о проведении двух длительных рекогносцировок. Первая началась в 2 утра^[1523] и закончилась в 9 – начале 10-го. Примерно в 2 часа дня – начале 3-го началась вторая рекогносцировка Наполеона (что следует из Деннье, Раппа, воспоминаний и «Дорожного дневника»

Коленкура, Фэна), которая также продолжалась довольно долго («до вечера» – в мемуарах Коленкура; до 6 вечера – в его «Дорожном дневнике»). Поздно вечером Наполеон еще раз приближался к русским позициям, пытаясь удостовериться в намерениях неприятеля дать сражение. Согласно Пеле, «в продолжение ночи Наполеон возвратился к левому флангу, чтобы постараться рассмотреть расположение русских в этой части. Он проехал по линии передовых постов до крайнего левого фланга 4-го корпуса». Фэн также пишет, что ночью Наполеон «посетил линию для определения силы врага по числу костров»^[1524].

Итак, первая рекогносцировка началась рано утром, еще в темноте^[1525]. Более того, когда уже стало светать, туман, лежащий в лощинах вплоть до 8 утра (Брандт), создавал серьезные трудности для обзора местности. Если верить Лежену, то при объезде левого фланга за группой Наполеона погнался патруль казаков^[1526]. По линии постреливали егеря. Источники дают противоречивую информацию о том, кто именно сопровождал Наполеона в первой поездке. Брандт, который видел императора рано утром, в тумане, пишет о Сорбье, гвардейских егерях, польской коннице и нескольких офицерах, следовавших с императором и на некотором отдалении. Лежен уверяет, что Наполеон был с Бертье, принцем Евгением, двумя офицерами и им, Леженом, без какой-либо иной свиты. Фэн пишет, что Наполеона сопровождали Коленкур и Рапп, «которые этой ночью несли службу», а также «несколько егерей эскорта». Колачковский, видевший Наполеона, когда тот уже приехал на правый фланг, говорит о Мюрате и «целом штабе». Капитан 2-го вестфальского линейного полка Моргенштайн узнал в свите Бертье, Мюрата, Нея и Жюно. Наконец, самый авторитетный свидетель, А. Коленкур, отмечает среди свиты только себя и князя Невшательского (Бертье)^[1527]. По всей видимости, состав сопровождавших Наполеона высших офицеров все время менялся, в зависимости от того, чьи войска находились на том или ином участке линии. Однако очевидно, что наиболее авторитетным свидетелем является Коленкур, но и в его мемуарах есть некоторое «наложение» событий, что заставляет нас обращаться одновременно к его «Дорожному дневнику» и другим свидетельствам.

Первоначально, еще в темноте, Наполеон направился в район Шевардинского редута; оттуда, под прикрытием находившегося к северо-востоку леса и пользуясь туманом, близко подъехал к центру русских позиций. Отсюда он наблюдает Курганную высоту, а сбоку – район ручья Каменки и Семеновского оврага. Затем Наполеон едет на левый фланг, обследует его «вплоть до сторожевых постов»^[1528]. Потом снова возвращается к центру, где, вероятно, и объяснил Богарне «все диспозиции на месте». Вслед за этим Богарне начал возводить укрепления с целью «привлечь внимание неприятеля и обеспечить опорный пункт (pivot) и сообщение армии»^[1529]. Далее Наполеон, вероятно, отправился на крайний правый фланг. Колачковский достаточно подробно описывает посещение императором расположения 5-го корпуса. Колачковский вспоминает, что Наполеон и Мюрат прибыли с «целым штабом» к польскому лагерю, «расположенному на захваченной вчера позиции, и некоторое время оставались там, исследуя неприятельское расположение; рядом с нашим лагерем действовали егеря, которые ограничивали возможность обзора». С холма, на котором стоял Наполеон (по словам Пеле, это была одна «из высот, находившихся между Доронином и Утицею»; отсюда Наполеон смотрел в подзорную трубу, положенную на плечо Мюрату), было видно главным образом море зарослей, протянувшихся в глубину и вправо неприятельской позиции. Справа обозначалась Старая Смоленская дорога, проходившая через Утицу. Слева русская позиция просматривалась яснее, но зато пространство было покрыто оврагами. Линия русского лагеря, в котором виднелось много людей, простиралась так далеко, насколько мог охватить взгляд. Здесь Наполеон дал свои инструкции Понятовскому. По мнению и Колачковского, и Пеле, инструкции сводились к тому, чтобы Понятовский двигался к Утице, «опрокинул все, что встретится на пути»; затем поворотом влево помог бы атаке русских позиций в районе Семеновского оврага^[1530].

Затем Наполеон возвратился к центру, пройдя близко от русских аванпостов, и поехал к Валуеву. В продолжение всей рекогносцировки Наполеон «разговаривал с начальниками, его приветствовали солдаты...». В наиболее важные пункты линии он отправил «офицеров, которые должны были произвести частное изучение»^[1531].

Наполеон прибыл в ставку в 9 – начале 10-го. Убедившись, что русская армия осталась на месте и готовится к сражению, Наполеон вместе с тем был сильно озадачен. Правый фланг противника непонятным образом загибался на северо-восток и исчезал из поля видимости, а левый, не менее странно, примыкая правым крылом к Московской дороге, обрывался возле северной кромки Утицкого леса. Наиболее убедительным объяснением необычного расположения противника могло быть только то, что Шевардинский редут, взятый накануне, был не чем иным, как опорным пунктом левого фланга. Теперь, потеряв опору, русские отвели этот фланг, сделав «облический» загиб фронта, и это ставило их в весьма невыгодное положение. Они могли снова сняться и уйти без боя. Наполеон гнал от себя эту мысль. Проезжая бивак генерала К.-П. Пажоля, он услышал бодрый припев: «La victoire en chantant nous ouvre la barriere!» («Поющей победой снесем мы преграды!»). Армия жаждала сражения, которое завершило бы тяготы неудачно начавшегося похода, и это питало оптимизм Наполеона. Возвратившись в ставку, император «объявил о приказе на день, по которому армия должна была в оставшееся время подготовиться к битве на следующий день»^[1532].

Распоряжения, отданные Наполеоном в ходе первой рекогносцировки, ясно говорят о том, что он решился, сделав свой северный фланг опорной точкой, произвести захождение правым крылом. Но конкретный план этого захождения был еще не до конца ясен. Коленкур полагал, что Наполеон колебался – «сделать ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля... или же занять такие позиции... чтобы иметь возможность атаковать неприятельский центр с фронта и тыла, начав атаку правым крылом»^[1533].

6 сентября в ставку императора приехали префект двора Л.-Ф.-Ж. Боссе и капитан Ш. Фавье, адъютант командующего французскими войсками в Испании маршала Мармона^[1534]. На обстоятельствах их приезда считали своим долгом остановиться все историки и писатели, касавшиеся Бородинского сражения. Между тем не ясно, когда точно Боссе и Фавье приехали, когда портрет Римского короля (сына Наполеона, любовно называемого им Орленком) был выставлен перед палаткой императора и когда Наполеон беседовал с Фавье. Обращение к свидетельствам современников также дает противоречивую картину (воспоминания Фэна, Деннье, Сегюра, Меневалю, дневник Кастелана вообще лишены каких-либо указаний на время). Пеле, Коленкур в своих мемуарах, Фезенсак пишут, что Боссе приехал после полудня, а император увидел портрет сына и прочитал письма императрицы Марии-Луизы, возвратясь из рекогносцировки. Из какой рекогносцировки? Можно предположить, что из второй, закончившейся либо в 6 часов вечера, либо не ранее 5 вечера. Но Брандт видел портрет Орленка, выставленный у палатки, и слышал рассказ о том, что сказал император, глядя на портрет, уже в четвертом часу^[1535]. Главное, сам Боссе утверждал, что прибыл в лагерь «в 9 часов утра, к палатке императора». Портрет, выставленный снаружи палатки, пишет Боссе далее, «оставался там весь день»^[1536]. Невозможно предположить, что Наполеон, возвратясь из первой рекогносцировки, не обратил на Боссе ни малейшего внимания. Думаем, что встреча префекта двора с императором и история с портретом Орленка произошла поздним утром, где-то в районе 10 часов^[1537]. Фавье приехал позже, но, вероятнее всего, тоже до начала второй рекогносцировки. Возможно, что вечером император беседовал с ним еще раз.

Итак, возвратясь из первой рекогносцировки к своей палатке у Валуева, Наполеон застал там Боссе, префекта двора и камергера, только что прибывшего после 37 дней пути и доставившего несколько бумаг от императрицы. В специальном ящике Боссе привез портрет

сына Наполеона. Префект, видя, что завтра предстоит большое сражение, полагал, что император повременит несколько дней с лицезрением портрета. Но все произошло не так^[1538].

Как мы уже знаем, размышления о жене и сыне были для Наполеона постоянными во время Русского похода. Большое количество писем, отправленных Марии-Луизе и составленных в короткие промежутки между неотложными делами, проникнуты подлинным чувством стареющего мужчины и государя. Наполеон искренне радовался любому письму или известию, касавшемуся его супруги и любимого сына. Теперь, получив портрет сына перед битвой, Наполеон в волнении приказал немедленно достать его из ящика. Желая, чтобы портрет был все время перед глазами, он распорядился поместить его в палатке. «Его глаза выражали истинное умиление» (Боссе). Желая разделить свои чувства с соратниками, Наполеон созвал всех офицеров своей квартиры и всех генералов, находившихся рядом, чтобы и те увидели портрет. На портрете, выполненном Жераром, был изображен 20-месячный прелестный ребенок, играющий в бильбоке. Правда, вместо палки в его руке был скипетр, а в другой – вместо мяча – земной шар. «Господа, – сказал Наполеон, – когда моему сыну будет 15 лет, верьте, что он будет так же храбр, как на картине». «Этот портрет восхитителен», – добавил он моментом позже. Затем Наполеон приказал одному из лакеев вынести картину из палатки, чтобы офицеры и солдаты гвардии также смогли полюбоваться. Поставленный на складной стул возле палатки, портрет привлек целую толпу любопытствующих. Старые усачи-гвардейцы, множество раз видевшие императорского сына, отпускали замечания: «Надеемся, – сказал один сержант, – что он пойдет дорогой своего отца». «Надеемся, – вторил ему другой, – что у него вырастут усы» (усач-гвардеец хотел, без сомнения, сказать, что Орленок быстро вырастет). Портрет оставался возле палатки довольно долго. Но, вероятно, сразу после возвращения из второй рекогносцировки Наполеон приказал портрет унести: «Уберите его, он слишком юн, чтобы быть на поле битвы»^[1539]. Помимо того что уже стало смеркаться, что-то еще заставило Наполеона унести портрет в палатку и поместить его в ящик. Что именно?

Вскоре после Боссе в ставку императора прибыл капитан Фавье. Как нам уже известно, сообщение о серьезной неудаче О.-Ф.-Л. Мармона при Арапилах 22 июля пришло к императору 2 сентября в Гжатске. Тогда Наполеон остался недоволен характером информации. Теперь же он мог узнать о сражении «из первых рук». Наполеон долго беседовал с Фавье, расспросил о ране Мармона. Хотя испанские дела не могли обрадовать императора и он «смутно угадывал все последствия этого несчастного события» (Фэн), в целом рассказ Фавье был им воспринят спокойно, даже «с какой-то насмешливостью». «...Русские дела в данный момент были слишком серьезны для того, чтобы его заботили неудачи герцога Рагузского (Мармона. – В.З.) в Испании», – вспоминал позже Коленкур^[1540]. Пытаясь отогнать от себя неприятные мысли об Испании, Наполеон после разговора с Фавье стал напевать строки из «Оды на фортуна» Жана-Батиста Руссо:

L'impatience indocile
Du compagne de Paul
Emile fit tout le succès d'Annibal^[1541].

Сюжет, который пришел на память Наполеону, касался событий 2-й Пунической войны, когда консул Гай Теренций Варрон, вопреки мнению другого консула, Луция Эмилия Павла, сторонника постепенного истощения противника, настоял на решительном сражении с Ганнибалом, и это привело к страшному поражению римлян при Каннах. Теперь, сам выступая в роли Ганнибала и видя наконец-то перед собой противника, решившегося на генеральное сражение, Наполеон пытается вдохнуть в себя и в окружающих решимость

одержать победу; мысли об Испании пока не должны были отвлекать его от главной задачи. Новости о проигранном Мармоном сражении было решено сохранить в тайне от армии.

Хотя приезд Фавье и известия из Испанской армии составляли тайну, об этом в тот же день узнали многие. Брандт, посланный к генералу Монтиону и задержавшийся в ставке, встретил там своего знакомого капитана Десэ (Desaix), от которого без труда узнал, кто такой Фавье и зачем он приехал. Сам Фавье беседовал в тот день с очень многими^[1542]. Храбрый и горячий Фавье, хотя и должен был возвращаться обратно в Испанию, остался для участия в генеральной баталии простым волонтером при 30-м линейном полку, чтобы «показать, что солдаты Испанской армии не уступят в храбрости солдатам Русской армии»^[1543].

В 2 – начале 3-го часа пополудни Наполеон отправился во вторую рекогносцировку. Император хотел лучше разглядеть местность и русские позиции (чему в первой поездке мешал утренний туман), а также увидеть перемены, произошедшие днем в русском лагере. Необходимость второй поездки диктовалась и слухами о готовности русских снова начать отступление^[1544]. Рапп, отправленный ранее на разведку и возвратившийся около двух часов в ставку, увидел Наполеона разговаривающим с Мюратом и Бертье. Сведения, принесенные Раппом, убедили Мюрата в том, что надо готовиться к бою. «Однако другие генералы продолжали считать, что русские не рискнут и уйдут без сражения». Рапп был противного мнения и стал убеждать, что русские атакуют французскую армию, если она их не опередит. Наполеон, как и Бертье, согласился с Раппом. После чего император потребовал своих лошадей и отправился в рекогносцировку^[1545].

Коленкур пишет о второй рекогносцировке мало, отмечая только, что Наполеон «произвел наблюдение с более близких пунктов...» и что император объехал «всю линию и дал диспозиции к атаке завтра». Более подробно остановились на второй поездке Фэн и Деннье, но и они, вероятно, в ней не участвовали. Последний, например, даже считал, что император в этот раз объехал левый фланг «единственно только с вице-королем»^[1546]. По всей видимости, во второй раз император начал осмотр с левого фланга, проехав довольно далеко вдоль р. Войны, а возможно, и перейдя ее. Наполеон «долго всматривался в русские биваки без помех...» (Деннье), чему способствовал «туман от дождя» (Фэн). Вероятно, проезжая с левого фланга на правый, возле с. Бородино Наполеон был обстрелян русским оружием^[1547]. Затем Наполеон проследовал на правый фланг, окончательно уверившись, «что линия русских продолжается облическим образом, пересекая Московскую дорогу, до высоты большого леса, на который опирался наш (французский. – В.З.) правый фланг...»^[1548]. По словам Деннье, Наполеон увидел, что «многочисленные редуты прикрывают позиции русских». Утром у Наполеона не было уверенности в «облическом» загибе русских позиций; именно поэтому он предполагал русскую атаку Шевардинского редута. Теперь же, когда он ясно увидел возводимые на южном фланге укрепления, русская линия уже определенно предстала в «облическом» виде. Это «окончательно убедило его, что он не ошибся: по возвращении он отдал соответствующие приказы»^[1549]. Наполеон окончательно решил начать главную атаку из района Шевардинского редута, откуда «прекрасное дело дивизии Компана открыло нам дорогу» (Фэн).

Конечно, ни первая, ни вторая рекогносцировка не позволили Наполеону до конца понять своеобразие местности и расположения русских войск^[1550]. Однако в целом Наполеон все-таки правильно оценил характер местности, в том числе в районе Багратионовых «флешей» (он не мог видеть только «третью флешь») и на примыкавших к ним участках. Император, вероятно, даже заметил небольшое укрепление, которое русские возводили «на развалинах Семеновской деревни» (Пеле).

Как оценивали французы характер русских укреплений? По мнению Деннье, «позиции русских были хорошо защищены». Лежен считал, «что линия врага была защищена потрясающими позициями, хорошо укрепленными, с редутами и реданами, в которых были

пушки»^[1551]. Но это крайняя точка зрения. Гораздо более убедителен Фэн и, особенно, 18-й бюллетень Великой армии: «Позиция была хорошо укреплена и давала возможность маневрировать и ретироваться. Но это (атака такой позиции. – В.З.) составляло честь, и эта позиция не была в такой степени сильной, чтобы отказаться от возможности сражаться. Было видно, что редуты не были закончены, рвы были неглубокими, палисадов не было...»^[1552] Как уже отмечалось, общие русские силы оценивались Наполеоном в 120–130 тыс.^[1553]

Насколько эти цифры были близки к реальной численности русской армии? Наиболее точные подсчеты были сделаны в 1990-е гг. А. А. Васильевым и А. А. Елисеевым. По их мнению, с учетом потерь, понесенных 5 и 6 сентября, русские войска без ратников Московского и Смоленского ополчений насчитывали около 118 тыс. человек и примерно 620 орудий. Ополченцев на 5 сентября имелось около 31,7 тыс. Следовательно, на 7 сентября в составе соединенных армий было всего 150 тыс. человек, включая ополченцев^[1554]. Помимо этого, следует отметить значительное количество новобранцев в регулярных частях. Некоторые авторы утверждают даже об 1/4 новобранцев, но это явно завышенная цифра; полагаем, что новобранцев было до 20 тыс. человек^[1555].

Таким образом, штаб Наполеона, беря за основу только регулярные части и казаков, имел верное представление о численности и составе сил противника.

Какова была численность главных сил армии Наполеона к утру 7 сентября? Основой для любых серьезных вычислений сегодня, как и ранее, могут быть только данные Шамбрэ и Пеле о перекличке 2 сентября в Гжатске. Все попытки более точного исчисления французских войск являются только вариациями на тему «гжатского расписания». Напомним, что перекличка дала (с учетом подхода в течение 5 дней «откомандированных») 133 819 человек, находящихся в строю. В эту цифру мы ранее (в 1998–2001 гг.) попытались внести поправки, учтя 2-ю дивизию легкой кавалерии, строевых чинов Главной квартиры, предполагаемые боевые и небоевые потери со 2 по 6 сентября. Это дало цифру в 126–127 тыс. строевых чинов при 584 орудиях. С тех пор авторы лучшего расписания Великой армии при Бородине (А. А. Васильев и А. И. Попов), вышедшего в 2002 г., предложили иные цифры: около 132 тыс. человек при 591 (возможно – 594) орудиях^[1556]. Вариант Васильева и Попова интересен тем, что авторы начали отсчет не от цифры 133 819 человек, уже включавшей, по мнению организаторов переклички, тех, кто должен был возвратиться в строй в течение 5 дней, а от базовой цифры в 123 737 человек, имевшихся налицо 2 сентября. Скрупулезный анализ вероятных перемещений в последующие дни соединений, частей и подразделений главных сил Великой армии дал авторам, как кажется с первого взгляда, возможность представить более точную конечную цифру. Однако должны заметить, что в этих расчетах не может не быть целого ряда условных допущений. Во-первых, как и ранее, невозможно точно оценить потери французов за 3–6 сентября (так, в отличие от утверждений Васильева и Попова об убитии у французов в Шевардинском бою 3 тыс., продолжаем настаивать на цифре в 4–5 тыс. человек, в то же время количество потерянных орудий вполне могло быть не 6, но только 4 или даже 3). Во-вторых, пытаясь внести собственные уточнения в цифру присоединившихся к армии со 2-го по 6 сентября, авторы должны были в значительной степени проигнорировать предположения самого французского командования по этому поводу (хотя бы потому, что бумаги Шамбрэ и Пеле просто не конкретизировали эти предположения); поэтому ряд предположений Васильева и Попова, призванных, казалось бы, конкретизировать (а значит, и кажушихся более убедительными, чем общие предположения французского командования), выглядят не вполне убедительными (утверждение о расформировании двух батальонов 111-го линейного полка после Шевардинского боя – ошибочность этого утверждения признал и А. И. Попов; количество вернувшихся в свои части до 7 сентября чинов в «различных пеших и конных командах»; возможность возвращения 1,5 роты конной артиллерии 3-го кавалерийского корпуса). Вместе с тем, исследования А. А. Васильева и А. И. Попова заставляют нас внести

коррективы в те цифры, которые мы ранее представили. Это касается явно завышенной нами численности строевых чинов Главной квартиры и возможной заниженности количества имевшихся орудий. Таким образом, сегодня будет вполне корректно утверждать, что к утру 7 сентября численность Великой армии могла быть 128–129 тыс. человек в строю при 583–593 орудиях.

Почти все авторы, повествующие о Бородинском сражении, считают своим долгом остановиться на возможности глубокого обхода русских войск на южном фланге, что позволило бы французам обойти Багратионовы «флешы», избежав тем самым больших потерь. Это предложение, по свидетельству Сегюра, исходило от Даву во время второй рекогносцировки. Тьер относит это событие к более позднему времени, когда вторая рекогносцировка уже была закончена и Наполеон формулировал свои приказы на следующий день. Маршал предлагал задействовать для этого обхода не только 5-й, но и 1-й армейский корпус. Комбинированные действия этой группировки с главными силами французов могли бы привести к дезорганизации армии Кутузова, которая оказалась бы отброшенной в мешок между Колоцью и Москвой. Несмотря на плохие карты, было все-таки понятно, что сразу от Бородина Большая дорога заметно отклоняется к югу и что, таким образом, выход на нее французов заметно облегчается. Но Наполеон не принял предложения Даву, бросив, согласно тому же Сегюру: «Вечно вы со своими обходами! Это слишком опасный маневр».

Об этом эпизоде писали чуть ли не все мемуаристы или авторы – участники Бородинского сражения с французской стороны: Водонкур, Коленкур, Фэн, Фезенсак, Пеле, Пельпор... У нас не осталось сомнений, что предложение Даву об обходе действительно имело место. Существуют и свидетельства тому, что Даву 6 сентября действительно углублялся в Утицкий лес с Понятовским и Фрианом^[1557]. Кажется, эта идея вообще витала в воздухе. Поляки, находясь весь день в перестрелке в районе Утицкого леса, обнаружили слабое сопротивление неприятеля. «Сопротивление русских в этом пункте было не совсем таким, каким оно должно было бы быть и каким оно было в других местах», – отмечал Коленкур, повествуя о колебаниях Наполеона насчет маневра на южном фланге. Наполеон был даже обескуражен, не найдя крупных сил в районе Старой дороги. Пеле отмечает, что, по расчетам Наполеона, русская армия должна была располагаться между двумя дорогами, но северный ее фланг странно загибался, оставаясь большой загадкой для императора, а южный фланг не менее странно обрывался, не дойдя до Старой дороги. То, что русские перебрасывали туда 3-й пехотный корпус Н. А. Тучкова, Наполеон в течение дня 6 сентября не обнаружил, хотя, разумеется, не исключал возможности встретить значительные русские силы ближе к Утице.

Подавляющее большинство историков и военных писателей вполне оправдывали отказ Наполеона. Они обращали внимание, во-первых, на возможность отхода русских, если бы те увидели признаки стратегического обхода (Гурго, Коленкур, Фэн, Фезенсак, Хольцхаузен, Геруа, Чандлер, Даффи, Рьен, Нафziger); во-вторых, на опасность разделения французской армии на две части, совершенно отделенные одна от другой (причем сорокатысячный отряд двигался бы ночью через лес по малознакомой местности), что в случае ответных маневров врага могло бы закончиться весьма плачевно (Тьер, Кукель, Чандлер, Даффи, и др.); в-третьих, на то, что сказалось вполне понятное нежелание Наполеона отдаляться от основной коммуникационной – Новой Смоленской дороги (Пеле справедливо пишет, что «император не мог протянуть свой правый фланг, не отдалив его совершенно от дороги») (Пеле, Кукель); в-четвертых, на недостаточно удовлетворительное состояние французской артиллерии и кавалерии, а это автоматически ограничивало возможность широкого маневра (Чандлер, Даффи); в-пятых, на то, что Наполеон высоко оценивал ожидаемое сопротивление русских, зная по своему опыту и на основе изучения истории военных кампаний, что русские могли оказывать сопротивление даже при разрыве коммуникационной линии (Клаузевиц, Чандлер). Сравнительно немногие авторы осуждали Наполеона за такое решение^[1558].

Но столь ли уж уверен был Наполеон в бессмысленности предложения Даву? Согласно рассказам, ходившим среди деятелей Первой империи, после слов Даву император обратился к государственному секретарю П.-А. Дарю: «Что вы думаете?» – спросил он. «Сир, – ответил Дарю, – я полагаюсь на маршала Даву, так как из всего вашего окружения он провел рекогносцировку наиболее основательно»^[1559]. И все же предложение Даву было отвергнуто. Наполеон решился на фронтальный бой, отказавшись от глубокого маневра.

Среди перечня причин, которыми авторы обычно объясняют отказ императора от предложения Даву, главной, как правило, считают его боязнь отхода русских войск. Наполеон якобы испытал такое давление времени, ему столь срочно требовалась решительная победа, что он предпочел наиболее кровопролитный и наименее эффективный вариант боя. Но ведь полководцу была прекрасно известна стойкость русских, хотя бы по Прейсиш-Эйлау, и, принимая в расчет соотношение сил, можно было предугадать, что избранный вариант сражения не принесет Великой армии полного успеха. Чисто военные причины, таким образом, вряд ли смогут объяснить решение Наполеона. Очевидно, что у императора все более обострялось состояние напряженности и неуверенности, столь нехарактерные для него ранее. Множество раз исчезавший призрак русской армии, отказ Александра I от каких-либо переговоров, невероятные лишения, которые уже испытала Великая армия, тревожные вести из Испании, под влиянием которых Наполеон должен был действовать не только как полководец, но как государь, и, наконец, общая физическая усталость и болезни – все это не могло не сказаться на поступках военного гения. Обращает на себя внимание и еще один момент, обычно ускользающий из поля зрения военных историков. На о. Св. Елены Наполеон заявил, что «при Бородине Даву допустил ошибки»^[1560]. Какие?! Ведь в итоге оказалось, что, передав две дивизии от Даву Богарне, Наполеон столь ослабил 1-й корпус, что тот не смог с ходу взять «флешы», чем сразу был сбит темп действий французской армии. И в этом императору следовало винить прежде всего себя, а не кого-то другого. Отвергнув предложение Даву и приняв свой вариант боя, Наполеон, тем не менее, не обеспечил маршала должными силами для первого, и наиболее решающего, удара всего сражения. На это не мог не повлиять общий характер тех личных отношений, которые складывались между государем и маршалом в недели, непосредственно предшествовавшие Бородинскому сражению, о чем мы уже писали выше.

Каков был основной замысел Наполеона в отношении предстоящего сражения? Значительная часть общих и частных приказов на сражение сохранилась^[1561], и это дает возможность воссоздать общую картину планов императора, даже несмотря на то, что ясные положения инструкций распространялись только на начало сражения^[1562].

Итак, 5 и 6 сентября центр ожидавшегося сражения оставался в районе Новой Московской дороги. Наполеон, хотя и осуществлял главный нажим на южный фланг русских, продолжал держать основные войска вдоль главной коммуникационной линии. В ночь на 7-е центр французской армии, а с ним и центр сражения переместился южнее Новой Смоленской дороги – к Шевардинскому редуту, откуда французы намеревались атаковать русских на небольшом пространстве от северной кромки Утицкого леса до Курганной высоты. Таким образом, центр и правый фланг французской армии, опираясь на группировку Богарне (которая, как мы уже отметили вслед за Пеле, планировалась стать опорной точкой), должны были совершить захождение, оттесняя русских в мешок, созданный Москвой и Колочью, с возможным разрывом их коммуникационной линии где-то восточнее д. Татариново. Причем Наполеон, действуя на поле, разделенном Колочью на две неравные части, и имея силы, равные неприятельским, попытался использовать принцип «двойного сражения» (Чандлер): войска Богарне, первоначально обеспечивая только безопасность левого фланга и центральной коммуникации (с отвлекающей диверсией на с. Бородино), должны были, после успехов в центре и на правом фланге, захватить Курганную высоту, фактически становясь частью центральной группировки. Передача двух дивизий корпуса Даву, корпуса Груши и

легкой кавалерийской бригады Гюйона в распоряжение Богарне с военной точки зрения определялась не только необходимостью обезопасить северный фланг от любых неожиданностей и необходимостью укрепления опорной точки для войск Нея и Даву, но также и стремлением использовать эти войска для успешного наступления южной группировки после захвата Семеновских укреплений. Действия войск Понятовского, предназначенных для диверсии в районе Старой Смоленской дороги и Утицкого леса, также должны были поддержать войска Даву в случае его успешных действий в районе «флешей»^[1563].

Как должны были действовать войска центральной группировки, предназначенные для атаки «флешей» и д. Семеновское? Окончательный вариант определился только после того, как состоялась встреча Наполеона с Компаном^[1564]. Согласно Гурго, Наполеон вызвал Компана, чтобы объяснить ему задачу по атаке «редута, расположенного на нашем крайнем правом фланге». Генерал предложил провести свою дивизию по лесу, чтобы избежать картечи. Ней, который присутствовал при разговоре, стал уверять, что это может вызвать расстройство движения. Компан настаивал на своем, утверждая, что обследовал лес и установил, что он проходим. Наполеон согласился с мнением Компана. Тогда генерал поделился опасениями за свой правый фланг, обеспокоенный возможностью русской атаки между частями Понятовского и своей дивизией. Император разделил опасения Компана, распорядившись передвинуть дивизию Дессе правее^[1565].

Дивизия Фриана должна была оставаться в резерве в районе Шевардинского редута. 3-й и 8-й армейские корпуса должны были начать движение после удачных действий Компана, как бы вторым эшелоном (в приказах и в рапорте Нея направление атаки не указано, но, вероятно, исходя из обстановки, направление было на северную «флеш» и д. Семеновское). Успех пехотных частей предполагалось подкрепить введением в бой трех корпусов резервной кавалерии (1, 2 и 4-го), а в случае необходимости – и частями Молодой гвардии. Наполеон особо отметил требование действовать «в порядке и методически, сохраняя по возможности войска в резерве». Причем резервы должны были быть не только значительными, но и достаточно сближенными с передовыми частями, а войска каждой дивизии следовало вводить в бой постепенно, побригадно. Такой порядок давал Наполеону возможность, во-первых, избежать неожиданностей; во-вторых, сразу начать бой с большим напряжением; в-третьих, быстро развивать успех в любой точке прорыва русских позиций.

Особую роль должна была сыграть французская артиллерия. Согласно распоряжениям императора, ночью должно было быть сооружено два эполемента для артиллерии. Левая батарея должна была располагаться напротив д. Семеновское; там занимали позицию 16 тяжелых пушек и 8 гаубиц 3-го армейского корпуса под командованием генерала Фуше. Правая батарея, построенная для 24 орудий гвардии, сооружалась напротив Багратионовых «флешей» (ее обычно называют батареей Сорбье). Обе батареи должны были вести огонь в направлении д. Семеновское и по укреплениям к югу от нее, а батарея Фуше должна была позже направить часть своих усилий и на Курганную высоту, обстреливая ее совместно с орудиями 4-го корпуса перекрестным огнем^[1566]. Все остальные орудия предполагалось использовать в составе мобильных батарей. Так, в общей диспозиции и в приказе войскам Даву было указано сформировать перед исходной позицией дивизии Компана батарею из 30 орудий под командованием генерала Пернети (16 орудий корпусного резерва и 14 орудий дивизионной артиллерии); к ней должны были примкнуть 8 батарейных орудий дивизии Фриана и Дессэ. Этим 38 орудиям было предписано вести огонь в тесном взаимодействии с 24 тяжелыми орудиями гвардии, соединив таким образом огонь 62 орудий^[1567]. Точно так же к батарее Фуше должна была примыкать остальная артиллерия 3-го и 8-го корпусов^[1568]. По мнению Фэна, общее количество орудий перед 3-м корпусом составляло 60. Таким образом, против Багратионовых «флешей», д. Семеновское и, частично, против Курганной высоты

должно было сосредоточиться в первой линии 102 орудия^[1569]. К этому стоит добавить подвижные батареи, сформированные из орудий резервных кавалерийских корпусов^[1570].

До недавнего времени казалось, что тексты диспозиции и имеющихся приказов на сражение достаточно ясно определяли реальное местоположение и состав французских батарей напротив Семеновских укреплений. Однако недавняя публикация воспоминаний генерала Пернети заставила А. И. Попова усомниться в точности соответствия реального положения дел тому, что было определено в диспозиции и приказах, а также заставила попытаться дать свои варианты разрешения возникших противоречий^[1571]. По его мнению, напротив Багратионовых «флешей» были созданы две стационарные батареи – Фуше (24 орудия) и из части орудий Сорбье (24 орудия) – и расположились три мобильные батареи: Пернети (30 орудий), дивизионного генерала Б. Балтю де Пуйи (10 орудий) и Сорбье (40 гаубиц гвардии). Причем батарея Пернети (это определенно следовало из его воспоминаний) изначально была прикрыта земляными укреплениями и располагалась непосредственно южнее от орудий Сорбье. Мы полностью согласны с А. И. Поповым в том, что материалы Пернети действительно еще раз ставят проблему несоответствия реальных обстоятельств боя официальным бумагам и, прежде всего, приказам, отданным перед сражением. Однако у нас нет полной уверенности в необходимости сразу следовать за буквой воспоминаний генерала, которые писались, как полагает издатель, только в октябре 1840 г. Как следует из последнего отрывка, сам автор 29 октября 1840 г. попытался соотнести собственные воспоминания с мемуарами своего адъютанта капитана Море: что-то совпало, но что-то, видимо, согласовать оказалось трудно. Какие же все-таки уточнения (но не исправления) следует внести в картину, нарисованную на основе текстов диспозиции и приказов? 1. Батарея Пернети включала не 16 орудий корпусного резерва, а только 10; 6 пушек было взято из резерва 1-й пехотной дивизии; остальные 14 орудий были из резерва 2-й пехотной дивизии. 2. Батарея Пернети, возможно, в начале сражения действительно располагалась за земляным бруствером, находясь к югу от орудий Сорбье и примерно на одной линии с ними. 3. Общее количество орудий первой линии, сосредоточенных против Семеновских укреплений, следует увеличить на 6 единиц (именно столько орудий было передано из резерва 1-й пехотной дивизии батарее Пернети).

По замыслу Наполеона, более сотни орудий, с самого начала действовавших по укреплениям первой линии левого фланга русских, должны были подавить или ослабить их сопротивление (особую роль здесь должны были сыграть гаубицы, ведущие огонь гранатами). Затем, по мере развития наступления и захождения правым флангом, особый урон неприятелю нанесли бы французские пушки, ведущие анфилирующий огонь ядрами по тесным русским порядкам, в том числе поражая и их тылы. Артиллерия должна была не только вести огонь с большим напряжением с самого начала, но и наращивать силу огня по мере вступления в бой менее дальнбойных орудий. При этом сохранение весомого резерва из числа гвардейских орудий давало возможность быстро реагировать на неожиданное изменение ситуации, в том числе для парирования контратак врага и для нанесения решающего удара.

Всего, по нашим подсчетам, против русского левого фланга к югу от Курганной высоты и до северной окраины Утицкого леса оказалось сконцентрировано 303 орудия (без учета орудий гвардии, находившихся в резерве, исключая из последних 24 пушки, которые вели огонь с начала сражения). Общее число орудий этой группировки, включая все орудия гвардии, было 388.

Численность живой силы центральной группировки составила около 80 тыс. человек (около 60 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии, включая штат артиллерии). У Понятовского было около 8,5 тыс. пехоты и примерно 1,5 тыс. кавалерии при 50 орудиях. У Богарне – около 33 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии при 146 орудиях^[1572].

Напомним, что по фронту Бородинская позиция растянулась на 8 км, при этом участок от Бородина до Утицы по фронту составил более 4 км. Вся площадь поля, на котором разыгралось сражение, составляла 56 км², из которых для активных действий была использована площадь не более 30 км². Скученность войск была необыкновенная, и это сильно воздействовало на психику солдат.

Основные перемещения французских войск на позиции, определенные диспозициями, произошли в ночь с 6-го на 7-е. Но это не значит, что 6 сентября все части и соединения Наполеона провели без движения на тех местах, которые они занимали с вечера 5 сентября. Во-первых, значительно вперед продвинулись 3-й и 8-й армейские корпуса. К полудню 6-го они расположились в тылу Шевардинского редута: ближе к редуту 3-й корпус, за ним – 8-й^[1573]. Подошел к главным силам и 4-й корпус резервной кавалерии – он расположился так же, как 1-й и 2-й, – к юго-западу от редута. К вечеру показалась дивизия Пажоля. Постояв некоторое время на Большой дороге где-то перед д. Валуево, она получила приказ присоединиться к корпусу Монбрёна, который бивакировал вблизи д. Доронино^[1574]. Три дивизии Даву, стоявшие рядом с Шевардинским редутом, оставались там весь день 6-го, но приняли своими рядами вправо и сгруппировались (Ле Руа), а к вечеру продвинулись вперед (Гардье). Дивизия Жерара, вероятно, готовилась переправиться на левый берег Колочи с тем, чтобы встать позади войск Морана^[1575].

Совершала ли какие-либо передвижения 6 сентября императорская гвардия? Так, майор Булар утверждал, что вечером 6-го гвардия перешла Колочь и передвинулась к редуту. Орудия самого Булара (он был под командой начальника пешей артиллерии Молодой гвардии Друо) «разместились между маленьким лесом и этим редутом»^[1576]. Судя по воспоминаниям Брандта, Легион Вислы также бивакировал в ночь с 6-го на 7-е возле Шевардинского редута. И все же представляется, что гвардия, по крайней мере ее большая часть, провела день 6-го возле Валуева и перешла Колочь только ночью^[1577].

Некоторые передвижения совершались на северном фланге, в расположении вице-короля^[1578]. Наконец, 6 сентября ближе к полю сражения удалось подтянуть артиллерийские парки. Что же касается 5-го армейского корпуса, то достоверных данных о его передвижениях найти не удалось.

День 6 сентября не был отмечен активными боевыми действиями^[1579]. Но перестрелки были, и по временам очень интенсивные. Так, во второй половине дня разгорелся стрелковый бой между застрельщиками дивизии Морана и русскими егерями в оврагах и перелесках перед Бородином. Инициаторами, вероятно, выступили французские стрелки, которые попытались вытеснить русских с этого пункта. Даву, услышав пальбу, приказал генералу Дедему, командиру бригады дивизии Фриана, «скакать во весь опор, чтобы прекратить огонь» и распорядиться, чтобы по всей линии никто больше не стрелял^[1580]. Но реально стрельба продолжалась до позднего вечера. Капитан Франсуа из 30-го линейного дивизии Морана вспоминал, что 6-го его полк «был в застрельщиках вдоль линии русских аванпостов»; «русские занимали линию оврага, и мы перестреливались с ними всю вторую половину дня до 11 часов вечера». Батальоны 30-го полка последовательно сменялись, и 1-й батальон, в котором был Франсуа, находился вечером на позиции в течение четырех часов, пока не был сменен 13-м легким полком той же дивизии. По свидетельству Франсуа, 30-й полк потерял в тот день 300 человек, из которых 67 было убито. Сам Франсуа около 8 часов вечера получил русскую пулю под левое колено, но, несмотря на боль и потерю крови, остался на позиции. После того как в 11 вечера батальон Франсуа сменили и он сделал переключку своей роте, недосчитались 23 человек, из которых 16 было убито^[1581]. Полагаем все же, что цифры потерь 30-го линейного за 6 сентября Франсуа явно завысил^[1582].

Нечто более серьезное происходило на крайнем южном фланге. Утром и вечером 6 сентября в районе Утицкого леса активно действовали польские застрельщики. Они, вероятно, вели

бой не по собственной инициативе (в отличие от солдат Морана), а по распоряжению командования. Их целью было, во-первых, оттеснить русских стрелков как можно дальше в лес, «выиграв» некоторое пространство, а во-вторых, произвести разведку боем в районе Старой Смоленской дороги. Этот участок фронта оставался для французов большой загадкой. Полякам действительно удалось оттеснить русских, что позволило Даву, Понятовскому и Фриану, а возможно, и Компану, даже проехать по лесу некоторое расстояние. Но обширность леса и сопротивление русских солдат (в разное время в этом бою участвовали не только русские егеря, но и солдаты Смоленского пехотного и сводно-гренадерской дивизии М. С. Воронцова) не дали возможности французскому командованию получить ясное представление о расположении русских войск на этом участке^[1583].

Можно предположить, что действия поляков, наряду с передвижением при свете дня французских войск к югу от Новой Смоленской дороги, сослужили Наполеону плохую службу. Русское командование, уже ранее обеспокоенное давлением неприятеля в районе Старой Смоленской дороги и его передвижениями напротив Семеновских укреплений, расположило в районе Утицы 3-й корпус Тучкова. Это сорвало замысел императора совершить обход «флешей» корпусом Понятовского^[1584].

Несмотря на скудость съестного, дух французской армии был бодрым. «У нас царила шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным. Со всех сторон перекликались солдаты, слышались взрывы хохота...» (Гриуа). «Радость, надежда оживляли весь лагерь; солдаты весело готовили свое оружие, офицеры высчитывали шансы на успех, доверие к императору было безгранично», – писал Деннье. Для многих ожидавшееся сражение обещало конец страшным тяготам и лишениям Русского похода. «Каждый из нас, – писал Меерхайм, первый лейтенант саксонского полка Гар дю Кор бригады Тильмана 4-го кавалерийского корпуса, – страстно ждал этой минуты; только решившись на сражение, можно было надеяться на успешное будущее». Фосслер, который в составе дивизии Пажоля прибыл вечером 6 сентября к Великой армии, нашел «ее в хорошем и сангвиническом духе. Близость Москвы означала конец нашим трудностям, которые, как каждый надеялся, должны были закончиться с ее захватом; некоторые ожидали этого с надеждами пограбить, другие же – с ожиданием перспектив получить военные отличия, которые должны были быть произведены на следующий день во множестве: все эти мысли вызывали волнение. Как только мы въехали в лагерь, нас стали поздравлять со всех сторон с тем, что мы вовремя приехали. Казалось, что вся армия кипела в жизненной суматохе... Большая часть войск деловито поправляла и готовила оружие к завтрашнему дню...»^[1585]

Фон Линзинген, капитан вестфальской пехоты, очень выразительно передал те противоречивые чувства, из которых в конечном итоге рождалась непоколебимая решимость солдат Великой армии одержать завтра победу. «Было ощущение того, что что-то могущественное, разрушающее ожидало нас, и это заставило меня обратить мысли к моим людям. Они лежали спящими на холодной, твердой земле вокруг меня. Я знал всех их очень хорошо; и очень часто получал доказательства их доверия, доказательства их преданности. Сколько из этих храбрых парней не увидит завтрашнюю ночь? Сколько из них будет лежать ранеными и ослепшими на поле боя? Во мне проснулась надежда, что русские тихо отойдут в течение ночи без сражения, – но события последних нескольких недель были столь суровы, что лучше уж было положить всему этому конец здесь; только сражение – победа – принесли бы нам спасение»^[1586].

Ожидание предстоящего сражения навевало на некоторых немцев меланхолические настроения. Саксонский полковник Г.А. фон Лессинг, командир шеволежерского полка «Принц Альбрехт», обозревая Бородинское поле, воспринимал его несколько романтически.

Он любовался красотой зеленых крыш Бородинской церкви, возвышающейся на лесистом холме; замечал проступающие вдалеке «очертания церквей и монастырей Можайска», которые, в его восприятии, придавали «меланхолическую и романтическую черту этим диким полям и создавали задний план темным лесам»^[1587].

Французские участники сражения, как можно судить по их письмам, дневникам и воспоминаниям, испытывали 6 сентября менее драматические чувства. Жиро де л'Эн в тот день брал уроки игры в шахматы у майора (?) Фанфетта, одного из адъютантов Дессэ; не завершив партии, они продолжают ее несколько месяцев спустя в Берлине. Бургонь, наблюдая 6-го своих солдат, французов из Молодой гвардии, будет позже вспоминать, что одни из них «чистили ружья и другое оружие; другие готовили перевязочный материал, третьи писали свои завещания, а четвертые пели или спали в совершенно индифферентном состоянии»^[1588]. Среди французов только очень восприимчивые натуры испытывали 6 сентября и в ночь перед сражением небывалые по своей глубине и драматизму чувства, в основном ожидания предстоящей смерти. Среди этих немногих были командир эскадрона Ж. Канувиль, печально беседовавший 6 сентября с Кастеланом, полковник Дезира из 11-го конноегерского, дивизионные генералы Монбрён и О. Коленкур^[1589]. При этом ожидание приближавшегося несчастья несколько не повлияло на их активность на следующий день, а, кажется, даже наоборот, придало их деятельности еще более живой и осмысленный характер. Эти люди относились к тому особому типу людей, который был отнюдь не редким в Великой армии и который находил в благородной героической жертвенности высшее наслаждение и смысл жизни.

После полудня французы заметили в русском лагере движение; они могли даже разглядеть, как несли икону Смоленской Божией Матери^[1590]. Кутузов направил «процессию всех чинов, чтобы явить знаменитое чудо, – писал Фэн, – которое хранилось в Смоленске. Каждый солдат обращался с мольбой к символам мученичества, и все встали на колени, повторяя каждый религиозный стих, чтобы обрести дух; мы слышали их возгласы». Лежен повествовал о том, что «русский генерал» возбуждал в солдатах религиозный фанатизм и «возил перед фронтом армии образ святого московитского епископа, творившего чудеса»; слышны были громкие крики ура 160 тыс. русских. Франсуа утверждал, что это была «икона святого Сергия».

Наполеон наблюдал эту процессию «с живой радостью». «Хорошо, – обратился он к Раппу, – они теперь заняты пасквилями и не улизнут снова от нас»^[1591]. В представлении французов Кутузов не мог не произнести перед чудодейственной иконой речь, в которой он не послал бы небесные кары на голову Наполеона и не разглагольствовал бы о «мече архангела Гавриила» либо «святого Михаила»^[1592]. «Когда русский военачальник увидел, что его солдаты достаточно растроганы этим необычным зрелищем, – повествовал о том же событии Сегюр, – он возвысил голос и стал говорить им о небе, единственном убежище, которое остается рабам. Во имя религии и равенства он призывал этих закрепощенных защищать имущество их господ...» И далее продолжал: «Русские солдаты повиновались, не рассуждая; рабство замкнуло их в тесный круг, и все чувства были сведены к небольшому количеству незначительных потребностей, стремлений и мыслей. Кроме того, не имея возможности сравнивать себя с другими народами, они были самонадеянны и доверчивы в силу своего невежества...» Сопоставляя русский лагерь с французским, Сегюр далее пишет: «У французов не было ни военного, ни религиозного парада, никакого смотра, они не прибегали ни к каким попыткам возбуждения...» «Французы искали подкрепления в самих себе, будучи уверены, что истинная сила и воинство небесное скрываются в человеческом сердце». Наполеон, по мнению Тьера, считал, «что военный дух его солдат, стремление к победе» выше горячей веры русских. Французы чувствовали себя носителями разума и цивилизации в стране варваров: «...у нас не было ни проповедников, ни пророков, ни даже

продовольствия, – писал Рапп, – но мы несли наследие долгой славы; мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо татары, либо мы...»^[1593]

И все-таки объект поклонения был и у французов. «...Нашей опорой была наша Империя, к которой мы испытывали всеобщее доверие», – заявляет Франсуа сразу же после слов о русской религиозной процессии. О «пламенном культе, в котором в этот момент император был идолом» говорит Деннье^[1594]. Даже своеобразный тотем тоже был во французском лагере: из уст в уста, обрастая сентиментальными деталями, передавались слова Наполеона, произнесенные им перед портретом сына^[1595].

Поразительно, насколько было искажено представление противников друг о друге... «Разноплеменная армия, завлеченная в дальние страны хитростями честолюбца, имела нужду в возбуждении. Надо было льстить и потакать страстям. Наполеон не щадил ни вина, ни громких слов, ни уловок», – пишет Михайловский-Данилевский, участник сражения, о французах. Неприятель «разложил большие огни, упивался чем кто мог и кипел против нас яростью», – утверждает подпоручик квартирмейстерской части адъютант Барклая-де-Толли А. Н. Муравьев^[1596]. В представлении французов все это относилось к русским: «...Кутузов не имел недостатка в ликере, который весьма вселял жизни в казачий энтузиазм» (Рапп). А неизвестный полковник Д., отправивший Пюибюску письмо, даже высчитал, что «вина у каждого солдата было почти по две бутылки»^[1597].

К вечеру 6 сентября Наполеон почувствовал себя очень уставшим. Только на две рекогносцировки у императора ушло около 11 часов; большую часть этого времени он был на лошади (утром на Эмбели, во второй половине дня – на Эмире). Не могла не сказаться и тревожная ночь с 5-го на 6-е, когда Наполеон спал не более трех часов в палатке, сгорая от нетерпения перед долгожданной битвой и опасаясь того, что русские могут снова уйти. Погода была плохой – дул порывистый ветер, временами шел холодный дождь. Наполеон простыл, все ранее дремавшие болезни дали о себе знать. В письме Марии-Луизе он сообщает: «Мой добрый друг. Я очень устал. Боссе доставил мне портрет Короля. Это шедевр. Я очень ценю Твою добрую заботу. Он [Римский король на портрете] прекрасен, как Ты. Я напишу Тебе более подробно завтра. Я очень устал. Прощай, моя дорогая. Наполеон, 6 сентября»^[1598].

Поздно вечером Наполеон закончил отдачу приказов войскам на следующий день^[1599]. Как мы уже знаем, все приказы касались только начала сражения. Дальнейшие приказания должны были отдаваться императором в зависимости от хода событий. Таким образом, предполагалось, что все нити управления боем 7 сентября будут находиться в руках Наполеона, а командиры корпусов смогут проявить только частную инициативу. К ночи Наполеон получил несколько часов беспокойного отдыха. Но подремать на походной кровати удалось недолго – не более двух часов. Наполеона охватило лихорадочное волнение, сухой кашель и сильная жажда, продолжались приступы затрудненного мочеиспускания. Наполеон нервно ожидает наступления утра, то посылая дежурного проверить, не ушли ли русские, то – один раз – выходит из палатки сам^[1600].

Ночью с 6 на 7 сентября шел легкий дождь (Брандт, Бургонь). Утром было «холодно, туманно и тихо» (Дюмонсо). «Было ясно, но очень холодно» (Буржуа). «Хотя был сентябрь, – отмечал 18-й бюллетень, – было так же холодно, как в декабре в Моравии»^[1601]. Когда взошло солнце, войска увидели, что по всему полю расстилается густой туман^[1602].

Между половиной третьего и тремя часами утра Наполеон сел на коня по имени Лютзельберг и в полной темноте поехал к Шевардинскому редуту (Брандт и Бургонь уверяют, что видели его тем утром едущим в темноте). Он был болен, мучимый насморком и сильной головной болью. Сопровождаемый дежурными эскадронами, он прибыл к редуту. Большая часть офицеров штаба присоединилась перед рассветом – в начале шестого.

Дождаясь восхода солнца возле редута, император отдавал приказы и наблюдал за передвижениями войск^[1603].

Под утро, в темноте, французская армия пришла в движение. Войска должны были занять обозначенные в приказах позиции к 5 утра. Согласно «Дорожному дневнику» Коленкура, передвижение войск началось в 3.30^[1604]. Но многие части были подняты раньше – в 2 утра. Дюмонсо, например, подробно описывает, как, вместе со всей гвардией, шло передвижение 2-го полка гвардейских шевалежеров-улан: они были подняты в 2 утра^[1605], «без сигнала, с советом избегать какого-либо шума», сразу сели на лошадей. Как и другие гвардейские части (по крайней мере, гвардейской кавалерии), красные уланы двинулись «в направлении правого фланга», спустились в овраг, пересекли Колочь по мостам и остановились в плотной массе перед обширным свободным пространством, прикрытым эполементами. Сзади гвардейской кавалерии подошла и выстроилась Старая гвардия^[1606].

Выдвижение резервной кавалерии, как и корпусов Нея (3-го и 8-го), произошло, вероятно, в районе четырех утра^[1607]. Приблизительно в то же время заняли свои позиции три дивизии корпуса Даву. Уже в 2 часа утра Даву собрал у подножия Шевардинского редута командиров своих дивизий, генерала Пернети и командира инженеров бригадного генерала Ф.-Н. Аксо. После чего солдаты 1-го корпуса были подняты, построены и двинулись на исходные позиции. За передвижениями войск Даву внимательно наблюдал император^[1608]. Пожалуй, позже всех были подняты поляки 5-го корпуса – в 4 часа утра – и в 5 часов начали движение с целью выхода на Старую Смоленскую дорогу^[1609].

Большие трудности при выдвижении на позиции возникли у артиллерии. Капитан Пион де Лош, командир артиллерийской батареи Старой гвардии (находился под командованием майора Булара, но 6 сентября был передан в подчинение Друо), повествует о своих злоключениях той ночью. Эпизод этот столь показателен, что мы перескажем его подробно. Офицер штаба, вероятно, еще 6 сентября определил для батареи позицию, которую та должна была занять к утру 7-го. На рассвете, в клубах пыли и во мгле, Пион де Лош, ведя батарею, попытался найти указанное штабным офицером место и, как полагал, нашел его верно. Неожиданно перед ним возникла фигура самого императора. «Что здесь за артиллерия?» – спросил он. «Резервная батарея корпуса его превосходительства маршала герцога Тревизского (Мортье. – В.З.).» – «Почему вы здесь?» – «Ординарец Вашего Величества приказал двигаться в распоряжение резерва пехотной артиллерии гвардии». – «Это <...> дурак. Я и так имею здесь достаточно артиллерии. Возвращайтесь к вашему корпусу». Пион де Лош, развернув батарею, двинулся с ней в тыл искать артиллерию Мортье, думая про себя, как легко было Наполеону отдать такой приказ и как тяжело этот приказ выполнить. Через полчаса марша Пион де Лош все же увидел маршала Мортье и объяснил ему, что он был послан назад самим императором. «Кто отдал вам приказ выдвинуться?» – спросил Мортье. «Ординарец, говоривший от имени императора». – «Эти <...> дураки всегда говорят от его имени! – закричал Мортье. – Слыхано ли, чтобы корпус лишился своей резервной артиллерии перед сражением?» Мортье запретил Пиону де Лошу выполнять чьи-либо приказы прежде, чем он сам, Мортье, не подтвердит их. Но путаница продолжалась. А.-Д. Лальман, начальник штаба гвардейской резервной артиллерии, который оказался поблизости, спросил Пиона де Лоша, не видел ли тот батареи генерала Дево (бригадный генерал Ж.-Ж. Дево де Сент-Морис командовал гвардейской резервной конной артиллерией). Пион де Лош ответил, что не видел. «Если где-либо увидите, то скажите, что я ищу его и чтобы он передал две батареи генералу Сорбье», – приказал Лальман. «А где генерал Сорбье?» – крикнул Пион де Лош вслед удалявшемуся Лальману. Но тот уже умчался и не расслышал вопроса^[1610].

Рядом с Шевардинским редутом расположилась императорская гвардия. Пожалуй, это единственный факт в отношении размещения гвардии, который не вызывает сомнений. Не

только последующие историки, но и современники событий располагали гвардейские части самым причудливым образом. В приказе императора место размещения гвардии было определено так: «побригадно влево за редутом». Причем Молодая гвардия должна была стать впереди Старой гвардии и кавалерии. Вся гвардейская артиллерия должна была разместиться на левом фланге^[1611]. Как же реально стояла гвардия? Свидетельства очевидцев достаточно противоречивы и не всегда предельно точны. Пожалуй, наибольший интерес вызывает указание Дюмонсо, простоявшего длительное время у Шевардинского редута. По его словам, в тылу за артиллерийскими ретраншементами (имеются в виду эполементы для батарей Фуше, Сорбье и Пернети) «выстроилась пешая Старая гвардия, в колоннах побатальонно, развернутых на больших взаимных дистанциях, имея при себе всю резервную артиллерию, на своем правом фланге – три дивизии Молодой гвардии под командованием маршала Мортье, а на левом – пять полков гвардейской кавалерии, в которых... формировали голову колонны». Император располагался от Дюмонсо на правом крыле, перед центром Старой гвардии^[1612]. Сопоставляя слова Дюмонсо с воспоминаниями Теста, Кастелана, Фэна, Брандта и других авторов, наиболее логичным будет расположить гвардию таким образом: 3-я пехотная дивизия Кюриала Старой гвардии – сразу за Шевардинским редут, имея впереди себя на правом фланге 2-ю пехотную дивизию Роге (из Молодой гвардии). Влево от солдат Кюриала – значительная часть гвардейской артиллерии, еще левее – гвардейская кавалерия, первую линию которой, вероятно, составляли гвардейские уланы (1-й и 2-й полки), конные егеря и драгуны; вторую – конные гренадеры и элитные жандармы. Четыре дежурных эскадрона гвардейской кавалерии находились отдельно, готовые сопровождать императора. Легион Вислы, что следует из воспоминаний Брандта и работы Пеле, был северо-восточнее от Старой гвардии (возможно, на одной линии со 2-й пехотной дивизией), впереди гвардейской кавалерии^[1613].

Три корпуса резервной кавалерии Мюрата утром 7 сентября заняли обширное пространство к юго-западу от Шевардинского редута, разместившись побригадно в полковых эскадронных колоннах: справа – 1-й, затем 2-й и 4-й. Кавалерия Нансути имела задачу поддержать пехоту Даву, Монбрёна – корпуса Нея, 4-й корпус (Латур-Мобура) находился «в резерве центра и должен был поддержать кого-либо в случае необходимости» (Мюрат). По словам Шамбрэ, войска Монбрёна предназначались для овладения Семеновским оврагом. В порядках 2-го кавалерийского корпуса располагалась кавалерия Хаммерштайна 8-го вестфальского корпуса^[1614]. На размещении войск Даву, Нея и Богарне подробнее остановимся ниже.

В четверть шестого начало всходить солнце. С земли поднимался густой туман, небо было ясным, предвещая теплый и хороший день. «Сегодня немного холодно, – сказал император, обращаясь к свите, – но всходит прекрасное солнце. Это солнце Аустерлица». Все наперебой ответили, что это счастливое предзнаменование^[1615]. Наполеон покинул подножие Шевардинского редута и вместе с Даву, Бертье и Коленкуром проехал немного вперед, к кромке небольшого оврага. Между половиной шестого и шестью со всех сторон затрубили трубы и затрещали барабаны, раздались клики «Да здравствует император!» – войскам читалась прокламация Наполеона.

Когда раздался первый выстрел и началось сражение? Удивительно, но память участников сражения и здесь предложила массу самых разнообразных вариантов. Большинство участников сражения с французской стороны считали, что первый выстрел раздался в 6 утра^[1616] либо около 6 утра^[1617]. Гриуа, не уточняя, писал, что сражение началось в 6 часов^[1618]. Однако некоторые (Бургонь, Деннье, Колачковский, Ле Руа) утверждали, что сражение началось в 7 часов; по словам Деннье, канонада началась до 7 утра, чтобы дать время Понятовскому выполнить свое движение. Вьонне де Марингоне считал, что сражение началось в 5 утра (!); Плана де ла Файе, адъютант Ларибуазьера, утверждал, что батареи открыли огонь после 5 утра. Еще более любопытным кажется мнение Кастелана: он полагал, что первое орудие выстрелило в 5 утра, но само сражение началось в 6 часов.

Но и у русских мемуаристов тоже есть расхождения в определении часа начала Бородинской битвы: пишут о 5 утра либо, чаще, о 6 утра. Д. Богданов, поручик пионерных войск, писал: «Был уже в исходе час пятый... Вдруг неожиданно налево от нас блеснул огонь – раздался пушечный выстрел, погода другой и потом третий; минут 10 спустя загредел ответный. Начало светать...»^[1619] Д. П. Данилов, офицер 2-й артиллерийской бригады, бывший со своими орудиями на Багратионовых «флешах», утверждал, что первый выстрел в Бородинском сражении был сделан с его батареи и только в ответ загредели французские орудия^[1620].

Вопрос о времени первого выстрела в сражении важен, помимо всего прочего, еще и потому, что это позволяет сопоставить практику определения времени в 1812 г. французами и русскими. По всей видимости, большинство участников событий, как с русской, так и с неприятельской стороны, ориентировалось на местное время. Но в дальнейшем ритм времени в ходе боя для каждого из участников стал настолько своеобразным, а последующее стремление восстановить хронометраж событий оказалось столь тесно связанным с ритмом индивидуальных переживаний, что совпадение в определении часа событий того дня является редкостью.

И все же, если задаться целью избрать наиболее убедительный вариант начала сражения в привязке ко времени физическому, то это будет 6 или примерно 6 утра местного времени. По-видимому, первый выстрел прогремел с батареи Сорбье. Затем выстрелила пара орудий с французских батарей севернее – Фуше и 4-го корпуса. Через несколько минут ответила русская артиллерия в виде нескольких одиночных выстрелов. Потом на некоторое время орудия стихли. Оказалось, что французские укрепленные батареи были расположены слишком далеко от русских позиций^[1621]. Это было вызвано ошибкой в оценке дальности до врага, так как разметка эполемента происходила вечером 6-го, когда уже быстро стало темнеть, а сами укрепления сооружались ночью (о том, что строительство шло именно ночью, свидетельствует рапорт Нея, работы Шамбрэ, Сегюра, Пеле и мемуары Пернети).

Как только началась канонада, вперед на Семеновские укрепления двинулись войска маршала Даву.

3.4. Бой за Семеновские высоты

Бой за Семеновские высоты (Багратионовы «флешы» и д. Семеновское) стал одним из тех ключевых эпизодов Бородинского сражения, которые предопределили ход и результаты великой битвы. Перипетии этого боя, рассмотренные «крупным планом», позволяют воочию увидеть то многообразие объективных, субъективных и случайных составляющих, которые в совокупности и создали причудливую и неповторимую ткань исторического события.

Как известно, против линии русских, простиравшейся от Курганной высоты до северной кромки Утицкого леса, Наполеон сосредоточил около 80 тыс. человек (около 60 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии, включая штат артиллерии) и 382 орудия. Однако из этих цифр следует вычесть примерно 11,5 тыс. пехоты, 4 тыс. кавалерии, 2,5 тыс. артиллеристов и 85 орудий, входивших в состав (либо прикомандированных) императорской гвардии и представлявших своего рода главный резерв (мы исключили из этих цифр 24 орудия гвардии и прислугу, с самого начала участвовавших в сражении).

Первым эшелоном должны были пойти войска Даву. 5-й дивизии Компана и 4-й дивизии Дессэ предписывалось атакой из района Шевардинского редута взять русские укрепления на южном фланге. 2-я дивизия Фриана оставалась до поры до времени в резерве, предназначенная «исправлять ошибки» либо развивать успех правого крыла. Дивизии Компана и Дессэ, начав атаку Семеновских укреплений, должны были «зацепиться» за «флешы» и обеспечить упор для атаки севернее вторым эшелоном (3-м и 8-м корпусами).

Этот массированный двойной удар поддерживался резервной кавалерией (1, 2 и 4-м корпусами с приданной им кавалерией 1, 3 и 8-го армейских корпусов) и огнем около 300 орудий, постепенно вводившихся в бой. Безопасность правого фланга атакующих войск обеспечивал 5-й корпус Понятовского, который, кроме того, должен был поворотом влево помочь атаке русских позиций в районе Семеновского оврага. Действия центральной группировки французских войск, выполненные «в порядке и методически», должны были опрокинуть южный фланг русской армии, что, в конечном итоге, предопределило бы ее полное поражение. Как видим, многое зависело от того, насколько удачно войска Даву начнут бой. Это должно было предопределить дальнейшие действия всех остальных французских войск.

Численность и состояние дивизий Дессэ и Компана, а также Фриана внушали Наполеону надежды на их успешные действия. 5-я дивизия, которая должна была начать бой за «флеш», насчитывала ко 2 сентября в строю 9838 человек пехоты, 520 человек в артиллерии и 30 орудий. Она включала четыре полка (25, 57, 61 и 111-й линейные), каждый в составе пяти батальонов и одной артиллерийской роты, а также дивизионную артиллерию. Командовал дивизией 43-летний дивизионный генерал Ж.-Д. Компан, снискавший славу «покорителя редутов». Накануне, 5 сентября, при штурме Шевардинского редута, 5-я дивизия понесла существенные потери примерно в 2 тыс. человек и потеряла несколько орудий.

4-я дивизия под командованием 48-летнего дивизионного генерала Ж.-М. Дессэ, прозванного «савойским Баяром», во время переключки 2 сентября насчитывала 5468 человек пехоты, 586 человек в артиллерии при 21 орудии (85-й и 108-й линейные полки пятибатальонного состава, две роты полковой артиллерии, а также дивизионную артиллерию). Два батальона Гессен-Дармштадтского лейб-регимента, входившие в 4-ю дивизию, 7 сентября не были в ее составе, будучи откомандированными. В бою 5 сентября дивизия Дессэ не участвовала.

2-я пехотная дивизия под командованием 54-летнего дивизионного генерала Л. Фриана имела 2 сентября в 15-м легком, 33-м и 48-м линейных (все состояли из пяти батальонов и артиллерийской роты) и в двух батальонах испанского полка Жозефа-Наполеона (также имевших артиллерийскую роту) 6896 человек пехоты, 418 человек в артиллерии при 26 орудиях (включая полковую и дивизионную артиллерию). В бою 5 сентября дивизия не пострадала.

1-я и 3-я дивизии, как мы уже знаем, находились в распоряжении Богарне, а легкокавалерийская дивизия бригадного генерала Жирардена, также входившая в 1-й пехотный корпус, была придана кавалерийскому резерву Мюрата. В целом в трех пехотных дивизиях Даву, оказавшихся против Семеновских укреплений, насчитывалось примерно 20 тыс. пехоты и 1,5 тыс. артиллеристов при 80 орудиях (условно считая, что 5 сентября были потери 3 пушки, а в батарею Пернети было передано из 1-й пехотной дивизии 6 орудий)^[1622].

Командовал тремя дивизиями 42-летний маршал Луи-Николя Даву, принц Экмюльский.

Вторым эшелоном должны были нанести удар севернее войска 43-летнего маршала Мишеля Нея, герцога Эльхингенского. Помимо 3-го армейского корпуса, на день сражения под его командование был передан и 8-й (вестфальский) корпус, командир которого дивизионный генерал Ж.-А. Жюно, герцог д'Абрантес, все более терял доверие как Наполеона, так и своих собственных солдат. 10-я пехотная дивизия, которую планировалось разместить в голове 3-го корпуса, насчитывала на 2 сентября в составе двух батальонов 24-го легкого, двух батальонов 1-го пехотного полка Португальского легиона, двух батальонов 46-го линейного, двух батальонов 72-го линейного 3593 человека при 14 орудиях. Ею командовал дивизионный генерал Ф. Ледрю. 11-я пехотная дивизия под командованием дивизионного

генерала Ж.-Н. Разу включала два батальона 2-го пехотного полка Португальского легиона, два батальона 4-го, два батальона 18-го и два батальона 93-го линейных общей численностью 4546 человек при 14 орудиях. 25-я вюртембергская дивизия, также входившая в 3-й армейский корпус, имела сразу двух начальников: помимо вюртембергца дивизионного генерала И. Г. Шелера, император назначил командиром еще и француза дивизионного генерала Ж.-Г. Маршана, который должен был «контролировать» действия первого! В начале сентября три бригады 25-й дивизии, вследствие больших потерь, были свернуты в три временных батальона. Общая численность была в 1518 человек при 16 орудиях.

8-й армейский корпус состоял из 23-й пехотной дивизии (командир – генерал-лейтенант Ж.-В. Тарро) в составе 3-го легкого батальона, двух батальонов 2-го и двух батальонов 6-го линейного полка, 2-го легкого батальона, двух батальонов 3-го линейного полка и трех батальонов 7-го линейного полка; 24-й пехотной дивизии (командир – генерал-лейтенант А. Л. Охе) в составе 1-го батальона гвардейских гренадер, 1-го батальона гвардейских егерей, 1-го батальона егерей-карабинеров, 1-го легкого батальона и 5-го линейного полка. Всего в 23-й пехотной дивизии было 5579 человек при 16 орудиях, в 24-й – 2074 человека при 12 орудиях^[1623].

Кавалерия 1, 3 и 8-го армейских корпусов была придана резервной кавалерии Мюрата. 1, 2 и 4-й кавалерийские корпуса, совместно с четырьмя отдельными бригадами легкой кавалерии, должны были поддерживать войска Даву и Нея. Численность 1-го кавалерийского корпуса (командир – дивизионный генерал Э.-М.-А.-Ш. Нансути) была 4999 человек при 25 орудиях, а в приданной ему легкой кавалерийской дивизии корпуса Даву (1-я и 2-я легкокавалерийские бригады) – 1078 человек. Численность 2-го кавалерийского корпуса (командир – дивизионный генерал Л.-П. Монбрён) составляла 5300 человек при 29 орудиях. В кавалерии 8-го армейского корпуса, прикомандированной ко 2-му кавалерийскому корпусу, было 974 человека при 2 орудиях. В кавалерии 3-го пехотного корпуса (9-я и 14-я легкокавалерийские бригады), также приданной 2-му кавалерийскому корпусу, – 1903 человека при 6 орудиях. Численность 4-го кавалерийского корпуса (командир – дивизионный генерал В.-Н. Латур-Мобур) была примерно в 3600 человек при 24 орудиях^[1624].

В целом общая численность кавалерийской группировки составляла 17 854 человека и 86 орудий.

Какими силами располагали русские войска в районе Семеновских укреплений? В каждой из «флешей» разместилось по одному батальону 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал-майора М. С. Воронцова; оставшиеся 8 батальонов той же дивизии построились позади в одну линию. Далее в линию батальонных колонн разместилась 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д. П. Неверовского (10 ослабленных батальонов; Неверовский писал, что накануне при Шевардине он «вошел в сражение с 6 тыс., а вышел с тремя»). Трудно абсолютно точно установить место расположения 27-й дивизии – либо сразу за батальонами Воронцова, либо несколько северо-восточнее «флешей», перед развилкой Семеновского оврага.

Южную «флешь» заняли 12 орудий 32-й батареей роты (командир – подполковник Ф. И. Белинсгаузен), северную – 7 орудий 11-й батареей роты и восточную – 5 орудий той же 11-й батареей роты. В боевых порядках 2-й сводно-гренадерской дивизии разместились 1-я конная рота Донской артиллерии и 4 орудия 21-й легкой роты, в порядках дивизии Неверовского – 3-я батарея рота.

В д. Семеновское и восточнее располагалась 2-я гренадерская дивизия генерал-майора принца Карла Мекленбургского (12 батальонов), составив резерв 2-й Западной армии;

в небольшом укреплении, построенном на северо-западной окраине деревни, стали 6 орудий 1-й батареей роты, а на южной окраине – 31-я батарея рота. Правее 2-й гренадерской дивизии построился 4-й кавалерийский корпус генерал-майора К. К. Сиверса (32 эскадрона), имея при себе 8-ю конную роту; перед ними – 12-я пехотная дивизия генерал-майора И. В. Васильчикова (всего 8 батальонов, но 4 батальона «было взято»); юго-восточнее деревни – 2-я кирасирская дивизия генерал-майора И. М. Дука (20 эскадронов). Наконец, у д. Псареве пребывал крупный артиллерийский резерв, насчитывавший 80 орудий. Лес и кустарники, которые росли на западной стороне, в низовьях Семеновского оврага, заняли 6, 49 и 50-й егерские полки (6 батальонов), вдоль ручья Каменка вплоть до Утицкого леса – 42, 5-й и 41-й егерские полки (6 батальонов). В Утицком лесу занял позицию отряд генерал-майора И. Л. Шаховского в составе 20-го, 21-го егерских и двух сводно-гренадерских батальонов 3-й пехотной дивизии П. П. Коновницына (всего 6 батальонов). Таким образом, в районе Семеновских укреплений русские сосредоточили 92 орудия (52 у «флешей» и 42 в районе д. Семеновское), не считая 80 орудий резерва. Численность живой силы в районе «флешей» и д. Семеновское составила 33 батальона и 20 эскадронов (с учетом потерь 5 сентября – примерно 15,8 тыс. человек пехоты и 2,5 тыс. кавалерии). В трех егерских отрядах (18 батальонов) было примерно 9 тыс. человек. Позднее подошли три полка 1-й кирасирской дивизии генерал-майора Н. М. Бороздина (12 эскадронов), дивизия Коновницына (7 батальонов). В район д. Семеновское выдвинулись сводно-гренадерская бригада полковника Н. Р. Контакузена (4 батальона в составе 12 рот), части гвардейской дивизии под командованием генерал-майора Г. В. Розена (12 батальонов). В бою также приняли участие полки 4-й пехотной дивизии генерал-майора принца Евгения Вюртембергского (8 батальонов) и части 2-го кавалерийского корпуса генерал-майора Ф. К. Корфа (24 эскадрона). Таким образом, принимая во внимание потери 5 сентября и без учета Таврического гренадерского, Брестского и Рязанского пехотных полков (6 батальонов), принявших позже участие в бою за Утицкий лес (всего 3,5 тыс. человек), а также штата артиллерии, получается, что в конечном итоге в бою за «флеш» и д. Семеновское приняли участие примерно 40 тыс. пехоты и чуть больше 11 тыс. кавалерии при 236 орудиях. Впрочем, число орудий, подсчитанных А. П. Ларионовым, может быть оспорено в сторону уменьшения^[1625].

Багратионовы «флеш» (как уже отмечалось, флешью можно назвать только восточное укрепление; северное и южное были люнетами) начали сооружаться еще с 4 сентября. Но из-за слабости грунта и недостатка саперных инструментов работы затянулись и не были в полной мере закончены: наружный ров был недостаточно глубоким и широким, волчьих ям перед укреплениями, вероятно, тоже не соорудили, наличие рогаток спорно^[1626]. «Багратионовы шанцы сам видел. Так, дрянь, и шанцами стыдно назвать, – вспоминал унтер-офицер Тихонов. – ...Ров мелкий, в колено, амбразуры до земли, и лезть через них ловко, и каждого солдата внутри видно»^[1627]. У северо-западной окраины деревни также было сооружено небольшое укрепление. Дома д. Семеновское, которых насчитывалось до ста, были разобраны; оставлены только два-три дома^[1628].

6 сентября 2, 4 и 5-я дивизии Даву бивакировали рядом с Шевардинским редутом. Весь день накануне решающего сражения к Шевардинскому редуту приходило много французов; осмотрев редут, они не упускали возможности встретиться со своими знакомыми из 1-го корпуса.

Ближе к полудню 6-го севернее дивизий 1-го корпуса расположились войска 3-го корпуса^[1629]. Не исключено, что они вытянулись в одну линию (10-я дивизия могла примыкать правым флангом к Шевардинскому редуту, затем, к северу, могли расположиться 11-я и 25-я дивизии, хотя и трудно сказать, как именно – то ли вытянувшись к северу последовательно 11-я, а затем 25-я, то ли только 11-я, стремясь примыкать левым флангом к войскам Жерара и Морана, а 25-я – в тылу 10-й и 11-й). К вечеру за войсками 3-го корпуса

стали вестфальцы Жюно – 23-я и 24-я пехотные дивизии, расположившись, вероятно, друг за другом.

1-й и 2-й резервные кавалерийские корпуса бивакировали к юго-западу от редута. Во второй половине дня к ним присоединился 4-й кавалерийский корпус^[1630].

К утру 7-го войска стали занимать исходные позиции. Согласно приказу императора, который без изменений был продублирован Даву своему начальнику штаба бригадному генералу Ж.-Л. Ромёфу, Компан должен был построиться побригадно впереди и по правую руку от захваченного накануне редута. В приказе говорилось, что дивизия должна была иметь впереди себя 16 орудий из артиллерийского резерва 1-го корпуса и 14 орудий, «принадлежащих этой дивизии». Направление движения было указано в общей диспозиции – вдоль леса^[1631]. Дополнительные материалы позволяют представить расположение и построение 5-й дивизии более подробно. Дивизия стала в густой «сдвоенной дивизионной колонне сразу справа от позиции большой орудийной батареи» (полагаем, что батареи Пернети). Вся дивизия должна была двигаться по опушке леса, перейти ручей Каменку, а затем уже углубиться в лес, подступавший к южному русскому люнету. Дивизия образовала две колонны: левую – из 57-го и 111-го полков, с 57-м во главе, правую – из 61-го и 25-го во главе с 61-м. Правая предназначалась для того, чтобы отбросить многочисленных русских егерей и обезопасить левую колонну от неожиданного удара из глубины леса. Левая колонна должна была осуществить захват южной «флеши». Как уже отмечалось выше, в батарее Пернети 6 орудий были из 1-й пехотной дивизии и, соответственно, 6 орудий 5-й пехотной дивизии находились в порядках последней. Что же касается расположения батареи Пернети, то она, принимая в расчет воспоминания ее начальника, могла размещаться в эполементах севернее пехоты 5-й дивизии. Ее изначально прикрывали два батальона полка Жозефа-Наполеона, а затем 2-й и 3-й батальоны 111-го линейного^[1632].

О дивизии Дессэ в приказе императора было сказано, чтобы она расположилась «таким же образом», как и 5-я, – между редутом и лесом, с 14 своими орудиями на левом фланге. Однако во время беседы Наполеона с Компаном было решено разместить войска Дессэ правее 5-й дивизии. На основе этого Ж. Тири помещает Дессэ правее войск Компана^[1633]. Так ли это было в действительности? В приказе, продиктованном Даву Ромёфу, говорилось: «Дивизия Дессэ разместится тем же образом (как и 5-я дивизия. – В.З.) в то же время, побригадно, и разместится на одной линии с редутом». В приказе для самой 4-й дивизии, в передаче адъютанта Дессэ капитана Жиро де л'Эна, было сказано, что Дессэ должен опираться правым флангом на лес, а левым – выдвинуться к редуту. Дивизия должна была поддерживать движение 5-й и двигаться также по лесу. Тест, упоминая расположение войск Дессэ, просто отмечает, что эта дивизия разместилась «впереди от редута, упираясь крылом в него». Пеле писал, что Дессэ идет следом за Компаном. Наконец, сам Компан утверждал, что Дессэ расположился в резерве позади 5-й дивизии^[1634]. Таким образом, нет оснований утверждать, что утром 7 сентября войска Дессэ были развернуты правее 5-й дивизии; скорее всего, они стояли сразу за Компаном, на близком от него расстоянии. Два батальона 85-го линейного были оставлены при батарее Сорбье^[1635].

Войска Фриана, согласно приказу императора, должны были построиться побригадно и «на одной высоте с редутом». «Исторический рапорт 48-го линейного полка» утверждает, что на рассвете 7 сентября 2-я дивизия покинула позицию, которую она занимала с позднего вечера 5-го числа, «чтобы следовать движению 1-го корпуса. Она растянулась по кромке большого леса». О том же пишет и Тест. Но, в отличие от Компана и Дессэ, войска Фриана действительно были примерно на одной высоте с Шевардинским редутом. Их левый фланг был рядом с этим укреплением. Поэтому в «Журнале дивизии Фриана» было сказано, что дивизия получила «приказ находиться у редута в центре, который она занимала». Пеле считает, что дивизия Фриана была расположена сзади Дессэ и несколько к северу^[1636]. Оба

батальона полка Жозефа-Наполеона, входившие в дивизию Фриана, как мы уже знаем, «прикрывали батареи генерала Балтю (бригадный генерал Б.-Г.-М.-В. Балтю де Пуйи был помощником Пернети. – В.З.), который вел огонь по крайнему левому флангу правой линии врага...»^[1637].

Точное расположение войск Нея к началу сражения определить еще более сложно. В инструкциях для 1-го корпуса местоположение Нея обозначено так: он должен был построить свои дивизии побригадно позади Шевардинского редута, имея артиллерию на левом фланге. За тремя дивизиями 3-го корпуса должны были построиться побригадно две дивизии 8-го с артиллерией на левом фланге^[1638]. В своем рапорте Ней пишет: «6-го 3-й корпус так же, как и 8-й, занимал высоту в тылу этого Шевардинского редута... Инструкции, которые Ваше Величество адресовали мне 7-го утром, определили, что с 3-м корпусом и 8-м, который император отдал под мое командование, я занимаю центр сражения, поддерживая моим правым флангом 1-й корпус, а левым – 4-й»^[1639]. По словам Теста, расположение 3-го корпуса даже покрывало Алексинки^[1640]. Однако следует обратить внимание на то, что на французской карте Пресса, Шеврие и Реньо, составленной, как известно, на основе инструментальной съемки сразу после сражения, часть строений д. Шевардино обозначена как д. Алексинки. В условиях полного отсутствия местного населения французы могли неверно идентифицировать местоположение и названия некоторых населенных пунктов. Но даже если Тест имел в виду Шевардино, а не Алексинки, смещение центра 3-го корпуса к северу от редута очевидно. Вопрос только в том, каким было это смещение. Конечно, исходя из указанного Неем направления атаки, было бы логичным расположить его корпуса западнее Шевардина с небольшим смещением к северу. Тем более что на упомянутой карте ясно просматриваются мосты, наведенные для перехода через овраги в районе Шевардина.

Полагаем, что к 6 утра, когда началось сражение, дивизии 3-го корпуса несколько сгруппировались к центру, а затем, когда в 7 часов началось их движение вперед, они оказались развернутыми побригадно: справа – 10-я дивизия, слева – 11-я; 25-я, вероятно, – в центре и немного сзади. Дивизии 8-го корпуса, также побригадно, были позади 3-го корпуса – вначале 23-я, затем – 24-я.

1, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса развернулись к югу от Шевардинского редута. «Здесь в необозримых боевых порядках развернулась кавалерия, – писал в «Письмах с Волги» командир саксонского полка Гар дю Кор А. В.Ф. Лейссер, – впереди тяжелой кавалерии стояла линия, состоявшая из прекрасных польских уланских полков, а справа рядом со мной стояли французские карабинеры»^[1641]. На основе слов Лейссера логично предположить, что к северу расположился 4-й кавалерийский корпус, к югу от него – 2-й, а еще южнее – 1-й. На этой позиции резервная кавалерия, по всей видимости, оставалась до 7 утра.

Построенные возле Утицкого леса войска Компана и Дессэ, которым предстояло первыми двинуться в бой, ждали наступления утра. В начале 6-го взошло солнце, и солдаты увидели, что по полю расстилается густой туман; было ясно и холодно. Между 5.30 и 6 утра войскам была зачитана прокламация императора, которую солдаты Компана и Дессэ восприняли по-разному. Одни, как адъютант Дессэ Жиро де л'Эн, вспоминали о ней с энтузиазмом, другие, те, кто должен был пойти в первых рядах на русские укрепления (генерал Тест, капитан 111-го линейного Л. Гардье, су-лейтенант 57-го Дютейе де Ламот, старший сержант 111-го линейного Фоссен), отзывались о ней более сдержанно. «Едва прочли это воззвание, как неприятельские ядра стали уже ложиться среди наших рядов», – вспоминал Фоссен. Еще более любопытную запись сделал в своем журнале Гардье: «Мы заходим в лес, который находится на нашем правом фланге и в котором на минуту останавливаемся, чтобы прочесть прокламацию (которую я не запомнил)»^[1642]. Возможно, что для войск 5-й дивизии прокламация действительно была прочитана немного позже – когда они уже вошли в лес.

В 6 или около 6 утра прогремел первый выстрел с батареи Сорбье. Затем выстрелила пара орудий с французской батареи севернее. Через несколько минут ответила русская артиллерия. Одним из первых был убит капитан Пантинье, командир батареи, прикомандированной к бригаде генерала Ж.-П. Фридерикса дивизии Дессэ, когда 4-я дивизия только начала движение^[1643]. Войска Компана и Дессэ сразу пошли вперед. Даву наблюдал за ними, расположившись возле батареи Сорбье. Благополучно пройдя расстояние до Каменского оврага и преодолев его^[1644], Компан углубился в лес. Здесь движение несколько замедлилось, и порядок строя стал нарушаться, особенно правой колонны из 61-го и 25-го полков, которая оказалась в глубине леса. В один момент Компану показалось, что направление движения было потеряно, но грохот орудий впереди и слева рассеял все сомнения. Чем дальше продвигались солдаты Компана, тем ожесточеннее становился огонь русских стрелков, стрелявших, казалось, со всех сторон.

Ближе к опушке леса вел свой 57-й полк 47-летний Ж.-Л. Шарьер, за день до того произведенный в бригадные генералы (впрочем, формальное производство состоялось только 21 сентября). Поняв по звуку орудийной пальбы, что 57-й скоро выйдет на уровень русского укрепления, которым надо было овладеть, Шарьер решил провести полк несколько дальше по лесу и охватить люнет с фланга. Этот маневр удался. Два батальона – 1-й и 2-й – сделали четверть поворота направо с тем, чтобы отогнать наседавших из леса егерей и обезопасить тыл, в то время как 3, 4-й и 6-й батальоны, зайдя правым крылом вперед, изменили направление движения влево и стали двигаться к «редуту». Выйдя на самую опушку леса, батальоны 57-го были встречены сильным огнем русских орудий^[1645]. Как только французские колонны, гласит рапорт начальника артиллерии русской 2-й Западной армии К. Ф. Левенштерна, «приблизились на настоящую дистанцию, то выстрелы были обращены на оные. Действие с наших батарей было ужасно. Колонны приметно уменьшались, несмотря на подкрепления, одно за другим следующие...»^[1646]. Компан, следующий со своим штабом рядом с идущими в атаку батальонами, был ранен картечной пулей в правое плечо и уведен в глубь леса. Вечером, вспоминая произошедшее с ним в половине 7-го или около 7 утра, генерал считал, что, уже раненный, он видел, как его солдаты бросились на русский «редут»^[1647]. Примерно так же описывал в своем письме из Москвы те минуты Шарье: «Мой полк предпринял атаку, чтобы захватить редут, на котором было двенадцать 12-фунтовых пушек. Тотчас же, как я прибыл на место, которое лежало перед редутом, я скомандовал «à la redoute» и «à pas de charge», и полчаса спустя я был хозяином редута...»^[1648]

Эти полчаса вобрали в себя для тех, кто участвовал в штурме, очень многое! Но только позже эти люди смогли начать припоминать и воспроизводить то, что же именно произошло. Одним из этих немногих был генерал Тест, раненный вскоре после захвата укрепления. Он утверждал, что в момент ранения Компана и позже движение войск замедлилось и атака приостановилась^[1649]. Но вскоре, минут через 10, когда батальоны, отесненные в лес, оправались, они снова пошли вперед. Слева их поддержала артиллерия Пернети, которая уже развернулась метрах в трехстах от «редута» и стала интенсивно его обстреливать. Генерал Тест, шедший во главе 57-го, отдал приказ о штурме люнета.

21-летний Дютейе де Ламот, бывший в составе своей 6-й роты 6-го батальона, шел с крайнего левого фланга полка и оказался дальше всех от «редута». Вдруг сквозь грохот пальбы он услышал: «На редут, марш на редут!» Скорым шагом он, вместе с несколькими офицерами батальона и с двумястами-тремястами солдатами, устремился на укрепление^[1650]. Но первым ворвался туда, по-видимому, майор Луи-Шарль Яже (или Жаже) во главе 3-го и 4-го батальонов. Атаку 57-го поддержал 1-й батальон 111-го полка^[1651].

Когда французы оказались на бруствере, русские орудия с люнета были уже свезены («Стремления неприятеля на батарею были таковы, что она принуждена отступить», – писал

Левенштерн), но некоторые солдаты из гренадерского прикрытия все еще пытались защищаться. Они «были перебиты и переранены» (Тест). Дютейе де Ламот и его товарищи из 6-го батальона уже не застали схватку в самом «редуте» и устремились далее, преследуя отходивших русских, по его словам, метров двести. Молодому лейтенанту, увлеченному пылом боя и первыми успехами, казалось, что его маленький отряд, поддержанный другими батальонами 57-го, вполне мог опрокинуть вторую линию русских войск, и пехоту и кавалерию, которые угрожающе концентрировались «в ложине» (возле ответвления Семеновского оврага). Майор Яже, увидев горсть солдат 6-го батальона, бесцельно топтавшихся в полутора сотнях метров от укрепления, приказал им возвратиться. Однако разгоряченный Дютейе де Ламот и его товарищи пытались убедить офицера, передавшего им приказ, что, дескать, достаточно небольшого подкрепления и они опрокинут русских. «Поддержите нас другими войсками!» – кричали они. Однако русские пули и картечь, убившие нескольких французов из этого небольшого отряда, заставили его быстро возвратиться в «редут»^[1652].

В то время как три батальона 57-го при поддержке батальона 111-го штурмовали «редут», остальные части 5-й дивизии были заняты перестрелкой в лесу. Генерал П.-Ж.-С. Гюйардэ (Guyardet) провел свой 61-й полк, прикрывая движение 57-го, несколько далее высоты русского «редута». Как только он был уведомлен, что 57-й вошел в «редут», Гюйардэ отделил две роты вольтижеров для дебуширования кромки леса впереди взятого укрепления, где сконцентрировалось множество русских стрелков и где, казалось, подготавливали атаку двух сильных неприятельских колонн, поддерживавшихся артиллерией и многочисленной кавалерией. Вслед за двумя вольтижерскими ротами вперед двинулись 61-й и 25-й полки. Гюйардэ надеялся, полностью овладев кромкой леса, помочь в обороне «редута».

Продолжали топтаться в лесу, ведя бой с егерями, и два батальона 57-го полка, и часть 111-го (5-й и 6-й батальоны). 2-й и 3-й батальоны 111-го полка вскоре были отделены для защиты орудий Пернети^[1653].

Дивизия Дессэ двигалась сразу вслед за войсками Компана. Когда она оказалась в лесу, то, согласно ранее полученному приказу, вступила в бой с русскими стрелками, двигаясь в глубь леса так, чтобы прикрыть 5-ю дивизию справа^[1654]. Сразу после ранения Компана Дессэ помчался к опушке леса, а затем к люнету, сопровождаемый тремя офицерами – своими адъютантами капитаном дю Бурже, Жиро де л'Эном и лейтенантом Маркье, адъютантом генерала П.-А. Брессона^[1655]. Дессэ принял командование обеими дивизиями в то время, когда 57-й уже утвердился на «редуте». 4-й дивизией временно стал командовать бригадный генерал Фридерикс, а 5-й, согласно рапорту Компана, генерал Тест^[1656].

Взятию русского «редута» активно способствовала французская артиллерия. Выдвинувшись из эполементов, она оказалась недалеко от Каменского оврага: батарея Пернети рядом с кромкой оврага возле опушки леса, батарея Сорбье – северо-западнее («Орудия генерала Сорбье, оставшиеся позади и немного выше, беспокоили канониров», – заметит позже Пернети), а батарея Фуше – севернее Сорбье, видимо, примерно на одном уровне с ним. Когда войска Компана только начали атаку южной «флеши», маршал Даву, наблюдая с батареи Сорбье за движением корпуса и видя некоторое замешательство, галопом помчался к своим войскам. Но шквал огня опрокинул его лошадь и поразил его самого. Картечная пуля попала в один из пистолетов, находившихся в ольстрах, и ствол пистолета сильно ударил маршала в пах. Одновременно осколок, также ударившийся в седельные кобуры, контузил седока в правое бедро^[1657].

Первое сообщение о ранении Даву император получил от офицера, посланного Сорбье, либо самого Сорбье, который видел, как маршал вместе с лошадью был опрокинут и скрылся в туче дыма и пыли. Не было ясно, жив ли Даву или мертв. Моментом позже императору сообщили, что лошадь принца Экмюльского убита, но сам маршал только легко ранен.

Наполеон сказал с чувством: «Слава Богу!» Он приказал Мюрату немедленно отправиться к Даву и принять от него командование, если принц выбыл из строя. Генерал-адъютанту Раппу был дан приказ заменить выбывшего Компана^[1658]. Мюрат немедленно поскакал туда, где вели бой солдаты 1-го корпуса. Даву уже немного оправился от контузий. Пыл боя заставил забыть о боли внизу живота и в бедре. «Его голова была обнажена, одежда в лохмотьях и грязи», – писал об этих минутах биограф Даву. Таким он и предстал перед Мюратом, когда последний передавал ему слова императора. Даву решительно не хотел передавать командование Мюрату, утверждая, что его контузии не вызвали беспорядка в войсках и он готов продолжать руководство боем^[1659]. Даву тем более не хотел уступать командование Неаполитанскому королю, помня, как они соперничали и конфликтовали в последнее время. Благородный Мюрат решил не настаивать и спешно поскакал назад сообщить императору о том, что увидел.

В тот момент, когда Дессэ, приняв командование над обеими дивизиями, оказался на захваченном люнете, русские начали готовиться к контратаке. Недалеко, в ложнине, стала концентрироваться русская пехота (гренадеры Воронцова и, возможно, солдаты 27-й дивизии). Сопровождавший Дессэ Жиро д'Элен позже вспоминал, какое впечатление произвела на него защищаемая 57-м полком позиция: «Эти редуты были простые реданы... в форме шеврона, не закрытые у входа, так что неприятель со вторых позиций ружейными и картечными залпами выметал всех, кто находился внутри них. Удержаться в них было значительно труднее, чем овладеть. Поэтому солдат 5-й дивизии поместили за этими редутами и в складках окружающей местности, стараясь в ожидании атаки, по возможности, укрыть их от неприятельского огня». Жиро де л'Эн находился рядом с генералом Дессэ, который изучал не слезая с лошади позиции и движение русских, оставаясь несколько минут совершенно открытым. Вдруг пуля попала в ольстры его седла и разбила бутылку с водкой, которая там была. Генерал с досадой воскликнул, обернувшись к Жиро де л'Эну: «Этим я обязан вашей проклятой белой лошади»^[1660].

Все защитники «редута» с большим беспокойством наблюдали концентрацию русских войск для контрудара. Мало того что Шарьер должен был оставить часть 57-го в самом лесу, он потерял связь с 61-м. Зная, что 61-й полк должен быть на правом фланге 57-го, Шарьер, тем не менее, не мог понять, где же тот реально находится и придет ли ему на помощь. «...Я не сомневался, – писал Шарьер в рапорте, – что враг добивается выбить нас силами, которые я видел на ближайших редутах с того, который занимал. Таким образом, становилось важным взять другие редуты, чтобы сохранить тот, который был взят»^[1661].

Огонь русских нарастал. Горсть картечи ударила генерала Теста в правую руку и раздробила ее. В тот же миг его адъютант лейтенант Мушон упал возле ног своего начальника, пораженный картечью в грудь. Тест, преодолевая боль и пытаясь остановить кровь, которая залила ему весь рукав, еще некоторое время командовал солдатами 57-го. Словно в тумане, он видел, как французы пытались отбить идущие на них русские батальоны. Но через несколько минут он потерял сознание из-за большой потери крови. Сержант Болье (он выживет в русскую кампанию и позже выйдет в отставку лейтенантом) и один из барабанщиков 57-го стащили генерала в ров люнета, а оттуда солдаты вынесли его из боя и доставили в гвардейский амбуланс. Меньше повезло адъютанту генерала Мушону, который умер на месте; оказавшийся рядом Дютейе де Ламот, убедившись в его смерти, стянул с его ног сапоги и здесь же, несмотря на русский огонь, обул их, бросив рядом жалкие остатки своих сапог. Чуть позже будет смертельно ранен майор Яже. Все тот же Дютейе де Ламот напишет о его смерти с сожалением, вспоминая, как тот обещал ему награждение крестом Почетного легиона^[1662].

Смогли ли солдаты Даву удержать южную «флешь»? Русские материалы свидетельствуют, что южная «флешь» множество раз переходила из рук в руки, по крайней мере. Однако при

внимательном их прочтении все же возникают многочисленные вопросы. «...Видя, что один из редутов на моем левом фланге потерян, – вспоминал Воронцов, – я взял батальон 2-й гренадерской дивизии и повел его в штыки, чтобы вернуть обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. Было почти 8 часов утра... Два редута потеряны и снова отбиты обратно». (Какие именно «редуты» – северный и восточный либо южный и северный?) Неверовский писал: «Граф Воронцов с дивизиею своею поставлен был защищать батарею, но множеством неприятеля был сбит и сам Воронцов ранен. Я был послан с дивизиею подкрепить его и вошел в жестокий огонь, несколько раз дивизия и я вместе ходили в штыки». Из рапорта К. Ф. Левенштерна (где речь идет одновременно об 11-й и 32-й батарейных ротах) так же не ясно, смогла ли 32-я батарейная рота Беллинсгаузена, оставив южную «флешь», возвратиться в нее либо просто продолжала огонь, находясь вне укрепления. Из воспоминаний Коновницына непонятно, завершилась ли его атака, которая была уже между 8 и 9 часами, захватом всех «флешей» либо только северной и восточной. В дневнике начальника штаба 2-й армии генерал-майора Э. П. Сен-При тоже не уточняется, отбил ли Коновницын все три «флеши», хотя по смыслу документа можно подумать, что это именно так^[1663].

Чрезвычайно противоречивы и зарубежные свидетельства боя за «флеши». В рапорте Мюрата говорится об оставлении французами «второго редута». По словам Раппа, дивизия Компана «овладела одним из укреплений вражеских позиций», другие войска – остальными, но позже «мы очистили два из этих укреплений; даже третье было в затруднительном положении. Русские стояли уже на гребне рвов». Зуков из 25-й пехотной дивизии 3-го корпуса, появившийся в южном люнете уже ближе к полудню, утверждал со слов тех однополчан, которые еще застали бой: «Этот редут был взят и отобран множество раз...» В рапорте Нея говорится, что 57-й оставил захваченный люнет, но атаковал его снова совместно с солдатами 3-го корпуса. Пеле утверждал, что «реданты взяты первыми войсками, которые, в свою очередь, были выгнаны. Быв поддержаны, они снова занимают укрепления». Шамбрэ уверяет, что «...полк дивизии Компана бросился на редан, ближайший к лесу, и захватил его; но не смог сохранить»^[1664].

Вероятно, разговоры о том, что вся слава захвата Багратионовых «флешей» принадлежит войскам Нея, но не солдатам Даву, начались уже в день сражения. Еще не закончился бой, когда дивизионный генерал Ж.-Л. Маршан, командир вюртембергской пехоты, заявил одному из ординарцев Наполеона: «Сообщите императору, что укрепления, которые покинуты 57 и 72-м полками, освобождены солдатами Вюртемберга...» Лейтенант Зуков также передает заявление Маршана со слов своих однополчан: «Скажите императору, что вюртембержцы продолжают удерживать редут, который перед тем два французских полка захватили, но должны были затем отступить, и которые (вюртембержцы. – В.З.), в этих обстоятельствах, предотвратили пленение Неаполитанского короля». Генерал-лейтенант И. Г. Шелер, командир вюртембержцев, в своем рапорте, составленном сразу после сражения, смог в максимально выгодном для своих солдат свете изобразить их участие в борьбе за «флеши»^[1665]. Поэтому не случайно Шарьер, составляя рапорт, попытался защитить честь своего полка. Он писал, «что несколько человек заявляют, будто, дескать, полк не захватил ни одного редута. Я... подтверждаю, как уже сказал выше, что мой полк ни разу не оставлял редута и что в течение трех четвертей часа, после того как полк утвердился там, не было видно никаких других войск»^[1666]. В то же время Дютейе де Ламот, хотя и утверждает, что «многочисленные последовательные штурмы были отбиты», признает, что русским удалось «проникнуть в редут»^[1667]. Попытаемся соотнести между собой все достоверные свидетельства и реконструировать картину боя, насколько это возможно.

До 7 часов утра войска маршала Нея находились на исходной позиции и не получали приказа идти вперед. Наполеон ждал, когда солдаты Даву возьмут «русские редуты». Для французов, вюртембержцев и вестфальцев, составлявших основу войск Нея, это было тревожное

ожидание. «Полное молчание царило в рядах, – вспоминал командир 18-го линейного Пельпор. – Каждый из нас предавался своим воспоминаниям и своим чувствам. Не бывает сильного духа в подобной ситуации; даже фанфароны не искали ничего, кроме забвения»^[1668].

Когда солдат 3-го и даже 8-го корпусов стали достигать неприятельские ядра и появились первые жертвы, напряжение заметно возросло. Деревня Шевардино, лежавшая справа от войск Нея, горела. Орудийная канонада заглушала ружейную трескотню. Трудно было разглядеть что-либо определенное, но было ясно, что основные события развернулись прямо и правее от 3-го корпуса, где войска Даву атаковали русские укрепления. В этой напряженной атмосфере, когда все ожидали приказа двинуться в огонь, к капитану Моргенштайну из пехоты 8-го корпуса подошел старший сержант его роты, послуживший уже в армиях Гессен-Касселя, Пруссии, Австрии и достаточно повидавший на своем веку. Желая немного разогнать гнетущую атмосферу, а заодно подшутить над своими солдатами и офицером, он предложил Моргенштайну провести эксперимент. По приказу капитана солдаты роты высунули языки. Они все оказались белыми, как вестфальская униформа! Сержант объяснил, что это верный признак страха у тех, кто впервые готовится идти в огонь. Тогда Моргенштайн потребовал, чтобы сержант показал свой язык, что последний немедленно и сделал с большим удовольствием. Язык был ярко-красным, «как лобстер». «А вы, капитан?» – сказал сержант. «Это останется моим секретом», – ответил Моргенштайн. «Тест» с языком немедленно был проведен и в соседних ротах, где языки у солдат также оказались совершенно белыми^[1669].

Иначе отвлекал себя от тревожных мыслей подполковник Лоссберг. За утро, сидя в седле, он успел написать карандашом три письма на родину!^[1670]

Дабы вселить в солдат Нея уверенность, им сообщили, что «многочисленные укрепления и редуты, построенные русскими», были уже взяты штурмом^[1671].

Примерно в одно время с тем, как Наполеон узнал о контузии Даву, или чуть раньше, император приказал генерал-адъютанту Мутону двинуть в атаку корпуса Нея^[1672].

Большая часть источников свидетельствует, что этот приказ Ней получил около 7 утра. Однако не совсем ясно, с какого пункта 3-й и 8-й корпуса начали движение вперед (либо из района д. Шевардино, где они могли расположиться за небольшим оврагом к западу и чуть севернее деревни, либо из района чуть южнее Алексинок, либо же из пункта юго-западнее Алексинок, за Чубаровским ручьем)^[1673]. Кроме того, из рапорта Нея и воспоминаний Жукова можно понять, что маршал после получения приказа не только вновь собрал генералов для отдачи последних инструкций, но еще и задержал войска у кромки поля для прочтения прокламации императора (хотя из других материалов явствует, что прокламация была зачитана около 6 утра)^[1674].

«Едва мы сделали несколько сотен шагов, – вспоминал лейтенант Жуков из 25-й дивизии, – как оказались под действием ожесточенной канонады, которая велась из редутов и батарей, размещенных в их интервалах. Мы предполагали, что третий корпус должен был атаковать эти редуты, чьи орудия извергали смерть в наши ряды, с целью их захвата; но мы еще не получили приказов маршала Нея на этот счет. Наши потери были бы безусловно намного меньшими во время марша с целью сближения, если бы этот марш был более или менее быстрым. Казалось, что маршал хотел сделать попытку, которая не имела каких бы то ни было шансов на успех: он старался с помощью маневра добиться того, чтобы русские оставили свои позиции. Но мы ошиблись в отношении их намерений»^[1675].

Иначе все происходившее представлялось командиру 18-го линейного Пельпору. По его мнению, Ней двинулся «на врага, выдерживая направление на пространство между

Семеновской и большой батареей (Курганной высотой. – В.З.), в которую упирался левый фланг Барклая-де-Толли. Это движение было выполнено как в полном порядке, так и с быстротой»^[1676].

Но то, что виделось лейтенанту так, а полковнику иначе, совсем по-другому воспринималось штабными офицерами, генералами, маршалом Неем и самим Наполеоном. Войска Нея должны были не просто выдержать то направление, которое изначально предполагалось для их движения, то есть между д. Семеновское и батареей Раевского, но и помочь войскам Даву, которые увязли у южной «флеши».

Кто же стал инициатором изменения первоначального плана движения войск Нея, которые неожиданно бросились вправо? В свое время Сегюр высказал мнение, что это был результат импровизации самого Нея. Гурго немедленно выступил с опровержением, заявив, что Ней только исполнял приказ, данный ему императором. Пеле, вступивший в полемику чуть позже, поддержал позицию Сегюра. В наше время А. И. Попов вновь поднял этот, казалось бы, частный вопрос, разделив точку зрения Сегюра и Пеле^[1677]. И все же, на наш взгляд, творцом изменения задуманного Наполеоном плана сражения мог быть в равной степени как темпераментный рыжеволосый Ней, так и выглядевший 7 сентября достаточно апатичным Наполеон. То, что приказ Нею на движение вперед поступил тогда, когда надо было «исправлять» ситуацию, может быть истолковано в пользу Гурго, полагавшего, что маршал действовал в соответствии с указаниями Наполеона. Но приказ императора не мог не быть сформулирован только в самой общей форме – двигаться вперед, оказав поддержку Даву в захвате «редутов», а Ней уже на месте (скорее всего, когда уже вышел на уровень ручья Каменка) должен был принять конкретное решение, что он и сделал.

Как бы то ни было, вероятно, где-то около 7.30 утра соединения Нея оказались в районе Каменки; затем 10-я дивизия Ф.-Р. Ледрю бросается вправо, к южной «флеши», тогда как солдаты Ж.-Н. Разу из 11-й дивизии продолжают двигаться на северный люнет.

Пока 3-й и 8-й корпуса выходили на рубеж атаки, части 57-го продолжали оборонять захваченный «редут». Однако устоять они не смогли и под давлением Воронцова и Неверовского начали медленно отходить. Русская кавалерия (Ахтырский гусарский и Новороссийский драгунский, а по Бутурлину, и Литовский уланский), пытаясь довершить поражение неприятеля, была встречена легкоконными бригадами П. Мурье и Ф. О. Бёрманна. Завязался скоротечный кавалерийский бой^[1678]. К этому времени недалеко от южной «флеши» оказались войска Нея, и Шарьер, как он писал сам, «адресовался» к генералу Ледрю «для того, чтобы он принял на себя часть вражеских войск...». «Я также сказал ему, – продолжал Шарьер, – что мой полк не имеет патронов, чтобы сохранить занятый редут, если не будут направлены свежие войска. Господин генерал приказал тотчас же несколькими ротам войти в редут...»^[1679] Из рапорта 57-го полка может сложиться впечатление, что полк, обратившись за помощью к Ледрю, не покинул южный люнет. Но рапорт Нея, как и некоторые другие материалы, это опровергает. «... Этот редут был в то же время атакован войсками 1-го корпуса, так что 24-й пехотный легкий и 57-й линейный вошли туда беспорядочно»^[1680].

В то время как французская пехота вновь захватывала люнет, пошли в атаку вюртембергские кавалеристы Бёрманна; но под ударами русской пехоты и кирасир Дука бросились назад. Русские кирасиры, преследуя всадников 2-го вюртембергского лейб-шеволежерского полка, оказались даже в самом люнете. Солдаты 57-го линейного и, возможно, 24-го легкого, еще не успевшие закрепиться, стали отходить. Тогда генерал Шелер приказал своей пехоте немедленно захватить укрепление, что и было исполнено вюртембергской легкой пехотой и 2-м временным линейным батальоном. Ворвавшиеся в люнет вюртембергцы увидели, что там все еще продолжается бой между их шеволежерами и русскими кирасирами; последние были отогнаны штыками, а частью пленены^[1681].

Судя по рапорту Шелера, 57-й полк в люнет уже не возвратился. Вместо него там водворился 72-й линейный дивизии Ледрю и 1-й вюртембергский временный батальон; вместе с вновь подошедшим 2-м временным батальоном и 3-м, стоявшим рядом, а также 3-м батальоном 7-го линейного вестфальского полка они отбивали последующие атаки русской пехоты и кавалерии^[1682]. Южная «флеш», хотя и была еще не один раз атакована, более уже не покидалась немецкими войсками.

Как в это время развивалась борьба за северное и восточное укрепления? «Дивизия Ледрю, – вспоминал Пельпор, – которая была на правом фланге 3-го корпуса, подойдя вначале к зарослям высокого кустарника, свернула затем вправо для того, чтобы соединиться с войсками Даву, задействованными преимущественно для атаки Семеновского; но дивизия Разу маршировала прямо вперед. Прибыв на плато, которое было ей указано, она завладела двумя вражескими батареями; но они вскоре были отняты русскими, которые были прогнаны в свою очередь. Эта часть поля битвы, довольно небольшая, оспаривалась с невообразимым упорством. Сегодня уже невозможно вспомнить с точностью различные обстоятельства происходившего там боя»^[1683]. Однако капитан Бонне из 4-го батальона того же 18-го линейного, делавший записи в своем журнале сразу же по следам событий, оставил нам более подробную картину: «10-я дивизия вступила в сражение и двигалась вперед, мы оказались перед фронтом позиции врага... движением вправо мы бросились вперед через мелкий кустарник и очутились, несмотря на многочисленные выстрелы орудий, перед первым редутом, который был взят войсками, шедшими в голове (определенно, той же дивизии. – В.З.). Полк двинулся тогда ко второму (т. е. к восточной «флеш»). – В.З.), четыре батальона шли развернутыми в боевую линию, один за другим, и он легко был взят тремя первыми [батальонами] вместе с четырьмя орудиями, которые оказались подбитыми; на половине пути от первого ко второму редуту командант Фурнье был ранен, и я принял командование батальоном, который я свернул в колонну, справа у рва взятого полком редута; у меня было знамя, и я ожидал момента действовать. Полковник (т. е. известный нам Пельпор. – В.З.) подошел пешком, мы обсудили ситуацию, и я попросил разрешить мне отправить знамя на ту позицию полка, которая была у 1-го редута и в поле видимости лесной поросли в нашем тылу; это было разрешено. Через 5 минут стрелки врага появились в большом числе немного слева и большой колонной справа, я развернул мой батальон и двинулся вправо на колонну; без стрельбы; она отошла; выполняя это движение, мы оказались подставленными под огонь орудий, которые были перед деревней, о которой я говорил, под который я попал и который проделал в линии батальона своего рода зубчатую стену; тем не менее мы все еще двигались, когда наконец оказались на краю оврага, который нас отделял от высоты деревни, мы вышли к другой колонне, которая угрожающе двигалась, и двигалась неспешно. Ногам 4-го батальона ничего не оставалось, как сделать пол-оборота, и мы медленно ретировались, стреляя по этой колонне, и мы возвратились к редуту; это место, будучи открытым с этого бока, не годилось для обороны; русские вынудили нас бежать и захватили [редут], остаток батальона быстро был эвакуирован; я вспрыгнул на парашют последним, в момент, когда русские, казалось, схватили меня за сюртук, но я перескочил через ров одним прыжком, и они сделали по мне 20 ружейных выстрелов, почти в упор, но не задев мне ничего, кроме кивера; мы ретировались вплоть до кустов, которые были перед первым редутом. Русские кирасиры нас неожиданно атаковали, отбросив нас от этого редута; мы были оттеснены к лесной поросли, и я никогда не забуду испуганного вида обозного солдата, впрягавшего зарядный ящик орудия, ведущего огонь, который, получив удар саблей по спине от этих кирасиров, обернулся посмотреть, кто ему так неожиданно дал подзатыльник. Когда он увидел и понял, что это русский, он нырнул с головой между двумя своими лошадьми без каких-либо дополнительных просьб. Эти различные атаки стоили полку много народу, и так как он был рассеян в стрелки, и даже не знаю, где именно, мы к 11 часам не смогли собрать более одного батальона»^[1684].

Сколько раз переходили из рук в руки северная и восточная «флеши»? Два раза? Три раза? Сказать точно невозможно.

Но и количество атак и контратак южной «флеши», предпринятых французами и русскими, также не поддается точному исчислению. Даже после того как французы и немцы, казалось, прочно обосновались в «редуте», борьба за него не прекратилась. Атаки и контратаки следовали одна за другой. Во время одной из таких атак кавалерия Мюрата (вероятно, из состава 1-й дивизии легкой кавалерии Брюйера) была опрокинута огнем русской артиллерии и контратакована русской кавалерией. Сам Мюрат неожиданно оказался в тяжелейшем положении. «Король Иоахим, – повествовал об этом происшествии лейтенант Зуков, правда, с чужих слов, – оказался случайно без эскорта и без какого-либо сопровождения, кроме берейтора, негра, имевшего костюм столь же экстравагантный, как и его собственный. Вдруг, ясно увидев себя окруженным со всех сторон, он бросился со своей лошади и укрылся в укреплении, занятом нашими (имеется в виду вюртембергская дивизия. – В.З.) ... Этот кирасирский полк, продолжая преследовать нашу кавалерию, приблизился на расстояние ружейного огня с редута; но наша пехота воздерживалась от стрельбы, потому что, обманываясь похожестью униформы, она приняла эти войска за саксонский полк... Между тем, благодаря учтивости полковника этих псевдосаксонцев, наше заблуждение вскоре было рассеяно, так как он предупредил криком по-немецки своих людей: “Порубите всех этих немецких собак!” Для того чтобы не встретиться с ним, по нему дали несколько хороших залпов. Со своей стороны, храбрый негр, который не потерял головы, несмотря на трудную ситуацию, в которой он оказался, не переставая кричал нашим людям: «Стреляйте, стреляйте!» Это было красиво, потому что в этом месте, между русскими и нами, «стреляйте» могло быть исполнено только с фатальными последствиями для его собственного существования. Но этот храбрый малый со своими двумя лошадьми достиг нас целым и невредимым»^[1685]. Вся эта история могла бы показаться одной из тех многочисленных выдумок, которые возникали после каждого сражения и потом, спустя десятилетия, превращались уже в подлинную «историю», бывшую в действительности, говоря словами Стендаля, участника русской кампании, «только всеми принятым вымыслом»^[1686], если бы не рапорт генерала Шелера, составленный сразу после боя. «При отступлении кавалерии, – докладывал он, – Неаполитанский король попал в очень трудное положение, так как его лично преследовали многочисленные кирасиры и казаки. Его Величество подскочил к нашей пехоте, которая внезапно открыла огонь по тем, кто его преследовал, и выстрелами сверху облегчила положение Его Величества. Но поскольку кавалерия противника оказалась уже на флангах и в тылу, то король бросился внутрь редута и доверился нашей защите...»^[1687] Достоверность описания событий подтверждается и ординарцем Мюрата саксонцем В. Буркерсродой^[1688]. Этот эпизод запечатлел на одной из своих работ Фабер дю Фор^[1689]. Любопытно, насколько национально-избирательной оказалась память – все три источника этого эпизода оказались немецкими!

В целом же, если любознательный историк попытается прийти к каким-то определенным выводам в отношении борьбы за южный люнет, он сможет констатировать только следующее: а) французы и немцы были дважды вытесняемы из южного укрепления, но здесь же, еще до того, как русские могли там закрепиться, снова возвращались; б) французские и немецкие войска, если и добивались полного контроля над люнетом, то предпочитали располагаться не в нем самом, а по внешним сторонам бруствера и во рву, так что само укрепление было как бы и не занятым. Все это походило на своего рода топтание вокруг люнета, во время которого стороны истребляли друг друга, зачастую просто не соблюдая законов «правильной тактики». Данное обстоятельство и обусловило, кажется нескончаемый, спор о том, сколько же атак сделала армия Наполеона на Семеновские укрепления.

В районе 8 часов, когда дивизия Разу ворвалась на северный люнет и сразу затем была выбита, а 57-й совместно с солдатами Ледрю и Шелера начал отражать русские контратаки на южную «флешь», 61-й и 25-й полки оказались в пространстве между этой «флешью» и лесом. Солдаты Гюйардэ видели вокруг люнета крутящиеся массы пехоты и кавалерии, а немного западнее редута – французскую артиллерийскую батарею (скорее всего, батарею Пернети, которая где-то в 7 утра, вслед за батареей Сорбье пересекла Каменский овраг и приблизилась к южной «флеш»). «Три или четыре полка русских кирасир», огибая люнет, неслись на артиллеристов. Французская пехота, прикрывавшая батарею (это были 2-й и 3-й батальоны 111-го полка, а возможно, и испанцы), встретила кирасир сильным огнем. Не доскакав до батареи, кавалерия повернула влево и начала отход, оказавшись между южным люнетом и солдатами Компана. Последние успели быстро построиться в каре и встретили кирасир огнем с очень близкого расстояния. Кирасиры, не имея намерения атаковать каре 61-го и 25-го полков, тем не менее понесли большие потери от их огня. Эта атака была повторена «второй и третий раз» и завершилась с тем же результатом^[1690].

Рапп, посланный Наполеоном заменить Компана, появился среди солдат 1-го корпуса примерно около 8 часов. По крайней мере, из сбивчивого рассказа Раппа можно понять, что по его прибытии маршал Ней уже находился в районе укреплений. Генерал отвел 5-ю дивизию во вторую линию, к кромке леса (вследствие этого, а также большого расстройства 57-й окончательно расстался с южным люнетом), а дивизию Дессэ выдвинул в первую. «Мы были продвинуты вперед на некоторое расстояние и выстроились в колоннах в поле видимости леса, который был на нашем правом фланге...» – вспоминал Жиро де л'Эн. Сзади и левее себя солдаты Дессэ видели «батарею из 30 орудий»^[1691]. Биографы Дессэ попытались более точно определить новое расположение 4-й дивизии. По их мнению, она стояла в 400 шагах впереди и справа от «редутов»; справа от 4-й дивизии был лес, занятый ее тиральерами^[1692]. Артиллерия Пернети, продвигаясь вслед за пехотой, встала, как полагаем, юго-восточнее «флеш». Не успели войска Дессэ занять новую позицию, как начался настоящий «шторм, атака русских кирасир, которые имели направление... на батарею из тридцати наших орудий». «Эта атака, проходя перед нами, – вспоминал Жиро де л'Эн, – подверглась нашему огню, но не замедлилась; более того, залпы картечью нашей батареи не смогли их остановить, так что батарея была опрокинута саблями, и канониры бросились между колес орудий и зарядных ящиков, пытаясь спастись от вражеских кирасир...»^[1693]

Итак, на этот раз артиллеристам Пернети повезло меньше. По всей видимости, эта атака оказалась более неожиданной, чем предыдущие, и в непосредственном прикрытии батареи оказался только батальон из дивизии Дессэ. Однако на помощь батарее не замедлили прийти несколько эскадронов французской кавалерии, которые «вызывали беспорядок» среди русских кирасир и заставили их отходить. Кирасиры вновь должны были пройти рядом с пехотой Дессэ, «испытыв вновь наш огонь и удары штыком наших солдат, которые, выскакивая в безрассудстве из рядов, выбегали вперед для того, чтобы ударить отступающих», вновь вспоминает Жиро де л'Эн. «Мы оценили число русских кирасир, которые совершили эту ужасную атаку, примерно в 1500. Но из этих 1500 едва 200 возвратились в свои линии; все остальные, и люди, и лошади, остались на земле; я не припомню, чтобы кто-либо был взят в плен. У них не было кирас, кроме как спереди...»^[1694]

Было примерно начало 10-го. Уже час, как генерал Рапп руководил действиями 4-й и 5-й дивизий. Большей частью он находился в расположении 61-го полка, бывшего у кромки леса. Несмотря на то что полк был как бы во второй линии, он беспрестанно подвергался обстрелу как русской артиллерии, так и многочисленных стрелков, бывших в лесу. «Ядра и пули ложились со всех сторон, – вспоминал Рапп. – В течение одного часа я был задет четыре раза, первый раз относительно легко двумя пулями, затем пулей в левую руку, которая вырвала рукав моего мундира и рубашки... Я был в ту минуту во главе 61-го полка, который я знал еще с Верхнего Египта. В нем от того времени оставалось еще несколько офицеров, и

странно было нам встретиться здесь. Вскоре я получил 4-ю рану; пуля ударила меня в левое бедро и сбросила меня с лошади; это была моя 22-я рана, я вынужден был покинуть поле боя; и я сообщил об этом маршалу Нею, войска которого смешались с моими»^[1695].

Раппа сменил Дессэ; теперь он уже во второй раз командовал обеими дивизиями. Но... через минуту у него была перебита рука. На обстоятельствах ранения командира 4-й дивизии подробно останавливается все тот же Жиро де л'Эн, но его рассказ был позже серьезно уточнен биографами генерала, использовавшими, без сомнения, собственные воспоминания Дессэ и его бумаги.

Итак, когда описанная выше кирасирская атака была отражена и последние отступившие кирасиры исчезли из поля зрения, солдаты Дессэ увидели невдалеке колонну русской пехоты. Эта колонна, используя кавалерийскую атаку как прикрытие, заметно продвинулась к французским порядкам, но остановилась, будучи теперь совершенно открытой и не имея поддержки. Солдаты 108-го и 85-го полков быстро двинулись вперед и заставили русских отойти. Но русская колонна своим отходом обнаружила батарею, которая дала по французам несколько залпов картечью. Пехота Дессэ стала отходить и отступила в чащу леса шагов на двести. Но и там, несмотря на защиту деревьев, продолжала сильно страдать от огня русских. По словам Жиро де л'Эна, во время первых картечных залпов (а из биографии генерала можно решить, что уже в самом лесу) Дессэ раздробило картечной пулей правое предплечье. Мгновением раньше был убит его адъютант капитан Ф. дю Бурже. Начальник штаба полковник Ж.-Ж. Кутюр получил контузию в левое бедро, а затем – пулю и оставил поле битвы. Жиро де л'Эн и лейтенант Маркье вывели раненого генерала из-под огня в тыл и предоставили его заботам хирургов; среди них был главный хирург Неаполитанского короля (Ж. Пеборд —?), который и оказал Дессэ первую помощь^[1696].

После ранения Дессэ командование 4-й дивизией принял генерал Фридерикс. Остатки дивизии более не торопились в гущу боя. Когда Жиро де л'Эн возвратился к дивизии, он обнаружил ее примерно в том же месте, где оставил. «Вот и все, что у меня осталось», – сказал ему с грустью полковник Ашар, командир 108-го, указывая на горсть людей и своего орла. Сам полковник был несколько раз ранен во время кавалерийской атаки^[1697].

В менее тяжелом состоянии находилась 5-я дивизия. Фоссен из 111-го линейного, вспоминая позже тот страшный день, мог только очень сбивчиво поведать о том, как он бросился в лес, «где началась с обеих сторон ружейная перестрелка. Неприятель поставил орудия и гаубицы близ леса, и гранаты из них били в линию наших стрелков. Генералы и штаб-офицеры появились за фронтом, и слышно было, как они кричали “Смелей, друзья! Солдаты, вперед!” Солдаты проявили значительную храбрость и отвагу». «Около 11 часов (полагаем, что это произошло раньше. – В.З.) мы достигли наконец опушки леса и увидели левую от нас часть большого поля битвы: несколько высот были заняты нашими и орудия взяты, но, тем не менее, неприятельская кавалерия атаковала и прорывалась сквозь наши ряды, захватывая орудия и забирая в плен. Нашей кавалерии пришлось даже отступить: огонь из орудий был так силен, что команды не было слышно. Некоторое время нельзя было решить, на чьей стороне победа, как вдруг, слева от нас, проскакал отряд кирасиров, генерал, во главе их, громко крикнул: “Кирасиры, вперед! Сабли вон! Атакуйте неприятеля!”» Весьма сбивчив и рассказ капитана Гардье из того же 111-го линейного. Из него только можно заключить, что батальоны 111-го (видимо, 2-й и 3-й батальоны) приняли участие в отражении атаки русских кирасир возле опушки леса, а затем скрылись в лесу. Несмотря на это, они продолжали вести непрерывную борьбу – на этот раз с русскими стрелками. Сам Гардье, занятый организацией передвижения своего 3-го батальона, был ранен пулей в левую ногу^[1698].

Таким образом, значительная часть 111-го линейного с самого начала вынуждена была бороться в лесу с русской пехотой. Позже, уже весьма ослабленный, 111-й отражал атаки русской кавалерии у самой кромки леса. Затем вновь сражался в лесу с русскими стрелками

(об этом, помимо материалов Фоссена и Гардье, свидетельствует и рапорт полка^[1699]). Значительные силы тратили на борьбу в лесу с егерями и 61-й, и 57-й полки, о чем также говорят их рапорты: основные потери части понесли в лесу, либо от артиллерийского огня, либо от русских застрельщиков^[1700]. В 10-м часу эти полки удерживали только кромку леса.

Кто теперь осуществлял командование французскими войсками на этом участке боя? Общее командование было сразу у двух человек – у Нея и Мюрата, из которых первый руководил в основном действиями пехоты, второй – кавалерии. Даву, хотя и не покинул поле боя, реально в ход событий вмешивался слабо, продолжая ощущать последствия своей контузии. Командующие 4-й и 5-й дивизиями теперь адресовывались непосредственно к Нею (это делали Рапп, Фридерикс и частные начальники). «Маршал Ней, – вспоминал Жиро де л'Эн, – когда я к нему явился (это было в 2 часа пополудни) один командовал по всей линии». 4-й дивизией после ранения Дессэ, по всей видимости, командовал Фридерикс, командующий же 5-й дивизией нам точно не известен. Возможно, им был Гюйардэ, но достоверных сведений нет. Все смешалось. Майор 85-го Ле Руа позже почему-то даже утверждал, что генерал Дессэ был заменен генералом Жераром (!)^[1701]. А, например, у капрала-вольтижера 61-го полка Дюмона отложилось в голове, что после ранения Компана офицер, занявший его место, тоже был ранен, затем ранен третий и, наконец, четвертый, «который был из гвардии»; это был генерал Анабер (Anabert). Он-то и приказал барабанщикам бить атаку и бросил 61-й на какой-то редут, «редут был взят, а генерал ранен»^[1702].

Но, во-первых, согласно всем документам, 61-й не ходил на «редут», а во-вторых, Ж.-П. Ланабер (Lanabere), командир 1-й бригады 2-й пехотной дивизии Молодой гвардии, 7 сентября сражался совсем в другом месте, сменив раненого Морана (Ланабер действительно был ранен 7-го и умер в Можайске 16 сентября). Мы предполагаем, что капрал 61-го имел в виду все же генерал-адъютанта Раппа.

Капрал Дюмон, рассказывая далее о сражении своему земляку, сержанту фузилеров-гренадеров гвардии Бургоню, поведал печальную историю о том, что позже произошло с ним и с людьми его полка. Во время атаки, в которую «гвардейский генерал» бросил 61-й полк, капрал Дюмон был ранен ружейной пулей в предплечье и вскоре после того, как рана стала доставлять ему сильную боль, пошел в амбуланс вынуть пулю. Не успел он сделать десяток шагов, как встретил полковую кантиньери, симпатичную испанку Флоренсию. «Она была в слезах. Ей сказали, что почти все барабанщики полка убиты или ранены. Она сказала, что хочет увидеть их, помочь им, чем сможет. Несмотря на боль, которую я чувствовал из-за раны, – продолжает свой рассказ Дюмон, – я пытался посочувствовать ей. Мы ходили между ранеными. Некоторые пытались с трудом и преодолевая боль двигаться сами, других несли на носилках». Внезапно, когда Дюмон и Флоренсия проходили рядом с одним из укреплений, кантиньери «начала громко и надрывно кричать: она увидела барабанщиков 61-го, разбросанных по земле. «“Здесь, мой друг, здесь! – завопила она. – Они здесь!” Действительно, они были там, лежа с переломанными конечностями; их тела были побиты картечью. Помешавшись от горя, она ходила от одного к другому, нежно говоря с ними. Но ни один из них ее не слышал. Некоторые, однако, все еще проявляли признаки жизни, и среди них – драм-мажор, которого она называла своим отцом. Остановившись перед ним и опустившись перед ним на колени, она подняла его голову и влила несколько капель коньяка между его губ». В этот момент русские контратаковали, «и канонада началась снова. Внезапно испанка закричала от боли. Она была поражена в левую руку ядром, которое сломало ей большой палец и ударило в плечо умиравшего человека, которого она держала». Флоренсия упала без чувств. Дюмон попытался своей здоровой рукой оттащить ее к амбулансу; но это было выше его сил. К его счастью, рядом проходил спешенный кирасир, который, без всяких просьб со стороны капрала, сказал: «Быстро! Мы должны торопиться, это не самое лучшее место, где можно было бы находиться». «Без всякой суеты он схватил молодую испанку и понес ее, как ребенка. Она все еще была в

сознании. После 10 минут мы достигли небольшого леса, где был амбуланс гвардейской артиллерии. Здесь Флоренсия пришла в чувство. Ларрей, императорский хирург, ампутировал ей большой палец и очень искусно вынул пулю из моей руки»^[1703].

Итак, в районе 10 часов «флешей» окончательно оказались в руках французов; но силы были истощены. Капитан 18-го линейного из дивизии Разу Бонне, как мы уже упоминали, уверял, что к 11 часам в его полку удалось собрать не более одного батальона. Силы вюртембержцев уходили в основном на удержание захваченных редутов. 5-я дивизия, значительно обескровленная, держалась кромки леса. 57-й, например, в дальнейших действиях уже просто не мог участвовать. Аналогичной была ситуация и в 4-й дивизии, изначально немногочисленной. 24-я вестфальская дивизия все еще продолжала находиться возле «флешей», удерживая занятое пространство, а 23-я еще в 8 часов была направлена в Утицкий лес для борьбы с русскими егерями и для того, чтобы установить контакт с поляками Понятовского.

Между тем такое стояние на захваченных позициях вызывало огромные потери. Удержание этих редутов, писал в своем рапорте Шелер, «требовало большой стойкости и мужества, поскольку противник из расставленных позади батарей очень сильно обстреливал эти редуты гранатами, ядрами и картечью...». О том, что южный люнет «беспрестанно обстреливала вражеская батарея, состоявшая из 20 орудий», пишет и Зуков, появившийся в нем, когда его товарищи пробыли там уже некоторое время. «Вестфальский корпус, – вспоминал Плана де ла Файе, адъютант Ларибуазьера, – стоял массой в колонне позади редута и получал время от времени снаряды, которые, разрываясь, поднимали в воздух кивера и штыки. При каждом подобном ударе бедные солдаты бросались плашмя на живот, и не все из них снова поднимались»^[1704].

В похожем положении находились и две дивизии корпуса Даву. «В эту минуту, – вспоминал Лежен, посланный к Даву с сообщением о том, что 5-й корпус не может обойти левый фланг русских, – положение маршала было на самом деле критическое, так как, хотя кавалерия короля Мюрата и покрыла равнину впереди, с которой ожесточенно атаковала русскую кавалерию, невыносимый огонь русской пехоты и артиллерии осыпал позицию маршала. Он был ранен в руку, но продолжал командовать. Его начальник штаба генерал Ромёф был поражен ядром в то время, когда мы разговаривали. Маршал, очень смущенный тем, что приходилось брать с фронта позицию, которая, по его мнению, должна была быть сразу атакована с трех сторон, сказал мне с досадой: “Черт возьми, хотят, чтобы я взял быка за рога”»^[1705]. Французам было ясно, что следует немедленно атаковать русские позиции за Семеновским оврагом, взять деревню и отбросить неприятельские войска дальше. Пеле писал, что теперь «судьба сражения решается к северу от Семеновского, на берегах последнего оврага, через который наши солдаты желают перейти и который предоставляет русским линиям превосходную защиту»^[1706].

Обстоятельства захвата французами д. Семеновское оказались довольно запутанными и в отечественной и в зарубежной литературе. Вероятно, одним из первых отечественных авторов, кто внес заметную путаницу, был Д. П. Бутурлин. На основе интерпретации имевшихся к тому времени немногочисленных зарубежных публикаций он утверждал, что около 10 часов генерал Дюфур, командир бригады 2-й дивизии, с 15-м легким полком перешел Семеновский овраг и овладел деревней, в то время как остальные войска дивизии Фриана разместились в резерве побригадно. Далее, как считал Бутурлин, гренадеры прогнали французов из деревни, а в ходе атаки Коновницына, происходившей в то время, был убит генерал Ромёф. Затем это повторил М. И. Богданович, отмечая, правда, что Фриан только поддерживал Нея, но одновременно смещая время этих событий на 11 часов^[1707].

Однако вопросы о том, сколько раз французы атаковали д. Семеновское, когда и какими войсками, каким образом деревня была окончательно захвачена, не до конца ясны и во

французской литературе. Так, из текста Тьера явствует, что взятие Фрианом деревни произошло одновременно с рейдом Платова и Уварова, или даже позже; а контратаки русской пехоты, происходившие в то же время, имели целью возвращение не только д. Семеновское, но и Багратионовых «флешей»^[1708].

Вне всякого сомнения, путаница в описании этого эпизода Бородинской битвы связана не только с конъюнктурными соображениями исследователей или со стремлением к литературной драматизации описываемых событий, как в примере с Тьером, но и с особенностями имеющихся источников. Так, из текста 18-го бюллетеня можно заключить, что «сгоревшая деревня» была взята еще до подхода дивизии Фриана, на солдат которой была возложена задача удерживать ее во время вражеских контратак. Рапорт Мюрата, который был опубликован уже в 1821 г., утверждал, что атаке Фриана на д. Семеновское предшествовали действия 1-го и 4-го кавалерийских корпусов, которые очистили пространство «слева и справа от деревни». В работе Пеле, которую можно отнести к разряду первоисточников, но в которой автор пытался учесть все другие материалы (в том числе и работу Бутурлина), не только указывалось на явные противоречия в имеющихся источниках и работах, но и привносились новые неясности. По мнению Пеле, как только д. Семеновское была взята, ее атаковали гренадеры принца Мекленбургского и Воронцова, поддержанные остальной армией; во время этого боя Багратион был ранен, а все попытки вернуть деревню были отбиты^[1709]. Определенные неясности возникают и при чтении документов, исходящих от самой дивизии Фриана, а также воспоминаний ее офицеров. И все же попытаемся воссоздать картину наиболее убедительную^[1710].

Еще во время одной из атак северного и восточного люнетов части дивизии Разу попытались перейти Семеновский овраг и взять деревню, но были выбиты оттуда русскими кирасирами и гренадерами^[1711].

Теперь, к 10 часам, после окончательного захвата Багратионовых «флешей», стало ясно, что сил для новой атаки д. Семеновское у Даву и Нея было недостаточно. Когда еще шел бой за «флеш» и французские войска, казалось, должны были вскоре начать захождение правым флангом, как это предполагалось по замыслу сражения, части 8-го корпуса Жюно пришлось направить в Утицкий лес для установления связи с поляками. Понятовский не смог выполнить той роли, которую отводил ему император, и Утицкий лес, в случае захождения войсками Даву и Нея к центру, «мог оказаться за спиной» (Фэн). Поэтому Жюно «заполнил пустоту» (Фэн), которая образовалась из-за несовпадения атак Даву и Понятовского. Судя по всему, это решение было принято Неем по согласованию с императором^[1712]. Между тем взятие «флешей» потребовало больших усилий, чем предполагалось вначале, а Понятовский все никак не мог добиться успеха. К началу 11-го силы Нея и Даву были истощены. Французам пришлось вводить в сражение тяжелую кавалерию Мюрата и пехоту резерва.

Резервная кавалерия Мюрата начала движение вперед почти сразу же после начала сражения. Но эти передвижения были медленными и постепенными. Примерно в начале 9-го главным направлением движения 2-го кавалерийского корпуса стало место впадения Каменки в Семеновский ручей. Подойдя к Каменке, корпус остановился на его западном берегу. 4-й кавалерийский корпус оказался сразу за порядками войск Нея, а 1-й корпус – южнее, прямо напротив южной «флеш»^[1713]. К началу 11-го резервная кавалерия, хотя и посылала вперед на поддержку пехоте только легкоконные кавалерийские дивизии, уже значительно пострадала от огня русских орудий. «Полк не принимал участия в атаке, – поведал в своей рукописи Клод Орио, капитан 9-го кирасирского из 1-го корпуса, о тех часах и минутах, – но постоянно находился под ядрами, гранатами и картечью. <...> Всюду были видны умирающие и мертвые. Дважды я проехал вдоль фронта, всматриваясь в лица кирасиров моей роты, чтобы убедиться, brave ли они. Я был вполне доволен. Частью я их спешил. Двигаясь таким образом, я поздравил одного молодого офицера за его выдержку

(г-на де Грамона) и стал свидетелем ужасных вещей. Как только он мне сказал, что не жалуется и хотел бы только немного холодной воды, прилетела пуля и попала сразу в двоих (видимо, в Грамона и в какого-то второго кирасира. – В.З.). Я оказался вблизи другого офицера и сказал, что сильно огорчен в отношении бедного г-на де Грамона. Раньше, чем он мне ответил, в его лошадь попал снаряд, убивший его. Наконец, случились и другие вещи; я дал поддержать на полминуты мою лошадь кирасиру, который упал навзничь убитым. Я сам оказался засыпанным землей, которой меня забросал снаряд, между тем я не получил ни малейшей царапины»^[1714]. 2-й и 4-й корпуса страдали не меньше. В начале 11-го командир 2-го корпуса дивизионный генерал Монбрён получил смертельную рану.

Помимо резервной кавалерии, помощь ослабленным силам Даву и Нея в штурме д. Семеновское должны были оказать и свежие пехотные части. Пеле писал, что с начала сражения «Наполеон держал подле себя дивизии Фриана и Клапареда; он хотел сохранить резервы для всей армии и сберегал силы, смотря по ходу сражения»^[1715]. Генерал Дедем, командир бригады 2-й дивизии, вспоминал, что когда утром «император приблизился к моей бригаде, солдаты стали просить его бросить их в огонь; левый фланг был уже в деле, так же как и центр. Он ответил: “Полки, подобные этим, не посылаются в огонь иначе как для того, чтобы решить победу”»^[1716]. Однако отсутствие резервов у Нея и Даву заставило императора уже в 10-м часу задействовать обе резервные дивизии. Вскоре после 9 утра Легион Вислы (дивизия Клапареда) получил приказ двинуться «во вторую линию»; пройдя шагов 1000–1200, он был остановлен в районе Каменского оврага^[1717]. Вероятно, чуть позже^[1718] вперед была послана и дивизия Фриана. Сложно сказать с определенностью, сразу ли Наполеон предполагал использовать ее для атаки д. Семеновское или, что скорее всего, дивизия должна была первоначально просто подтянуться ближе к полю сражения в целях занятия пространства и последующего использования, смотря по обстоятельствам. Так, в «Журнале дивизии Фриана» говорилось, что 7 сентября дивизия «получила приказ находиться в резерве у редута в центре... Скоро она получила другое направление и двинулась к Семеновскому». В то же время из «Исторического рапорта о кампании 1812 г.», составленного капитаном 48-го линейного полка Роббом, явствует, что еще «на рассвете дивизия покинула позицию... для того, чтобы следовать движению 1-го корпуса, выполняя различные маневры под очень сильным огнем»^[1719].

В целом, вероятно выступив в начале 10-го от Шевардинского редута, дивизия Фриана, двигаясь рядом с Утицким лесом, в районе 10 часов оказалась возле «флешей». К этому времени французские войска оказались перед необходимостью немедленной атаки д. Семеновское. Подход Фриана был как нельзя более кстати. То ли Лежен, то ли генерал А.-Д. Бельяр, начальник штаба Мюрата, то ли генерал М. Сокольниковский, а может, и все трое доставили Фриану приказ взять д. Семеновское^[1720].

Вероятно, Сокольниковский и Бельяр передали Фриану общий приказ императора помочь войскам Нея и Даву, а Лежен выполнил роль координатора между Даву и Неем, с одной стороны, Мюратором – с другой, и Фрианом – с третьей. Непосредственный приказ Фриану о взятии д. Семеновское мог исходить, скорее всего, от Нея и Даву. 2-я дивизия должна была наступать на саму деревню, в то время как 4-й кавалерийский корпус слева и 1-й – справа от деревни атаковали русскую пехоту и артиллерию^[1721].

В начале либо в половине 11-го французская пехота и кавалерия пошли вперед. Генерал Дюфур во главе трех батальонов 15-го легкого полка двинулся на деревню, предполагая взять также и земляное укрепление, сооруженное к северо-западу от деревни и обстреливавшее кавалерию 4-го резервного корпуса. Правее Дюфура наступал 48-й полк, имея у себя в резерве два батальона полка Жозефа-Наполеона. Общий резерв дивизии составил 33-й полк, находившийся на крайнем правом фланге, «у лесной поросли»^[1722]. Дюфур с 15-м легким быстро перешел овраг и стал взбираться на высоту, на которой лежали

обгорелые развалины деревни. Однако атака удалась не сразу. Адьютант командира 1-й бригады 7-й тяжелой кавалерийской дивизии 4-го кавалерийского корпуса Рот фон Шрекентштайн увидел, как расстроенная французская пехота, не сумев взять деревню сразу, откатилась назад в овраг и там стала перестраиваться. Через 10–12 минут она вновь атаковала деревню, на этот раз удачно^[1723]. Пехота Фриана бросилась налево, где русская батарея, находившаяся в эполементе, еще продолжала обстреливать кавалерию 4-го корпуса. Укрепление было взято штыками. Захвачены ли были орудия, оборонявшие эполемент, и сколько, совершенно не ясно^[1724].

Через минут тридцать или чуть меньше после начала атаки д. Семеновское была в руках французов. Теперь ее надо было удержать. «Русская армия, – пишет Шамбрэ, – быстро перестроилась позади деревни. Правый фланг ее занимал редут, левый упирался в тот же лес, что и ранее, но в полулье позади редантов; на плато, которое доминировало над Семеновским, стояли многочисленные батареи, открывшие сильный и смертельный огонь»^[1725].

В ожидании русской атаки Фриан поспешил сконцентрировать свою дивизию. 48-й занял холм позади развалин деревни, 15-й легкий – слева от деревни; на месте самих развалин расположился 33-й, выдвинутый вперед. 15-й и 33-й, в ожидании кавалерийской атаки, свернулись в каре^[1726]. На протяжении последующих примерно двух часов солдаты Фриана выдержали шквальный артиллерийский и ружейный огонь и множество кавалерийских атак. Дюфур утверждал, что его 15-й легкий отразил семь атак русской кавалерии, что сопровождалось криками «Vive l'Empereur!» Что касается 33-го, то Дедем писал то о пяти, то о трех отраженных атаках, журнал дивизии – о трех. Мюрат, оказавшийся рядом с 33-м, дважды вынужден был укрываться в его каре. Между кавалерийскими атаками солдат Фриана осыпал град ядер и картечи. Сам командир дивизии, вначале потеряв лошадь, затем был поражен в грудь картечной пулей. Если бы не аксельбант, который Фриан носил как полковник пеших гренадеров гвардии, он, как считают его биографы, определенно был бы убит. Вероятно, немного ранее был ранен и унесен с поля боя его сын. Сам же генерал, усевшись на ствол поваленного дерева, отказался уйти и продолжал руководить дивизией. Позже, с помощью своих адъютантов, он даже взобрался на лошадь и поехал в первую линию, чтобы самому направлять огонь орудий 2-й дивизии^[1727].

Генерал Сегюр, склонный к эффектным описаниям, рассказывает, как один из полковников 2-й дивизии попытался отступить. В эту минуту к нему подбежал Мюрат и, «схватив за шиворот, воскликнул: “Что вы делаете?” Полковник, указывая на убитых, сказал: “Вы сами понимаете, что здесь невозможно дальше держаться!” «А! Я-то остаюсь здесь!” – воскликнул Мюрат. Полковник, пристально посмотрев на Мюрата, хладнокровно сказал: «Вы правы! Солдаты, вперед! Идемте умирать!”»^[1728] Сохранившиеся материалы заставляют предполагать, что не названный Сегюром полковник был не кто иной, как благородный Груань, командир 48-го. Будучи совершенно больным и уже «неся смерть в себе», он был вместе с полком, «не прекращая вызывать воодушевления своим примером». Согласно документам 2-й дивизии, Мюрат во время сражения обрушился на Груаня с незаслуженными упреками, будто бы его солдаты прячутся от огня. На это полковник отвечал так: «Я должен поставить моих солдат закрыто, чтобы сберечь их для победы. Вы видите, что я показываю им, как выдерживают неприятельский огонь»^[1729].

Генерал Дедем, который явно чувствовал себя обойденным в рапорте Мюрата и не скрывавший своей обиды, с удовольствием поведал о другом эпизоде, тоже касавшемся Мюрата. Когда 33-й, совершенно открытый для русской артиллерии, стоял в каре на развалинах деревни, Ней, оказавшийся рядом, несколько раз громко произнес, явно рассчитывая, что его услышит Мюрат: «Кто этот дурак, разместивший их здесь?» Вероятно, не без ехидства заметил американский исследователь К. Кэйт, Ней хорошо знал ответ на этот

вопрос и моментом позже спросил Мюрата: «Неаполитанский король, почему бы не атаковать вашей кавалерией или двинуть вперед эту пехоту, пока она вся не будет перебита?»^[1730]

Кавалерия Мюрата действительно производила атаки как севернее д. Семеновское (2-м и 4-м корпусами), так и южнее (1-м корпусом). Но севернее кавалерия неизменно получала отпор со стороны русской пехоты из дивизии Е. Вюртембергского и 4-го пехотного корпуса, а также кавалерии, а на юге – со стороны русской гвардейской пехоты, поставленной в каре за Семеновским оврагом, и также кавалерии. Впрочем, то, что согласно русским источникам и литературе, гвардейская бригада полковника М. Е. Храповицкого героически отразила несколько бешеных атак кавалерии Нансути и даже сама перешла в атаку (!), нашло во французских материалах только слабые отклики. Французским мемуаристам из 1-го кавалерийского корпуса (к примеру, Тириону) запомнились совсем другие эпизоды. Так, Тирион из 2-го кирасирского особенно подробно описал, как его полк, пытаясь атаковать русских, неожиданно оказался на краю оврага, который ранее не был замечен и за которым как раз и расположился неприятель. «Доказывая наше желание видеть русскую армию поближе, мы спустились в овраг с целью выскочить на противоположный берег, но дно оврага оказалось болотистым, передовые лошади в нем завязли, и нам волей-неволей пришлось вернуться обратно и стать в боевом порядке фронтом к неприятелю, по сю сторону оврага и на краю его». Этим, согласно Тириону, и закончились все «бешеные атаки» его полка. Французские кирасиры далее стояли под ружейным огнем, поджидая пехоту. Наконец подошли вестфальцы. Тогда кирасиры попытались отойти за пехоту и, несмотря на протестующие крики пехотинцев «Мы здесь не останемся, мы здесь не останемся!», все же оказались у них в тылу, а затем стали напирать на них сзади, заставив спуститься в овраг и открыть огонь по русским с близкого расстояния. После этого французских кирасиров вообще отвели назад, в «вырубленный лесочек».

Разрешить эту загадку в отношении боя русской гвардейской пехоты с кирасирами Нансути попытался недавно А. И. Попов. Опираясь на рапорт генерал-майора И. Д. Панчулидзева от 5 (12) сентября 1812 г., он предположил, что французские кирасиры действительно бросались в атаку на русскую гвардейскую пехоту (численностью более 2 тыс. человек), но каждый раз по одному полку (состоявшему менее чем из 300 человек). К тому же в отражении французских атак приняла участие не только русская пехота, но и русская кавалерия – эскадроны Черниговского и Киевского драгунских и Екатеринославский кирасирский полки^[1731].

Постепенно давление русских стало ослабевать. Большая батарея, примерно в 80 стволов, спешно составленная из орудий Фриана и кавалерийских соединений, наносила большой урон массам русских войск; в то же время французская кавалерия беспрестанно контратаковала неприятеля^[1732].

В 2 – начале 3-го часа маршал Ней послал приказ войскам 1, 3 и 8-го армейских корпусов продолжить движение и перейти Семеновский овраг. Как только Жиро де л'Эн доставил этот приказ генералу Фридериксу, тот немедленно двинул 4-ю дивизию вперед; прикрывая левый фланг, вместе с войсками Фридерикса двинулся вперед и полк Жозефа-Наполеона^[1733]. «Мы перешли ретраншементы, которые были перед нами; враг... отошел к своему центру, где на него активно оказывали давление Ней и кавалерия Неаполитанского короля...» – вспоминал Ле Руа, заменивший во время боя выбывшего из строя Ж.-Л. Бойона (Boillon), второго майора 85-го линейного.

Иначе поступил Жюно. Когда тот же Жиро де л'Эн доставил ему приказ Нея, то «нашел его на лесной поляне, стоящим пешим на земле и приказавшим своим солдатам составить ружья в козлы; он не проявлял ни малейшего желания двигаться». Герцог д'Абрантес остался совершенно безучастным к тому, что ему передал Жиро де л'Эн^[1734]. Вместо этого Жюно

отправил приказ совершенно расстроенным частям 5-й пехотной дивизии, все еще находившимся на опушке леса в районе южной «флеши». «В 2 с половиной, – читаем в рапорте командира 61-го генерала Гюйардэ, – я получил приказ герцога д'Абрантеса (sic) ко мне двигаться для поддержки вестфальского корпуса, который шел вперед для дебуширования леса, располагавшегося с краю равнины, и где были расположены колонны врага». Остальные полки 5-й дивизии (если судить по воспоминаниям Фоссена из 111-го) с той или иной степенью поспешности также выполнили это движение^[1735]. Одновременно с войсками 1-го корпуса вперед пошли и части 3-го. «Около 3 часов, – пишет командир 18-го линейного Пельпор, – маршал Ней вновь собрал свои войска, рассредоточенные в стрелках, сформировал колонну, двинулся вперед и перешел глубокий овраг, который отделял нас от врага»^[1736].

Параллельно с медленным продвижением вперед правого крыла, который наконец-то был поддержан Понятовским, французская и немецкая кавалерия совместно с пехотой атаковали Курганную высоту. К 3 часам русские оставили все укрепления южного фланга и центра, но упорно продолжали драться, пытаясь создать новую линию обороны, выравнивая свой фронт и беспрестанно контратакуя. Приблизительно в это время за событиями вокруг Семеновского наблюдал Пеле, находившийся среди солдат дивизии Фриана: «Мы видели, как русские массы маневрировали, подобно подвижным редутам, униженным железом и извергавшим огонь. Посреди открытой местности, и картечь нашей артиллерии и атаки нашей кавалерии и пехоты наносили им огромные уроны. Но пока у них оставалось сколько-нибудь силы, эти храбрые солдаты снова начинали свои атаки. Корпуса Даву и Нея, устав побеждать, поддерживали убийственную борьбу на завоеванной местности. Фриан занимал Семеновское»^[1737].

Вскоре после взятия батареи Раевского Наполеон покинул свой наблюдательный пункт у Шевардинского редута и поехал вперед, чтобы оценить обстановку и нанести решающий удар по обессиленному противнику. «Он отправляется сперва к взятым редантам, – пишет Пеле, – оттуда к деревне Семеновской, где остается долгое время. Ружейный и картечный огонь так силен, что штабу Даву приказано слезть с лошадей». Русские пули «поражают каждую выставляющуюся голову. Наполеон почти один отправляется вперед». «Он признает необходимым еще расстроить пушечными выстрелами русские массы и противопоставить равный огонь неприятелю, не перестававшему умножать число своих орудий»^[1738]. «Отыщите Сорбье, – обратился Наполеон к Лежену, – пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позиции, занятой генералом Фрианом, куда вы с ним поедете; он развернет 60 орудий под углом к линии врага, чтобы раздавить ее с фланга, а Мюрат его поддержит. Езжайте!»^[1739] Вероятно, в то же время император выдвигает вперед дивизию Роге из Молодой гвардии; она должна была «подкрепить» войска 1-го и 3-го корпусов, уже перешедшие Семеновский овраг^[1740].

Во время рекогносцировки Наполеон оказался в расположении 2-й пехотной дивизии. Проезжая рядом с солдатами Фриана, он спросил, кто ими «командовал в то время». Ему ответили, что, несмотря на рану, командует по-прежнему Фриан. «Хорошо, – сказал Наполеон, – я спокоен: пусть делает, как знает»^[1741]. Но Фриану недолго оставалось находиться на поле боя. В 4 часа русская пуля пробила насквозь бедро генерала, и, окровавленный, он был унесен в амбуланс. В командование 4-й дивизией вступил Дюфур^[1742].

Французский историк Тири утверждает, что командование дивизией Фриана принял начальник штаба 2-й дивизии штабной полковник П. Галише. В литературе даже описывается следующий эпизод. В тот момент, когда раненый Фриан был унесен в госпиталь, подоспел Мюрат. Русская пуля прошла между ним и Галише. «Здесь не очень-то приятно», – сказал с улыбкой Мюрат. «Между тем мы останемся», – произнес в ответ

Галише и после этого принял командование над 2-й дивизией^[1743]. По-видимому, это произошло около четырех часов, поскольку, по утверждению Дюфура, именно в 4 часа, сразу после ранения, Фриан позвал его и передал командование дивизией^[1744].

После сильной канонады Наполеон вновь приказывает войскам двигаться вперед. «В это время иссяк огонь вражеской артиллерии, – писал Мюрат в рапорте, – и у них отняли последнюю позицию, которая находилась перед левым флангом 3-го корпуса. Я приказал дивизии Фриана продвинуться...» Около 5 часов дивизия Фриана смогла занять холм, располагавшийся перед д. Семеновское, и оттеснила русских до леса^[1745]. «Враг был опрокинут, бросился в лес, – продолжает рапорт Мюрата, – отвел свою артиллерию; вся равнина была очищена, и эта позиция была отнята...» Иначе пишет об этом Пельпор: «Это наступательное движение было сделано если и не в порядке, то по крайней мере согласованно. Их бесформенные и изуродованные нашей артиллерией массы не были рассеяны. 3-й корпус, ослабленный усилиями, которые должен был делать, был обессилен, чтобы преследовать их отход»^[1746].

Русские «составили новую линию» (Пеле), их орудия, расположенные в Горкинских укреплениях, вели оживленный огонь во фланг, «поражая французские корпуса всякий раз, как только они выходили из линии» (Пеле). Наполеон, и в этот раз не добившись решительного успеха, вновь отправился в рекогносцировку, повторяя, что победа «не доставила еще следствий, которых можно было от нее ожидать». Но сил для новой атаки уже не было. Наполеон, задержавшись в первой линии войск, вероятно в расположении дивизии Фриана, подвергал себя большой опасности^[1747], но уже не мог что-либо изменить.

Артиллерийская стрельба еще продолжалась, но все более ослабевала. Пехота и кавалерия оставались на занятых позициях, только застрельщики, например 111-го полка, еще продолжали вести бой до глубокой ночи. Около 6 вечера солдаты 33-го полка заметили, что русские войска, находившиеся возле леса, снимаются с позиции. Тогда подразделения 33-го, во главе с капитаном Мишелем, рассыпавшись в стрелки, стали медленно продвигаться вперед, дойдя до кустарников у кромки леса. Здесь они остановились, «боясь попасть в засаду». Генерал Дедем немного позже лично возвратил их обратно, потеряв при этом свою лошадь^[1748]. Бой в районе д. Семеновское полностью закончился.

Итак, ход и результативность боя за Семеновские высоты серьезно отличались от того, как это было изначально задумано Наполеоном. Это было вызвано не только ожесточенным сопротивлением русских, что в значительной степени уравнивалось отчаянной отвагой французов и их союзников, но и рядом других обстоятельств.

Во-первых, сказалась недостаточная согласованность в действиях войск 1-го корпуса с другими соединениями. Понятовский, от которого ожидали более успешных действий, не смог в срок выполнить поставленную перед ним задачу. Вследствие этого войска Даву не только должны были вести интенсивный бой с русскими стрелками в Утицком лесу, но и не могли совершить захождение влево своим фронтом. Для исправления ситуации в Утицкий лес пришлось направить части вестфальцев, и это окончательно лишило Даву и Нея каких бы то ни было пехотных резервов. Поэтому в 10 часов Наполеон был вынужден задействовать дивизии Фриана и Клапареда, а Мюрат бросил в бой почти всю тяжелую кавалерию резерва, действия которой не могли быть столь эффективными, как на то первоначально рассчитывали.

Во-вторых, хотя 5-й дивизии и удалось сразу захватить южный люнет, но отстоять его в одиночку оказалось практически невозможно. Большая часть сил 5-й и 4-й дивизий была отвлечена на борьбу в Утицком лесу и на опушке леса. Поэтому войскам Нея пришлось изменить первоначальное направление своей атаки и броситься на помощь 5-й дивизии. Вообще, хотя дивизия Компана и имела опыт во взятии вражеских укреплений, но была

значительно ослаблена в предыдущих боях, следуя в авангарде, а затем 5 сентября сражаясь за Шевардинский редут.

В-третьих, русские смогли достаточно быстро перебросить свои войска с соседних участков в район Семеновских укреплений. Французы не смогли создать в этом пункте решающего превосходства сил и раздавить противника. Хотя и с большими потерями, русские парировали все удары, сами постоянно бросаясь в контратаки. Несмотря на то что переброска русских войск на этот участок обнажала другие пункты их боевой линии, французы не сумели этим воспользоваться. На парадоксальность ситуации в свое время обратил внимание А. И. Попов: «...боевые порядки противоборствующих армий “лопнули” одновременно в одном и том же месте!»^[1749]

В-четвертых, на ход боевых действий оказало влияние целое море частных факторов. Так, если Компан и Дессэ, благодаря подходу к рубежу атаки через Утицкий лес, смогли до некоторой степени уберечь своих солдат от чрезмерных потерь, то это одновременно вызвало и проблемы – некоторую дезорганизацию строя и необходимость отвлечь силы для малоэффективной борьбы с русскими егерями. К частным факторам можем отнести и то, что большинство начальствующего состава дивизий Даву уже в начале боя было выведено из строя. Хотя это и не привело к большой дезорганизации дивизий, но несомненно вызвало заметный беспорядок и ослабило энергичность действий.

Особенности боя, развернувшегося на небольшом пространстве, скученность войск и ожесточенность борьбы не могли не оказать мощного психологического воздействия на бойцов. Многие их действия были далеко не всегда осмысленными, но выполненными либо под влиянием внутренних рефлексов, внедренных в физиологию человека механизмами Великой армии, либо же вообще не подпадающими под какое-либо рациональное объяснение и совершенными под воздействием не поддающихся учету внешних и внутренних импульсов.

3.5. Битва за «большой редут»

Битва за Курганную высоту не просто была центральным событием Бородинской битвы, но и превратилась фактически в символ. Для русских упорная оборона батареи Раевского олицетворяет собой любовь к Отечеству и стойкость русского солдата. Для французов подвиг О. Коленкура, как вихрь ворвавшегося во главе своих кирасир в укрепление и павшего там, воплощает дерзость и беззаветную храбрость французского воина. Вполне очевидно, что борьба за этот холм в центре Бородинского поля не могла не породить и в отечественной, и в зарубежной литературе множество легенд и мифов. Как ни странно, но мы до сих пор не имеем ясного представления ни о той роли, которую «большой редут» играл в планах Наполеона в Бородинском сражении, ни о том, в результате каких событий произошло его падение и каковы были последствия его захвата для хода всего боя. Борьба за это укрепление была столь грандиозна, что фактически представляла собой настоящее сражение.

3.5.1. Подготовка к битве

Вопрос о характере укрепления на Курганной высоте пытались прояснить многие дореволюционные отечественные авторы: Липранди, Поликарпов, Скугаревский, А. В. Нефедович и др. Обращались к этой теме и зарубежные исследователи, главным образом англо-американские (Палмер, Кэйт, Нафziger), но их попытки были явно менее удачными. Пожалуй, наиболее убедительную реконструкцию батареи Раевского предложили в 1962 г. Л. П. Богданов и Н. Г. Свиридов^[1750], но и они оставили в стороне ряд важных моментов, скажем, о том, как именно батарея была защищена с тыла. (Как известно, французская версия последнего штурма укрепления строилась на том, что кирасиры О. Коленкура

ворвались на батарею с горжи, то есть через проход с тыла во внутреннюю часть укрепления.)

Достоверная реконструкция укрепления осложняется рядом обстоятельств. Во-первых, в ходе сражения укрепление подверглось значительным разрушениям, уже к середине дня серьезно утратив свой первоначальный вид. Вечером 7 сентября и ночью все, что осталось от батареи, еще более было разрушено французскими саперами, которые, срывая бруствер, обрушивали его в ров, одновременно засыпая «сотни мертвых и полумертвых» (Роос). Через несколько дней, когда три французских инженера, Пресса, Шеврие и Реньо, проводили инструментальную съемку местности, им не оставалось ничего другого, как изобразить не вполне ясные контуры бывшего укрепления. Примечательно, что сохранилось несколько описаний того, как батарея выглядела 8 сентября, когда «большой редут» посетили многие будущие мемуаристы (Брандт, Роос, Рот фон Шрекенштайн и др.). Эти описания очень ценны в некоторых деталях, но мало что проясняют в целом. Так, Рот фон Шрекенштайн, работая над своей книгой спустя 40 лет после сражения, не нашел ничего лучшего, как обратиться к «Заметкам» Блесона (Blesson), осматривавшего остатки укреплений в начале 20-х гг. XIX в.^[1751] Во-вторых, на вершине Курганной высоты множество раз проводились работы – от сооружения Главного монумента в 1839 г. до его уничтожения в 1932-м и воссоздания в 1987-м. В-третьих, батарея Раевского уже в ходе самого сражения стала неким символом, объектом героизации и легенд, как со стороны русских участников битвы, так и со стороны их неприятелей. Во французской литературе, например, укрепление традиционно называется не иначе как «большой редут», который можно было взять только героическим ударом с тыла кирасирами 2-го кавалерийского корпуса. Однако и в немецкой литературе, где честь взятия батареи связана с саксонскими кавалеристами, укрепление также приобретает самые фантастические контуры. (Так, в одной из лучших немецких работ о Бородинском сражении – в книге Дитфурта – тыл укрепления в форме простого люнета защищен причудливо расположенным рвом, имеющим точно посередине проход вовнутрь.) В-четвертых, даже самые достоверные свидетельства, исходящие от самих строителей укрепления (Липранди и Богданова), оставляют много неясностей.

Каким же мог быть наиболее достоверный облик укрепления? Прежде всего, обратимся к свидетельствам очевидцев. Они говорят о следующем. Работы по строительству укрепления начались, по всей видимости, в ночь с 5 на 6 сентября, но к утру были остановлены. Удалось только начать сооружение рва и бруствера, развернутого в сторону р. Колочь^[1752]. Окончательное решение о строительстве укрепления было принято только в полдень 6 сентября, когда после падения Шевардинского редута значение Курганной высоты стало очевидным (это, между прочим, вновь подтверждает тот факт, что Шевардинский редут был сооружен как опора левого фланга русской линии). Как справедливо писал Скугаревский, теперь высота оказалась в исходящем углу боевого порядка и явилась тактическим ключом позиции^[1753]. После споров о типе укрепления русский штаб решил все же сооружать люнет, чтобы в случае его захвата можно было легко контратаковать и выбить неприятеля.

С большим трудом, при отсутствии должного количества шанцевого инструмента и подготовленных людей, к 11 часам вечера укрепление приобрело более ясные очертания. Это был люнет, фасы которого составляли тупой угол (по словам поручика инженерных войск Д. И. Богданова, угол в 160°!), развернутый в направлении впадения ручья Семеновского в Колочь. Богданов, который всю ночь достраивал укрепление, ничего не пишет о количестве и месте разбитых в фасах амбразур, но на основе свидетельств Липранди можно предполагать, вслед за историками Л. П. Богдановым и Н. Г. Свиридовым, что на левом фасе амбразур было 10, на правом – только две, так как высота правого фаса была чуть более 1 м^[1754]. Это вполне возможно, если принять во внимание, что Курганная батарея должна была в определенной степени прикрыть пространство, открывшееся после падения Шевардинского редута.

По свидетельству Д. И. Богданова, ширина рва была более 7 м, высота контрэскарпа – более 3 м. Хотя внутреннее пространство батареи было значительным, но было решено его увеличить путем пристройки по сторонам эполементам (их называют еще «полутеналиями» или, как Д. Богданов, «флангами») со рвами. Хотя многие авторы сомневаются, что эти эполемента удалось соорудить (Геруа, Скугаревский и др.), но скорее всего они все-таки были закончены. Тыльная сторона укрепления была прикрыта двойным палисадом: заостренными бревнами, вкопанными в землю примерно на метр. Внутренний палисад имел высоту около 2 м, внешний – 2,4 м^[1755]. Не исключено, что бревна внешнего ряда были вкопаны под наклоном, чтобы затруднить преодоление неприятелем палисада. По всей видимости, палисад был сплошной, но, не соединяясь с крыльями бруствера, оставлял с севера и юга по проходу в укрепление. Чтобы неприятельской кавалерии было невозможно сразу ворваться в эти проходы, их прикрыли «палисاديруемыми притворами», т. е. небольшим рядом вкопанных в землю бревен, расположенных несколько в глубине по центру проходов. Орудия в укрепление вкатывали вручную, делая вокруг «притворов» небольшой разворот. Более того, пространство вокруг проходов должно было прикрываться огнем орудий, расположенных на отдалении от батареи с юга и севера. Наконец, перед самой батареей и далее на расстоянии примерно в 100 м была создана система волчьих ям. Вероятно, расположенные в шахматном порядке, они были в основном к юго-западу и северо-западу от кургана, призванные несколько обезопасить его от кавалерийских атак.

Археологические исследования, проведенные на Курганной высоте в начале XXI в. под руководством М. И. Гоняного, дали несколько иные результаты, что заставило одного из участников работ (Д. Б. Соловьева) заявить о том, что Д. И. Богданов в своем описании укрепления был неточен. По мнению Д. Б. Соловьева, центральная часть сооружения состояла из двух неравных фасов, соединенных под углом 120°, и одного (правого) фланка. Ров (глубина не более 1 м) также состоял из трех участков: левый имел длину 50 м и был сориентирован с юго-востока на северо-запад, правый участок был длиной 23,5 м и, соединяясь с левым участком под углом в 145°, был отклонен на север. Третий участок был длиной 16 м и располагался перед правым фланком. Наконец, были еще сооружены левая и правая полутенали (узкие укрепления, сооружаемые для защиты от артиллерийского огня самого укрепления). По мнению Д. Б. Соловьева, это сооружение вряд ли можно было отнести к типу люнета; скорее, его следует называть батареей^[1756].

Как видим, укрепления батареи обладали рядом недостатков. Во-первых, они сооружались в спешке, и бруствер, эскарпы, контрэскарпы были недостаточно хорошо укреплены; разрушавшийся во время боя бруствер все более открывал вражескому огню артиллерийскую прислугу и заполнял, вместе с осыпавшимися эскарпом и контрэскарпом, ров укрепления. Во-вторых, спуски с вершины кургана к западу, северу и югу были заметно более пологими, чем спуск к востоку. Для русских это затрудняло контратаки, а для неприятеля облегчало взятие «редута». В-третьих, рожицы и кустарник, простиравшиеся по западному берегу Семеновского ручья, значительно помогли неприятелю в сосредоточении войск перед штурмом Курганной высоты (Скугаревский). Все вместе это делало батарею Раевского отнюдь не неприступным сооружением, тем более по мере ее интенсивного разрушения артиллерийским огнем.

Количество орудий, располагавшихся изначально на батарее Раевского, указывается разное: 19 орудий (Д. И. Богданов), 18 (рапорт А. П. Ермолова, Поликарпов, Ф. Н. Глинка, материалы Толя; в последних отмечается, что все орудия были батарейными), 12 (Тьер, Геруа, Палмер; Хольцхаузен писал о «12 или более орудиях») и даже 8 (Скугаревский). Последний скептически оценил данные большинства свидетельств, положившись целиком на карту Пресса, Шеврие и Реньо, на которой, как он решил, были показаны позиции на 8 орудий (в действительности французские инженеры очень условно обозначили сектора обстрелов).

Значительный разброс мнений существует и по поводу количества орудий, находившихся на батарее во время ее окончательного штурма: 12 (Меерхайм, Тири, Кэйт), 18 (Дитфурт), 21 (18-й бюллетень Великой армии, Шамбрэ, Бертезен, Брандт, Геруа). Наконец, Рот фон Шрекенштайн утверждает, что достоверно можно вести речь о десятке совершенно разбитых 12-фунтовых орудий в самом укреплении, о двух (здесь неясно, об орудиях какого калибра идет речь) оставленных рядом с северным выходом из него и одном брошенном «направо за оврагом внизу».

Количество находившихся на батарее орудий сложно установить еще и потому, что после первого захвата укрепления французами Ермолов «переменил большую часть артиллерии» (согласно его рапорту, даже дважды!)^[1757]. Вопреки этому, из других материалов можно понять, что 26-я батарейная рота из двенадцати 12-фунтовых орудий все же продолжала находиться на кургане, но к ней были добавлены шесть легких орудий 47-й легкой роты, установленные, однако, не в укреплении, а справа от него, в то время как зарядные ящики были укрыты за правым фасом люнета, который, вероятно, почти не был занят орудиями из-за недостаточной высоты^[1758]. Имеющиеся материалы о потерях русской артиллерии в Бородинском сражении, явно неточные, только осложняют прояснение истины.

В целом представляется, что, исходя из вида укрепления, реальнее говорить о двенадцати батарейных пушках, размещенных там с самого начала, к которым позже, возможно, было добавлено еще несколько орудий. В любом случае вряд ли когда-либо число орудий на батарее превышало два десятка. И все же этим числом не ограничивалось общее количество орудий, оборонявших курган. Слева, то есть южнее, располагалось 12 орудий 47-й легкой роты (после первого взятия батареи французами шесть из этих орудий разместили справа от укрепления, а то и в нем самом) и с кавалерией Сиверса – 8-я конная рота (12 орудий). Еще более значительная артиллерийская группировка была севернее высоты (два орудия 24-й батарейной роты были даже размещены сразу за высотой у спуска в овраг для прикрытия тыла укрепления с юга). Общее количество орудий к утру 7 сентября, исключая 12 стволов, находившихся в двух укреплениях по Новой Смоленской дороге, было 74^[1759]. Всего на пространстве от Большой дороги до района чуть южнее Курганной высоты с самого начала было развернуто 110 орудий.

К утру 7 сентября пехотное прикрытие батареи Раевского составляли войска 26-й пехотной дивизии 7-го пехотного корпуса: один батальон Полтавского пехотного полка частью был размещен во рву, частью – «по люнету»; другой батальон полтавцев с Ладожским пехотным полком расположился с южной стороны укрепления; позиции с севера заняли Нижегородский и Орловский пехотные полки, разместившись в две линии густых батальонных колонн. Южнее укрепления, имея задачу прикрыть пространство до д. Семеновское, развернулась в две линии батальонных колонн 12-я пехотная дивизия: первая линия была возле Семеновского ручья, вторая – метрах в двухстах позади первой. С правого фланга батареи Раевского, вытянувшись на северо-восток в направлении Горок, расположился 6-й пехотный корпус также в две линии батальонных колонн (его левый фланг примыкал к оврагу возле батареи Раевского, а правый был возле ручья Стонец). В тылу 6-го пехотного корпуса развернулись войска 3-го кавалерийского корпуса, а за 12-й пехотной дивизией стал 4-й кавалерийский корпус. Впереди 6-го пехотного корпуса, в балке ручья Стонец при его впадении в Колочь, расположились 19-й и 40-й егерские полки под командованием полковника Н. В. Вуича. К юго-западу от них по берегам Колочи разместились 1-й и 18-й егерские полки. Наконец, на западной стороне Семеновского оврага в кустарниках и перелесках располагались 49-й и 50-й егерские полки полковника А. В. Воейкова и 6-й егерский, а южнее, вдоль Каменки, – отряд полковника Ф. Г. Гогеля (5, 41-й и 42-й егерские полки). После боя за с. Бородино 19, 40-й и 18-й егерские полки отошли к самому редуту и были размещены прямо за ним в колоннах^[1760]. В целом получается, что к утру 7 сентября на пространстве от Новой Смоленской дороги до северных окраин д.

Семеновское было расположено (без учета егерей отряда Гогеля) не менее 46 батальонов пехоты и 64 эскадрона кавалерии, что составляло примерно 27 тыс. пехоты и 8,5 тыс. кавалерии.

Какую роль отводил Наполеон взятию «большого редута» в плане сражения? Как ни странно, но отечественная литература об этом совершенно умалчивала; в лучшем случае говорилось о «большом значении» для французов захвата Курганной высоты. В зарубежной литературе роль захвата Курганной высоты в общем плане Наполеона прослеживается более заметно. По мнению Шамбрэ, действия Богарне (захват Бородина и последующий штурм «редута») имели целью оказать поддержку главной атаке, которую вели Ней и Даву. В отличие от Шамбрэ, Тьер оценивал штурм Курганной высоты как неотъемлемую часть самого «главного усилия» французской армии. По его мнению, главный удар Наполеон наносил на всем протяжении фронта от р. Колочь до Семеновских укреплений включительно. По-видимому, близкой позиции, хотя и не выраженной столь же ясно, придерживался и Пеле. Анализ распоряжений Наполеона убеждал его, что именно Бородино, захваченное французами утром сражения, должно было стать осью захождения армии. Наконец, кратко остановился на этом вопросе и Чандлер, который исходил из мысли об использовании Наполеоном при Бородине тактики «двойного сражения»: поле боя, разделенное р. Колочью, предопределило первоначальные действия Богарне как второстепенные, но затем, после переброски войск на правый берег, усилия вице-короля, направленные на захват «большого редута», стали частью «главной операции»^[1761]. В любом случае батарея Раевского не попадала в число первостепенных объектов «главного удара».

Во время первой рекогносцировки, проведенной утром 6 сентября, Наполеон не мог не обратить внимания на «довольно заметный курган, повелевающий всеми окрестностями» (Пеле). К этому времени на кургане уже размещались русские орудия и проводились неспешные земляные работы. Во второй половине дня, когда император вторично объезжал линию фронта, вглядываясь в русские позиции, он мог заметить, что инженерные работы несколько интенсифицировались, но укрепление далеко еще не приобрело законченные формы. Кроме всего прочего, лес в нижней части Семеновского ручья, по мнению Пеле, «препятствовал обозреть подробности местности, занятой неприятельским центром»^[1762]. Много позже сражения, когда Пеле сможет более точно оценить местность и размещение русских войск, он отметит, что «реданты» русского левого фланга были отделены от д. Семеновское и «бастионного редута» восточной ветвью оврага. «Этот редут, удаленный на 700 сажен, оставлял большое незанятое пространство», и русские «пренебрегли занять разветвление оврага, узел обороны верхних и нижних частей, который был бы сильно поддержан деревнею и бастионным укреплением». «Мы не могли, – продолжает Пеле далее, – воспользоваться этой небрежностью, потому что леса скрывали от нас расположение местности»^[1763].

Согласно приказам, 4-й армейский корпус должен был сразу после начала атаки французским правым флангом овладеть с. Бородино, а затем большей частью своих сил, перейдя Колочь по наведенным мостам, одновременно с дивизиями Морана и Жерара и кавалерией Груши обратить усилия против батареи Раевского, «завладеть неприятельским редутом и составить линию армии»^[1764]. Очевидно, что Наполеон, придавая Богарне две пехотные дивизии лучшего армейского корпуса и корпус резервной кавалерии, делал это не только для демонстрации на северном фланге и для прикрытия Новой Московской дороги (как, например, полагали Сегюр, Бутурлин и некоторые другие авторы), но, и это главное, чтобы нанести удар по важной опорной точке русских позиций. Пеле, вероятно, был прав, когда интерпретировал распоряжения Наполеона в том смысле, что главный удар французская армия наносила на широком фронте «по левому флангу и центру от редантов до бастионного редута». Причем это должно было происходить последовательно тремя эшелонами с юга на север: вначале дивизии Даву атакуют Багратионовы «флешы», затем в

дело вступает Ней, и, наконец, Богарне берет «большой редут», опираясь на позиции у с. Бородино. Таким образом, должно было происходить мощное и равномерное захождение правым флангом. Таков был общий замысел. Частности можно только предполагать на основе анализа расположения наполеоновских войск утром 7 сентября и их последующих действий в ходе сражения.

К 5 часам утра войска, подчиненные вице-королю, расположились следующим образом. На левом берегу Колочи еще с 5 сентября находилась 1-я дивизия Морана: основные ее силы, вероятно, были метрах в четырехстах от опушки леса, примыкавшего к Семеновскому ручью. В самом лесу весь день 6-го и, возможно, в ночь на 7-е находились французские застрельщики^[1765]. 3-я дивизия Жерара, во-видимому, провела ночь по сторонам Большой Московской дороги, примыкая правым флангом к берегам Колочи, на которых расположились два батальона 7-го легкого полка, поддерживавшие связь с солдатами Морана^[1766].

По левую руку от 3-й дивизии, несколько выдвинувшись вперед (как говорилось в рапорте Богарне, «уступом» от войск Жерара), встала 14-я дивизия Брусье. За ней – пешая и конная Итальянская гвардия генерала Т. Лекки. 13-я дивизия Дельзона занимала левый фланг, примерно на одной высоте с Брусье. Далее влево – части дивизии Орнано – три легкокавалерийские бригады (13, 21 и 22-я). 12-я легкая кавалерийская бригада Гюйона была в корпусе Груши^[1767].

Вечером 6 сентября 3-й кавалерийский корпус Груши получил приказ занять позицию в тылу войск Богарне. Ночью переправившись через Колочь, он остановился неподалеку от Новой Смоленской дороги, «почти на той же позиции, – заметил Гриуа, – которую мы занимали 5-го перед атакой правого крыла». К 5 утра кавалерия вытянулась вдоль Московской дороги, сформировав колонну побригадно^[1768].

Артиллерия распределилась следующим образом. На отлогой возвышенности, которая доминирует над окрестностями, перед пехотой 4-го корпуса были сформированы две батареи. По свидетельству начальника артиллерии корпуса генерала Ш. д'Антуара де Врэнкура, одна батарея была на тридцать два орудия, другая – на двадцать четыре орудия. По нашим подсчетам, Богарне мог располагать не более чем двадцатью четырьмя 12-фунтовыми пушками. Поэтому остальными орудиями на батареях были 5-дюймовые гаубицы и 6-фунтовые пушки^[1769]. В приказе Ларибуазьеру говорится о батарее только на 24 орудия из «резерва и гаубиц 4-го корпуса», имевшей целью «противодействовать редуту, построенному неприятелем по другую сторону оврага». О той же цели формирования этой батареи (или батарей) пишет и Шамбрэ. По мнению Фэна, целью орудий д'Антуара было «говорить» с батареями, которые защищали Бородино. Ложье вообще пишет о батарее из «12 орудий, взятых из итальянских резервов»^[1770].

Трудно с полной определенностью утверждать, какое количество орудий было в этих батареях, хотя большего доверия вызывают, конечно, высказывания д'Антуара. Но, как справедливо заметил А. И. Попов, вне укреплений могли располагаться и иные орудия. По нашему мнению, если первоначально орудия д'Антуара могли поддержать атаку с. Бородино, то главной целью их был, конечно, обстрел Курганной высоты. Передвинутые к месту пересечения р. Войны и Новой Смоленской дороги либо, что для французов было бы еще лучше, к восточной окраине с. Бородино, эти орудия (12-фунтовые пушки и гаубицы) могли бы достаточно эффективно обстреливать Курганную высоту и русские войска на прилегавшей к высоте с севера и востока местности.

Еще во время первой рекогносцировки Наполеон распорядился построить укрепления для защиты этих орудий. Невозможно с абсолютной точностью говорить как о виде этих сооружений, так и о цели, ради которой они возводились. Французские карты (Пресса,

Шеврие и Реньо; Пеле; Водонкура; Лабом; Ларрея; и др.), а также попытки позднейших реконструкций (А. В. Нефедовича, Н. Оболенева) дают противоречивую информацию. По всей видимости, это были простые эполементы; центральный – в виде люнета, другие – по типу простых реданов в форме двух земляных фасов, расположенных углом (на большинстве карт и реконструкций их два, у Пресса, Шеврие и Реньо – три), и несколько простых брустверов, довольно беспорядочно расположенных. По Оболеневу, профиль большинства укреплений был 12 футов. Расстояние от них до «большого редута» было примерно 2 км (от южных укреплений – 1710 м). Трудно представить, что и Наполеон, и д'Антуар, и многочисленные штабисты могли настолько ошибиться, чтобы предполагать вести из этих укреплений огонь по Курганной высоте. Скорее всего, Наполеон пытался хотя бы частично обезопасить себя от возможных неожиданностей со стороны русской армии^[1771].

Ложье пишет, что «батареи находились в расстоянии около 850 туазов от главной русской батареи, но их двинули вперед еще на 500 туазов. Русские, вопреки ожиданиям, нисколько этому не противились»^[1772]. Наконец, Наполеон распорядился ночью, к 3 утра, перебросить через Колочь три моста. Вероятно, инженеры 4-го армейского корпуса генерала Ж.-Э.-К. Пуатвэна смогли соорудить их больше. Мосты были легкие, скорее всего, на козлах^[1773]. Располагались они, вероятно, в полукилометре восточнее уровня д. Алексинки и были сконцентрированы, скорее всего, не в одном месте, а на пространстве примерно метрах в пятистах^[1774]. Всего, по нашим подсчетам, у Богарне было около 33 тыс. пехоты и около 7 тыс. кавалерии при 146 орудиях. Реально против Курганной высоты должно было действовать примерно 24 тыс. пехоты, 4 тыс. кавалерии и 132 орудия (мы исключили из расчета дивизию Дельзона с ее 8 полковыми пушками, 21-ю и 22-ю легкие кавалерийские бригады с их 6 орудиями, а также, разумеется, 6 орудий из резерва 1-й пехотной дивизии, приданных батареям Пернети).

3.5.2. Первый бой за батарею Раевского

Ночь с 6 на 7 сентября солдаты 4-го корпуса Богарне провели на сырой земле, возле бледно мерцавших костров либо же совсем без огня. Особенно тяжелы были холодные часы перед рассветом. Ложье из полка королевских велитов Итальянской гвардии жестоко страдал в ту ночь от отсутствия питьевой воды, хотя и лежал «на влажной земле». Наутро итальянские гвардейцы почувствовали себя «наполовину замерзшими», утомленными и невыспавшимися^[1775].

С трудом, хромая на раненную вчера ногу, в 3 утра занял свое место на правом фланге своей роты капитан 30-го линейного из дивизии Морана Франсуа. Он отказался идти в амбуланс, как он сам писал, движимый жадной славой. В 3.30 части Морана, остававшиеся с вечера 5-го на правом берегу Колочи, понемногу стали продвигаться вперед. Около 5.30 они оказались где-то возле зарослей Семеновского ручья^[1776]. Пожалуй, наиболее тяжелой показалась эта ночь кавалеристам некоторых частей корпуса Груши, которые были вынуждены без проводника, только при свете бивачных огней, через овраги и вброд через Колочь продираться на назначенную им возле Новой Смоленской дороги позицию. Один из офицеров 23-го драгунского полка дивизии А. Лагуссе (Лебрена де Ла Уссе), проделавший этот марш, писал о том, как лошади вязли в топкой грязи при пересечении ручьев и что не было возможности хоть немного отдохнуть или поесть, тем более что командованием «было запрещено разводить огонь, разнуздывать лошадей и даже говорить»^[1777].

Примерно в 5.30 в частях Богарне была прочитана прокламация императора. «В 5.30 часов утра солнце рассеивает туман, – пишет Ложье, – тотчас же новые адъютанты рассылаются во всех направлениях, чтобы окончательно увериться, хорошо ли выполнены приказания, отданные в эту ночь. Бьет барабан, и каждый полковник громким голосом читает своему полку прокламацию императора...» «Мы слушаем, тесно сомкнувшись, ротами, без различия

батальонов, на покатости холма, на котором расположилась батарея» (Ложье). «Едва только солнце начало освещать горизонт, – вспоминал Комб, – прискакал адъютант генерала Груши и передал полковнику для прочтения перед полком замечательную прокламацию императора. Едва успели закончить чтение этого воззвания, как показалось лучезарное солнце». Сержант Бертран из 7-го легкого полка дивизии Жерара внимательно слушал это воззвание, которое читал перед его 4-й карабинерной ротой капитан, командир роты. Справа, за Колочью, были войска Морана, среди которых находился и 30-й линейный капитана Франсуа. Французские солдаты кричали «Vive l'Empereur!». То же кричали и итальянцы^[1778].

Гриуа, вдохновившись словами прокламации, тем не менее решил еще подкрепиться и чем-нибудь более материальным. Пока 3-й кавалерийский корпус и его артиллерия выполняли перестроения и медленно двигались к мостам через Колочь, он отправился к биваку генерала Груши, находившемуся в некотором отдалении, и там вместе с генералом они выпили по чашке неплохого кофе с кусочком хлеба, который оказался у Гриуа в кармане. Генерал и полковник нагнали свой корпус, когда он уже спускался к Колочи, намереваясь перейти ее^[1779].

В 6 утра раздался первый выстрел. Вскоре вице-король отдал приказ войскам Дельзона атаковать Бородино. Около 8 часов бой за Бородино закончился^[1780]. В результате Богарне не только овладел важной позицией на Новой Смоленской дороге, контролируя теперь переправы через Колочь и Войну, но и получил выгодный плацдарм для атаки батареи Раевского. К востоку и севернее с. Бородино заняла позицию дивизия Дельзона. Восточнее села, на покатой возвышенности, разместились орудия батарей 4-го корпуса, берущие во фланг Курганную высоту. Часть батарейных орудий, возможно, была размещена чуть западнее места пересечения Новой дороги с р. Войной.

К 8 – началу 9-го в расположении русских войск на центральном участке фронта наступили значительные перемены. Бой за Бородино, видимо, не ввел в заблуждение русское командование в отношении истинных намерений Наполеона. Поэтому к Семеновским укреплениям были переброшены четыре батальона второй линии 12-й пехотной дивизии и 4-й кавалерийский корпус. Оставшиеся четыре батальона 12-й дивизии Раевский подтянул к Курганной высоте, разместив их в колоннах слева от укрепления, рядом с Полтавским и Ладожским полками; справа были четыре батальона 26-й пехотной дивизии. Сзади высоты – 18, 19 и 40-й егерские полки Вуича, оттянутые от берегов Колочи и теперь стоявшие в две линии батальонных колонн. К юго-востоку от кургана разместились три драгунских полка 3-го кавалерийского корпуса. Сибирский и Оренбургский драгунские полки стали в первой линии, Иркутский – во второй, в резерве. К нему примыкали 12 орудий конной артиллерии. Значительно в тылу, примерно в километре от укрепления, возле леса, стали Преображенский, Семеновский и Финляндский гвардейские полки. 6, 49-й и 50-й егерские продолжали еще находиться вдоль берега Семеновского ручья. Южнее их егеря 5, 41-го и 42-го полков, уже вступив в бой с войсками Нея, вынуждены были отойти от ручья Каменка к новым русским позициям. 1-й егерский держал оборону на правом берегу Колочи восточнее с. Бородино; далее севернее были 36-й и 11-й егерские. За ними, по обе стороны Большого тракта, располагались артиллерийские батареи. Артиллерия была и впереди 6-го пехотного корпуса на берегу ручья Стонец^[1781].

В отечественной и зарубежной литературе достаточно широко распространено мнение о «трех атаках» батареи Раевского^[1782]. Первую атаку обычно связывают с неудачной попыткой дивизии Брусье атаковать Курганную высоту и относят либо к 9, либо, чаще, к 10 часам утра. Однако в сохранившихся рапортах, донесениях, воспоминаниях и иных документах как русской, так и французской стороны сведений об этой атаке нет. Ничего не пишут о ней и первые отечественные историки Бородинского сражения – Бутурлин и Михайловский-Данилевский, и даже Толь. Пожалуй, только у Ф. Н. Глинки есть фраза:

«Дивизия Брусье, переправясь за Колочь и не стерпя огня русского, спряталась в ров, залегла и лежала между Бородином и люнетом»^[1783]. Но вряд ли эту фразу можно истолковывать как факт неудачной атаки солдатами дивизии Брусье батареи Раевского.

По всей видимости, первым, кто попытался выделить действия Брусье по захвату укрепления как самостоятельные, вне связи с общей атакой войсками Богарне, был Богданович^[1784], но и он говорил об этом как об отдельном событии. В начале XX в., когда Геруа попытался более четко разграничить ход событий и несколько механически определить количество атак на Семеновские укрепления и батарею Раевского, он уже без всяких сомнений написал о действиях Брусье как об отдельной атаке^[1785]. В советской историографии эта «первая атака» приобрела хрестоматийный характер, нередко сопровождаясь просто удивительными подробностями. Так, у Тарле батарею Раевского дважды (!) берет 30-й линейный полк генерала Бонами, который почему-то оказывается в составе дивизии Брусье^[1786]. Логическое завершение этот миф об «атаке Брусье» получил в 1987 г. в юбилейном издании «Бородино»: «Первая атака на батарею Раевского войсками Богарне, – писали авторы этого издания, – стоила войскам Богарне огромных потерь еще до того, как они приблизились к укреплению»^[1787]. Даже Троицкий, ниспровергатель мифологизированных идолов эпохи 1812 г., не избежал упоминания об этой атаке батареи Раевского^[1788].

Что же могло происходить в действительности? На основе сопоставления наиболее достоверных сведений события можно представить следующим образом. Как только началась артиллерийская канонада, в начале 7-го часа дивизия Жерара стала по мостам переправляться через Колочь. Вероятно, западнее Жерара по мостам и вброд стал переходить речку 3-й кавалерийский корпус. Он вытянулся по правому берегу Колочи, имея в голове дивизию Шастеля. Одновременно с началом переправы Жерара и Груши, Моран, стремясь прикрыть переправу, двинул своих пехотинцев вперед, приблизился к зарослям, углубился в них и завязал перестрелку с русскими егерями. Жерар, перейдя речку и вновь построив свои войска, оказался в тылу войск 1-й дивизии и несколько уступами влево от нее.

Между тем войска дивизии Брусье, покинув свою первоначальную позицию и двигаясь на юго-восток, пересекли Новую Смоленскую дорогу, приблизились к Колочи и тоже стали переправляться на ее правый берег, стараясь поддерживать взаимодействие с войсками Дельзона слева и Морана – справа. Дивизия оказалась у северного края зарослей Семеновского ручья. К 8 – началу 9-го часа солдаты Морана, вероятно, уже вытеснили русских егерей из кустарника и оказались возле Семеновского оврага. Пытаясь взаимодействовать с Дельзоном, который было перешел Колочь за с. Бородино, но сразу был отброшен назад, Брусье неосторожно оказался на открытой местности под «перекрестным огнем редутов, бастионного и горкинского» (Пеле). Не исключено, что Брусье намеревался двинуться дальше, прямо на «редут». Но без какой-либо поддержки с флангов захват высоты был совершенно нереален. Брусье спустился в овраг Колочи, где, в ожидании атаки, солдаты не столь сильно страдали от огня русских орудий^[1789]. Достоверных сведений о том, что позже, но еще до начала атаки Морана, Дельзон снова пытался двинуться на батарею (или, как осторожно пишет Нафziger, сделал «рекогносцировку»), не имеется.

В отечественной литературе о взятии батареи Раевского войсками Морана написано немало строк. Однако, повествуя об атаке французов, и особенно о русской контратаке во главе с Ермоловым, исследователи не пытались ответить на главные вопросы: какова была конкретная, тактическая цель овладения французами Курганной высотой? Каковы могли быть возможные последствия захвата «бастионного редута» уже утром 7 сентября? В чем причины неудачи французов и успеха русской контратаки? Наконец, каковы были реальные последствия этих событий?

Пожалуй, единственным автором, обозначившим часть этих вопросов, стал А. И. Попов^[1790], исследовавший, правда, события южнее Курганной высоты. Ему же принадлежит постановка

вопроса о том, когда произошли атака Морана и контратака Ермолова^[1791]. Попов, в частности, ссылаясь на участников и очевидцев с французской стороны (Лабома, Франсуа, Гриуа, д'Антуара и Пеле), полагает, что захват батареи Раевского произошел около 9 часов утра, а русская контратака – в начале 10-го. Добавим, что такая же хронология событий вытекает из ряда других французских материалов^[1792]. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство свидетельств с французской стороны основываются, главным образом, на данных 18-го бюллетеня и не всегда вызывают доверие. Поэтому не случайно, что не только отечественные, но и зарубежные исследователи нередко предлагали относить события вокруг Курганной высоты не только к 9 утра (Шюке, Риволе, Остин), но и к 10 (Рьен, Транье и Карминьяни; Кукель писал о штурме Морана «до 11 часов»), и даже к 11 часам (Эспозито и Элтинг, Нафziger). Последняя версия, принятая американскими авторами, явно основывается на русской историографической традиции. Все же, несмотря на известную открытость вопроса о хронометраже событий вокруг Курганной высоты, вариант, предложенный Поповым, выглядит наиболее убедительным. Получается, что захват батареи Раевского примерно совпал с критическим положением возле «флешей», ранением Багратиона и с опасным отсутствием русских войск к югу от Курганной высоты. Что же касается всех остальных обозначенных нами вопросов, то их прояснение нуждается в более подробном рассмотрении событий.

К 8 часам утра бой за Багратионовы «флешы» был в самом разгаре. Французские и немецкие войска с большим трудом удерживали южную «флешь», в то время как солдаты Нея с переменным успехом боролись за северную. Русские, вопреки планам Наполеона, уже два часа сдерживали напор неприятеля, перебрасывая в район Семеновских укреплений все новые и новые войска. Большая их часть была взята из русского центра (4-й кавалерийский корпус и части 12-й пехотной дивизии). Начинаясь и переброска войск с крайнего северного фланга на южный. Более того, части Нея, вместо того чтобы двигаться севернее войск Даву, вбивая второй клин в русскую оборону, оказались перемешанными с соединениями 1-го армейского корпуса. В этих условиях Наполеон был вынужден внести существенные перемены в первоначальный план. Если ранее войска Богарне должны были наступать как бы третьим эшелоном, выравнивая фронт по правому флангу и войскам Нея, то теперь их роль должна была измениться. Не дожидаясь успеха у Семеновских укреплений, Богарне должен был ударить по Курганной высоте и захватить важную опорную точку русской позиции. Тем самым был бы прорван русский центр как раз в стыке 1-й и 2-й армий, прекратилась бы переброска русских подкреплений к Семеновским высотам, и Богарне в целом способствовал бы успеху Даву и Нея. Трудно с определенностью сказать, отправил ли Наполеон около 8 утра специальный приказ Богарне с целью поторопить его с атакой батареи Раевского, либо все было предоставлено инициативе самого вице-короля. Скорее всего, такой приказ был^[1793]. Однако, прежде чем Богарне смог послать войска на штурм «редута», он должен был, помимо переброски войск на правый берег Колочи, определить задачи своим войскам к северу от этой реки, дать возможность Морану, Жерару и Брусье вытеснить русских егерей из кустарника Семеновского оврага и, наконец, развернув артиллерию, провести хотя бы небольшую артиллерийскую подготовку^[1794].

Примерно в 8.30 подготовка к атаке была закончена, и Моран, уже ранее перейдя Семеновский ручей и получив приказ Богарне, пошел на «большой редут»^[1795]. Дивизия Морана, состоявшая из трех бригад, в каждой из которых было по одному полку (13-й легкий, 17-й и 30-й линейные, в составе пяти батальонов каждый), насчитывала примерно 6 тыс. штыков и артиллерийской прислуги при 20 орудиях (так как 6 орудий из дивизионного резерва были в батарее Пернети)^[1796].

Перейдя Семеновский овраг, дивизия была развернута в два эшелона. В первом была 3-я бригада генерала Бонами (30-й линейный полковника Бюке), развернутая в линию, во втором – 1-я (13-й легкий полк), и за ней, вероятно, – 2-я бригада (17-й линейный); они были

свернуты в батальонные колонны^[1797]. Перед началом атаки Моран лично объехал фронт 30-го полка, после чего приказал Бонами идти вперед.

О генерале Бонами следует сказать особо, ибо неординарность его личности и темперамента придавала неповторимость и небывалый драматизм ключевым событиям Бородинского боя. Шарль Огюст Жан Батист-Луи Жозеф Бонами (Боннами) по прозвищу Бельфонтэн родился в 1764 г. в Вандее и начал службу в 1792 г., оказавшись вначале под командованием генерала Ш. Д. Дюмуре, чуть позже «изменившего» Революции, затем – Дампьера и Ш.Э.С. Ж. Клебера. Судьба республиканского солдата заставляла нашего героя воевать то в Арденнах против австрийцев, то в армии Берегов Ла-Рошели против «внутреннего врага», то, наконец, в Италии против генерала-эмигранта Р. Дама. Дважды его отстраняли от службы, обвиняя в 1796 г. в том, что он «способствовал» снабжению одного осажденного французами австрийского гарнизона, а в 1799 г., когда он уже был бригадным генералом, «в злоупотреблениях властью». В июле 1800 г. «по распоряжению консулов» Бонами был уволен без какого-либо содержания. После упорных хлопот его все-таки восстановили в армии, но не привлекали к активной службе вплоть до марта 1811 г.! Только когда обнаружилась острая нехватка опытных командных кадров, услугами генерала решили воспользоваться и вручили под его командование 30-й линейный полк, стоявший тогда в Любеке. С того времени маршалу Даву стали поступать многочисленные рапорты о «мало приличном для генерала» поведении Бонами. По-видимому, причины многочисленных нарушений «принятого порядка вещей» как самим Бонами, так и, при его поощрении, офицерами 30-го линейного крылись в своеобразном характере генерала, отличавшегося неуживчивостью, излишней эмоциональностью и непредсказуемостью. Чашу терпения Даву переполнил случай, произошедший 9 ноября 1811 г. в театре г. Любека, когда адъютант Бонами Уэлш от имени генерала потребовал от супрефекта города и высших чинов полиции очистить ложу, которую те давно снимали, заплатив деньги, вероятно, за весь сезон. Оглушительный скандал произвел очень дурное впечатление на верхушку Любека, и Даву не нашел ничего другого, как перевести Бонами вместе со всем полком в Гамбург, чтобы он, как писал маршал, «был у меня перед глазами». Вместо 30-го в Любек был перемещен 17-й линейный, солдаты которого отличались опрятным видом, дисциплиной и «добрым духом» офицеров^[1798].

И вот 30-й линейный, ведомый Бонами, шел, развернутый в линию, в голове дивизии на русский «редут». Капитан из 1-го батальона Франсуа хорошо передал отрывочность впечатлений и эмоций, которые он пережил во время той исторической атаки. Как только полк, оставив своего орла и фуражиров на дне оврага, понимая, что идет в пекло (орел был при 1-м батальоне, в котором состояла рота Франсуа, – поэтому данную деталь он хорошо запомнил), двинулся вперед, он попал под артиллерийский обстрел. Над головами стали рваться русские гранаты, наносившие раны и убивавшие солдат 30-го. Справа Франсуа видел вольтижеров, прикрывавших фланг полка, а впереди – длинный пологий откос с русским «редутом» на вершине. На половине дороги до русской батареи солдаты 30-го были обстреляны картечью: стреляли орудия как самого редута, так и стоявшие на его флангах. Картечь вырывала целые шеренги, оставляя во французских рядах большие бреши. Неожиданно Бонами останавливает полк! Под непрекращающимся огнем он выравнивает ряды. После чего снова следует команда «Вперед!» и «*Pas de charge!*» – «В атаку!» Впереди идет Бонами. Вблизи «редута» солдаты 30-го попадают под ружейный огонь, который ведут по нему русские солдаты, засевшие в волчьих ямах по флангам укрепления и во рву (вероятно, егеря и солдаты Полтавского пехотного полка). 30-й открывает ответный огонь примерно в 30 метрах от врага, рассеивает русских застрельщиков и через ров устремляется на эскаргы «редута»^[1799].

«Неприятель шел прямо на фронт наш, – писал Раевский в своем рапорте. – Подойдя же к оному, сильные колонны отделились с левого его фланга, пошли прямо на редут и, несмотря

на сильный картечный огонь моих орудий, без выстрела головы оных перелезли через бруствер»^[1800]. Пороховой дым, который заволакивал пространство вокруг батареи, позволил французам появиться на «редуте» довольно неожиданно для ее защитников, тем более что возле самой батареи орудийные снаряды, проходя над головами, уже не могли поражать пехоту Бонами. Раевский, пропоровший несколькими днями ранее ногу штыком, торчавшим из телеги, и продолжая страдать от раны, находился на батарее. Он вспоминал, как на окрик ординарца «оборотился и увидел шагах в пятнадцати... французских гренадеров, кои со штыками вперед вбегали в мой редут»^[1801].

«Я перелез через амбразуру, – вспоминал Франсуа, – сразу через секунды после выстрела орудия. Слепленные выстрелами, многие солдаты падали в волчьи ямы, вперемешку с русскими, которые там уже были...»^[1802] Влезая через бруствер и амбразуры в «редут», французы были встречены русскими канонирами «ударами рычагов и прибойников». Франсуа, получив несколько ударов, но устояв, сам стал рубить саблей направо и налево. Где-то рядом с ним был капитан Фавье, тот самый адъютант маршала Мармона, приехавший к Наполеону 6 сентября и вызвавшийся участвовать в сражении простым волонтером^[1803].

Через несколько минут сопротивление русских артиллеристов было сломлено, и 30-й линейный, в каком-то упоении перейдя «редут», прошел еще дальше «шагов на 40–70». Сублейтенант Ложье и два его товарища из Итальянской гвардии наблюдали за всем этим, как за спектаклем, находясь на холме километрах в двух. Видя, как 30-й бросился в атаку и захватил редут, они не могли сдержать своих восторгов^[1804]. Вице-король Богарне, также находясь на левом берегу Колочи, но столь же отлично видевший все происходящее, взмахнул своей шляпой в воздухе и закричал: «Сражение выиграно!» А. фон Муральт, обер-лейтенант одного из баварских шеволежерских полков 4-го армейского корпуса, видевший принца Евгения обычно бесстрастным, глядел на него с удивлением^[1805]. «Это был решающий момент», – констатировал позже Тьер. «Если бы Моран был поддержан, – отмечал Пеле, – если бы он мог удержаться, сражение было бы вполне проиграно для русских. Их центр прорван, силы Барклая и Багратиона разобщены...»^[1806]

Насколько эти утверждения близки к истине? Действительно, согласно «русской версии», три русских егерских полка, стоявшие сразу за «редутом», и несколько пехотных полков справа и слева от укрепления были не просто ошеломлены – их охватила паника, состояние ужасное и мало поддающееся контролю. Толпы солдат, в одно мгновение пораженные импульсом массового психоза, бросились в тыл. Генерал-майор А. П. Ермолов, начальник Главного штаба 1-й Западной армии, проезжавший вместе с начальником артиллерии той же армии генерал-майором А. И. Кутайсовым из Горок на южный фланг, неожиданно увидел перед собой русских солдат, «во многих толпах не только без устройства, но уже и без обороны» бежавших и приведенных «в совершенное замешательство...». Согласно рапорту Ермолова, он быстро подъехал к 3-му батальону Уфимского полка и приказал немедленно атаковать потерянное укрепление. Этот батальон, еще не пораженный психозом паники, то ли «развернутым фронтом» (согласно «Запискам» Ермолова), то ли «толпою в образе колонны» (как значится в его же рапорте), пройдя по оврагу, двинулся на «редут». Движение уфимцев панику моментально остановило, и все толпы солдат, только мгновение тому назад энергично бежавшие в тыл, столь же энергично бросились на французский 30-й линейный. Рядом с уфимцами оказались 18, 19-й и 40-й егерские. «Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, возвышение отбито, орудия возвращены, и не было слышно ни одного ружейного выстрела». Атаке способствовали три конно-артиллерийские роты прибывшего вместе с Ермоловым полковника Никитина, которые расположились слева от кургана.

Так выглядит основная «русская версия» отбития кургана, прочно вошедшая в отечественную литературу. Она имеет своим родоначальником самого Ермолова,

представившего ее в рапорте 20 сентября (ст. стиля). 26 сентября (ст. стиля) 1812 г. она была воспроизведена в рапорте Баркляя-де-Толли^[1807].

Но были и другие «русские версии». Сам Ермолов восклицал в своих «Записках»: «...моему счастью немало было завистующих!» Действительно, согласно воспоминаниям адъютанта Баркляя В. И. Левенштерна, именно он, на сером коне, во главе батальона Томского полка первым бросился на батарею. Когда он двигался к укреплению, с левого фланга увидел «Ермолова вместе с Кутайсовым, Кикиным (полковник, бывший в должности дежурного генерала Главной квартиры 1-й Западной армии. – В.З.), многими офицерами штаба и батальоном Уфимского полка, который присоединился к задним рядам томцев». В этот момент, крикнув громкое «ура», солдаты замолчали, и только подойдя к «редуту», вновь грянули «ура»! Левенштерн утверждал, что именно он сразился с генералом Бонами и нанес ему удар саблей в голову. Однако в ту же минуту был сам ранен в правую руку и отеснен^[1808].

Обращает на себя внимание также и рапорт Н. Н. Раевского, помеченный 11 сентября (ст. стиля). Из него следует, что фактически сразу с появлением французов на батарее, с правого фланга повел в атаку русских солдат генерал-майор И. Ф. Паскевич, а генерал-майор И. В. Васильчиков ударил одновременно «на правый фланг неприятеля». Ермолов, можно понять, по центру ударил в штыки с батальоном егерей из отряда Вуича^[1809]. Позже, в «Описании сражения...» Толь уточнил эту картину, утверждая, что 18-й егерский двинулся вслед за уфимцами по распоряжению Раевского, а Васильчиков был во главе «некоторых полков» 12-й дивизии, в то время как Паскевич «с остальными полками 12-й дивизии» зашел в тыл неприятеля. Сразу после этого «подоспел» по приказу Баркляя Корф с Сибирским и Иркутским драгунскими полками, которые стали поражать «бегущего неприятеля»^[1810].

Об участии в контратаке не только отряда Ермолова, но и других войск говорит и донесение Кутузова, написанное Толем: 19-й и 40-й егерские действовали «по левую руку», Васильчиков – «с правой стороны», а подоспевшая кавалерия Корфа способствовала успеху. По рапорту Баркляя, помеченному 26 сентября (ст. стиля), правее в неприятельские колонны врубился Оренбургский драгунский полк^[1811]. О том, что солдаты Бонами были атакованы «со всех сторон», свидетельствуют и французские материалы^[1812].

Как же выглядели обстоятельства боя со стороны французов? 30-й линейный, взяв «редут» и выйдя на его восточный скат, был немедленно отброшен назад. За исключением 1-го батальона 13-го легкого полка, больше никто не оказал ему поддержки. «Мы не могли удержаться, – вспоминал Франсуа, – и отошли в беспорядке, вперемешку с русскими...» Причем неожиданно «мертвые русские возле “редута” ожили и стали стрелять по французам из волчьих ям и рва»^[1813]. Генерал Бонами, пытаясь с горсткой солдат обороняться в «редуте», был изранен русскими штыками и взят в плен. Говорят, он закричал, когда ему стали наносить яростные удары штыком, что он Мюрат! Взрывной и необычный характер генерала не подвел его: Бонами мгновенно нашел решение, чтобы сохранить жизнь (русские солдаты из неприятельских полководцев знали только Наполеона и Мюрата)! Когда вечером того дня, также плененный русскими, саксонский полковник Лейссер оказался в грязной избе, то в углу на охапке соломы он увидел, точнее услышал, беспрестанно стонущего и поминавшего Бога Бонами. По словам Лейссера, у того было 13 штыковых ран; особенно глубокие раны были на левой стороне груди, и они угрожали его жизни^[1814].

30-й линейный, уже на три четверти уничтоженный и беспрерывно бывший под русским огнем, еще попытался собраться позади редута и осуществить новую атаку, но быстро отказался от этого. «Полк отошел в тыл от этого фатального редута, – говорит Франсуа, – с 11 офицерами и 257 унтер-офицерами и солдатами; остальные были убиты и ранены...»^[1815] «Я был серьезно потрясен, – вспоминал Франсуа, – мой кивер пробит картечью, как и фалды моего мундира; живот, бока, бедра – все в ушибах...» Нестерпимо вдруг заболела рана,

полученная 6-го. В роте Франсуа лейтенант был убит, у суб-лейтенанта часть левой руки и бедра были оторваны ядром, старший сержант, 3 сержанта, 6 капралов, 57 солдат и барабанщиков были убиты; в роте осталось 5 человек! Из всего полка в строю оставалось 300 солдат и 11 офицеров из 4100, которые были утром^[1816]. С трудом дотащился в тыл и раненый Фавье. В общем, вряд ли 30-й полк мог хоть ненадолго удержать захваченный «редут» – слишком очевиден был перевес русских, которые «навалились» и раздавили его. «30-й полк действительно был буквально расстрелян. Оторванные части тел летали в воздухе...» – не без преувеличения писал очевидец Ложье^[1817].

Но где были другие французские части, которые должны были его поддержать? «Во время нашей атаки редута, – пишет Франсуа без всякого осуждения, – другие части дивизии были на позиции на плато, занятые тем, что отбивали русские атаки, они не могли оказать нам поддержки»^[1818]. Судя по документам, буквально через несколько минут после того, как Бонами вошел в «редут», дивизия Морана получила удар по правому флангу. Моран попытался быстро перестроить дивизию, но, вероятно, именно в этот момент он был ранен в подбородок. По мнению многих, это парализовало дивизию^[1819]. Три батальона 12-го полка легкой пехоты дивизии Жерара попытались поддержать правый фланг Морана, приостановили русский напор, но исправить ситуацию не смогли^[1820].

Что касается левого фланга войск Морана, то его поддержал 7-й легкий полк 3-й дивизии, который медленно продвигался вперед с самого начала атаки, прикрывая 30-й линейный. Полк, во главе с бригадным генералом Л.-Н.-М. Леклерком, «шел развернутым фронтом до подножия редута, где завязался весьма ожесточенный бой»^[1821]. В рядах 7-го легкого находился сержант карабинерной роты Бертран. Как только полк начал движение к «главному редуту», ядром оторвало голову капитану, командиру роты; на его место заступил лейтенант, но тут же был поражен картечью, переломившей ему бедро. Из строя был выведен картечной пулей и су-лейтенант, а старшего сержанта в тот момент вообще не было. Сержант Бертран, гордый выпавшей на его долю честью, принял командование ротой. «Мы были у подножия редута, – вспоминал он, – два батальона полка, как мне показалось, делали отступательное движение эшелонами, а два других облическое движение. В этот момент полковник приказал мне оставаться на месте». Неожиданно «взвод русских драгун дебуширует от редута при криках ура. Изумленный, я убеждаю мою роту сохранять хладнокровие и приказываю образовать вокруг меня круг, что было с удивительной быстротой выполнено. Не ожидая других команд, мои товарищи начинают батальный огонь...» Драгуны отхлынули, и «полк снова повернул к редуту, но мы должны были еще раз отдалиться»^[1822]. Ложье, который уже вряд ли сам видел это, описывает действия 7-го легкого даже еще более красочно, чем участник боя. «Наш 7-й полк легкой пехоты, атакованный русскими драгунами, моментально разбивается на каре, подпускает к себе русских, затем открывает пальбу рядами. Пальба отличается такой силой, что в мгновение ока площадь покрывается телами людей и лошадей, трупами и ранеными, которые создают вокруг наших батальонов новый барьер. Русская кавалерия исчезает»^[1823].

21-й линейный и два батальона 12-го легкого полка были оставлены генералом Жераром в резерве. Что касается войск Брусье, то они использовались в качестве поддержки левого фланга солдат Морана и Жерара^[1824]. Вся кавалерия Груши продолжала находиться за Семеновским оврагом, оставаясь в резерве и не имея возможности и пространства быстро развернуться и контратаковать русских. Впереди и вправо от кавалерии, вдоль Семеновского оврага, были развернуты орудия Гриуа и, вероятно, некоторые орудия Морана и Жерара^[1825]. Когда солдаты Морана пошли в атаку, огонь французских батарей должен был прекратиться, чтобы не задеть своих; замолчали не только орудия у Семеновского оврага, но и расположенные за Колочью у с. Бородино. Если русские подвижные батареи не переставая во время контратаки вели огонь, то значительная часть французской артиллерии вынуждена была хранить молчание.

Наконец, Итальянская гвардия, находившаяся вдалеке от боя, получила приказ идти вперед только уже во время русской контратаки. Жерар, после ранения Морана принявший на себя командование 1-й дивизией, все, что смог сделать, так это только сдержать напор русских войск и организовать отход к Семеновскому оврагу, через который русские уже не смогли перейти. Богарне, будучи в самый разгар событий еще на левом берегу Колочи, смог взять на себя непосредственное командование только к концу боя^[1826].

В 18-м бюллетене и в рапорте Богарне русская контратака была представлена как массированный удар с целью прорыва французской линии. «Враг, ободренный... успехом, использовал свои резервы и свои последние войска испытать счастья. Приняла участие и императорская гвардия. Был атакован наш центр, который был осью нашего правого фланга», – говорилось в бюллетене^[1827]. В действительности, русское командование не только не намеревалось перейти в решительную контратаку, но и использовало все силы, чтобы остановить «нестройные толпы» (Ермолов) своих солдат, которые в пылу боя погнались за отступавшими французами.

Что происходило к югу от Курганной высоты? Воспользовались ли французы случаем, чтобы бросить в пустующее пространство между батареей Раевского и д. Семеновское массы кавалерии?

Приблизительно в 9.30, примерно в версте юго-западнее батареи Раевского, вывел из леса свою 4-ю пехотную дивизию генерал-майор Евгений Вюртембергский. Впереди лежало совершенно никем не занятое пространство, слева виднелись Литовский и Измайловский гвардейские полки, справа была захваченная французами батарея Раевского. Немедленно 2-я бригада – Минский и Кременчугский полки – двинулась вперед «с музыкой и барабанным боем». В этот момент к Евгению подскочил Барклай-де-Толли: «Видите вы тот редут? – вскричал главнокомандующий. – Он занят неприятелем, но стоит вам только сказать слово, и он будет в руках четвертой дивизии». Е. Вюртембергский повел свои полки в батальонных колоннах к Кургану, но в этот момент показалась французская кавалерия. Дивизия быстро перестроилась в каре и отбила неприятеля. Отступающую французскую кавалерию бросились преследовать драгуны Крейца. Но уже подходившая французская пехота (12-й легкой дивизии Жерара либо части Морана) заставила Е. Вюртембергского построить Тобольский и Волынский полки сомкнутыми колоннами и повести их на неприятеля. После жаркой схватки французская колонна была сброшена «в низину»^[1828].

Рассказ Е. Вюртембергского, как и другие материалы, однозначно свидетельствует, что утверждения о том, будто уже во время атаки Морана русский 4-й пехотный корпус был к югу от Курганной высоты, ошибочны. Атаки французской кавалерии были отражены 4-й дивизией. Упоминания об этих атаках, проведенные почти одновременно со взятием Мораном батареи Раевского, имеются и в зарубежной литературе: американец Нафziger пишет, что Е. Вюртембергского атаковала кавалерия 3-го кавалерийского корпуса; Тьер, Транье и Карминьяни, не называя русские части, пишут об атаках Латур-Мобура. Наконец, Кукель полагал, что это были всадники Монбрёна.

Версия Нафзигера маловероятна: во-первых, потому что в корпусе Груши вовсе не было кирасирских частей, а во-вторых, согласно всем известным материалам, кавалерия Груши в первой половине дня совершенно определенно ни разу не пересекала Семеновский овраг. Предположения французских историков кажутся более справедливыми. Около 10 часов утра 4-й кавалерийский корпус, находившийся у ручья Каменка, «получил приказ двинуться вперед, перейти овраг и атаковать орудия и пехоту, которые разместились у деревни, на позиции очень важной для врага»^[1829]. Возможно, что часть кавалерии Латур-Мобура оказалась севернее д. Семеновское, главного объекта атаки, и столкнулась с пехотой Е. Вюртембергского. По предположению А. И. Попова, это могли быть уланы Рожнецкого и

вестфальские кирасиры (вестфальские кирасиры носили белые колеты. Возможно, отсюда и утверждение Богдановича о том, что драгуны Крейца контратаковали карабинеров).

Что касается частей 2-го кавалерийского корпуса, то они совершенно определенно, как и 3-й кавалерийский корпус, не могли в это время атаковать 4-ю пехотную дивизию.

Воспоминания Брандта, Пажоля, Био и другие материалы свидетельствуют, что корпус Монбрёна находился почти без движения на западном берегу Каменки, напротив д. Семеновское^[1830].

Примерно в 9.30 бой возле самой Курганной высоты уже закончился. Потери сторон определить весьма затруднительно. По мнению Баркляя, французы потеряли «по малой мере 3 тыс. человек», «ибо высота и поле, окружающее оную, несколько сотен шагов были устланы неприятельскими трупами»^[1831]. Судя по приблизительным потерям 30-го линейного полка, общее количество выбывших из строя было очень значительным. Не меньшие, а вероятно, даже большие потери понесли русские части. «Урон со стороны нашей весьма велик, — свидетельствует Ермолов, — и далеко несоразмерный численности атаковавших баталионов»^[1832].

Вместе с тем результаты боя для русской армии были в целом благоприятными. Несмотря на первоначальный шок, русские удержали Курганную высоту и, сохранив центр позиции, не допустили разрыва между 1-й и 2-й армиями. Наоборот, для французов результаты выглядели явно неудовлетворительными. Хотя французам и удалось сковать русские силы в центре, но захват ими Багратионовых «флешей» оказался связан, главным образом, не с этим обстоятельством. Наконец, неудачный штурм Курганной высоты «съел» два часа драгоценного времени, обернулся заметными потерями и временной утратой французами инициативы на этом участке фронта.

Попытаемся сформулировать причины французской неудачи. Они явно распадаются на два типа. Одна часть причин, без сомнения, имела «объективный» характер, вполне поддающийся рациональному объяснению. Причины этого типа можно свести к следующему. Во-первых, французское командование не обеспечило перевеса в численности войск, атаковавших «редут». В дивизиях Морана, Жерара и Брусье было не более 18 тыс. человек. Им противостояло 15–18 тыс. русской пехоты (с учетом остатков 6, 49-го и 50-го егерских полков, но исключая войска 4-й и 7-й пехотных дивизий) и 1,5 тыс. кавалерии (три полка Крейца). Наконец, если русские смогли сконцентрировать на этом участке фронта до 197 орудий (по подсчетам Ларионова), то французская артиллерия не могла действовать столь же активно. Во-вторых, не была достигнута координация в действиях Богарне с войсками Нея и Даву. К 9 часам, и даже в 9.30, французские войска правого фланга были далеки от того, чтобы перейти Семеновский овраг, который отделял их от частей Богарне. Не исключено, что Наполеон действительно допустил ошибку на этапе планирования сражения, не поняв до конца своеобразия местности, лежащей между Семеновскими высотами и Курганом. В-третьих, оставляла желать лучшего и координация в действиях самих войск Богарне: кавалерия Груши была слишком далеко от места боя, ранение Морана на некоторое время парализовало часть его дивизии, Брусье действовал недостаточно активно. Богарне, находившийся до середины боя на левом берегу Колочи, также не мог активно руководить войсками, атаковавшими «редут». Что касается Итальянской гвардии, то она оставалась глубоко в тылу, призванная защитить левый фланг от любых неожиданностей со стороны русских. Возможно, что отсутствие координации в действиях соединений Богарне отчасти объясняется спешкой, в которой готовилась первая атака на батарею Раевского, должная помочь «увязнувшему» правому флангу. Поэтому у Богарне не оказалось времени провести и достаточную артиллерийскую подготовку перед своей атакой.

Второй тип причин связан с особенностями проявления темперамента и инициативы человеческой массой и отдельными людьми. С одной стороны, генерал Бонами, человек

неординарный и непредсказуемый, смог увлечь за собой 30-й линейный, захватить «большой редут», вызвать панику в рядах противника и парализовать весь центр позиции неприятеля. С другой стороны, темпераменту Бонами оказался противопоставлен не менее парадоксальный характер Ермолова. Проявив инициативу, Ермолов смог вывести людские массы русского центра из состояния ступора и заставить солдат перейти от полной растерянности к яростной жесточенности. И хотя беспристрастный анализ ситуации заставил нас отказаться от того, чтобы приписывать всю заслугу в организации контратаки исключительно самоотверженности Ермолова, роль начальника Главного штаба 1-й Западной армии оказалась все-таки велика.

Временный успех французов, предопределенный отважными действиями Бонами и его бойцов, был, благодаря инициативе и решительности русского командования и солдат, ликвидирован и превращен в частный успех русского оружия.

3.5.3. Перед решающей схваткой

Отразив контратаку русских, солдаты вице-короля еще пару раз попытались взять реванш, стремясь приблизиться к русским позициям, но эти попытки оказались нерешительными. Нужно было вначале привести свои части в порядок. Многочисленные раненые потянулись в тыл, к амбулансам, где они надеялись получить медицинскую помощь. Храбрый Франсуа, сильно страдая от ушибов и полученной еще вчера раны и потеряв много крови, упал без сознания. Солдаты приводят его в чувство и отводят в амбуланс. Там он видит, как врачи перевязывают раненного картечью в подбородок генерала Морана. Генерал подает Франсуа руку и, не имея возможности что-либо сказать, делает знак хирургу, чтобы тот оказал капитану помощь. Хирург прозондировал Франсуа вчерашнюю рану, которая доставляла ему особое беспокойство, и убедился, что кость не была задета. Затем, наложив повязку, отправил его в главный амбуланс, в Колоцкое^[1833].

Капитану Фавье, адъютанту Мармона, разделившему участь 30-го линейного, пришлось тяжелее. Пуля раздробила ему кость правой ноги, и хирург собирался ее ампутировать. Фавье решительно отказался, заявив, что лучше он умрет, чем останется без ноги. Он выжил, сохранил ногу и получил за Бородино чин командира эскадрона^[1834].

Побывал в те часы в амбулансе и Комб, чей 8-й конноегерский, находясь под огнем, немного, но пострадал. Он увидел хирургов и их помощников, «с засученными рукавами рубашек», державших в руке «либо фатальный скальпель, либо страшную пилу. Они, кромсая тела, резали руку или ногу» и все были испачканы кровью. «Ужасная брань, крики отчаяния, слезные жалобы слышались при приближении к этому импровизированному амбулансу и продолжались без перерыва...»^[1835] Около 11 часов Комб возвратился в свой полк.

Солдаты Богарне вновь равняли ряды и подтягивали резервы. На место выбывшего Морана заступил генерал Ж.-П. Ланабер, командовавший 1-й бригадой 2-й пехотной дивизии Молодой гвардии. Вскоре он тоже будет ранен (пуля попадет в низ живота, серьезно повредив внутренние органы) и умрет в Можайске 16 сентября^[1836]. Сержант Бургонь утверждал, будто Ланабер был в чине полковника, и император сказал ему: «Полковник, я произвожу вас в генералы; берите дивизию, которая перед фронтом большого редута, и возьмите его»^[1837].

Пока затихали последние схватки на плато западнее и южнее батареи Раевского, между 10 и 11 часами французы атаковали д. Семеновское, овладели ею и утвердились на правом берегу в низовьях Семеновского оврага. Теперь, контролируя овраги ручья Семеновского на всем его протяжении, Наполеон был готов нанести последний, решающий удар по неприятельской линии на километровом пространстве к юго-востоку от батареи Раевского с одновременным

захватом самой Курганной высоты как опорного пункта центра и левого фланга русских. Следовало спешить с тем, чтобы использовать расстройство русских войск, только что отброшенных от Семеновского. Император был готов использовать даже часть гвардии – Легион Вислы и дивизию Роге.

В начале 11-го, когда начался решающий бой за д. Семеновское, Легион Вислы был передвинут по левому берегу Каменки ближе к впадению его в Семеновский ручей. Двигаясь туда, поляки несли заметные потери, но когда достигли назначенного им места, то оказались достаточно неплохо укрытыми в складках местности. Вдалеке слева они могли видеть с. Бородино и зеленые крыши его церкви; «при просветах лучи солнца ярко отражались на ее куполах». Дивизия Клапареда заняла пустующее пространство между левым флангом вице-короля и войсками правого фланга. Роге должен был стать резервом ослабленных войск Нея^[1838].

Тем временем Богарне готовится к новой атаке. «Он соединяет войска, чтобы накрыть неприятеля со всех сторон и овладеть фортом» (Ложье). Переброшенная на правый берег Колочи Итальянская гвардия должна теперь подкрепить атакующие части. Вице-король решает добиться и большей согласованности в действиях своих войск, и согласованности их с частями правого фланга. Пока происходят все необходимые передвижения, артиллерия усиливает огонь по войскам русского центра^[1839].

Неожиданно, когда почти все приготовления для атаки «редута» были закончены, пришло очень тревожное известие о появлении масс русской кавалерии на крайнем левом фланге войск вице-короля. «Последний прибывший адъютант, – пишет Ложье, – сообщает нам, что Дельзон и Орнано смяты превосходящими силами неприятеля и вынуждены отступить для прикрытия итальянской батареи, Бородина и Войны и провианта». Богарне отказывается от атаки «большого редута», бросается в сопровождении своего штаба на левый фланг и отправляет туда всю Итальянскую гвардию и 11-ю бригаду Готтрэна (6-й гусарский и 8-й конноегерский) корпуса Груши^[1840].

Каковы были последствия русской диверсии для хода сражения вокруг Курганной высоты? Во-первых, большинство исследователей, и отечественных, и зарубежных, справедливо сходятся на том, что атака «большого редута» была остановлена на два-три часа, и русское командование смогло устроить войска для отражения неприятельского нападения. Во-вторых, часть французской артиллерии, задействованной для атаки «редута», вынуждена была обратить свои усилия на отражение русской диверсии^[1841], а многие из тех орудий, которые все-таки продолжали вести огонь по Курганной высоте, оказались на два часа в менее выгодном положении, чем русская артиллерия, так как, в отличие от последней, находились в основном на открытых позициях^[1842]. В-третьих, были ослаблены усилия французов и в районе д. Семеновское. Резервная кавалерия, выдвигавшаяся для решающего броска, на долгих два часа оказалась почти без движения под обстрелом русских орудий^[1843].

Какие перемены произошли в центре русских позиций в течение нескольких часов? После отбития русскими Курганной высоты, примерно часа полтора, Ермолов пытался организовать ее оборону. Хотя он нашел на батарее все 18 орудий (26-й батареей роты и, вероятно, 47-й легкой роты), но вынужден был эти орудия заменить другими (согласно его рапорту, дважды!). Из-за больших потерь среди орудийной прислуги ему пришлось «употребить» людей 3-го батальона Уфимского полка. Вероятно, в конечном итоге батарея была занята вполне боеспособным артиллерийским подразделением (все известные материалы совершенно умалчивают, каким именно). Получив сильную контузию, Ермолов вынужден был покинуть поле боя, но еще до этого сдал команду на батарею генерал-майору П. Г. Лихачеву, командиру 24-й пехотной дивизии. Скугаревский на основе хода последующих событий предположил, что войска Лихачева стали в две линии: в первой линии рядом с самой батареей справа налево – сводно-гренадерский полк, Томский и

Бутырский; во второй линии, за оврагом ручья Огник, справа налево – 19-й и 40-й егерские полки, затем – Уфимский и Ширванский^[1844].

Остатки 7-го пехотного корпуса либо отводились в тыл, либо, спешно «сбитые» Васильчиковым, постепенно перемещались на левый фланг, оставляя место возле батареи другим русским частям. Некоторое время южнее батареи стояла 2-я бригада 4-й пехотной дивизии и кавалерия Крейца. Еще южнее в направлении д. Семеновское – 1-я бригада 4-й дивизии. Между 10 и 12 часами, отбив ряд атак французской кавалерии, 2-я бригада этой дивизии была передвинута к юго-востоку, уступая место 4-му пехотному корпусу, а затем, около 13 часов, и вовсе покинула русский центр, отправившись ко 2-му пехотному корпусу. Войска 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта А. И. Остерман-Толстого, подойдя к батарее Раевского около 12 часов, были размещены «en crochet», загибом, уступами, фронтом на юго-запад (11-я дивизия правее 23-й). Где-то рядом с солдатами Остермана разместилась 1-я бригада 4-й пехотной дивизии. Левее Остермана, примерно напротив д. Семеновское, встали остатки 12-й пехотной дивизии и сводно-гренадерской бригады 5-го пехотного корпуса. Примерно за левым флангом 4-го пехотного корпуса устроились гвардейские полки – Преображенский, Семеновский и подразделения Финляндского. Севернее Курганной высоты, вытянувшись в направлении Горок, была 7-я пехотная дивизия. Во второй линии, за пехотой, должны были разместиться части 3-го и 2-го кавалерийских корпусов. Далее, в глубине, – Кавалергардский и лейб-гвардии Конный. Реально же, как справедливо полагал Скугаревский, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса к началу решающего штурма батареи Раевского еще не собрались: 2-й задержался при переправе через Стонец, части 3-го (под командованием генерал-майора И. С. Дорохова) задержались в районе действий 2-й армии. Определить точное размещение русской артиллерии весьма затруднительно, но очевидно, что значительная часть орудий была сконцентрирована в районе самой Курганной высоты^[1845].

Численность русских войск, принявших участие в заключительном акте борьбы за «большой редут», определить почти невозможно. Весьма огрубляя, предположим, что к 3 часам дня здесь было сконцентрировано 46 батальонов пехоты (без остатков 12-й пехотной дивизии и сводно-гренадерской бригады 5-го пехотного корпуса и приняв остатки егерских полков за два батальона) и 60 эскадронов. Беря условно в ослабленном батальоне в среднем по 450 человек, а в эскадроне по 100 человек, получаем 27 тыс. пехоты и 6 тыс. кавалерии.

После боя за д. Семеновское, когда пехотная дивизия Фриана смогла там закрепиться, 2-й и 4-й корпуса французской резервной кавалерии стали постепенно сдвигаться влево. При всей очевидности этого факта определить их точное местоположение перед решающей атакой «большого редута» достаточно сложно. Как правило, авторы ограничиваются условным размещением частей и соединений, слабо соотнося это с реальным рельефом местности. На основе наиболее достоверных данных картина могла быть следующей.

Вскоре после захвата французами д. Семеновское, то есть в 11 – начале 12-го, Латур-Мобур начал перемещать соединения своего 4-го корпуса. Вначале он отвел дивизию Лоржа немного подальше от деревни (скорее всего, влево) из-за пожаров, а затем, вероятно, получив приказ, распорядился двинуться левее. Кирасиры Лоржа и уланы Рожнецкого медленно прошли, по словам Меерхайма, тысячу шагов и выстроили здесь свой фронт. Бригада Тильмана была в первой линии – вначале полк Гар дю Кор, за ним – «полк Цастрова» и, наконец, два эскадрона 14-го польского кирасирского полка полковника Малаховского. Во второй линии, метрах в пятидесяти-ста, оказалась вестфальская бригада из двух кирасирских полков, расположенных в колоннах один за другим. Лорж находился с вестфальцами. Правее, на некотором расстоянии выстроились в полковых колоннах уланы Рожнецкого, за которыми был сам Латур-Мобур вместе со штабом. Немного впереди улан

находился левый фланг артиллерии 2-го и 4-го кавалерийских корпусов, вытянувшейся в длинную линию^[1846].

Слева и немного сзади, в низине Семеновского оврага, всадники Лоржа видели 2-й кавалерийский корпус. Судя по всему, этот кавалерийский корпус, после того как потерял своего командира славного генерала Монбрёна (а это произошло в 10 – начале 11-го), еще некоторое время оставался на левом берегу Каменки, примыкая левым флангом к зарослям, а затем, в полдень, сдвинувшись немного вправо, перешел Каменку и рысью двинулся на север, пройдя «позади другой кавалерии». Остановившись, корпус выстроился фронтом «против левого фланга батареи Раевского», имея в первой линии дивизию Ватье, разместившуюся «в небольшой ложине, которая была у подножия холма, вершину которого венчал редут», а во второй – на открытой местности (sic) – дивизию Дефранса^[1847].

Что касается кавалерийских бригад (7, 16, 8, 19, 14 и 24-й), то сведения, с помощью которых можно определить их перемещение в это время по конкретной местности, еще более расплывчатые. Можно только предполагать, что они заняли пространство вдоль Семеновского оврага^[1848].

В целом, если принять во внимание, что вдоль нижнего течения Семеновского оврага должны были разместиться эшелонами части дивизии Морана, Жерара, за ними – Итальянская гвардия (артиллерия Гриуа, судя по его мемуарам, была уже на правой стороне оврага) и до Колочи должно было остаться еще достаточное пространство для прохода кавалерии Груши, то 2-му кавалерийскому корпусу для размещения оставался относительно небольшой участок чуть севернее впадения Каменки в Семеновский ручей^[1849].

Ближе к полудню два полка гвардейской кавалерии – 1-й гвардейский уланский (польский) и 2-й (голландский), соединенные в бригаду под командованием генерала Э. Кольбера, последовательно приближались к линии фронта, чтобы, в случае необходимости, поддержать передовые части. Вероятно, уже за ручьем Каменка эти гвардейские полки оказались в поле видимости и досягаемости орудий «большого редута». Последний, по словам капитана Дюмонсо, «мог бы причинить нам большой вред, если бы его огонь не был направлен большей частью на массы, которые угрожали ему больше, чем мы». Позже бригаде Кольбера было приказано поддержать кирасиров, если те потерпят неудачу в атаке на «большой редут»^[1850].

Западнее дивизии Лоржа, у нижнего течения ручья Каменка, расположились поляки Легиона Вислы. Впереди северного фланга кавалеристов 2-го корпуса были пушки Гриуа, а севернее – разместились пехота вице-короля. Южный фланг заняли солдаты Жерара. В первой линии были 21-й линейный и два батальона 12-го легкого полка. «Я построил на крыльях по батальонному каре, – писал Жерар, – все остальные были развернуты, чтобы противопоставить неприятелю больше огня». Во второй линии в качестве резерва был 7-й легкий полк и ослабленные три батальона 12-го легкого полка. С левого фланга к Жерару примыкали части Морана. Полагаем, что в первую линию был поставлен 17-й линейный, менее всего пострадавший во время предшествующего штурма (вскоре он первым из войск Морана окажется на батарее Раевского), затем – 13-й легкий и, наконец, где-то в тылу были жалкие остатки 30-го линейного. К северо-востоку, тылом к Колочи, заняли позицию полки Брусье. Полагаем, что с правого фланга дивизии был 9-й линейный, слева от него, также в первой линии, был 35-й линейный. Второй линией шли четыре батальона 53-го линейного, а где-то в тылу располагались два батальона 18-го легкого и два батальона полка Жозефа-Наполеона^[1851]. С тылу армейские дивизии вице-короля «подпирались» пехотой королевской гвардии, которая вновь переправилась через Колочь после отражения рейда русской кавалерии. Сам Богарне, ближе к 3 часам пополудни, также перешел Колочь и после отдачи соответствующих распоряжений разместился рядом с 9-м линейным полком дивизии Брусье^[1852].

За солдатами Морана и Брусье, вдоль Колочи, вытянулись колонны кавалерии Груши. В голове, подпирая своими рядами тылы пехоты, были развернуты полки 3-й легкокавалерийской дивизии генерала Л.-П.-Э. Шастеля. 11-я легкокавалерийская бригада Готрэна, приняв участие в отражении атаки Платова и Уварова, к 3 часам возвратилась обратно и заняла свое место в рядах дивизии. За кавалеристами Шастеля стояла 6-я дивизия тяжелой кавалерии Лагуссе. Месторасположение 12-й легкокавалерийской бригады Гюйона определить затруднительно, но, судя по относительно небольшим потерям в сравнении с полками Шастеля, она располагалась не в первых линиях^[1853]. Часть кавалерии Шастеля уже давно, поддерживая пехоту, перешла Семеновский ручей и, двигаясь вдоль Колочи, оказалась даже на левом фланге дивизии Брусье^[1854].

Какова была численность войск, сосредоточенных для атаки батареи Раевского? Принимая во внимание потери, понесенные французскими частями до начала штурма, исчисляем их следующим образом: дивизии Морана, Жерара и Брусье – 15 тыс., Итальянская пешая гвардия – 2 тыс., Легион Вислы – 2 тыс. Итого – около 20 тыс. пехоты. 3-й кавалерийский корпус вместе с бригадой Гюйона – 3,5 тыс., 2-й кавалерийский корпус вместе с дивизией Мурье – 4 тыс., 4-й кавалерийский корпус – 2 тыс., кавалерия 8-го вестфальского корпуса – 500 сабель. Итого (без бригады Кольбера) – 10 тыс. кавалерии.

Что касается французской артиллерии, то вопрос этот представляется более сложным. Некоторые авторы доводят численность орудий, обстреливавших район центрального «редута», до 400 (Бутурлин, Чандлер, Остин), другие – до 200 (Тьер), третьи – до 170 (Даффи, Нафзигер). Однако никто не берется уточнить, о каких именно батареях и орудиях идет речь. Наиболее любимым сюжетом в литературе является эпизод о том, как Наполеон, желая усилить обстрел «редута», приказал развернуть высланные из резерва 36 гвардейских орудий Сорбье^[1855]. Однако это, судя по всему, произошло после взятия Курганной высоты^[1856]. Точно так же и утверждения 18-го бюллетеня и рапорт Мюрата о 80-орудийной батарее возле д. Семеновское следует относить к более позднему времени. Кроме того, следует принимать во внимание и то, что далеко не все батареи могли вести огонь с раннего утра до позднего вечера: некоторые орудия выходили из строя, во многих батареях заканчивались боеприпасы, у других была перебита и переранена прислуга и т. д. В целом полагаем, что общая численность орудий, обстреливавших район Курганной высоты и поддерживавших атаку, была примерно в две сотни (132 орудия Богарне, включая полковую артиллерию тех частей, которые были на правом берегу Колочи, и батареи у с. Бородино; 12 орудий 4-го кавалерийского корпуса, 29 орудий 2-го кавалерийского корпуса, 6 орудий кавалерии Бёрманна, 2 орудия кавалерии 8-го армейского корпуса – всего 49 орудий; а также, возможно, 24 орудия «батарей Фуше»). Всего получается 205 орудий, из которых далеко не все одновременно могли вести огонь. Но и этого количества артиллерии было вполне достаточно, чтобы превратить Курганную высоту и местность вокруг нее в совершенный ад. Обстрел велся сразу с трех сторон, концентрически, многие французские батареи анфилировали русские порядки, простреливая их насквозь. Воздух над высотой трещал от разрывов гранат; немалое число снарядов попадало в укрепление, убивая солдат, разрушая бруствер и засыпая ров.

Русская артиллерия энергично отвечала. С особым ожесточением «работали» пушки батареи Раевского. «Большой редут» располагался «почти в центре русской позиции, – вспоминал младший лейтенант И.Г. фон Калькройт (von Kalkreuth) из 2-го сводного полка прусских гусар 1-го кавалерийского корпуса, который видел высоту из района д. Семеновское, – и походил на гору, которая извергала огонь; пороховой дым целиком окутывал ее; из дыма, не переставая, вырывались вспышки орудийных выстрелов, вызывавшие ужасное опустошение в рядах французских войск»^[1857]. «...Фатальный редут опустошал наши ряды», – вторит ему Деннье. «Адской пастью» называет его Ложье, «вулканом» – Лежен и Пеле. Большую часть

времени облака дыма и пыли настолько скрывали его, что французы просто не могли понять, где именно он находился (Пион де Лош).

Особенно жестоко страдала от огня французская кавалерия. Гриуа видел справа от себя «многочисленные линии» французской резервной кавалерии. «Огонь усилился; ядра, пули, гранаты и картечь обрушились дождем со всех сторон и стали прокладывать большие бреши в нашей кавалерии, которая в течение многих часов оставалась без движения и вне укрытия. Равнина была покрыта ранеными людьми, которые пробирались к амбулансам, и лошадьми без всадников, которые в беспорядке носились. Я обратил внимание на кирасирский вюртембергский полк, на который ядра, казалось, особенно падали; каски и кирасы разлетались вдребезги повсюду»^[1858]. «Были полуденные часы, когда мы находились в этой страдательной позиции, – писал Меерхайм, – огонь становился все сильнее и, наконец, перешел в град картечи...»^[1859] «Кавалерия наша стояла... поражаемая огнем, не предпринимая каких-либо действий. Свистящие снаряды были подобны осеннему ветру... Град снарядов вырывал из рядов людей и лошадей; бреши заполнялись новыми солдатами, которые вставали на место своих павших товарищей», – повествует Малаховский, чьи два эскадрона 14-го польского кирасирского полка находились в задних рядах бригады Лоржа. Его голодные солдаты молча сидели на конях, напряженно ожидая смерти или команды к атаке^[1860]. Впереди польских кирасир стояли два полка саксонской тяжелой кавалерии. Местность совершенно не позволяла им укрыться, и они в полной мере испытали на себе действие вначале гранат, а затем и пушечных ядер, посылаемых с «большого редута». Стоя под огнем, всадники «про себя исповедовались», и даже под звуками выстрелов слова исповедей слышались со стороны.

Генерал Тильман, остановившийся было у правого фланга впереди стоящего полка Гар дю Кор, вскоре потерял лошадь, рядом с которой рванула русская граната. Тильман быстро пересел на другую лошадь и медленно поехал вдоль фронта своей бригады, сопровождаемый премьер-лейтенантом фон Минквицем, Рот фон Шрекенштайном и адъютантом графом фон Зейдевицем (Seydewitz). Накануне боя ротмистр К.Г.А.Л. Зейдевиц серьезно страдал от лихорадки и слег, но в день битвы, несмотря на уговоры Тильмана, оказался в огне. Не успел Тильман достичь левого фланга полка, как разорвавшийся снаряд поразил Зейдевица, трубача и нескольких лошадей. Одна из лошадей принадлежала Рот фон Шрекенштайну, который тоже оказался на земле, прижатый телом своей лошади. Рядом с собой он увидел на земле Зейдевица, который успел дважды произнести «Стойте! Стойте!», как будто обращаясь к своей отлетающей душе, и здесь же умер. Огорченный смертью адъютанта, Тильман поскакал дальше, а Рот фон Шрекенштайн выбрался с помощью ординарца из-под туши лошади, пересел на коня бедного Зейдевица и поехал вслед за генералом.

Шла вторая половина дня. Саксонцы, бывшие с утра в сражении и уже не раз ходившие в атаку у Семеновского, а теперь стоявшие под русским огнем, один за другим стали вытаскивать из рюкзаков сухари – неприкосновенный запас, который Тильман строго-настрого запретил трогать. Теперь же генерал наблюдал за этим спокойно. Один Бог знал, сколько каждому из его всадников еще оставалось жить. Сам же Тильман и его адъютанты подкрепились утром хорошим кофе и более весь день уже ничего не ели.

Латур-Мобур, который расположился со штабом за уланами Рожнецкого, постоянно слал к Лоржу и Тильману своих адъютантов и ординарцев со всевозможными приказами. Тильман был очень раздражен таким способом управления войсками и считал себя вправе распоряжаться частными перемещениями своей бригады. По мере того как саксонцы стали нести все более серьезные потери, не имея возможности хоть сколько-нибудь укрыться, его раздражение стало возрастать. Когда перед ним вновь предстал один из адъютантов Латур-Мобура, Тильман в бешенстве прогнал его. Разгоряченный, генерал поскакал прямо к Латур-Мобуру и в резких словах заявил, чтобы этот адъютант держался от него, Тильмана,

подальше, так как в противном случае он заставит его обратиться с помощью клинка. Латур-Мобур поспешил смягчить ситуацию. Мало-помалу остыл и Тильман. Тем более что в третьем часу русские снаряды стали почему-то все реже попадать в саксонцев. Перелетая через них, снаряды чаще поражали вестфальских кирасиров, нанося им большие потери^[1861].

В эти часы огромные потери несла и легкая кавалерия Пажоля. Во время объезда своей дивизии, когда Пажоль рассуждал с командиром 16-й легкокавалерийской бригады Ж.-Ж. Сюберви о том, где именно французская армия будет расквартирована после победы, разорвавшаяся русская граната убила их лошадей и ранила командира бригады^[1862]. Кавалеристы Пажоля простояли под огнем несколько часов, так и не дождавшись приказа об атаке. Неся потери, они тем не менее не теряли присутствия духа и даже демонстрировали своеобразную удачу. После того как конь командующего прусским сводным уланским полком майора К. фон Вердера рухнул перед фронтом солдат вместе с наездником, майор поднялся как ни в чем не бывало, продолжая держать в зубах трубку, которую курил^[1863].

Возможно, что 3-й кавалерийский корпус нес меньшие потери от русского огня, чем 2-й и 4-й, но его солдатам так не казалось. Уже в первой половине дня снаряды с «большого редута» стали достигать рядов 3-го кавалерийского корпуса. «Несколько орудий вражеского редута, – вспоминал Комб, – огонь которого был в основном направлен на артиллерию, стоявшую на нашем правом фланге, обстреливали и нас. Все ядра рикошетом попадали в наши ряды, и мы ожидали их с саблями на плече. Мы оставались в этой ужасной позиции в течение 6 часов»^[1864].

«Моя артиллерия, – пишет Гриуа, – серьезно пострадала, и вскоре два орудия были выведены из строя; большое число людей и лошадей убито. В это время генерал Груши со своим штабом подъехал на край оврага, позади меня, и я был позван к нему. Не успел я приблизиться, как враг обстрелял нашу группу и тотчас же многочисленные ординарцы и офицеры штаба были убиты или ранены картечью; лошадь генерала Груши, пораженная пулей в грудь, упала, придавив своего хозяина, которого мы посчитали мертвым, но который отделался только сильной контузией. В тот же момент ординарец артиллерии, который был со мной, был ранен в шею картежной пулей. Огонь и с той и с другой стороны продолжался с живостью...»^[1865] Ядром с «редута» был смертельно ранен командир 1-го баварского шеволежерского полка бригады Домманже дивизии Шастеля полковник граф К.Х.Г.Ф. Зайн-Витгенштайн. Художник А. Адам, возможно бывший где-то неподалеку, запечатлел, как солдаты, бережно перенесли полковника немного в тыл и укрыв его плащом, склонились над его телом.

Пехота вице-короля страдала от огня значительно меньше, чем артиллерия, но «досталось» и ей. Рот фон Шрекенштайн видел слева от себя, как одна граната попала даже в оркестр французской пехоты (вероятно, дивизии Жерара), после чего оставшиеся оркестранты разбежались в стороны^[1866].

С 11 до 3 часов дня, когда еще не начался последний штурм Курганной высоты, французская кавалерия предприняла ряд атак. Проходили они нерешительно, как бы «прощупывая» русскую линию. Еще до полудня бригада Бёрманна атаковала русские войска южнее Курганной высоты (вероятно, пехоту Е. Вюртембергского), но была отбита и бросилась назад, преследуемая русской кавалерией (вероятно, драгунами Крейца). Всадники Бёрманна в беспорядке понеслись на левый фланг войск Пажоля. Увидев это, Пажоль бросился в середину убежавших, частью смог их остановить и «быстро привел в чувство генерала Бёрманна, приказав ему возобновить атаку». Всадники Бёрманна, развернувшись, контратаковали русских драгун. Артиллерия Серюзье существенно помогала^[1867]. Русская кавалерия отступила, но затем вновь двинулась вперед, угрожая новой атакой. Пажоль, который внимательно наблюдал за этими передвижениями, был готов отдать приказ своей кавалерии об атаке. Однако Мюрат, который также видел приближение русской кавалерии,

приказал Пажолю не двигаться вперед, но дать возможность пройти атаке тяжелой кавалерии 2-го корпуса. Судя по воспоминаниям Био, вперед двинулись два полка карабинеров при поддержке трех эскадронов улан. За выдвижением первых особенно внимательно наблюдал генерал Ларибуазьер, только что переехавший овраг со своим адъютантом Плана де ла Файе. Завидев генерала, из рядов 1-го карабинерного полка выехал его сын Фердинанд. Он быстро пожал руку отцу и успел только сказать ему «с очень оживленной радостью»: «Мы идем в атаку». Французская тяжелая кавалерия, вероятно, отбросила русских драгун, но затем, столкнувшись с прочно стоявшей пехотой, смешалась и отступила^[1868].

Возможно, но маловероятно, что севернее батареи Раевского в атаку ходили и кавалеристы 3-го кавалерийского корпуса (об этом пишет только Рот фон Шрекенштайн, который легко мог принять отражение Платова и Уварова за действия французской кавалерии на южных берегах Колочи).

В начале одиннадцатого в ставке Наполеона узнали о тяжелом ранении генерала Монбрёна. Наполеон, бросив взгляд на свиту, стоявшую сзади, и заметив О. Коленкура, позвал его и передал командование 2-м кавалерийским корпусом. «Действуйте, как вы действовали при Арсобиспо», – сказал ему император, напомнив эпизод войны в Испании, о котором мы уже писали^[1869]. Бертье здесь же подготовил письменный приказ, а Огюст Коленкур подошел к своему брату, пожал ему руку и сказал: «Дело столь жаркое, что я не надеюсь увидеть тебя снова. Мы одержим победу, или я буду убит». Огюст быстро ускакал, сопровождаемый своим адъютантом, а его брат остался с тяжелым чувством приближавшегося несчастья^[1870].

Трудно сказать с определенностью, имел ли в виду Наполеон, упоминая об Арсобиспо, план взятия «большого редута» кавалерией с тыла. Возможно и то, что фраза, сказанная императором О. Коленкуру, была позже просто домыслена обер-штабмейстером. Однако очевидно, что, имея 10 тыс. боеспособной кавалерии и только около 20 тыс. пехоты, которые можно было использовать для взятия «большого редута», император неминуемо должен был отдать главную роль своим всадникам.

«Большой редут» был обречен... С одной стороны, Наполеон должен был направить свой удар именно на него, так как батарея Раевского оставалась теперь единственной опорной точкой русской линии к югу от Новой Смоленской дороги; отброшенные за Семеновский овраг остатки 2-й Западной армии и войска, пришедшие им на помощь, опирались своим правым флангом только на Курганную высоту. С другой стороны, батарея Раевского, окруженная и обстреливаемая с трех сторон французскими войсками, стала таким выступом в русской линии, который удержать было уже просто невозможно. Но русские войска, неся страшные потери, продолжали за нее цепляться.

Иногда в мемуарах и литературе встречается утверждение о том, будто Наполеон лично, на местности, разработал дерзкий план взятия «большого редута» во время посещения им позиций у Семеновского оврага^[1871]. Конечно, это не так. Император поехал к передовым линиям только после падения батареи Раевского и лично, разумеется, не вникал во все детали подготовки знаменитой атаки на Курганную высоту. Он потребовал только, чтобы на этот раз была достигнута четкая координация в действиях пехоты вице-короля и кавалерии Мюрата. Конкретный план знаменитой кавалерийской атаки «редута» был, вероятно, разработан Мюратом и его штабом в лице генерала О.-Д. Бельяра. На это указывают Лежен, Рапп, Сегюр; об этом свидетельствует и рапорт самого Мюрата и воспоминания Гриуа^[1872]. Судя по всему, и Коленкуру, и Латур-Мобуру было приказано нанести удар по русской линии как можно ближе к южному флангу «редута» и, оттеснив неприятеля, атаковать с фланга сам «большой редут». Согласно версии Раппа, в случае неудачи кавалерия должна была возвратиться «тем же путем», под прикрытие французских орудий^[1873]. Вперед должен был двинуться и правый фланг под командованием Нея.

Очень трудно доподлинно восстановить, предлагал ли Мюрат Коленкуру и Латур-Мобуру броситься на «редут» с горжи (то есть с тыла, через тыльные проходы) или штурмовать прямо с бруствера, который уже совершенно осыпался, либо, что скорее всего, предложил действовать исходя из обстоятельств. Очевидно только, что и кавалерия, и ее начальники были готовы как можно быстрее броситься в атаку на этот злосчастный «редут», нежели продолжать и дальше стоять под русскими снарядами. «Я буду там живым или мертвым», – ответил, согласно версии Сегюра, Коленкур Мюрату^[1874]. Чуть ранее, по дороге из ставки на позиции Коленкур встретил адъютантов умирающего Монбрёна, которые оплакивали своего начальника. «Следуйте за мной, – закричал он, – не плачьте о нем и идите отомстить за него!»^[1875]

Приближался звездный час жизни О. Коленкура, час, в котором слава, доблесть, самопожертвование и смерть должны были слиться и даровать воину вечное место среди героев Елисейских Полей. Обстоятельства жизни Коленкура и свидетельства о его мыслях и чувствах последних дней, о чем мы уже писали, убеждают нас в том, что с приближением трагических минут атаки и гибели генерал испытал редкое ощущение острой потребности в собственной смерти, которая прекратила бы все физические и нравственные страдания, нагнетавшиеся в последнее время, и одновременно насытила бы его жажду славы и подвига.

3.5.4. Падение «редута»

Огюст Коленкур, ведя в бой своих кирасиров, в этой атаке был убит^[1876]. Смерть генерала, славного воина и человека, оплакивали многие. «Я потерял моего брата, моего лучшего друга; время не в силах стереть такого несчастья», – напишет графине Нансути скупой на проявления чувств Арман Коленкур^[1877]. Сразу после боя командование поручило главному хирургу забальзамировать сердце героя^[1878]. Мюрат, готовя 9 сентября рапорт о Бородинской битве, представил Коленкура главным героем взятия Курганной высоты, который «опрокинул все, что ему противостояло; и оказавшись в обходе большого редута слева, свернул вовнутрь и с 5-м кирасирским полком ударил и опрокинул врага. Этот храбрый генерал героически погиб на этом самом редуте, который сохранял до подхода войск дивизии Жерара». 18-й бюллетень Великой армии, помеченный 10 сентября, также особо остановился на подвиге Коленкура, геройски погибшего «справа редута у горжи»^[1879] во главе 5-го кирасирского полка. Вместе с тем бюллетень писал и о 4-м кавалерийском корпусе, «который проник в брешу, сделанные нашими орудиями в массах и в эскадронах их кирасир»^[1880].

Но вскоре в мемуарах и первых французских работах о 1812 г. останется только подвиг Коленкура. Об этом напишут Водонкур и Бертезен, Фэн и Деннье, Сегюр и Рапп, Боссе и Лежен, и многие другие. История о Коленкуре и славных кирасирах 5-го полка (исключение составит только Кастелан; в его дневнике будет фигурировать 8-й кирасирский полк), которые захватили редут, «перебив гарнизон палашами» (Боссе), станет «обязательным» эпизодом в воспоминаниях и работах участников сражения, превратившись в некий символ военной Франции. «Новый Деций, Коленкур, лишается жизни посреди торжества, столь нового для кавалерии», – напишет Пеле. «Честь 5-му кирасирскому полку, – воскликнет он далее, – завещавшему французской кавалерии этот славный пример, плодотворный зародыш новых подвигов!»^[1881]

С 1823 г., когда вышла первая основательная французская работа о русской кампании – книга Шамбрэ, версия о захвате батареи Раевского кирасирами Коленкура оказалась освящена уже историографической традицией. О воинах 4-го кавалерийского корпуса Шамбрэ предпочел хранить полное молчание. Правда, позже, в работе Тьера, вновь будет упомянут и 4-й корпус, который оказал поддержку 2-му, но не более. Французские историки XX в. не будут делать даже и этого. Последним примером стала книга Уртуля, который с

помощью ссылок на служебные дела кирасирских офицеров попытался окончательно завершить уже почти двухвековой спор в пользу французской версии. Так, в деле адъютанта бригадного генерала Бомон де Карьера из дивизии Ватье лейтенанта Девэн де Фонтенэ было сказано, что он вошел в «большой редут» одним из первых и был там ранен. В делах 7 офицеров из 5-го кирасирского – что они получили раны штыками. Наконец, в делах 6 офицеров из 8-го кирасирского (в том числе и у полковника Гранжана) отмечено, что они ранены в «большом редуте»^[1882].

Тем не менее, помимо «официальной французской версии» захвата «большого редута», существует, по меньшей мере, еще две. Одна из них – «саксонская» – формировалась постепенно. Появление ее следует отнести к рапорту генерала Тильмана саксонскому королю Фридриху Августу от 11 сентября 1812 г. Генерал свидетельствовал, что именно его кавалеристы взяли «большой редут» и, хотя они были сразу взяты во фланг неприятельской кавалерией, смогли удержаться «в укреплении и рядом с ним, пока его не смогла занять приближавшаяся беглым шагом французская пехота». В укреплении было захвачено 10 двенадцатифунтовых орудий^[1883]. В 1821 г. о взятии «большого редута» саксонской кавалерией написал бывший штабной офицер из 21-й пехотной дивизии 7-го корпуса Церрини ди Монте Варчи. Хотя он и не ставил своей задачей оспорить «французскую» версию, но из его материалов неопровержимо следовал вывод, что именно солдаты Тильмана завладели батареей Раевского. Тот же вывод следовал и из воспоминаний секунд-лейтенанта из корпуса Латур-Мобура, бывшего одно время ординарцем Мюрата, В. А. Буркесроды, вышедших в 1846 г.^[1884]

Совершенно иной характер носила книга Рот фон Шрекенштайна, в 1812 г. младшего лейтенанта «полка Цастрова» и ординарца Тильмана, а к моменту написания работы – генерала и командира корпуса. Сопоставляя собственные воспоминания с вышедшими к тому времени иными материалами, Рот фон Шрекенштайн пришел к выводу, что атака дивизии Ватье, которая завершилась смертью Коленкура, была совершенно неудачной. Причем атака была направлена на северный фланг батареи, а не на южный, как традиционно полагали. С южного склона, как утверждал автор, серьезной борьбы с русской пехотой, от пуль которой и погиб Коленкур, не было^[1885].

Из книги однозначно следовало, что батарея была взята исключительно саксонцами, и прежде всего кавалерией Гар дю Кор. Рот фон Шрекенштайн, не скрывая обиды и возмущения, писал о том, как немецкие герои были несправедливо забыты французским командованием, приписавшим всю славу кирасирам Коленкура. Вероятно, на основе каких-то устных рассказов, без сомнения легендарных, автор привел следующий эпизод. Бертье, увидев в подзорную трубу, как саксонские кавалеристы взяли редут, немедленно сообщил об этом рядом стоявшему Наполеону. Император сам направил трубу на слабо видимый редут и, заметив пару синих мундиров, возможно польских кирасир, возразил: «Это не так; они в синих колетах: это мои кирасиры». После этого, отмечал автор, 18-й бюллетень и создает профранцузскую легенду о Коленкуре, развитую позже в поэтических сценах Сегюра и даже закреплённую в работе Шамбрэ^[1886].

Выводы Рот фон Шрекенштайна еще более подтверждались воспоминаниями Ф.Л.А. фон Меерхайма, в 1812 г. премьер-лейтенанта полка Гар дю Кор, и И. фон Минквица, первого лейтенанта «полка Цастрова», адъютанта генерала Тильмана, вышедшими в 1860–1870-е гг.^[1887] Если из строк Меерхайма можно было только понять, что вся слава взятия батареи принадлежала саксонцам, а французские кирасиры вообще оказали во время штурма слабую поддержку, то Минквиц, во многом следуя за книгой Рот фон Шрекенштайна, открыто вступал в полемику с французами. Немецкий взгляд на события вокруг Курганной высоты был еще более закреплён в 1887 г. с выходом специального исследования Дитфурта, посвященного Бородинскому сражению. Дитфурт внес только одно уточнение в картину,

предложенную Рот фон Шрекенштайном: Коленкур атаковал «редут» не с севера, а с юга; и остатки его войск спешно отступили, когда Гар дю Кор был в нескольких сотнях метрах от укрепления^[1888]. В целом, несмотря на вариации, «саксонская версия» прочно вошла в немецкую литературу, часто сопровождаясь обвинениями в адрес французского командования, приписавшего главные заслуги «своим» кирасирам. Конечно, как признавал в 1912 г. П. Хольцхаузен, французы во главе с Коленкуром доблестно способствовали атаке, но честь взятия батареи принадлежала все-таки немецким кавалеристам^[1889].

Основными сторонниками и популяризаторами «саксонской версии» в XX в. стали англоязычные авторы. В специальной работе о Бородинском сражении, вышедшей в 1973 г., англичанин Даффи целиком воспроизвел версию Рот фон Шрекенштайна. Помещая 2-й кавалерийский корпус прямо напротив Курганной высоты, Даффи «направляет» его в атаку на северный фланг люнета, а 4-й корпус – на южный. Роль Коленкура Даффи низвел до роли простого «командира бригады дивизии Ватье». С тех пор, вслед за Даффи, эту версию, в более или менее подробном варианте, пересказывают американцы Кэйт, Рьен, Нафziger и британский автор Остин. Пожалуй, только Палмер и Чандлер, которые не пытались вникать в частности, склонялись к «французской версии»^[1890].

Отечественная историография Бородинского сражения, несмотря на широкую известность «французской версии» и уважение к славной смерти Коленкура, нередко предпочитала отдавать пальму первенства отнюдь не французским кавалеристам. Уже в первой серьезной работе русского автора (Бутурлина), когда еще не были широко известны свидетельства саксонских участников великой битвы, отмечалось, что Коленкур, ворвавшийся с 5-м кирасирским полком в люнет, был оттуда выбит, а укрепление взято пехотой вице-короля. Восторгаясь славной гибелью Коленкура, но предлагая тот же, что и Бутурлин, вариант событий, писал об этом эпизоде Ф. Н. Глинка. Из путано-восторженного изображения, которое предложил Михайловский-Данилевский, тоже можно было понять, что отнюдь не 2-й кавалерийский корпус, а саксонская конница ворвалась в «редут»^[1891]. Наконец, Богданович, опубликовавший свою книгу уже после выхода работы Рот фон Шрекенштайна, целиком принял версию этого автора. Разделяя идею о том, что «редут» захватили саксонцы, Геруа и Скугаревский тем не менее считали, что Коленкур во главе 5-го кирасирского полка атаковал с юга, еще до нападения дивизии Лоржа^[1892]. Прямо писал о том, что на батарею ворвались саксонцы, Е. В. Тарле^[1893].

Позже, в 1960–1980-е гг. в советских исследованиях началась настоящая путаница. Если, например, Жилин, не утруждая себя вниманием «к частностям», просто следовал за французской версией (между прочим, как и его критик Троицкий), то Бескровный и авторы юбилейного издания «Бородино. 1812», предложили еще более «хитроумный» вариант: они «включили» бригаду Тильмана в «кавалерию Коленкура»(!), тем самым одним махом примирив обе версии^[1894].

В наши дни в статье об участии французских карабинеров в Бородинском сражении А. А. Васильев, не останавливаясь специально на интересующем нас вопросе, отметил, что дивизия Ватье вынуждена была отступить от «редута» и «на смену ей пришли саксонские и польские кирасиры»^[1895].

Полагаем, что склонялся к «саксонской версии» и крупнейший польский историк 1812 г. Кукель. Однако, работая над темой в эпоху широкого польско-французского военного сотрудничества, он предпочел не затрагивать того, что составляло для французов предмет национальной военной гордости^[1896].

Между тем существует и третья версия захвата Курганной высоты. Правда, она слабо представлена в литературе. Эта версия связывает захват батареи исключительно с войсками Богарне. Так, Фезенсак писал, что «большой редут», взятый «полком кирасир», был вновь

отобран неприятелем, а затем снова и окончательно захвачен войсками вице-короля. Г.Ф. фон Флотов, обер-лейтенант, адъютант генерала Прейзинга, наблюдавший штурм батареи с крайнего северного фланга, не упоминая о кавалерийской атаке укрепления, записал, что редут «взяла пехота 4-го корпуса». Командир 2-й бригады 14-й пехотной дивизии Брусье генерал Л. Альмера в записке о себе, также умолчав о кавалерийской атаке, ставил своей бригаде целиком в заслугу взятие и удержание «редута». Лабом упомянул атаку кирасир Коленкура на «редут», но заметил, что те отступили и их место заняла пехота, которая обошла «редут справа и слева»^[1897].

Наиболее последовательно эта третья версия покорения батареи Раевского представлена в воспоминаниях унтер-офицера Ж. Л. Хенкенса, исполнявшего обязанности старшего адъютанта 6-го конноегерского полка бригады генерала Жерара дивизии Шастеля. Картина, представленная им, выглядела следующим образом. Корпус Коленкура, который шел на «редут» в первой линии, был атакован на его подступах русской кавалерией; французские карабинеры, шедшие на правом фланге 2-го корпуса, вынуждены были «броситься на эту кавалерию, и кирасиры в одиночку подъехали к большому редуту, который не смогли взять». Именно тогда кавалерия Груши, шедшая во второй линии, пошла вперед, взяла и «удержала большой редут, несмотря на огонь, который русская артиллерия тотчас же направила на него. Мы не покинули его до тех пор, – продолжает Хенкенс, – пока пехота вице-короля не заполнила его»^[1898]. Кому же принадлежала честь покорения «большого редута»? Попытаемся представить, как могли происходить события в действительности.

К 2 часам дня пехота вице-короля, выслав вперед масс пехоты застрельщиков, медленно продвигалась к «большому редуту», все более ощущая на себе действие русских батарей. Наконец, примерно в начале 3-го часа Мюрат отдает приказ резервной кавалерии атаковать русский «редут». Первой двинулась дивизия Ватье, имея впереди себя 5-й, затем – 8-й, а в последней линии – 10-й кирасирский полк. Рядом с густыми массами тяжелой кавалерии шли два эскадрона 2-го шеволежерского полка. Не обращая внимания на залпы картечи, кавалерийская масса достигла южного фланга люнета и разделилась. Часть всадников пыталась через полузасыпанный ров и полуобвалившийся эскарп, а некоторые – через южный проход в палисаде – ворваться в укрепление; другая группа кавалеристов оказалась в тылу укрепления, возле полуразрушенного палисада, тщетно стремясь сбросить стоявшую там пехоту в овраг ручья Огник. Несмотря на отчаянное сопротивление артиллеристов и пехотного прикрытия, некоторым кирасирам 5-го и 8-го полков удалось-таки ворваться на батарею (примерно через час их трупы увидел там поляк Брандт)^[1899]. Те всадники, которые боролись рядом с укреплением и пытались расстроить пехотные батальоны, были отбиты. Те же, кто был с восточной стороны «редута», попали под огонь, как полагал Скугаревский, солдат Ширванского и Уфимского полков, а оказавшиеся южнее – Бутырского и правофланговых полков 4-го пехотного корпуса. Сам Коленкур, вероятно, так и не попал в «редут», а был убит (по одной версии – ружейной пулей, по другой – картечной, в грудь ниже сердца) «справа редута у горжи», как гласил 18-й бюллетень. Рядом с повалившимся с лошади генералом оказался его адъютант, 38-летний лейтенант Ф.-Ж.-Л. Вольбер, который позаботился о том, чтобы вынести тело своего начальника из пекла.

Весь бой длился недолго, 15–20 минут; кирасиры не смогли захватить «редут» и отбросить стоявшие рядом пехотные батальоны. Расстроенные массы кавалерии отхлынули назад. Куда именно они отступили – можно только догадываться. В разгар страшного побоища, когда сам «редут» и вся местность вокруг оказались затянутыми плотным дымом, а набежавший ветер поднял густые облака пыли, вряд ли кто-то мог это проследить. Воспоминаний кавалеристов дивизии Ватье практически не осталось. В рапорте же Мюрата вообще никто из этой дивизии даже не был упомянут! Карабинеры дивизии Дефранса, собравшие свои воспоминания, с нескрываемым удивлением отметили этот факт^[1900]. Свидетельствует ли он о том, что Неаполитанский король был недоволен результатами атаки дивизии? Возможно.

Однако потери полков дивизии Ватье однозначно свидетельствуют об их активном участии в бою, особенно 8-го и 5-го кирасирских (в 8-м было из строя 16 офицеров; в 5-м – 10, в 10-м – 5; во 2-м шеволежерском – тоже 5), и вполне сопоставимы с потерями 1-го и 2-го карабинерных дивизии Дефранса (было из строя соответственно 11 и 9 офицеров), бывшими до позднего вечера в сражении^[1901].

Были ли жертвы солдат Ватье напрасными? Отнюдь нет. Из многочисленных, хотя нередко и романтизированных описаний очевидцев атаки Коленкуром Курганной высоты (Пеле, Лабома, Гриуа, Лежена и др.) с неизменностью следует один вполне достоверный вывод: «вулкан потух». Гарнизон «редута» и некоторые войска, стоявшие вокруг, оказались на время парализованными. Им нужно было время, чтобы оправиться от столь неожиданной и дерзкой атаки кирасир. Как раз в это мгновение на батарею обрушился второй удар. «Внезапно вражеские батареи замолчали, – вспоминал лейтенант саксонского шеволежерского полка «принц Альбрехт» фон Ляйссниг, – дым и пыль развеялись; свет осветил равнину. Я увидел тогда многочисленные полки кавалерии (в их числе два саксонских), бросившиеся против батарей редута...»^[1902]

Бой за Курганную высоту был еще в самом разгаре, когда к Наполеону стали прибывать офицеры с сообщениями о смерти Коленкура. Одним из первых, известивших об этом, был Вольбер, адъютант генерала, который, по словам Кастелана, плакал. Тело умершего Коленкура все еще было где-то возле «редута»; чуть позже Брандт увидел, как его уносили, завернув «в кирасирский плащ, весь покрытый огромными красными пятнами». Когда Вольбер прибыл в ставку, А. Коленкур был рядом с императором. «Нет надобности говорить, что я при этом почувствовал», – лаконично сообщит он позже в своих мемуарах. «Он умер смертью храбрых, решив исход сражения, – сказал император. – Франция потеряла одного из лучших своих офицеров». «Вы услышали печальную новость, – продолжал Наполеон, обращаясь к обер-шталмейстеру, – удалитесь в мою палатку». Коленкур «ничего не ответил, а лишь слегка приподнял шляпу в знак благодарности за предложение императора и отказался им воспользоваться»^[1903].

Приблизительно в начале третьего часа французский штаб-офицер передал генералу Тильману приказ взять редут. Генерал тотчас же поскакал галопом к середине строя Гар дю Кор и передал слова приказа майору Ф.В.К. Лёффелхольцу (Loffelholz), который командовал полком. И тот, и другой недоумевали, что же именно приказано было атаковать. Редут? Он был еще довольно далеко и, главное, почти не виден. Майор переспросил: «Где неприятель? Что, разве мы должны произвести настоящую атаку?» Все же Тильман немедленно бросил свои полки вперед. Первым пошел к «редуту» Гар дю Кор, ведомый ротмистром Зенфт фон Пилзахом (Senfft von Pilsach), затем – «полк Цастрова», вместе с которым был сам Тильман, и, наконец, два эскадрона польских кирасир во главе с полковником Малаховским. Вслед за бригадой Тильмана двинулись вестфальские кирасиры^[1904].

Хотя полки Тильмана и стояли друг за другом, но они не формировали единой колонны, и направления их движения оказались разными. Несколько забирая влево, точно на «редут» шел только Гар дю Кор. Он и испытал на себе действие последних оружейных выстрелов угасавшего «вулкана». В ста шагах от батареи обер-лейтенант фон Займиц (Seimitz) и лейтенанты фон Ватцдорф (Watzdorf) и фон Тилау (Thielau) были поражены картечью и нашли свою смерть^[1905]. Наконец, когда оставшиеся в живых достигли «редута», группа кирасир во главе с адъютантом Тильмана фон Минквицем бросила своих лошадей через полузасыпанный ров и через разбитый выстрелами бруствер прямо на батарею. Другая группа солдат Гар дю Кор, которая не смогла сразу «перелететь» через ров, попыталась сделать это снова, а часть – устремилась в проход. Показания очевидцев из числа саксонцев расходятся: одни вспоминали, что в укреплении было немало пехоты, встретившей их штыками, другие – что пехоты почти не было и все пространство внутри редута занимала

артиллерийская прислуга, третьи припоминали, что гарнизон «редута» довольно быстро стал выходить через свободный проход^[1906]. Вероятно, пехоты в самом укреплении было довольно немного, и неравный бой с саксонскими кирасирами, с «настоящими центаврами» (Е. Вюртембергский) приняли русские артиллеристы. В памяти Рот фон Шрекенштайна, который появлялся в укреплении дважды (первый раз, когда бой там еще шел, и второй – уже на следующий день), запечатлелся один русский офицер («у которого, как я помню, был орден Анны»), защищавший свою пушку, стоявшую в середине, и который под ней «успокоился»^[1907]. Русские смогли вывезти через северный проход и спасти несколько орудий (историки иногда пишут о шести). Оставшиеся орудия (в рапорте Тильмана говорится о 10 захваченных орудиях) были почти все с поломанными или совершенно разбитыми лафетами. Две брошенные пушки Рот фон Шрекенштайн видел у северного прохода из укрепления (их, вероятно, не успели вывезти) и одну – «внизу направо за оврагом».

Почти невозможно передать словами картину страшной бойни, происходившей в «редуте». В памяти же участников запечатлелось, как кони и люди, атакующие и защищающие, совершенно перемешались. Они рубили, стреляли, рвали и душили друг друга. Передние ряды всадников отбрасывались назад, задние ряды напирали, усиливая и без того неимоверную давку. Многие враги, сцепившись друг с другом, вместе падали в ров, продолжая бороться и там^[1908]. Трудно сказать, сколько именно всадников во главе с ротмистром Зенфт фон Пилзахом и Минквицем смогли втиснуться в укрепление; кроме них там были и отдельные офицеры и солдаты «полка Цастрова», чуть позже бросившиеся в этот ад, и даже, чего не исключал Минквиц, несколько французских кирасир. Трудно сказать, сколько времени продолжалась эта нечеловеческая борьба (возможно, минут двадцать), о которой выжившие в той мясорубке вспоминали как о вечности.

Борьба в «редуте» еще не закончилась, когда на бруствере появилась французская пехота. Что это был за полк? По крайней мере, три полка претендуют на то, чтобы считаться, наряду с кавалеристами, покорителями «редута». Особенно часто фигурирует в этом качестве 9-й линейный. Основанием для этого является «Историческая справка» о действиях полка, хранящаяся в Архиве исторической службы французской армии, а также анонимный рукописный журнал его действий в Национальном архиве^[1909]. Перед тем как идти в атаку, солдаты 9-го линейного услышали обращенное к ним напоминание вице-короля об их славных действиях при Ваграме. Три батальона полка появились на «редуте» как раз в тот момент, когда кавалерия рубила гарнизон своими палашами. Оставшиеся в люнете орудия и убеленный сединами генерал Лихачев, бросившийся на штыки 9-го линейного, оказались в их руках. После того как редут был уже покорен, 9-й выстроился в боевом порядке по другую сторону укрепления.

Как бы ни были убедительны сведения о 9-м линейном полку, следует признать, что рядом с ним столь же храбро сражались 35-й^[1910] и, особенно, 21-й^[1911]. Нередко упоминается и 17-й полк^[1912].

Что же касается пленения П. Г. Лихачева, то эту честь чаще всего отдают итальянцу Козимо Дель Фанте, командиру батальона пеших егерей итальянской королевской гвардии, состоявшему при штабе вице-короля, который вырвал генерала из рук рассвирепевших солдат и «спас ему жизнь против его воли». Ложье утверждает, что Богарне здесь же, на поле боя, назначил его своим адъютантом. Между тем Уртуль в своем исследовании 2000 г. называет не Дель Фанте, но французского капитана де Жувокура (de Jouvaucourt) тем офицером, который взял в плен Лихачева.

Овладев «редутом», пехота стала пытаться продвинуться дальше, поддерживая свою кавалерию.

3.5.5. Бой к востоку от «большого редута»

В то время, когда Гар дю Кор оказался своим фронтом прямо перед батареей Раевского, «полк Цастрова» шел сзади, заметно отклоняясь вправо. Рот фон Шрекенштайн, скакавший на маленькой кобыле графа Зейдевица с правого фланга, вспоминал, что «полк Цастрова» «задел» укрепление только краем левого фланга^[1913], а фронтом оказался перед стрелявшей русской пехотой, которая, однако, сразу же отступила к оврагу. Перед склонами оврага «полк Цастрова» стал тормозить и останавливать лошадей. Русская пехота, бывшая метрах в тридцати-сорока, вероятно, не сразу заметила эту остановку из-за очень густого дыма. «Полк Цастрова», в тот момент под командой майоров Нерхоффа (Nerhoff) и Шёнфельда (Schönfeld), был быстро приведен в порядок. Справа от него остановился польский полк Малаховского. Видя, что русская пехота концентрируется в овраге и собирается контратаковать, Тильман приказал польским кирасирам немедленно напасть на нее. Тотчас же 60–80 кирасиров во главе с ротмистром Воловичем (Wollowitzsch) сошли рысью в узкий овраг и стали выбивать русских пехотинцев. Овраг был достаточно узким, и поэтому приходилось атаковать по фронту в несколько человек^[1914].

Где-то немного правее поляков оказались вестфальские кирасиры, а далее – поляки Рожнецкого. Рядом с ними находился Латур-Мобур. Генерал закричал Рот фон Шрекенштайну, чтобы тот подъехал к нему и передал приказ (вероятно, для «полка Цастрова») немедленно атаковать русскую пехоту, стоявшую левее полка на плато^[1915]. Три каре русской пехоты были атакованы, но неудачно. Достигнув пехотных масс, «полк Цастрова» разошелся влево и вправо, а в тылу за пехотными каре оказались неприятельские драгуны. Кавалеристы сшиблись. И русские драгуны, и саксонцы должны были отойти. Вестфальцы, бывшие справа, также отходили. Как только саксонские кирасиры успели вновь собраться и восстановить строй, они увидели справа от себя идущих в атаку французских карабинеров. За ними шел еще один кавалерийский полк, обрушившийся, но неудачно, на русскую пехоту, которая только что отбила саксонцев^[1916].

Русское командование, еще готовясь к отражению вражеской атаки на батарею Раевского, попыталось подтянуть туда кавалерию. Однако к началу боя большая часть 2-го и 3-го кавалерийских корпусов еще не подошла, а 2-я бригада 1-й кирасирской дивизии оказалась, к удивлению Баркляя-де-Толли, отосланной на левый фланг. Поэтому адъютант Баркляя В. И. Левенштерн бросился к полкам генерал-майора И. Е. Шевича – Конногвардейскому и Конной гвардии – и спешно привел их к месту боя^[1917].

Вражеская кавалерия уже врубилась в пехоту 24-й дивизии и атаковала солдат 4-го корпуса и 7-й дивизии, когда русская конная гвардия была брошена в контратаку. Только позже стали подходить части 2-го и 3-го кавалерийских корпусов. Сумятица кавалерийского боя, разыгравшегося восточнее Курганной высоты, а также отрывочность и путанность рапортов и воспоминаний не позволяют создать предельно точную картину событий. Особенно сложно сопоставить русские материалы с зарубежными. Попытаемся все же проследить ход боя глазами наполеоновских кавалеристов.

После первой атаки саксонцев на русскую пехоту, стоявшую за Курганом, между «полком Цастрова» и укреплениями оказалась часть полка Гар дю Кор, а за ней – польские кирасиры. Укрепление было где-то в 150 метрах в тылу с левого фланга. Тогда Латур-Мобур приказывает Тильману снова идти в атаку (на этот раз всеми тремя полками) на русскую пехоту, которая несколько отошла и выстроила свои батальоны в шахматном порядке. Бригада рысью пошла вперед. Тильман был в голове Гар дю Кора. Воодушевляя солдат, неся вперед окровавленный майор фон Шёнфельд. Русская пехота, подпустив кирасир на 20 шагов, дала залп. Среди убитых всадников были ротмистр граф Ортцен (Oertzen) и лейтенант Хакке (Hacke) из «полка Цастрова»^[1918]. Хотя некоторые офицеры и рядовые смогли прорвать пехотные ряды, но большая часть всадников прошла вправо и влево от пехотного

каре. Пехота, сбившись в беспорядочную, но замкнутую со всех сторон толпу, устояла. Позади пехоты вновь оказалась русская кавалерия. Вначале она приняла саксонцев за своих из-за светлых колетов и черных касок и, растерявшись, была ими отброшена. Вероятно, одновременно по русской кавалерии пришелся удар со стороны кавалеристов Груши. Здесь саксонцы были изумлены, встретив 2-й баварский шеволежерский полк из дивизии Шастеля. Не успели немецкие всадники порадоваться встрече, как были атакованы русскими кавалергардами и полком Конной гвардии. Удар был столь сильным, что кавалеристы Тильмана откатились до того места, откуда их послал в атаку Латур-Мобур. Русские гвардейцы, преследуя врага, не уставая рубили саксонцев своими огромными палашами. Рядом с Рот фон Шрекенштайном скакал русский гвардеец, успевший нанести ему сильный удар, который, однако, пришелся по каске, оглушив молодого офицера. «Сопроводив» Шрекенштайна до того места, где саксонцы остановились и стали выстраиваться, русский кавалерист с трудом смог развернуть свою лошадь и поскакал обратно. Шрекенштайн успел его ударить, но неудачно^[1919].

Теперь дивизия Лоржа (на этот раз вместе с вестфальцами) некоторое время стояла, приходя в себя после схватки и получая время от времени «подарки» от русской артиллерии. Тильман убеждал дважды раненного майора Шёнфельда поехать в тыл. Тот, отказываясь, в конце концов сказал: «Полагаете, генерал, что теперь я без ущерба для чести могу удалиться?» На это Тильман возразил: «Я полагаю, что не только можете, но я приказываю вам это сделать»^[1920]. Пока тяжелая кавалерия Лоржа стояла на месте, уланы Рожнецкого вправо от них несколько раз ходили в атаку против русской кавалерии, но с переменным успехом. Артиллерия 4-го кавалерийского корпуса была возле правого крыла дивизии Рожнецкого, 2-го – где-то в тылу саксонской бригады^[1921].

Пожалуй, еще более оживленно «провел время» 2-й кавалерийский корпус. Если дивизия Ватье после штурма батареи была, большей частью, где-то во второй линии, то кавалеристы Дефранса из боя не выходили. Когда кавалерия Тильмана была отброшена русскими всадниками еще в первый раз, на поле боя появились карабинеры. Дефранс построил дивизию в полковую колонну на половинных дистанциях, но не смог возглавить атаку – его лошадь была убита, а сам он серьезно расшибся при падении. 1-й карабинерный, увидев, что русская кавалерия прямо перед ним делает фланговое движение, быстро этим воспользовался, опрокинул ее и отбросил. Вместе с отступавшими русскими всадниками карабинеры 1-го полка налетели на каре русской пехоты. Пехотинцы легли на землю, удачно пропустив кавалеристов, но, когда поднялись, были немедленно атакованы полковником Бланкаром во главе 1-го эскадрона 2-го карабинерного полка. Усилия карабинеров оказались тщетными: сколько ни пытались, они не смогли прорвать русское каре^[1922]. Вообще, такого рода кавалерийские атаки без поддержки пехоты приносили мало пользы.

Тем временем 1-й карабинерный полк был остановлен подошедшими частями русской кавалерии и должен был быстро отходить сквозь густые тучи пыли. Левый фланг полка, отходя, не смог уклониться от столкновения с какой-то русской пехотной частью и атаковал ее. Некоторые пехотинцы, бросившись на землю, пропустили кавалеристов через себя, в то время как другие, стоявшие на ногах, в упор расстреливали блестящую кавалерию. Капитан Макро (Macreau), «после того как проехал по животам этой пехоты», услышал позади себя крик; обернувшись, он узнал в кричавшем старшего вахмистра Болонини (Bolognigny), итальянца огромного роста, который, неся штандарт, был ранен и прижат к земле убитой лошадью. Макро спас орла, но не смог спасти унтер-офицера.

1-й карабинерный собрался на восточном склоне Курганной высоты, под огнем русских орудий и ружей. Здесь, уступая просьбам оставшегося без патронов 21-го линейного полка, который, как мы предполагаем, был севернее карабинеров и оборонял левый фланг Курганной высоты, 1-й полк отдал ему свои патроны. Старший адъютант 21-го, выполнив

это поручение, попросил о чести пойти в атаку вместе с карабинерами. Сидя на своей маленькой лошадке рядом с настоящими «кентаврами», он смотрелся комично, но сражался храбро. Довольный, он возвратился к своему полку.

В начале 4-го часа пополудни карабинеры 1-го полка некоторое время стояли за артиллерийской батареей справа, пытаясь немного отдохнуть, но командовавший полком начальник эскадрона Артю (Artus) приказал возвратиться на прежнюю позицию. Как раз в это время французская батарея, до того времени молчавшая, будучи усилена орудиями гвардии, открыла опустошительный огонь.

Итак, оба карабинерных полка вновь оказались у восточного склона Курганной высоты. Все время находясь под огнем, карабинеры продолжали с переменным успехом бороться с русской кавалерией. Тем временем пехота вице-короля, покинув «редут», стала продвигаться вперед, и карабинеры отошли за нее, пройдя по флангам и через интервалы ее строя. 1-й карабинерный занял позицию на правом фланге пехоты, рядом с батареей легкой артиллерии. Здесь дивизию Дефранса и застал конец сражения^[1923].

В те часы, когда карабинерные полки боролись к востоку от «редута», где-то рядом с Курганом сидел на земле 14-летний трубач 2-го полка Карл Шеель. Во время атаки ядро раздробило лошади Шееля бедро, и юный трубач плакал, когда должен был прострелить голову своему верному скакуну, чтобы прекратить его страдания. Утирая слезы, Шеель побрел в поисках полка и наткнулся на своего эскадронного командира фон Беркхайма, лежащего в собственной крови. Он был смертельно ранен. Карабинеров, которые несли его в амбуланс, он отправил обратно, сказав: «Оставьте меня, я чувствую, что должен умереть». 14-летний мальчик уложил Беркхайма на солому и подsunул ему под голову седло. Командир отдал Шеелю свои золотые часы и умер. Оставшись один, рядом с телом мертвого командира, мальчишка разрыдался^[1924].

3-й кавалерийский корпус Груши получил приказ идти на врага только тогда, когда уже начались русские контратаки. До этого времени части дивизии Шастеля двигались рядом и сразу за пехотой Брусье, а драгуны Лагуссе шли второй линией, в резерве. Медленно продвигаясь, легкая кавалерия Шастеля вышла на северный фланг уже поверженной батареи Раевского и, несмотря на пересеченную местность, атаковала русскую пехоту 7-й дивизии генерал-майора П. М. Капцевича. После начала ответных контратак со стороны русской кавалерии многим полкам Шастеля пришлось принять самое деятельное участие в разыгравшемся сражении (1-му и 2-му баварским шеволежерским, саксонскому шеволежерскому полку «принца Альбрехта», 6-му и 8-му конноегерским, а возможно, и некоторым другим). Судя по воспоминаниям Ляйснига, драгунские полки большей частью стояли в резерве («Нам было приказано оставаться на месте в качестве поддержки, а французы яростно бросились на русских»), обстреливаемые русскими пушками («Гранаты рвались у нас над головами, задевая верхушки палашей...»)^[1925].

В целом же Богарне высоко оценил действия кавалерии Груши: «Несмотря на препятствия местности, генерал Груши осуществил прекрасную атаку с кавалерией дивизии генерала Шастеля, которая в этот момент поддержала левый фланг пехоты»^[1926]. Благоклонно отозвался и Сегюр, написав, что Груши «очистил долину по левую сторону редута, но не смог преследовать русских, так как мешали овраги...». Сам же генерал Груши был легко ранен – в грудь попала картечная пуля, которая, правда, проникла неглубоко. Однако генерал приказал Гриуа разыскать вице-короля и сообщить ему, что рана заставляет его покинуть бой и что он передает командование Лагуссе как старшему среди его дивизионных генералов^[1927]. Гриуа пришлось долго разыскивать вице-короля, которого он, наконец, обнаружил «на крайнем левом фланге». Во время поисков Гриуа получил картечную пулю в поясницу, отделавшись, правда, только болезненной контузией. Что же касается Груши, то,

судя по воспоминаниям Кастелана, генерал после сражения более страдал от ревматизма, чем от бородинской раны.

Потери среди командного состава частей 3-го кавалерийского корпуса были весьма заметны, хотя и не очень велики. Кроме Груши были ранены дивизионный генерал Лагуссе и бригадные генералы Домманже и Тири; убиты полковники Ледар (6-го конноегерского) и Витгенштайн (1-го баварского шеволежерского); несколько полковников было ранено и контужено. Среди легкораненых был и сын генерала Груши Альфонс^[1928].

Бешеные, но постепенно ослабевающие атаки кавалерии Великой армии к востоку от Курганной высоты не привели к прорыву русских линий. Русские отходили, но не бежали. Опираясь на горкинские батареи, они сформировали «третью позицию». Части 6-го корпуса примкнули правым крылом к горкинским батареям. К левому флангу 6-го, «под исходящим углом, заваливая назад» (Геруа), стоял 4-й корпус; еще левее держали фронт остатки 2-й армии, упираясь левым флангом в кустарник, занятый Измайловским и Финляндским полками; южнее, «образуя входящий угол с фронтом частей, расположенных севернее», были части 2-го и 3-го корпусов. Во второй линии стояли остатки кавалерийских полков; Преображенский и Семеновский, остатки лейб-гвардии Егерского и Литовского – в резерве.

В 5-м часу дня французские линии в последний раз попытались продвинуться вперед, напирая на русские части восточнее д. Семеновское и Курганной высоты, но безрезультатно. О том, что к 5 часам французские атаки закончились, свидетельствуют и русские рапорты^[1929]. Скопления русских войск, их нежелание отступать далее и продолжающийся интенсивный огонь русских орудий даже создали у французов впечатление о готовящейся неприятельской контратаке. Это заставило их еще более усилить огонь своей артиллерии. Особенно активно «работали» гвардейские пушки.

Для обороны «большого редута» пришлось задействовать весь Легион Вислы. Его разместили рядом с разрушенным укреплением (несколько в тылу и сбоку) с целью поддержки дерущихся впереди частей. Вскоре легионеры увидели, как на их правом фланге стала спешно формироваться огромная артиллерийская батарея, которая немедленно открыла страшный огонь. Русские отвечали. Снаряды буквально снесли остатки укреплений батареи Раевского, перемалывая живых и мертвых. Поляки получили приказ лечь на землю; рядовые легли, а офицеры продолжали гордо стоять, чтобы, как выразился капитан Рахович, «ожидать смерти стоя». Один из лежавших гренадеров вскочил, пытаясь поддержать раненого товарища, но в тот же момент русский снаряд вдребезги разнес ему голову. Мундир стоявшего рядом Брандта был обрызган мозгом и кровью. Позже, всякий раз, когда Брандт будет чистить свой мундир, на том месте, которое было забрызгано мозгом, станет проступать сальное пятно, как своего рода «Memento mori»^[1930].

Слева и впереди Брандт мог видеть, как на развалинах «редута» время от времени появлялись французские военачальники, пытавшиеся наблюдать за русскими линиями. «Стоя на бруствере большого редута и не обращая внимания на летающие вокруг них пули», наблюдали в амбразуры движение неприятеля Богарне и Мюрат^[1931]. Чуть позже к вице-королю прискакал маршал Бертье. Они некоторое время совещались, после чего Богарне разослал приказы своим войскам прекратить огонь. Уменьшили свой огонь и русские^[1932].

Но борьба время от времени все же происходила. Где-то возле «редута», ближе к вечеру, получил пулю в плечо сержант Бертран. Его 7-й легкий из дивизии Жерара, подобно Легиону Вислы, теперь находился в резерве. Чуть позже другая пуля, пробив кивер Бертрانا, убила стоявшего рядом солдата, его товарища. Карабинеры 7-го, быстро оглянувшись вокруг, заметили трех русских стрелков, укрывшихся за стволом дерева в центре небольшого оврага и ведущих огонь по французам. Атакованные солдатами 7-го, все трое были убиты^[1933].

Примерно в 19.30 вся дивизия Жерара отошла в тыл, оставив оборону разрушенного «редута» и близлежащей местности солдатам Легиона Вислы^[1934]. В сумерках, обнаружив, что французская пехота очистила все пространство к востоку от Курганной высоты, к разрушенному укреплению через овраг стали медленно продвигаться группы русских солдат. Тогда части Легиона Вислы начали выдвигаться вперед, обходя «редут» справа. Шедшие впереди две роты вольтижеров оказались уже под обстрелом, в то время как основная масса легионеров только пришла в движение. «Ради бога, – закричал Брандту его полковник, – сомкните колонны!» Приказ был выполнен, и после получасовой перестрелки русские отступили^[1935].

В полной темноте мало-помалу огонь стал стихать и к ночи совершенно прекратился.

Исчисление потерь Великой армии, понесенных ею во время последнего штурма батареи Раевского и в ходе последовавших за этим боев, практически невозможно. Во-первых, данные о потерях 7 сентября по многим частям весьма фрагментарны, а иногда и просто неточны, а во-вторых, многие соединения понесли значительные потери еще в первой половине дня (как, скажем, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса), и выделить их из общего числа потерь за весь день сражения не представляется возможным. Придется ограничиться констатацией того очевидного факта, что потери были очень значительными. К 17 часам измотанные войска были уже не способны без поддержки резервов предпринять какое-либо значительное усилие, тем более без абсолютной надежды на успех.

Итак, картина битвы за Курганную высоту, основанная на достоверных фактах, оказывается не менее захватывающей, чем та, которая была основана на мифах и легендах. Воины как той, так и другой стороны показали себя в тот день в равной степени достойно. Что же касается славы взятия самой высоты, то вряд ли ее возможно отдать либо одним кирасирам Коленкура, либо исключительно саксонцам Тильмана, либо только солдатам Богарне.

И все же, несмотря на героизм и самопожертвование атакующих, взятие «большого редута» не решило главной задачи, стоявшей перед Наполеоном, – расстроить и разбить русские войска. Перед началом сражения, отказавшись от идеи глубокого обхода, император избрал фронтальный характер боя, ставя главной целью не отбросить, а разгромить русскую армию. Ценою больших жертв, окончательно расстроив резервную кавалерию и использовав часть гвардии, он захватил Курганную высоту в центре, но так и не смог разбить русские линии и выйти на Большую Московскую дорогу. Русская армия отодвинулась, сохранив за собой главную коммуникационную артерию.

В ходе Бородинского сражения роль захвата «большого редута» в планах Наполеона менялась. Если первоначально захват укрепления рассматривался только как элемент (причем не самый первостепенный) главного удара, то позже «редут» превратился в основной объект атаки. К этому времени Наполеон мог располагать для атаки высоты только 20 тыс. пехоты; поэтому и пришлось задействовать массы резервной конницы, чем, кстати, и вызвано то необычное использование тяжелой кавалерии, при котором она была брошена штурмовать «редуты». Наполеон так и не смог сосредоточить у Курганной высоты силы и средства, которые бы превосходили силы и средства противника. В ходе первой атаки батареи у французов было не более 18 тыс. пехоты и примерно 132 орудия (кавалерия вовсе не была задействована), в то время как у русских было 15–18 тыс. пехоты, 1,5 тыс. кавалерии и 197 орудий. Решительный штурм «большого редута» Наполеон провел, бросив в бой около 20 тыс. пехоты, 10 тыс. кавалерии и 200 орудий. Русские располагали 27 тыс. пехоты, 6 тыс. кавалерии и более чем 200 орудий! Успех был достигнут заметным перевесом в кавалерии и более удачным использованием артиллерийских орудий, которые вели концентрический и анфилирующий огонь по русским порядкам.

Большую роль сыграло и отчаянное самопожертвование солдат, офицеров и генералов Великой армии. Разветвленная и эффективная система мотивации действий солдата, созданная Первой империей, в часы решающей борьбы за батарею Раевского показала себя блестяще. Однако развить достигнутый успех армия уже не могла. Организм Великой армии был на пределе своих возможностей. На пределе возможностей было и физическое состояние наполеоновского солдата. Кавалерийские атаки к востоку от высоты, без решительной поддержки пехоты, оказались малоэффективными.

3.6. Наполеон и его гвардия 7 сентября 1812 года

Чуть ли не сразу после того, как замолкли пушки на Бородинском поле, поведение Наполеона в решающий день русской кампании стало предметом критики среди чинов Великой армии. «Мы были недовольны, суждения наши были суровы», – вспоминал вечер 7 сентября 1812 г. полковник Лежен^[1936]. Высшие чины армии ворчали по поводу того, что успешный ход действий на южном крыле был неожиданно приостановлен и все силы были брошены против центра; говорили, что в действиях войск не было единства и «что это победа солдат, а не военачальника». Войска недоумевали, зачем нужно было так спешить догонять неприятеля, если, догнав, не довершили его поражения. «В этот важный день, – говорил, согласно Сегюру, Мюрат, – я не узнавал гения Наполеона». «Я не могу понять его нерешительности», – восклицал Богарне^[1937]. Главной ошибкой армия считала отказ Наполеона от введения в бой императорской гвардии, что придало результатам сражения нерешительный характер^[1938].

Критика действий Наполеона при Бородине очень быстро оказала воздействие и на настроения в общественных кругах Франции и стран Империи. Влиятельный Паскье отметил позже в своих мемуарах, будто «весь мир» говорил о том, что император плохо изучил местность перед сражением, во время боя страдал от насморка, сопровождавшегося лихорадкой, и что победа могла бы быть полной и решительной, если бы он в конце дня двинул в дело гвардию^[1939].

Но в полный голос оживленные дискуссии на страницах печатных изданий о действиях Наполеона на Бородинском поле начались только в 20-е гг. XIX в. Мы уже писали о том, что работы Шамбрэ и Сегюра были фактически первыми, в которых авторы попытались понять причины «ленивой мягкости» и безынициативности Наполеона. И Шамбрэ, и Сегюр, несмотря на разницу в характере их произведений, указывали на болезнь императора в день Бородинского сражения как на существенную причину отсутствия должной скоординированности в атаках на русские позиции и отказа от использования гвардейских резервов для закрепления достигнутой победы^[1940]. Но работа Сегюра вызвала к жизни рождение и другой традиции, начало которой положил Гурго, оправдывавший решения и действия Наполеона^[1941].

В последующие годы и десятилетия обе точки зрения находили своих приверженцев. По существу разделяли мнение Гурго такие участники похода, как Фэн, Пеле, Коленкур, Пельпор и др. С другой стороны, Дюма, Деннье, Гувион Сен-Сир, Лежен и др. стали продолжателями Шамбрэ и Сегюра^[1942].

С середины XIX в., примерно на 100 лет, спор во французской историографии о персональной ответственности Наполеона за половинчатые результаты сражения в целом угас. Многие историки, полагая, что весь спор, по сути, сводится к проблеме «насморка» Наполеона, предпочли этому изучение «объективных факторов». Только во второй половине XX в. французские историки (Мадлен, Блонд, Транье и Карминьяни, Ле Сеньёр и Лакомб), английские и американские (Палмер, Даффи, Кэйт, Остин, Смит и др.) вновь стали писать о степени влияния болезни Наполеона на ход Бородинского сражения. Однако, большей частью, эти работы не добавляли ничего нового, просто пересказывая авторов XIX в.

В русской историографии этим спорам о «роковых» ошибках Наполеона в день Бородина традиционно уделяется мало внимания. Между тем это явно несправедливо. Некоторые из участников событий с русской стороны прямо подтверждали ту ключевую роль для исхода боя, которую сыграл отказ Наполеона от использования гвардейских резервов. П. Х. Граббе, поручик конной артиллерии, адъютант Ермолова, прямо писал о том, что в решающий момент, когда Курганная высота была взята и фронт русских был совершенно расстроен, французский «сильный резерв, ружье у ноги, целый и в деле не участвовавший, гвардия Наполеона стояла в глазах наших, как грозовая туча, готовая разразиться и сокрушить всякий отпор». Но Наполеон «не решился ввести в убийственный пролом последнюю свою надежду, для завершения (по моему мнению) несомнительной, ему столь знакомой, но на этот раз не узнанной им, манившей его тогда победы». «Я тогда же думал и сказал, что с ним что-нибудь случилось или он должен быть болен»^[1943].

К. Ф. Толь, правда, отнюдь не для публики, на рукописи Сен-При, препровождая ее Михайловскому-Данилевскому, счел нужным отметить, что к концу дня в русской армии из числа не принявших участие в бою оставалось только два полка гвардии и шесть батальонов егерей, в то время как у французов вся гвардия «силою около 30 тыс. человек» осталась нетронутой^[1944]. Мысль очевидна: введению в бой наполеоновской гвардии Кутузову нечего было бы противопоставить, и сражение закончилось бы полным поражением русской армии.

И тем не менее, русская историография предпочла вопросу, составляющему, по-видимому, сердцевину проблемы исхода Бородинского сражения, большого внимания не уделять. Из «официальных» историков, пожалуй, только Бутурлин отважился заявить, что бросок гвардии довершил бы разгром русских^[1945]. Среди же «полузабытых» русских авторов, чьи работы не были санкционированы властью для массового тиражирования, смелостью постановки вопроса о роли поведения Наполеона в Бородинском сражении явно выделялась статья А. Н. Витмера, опубликованная в 1912 г. Витмер заявил, что ряд решений Наполеона 7 сентября просто невозможно объяснить рационально. Во-первых, нельзя рационально объяснить причину того, почему Наполеон, почти разгромив русский левый фланг, неожиданно перенес направление решающей атаки на Курганную батарею, которая могла пасть сама собой. Во-вторых, нельзя объяснить причину столь же неожиданного отказа использовать все войска для решительного удара в конце сражения. Витмер предложил два объяснения этим обстоятельствам: Наполеон должен был действовать «не только как генерал, но и как император, боясь потерять уже приобретенное», а также то, что «состояние здоровья императора не только могло повлиять, но несомненно и повлияло на ход и исход Бородинского боя...»^[1946] После статьи Витмера вопрос об оценке действий Наполеона 7 сентября 1812 г. в отечественной историографии реально не поднимался вплоть до 1999 г., когда вышла работа О. В. Соколова «Армия Наполеона»^[1947]. Позже к этой теме обращались не раз и мы^[1948].

Выше мы уже останавливались на военно-технических, стратегических и даже политических обстоятельствах, в рамках которых Наполеон вынужден был принимать решения накануне Бородинского сражения, а также на обстоятельствах, связанных с его душевным и физическим состоянием. Нам осталось, таким образом, только проследить поведение Наполеона и понять характер его решений в день главной фазы Бородинской битвы 7 сентября.

Все утро 7 сентября Наполеон неизменно находился в одном пункте, недалеко от Шевардинского редута. Рядом с ним постоянно был Бертье. Другие чины – А. Коленкур, Дюрок, Дюма, командиры корпусов – появлялись рядом с императором только на время, либо отъезжая с поручениями, либо отходя к блестящей группе генералов и офицеров, находившейся в двух десятках метров позади Наполеона. Рядом, выстроившись в своеобразную очередь и держа коней наготове, стояли ординарцы и офицеры для поручений.

Передав какой-либо приказ, они возвращались и становились в конец очереди. Одним из тех, кто в тот день «стоял в очереди» возле ставки Наполеона, был ординарец генерала Дюронеля сублейтенант 2-го карабинерного полка А.-О.-А. Майи-Нель, описавший это в своем дневнике: «...Император разместился в 50 шагах впереди редута перед лицом врага... Прошла едва четверть часа, как мы находились на этой позиции в ожидании приказов генерала Дюронеля, когда генерал Бельяр взял меня за руку и поставил в ряд с Дориа, из 1-го полка, и с офицерами других родов войск...» Когда дошла очередь до Майи-Неля и он представился, его отправили к генералу Монбрёну с приказом императора «взять деревню слева бригадой легкой кавалерии»^[1949].

В стороне от блестящей свиты стояли, тщетно ожидая команды, четыре дежурных эскадрона гвардейской кавалерии, готовые сопровождать императора, если бы тот решил куда-либо направиться. Далее – являясь как бы фоном и располагаясь амфитеатром – были выстроены солдаты императорской гвардии. По центру – 3-я пехотная дивизия Кюриала из двух егерских и трех гренадерских полков, среди которых выделялся своей белой формой 3-й (голландский) полк гренадеров (майор 85-го линейного Ле Руа даже подумал, что это «вестфальская гвардия»). С правого фланга от солдат Кюриала, выдвинувшись немного вперед, стояла 2-я пехотная дивизия Роге, состоявшая из четырех полков. Слева от Кюриала – часть гвардейской артиллерии и блестящие эскадроны гвардейской кавалерии. Перед кавалерией стояли поляки дивизии Клапареда (бывшего Легиона Вислы). Полковые оркестры разыгрывали военные марши, поднимая боевой дух. Вся гвардия была в парадной форме, одетая скорее «на парад, чем на битву», а генералы, казалось, были не на поле боя, а в Тюильри. Сам Наполеон резко выделялся на фоне этого яркого театрализованного блеска. Как обычно во время похода, он был в зеленом мундире гвардейских конных егерей, сверху которого был серый редингот, а на голове – черная двуугольная шляпа низкой формы.

Место, выбранное Наполеоном для командного пункта, было, пожалуй, наилучшим. Правда, в литературе сложилось, вероятно с легкой руки Тьера, обратное мнение. Оно сводится к тому, что, находясь все время вдалеке от поля боя, Наполеон не смог вовремя уловить решающий момент и выпустил победу из рук^[1950]. Да и по Сегюру, битва перестала быть видна Наполеону с того момента, когда она передвинулась за Багратионовы «флешы»^[1951].

Конечно, даже с той точки, где находился император, было весьма трудно следить за перипетиями боя. Пион де Лош, капитан гвардейской артиллерии, находившийся невдалеке от императора со своими орудиями, свидетельствовал, что «мы едва разбирали сквозь дым позицию неприятеля». «Перед нами расстилалось зрелище ужасного сражения, – пишет хирург Де ла Флиз, протолкнувшийся к группе офицеров, стоявших за императором, – но ничего не было видно за дымом тысячи орудий, гремевших непрерывно»^[1952]. Но это был взгляд младших офицеров, не имевших представления о деятельности военачальника. Иного мнения были Дюма, Фэн и Пеле. «Пункт, который выбрал Наполеон, был наилучшим для обзора, – свидетельствует Дюма, – он покрывал все поле битвы, и если какой-либо маневр, какой-либо частный успех врага заставил бы изменить диспозицию, бдительность Наполеона не могла бы не проявить себя...» «Ни с какого другого пункта, – вторит ему Пеле, – Наполеон не мог бы видеть совокупность и подробности сражения. Находясь в 500 саженях от неприятельской линии, откуда часто проносились ядра, он управлял всеми движениями этой великой драмы. Он не мог, впрочем, следить за всеми движениями колонн или исправлять их, но даже и поправлять некоторые ошибки. Головы колонн исчезали в овраге, поднимались потом не на тех пунктах, на которые им следовало направиться. Приказания часто или превышались, или ослаблялись. Если бы даже Наполеон и мог несколько ближе следить за движениями атаки, и тогда он сделал бы не более»^[1953]. Действительно, император находился примерно в полутора километрах от русской линии. Некоторое время ядра долетали на излете до его наблюдательного пункта. Одни перелетали через головы его

свиты, другие падали ближе и подкатывались к ногам Наполеона. «...Он их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешает во время прогулки»^[1954].

Большую часть времени Наполеон прогуливался по небольшому пространству, иногда садился на стул; время от времени что-то напевал. Прохаживаясь и напевая что-то вполголоса, он «машинально опускал на мгновение руку в карманчик своего жилета, чтобы вытащить пилюли, которые ему были прописаны от простуды. Его фигура выражала одновременно озабоченность и бесстрастность» (Солтык). Возможно, как следует из строк Сегюра и Дедема, император иногда покидал место возле оврага и прогуливался рядом с Шевардинским редутом. Приблизившись к бригаде Дедема и услышав, как солдаты просят его скорее бросить их в бой, ответил: «Полки, подобные этим, не посылаются в огонь иначе, как для того, чтобы решить победу»^[1955]. В 10 часов утра он выпил стакан пунша, продолжая бороться с насморком. В полдень Боссе спросил Наполеона, не хочет ли он завтракать. Наполеон сделал отрицательный жест. Префект «неосторожно сказал ему, что не существует причины, которая могла бы помешать завтракать, раз это можно; тогда он довольно резко» попросил Боссе удалиться^[1956].

Наполеон постоянно держал в руке небольшую складную подзорную трубу, которую временами наводил на поле боя, стремясь сквозь дым что-либо разглядеть. Но главным средством следить за ходом событий были, конечно, многочисленные рапорты. «Каждый миг, – вспоминал Дюмонсо, капитан 2-го полка гвардейских шеволежеров, много часов простоявший к северу от командного пункта и наблюдавший за императором, – офицер-ординарец или офицер штаба приезжал передать рапорт, о событиях боя. Они шли прямо к императору и отдавали свой рапорт не слезая с лошади, но сняв шляпу... Император слушал, не поднимаясь со своего стула, сохраняя невозмутимое спокойствие, отвечая кратко и немедленно отправляя обратно». Наблюдал за императором, «не сводя с него глаз», и Пион де Лош, чья батарея вначале тоже была к северу от командного пункта, а затем прикрывала его с фронта: «Более ста офицеров Главного штаба подбегали один за другим к императору; он выслушивал их рапорты и отсылал движением руки», как показалось Пион де Лошу, «ни разу не промолвив слова»^[1957].

Где-то около 7 утра Наполеону сообщили о ранении маршала Даву. Чуть позже пришло известие, что убита его лошадь, но сам маршал только легко ранен. Наполеон сказал с чувством: «Слава Богу!» Император немедленно приказал Мюрату принять командование от Даву, если принц выбыл из строя. Рапп должен был заменить также выбывшего из строя генерала Компана. Понимая, что движение войск Даву столкнулось с большими трудностями, Наполеон немедленно отдает приказ войскам Нея двигаться вперед. Майор Ле Руа, который был в те минуты в ставке, видел императора сидящим на краю оврага; левый локоть его опирался на землю, сам он смотрел направо, туда, где шел бой. Ле Руа расслышал, как Наполеон сказал адъютанту: «Быстрее езжайте и скажите Нею, чтобы он двигался вперед»^[1958]. Через какое-то время к Наполеону прибыл и сам Даву. Император разговаривал с ним, прохаживаясь взад и вперед по маленькому пространству. Маршал, «страдающий контузией, с трудом следовал за Наполеоном» (Боссе).

Предоставив Нею и Мюрату почти полную инициативу на том участке фронта, который был прямо перед ним, Наполеон продолжал неослабно следить за ходом событий. Несмотря на ожесточенность боя, Нею по крайней мере один раз счел необходимым лично примчаться в ставку и доложить обстановку императору. Лейтенант Зуков, прикомандированный к штабу Нея и с трудом поспевавший за ним на своей маленькой лошадке, увидел, как маршал прискакал на командный пункт Наполеона. Зуков смог расслышать только первые слова императора: «Итак! Маршал?» Зато хорошо видел, как император, будучи пешим, сердито хлещет воздух своим хлыстом^[1959].

Менее эффективно Наполеон мог управлять войсками Богарне и Понятовского. Фактически он должен был полностью положиться на их опыт и инициативу, добиваясь только относительной координации их действий с действиями центральной группировки. Этого как раз и не получалось. К началу 10-го, когда для русских создалась угрожающая ситуация (французы оттеснили их от Багратионовых «флешей» и захватили Курганную высоту), стройность первоначального замысла Наполеона была уже разрушена. Две дивизии Даву, хотя и захватили южную «флешь», не смогли там утвердиться; Понятовский, встретив сильное сопротивление русских на Старой дороге, не проявил горячей решимости сломить его и помочь войскам 1-го корпуса; Ней, бросив часть войск вправо для поддержки Даву, ослабил удар по северной «флеш» и создал заметный разрыв между своими войсками и войсками Богарне; наконец, Богарне, вынужденный атаковать батарею Раевского как можно скорее, не ожидая явного успеха Даву и Нея, обрек свои части на быстрый отход с Курганной высоты.

Без сомнения, к началу 10-го Ней и Даву уже не раз просили у Наполеона поддержки, рассчитывая на дивизии Фриана и Клапареда. Но император, верный своему принципу сохранять резервы и понимая, что значительная часть русских войск еще не введена в дело, медлил с решением. Осторожный и методичный Бертье, неизменно находившийся рядом с императором, поддерживал у Наполеона сомнения в необходимости столь решительного и неожиданного шага, как использование резервов уже в начальной стадии сражения. Все же в 9 – самом начале 10-го Наполеон отдает приказ о движении вперед дивизии Клапареда. Однако, достигнув Каменского оврага, она неожиданно была остановлена. Вместо нее на помощь войскам Даву и Нея пошла дивизия Фриана^[1960]. Хотя последняя по численности значительно превосходила дивизию Клапареда (7300 против 2500 человек), на что справедливо указывает А. И. Попов, но сама задержка с переброской пехотных подкреплений Даву и Нею заметно приостановила их в целом успешные действия. Когда к 10 часам Фриан подтянул дивизию в район «флешей», русские уже не только смогли привести свои войска в относительный порядок за Семеновским оврагом, но и выбить солдат Богарне с Курганной высоты.

Майор гвардейской артиллерии Булар отмечал, что в прежние сражения офицеры обычно с восхищением наблюдали «за тем, как император демонстрировал зрелищный эффект с помощью одного из своих характерных ударов. И теперь мы тоже ожидали увидеть его лицо, озаренное ликованием, как это бывало в дни его расцвета, когда он демонстрировал какое-нибудь новое чудо. Но сейчас мы ждали напрасно»^[1961]. «Все окружающие с изумлением смотрели на него, – пишет Сегюр, – это была ленивая мягкость, лишенная всякой энергии».

К 11 часам, благодаря введению в бой дивизии Фриана и корпусов резервной кавалерии, д. Семеновское была взята. «Эту радостную весть, – писал полковник Лежен, – я повез императору. Когда я подъехал к нему, он с живым интересом следил за этим зрелищем...» Французы, оседлав правый берег в верховьях Семеновского оврага, теперь готовились отразить русскую контратаку. Ней, Даву и Мюрат вновь просят подкреплений. Наполеон мог им дать только гвардию.

Вопрос о той роли, которую сыграл отказ Наполеона использовать императорскую гвардию, является, пожалуй, наиболее важным и дискуссионным среди остальных проблем, которые пытались разрешить современники событий и последующие историки Бородинского сражения (если не брать в расчет те «труды», которые изначально были призваны не найти подлинную истину, а продекларировать истины, установленные властью). Разброс мнений по этому вопросу просто поражает.

Среди тех, кто открыто критиковал решение Наполеона не бросать гвардию в огонь, мы находим двух французских капитанов – участников сражения (Дюпюи из 7-го гусарского

полка 1-го кавалерийского корпуса и адъютанта генерала Дессэ Жиро де л'Эна), маршала Гувион Сен-Сира, который не участвовал в битве, интенданта Пюибюска, также судившего о бое с чужих слов, двух участников битвы с русской стороны (Бутурлина и Граббе), которых, правда, трудно оценивать только как «критиков». Что же касается авторитетных суждений Шамбрэ, Сегюра, Лежена и Деннье, то их критика решения императора звучала не открыто, а как бы подспудно, без должной аргументации, порожденная эмоциональной неудовлетворенностью исходом сражения. К группе критиков решения императора позже присоединятся такие историки, как француз Тьер, немец Энгельс, поляк Кукель и американец Рьен^[1962].

Главную идею, так или иначе присутствующую в суждениях всех перечисленных авторов, наиболее четко выразил Гувион Сен-Сир: «По исходу Можайского сражения, для меня очевидно, что если бы гвардия была введена вся в то время, когда только одна ее артиллерия была выставлена против колонн русской гвардии, т. е. в ту минуту, когда неприятель производил последние усилия, то введенная с стремительностью и пониманием дела, каких следовало ожидать от ее начальников, под глазами и по голосу своего императора, она совершила бы чудеса; что тогда русская армия была бы не только побеждена, но опрокинута, приведена в расстройство, частью истреблена, а остатки ее рассеяны к пределам империи. При таком предположении Наполеон все еще мог исполнить то, чего желал: занять зимние квартиры в Москве, весною продолжить свои успехи или предложить Александру такой мир, который можно бы принять». Тьер добавляет к этому, что атака гвардии могла бы быть энергично поддержана дивизиями Дельзона, Брусье, Морана и Жерара, а справа – дивизией Дессэ, которые хотя и были уже ослабленными, но все еще способными на большие усилия.

Причины, вызвавшие решение императора, авторы видели чаще всего, во-первых, в размышлениях Наполеона о результатах всей кампании и судьбе Империи; во-вторых, в неожиданном упорстве русских войск и потерях среди французского генералитета; в-третьих, в болезнях императора, которые предопределили его безынициативность и нерешительность.

Первым защитником решения не посылать гвардию в огонь был, конечно, сам Наполеон. Составляя в Можайске 18-й бюллетень, он избрал своеобразный способ защиты, представив Бородино как решительную победу французов: «Император не подвергался опасности; гвардия, ни пешая, ни конная, не участвовала и не потеряла ни одного человека. Победа бесспорная»^[1963]. Позже, оценивая причины поражения всей кампании и затрагивая события Бородина, Наполеон упорно обходил вопрос о гвардейском резерве.

В 1825 г., в ответ на суждения Сегюра, косвенно осудившего императора за отказ от введения в бой гвардии, Гурго попытался выдвинуть ряд аргументов, оправдывавших решение Наполеона. Они сводились к следующему: во-первых, атака гвардией могла бы и не дать решительной победы; во-вторых, Наполеон и так использовал Молодую гвардию для сохранения поля сражения; в-третьих, император сохранил свой главный резерв, что позволило в дальнейшем остаткам Великой армии совершить отступление из России^[1964].

Суждения Гурго нашли существенные подкрепления в 1830 г. в работе Пеле. Мнение последнего автора было настолько авторитетным, что мы приведем его полностью: «По показаниям некоторых историков, корпусные командиры требовали, чтобы гвардия была послана на подкрепление линии, и лица высокопоставленные тоже выражали такое мнение. Люди, побывавшие на поле сражения, знают, что там реже, чем где-либо, подаются советы. Вообще люди, видящие ясно среди беспорядка боя, редки. До часу пополудни Наполеон и окружающие его не могли знать, когда истощатся подкрепления, постепенно прибывавшие позади русских линий. Они не знали, какого рода войско были эти милиционеры, которых замечали по опушке леса и которые не приняли участия в сражении. Следовало ли вечером двинуть, под страшным огнем, императорскую гвардию, единственный резерв, не введенный

в дело? Она могла быть истреблена прежде, чем дошла бы до неприятеля с своим грозным штыком. Она назначалась не для такого боя. При том же, с своей позиции, в 500 саженьях от Семеновских редантов, она охраняла тыл сражавшихся войск против ура, подобного Уваровскому, или того, какое случилось на другой день после полудня. Этот отборный корпус был необходим для сохранения армии. Нравственное влияние его простиралось на наших солдат, на союзников, на неприятелей и до пределов Империи. Опыт, теория, политика, предписывали посылать последний резерв только в последней крайности»^[1965]. С тех пор аргументы, предложенные Гурго и Пеле, повторялись многократно в XIX в.^[1966]

В XX в. вопрос об императорской гвардии в Бородинском сражении выглядел уже столь запутанным и противоречивым, что историки в большинстве своем предпочитали вообще воздерживаться от оценок решения Наполеона, просто констатируя обстоятельства, его предопределившие^[1967]. Однако сегодня, когда резко возрос интерес к человеку в истории, к его воле и поступку, бросающим вызов «исторической предопределенности», пришло время вновь обратиться к вопросу о роли гвардии в Бородинском сражении и к полному драматизму решению Наполеона.

Ко времени переключки 2 сентября в строю (то есть исключая нестроевых) в императорской гвардии было: во 2-й пехотной дивизии (Молодая гвардия) под командованием дивизионного генерала Роге – 3649 человек пехоты и 213 артиллеристов при 8 орудиях; в 3-й пехотной дивизии (Старая гвардия) под командованием дивизионного генерала Кюриала – 5305 человек пехоты и 815 в артиллерии при 32 орудиях; в пехотной дивизии Легиона Вислы под командованием дивизионного генерала Клапареда – 2608 человек пехоты, 254 в артиллерии при 12 орудиях; в гвардейской кавалерийской дивизии под командованием дивизионного генерала Вальтера – 4000 кавалеристов, 361 человек артиллеристов при 12 орудиях; в гвардейской резервной артиллерии под командованием дивизионного генерала Сорбье – 1184 человека при 37 орудиях. Инженеров Старой гвардии и моряков, приданных резервной артиллерии, насчитывалось 223 человека. Кроме того, в материалах переключки в составе резервной артиллерии Молодой гвардии значилось еще 250 человек при 8 орудиях. Таким образом, без войск при Главной квартире, в императорской гвардии было 11 562 человека пехоты, 4000 кавалеристов и 3300 человек в артиллерии при 109 орудиях^[1968].

Итак, к 11 часам дня 7 сентября, пытаясь синхронизировать окончательный захват Курганной высоты и захождение правым крылом возле Семеновского, Наполеон все-таки решился подкрепить Даву, Нея и Мюрата гвардейской дивизией Роге. Легион Вислы к этому времени уже находился возле слияния Семеновского ручья и Каменки. Но едва солдаты Роге сделали несколько шагов, как император криком приказал остановиться. Генерал-адъютант Мутон, выравнивая ряды, попытался все же продвинуть дивизию немного вперед, но Наполеон, заметив это, повторил приказание^[1969].

Такую же нерешительность, казалось бы, Наполеон обнаружил в отношении использования гвардейской кавалерии и артиллерии. Около 12 часов дня Наполеон приказал бригаде гвардейской кавалерии генерала Кольбера двинуться вперед и сблизиться с войсками Нея, «чтобы быть готовыми развить успех»^[1970]. Генерал Сорбье, начальник гвардейской артиллерии, который следил за событиями сражения вблизи и увидел продвижение русского 4-го пехотного корпуса, известил императора, что русские готовятся к контратаке и что нельзя терять ни минуты. Вместо ответа Наполеон приказал Сорбье прибыть самому в ставку и дать отчет об увиденном. Этот приказ прибыл как раз в то время, когда одна из колонн русских войск пошла вперед. Сорбье должен был ответить, что не может сейчас оставить свои батареи. По свидетельству Шамбрэ, Сорбье, без консультаций с императором, вновь ввел в дело подчиненную ему батарею. Впоследствии в работах Сегюра и других авторов эти перемещения гвардии предстанут как явные свидетельства драматических метаний императора, который то принимал решение бросить гвардию в огонь, то совершенно

отказывался от этого шага. В действительности, вплоть до 3 или 4 часов дня император всерьез и не мог задаваться вопросом о прямом и широкомасштабном участии гвардии в сражении. Перемещая Легион Вислы, дивизию Роге и бригаду Кольбера, он только сближал их с армейскими частями, ведущими бой, и планировал использовать части гвардии только как резерв, который, впрочем, при острой необходимости можно было сразу ввести в дело.

Окончательный штурм Курганной высоты и развитие успеха у д. Семеновское пришлось отложить – в полдень северный фланг был атакован русской кавалерией. Источники дают противоречивые свидетельства того, как повлияли на Наполеона эти события. С одной стороны, Пеле и Фэн утверждали, что Наполеон был вынужден сесть на лошадь и лично выяснить обстановку, переехав даже р. Колочь, и приблизиться к Московской дороге. С другой – подавляющее число иных свидетельств, в том числе достаточно авторитетных, об этом умалчивает. Судя по всему, император из района Шевардинского редута примерно до 4 часов никуда не отлучался^[1971].

Только к 2 часам дня окончательно сложилась обстановка, благоприятная для того, чтобы произвести решающее усилие. К этому времени был парирован русский удар на северном крыле. На крайнем южном фланге Понятовскому удалось добиться успеха, и войска Даву и Нея теперь могли смело совершить захождение фронтом влево. В начале 3-го часа был дан приказ об общей атаке. Роль гвардии в этом решающем усилии должна была быть скромной. Бригада гвардейской кавалерии и Легион Вислы предназначались для того, чтобы в случае крайней необходимости подкрепить войска, атаковавшие русский центр. Основная часть гвардейской артиллерии, за исключением 12 полковых пушек Легиона Вислы и 24 орудий «батареи Сорбье», была вне боя. Примерно в 3 часа дня батарея Раевского была взята. Начался жестокий бой к востоку от Курганной высоты, в ходе которого русские ввели в сражение конную гвардию. Но и французские войска, как в центре, так и на южном фланге, были истощены.

Между тем Наполеон, сообразуясь в течение всего дня с данными, непрерывно к нему поступавшими, понимал, что русские ввели в дело почти все войска и остались практически без резервов. Наступил решающий момент боя. Призывы оказать помощь и использовать резервы, обращенные к Наполеону, теперь стали раздаваться все чаще. Совершенно определенно к этому призывали Ней и Мюрат; последний посылал с этой целью к императору не только своих адъютантов, но и, видимо неоднократно, своего начальника штаба Бельяра. К необходимости двинуть гвардию вперед склонялись маршал Бессьер, Дюма, Дарю... «Я еще не вижу достаточно ясно, что происходит на моей шахматной доске», – таков был один из ответов Наполеона на эти призывы^[1972]. «А если завтра будет битва, кто пойдет сражаться?» – возразил император по другой версии^[1973].

Однако Наполеон все же решается ввести в дело всю или почти всю гвардейскую артиллерию. «Отыщите Сорбье, – заявил Лежену император, – пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позицию, занятую генералом Фрианом... он развернет 60 орудий под прямым углом над неприятельской линией, чтобы раздавить ее с фланга...» «Я мчусь галопом к горячему генералу Сорбье, – повествует Лежен далее. – Он не верит мне, едва дает мне время объясниться и нетерпеливо отвечает: “Мы должны были это сделать более часу тому назад”, – и велит следовать за ним рысью. Немедленно вся эта внушительная масса орудий с лязгом цепей и звоном подков 2000 лошадей спускается, пересекает долину, поднимается по отлогому склону... и пускается галопом, чтобы занять пространство, где бы они могли развернуться»^[1974].

Даже приняв «2000 лошадей» за явную метафору, использованную автором, не только известным мемуаристом, но и художником, можем все-таки предположить, что император отдал приказ о введении в бой всей гвардейской артиллерии. Но Шамбрэ, в 1812 г. капитан гвардейской конной артиллерии, утверждает, что было использовано в общей сложности

только 36 орудий гвардии (мы полагаем, что в эту цифру он включил 24 орудия «батареи Сорбье» и 12 полковых пушек Легиона Вислы). По всей видимости, Шамбрэ все же ошибался. Целый ряд иных свидетельств убеждает, что Наполеон использовал до шести десятков орудий гвардейской артиллерии, а с учетом полковых пушек Легиона Вислы – до семи или немного больше. Основную массу гвардейской артиллерии вывел на позиции в 4 часа дня генерал-адъютант Лористон^[1975].

Таким образом, к 4 часам дня, когда к востоку от Курганной высоты заканчивали «перемалываться» последние русские резервы, Наполеон уже задействовал значительную часть гвардии: Легион Вислы (3 тыс. при 12 орудиях) был фактически в деле возле «большого редута», дивизия Роге (3800 человек) подпирала войска Нея и Даву и была готова в любой момент ринуться в огонь, кавалерийская бригада Кольбера (8 эскадронов) поддерживала атаки 2-го и 4-го корпусов резервной кавалерии, наконец, непосредственно вела огонь большая часть гвардейской артиллерии.

Более того, в 4 часа, когда в бой пошла артиллерия, ведомая Лористонем, Наполеон отдал приказ двинуться вперед всей гвардейской кавалерии, 3-й гвардейской пехотной дивизии и оставшейся артиллерии. Этот приказ, чуть позже отмененный, историками обычно не упоминается. Между тем о нем писали два офицера артиллерии – Пион де Лош и Булар, а также инспектор смотров Деннье. «Около 4 часов... – свидетельствует Пион де Лош, – маршал Лефевр крикнул: “Вперед всю гвардию”. Артиллеристы не знали, относится ли это к ним или нет. Император закричал нам, проезжая по равнине: “Вперед, пусть трусы погибнут!”» Майор Булар также писал, что гвардия была двинута вперед, но затем остановлена и возвращена на старое место. Наконец, поразительно точно совпадают с этими свидетельствами и строки Деннье о том, что одновременно с отъездом императора «священные эскадроны медленно выдвигались вперед, казалось, им были доверены судьбы мира; уважение, страх, надежды вошли в наши сердца. Внезапно эти войска остановились: император отдал другой приказ!». Сам Деннье объяснял это так: «Маршал, имени которого я не назову, приблизился к императору и сказал ему: “Сир, Ваше Величество в восьми сотнях лье от своей столицы!” Эти слова, произнесенные басом, были между тем услышаны графом Дарю, государственным министром, который оказал мне честь повторить их»^[1976]. Могла ли эта фраза произвести столь драматический эффект на Наполеона, последующее решение которого имело поистине исторические последствия?

Примерно в половине 4-го Наполеон посчитал возможным позавтракать. Если в полдень он резко отчитал Боссе за такое предложение, то теперь, хотя кавалерийский бой за «большим редут» был еще в самом разгаре, расположение духа у него было иным: центр русских позиций был почти прорван. Многолетний опыт и интуиция подсказывали императору, что еще полчаса усилий, и наступит решающий момент боя. Тогда можно будет нанести последний, роковой удар резервами. Наполеон съел немного хлеба и выпил стакан неразбавленного красного вина (вероятно, шамбертена). Когда завтрак был закончен, к Наполеону подвели чудом оставшегося в живых на «большом редуте» больного генерала П. Г. Лихачева. Наполеон, довольный взятием «редута» и «подарком», который ему преподнес Богарне, благосклонно поговорил с пленным генералом несколько минут и, желая закончить столь великий день театральным жестом, приказал вернуть Лихачеву шпагу. Однако старый генерал ответил отказом, мотая головой и повторяя «нет, нет». Наполеон был удивлен «нетактичностью генерала», а поляк Р. Солтык, переводивший разговор, попытался сгладить ситуацию, объяснив, что это шпага не генерала, а его адъютанта.

Пренебрежительно улынувшись, Наполеон отдал шпагу обратно французскому адъютанту, который ее принес, и жестом приказал увести генерала. Полковник Лежен услышал, как император, обращаясь к свите, «сказал настолько громко, чтобы тот услышал: “Уведите этого глупца”». После разговора с русским генералом и его странным жестом Наполеоном овладело заметное беспокойство. «... Ему казалось непонятным, – писал Коленкур, – как

могло случиться, что захвачено так мало пленных, когда редуты были взяты с такой стремительностью и окружены со всех сторон кавалерией Неаполитанского короля. Он выразил неудовольствие по этому поводу и задал в связи с этим очень много вопросов. Он не скрывал, что желает других результатов и надеется на них. «Мы выиграем сражение, – сказал он, – русские будут разбиты, но дело не будет завершено, если у меня не окажется пленных». Император казался озабоченным». В таком настроении Наполеон и отправился в 4 часа дня в рекогносцировку, желая лично увидеть результаты сражения»^[1977].

С трудом сев на лошадь (в этой поездке император был на Эмире и Куртуа), Наполеон шагом поехал вперед. Любое резкое движение вызывало у него боль. Сомнения, чувство неуверенности и неопределенности с новой силой завладели императором. Если накануне сражения Наполеон ставил перед собой двойную цель – разгромить русскую армию и войти в неприятельскую столицу, то теперь он все более склонялся к иному решению. Цена, которую он должен был заплатить за разгром неприятельской армии, превосходила все его предварительные оценки и могла оказаться губительной. Не лучше ли было просто оттеснить русские войска и заставить Кутузова сдать Москву? В этом случае Наполеон, сохранив боеспособность своей армии, извлек бы главным образом политические преимущества, оказавшись в русской столице и, возможно, вынудив Александра I к мирным переговорам (о такого рода переменах акцентов в планах Наполеона писали весьма проницательные современники – маршал Гувион Сен-Сир и представитель британского правительства при русской армии Р. Т. Вильсон, относя это, правда, к кануну сражения^[1978]).

Отъехав немного от Шевардинского редута, Наполеон приказал двинувшемуся было вперед гвардейскому резерву остановиться. Теперь окончательное решение, будет ли брошена вся гвардия в огонь, а фактически – вопрос об изменении всего стратегического плана Наполеона – зависели исключительно от тех впечатлений, которые произвело бы на императора поле боя. Советы и комментарии лиц, сопровождавших Наполеона в этой поездке или встреченных им, могли усиливать или ослаблять эти впечатления^[1979].

Император пересек Каменский овраг и двинулся в направлении «флешей». «Тем временем, – вспоминал Роос, хирург 3-го вюртембергского конноегерского полка, находившийся со своим перевязочным пунктом у ручья Каменка, – поперек нашего оврага проехал с большой свитой Наполеон. Медленность его передвижения, казалось нам, означает спокойствие и внутреннюю удовлетворенность ходом битвы; ведь мы до сих пор не научились разбираться в выражении его серьезного лица...»^[1980]

Подъехав к «флешам», Наполеон далее направляется к д. Семеновское, «где остается долгое время. Ружейный и картечный огонь так силен, что штабу... приказано слезть с лошадей». Ружейные пули «поражают каждую выставляющуюся голову. Наполеон почти один отправляется вперед» (Пеле). Император, повторяя, что победа «не доставила еще следствий, которых можно было от нее ожидать», видит, что русские массы все еще не расстроены, но наоборот, пытаются вновь сконцентрироваться и атаковать. Двигаясь по полю боя, Наполеон пытается оценить примерные потери русской армии. Они, как ему было очевидно, значительно превосходили французские, но могли составить, как он тогда думал, не более 30 тыс. человек^[1981]. Это мнение оказалось ошибочным. Психологически и Наполеон, и французское командование не были еще готовы к восприятию подлинных потерь того дня. Поэтому, зная, что русская армия составляла накануне сражения не менее 130 тыс., император мог предположить, что Кутузов располагает, хотя и потрепанными, но еще значительными силами. Особое впечатление на Наполеона произвело почти полное отсутствие пленных и значительных трофеев. Одиночные солдаты, раненые, и разбитые пушки, захваченные французами, явно свидетельствовали о готовности русских продолжать борьбу. И все же, находясь возле д. Семеновское, Наполеон все еще не отваживался принять окончательное решение отказаться от использования гвардии. Он приказывает войскам Даву

и Нея, когда массы русских еще более будут расстроены орудийным огнем, вновь двинуться вперед.

К 5 часам вечера Наполеон прибыл к Курганной высоте. Отсюда он обозрел отступившие на километр русские порядки и энергично действующие со стороны д. Горки батареи.

«Наполеон, – отмечает Пеле, – хотел прорвать русскую армию, преследовать ее по пятам, чтобы довершить ее разрушение. Для этого нужно было взять последнее укрепление, этот горкинский редут, который, поддерживая оборону Псаревского оврага, брал в тыл всю местность, лежавшую между селом и редутом кирасир (Курганной высотой. – В.З.)».

Действительно, ни взятие Семеновского, ни взятие «большого редута» не привели к прорыву русского фронта и выходу французов на их главную коммуникационную линию. Русская армия могла спокойно отойти в течение ночи. Проехав немного севернее от Курганной высоты и оставив позади себя многочисленный штаб, Наполеон, используя заросли и перелески, попытался приблизиться к русским позициям у Горок. С ним были Мюрат, Бертье, Коленкур, Дюрок, Бессьер и один паж. Где-то здесь, возле леска, обстреливаемого русскими, и состоялось историческое решение не посылать гвардию вперед. Материалы Пеле и Сегюра позволяют довольно точно воспроизвести характер того разговора, который здесь состоялся. Император выразил мнение отнять «горкинский редут»; он повторял, что победа «не доставила еще следствий, которых можно было от нее ожидать». Тогда Мюрат, «указывая на нашу почти совсем разбитую армию, заявил, что для этого потребуется гвардия». Услышав это, «Бессьер указал на расстояние, отделявшее от нас неприятельские укрепления», а затем прибавил, «что между Наполеоном и Францией простирается целая Европа и поэтому необходимо сохранить хотя бы эту горсть солдат, на которую император мог рассчитывать». В свою очередь Бертье заметил, что «слишком поздно, и неприятель укрепился на своей последней позиции и что пришлось бы еще пожертвовать не одной тысячей человек, не добившись удовлетворительного исхода сражения». Дюрок и Коленкур либо хранили молчание, либо осторожными репликами поддерживали мнение большинства. Возможно, что и тогда император, мучимый сомнениями, продолжал выражать желание проехать еще вперед, чтобы лучше разглядеть местность и неприятеля. Вокруг свистели пули. Все решил «какой-то генерал или штаб-офицер 1-го корпуса, встревоженный опасностью, которая угрожала императору, взял его за руку и сказал ему: “Здесь не ваше место. Неприятель заметил эту группу: он наводит пушки в эту сторону”». Наполеон позволил увести себя.

Этот импровизированный военный совет был довольно необычен в практике принятия Наполеоном решений. Чаще всего Наполеон еще до того, как предлагал высказать суждение своим военачальникам, уже имел сформированное мнение; мнение хотя и не окончательное, но достаточно ясное. Соотнося свое представление в решении вопроса с суждениями подчиненных, император либо укреплялся в своем решении, либо вносил в него некоторые частные коррективы. Здесь же все было иначе. Наполеон не только не имел предварительного ясного собственного решения, но и не мог его принять даже после того, как выслушал мнения участников «совещания». Окончательным толчком к тому, чтобы император определился с историческим решением, стали слова какого-то безымянного офицера 1-го корпуса!

Император стал медленно возвращаться к Шевардинскому редуту. По дороге он подозвал маршала Мортье и дал приказ Молодой гвардии «охранять поле сражения», но ни в коем случае не переходить овраг, отделяющий неприятеля. Спустя некоторое время он, в какой-то задумчивости, вновь повторил тот же самый приказ^[1982].

Итак, большая часть императорской гвардии не приняла участия в сражении. «Весь день мы играли ту же роль, что и в Смоленске, – писал домой неизвестный офицер 3-го (голландского) полка пеших гренадеров гвардии, – и за исключением нескольких ядер,

упавших перед нами, или перелетевших, этим ограничилось наше участие в деле»^[1983]. «В сражении при Можайске, – вторит ему Ральф, офицер того же полка, – гвардия оставалась простым зрителем сражения. Все полки стояли в колонне позади императора, который руководил всем действием...»^[1984]

Однако Легион Вислы и многие артиллерийские батареи гвардии участие в битве, и участие очень активное, приняли. Об этом, помимо всего другого, свидетельствуют и многочисленные награждения ее чинов за Бородино: только 23 сентября император подписал декрет о награждении 106 человек гвардейской артиллерии и 21 из гвардейского обоза!^[1985] «Ты знаешь, что 7-го была большая битва в 3 лье от Можайска, – писал жене голландец Ф.-Ш. Лист, капитан гвардейской артиллерии, – где мой эскадрон со всей гвардией был во второй линии в резерве, и я не стрелял из орудия. Но эскадрон Де Врие сражался, и делал чудеса. Де Врие получил 2 удара саблей по подбородку и другой в правую руку, но он не оставил командование дивизионом»^[1986].

Наиболее подробно об участии гвардейской артиллерии в конце сражения повествует Пион де Лош. По его словам, после получасового марша, который начался примерно в 4 часа от Шевардинского редута, батарея Пион де Лоша была остановлена. Объединившись с батареей капитана Фрадиля (Fradiel) 8-го полка армейской пешей артиллерии, несколько рот которого было придано гвардии, около 5.30 она вновь была двинута вперед и вошла в зону неприятельского огня. Капитан Фрадиль был убит. В 6 часов Перрэн (Perrin), адъютант графа Лобо, крикнул Пион де Лошу: «Вперед, именем императора! Вы идете поддержать батареи вице-короля, подавленные врагом». Как можно понять, Пион де Лош продвинулся значительно левее и немного вперед и «встретил генерала Нури, помощника Сорбье, который объявил, что он присоединился к нам. Уже несколько снарядов срекошетировали перед нами, и я занял свою позицию для боя, когда офицер штаба принес новость: “Император вам предписывает отойти к той позиции, которую вы оставили”»^[1987]. Так, приблизительно около 7 вечера гвардейская артиллерия была выведена из боя.

Определить точные потери императорской гвардии затруднительно. Согласно Мартиньену, потери среди офицеров были следующие: в 1-м полку тиральеров (дивизия Роге) ранен капитан, в полку драгун ранен майор (в звании полковника – colonel-major), во 2-м полку шевалежеров-лансьеров смертельно ранен лейтенант; в частях пешей гвардейской артиллерии один лейтенант убит, один смертельно ранен и ранено 8 офицеров; в конной гвардейской артиллерии ранены 3 офицера, в гвардейском артиллерийском обозе ранено 5 офицеров; в гвардейском обозе экипажей 2 офицера ранено. Роты 1-го и 8-го армейских артиллерийских полков, которые были приданы гвардии, также понесли потери среди офицерского состава, но какие именно, сказать трудно^[1988]. О потерях в Легионе Вислы материалы Мартиньена умалчивают. О них упоминает только Брандт: «Мы относительно немного потеряли: значительное количество офицеров и не более двух сотен солдат...»^[1989] Следовательно, хотя гвардейские части пехоты и кавалерии потеряли немного – примерно 250 человек, но артиллерия понесла достаточно ощутимые потери в людях и лошадях^[1990].

В 6 или 7 часов вечера^[1991] Наполеон возвратился к своим палаткам, которые на этот раз были раскинуты в тылу Шевардинского редута, рядом с Доронинским курганом^[1992]. Императорские палатки стояли в центре батальонного каре 2-го полка гвардейских пеших гренадер. «Вся гвардия собралась в массу, – вспоминал Дюмонсо, – поблизости от палаток императора, рядом с высоким лесом, и окружила [палатки] неисчислимыми огнями, которые радостно сияли, оживляя сцену»^[1993]. Одну из своих палаток Наполеон предоставил Мюрату. Так как обычно эта палатка раньше отдавалась офицерам Квартиры, теперь они оказались под открытым небом.

К вечеру погода испортилась. Стало холодно, подул ветер, накрапывал дождь. Бивак был окружен в беспорядке валявшимися еще с 5 сентября трупами русских солдат^[1994]. «Усталый

и сильно страдая от насморка», Наполеон «нуждался в отдыхе и уходе» (Солтык). Но прежде император занялся делами: он продолжал получать донесения и отчеты, распорядился подсчитать наличие боеприпасов, получил информацию о мерах, принимаемых для попечения о раненых, отдал ряд распоряжений... Времени и сил не осталось для того, чтобы черкнуть пару строк Марии-Луизе. Он напишет ей только утром.

Около 9 часов был подан ужин. Дарю и Дюма были приглашены к столу. «Ужин только что был подан. Он был один и предложил нам сесть справа и слева от него, – вспоминал Дюма. – После того как он справился о том, что было сделано для оказания помощи раненым... он стал говорить о сражении. Моментом позже он заснул – минут на двадцать. Но, внезапно проснувшись, он продолжал: “Будут удивлены, что я не использовал мои резервы с тем, чтобы добиться более великих результатов. Но я должен сохранить их для решающего удара в большой битве, которую враг даст перед Москвой. Успех дня обеспечен. Я должен обеспечить успех кампании в целом, и вот для чего я сохраняю мои резервы”». Сразу после ужина явился Мюрат, который, согласно Сегюру, стал «просить гвардейскую кавалерию» для преследования русских. «Император отверг с несдерживаемым раздражением эту... мысль»^[1995].

Итак, вне всякого сомнения, ряд решений главнокомандующего Великой армией 7 сентября, а также общий характер его поведения на поле боя, недостаточно решительный и инициативный, имели драматические последствия для исхода Бородинской битвы, для судеб европейской и мировой истории. Наиболее важным в этой связи в поведении Наполеона были два момента. Во-первых, как главнокомандующий, он не обеспечил должной скоординированности в действиях руководимой им армии, а во-вторых, отказался от введения в бой в наиболее решительный момент сражения основной части гвардейского резерва.

Причины столь серьезных для главнокомандующего просчетов мы можем объяснить следующими обстоятельствами. 1. Явно сказались физическое и эмоциональное состояние Наполеона, предопределенное общей усталостью, обострением целого комплекса болезней, падением жизненного тонуса и притуплением той способности к неожиданному озарению, которое отличало его ранее как военного гения. 2. Наполеон (впрочем, как и вся армия) психологически не был готов к столь упорному и ожесточенному сражению, каким оказалось Бородинское. В этом проявилась недооценка Наполеоном противника в предшествующий генеральному сражению период войны. Поэтому к концу дня 7 сентября Наполеон, изумленный стойкостью русских и небывало малым числом пленных, был уже склонен переоценивать степень прочности русской обороны. 3. 7 сентября Наполеон был вынужден принимать решения не только как военачальник, но и как император. Известия об испанских событиях, полученные им накануне, обострили чувство тревоги за дела Империи. В этой связи сохранность императорской гвардии виделась ему гарантом политической прочности всей Империи и престола. 4. В ходе самого сражения все более укреплялась надежда императора на возможность заключения мира в Москве даже при условии не полного разгрома русской армии. Впрочем, наряду с этим, Наполеона не оставляла мысль и о том, что придется давать еще одно сражение, прежде чем удастся вступить в Москву. Это тем более удерживало его от решительного шага использовать 7 сентября императорскую гвардию.

3.7. После сражения

Среди многочисленных легенд, которые память русских породила о Бородинском сражении, была легенда о том, что неприятель вечером 7 сентября покинул поле боя и отошел на прежние позиции. Это дало возможность многим историкам и писателям, начиная с А. С. Шишкова и заканчивая авторами 80-х и 90-х гг. XX в., утверждать о несомненной победе

русского оружия под Бородином. В основе этого мифа лежало, во-первых, вполне понятное стремление Кутузова, кстати, убежденного, что битву он все же не проиграл^[1996], изобразить результаты сражения в наиболее благоприятном для себя свете, а во-вторых, реальные ощущения солдат русской армии, выстоявших в небывало ожесточенном бою. Все это, казалось, находило подтверждение в официальных бумагах. «...Мы остались хозяевами поля боя, – сообщалось в официальных известиях из армии от 8 сентября. – На следующий день генерал Платов был послан для его [неприятеля] преследования и нагнал его арьергард в 11 верстах от деревни Бородино»^[1997]. Позже А. Н. Муравьев будет даже писать, что ночью после сражения он «спал на батарее Раевского»^[1998].

Если отвлечься от чисто пропагандистских целей многих документов, составленных в квартире Кутузова, и от особенностей человеческой памяти, способной спустя многие годы вводить в искреннее заблуждение даже самого беспристрастного участника события (как в примере с А. Н. Муравьевым), то и в этом случае оказывается, что некоторые партии разведчиков, посланных ночью на поле боя русским командованием, дали искаженную информацию^[1999]. В свое время А. Н. Витмер попытался объяснить, почему это произошло. Разведчики «слышали впереди полную тишину, были усталы, измучены физически и нравственно», поэтому и доложили, что прошли, дескать, версту и неприятеля не встретили: «Должно, ушел к себе». Рассвет же застал нашу армию уже в полном отступлении, и было, конечно, не до того, чтобы разбираться, правильными ли были ночные депеши или нет. «С течением времени легенда пустила глубокие корни и вошла в историю особенно потому, что она, конечно, льстила нашему народному самолюбию», – завершал свои размышления Витмер^[2000].

В 1988 г. Н. А. Троицкий, попытавшийся окончательно разрешить этот вопрос, сославшись на ряд широко известных французских материалов (работы Сегюра, Шамбрэ, Денные и др.), пришел к выводу, что Великая армия ночевала на поле сражения, хотя многие части и отошли «от главных пунктов кровопролития» с намерением просто «отдохнуть не на трупах своих товарищей»^[2001]. Соглашаясь с Троицким в целом, определим более точно места ночевки основных соединений Великой армии и попытаемся воссоздать эмоционально-психологическую атмосферу ее бойцов.

Итак, вечером 7 сентября пошел дождь, подул холодный порывистый ветер. Солдаты корпуса Даву, штурмовавшие Семеновские укрепления, устраивали свой бивак прямо на поле боя, там, где застал их конец сражения, среди мертвых и умирающих тел. 2-я дивизия заночевала на возвышенности перед лесом, в который отступил неприятель. 33-й линейный построился даже в каре, боясь неожиданного нападения^[2002]. Где-то недалеко от южной «флеши» заночевали оставшиеся в живых бойцы 57-го^[2003]. Остальные полки 5-й и 4-й дивизий бивакировали, вероятно, возле Семеновского оврага.

Севернее их расположились части корпуса Нея. «3-й корпус остался на той местности, которую захватил накануне», – писал Пельпор^[2004]. Это подтверждает дневник Бонне^[2005], а также мемуары Зукова, который вспоминал, что бивак был «на поле чести среди мертвых товарищей»^[2006].

«Всю ночь напролет, – вспоминал Фоссен, – мы провели на поле сражения. Стоны несчастных раненых было жалостно слушать, о каком-либо уходе за ними или уборке их куда-либо нечего было и думать; не было даже сколько-нибудь воды вблизи. Те, которых 7 сентября пощадила коса смерти, питались мясом убитых лошадей с можжевелевыми ягодами; у некоторых еще оставалось немного свалывшейся муки для похлебки, о хлебе нечего было и думать»^[2007]. Время от времени со стороны русских доносились крики или редкие орудийные выстрелы^[2008].

Все вспоминали эпизоды страшного дня, оплакивали товарищей и залечивали раны. Дютейе де Ламот из 57-го подсчитал, что получил за день три сильные контузии пулями в левую руку и удар штыком в бедро; пять шальных пуль пробили ему амуницию. Фоссен из 111-го оплакивал своего лучшего товарища старшего сержанта Вергелла, который уже поздним вечером, составляя список уцелевших солдат, был на глазах Фоссена убит пулей в голову. Сам Фоссен был задет двумя пулями: одна попала в патронную суму, другая пробила кивер.

Лейтенант 25-го линейного Паради сожалел вечером о потере «очень хороших товарищей». Самому Паради во время боя в лесу пуля попала в грудь, в область сердца, и он упал навзничь. Не зная твердо, жив он или мертв, солдаты попытались все же унести его подальше от места боя. Неожиданно для них лейтенант, собрав все свои силы, воскликнул: «Храбрые мои дети, это все пустяки!» Когда Паради возвратился к вечеру в свою часть, он с большой радостью снова увидел «радостные лица всех своих храбрецов».

Вероятно, где-то недалеко от д. Семеновское майора Ле Руа разыскал его сын, сержант того же полка. Они радовались, что оба остались живы. Рядом с ними кружком стояли офицеры 85-го, и каждый торопился рассказать о своих подвигах. Вдруг майор Ле Руа почувствовал толчок в спину. К счастью, из-за небольшого дождя он был в плаще, и удар был ослаблен. Это была «пуля, которая пролетела более четверти лье» и была уже на излете. Ле Руа подумал, что «если бы она попала в висок», то он был бы мертв.

Впереди д. Семеновское нашел свой 15-й легкий капитан А. Кудрё (Coudreux); он был ранен под Смоленском, но, не желая расставаться со своим полком, преодолел огромное расстояние за шесть дней и все-таки не успел к началу сражения. Ему оставалось только слушать рассказы однополчан о своих подвигах 7 сентября^[2009].

Те, кто был ранен серьезнее и кого, к счастью для них, вынесли с поля боя, встречали конец того дня в амбулансах. Капитан Гардье из 111-го, раненный пулей в левую ногу, был доставлен в амбуланс на лошади. В ночь на 8-е его посетил полковник. «... Утешения, которые он мне расточал, – записал Гардье в дневнике, – и интерес, которые он проявил к моему положению, стали для меня значительной поддержкой, укрепившей меня». Гардье не стал долго задерживаться в амбулансе, где, по его словам, царил ужас, и уже утром 8-го поспешил присоединиться к полковым экипажам. Более серьезно был ранен генерал Тест. Он оказался в одном бараке с раненым чуть раньше его Компаном. Главный хирург 5-й дивизии Трасту, оказав Тесту первую помощь, занялся другими ранеными офицерами, которые все время прибывали; среди них был и славный майор Яже из 57-го. К вечеру их в бараке набралось четырнадцать человек, сильно стиснутых на маленьком пространстве. Когда на следующий день в барак пришел главный хирург французской армии, он обнаружил 12 трупов; живыми оставались только Тест и Компан^[2010].

Вечером, еще в день сражения, чувствуя в себе силы, Компан продиктовал одному из адъютантов свой рапорт о действиях 5-й дивизии утром 7 сентября, а после – письмо жене. Поведав ей о храбрости дивизии и посетовав на многочисленные потери, в конце письма Компан смог сам написать супруге несколько строк^[2011].

Когда раненый Дессэ был доставлен своими адъютантами в тыл, хирурги в один голос стали советовать ему немедленно ампутировать руку. Убеждал его в этом и знаменитый Ларрей. Дессе категорически отказался и оказался прав. Руку ему удалось сохранить. Впрочем, раненый Дессе оказался в хороших условиях. Когда Жиро де л'Эн покидал его, возвращаясь в сражение, за генералом уже ухаживали два его брата, доктор, прислуга и лейтенант Маркье^[2012]. Вечером Жиро де л'Эн, благодаря судьбу за то, что пули не задели его самого, нашел генерала «среди своих товарищей терпеливо переносившим боль от раны». Дессэ поручил Жиро де л'Эну составить рапорт на имя маршала Даву, после чего подписал его левой рукой.

Пожалуй, среди генералов 1-го корпуса менее всех повезло Ромёфу. Наскоро перевязанный на поле боя, он был перенесен «в ту же деревню, куда был доставлен генерал Монбрён» (Ларрей). Полагаем, что это была д. Шевардино. Известие о тяжелом ранении Ромёфа огорчило многих. 8 сентября Даву написал жене, что его начальник штаба «сильно контужен ударом ядра, и это заставляет опасаться за его жизнь».

Еще в день сражения, поздним вечером, когда старшему другу Ромёфа генералу Дюма удалось покинуть палатку императора, он немедленно отправился в главный амбуланс, где ему, вероятно, сообщили о местонахождении его товарища. Дюма отправился в деревню, находившуюся «приблизительно в полулье от поля битвы», и нашел там умирающего. «Ромёф, уже сильно ослабевший, показал мне гарду своей шпаги, которую ядро сплющило на его бедре: контузия была страшной; мой обожаемый друг сохранял присутствие духа, но хирурги не оставляли никакой надежды; он умер немного позже того, как я его покинул. Я сказал также последнее «прощай» храброму Монбрёну, который умер под той же крышей». Подробнее о характере раны Ромёфа пишет Ларрей. Он не смог посетить раненого в день битвы и отправился к нему только на следующий день. Ядро, как свидетельствовал главный хирург, поразило генерала в правое бедро и в область поясницы и, как ни странно, не оставило никакого следа снаружи его тела. Ларрей сделал разрез кожи в месте удара и открыл «пространство внутреннего поражения. Мышцы были разорваны и превращены в кашу, тазобедренная кость и поясничные кости поломаны. Представьте, каким было сотрясение, если внутренние органы низа живота были перемешаны. Генерал Ромёф умер той же ночью»^[2013].

Понемногу приходил в себя после контузий Даву. Правда, на следующий день в письме к жене маршал уверял ее, что контузии были незначительные. Но из следующего письма, помеченного 20 сентября, узнаем, что дня через два или три маршал если и мог ехать на лошади, то с большим трудом^[2014].

Бок о бок с солдатами Даву бивакировали вестфальцы 8-го корпуса. «Сражение выиграно, – записал в 8 часов вечера 7 сентября Лоссберг. – Мы сражались до наступления темноты, и, вследствие некоторых передвижений, нам придется ночевать в лучшем случае влево, на местности, которую русские обороняли целый день...» «Куда и в каком состоянии отступили русские, – тревожно продолжает он, – нам совершенно неизвестно». На следующий день Лоссберг описал события предшествующей ночи: «Прошедшая ночь была отвратительна; как я ни устал, все же я не мог закрыть глаз благодаря раненым, лежащим по всем окружающим кустам. Многие из них были убраны людьми оставшихся на поле сражения корпусов. В настоящее время принесли русского офицера, найденного гренадерами моего батальона; я дал ему чашку кофе, которая, вероятно, будет последней, т. к. полковой врач уверяет, что ему остается жить лишь несколько часов. Он красивый, крепкого сложения, молодой человек, но не говорит ни на немецком, ни на французском; меня очень обрадовало, что гренадеры мои не взяли у него ни денег, ни шарфа, когда же я их похвалил за это, они мне ответили: “Кто знает, каково нам еще будет в этой стране?”»^[2015]

Подобно вестфальцам, недалеко от Утицкого леса провели ночь кирасиры 1-го кавалерийского корпуса Нансути. Тирион из 2-го кирасирского вспоминал, что люди и лошади изнемогали от усталости и голода. «Мы стали биваком на самом поле сражения. И печальная же была пища для наших коней!.. Что могли они найти на местности, на которой в течение 3 суток толпилось 300 000 лошадей!.. Тяжелая ночь эта прошла, наши лошади поели древесных листьев, мы – конины, в которой не было недостатка, и, скажу больше, никогда еще ни одна баталия не была столь богато снабжена мясом»^[2016].

Те кавалерийские части, которым пришлось сражаться в районе Курганной высоты (2, 3 и 4-го кавалерийских корпусов), были отведены в тыл. Так, бригада Тильмана, когда уже совсем стемнело, получила приказ покинуть позицию у «большого редута» и отойти на то

место, где был бивак в предшествующую ночь. Утомленные, голодные и подавленные, возвращались оставшиеся в живых саксонцы к Шевардинскому редуту. Пока они двигались по полю, слева и справа из темноты до них доносились крики раненых с мольбой о помощи. Что касается раненых из бригады Тильмана, то часть их была размещена у опушки леса рядом с биваком, а большая часть осталась на поле боя, и только на следующий день оставшихся в живых забрали их товарищи^[2017].

Карабинеры Дефранса к Шевардинскому редуту не возвратились. Пройдя кустарник за «большим редутом», они расположились у него в тылу. Ночь показалась очень долгой. Всадники провели ее под дождем, среди своих лошадей, не имея возможности найти ни охапки сена или соломы. Особенно плохо было тем карабинерам, которым было приказано всю ночь оставаться возле «редута». Только на следующий день стали подсчитывать потери и делать смотр оставшимся в живых^[2018].

Дивизия Ватье, возможно, расположилась биваком не так далеко от карабинеров. Кавалеристы Пажоля, простояв всю вторую половину дня у Семеновского ручья, там же и заночевали^[2019].

Отойдя на несколько сотен метров от передовой линии, заночевали кавалеристы Груши. Где именно – сказать трудно. Комб пишет, что «перед Бородином», Гриуа – «вблизи от первой позиции, которую мы взяли утром». Пытаясь отвлечь себя от грустных мыслей и холода, артиллеристы Гриуа рассказывали друг другу истории, случившиеся с ними за день, и так постепенно заснули^[2020].

Что касается частей Морана и Жерара, то они тоже отошли, вероятно, в район Семеновского оврага. Сержант Бертран вспоминал, как той ночью полковник Ж.-Ф. Ром во всеуслышание, в присутствии многих офицеров хорошо отзывался о нем, а на следующий день сообщил, что генерал Жерар представил его к кресту Почетного легиона. Бертран получит его только в следующем году^[2021].

Ночь после сражения капитан 30-го линейного Франсуа провел в главном амбулансе в Колоцком монастыре. Еще днем, войдя в определенную ему комнату, Франсуа застал там лежащими на соломе 27 офицеров, семеро из которых были с ампутированными конечностями и нуждались абсолютно во всем. Вечером несколько легкораненых солдат 30-го полка посетили своих товарищей в Колоцком монастыре. Один солдат из роты Франсуа, увидев его, радостно воскликнул: «А! Мой капитан, а говорили, что вы убиты...» Той же ночью 7 офицеров в комнате, где был Франсуа, умерли. Через 8–10 дней после сражения умерло три четверти всех находившихся в монастыре раненых. Франсуа, благодаря заботам своих товарищей, выжил^[2022].

Части Итальянской гвардии заночевали где-то у Колочи. Но и там вокруг были мертвые, стонущие и умирающие раненые. По словам Ложье, есть было совершенно нечего; трудно было и напиться, так как Колочь была запружена трупами, а вода окрасилась кровью. Погода к ночи сделалась сырой и холодной; костры разрешили разжечь только в полночь. «Все были потрясены и подавлены», – напишет Ложье^[2023].

Перед полночью вице-король, который с 4 часов утра почти не слезал с лошади, попытался было найти свою палатку, чтобы как следует отдохнуть. Однако его люди вместе с палаткой блуждали неизвестно где. Богарне и его штаб были вынуждены принять предложение генерала Лекки расположиться на биваке итальянской гвардии. Похлебав одного супа, без хлеба, вице-король залез в крытую повозку и там уснул. Так пишет Лабом. Роос же утверждает, что Богарне спал в ту ночь прямо на захваченном «редуте»^[2024]. Странное дело! Некоторые русские утверждали, что и они в ту ночь спали там же!

Рано утром Богарне будет разбужен – ему принесут письмо и какой-то «чудесный подарок» от жены^[2025]. Когда рассветет, Богарне будет уже стоять на Курганной высоте вместе со своими адъютантами, греясь у костра, разведенного из лафета опрокинутой русской пушки^[2026].

Если о ком-то с абсолютной уверенностью и можно сказать, что он провел ту ночь на «редуте» или рядом с ним, так это Брандт со всем Легионом Вислы. Наполеон, видя полное расстройство армейской пехоты, именно Молодой гвардии поручил «охранять поле сражения», строго запретив переходить «овраг, отделяющий их от неприятеля»^[2027]. Расставив впереди «редута» форпосты, Легион Вислы расположился сразу за разрушенным укреплением. Не имея ни дров, ни воды, ни съестного, поляки стали обшаривать ранцы русских солдат; в некоторых из них оказалось «довольно хлеба и муки, а во фляжках – водки». У многих русских ранцы оказались так же пусты, как и у французов. Сбегав к Колочи и набрав воды, поляки развели костры из обломков лафетов и повозок и стали варить суп и жарить конину. Привлеченные светом костров, со всех сторон потянулись раненые, нередко напоминая собою тени умерших. Многие, сидя у костра, скоро затихали, «устремив неподвижный взгляд на огонь».

Той ночью капитан Брандт оказался в составе четырех рот Легиона, которые были определены для службы на аванпостах. Бригадный генерал Ю. Хлопицкий сам определил места таким образом, чтобы левым флангом они упирались в ручей Стонец, а правый был бы размещен, видимо, где-то на уровне, но значительно восточнее, «большого редута».

К 10 часам вечера все стихло – не было слышно не только русских, огни которых светились очень тускло, но и своих. Около 2 ночи поляки услышали тяжелый шаг лошадей. Они тотчас же схватились за оружие. Чуть позже отряд казаков, действительно, попытался атаковать, но, встреченный огнем, ускакал. Наступила полная тишина. Брандт выслал вперед «несколько сильных патрулей»; они возвратились около 3 часов и доложили, что русские биваки впереди пусты. Брандт доложил об этом генералу Хлопицкому, а сам, используя огарок свечи, стал составлять рапорт. На этой позиции поляки оставались, покуда не наступил день 8 сентября^[2028].

За исключением Легиона Вислы, императорская гвардия заночевала в районе Шевардинского редута. Впрочем, разоренная местность и валявшиеся вокруг еще с 5 сентября трупы, а также стонущие раненые придавали окрестностям Шевардинского редута вид поля боя. Это и дало основания офицерам императорской гвардии в письмах^[2029] и дневниках^[2030] писать о том, что их бивак был прямо на поле битвы. Кастелан, например, бывший при Главной квартире императора и заночевавший, как и гвардия, возле Шевардинского редута, оказавшись той ночью под открытым небом (как уже упоминали, одна из императорских палаток, обычно отдававшаяся офицерам Квартиры, на этот раз была предоставлена Мюрату), вынужден был вместе с товарищем положить два русских трупа один на другой, чтобы те «послужили стулом вокруг огня»^[2031].

Где-то там же, возле императорских палаток, ожидал поздним вечером свой скромный ужин полковник Лежен. В его памяти одна за другой пробегали картины великого сражения. Будучи живописцем, он особенно запомнил картину взятия «большого редута»: «Очень эффектно, – вспоминал он, – выделялись столбы пыли и серебристого дыма. Вот осколок гранаты разбил бочонок с дегтем, которым русские смазывали оси орудий и повозок, и немедленно багровое пламя полилось по земле, извиваясь, как раскаленная змея, и поднялось вверх, сливаясь с облаками и отбрасывая на землю темные пятна»^[2032]. Позже Лежен запечатлеет на полотне, похожем на огромную икону, все то, что потрясло его воображение в тот день: смерть бедного Фердинанда Ларибуазьера, атаку храброго Мюрата, вручение шпаги Лихачеву (на полотне ее почему-то вручает Бертье, и русский генерал, униженно согнувшись, все-таки берет оружие из рук благородных французов) и, конечно, последнюю

атаку «большого редута». Но помимо живописных сюжетов, Лежен думал еще об одном: он, как и многие вокруг, был разочарован результатами сражения, обвиняя в этом Наполеона. В 3 часа утра Лежена разбудят и отошлют к русским линиям посмотреть, что делает неприятель^[2033].

Гвардейская кавалерия, в отличие от пехоты, оказалась в более выгодном положении, расположившись на опушке леса. Дюмонсо, капитан полка гвардейских шевалежеров-лансьеров, подкрепившись скромным ужином, состоявшим из сваренной крупы и куска сахара, растянулся на подстилке из мха и сена, удобно прислоненной к стволу дерева. Его слуга Жан приготовил лежанку таким образом, чтобы, прикрытая с одной стороны деревом, с другой она была открыта пылающему костру^[2034].

Наполеон провел в своей палатке ужасную бессонную ночь. Его лихорадило, он метался в постели, вздрагивал... Много раз он восклицал, ворочаясь в постели: «Что за день! Что за день!»^[2035]

Что же русские? К ночи полковник К. Ф. Толь донес Кутузову о «невозможности» защищать позиции с оставшимися 45 тыс. солдат, «особенно когда у Наполеона целый гвардейский корпус не участвовал в сражении». Русский главнокомандующий дал приказ об отходе. Действительно, только несколько полков русской армии понесли незначительные потери и не были расстроены: пять егерских полков, два полка гвардейской пехоты (Преображенский и Семеновский) и, как иногда в этом ряду называют, Псковский пехотный. В совокупности это составляло около 8–9 тыс. регулярных войск. «Иные полки почти совершенно исчезли, и солдаты собирались с разных сторон. Во многих полках оставалось едва 100 или 150 человек, которыми начальствовал прапорщик», – вспоминал будущий декабрист Н. М. Муравьев^[2036].

К утру русская армия, не ощущая даже попыток преследования со стороны неприятеля, отступила по Новой Московской дороге. Ее отход прикрывал арьергард Платова в составе четырех егерских полков, 1-го кавалерийского корпуса, одной роты конной артиллерии и нескольких казачьих полков.

Ряд историков считал отказ Наполеона от преследования русских войск в ночь после сражения ошибкой. Особенно последовательно проводил эту мысль польский исследователь Кукель, полагавший, что в противном случае полный разгром русской армии был бы неизбежен^[2037]. Так ли это? По-видимому, какие-либо активные действия Наполеона в ночь после сражения были просто невозможны. Во-первых, потому что уже в ходе сражения император склонялся в пользу политических выгод от «можайского сражения» в ущерб военным. Во-вторых, ночные боевые действия, да еще на незнакомой местности, были сопряжены с чрезмерным риском и потому были в ту эпоху вообще большой редкостью. В-третьих, к вечеру 7 сентября Наполеон, видя упорное сопротивление противника и фактическое отсутствие пленных, явно недооценивал размеры его потерь. В-четвертых, армейские соединения Великой армии понесли значительные потери, а решиться на использование императорской гвардии, бросив ее в огонь, было бы теперь просто безумием.

Бойцы Великой армии дожидались утра, надеясь, что с рассветом остатки русских войск будут разбиты. «Если переживем эту ночь благодаря императорской гвардии, – писал в 9 часов вечера 7 сентября уже упоминавшийся неизвестный полковник Д. интенданту Пюибюску, – мы надеемся, что завтра они не смогут отступить, проскользнув со своей артиллерией и остатками своей армии между нашими руками. Наши силы остаются равными силам врага, разгром будет нанесен императорской гвардией, которая еще не использована»^[2038]. Однако к утру 8 сентября Великая армия оказалась все еще не в состоянии преследовать отступившего ночью неприятеля.

Наступило утро 8 сентября. Констан, первый лакей императора, описал, каким было то раннее утро для Наполеона. После беспокойного отдыха император испытывал большой упадок сил и энергии. Время от времени Констан слышал, как Наполеон повторял в каком-то конвульсивном движении: «Москва! Москва!» Часто приказывал Констану выходить из палатки и смотреть, что происходило снаружи; раз встал сам, вышел за Константином и смотрел через его плечо. Когда лакей возвратился уже после четвертого такого выхода наружу, неожиданно раздался крик караула: «К оружию!» «Трудно описать, – продолжает Констан, – с какой быстротой батальон образовал каре вокруг палатки. Император быстро вышел; через мгновение вновь возвратился за шпагой и шляпой». Солдат-гвардеец, бывший в карауле у входа в палатку, услышав крик «К оружию!», проверил крышку замка на ружье и, вновь взяв ружье на плечо, сказал с неподражаемым спокойствием: «Ладно, пусть приходят; уж мы их угостим!» Император, услышав это, развеселился и велел вручить усачу-гвардейцу стакан своего шамбертена^[2039]. Веселость императора, как полагаем, во многом была вызвана тем, что тревога оказалась ложной.

Наполеон набросал Марии-Луизе несколько строк: «Мой добрый друг. Я пишу Тебе на поле Бородинской битвы. Я вчера разбил русских, вся их армия в 120 тыс. человек была здесь. Сражение было жаркое; к двум часам дня победа была наша. Я взял у них несколько тысяч пленных и 60 пушек. Их потеря может быть исчислена в 30 тыс. человек. У меня тоже много убитых и раненых. Коленкур, начальник пажей, убит, я вручил ему командование дивизией. Я лично не подвергался всем этим опасностям. Моя кровь хороша, погода немного свежая. Нансути слегка ранен. До свидания, мой дорогой друг. Всего хорошего. Твой Наполеон»^[2040].

Между тем биваки частей Великой армии тоже стали оживать. Солдаты с трудом, словно в каком-то полусне, поднимались и пытались согреться возле слабо горящих костров. «Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем, на котором мы остались победителями. Все потрясены и подавлены. Армия неподвижна; она теперь больше походит на авангард», – писал Ложье из 4-го корпуса. «Было очень скверно, – заметил в своем дневнике капитан Бонне из 18-го линейного 3-го корпуса Нея, – холод стал сильным, и подул северный ветер»^[2041].

Рано утром Солтык отправился к императорским палаткам, где был разведен большой костер, возле которого грелись дежурные офицеры. Мюрат, ночевавший в одной из императорских палаток, подошел к этому костру погреться; «он справился о здоровье императора и о том, можно ли его видеть. Несколько минут спустя приехал маршал Ней. Оба героя сражения дружелюбно поздоровались друг с другом, и король сказал маршалу: “Вчера был жаркий день, я никогда не видел сражения, подобного этому, с таким артиллерийским огнем; при Эйлау не меньше стреляли из пушек, но это были ядра. Вчера же две армии были так близко друг от друга, что почти все время стреляли картечью”. “Мы не разбили яйца, – отвечал маршал, – потери врага громадны, и нравственно он должен был быть страшно потрясен; его надо преследовать, чтобы воспользоваться победой”. “Однако он отступил в хорошем порядке”, – отвечал король. “Я не могу поверить, – отвечал маршал, – как это могло быть после такого удара?”» В этот момент разговор был прерван, так как император пригласил к себе Нея^[2042]. Трудно сказать определенно, о чем именно была беседа императора с маршалом Неем, но достаточно точно можно предположить, что в разговоре с Мюратом, который состоялся чуть позже, Наполеон, осведомившись о состоянии кавалерии, распорядился сформировать авангард из резервных кавалерийских корпусов и пехотной дивизии Фриана (сейчас ею командовал Дюфур), двинуться вперед, овладеть Можайском и расположиться в нескольких километрах за ним. Официальный приказ Мюрату вручил Бертье в 10 часов утра^[2043].

В тот же час Наполеон приказал подать лошадь, сел на Тори и начал осмотр поля битвы^[2044]. Вначале его путь лежал «к маленькой дотла сожженной деревне», где вся «земля была

сплошь покрыта убитыми» (Солтык). «Поле битвы представляло собой омерзительное зрелище, – вспоминал Пельпор, командир 18-го линейного полка, остатки которого в тот момент были рядом с сожженной деревней. – Небо было мрачным, шел дождь, дул ветер, и всюду были обезображенные тела. Какая картина! Трудно было сохранить какие бы то ни было иллюзии»^[2045]. От Семеновского император отправился к Курганной высоте, проехав «вдоль высот, где была выстроена русская армия. Они тоже были покрыты трупами» (Солтык). Сегюр, который ехал сзади Наполеона, видел, как и император, что «вокруг орлов прогуливалось ровно столько офицеров, унтер-офицеров и солдат, сколько требовалось для охраны знамени. Их одежды были изодраны в пылу битвы, закопчены пороховым дымом, обгажены кровью...»^[2046] Среди убитых лежали раненые. Лошадь Сегюра наступила на одного из них, который громко закричал. «Сир, это только русский», – сказал один из адъютантов Наполеону. «После победы, – резко бросил император, – нет врагов, есть только люди». Он приказал оказать раненому помощь. Вообще, Наполеон исполнил долг гуманности по отношению к русским раненым. «...Он сам указывал, кого из них следовало перенести, по мере того как он их находил или до него доносились их стоны. Постепенно он разослал всех офицеров своего штаба, чтобы ускорить дело и оказать этим раненым быструю помощь»^[2047].

Брандт видел, как Наполеон, «выглядевший бледным и мрачным», прибыл к восточным скатам Курганной высоты и приказал офицеру своей свиты отправиться с несколькими конными егерями к «большому редуту». Егеря и офицер образовали своего рода каре, и каждый на определенном пространстве вокруг себя сосчитал мертвые тела. Операция была повторена многократно. «Как мне сказали, – вспоминал Брандт, – эту операцию проделывали в разных местах, чтобы сосчитать убитых»^[2048]. Император оставался возле «большого редута» некоторое время, иногда поглядывая в подзорную трубу в сторону Можайска. Время от времени к нему подводили русских пленных, «не в очень большом количестве, и которые имели скорее вид усталых людей и оставленных в тылу; он спрашивал их, требуя сказать, какого они корпуса и много ли потеряли их полки»^[2049].

Ближе к полудню Наполеон возвратился в ставку, желая, помимо всего прочего, лично понять причину тревоги, всполошившей войска в районе Шевардинского редута. Об этом событии писало несколько очевидцев – Кастелан, Боссе, Булар, Шамбрэ, Гардье. Но наиболее точную картину дал Дюмонсо, непосредственный участник происшествия. Утром половина полка «красных улан» (2-го гвардейского шеволежерского) была отправлена искать фураж и произвести под командованием второго майора ван Хассельта рекогносцировку. «Красные уланы» двинулись вправо – в места боев 5-го корпуса, дошли до совершенно разоренной деревни (определенно Утицы) и, найдя там немного фуража, расставили вокруг посты. Неожиданно услышав где-то впереди себя «ура», они должны были выслать взвод солдат во главе с лейтенантом Зигелем-сыном, чтобы произвести разведку. Около полудня этот взвод, скача во весь опор, внезапно появился у бивака, извещая громкими криками о том, что следом за ним идут казаки. Повсеместно поднялась тревога, раздавались призывы: «На лошадей!», «К оружию!», «К палаткам императора!» Крики мешались с нестройными звуками труб. Котелки с пищей были опрокинуты, огонь переброшен на подстилки, лежавшие вокруг костров... Испуганные лошади брыкались, вырывались и убегали... Только появление хладнокровного маршала Бессьера смогло навести порядок. Солдаты наконец-то построились, и лейтенант Зигель сообщил маршалу, что при выходе из леса на него неожиданно напали и погнались многочисленные казаки. Бессьер приказал одному эскадрону отправиться в разведку. Через некоторое время тот возвратился, не найдя ни малейших признаков неприятеля. Был дан отбой, и гвардейцы вернулись на бивак. Наполеон, вернувшийся из рекогносцировки, когда солдаты еще были построены, сказал перед фронтом 2-го полка гвардейских улан «беззаботным тоном», обращаясь к герцогу Истрийскому (Бессьеру): «Ба! Ба! Это не к лицу»^[2050].

Примерно через час Наполеон вновь, сопровождаемый штабом, продолжил объезд поля сражения^[2051]. Бывший с ним в этой поездке Боссе видел, что «русские полки целыми рядами лежали распростертыми на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли лучше умереть, чем отступить хоть на один шаг»^[2052]. Иногда Наполеон приказывал определить, чем именно были убиты солдаты и какие части были на том или ином участке фронта. Император пытался точно понять, как действовали русские войска и сколько они могли потерять. Общим мнением было, что по всей линии в общем на одного убитого француза приходилось три, а то и более русских. Кастелан, например, уверял, что «было 6 мертвых русских против одного француза»^[2053]. В 18-м бюллетене, написанном рукой Наполеона, значилось: «Из 6 трупов было по одному французу и 5 русских»^[2054]. «...Я сам насчитал 20 мертвых русских на одного француза», – написал офицер 25-го линейного Парад^[2055].

Участник этой поездки адъютант Нарбонна Кастелан записал в своем дневнике впечатления об увиденном: в одном месте тремя рядами мертвых и умирающих четко были обозначены каре русской гвардейской пехоты. Наряду с предварительным подсчетом потерь Наполеон, как и во время первой поездки, продолжал проявлять заботу о раненых. Кастелан оставил нам историю, как один из наполеоновских солдат, раненный в голову, подбежал к императору с просьбой сделать ему перевязку. Наполеон, приказав дать ему водки и сделать перевязку, спросил, из какой тот страны. «Из Флоренции», – был ответ. Кастелан, слышавший это, неожиданно для себя был поражен мыслью о странности судьбы, которая привела флорентийца умирать в качестве французского конскрипта под стены Москвы. Между тем хирург императора барон Ивон с недовольным видом слез с лошади и сделал солдату перевязку. Догнав через несколько минут Наполеона и свиту, он пожаловался на то, что император уже истратил на раненых весь запас корпии, предназначенный для него самого^[2056]. Но как это могло помочь такому количеству раненых?

Напомним, что, согласно только неполным данным Деннье, Великая армия потеряла в Бородинском сражении 21 453 ранеными. Если даже принять во внимание большое количество легкораненых, все же трудно представить, как медицинская служба, испытывавшая нужду во всем уже в Вильно и Смоленске, могла помочь такому числу нуждающихся.

Хирурги, оперировавшие в те дни и ночи, невольно отмечали, что почти все раненые французы «обнаруживали спокойствие и терпение, и многие умирали от тяжелых пушечных ран, прежде чем очередь перевязки доходила до них» (Роос). «Наоборот, вестфалец, – отмечал Роос, – лишившийся правой руки, ругался и проклинал Наполеона и его брата и жалел, что не сможет отомстить»^[2057].

Но, пожалуй, то, как вели себя русские раненые, удивляло и французов. «Никто не проявляет большего стоицизма, чем покинутый русский солдат. Если он не волочится в поисках помощи, он заворачивается в свою шинель и встречает смерть безропотно», – писал капитан пеших гренадеров Старой гвардии Фантен дез Одар^[2058]. Массы искалеченных и окровавленных русских скапливались в оврагах, пытаясь хоть как-то укрыться от пронизывающего ветра. Особенно много их скопилось в овраге за батареей Раевского (во второй половине дня их видел там Дюмонсо, проезжая на Новую Смоленскую дорогу). Они ни о чем не просили и, ни на кого не надеясь, кроме как на Бога, сжимали в руках крестики или нательные иконки, тихо шепча молитвы. Так, один наполеоновский офицер, найдя в воронке от снаряда раненого унтер-офицера русской артиллерии, привел к нему врача Рооса. «...Сам русский относился к ране безразлично, но обнаруживал сильное присутствие духа, мужественно перенося мучения». Раненый был обречен. Все, что офицер и Роос могли сделать, – это накрыть его плащом, «обещав навестить его рано утром»^[2059]. Другой офицер-француз императорской гвардии Вьонне де Марингоне оставил для раненых, среди

которых было много русских, костер, который разожгли для него солдаты. Топливо на поле боя было таким дефицитом, что поступок офицера можно назвать самоотверженным. С одним из раненых русских Вьонне де Марингоне пытался говорить. Это был русский сержант с оторванными ногами, который не только был свидетелем свидания в Тильзите, но и пленником во Франции^[2060]. Но что в целом могли сделать французы, чтобы помочь русским раненым, когда не хватало самого необходимого и для своих?! Гриуа прямо свидетельствует, что амбулансы оказывали предпочтение французам^[2061].

Получив в 10 утра приказ о выступлении авангарда, Мюрат немедленно стал стягивать резервные кавалерийские корпуса и пехоту Дюфура к Новой Смоленской дороге. Те, кто подошел быстро к указанному месту сбора, как, например, дивизия Пажоля, были вынуждены некоторое время поджидать остальных. Среди поджидавших частей напротив Смоленской дороги был и 3-й вюртембергский конноегерский полк. «Это было то самое место, где артиллерия действовала так ужасно, что трупы лежали прямо рядами, – вспоминал Роос. – Тем временем солдаты ходили и обшаривали мертвых. Их недовольство найденным вызывало в нас смех; до того забавно было выражение их лиц, когда они находили медные монеты»^[2062]. Наконец, когда появился Мюрат, как всегда «неустанно деятельный, вечно неустрашимый», авангард двинулся вперед. Некоторые авангардные части, например 3-го кавалерийского корпуса, задержались еще некоторое время и присоединились позже^[2063].

Почти сразу, вступив на тракт и войдя в большой лес, через который шла дорога, солдаты авангарда увидели группу казаков, которые, появляясь, быстро исчезали среди деревьев. В голове колонны, заметно выдвинувшись вперед, шел 11-й конноегерский. Генерал Пажоль, который лично вел полк, приказал двум эскадронам провести впереди и по сторонам дороги фуражировку, а сам двигался по дороге с оставшимся третьим эскадроном. Неожиданно полк был атакован «тучей казаков». Так как люди и лошади 11-го конноегерского были совершенно вымотаны, солдаты сразу поняли, что не смогут оторваться от казаков. Два эскадрона, занимавшиеся фуражировкой, были спешно собраны и «встретили врага огнем из карабинов». Но это не помогло. Казаки опрокинули их на ехавший по дороге третий эскадрон полка, с которым находился сам Пажоль. В этой толчее какой-то казачий унтер-офицер прорвался к генералу с тыла, пытаясь поразить его пикой. Однако бригадир Юару (Нуагу) 5-го гусарского, который сопровождал Пажоля, успел нанести казаку смертельный удар. Через несколько минут головная часть дивизии Пажоля, уведомленная о том, что происходит, показалась скачущей галопом по дороге. Казаки моментально «испарились»^[2064]. Авангард медленно двинулся дальше.

Еще перед тем как въехать в лес, наполеоновские солдаты увидели остов деревянного сооружения. 7 сентября там был «русский амбуланс». Всю землю вокруг покрывали «груды отрезанных рук и ног»^[2065]. По обеим сторонам дороги солдатам видны были свежие могильные холмики с импровизированными деревянными крестами. Фантен дез Одар, который прошел со своим полком гвардии спустя несколько часов после авангарда по этой дороге, с нескрываемым удивлением и восхищением записал в журнал: «Несмотря на расстройство и стремительность отступления, русские смогли похоронить в течение последующей ночи всех своих раненых, которые умерли по дороге. Эти люди, которых мы называем варварами, весьма заботятся о своих раненых и считают долгом похоронить своих мертвых, в то время как мы, французы, гордые нашей цивилизацией, оставляем людей погибать без помощи и не утруждаемся погребением трупов до тех пор, пока зловоние не будет вызывать неудобство»^[2066]. Часть умерших по дороге раненых русские похоронить все-таки не успели. Солдаты французского авангарда не брезговали обшаривать их. Иногда в мешках и ранцах находили сухари и соль, а кто-то из полка Рооса обнаружил «мешочек с мускатными орехами».

Выехав из леса на открытое пространство, авангард Мюрата прошел полустогоревшую деревню Кукарино, расположенную в двух верстах от Можайска. Ее дома, переполненные к ночи после сражения ранеными, загорелись. «Несколько домов обращено было в пепел. Вблизи них, – писал Роос, – показали обгорелые, черные, обуглившиеся скелеты и разрозненные кости этих несчастных жертв вчерашнего дня, которые сначала истекали кровью под Бородином, среди мучений доставлены сюда и, наконец, пожраны были пламенем, казалось, для того, чтобы испытать до конца муки иногда столь горькой героической смерти»^[2067].

Следом за авангардом, часа в три – начале четвертого, двинулась Молодая гвардия с Легионом Вислы в голове колонны. Затем – весьма потрепанные части корпуса Даву. Наконец, двинулась и Старая гвардия. Рядом ехал Наполеон со штабом. Корпуса Нея и Жюно остались на поле боя собирать оставшихся без присмотра раненых и брошенное оружие^[2068].

Примерно в 4 часа выступили войска Богарне. Все утро занимаясь приведением в порядок своих войск и объезжая поле битвы, Богарне был информирован о подходе 15-й дивизии Пино, которая должна была в значительной степени восполнить понесенные 7-го числа потери. 4-й корпус Богарне, двинувшись по Большой Московской дороге и миновав Горки, свернул влево, направляясь вдоль Колочи. Вскоре корпус поравнялся с Масловскими укреплениями. Полковнику Бурмону было поручено их разрушить. Задача, поставленная корпусу Богарне, заключалась в том, чтобы двигаться слева от авангарда Мюрата и действовать по обстановке^[2069]. Корпус Понятовского, выступивший примерно в то же время, что и войска Богарне, шел южнее Большой дороги.

Вскоре после выхода из леса авангард Великой армии увидел русский арьергард, выстроившийся на подступах к Можайску^[2070]. Начальник арьергарда М. И. Платов, получив от главнокомандующего М. И. Кутузова приказ «оборонять город до последней крайности», ввел в него всю свою пехоту, состоявшую из четырех егерских полков, а кавалерию расположил впереди и с южной стороны города. Между французами и русскими «расстилось обширное пространство, изрезанное оврагом с ясно обозначенным скатом» в сторону Можайска (Гриуа). Русские орудия открыли огонь первыми. Французы еще не успели изготовиться к атаке, как одно из ядер поразило начальника штаба Мюрата генерала Бельяра и его лошадь. Хотя ядро совсем слабо затронуло икру ноги генерала и рана была признана неопасной, но самостоятельно он передвигаться не мог в течение нескольких недель^[2071].

Мюрат, получивший ранее от императора приказ взять Можайск в тот же день и пройти некоторое расстояние дальше, поспешил атаковать русских. Несколько раз его кавалеристы ходили в атаки, поддержанные огнем артиллерии и действиями пехоты Дюфура. Русские постепенно отступали, но не собирались сдавать город. Их пехота, построившись в каре, встретила кавалерию Мюрата у пригородов Можайска. Кавалерийские атаки неизменно отражались огнем русской пехоты и артиллерии почти в упор. К вечеру четырем вольтижерским ротам Дюфура удалось закрепиться в предместье и открыть непрерывный ружейный огонь. Но русские, тем не менее, город сдавать не спешили. Потеряв в ходе боя 76 человек, французская пехота с наступлением темноты решила ограничиться только беглым огнем своих вольтижеров^[2072].

Между тем Наполеон, который намеревался перенести штаб-квартиру в Можайск уже 8 сентября, приказал своим экипажам двигаться вперед. Недалеко от аванпостов экипажам императора пришлось остановиться. Сегюр, двигавшийся вместе с ними и намеревавшийся подыскать в городе достойное место для императорской Квартиры, увидел Мюрата, который был в сильном негодовании на вверенные ему войска, которые не могли войти в город. Сегюр повернул обратно. По дороге он повстречал маршала Мортье, и они пошли вместе.

«Разговаривая, мы заметили, что к нам приближается русское ядро. “Посторонитесь, Сегюр, – сказал маршал, – уступим дорогу тому, кто более спешит”». Неожиданно Сегюр заметил знакомую фигуру, идущую пешком по другую сторону дороги по направлению к Можайску. Главный квартирмейстер быстро пересек дорогу и остановил Наполеона, предупредив, что впереди небезопасно и идет бой. Медленно подняв голову, император произнес: «Итак, русские все еще в Можайске?» Сегюр указал на многочисленные огни по крайней мере 40-тысячной армии, блескующие на высотах за Можайском, и прибавил, что вход в город защищает сильный аррьергард^[2073].

Ночь с 8 на 9 сентября Наполеон провел в Кукарине, в двух верстах от Можайска, по-видимому, в негоревшем господском доме (*principale maison*)^[2074]. Несколько сохранившихся приказов, помеченные императором лагерем перед Можайском 8-м и утром 9 сентября^[2075], свидетельствуют, что Наполеон все же ожидал отхода русских от города. Вместе с тем он не исключал, что под стенами Москвы придется выдержать новое сражение. Русская армия, испытав 7 сентября страшное потрясение, все еще не была разбита. Если бы Кутузов решился на новый бой, не было ясно, когда и где это произойдет. Если бы армия противника все же продолжила отступление, отказавшись от сражения, то по какой дороге она бы отступила? Наконец, Наполеон спрашивал себя о том, насколько быстро только что состоявшееся сражение и взятие Москвы могли бы подвигнуть Александра на переговоры о мире? Для того чтобы быть совершенно уверенным в скором начале таких переговоров, следовало заставить Кутузова принять еще один бой и окончательно разбить его. Но Наполеон, понимая необходимость нового сражения, теперь сам все более его боялся.

То, что Можайск не был взят с ходу, свидетельствовало о нескольких вещах: о том, что русская армия была отнюдь не деморализована, о том, что, задержав Великую армию у Можайска, Кутузов получил известную свободу маневра, о том, что военная инициатива стала переходить к русским. Было еще одно обстоятельство, последствия которого Наполеон хотя и предугадывал, но изменить что-либо был уже не в состоянии. Благодаря задержке Великой армии у Можайска русское командование смогло представить результаты битвы под Москвой как, во многом, успешные для русского оружия, а Александр I усилил у подданных это впечатление, внешне восприняв Бородино как очевидную победу^[2076].

Как только стало светать, бой за Можайск возобновился. Русская орудийная батарея, «замаскированная на кладбище», открыла огонь по бивакам французской пехоты. Дивизия Дюфура, быстро построившись в две колонны, пошла вперед, поддерживаемая огнем артиллерии и четырех вольтижерских рот, с вечера закрепившихся в предместье. Части русского аррьергарда, вероятно по приказу Платова, стали стремительно отступать. Колонны французской пехоты, войдя в город около 7 часов, там соединились, получив «славный трофей» – большой магазин водки, из-за которого среди победителей немедленно началась борьба. Офицеры штаба маршала Бертье потребовали сохранить магазин для императорской гвардии, но генерал Дедем, чьи солдаты его захватили, поступил по-своему, нарушив принятое правило, и распределил водку среди различных частей армии^[2077].

Между тем «туча казаков вертелась вокруг площади» города, прикрывая отступление основных сил аррьергарда. Французская пехота, задержавшись в Можайске на некоторое время, возобновила движение и, выйдя на восточные окраины города, увидела в полулье русский аррьергард, готовый, казалось, возобновить бой. Однако русские стремились только задержать марш пехотинцев Дюфура, чтобы дать возможность всему обозу аррьергарда выехать из города^[2078]. Все убеждало в том, что неприятель не собирается давать возле Можайска второе сражение, но приводит свои войска в порядок, казалось, для боя под стенами Москвы. Дезертиры, допрошенные начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса штабным полковником А.-П.-Ж. Шпель де Жюмилляком, аристократом высокомерного вида, это подтвердили^[2079].

Авангард Мюрата в течение всего дня 9 сентября продолжал напирать на арьергардные части русской армии. Французская пехота была развернута в линию; кавалерия заняла места в ее интервалах. Правый фланг двигавшихся вперед французов долгое время был прикрыт оврагом и не подвергался атакам русской кавалерии. Зато левый фланг, прислоненный к еловому лесу, должен был свернуться в каре. Во время одной из русских контратак 2-й батальон 33-го линейного, бывший под командованием капитанов Колье (Callier) и Сабатье (Sabatier) и составлявший крайний левый фланг, был совершенно окружен неприятельской кавалерией, которая располагала конными орудиями. Французам было предложено сдаться, но батальон, в котором было всего 176 человек, ответил огнем. Благодаря стойкости батальона и подошедшей поддержке русская кавалерия была отбита^[2080].

Вюртембергцы конно-егерского полка «герцога Людвига», двигаясь в тот день по «огромному ровному полю», обнаружили места, где был в минувшую ночь бивак противника. Немецкие солдаты «нашли здесь две недавно отрубленные лошадиные головы», и это стало поводом для того, чтобы начать рассказывать друг другу страшные истории про башкир, которые вместо варки кладут конину «на полдня или на день под седло и, когда она от этого станет мягче, съедают ее»^[2081].

С утра 10 сентября французский авангард возобновил военные действия. Пехота русского арьергарда пыталась сдерживать французов, но, увидев угрозу обхода с севера, решила отойти^[2082].

Бой, и очень ожесточенный, возобновился ближе к вечеру, около 4 часов пополудни, когда два батальона полка Жозефа-Наполеона, один батальон в 300 человек 33-го линейного и отряд легкой кавалерии под командованием генерала Б.-Н. Кастекса, двигавшиеся в голове авангарда, стали подходить к с. Крымское. Начальник русского арьергарда генерал Милорадович решился в этот раз оказать сильное сопротивление, так как главные силы русской армии располагались всего в четырех верстах за р. Нарой и отход арьергарда имел бы самые серьезные последствия. Поэтому головная часть французского авангарда была, при поддержке пехоты, энергично атакована кавалерией Уварова и казаками. В течение двух часов испанским и французским пехотинцам приходилось отбивать атаки кавалерии. Только когда уже стало быстро темнеть, на помощь им подошел 15-й легкий пехотный полк и 3-я легкая кавалерийская дивизия. Бой закончился к 10 часам вечера. Потери обеих сторон были значительными (по свидетельству генерал-майора Г. В. Розена, русские потеряли до 2 тыс. человек; полагаем, что потери французов были примерно такими же)^[2083].

Французам, по-видимому, удалось только несколько оттеснить русские войска (французская пехота на всю ночь осталась под ружьем). Злые языки говорили, что столь ожесточенный, но, в сущности, бесполезный для французов бой авангард Мюрата вел только ради того, чтобы захватить «очень приятное шато, которое весьма подходило для Неаполитанского короля» и который хотел там заночевать^[2084]. Как бы то ни было, ночевка действительно состоялась в Крымском.

Когда французы вступили в Можайск 9 сентября, он являл собой страшное зрелище. Помимо того, что часть домов уже сгорела или была полуразрушена, многие здания были переполнены русскими ранеными. Множество раненых и мертвых покрывало площадь Можайска; некоторые раненые еще брели и ползли вдоль улиц, ища хоть какую-нибудь помощь. Их было, по разным данным, от 6 до 10 тыс. человек^[2085]. Ларрей сделал все, что было в его силах, чтобы облегчить участь обреченных. С помощью солдат императорской гвардии он организовал раздачу воды и небольшого количества сухарей. Все неперевязанные раненые были перевязаны. Так как еще живые лежали вперемешку с мертвыми, тела умерших были удалены – их пришлось выбрасывать прямо в окна^[2086]. Ужас ситуации усугублялся тем, что в Можайск стали прибывать раненые французы, и их тоже надо было разместить в домах и оказать помощь. Хотя часть русских раненых оставили в домах, многих

из них стащили в сады и огороды, где они были брошены на произвол судьбы и могли есть только капусту, росшую там, и мясо своих умерших товарищей!^[2087]

Наполеон въехал в Можайск 9 сентября в середине дня. Каменный купеческий дом, выходявший фасадом на площадь, возле спуска с крутой горы, на которой высился недостроенный Никольский собор, был немедленно приспособлен под Главную квартиру императора. Хотя дом был либо не достроен, либо уже разорен проходившими войсками, он был, по крайней мере, лучше палатки, в которой Наполеон провел четыре холодные и дождливые ночи. Наскоро устроившись, он возобновил работу Кабинета, отложенную на пять дней. Совсем потеряв голос, император прибегнул к перу, что было «серьезным нарушением привычки» (Фэн). Скрипя пером, Наполеон быстро покрывал листы бумаги своими каракулями. Для того чтобы их разбирать и переписывать, Наполеон задействовал не только своих обычных секретарей, Меневалю и Фэна, но также и начальника топографического кабинета штабного полковника Бакле д'Альба, барона Мунье и одного из штабных полковников Главного штаба. Графу Дарю и Бертье также пришлось взять на себя часть дела. С огромным трудом расшифровывалась каждая строчка наполеоновских набросков, а тем временем император, заканчивавший новый приказ, стучал по столу, чтобы забрали уже накопившиеся наброски. Почти весь день прошел в этой немой работе, когда был слышен только скрип перьев и стук по столу Наполеона, требовавшего забрать очередную бумагу^[2088].

Наполеон, хотя и потеряв голос, снова был прежним – деятельным, полным энергии и вдохновения. Даже сохранившиеся бумаги, составленные им в те дни в Можайске, поражают своим количеством и разнообразием затронутых вопросов: Наполеон распорядился произвести рекогносцировку окрестностей Можайска, построить редут для прикрытия дефиле, соорудить два моста через р. Москву; принцу Евгению было послано не менее пяти приказов – о движении к Рузе, а затем к Звенигороду, о строительстве мостов и сборе скота и т. д.; маршалу Нею – о подтягивании его войск к Можайску; Жюно – о пребывании на поле боя, а затем о занятии Можайска; Понятовскому – о продвижении в с. Фоминское и защите дороги на Калугу... 10-го Наполеон составил бюллетень о сражении под Москвой, распорядился отправить циркуляр епископам, чтобы те провели по всей империи службы по случаю победы. Много внимания уделил возобновлению боеприпасов (видимо, к 12 сентября ситуация в этом плане была уже вполне удовлетворительной, так как еще до сражения из Смоленска двинулось до 800 артиллерийских повозок с боеприпасами), защите коммуникаций. При этом Наполеона сравнительно мало волновало положение на северном и южном флангах театра военных действий. Он полагал, что они достаточно хорошо прикрыты и главная цель, как и прежде, заключалась в том, чтобы «поразить врага в сердце». Однако поступавшие к Наполеону сведения, в том числе информация об упорном бое у Крымского 10 сентября, заставили императора всерьез думать о возможности второго сражения под Москвой^[2089].

Нашел Наполеон время и для того, чтобы 11 сентября написать Марии-Луизе: «Мой дорогой друг, я получил Твое письмо от 26-го. Ты находишь Трианон очень веселым, это прекрасный сезон. Это заставило меня подумать, как хорошо нам было в прошлом году. Здесь жар прекратился, холодно. Моя кровь хороша, между тем небольшой насморк, который у меня был, закончился. Мои дела идут хорошо, обними маленького короля от меня дважды. Напиши своему отцу и отправь с курьером, он мне сказал, что беспокоится, не получая от Тебя вестей. До свидания, моя дорогая. Всего хорошего»^[2090].

После боя у Крымского русские продолжали отходить на Москву. Теоретически, и этого Наполеон исключить не мог, Кутузову было бы разумнее отступать к Калуге или, наоборот, на север, прикрывая Петербург. Тогда Наполеону, возможно, пришлось бы двигаться не на Москву, а за русской армией. Но это было возможно только теоретически – после Бородина

русская армия сократилась до 50–55 тыс. и, имея перед собой все еще почти 90- или 100-тысячное войско Наполеона^[2091], могла идти только к Москве^[2092].

Но и французская армия неузнаваемо изменилась^[2093]. 12 сентября, в день, когда Наполеон покидал Можайск, чтобы двигаться дальше на Москву, Фезенсак, ранее служивший адъютантом у Бертье, принимал возле с. Кубинское 4-й линейный из корпуса Нея. «...Я был поражен вымотанностью войск и их малочисленностью», – напишет он позже. «Никогда еще мы не несли столь тяжкие потери; никогда еще моральное состояние армии не было столь потрясено. Я не видел признаков былой веселости солдат. Мрачное молчание сменило песни и шутки, которые в свое время заставляли забывать усталость долгих маршей. Сами офицеры выглядели озабоченными; они служили теперь только из чувства долга и чести. Это уныние, обычное для армии, потерпевшей поражение, было странным после решающего сражения, победа в котором открыла для нас ворота Москвы»^[2094].

Вновь возобновилась, затихшая было, грызня между высшими начальниками Великой армии. Подобно тому как в конце августа, командование было раздражено длительным отказом русских от генерального сражения, теперь, когда сражение уже состоялось и, казалось бы, было выиграно, стычки между Мюратом и Даву начались снова^[2095].

В течение 11 сентября авангард Мюрата оставался возле Крымского, не решаясь двигаться дальше, пока не выяснится ситуация на флангах. Богарне в это время через Рузу направлялся в Звенигород. Южнее Мюрата, на ощупь, пробирался вперед Понятовский, намереваясь перекрыть Калужскую дорогу^[2096].

Утром 12 сентября Наполеон, полагая, что Богарне уже занял Звенигород, приказал Мюрату начать движение дальше, на Москву^[2097]. По сведениям, которыми располагал Наполеон, главные силы неприятеля могли быть в 25 верстах от Москвы, перед Перхушковым, где, по данным разведки, было сооружено «18 батарей»^[2098]. Авангард Мюрата пришел в движение. Однако в тот день никаких стычек с русскими не произошло. «12. День моего рождения, 28 лет, – записал вечером в свой дневник капитан Бонне из корпуса Нея, – мы спокойно маршировали в течение 8 часов без того, чтобы слышать ружейный выстрел...»^[2099] Главные силы русских в тот день приближались уже к Мамоновой, располагавшейся всего-навсего в 10 верстах от древней столицы.

В полдень 12 сентября Наполеон, сев в коляску, покинул Можайск и к 6 вечера остановился, не доезжая с. Таторки (во французских документах – Tatarki)^[2100], в помещицком доме справа от дороги, примерно на половине пути из Можайска в Москву^[2101]. «Император расположился в дурном шато, – записал Кастелан. – Мы в риге; было очень холодно». Вечером Наполеон продиктовал Бертье приказ для авангардов: Мюрат должен был на следующий день выдвинуться к Перхушково, принц Евгений – двинуться от Звенигорода дальше, с намерением перекрыть дорогу из Москвы на Петербург, а Понятовский – дорогу на Калугу^[2102].

Наполеон был почти уверен, что русская армия отступает к Москве. Однако его беспокоило отсутствие сведений, это подтверждавших. Армия двигалась как бы в безвоздушном пространстве, словно заманиваемая в ловушку. «Если неприятель не находится перед вами, – писал 13-го из Таторок Мюрату по поручению Наполеона Бертье, – то надо опасаться, не перешел ли он вправо от вас, на Калужскую дорогу. В таком случае очень возможно, что он бросится на наш тыл. Неизвестно, что делает Понятовский, который должен находиться в двух лье вправо от вас. Прикажите ему двинуть свою конницу на Калужскую дорогу. Император остановил здесь корпуса Даву и Нея до тех пор, пока не получит от вас известий о том, где находится неприятель. Его Величество с нетерпением ожидает известий о том, что происходит на вашем правом крыле, т. е. по дороге из Калуги в Москву»^[2103].

13 сентября в 9 утра кавалерия Мюрата двинулась к Перхушкову^[2104]. Русской армии там не было. В тот день она вышла из Мамоновой и вплотную подошла к Москве, расположившись в двух верстах впереди Дорогомиловской заставы.

Мюрат, миновав Перхушково, пошел дальше. Главная квартира императора из Таторок была перенесена в с. Вязёмы, имение князя Б. В. Голицына. «Мы прошли два с половиной лье к месту обитания князя Голицына, расположенному на берегу озера в одно лье, – записал вечером 13-го Кастелан. – Это первый действительно прекрасный дом и с большими службами, единственное настоящее шато, встретившееся после нашего вступления в Россию; солдаты авангарда, по своему обыкновению, немного все “перевернули”; ткань на мебели они искромсали»^[2105]. Сам Наполеон расположился также в Вязёмах и имел там ночлег^[2106]. Мюрат к вечеру 13-го был уже «в виду Филей» и передавал, «что враг укрепил Воробьевы горы, а также еще одну гору»^[2107]. Наполеон не знал, и не мог знать, что Москву русские уже решили оставить без боя.

В то время, когда утром 14 сентября авангард Мюрата завязал перестрелку с арьергардом Милорадовича у Фарфоровых заводов и стал быстро теснить его к Москве, Наполеон вместе с Бертье пересеживались из кареты, в которой они выехали на рассвете, в седла. Мост, перекинутый через глубокий овраг, был сожжен. Наполеон, не желая дожидаться, пока инженеры возведут новый мост, поскакал верхом.

В 10 утра примерно в 12 верстах от Москвы Наполеон был встречен Мюратом. Здесь, прохаживаясь по церковному двору, он и узнал из уст Неаполитанского короля, что русские отказались от мысли дать под Москвой второе сражение^[2108]. Позавтракав, Наполеон в сопровождении двух дежурных эскадронов неторопливым аллюром поскакал к Москве^[2109].

3.8. Итоги. Рождение памяти

Утром 14 сентября было холодно и пасмурно. Однако после полудня, когда Наполеон со свитой въехал на Поклонную гору, стало уже тепло и солнечно. «Вот наконец этот знаменитый город! – воскликнул Наполеон и затем добавил: – Да и пора уж! (il était temps!)»

Вид чудесного города, озаренного солнцем, оказал на солдат Великой армии магическое действие. «...Мы вдруг увидели тысячи колоколен с золотыми куполообразными главами. Погода была великолепная, все это блестело и горело в солнечных лучах и казалось бесчисленными светящимися шарами. Были купола, похожие на шары, стоящие на шпице колонны или обелиска, и тогда это напоминало висевший в воздухе аэростат. Мы были поражены красотой этого зрелища, приводившей нас в еще больший восторг, когда мы вспоминали обо всем том тяжелом, что пришлось перенести. Никто не в силах был удержаться, и у всех вырвался радостный крик: “Москва! Москва!!!” – так писал Лабом, книга которого о Русском походе вышла уже в 1814 г.^[2110] Ложье из того же 4-го корпуса, склонный к чтению классической литературы, не преминул вспомнить Тассо, который описал армию Готфрида Бульонского, увидевшую башни Иерусалима: «У каждого как бы крылья выросли на сердце и на ногах; как легко стало идти. Солнце лило свои горячие лучи на бесплодные поля, оно дошло до зенита, когда Иерусалим предстал перед нами! Да, это Иерусалим, мы видим его, мы осязаем его, тысячи голосов, как один, звучат в воздухе, приветствуя Иерусалим!»^[2111]

Да, солдаты чувствовали себя крестоносцами, оказавшимися на границе мира! «Настал наконец день славы, – передавал состояние эйфории, соединенное с ощущением исторического величия минуты, генерал Сегюр, – в наших воспоминаниях он должен был сделаться лучшим, блестящим днем всей нашей жизни. Мы чувствовали, что в это время обращены удивительные взоры всего мира на наши действия и каждое малейшее наше движение будет иметь значение в истории. Казалось, мы шествуем по этому громадному и

величественному поприщу, окруженные всеобщим удивлением народов, гордые тем, что мы вознесли славу нашего века выше всех других веков. Когда мы возвратимся на родину... с каким почтительным вниманием, с каким восторгом встретят нас наши жены, наши соотечественники и даже наши отцы! Во всю остальную нашу жизнь мы будем какими-то особыми существами, на которых они будут смотреть с удивлением, которых они будут слушать с любопытством изумления, будут бегать за нами, ловить каждое слово. Это чудодейственное завоевание облечет нас славою; от нас будет веять чем-то дивным и чудесным... В это время были забыты все опасности и страдания. Можно ли купить слишком дорогою ценою высокое счастье во всю жизнь повторять: и я был в войсках, вступивших в Москву»^[2112].

Солдаты и офицеры словно забыли о всех тяготах похода, страшной Бородинской битве, после которой вся армия не переставая ворчала, обвиняя Наполеона в незавершенности победы. Теперь все, или почти все, убежденные в скором мире, были готовы расценивать битву под Бородином как великую победу, обеспечившую конец кампании. «...Мысль, что мы после стольких страданий, лишений и трудов дожили до этого дня, – думал в те минуты вюртембержец Роос, – что мы в числе первых вошли в эти любопытные стены, – все это заставляло нас забыть о прошлом»^[2113].

Многие воспринимали вступление в Москву не только как конец войны с Россией, но и как начало всеевропейского мира. Как написал Деннье, чины Великой армии испытали в те часы истинное упоение, «припоминая, что многие только несколько месяцев назад находились при осаде Кадикса. А Москва – это мир! Это славный мир! Действительность казалась этим войскам волшебной сказкой из тысячи и одной ночи. Гений их полководца снова восстал в прежнем блеске; они достигли указанного им конца похода, беспримерного по трудностям, которые они преодолели. Затем последует обещанный мир, спокойствие и слава»^[2114].

Мира не наступило. Москва была пуста. Су-лейтенант Комб и его друг Паскаль, попав вечером 14-го в Москву, были поражены: «Ни малейшего шума, ни малейшего признака жизни, как внутри домов, так и снаружи: всюду царствовало глубокое молчание, молчание могилы... Мы остановили своих лошадей. Нам было страшно. Великое решение, принятое неприятелем, покинуть город предстало перед нашими глазами, как призрак, угрожающий и ужасный»^[2115].

В ночь на 15-е начались пожары. «По направлению к Москве видно громадное зарево и огромные столбы дыма, – записал 15 сентября Лоссберг. – Страшно становится при мысли, что этот город постигнет та же участь, как и все другие города, начиная от Смоленска! Что стало бы тогда со всеми нашими пожеланиями!»^[2116]

В таком противоречивом настроении чины Великой армии обосновывались в Москве. Отгоняя от себя скверные мысли и продолжая тешить себя надеждами на заключение мира, солдаты и офицеры впервые получили время и возможность припомнить и оценить то, что произошло с ними на Бородинском поле. Началась «конденсация» их памяти. Наиболее интенсивно этот процесс рождения памяти проходил в те минуты, когда солдат брал в руки перо и пытался перенести свои припоминания о днях Бородинского сражения на бумагу. Обрывки ощущений и воспоминаний приобретали более отчетливые, чем было в пылу сражения или сразу после него, очертания. Обратимся же к этим бесценным строкам солдатских писем.

Мы располагаем 256 письмами, отправленными из главных сил Великой армии в период со дня Бородинского сражения 7 сентября по 18–19 октября 1812 г., когда армия покинула Москву и начала отступление. Учитывая возможность заметной эволюции в настроениях чинов за этот период, мы разделили его на два этапа – с 7 сентября по 30 октября (97 писем) и с 1 по 18/19 октября (159 писем)^[2117]. Выделив основные тематические единицы и

смысловые высказывания, а также распределив письма по социальному статусу их авторов в системе официальной иерархии, мы получили следующие результаты.

Таблица 1

Распределение тематических единиц и смысловых высказываний в письмах чинов Великой армии (7 сентября – 30 сентября 1812 г.)

Тематическая единица и смысловое высказывание (97 писем)	Маршалы (6 писем)	Генералы и высшие чины администрации (19 писем)	Офицеры (50 писем)	Чиновники (3 письма)	Солдаты и унтер-офицеры (7 писем)	Неидентифицированные авторы	Доля от общего числа, %
Собственные потери	3	14	10	1	2		30,9
Пожар Москвы		5	15		2	3	25,75
Награды, служебное продвижение		6	11		1		18,54
Раны, болезни	2	5	4		1		12,36
Трудности, усталость		4	5		1		10,3
Император		2	4		1		7,21
Надежда на мир			5		1		6,18
«Русские варвары»		1	3		1	1	6,18
Упоение победой	2						2,06
Храбрость войск	1						1,03
Пища		1					1,03
Казаки			1				1,03
Русская зима (холод)			1				1,03
Пустынная местность				1			1,03
Невыплата жалованья				1			1,03
Происки английских агентов					1		1,03

Таблица 2

Распределение тематических единиц и смысловых высказываний в письмах чинов Великой армии (1 октября – 18/19 октября 1812 г.)

Тематическая единица и смысловое высказывание (159 писем)	Маршалы (28 писем)	Генералы и высшие чины администрации (44 письма)	Офицеры (28 писем)	Чиновники (25 писем)	Солдаты и унтер-офицеры (2 письма)	Неидентифицированные авторы (32 письма)	Доля от общего числа, %
Зима (холод)	1	6	4	6	2		11,97
Болезни (раны)	3	10	4		1		11,34
Потери	1	5	2	2	2		7,56
Подготовка к отступлению	1	5	3			1	6,3
Мечты о мире		3	4	2			5,67
Награды, служебное продвижение		1	7				5,04
Пожар Москвы		2	2	2	1		4,41
Трудности, усталость		2	1	2			3,15
Казачи, партизаны				2			1,26
Император		1	1				1,26
Питание					2		1,26

Итак, до октября месяца армия была озабочена, прежде всего, потерями, понесенными, главным образом, на Бородинском поле. «Не знаю, сколько мы всего потеряли, но что касается нашей роты, то осталось 24 человека из 140 человек», – сообщает Ф. Пулашо, солдат 21-го линейного из 3-й пехотной дивизии 1-го корпуса^[2118]. «Наш полк, который постоянно был во главе всех войск, сильно пострадал. У нас многие офицеры ранены или убиты, среди последних три командира батальона из пяти. У меня легкая контузия, которая немного сказывалась в течение 8 или 10 дней...» – пишет домой Ж.-П.-М. Барье, офицер 17-го линейного (1-й дивизии 1-го корпуса), который так же, как и 21-й, боролся за батарею Раевского^[2119]. О том, что из четырех батальонов 30-го линейного после битвы сформированы два батальона, сообщал старший сержант этого злополучного полка Фуке. «Наш дивизионный генерал Моран, наш командир бригады, наш полковник, наш старший майор ранены, три командира батальона убиты, 16 офицеров убиты, 52 офицера ранены, а сколько солдат...»^[2120] «Дело в том, мой дорогой, – дипломатично пишет своему другу полковнику Ж.-Ф. Ноосу в Данциг дивизионный генерал Л.-Ж. Грандо, – что мы очень

жестоким манером взаимно с русскими поджарили друг друга. Враг очень много потерял, мы *тоже*, но тише. Все, что я сказал, правда, но это между Вами и мной»^[2121].

Те части корпуса Даву, которые боролись за Семеновские укрепления, пострадали не меньше. «Я потерял большое количество храбрых бойцов всех чинов моего полка», – скупое напишет генерал Ж.-Л. Шарьер о своем 57-м линейном^[2122]. «Говорят, что все батальоны – Аустерлиц, Иена, Пултуск, Эйлау, Экмюль и Ваграм – не сравнятся с последней битвой 7 сентября. Ты, конечно, прочла изложение этого знаменитого дела в печати, – обращался к любимой женщине м-ль Ж. Бонграс лейтенант 25-го линейного П.-Л. Паради, – но я без преувеличения могу сказать, что поле битвы, которое протянулось на 3 лье, было покрыто мертвыми и ранеными». И хотя Паради заявил, что большинство трупов принадлежало русским, но в конце все-таки добавил: «В этом деле я потерял многих добрых товарищей»^[2123].

Немало писалось и о больших потерях 3-го армейского корпуса. Генерал Шелер в середине сентября писал королю Вюртемберга, что дивизия Ледрю, в которой было 11 тыс. человек, теперь насчитывает не более 2 тыс., а дивизия Разу, которая менее пострадала в сражении, насчитывает самое большее 3 тыс. По мнению Шелера, к середине сентября в вюртембергской пехоте под ружьем было не более 1197 человек, в кавалерии – 444, в артиллерии – 385. В госпиталях находилось 5289 человек^[2124].

О катастрофическом состоянии после сражения 8-го армейского корпуса свидетельствуют чуть ли не все письма, исходящие от его чинов. «Я сейчас (после легкой раны, которую получил 7 сентября у Масси в генеральном сражении от большой пули в правую ногу) здоров и весел, да и рана-то была легкой, через 8 дней я уже мог ходить! Но очень многие из моих друзей поплатились гораздо тяжелее...» – писал домой сержант гренадерской роты 1-го батальона 2-го полка вестфальской линейной пехоты Х. Эрихрат^[2125]. «7 сентября было третье сражение под Циаско, которое длилось три дня» и «где пули сыпались дождем как горох», – пишет солдат И. А. Вернке из того же корпуса. «Полк насчитывает уже около четырех сотен человек, ибо он вышел из огня...» «Даже не знаю, что на этот раз и написать, кроме того, что вскоре вы увидите многих калек без рук и ног...»^[2126]

О том, что 7 сентября армия потеряла 1050 канониров и 83 офицера артиллерии разных чинов убитыми, написал домой командир батальона из штаба резервной артиллерии 5-го (польского) корпуса Кобылянский^[2127].

Каковы же были реальные потери Великой армии в Бородинском сражении? Насколько адекватно отразили строки армейских писем реальное положение дел?

Участники сражения с наполеоновской стороны, так или иначе имевшие доступ к данным о потерях по всей армии, называли следующие цифры: Ж. Шамбрэ и К.-Ф. Меневаль – 30 тыс. убитыми и ранеными, Д.-Ж. Ларрей – 22 тыс., Р. Солтык – 18 тыс. и т. д. Сам Наполеон в пропагандистских целях писал о 8–10 тыс.^[2128] П.-П. Деннье, занимавший должность инспектора смотров в кабинете Главного штаба, в своей работе, которая, как известно, вышла в 1842 г., уверял, что 21 сентября им для маршала Бертье была подготовлена сводная ведомость по потерям 5–7 сентября, где поименно были названы все убитые и раненые генералы и полковники: 49 генералов (из них 12 убито) и 37 полковников (из них 10 убито)^[2129]. Он же дал цифры и по потерям среди всех офицеров, унтер-офицеров и солдат: 6547 офицеров, унтер-офицеров и солдат убито и 21 453 ранено^[2130]. Насколько эти цифры поддаются проверке?

Скажем сразу, данных о потерях по отдельным частям и соединениям очень немного. Так, согласно рапортам, кирасирские полки Тильмана потеряли 41 офицера и 552 рядовых (из них саксонцы – 33 офицера и 433 рядовых)^[2131]. Баварская кавалерийская дивизия Преизинга

потеряла 7 сентября 14 человек убитыми и 47 ранеными^[2132]. Вюртембергская кавалерия в целом потеряла 4 офицеров и 30 рядовых убитыми, 24 офицера и 250 рядовых ранеными и 10 человек пропавшими без вести. Вюртембергская пехота – 1 офицера и 21 солдата убитыми, 14 офицеров, 223 солдата ранеными и 15 пропавшими без вести^[2133]. Есть разрозненные данные и по ряду других частей и соединений.

Однако пытаться проверить эти данные и соотнести их между собой очень сложно. Подобную операцию мы попытались провести в отношении трех дивизий 1-го армейского корпуса, которые штурмовали Семеновские укрепления и материалы о потерях которых оказались наиболее полными.

Очевидно, что среди них наиболее пострадала 5-я дивизия, и особенно 57-й полк. «Это дело дорого стоило полку, – читаем в рапорте Шарьера. – Генерал, командир бригады, ранен на редуте. Г-н майор Яже... серьезно ранен. Г-н начальник батальона Жерар смертельно ранен в лесу. Г-н Боайе (Boyer), командир батальона, 28 офицеров и 867 унтер-офицеров и солдат были ранены в лесу у редута. Я скорблю о пятерых славных и храбрых офицерах, которые были убиты, и особенно о господах капитанах Виала (Viala) и Левайаре (Levallard), о 108 унтер-офицерах и солдатах, которые также убиты и о 236 пропавших без вести...» В целом, согласно рапорту, общие потери полка составили 1215 человек! Эта цифра явно завышена. Из воспоминаний Дютейе де Ламота следует, что 7 сентября, по его мнению, 57-й потерял примерно 800 человек^[2134]. При этом данные Мартиньена, который, как известно, опубликовал составленные им по дням поименные списки убитых и раненых офицеров Первой империи, с этой последней цифрой вполне согласуются: 7 сентября в 57-м было убито и смертельно ранено 14 и ранено 26 офицеров. Это может соотноситься с потерей среди рядового состава примерно в 800 человек.

Еще более странно звучат цифры потерь 111-го линейного полка, данные в приложении к полковому рапорту: убито – 1 офицер и 38 солдат, ранено – 6 офицеров и 270 солдат, без вести пропавшие вообще не указаны. По данным же Мартиньена, 7-го полк потерял убитыми и смертельно ранеными 7 офицеров и ранеными 19. Это может соотноситься с потерями среди рядового состава примерно в 540 человек. Кстати, Фоссен называет достаточно большую цифру потерь (400 убитых, «в том числе, по крайней мере, 20 офицеров», и множество раненых). Рапорт 61-го о потерях умалчивает, а рапорта 25-го линейного нет вовсе.

Опираясь только на данные Мартиньена о потерях среди офицерского состава (в 25-м убито 2, ранено 5 офицеров; в 61-м убито и смертельно ранено 6, ранено 13), можем предположить общие потери 25-го примерно в 140–150, 61-го – в 400 человек^[2135]. Итак, общие потери по 5-й пехотной дивизии могли составить более 2 тыс. человек, не включая потери в дивизионной артиллерии.

По дивизии Фриана нам известны подробные данные о потерях 33-го линейного со слов генерала Дедема. По его мнению, полк потерял пятнадцать сотен человек, включая 48 офицеров и 360 солдат убитыми; были ранены полковник Пушлон (Pouchelon), майор Мэр (Maire), 92 офицера и более 900 солдат. Сам Дедем был ранен («в 6 часов перед каре моей бригады»), дважды контужен и потерял 2 лошадей. Его данные совершенно не согласуются с материалами Мартиньена (убито и смертельно ранено 9, ранено 19 офицеров; что соотносится с потерями рядового состава примерно в 560 человек). Если сопоставить цифры Дедема и степень участия 33-го полка в сражении с интенсивностью участия в бою других частей, то становится непонятным, как 2-я дивизия могла на следующий день двигаться в авангарде Мюрата, а затем сражаться за Можайск. Столь же большие сомнения вызывает цифра потерь по 48-му линейному, которая дается в «Историческом рапорте», – 800–900 человек. По Мартиньену, эта часть потеряла 7 сентября убитыми и смертельно ранеными 9 и ранеными 22 офицера (то есть примерно 620 рядовых и унтер-офицеров); 15-й легкий –

убитыми и смертельно ранеными 10 и ранеными 16 офицеров (соотносится с потерей 520 солдат). По двум батальонам полка Жозефа-Наполеона цифры, указанные в записке полковника де Чюди, выглядят вполне достоверно – двое убитых и 34 раненых, среди последних 2 офицера: лейтенант Лавез (Lavege) и сублейтенант Монтюель (Montuel). Общие потери дивизии Фриана полагаем около 2 тыс. человек, без учета дивизионной артиллерии^[2136].

Данные о потерях дивизии Дессэ, во-первых, исчисляем по Мартиньену (85-й линейный: 6 убитых и 10 раненых офицеров; 108-й линейный: 2 убитых и смертельно раненных и 13 раненых офицеров), а во-вторых, проверяем по переключке 20 сентября (190 офицеров и 4807 солдат в строю)^[2137]. Получается цифра в 600–650 человек. Общая сумма потерь трех дивизий без учета штата артиллерии могла быть примерно 5 тыс. человек или чуть более.

Эта операция, проведенная нами в отношении трех дивизий Даву, выявила две характерные особенности: во-первых, командиры в рапортах, тем более составленных сразу после боя, были склонны весьма завышать потери, а во-вторых, в эти цифры автоматически включались те, кто по тем или иным причинам оторвался от своей части.

Есть ли иные способы просчитать общие потери Великой армии 5–7 сентября? По нашему мнению, их два. Первый из них уже попытался применить А. А. Васильев, сопоставляя ведомости состава армии на 2 и 20 сентября 1812 г.^[2138] Мы в свое время решились повторить эту операцию, внося, на наш взгляд, необходимые коррективы.

На 20–26 сентября 1812 г. в главных силах Великой армии было 73 775 человек пехоты (вместе со штатом артиллерии) и примерно 22 тыс. кавалерии (также вместе с артиллерией)^[2139]. К этим цифрам мы прибавили численность 8-го корпуса, который, находясь в основном в Можайске, не попал в общую ведомость. Данные о численности этого корпуса после Бородина противоречивы (максимальное число бойцов могло быть 5,7 тыс. пехоты и 470 человек кавалерии), поэтому мы взяли условно 6 тыс. человек. Вычли силу пехотных дивизий Пино и Делаборда (примерно 11 тыс.), присоединившихся сразу после сражения, а также 2 тыс. кавалерии из числа маршевых полков. Вычли также боевые потери с 8 по 20 сентября. Только в авангардных боях главной колонны за 8–13 сентября могло выбыть из строя до 2 тыс., а то и более (эта цифра была рассчитана по потерям среди офицеров – было убито и ранено 54 пехотных и 113 кавалерийских офицеров; все они были строевыми^[2140]). Вычли также небоевые потери с 8 по 20 сентября (по 500 человек в сутки) – 6,5 тыс. человек. Получилось, что на утро 8 сентября в строю гипотетически могло быть 97 275 человек. Поэтому общие потери Великой армии за 5–7 сентября, по нашим прошлым подсчетам, могли составить 32–34 тыс. человек.

Однако мы понимали, что принятый нами способ подсчета имел явные недостатки. Помимо того, что мы вынуждены были оперировать рядом округленных цифр, мы не были в состоянии учесть тех, кто, будучи легко ранен или контужен во время сражения, к 20 сентября уже стал в строй. Так, Уртуль привел интересные цифры по 30-му линейному. По исследованным Уртулем документам в битве при Москве-реке в этом полку был убит 21 и ранен 31 офицер. При первой переключке в Москве 15 сентября в строю было только 37 офицеров, но при повторной переключке 1 октября их число возросло до 68. Из них определенно 27 офицеров – это те, кто был ранен в сражении, но возвратился в строй, остальные – это «пропавшие без вести» (впрочем, как отмечает и сам французский историк, полк мог получить и какое-то пополнение).

Работая над книгой «Наполеон в Москве»^[2141], мы попытались максимально привлечь для подсчета численности «московской группировки» Великой армии на конец сентября 1812 г. сохранившиеся документы в фондах архива Исторической службы министерства обороны Франции^[2142]. Анализ этих документов показал, что численность бывших в строю в

реальности была заметно выше, чем в сводной таблице, представленной императору в конце сентября 1812 г. В этой связи предложение, высказанное Шамбрэ о необходимости уменьшить показанное в сводных данных число комбатантов на 5–6 тыс. человек, вряд ли может быть поддержано^[2143].

Обратимся к варианту подсчета потерь на основе поименных списков убитых, смертельно раненных и раненых офицеров Великой армии, предложенных Мартиньеном. Начнем с генералов. При сопоставлении поименных списков убитых и раненых генералов, опубликованных Деннье и Фэном^[2144], вариант Мартиньена оказывается явно более предпочтительным. Так, у Деннье в перечень убитых и раненых за 5–7 сентября попал дивизионный генерал Бельяр, раненный 8-го, дивизионный генерал Пажоль, раненный 9-го, бригадный генерал Грасьен, раненный еще под Смоленском... Список Фэна, наоборот, выглядит явно неполным.

Приведем вариант Мартиньена. За 5–7 сентября 1 маршал (Даву) был контужен; 3 дивизионных генерала убито (Монбрён и О. Коленкур) или смертельно ранено (Тарро, умерший 26 или 27 сентября 1812 г.); 11 дивизионных генералов ранено (Компан, Дессе, Фриан, Груши, Лагуссе, Латур-Мобур, Моран, Шампьон де Нансути, Рапп, Сен-Жермен, Шелер, Сокольниковский); 8 бригадных генералов убито (Компер, Дама, Юар, Ланабер, Марион, Плезонн) или смертельно ранено (Лепель, умерший 21 сентября 1812 г., и Ромёф, умерший 9 сентября 1812 г.); 26 бригадных генералов ранено (Альмера, Бессьер – брат маршала, Бонами, Бордесуль, Борестель, Буайе де Ребеваль, Брюни, Дюплен, Хлопицкий, Шуар, Домманже, Дюфур, Жангу (Gengoult), Брейнинг – умер 30 октября 1812 г., Легра, Руссель д'Юрбаль, Хаммерштайн, Викенберг, Красинский, Кёно (Queunot), Мурье, Сюберви, Тест, Тири, Триэр, Бюрт, д'Энен, Каттанео). В этот список, составленный по Мартиньену, А. А. Васильев и А. И. Попов внесли важные коррективы. По их мнению, бригадный генерал Г. Ю. Хлопицкий был ранен только 10 сентября у Крымского, а бригадный генерал И.Б.И. фон Викенберг, по-видимому, в сражении вовсе не участвовал^[2145]. Иногда в список раненых под Бородином (5 сентября) бригадных генералов включают Симера, но он получил генеральский чин только 8 октября 1812 г. Почти аналогичная ситуация была и с вестфальским генералом Хесбергом, который умер от ран, полученных при Бородине, но на время сражения был в чине полковника.

Таким образом, мы можем согласиться с А. А. Васильевым и А. И. Поповым, что 5–7 сентября из состава Великой армии был убит и ранен 51 генерал (включая 1 маршала).

Данные Мартиньена по убитым, смертельно раненым и раненым офицерам за 5–7 сентября представим в виде таблицы. При этом отметим, что в 2011 г. А. А. Васильев взял на себя труд перепроверить наши подсчеты и, обратившись к дополнительному тому Мартиньена^[2146], предложил обновленный вариант цифр^[2147], что мы и пытаемся учесть в данном издании.

Таблица 3

Количество убитых, смертельно раненных и раненых офицеров за 5–7 сентября 1812 г. (по данным Мартиньена), чел.

Наименование службы или соединения	Убито и смертельно ранено
Штабные службы (аджуданы-команданты Главного штаба, аджуданы Главного штаба, инженеры-географы, адъютанты, медицинская часть и администрация)	140
Гвардейская артиллерия и обоз	23
Пехотные и кавалерийские части императорской гвардии	11
1-й армейский корпус (1, 2, 3, 4 и 5-я пехотные дивизии и кавалерийская дивизия Жирардена)	529
3-й армейский корпус (10, 11 и 25-я пехотные дивизии и кавалерийская дивизия Вельварта)	295
4-й армейский корпус (13-я и 14-я пехотные дивизии, Итальянская пешая и конная королевская гвардия, кавалерийская дивизия Орнано, баварская кавалерийская дивизия Прейзинга)	197
5-й армейский корпус (16-я и 18-я пехотные дивизии, кавалерийская дивизия Себастиани)	118
8-й армейский корпус (23-я и 24-я пехотные дивизии и три полка кавалерии)	126
1-й кавалерийский корпус (1-я легкокавалерийская дивизия, 1-я и 5-я дивизии тяжелой кавалерии)	110
2-й кавалерийский корпус (2-я легкокавалерийская дивизия, 2-я и 4-я дивизии тяжелой кавалерии)	136
3-й кавалерийский корпус (3-я легкокавалерийская дивизия и 6-я дивизия тяжелой кавалерии)	125
4-й кавалерийский корпус (4-я легкокавалерийская дивизия и 7-я дивизия тяжелой кавалерии)	119
Армейская артиллерия	101
Понтонеры, артиллерийский обоз, инженеры, обоз экипажей, роты амбулансов, моряки	32
Артиллерия и инженеры иностранных контингентов	21
Итого	2083

Очевидно, что данные Мартиньена нельзя считать абсолютно точными, на что уже не раз указывали исследователи. Уртуль даже попытался вновь обратиться к первичным архивным материалам, значительно корректируя Мартиньена. По мнению Уртуля, в сражении при Москве-реке среди офицеров было убито и смертельно ранено: из Квартыры императора – 3 человека, в 1-м армейском корпусе – 148, в 3-м армейском корпусе – 80, в 4-м армейском корпусе – 48, в 8-м армейском корпусе – 15, в резервной кавалерии – 48^[2148]. Однако очевидно, что, во-первых, Уртуль сам мог допустить неточности, располагая не совсем идентичным комплексом документов тому, которым воспользовался Мартиньен, во-вторых, он отказался от подсчета потерь по 5-му армейскому корпусу, в-третьих, оставил читателей в неведении по поводу того, были ли включены в его цифры данные по артиллерии, понтонерам, обозу, морякам и т. д. В этой связи и общая цифра потерь, предложенная

Уртулем (из расчета соотношения между убитыми офицерами и солдатами в пехоте как 1 к 10–15, ранеными как 1 к 20–30; соотношение по кавалерии просто не указано), между 4 и 6 тыс. убитых и приблизительно 20 тыс. раненых выглядит более чем странной и, в сущности, ни на чем не основанной.

Основываясь на цифрах Мартиньена и исходя из средней пропорции между потерями офицерского и солдатского состава в наполеоновской армии в рамках 1:17 (пропорция 1:20, предложенная нами еще ранее как один из возможных вариантов, представлялась явно завышенной), мы предположили потери Великой армии усредненно в 35,5 тыс. убитыми и ранеными^[2149]. При этом мы отметили, что немалое число бойцов, несмотря на раны, продолжало оставаться в строю, в том числе надеясь на награждение. В то же время не меньшее количество солдат было рассеяно, находясь вне своих частей, и только постепенно смогло к ним присоединиться.

Как мы отметили выше, в ходе работы с материалами архива Исторической службы министерства обороны Франции при подсчете численности «московской группировки» на конец сентября 1812 г. мы пришли к выводу о необходимости отказаться от предложения Шамбрэ уменьшить количество комбатантов, указанное в сводной таблице, на 5–6 тыс. человек. Это заставляет нас сейчас поставить под сомнение и цифру в 35,5 тыс. человек в качестве итоговой цифры потерь Великой армии в сражении при Бородине в сторону ее уменьшения. Полагаем, что потери убитыми и ранеными могли составить примерно 30 тыс. человек.

В целом, какие бы варианты подсчета ни использовали исследователи, они дают только приблизительные цифры. Очевидно только, что кровавые потери Великой армии под Бородином оказались очень большими.

Цифры потерь, понесенных под Бородином, французское командование тщательно скрывало, но реальная ситуация в частях и подразделениях была настолько очевидной, что об этом достаточно откровенно писали домой многие солдаты, офицеры и чиновники Великой армии.

В этом постоянном возвращении в мыслях к потерям, которые понесла под Бородином Великая армия, солдат неизменно сопоставлял их с потерями противника. «Наши потери значительны, но потери врага неизмеримы. Я объехал поле боя, и мы насчитали, что русские потеряли в 6 раз больше, чем мы», – писал отцу капитан 1-го полка гвардейских тиральеров Ван Бёкоп^[2150]. «...Бог, который помогал нам весь этот день, сотворил великое чудо, так как я сам насчитал 20 мертвых русских на одного француза!» – воскликнул хорошо нам известный лейтенант 25-го линейного Паради^[2151]. «...Враг, разбитый и рассеянный на всех пунктах, потерял, без преувеличения, более 40 тыс. человек убитыми и ранеными, которые стали пленными», – отписал жене Ж.-П.-М. Барье, командир батальона 17-го линейного^[2152]. «14-го вступили в Москву. Взяли в городе много пленных. Их армия больше не существует. Их солдаты дезертируют, не желая сражаться, все время отступая и видя себя битыми во всех случаях, когда они решаются противостоят нам», – сообщает Ф.-Ш. Лист, капитан конной артиллерии императорской гвардии^[2153]. «Русская армия совершенно деморализована... В битве 7 сентября она потеряла более 50 тыс. человек», – писал генерал Ж.-Л. Шарьер^[2154].

Однако то, что враг потерял до 50 тыс. человек, в штабах Великой армии стали понимать не сразу. Осознание истинных масштабов потерь, как своих, так и чужих, приходило постепенно. 8 сентября Наполеон писал Марии-Луизе, что русские потери оцениваются в 30 тыс.^[2155] В тот же день или на следующий капитан гренадеров Старой гвардии Фантен дез Одар заметил, что потери русских убитыми и ранеными – от 30 до 40 тыс.^[2156] В следующие дни Наполеон во многом в пропагандистских целях пишет австрийскому императору Францу и утверждает в 18-м бюллетене о потерях врага в 40–50 тыс.^[2157] С этого времени цифра

русских потерь в 50 тыс. входит не только в мемуарную литературу, но и в дневниковые записи^[2158].

Между тем чинов Великой армии чрезвычайно удивляло, каким образом при таких огромных потерях врага русских пленных оказалось такое ничтожное количество: «несколько сотен» (Фосслер), «очень мало» (Фантен дез Одар), «800» (Кастелан), «менее 800» (Сегюр). Максимальная цифра, которую упоминали, была 1 тыс. человек (Рёдер). Среди оказавшихся в плену был больной генерал П. Г. Лихачев и раненый полковник, командир Новгородского кирасирского полка Б. С. Соковнин. Многие считали своим долгом упомянуть среди пленных и «князя Голицына», забывая, правда, добавить, что Г. Я. Голицын был всего-навсего в чине корнета^[2159]. Не было взято ни одного знамени (впрочем, и русские не взяли ни одного неприятельского орла). Максимальное число захваченных русских орудий, которое называли, – 100^[2160]. Но эта цифра фантастична. Реально захваченных орудий было значительно меньше – не более двух десятков, подбитых, с поломанными лафетами. В целом, по словам Пеле, были взяты «только одиночные солдаты, раненые, и пушки, бывшие в укреплениях».

Как же все-таки соотносились представления французов о кровавых потерях русской армии с потерями реальными? К сожалению, спор о точной цифре русских потерь под Бородином не может считаться законченным. На протяжении почти двухсот лет многие историки претендовали на то, чтобы поставить в этой проблеме точку, и всякий раз оказывалось, что решение этого вопроса еще ждет своего часа. В 1988 г. Н. А. Троицкий, опровергая Л. Г. Бескровного (тот говорил о 38,5 тыс. выбывших из строя) и ссылаясь на документ, хранящийся в фондах РГВИА, в котором поименно названы якобы все убитые и раненые генералы и офицеры (633 человека), а также указано число выбывших из строя нижних чинов (45 тыс.), выразил уверенность, что общее число потерь, таким образом, составляло 45,6 тыс. человек^[2161].

Д. Г. Целорунго, опираясь на архивные (в основном формулярные списки) и опубликованные материалы, выявил такое количество убитых и раненных в Бородинском сражении русских офицеров, численность которых почти вдвое превзошла приведенную Троицким цифру!^[2162] В этой связи представляется, что многолетние изыскания по данному вопросу, предпринятые С. В. Шведовым, выглядят на сегодняшний день наиболее убедительными. По его версии, высказанной в 1987 г., за 7 сентября русские потеряли 42 тыс., за 5 сентября – 5,3 тыс. человек^[2163]. Однако позже, продолжив исследования, автор пришел к еще большей цифре – около 53 тыс. человек. Из этого числа общее количество потерь среди строевых чинов составило около 50 тыс. При этом потери кавалерии составили 8 тыс. (40 %), пехоты – 39 тыс. (47 %), артиллерии – 3 тыс. (26 %)^[2164]. В любом случае, представляется, что оценки французами русских потерь оказались, в конечном итоге, достаточно точными!

Чем же все-таки объясняется столь значительная разница в потерях русской и европейской армий, тем более что наполеоновские войска были атакующей стороной, а русские, располагаясь на укрепленной позиции, обладали к тому же еще и перевесом в количестве орудий? Попробуем вначале обратиться к «техническим причинам», так сказать, объективного свойства.

Во-первых, бросается в глаза высокая эффективность действий французской артиллерии. Дело было не только в ее техническом состоянии, вряд ли превосходящем состояние русской артиллерии, а в несравненно лучшей организации на поле боя. По одним сведениям (Денные со ссылкой на Ларибуазьера)^[2165], французская армия израсходовала (надо понимать, за 7 сентября) 60 тыс. снарядов, по другим (Гурго)^[2166] – 91 тыс. артиллерийских зарядов (надо полагать, за 5–7 сентября). Шамбрэ вообще указывает 99 тыс. артиллерийских зарядов^[2167]. В бюллетене Наполеон написал о 60 тыс. выпущенных снарядов^[2168]. Полагаем, что артиллерия Великой армии за 5–7 сентября выпустила явно более 90 тыс. снарядов; вероятнее всего, как

указал Шамбрэ, 99 тыс. Между прочим, это вполне соответствует тому количеству артиллерийских зарядов (96 тыс.^[2169]), которое использовала французская армия при Ваграме, сопоставимом по масштабам с Бородином. Русская армия израсходовала значительно меньшее количество зарядов. По свидетельству П. Х. Граббе, «только 20 тыс.»^[2170].

Во-вторых, солдаты Великой армии более эффективно, чем русские, использовали и ружейный огонь, в том числе прицельный. По мнению Деннье, опять же со ссылкой на Ларибуазьера, за 7 сентября было израсходовано 1 млн 400 тыс. ружейных зарядов^[2171]. Шамбрэ, который, видимо, более прав, говорил, что расход составил примерно 2 млн патронов^[2172]. Исследования Д. Г. Целорунго по ранениям офицерского корпуса русской армии при Бородине убеждают, что до 65,3 % офицеров, раненных при Бородине, получили ранения и контузии от стрелкового оружия!^[2173] Русские солдаты были обучены ведению стрелкового огня значительно более слабо и нередко вместо стрельбы предпочитали использовать холодное оружие. Вообще, взаимодействие артиллерийского и стрелкового огня и удара во французской армии, как справедливо подчеркнул в свое время М. С. Свечников^[2174], отличалось большой гибкостью.

В-третьих, русская армия включала большое количество неопытных новобранцев, тогда как подавляющую массу солдат Великой армии составляли опытные, а то и многоопытные воины.

В-четвертых, резервные русские линии были расположены весьма близко к передовым позициям. Это обстоятельство, объяснение которому уже давно нашли отечественные историки, тем не менее не могло не привести к очень значительным потерям русской стороны. Особенно большие потери несли русские из-за густоты построений в последний период боя, когда ожидание неприятельской атаки заставляло открыто оставаться длительное время под огнем.

Без особого труда можно было бы найти и ряд других причин «объективного» порядка (в том числе связанных и с отказом русского командования от активной обороны, и с откровенными просчетами или неэффективной организацией управления войсками на поле боя и т. д.), объясняющих слабую сопоставимость потерь противоборствующих армий. Однако сердцевиной всех этих «частностей» является один непреложный момент, вытекающий из факта столкновения на Бородинском поле не просто армий, но двух, нередко противоположных, социокультурных миров, по-разному организованных применительно к характеру использования «человеческого материала». При всем цинизме в отношении «пушечного мяса» европейской армии нельзя не признать, что его использование было более эффективным, чем у русских.

И вместе с тем очевидность для французов страшных людских потерь противника под Бородином в соединении с поразительно малым числом пленных и с готовностью русских продолжать борьбу далее вызвала в солдатах Великой армии, как видно из их писем и дневников, сильное внутреннее беспокойство. Беспокойство еще более стало разрастаться после занятия пустующей Москвы и начала ее страшного пожара.

Тема московского пожара, все более разрушавшего надежды на скорый мир, заняла, как мы видели, второе место среди тем, к которым обращались солдаты наполеоновской армии в своих письмах из России. Командир батальона Кобылянский писал, что «Москва сожжена» и «вряд ли можно надеяться на мир. Придется зимовать в Киеве»^[2175]. В Москве, которая на 3/4 сгорела, зимовать будет невозможно, вторит ему некто Пико^[2176]. Так как пламя уничтожило город, мы «должны будем покинуть Москву», – пишет адъютант Ларибуазьера Плана де ла Файе^[2177].

На кого наполеоновские солдаты возлагали ответственность за пожар русской столицы? Варианты были самые разнообразные. Лейтенант 25-го линейного Паради утверждал, что поджигателями были 10 тыс. русских, которым заплатил император Александр I^[2178]. Интендант Проспер полагал, что организовал поджог губернатор, но не исключал, что инициатива исходила от русского императора^[2179]. Солдат Маршал уверял, что это сделали «английские агенты», переодетые в русское платье и наводнившие столицу^[2180]. Солдат 21-го линейного Пулашо полагал, что пожар был делом рук самих наполеоновских солдат, которые всюду, где бы ни проходили, сжигали все: «...войдя в Москву, мы сожгли этот старый город»^[2181]. Генерал Шарьер, не говоря о ком-либо персонально, был убежден, что все было организовано русскими войсками: «Русские варвары сожгли этот величественный и очень большой город. Все жители осуждают тиранию правительства, которое заставило всех покинуть его... И они сожгут, по-видимому, и Санкт-Петербург в тот момент, когда [наша] армия приблизится»^[2182]. Самый замысловатый вариант предложил Г.-Ж.-Р. Пейрус, казначей в администрации Главной квартиры. По его мнению, план заманивания французов в Москву с последующим ее сожжением предложили англичане. Исполнителями стали русская императорская квартира, штаб русской армии и гарнизон города. Наиболее ревностно стремился к осуществлению этого плана Барклай-де-Толли. Александр I, желая предотвратить это варварство, вручил командование армиями Кутузову, оттеснив таким образом Барклая. Но Кутузову все же не удалось помешать реализации зловещего плана, так как в дело вмешался московский губернатор. При поддержке великого князя Константина и некоторых высокопоставленных лиц он уничтожил город^[2183].

И все же в большинстве писем ответственность возлагалась без каких-либо уточнений просто на «русских варваров», которые, дескать, по определению являются преступниками. Этот момент симптоматичен. Французы, уверенные, что сам факт вступления в Москву делал их бесспорными победителями при Бородине, теперь столкнулись со своего рода природными стихиями. Первой стихией стало «русское варварство», не признающее цивилизованных форм борьбы и уничтожившее собственную столицу.

Второй стихией, как уже начинали понимать сидевшие в Москве французы, будет зима. «...Впереди необходимость возвращения во Францию, – писал 15 октября военный комиссар 1-го класса, состоявший при императорской гвардии, Ж. Доксон (Dauxon), – мы под угрозой... крайней нужды. Русские сражаются вяло... они надеются на то, что станут победителями благодаря своему жестокому климату»^[2184]. «Природа напоминает осень в нашей стране, – сообщал в тот же день жене генерал Маршан. – Но снег уже начался, и я слышал, что он будет в течение 6 или 7 месяцев»^[2185].

Действительно, в первой половине октября тематика писем из Великой армии заметно меняется. Адресанты все более говорят о наступлении холодов (в 11,97 % писем в период с 1 октября по 18/19 октября 1812 г.), строки о ранах и болезнях (в 11,34 % писем того же периода) также стали занимать большое место, а воспоминания о понесенных боевых потерях отходят на второй план.

Обращает на себя внимание, что в основной массе писем авторы вообще предпочитали не касаться выделенных нами «смысловых единиц» – все большее число писем, от начала до конца, оказывалось посвященным сугубо частным делам! Армия устала от войны! Награды и жажда подвигов уже не будоражили кровь великих завоевателей. Им хотелось домой... С началом отступления тема усталости в письмах заметно усиливается (в 24,65 % писем с 20 октября по 30 ноября 1812 г.). Следующей по важности является тема холода. «Этот климат более опасен, чем русские», – восклицает генерал Бараге д'Илье 4 ноября^[2186].

Распределение тематических единиц и смысловых высказываний в письмах чинов Великой армии

(20 октября – 30 ноября 1812 г.)

Тематическая единица и смысловое высказывание (340 писем)	Маршалы (20 писем)	Генералы и высшие чины администрации (51 письмо)	Офицеры (32 письма)	Чиновники (56 писем)	Солдаты и унтер-офицеры (7 писем)	Неидентифицированные авторы	Доля от общего числа, %
Усталость (трудности)	1	11	11	11		51	24,65
Холод	1	8	6	10		36	17,69
Потери	1	6	2	2		15	7,54
Раны, болезни		1	2	3		12	4,93
Казачи				6		10	4,64
«Русские варвары»		2	1	2		8	3,77
Мечты о зимних квартирах	1	2				7	2,9
Награды, служебное продвижение			4	1		5	2,9
Падеж лошадей				2		7	2,61
Испания		2		2		5	2,61
Император		1		1		5	2,03
Заговор Мале	2	1				2	1,45

О том, что Бородинское сражение само по себе не нанесло смертельного удара по моральной стойкости солдат Великой армии, но стало только одним из факторов (хотя и очень важным), подорвавших силы нашествия, свидетельствует и анализ писем наполеоновских солдат на предмет их эмоционального настроения. Всего мы привлекли 615 писем, написанных в период до Бородина (23 письма), между 7 сентября и 30 сентября (93 письма), 1 октября и 18/19 октября (162 письма) и между 20 октября и 30 ноября (337 писем) 1812 г. Значительное число писем, отправленных на завершающем этапе войны, читается с большим трудом или не читается вовсе. Поэтому результаты последней части таблицы 5 (с 20 октября по 30 ноября) следует принимать как во многом условные. В скобках указано число писем из общего числа, принадлежавших немцам, голландцам, полякам. Остальные письма принадлежали предположительно французам. Распределение писем по трем категориям эмоционального настроения (бодрый, ровный (уравновешенный), подавленный (угнетенный))

взято нами из практики русской армейской цензуры времен Первой мировой войны и работ Н. Н. Головина.

Таблица 5

Распределение содержания писем чинов Великой армии по эмоциональному настрою (бодрый, ровный, подавленный)

Эмоциональный настрой	Маршалы	Генералы и высшие чины администрации	Офицеры	Чиновники	Солдаты и унтер-офицеры	Неидентифицированные авторы	Доля от общего числа, %
до 7 сентября 1812 г.							
Бодрый (5 писем)	1	2	2				21,75
Ровный (уравновешенный) (15 писем)	2	8	3			2	65,25
Подавленный (угнетенный) (3 письма)					3 (3 нем.)		13,05
7 сентября — 30 сентября 1812 г.							
Бодрый (17 писем)	2	3	12				18,36
Ровный (70 писем)	4	15	31 (5 гол.)	1	6	12	75,6
Подавленный (5 писем)			3	2	1		5,4
Элементы разного эмоционального настроения (7 писем)		1	6 (4 гол.)				7,56
1 октября — 18/19 октября 1812 г.							
Бодрый (5 писем)	2	1 (нем.)	2 (1 пол.)				3,1
Ровный (137 писем)	26	40	22	17		32	84,94
Подавленный (12 писем)		4	1	7			7,44
Элементы разного эмоционального настроения (8 писем)		3 (1 нем.)	2	1	2 (2 нем.)		4,96
20 октября — 30 ноября 1812 г.							
Ровный (227 писем)	18	39	24	32		110	64,67
Подавленный (80 писем)	2	11 (1 нем.)	3	13	1 (1 нем.)	50	23,2
Элементы разного эмоционального настроения	1	5	5	8		15	9,86

Несмотря на спорность репрезентативности (что автор хорошо осознает) приведенных данных, они, в целом, не противоречат материалам других источников. Великая армия достаточно долго сохраняла свою боеспособность, а ее чины, несмотря на обрушившиеся испытания, стремились поддерживать в себе бодрость духа и надежду на конечный успех.

Великая армия считала, что только природная стихия, воплотившаяся вначале в образах «русских варваров», поджигающих свою столицу, а затем в жестоких морозах Севера, заставила ее отступить. Несопоставимость представлений русских и французов о Бородинском сражении хорошо отразил диалог Мюрата и Милорадовича, произошедший на аванпостах возле Тарутина 4 октября: «Армия Франции все время побеждает», – заявил Неаполитанский король. «Но мы не проиграли битву при Бородине», – ответил русский генерал. «Эта победа открыла нам ворота Москвы», – резонно возразил тогда Мюрат^[2187].

Заключение

Военная история стремительно теряет традиционный образ науки, занимающейся исключительно описанием того, как планировались и осуществлялись военные операции. Тяжелый опыт XX в. заставил историков осознать, сколь значительную роль в жизни человека и человечества играла война, ломавшая, казалось, еще прочные социальные, государственные и психологические структуры и открывавшая путь для появления нового или, наоборот, возвращения старого. Однако главное, что отличает современное понимание предмета и объекта военно-исторического знания от того, что было еще 20–25 лет назад, – это выход на передний план в постижении прошлого живых людей, нередко рядовых участников событий. Появилось своего рода «человеческое измерение» войны, призванное описать, а то и постичь смысл жизни, страданий и смерти человека.

Особой популярностью стали пользоваться в нашей стране в последнее время военно-психологические и военно-социологические исследования, обращенные к «человеку с ружьем» в прошлом. Чрезвычайно интересны и эксперименты, предпринимавшиеся в 80–90-е гг. XX в. французскими историками при обращении к военной тематике в русле ныне уже знаменитого течения «мест памяти». Наконец, следует вспомнить и о том, что плодотворные изыскания в русле современной микроистории также оказались теснейшим образом связанными с военно-исторической тематикой. Особенно примечательно, что К. Гинзбург, основатель итальянской микроистории, был подвигнут к поискам новых методов в историописании тем впечатлением, которое он испытал при соприкосновении с грандиозной эпопеей Л. Н. Толстого «Война и мир»! Вполне естественно, что теперь, в начале XXI в., казалось бы, много раз исследованные темы и сюжеты, как, например, война 1812 г., неизбежно должны предстать перед историком в новом свете, демонстрируя неизбывный закон вечного «переписывания истории».

Война 1812 г. все более начинает видеться как факт столкновения разных культур, разных базовых ценностей. Проходя через горнило «русской кампании», народы Европы обретали чувство национальной идентичности, национально-законченные ценностные системы, национально-ориентированный набор чувств, эмоций, желаний, физиологических и ментальных реакций. При этом действовал и обратный механизм: представления о событиях 1812 г., став национально-ориентированными, тоже, в свою очередь, начинали подвергаться заметной деформации образы прошлого. Наряду с тем, что «русская кампания» усилила, по крайней мере на 100–150 лет, тенденцию к развитию национально-государственной идентичности ряда европейских народов (особенно русских, немцев, поляков и французов), не переставала работать и вторая тенденция – на формирование единой западноевропейской целостности. Война 1812 г., как некий ориентир из прошлого, стала определять общие пространственные (Европа – Западная Европа – Россия; пространство европейское – пространство русское и т. д.), природные и ландшафтные (европейская природа – русская

природа – русская зима – русский мороз), моральные (жестокость – человечность; цивилизация – варварство и т. д.) и другие понятия западноевропейцев. Французы, поляки, иногда – немцы и итальянцы стали апеллировать в разные моменты своей истории XIX–XX, а то и XXI в. к памяти о совместно пролитой крови в борьбе против «русских варваров». Сам способ войны, избранный «русскими дикарями» в 1812 г., стал традиционно противопоставляться явно идеализированному образу «гуманной» войны западноевропейцев. Даже русское пространство и русское время после войны 1812 г. стали восприниматься европейцам как враждебные.

Особое место в череде событий 1812 г., повлиявших на историю и природу европейских народов, занимает Бородинское сражение. Именно Бородино стало центральным местом памяти многих наций, истоком тех символов, с помощью которых реализуется самосознание народа и народов, и происходит своеобразная трансляция этого символического капитала во времени. Обратившись к памяти русских о Бородине через *образ Другого*, к памяти французов, немцев и поляков, мы увидели, что в течение 200-летней истории для сохранения этой памяти ими был использован целый арсенал различных мнемотехник – эмоциональная память, словесно-логическая память, образная память, операция сравнения, – в результате чего почти неизменно происходило формирование и развитие мифа.

При этом если К. Леви-Стросс обнаружил в свое время способность мифа превращать последовательные состояния в одновременные, временные отношения – в пространственные, то мы увидели возможность и обратного процесса, когда одновременно происходившие реальные исторические события «растягиваются» во времени. Точнее, имеет место двойная операция: вначале происходит смешение всех событий во времени, а затем – через их «рациональное» осмысление – события вновь «разделяются», но уже на основе иной, привнесенной логики. Таким образом, под видом исторической и логической достоверности формируется новый «национальный» миф. Можно предположить, опираясь на особенности памяти как русских, так французов, немцев и поляков о Бородинском сражении, что такой вид мифологизации прошлого характерен для эпохи Нового и Новейшего времени, когда под видом рационализированной, «научно достоверной» исторической памяти формируется по инициативе Власти мифологическая память. При этом усилия Власти встречают полное понимание и поддержку со стороны нации. Последнее определяется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что Власть опирается в формировании исторического мифа на реальную эмоционально-чувственную атмосферу, ощущавшуюся нацией в тот момент истории, который теперь подвергается мифологизации; во-вторых, жизненной необходимостью для нации ради сохранения своей целостности и жизнеспособности опираться в своем самосознании на ряд прочных, непоколебимых исторических мифов, не только искажающих прошлое, но, в значительной степени, и сохраняющих его для нации.

В этом плане представляется чрезвычайно важным признание определенного баланса между «правдой истории» и «национальным мифом», соотношение между которыми в течение жизни нации не может оставаться неизменным. До известной степени можно утверждать о близости «национального мифа» понятию «историческая память», без которой существование нации просто невозможно. Но в этой связи на Власть, которая нередко (особенно в России) во многом формирует национальный миф, накладывается особая ответственность. Полное изгнание «исторической правды» из «исторической памяти» превращает нацию в сообщество, лишенное реальных корней и воспринимающее мир через заведомо искаженные ирреальные образы.

Наше обращение к исторической памяти наций о Бородинском сражении позволило увидеть особенности интерпретаций этого события на фоне 200-летней истории разных народов. Столь мелкий масштаб рассмотрения не может не вызвать сомнений в познаваемости прошлого на основе макроисторических схем. Любая попытка объяснения прошлого через

макроисторический контекст является не чем иным, как активизацией определенного смысла (в бесконечной череде других, «свернутых», смыслов прошлого) исторического события в момент постоянно возобновляющегося диалога настоящего с прошлым. В этом и заключается, как показал еще М. М. Бахтин, главная «проблема *большого времени*».

Но прежде чем в поисках «подлинной истории» перейти к «микроисторическому» взгляду на событие, мы обратились к структурам средней длительности, к «мезоисторическому» измерению. Это дало нам возможность выявить своего рода «объективные регуляторы» поведения больших человеческих масс Великой армии 1812 года, заключавшиеся в особенностях питания, физических нагрузок, в воздействии систем поощрения и наказания, установленных Властью, в социальных стереотипах, традициях, обычаях... Обратились мы и к «языку» Великой армии, пытаясь понять систему восприятия наполеоновским солдатом тех или иных «сигналов». Все это дало нам картину Великой армии как социального организма, в рамках которого происходило взаимодействие между экономическими, социальными и политическими структурами, с одной стороны, а с другой – восприятием, интерпретацией этих структур живыми людьми, которые сами участвовали в создании этих структур и в их изменении. Хотя Великая армия Наполеона представляла собой высокоэффективный социальный организм, явно претендовавший на то, чтобы стать прообразом Единой Европы, в ее недрах к 1812 г. заметно прогрессировали и процессы распада, усиливались тенденции к отклонению от заданной Властью модели поведения. Тяготы русской кампании еще более усилили негативные тенденции, расшатывая армейскую дисциплину, деформируя привычные социокультурные установки и обостряя межнациональные взаимоотношения.

Вместе с тем, материал 2-й главы выявил высокую степень сплоченности в рядах Великой армии и действенность ее как военных, так и социальных механизмов. Реальный распад Великой армии стал происходить отнюдь не в день Бородина, но позже – во время пожара русской столицы и во время страшного отступления, отягченного непривычным климатом. Чуть ли не определяющую роль сыграл моральный фактор, связанный с укреплением вначале в наполеоновском солдате надежд на скорое после Бородинского сражения и вступления в Москву заключение мира, а затем с крахом этих надежд к началу оставления русской столицы.

В целом, средний масштаб рассмотрения армии Наполеона на фоне русской кампании и Бородинского сражения позволил увидеть разновекторность процессов, происходивших в рамках Великой армии в течение всей кампании 1812 года, а также зависимость исхода войны не только от «объективного» кризиса наполеоновского господства в Европе, но и от процессов на более низком уровне, являвшихся, в свою очередь, результатом многих составляющих – начиная от случая и заканчивая степенью проявленной воли и решимости отдельных солдат в день генерального сражения.

В 3-й главе мы попытались представить собственно микроисторический уровень рассмотрения действий Великой армии Наполеона в Бородинском сражении. Благодаря «плотному описанию» событий, что стало возможным благодаря обращению к широкому комплексу источников и критическому их сопоставлению, удалось реконструировать действия Великой армии на основных этапах сражения. Это дало возможность выявить своего рода «человеческий контекст» события, увидеть единичность случая, неповторимость исторического события, почувствовать дыхание «случайности». Однако эту неповторимость конкретности мы старались воспринимать «не в отщепенности от общей ситуации», но в тесной сопряженности с ней (Л. М. Баткин). Это позволяло всегда видеть за воспроизведением частных более широкий контекст описываемых событий, а значит, видеть за свободой выбора отдельных участников великой драмы, до известной степени, объективно predetermined варианты действий. И вместе с тем, Бородинское сражение все же продемонстрировало удивительную игру случая. Этот случай, часто не поддающийся

рациональному объяснению, выявляется тогда, когда мы пытаемся создать картину сражения не просто как события, описываемого *post factum*, но как ожесточенную борьбу живых людей, в которой исход битвы, а может быть, и всей мировой истории, далеко еще не был предрешен заранее. Живые люди, обреченные на борьбу, страдание, торжество или смерть, сами творили историю. Исход битвы зависел как от соотношения материальных и духовных сил борющихся армий, так и от целого моря случайно совпавших обстоятельств, а еще больше – от ежечасного и ежеминутного поведения конкретных людей – от главнокомандующего Наполеона до сержанта Бертрана. Поэтому, хотя случайность нередко и воспринимается как «одна из реализованных закономерностей», но очевидна и обратная зависимость: малые воздействия, случай, аттракторы, воздействуя на мезоуровни, в конечном итоге определяют и макроисторические процессы!

Таким образом, с помощью исследовательского метода, апробированного нами на материалах Великой армии Наполеона в день Бородинского сражения, мы попытались преодолеть антитезу сциентистской и гуманистической традиций, структурного и антропологического подходов, макро- и микроистории. Соединяя внеличностные структуры прошлого и конкретные жизненные ситуации, мы старались вписать конкретное событие в «серию», работая на разных временных уровнях. Событие постепенно становилось «объяснимым», сохраняя при этом свою уникальность. Говоря словами А. Я. Гуревича, мы не руководствовались романтическими вдохновениями времен Мишле и не пытались «вжиться» в психологию людей прошлого а-ля Дильтей, но стремились создать проверяемые исследовательские процедуры, «которые дали бы историку материал для научной реконструкции мировидения, систем ценностей и форм общественного поведения людей изучаемой эпохи».

Известные строки А. С. Пушкина:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог? —
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог? —

процитированные в 1988 г. автором эпохальной книги о 1812 г. Н. А. Троицким, сегодня кажутся столь же актуальными, как в первой половине XIX или в конце XX в. Историки вновь ищут, как подойти к проблеме убедительной акцентировки причин поражения нашествия «двунадесяти» европейских языков на Россию: роли и места в этом поражении «остервенения народа», пожара Москвы, роли русской армии, Александра I, воздействия природных факторов, военно-оперативных и политических просчетов Наполеона и т. д. В этом контексте мы и попытались выявить роль Бородинского боя в поражении Великой армии Наполеона. Мы полагаем, что результаты Бородина не следует чрезмерно преувеличивать, но и не стоит слишком преуменьшать. Кризис и внутренний распад Великой армии, а также и всей системы наполеоновского господства начались до Бородинской битвы, и даже еще до открытия военных действий с Россией. Однако это вовсе не значило «запрограммированности» поражения Русского похода и развала Единой наполеоновской Европы. Последующее развитие «большой истории» вследствие более благоприятного для Наполеона исхода битвы могло бы пойти совсем иначе. Потерпев поражение в 1812 г., Россия оказалась бы на многие десятилетия вперед изолированной от европейской политики, тогда как Западная континентальная и Центральная Европа, несмотря на всю «традиционность» методов французского господства, все более обретала бы свое единство. Англия, потеряв мощнейшего континентального союзника, очутилась бы в чрезвычайно трудном, если не в смертельно опасном положении.

Бойцы Великой армии, сражаясь под Бородином на пределе своих физических и психических сил, но уверенные в том, что победа в сражении приведет к окончанию всей кампании и подписанию мира, испытали крах этих надежд в обезлюдевшей и почти дотла сожженной Москве. Позже к этому добавились необыкновенные тяготы отступления-катастрофы. Только сочетание этих трех факторов (незавершенной победы под Бородином, пожара Москвы и русских пространств и морозов при отступлении) смогло, в соединении с героизмом русской армии и твердостью русского императора, привести к полному поражению наполеоновской армии.

Примечания

1

См., например: *Коупленд Н.* Психология и солдат. М., 1960; *Иванов Ф. И.* Реактивные психозы военного времени. М., 1970; *Keegan J.* The Face of Battle. L., 1976; *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Ее же. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999; *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Ее же. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002–2005; *Forrest A.* Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2002; *Bertaud J. P.* Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P., 2006; *Furrer D.* Soldatenleben. Napoleons Russlandfeldzug 1812. Paderborn, 2012; *Кревельд М., ван.* Трансформация войны. Пер. с англ. 2-е изд. М., 2015; *Безотосный В. М.* Закаленные эпохой. Российский генералитет Александра I. М., 2015; *Ададуров В. В.* Война цивилизаций: социокультурная история русского похода Наполеона. Киев, 2017. Т. 1; *Целорунго Д. Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017; *Goubina M.* Russes et Français (1812–1818). Une histoire des perceptions mutuelles. P., 2017; и др.

2

Российский государственный архив древних актов. Ф.30. Оп.1. (далее – РГАДА). Д.239–243, 245–254, 260–264, 266–268, 284. Ч. 1–2; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.151. Оп.1. Д.92; Ф.846. Оп.16. Д.3605. Ч. 1–2; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.41. К.165. Ед. 25. Часть этих писем публиковалась. Наиболее крупные публикации: *Затворницкий Н. К* истории 1812 года // Русская старина (далее – РС). 1907. № 9. С. 459–478; № 11. С. 305–318; № 12. С. 563–575; *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M.Goriainow.* P., 1913; *Петерс Т. П.* С полей сражений 1812–1815 гг.: трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии императора Наполеона I и переписка генерал-лейтенанта Д. В. Голицына. М., 2012. В том случае, если письмо полностью или частично было издано, делаем двойную ссылку на оригинал и публикацию.

3

Lettres interceptées...; [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P., 1858 (1860). Т. 7–8; *Peyrusse G.-J.* Mémorial et archives. 1809–1815. Carcassone, 1869; *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville).* Le marechal Davout, prince D'Eckmühl. P., 1880. Т. 3; *Chuguet A.* Lettres de 1812. P., 1911. Sér.1; Idem. 1812. Notes et documents. P., 1912. Sér.1–3; *Ternaux-Compans H.* Le général Compans. P., 1912; *Napoléon.* Lettres inédits de Napoléon à

Marie-Louise. 1810–1814. P., 1935 (мы воспользовались также и английским изд. того же года: *The Letters of Napoleon to Marie-Louise*. L., 1935); *Lyautey H.* Lettres d'un lieutenant de la Grande Armée // *La Revue des Deux Mondes*. 1962. 15 Décembre. P. 485–500; *Charrié P.* Lettres de guerres, 1792–1815: Témoignages de soldats. Nantes, 2004; Lettres de la campagne de Russie. 1812. P., 2012; Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie, conservés au Service historique de la Défense. P., 2012; etc. Особое значение имеют публикации корреспонденции Наполеона. Наряду с классическим изданием (*Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. P.*, 1868. Т. 23–24), мы воспользовались новейшей публикацией писем императора, осуществляемой Фондом Наполеона (*Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. P., 2012. Т. 12). См. нашу публикацию: *Земцов В. Н.* Новые французские документы о Бородинском сражении // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 69–78.

4

Mailly-Nesle A.-A.-A. Mon journal pendant la campagne de Russie... P., 1841; *Castellane E.-V.-E.-B.* Journal. P., 1895. Т. 1; *Fantin des Odoards L.-F.* Journal. P., 1895; *François C.* Journal du capitaine François. P., 1904. Т. 2; *Bonnet.* Journal // *Carnet de la Sabretache*. 1912; *Lagneau L.-V.* Journal d'un chirurgien de la Grande Armée. P., 1913; *Lacorde J.-L.* Journal historique, 1er janvier 1803 – 17 mars 1813. P., 1992 (русский перевод фрагмента о Бородине: *Горишков Д. И.* 13-я пехотная дивизия армии Наполеона в сражении при Москве-реке. Дневник Ж.-Л. Лякорда и воспоминания Ж.-Б. Рикомы // *Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы*. М., 2007. С. 31–33); *Gardier L.* Journal de la Campagne de Russie en 1812. P., 1999; *Фосслер Г.* На войне под наполеоновским орлом. Дневник (1812–1814) и мемуары (1828–1829) вюртембергского обер-лейтенанта Генриха фон Фосслера. М., 2017; *Journal de marche et operations du 9e regiment de ligne* // *Archives Nationales* (далее – AN). AB XIX 3325. Dossier 4; etc.

5

Bourgeois R. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. P., 1814; *Labaume E.* Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. P., 1814; *Larrey D.-J.* Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P., 1817. Т. 4; *Rapp J.* Memoires. L., 1823; *Fain A.-J.-F.* Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 1–2; *Bausset L.-F.-J.* Mémoires anecdotiques... Bruxelles, 1827. Т. 2; *Dumas M.* Souvenirs. P., 1839. Т. 3; *Denniée P.-P.* Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842; *Lejeune L.-F.* Souvenirs d'un officiers de l'Empire. P., 1850; *Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes. P., 1857. Т. 2; *Fézensac M.* Souvenirs militaires. P., 1863; *Aubry Th.-J.* Souvenirs du 12-ème de chasseurs. P., 1889; *Pion des Loches A.-A.* Mes campagnes. P., 1889; *Dupuy V.* Souvenirs militaires. P., 1892; *Boulart J.-F.* Mémoires militaires. P., 1894; *Le Manuscrit des carabiniers* // *Revue de cavalerie*. Paris; Nancy, 1894; *Le Roy C.-F.-M.* Souvenirs // *Mémoires de la Société Bourguignonne de geographic et d'histoire*. Dijon, 1894. Т. 29; *Seruzier T.-J.-J.* Mémoires militaires. P., 1894; *Planat de la Faye N.-L.* Vie de Planat de la Faye... P., 1895; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Souvenirs... P., 1899; *Dutheillet de Lamothe A.* Mémoires. Bruxelles, 1899; *Bellet de Kergorre A.* Un commissaire des guerres pendant le Premier Empire. P., 1899; *Dedem de Gelder.* Mémoires du général *Dedem de Gelder*. P., 1900; *Biot H.-F.* Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901; *Bertrand V.* Mémoires de capitaine Bertrand. Augers, 1909; *Griois L.* Mémoires du général Griois. P., 1909. Т. 2; *Henckens J. L.* Mémoires. La Haye, 1910; *Teste F.-A.* Souvenirs // *Carnet de la Sabretache*. 1911; *Bro L.* Mémoires du général Bro. P., 1914; *Caulaincourt A.-A.-L.* Mémoires. P., 1933. Т. 1; *Dumonceau F.* Mémoires. Bruxelles, 1958. Т. 1–2; *Cheron A.* Mémoires inédits sur la campagne de Russie. P... 2001 (русский перевод: *Попов А. И.* Мемуары о Бородинском сражении // *Воин*. № 10. С. 68–69); *Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении* // *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники*.

Историография. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 132). М., 2002. С. 224–228; *Burkersroda*. Die Sachen in Rußland. Naumburg, 1846; *Meerheim F. L.A.* Erlebuisse eines Veteranen der Grossen Armee, mährend des Feldzuges in Rußland, 1812. Dresden, 1860; *Wedel C. A.W.* Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rußland 1812... Berlin, 1897; *Suckow K.* D'Iéna à Moscou. Fragments de ma vie. P., 1901; Дневник поручика Фоссена // Русский архив (далее – РА). 1903. № 11. С. 467–479; *Роос Г.* С Наполеоном в Россию. М., 1912; *Лоссберг*. Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. Кн.1. Приложение; *Vossler H. A.* With Napoleon in Russia. 1812. L., 1969; *Фосслер Г.* Указ. соч.; *Tagebuch des Capitains Theodor von Papet über den Feldzug in Russland 1812* // <http://www.amg-fnz.de/quellen/papet/index.php?key=1> (русский пер.: *Хомченко С. Н.* Бородинское сражение в воспоминаниях К.-А. Гайзвайт ванн дер Неттена, капитана 11-го гусарского (голландского) полка Великой армии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2017. С. 101–110); *Chlapowski D.* Lettres sur les événements militaires en Pologne et en Lithuanie. P., 1832; *Soltyk R.* Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836; *Malachowski S.* Pamietniki. Poznań, 1885; *Kolaczowski K.* Wspomnienia. Kraków, 1898. Т. 1; *Turno Ch.* Souvenirs d'un officier polonais (1811–1814) // *Szymanowski J., Turno Ch.* Souvenirs de deux généraux polonais au service de la France. P., 2001 (русский перевод: *Понов А. И.* Мемуары о Бородинском сражении... С. 68); *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912; *Bertolini B.* La mia prigionia. Racconto storico. Trieste, 1859 (2-е изд.: *Bertolini B.* La campagna di Russia. Milano, 1940); *Biaggi F.* Memorie di F. Baggi. Bologna, 1898. Vol. 1–2; *Pisani F.* Con Napoleone nella campagna di Russia. Memoirie inedite di un ufficiale della Grande Armata. Milano, 1942; etc.

6

Napoléon I. Correspondance. Т. 23–24; *Napoléon Bonaparte*. Op. cit.; *Margueron*. Campagne de Russie. P., 1898–1906. Т. 1–4; *Fabry G.* Campagne de Russie (1812). P., 1900–1903. Т. 1–5; *Chuquet A.* 1812; AN. F IV. 1649. Pl. 4; 1650; Service historiques de la Défense (далее – SHD). 2 С 131; 286–287; 290; 529; Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 2. Бумаги, отбитые у противника. СПб., 1903. Т. 1; и т. д.

7

Рапорт Мюрата о действиях 5 сентября; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. Можайск, 9 сентября 1812 г.; Рапорт Е. Богарне о Бородинском сражении. Руза, 10 сентября 1812 г.; Рапорт Нея о Бородинском сражении. Возле Бородина, Можайская дорога, 9 сентября 1812 г.; Рапорт Понятовского о Бородинском сражении. Поле сражения, 10 часов вечера 7 сентября 1812 г. // *Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe*. P., 1821. P. 125–139; Рапорт Жерара о Бородинском сражении // РГВИА. Ф.846. Д.3465. Ч.5.Л. 268 (далее цит. по: *Васильев А. А.* Комментарии к рапорту о сражении при Можайске // Орел. 1991. С. 15–17; исправленная версия: Рапорт генерала Жерара // Император. № 1. С. 20–27); Рапорт 57-го линейного полка; Рапорт 61-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; Рапорт сводных вольтижеров дивизии Компана. 6 сентября 1812 г.; Рапорт 111-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; Ведомость потерь 111-го линейного полка за 5 сентября, составленная 30 сентября 1812 г.; Записка генерала Компана о сражении за Шевардинский редут. 5 сентября 1812 г.; Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября, составленный 1 октября 1812 г.; Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября; Записка генерала Компана о сражении 7 сентября // *Ternaux-Comrans H.* Op. cit. P. 175–176, 184–185; 344–359; Рапорт полковника де Чюди о бое 5 сентября // *Vorpe P.* Les Espagnoles à la Grande Armée. Paris; Nancy, 1899. P. 147. Note1; Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка // *Chuquet A.*

1812. Sér.2.P.61; Рапорты вестфальского военного министра графа фон Хене королю Вестфалии Жерому о Бородинском сражении, 8 октября 1812 г. // Ibid. Sér.1.P.71–75; Рапорт генерала Тильмана королю Фридриху Августу о Бородинском сражении 11 сентября 1812 г. // Le Journal de l'Empire. 1812. 15 Oct. (русский пер.: Рапорт генерала Тильманна королю Фридриху Августу о Бородинском сражении // Воин. № 7. С. 46–47); Рапорт генерала Э. Груши Неаполитанскому королю о действиях 3-го кавалерийского корпуса в течение дня 7 сентября 1812 г. // SHD. 2C 287. F. 7–9 (русский пер.: *Земцов В. Н.* Бородинское сражение в малоизвестных рапортах генералов Великой армии // «Сей день пребудет...» Бородино 1812–2012: Материалы международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск, 2013. С. 211–213); Рапорт генерала М. Сокольниковского о допросе русских военнопленных, захваченных в сражении. Можайск, 10 сентября 1812 г. // Le Moniteur universel. 1812. 27 Sept. (русский пер.: *Земцов В. Н.* Бородинское сражение в малоизвестных рапортах... С. 213–215); Рапорт генерала Бельера Бертье. Крымское, 11 сентября 1812 г. // SHD. 2C 286. F. 9; etc.

К рапортам можно условно отнести и ряд записок военачальников о действиях их частей или соединений: Записка генерала Дедема об участии его и его бригады (33-го линейного полка) в Бородинском сражении. Москва. 21 сентября 1812 г. // SHD. 2C 131; Записка о действиях полка Жозефа-Наполеона. 24 июня – 18 ноября 1812 г. полковника Чюди. Бромберг, 10 января 1813 г. // SHD. 1 M674; etc.

8

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3604–3606; РГАДА. Д.279.

9

РГАДА. Д.259, 266–270, 273–274, 278, 285; Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 155; Ф. 160. Оп. 1; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 961. Франция. F IV. № 160; РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588, 3605. Ч. 1–2; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия МИД. 1812–1813. Оп. 468 (далее – АВПРИ); Д. 1840, 1842; AN. AF IV. 1646 (I–II), 1657, 1706 (E)), Archives du Ministère des affaires étrangères (далее – AMAE). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie» vol. 147–154; Sous-série «Autriche». Vol. 391–392; Sous-série «Pologne». Vol. 326–330; Série «Mémoires et documents». Sous-série «Russie». Vol. 26, 32; Sous-série «Pologne». Vol. 28); SHD. 1 M 1486–1487, 1489; Hof-, Haus-und Staats-Archiv. Russland. 1811. Karton 38; Russland 1812. Karton 50; Kriegsarchiv. Serie AFA 1812. Karton 1520.

10

Le Moniteur universel. 1812; Le Journal de l'Empire. Важную роль в плане формирования первоначальных представлений французской и европейской публики о Бородинском сражении имели письма министра внешних сношений Франции Ю.-Б. Маре, находившегося тогда в Вильно и осуществлявшего своего рода пропагандистское прикрытие действий Великой армии (SHD. 2C 131).

11

Martinien A. Liste des officiers généraux, tués ou blessés sous le Premier Empire de 1805 à 1815. P., 1895; Idem. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805–1815. P., 1899; Idem. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805–1815. Partie supplémentaire. P., 1909; Législation militaire ou Recueil methodique et raisonnée des Lois, Décrets, arrêtés, réglemens et instructions... / Par H. Berriot. Alexandrie, 1812. T. 1–4.

12

Все даты, за исключением особо указанных, даны по новому стилю.

13

Бертье – Маре. Поле боя у Можайска. 7 сентября после полудня 1812 г. // AN F IV. 1649. Pl. 4. F. 409; *Chuquet A.* Lettres de 1812. P. 11–12. 23 сентября, получив 22-го сообщение от Бассано, парижские газеты разместили новость о победоносном для Великой армии сражении на своих полосах (*Le Moniteur universel*. 1812. 23 Sept.; *Le Journal de l'Empire*. 1812. 23 Sept.).

14

Dix-huitième bulletin // *Bulletins officiels*... P. 99 –104.

15

Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 206.

16

The Letters of Napoleon to Marie-Louise. P. 67.

17

Другими причинами задержки с написанием бюллетеня были: болезнь Наполеона, огромное количество неотложных дел, отсутствие рапортов о сражении от корпусных начальников (только дивизионный генерал Ю. А. Понятовский написал рапорт прямо на поле боя уже вечером 7 сентября, в то время как, скажем, дивизионный генерал Е. Богарне, командир 4-го армейского корпуса, подписал написанный начальником штаба бригадным генералом А.-Ш. Гильемино рапорт только 10-го, находясь в Рузе).

18

Маре – К. Шварценбергу. Б.м., сентябрь 1812 г. // SHD. 2С 131. F. 44; Маре – К. Шварценбергу. Б.м., б. д. (?) // Ibidem; etc. 23 сентября в парижских газетах появились первые сообщения о битве под Бородином. «Журналь д'Амбир» поместил следующее сообщение, прибывшее явно от Маре: «Париж, 22 сентября. *Выдержки из письма из Вильно, датированного 12 сентября.* Император дал сражение русской армии 7 сентября у

Можайска. Его величество атаковал в 5 часов утра. Неприятель полностью разбит и совершенно расстроен. В 3 часа дня Его величество энергично преследует неприятельскую армию». И далее, от имени некоего информатора: «Такова новость, которая доставлена к нам курьером, отправленным с поля битвы 7 сентября. В тот момент, когда я запечатываю мое письмо, со всех сторон раздаются пушечные выстрелы, звонят все колокола города, и я оставляю перо, дабы присутствовать на благодарственной службе, которая идет в соборе» (Journal de l'Empire. 1812. 23 Sept.).

Во многих городах Франции было произведено 100 орудийных выстрелов по случаю победы при Москве-реке (См., например: Наполеон – Кларку. Можайск, 10 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31706. Р. 1090; Телеграфная депеша из Парижа от военного министра в Анвер (Амстердам), 27 сентября 1812 г., 2 ³/₄ после полудня // SHD. C2 131).

19

РГАДА. Д.268. Л. 68–72, 77, 80, 150–151об.; Д.267. Л. 25–26об.; Д.241. Л. 1; Д.245, Л. 1–2; Д.246. Л. 7; Д.260. Л. 1–1об.; РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92. Л. 70–70об.; ОР РГБ. Ф.41. К.165. Ед. 25. Л. 1–4; *Chuquet A. Lettres de 1812*. Р. 24–25, 26–30.

20

Bourgeois R. Op. cit.; *Durdent R. J. Campagne de Moscou, en 1812*. Р., 1814.

21

Васютинский А. М. Отечественная война во французской исторической литературе // Отечественная война и русское общество (далее – ОВиРО). М., 1912. Т. 7. С. 282.

22

Labaume E. Relation circonstancié... Книга Лабомы выдержала множество изданий на французском, до десятка на английском и несколько на других языках, в том числе даже на испанском, датском и шведском! Далее цит. по англ. изд.: *Labaume E. A circumstantial narrative of the Campaign in Russia*. L., 1814. В том же духе, что и Лабом, осуждая авантюризм Наполеона, писал в те годы о Русском походе и Бородинском сражении аббат де Прадт, наполеоновский посланник в Варшаве: *Pradt D. Histoire de l'ambassade dans le Grand duché de Varsovie en 1812*. Р., 1815. Р. 187–188.

23

Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène par le Comte de Las Cases suivi de Napoléon dans l'exile par MM. O'Méara et Antomarchi... Р., s. a. Т. 1. Р. 730 (запись от 19 июня 1816 г.).

24

Guillaume de Vaudoncourt F.-F. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. L., 1815. Т. 1–2.

25

Larrey D.-J. Op. cit.

26

[*Puibuisque L.-G.*] *Lettres sur la guerre de Russie en 1812.* P., 1816 (2-е изд. было в 1817 г.).
Русский перевод: *Пюибюск.* Письма о войне в России 1812 г. М., 1833.

27

Bulletins officiels... P. 125–136. В 1812 г. большая часть рапортов была опубликована в: *Le Moniteur universel.* 1812. 2 Nov.; *Le Journal de l'Empire.* 1812. 3 Nov.

28

Chambray G. *Histoire de l'expédition de Russie.* P., 1823. Т. 1–2. Второе и третье парижские изд. были в 1825 и 1838 гг. Все последующие ссылки на последнее 3-томное изд.

29

Chambray G. Op. cit. Т. 2. P. 24.

30

Ibid. P. 33, 246. Note 11.

31

Ibid. P. 57.

32

Ibid. P. 61.

33

Ibid. P. 65–66, 69.

34

Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagés sa captivité. P., 1822–1825. Т. 1–8.

35

Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de St. – Hélène. P., 1823. Т. 1–2. Далее цит. по изд.: Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène. P., s. a. Т. 1–2.

36

Цит. по: *Собуль А. Герой, легенда и история // Французский ежегодник. 1969. М., 1971. С. 234.*

37

О методах работы Наполеона над историческими сочинениями см.: *Gonnard Ph. Les origins de la légende napoléonienne. P., 1906; Собуль А. Указ. соч. С. 233–254.*

38

Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. Т. 1. Р. 165 (запись от 6 ноября 1815 г.), Р. 454 (запись от 18 июня 1816 г.), Р. 457 (запись от 28 апреля 1816 г.); Т. 2. Р. 143–144 (запись от 24 августа 1816 г.), Р. 391 (запись от 6 ноября 1816 г.); O'Méara. Napoléon dans l'exil // Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. Т. 2. Р. 639 (запись от 14 февраля 1816 г.); Montholon. Histoire de la captivité de St.Hélène. Bruxelles, 1846. Т. 2. Р. 97–98 (запись от 17 апреля 1821 г.).

39

Montholon. Op. cit. Р. 97–98.

40

Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. Т. 2. Р. 143–144 (запись от 24 августа 1816 г.), Р. 342 (запись от 25 октября 1816 г.); O'Méara. Op. cit. Р. 697–698 (запись от 10 октября 1817 г.); Montholon. Op. cit. Р. 180, 228.

41

Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. Т. 2. Р. 340.

42

O'Méara. Op. cit. Р. 698 (запись от 10 октября 1817 г.).

43

Так как Н. А. Троицкий в свое время оспорил общепринятый перевод этой фразы, утверждая, что следует переводить ее начало как «Битва при Москве-реке была *одной из тех* битв...»

(Троцкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 178), приведем дословную запись Лас Каза от 28 августа 1816 г.: «Celle de la Moskowa, disait-il, était une celles où l'on avait déployé le plus de mérite et obtenu le moins de resultants» (Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. Т. 2. Р. 166).

44

Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Р., 1824. Т. 1–2. Книга Сегюра переиздавалась, по крайней мере, более 30 раз во Франции, не менее полутора раз на немецком, более 10 раз на английском и других языках. Существующие русские переводы, к сожалению, очень слабые и неполные: *Сегюр Ф. П.* Бородинское сражение. Киев, 1901; Его же. Поход на Москву в 1812 г. М., 1911; Его же. Поход в Россию. М., 1916; и др.

45

Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. Р., 1825. Более 10 раз книга Гурго издавалась на французском и множество раз на других языках.

46

Конфликт между Сегюром и Гурго сослужил историкам великую службу. Сегюр, пытаясь подтвердить свои тезисы о болезни Наполеона накануне, в день и после Бородинского сражения, обратился ко многим остававшимся в живых участникам Русского похода. Многие из них, в том числе бывшие адъютанты императора Ж.А.Б.Л. Лористон, Ж. Мутон, главный интендант Великой армии М. Дюма, государственный секретарь П.А.Н.Б. Дарю, личный врач покойного императора Э. О. Метивьер и другие лица, наблюдавшие императора в сентябре 1812 г., представили Сегюру свои письменные свидетельства о состоянии здоровья Наполеона в те дни. Эти свидетельства в числе 35 до сих пор до конца не введены в научный оборот (AN 36 AP 1).

47

Пеле Ж. Бородинское сражение // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1872. Кн. 1. М., 1872. С. 56. Примеч. 2.

48

Там же. С. 59. Примеч. 7.

49

Fain A.-J.-F. Op. cit.

50

Boutourlin D. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. Р., 1824.

51

Bausset L.-F.-J. Op. cit.

52

Jomini A.-H. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui meme au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. P., 1827. Т. 1–4. Русский перевод: *Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Ч. 1–5. Далее цит. по 2-й части 3-го русского изд. 1844 г.

53

Жомини А. Политическая и военная... С. 281.

54

Там же. С. 290.

55

Жомини А. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2. С. 18.

56

Жомини А. Политическая и военная... С. 291, 293–296.

57

Жомини А. Политическая и военная... С. 299–301.

58

Pélet J.-J.-J. Bataille de la Moskowa // *Spectateur militaire*. Т. 8. 1829. Р. 112–158. Русский перевод, ранее указанный, выполнен вполне сносно. Далее цит. по русскому переводу. Материалы, связанные с работой Пеле над этой публикацией, см.: SHD. 1 М 673.

59

Пеле Ж. Указ. соч. С. 59.

60

Там же. С. 78–79.

61

В русском переводе (С. 90) опечатка: вместо «97» тыс. русских убитых следует читать «9».

62

Gouvion Saint-Cyr L. Mémoires. P., 1831. Т. 1–4. Русский перевод четырех страниц 3-го тома (Р. 267–270), касавшихся Бородинского сражения, помещен в приложении к русскому изд. Пеле (С. 109–111). Мемуарам Сен-Сира предшествовала публикация более краткого дневника: *Gouvion Saint-Cyr L. Journal*. P., 1821.

63

Caulaincourt A.-A.-L. Souvenirs du duc de Vicence. Bruxelles, 1838. Т. 1–2. Более полное изд., сопровождавшееся хорошими примечаниями, среди которых помещены выдержки из «Дорожного дневника» Коленкура, вышло в 1933 г.: *Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires*. Основное русское изд.: *Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию*. М., 1943. Далее цит. по 2-му французскому изд. 1933 г. или по указанному русскому изд.

64

Dumas M. Op. cit.

65

Denniée P.-P. Op. cit.

66

Ibid. P. 80. Note 1.

67

Ibid. P. 186–188.

68

Ibid. P. 80. Note 1. Ниже мы еще остановимся на проверке этих цифр.

69

Dumas A. Napoléon. P., 1840. P. 172–194.

70

В 1858 г. А. Дюма побывает на Бородинском поле и заметно обогатит свои «хрестоматийные» сведения живыми впечатлениями (*Дюма А. Путевые впечатления в России // Дюма А. Собр. соч.: В 3 тт. М., 1993. Т. 3. С. 63–82*). До Дюма французские беллетристы уже не раз обращались к теме Бородина, например, П. Мериме, напечатавший в 1829 г. (*Revue Française. 1829. № 11*) рассказ «Взятие редута» и талантливо передавший чувство солдатского фатализма. Мериме описал взятие Шевардинского редута, явно домыслив многие обстоятельства дела.

71

Saint-Hillaire E.-M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. P., 1846. Т. 2. Переизданная в 2003 г. А. Пижаром книга Сент-Илера сопровождается рядом новых документов.

72

Мишле Ж. История XIX века. СПб., 1884. Т. 3. С. 291.

73

Chapuis F. Bataille de la Moskowa // Bibliothèque historique et militaire. P., 1853. Т. 7; Berthezène P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P., 1855. Т. 2.

74

Berthezène P. Op. cit. P. 54–55. Note 1.

75

Thiers L.-A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Т. 14.

76

Собуль А. Указ. соч. С. 235.

77

Мы пользовались 2-м изд. Ланфрэ, вышедшим позже и в котором описание кампании 1812 г. содержится в 6-м томе: *Lanfrey P. Histoire de Napoléon I. 2-ème éd. P., 1875. Т. 6.*

78

Thiers L.-A. Op. cit. P. 313, 315.

79

Ibid. P. 348–349.

80

[*Du Casse A.*] Op. cit.

81

Napoléon I. Correspondance. T. 23–24.

82

Pelleport P. Op. cit.

83

Ibid. P. 28. Note.

84

Fézensac M. Souvenirs militaires. P., 1863. Краткий вариант мемуаров: *Journal de la campagne de Russie en 1812*. P., 1849. Далее цит. по: *Fézensac M.* The Russian Campaign, 1812. Athens, 1970.

85

Fézensac M. Op. cit. P. 39.

86

Friant J.-F. La vie militaire du lieutenant-général comte Friant. P., 1857.

87

Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires. P., 1873 (мы воспользовались отрывками из этого изд., опубликованными в: *Bertin G.* La campagne de 1812 d'après des temoins oculaires. P., 1895); *Brandt H.* Souvenirs d'un officiers polonais. P., 1877; *Pion des Loches A.-A.* Op. cit.; *Thirion (de Metz) A.* Souvenirs militaires. 1807–1818. P., 1892 (русское изд.: [Колюбакин Б.М.] 1812 год. Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года. СПб., 1912); *Dupuy V.* Op. cit.; *Boulart J.-F.* Op. cit.; *Seruzier T.-J.-J.* Op. cit.; *Le Manuscrit des carabiniers*; *Le Roy C.-F.-M.* Op. cit.; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit.; *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit.; *Planat de la Faye N.-L.* Op. cit.; *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Mémoires du sergent Bourgogne. P., 1896 (первое, более краткое изд., было в 1857 г.; далее цит. по парижскому изд. 1900 г. или по изд. 1979 г.: *The memoires of Sergeant Bourgogne. 1812–1813.* London; Melbourne; New York, 1979); *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit.; *Dutheillet de Lamothe A.* Op. cit.; *Bellot de Kergorre A.* Op. cit.; *Méneval C.-F.* Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon... P., 1894 (мы

использовали английское изд.: *Memoires to serve for the History of Napoleon I. L.*, 1894. Vol. 3).

88

См., например: *Arvers P.* Histoire du 82-e Régiment d'infanterie de ligne et du 7-e Régiment d'infanterie légère. 1684–1876. P., 1876; *Martimprey.* Historique du 9-e Régiment de cuirassiers. Paris; Nancy, 1888; *Lassus.* Historique du 11-e Régiment de hussards. Valence, 1890; *Bouchard S.* Histoire du 28-e Régiment de dragons. P., 1893.

89

Dessaix J., Folliet A. Le général Dessaix. Sa vie politique et militaire. Chambéry; Paris; Genève, 1879; *Boppe P.* Les Espagnols...; Idem. La Croatie militaire. Les regiments Croates à la Grande Armée. Paris; Nancy, 1900.

90

Rambaud A. Français et Russes. Moscou et Sévastopol. 1812–1854. P., 187; *Pingaud L.* Les français en Russie et les russes en France. P., 1886. Российский читатель хорошо знаком с главой, написанной Рамбо о Бородинском сражении в «Истории XIX века»: История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. 2-е изд. М., 1938. Т. 2. С. 262–265.

91

Rambaud A. Op. cit. P. III–XXI.

92

Ibid. P. 152–155. Рамбо приводил русские потери по М. И. Богдановичу, указывая, что из 58 тыс. 10 тыс. были отбившимися от своих частей солдатами.

93

Martinien A. Tableaux... Напомним, что в 1909 г. Мартиньеном было опубликовано дополнение к этому изданию (*Idem.* Tableaux... Partie supplémentaire).

94

Fabry G. Op. cit. В приложении к 3-му тому было опубликовано несколько карт из архива Военного министерства в качестве образца тех, которыми французы пользовались в 1812 г.

95

[*Derrecagaix*]. Le maréchal Berthier. P., 1905. Т. 2; Idem. Le général comte Belliard. P., 1908.

96

Chuquet A. 1812...; *Idem.* Lettres de 1812.

97

Ternaux-Compans H. Op. cit.

98

Dedem de Gelder. Op. cit.; *Biot H.-F.* Op. cit.; *François C.* Op. cit.; *d'Anthouard.* Notes et documents... // *Carnet de la Sabretache.* Sér. 2. № 162. 1906. Juin; *Bertrand V.* Op. cit.; *Griois L.* Op. cit.; *Henckens J. L.* Op. cit.; *Teste F.-A.* Op. cit.; *Bonnet.* Op. cit.; *Laugier.* La Grande Armée, recit de... P., 1910 (Первое изд. вышло в Италии: *Gli Italiani in Russia.* Firenze, 1826–1827. Т. 1–4. Русское изд., переведенное с французского: *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 1912); *Lagneau L.-V.* Op. cit.; *Lettres interceptées...*; *Bro L.* Op. cit.

99

Madelin L. Histoire de Consulat et de l'Empire. P., 1949. Т. 12.

100

Ibid. P. 163.

101

Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954. См. также: *Сироткин В. Г.* Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции // История СССР. 1962. № 6. С. 181–191.

102

См., например: *Gaulle Ch.* La France et son armée. P., 1973.

103

Grünwald C. La campagne de Russie. 1812. P., 1963.

104

Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969.

105

Blond G. La Grande Armée. 1804–1815. P., 1979. P. 345.

106

Tranie J., Carmigniani J.-C. La campagne de Russie. Napoléon – 1812. P., 1981.

107

Garnie J. Borodino // Dictionnaire Napoléon. P., 1987. P. 269–270.

108

La Seigneur B.-J., Lacombe E. La valeur du commandement: l'exemple de la Moskowa // Revue historique des armées. 1990. Vol.181. P. 64–72.

109

Hourtoulle F.-G. La Moskowa – Borodino. La Bataille des Redoutes. P., 2000 (Есть русское изд.: *Уртулль Ф.-Г.* 1812. Бородино. Битва за Москву. М., 2014).

110

Известный интерес имела в эти годы публикация новой биографии маршала Даву (*Charrier P.* Le maréchal Davout. P., 2005).

111

Napoléon Bonaparte. Op. cit.

112

Наполеон – Камбасересу. Бородино, 8 сентября 1812 // Ibid. № 31677. P. 1080. Письмо было воспроизведено по неподписанному отпуску. Имелась пометка, сделанная А.-Ж.-Ф. Фэном: «Его величество, сев на лошадь, распорядился, чтобы это письмо осталось без подписи». Подробнее см.: *Земцов В.* Новые французские документы о Бородинском сражении.

113

Du Niémen à la Bérézina.

114

Ibid. P. 19–21.

115

Bajou V. Un siècle de représentation de la bataille de la Moskova // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités. P., 2012. P. 117–127.

116

Fileaux C. La bataille de la Moscova – 7 septembre 1812. Récit // Ibid. P. 111–115.

117

Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la Campagne de Russie. P., 2012 (русское изд.: *Рэй М.-П.* Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015).

118

Ibid. P. 152–153, 163.

119

Так, известный французский историк президент Института Наполеона Ж.-О. Будон, также выпустивший в 2012 г. книгу, посвященную русской кампании (Boudon J.-O. Napoléon et la campagne de Russie 1812. P., 2012), вообще не стал затрагивать вопросы численности войск и потерь, как и другие аспекты, обычные при описании военных действий, предпочтя схематичное изложение хода сражения и заявив, что «битва при Москве-реке открыла ворота Москвы». См. другие работы французских авторов: *Damamme J.-C.* Les aigles en hiver. Russie 1812. P., 2009 (русское изд.: *Дамам Ж.-К.* Орлы зимой. Русская кампания 1812 года. СПб., 2012. Кн. 1–2); *Bregeon J.J.* 1812: La Paix et la Guerre. P., 2012; и др.

120

См., например: *Girardet R.* Les Trois couleurs. Ni blanc, ni rouge // Les lieux de mémoire / Sous la direction de P. Nora. P., 1984. Т. 1. P. 5–35.

121

Роос Г. Указ. соч. С. 114.

122

Офицеры бригады Тильмана, помимо его самого, получили за Бородино 16 крестов ордена Почетного легиона (РГВИА. Ф. 846.Оп. 16. Д. 3605. Ч. 2. Л. 72–73, 76–77).

123

Письма К. Клаузевица Марии Клаузевиц // Клаузевиц К. 1812 год. 2-е изд. М., 1937. С. 246.

124

Этот текст «Описания...» составлен на немецком языке и опубликован в известном издании документов Военно-ученого архива Главного штаба (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 16). В значительно расширенном варианте «Описание битвы при селе Бородине» на немецком языке было опубликовано в Петербурге в 1939 г. Подробнее о «записках» Толя см.: *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г. (опыт реконструкции) // Исторические записки. М., 1970. Т. 85. С. 368–428.

125

См., например: Рапорты вестфальского военного министра графа фон Хене...

126

Bomslorff R., von. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Leipzig, 1816; *Dillenius K.* Beobachtungen über die Ruhr... Lüdwigsburg, 1817; *Liebenstein F. L.A.* Der Krieg Napoleons gegen Rußland in den Jahren 1812 und 1813. Frankfurt a M., 1819. Bd.2.

127

Бретшнейдер. Четырехлетняя война союзных держав противу Наполеона Бонапарте. СПб., 1820.

128

Там же. Ч. 1. С. 85–87.

129

Venturini C. Russlands und Deutschlands Befreiungskriege... Leipzig; Atenburg, 1816–1819. Bd.1–4. Множество авторов принимало Вентурини за участника событий или серьезного историка (Об этом см.: *Попов А. И.* «Засадный отряд» Н. А. Тучкова (сомнения в очевидном, или апология Беннигсена) // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 135, 138, 142).

130

Lemazurier M. J. Medicinische Geschichte der rußischen Feldzuges von 1812. Jena, 1823; *Leissnig W. L.* Märsche und Kriegerlebnisse im Jahre 1812. Budissen, 1828; etc.

131

Völdemdorf W. Kriegsgeschichte von Bayern... München, 1826. Bd.3; Hohenhausen L. von. Biographie des Generals von Ochs. Cassel, 1827; *Cerrini de Monte Varchi C. F.X.* Die Feldzüge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821; [*Cerrini*]. Bruchstücke, die Mitwirkung

der rgl. Sächsischen Kürassier-Brigade bei der Schlacht an der Moskwa // Oesterreichische militärische Zeitschrift. 1824. Bd.4. Hft.11. См. также анонимную работу: Die Schlacht von Borodino oder an der Moskwa. Weimar, 1824.

132

Adam A. Voyage de Willenberg en Prusse jusqu'a Moscou en 1812. Munich, 1828 (наиболее распространенное немецкое изд.: *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886); *Faber du Faur.* Blatter aus meinen Portfeuille, im Laufe des Feldzuge 1812. Stuttgart, 1831–1843 (наиболее известны два французских изд.: *Faber du Faur C. W.* Campagne de Russie, 1812. P., s. d.; *Faber du Faure G.* Campagne de Russie, 1812. P., 1895). См. также: *Quennevat J. C.* Albrecht Adam et Faber du Faure, "Reporters" de la campagne de Russie // Souvenir napoléoniennes. T. 262. P. 14–18; Tradition magazine. Hors série. № 3.

133

Roos H. U.L. Ein Jahr aus meinem Leben... St.Petersburg, 1832 (вышедшие 1-м изд. в Петербурге на немецком языке воспоминания Рооса были широко известны в Германии, но стали переиздаваться там только в конце XIX – начале XX в.); *Schrafel J.* Merkwürdige Schicksale des eines Feldwebels in den Jahren 1812–1814. Nürnberg, 1834 (Йозеф Шрафель, служивший в 5-м баварском линейном полку, не участвовал в Бородинском сражении, но писал о нем); *Kurz K. G.F.*, von. Der Feldzug von 1812. Esslingen, 1838; etc.

134

Clausewitz C. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1834; *Celner L.* Geschichte des Feldzugs in Rußland. o.O., 1839 (2-е изд. этой работы вышло с иным названием: *Celner L.* Geschichte der russische Krieger. 1812. o.O., 1862).

135

Clausewitz C. Hinterlassene Werke über Krieg und Kriegführung. Berlin, 1832–1837. Bd.1 –10.

136

Пухт В. Немецкий солдат // Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. М., 1957. С. 47.

137

Дживелегов А. И. История современной Германии. СПб., 1908. Ч. 1. С. 65.

138

Клаузевиц К. Указ. соч. С. 73–89, 182, 232–233.

139

Там же. С. 95, 98.

140

Клаузевиц К. Указ. соч. С. 103, 115, 117, 205. Клаузевиц оспаривал мнение Бутурлина, который считал русские потери в 50 тыс.

141

Там же. С. 112, 114.

142

Известный русский и советский военный теоретик А. А. Свечин справедливо указывал на то, что при Бородине Наполеон и его армия находились «в эпохе заката» и что абсолютизация опыта Бородина привела Клаузевица к чересчур категорическим выводам (*Свечин А. А.* Клаузевиц. М., 1935. С. 255). Здесь следует отметить, что к 7 сентября 1812 г. Клаузевиц тяжело страдал от зубной боли. К тому же, совершенно не зная русского языка, он мог весьма поверхностно ориентироваться в происходивших событиях.

143

Клаузевиц К. Указ. соч. С. 90–91.

144

Meerheimb F. Karl von Clausewitz. Berlin, 1875; *Schwartz K.* Leben des Generals Karl von Clausewitz. Berlin, 1878. Bd.1–2; etc.

145

Blaschke R. Carl von Clausewitz. Berlin, 1934.

146

Hahlweg W. Carl von Clausewitz. Soldat. Politiker. Penker. Göttingen, 1957; *Фабриан Н.* Перо и меч. Клаузевиц и его время. М., 1956.

147

Hörh R. Scharnchorst's Vermächtniß. Bonn, 1953.

148

Kausler F. Erläuternde Andeutungen, beigegeben zu dem Werke von Faber du Faur's. Stuttgart, 1831.

149

Lossberg F. W. Briefe in die Heimath geschrieben während des Feldzuges 1812 in Rußland. Cassel, 1844 (русское изд.: *Лоссберг*. Указ. соч.); *Fleck A.* Beschreibung meiner Leiben und Schicksale... Hildesheim, 1845; *Burkersroda*. Op. cit.

150

Burkersroda. Op. cit.

151

Bismark F. W. Aufzeichnungen. Karlsruhe, 1847 (в том же году вышло французское изд.: *Bismark, de.* Campagne de Russie. P., 1847).

152

Württemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jares 1812 in Rußland von dem Herzog Eugen von Württemberg. Breslau, 1846. В 1862 г. вышло новое немецкое изд.: *Memoiren des Herzogs Eugen v. Württemberg.* Frankfurt a O., 1862. Bd.2. Страницы воспоминаний, посвященные Бородину, были опубликованы на русском языке уже в 1848 г.: Воспоминания герцога Евгения Виртембергского... // Военный журнал. 1848. № 1. С. 32–98. Наиболее известное русское изд.: Евгений, принц Виртемберг. Воспоминания о Русском походе 1812 г. Б.м. и б. г.

153

Steger F. Der Feldzug von 1812. Braunschweig, 1845.

154

Ibid. S. 90–91.

155

Ibid. S. 100, 112.

156

Ibid. S. XVI.

157

Шлоссер Ф. Всемирная история. 2-е изд. СПб.; М., 1872. Т. 6.

158

Там же. С. 598–600.

159

Большая часть записей дневника была опубликована в XX в. потомком Франца Рёдера Еленой Рёдер: *Roeder H.* The Ordeal of Captain Roeder. L., 1960.

160

Röder F. Der Kriegszug Napoleons gegen Rußland im Jahr 1812. Leipzig, 1848. S. 125–127.

161

Ibid. S. 134–141.

162

Ibid. S. 145–146; Anm. Сама книга Минквица была опубликована только в 1879 г.

163

Ibid. S. 152–154.

164

См., например: *Förster F.* Napoleon's I russischer Feldzug 1812. Berlin, 1856; *Krauss T.* Geschichte der bayerischen Heersabtheilung im Feldzuge gegen Rußland. Augsburg, 1857.

165

Beitske H. Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812. Berlin, 1856 (далее цит. по 2-му берлинскому изд. 1862 г.).

166

Ibid. S. 227–228.

167

Roth von Schreckenstein. Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. Münster, 1858.

168

Ibid. S. 69 –122.

169

Wolzogen L. Memoiren des Königlich preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherrn von Wolzogen. Leipzig, 1851.

170

В архиве Исторической службы министерства обороны Франции хранится документ (SHD. C2 130), свидетельствующий, что эпизод, связанный с этой беседой Вольцогена с Кутузовым, получил широкую известность значительно раньше выхода мемуаров немецкого генерала (*Земцов В. Н.* Михаил Кутузов, Людвиг фон Вольцоген и жареная курица (Эпизод Бородинского сражения в историческом документе и романе Льва Толстого) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 269–279).

171

[*Bernhardi T.*] Denkwürdigkeiten des Kaiserl. – russ. Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll von Theodor von Bernhardi. Leipzig, 1856–1858. Bd.1–4. См.: *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г.; Его же. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 67–68.

172

Ф. Энгельс – И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г.// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 487.

173

Энгельс Ф. Кампания в Крыму. 9 ноября 1854 г.// Там же. Т. 10. С. 544.

174

Маркс К., Энгельс Ф. Развитие военных действий. 14–15 декабря 1854 г.// Там же. С. 575–576.

175

Энгельс Ф. Армии Европы // Там же. Т. 11. С. 439.

176

Энгельс Ф. Бородино // Там же. Т. 14. С. 256–261. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Барклай-де-Толли // Там же. С. 92–94.

177

См., например: Энгельс Ф. Кавалерия // Там же. Т. 14. С. 324; Ф. Энгельс – К. Марксу. 23 мая 1862 г. // Там же. Т. 30. С. 196.

178

Meerheim F. L.A. Op. cit. (в виде приложения были опубликованы воспоминания полковника А. Ф. Лейсера, командира полка Гар дю Кор – S. 278–301); *Suckow K.* Aus meinem Soldatenleben. Stuttgart, 1862; *Schehl K.* Selbstbiographie des jüngsten niederrheinischen Veteranen der Großen Aemee von 1812. Krefeld, 1862; *Martens C.* Vor fünfzig Jahren. Tagebuch meines Feldzuges in Rußland 1812. Stuttgart, 1862 (1-е изд. было в 1814 г.); etc.

179

Smitt F. Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812, nach archivalischen... Leipzig; Heidelberg, 1861; *Bogdanovitch M. I.* Geschichte des Feldzuges im Jahre 1812. Leipzig, 1863; etc.

180

Кан С. Б. Освободительная борьба в немецкой исторической литературе // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 131.

181

York von Wartenburg M. Napoleon als Feldherr. Berlin, 1884; *Freitag-Loringhoven.* Mit welchen Mittelwurde er erstrebt? // Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik. Berlin, 1903. Bd. 3. См. также: *Гельмерт Г.* Освободительная война 1813 г. в военно-исторической литературе прусского генерального штаба // Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965. С. 357–371.

182

Brandt H. Aus dem Leben des Generals der Infanterie Heinrich von Brandt. Berlin, 1868. Bd.2 (уже в 1870 г. началась публикация 2-го немецкого изд.; французское изд.: *Brandt H.* Souvenirs d'un officier polonais. P., 1877; отрывки, опубликованные на русском: *Брандт Г.* Воспоминания // Записки современников 1812 года. СПб., б. г.); *Die militärische Laufbahn L. Boedicker* // Beiheft zum Militär-Wochenblatt. 1880. Hft.1; *Borke J.* Kriegerleben des Johann von Borcke, weiland kgl. Preuss. Oberstlieutenants, 1806–1815. Berlin, 1888; *Linsingen.* Auszug aus dem Tagebuch // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1894; *Conrady W.* Aus sturmischer Zeit. Berlin, 1907; *Fleischmann Ch. W.A.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1892; *Vossen A.* Tagebuch des Lieutenants Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Rußland 1812. Marburg, 1892 (русское изд.: Дневник поручика Фоссена); *Wedel C. A.W.*, von. Op. cit.

183

Löwenstern W. H. Mémoires du général-major Russe baron de Löwenstern. s. l., 1903. T. 1–2.

184

См., например: *Schuster O., Frank F. A.* Geschichte der Sachsischen Armee. Leipzig, 1885. T. 2; *Ulrich M.* Die Königs-Schevaulegers. Gedenklätter aus der Geschichte des königlich bayerischen 4. Schvaulegers-Regiments “König”. München, 1892; *Barschewisch, von.* Geschichte des Grossherzoglich badischen Leib-Grenadier Regiments, 1803–1871. Karlsruhe, 1893; *Kattrein L.* Ein Jahrhundert deutscher Truppengeschichte dargestellt an derjenigen des Grosse Hessischen Kotingents 1806–1906. Darmstadt, 1907; etc.

185

Welden L. Der Feldzug der Oesterreicher gegen Rußland im Jahre 1812. Wien, 1870; *Horsetzky A., von.* Der Feldzug 1812 in Rußland. Wien, 1889; *Bleibtreu K.* Der russische Feldzug 1812. Leipzig, 1893; *Exner M.* Der Antheil der Konigl. Sächsischen Armee am Feldzuge gegen Rußland, 1812. Leipzig, 1896; *Osten-Sacken C.* Der Feldzug von 1812. Berlin, 1901; *Bleibtreu K.* Die Grosse Armee. Stuttgart, 1908. Bd.3; Heilmann. Die Bayerische Cavallerie Division Preysing im Feldzuge von 1812 // Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine. 1875. Bd.17; *Minckwitz A., von.* Die Brigade Thielmann in dem Feldzuge 1812. Dresden, 1879.

186

Bleibtreu K. Der russische Feldzug. S.62–63; Idem. Die Grosse Armee. S. 103; *Osten-Sacken C.* Op. cit. S. 127, 330–331.

187

Ditfurth M. Die Schlacht bei Borodino am 7. September 1812. Marburg, 1887.

188

Ibid. S. 5–12.

189

В те годы в Германии был издан и переиздан большой объем мемуарной литературы, так или иначе освещавшей участие немцев в Бородинском сражении: *Lossberg F. W.* Briefe des Westphälischen Stabsoffiziers vom russischen Feldzug des Jahre 1812. Berlin, 1910 (в 1911 г. вышло лейпцигское изд., а в 1919 г. – снова берлинское); *Wachsmuth J.* Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft... Magdeburg, 1910; Württemberger im Russischen Feldzug 1812 // Württembergische Volksbücher. Stuttgart, 1911; *Morgenstern F.* Kriegserinnerungen aus Westfälischer Zeit. Wolfenbüttel, 1912; *Behm W.* Die Mecklenburger 1812. Hamburg, 1912; *Furtenbach F.* Krieg gegen Rußland und russische Gefangenschaft. Nürnberg; Leipzig, 1912 (русское изд.: *Фюртенбах.* Из воспоминаний баварской службы обер-лейтенанта Фюртенбаха о походе в Россию в 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С.

181–194); *Hochberg W.* La campagne de 1812. Mémoires du Margrave de Bade (le comte de Hochberg). P., 1912; *Obst A.* Die Hamburger 1812 im Russischen Feldzuge. Hamburg, 1912; *Preysing-Moos M.* Tagebuch. Munich, 1912; *Roos H.* Mit Napoleon in Rußland. Stuttgart, 1911; *Rüppell E.* Kriegsgefangen im Herzen Rußlands. 1812–1814. Berlin, 1912; *Schehl K.* Mit der Grossen Armee 1812 von Krefeld nach Moskau. Düsseldorf, 1912; etc. Публиковались, хотя и в меньшем количестве, и собственно исторические работы: *Gerdes A.* Die Geschichte der Truppen Bergrs und Westfalen 1812 in Rußland. Langendreer, 1914; etc.

190

Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М., 1956. С. 273–327.

191

Holzhausen P. Erinnerungen Heinrichs von Roos. Stuttgart, 1910; Idem. Die Deutschen in Rußland 1812; Leben und Leiden auf der Moskaner Heerfahrt. Berlin, 1912; Idem. Ein Verwandter Goethes im russischen Feldzuge, 1812. Berlin, 1912. Хольцхаузен был автором предисловия к сборнику воспоминаний участников войны 1812 г. (среди которых были немцы Роос, Брандт, В. Г. Левенштерн и Е. Вюртембергский), вышедшему на русском языке в С.-Петербурге накануне юбилея великого события: Записки современников 1812 года. СПб., б. г.

192

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S. 103.

193

Ibid. S. 105–106.

194

См., например: *Ritter G.* Stein. Berlin, 1931. Bd. 1–2.

195

Одной из немногих книг по 1812 г., вышедших в эти годы, были воспоминания Фердинанда Функа: *Funck F.* In Rußland und Sacheen 1812–1815. Dresden, 1930. На следующий год вышло английское изд. мемуаров Функа, посвященное более раннему периоду: *Funck F.* In the Wake of Napoleon: Being the Memoires (1807–1809) of Ferdinand von Funck... L., 1931.

196

Мы воспользовались 2-м русским изд.: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 320.

197

Blaschke R. Carl v. Clausewitz. Berlin, 1934; *Botzenhart E.* Deutsche Revolution 1806–1813. Hamburg, 1940.

198

Lünsmann F. Die Armee des Königsreichs Westfalen 1807–1813. Berlin, 1935; *Gerhardt O.* Die Württemberger in Rußland 1812. Stuttgart, 1937; *Blankenhorn E.* 1812. Badischen Truppen in Rußland. Karlsruhe, 1937.

199

Блюментрит Г. Московская битва // Роковые решения. М., 1958. С. 68.

200

Там же. С. 73.

201

Там же. С. 74–75.

202

Ланес Ф. Значение прогрессивных традиций Отечественной войны 1812 г. и освободительной войны 1813 г. для антифашистского движения в Германии // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 288.

203

Блюментрит Г. Указ. соч. С. 93.

204

Блюментрит Г. Указ. соч. С. 99.

205

Гудериан Г. Опыт войны с Россией // Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. М., 1957. С. 114–116.

206

Блюментрит Г. Указ. соч. С. 66, 109.

207

См., например: *Абуш А.* Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962; *Норден А.* Народ восстал и победил // Освободительная война 1813 г... С. 5–7; и др.

208

Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964. С. XII–XIII.

209

Deutsche Geschichte. Berlin, 1967. Bd. 2. S. 482.

210

Borodino // Meyers neues Lexicon. Leipzig, 1972. Bd. 2. S. 482.

211

Markov W., Helmert H. Battles of Word history. Leipzig, 1978.

212

Ritter G. Geschichte der Bildungsmacht. Stuttgart, 1946; Idem. Staatskunst und Kriegshandwerk. München, 1954. Bd. 1; *Норден А.* Указ. соч. С. 2 2; *Бок Г.* Французская революция и немецкое освободительное движение в немецкой реакционной историографии // Там же. С. 385–389; *Петряев К. Д.* Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев, 1969; и др.

213

См., например: *Höhn R.* Op. cit.

214

См., например: *Пухт В.* Указ. соч.

215

Kraft H. Die Württemberger in den Napolionischen Kriegen. Stuttgart, 1953; *Schubert F.* Unter dem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen im russischen Offizierdienst 1789–1814. Stuttgart, 1962; *Golling E.* Die Schlacht bei Borodino // Wehrwissen-schaftliche Rundschau. 1962. № 12. S. 501–517; *Wesemann J. H. C.* Kanonier des Kaisers. Kriegstagenbuch der Heinrich Wesemann. Köln, 1971; *Lenschner P.* Nur Wenige Kamen Zurück 3000 Bayern mit Napoleon im Rußland.

Pfaffenhofen, 1980; *Kersten F., Ortenburg G.* Die Sachische Armee von 1763 bis 1862. Berum, 1982.

216

Pivka O. Armies of 1812. Cambridge, 1977; Idem. Armies of the Napoleonic Era. N.Y., 1979; *Smith D.* Borodino. Moreton-in-March, Gloucestershire, 1998.

217

Полагаем, что тема 1812 года в целом немцев (как профессиональную историческую корпорацию, так и околонучные круги) продолжает интересоваться. Об этом говорит деятельность Ф. Мерле, принявшего участие в проекте Германского исторического института в Москве по изданию дневника и мемуаров Г. Фосслера (*Фосслер Г.* На войне под наполеоновским орлом), К. Шарфа, работающего над биографией и наследием «московского немца» А. В. Нордхофа, и Т. Штамм-Кульмана, которого привлекает проблематика исторической памяти о 1812 году (См.: После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы: сб. ст. / под ред. Д.А. Сдвижкова. М., 2015).

218

См., например, специальную брошюру, выпущенную по этому поводу в Париже: *Montgaillard G. H.M.* Seconde guerre de Pologne, ou Considération sur la paix publique du continent. P., 1812. В советской историографии делались попытки поставить под сомнение антирусские настроения среди поляков в 1812 г. (см., например: *Абалихин Б. С.* Поход русской армии в Польшу в конце 1812–1813 г.// Из истории классовой и национально-освободительной борьбы народов дореволюционной и советской России. Волгоград, 1975. С. 57–96).

219

Soltyk R. Op. cit. P. 259–260.

220

Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой. СПб., 1915. С. 217, 219. Из 74 722 человек польских войск Великого княжества Варшавского вернулось на родину лишь 6 тыс. (*Новацкая М.* Поляки в войне 1812 года// Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 178).

221

См., например: *Askenazy S.* Napoleon a Polska. Warszawa, 1918. Т. 1–3; История Польши. М., 1956. Т. 1; *Федосова Е. И.* Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980; и др.

222

Boguslawski S. Życie księcia Józefa Poniatowskiego. Warszawa, 1831. Ряд сюжетов, касавшихся Бородин, нашел отражение в книге Дезидерия Хлаповского (1788–1879), воевавшего в 1812 г. в чине начальника эскадрона 1-го полка шевалежеров-лансьеров императорской гвардии, а в 1831 г. в чине бригадного, а затем дивизионного генерала (*Chlapowski D. Lettres sur les événements...*).

223

Soltyk R. Op. cit.

224

Ibid. P. 201–202, 245–248.

225

Ibid. P. 219.

226

Ibid. P. 252. Note 1. В декабре 1840 г. генерал Рыбинский и Солтык будут присутствовать при возвращении праха Наполеона во Францию, в Париж.

227

Jelski L. Marsze I działania korpusu polskiego w kampanii moskiewskiej 1812 roku. Od Mohylewa aż do końca zaczepnej wojny // Pamiętniki polskie / Wyd. K. Bronikowski. Paryż, 1845. T. 3. Str. 45–49.

228

Наиболее интересными для нас представляются воспоминания Ж. Залуского, в 1812 г. капитана 1-го гвардейского полка улан (*Zaluski J. Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona I. Kraków, 1865*), И. Красинского, бригадного генерала, командира 16-й (польской) пехотной дивизии (*Kraśiński J. I. Pamiętniki wojenne 1792–1812. Drezno, 1871*), графа С. Наленч-Малаховского, полковника, командира 14-го (польского) кирасирского полка, боровшегося за д. Семеновское и батарею Раевского (*Malachowski S. Op. cit.*), Д. Хлаповского, капитана 1-го полка гвардейских улан (*Chlapowski D. Pamiętniki. Poznań, 1889*; есть немецкое и французское изд. – *Chlapowski D. Erinnerungen. Berlin, 1910*; *Chlapowski D. Mémoires sur les guerres de Napoléon. P., 1908*) и К. Колачковского, служившего в штабе 5-го корпуса (*Kołaczkowski K. Wspomnienia. Kraków, 1898. Księga 1*; есть русский перевод: Записки Колачковского // Варшавский военный журнал. 1899. № 2), а также известного политического и культурного деятеля Ю. У. Немцевича (*Niemcewicz J. U. Pamiętniki. 1811–1813. Poznań, 1871*).

229

Zaluski J. Op. cit. Str. 261.

230

Ibid. Str. 37.

231

Malahowski S. Op. cit. Str. 108.

232

Ibid. Str.107.

233

Kołaczkowski K. Op. cit. Str. 123.

234

Weyssenhoff J. Pamiętnik. Warszawa, 1904 (русский перевод: Из записок генерала Яна Вейссенгофа // Военно-исторический сборник. 1912. № 2–3). Были переведены на польский язык мемуары Г. Брандта, немца, сражавшегося под Бородином в польском Легионе Вислы (*Brandt H.* Pamiętniki oficera polskiego. 1808–1812. Warszawa, 1904).

235

Skalkowski A. Książę Józef. Bytom, 1913; *Askenazy S.* Książę Józef Poniatowski. Poznań, 1913.

236

Sokolnicki M. Generał Michał Sokolnicki. Kraków, 1912.

237

Gembarzewski B. Wojsko polskie. 1807–1814. Warszawa, 1905 (2-е изд. вышло в 1912 г.); *Chelminski J. V., Malibran A.* L'Armée du Duché de Varsovie. P., 1913; *Gembarzewski B.* Wojsko Księstwa Warszawskiego. Warszawa, 1923.

238

Kukiel M. Dzieje wojska polskiego w dobie napoleońskiej. Warszawa, 1918. T. 2. Str. 92 –102; Tenże, Jazda polska nad Moskwą. Poznań, 1919.

239

Kukiel M. Wojny napoleońskie. Warszawa, 1927. Str. 219–223; Idem, Les polonaises à la Moskwa // *Revue des Etudes napoléoniennes*. 1929. № 1. Janiary. P. 10–32.

240

Kukiel M. Wojny napoleońskie. Str. 220.

241

Ibid. Str. 223.

242

Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. T. 2.

243

См.: Ibid. T. 1. Str. I–XVIII.

244

Stałkowski A. Korespondencja księcia Józefa Poniatowskiego. Poznań, 1923. T. 4.

245

Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 2. Str. 172–175.

246

Ibid. Str. 182, 197–199.

247

В наиболее заметной работе, написанной в эмиграции, Кукель развивал идею единства Польши с «западноевропейской цивилизацией», которая противостоит России (*Kukiel M.* *Gzartoryski and European Unity. 1770–1861. Princeton, 1955*).

248

Примером может служить классическая работа профессора Оскара Халецкого, впервые вышедшая еще в 1942 г., а затем, с доработками, множество раз издававшаяся в Западной Европе и США. Халецкий особенно подчеркивал последовательную приверженность Понятовского и многих поляков «общеевропейскому» делу Наполеона в борьбе против России. Несмотря на его советы германским союзникам в этом духе, действия последних на

разрыв общеевропейского единства оказались фатальными для судеб Европы и Польши (*Halecki O. A History of Poland. N.Y., 1981. P. 223*).

249

Askenazy S. Książę Józef Poniatowski. Warszawa, 1974; Szenic S. Książę wódz. Warszawa, 1979; Przewalski S. Generał Maciej Rybiński. Wrocław, 1949; etc.

250

Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski do 1864 r. Warszawa, 1953; Grochulska B. Księstwo Warszawskie. Warszawa, 1966. Последняя все военные сюжеты давала по Кукелю, тем самым подчеркивая преемственность с прежней историографией буржуазной Польши.

251

Zych G. Armia Księstwa Warszawskiego. 1807–1812. Warszawa, 1961.

252

Ibid. Str. 317–318.

253

Ibid. Str. 320–322.

254

Dał nam przykład Bonaparte. Wspomnienia i relacje żołnierzy polskich. 1796–1815. Kraków, 1984. T. 1–2.

255

Bielecki R. Możajsk – batalia gigantów // Mówią wieki. Magazyn historyczny. Numer specjalny. Ów rok 1812. Str. 72–75. Статья была впервые опубликована в “Encyclopedia wojen napoleońskich” (Warszawa, 2001).

256

Примером этого могут быть работы Д. Наврота (См.: *Nawrot D. Litwa i Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008*), публикации и деятельность А. Неуважного (1960–2015), внимание которого было сосредоточено в последние годы на проблемах польской национальной памяти и польской идентичности (*Nieuważny A. Napoleon and Polish Identity // History Today. Vol. 48. May 1998; Nieuważny A. My z Napoleonem. Wrocław, 1999; Неуважный А. Наполеон и Польша: неоконченный роман // URL: www.yeltsincenter.ru/en/node/3670 (дата обращения 05.08.2015)). О творчестве Неуважного см.: *Земцов В. Н. Польский улан, или Искусство**

жизни Анджея Неуважного // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М., 2015. С. 475–479.

257

См., например: *Kowalczyk R. Katastrofa Wielkiej Armii Napoleona w Rosji w 1812 roku*. Łódź, 2007. Книга А. Замойского, которая вызвала заметный интерес научной и околонуучной общественности (*Zamoyski A. 1812. Napoleon's Fatal March on Moscow*. L., 2004 (N.Y., 2005) (русский пер.: *Замойский А. 1812. Фатальный марш на Москву*. М., 2013)), находится в русле традиций англо-американской историографии.

258

РГАДА. Д. 268. Л. 79.

259

Там же. Д. 266–267.

260

Там же. Д. 269. Ч. 1–2.

261

Labauve E. Relation circonstanciée...

262

Laugier C. Gli Italiani in Russia. Т. 3. В начале XX в. французский историк Лионе издал «Воспоминания» Ложье, по всей видимости, просто «выделенные» им из ранее изданной 4-томной работы (*Laugier C. La Grande Armée, recits de...*). В 1912 г. вышло еще одно парижское изд. и русский перевод с французского изд. 1910 г. (*Ложье Ц. Указ. соч.*). В 1913 г. – итальянское: *Pini C. G. In Russia nel 1812. Memorie d'un ufficiale italiano conte Cesare de Laugier de Bellecour*. Livorno, 1913. Имеются и другие издания книги Ложье.

263

Turossi F. Storia dell'armi italiane dal 1796 al 1814. Milano, 1855. Т. 1–3. Т. 3.

264

Мы воспользовались немецким изд.: *Pinelli F. Piemont's Militair-Geschichte*. Leipzig, 1856. Т. 2. S. 223–227.

265

Bertolini B. Di Sciabola di Bartolomeo Bertolini. Trieste, 1842. В дальнейшем книга неоднократно переиздавалась под разными названиями.

266

К той же эпохе Рисорджименто относится публикация мемуаров уроженца Пьемонта Ж. Т. Колоссо, участвовавшего в Русском походе в чине старшего сержанта 24-го конно-егерского полка ([Colosso J.T.] *Mémoires d'un vieux soldat*. Turin, 1857). Позже, на рубеже XIX–XX вв., выходит еще ряд мемуаров итальянских участников войны 1812 г. (*Canfalonieri F.* *Memoire*. Milano, 1890; *Baggi F.* *Memorie*. Bologna, 1898; *Venturini J. L.A.* *Carnets d'un Italien au service de la France*// *Nouvelle Revue Retrospective*. P., 1904. Jan.-June).

267

Capello G. Gli italiani in Russia. Citta di Castello, 1912.

268

Salaris E. L'artigleria e il Genio dei' Esercito Italico nella campagna di Russia. Borgo, 1915.

269

Borodino // *Enciclopedia Pomba*. Torino, 1929. Т. 1. P.242.

270

Bertolini B. La campagna di Russia. Milano, 1940.

271

Ibid. P. 72–79.

272

Скугаревский А. П. Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб., 1912. С. 114.

273

Алексеев В. П. Отечественная война в русской исторической литературе // Отечественная война и русское общество (далее – ОВиРО). М., 1912. Ч. 7. С. 299–317. Упомянем также работы К. А. Военского «Отечественная война в русской журналистике» (СПб., 1906) и «Отечественная война 1812 года в записках современников» (СПб., 1911).

274

Алексеев В. П. Указ. соч. С. 300.

275

Скугаревский А. П. Указ. соч. С. 110–125.

276

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 7 –114.

277

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд. М., 1974. С. 8 –24.

278

Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990.

279

Там же. С. 241–243.

280

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

281

Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991.

282

Там же. С. 77, 97.

283

Горбунов А. В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 гг.) // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Вологда, 2000. С. 135–151; *Ивченко Л. Л.* Историография Бородинского сражения // Там же. С. 124–135; Ее же. Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии // Бородино и Наполеоновские войны. Битвы,

поля сражений, мемориалы. М., 2003; *Шеин И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.

284

Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013.

285

Ивченко Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009.

286

Не можем не отметить в этой связи и ряд наших статей, посвященных историографии 1812 года и Бородина (*Земцов В. Н.* «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография.* М., 2002. С. 246–267; *Земцов В. Н., Тотфалушин В. П.* Историография // *Отечественная война 1812 года. Энциклопедия.* М., 2004. С. 309–316; Их же. Историография // *Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: В 3 т. М., 2012. Т. 2. С. 60–77*), а также соответствующих разделов в монографии (*Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 7–120; Его же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 7–70). Значительный интерес представляет также кандидатская диссертация М. В. Шистерова (*Шистеров М. В.* Отечественная война 1812 года в зарубежной историографии. Дисс...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009).

287

Все даты этого раздела, посвященные дореволюционной отечественной историографии, даны по старому стилю.

288

Цит. по: *России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев.* М., 1988. С. 203.

289

Там же. С. 403–404.

290

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 1. Р. 11; *François P.* 788–789; *Lejeune L.-F.* Mémoires. Р., 1895. Р. 207; *Rapp J.* Op. cit. Р. 199; etc.

291

См., например: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 108; *Успенский Б. А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. М., 1996. С. 9–70.

292

См.: *Предтеченский А. В.* Бородинский бой и русская общественность // ЛГУ. Ученые записки. Серия исторических наук. № 19. Вып. 1. Л., 1938. С. 101–110. В оглавлении статья названа «Бородинский бой и русское общественное мнение».

293

Так, в записке, отправленной вечером 26 августа Барклаю-де-Толли, русский главнокомандующий объяснил намерение возобновить сражение тем, что «всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии» (*Кутузов М. И.* Письма, записки. М., 1989. С. 325), но в письме Ф. В. Ростопчину того же дня об этом обстоятельстве умолчал (Там же. С. 325–326).

294

Донесение Кутузова о Бородинском сражении было получено в Петербурге в день Святого Александра Невского. Император, который узнал о сражении со слов Кутузова, слушая в день своего тезоименитства обедню в Александро-Невском монастыре, воспринял это, конечно же, не только как случайное совпадение.

295

Цит. по: *Предтеченский А. В.* Бородинский бой. С. 110.

296

Цит. по: *Казаков Н. И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история (далее – ННИ). 1970. № 3. С. 44–45.

297

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. 2-е изд. СПб., 1840. Ч. 1. С. 138.

298

См., например: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. *Казаков Н. И.* Указ. соч. № 3. С. 31–47; № 4. С. 42–55; *Сироткин В. Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г.

и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 222–243; Его же. Наполеоновская «война перьев» против России // ННИ. № 1. С. 137–152.

299

Предтеченский А. В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. С. 222–241. «Восставшая против веры и законных властей часть Европы представляла Содом и Гомор, а Наполеон пламя всепожирающее», – писал неизвестный русский автор того времени о войне 1812 г. (Что сделала бывшая 1812 года в России война // ОР РГБ. Ф.344. № 256. Л. 49).

300

Так, в 1816 г. Ф. Н. Глинка даже заявил, что «многие правила военного искусства» Наполеон «занял у великого нашего Суворова» (*Глинка Ф. Н.* Краткое начертание «Военного журнала». СПб., 1816. С. 10).

301

[*Шишков А. С.*] Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпаниею и Россиею... СПб., 1814. С. 31–32.

302

См., например: *Васильев А. А.* Лукавая цифра авантюриста. Потери подлинные и придуманные // Родина. 1992. № 6–7. С. 68–71; *Троицкий Н. А.* Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 186–187.

303

Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 году, с приложением расписания потерь... М., 1813. С. 22–28.

304

Деминский Я. Поход Наполеона в Россию. СПб., 1813. С. 70–72.

305

Там же. С. 74–75.

306

В 1813 г. эти реляции, частично опубликованные в прессе, были изданы отдельной книгой: Документы, относящиеся к истории 1812 г. СПб., 1813.

307

К датировке этого документа сентябрем 1812 г. склонялся и А. Г. Тартаковский (*Тартаковский А. Г. Труд К. Ф. Толя... С. 408*).

308

Описание сражения при селе Бородино... // Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. № 131. С. 134–141.

309

Тартаковский А. Г. Труд К. Ф. Толя... С. 380–408; Его же. Неразгаданный Барклай С. 67–68.

310

Отечественные записки. 1822. № 28. С. 145–193.

311

Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1962. С. 318.

312

Там же. С. 320–321, 326, 328–330. На рукописи Сен-При, начальника штаба Багратиона, Толь, препровождая ее Михайловскому-Данилевскому, указал, что из числа русских войск, не принимавших участия в бою, оставалось только 2 полка гвардии и 6 батальонов егерей, в то время как у французов вся гвардия силой в 30 тыс. не была введена в дело (*Харкевич В. П. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1910. Вып. 1. С. 170. Примеч.*). На сознательное искажение Толем событий и на его «авторские приемы», использовавшиеся с этой целью, уже обращали внимание отечественные авторы (См., например: *Васильев А. А., Ивченко Л. Л. Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6–7. С. 62–67*).

313

2 января 1825 г. Толь писал Д. П. Бутурлину, что в течение всей кампании 1812 г. был только «орудием» Кутузова (ОР РГБ. Ф. 344. № 256. Л. 165об.; см. также: Письмо графа Толя к Д. П. Бутурлину // РА. 1873. Кн. 3. Стлб. 415).

314

Полагаем, что утверждение, высказанное в свое время А. Г. Тартаковским о том, что русская историография 1812 г. зародилась еще в ходе самой войны (*Тартаковский А. Г. У истоков русской историографии 1812 года // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 67–95*), сегодня выглядит уже вполне доказанным.

315

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1814–1815. Ч. 1–8.

316

В 1819 г. книга вышла вторично, с указанием имени автора и в заметно расширенном виде, с описанием Бородинского сражения.

317

Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 116. Примеч.

318

Там же. С. 115, 117–118, 292. Позже Д. И. Ахшарумов станет генерал-майором, составителем, при поддержке М. М. Сперанского, «Свода военных постановлений», первого отечественного опыта кодификации военного законодательства. Его сын, Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (1823–1910), станет петрашевцем, последователем Ш. Фурье. Первоначальный приговор к расстрелу был заменен ссылкой в арестантские роты. После освобождения он окончил медико-хирургическую академию и стал известным врачом, автором многих трудов по медицине. Другой его сын, Николай Дмитриевич (1819–1893), известный беллетрист и критик, вступит в полемику вокруг романа Л. Н. Толстого «Война и мир», затронув в том числе и строки, написанные о Бородинском сражении.

319

Чуйкевич П. А. Рассуждения о войне 1812 года. СПб., 1813; Его же. Покушение Наполеона на Индию 1812 года, или Разговор двух офицеров российского и французского на аванпостах армий... СПб., 1813.

320

Чуйкевич П. А. Рассуждения... С. 44.

321

Чуйкевич П. А. Покушение... С. 37.

322

Там же. С. 33–37.

323

Барклай-де-Толли М. Б. Изображение военных действий 1-й армии в 1812 г. // Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. № 179. С. 331–332.

324

Там же. С. 333–336.

325

Напомним, что «Изображение...» было опубликовано только в 1858 г. (ЧОИДР. 1858. Кн. IV. 2. С. 1–32), но и после этого долгое время не было известно широкой публике. Военный историк Скугаревский, готовя в начале XX в. работу о Бородинском сражении, удивлялся, почему «Изображение...» Барклая «все еще не напечатано» (*Скугаревский А. П. Указ. соч. С. 115*).

326

В серьезном исследовании нуждается тема памяти в сознании и в деятельности Александра I. При всей безусловной глубине воздействия на него великих событий 1812 г., невозможно не заметить определенное безразличие его в последующие годы к данной теме. Так, он не посетил ни одного из мест великих сражений войны, в том числе и Бородинское поле, явно не спешил с созданием полномасштабного исторического труда о событиях этой войны. Отчасти это можно объяснить заинтересованностью Александра прежде всего в показе роли России как освободителя Европы, но не в том, чтобы муссировать идею о враждебности их интересов.

327

См.: *Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика.*

328

Boutourlin D. P. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. P., 1824. Т. 1–2; Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823–1824. Ч. 1–2.

329

Скугаревский А. П. Указ. соч. С. 116.

330

Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 249, 258, 261; и т. д.

331

Бутурлин Д. П. С. 282, 286, 298, и др. Потери французской армии были даны близко к Толю – 60 тыс. выбывшими из строя (у Толя – 51,5 – 52 тыс. убитыми и ранеными).

332

Стоит заметить, что выше, повествуя о планах Наполеона на сражение, которые тот обдумывал 25 августа, Бутурлин написал, что в случае сильного движения своими войсками вправо император вынудил бы русскую армию отойти, отказавшись от генерального сражения. Очевидно, что в данном случае речь идет о варианте широкого стратегического маневра, начатого заранее, еще до начала сражения. Бутурлин, по-видимому, был единственным из авторов, кто развел возможность стратегического маневра Наполеона с целью создания угрозы русским коммуникациям и возможность массированного наступательного движения по Старой Смоленской дороге уже в ходе самого сражения.

333

Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 290–291.

334

Okounief (col.). Considérations sur la campagne de Russie. P., 1829; *Окунев Н. А.* Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. СПб., 1833. Затем было еще три русских изд.

335

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 190.

336

Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им... в бывшую с французами в 1812-м и последующих годах войну. СПб., 1831. Отметим, что Шишков, страстный ревнитель старорусских традиций, первым браком был женат на немке, а вторым на польке, и в последние годы жизни был окружен исключительно поляками.

337

См., например: *Свечин П.* Воспоминания: Бородино // Русский инвалид. 1833. № 259.

338

А. И. Веригин, тогда подполковник Генерального штаба, участвовавший в подготовке «сражения», оставил прелюбопытные воспоминания об этом эпизоде (Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 г. Из воспоминаний офицера Генерального штаба А.И.В.//Русская старина (далее – РС). 1885. № 4. С. 125–138).

339

Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839.

340

Тартаковский А. Г. 1812 г. и русская мемуаристика. С. 207.

341

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1–4. Книга дважды переиздавалась – в 1840 и 1843 гг. По решению Николая I из книги было сделано извлечение о Бородинском сражении и отпечатано на русском и французском языках отдельной брошюрой: *Михайловский-Данилевский А. И.* Бородинская битва 26 августа 1812 г. с присовокуплением дела, происходившего 24 августа при Шевардине. СПб., 1839.

342

Михайловский-Данилевский А. И. Описание... 2-е изд. Ч. 2. С. 261–263.

343

Михайловский-Данилевский А. И. С. 227, 263, 274–277, 281.

344

Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839.

345

Справедливости ради следует отметить, что Глинка все же написал: «Великий вопрос: “Кто победил?” остался неразрешенным».

346

См. о нем интересный очерк: *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?...» // Из потаенной истории России XVIII–XIX вв. М., 1993. С. 429–434. Отметим, что среди привлеченных по делу петрашевцев был Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов, сын историка войны 1812 г.

347

Липранди И. П. Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 г. СПб., 1855.

348

Горайнов А. Что такое А. Тьер и нашествие его на Россию. СПб., 1858.

349

Напечатаны в «Русском инвалиде» за 1858 и 1859 гг. См.: *Тартаковский А. Г.* 1812 г. и русская мемуаристика. С. 240. Примеч. 297.

350

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859–1860. Т. 1–3.

351

Бородинское сражение Богданович подробно описал и в 3-м томе 6-томной «Истории царствования императора Александра I и России в его время» (СПб., 1869).

352

Начало критике Михайловского-Данилевского положил, вероятно, Липранди в работе 1855 г., найдя у первого ряд фактологических ошибок в описании военных действий, в том числе в ходе Бородинского сражения.

353

Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2. С. 160–162.

354

Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2 С. 210–211.

355

Там же. С. 219.

356

В 1-м томе автор поместил такие слова: «...и враждуя между собою, обе нации уважали одна другую, а восстановив согласие, питали взаимное сочувствие и никогда не прибегали к презренному оружию злословия» (С. 18).

357

Упомянем хотя бы рецензию либерально настроенного в ту пору историка К. Н. Бестужева-Рюмина и критику бывшего декабриста М. И. Муравьева-Апостола. Очень немногие в те годы отзывались о книге Богдановича положительно. Среди последних был, например, П. Х. Граббе.

358

Липранди И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867; Его же, *Война 1812 года: Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Соч. г.-м. М. Богдановича».* М., 1869.

359

Л. Н. Толстой – С. А. Толстой. 25 сентября 1867 г.; Л. Н. Толстой – С. А. Толстой. 27 сентября 1867 г. // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 83. № 71. С. 151; № 72. С. 152–153.

360

Л. Н. Толстой – С. А. Толстой. 27 сентября 1863 г. // Там же. С. 152–153.

361

Список книг, явно неполный, которыми Толстой пользовался во время работы над романом, см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 16. С. 141–145. То, что с этими книгами Толстой был знаком, вполне подтверждается текстом самого романа.

362

Толстой Л. Н. Черновые варианты романа «Война и мир» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 15. С. 87–88.

363

См., например: *Зайденинур Э. Е.* «Война и мир» Л. Н. Толстого. М., 1966. С. 7–8, 346; *Толстой Л. Н.* Черновые варианты «Войны и мира» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 88; № 318а. С. 240. Впрочем, и с Михайловским-Данилевским писатель был в корне не согласен в том, что тот приписал лавры идейного вдохновителя победы в войне 1812 г. Александру I, а не Кутузову, глубоко чувствовавшему и постигшему русский народ.

364

Цит. по: Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л., 1989. С. 16.

365

Любопытно, как еще до завершения романа Толстой рассказывал о 1812 г. в яснополянской школе – «почти в сказочном тоне, большей частью исторически неверно», так как считал, что рассказ об Отечественной войне – не история, а только сказка, «возбуждающая народное чувство». На уроке присутствовал учитель немец, который заметил, что это была «сказка», которая «совершенно по-русски» изображала Отечественную войну (*Зайденинур Э. Е.* Указ. соч. С. 9–10).

366

Как известно, в 1870-е гг. при участии Н. Н. Страхова организация романа была подвергнута «перестройке», когда все военно-исторические и историко-философские рассуждения были включены в «Приложение» под общим заглавием «Статьи о кампании 1812 года». В 1886 г. прежняя организация романа была восстановлена.

367

Норов А. С. Война и мир. 1805–1812: С исторической точки зрения. По воспоминаниям современников. (По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Военный сборник. 1868. № 11. С. 189–246; *Вяземский П. А.* Поминки по Бородинской битве и воспоминания о 1812 годе. М., 1869; *Щербинин А. А.* «Война и мир», замечания мои на V том // ЧОИДР. 1912. Кн. 4. II. С. 4–10.

368

Лачинов Н. А. «По поводу романа гр. Толстого» // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. С. 118.

369

Там же. С. 124.

370

Витмер справедливо отмечал, что Толстой путал дивизии Фриана и Жерара, совершенно неверно истолковывал действия дивизии Компана, и пр. См., например: *Витмер А.* 1812 год в «Войне и мире». По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого // Военно-исторический сборник (далее ВИС). 1913. № 1. С. 47–54.

371

Лачинов Н. А. Указ. соч. С. 126–127. См. также статью сына военного историка Ахшарумова Н. Д. Ахшарумова «Война и мир». Сочинение гр. Толстого. 1–4 части» (Там же. С. 86–115) и работу Э. Г. Бабаева «Лев Толстой и русская журналистика его эпохи» (М., 1993. С. 30–40).

372

Зайденинур Э. Е. Указ. соч. С. 380–386; *Бабаев Э. Г.* Указ. соч. С. 104.

373

Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году. М., 1876. В том же году эта работа вышла и в журнальном варианте.

374

Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году. С. 4, 7.

375

Леер Г. А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. (Положительная стратегия). СПб., 1869. Ч. 1. С. 52–53.

376

Там. же. С. 87; Его же. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1885. Ч. 1. С. 357.

377

Леер Г. А. Обзор войн... С. 400. Выводы Леера в отношении Бородинского сражения базировались на очень шатком фундаменте. Отказавшись от ссылок на источники и литературу, он прибег к весьма вольной и неубедительной интерпретации общеизвестных фактов.

378

Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1. С. 28–30, 75, 259–263.

379

Верецагин В. В. Наполеон I в России. СПб., 1899; Его же. 1812 год. М., 1895.

380

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882; *Харкевич В. П.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1; Его же, Барклай-де-Толли в Отечественную войну. СПб., 1904; *Военский К. А.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911; Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-Ученого архива главного штаба. СПб., 1900–1914. Вып. 1. Т. 1 –21; Вып. 2. Т. 1; и др.

381

Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. М., 1912. Ч. 1; *Роос Г.* Указ. соч.; [*Колюбакин Б.М.*] 1812 год; *Сегюр Ф. П.* Указ. с оч.

382

Мы не ставили целью проанализировать весь объем откровенно «популярной» литературы периода празднования 100-летнего юбилея. Как правило, эта литература была достаточно поверхностной, компилятивной и «патриотической». Упомянем только две книги, хотя и не претендовавшие на научный характер, но в которых отношение к Наполеону и его армии было вполне трезвым и уважительным: *Ниве П. А.* Отечественная война. СПб., 1911. Т. 2; Наполеон в России в 1812 г. / Изд. А. А. Каспари. СПб., б. г.

383

Афанасьев В. А. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М., 1912. См. также: *Троицкий Н. А.* Первоисточник...

384

Колюбакин Б. М. 1812 год. Бородинское сражение 26 августа. СПб., 1912.

385

Витмер А. Бородино в очерках наших современников // ВИС. 1913. № 1. С. 115–146.

386

Геруа А. Бородино. (По новым данным). СПб., 1912. См. интересный разбор этого сочинения, сделанный А. Н. Витмером (Русский инвалид. 1912. № 58, 60).

387

Геруа А. В. Указ. соч. С. 22, 60–63.

388

Михневич Н. П. Бородино // ОВиРО. М., 1911–1912. Т. 1–7. Т. 4. С. 17–33.

389

Для нас очевидный интерес представляет ряд статей, косвенно связанных с темой Бородина: А. К. Дживелегов «Наполеон» (Т. 3. С. 1–17) и «Вторжение. План Наполеона» (Т. 3. С. 144–146); А. А. Рябинин «Наполеон, как полководец» (Т. 3. С. 17–40); В. А. Бутенко «Состав

великой армии» (Т. 3.С. 40–50); А. М. Васютинский «Наполеоновский солдат» и «Военачальники Наполеона» (Т. 3. С. 55–63); Б. М. Колюбакин «Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа» (Т. 3. С. 198–227); В. П. Федоров «От Царева-Займища до Бородина» (Т. 4. С. 8–16), а также ряд историографических статей.

390

Михневич Н. П. Бородино. С. 17, 27.

391

Михневич развил те же идеи и в ряде других работ: *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства. СПб., 1898; Его же. Отечественная война 1812 года // История русской армии и флота. М., 1911. Т. 5.

392

Поликарпов Н. П. К истории войны 1812 года (по первоисточникам). М., 1911–1913. Вып. 1–3; *Скугаревский А. П.* Указ. соч.; *Витмер А.* Бородинский бой. Опыт критического исследования // ВИС. 1912. № 3. С. 91–174; Его же. Бородино в очерках наших современников.

393

Работа Скугаревского все же не была избавлена от ряда явных неточностей в описании расположения и частных действий французских войск. Уже Витмер справедливо оспорил мнение Скугаревского о том, что Наполеон, узнав о рейде русской кавалерии, выехал на северный фланг, а также аргументацию автора при объяснении им отказа императора от предложений Даву об обходе русских позиций. Витмер полагал, что главной причиной этого отказа было отсутствие у французской армии опыта маневрирования по лесам, в особенности ночью, а вовсе не опасения русского отхода. (*Витмер А.* Бородино в очерках наших современников. С. 140, 145).

394

К сожалению, с текстами работ Пеле, Деннье, Фезенсака, Кастелана и некоторых других французских авторов Витмер, не найдя их в библиотеках, вынужден был знакомиться по упомянутой выше книге Липранди.

395

Витмер А. Бородинский бой. С. 101, 107.

396

Там же. С. 110.

397

Витмер А. Бородинский бой. С. 136–139.

398

Там же. С. 157–160.

399

Там же. С. 168–169, 172.

400

См., например: *Покровский М. Н.* О значении эпохи отечественной войны // *Голос минувшего*. 1913. № 1; Его же. Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века (подготовлена для издания Гранат «История России в XIX в.»; мы пользовались сборником «Дипломатия и войны Царской России в XIX столетии» (М., 1923), где статья была переиздана без изменений).

401

Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 58; *Троцкий Н. А.* Отечественная война 1812 года. С. 33–34. Пожалуй, только в отношении Верховского следует сделать специальную оговорку. В изданных в 1922 г. «Очерках по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.» он утверждал, что в «бою решает не только сила оружия – победу дает сердце героя» (Цит. по: *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* Указ. соч. С. 73. Примеч. 19.).

402

Отсюда все даты даны по новому стилю.

403

Троцкий Н. А. Отечественная война 1812 года. С. 34.

404

Свечин А. А. Клаузевиц. М., 1935. С. 177. По-видимому, книга была написана Свечиным еще раньше, но перед изданием автор, конечно же, мог ее доработать.

405

Свечников М. С. Война 1812 года: Бородино. М., 1937.

406

Там же. С. 49, 55–67.

407

Свечников М. С. Война 1812 года: Бородино. С. 88, 92–93, 98 –100.

408

Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 198–205.

409

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. Далее ссылки на издание: *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992.

410

Тарле Е. В. Указ соч. С. 129. Русские силы автор оценивал в 110 800 регулярных войск, 7 тыс. казаков и 10 тыс. ополченцев при 640 орудиях.

411

Тарле Е. В. Указ соч. С. 144–145.

412

Пичета В. И. М. Н. Покровский о войне 1812 года // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сб. статей. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 276–302.

413

Там же. С. 282–283, 286–287.

414

Павленко Н. Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). 1941. № 5. С. 22–44.

415

Павленко, затронув, в частности, вопрос о целях сооружения Шевардинского редута, утверждал, что он должен был первоначально играть роль левого фланга русских. Толь,

виновник этого ошибочного решения, затем стал и виновником сокрытия истины. Это сокрытие продолжили Михайловский-Данилевский и Богданович.

416

Предтеченский А. В. Отечественная война 1812 года // Исторический журнал (далее – ИЖ). 1941. № 7–8. С. 81 –101.

417

Кац Б. Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении // Там же. С. 122–126.

418

Несмотря на слабую достоверность приводимых Кацем цифр, некоторые его размышления были интересны. Он, в частности, привлек внимание к возможности соотнести цифру сожженных властями в 1813 г. человеческих и конских трупов на Бородинском поле с исчислением точных потерь сторон в ходе сражения. Уже первые попытки, проведенные им, сопоставления бытовавших в литературе цифр по уничтоженным трупам показали необходимость проведения большой предварительной работы по проверке и подтверждению имеющихся на этот счет данных.

419

Выступление И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы // Правда. 1941. 7 ноября.

420

Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения // ИЖ. 1943. № 2. С. 62–71.

421

Коробков Н. М. Военное искусство Кутузова // ВИ. 1945. № 3/4. С. 18. Примеч. 3.

422

Там же. С. 19. См. также: *Коробков Н. М.* Михаил Кутузов. М., 1945.

423

О заседании кафедры истории СССР исторического факультета МГУ 19 сентября 1945 г., посвященном 200-летию со дня рождения Кутузова // Вопросы истории (далее – ВИ). 1945. № 3–4. С. 150.

424

Содержание выступлений А. И. Готовцева и В. В. Прунцова опубликовано в: Научная сессия, посвященная фельдмаршалу Кутузову // Военная мысль. 1945. № 10/11. См. также: *Готовцев А. И.* Полководческий путь Кутузова // Там же. 1945. № 10–12; *Ярославцев А. В.* Стратегия Кутузова в войне 1812 г. // Там же. № 9.

425

Хрестоматия по русской военной истории / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1947; Атлас карт и схем по русской военной истории / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1956; *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. и полководческое искусство Кутузова. М., 1948; Его же. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951; *Жилин П. А.* Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950; Его же, Контрнаступление русской армии в 1812 г. М., 1953; и др.

426

Казаков Н. И. Бородинское сражение // Военный вестник. 1947. № 16. С. 49–52.

427

Прунцов В. В. Бородинское сражение. Популярный очерк. М., 1947.

428

Там же. С. 37–39.

429

Царев Н. Бородинское сражение // Военный вестник. 1952. № 16. С. 50–57.

430

Жилин П. А., Ярославцев А. В. Бородинское сражение. М., 1952.

431

Гарнич Н. Ф. 1812 год. М., 1952. Мы воспользовались 2-м изд. (М., 1956).

432

Семенов М. Г. Тайны ремесла // Крокодил. 1959. № 7; *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* Указ. соч. С. 113, 123. Примеч. 214; *Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 г. С. 51–52.

433

Кожухов С. И. К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // *Большевик*. 1951. № 3.

434

Подробнее о «полемике» Кожухова и Тарле см.: *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* Указ. соч. С. 108–110; *Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 г. С. 46–48; *Чапкевич Е. И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1977.

435

Тарле Е. В. Бородино // Тарле Е. В. Собр. соч. М., 1962. Т. 12. Далее цит. по отдельному изд., подготовленному Л. Г. Бескровным: *Тарле Е. В.* Бородино. М., 1962.

436

Тарле Е. В. Бородино. С. 13, 52, 72, 76, 89.

437

Бородино: Документы, письма, воспоминания / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. П. Мещерякова. М., 1962.

438

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года.

439

Наиболее важным является: 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962.

440

Наиболее примечательным был доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 13 сентября 1962 г., опубликованный затем в виде статьи: *Бескровный Л. Г.* Бородинское сражение // *История СССР*. 1962. № 6. С. 3–18.

441

См. также: *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* Указ. соч. С. 134–135.

442

См. также брошюру Л. П. Богданова «На поле Бородинском» (М., 1962), в которой патетически утверждалось, что «сознание непоколебимости русской армии овладело французскими солдатами и их полководцем».

443

Кочетков А. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // ВИЖ. 1963. № 12. С. 36–44.

444

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968 (2-е изд. было в 1974 г. и 3-е, посмертное, под названием «Отечественная война 1812 г.», в 1988 г.).

445

Бородино. 1812 год. М., 1987; *Орлик О. В.* «Гроза двенадцатого года...» М., 1987; *Сироткин В. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1988; и др.

446

Троицкий Н. А. День Бородина // Знамя. 1987. № 8. С. 204–207; Его же. Повторение пройденного // ВИ. 1988. № 4. С. 117–119; *Шведов С. В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // История СССР. 1987. № 4. С. 120–139; и др.

447

Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

448

Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

449

Васильев А. А. Лукавая цифра авантюриста.

450

Васильев А. А., Ивченко Л. Л. Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6–7. С. 62–67; *Васильев А. А.* Комментарии к рапорту о сражении при Можайске...; Его же. Французские карабинеры при Бородино // Цейхгауз. № 2. С. 6–10; Его же. Кавалерия Наполеона в Бородинском сражении. Боевое расписание на 5–7 сентября 1812 г. // Там же. № 4. С. 13–15; № 5. С. 13–15; № 6. С. 25–27; Его же.

Испанский полк «Жозефа-Наполеона» в русской кампании // Там же. № 6. С. 20–23; Его же. Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2001. С. 67–68; *Васильев А. А., Попов А. И.* Grande Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002. В 2011 г. А. А. Васильев возвратился к вопросу о численности потерь Великой армии в Бородинском сражении, обратившись к дополнительному тому французского военного статиста А. Мартиньена и указав на ряд неточностей в наших подсчетах (*Васильев А. А.* Офицерские потери Великой армии Наполеона в Бородинском сражении, подсчитанные по именным спискам А. Мартиньена // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы международной конференции. М., 21–22 апреля 2011 г. М., 2011. С. 19–43).

451

Попов А. И. Бой за деревню Семеновское // Бородино. Материалы научной конференции. 1993. Бородино, 1993. С. 54–62; Его же. Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994. С. 42–51; Его же. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995; Его же. Боевые действия в центре Бородинского поля // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 229–251; Его же. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Харьков, 1997; *Васильев А. А., Попов А. И.* Указ. соч.; *Попов А. И.* Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 46–64; Его же. «Немного левее центра...» (действия отряда Сиверса в Бородинском сражении) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 245–266; Его же. Боевые действия в Утицком лесу // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2007. С. 50–78; Его же. Бородино. Северный фланг. М., 2008; *Земцов В. Н., Попов В. Н.* Бородино. Южный фланг. М., 2009; Их же. Бородино. Центр. М., 2010; *Попов А. И.* От Смоленска до Бородина // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012. Можайск, 2013. С. 81–90; и др.

452

Земцов В. Н. Бой за Шевардинский редут 5 сентября 1812 г. (по зарубежным источникам) // 185 лет Отечественной войне 1812 г. Сб. статей. Самара, 1997. С. 9–21; Его же. Французская армия 6 сентября 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1998. С. 67–88; Его же. Французская историография Бородинского сражения // Там же. 1999. С. 53–73; Его же. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999; Насморг полководца, или Наполеон в Бородинском сражении // Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С. 349–374; Его же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; Французский солдат в Бородинском сражении: опыт военно-исторической психологии // Человек и война. Война как явление культуры. Челябинск, 2000. С. 38–64; Его же. «Французское» Бородино (французская историография Бородинского сражения) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 38–51; Его же. Зарубежная историография Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны. С. 25–32; Его же. Наполеон на острове Св. Елены: воспоминания о Русском походе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. 2004. С. 121–132; Его же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008; Его же. Бородинское сражение в малоизвестных рапортах генералов Великой армии // «Сей день пребудет...» С. 211–224; Его же. Французская пресса 1812 г. о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVIII

Международной научной конференции. Бородино, 2–4 сентября 2013 года. Бородино, 2014. С. 21–35; и др.

453

Хомченко С. Н. Офицеры Великой армии, взятые в плен в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012. С. 310–318; Его же. Нижние чины Великой армии, плененные в Бородинском сражении // «Сей день пребудет...» С. 178–194.

454

Хомченко С. Н. Археологические находки боеприпасов как источник изучения Бородинского сражения. Русские позиции // Бородино в истории и культуре. Материалы международной конференции, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 74–86; Его же. Археологические находки в западной части Бородинского поля как источник изучения Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2011. С. 65–73; и др.

455

См., например: *Гоняный М. И., Двуреченский О. В.* История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет...». С. 333–350; *Соловьев Д. Б.* Непрístupная крепость или слабое укрепление? Сопоставление данных исторических источников и результатов современных археологических исследований Батареи Раевского // ВИЖ. 2016. № 8. С. 40–44; и др. Высоко оценивая вклад археологической экспедиции в изучение Бородинского сражения, мы вместе с тем должны отметить и далеко не во всем удачный опыт археолога Д. Б. Соловьева в попытках соединить данные археологии с письменными источниками (*Соловьев Д. Б.* Опыт реконструкции первой атаки Батареи Раевского // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2016. Вып. 16. С. 90–108).

456

Колесник Е. А. Анализ системы обозначений и изобразительных средств топографических карт начала XIX в., посвященных Бородинскому сражению // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII международной конференции. 5–7 сентября 2011 г. Можайск, 2012. С. 18–28; *Парамонова А. А.* План Пресса – Шеврие – Реньо как источник научной реконструкции ландшафта поля сражения 26 августа 1812 г. // «Сей день пребудет...» С. 310–332; и др.

457

См., например: *Горшков Д. И.* Акварельный рисунок сражения при Москве-реке 7 сентября 1812 г. работы капитана штаба Великой армии Фердинана Жоржа Тартара. К вопросу о классификации иконографии сражения // «Сей день пребудет...». С. 640–671; и др.

458

Соколов О. В. Капитан №. Происхождение младших офицеров армии Наполеона в 1812–1814 гг. // *Родина*. 1992. № 6–7. С. 14–15; *Шиканов В. Н.* Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. М., 1999; Его же. Генералы Наполеона (биографический словарь). М., 2004; *Турусов В. П.* Великая армия в 1812 г.: организация и управление // *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография*. 2002. С. 41–59; и др.

459

Бочоришвили К. Г. Французская армия как общественно-политическая сила во время Консульства и Империи (1799–1815). Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1982; Его же. Орден Почетного легиона при Наполеоне I // *Французский ежегодник*. 1981. М., 1983. С. 210–220; Его же. Итальянские эмигранты – солдаты армии Наполеона // *ВИ*. 1981. № 6. С. 171–172.

460

Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. Книга одновременно вышла на французском языке: *Sokolov O.* L'Armée de Napoléon. P., 1999.

461

Целорунго Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения (историко-социологическое исследование). М., 2002; Его же. К вопросу о потерях русской армии в Бородинском сражении // *Бородино и Наполеоновские войны*. С. 33–37; Его же. База данных «Солдаты и офицеры российской армии – участники Бородинского сражения: социальные портреты, поведение в бою, боевые отличия» // «Сей день пребудет...». С. 31–40; Его же. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017; *Безотосный В. М., Целорунго Д. Г.* Бородино: Русское поле. Русские полки. Русские офицеры. М., 2010; *Безотосный В. М.* Закаленные эпохой: Российский генералитет Александра I. М., 2015; *Смирнов А. А.* Что же такое Шевардинский редут? // *Эпоха 1812 года*. 2003. С. 267–281; Его же. Генерал Александр Кутайсов. М., 2002; Его же. «Многочисленная артиллерия». О записках генерала К.И.Е. Колачковского // Там же. 2002. С. 141–146; Его же. Артиллерия Шевардинского редута // *Император*. № 4. 2003. С. 15–17; Его же. Сомнительные выстрелы // *Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года*. Саратов, 2002. С. 150–156; *Ивченко Л. Л.* Бородино. Легенда и действительность. М., 2002; Её же. Бой за Семеновские высоты // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы*. М., 2001. С. 121–143; Бородино. Документальная хроника / Сост. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М., 2004. См. также интересные публикации В. А. Бессонова и С. В. Потрашкова (*Бессонов В. А.* Пополнение русских армий накануне Бородинского сражения. Войска генерала М. А. Милорадовича // «Сей день пребудет...» С. 62–69; *Потрашков С. В.* К вопросу об участии Харьковского драгунского полка в Шевардинском бою и Бородинском сражении // «Сей день пребудет...» С. 123–131; и др.).

462

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 80–92; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг. Т. 1. С. 211–224. В подготовке и обсуждении материалов приняли участие и другие исследователи – А. А. Смирнов, В. М. Безотосный, А. А. Подмазо. См. также статью «Шевардинский бой» (авторы – А. А. Васильев и В. Н. Земцов) (Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 792–794; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг. Т. 3. С. 678–679).

463

Вильсон Р. Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 55, 57.

464

Цит. по: *Гуткина И. Г.* Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года // ННИ. 1962. № 5. С. 85.

465

Там же.

466

Цит. по: *Гуткина И. Г.* Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810–1812 гг. // Ленинградский гос. ун-т. Ученые записки. Т. 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943. С. 62–63. См. также: *Звавич И.* Англия и Отечественная война русского народа против наполеоновского владычества // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1945. Вып. 2. С. 11–13.

467

Wellington A. Supplementary dispatches, Correspondence and Memoranda of Field-Marshal duke of Wellington. L., 1860. Vol. 7. P. 462.

468

Чуйкевич П. Рассуждение о войне 1812 г.

469

Британский историк М. С. Андерсон (*Anderson M. S.* Britain's discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958. P. 217), а вслед за ним и И. Г. Гуткина (*Гуткина И. Г.* Отклики... С. 89), утверждают, что в том же году книга Чуйкевича была издана в Англии. В британских книгохранилищах мы смогли обнаружить только американское изд. 1813 г., подготовленное русским консулом в Бостоне А. Г. Евстафьевым (*Tchuykevitch, Col.* Reflection on the War of 1812 with Tables. Boston, 1813).

470

A view of the French campaign in Russia, in the year 1812, collected from the official and other documents of both nations. By an officer. Swansea, 1813.

471

Hemingway J. The Northern Campaigns and History of the War, from the Invasion of Russia, in 1812. Manchester, 1815; *McQueen J.* The Campaigns of 1812, 1813 and 1814. Glasgow, 1815; *Porter, sir R.K.* A Narrative of the Campaign in Russia during the year 1812. L., 1815 (последняя книга через два года была переведена на французский: *Porter K. (sir Robert).* Histoire de la campagne de Russie. P., 1817).

472

Wilson R. Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. L., 1817.

473

Ibid. P. 27.

474

Scott W. Vie de Napoléon. Bruxelles, 1827. Т. 1–9.

475

Левинтон А. Г. Краткая летопись жизни и творчества Вальтера Скотта // Скотт В. Собр. соч.: В 20-ти тт. М.; Л., 1965. Т. 20. С. 825. На книгу английского писателя активно откликнулись в России (См., например: *Мальцев И.* Несколько слов об истории Наполеона, сочиненной Вальтером Скоттом // Московский вестник. 1827. № 15–16; К.В. [*Ксенофонт Полевой*] Взгляд на историю Наполеона // Московский телеграф. 1833. № 8; и т. д.).

476

Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов / Пер. С. Шаплет. СПб., 1832. Ч. 9.

477

Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 г. С. 105.

478

Скотт В. Указ. соч. С. 381, 391–402.

479

Alison A. History of Europe from the Commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons in 1815. L., 1841 (2-е изд. вышло в 1860 г. в Эдинбурге); *Cathcart G.* Commentaries on the War in Russia and Germany, 1812 and 1813. L., 1850.

480

Alison A. Op. cit. Vol. 8. P. 365–371.

481

Wilson R. Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the Retreat of the French Army, 1812. L., 1860; Idem. Private Diary of Travels, Personal Services and Public Events in the Campaigns of 1812, 1813 and 1814. L., 1861. Русский перевод дневника Вильсона сделан С. Н. Искюлем и Д. В. Соколовым в 1995 г. «Повествование о случившемся...» под названием «Повествование о событиях, случившихся во время вторжения...» они же издали в 2008 г.

482

Вильсон – императору Александру I. Красная Пахра, 25 сентября 1812 г. // Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 144.

483

Вильсон – герцогу Глостерскому. Юрки, 27 октября 1812 г. // Там же. С. 197.

484

Wilson R. Narrative... P. 133–155, 315–317. Любопытно, что даже имя французского генерала Ромёфа почему-то звучало у Вильсона как «Романов» (“Romanow”).

485

Файф Ч. А. История Европы XIX века. М., 1889. Т. 1. С. 335–340.

486

Наиболее известное русское изд.: *Мэхэн А. Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793–1812). М.; Л., 1940. Т. 1–2.

487

См., например, характерную работу: *Fitchett W. H.* How England Saved Europe. L., 1899.

488

O'Connor M. W. Napoleon, Warier and Ruler, and the military supremacy of Revolutionary France. L., 1893.

489

Hutchinson H. D. The Story of 1812. L., 1897 (русское изд.: Гутчинсон Г. Д. Английский историк русской отечественной войны 1812 года. СПб., 1905); *George H.* Napoleon's Invasion of Russia. Oxford, 1899; *Burton R. G.* Napoleon's Invasion of Russia. L., 1914.

490

Rosebery A. Ph. Napoleon: The Last Phase. L., 1900.

491

Обращает на себя внимание, что несколькими годами ранее Розбери В. К. Надлер тоже сделал попытку психологического объяснения поступков Наполеона и Александра I в 1812 г.

492

The Encyclopaedia Britannica. Cambridge, 1910. Vol. 4. P. 267.

493

Jackson W. Seven Roads to Moscow. L., 1957.

494

Chandler D. G. The Campaigns of Napoleon. N.Y., 1966. Книга выдержала огромное количество изданий в разных странах. В России переведена только в 1999 г. «Центрполиграфом» со странным названием: *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999. Чандлер, считавший, что его авторские права были нарушены, безрезультатно обращался к российским властям, используя парламентские, дипломатические и частные каналы. В конечном итоге он получил на свое имя письмо за подписью президента В. В. Путина, в котором безымянный референт в неподражаемом советско-комсомольском стиле выразил надежду, что книга «послужит развитию дружбы между нашими народами».

495

Chandler D. G. The Campaigns... P. 183, 762–807. См. также: Idem. Borodino // On the Napoleonic Wars. L., 1994. P. 192–204.

496

Palmer A. Napoleon in Russia. L., 1967; *Delderfield R. F.* The Retreat from Moscow. L., 1967; Eyewitness Accounts of Napoleon's Defeat in Russia. Ed. by A. Brett-James. L., 1967.

497

Palmer A. Op. cit. P. 103–127.

498

Delderfield R. F. Op. cit. P. 60–72.

499

Среди работ, вышедших в Англии в 1960-е гг., упомянем любопытную, но неглубокую статью, в которой анализировалась численность Великой армии в 1812 г.: *Fry M. G., Fox J. P.* The Grand Army and the Invasion of Russia // *History Today*. 1960. № 10. P. 255–265.

500

Holmes E. R. Borodino. 1812. L., 1971.

501

Duffy Ch. Borodino and the War of 1812. L., 1972.

502

Haythornthwaite P. J. Uniforms of the Retreat from Moscow, 1812. Dorset, 1976 (См. также: Idem. The Napoleonic Source Book. L., 1990); *Pivka O., von.* Armies of 1812; Idem. Armies of the Napoleonic Era. Newton Abbey, 1979; etc).

503

Pivka O. Armies of 1812. P. 157.

504

Parkinson R. The Fox of the North. Life of Kutusov, general of War and Peace. L., 1976 (2-е изд. вышло в том же году в Нью-Йорке); *Josselson M., Josselson D.* The Commander: a Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980. В многочисленных биографиях наполеоновских маршалов, вышедших в Англии, внимание Бородину было уделено скромное. См., например: *Dunn-Pattison R. P.* Napoleon's marchals. L., 1909; *Wattson S. J.* By Command of the Emperor. A Life of marshal Berthier. L., 1957; *Gallaher J. G.* The Iron Marshal. A biography of Louis N. Davout. L., 1976; etc.

505

Glover M. The Napoleonic Wars: an illustrated history 1792–1815. L., 1979.

506

Nicolson N. Napoleon: 1812. L., 1985.

507

Geyl P. Napoleon: For and Against. L., 1949.

508

Русское изд.: *Сьюард Д.* Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995.

509

Esdail Ch.J. The Wars of Napoleon. L., 1995. Русский перевод: *Исдейл Ч. Дж.* Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997.

510

Исдейл Ч. Дж. Указ. соч. С. 380–387.

511

См., например: *Дунаевский В. А., Орлов А. Л.* Книга парадоксов. О характере и значении Наполеоновских войн // ННИ. 1988. № 4. С. 182–187.

512

Austin P. B. The March on Moscow. L., 1993.

513

Ibid. P. 266–267, 283; etc.

514

Smith D. Borodino. Moreton-in-Marsh, Gloucestershire, 1998.

515

Ibid. P. X, 45, 49–52.

516

Smith D. Napoleon against Russia. A concise history of 1812. Barnsley, S. Yorkshire, 2004.

517

Zamoyski A. 1812. Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004 (второе изд. – Нью-Йорк, 2005; русское изд.: *Замойский А.* 1812. Фатальный марш на Москву. М., 2013).

518

Zamoyski A. Op. cit. 2004. P. 258–288. В книге еще одного британского автора, вышедшей в 2009 г. (*Spring L.* 1812: Russia's Patriotic War. Stroud, Gloucestershire, 2009), содержатся еще более сомнительные, чем у Замойского, утверждения.

519

Lieven D. Russia against Napoleon. The True Story of the Campaigns of War and Peace. L., 2010 (русское изд.: *Ливен Д.* Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814. М., 2012).

520

Ibid. P. 195.

521

Приведем один пример из сферы торговой рекламы недавнего прошлого. В Британии (по-видимому, в 2001 г.) появился хлеб «Бородинский». Чтобы хлеб хорошо продавался, реализаторы придумали маленькую историю об этом хлебе. Будто бы его испекла перед сражением у Москвы по старинным рецептам жена одного русского генерала, а затем раздала этот хлеб солдатам. Запах и вкус этого хлеба столь глубоко наполнили ощущения солдат чувством родины, что они выстояли и заставили французов в расстройстве отступить. Хлеб тот получил название «Бородинский». Употреблять его, как рекомендовала фирма, лучше всего с украинским салом. Так современная торговая реклама, идя вразрез с британскими историографическими традициями, воздействует на массовые представления англичан о Бородине!

522

См.: *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966. С. 583.

523

Болховитинов Н. Н. Отклики в США на Отечественную войну 1812 года // ННИ. 1962. № 6. С. 94.

524

Tchuykevitch (col.) Reflection on the War of 1812 with tables. Boston, 1813.

525

Eustaphieve A. Memorable Predictions of the Late Events in Europe. Boston, 1814.

526

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. С. 586.

527

Sloane W. N. Life of Napoleon Bonapart. London; New York, 1896. Vol. 1–4. Русское изд.: *Слоон В.* Новое жизнеописание Наполеона I. СПб., 1896. Т. 1–2.

528

Слоон В. Указ. соч. Т.2. С. 397–407.

529

Foord E. Napoleon's Russian Campaign of 1812. Boston, 1913 (переиздана в Лондоне в 1914 г.); *Belloc H.* The Campaign of 1812 and the Retreat from Moscow. London; Edinburg; New York, s. a. (1-е изд. вышло без года, хотя из текста следовало, что книга была закончена в 1912 г.; она была переиздана в Лондоне в 1925 г. и в Нью-Йорке в 1926 г.).

530

Dodge T. A. Napoleon. A history of the art of war. Boston; New York, 1906. Vol. 3. P. 560–587.

531

Strakhofsky L. Alexander I of Russia. The man who defeated Napoleon. N.Y., 1947. Мы не можем согласиться с пренебрежительной оценкой работы Страховского Бескровным и Троицким, отзывавшимися о ней не иначе как об «опусе, реанимировавшем русскую дворянскую концепцию войны 1812 г. в ее самом слабом пункте».

532

Yaresh L. The Campaign of 1812 // Rewriting Russian History. N.Y., 1956.

533

Esposito V. J., Elting J. R. A Military History and Atlas of the Napoleonic Wars. New York; Washington, 1964. В 1988 г. Элтинг издал фундаментальную работу о Великой армии, позволившую лучше понять функционирование этого сложнейшего военного и человеческого механизма в 1812 г. (*Elting J. R.* Swords around a Throne. Napoleon's Grand Armée. N.Y.; L., 1988). Этот труд, уже не раз переиздававшийся, не имеет аналогов в англо-американской историографии.

534

Davis F. 1812 Campaign. Napoleon in Russia // Strategy and Tactics. 1972. № 35. P. 21–35.

535

Cate C. The War of the Two Emperors. The Duel between Napoleon and Alexander: Russia, 1812. N.Y., 1985. P. IX.

536

Nafziger G. Napoleon's Invasion of Russia. Novato, CA, 1988; *Riehn R. K.* 1812. Napoleon's Russian Campaign. N.Y., 1990.

537

Nafziger G. Op. cit. P. 254.

538

Riehn R. K. Op. cit. P. 65–82.

539

Ibid. P. 239, 242–244.

540

Mikaberidze A. The Russian Officer Corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792–1815. Staplehurst, 2005; *Idem.* The Battle of Borodino. Napoleon against Kutuzov. Barnsley, 2007; *Idem.* The Battle of Berezina. Barnsley, 2010; *Idem.* The Burning of Moscow. Barnsley, 2014; etc.

541

Земцов В. Н. Власть и семантика мундира. Рец. на кн.: *Вовси Э. М.* Трансформация униформы и снаряжения французского пехотинца 1791–1812 гг. М.: Изд-во «Мастерская

Vanderhoff & 15-е legere», 2012 // Запад, Восток и Россия: символика Власти: Вопросы всеобщей истории. Вып. 15 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. С. 290–293.

542

Вовси Э. Великая армия Наполеона накануне Бородинского сражения: новые цифры и факты (по материалам французских архивов) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2010. Т. 9. С. 151–161; Его же. Состав и потери Великой армии в Бородинском сражении (по материалам французских архивов) // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 37–46; и др.

543

О противоречивости воздействия юбилейных мероприятий на результативность изучения событий 1812 года см.: Земцов В. Н. Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Большой европейской войны 1812–1814 гг.) // Запад, Восток и Россия: историческая политика и политика памяти. Вопросы всеобщей истории. Вып. 16. Екатеринбург, 2014. С. 208–223.

544

См., например: *Sicard M. F.* Histoire des institutions militaires des française. P., 1834. Т. 3; *Susane L.* Histoire de l'ancienne infanterie française. P., 1849; *Idem.* Histoire de l'ancienne infanterie française. P., 1850–1853. Т. 3–8; *Idem.* Histoire de la cavalerie française. P., 1874. Т. 2–3; *Idem.* Histoire de l'artillerie française. P., 1874; *Dussieux L.* L'armée en France. Histoire et organization. Versailles, 1884. Т. 1–3; *Belhomme V.* Histoire de l'infanterie française. P., 1895. Т. 4; *Picard L.* La cavalerie dans les guerre de la Révolution et de l'Empire. Saumur, 1895–1896. Т. 1–2; *Jaquier L.* La cavalerie française de 1800 à 1815. P., 1899; *Fallou L.* La garde imperiale. 1804–1815. P., 1901; *Picard E.* L'artillerie française au XVIII siècle. Paris; Nancy, 1906; etc.

545

Morvan J. Le Soldat imperial. 1800–1814. P., 1904. Т. 1–2. Были не лишены интереса и работы А. Шюке и Ф. Массона, в которых в большей степени, чем у Морвана, присутствовал личностный элемент: *Chuquet A.* Épisodes et portraits. Plusieurs portraits de soldats de l'Empire. P., 1910; *Masson F.* Cavaliers de Napoléon. P., s. a.

546

Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux de la Révolution et l'Empire. P., 1934. Т. 1–2. Сегодня это направление блестяще продолжают Д. и Б. Кюнтэны: *Quintin D. et B.* Dictionnaire des colonels de Napoléon. P., 1996.

547

Gaulle Ch., de. La France et son armée. P., 1938; *Idem.* Vers l'armée de métier. P., 1934.

548

Godechot J. Les institutions de la France sous la Révolution et de l'Empire. P., 1951; *Brunon J.* Grenadiers de Napoléon. P., 1955.

549

Brunon J. et R. La Grande Armée de 1812. Marseille, 1960–1962; *Baldet M.* La vie quotidienne dans les armées de Napoléon. P., 1964; *Choury M.* Les grognards et Napoléon. P., 1968; *Houdaille J.* Les officiers de la Grande Armée: étude par sondage sur l'âge, l'origine régionale et le destin des officiers // *Revue de l'Institut Napoléon*. CVIII (1968); Idem. Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules // *Population*. Revue bimestrielle de l'institut national d'études démographiques. 1972. N 1; *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P., 1977; *Blond G.* La Grande Armée (1804–1815). P., 1979; *Tulard J.* Napoléon et la noblesse l'Empire suivi de la liste complète des membres de la noblesse impériale. P., 1979.

550

Pigeard A. L'armée napoléonienne. P., 1994; Idem. Dictionnaire de la Grande Armée. P., 2002.

551

Bertaud J.-P. Quand les enfants parlaient de gloire. L'Armée au Cœur de la France de Napoléon. P., 2006.

552

Bregeon J.-J. 1812: La Paix et la Guerre. P., 2012.

553

Интересующий нас период и проблематика представлены в 3-м томе: *Lenz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. P., 2007. T. 3.

554

Petiteau N. Lendemain d'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P., 2003; Idem. Guerriers du Premier Empire. Expérience et mémoires. P., 2011; etc.

555

Vagts A. The History of Militarism. N.Y., 1937.

556

Lynn J. A. Toward an Army of Honour: The Maral Evolution of the French Army. 1789–1815 // French Historical Studies. Vol. 16. 1989. № 1. P. 152–173. Возражения американского профессора О. Коннели (O. Connely) см. в том же номере (P. 174–179).

557

Esdail Ch.J. Op. cit.

558

Elting J. R. Op. cit. Далее цит. по изд. 1997 г.

559

Nafziger G. Op. cit.

560

Blaufarb R. The French Army 1750–1820. Careers, Talent, Merit. Manchester, 2002.

561

Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2006.

562

Martin J. Napoleonic Friendship: Military Fraternity, Intimacy, and Sexuality in Nineteenth-Century France. New Hampshire, 2011.

563

Hughes M. Forging Napoleon's Grande Armée: Motivation, Military Culture, and Masculinity in the French Army, 1800–1808. N.Y., 2012.

564

Богданович М. И. Отечественная война 1812 года. Т. 1; Баскаков. Наполеон. СПб., 1904; Бутенко В. А. Состав «великой армии» // ОВиРО. Т. 3. С. 40–50; Васютинский А. М. Наполеоновский солдат // Там же. С. 50–55; Его же. Военачальники Наполеона // Там же. С. 55–63; Его же. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М., 1912; Тарле Е. В. Наполеон. М., 1941; Его же. Нашествие...

565

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. С. 252–269.

566

Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799–1812 гг.). Саратов, 1980; Его же. У истоков бонапартизма. Происхождение режима Наполеона I. Саратов, 1986; Его же. Наполеон и власть. Балашов, 1993.

567

Бочоришвили К. Г. Французская армия как общественно-политическая сила...; Его же. Орден Почетного Легиона при Наполеоне I // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 210–220; Его же. Итальянские эмигранты...; Его же. Карьера наполеоновского солдата // ВИ. 1985. С. 181–186.

568

Соколов О. В. Офицерский корпус французской армии при Старом порядке и в период Революции 1789–1799 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 1991; Его же. Капитан №. Происхождение младших офицеров армии Наполеона в 1812–1814 гг.; Его же. Армия Наполеона; Его же. Офицеры короля. Командный состав французской армии при Старом Порядке // Империя истории. 2001. Июль/август. С. 60–73; Его же. Аустерлиц: Наполеон, Россия и Европа: 1799–1805 гг. М., 2006. Т. 1–2; Его же. Битва двух империй. 1805–1812. М.; СПб., 2012; *Шуканов В. Н.* Под знаменами императора. Малоизвестные страницы наполеоновских войн. М., 1997; Его же. Созвездие Наполеона; Его же. Генералы Наполеона.

569

Susanne L. Op. cit. 1849. P. 309–310; *Sicard M. F.* Op. cit. P. 7–31, 97–108, 133–135, 151–155, 242–259, 339–342, 458–463; *Bertaud J.-P.* La Révolution armée, les Soldats citoyens et la Révolution française. P., 1979. P. 35–36; *Scott S. F.* The response of the royal army to the French Revolution. The role and development of the line army (1787–1793). Oxford, 1978; etc.

570

Belhomme V. Op. cit. P. 421; *Leverrier J.* La Naissance de l'armée nationale. 1789–1794. P., 1939. P. 17–20.

571

Bertaud J. P. La Révolution armée... P. 36; *Матъез А.* Как победила Великая французская революция. М., 1928. С. 26.

572

Belhomme V. Op. cit. P. 421; *Scott S. F.* Op. cit. P. 11–12; *Bertaud J.-P.* Valmy, la démocratie en armée. P., 1980. P. 165.

573

Scott S. F. Op. cit. P. 7–12.

574

Ibid. P. 11.

575

К примеру, когда незадолго до Революции, в 1787 г., формировался Льежский полк, было установлено, что солдаты будут все льежцами, офицеры на $\frac{3}{4}$ будут состоять из льежских дворян, а на $\frac{1}{4}$ из дворян Лоррейна и Эльзаса (*Belhomme V.* Op. cit. P. 409).

576

Bertaud J.-P. La Revolution armée... P. 37; *Scott S. F.* Op. cit. P. 18–19; *Elting J. R.* Op. cit. P. 14.

577

См.: *Léonard E. G.* La question sociale dans l'armée française au XVIII siècle // *Annales: Economies, sociétés, civilisations*. 1948. № 2; *Bien D. D.* La reaction aristocratique avant 1789: l'exemple de l'armée// *Ibid.* 1974. N 1–2; *Corvisier A.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976; *Bodinier G.* Les officiers de l'armée royale combattants de la guerre d'Indépendance des Etats-Unis. Vincennes, 1983; *Соколов О. В.* Офицерский корпус...; и др.

578

А. Корвизье приводит даже фиксированные цены на офицерские должности: *Corvisier A.* Op. cit. P. 115–117.

579

Эти проблемы наиболее хорошо представлены в следующих работах: *Chaussinaud-Nogaret G.* La noblesse au XVIII siècle: De la Féodalité aux Lumières. P., 1976; *Goubert P.* L'ancien Régime. P., 1972. Т. 2; *Furet F.* Penser la Révolution française. P., 1978 (русский перевод: *Фюре Ф.* Постигание Французской революции. СПб., 1998); *Пименова Л. А.* Дворянство накануне великой Французской революции. М., 1986. Несмотря на полемику, которую Пименова вела со сторонниками концепции «революции элит», выводы ее работы, по нашему мнению, в своей основе не противоречили концепциям Ж. Шоссино-Нагаре, Ф. Фюре и других французских историков.

580

См.: *Sturgill C. C.* De l'argent pour les généraux (1768–1789). Le Soldat, la strategie, la mort. P., 1986.

581

Отметим, что в 1788 г. во французской армии служило в общей сложности 12 тыс. дворян, из них 3 тыс. солдатами (*Пименова Л. А. Указ. соч. С. 134*).

582

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 246–247.

583

Там же. С. 198.

584

Великолепным примером этих уставов является «*Extraits du Règlement militaire de 1786*», своего рода выписка из устава, предназначенная для обучения рекрутов младшими офицерами, переведенная в 1996 г. О. В. Плужниковым.

585

Belhomme V. Op. cit. P. 408.

586

Ibid. P. 422

587

[*Servan J.*] *Le Soldat citoyen ou vues patriotiques sur la manière la plus avantageuse de pourvoir à la defense de royaume. Neuchâtel, 1780.*

588

Guibert J.-A. Essai général de tactique, precede d'un Discours préliminaire sur l'état actuel de la politique et de la science militaire en Europe. Londres, 1772.

589

Льюис Ж. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М., 1999. С. 152–153.

590

Chassin Ch.-L., Hennes L. Les volontaires nationaux pendant la Révolution. P., 1899–1906. Т. 1–3; *Jaurès J.* L'armée nouvelle. P., 1910; *Soboul A.* Les Soldats de l'an II. P., 1959; *Cobb R.* Les armées révolutionnaires des départements du Midi. Toulouse, 1955; Idem. Les armées révolutionnaires, instrument de la Terreur dans les départements. P., 1961–1963. Т. 1–2; *Bertaud J.-P.* Valmy...; Idem. La Révolution armée...; Idem. La vie quotidienne des Soldats de la Révolution. 1789–1799. P., 1985; *Scott S. F.* Op. cit.; *Blaufarb R.* Op. cit.; *Forrest A.* Napoleon's Men.

591

Бутенко В. А. Реформа французской армии при революции и Наполеоне // ОВирО. Т. 1. С. 118–138; *Дживелегов А. К.* Революционная армия и ее вожди. М.; Пг., 1923; *Соколов О. В.* Высшие офицеры французской армии и революционное правительство в 1792–1794 гг. // От Старого Порядка к Революции. Л., 1988; Его же. Офицерский корпус...; Его же. Армия Наполеона.

592

Scott S. F. Op. cit. P. 97.

593

Цит. по: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. М., 1979. Т. 3. С. 173. Примеч. 24.

594

Scott S. F. Op. cit. P. 106.

595

Bertaud J.-P. Valmy... P. 289–290.

596

Bertaud J.-P. La Révolution armée... P. 82–83.

597

Матъез А. Указ. соч. С. 94–95; *Соколов О. В.* Офицерский корпус...

598

Цит. по: *Жорес Ж.* Указ. соч. Т. 3. С. 164–165.

599

Жорес Ж. Указ. соч. Т. 5. С. 176.

600

Bertaud J.-P. La Révolution armée... P. 103.

601

Карно И. История французской революции. СПб., 1893. С. 224.

602

Соколов О. В. Офицерский корпус... С. 12

603

Там же. С. 14; Его же. Капитан № ... С. 14; Его же. Армия Наполеона. С. 72–78.

604

Six G. Op. cit.

605

Фюре Ф. Указ. соч. С. 135.

606

Loi relative au mode de formation de l'armée de terre, du 19 fructidor, an 6 // Législation militaire... Т. 1. P. 1–9; Loi qui autorise les conscripts à résilier les engagements par eux contractés à raison des loyers, fermes, etc. Du premier jour complémentaire an 7 // Ibid. P. 9; Circulaire relative aux enrôlemens volontaires. Du 27 nov. 1806 // Ibid. P. 28–29; *Margueron.* Op. cit. Т. 1. P. 236–262; *Vallée G.* La conscription dans le département de la Charente (1797–1807). P., 1937; *Baldet M.* Op. cit. P. 25–32; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. Str. 134–152; *Prasad D., Smyth T.* Conscription: A World Survey. L., 1968; *Elting J. R.* Op. cit. P. 322–323; *Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 49–59.

607

Arnold E. Some observation on the French opposition to Napoleonic conscription. 1804–1806 // French Historical Studies. 1966. № 4. P. 452–461; *Elting J. R.* Op. cit. P. 322–325; *Исдейл Ч. Дж.* Указ. соч. С. 85–89, 93.

608

См., например: *Молок А. И.* Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. № 19. 1938. Т. 4. Л., 1938. С. 66–67; *Elting J. R.* Op. cit. P. 325–327.

609

Instruction générale sur la conscription. 1 Nov. 1811 // *Législation militaire*. Т. 1. P. 31–73; *Margueron*. Т. 2. P. 17–34; Подготовка Наполеона к войне 1812 года. По мемуарам Паскье // Военно-исторический вестник (далее – ВИВ). 1912. Кн. 1. С. 139–141; *Elting J. R.* Op. cit. P. 327. В целом, 17 наборов, сделанных Наполеоном, изъяли из старой Франции 1 млн 660 тыс. человек (*Madelin L.* Op. cit. P. 133). Потери составили с 1800 по 1815 г. 1 млн человек, то есть 68 % основного контингента.

610

Cobb R. The Police and the people. French Popular Protest. 1789–1820. Oxford., 1970. P. 104–109, 249–259, 263, 278.

611

Blond G. Op. cit. P. 317. М. Кукель, а за ним Г. Зых дают цифру в 674–678 тыс. человек (*Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. Str. 161–163; *Zych G.* Op. cit. Str. 233–235). Все эти цифры восходят к данным Деннье.

612

По Кукелю – 618 448 (*Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. Str. 161–163), по Бутенко – 612 тыс. при 1372 орудиях (*Бутенко В. А.* Указ. соч. С. 44–45).

613

Blond G. Op. cit. P. 317.

614

Chambray G. Op. cit. Т. 1. App.2. Интересные данные по составу Великой армии 1812 г. дал еще в середине XIX в. Сент-Илер (*Saint-Hilaire M.-E.* Histoire de la campagne de Russie... Т. 1. P. 314–322). В начале XX в. была предпринята первая серьезная попытка критически оценить силы армии, вторгшейся в Россию (*Villatee des Prugnes R.* Les effectives des la Grand Armée pour la campagne de Russie de 1812 // *Revue des etudes historiques*. 1913. Vol. 79. P. 245–287). Эти попытки были возобновлены в конце XX в. Американский историк Рьен, выпустивший книгу в 1990 г., заново просчитал численность армии вторжения и предложил цифры в 611 858 человек с 1242 единицами полевой артиллерии, 130 осадными орудиями, 32 700 единицами военного транспорта, 183 911 боевыми лошадьми. При них было около 25 тыс. различных гражданских лиц. В боевом составе этих сил было 265 французских и 291 иностранный батальон, 219 французских и 261 иностранный эскадрон. К концу года к границам России, не переходя ее, подошло еще 32 918 человек пехоты и 1520 кавалерии при

40 орудиях. Таким образом, общая цифра у Рьена оказывалась близка к данным Шамбрэ (*Riehn R. K. Op. cit. P. 159, 426–443. App.*).

В начале XXI в. вновь были предприняты усилия приблизиться к точным цифрам армии вторжения. На этот раз основой стали две внушительного объема книги, подготовленные Бертье для императора лично, с расписанием соединений Великой армии, находившихся непосредственно под командованием Наполеона (SHD. C2 700; C2 701). Они помечены 15 июня 1812 г. и 1 августа 1812 г. Особый интерес представляет вторая книга, надпись на которой свидетельствует, что она была подготовлена по приказу Наполеона в Витебске. Как справедливо отмечает О. В. Соколов, именно этот вариант расписания оказывается наиболее приемлемым для определения численности войск Наполеона на середину июня 1812 г. в связи с тем, что подсчеты численности многих корпусов относятся к июню и даже к маю этого года (*Соколов О. В. Битва двух империй. С. 628–629; Приложение 2*). Общая численность армии без Австрийского корпуса равнялась 644 024 человекам.

615

Наполеон. Избранные произведения. М., 1956. С. 652; Elting J. R. Op. cit. P. 323; Nafziger G. Op. cit. P. 30; etc.

616

Отечественная война 1812 года. Отд. 2. Т. 1. № 488. С. 300.

617

Margueron. Op. cit. Т. 2. С. 17–34, 75; Даву – военному министру. Гамбург, 15 октября 1811 г. // Отечественная война 1812 года. Отд. 2. Т. 1. № 10. С. 5–6; Thiers L.-A. Op. cit. P. 193–196; Elting J. R. Op. cit. P. 208; Nafziger G. Op. cit. P. 17; etc.

618

Morvan J. Op. cit. Т. 1. P. 336.

619

Даву – Наполеону. Гамбург, 14 и 29 октября 1811 г.; Магдебург, 3 и 4 ноября 1811 г.; Брауншвейг, 4 ноября 1811 г.; Гамбург, 7 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 1. С. 1; № 80. С. 44; № 105. С. 57; № 115. С. 65–66; № 120. С. 68–69; № 139. С. 78–79.

620

См.: Даву – Наполеону. Брауншвейг, 31 октября и 4 ноября 1811 г.; Целле, 6 ноября 1811 г.; Гамбург, 7 и 8 ноября 1811 г. // Там же. № 93. С. 52; № 120. С. 68–69; № 135. С. 75; № 139. С. 78–79; № 142. С. 81–82.

621

См.: *Législation militaires*. Т. 2. Р. 822–840.

622

Соколов О. В. Капитан № ... С. 14.

623

Fezensac М. *Op. cit.* Р. 38.

624

Даву – Наполеону. Гамбург, 22 октября и 11 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 года. Отд. 2. Т. 1. № 45. С. 29, № 163. С. 95.

625

Morvan J. *Op. cit.* Т. 2. Р. 435.

626

РГВИА. Ф. 846. Д. 3604. Ч. 1. Л. 45–69.

627

Там же. Ч. 2. Л. 70 –70об.

628

См., например: *Bourgoing. Souvenirs militaires*. Р., 1897. Р. 108.

629

Лоссберг. Указ. соч. С. 19–20.

630

Брандт Г. Указ. соч. С. 90.

631

См., например: *Morvan J.* *Op. cit.* Т. 2. Р. 180–181; *Fezensac М.* *Op. cit.* Р. 13.

632

См.: *Зак Л. А.* Из истории дипломатической борьбы на Венском конгрессе // ВИ. 1966. № 3. С. 70–82.

633

См., например: *Sybel H.*, von. Die Erhebung Europas gegen Napoleon. Munich, 1860; *Надлер В. К.* Указ. соч.; и др.

634

См., например: *Driault E.* Napoléon et l'Europe. P., 1924. Т. 4. Le Grand Empire (1809–1812); *Тарле Е. В.* Континентальная блокада. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. М., 1913; и др.

635

Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Histoire des relations internationales. P., 1954. Т. 4; *Kukiel M.* Czartoryski and European Unity; *Crouzet F.* L'Economie britannique et le blocus continental (1806–1813). P., 1958. Т. 1–2. См. критику этих работ В. Г. Сироткиным: *Сироткин В. Г.* Континентальная блокада и «объединение Европы» // ННИ. 1964. № 3.

636

Tular J. Napoléon ou Le mythe du saviour. P., 1971 (русское изд.: *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1997); *Idem.* Le Grand Empire. P., 1982; *Idem.* Murat, ou l'Eveil des Nations. P., 1986 (русское изд.: *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993); *Castelot A.* Le Grand Empire. P., 1971; *Woolf S.* Napoleon's Integration of Europe. L., 1991; *Esdail Op. cit.*; etc. Среди отечественных работ см.: *Чубарьян А. О.* Европейская идея в истории. Проблемы власти и мира. М., 1987.

637

Woolf S. Op. cit.

638

Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821. State Building in Piedmont. Lampeter, 1997. P. 313–350; *Idem.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814. Cultural Imperialism in European Context? Basingstoke, 2005; *Idem.* The First Napoleonic Empire, 1799–1815 // Nationalizing Empires / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; N.Y., 2015; *Брозерс М.* Цицерон и Аристотель: культурный империализм и наполеоновская география империи // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 12. М., 2014. С. 270–287.

639

Dwyer P. (ed.) *Napoleon and Europe*. L., 2001.

640

Rowe M. *Reich to State: the Rhineland in the Revolutionary Age, 1780–1830*. Cambridge, 2003;
Idem. *Napoleon and state formation in Central Europe // Napoleon and Europe*. P. 275–285.

641

Davis J. *Napoleon and Naples, Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860*. Oxford, 2006.

642

Planert U. *Resistance to Napoleonic Reforms in the Grand Duchy of Berg, the Kingdom of Westphalia and the South German States // The Napoleonic Empire and the New European Political Culture*. Basingstoke, 2012. S. 148–159; *Idem.* *Der Mythos von Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden. Alltag, Wahrnehmung, Deutung, 1792–1841*. Paderborn, 2007;
Планерт У. Германский национализм и опыт регионов в эпоху Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 12. С. 312–328.

643

Lafon J. M. *L'Adalouise et Napoléon. Contre-insurrection, Collaboration et Résistances dans le Midi de l'Espagne, 1808–1812*. P., 2007.

644

Lyons M. *Napoleon Bonaparte and the Legacy of the French Revolution*. L., 1994.

645

Jourdan A. *L'Empire de Napoléon*. P., 2000.

646

Lenz T. *Nouvelle histoire du Premier Empire*. P., 2004–2010. T. 1–4. См. также: *Idem.* *Napoléon diplomate*. P., 2012.

647

Lenz T. (ed.) *Napoléon et l'Europe. Actes du colloque organisé par la direction des Archives du ministère des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon 18 et 19 novembre 2004*. P., 2005.

648

Чубарьян А. В. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987; Его же. Российский европеизм. М., 2005.

649

Lenz T. (ed.) Napoléon et l'Europe. P. 429.

650

См., например: [Las Cases E.] Mémorial de Sainte-Hélène. P.: Dépôt du Mémorial; Bossange; Béchet; Lecoq et Durey; Roret, 1823–1824. Т. 2–7 (Записи от 29–30.11.1815 г., 03.03, 10–12.03, 27.04, 20.07, 24.09, 24.10, 25.10, 11.11, 14.11.1816 г.). См. также: записи Б.Э. О'Меара, Ш. Т. Монтолона и др.

651

Наполеон – Луи Бонапарту. Замок Марак, 3 апреля 1818 г. // Correspondance de Napoléon Ier. P., 1858. Т. 16. № 13718. P. 472.

652

Цит. по: Молок А. И. Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Ученые записки Ленинградского государственного ун-та. № 19. 1938. Т. 4. Л., 1938. С. 60.

653

[Las Cases E.] Op. cit. Т. 7. P. 13–22.

654

Correspondance de Napoléon Ier. Т. 23. № 18734. P. 441–447.

655

Le Moniteur universal. 1815. 23 avril. № 113.

656

РГАДА. Ф.30. Д.268. Л. 41–55. Этот проект был послан начальником секретной части архива МИДа России П. Г. Дивовым А. А. Аракчееву 18 мая 1813 г.

657

Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. С. 246–247.

658

Fouché J. Mémoires. P., 1824. Т. 2. Р. 114.

659

Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. Т. 1. Р. 472 (запись от 28 апреля 1816 г.).

660

Lettres interceptées... Р. 32–33.

661

Чандлер Д. Указ. соч. С. 218.

662

См., например: *Morvan J.* Op. cit. Т. 1. Р. 112–116; *Бёрнер К.-Х.* Политические и военные аспекты положения государств Рейнского союза весной 1813 г. // Бессмертная эпопея. К 175-летию... М., 1988. С. 134–145.

663

Рапорт военного министра Кларка – Наполеону. 25 января 1812 г. // *Borpe P.* La Légion Portugaise. 1807–1813. Р., 1897. Р. 313–315.

664

Elting J. R. Op. cit. Р. 343.

665

Kukiel M. Wojna 1812 roku. Т. 1. Str. 161–162.

666

Федосова Е. И. Указ. соч. С. 138.

667

Даву – Наполеону // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 340. С. 207–208; № 347. С. 211–212; № 351. С. 214.

668

Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 1. Str.163.

669

Брандт Г. Указ. соч. С. 86.

670

Chlapowski D. Lettres... P. 257.

671

Даву – Наполеону. Гамбург, 7 декабря 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 362. С. 222–223. О трудностях, с которыми столкнулась конскрипция в Вестфальском королевстве, см.: *Раткевич К.* Война 1812 года и общественное мнение в Вестфальском королевстве // Ученые записки ЛГУ. № 19. Т. 4. 1938. Л., 1938. С. 125.

672

Smith D. Op. cit. P. 63.

673

См.: *Лоссберг.* Указ. соч.; *Попов А. И.* Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995. С. 64–73.

674

О состоянии саксонской кавалерии под Бородином см.: *Burkersroda.* Op. cit.; *Meerheim F. L.A.* Op. cit.; *Minckwitz A.* Op. cit.; *Roth von Schreckenstein M.* Op. cit.

675

См.: *Попов А. И.* Вюртембергцы в походе на Россию // Отечественная война 1812 года. Россия и Европа. Бородино, 1992. С. 51–55.

676

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 116–117.

677

Montholon. Op. cit. Т. 2. Р. 186.

678

Osten-Sacken C. Op. cit. S. 18. О. В. Соколов, исходя из численности той армии, которая перешла границу в июне – начале июля (530 тыс. человек), пришел к цифре 330 тыс. нефранцузов, то есть 62 % (*Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 397–398). Расхождения с нашими подсчетами (63,2 %) оказались небольшими.

679

Napoléon I. Correspondance. Т. 23. Р. 535; *Молок А. И.* Указ. соч. С. 64.

680

Montholon. Op. cit. Т. 2. Р. 150–151.

681

Morvan J. Op. cit. Т. 2. Р. 174.

682

Фюртенбах. Указ. соч. С. 182–183.

683

Даву – Фриану. Гамбург, 20 и 28 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 156. С. 90; № 300. С. 185–186.

684

Даву – Наполеону. Гамбург, 11 декабря 1811 г. // Там же. № 386. С. 236.

685

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3605. Ч. 1. Л. 25 –33

686

Там же. Л. 42 –43об.

687

Там же. Л. 70–71.

688

Там же. Л. 72–73.

689

Там же. Л. 76–77.

690

Там же. Д. 3604. Ч. 1–3; Д.3605. Ч. 1–2; Д.3606; РГАДА. Д.279; 284. Ч. 3.

691

Ложье Ц. Указ. соч. С. 71–72.

692

См., например: Даву – Фриану. Гамбург, 28 ноября 1811 г.// Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 300. С. 185–186; *Dedem de Gelder*. Op. cit. P. 228; etc.

693

Лоссберг. Указ. соч. С. 21–22.

694

Там же. С. 17.

695

Bégos L. Souvenirs. Lausanne, 1859. P. 67.

696

Suckow K. Op. cit. P. 185.

697

См., например: *Dedem de Gelder*. Op. cit. P. 28.

698

Ernouf. Souvenirs d'une officier polonais. P., 1877. P. 221–222.

699

Потоцкая А. Мемуары. СПб., б. г. С. 201.

700

Лоссберг. Указ. соч. С. 9.

701

Пеле Ж. Указ. соч. С. 105.

702

Брандт Г. Указ. соч. С. 78.

703

РГАДА. Д. 269. Ч. 1–2. Вместе с опубликованными письмами (главным образом, в «Lettres interceptées...») нами привлечено 207 посланий, отправленных в Великую армию. Почти все они имеют личный характер или несут информацию личного свойства.

704

См., например: *Федосова Е. И.* Указ. соч.

705

Абалихин Б. С. Поход русской армии в Польшу в конце 1812–1813 г. // Из истории классовой и национально-освободительной борьбы народов дореволюционной и советской России. Волгоград, 1975. С. 95.

706

Даву – Фриану. Гамбург, 10 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 156. С. 87–90.

707

Попов А. И. Вюртембергцы в походе на Россию. С. 54–55.

708

Лоссберг. Указ. соч. С. 26.

709

Morvan J. Op. cit. Т. 2. Р. 435.

710

Suckow K. Op. cit. Р. 184–185; *Smith D.* Op. cit. Р. 79.

711

Chuquet A. Lettres de 1812. Р. 144–145.

712

Chuquet A. 1812. Sér.3. Р. 99 –100.

713

Rapp J. Op. cit. Р. 106–107.

714

Marbot M. Mémoires. Р., 1891. Т. 3. Р. 28.

715

Цит. по: *Elting J. R.* Op. cit. Р. 593.

716

Фюртенбах. Указ. соч. С. 184.

717

Ложье Ц. Указ. соч. С. 36–37.

718

Даву – Наполеону. Целле, 5 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 122. С. 70; Даву – Наполеону. Гамбург, 7 ноября 1811 г. // Там же. № 138–139. С. 77–79; Даву – военному министру. Гамбург, 9 ноября 1811 г. // Там же. № 151. С. 84.

719

Редчайшим исключением может считаться работа А. Н. Витмера «Бородинский бой» (Указ. соч. С. 136–139).

720

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 361.

721

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 293, 399. Вычисления сделаны на основе перекличек: *Fabry G.* Op. cit. Т. 4. App.

722

Французы в России. С. 43–44. Следует отметить, что подлинность мемуаров Куанье, впервые вышедших в 1883 г. (*Coignet J.-R. Cahiers. P.*, 1883), подвергалась сомнению.

723

Раткевич К. Указ. соч. С. 125.

724

Там же. С. 126.

725

Там же. С. 127.

726

Фигнер – родителям. 9 июня 1812 г. // *Искюль С. Н.* Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 104–105.

727

Рункель – матери. Неесвиц, 14 июля 1812 г. // Там же. С. 106.

728

Рункель – родным. Русская Польша, Гродно, 16 июля 1812 г. // Там же. С. 106–107.

729

Донесение генерального комиссара департамента Верра. 9 сентября 1812 г. // *Раткевич К.* Указ. соч. С. 128.

730

Там же. С. 129.

731

Раткевич К. Указ. соч. С. 131.

732

Русскоязычный читатель может обратиться к работам Е. В. Тарле и Д. М. Туган-Барановского: *Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I // Тарле Е. В. Собр. соч.: В 12 тт. М., 1958. Т. 4; *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать». Печать во Франции при Наполеоне // ННИ. 1995. № 3. С. 158–179; Его же. Наполеон и власть. Балашов, 1993.

733

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 66.

734

Чрезвычайно любопытно знакомство с различного рода солдатскими книжками, сертификатами и паспортами, которые заводились на солдат или выдавались им (см., например: РГАДА. Д.284. Ч. 3.Л. 33, 58). Помимо сведений об имени, месте и времени рождения, о прохождении службы, подробнейшим образом указывались внешние приметы солдата и его индивидуальный номер. Параметры человека тщательно инвентаризировались, сам он попадал в соответствующую строку и столбец официальных бумаг. Прежний крестьянин или сапожник исчезал, и появлялся солдат.

735

Législation militaire. Т. 2. Р. 485–544; *Nafziger G.* Op. cit. Р. 16.

736

Législation militaire. Т. 1. Р. 245–398.

737

Даву – Фриану. Гамбург, 10 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 156. С. 87–90; Даву – Наполеону. Гамбург, 17 ноября 1811 г. // Там же. № 192. С. 110; Даву – Наполеону. Гамбург, 8 апреля 1811 г. // Margueron. Op. cit. Т. 2. Р. 170; Даву – Наполеону. Ритцбюттель, 12 сентября 1811 г. // Ibid. Т. 3. Р. 181–182; *Morvan J.* Op. cit. Т. 2. Р. 334–335.

738

Даву – Наполеону. Гамбург, 8 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 142. С. 81–82. См. также: Там же. № 196. С. 111–112.

739

Даву – Фриану. Гамбург, 29 ноября 1811 г. // Там же. № 308. С. 189–190; *Morvan J.* Op. cit. Т. 2. Р. 178.

740

Брандт Г. Указ. соч. С. 82.

741

См., например: Даву – Наполеону. Гамбург, 17 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 197. С. 112.

742

РГАДА. Д.269. Ч. 1. Л. 292 –293об.

743

Там же. Ч. 2. Л. 514.

744

Там же. Ч. 1. Л. 236 –237об.

745

Солдат Маршан – кюре Тюгне. 25 сентября 1812 г.// *Lettres interceptées.* Р. 34.

746

Музыкант Ж. Фишер – Рошу, отставному музыканту 7-го полка. Москва, 25 сентября 1812 г. // Ibid. Р. 36–37.

747

Солдат Ф. Пулашо – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // Ibid. P. 51.

748

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 367.

749

Bourgogne A.-J.-B.-F. Op. cit. P., 1900. P. 4–5.

750

Elting J. R. Op. cit. P. 322–324.

751

Baldet M. Op. cit. P. 218.

752

Pelleport P. Op. cit. P., 1857. Т. 1. P. 47; *Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 342.

753

Choury M. Op. cit. P. 153.

754

Bourgogne A.-J.-B.-F. Op. cit. 1979. P. 177; *Griois L.* Op. cit. Т. 2. P. 171–175; *Choury M.* Op. cit. P. 238; *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P. 355.

755

Législatiom militaire. Т. 3. P. 53–82; Т. 4. P. 8 –77; etc.

756

Ibid. Т. 4. P. 92–93.

757

РГАДА. Д.284. Ч. 3. Л. 74 –94об.; РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3606. Л. 40.

758

Législation militaire. Т. 4. Р. 102–103; 566–624; *Woloch I.* The French Veteran, from the Revolution to the Restoration. Chapel Hill, 1979; *Wartelle F.* Les Récompenses promises aux Défenseurs de la Patrie durant la Révolution et l'Empire // Actes du Colloque forces armées et société (Montpellier, 1–5 avril 1985). Montpellier, 1987; *Бочоршвили К. Г.* Французская армия... С. 18–19.

759

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 63.

760

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3604. Ч. 1–2.

761

Брандт Г. Указ. соч. С. 90.

762

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. L., 1959. P. 45–46.

763

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. Note 5. P. 402.

764

Ж.М.Ф. Пари – матери. Москва, 18 сентября 1812 г. // Lettres interceptées. P. 16–17.

765

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3605. Ч. 1. Л. 25–33.

766

РГВИА. Ч. 2; Д.3606; РГАДА. Д.279; Д.284. Ч. 3.

767

РГАДА. Д.246. Л. 7 –8об.; Д.279. Л. 2; генерал Груши – жене. Москва, 15 октября 1812 г.// Lettres interceptées. P. 135–136; капитан Карбонель – графине Груши. Москва, 15 октября

1812 г. // Ibid. P. 133–134; капитан Карбонель – тестю. Москва, 15 октября 1812 г. // Ibid. P. 135.

768

François C. Op. cit. P. 800.

769

Рукопись Чюди о действиях полка Жозефа-Наполеона // *Chuquet A.* Lettres de 1812. P. 177. Эта рукопись отличается от того рапорта, который опубликовал Бопп.

770

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 21. Категорическое заявление Тириона (С. 21) о том, что никто из дивизии Сен-Жермена не был награжден, не подтверждается документально. Только во 2-м кирасирском полку, где служил автор воспоминаний, было четверо награжденных, в 3-м кирасирском – один и в 9-м кирасирском – четверо. Декрет о награждении был подписан 11 октября (РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3605. Ч. 2. Л. 84–85).

771

Дедем —? Париж, февраль 1813 г. // *Chuquet A.* Lettres de 1812. P. 19–20.

772

Législation militaire. T. 4. P. 102–103; *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P. 397.

773

Morvan J. Op. cit. T. 2. P. 460.

774

Ibid. T. 1. P. 385–386.

775

Межан, офицер 13-го легкого полка, – г-же директрисе приюта в Мепине, департамент Ипр. Лагерь под Гжатском, 2 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.267. Л. 75 –76об.

776

Ф. Шарто – матери. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 48–49.

777

Houdaille J. Les officiers de la Grande Armée: étude par sondage sur l'âge, l'origine régionale et le destin des officiers // *Révue de l'Institut Napoléon*. CVIII. 1968; *Idem.* L'officier français des origines à nos jours. Saint-Jean-d'Augély, 1987; *Bertaud J.-P.* Napoleon's officers // *Past and Present*. 1986. № 112; *Соколов О. В.* Армия Наполеона; *Blaufarb R.* *Op. cit.*; *Hughes M.* *Op. cit.*

778

См. интересную таблицу о денежном довольствии офицеров, оказавшуюся в трофейных документах 1-го корпуса Даву: Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 521. С. 326–329.

779

D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville). *Op. cit.* Т. 3. Р. 168.

780

См., например, интересное письмо: Нарбонн – графу Монтестье Фезенсаку. Смоленск, 11 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.266. Л. 109–110.

781

Брат Сегюра Октав-Анри-Габриэль, капитан 8-го гусарского полка, попал в русский плен 28 июня 1812 г. А старший из сыновей Филиппа-Поля Сегюра Анри-Раймон-Эжене женился на дочери Ф. В. Ростопчина Софье! Как переплелись судьбы!

782

РГАДА. Д.279. Л. 14–16. К ходатайству генерала Дюронеля приложен послужной список де Ла Гранжа. Он начал службу в 1793 г.

783

Сюберви – Бертье. В тылу поля битвы при Бородино, 8 сентября 1812 г. // *Chuquet A.* *Lettres de 1812*. Р. 16–17.

784

Fain A.-J.-F. *Op. cit.* Т. 2. Р. 18–19.

785

Компан – жене. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. Р. 123–125.

786

Duruy V. Op. cit. P. 179.

787

Об этой «истории» 1806–1807 гг. и о том влиянии, которое она оказала на психику Жюно, достаточно ясно рассказала в своих мемуарах его вдова: *д'Абрантес*. Записки герцогини д'Абрантес. М., 1836. Т. 9 –10.

788

См., например: *Lettres interceptées*. P. 89. Note 2.

789

См., например: *Брандт Г.* Указ. соч. С. 88–89; *Meneval C.-F.* Op. cit. Vol.3. P. 51; etc.

790

См.: РГАДА. Д.251. Л. 1, 5 –5об., 7 –8об., 9 –10, 21 –22об., 24 –24об., 163; Д.266. Л. 292–293; *Lettres interceptées*. P. 84–87, 89–90; etc.

791

См.: РГАДА. Д.251. Л. 12 –13об., 18 –18об., 25–26; РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92. Л. 30–31; *Lettres interceptées*. P. 82–83, 87–88; etc.

792

Цит. по: *д'Абрантес*. Указ. соч. М., 1837. Т. 14. С. 329.

793

Маршан – жене. Москва, 15 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.260. Л. 1 –2об.

794

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 22–23.

795

Dennée P.-P. Op. cit. P. 62

796

Без сомнения, неровный характер личных взаимоотношений Наполеона с Понятовским имел под собой во многом политическую основу. В то время как французский император пытался превратить поляков в послушное орудие своей внешней политики, Понятовский демонстрировал решимость не мириться с ролью такого рода. Начиная с войны 1809 г. он неизменно проявлял известную самостоятельность в своих действиях, что вызывало раздражение Наполеона. После Бородинского сражения Наполеон, недовольный действиями 5-го корпуса, все же решил не раздражать поляков и без изменений подписал списки чинов корпуса на награждение орденом Почетного легиона (в общей сложности на 122 человека, не считая генералитета). – РГВИА. Ф.846. Ф.16. Д.3605. Ч. 2. Л. 70–71.

797

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 536.

798

Extrait des minutes de la Secrétairerie d'Etat // РГАДА. Д.284. Ч. 3. Л. 74 –94об.

799

Lettres interceptées. P. 99. Note 7.

800

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3606. Л. 27.

801

Цит. по: *Фрид Я.* Анри Бейль в 1812 году // Французский ежегодник. 1983. М., 1985. С. 104.

802

Наиболее важные работы, посвященные «заговору Мале»: *Nodier Ch.* Histoire des sociétés secrètes de l'armée. P., 1815; *Grosset P.* La Conspiration du général Malet. P., 1869; *Hamel E.* Histoire des deux conspirations du général Malet. P., 1873; *Guillon E.* Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire. P., 1894; *Melchior-Bonnet B.* La conspiration du général Malet. P., 1963; *Besson A.* Malet. L'homme qui fit trembler Napoléon. P., 1973; *Туган-Барановский Д. М.* Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799–1812 гг.). Саратов, 1980; Его же. Заговор Мале – свидетельство прогрессирующего кризиса наполеоновского режима // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 259–266.

803

Lentz T. La conspiration du général Malet 23 octobre 1812. P., 2012.

804

РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92. Л. 4 –12. Письма опубликованы в 1907 г. Н. Затворницким в «Русской старине» (1907. № 10. С. 69–74).

805

А. Нансути – дивизионному генералу Э. Нансути. Париж, 25 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 177–179.

806

Ibid. App. № 15. P. 345–346.

807

Дарю – жене. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.248. Л. 13 –13об.; *Lettres interceptées*. P. 239–240.

808

Генерал Делаборд – жене. Смоленск, 12 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.266. Л. 305 –306об.; *Lettres interceptées*. P. 300.

809

Маршал Мортье – жене. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 240 –241

810

Дюрок – Шампаньи. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 278–279; *Chuquet A. Lettres de 1812*. P. 130.

811

Риве —? Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 277.

812

Лакронье – жене. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 253.

813

См.: *Соколов О. В. Армия Наполеона*. С. 481–494.

814

Fezensac M. Op. cit. P. 10.

815

Цит. по: *Morvan J.* Op. cit. Т. 1. P. 498. Морван упоминает, что в те дни был арестован офицер обоза, он на лье уехал от багажа госпиталя, который должен был сопровождать, под предлогом того, что послан с вином для императора. Загрузив 10 повозок бутылками, он ими торговал.

816

О гвардии имеется обширнейшая литература. Среди прочих особо отметим работы: *Fallou L.* La Garde Imperiale; *Lachouque H.* Napoléon et la Garde imperiale. P., 1956 (рус. изд. *Лащук А.* Гвардия Наполеона. М., 2003); *Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 423–480. О составе гвардии в 1812 г. см.: *Nafziger G.* Op. cit. P. 40–45.

817

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 451–452.

818

Цит. по: *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P. 146.

819

Tular J. Napoléon...; *Bergeron L., Chaussinaud-Nogaret G.* Les «Masses de granit»: Cent mille notables du Premier Empire. P., 1979; *Tular J.* Napoléon et la noblesse de l'Empire. P., 1979. См. также: *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P., 1968.

820

Lynn J. A. Op. cit.; *Connely Ch.J.* Op. cit.; *Туган-Барановский Д. М.* Наполеон и республиканцы...; Его же. Наполеон и власть; *Бочоришвили К. Г.* Орден Почетного легиона; и др.

821

См., например: *Vallotton G.* Deux impérialismes. Napoléon, Hitler. Neuchâtel, 1925; *Elsenmann Ch.* Napoléon, précurseur de l'encadrement totalitaire de la nation // Politique. 1948. Juin. P. 520–531.

822

См., например: *Cobb R.* Op. cit. P. 249–263.

823

Шкуратов В. А. Психика. Культура. История. (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии). Ростов-на-Дону, 1990. С. 163–165.

824

Elting J. R. Op. cit. P. 575, 577–579; *Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 287–320; и др.

825

Даву – Наполеону. Гамбург, 12 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 168. С. 97–99.

826

См., например: *Elting J. R.* Op. cit. P. 580.

827

Législation militaire. Т. 4. P. 96 –101.

828

Margueron. Op. cit. Т. 4. P. 19; *Nafziger G.* Op. cit. P. 27; *Elting J. R.* Op. cit. P. 575.

829

См., например: *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 2; *Лоссберг.* Указ. соч. С. 43; и др.

830

Fabry G. Op. cit. Т. 3. P. 69.

831

Smith D. Op. cit. P. 27.

832

См., например: Фигнер, солдат 3-го вестфальского линейного полка, – отцу. 9 июня 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 104–105; Неизвестный солдат – матери, 18 апреля 1812 г. // РГАДА. Д.269. Ч. 2. Л. 512 –512об.; и т. д.

833

Morvan J. Op. cit. Т. 1. Р. 430; Т. 2. Р. 178; *Elting J. R.* Op. cit. Р. 217.

834

Morvan J. Op. cit. Т. 1. Р. 432.

835

Poos Г. Указ. соч. С. 37.

836

Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. Р. 235; *Шуканов В. Н.* Указ. соч. С. 209.

837

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 113.

838

Рункель – матери. Гродно, 16 июля 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 106–107.

839

См., например: Даву – Наполеону. Могилев, 20 июля 1812 г. // *Fabry G.* Op. cit. Т. 2. Р. 29.

840

Margueron. Op. cit.

841

Morvan J. Op. cit. Т. 1. Р. 432.

842

О подготовке Великой армии к русской кампании, в особенности устройству и функционированию тыловых служб и коммуникаций в ходе самой кампании см. блестящее исследование А. И. Попова: *Попов А. И.* Великая армия. Погоня за миражом. Самара, 2002.

843

Эти картины описаны в десятках воспоминаний и дневников. В концентрированном виде это можно найти у Морвана (*Morvan J.* Op. cit. Т. 1. Р. 434; Т. 2. Р. 189) и Элтинга (*Elting J. R.* Op. cit. Р. 575–577).

844

Larrey D.-J. Op. cit. Т. 4. Р. 10, 62.

845

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 153.

846

Ibid. Р. 142.

847

Лоссберг. Указ. соч. С. 16, 21.

848

Лоссберг. Указ. соч. С. 28, 30, 42–43.

849

И. А. Вернке – отцу. Можайск, 13 октября 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 109.

850

Ложье Ц. Указ. соч. С. 133, 149–150.

851

Пюибюск. Указ. соч. С. 72.

852

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 152.

853

Suckow K. Op. cit. P. 181–182.

854

Dupuy V. Op. cit. P. 179; *Girod de l'Ain.* P. 86–87.

855

Morvan J. Op. cit. T. 2. P. 192.

856

Жюно – жене. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.251. Л. 25–26; РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92. Л. 30–31; *Затворницкий Н.* Указ. соч. 1907. № 12. С. 564.

857

Раткевич К. Указ. соч. С. 122.

858

Лоссберг. Указ. соч. С. 5.

859

Брандт Г. Указ. соч. С. 81.

860

Лоссберг. Указ. соч. С. 23.

861

Богарне – Бертье. 14 июля 1812 г. // *Fabry G.* Op. cit. T. 1. P. 465; Полковник Меда – Даву. 15 июля 1812 г. // Ibid. P. 496; *Роос Г.* Указ. соч. С. 42; *Morvan J.* Op. cit. T. 2. P. 183; *Соколов О. В.* Указ. соч. С. 339–340.

862

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. P. 54.

863

Приказ Богарне. Гжатск, 4 сентября 1812 г., 5 часов утра // [*Du Casse A.*] Op. cit. Т. 7. Correspondance. P. 465–466. См. также: Наполеон – Бертье. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // [*Derrecagaix.*] Le maréchal Berthier. P. 432.

864

Le Roy C.-F.-M. Op. cit. P. 152; *Biot H.-F.* Op. cit. P. 32; *Dutheillet de Lamothe A.* Op. cit. P. 39; etc.

865

Poos Г. Указ. соч. С. 130.

866

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 144.

867

Ibid. P. 153.

868

Брандт Г. Указ. соч. С. 98.

869

Ф. Пулашо – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 5.

870

ОР РГБ. Ф.41. К.165. Ед. 16. Л. 2–3.

871

Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. P. 152.

872

Гильемино – жене. Москва, 16 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 340.

873

Elting J. R. Op. cit. P. 461–464; *Чандлер Д.* Указ. соч. С. 243; *Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 294–298; и др.

874

Брандт Г. Указ. соч. С. 83.

875

Лоссберг. Указ. соч. С. 18.

876

Suckow K. Op. cit. P. 156.

877

Fabry G. Op. cit. T. 1. P. 95.

878

Ibid. T. 3. P. 153.

879

См., например: Наполеон – Бертье. Вильно, 7 июля 1812 г. // *Ibid.* P. 50.

880

1812 год. Эпопея Великой армии по французским источникам // ВИВ. 1912. Кн.1. С. 159.

881

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 118; *Girod de l'Ain.* Op. cit. P. 65; etc.

882

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S.78–79.

883

Лоссберг. Указ. соч. С. 22.

884

Ложье Ц. Указ. соч. С. 124–125; *Лоссберг.* Указ. соч. С. 25–26; *Girod de l'Ain.* Op. cit. P. 66; etc.

885

Наполеон. Избранные произведения. С. 657; *Elting J. R.* Op. cit. P. 467.

886

Брандт Г. Указ. соч. С. 80.

887

РГАДА. Д.266. Л. 96 –99об.

888

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. T. 1. P. 142–145; etc.

889

Adam A. Op. cit. № 11, 29, 34, 81.

890

Ibid. № 84.

891

Gourgaud G. Op. cit. P. 585; *Morvan J.* Op. cit. T. 2. P. 181; etc.

892

Ternaux-Compans H. Op. cit. P. 129. Note 1.

893

Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 1. P. 215 (запись от 1–3 декабря 1815 г.)

894

Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 82–83, 206.

895

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 1.

896

Choury M. Op. cit. P. 138.

897

1812 год. Эпопея Великой армии по французским источникам. С. 158.

898

Elting J. R. Op. cit. P. 228.

899

Ложье Ц. Указ. соч. С. 131.

900

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 147.

901

Bourgogne A.-J.-B.-F. Op. cit. P. 7.

902

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 153.

903

Лоссберг. Указ. соч. С. 29.

904

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 148.

905

Ложье Ц. Указ. соч. С. 132.

906

Лоссберг. Указ. соч. С. 46–47.

907

Цит. по: *Фрид Я.* Указ. соч. С. 105.

908

Приказ на день по дивизии Кюриала. Москва, 23 сентября 1812 г. // Extraits du livre d'ordres 2-e Régiment de grenadiers á pied de la Garde imperiale (2e bataillon, 2e compagne) // Carnet de la Sabretache. 1900. N95. P. 685.

909

Lettres interceptées. P. 222–223, 236–237, 238–239, 251, 300–301; etc.

910

Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 85.

911

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 112.

912

Различные аспекты «медицинской жизни» Наполеона традиционно являются предметом усиленного внимания зарубежных исследователей. Наиболее интересными работами, по нашему мнению, являются: *Aubry A.* Napoleon privat. Leipzig, 1940; *Garniere P.* Corvisart: Médecin de Napoléon. P., 1951; *Kemble J.* Napoleon immortal: The medical history and private life of Napoleon Bonaparte. L., 1959; *Hillemand P.* Pathologie de Napoléon. P., 1970; *Neumayr A.* Diktatoren im Spiegel der Medizin. Vienna, 1995 (рус. изд.: *Наймайр А.* Диктаторы в зеркале медицины: Наполеон. Гитлер. Сталин. Ростов н/Дону, 1997).

913

О службе обеспечения квартиры Наполеона и Главного штаба см.: *Philip R.* Étude sur le Service d'Etat-major pendant les Guerres du Premier Empire. P., 1900; *Bucquoy E. L.* Le Quartier Général de l'Empereur. Nancy, 1953; *Nanteuil H.* Le comte Daru, ou l'administration militaire sous la Révolution et l'Empire. P., 1966; *Elting J. R.* Op. cit. P. 72.

914

Grabowski J. Op. cit. P. 40–41.

915

Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 2. App. P. 861.

916

Rapp J. Op. cit. P. 194.

917

Vionnet de Maringoné L.-J. Op. cit. P. 6; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 147.

918

Meneval C.-F. Op. cit. P. 55; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 437–438. Note 2; *Denniée P.-P.* Op. cit. P. 83–84; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 45–46; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 252.

919

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 424. Note 1.

920

См., например: *Elting J. R.* Op. cit. P. 73, 78; etc.

921

История мундира наполеоновской эпохи являет собою обширнейший раздел в униформологии. При этом объем проблем, решаемых специалистами, настолько велик, что привел к настоящему времени к появлению необъятной литературы. Упомянем в этой связи только несколько основополагающих трудов: *Knötel R.* Uniformenkunde. 1890–1914; *Lienhart et Humbert.* Les uniformes de l'armée française. Leipzig, 1897–1906. Т. 1–5; *Malibran H.* Album du guide à l'usage des artistes et des costumiers des uniformes de l'Armée françaises de 1780 à 1848. P., 1907; *Bucquoy E.-L.* Les uniformes du Premier Empire. P., 1977–1984. Т. 1–9. Русскоязычному читателю рекомендуем: *Соколов О. В.* Армия Наполеона. Чтобы получить беглое представление об особенностях обмундирования армии, вторгшейся в 1812 г. в Россию, следует обратиться к работам: *Haythornthwaite P. J.* Uniforms of the Retreat from Moscow. 1812. Dorset, 1976; *Pivka O. von.* Armies of 1812. Cambridge, 1977. Vol.1.

922

К примеру, 8 октября 1811 г. Наполеон указал Лакюэ, министру-директору военной администрации, что 124-й линейный полк все еще имеет 600 белых мундиров (*Margueron*. Op. cit. Т. 3. Р. 209–210).

923

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 164.

924

Margueron. Op. cit. Т. 3. Р. 197–198.

925

См., например: Наполеон – Лакюэ. Париж, 13 января 1812 г. // Ibid. Р. 530.

926

См.: *Législation militaire*. Т. 3. Р. 166–305.

927

См., например: *Margueron*. Op. cit. Т. 4. Р. 153.

928

Bourgoing. Op. cit. Р. 108.

929

Ibidem; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. Т. 1. Р. 91; *Chlapowski D.* Lettres... Р. 238; etc.

930

Любопытная вещь: при примерке обуви в те дни оказалось, что из-за разницы в строении ноги французская обувь не подходила полякам, и наоборот (*Elting J. R.* Op. cit. Р. 451–452).

931

Циркуляры Даву. Гамбург, 29 ноября 1811 г.// Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. № 311. С. 191–192; № 323. С. 198–199.

932

Margueron. Op. cit. T. 4. P. 22–25.

933

Pigeard A. Les bivouacs et camps de la Grande Armée // Tradition. 1987. № 9. P. 10–14; *Bertin P.* Infanterie // Dictionnaire de Napoléon. P. 922; *Elting J. R.* Op. cit. P. 217.

934

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. P. 38.

935

Известия. 1984. 5 марта.

936

Le Roy C.-F.-M. Op. cit. P. 159.

937

Фюртенбах. Указ. соч. С. 187.

938

Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. Op. cit. P. 203.

939

Паради – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // Lettres interceptées. P. 20–21.

940

Лоссберг. Указ. соч. С. 42.

941

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 123. Note 1.

942

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. T. 1. P. 142.

943

Suckow K. Op. cit. P. 180; *Haythornthwaite P. J.* Op. cit. P. 119. Другие описания одежды Мюрата в 1812 г. см.: *Soltyk R.* Op. cit. P. 117–119; *Dupuy V.* Op. cit. P. 176–177, 185–186; *Griois L.* Op. cit. T. 2. P. 21; *Dumonceau F.* Op. cit. T. 2. P. 123; *Bourgoing.* Op. cit. P. 9; *Лоссберг.* Указ. соч. С. 28; *Роос Г.* Указ. соч. С. 41.

944

РГАДА. Д.284. Ч. 2. Л. 2–6. Общая сумма имущества генерала Юара, бывшего с ним под Бородином, была исчислена в 11 тыс. 335 франков 70 су.

945

Pajol, général en chef, par le général division comte Pajol son fils aîné. P., 1874. T. 3. P. 37. Note 2.

946

Роос Г. Указ. соч. С. 168. Примеч.

947

Бертье – Наполеону. Витебск, 9 августа 1812 г. // *Fabry G.* Op. cit. T. 3. P. 486.

948

Нансути – Бельяру. Боярщина, 4 августа 1812 г. // Ibid. P. 146–147.

949

Morvan J. Op. cit. T. 2. P. 185.

950

Генерал Прейзинг – военному министру Баварии. 25 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 80об. – 81; *Blond G.* Op. cit. P. 335.

951

Роос Г. Указ. соч. С. 105.

952

Suckow K. Op. cit. P. 178; [*Коллюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 13; *Soltyk R.* Op. cit. P. 214.

953

Pelleport P. Op. cit. Т. 2. Р. 25; *Suckow K.* Op. cit. Р. 178; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 131; [Колюбакин Б.М.] Указ. соч. С. 13; и др.

954

Лоссберг. Указ. соч. С. 30; *Smith D.* Op. cit. Р. 61.

955

Smith D. Op. cit. Р. 61.

956

Ральф, офицер 3-го полка гвардейских пеших гренадеров, – отцу. Москва, 26 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 151об.; *Dumonceau F.* Op. cit. Т. 2. Р. 133; *Le Roy C.-F.-M.* Op. cit. Р. 157; etc.

957

Fezensac M. Op. cit. Р. 30.

958

Dupuy V. Op. cit. Р. 180.

959

Suckow K. Op. cit. Р. 184.

960

Smith D. Op. cit. Р. 81–82.

961

Леюше – портному Дурнелю, в Руан; Леюше – м-ль Анриетт, в Гамбург. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* Р. 14–16.

962

Цит. по: *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 46.

963

Компан – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // РГАДА. Д.253. Л. 1–2; *Lettres interceptées*. P. 97–99.

964

Suckow K. Op. cit. P. 199.

965

Бургонь. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 63–64.

966

Fezensac M. Op. cit. P. 52.

967

Haythornhwaite P. J. Op. cit. P. 402. Такую «удобную деталь в униформе» приобрел, в частности, офицер 6-го конноегерского полка Хенкенс.

968

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. T. 1. P. 110.

969

Брандт Г. Указ. соч. С. 80.

970

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 185.

971

Целорунго Д. Г. Русские офицеры – участники Бородинского сражения // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 56–74.

972

Паради – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 20.

973

Декрет Наполеона от 25 декабря 1811 г. // *Margueron. Op. cit. Т. 3. Р. 443–444.*

974

См.: Наполеон – военному министру. 12 ноября 1811 г. // *Ibid. Р. 284; Dumonceau F. Op. cit. Т. 1. Р. 352–353.*

975

Русскоязычный читатель может обратиться для более подробного знакомства с вооружением наполеоновского солдата к работе О. В. Соколова «Армия Наполеона» (С. 141–178).

976

Choury M. Op. cit. Р. 116.

977

Larrey D.-J. Op. cit. Р. 25.

978

Подробнее см.: *Législation militaire. Т. 4. Р. 1–125; Margueron. Op. cit. Т. 4. Р. 188–190; Morvan J. Op. cit. Т. 2. Р. 344–345; Baldet M. Op. cit. Р. 163–177; Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. Р. 269–271; Elting J. R. Op. cit. Р. 290–292; Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 494–508.*

979

Лучшими книгами, запечатлевшими стоический труд медиков Великой армии в 1812 г., являются: *Larrey D.-J. Op. cit.; Bellot de Kergore A. Op. cit.; Поос Г. Указ. соч.*

980

См., например: *Larrey D.-J. Op. cit. Р. 6–7.* Специально в преддверии войны с Россией Наполеон дополнительно организовал 6 дивизионов амбулансов, в каждом из которых было 8 медиков-офицеров.

981

Ларрей – Наполеону. Витебск, 2 августа 1812 г. // *Fabry G. Op. cit. Т. 3. Р. 50; Дюма – Наполеону. Витебск, 3 августа 1812 г. // Ibid. Р. 99–100.*

982

См., например: Бертье – Наполеону. Витебск, 5 августа 1812 г. // Ibid. P. 194; О. Коленкур – Наполеону. Витебск, 5 августа 1812 г. // Ibid. P. 195; О. Коленкур – Наполеону. 8 августа 1812 г. // Ibid. P. 408; О. Коленкур – Наполеону. Витебск, 10 августа 1812 г. // Ibid. P. 559; etc.

983

Larrey D.-J. Op. cit. P. 30–31; *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 48.

984

Приказ Бертье. Смоленск, 23 августа 1812 г. // *Chuquet A.* 1812. Sér.1. P. 66–67.

985

Роос Г. Указ. соч. С. 75.

986

Богарне – Наполеону. 18 июля 1812 г. // *Fabry G.* Op. cit. T. 1. P. 601.

987

Цит. по: *Austin P. B.* Op. cit. P. 289.

988

Роос Г. Указ. соч. С. 74; *Elting J. R.* Op. cit. P. 290–292; etc.

989

См., например: *Пюибюск.* Указ. соч. С. 34–35.

990

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 170.

991

Мутон – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // РГАДА. Д.262. Л. 3–5; *Lettres interceptées.* P. 94–96.

992

Исчерпывающая информация о здоровье Наполеона накануне и во время Бородинского сражения содержится в Национальном архиве в фонде Ф.-П. Сегюра, собравшего в 1825 г. во время конфликта с Гурго многочисленные свидетельства, включая свидетельство Метивьера (AN. 36 AP 1).

993

Poos Г. Указ. соч. С. 87–89.

994

Larrey D.-J. Op. cit. P. 40–41.

995

Ibid. P. 45–46; план; Приказ Наполеона генерал-интенданту. 6 сентября 1812 г. // *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 102; Французы в России. С. 105, 112; и др.

996

Dumas М. Op. cit. Т. 4. P. 443.

997

См., например: *Де ла Флиз.* Поход Великой армии в Россию в 1812 г. // РС. 1891. Октябрь. С. 45.

998

См., например: *Dumoussieu F.* Op. cit. Т. 2. P. 137; *Poos Г.* Указ. соч. С. 117–123; и др.

999

См., например: *Larrey D.-J.* Op. cit. P. 20, 34, 61; *Fabry G.* Op. cit. Т. 3. P. 8, 194–195, 287, 409; etc.

1000

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 152.

1001

Цит. по: Французы в России. С. 164–165.

1002

Poos G. Указ. соч. С. 119.

1003

Vionnet de Maringoné L.-F. Op. cit. P. 15–16.

1004

Dennée P.-P. Op. cit. P. 80. Note 1.

1005

См.: *Белобородова Н. Л.* Судьба раненых и больных после Бородинского сражения // ВИЖ. 1987. № 8. С. 69–72; *Куковенко В. И.* Забытая страница войны 1812 года (об участии раненых в битве под Бородином русских воинов) // ВИ. 1989. № 12. С. 173–176; *Земцов В. Н.* Судьба русских раненых в Бородинском сражении // Вторые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 28–30; Его же. Судьба русских раненых, оставленных в Москве в 1812 г. // Бородино и Освободительные походы Русской армии 1813–1814 гг. Материалы Международной научной конференции. Бородино, 3–6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 225–250; *Zemtsov V. N.* The Fate of the Russian Wounded Abandoned in Moscow in 1812 // Journal of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28. Issue 3. P. 502–523.

1006

Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2. P. 42.

1007

Larrey D.-J. Op. cit. P. 57–58; Французы в России. С. 163–164.

1008

François C. Op. cit. P. 795.

1009

Morvan J. Op. cit. T. 2. P. 352–353.

1010

Labaume E. Op. cit. P. 146.

1011

Лоссберг. Указ. соч. С. 76.

1012

Larrey D.-J. Op. cit. P. 51.

1013

Лейтенант Фосслер, например, перевязанный 7 сентября Роосом, проведя ночь в каком-то сарае, утром 8-го был переведен в д. Ельня, где оказался в хорошей усадьбе (*Vossler H. A. Op. cit. P. 63–65*).

1014

Н. Вита, командир батальона 30-го линейного, получив под Бородином картечную пулю в бедро, а другую пулю – в правую руку, 21 сентября оказался в Москве, «в большом госпитале». Однако, как отмечал он в письме, «госпитальное дело все еще плохо организовано» (Вита – жене. Москва, 21 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 69; *Lettres interceptées. P. 28–29*).

1015

Цит. по: *Brett-James A. Op. cit. P. 140–141.*

1016

Бертье – Дюма. Москва, 13 октября 1812 г. // *Chuquet A. Lettres de 1812. P. 77–80*; Бертье – коменданту Гжатска. Москва, 14 октября 1812 г. // *Ibid. P. 82*; Приказ на день. Москва, 18 октября 1812 г. // ОР РГБ. Ф.41. К.165. Ед. 16. Л. 5.

1017

См., например: Э.-Ф. Бурбон-Гравьер, чиновник дирекции госпиталей, – г-ну де Кетто, послу Баварии во Франции. Можайск, 23 октября 1812 г. // *Chuquet A. Lettres de 1812. P. 338–339*; Жюно – Бертье. Можайск, 23 октября 1812 г. // *Ibid. P. 105–106*.

1018

Aubry Th.-J. Op. cit. P. 164, 167.

1019

Лоссберг. Указ. соч. С. 76.

1020

Fezensac M. Op. cit. P. 55–56.

1021

Aubry O. Les pages immortelles de Napoléon. P., 1941. P. 232–233.

1022

Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. P. 10.

1023

Мы отнюдь не собираемся утверждать, что душа самого Наполеона была чужда романтизма, скорее наоборот. И в этой противоречивости внутренней природы наполеоновского темперамента и характера государственных задач, стоявших перед ним, была сокрыта глубокая драма великого человека.

1024

Отсылаем русскоязычного читателя к замечательной работе Ф. Бенуа «Искусство эпохи революции и Первой империи» (М.; Л., 1940).

1025

Мишле Ж. Указ. соч. С. 174, 179.

1026

См.: *Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 72.

1027

Отрывок из рапорта 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса // *Пеле Ж.* Указ. соч. Приложение. С. 104.

1028

Suckow K. Op. cit. P. 183.

1029

Ж.-А. Леюше – портному Дурнелю в Руан. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 14–15.

1030

Лоссберг. Указ. соч. С. 39.

1031

См., например, интересное письмо от неизвестного офицера, посланное 7 февраля 1812 г., некоему Г. Фиорованте, попавшее вслед за адресатом в Россию, где подробно перечисляются имена тех, кто в последнее время был убит или ранен (РГАДА. Д.269. Ч. 1. Л. 360 –361об.).

1032

Цит. по: *Smith D. Op. cit. P. 61.* Фон Крамм в ходе сражения примет командование полком; он выживет в России и будет убит при Катр-Бра в 1815 г.

1033

Роос Г. Указ. соч. С. 113.

1034

Лоссберг. Указ. соч. С. 29.

1035

Suckow K. Op. cit. P. 179. Зуков пишет, что его друг был в саксонском кирасирском полку принца Альбрехта. Это неточность, так как имя принца Альбрехта носил только шеволежерский полк, находившийся в 3-м кавалерийском корпусе. Лейтенант д'Альтрок 7 сентября погиб.

1036

Даве —? Москва, 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées. P. 53–54.*

1037

П.-Л. Паради – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées. P. 20.*

1038

М. Дюма – жене. Бивак у Смоленска, 6 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.249. Л. 14 –15об.

1039

Ланн – Дюрелю, су-лейтенанту 124-го линейного полка. Сен-Сир, 23 августа 1812 г. // Там же. Д.269. Ч. 1. Л. 400 –401об.

1040

Ф. Бондю, солдат 1-й роты инженерного обоза, прикомандированный к инженерному парку 1-го армейского корпуса, – матери. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 52–53.

1041

Генерал Тест – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 27–28.

1042

Las-Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 1. P. 285 (запись от 20 января 1816 г.)

1043

Montholon. Op. cit. T. 2. P. 190.

1044

Цит. по: *Dodge T. A.* Op. cit. Vol.3. P. 429.

1045

Législation militaire. T. 1. P. 432–433. Литература об «орлах» армии Наполеона огромна. Отметим только несколько наиболее известных изданий: *Hollander O.* Nos drapeaux et étandards de 1812 à 1815. P., 1902; *Regnault J.* Les aigles Impériales et le drapeau tricolore, 1804–1815. P., 1967; *Andolenko S.* Aigles de Napoléon contre drapeaux du Tsar. P., 1969; *Over K.* Flags and Standards of the Napoleonic Wars. L., 1976; etc.

1046

Брандт Г. Указ. соч. С. 88.

1047

Цит. по: Французы в России. С. 101. Это событие описал также и Сегюр: *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 45–47.

1048

Дж. Элтинг без указания на источник описывает один забавный, но мало достоверный эпизод. Во время Бородинского сражения исчез орел одного из кавалерийских полков. При отступлении из Москвы его офицеры прошли по полю и обнаружили орла внутри наполовину сохранившейся лошадиной туши: умирающий орлоносец в пылу боя, когда русские контратаковали французов, засунул орла в анус убитой лошади! (*Elting J. R. Op. cit. P. 252*).

1049

Elting J. R. Op. cit. P. 351.

1050

Вообще, в отношении орлов Великой армии в 1812 г. существует много неясностей. Так, далеко не всегда можно убедительно сказать, какие полки оставили только одного орла в 1-м батальоне, заменив в остальных орлы на фаньоны, а какие не сделали этого. С этим вопросом тесно связан и другой – о типе полотнища, так как реформа знаменной системы 1811–1812 гг. предусматривала переход на новый тип знамени: вместо расположения синего и красного цветов в углах полотнища была введена их вертикальная расцветка. Особенно много неясностей существует в отношении орлов и фаньонов гвардейских частей.

1051

Elting J. R. Op. cit. P. 233.

1052

См.: *Crétineau-Joly J.A.M. L'église romaine en face de la Révolution. P., 1859–1861. Т. 1–2; Aulard A. La culte de la raison et de l'Être suprême. P., 1892; Mathiez A. La Révolution et l'Église. P., 1910; Phillips C. S. The Church in France. 1789–1848: a study in revival. L., 1929; Захер Я. М. Дехристианизаторская деятельность Жозефа Фуше // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1959. Вып. 3; и др.*

1053

Цит. по: *Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 3. С. 311.*

1054

Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. Op. cit. P. 218.

1055

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 329.

1056

Цит. по: *Brett-James A.* Op. cit. P. 190.

1057

Наполеон. Избранные произведения. С. 471.

1058

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. P. 49. Рассуждения Наполеона о религии см.: *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 1. P. 667–669 (запись от 7–8 июня 1816 г.); Т. 2. P. 112 (запись от 17 августа 1816 г.). Вообще, вряд ли можно согласиться с В. М. Далиным, утверждавшим, будто Наполеон был заядлым вольтерьянцем, отвергавшим какую бы то ни было религиозность (*Далин В. М.* Люди и идеи. М., 1970. С. 101–102). Скорее в примере с Наполеоном мы имеем дело с деистом, сохранившим корсиканское суеверие и приобретшим расчетливость политика.

1059

Наполеон – Бассано. Смоленск, 11 ноября 1812 г. // *Затворницкий Н.* Указ. соч. 1907. № 11. С. 316–317.

1060

См., например: А. Друо —?. 12 августа 1812 г. // *Chuquet A.* Lettres de 1812. P. 305.

1061

Л.-Ф. Куаптен, су-лейтенант 12-го линейного полка, – матери. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 17–19; Капитан Карбонель – тестю. Москва, 15 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 135; etc.

1062

Маршал, солдат, – кюре Тюгне. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 34; Сакель, бригадир пекарей 3-й пехотной дивизии, – сестре. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 35; Фишне, музыкант итальянской гвардии, – отставному музыканту Рошу. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 36–37.

1063

Даве – отцу. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 53.

1064

П.-Л. Паради, лейтенант 25-го линейного полка, – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // Ibid. P. 19–22.

1065

И. А. Вернке – отцу. Можайск, 13 октября 1812 г. // Искюль С. Н. Указ. соч. С. 108–110.

1066

П. д'Алгэй, капитан, – отцу. Можайск, 12 сентября 1812 г. // *Chuquet A. Lettres de 1812*. P. 24–25.

1067

Лоссберг. Указ. соч. С. 32.

1068

Лейтенант Паради – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 24–25. Обращает на себя внимание то, что Ж. Бонграс, своей гражданской жене, Паради, пишет о Боге, тогда как сыну, который учится за государственный счет в императорском лицее в Лионе и, так сказать, должен быть объектом воспитания в предусмотренном государством духе, отец воздает благодарения Верховному Существо.

1069

1812 год в песнях. Собрание 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I в Россию в 1812 г. Собрал и записал В. Н. Гартевельд. М., 1912. С. 50–51. См. также: *Радиге А.* Французские музыканты эпохи Великой французской революции. М., 1934. С. 61–63.

Отец вселенной, могучий и великий. Мы долго шли одни, позабыв о Тебе, Но Ты нам появился, и мы прозрели Перед Твоим алтарем.

Разреши, мудрый Дух, нам смертным все сомнения; Ты нами управляй, управляй до конца. Соедини с природой нас Твоим веленьем И оставь свободу нам.

(Перевод В. Н. Гартевельда).

1070

См., например: *Сенявская Е. С.* Человек на войне. С. 76–85.

1071

После появления на свет Орленка Наполеон отказался от этого талисмана. «В сыне, – объяснил это Э. Людвиг, – он видит спасение от всех опасностей, в талисмানে нет нужды» (*Людвиг Э.* Наполеон. М., 1998. С. 321).

1072

Даву – жене. 20 сентября 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. [de Blocqueville]*. Op. cit. P. 172.

1073

Pajol. Op. cit. P. 42. Note.

1074

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 152.

1075

Ibid. P. 170.

1076

Рапп – барону Депорте. Москва, 7 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 335.

1077

Х. Эрихрат, сержант гренадерской роты 1 батальона 2-го вестфальского линейного полка, – матери. Массия (Можайск) под Масрау (Москвой), 12 октября 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 107–108.

1078

Роос Г. Указ. соч. С. 16.

1079

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. T. 1. P. 343.

1080

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 3.

1081

Роос Г. Указ. соч. С. 31.

1082

Henckens J. L. Op. cit. P. 126, 129.

1083

Biot H.-F. Op. cit. P. 33.

1084

Ibid. P. 31–32; *Teste F.-A.-B.* Op. cit. P. 667.

1085

См.: *Simon P.* Le mythe royal. Lille, 1987; История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 158–159.

1086

См., например: *Morvan J.* Op. cit.; *Choury M.* Op. cit.; *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. Op. cit. Перу последнего принадлежит также книга о последующем развитии культа Наполеона в 1814–1848 гг.: *Lucas-Dubreton J.* Le culte de Napoléon. 1814–1848. P., 1960.

1087

Бондю – матери. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 52–53.

1088

Брандт Г. Указ. соч. С. 77.

1089

Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoleon. Op. cit. P. 386.

1090

Лоссберг. Указ. соч. С. 27.

1091

Брандт Г. Указ. соч. С. 88.

1092

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 14.

1093

Ж.-П.-М. Барье – жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 32–33.

1094

Ж.-А. Леюше – портному Дурнелю в Руан. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 14–15.

1095

Seruzier T.-J.-J. Op. cit. P. 202–213.

1096

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 218.

1097

Лоссберг. Указ. соч. С. 39.

1098

Там же. С. 45–46.

1099

Плана де ла Файе – А. Деплас. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 284. Ч. 2. Л. 137–138.

1100

Frey M. Les transformations du vocabulaire français à l'époque de la révolution. 1789–1800. P., 1925; *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.

1101

Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // *Language and Social context*. L., 1985. P. 265–266.

1102

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1994. С. 151.

1103

См., например: *Choury M.* Op. cit.; *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon; *Pigeard A.* L'armée napoléonienne. P., 1994; *dem.* L'argot dans la Grande armée // *Tradition.* 1987. № 3, № 7; *Jousse E.* Les mots de l'Empire. P., 2012.

1104

Choury M. Op. cit. P. 147. Напомним известную французскую поговорку: «À bon chat, bon rat».

1105

Компан – жене. Дорогобуж, ноябрь 1812 г. // РГАДА. Д.253. Л. 6 –6об.; *Lettres interceptées.* P. 200–201.

1106

Русская прокламация и «Ответ французского гренадера», помеченный «Вильно 20 июля», были опубликованы в «*Journal de l'Empire*» (1812. 6 août). См. также: *Chuquet A.* 1812. Sér.1. P. 35–39.

1107

Известно, что немецким частям это воззвание читали по-немецки. Возможно, что и для других национальных частей текст его был тоже переведен. Помимо «канонического» французского текста, перевод с которого нами был приведен, есть еще один несколько иной вариант прокламации (См., например: *Grünwald C.* Op. cit. P. 128).

1108

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 14.

1109

Ложье Ц. Указ. соч. С. 134–135.

1110

Smith D. Op. cit. P. 61.

1111

Мишле Ж. Указ. соч. С. 178.

1112

См. список особенно любимых Наполеоном авторов: *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 1. Р. 290–292 (запись от 20 января 1816 г.). См. также: Ibid. Р. 549–550 (запись от 28 апреля 1816 г.); *Montholon.* Op. cit. Т. 1. Р. 135; etc.

1113

Французы в России. С. 125.

1114

Bonnet. Op. cit. Р. 660.

1115

Poos Г. Указ. соч. С. 20.

1116

Vossler Н. А. Op. cit. Р. 65.

1117

Кастелан – отцу. 7, 9 и 10 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.267. Л. 130–132.

1118

1812 год. Эпопея Великой армии по французским источникам. С. 161.

1119

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд. М., 1986. С. 62–63.

1120

См., например, характерное описание: *Le Roy С.-F.-М.* Op. cit. Р. 159.

1121

Celner L. Geschichte des Feldzugs in Russland im Jahre 1812. Routhingen, 1839. S.86.

1122

Seruzier T.-J.-J. Op. cit. P. 214.

1123

Некоторое время существовало стойкое подозрение, что этот Куанье, столь блестяще-мифологически описавший кампанию 1812 г. и Бородино, сам являлся мифической фигурой.

1124

31 августа 1812 г., когда вестфальцы, одетые в парадную форму, проходили через Вязьму, Жюно потребовал к себе хороший оркестр 3-го линейного полка, дабы украсить голову всей корпусной колонны. 3-й линейный вынужден был довольствоваться барабанами и «горно-флейтами» (*Лоссберг. Указ. соч. С. 23*).

1125

Наполеон. Избранные произведения. С. 656.

1126

Французы в России. С. 147.

1127

Choury M. Op. cit. P. 143.

1128

Песня А. Шорона «Часовой» (*Choury M. Op. cit. P. 142; Радиге А. Указ. соч. С. 201–202*).

Ночная звезда льет свой мирный свет. Светятся костры у французских палаток. Недалеко от лагеря один молодой и прекрасный солдат Поет, опираясь на свою пику: Беги, лети, веселая Земфира, Отнеси мои песни на родину...

1129

1812 год в песнях... С. 44–47; *Радиге А. Указ. соч. С. 211–213*.

Когда в поход в Сирию Ушел Дюнуа молодой, То перед ликом Девы Склонился он с мольбой: «О дай, молю со слезами, Пречистая, скорей Любовь прекрасной дамы И славу в битве мне!»

1130

См., например, Жюно – баронессе Э.-А. Даниель. Можайск, 13 октября 1812 г.// РГАДА. Д.251. Л. 21 –22об.; *Lettres interceptées. P. 84–86*.

1131

Choury M. Op. cit. P. 142.

– Дорогая возлюбленная, я хочу Уйти с тобой, Вместе с тобой, Если ты меня примешь. – Ты очень строен, У тебя бойкое сердце И ты красив, Одетый драгуном.

1132

1812 год в песнях... С. 52–53.

1133

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. P. 7. Это была «Походная песня» Э.-Н. Мигюля.

«Поющая победа Нам поможет снести преграду!»

О песне см.: *Радиге А.* Указ. соч. С. 65–68.

1134

Brandt H. Mémoires // Chuquet A. 1812. Sér.2. P. 36.

1135

РГАДА. Д.284. Ч. 2. Л. 133 –133об.

Врач, Бог любви, Должен служить и день и ночь. Вот (дважды) сходство. Один из них всегда готов и ночью одет, Другой же всегда гол. Вот (дважды) их различия (дважды).

1136

Fezensac M. Op. cit. P. 39.

1137

ОР РГБ. Ф.41. К.165. Ед. 16. Л. 6.

1138

Верецагин В. В. 1812. С. 46.

1139

Дунин-Стрижевский, майор, начальник штаба польской кавалерийской дивизии, – жене. Москва, 12 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 79–80.

1140

Итасс – кузине. Москва, 14 октября 1812 г. // Ibid. P. 108–110.

1141

Chuquet A. 1812. Sér.1. P. 358.

1142

Ibid. P. 366. Русский перевод с французского текста.

1143

Лоссберг. Указ. соч. С. 27.

1144

д'Абрантес. Указ. соч. Т. 14. С. 227–228.

1145

Межан – директрисе приюта в департаменте Ипр. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.267. Л. 75.

1146

И. А. Вернке – отцу. Можайск, 13 октября 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 109.

1147

Лоссберг. Указ. соч. С. 32.

1148

Lienhart, Humbert. Service des Postes militaires. Ruhl, 1900; *Elting J. R.* Op. cit. P. 572.

1149

Паради – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г.; Паради – отцу. Москва, 25 сентября 1812 г.; Паради – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 19–25.

1150

Моран – жене. Москва, 10 октября 1812 г. // РГАДА. Д.261. Л. 1 –2об.; *Lettres interceptées*. Р. 66–67.

1151

Солдат Маршал – Тюгне, кюре. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. Р. 34.

1152

РГАДА. Д.269. Ч. 1. Л. 36 –37об.

1153

Там же. Л. 6 –7а.

1154

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. Р. 18–19.

1155

Жозеф де Местр – графу де Фрону. С.-Петербург, 29 декабря 1812 г. // *Родина*. 1992. № 6–7. С. 165.

1156

См.: А. де Ноай – жене. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // РГАДА. Д.266. Л. 265–268.

1157

Ф. Шабо – отцу. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées*. Р. 263–264.

1158

д'Абрантес. Указ. соч. Т. 14. С. 332.

1159

The Letters of Napoleon... Р. 88. По мнению Ф. Массона, портрет был отправлен по поручению м-ль де Монтескьё (*Masson F. Napoléon et son fils*. Р., 1904. Р. 230).

1160

Даву – жене. Гжатск, 3 сентября 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville). Correspondance inedited.* Т. 3. Р. 167.

1161

Bro L. Op. cit. Р. 115.

1162

Богарне – жене. Поле боя, 8 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 8. Correspondance. Р. 40.

1163

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 23.

1164

Лоссберг. Указ. соч. С. 32–33.

1165

Даву – жене. 8 сентября 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville).* Op. cit. Т. 3. Р. 168.

1166

К.-С.-А. Нансути – генералу Нансути. Париж, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.269. Ч. 1. Л. 6 –6об; *Lettres interceptées.* Р. 47–48.

1167

Герцогиня д'Абрантес – герцогу д'Абрантес. Э, 7 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.269. Ч. 1. Л. 6 –7а.; *Lettres interceptées.* Р. 7–9.

1168

д'Абрантес. Указ. соч. С. 313.

1169

д'Абрантес. Указ. соч. С. 319.

1170

Герцогиня Нансути – генералу Нансути. 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 45.

1171

Графиня Ремюза – генералу Нансути. 28 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.269. Ч. 1. Л. 1 –Зоб.; *Lettres interceptées*. P. 45–46.

1172

[*Puibuisque L.-G.*] Op. cit. P. 67–69.

1173

Г-жа... – А. де Ла Бурдоннай, командиру эскадрона 12-го конноегерского полка. 24 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 30.

1174

Haythornthwaite P. J.; Elting J. R. Op. cit. P. 613–614; etc.

1175

1812 год в песнях... С. 56–57.

1176

Baldet M. Op. cit. P. 204–205; *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P. 319.

1177

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 280.

1178

Роос Г. Указ. соч. С. 54.

1179

Keegan J., Holmes R. Soldiers. A history of men in battle. L., 1985. P. 1.

1180

Мюссе А. Исповедь сына века // *Мюссе А.* Избранные произведения. В 2-х тт. М., 1957. Т. 2. С. 6.

1181

Согласно легендам, Монбрён, пораженный 7 сентября «в правый бок русским снарядом», якобы еще успел спокойно произнести слова «хороший выстрел», перед тем как упасть с лошади. В представлении наполеоновских солдат славный Монбрён просто не мог умереть, не произнеся перед смертью каких-либо слов, достойно завершавших его жизненный путь.

1182

См., например: *Cobb R.* Op. cit. P. 218–224.

1183

Morvan J. Op. cit. T. 2. P. 226.

1184

Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 6. С. 427.

1185

Там же. С. 428.

1186

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции... М., 1816. Т. 8. С. 154–156.

1187

Лоссберг. Указ. соч. С. 22.

1188

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 20.

1189

Дириу V. Op. cit. P. 178.

1190

См., например: *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 150; *Le Roy C.-F.-M.* Op. cit. P. 159.

1191

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 150.

1192

Roos Г. Указ. соч. С. 58, 67.

1193

Брандт Г. Указ. соч. С. 86–87.

1194

Там же. С. 90.

1195

Пюибюск. Указ. соч. С. 51.

1196

См., например: *Лоссберг.* Указ. соч. С. 22.

1197

Pelleport P. Op. cit. T. 2. P. 29.

1198

Faber du Faur G. Op. cit. Pl. LVI, LVII; etc.

1199

Fezensac M. Op. cit. P. 55.

1200

Vossler H. A. Op. cit. P. 67.

1201

«Здесь лежит генерал Монбрён. Прохожий, какой бы нации ты ни был, почти его прах. Он принадлежит одному из самых храбрых солдат мира, генералу Монбрёну. Маршал империи, герцог Данцигский, соорудил ему этот скромный монумент. Память о нем хранится во всех сердцах [воинов] Великой армии» (*Suckow K.* Op. cit. P. 204; *Vossler H. A.* Op. cit. P. 68.). В источниках есть некоторые разночтения в тексте надписи. Рисунок Дж. Джеймса в: *James J. T. Views of Russia, Sweden and Poland.* L., 1826.

1202

Chuquet A. Lettres de 1812. P. 331. Note 3. По другим сведениям, это была небольшая пирамида, сложенная из камней.

1203

Fantin Des Odoard L.-F. Op. cit. P. 328.

1204

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 129–130.

1205

Bourgogne A.-J.-B.-F. The memoirs of... P. 71.

1206

Chuquet A. Lettres de 1812. P. 155.

1207

Aubry Th.-J. Op. cit. P. 166; *Brandt H.* Mémoires. P. 41–42.

1208

Цит. по: *Верецагин В. В.* 1812. С. 87.

1209

Dupuy V. Op. cit. P. 179–180.

1210

Planat de la Faye N.-L. Op. cit. P. 87–88.

1211

Цит. по: *Попов А. Н.* Меж двух «вулканов». С. 9.

1212

Planat de la Faye N.-L. Op. cit. P. 83.

1213

Ibid. P. 85. Говорят, что император, узнав о смертельном ранении Фердинанда Ларибуазьера, послал с его братом орден Почетного легиона. Мы долго думали, что это только легенда, пока в бумагах о награждениях действительно не обнаружили имя Фердинанда Ларибуазьера, суб-лейтенанта 1-го карабинерного полка (РГАДА. Д.284. Ч. 3. Л. 134).

1214

Planat de la Faye N.-L. Op. cit. P. 87.

1215

См., например: *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 332–336.

1216

Planat de la Faye N.-L. Op. cit. P. 87–88.

1217

Аръес Ф. Указ. соч. С. 71.

1218

Плана де ла Файе – м-м Анриетт Деплас. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д.284. Ч. 2. Л. 137–138.

1219

См., например: О. Ларибуазьер – матери; граф Ларибуазьер – жене. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // Там же. Д.254. Л. 1–2; *Lettres interceptées*. P. 276–277.

1220

Вестник Европы. 1828. № 9. С. 39–40. Цит. по: *Симанский П.* Посещение Бородинского поля (15 июня 1902 г.). Из летних впечатлений и воспоминаний. М., 1902. С. 53. Примеч. 4.

Обследуя холм Можайского кремля, мы пытались найти хоть какие-нибудь ориентиры, где было похоронено тело Ф. Ларибуазьера. Наши усилия оказались тщетными.

1221

Dennée P.-P. Op. cit. P. 15–16.

1222

Безотосный В. М. Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // ВИ. 1982. № 10. С. 86–94; *Троицкий Н. А.* 1812. С. 76–79; *Соколов О. В.* Армия Наполеона. С. 249–251; Его же. Битва двух империй; *Попов А. И.* Наполеон в России.

1223

В течение нескольких лет мы обследовали центральные французские и австрийские архивы, в которых отложился материал о России, собранный для политического и военного руководства Франции и Австрии (Национальный архив, Париж (AN). AF IV. 1646 (I–II), 1657, 1706 (E)), Архив министерства иностранных дел, Париж (AMAE). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie» vol. 147–154; Sous-série «Autriche». Vol. 391–392; Sous-série «Pologne». Vol. 326–330; Série «Mémoires et documents». Sous-série «Russie». Vol. 26, 32; Sous-série «Pologne». Vol. 28); Архив исторической службы министерства обороны, Париж (SHD). 1 M 1486–1487, 1489), Дворцовый, домашний и государственный архив, Вена (Hof-, Haus – und Staats-Archiv. Russland. 1811. Karton 38; Russland 1812. Karton 50), Военный архив, Вена (Kriegsarchiv. Serie AFA 1812. Karton 1520). Наряду с фондами российских архивов (Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 155; Ф. 160. Оп. 1; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 859. К. 6; Fr. Q.IV. № 95; Российский государственный архив древних актов. Ф. 30. Оп. 1. Д. 239–243, 245–254, 259–264, 266–270, 273–274, 278, 285; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588, 3605. Ч. 1–2; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия МИД. 1812–1813. Оп. 468; Д. 1840, 1842). Это дало нам достаточно полную картину того, какого рода и какого качества информация была собрана перед Русским походом. Соглашаясь, в целом, с выводами В. М. Безотосного о том, что материалы о русской армии к началу военных действий заметно уступали результатам деятельности российской разведки (*Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005), не можем разделить его мнения насчет объема и качества общих сведений о Российской империи – они были значительными по объему и достаточно точными.

1224

Essai de statistique de l'Empire de Russie // ОР РНБ. Ф. 961. Франция. FIV. № 160.

1225

Statistique de Russie // SHD. 1 M. 1487. Russie. 1811–1812.

1226

Thiers L.-A. Op. cit. T. 13. P. 458–460.

1227

Metternich. Mémoires, documents et écrits divers. P., 1880. T. 1. P. 121–122, 125; *Pradt D.* Histoire de l'ambassade de dans le Grand duché de Varsovie en 1812. P., 1815. P. 57; [*Villemain.*] Souvenirs contemporains d'histoire et littérature. P., 1850. P. 175–176.

1228

Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Ростов н/Д., 1995. Т. 4. С. 342.

1229

Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. С. 264.

1230

Цит. по: *Вандаль А.* Указ. соч. С. 453.

1231

А. И. Попов в своей великолепной работе «Великая армия в России», ссылаясь на свидетельство Меттерниха о готовности Наполеона вести войну в течение двух кампаний (*Попов А. И.* Великая армия в России. С. 46–47), оспаривает наш тезис об отсутствии у Наполеона определенного плана при вторжении в Россию. В этой связи хочется еще раз подчеркнуть противоречивость свидетельств, в том числе исходящих и от Меттерниха, о планах французского императора, что мы уже и попытались изложить выше.

1232

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 343; «Дорожный дневник Коленкура» // Ibid. Note 3. Слова Бертье цит. по: *Коленкур А.* Указ. соч. С. 84.

1233

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 2.

1234

Ложье Ц. Указ. соч. С. 3.

1235

Брандт Г. Указ. соч. С. 80.

1236

Рункель – матери. Неесвиц, 14 июля 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 105.

1237

См., например: *Бонналь*. Виленская операция. Современное искусство в стратегии Наполеона с января 1811 по июль 1812 г. СПб., 1909. Наиболее полный объем документов Великой армии по этому периоду опубликовал Г. Фабри (*Fabry G.* Op. cit. Т. 1).

1238

Рункель – родным. Русская Польша, Гродно, 16 июля 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 106.

1239

Чандлер Д. Указ. соч. С. 475.

1240

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 112.

1241

Цит. по: *Дживелегов А. К.* Вторжение. План Наполеона // ОВиРО. Т. 3. С. 145.

1242

Наполеон – Маре, Наполеон – Бертье. Бешенковичи, 25 июля 1812 г. // *Napoléon I.* Correspondance. Т. 24. Р. 99; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 1. Р. 277–278. О передвижениях Великой армии от Вильно до Витебска см.: *Fabry G.* Op. cit. Т. 1–2.

1243

Chuquet A. 1812. Sér. 3. P. 308.

1244

1812 год. Эпопея Великой армии по французским источникам. Кн. 1. С. 159.

1245

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 367.

1246

Коленкур А. Указ. соч. С. 97–98.

1247

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 1. P. 285–286; *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 27.

1248

Коленкур А. Указ. соч. С. 99.

1249

См.: Наполеон – Маре. Бешенковичи, 26 июля 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. P. 101.

1250

Наполеон – Бертье. Витебск, 29 июля 1812 г. // *Ibid.* P. 103–104.

1251

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 382–383; *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 29; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 71–72.

1252

См.: *Троцкий Н. А.* 1812. С. 99.

1253

РГАДА. Д. 273; *Fabry G.* Op. cit.

1254

См.: РГАДА. Д.273. Л. 37–67, 77–87; *Fabry G.* Op. cit. Т. 1. P. 441, 455–457, 488–489, 492–493, 512, 541, 574–575, 582; Т. 2. P. 19, 29, 62, 87, 98, 103–107, 202, 204, 249, 293–294, 313, 362; etc.

1255

Наполеон – Даву. 31 июля 1812 г. // *Fabry G.* Op. cit. Т. 2. Р. 362.

1256

РГАДА. Д.273. Л. 68 –71об.

1257

Там же. Д.278. Л. 2.

1258

Лелорнь д'Идевиль – Наполеону. Витебск, 7 августа 1812 г.// *Fabry G.* Op. cit. Т. 3. Р. 347. Эти цифры оказались менее тех условных расчетов, которыми пользовалось французское командование ранее. «Каждый день он садился на лошадь, чтобы производить большие разведки в окрестностях... – писал о пребывании Наполеона в Витебске А. Коленкур. – Много раз он осматривал прежние лагеря и бивуаки русской армии, чтобы составить представление об ее численности; постоянно говорил, что ее численный состав был ниже той цифры, в которую он оценил его в начале кампании» (*Коленкур А.* Указ. соч. С. 110).

1259

Наполеон – Маре. Наполеон – Бертье. Витебск, 2 августа 1812 г. // *Napoléon I.* Correspondance. Т. 24. Р. 116–117.

1260

Наполеон – Даву. 3 августа 1812 г. // *Fabry G.* Op. cit. Т. 2. Р. 94; Наполеон – Бертье. Витебск, 3 августа 1812 г. // *Napoléon I.* Correspondance. Т. 24. Р. 118–119.

1261

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. Р. 36.

1262

Брандт Г. Указ. соч. С. 82.

1263

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 129.

1264

Fabry G. Op. cit. Т. 3. Р. 97, 431–436, 448. Следует отметить, что в это время в среде французского командования рождается также и мысль воспользоваться «крестьянским вопросом» либо в качестве средства давления на русские власти, либо же для дестабилизации тылов противника.

1265

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. Р. 31.

1266

Коленкур А. Указ. соч. С. 106. См. также разговор Наполеона с Дюроком 5 августа: [Villemain] Op. cit. Р. 204.

1267

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 1. Р. 321; *Thiry J.* Op. cit. Р. 77–78.

1268

Наполеон – Даву. Витебск, 9 августа 1812 г., 2 часа утра; Наполеон – Богарне, Витебск, 9 августа 1812 г., 2 часа утра и 5 часов утра; Наполеон – Богарне. Витебск, 10 августа 1812 г., 1 час утра // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. Р. 131–133, 136; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 1. Р. 303.

1269

Друо —? 12 августа 1812 г. // *Chuquet A.* Lettres de 1812. Р. 305.

1270

Французская документация об этих событиях частично опубликована Фабри: *Fabry G.* Op. cit. Т. 4–5.

1271

Коленкур А. Указ. соч. С. 112.

1272

Denniée P.-P. Op. cit. Р. 51; Французы в России. С. 92.

1273

Denniée P.-P. Op. cit. Р. 51; Французы в России. С. 93.

1274

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 394–395; *Коленкур А.* Указ. соч. С. 113–114.

1275

Rapp J. Op. cit. P. 192–193.

1276

Впрочем, уже 18 августа Наполеон был вполне уверен, что армии противника будут отступать на Москву (см.: Наполеон – Маре. Смоленск, 18 августа 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. P. 157).

1277

Лоссберг. Указ. соч. С. 14–16.

1278

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 397–398; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 1. P. 384–386; *Denniée P.-P.* Op. cit. P. 53; *Rapp J.* Op. cit. P. 192–193.

1279

См.: *Bonnet.* Op. cit. P. 656; *Denniée P.-P.* Op. cit. P. 55; *Labaume E.* Op. cit. P. 106–107; *Брандт Г.* Указ. соч. С. 87–88.

1280

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. P. 45–46.

1281

Французы в России. С. 103–104.

1282

И. А. Вернке – родителям. Можайск, 13 октября 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 108.

1283

Французы в России. С. 106.

1284

Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. С. 281.

1285

См., например: *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 139.

1286

РГАДА. Д.273. Л. 88–89, 117–121, 126–139.

1287

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 398; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 1. P. 406.

1288

The Letters of Napoleon... P. 88.

1289

Ibid. P. 89.

1290

Наполеон – Е. Богарне. Смоленск, 24 августа 1812 г., 9 часов утра // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. P. 169.

1291

Поликарпов Н. П. К истории Отечественной войны. Вып. 1. С. 15–17.

1292

Наполеон – Бертье. Смоленск, 22 августа 1812 г., 3,5 часа утра; Наполеон – Бертье. Смоленск, 22 августа 1812 г., 4 часа утра; Наполеон – Даву, 22 августа 1812 г., 4 часа утра // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. P. 164–165.

1293

Chambray G. Op. cit. Т. 2. P. 15–17; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 111–112.

1294

Коленкур А. Указ. соч. С. 118.

1295

Vionnet de Maringoné L.-J. Op. cit. P. 1.

1296

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 402. Note 5; *Denniée P.-P.* Op. cit. P. 59; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 1. P. 406; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 1; *Boulart J.-F.* Op. cit. P. 251.

1297

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 17–18.

1298

Колюбакин Б. М. Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа // ОВиРО. Т. 3. С. 201–207.

1299

Там же. С. 208–209.

1300

Le Roy C.-F.-M. Op. cit. P. 151.

1301

François C. Op. cit. P. 1; *Bonnet.* Op. cit. P. 657.

1302

«Дорожный дневник» Коленкура. P. 401–402. Note 5.

1303

Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 1. P. 421.

1304

Наполеон – Бертье. Дорогобуж, 26 августа 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. Р. 181–182; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 1. Р. 422–427.

1305

Thiry J. Op. cit. Р. 120.

1306

Наполеон – Маре. Дорогобуж, 26 августа 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. Р. 183–184.

1307

Наполеон – Бертье. Дорогобуж, 26 августа 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. Р. 182–183; Наполеон – Богарне. Дорогобуж, 26 августа 1812 г., 2 часа утра; Наполеон – Богарне. Дорогобуж, 26 августа, 3 часа утра // [*Du Casse A.*] Op. cit. Т. 7. *Correspondance*. Р. 460–461.

1308

Наполеон – Марии-Луизе. Дорогобуж, 26 августа, 2 часа утра // *The Letters of Napoleon...* Р. 89. Составители этого издания предположили, что письмо написано 25 августа. Это явная неточность.

1309

Vionnet de Maringoné L.-J. Op. cit. Р. 1–2.

1310

Колюбакин Б. М. Ход войны на... С. 213. Начальник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса, который у Дорогобужа стал действовать совместно с силами Мюрата, полковник Л. Гриуа описал упорный бой «в некотором расстоянии от Дорогобужа». Трудно определенно сказать, шла ли у Гриуа речь о событиях 25-го или 26-го августа (*Griouis L.* Op. cit. Т. 2. Р. 25).

1311

Лоссберг. Указ. соч. С. 19.

1312

См., например: *Лоссберг.* Указ. соч. С. 19.

1313

«Дорожный дневник» А. Коленкура. Р. 402. Note 5; *Castellane E.-V.-E.-B.* Р. 141.

1314

Лоссберг. Указ. соч. С. 19.

1315

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 141–142; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. Р. 404. Note 2.

1316

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 141–142.

1317

Griois L. Op. cit. Р. 25; *Bulletins officiels...* Р. 91; *Поликарпов Н. П.* Указ. соч. Вып. 1. С. 35–39.

1318

Колюбакин Б. М. Ход войны на... С. 217.

1319

Labaume E. Op. cit. Р. 109; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 114. Богарне сообщил вечером того дня жене, что его начальник штаба Дессоль покинул его и уехал в Смоленск и что теперь его сменил генерал Гильемино (*[Du Casse A.]* Op. cit. Т. 7. Correspondance. Р. 461–462).

1320

Наполеон – Бертье. 27 августа 1812 г. // *Napoléon I.* Correspondance. Т. 24. Р. 186.

1321

Chambray G. Op. cit. Т. 2. Р. 20–21. Note.

1322

РГВИА. Ф.3606. Л. 22; РГАДА. Д.240. Л. 31.

1323

The Letters of Napoleon... Р. 91.

1324

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 142.

1325

Лоссберг. Указ. соч. С. 21.

1326

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 405. Note 3; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 142.

1327

Griois L. Op. cit. P. 26.

1328

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 142; *Fezensac M.* Op. cit. P. 28; *Vigier.* Davout, maréchal d'Empire. P., 1898. T. 2. P. 91–92.

1329

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 121–124; *Bro L.* Op. cit. P. 114; «Дорожный дневник» Коленкура. P. 405–406. Note 3.

1330

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 143.

1331

Labaume E. Op. cit. P. 112; *Bulletins officiels...* P. 90–91; *[Du Casse A.]*. Op. cit. T. 7. P. 285; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 115.

1332

Dennée P.-P. Op. cit. P. 123; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 409–410; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 1. P. 435.

1333

Bulletins officiels... P. 91–92; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 2; *[Tattet]* Op. cit. P. 203.

1334

Наполеон – Бертье. Высоты у Вязьмы, 29 августа 1812 г.; Наполеон – Бертье. 2 лье впереди Вязьмы, 29 августа 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. Р. 187–189.

1335

«Дорожный дневник» Коленкура. Р. 414. Note 1. Этого беднягу, по-видимому, так и не расстреляли, так как Наполеон, как пишет Сегюр, «вскоре остыл».

1336

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 143; *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 55.

1337

«Дорожный дневник» Коленкура. Р. 414. Note 1.

1338

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 410; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 143; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 1. P. 438.

1339

The Letters of Napoleon... P. 91.

1340

Наполеон – Маре. Вязьма, 29 августа 1812 г.; Наполеон – Францу I. Вязьма, 29 августа 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Р. 189–190.

1341

Bulletins officiels... P. 91–92.

1342

Ibid. P. 92.

1343

Даву – жене. Вязьма, 29 августа 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville)*. Op. cit. Т. 3. Р. 167; *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 56.

1344

«Дорожный дневник» Коленкура. Р. 414. Note 1; Бертье – Богарне. Вязьма, 30 августа 1812 г., 3 часа утра // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 7. Correspondence. Р. 463.

1345

Лоссберг. Указ. соч. С. 27.

1346

Fantin Des Odoard L.-F. Op. cit. Р. 323–324.

1347

Dennée P.-P. Op. cit. Р. 60; *Labaume E.* Op. cit. Р. 113; *The Letters of Napoleon...* Р. 92.

1348

Le Roy C.-F.-M. Op. cit. Р. 152.

1349

Лоссберг. Указ. соч. С. 22.

1350

Suckow K. Op. cit. Р. 176; *Le Roy C.-F.-M.* Op. Cit. Р. 152; etc.

1351

Бертье – Богарне. Вязьма, 30 августа 1812 г., полночь. // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 7. Correspondence. Р. 463–464.

1352

«Дорожный дневник» Коленкура. Р. 414. Note 1. Деннье утверждает, что Наполеон покинул Вязьму в 2 утра (*Dennée P.-P.* Op. cit. Р. 61).

1353

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 143; «Дорожный дневник» Коленкура. Р. 414. Note 1; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. Р. 3; *Fezensac M.* Op. cit. Р. 28; *Bulletins officiels...* Р. 92; etc.

1354

Labaume E. Op. cit. P. 114; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 120.

1355

Наполеон – Богарне. Величево, 1 сентября 1812 г., 1 час утра; Наполеон – Бертье. Величево, 1 сентября 1812 г., 1 час утра // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. P. 193; Бертье – Богарне. Величево, 1 сентября 1812 г., 2 часа утра // *[Du Casse A.]* Op. cit. Т. 7. *Correspondance.* P. 464.

1356

Наполеон – Маре. Величево, 1 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondence.* Т. 24. P. 195.

1357

Наполеон – Марии-Луизе. Величево, 1 сентября 1812 г., 2 часа утра // *The Letters of Napoleon...* P. 92–93.

1358

Богарне – жене. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // *[Du Casse A.]* Op. cit. Т. 7. *Correspondance.* P. 465; *Labaume E.* Op. cit. P. 115; *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 57; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 121–122; *Богданович М. И.* История Отечественной войны. Т. 2. С. 131.

1359

Вьонне де Марингоне, бывший в тот день у Царево-Займища, говорит, что «была буря с молниями и ужасным грохотом» (*Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 3). Захватила ли эта гроза Гжатск, неизвестно.

1360

François C. Op. cit. P. 786; *Dumonceau F.* Op. cit. Т. 2. P. 126–127; *Bulletins officiels...* P. 92; *[Du Casse A.]* Op. cit. Т. 7. P. 286; *[Tattet]* Op. cit. P. 203; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. P. 30–31; *Segur Ph.-P.* Napoleonn's Russian Campaign. P. 57–58; *Лоссберг.* Указ. соч. С. 24; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 121–122.

1361

«Дорожный дневник» Коленкура. P. 418. Note 1.

1362

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 415–417; *Thiers L.-A.* Op. cit. Т. 14. P. 289–290.

1363

Цит. по: *Коленкур А.* Указ. соч. С. 127–128.

1364

«Дорожный дневник» Коленкура. Р. 418. Note 1; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 418; *Larrey D.-J.* Op. cit. P. 39.

1365

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. P. 57–58.

1366

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 418.

1367

Лоссберг. Указ. соч. С. 24.

1368

Приказ на день. Гжатск, 1 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. Р. 196–197.

1369

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 144.

1370

Наполеон – Даву. Гжатск, 2 сентября 1812 г., 3 часа утра // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. Р. 197.

1371

Наполеон – Богарне. Гжатск, 2 (?) сентября, 4 часа утра // *[Du Casse A.]* Op. cit. Т. 7. *Correspondance.* Р. 464–465.

1372

Наполеон – Бертье. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. Р. 198–199. 2 сентября Наполеон продиктовал и приказал отправить письмо министру внешних сношений Маре, находившемуся в Вильно. Из плохо читаемого текста письма,

сохранившегося в Национальном архиве (Наполеон – Маре. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // AN AF IV. № 1650. Campagne de Russie. Correspondance militaire. Divers. 10 Juin – 11 Dec. 1812. F. 166–169), можно понять, что император информировал герцога Бассано о ходе событий и приближении долгожданного генерального сражения. Это письмо, по нашему мнению, нигде не публиковалось.

1373

Ложье Ц. Указ. соч. С. 123–124.

1374

Наполеон – Марии-Луизе. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // *The Letters of Napoleon...* P. 93.

1375

«Дорожный дневник» Коленкура. P. 424. Note 1; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 145.

1376

Dennée P.-P. Op. cit. P. 62–63. После этой стычки Бертье надулся и вплоть до Можайска отказывался обедать вместе с императором.

1377

Ibid. P. 63.

1378

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 144–145.

1379

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 235; *Bonnet.* Op. cit. P. 657; *Labaume E.* Op. cit. P. 116; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 125.

1380

Suckow K. Op. cit. P. 176–177.

1381

Мы не исключаем, что сведения о результатах переключки Наполеон получил только 3 или даже 4 сентября. Такое заключение может вытекать, в частности, из письма Бельера, начальника штаба кавалерийского резерва, начальнику штаба 3-го кавалерийского корпуса

Шапелю де Жюмильяку (Бельяр – Жюмильяку. Б.м., 3 сентября 1812 г. // SHD. 2С. 287. *Registre provenant des papiers du G-al Belliard*).

1382

Данные переключки дошли до нас как в виде архивных материалов (SHD. 2С 529), так и благодаря публикациям Шамбрэ и Пеле (*Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 33; *Пеле Ж.* Указ. соч. Приложение). Данные Пеле и Шамбрэ вполне согласуются друг с другом, отличаясь только тем, что последний автор не вынес отдельно численность живой силы артиллерии, а первый не учел тех солдат, которые должны были присоединиться к главным силам в течение пяти дней. Наконец, Шамбрэ, в отличие от Пеле, учел силу 4-го кавалерийского корпуса, хотя и округлив ее. Сопоставление данных архива Исторической службы министерства обороны Франции и публикации Пеле провел Э. Вовси (*Вовси Э.* Документы кампании...; Его же. Состав и потери...).

1383

Наполеон – Бертье. Гжатск, 2 сентября 1812 г.; Наполеон – Бертье. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. Р. 199–201.

1384

Наполеон – Кларку. Гжатск, 2 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. Р. 201–203. По поводу испанских дел см. также еще одно письмо Наполеона Кларку, опубликованное только в 2012 г. (*Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31660. Р. 1072).

1385

Наполеон – Марии-Луизе. Гжатск, 2 сентября 1812 г., вечер // *The Letters of Napoleon...* Р. 93.

1386

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 145.

1387

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. Р. 419–420. Этот эпизод мемуаристы воспроизводят несколько по-разному (см. также: *Girod de l'Ain* Op. cit. Р. 66; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. Р. 145; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 123–124). Кастелан утверждает, что одной из колясок был экипаж самого Нарбонна, который, дав солдатам 10 луи, сразу загасил огонь. По мнению Ложье, оба экипажа принадлежали Нарбонну.

1388

Dumonceau F. Op. cit. Р. 126–127.

1389

Bertrand V. Op. cit. P. 123.

1390

Bulletins officiels... P. 93. В тот день Наполеон набросал архиканцлеру Камбасересу краткое письмо, в котором сообщал, что в России наступила осень, «как будто уже 15 сентября». И далее: «Это наилучшее время года для войны, так как реки полны и земля покрыта всякого рода добром. Менее чем за пятьдесят лет культура этой страны сделала особенный прогресс» (Наполеон – Камбасересу. Гжатск, 3 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31670. P. 1076).

1391

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 143.

1392

Брандт Г. Указ. соч. С. 90.

1393

François C. Op. cit. P. 786; *Vionnet de Marignoné L.-J.* Op. cit. P. 6; *Dumonceau F.* Op. cit. T. 2. P. 128–129; *Лоссберг.* Указ. соч. С. 25–26.

1394

Наполеон – Бертье. Гжатск, 3 сентября 1812 г.; Наполеон – Бертье. Гжатск, 3 сентября 1812 г.; Наполеон – Лакюзэ, министру-директору военной администрации. Гжатск, 3 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. T. 24. P. 203–205; [Derrecagaix]. Le maréchal Berthier. P. 432; Наполеон – Бертье. Гжатск, 3 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31669. P. 1076.

1395

Наполеон – Маре. Гжатск, 3 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31672. P. 1077.

1396

РГАДА. Ф.278. Л. 10 –11об.

1397

Bulletins officiels... P. 100; *Napoléon I. Correspondance*. T. 24. P. 207; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 14; *Fezensac M.* Op. cit. P. 30; *The Letters of Napoleon...* P. 97; и т. д. Постоянные ссылки

французских авторов (Пеле, Тири и др.) на слова Наполеона, сказанные им на о. Св. Елены о том, что он полагал силы русских в 170 тыс., явно не подтверждаются.

1398

См., например, 17-й бюллетень от 3 сентября 1812 г. (*Bulletins officiels...* P. 93).

1399

Бертье – Богарне. Гжатск, 3 сентября 1812 г., 11 вечера // *[Du Casse A.] Op. cit.* Т. 7. *Correspondence.* P. 465.

1400

Наполеон – Марии-Луизе. Гжатск, 3 сентября 1812 г. // *The Letters of Napoleon...* P. 94. При сопоставлении этого письма с 17-м бюллетенем Великой армии можно предположить, что оба документа составлены одним человеком.

1401

Castellane E.-V.-E.-B. P. 145.

1402

Федоров В. П. От Царево-Займища до Бородина // ОВиРО. Т. 4. С. 8–16; *Henckens J. L.* Op. cit. P. 125.

1403

Ложье Ц. Указ. соч. С. 125.

1404

Labautte E. Op. cit. P. 119–120; Ложье Ц. Указ. соч. С. 125–126; *Henckens J. L.* Op. cit. P. 125.

1405

Наполеон – Богарне. Гжатск, 4 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance.* Т. 24. P. 206; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 6; *Dumonceau F.* Op. cit. Т. 1. P. 129–130; Брандт Г. Указ. соч. С. 90–91.

1406

За день 4 сентября известны только два письма Наполеона, адресованные Бертье (о перемещении Малой квартиры и движении Старой гвардии) и Маре (о перехвате курьера от

Тормасова, благодаря чему стали известны новые сведения о 3-й Обсервационной армии и Молдавской армии). Кроме того, Наполеон приказал Бертье проинформировать Маре о ходе событий и необходимости подтягивания резервов (Бертье – Маре. Гжатск, 4 сентября 1812 г. // AN AFIV 1649. Pl. 4. F. 405–406).

1407

Лоссберг, 8-й корпус которого около часа дня 4 сентября покинул Гжатск, оставив там один батальон пехоты и 200 кавалеристов, видел только что выехавшего из города Наполеона (*Лоссберг*. Указ. соч. С. 26–27).

1408

«Дорожный дневник Коленкура». Р. 424. Note 1; *François C.* Op. cit. Р. 786; *Dumonceau F.* Op. cit. Т. 2. Р. 129–130; *Bonnet.* Op. cit. Р. 657–658; *Bulletins officiels...* Р. 99; *Bourgeois R.* Op. cit. Р. 40–41; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. Р. 147; *Брандт Г.* Указ. соч. С. 90–91.

1409

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. Р. 146–147.

1410

Dumonceau F. Op. cit. Т. 2. Р. 129–130.

1411

Segur Ph.-P. Napoleon's Russian Campaign. Р. 92; *Gourgaud G.* Op. cit. Р. 201–206.

1412

Berthezène P. Op. cit. Р. 44; *Ternaux-Compans.* Op. cit. Р. 178; etc.

1413

Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 254–255; Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 222; Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. С. 156; и др.

1414

Dennée P.-P. Op. cit. Р. 66. Note 1; *Бутурлин Д. П.* Указ. соч. С. 253. Деннье был знаком с французским изд. Бутурлина.

1415

Поликарпов Н. П. Указ. соч. Вып. 3. С. 9–57.

1416

Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2. С. 137, 143.

1417

Богданов Л. П. Указ. соч. С. 107–109.

1418

Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 163. Историографический обзор отечественной историографии по проблеме, связанной с предназначением Шевардинского редута, см.: Смирнов А. А. Что же такое Шевардинский редут? // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2002, 2004, 2007. Т. 2–4. По мнению А. А. Смирнова, Шевардинский редут до его сдачи являлся опорным пунктом левого фланга первоначальной позиции русской армии.

1419

Gourgaud G. Op. cit. P. 201; Dumas M. Op. cit. P. 436; Chlapowski D. Lettres... P. 264; Fezensac M. Op. cit. P. 29; etc.

1420

Chambray G. Op. cit. P. 42; Пеле Ж. Указ. соч. С. 59. Примеч. 6. См. также: Labaume E. Op. cit. P. 125; Rapp J. Op. cit. P. 198.

1421

О картах, которыми пользовался Наполеон и его штабисты при Бородине, следует сказать особо. Эти карты были составлены на основе большой русской карты в 54 листа, которую удалось достать накануне войны французскому послу в Петербурге Ж.-А.-Б. Лористону. В 1811 г. топографическое бюро Главного штаба транскрибировало названия всех мест, обозначенных на карте, на основе французского алфавита, и приступило к размножению тех листов, которые относились к западным землям Российской империи (Elting J. R. Op. cit. P. 57). Карта сама по себе оказалась очень неточной, нередко вводившей в заблуждение французское командование. Французы, занимая ту или иную территорию, торопились сделать инструментальную съемку местности, для чего вслед за передовыми частями двигались инженеры-топографы. Так родилась знаменитая карта Бородинского поля, сделанная сразу же после сражения французскими инженерами-географами капитанами Пресса, Шеврие и Реньо. Но перед боем Наполеон, действительно, располагал только очень дурными картами, дававшими лишь общее и притом нередко искаженное представление о местности. Данные, поступавшие от русских пленных, мало что давали. Местное население скрылось.

1422

Bulletins officiels... P. 99; *Bourgeois R.* Op. cit. P. 40–41; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 7; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 147.

1423

Vionnet de Maringoné L.-J. Op. cit. P. 7.

1424

Рапорт сводных вольтижеров дивизии Компана. 6 сентября 1812 г. P. 352.

1425

Griois L. Op. cit. P. 28; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 147. У Гриуа неточность: ментики были темно-синие с белой меховой опушкой. Благодарим за это уточнение В. П. Турусова.

1426

См.: *Labaume E.* Op. cit. P. 122–124; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 127.

1427

Labaume E. Op. cit. P. 123. Б. Бертолини, офицер итальянской гвардейской кавалерии, много позже событий утверждал, что Богарне с небольшой свитой посетил 5 сентября монастырь. Бертолини писал, что все монахи бежали, оставив охранять громадные строения одному «бедному старцу», который и открыл ворота обители вице-королю, моля его не грабить это святое место. Бертолини особенно поразила обширность главного храма, в котором, по его мнению, могли укрыться три полка! (*Bertolini B.* Op. cit. P. 73). Не исключено, что престарелый ветеран перенес на Колоцкий монастырь воспоминания о Звенигородском монастыре, где позже стоял 4-й корпус. Примечательно, что в памяти Бертолини запечатлелась буря с громом, молниями и потоками воды, которая как бы «предрекала конец света» и во время которой, как можно было понять, он находился в Колоцком монастыре в преддверии страшного сражения!

По всей видимости, Колоцкий монастырь описал Вионне де Марингоне, командир батальона французской императорской гвардии. Он назвал его «Гриневским монастырем», посвященным «Святому Василию» (*Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 7).

1428

Bulletins officiels P. 125–126; *François C.* Op. cit. P. 786; *Sérurier T.-J.-J.* Op. cit. P. 201; Рапорт генерал-майора К. Ф. Левенштерна, начальника артиллерии 2-й Западной армии // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 183.

1429

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 43.

1430

Рапорт К. С. Сиверса // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 178–180; Рапорт К. Ф. Левенштерна; Поликарпов Н. П. Указ. соч. Вып. 3. С. 29–31; Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2. С. 29–31; Богданов Л. П. Указ. соч. С. 104–105; Геруа А. В. Указ. соч. С. 25–26; Смирнов А. А. Артиллерия Шевардинского редута. С. 182–188; и др.

1431

Thiry J. Op. cit. P. 132.

1432

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 131; Ternaux-Compans H. Op. cit. P. 173; Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2. С. 147.

1433

Рапорт 57-го линейного полка. Р. 344.

1434

Верецагин В. В. Наполеон в России. Тверь, 1993. С. 18, 129. Примеч.; Его же. Листки из записной книжки // *Верецагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания. М., 1990. С. 242–243.* Перед походом в Россию, а скорее всего еще ранее, Наполеон «выучил несколько польских слов и пользовался ими при всяком удобном случае» (А. Вандаль). Если рассказ, приводимый Верецагиным, не просто легенда, то, по нашим расчетам, посетить монастырь Наполеон мог только 5 сентября до полудня или в полдень. О том, что 5-го Наполеон побывал в монастыре, свидетельствует и рассказ лейтенанта 2-й вюртембергской конно-артиллерийской батареи Х. Флейшмана.

1435

Сегодня с колокольни Колоцкого монастыря район Бородинского поля просматривается очень плохо. Если даже принять во внимание, что в 1812 г. ландшафт поля был менее лесистым (См.: Бородинское поле: история, культура, экология. М., 1994), то вряд ли наблюдение с колокольни позволило императору составить сколь бы то ни было ясное представление о расположении русских войск.

1436

Brett-James A. Op. cit. P. 117.

1437

Dennée P.-P. Op. cit. P. 65; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. P. 176.

1438

Dennée P.-P. Op. cit. P. 64–65; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 203.

1439

Рапорт 57-го линейного полка. P. 344; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 3; Рапорт Мюрата о действиях 5 сентября 1812 г. P. 125.

1440

Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2. P. 3; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Str.172–173; *Thiry J.* Op. cit. P. 132; *Kołaczkowski J. E.* Op. cit. T. 1. Str.117.

1441

Labaume E. Op. cit. P. 124.

1442

Ibid. P. 125.

1443

Брандт Г. Указ. соч. С. 91–92. В «Дорожном дневнике» А, Коленкура, куда заносились сведения о лошадях, на которых император ездил верхом, отмечено, что 5 сентября Наполеон проехал верхом 15 верст (*Caulaïcourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 424. Note 1).

1444

Dumonceau F. Op. cit. P. 131.

1445

Записка генерала Компана о сражении за Шевардинский редут. P. 175; *Gardier L.* Op. cit. P. 45.

1446

Griois L. Op. cit. P. 29.

1447

Sérurier T.-J.-J. Op. cit. P. 20.

1448

Lachouque H. The Anatomy of Glory. L., 1961. P. 237.

1449

Рапорт Е. Богарне о Бородинском сражении. Р. 131.

1450

Рапорт К. Ф. Левенштерна.

1451

Рапорт 57-го линейного полка. Р. 344–345.

1452

Рапорт К. К. Сиверса. С. 179; Рапорт 57-го полка. Р. 345; Рапорт сводных вольтижеров... Р. 352–353.

1453

Рапорт сводных вольтижеров... Р. 353.

1454

Ж.-А. Леюше – портному Дурнелю, в Руан; Ж.-А. Леюше – м-ль Анриетт, в Гамбург. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. Р. 14–16.

1455

Поликарпов Н. П. Указ. соч. Вып. 3. С. 32–33.

1456

Рапорт К. К. Сиверса. С. 178–179; *Kołaczkowski J. E.* Op. cit. Str. 117–118; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Str. 173; *Поликарпов Н. П.* Указ. соч. Вып. 1. С. 34–37.

1457

[Коллюбакин Б.М.] Указ. соч. С. 11; *Dumonceau F.* Op. cit. P. 131; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 44.

1458

Журнал дивизии Фриана // *Chuquet A.* Op. cit. Sér. 2. P. 61; Рапорт Жерара; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 44; etc.

1459

Thiers L.-A. Op. cit. T. 14. P. 303; *Бутурлин Д. П.* Указ. соч. С. 253; *Богданович М. И.* История Отечественной войны. Т. 2. С. 149.

1460

Рапорт К. К. Сиверса; Рапорт К. Ф. Левенштерна.

1461

Описано по: Рапорт 57-го линейного полка. P. 345; Рапорт 61-го линейного полка. 6 сентября 1812 г. P. 348–350; Рапорт сводных вольтижеров. P. 353; Записка генерала Компана о сражении за Шевардинский редут. P. 175–177; Дневник поручика Фоссена. С. 469; *Dutheillet de Lamothe A.* Op. cit. P. 42; *Gardier L.* Op. cit. P. 45; *Boulart J.-F.* Op. cit. P. 252; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 4; *Berthezène P.* Op. cit. P. 44; *Thiers L.-A.* Op. cit. T. 14. P. 303–306; *Austin P. B.* Op. cit. P. 256–257. Остин цитирует записку Компана, текст которой несколько отличается от той, которая была опубликована Терно-Компаном. Реплика полковника Лежена о ране Компана в этом бою (*Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 204), что у Остина уже обрастает красочными деталями, не находит подтверждения в других материалах. Лейтенант Гардье из 111-го описывает эпизод, произошедший с неким Лассейном (*Lasseine*), вероятно су-лейтенантом, прибывшим недавно из военной школы. Этот Лассейн, согласно Гардье, вошел в редут одним из первых и вступил в схватку с молодым русским артиллерийским офицером, пытавшимся защищаться сломанной саблей. На призыв Лассейна сдаться русский ответил отказом и, обезоруженный, схватил камень, чтобы поразить француза. Но Лассейн успел убить противника первым. По мнению Гардье, именно Лассейн повернул захваченные орудия против русских (*Gardier L.* Op. cit. P. 46).

1462

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 204; *François C.* Op. cit. P. 787; *Berthezène P.* Op. cit. P. 44. См. также: *Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. P. 177. О 7 орудиях говорится и в письме Бертье Маре, написанном в 10 часов вечера 5 сентября (Бертье – Маре. На бивуаке у Бородино, 5 сентября в 10 часов вечера, в 2 лье от Можайска // AN AFIV 1649. Pl. 4. F. 407).

1463

Dennée P.-P. Op. cit. P. 66; *Bonnet.* Op. cit. P. 658; Ж.-А. Леюше, адъютант 57-го линейного полка – портному Дурнелю, в Руан. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 14; *Soltyk R.* Op. cit. P. 206; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 44; Барклай-де-Толли М. Б.

Изображение...; Из дневника Э. Ф. Сен-При // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 393.

1464

Рапорт Мюрата о действиях 5 сентября. Р. 125–126.

1465

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. Р. 42–45; Ж.-А. Леюше – портному Дурнелю. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. Р. 14–15; Паради – м-ль Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Ibid.* Р. 21.

1466

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. Р. 4; *Fezensac M.* Op. cit. Р. 29; *Kołaczkowski J. E.* Op. cit. Str. 118; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. Р. 176; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 44; Рапорт К. К. Сиверса. С. 188; Из дневника Э. Ф. Сен-При. С. 394.

1467

См., например: Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 180, 265–268, 318, 345, 393; и др.; *Дрейлинг И. Р.* Воспоминания участника войны 1812 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 374; *Поликарпов Н. П.* Указ. соч. Вып. 3. С. 53–56; Бородино. Документальная хроника. С. 103, 166, 177–178, 217–218, 252–253; и др.

1468

Рапорт 111-го линейного полка. 6 сентября 1812 г. Р. 354–356; Записка генерала Компана о сражении за Шевардинский редут. Р. 177; Воспоминания поручика Фоссена. С. 469; *Berthezène P.* Op. cit. Р. 44; *Gardier L.* Op. cit. Р. 45–46; *Понов А. И.* Новые сведения о Бородинском сражении. С. 47. В списках убитых 5 сентября по 111-му полку, вопреки утверждениям Фоссена, начальника батальона и майора не значится; есть только капитан Рабэн (Rabin).

1469

Рапорт полковника де Чюди о бое 5 сентября; Рукопись де Чюди о действиях полка Жозефа-Наполеона // *Chuquet A.* *Lettres de 1812*. Р. 177. Среди погибших в Харьковском полку за 5 сентября – капитан Л. К. Нестелей, командовавший эскадроном шефа, и капитан Т.Д. фон Нагель, командир вакантного эскадрона. В Черниговском драгунском полку убитых 5 сентября офицеров не было (*Васильев А. А.* Русская регулярная кавалерия в Бородинском сражении. Боевое расписание (2) // Цейхгауз. № 3. С. 20). С. В. Потрашков полагает, что каре испанцев скорее всего было атаковано драгунами Черниговского полка, а офицеры Харьковского полка погибли еще при атаке 111-го линейного (*Потрашков С. В.* К вопросу об участии Харьковского драгунского полка в Шевардинском бою и Бородинском сражении // «Сей день пребудет...» С. 127).

1470

Полагаем, что действия екатеринославцев и орденцев 5 сентября оказались несправедливо забытыми. Сиверс и Горчаков, которые к позднему вечеру находились ближе к правому флангу, упомянули только Малороссийский и Глуховский полки, тогда как французские и польские материалы убедительно говорят о том, что кирасирские атаки были и на южном фланге. Только среди офицеров 5 сентября у екатеринославцев было ранено 3, а у орденцев – 4 офицера (*Васильев А. А.* Русская регулярная кавалерия... (2). С. 19). Среди офицеров Новгородского кирасирского полка потерь не было вообще. Не исключено, что новгородцы в атаках не участвовали.

1471

Kołaczkowski J. E. Op. cit. Str.118; *Soltyk R.* Op. cit. P. 207; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. T. 2. Str. 174.

1472

Рапорт 61-го линейного полка. 6 сентября 1812 г. Р. 348, 350–351; *Kołaczkowski J. E.* Op. cit. Str. 118.

1473

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 11–12. В отличие от Колюбакина, полагаем, что это могли быть не малороссийские и глуховские кирасиры, а орденские и екатеринославские, а событие, если оно имело место, произошло на южном фланге боя, после атаки русской кавалерии на французскую и польскую пехоту.

1474

Wedel C. A. W. Op. cit. S.80–82. На материалы Розвадовского нам указал А. А. Васильев: *Dał nam przykład Bonaparte...* T. 2. Str. 97–98.

1475

Kołaczkowski J. E. Op. cit. Str. 118; *Soltyk R.* Op. cit. P. 206; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. T. 2. Str. 175.

1476

Рапорт Мюрата о действиях 5 сентября. Р. 126; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 209; *Kołaczkowski J. E.* Op. cit. Str.118. В 10 часов вечера Бертье написал Бассано письмо, в котором уведомлял, что Наполеон прибыл на поле боя к 4 часам и, увидев русскую армию, приказал атаковать сильно укрепленный редут, который был расценен им как ключ к позиции. По словам Бертье, было захвачено 7 орудий, и кавалерия Мюрата произвела много атак. Письмо заканчивалось констатацией того, что благодаря этому делу император весьма преуспел

(Бертье – Маре. На бивуаке у Бородино, 5 сентября в 10 часов вечера, в 2 лье от Можайска // AN AFIV 1649. Pl. 4. F. 407).

1477

Griois L. Op. cit. P. 31.

1478

Le Roy C.-F.-M. Op. cit. P. 156.

1479

Брандт Г. Указ. соч. С. 92.

1480

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. P. 42. О множестве трупов в редуте писал и другой офицер 57-го, Леюше (Леюше – портному Дурнелю. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 14–15).

1481

Biot H.-F. Op. cit. P. 32.

1482

Записка Компана о сражении за Шевардинский редут. P. 177; *Gardier L.* Op. cit. P. 47.

1483

Той ночью, к примеру, пытался атаковать редут К. Ф. Левенштерн (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 370).

1484

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 370.

1485

Larrey D.-J. Op. cit. P. 43.

1486

Poos Г. Указ. соч. С. 111.

1487

Griois L. Op. cit. P. 30.

1488

Рапорт 61-го линейного полка. 6 сентября 1812 г. P. 351; Рапорт 111-го линейного полка. 6 сентября 1812 г. P. 356; Рапорт сводных вольтижеров. P. 353.

1489

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. P. 42.

1490

Martinien A. Tableaux... 1899. P. 250.

1491

Ibid. P. 179.

1492

Помимо потерь среди линейных полков 5-й дивизии, Мартиньен указывает, что 6-й полк конной артиллерии, 2-я рота которого входила в дивизию Компана, потерял 5 сентября капитана А. Гидонне (*Martinien A.* Tableaux... 1899. P. 653).

1493

К примеру, в дневнике Кастелан записал о том, что 5 сентября полковник 1-го конноегерского полка Меда (известный, кстати, тем, что в июле 1794 г., будучи жандармом, арестовал М. Робеспьера, не дав ему покончить жизнь самоубийством) был смертельно ранен, в то время как, согласно Мартиньену, тот был ранен 7-го, а скончался 8 сентября. Все потери польских войск у Мартиньена значатся на 7 сентября.

1494

François C. Op. cit. P. 787. Франсуа полагал, что 61-й полк 5 сентября потерял 300 человек (*Martinien A.* Tableaux... 1899. P. 788), что приблизительно соответствует данным полкового рапорта 61-го полка.

1495

Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 2. Str. 176.

1496

Lachouque H. Op. cit. P. 237.

1497

Рапорт Жерара; *Combe.* Mémoires. P., 1853. P. 75–76.

1498

Thiers L.-A. Op. cit. T. 14. P. 306; *Kukiel M.* Op. cit. T. 2. Str.176; *Thiry J.* Op. cit. P. 133.

1499

Berthezène P. Op. cit. P. 44; *Бутурлин Д. П.* Указ. соч. С. 255; *Burton R. G.* Napoleon's Invasion of Russia. L., 1914. P. 115; *Nicolson N.* Op. cit. P. 72; etc.

1500

Об этом эпизоде сообщают Сегюр и Пеле, но ни тот, ни другой не говорят определенно, о каком именно из братьев Коленкуров идет речь. Мы полагаем, что об Огюсте.

1501

Labauve E. Op. cit. P. 124; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 204; *Segur Ph.-P.* Napoleon's Russian Campaign. P. 66; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 433; *François C.* Op. cit. P. 787. Русский генерал М. С. Воронцов, герой Бородина, использовал тот же прием в своих воспоминаниях в письме 1836 г. Михайловскому-Данилевскому (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 343).

1502

Gardier L. Op. cit. P. 47.

1503

Labauve E. Op. cit. P. 124.

1504

Французы в России. С. 118.

1505

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 12.

1506

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 147; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 205; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 8; *Fain A.-J.-F.* Т. 2. P. 6; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 59; *Peyrusse G. L.* Op. Cit. P. 90. Кастеллан провел ту ночь очень сносно, «на прекрасной соломе, в маленьком доме» (вероятно, в Валуеве). Результаты археологических исследований места, где располагались палатки императора, см.: *Гоняный М. И., Двуреченский О. В.* История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет...» С. 333–350.

1507

Labauve E. Op. cit. P. 130–131.

1508

Caulaincourt A.-A.-J. Op. cit. P. 422–423; *Сегюр П. Ф.* Поход на Москву. С. 22; *Rapp J.* Op. cit. P. 199.

1509

См.: *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 422–423; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. P. 45; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 59–60; и др. Мнение Тьера о том, что уже 5 сентября Наполеон объявил свое намерение «полного отдыха завтра и решительного сражения послезавтра» (*Thier L.-A.* Op. cit. Т. 14. P. 307), ничем не подтверждается.

1510

См.: *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 7; P. 19. Note 1.

1511

Так, к примеру, Рапп свидетельствует, что Наполеон работал в палатке перед сражением до половины шестого. Это невероятно ни в отношении ночи с 5-го на 6-е, ни ночи с 6-го на 7 сентября. Перекрестная проверка всех достоверных источников говорит о том, что уже в два – половине третьего утра 6-го и 7-го император был на коне.

1512

Rapp J. Op. cit. P. 201–203.

1513

Labaume E. Op. cit. P. 125, 127; карта; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 129; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. P. 177; карта; Рапорт Богарне. P. 131; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 5–6; Журнал действий дивизии Прейзинга // *Fabry G.* Op. cit. T. 4. App. P. 193–194; *Попов А. И.* Бородинское сражение. С. 23, 27. Мнение Тири о том, что 5 сентября вице-король получил приказ «укрепиться редутами, ибо он должен был стать завтра осью для захождения» (*Thiry J.* Op. cit. P. 133), не находит подтверждения в источниках.

1514

Журнал дивизии Фриана // *Chuquet A.* 1812. Sér.2. P. 61; Рапорт Жерара.

1515

В большинстве случаев сооружение мостов относят к ночи с 6 на 7 сентября (Рапорт Богарне. P. 131; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 18. P. 18; [*Du Casse A.*] Op. cit. P. 466–467; etc), повествуя о 2, 3, 4 и даже 5 и 6 мостах. Затруднительно установить их точное количество, но вполне очевидно, что какие-то временные мосты были уже вечером 5 сентября (Рапорт Жерара; *Брандт Г.* Указ. соч. С. 91; и др.).

1516

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. P. 42; Записка генерала Компана о сражении 7 сентября. P. 177; Дневник поручика Фоссена. С. 470; *Le Roy C.-F.-M.* Op. cit. P. 156; *Gardier L.* Op. cit. P. 47; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. P. 177; карта.

1517

Kołaczkowski J. E. Op. cit. Str.118; *Soltyk R.* Op. cit. P. 206; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. T. 2. Str.175; etc.

1518

Брандт Г. Указ. соч. С. 91; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 45.

1519

Henckens J. L. Op. cit. P. 126; *Pajol.* Op. cit. P. 41; *Suckow K.* Op. cit. P. 179; *Поос Г.* Указ. соч. С. 108–111; и т. д. Из текста Гриуа, начальника артиллерии 3-го кавалерийского корпуса, можно понять, что кавалерия Груши могла вся располагаться к северу от Большой дороги, позади бивака императора (*Griois L.* Op. cit. P. 28). Комб, офицер из 3-го кавалерийского корпуса, 5 и 6 сентября видел в расположении своего корпуса убитых башкир. Столкновение с ними произошло, вероятно, 5 сентября: «Шея лошади капитана Депену, из моего полка, была пронзена под гривой» стрелой, которая имела «приблизительно четыре фута в длину. Мы убили нескольких башкир, и я никогда не видел более безобразной расы людей» (*Combe.* Op. cit. P. 28).

1520

Пеле Ж. Указ. соч. С. 59; *Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 8. Из дневника Каstellана следует, что с вечера 5-го императорские палатки были окружены каре Старой гвардии (*Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 147), возможно, одного батальона.

См. также: *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 6; *Dennée P.-P.* Op. cit. P. 67; *Dumonceau F.* Op. cit. T. 2. P. 133; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 205; *Boulart J.-F.* Op. cit. P. 252; *Сегюр П. Ф.* Поход на Москву. С. 22; и др. Французский историк Лашук дает следующую версию размещения гвардии в ночь с 5 на 6-е: кавалерия Бесьера – «во впадине влево» от императорских палаток, фузилеры гвардии (вероятно, имеет в виду 2-ю пехотную дивизию Роге) – впереди, Старая гвардия – сзади; артиллерия справа; часть артиллерии прикрывала фронт (*Lachouque H.* Op. cit. P. 238).

1521

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 133; *Сегюр П. Ф.* Поход на Москву. С. 22; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 59.

1522

Рапорт Нея. Р. 134; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 7; *Berthezène P.* Op. cit. P. 46; *Bonnet.* Op. cit. P. 3; *Лоссберг.* Указ. соч. С. 29.

1523

Начало первой рекогносцировки нередко относят к 6 утра (Деннье, Тьер, Остин); Пеле пишет – «рано утром», Каstellан – «в ранний час», Лежен – «с первыми проблесками дня», Сегюр – «с раннего утра», Брандт – «с первыми лучами солнца», Пельпор – «в 2 утра». По всей видимости, более следует доверять свидетельствам А. Коленкура. В его «Дорожном дневнике» записано: «6-го император сел на Эмбели (лошадь. – В.З.) в 2 часа утра, едет на редут, захваченный накануне...» (*Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 424. Note 1). В мемуарах обер-шталмейстер пишет так: «Император посетил наши биваки в течение ночи, посетил русский редут...» (*Ibid.* P. 427). В 18-м бюллетене также обозначено 2 часа утра. В литературе этот час упомянут только у Кэйти.

1524

Пеле Ж. Указ. соч. С. 70; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 24. Note 1.

1525

6 сентября в районе Москвы по местному времени восход солнца в 5 ч. 13 мин. (от этого времени следует вычесть примерно 60 мин. предрассветных сумерек).

1526

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 205.

1527

Брандт Г. Указ. соч. С. 92–93; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 205; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 7; *Kolaczowski J. E.* Op. cit. Str.119; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 422–423. Воспоминания Ф. Моргенштайна цитирует Д. Смит: *Smith D.* Op. cit. P. 60.

1528

Пеле Ж. Указ. соч. С. 62; «Дорожный дневник» Коленкура. P. 424. Note 1; *Попов А. И.* Бородинское сражение. С. 14–23.

1529

Пеле Ж. Указ. соч. С. 62.

1530

Kolaczowski J. E. Op. cit. Str.119; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 62. У нас остались большие сомнения, объяснил ли Наполеон данную диспозицию Понятовскому сразу после первой рекогносцировки, либо после второй, что не менее вероятно. Воспоминания и «Дорожный дневник» Коленкура также не дают ясной картины. См. любопытное, но вызывающее сомнения свидетельство русского офицера А. А. Щербинина, который уверял, будто во время бегства Наполеона русские захватили две диспозиции за подписью Бертье от 6 сентября. По первой – Понятовский должен был наступать в районе Семеновского оврага, по второй – наступать в обход через Утицу (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 397). Среди сохранившихся материалов эти два документа не выявлены. Частная диспозиция Понятовскому на 7 сентября не сохранилась.

1531

Пеле Ж. Указ. соч. С. 60; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 7–8. Без сомнения, рекогносцировки частных начальников и «снятие местности» производились еще в предшествующий день и рано утром 6-го. Например, Лабом в 2 часа ночи был разбужен начальником штаба 4-го корпуса бригадным генералом Гильемино. Последний объявил, что Наполеон желает получить план местности, снятый вчера. А на рассвете 6-го Лабом вновь уже был за работой, уточняя свои прежние кроки.

1532

Dennie P.-P. Op. cit. P. 67. По-видимому, когда 1-я рекогносцировка только началась, Наполеон, увидев, что русские войска не ушли, не исключал возможности, что днем неприятель постарается захватить оставленную 5 сентября позицию, «или по крайней мере ту территорию, которую он уступил полякам. Таким образом, завяжется бой...» (*Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 423).

1533

Dennée P.-P. Op. cit. P. 67; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 423.

1534

В литературе Фавье нередко фигурирует как полковник. В действительности, он был в чине капитана; после Бородина получил чин начальника эскадрона.

1535

Brandt H. Mémoires. P. 35.

1536

Bausset L.-F.-J. Op. cit. P. 90.

1537

Боссе приехал вместе с почтой, которая доставила корреспонденцию для всей армии. Многие солдаты и офицеры получили в тот день известия с родины (См.: *Bro L.* Op. cit. P. 115).

1538

Bausset L.-F.-J. Op. cit. P. 90.

1539

Ibid. P. 90–91; *Meneval C.-F.* Op. cit. P. 52–53; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 148; Наполеон – Марии-Луизе. 9 сентября 1812 г. // *The Letters of Napoleon.* P. 98; *Brandt H.* Mémoires. P. 351; *Gourgaud G.* Op. cit. P. 213; *Сегюр П. Ф.* Поход на Москву в 1812 г. С. 131. Сегюр писал, что Наполеон выставил портрет у палатки собственноручно. Детали «истории» с портретом Орленка достаточно хорошо реконструируются. Свидетельства вполне достоверны. После вступления Великой армии в Москву этот портрет висел в покоях Наполеона. Во время отступления он был потерян. К счастью, Жерар выполнил многочисленные повторения и даже выгравировал портрет.

1540

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 423. В мемуарах Коленкура события 5 и 6 сентября оказались слиты, так что приезд Фавье у него приходится на время перед штурмом Шевардинского редута.

1541

Нетерпеливая непокорность

Компаньона Павла Эмилия

Обеспечила весь успех Ганнибалу.

О беседе с Фавье см.: *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 423; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 62; *Gourgaud G.* Op. cit. P. 212–213; *Fezensac M.* Op. cit. P. 30; *Brandt H.* Mémoires. P. 35; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 9–10. О том, что «мурлыкал» Наполеон см.: *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 9–10. В. А. Мильчина, автор комментариев к недавнему русскому изд. «Десять лет в изгнании» Ж. де Сталь (*Сталь Ж., де.* Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 290. Примеч. 163) интерпретирует этот эпизод иначе. Она полагает, что битва при Каннах вспомнилась Наполеону в связи с ошибками Мармона при Саламанке. Согласны, что интерпретация Мильчиной выглядит не менее убедительной, чем наша.

1542

Brandt H. Mémoires. P. 35.

1543

Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2. P. 10; *Gourgaud G.* Op. cit. P. 213; *Chuquet A.* 1812. Sér. 3. P. 346; etc.

1544

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 423–424; *Thiry J.* Op. cit. P. 137.

1545

Иногда этот сюжет в воспоминаниях Раппа интерпретируется так, будто в поездку отправился Бертье. Из оригинального текста следует, что речь идет о Наполеоне (*Rapp J.* Op. cit. P. 200–201).

1546

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 424–425; «Дорожный дневник» Коленкура. P. 424. Note 1; *Denniée P.-P.* Op. cit. P. 68.

1547

А. Н. Муравьев вспоминал, что в тот день «кое-где» раздавались картечные выстрелы: стреляли по Наполеону, объезжавшему русские позиции (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 375).

1548

Denniée P.-P. Op. cit. P. 69. Видимо, на основании этой фразы Деннье американский историк Нафziger строит предположение, что в ходе второй рекогносцировки Наполеон старался установить, есть ли промежуток между Багратионовыми «флешами» и правым русским флангом, где стоял 3-й пехотный корпус (*Nafziger G.* Op. cit. P. 223). Слова об «облическом загибе» у Деннье следует воспринимать не в том смысле, что крайний левый фланг русских

был «загнут» к Утице благодаря размещению 3-го корпуса, а в том смысле, что уже от Новой Смоленской дороги вся русская линия загибалась, опираясь левым флангом на Багратионовы «флеши».

1549

Rapp J. Op. cit. P. 201.

1550

Дедем отмечает в мемуарах (*Dedem de Gelder*. Op. cit. P. 240), что Наполеон не имел в Бородинском сражении «решительных результатов вследствие отсутствия хороших карт и полного незнания местности». На то, что Наполеон допустил ошибки в своих оценках местности, указывал и Пеле (*Пеле Ж.* Указ. соч. С. 65).

1551

Dennée P.-P. Op. cit. P. 70; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 206. Справедливости ради нужно отметить, что Лежен, вероятно, подробно рекогносцировал только центральный участок линии, уделив основное внимание району с. Бородино и Горкинским укреплениям, вид которых действительно был впечатляющим.

1552

Bulletins official. P. 100; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 13–14. 27 апреля 1817 г. на о. Св. Елены, пытаясь оправдать нерешительные результаты Бородинского сражения, Наполеон скажет Гурго: «В сражении при Москве я сделал ошибку, атаковав русские укрепленные позиции. Фактом было то, что я жаждал великого сражения с армией, которая могла маневрировать позади системы хороших редутов и которую нельзя было атаковать. В подобном случае можно действовать исключительно путем маневра, обходя вражеские позиции» (Цит. по: *Austin P. B.* Op. cit. P. 399. Note 10).

1553

Bulletins officiels. P. 100; *Napoleon I. Correspondance*. Т. 24. P. 207; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 14; *The Letters of Napoleon...* P. 97; *Fezensac M.* Op. cit. P. 30; Пюибюск. Указ. соч. С. 75.

1554

Васильев А. А., Елисеев А. А. Русские соединенные армии при Бородине. 24–26 августа 1812 г. М., 1997.

1555

Д. Г. Целорунго полагает численность рекрутов до 16 тыс. человек (*Целорунго Д. Г.* База данных «Солдаты и офицеры российской армии – участники Бородинского сражения»: социальные портреты, поведение в бою, боевые отличия // «Сей день пребудет...» С. 36). В.

А. Бессонов пришел к выводу, что войска, которые привел М. А. Милорадович, были сформированы из солдат, уже прошедших обучение (*Бессонов В. А.* Пополнение русских армий накануне Бородинского сражения. Войска генерала М. А. Милорадовича // «Сей день пребудет...» С. 62–69).

1556

Chambray G. Op. cit. Т. 2. Р. 33; *Пеле Ж.* Указ. соч.; *Fabry G.* Op. cit. Т. 4; *Земцов В. Н.* Французская армия 6 сентября 1812 года... С. 75; Его же. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. С. 310; *Васильев А. А., Попов А. И.* Grande Armée. С. 37. Напомним, что Э. Вовси предложил цифру в 130–132 тыс. человек в строю на начало сентября 1812 г.

1557

Пеле Ж. Указ. соч. Примеч. «Д». С. 105; *Friant.* Op. cit. Р. 231–232.

1558

Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G. Op. cit. Р. 177–178; *Esposito V. J., Elting J. R.* Op. cit. Map.116. Ж. Гарнье (*Garnier J.* Borodino. Р. 269–270) явно не прав, утверждая обратное.

1559

Chuquet A. 1812. Sér.2. Р. 53–54. Шюке ссылается на Э.-Д. Паскье, известного деятеля и мемуариста Первой империи.

1560

Цит. по: *Chandler G.* On the Napoleonic Wars. Р. 111.

1561

Текст общей (генеральной) диспозиции приводится в «Correspondance» (Т. 24. Р. 206–207), у Шамбрэ (Т. 2. Р. 56), Фэна (Т. 2. Р. 72–73) и Пеле (С. 99); подробное изложение дает Деннье (Р. 72–73). У Пеле текст общей диспозиции помещен за подписью Бертье с удостоверяющей подписью начальника штаба 1-го корпуса Ромёфа и с указанием времени – 5 часов вечера. Все остальные тексты без подписи и без указания часа. Приказы Мюрату (с указанием времени – 4,5 часа), Богарне (5 часов), Ларибуазьеру (5 часов), Дюма (5 часов) приводятся у Пеле. Дю Касс (*Du Casse A.*) Op. cit. Т. 7. Р. 466–467) воспроизводит приказ, направленный Бертье принцу Евгению, во многом совпадающий с текстом Пеле, но помеченный 5 часами утра (!). По всей видимости, приказы, помеченные 4,5 и 5 вечера, были отданы Наполеоном устно во время второй рекогносцировки, а затем оформлены Бертье в письменном виде. Часть из них (общая диспозиция определенно) была продублирована в письменном виде под диктовку самого Наполеона вечером 6 сентября (по свидетельству Деннье, между 9 и 10 часами вечера Наполеон продиктовал их нескольким офицерам Квартиры и кабинета Главного штаба). О положениях приказа для корпуса Нея можем судить по его рапорту о сражении (Рапорт Нея о Бородинском сражении. Р. 134–135). Сохранились частные приказы: приказ, отданный Даву для трех дивизий 1-го корпуса (*Chuquet A.* 1812. Sér.1. Р. 69–70),

приказ корпусу Груши (в виде дружеского послания от Бельяра, начальника штаба Мюрата), помеченный 5 часами вечера (*Grouchy. Mémoires. P.*, 1873. Т. 3. Р. 54); а также изложения частных приказов (скажем, приказа дивизии Дессэ со слов Жиро де л'Эна). Следует принять во внимание и то, что многие приказы и уточнения Наполеон дал устно во время рекогносцировок (скажем, Понятовскому и Богарне), вечером и ночью в своей палатке; последние инструкции были даны устно 7 сентября у Шевардинского редута.

1562

Тест, например, писал, что «каждый корпус французской армии получил приказ на сражение только в отношении того, с какой точки он должен будет принять участие» (*Teste F.-A. Op. cit. P. 667*).

1563

Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2. P. 17; Сегюр II. Ф. Поход на Москву. С. 23; Пеле Ж. Указ. соч. С. 72; Their L.-A. Op. cit. T. 14. P. 309–311; Thiry J. Op. cit. P. 141. Американский исследователь Рьен, неверно поняв роль войск Богарне и Понятовского, утверждает, что ни тот ни другой не имели достаточно сил, чтобы эффективно выполнять свои задачи (*Rhien R. K. Op. cit. P. 245*).

1564

Об этой встрече пишет Фэн (пишет и Бертезен, но он, как известно, не был участником сражения), но наиболее детально разговор передан Гурго. Судя по всему, эта встреча произошла вечером в палатке Наполеона, когда уже были отданы письменные приказы. Это видно хотя бы из того, что в тексте общего приказа на сражение значится: «Генерал Компан идет вдоль леса...»

1565

Gaurgaud G. Op. cit. P. 216–217. Note.

1566

Общая диспозиция; Приказ для Ларибуазьера; *Пеле Ж. Указ. соч. С. 72; Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 47–48; Thiers L.-A. Op. cit. T. 14. P. 312–313; etc.*

1567

Общая диспозиция; Приказ для войск Даву; Приказ Даву войскам 3 дивизий 1-го корпуса.

1568

Общая диспозиция; Приказ для войск Даву; *Пеле Ж. Указ. соч. С. 72; Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2. P. 18.*

1569

Подсчеты Богдановича, Геруа и Кукеля сходятся на цифре 102 орудия. Цифра в 100 орудий указана в донесении Кутузова Александру I, подготовленном Толем (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 136). Некоторые авторы (Чандлер, Нафziger) пишут о 120 орудиях, не уточняя, включают ли они сюда орудия батарей Богарне или нет.

1570

См., например, воспоминания Серюзье (*Seruzier T.-J.-J.* Op. cit. P. 202, 208). Несмотря на завиральный стиль его мемуаров, сам факт создания таких батарей вряд ли вызывает сомнения.

1571

Воспоминания генерала Ж.-М. Пернети о Бородинском сражении; *Попов А. И.* Новые сведения о Бородинском сражении.

1572

Рассчитано по: *Fabry G.* Op. cit. Т. 4; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. P. 33; *Пеле Ж.* Указ. соч.; и по другим, более фрагментарным, материалам.

1573

Рапорт Нея. P. 135; *Suckow K.* Op. cit. P. 178; *Pooc Г.* Указ. соч. С. 108–111. Лейтенант Зуков из 25-й пехотной дивизии пишет: «6 сентября, к полудню, разбили наш бивак, в великолепный осенний день, в двух шагах от поля сражения, разыгравшегося на следующий день. С места, которое занимали, мы отчетливо видели редуты, которые враг возводил впереди своего фронта».

1574

Pajol. Op. cit. P. 41; *Vossler H. A.* Op. cit. P. 59; *Pooc Г.* Указ. соч. С. 108–111.

1575

Рапорт Жерара; Рапорт Богарне. P. 131.

1576

Boulart J.-F. Op. cit. P. 252.

1577

Часть гвардейской артиллерии, которая должна была разместиться на стационарных батареях, действительно могла передвинуться к передовым позициям вечером 6 сентября.

1578

См.: *Попов А. И.* Бородинское сражение. С. 7 –28.

1579

Дюмонсо пишет, что было несколько ружейных выстрелов на аванпостах, а адъютант Дессэ Жиро де л'Эн даже утверждает, что весь день «ни разу не стреляли». В том же духе писал и Лоссберг. Они ошибались.

1580

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 236; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 148.

1581

François C. Op. cit. P. 787. Только ночью Франсуа смог заняться лечением своей раны. Главный хирург полка пропустил зонд в пулевое отверстие и вынул оттуда русскую пулю. Хромая, Франсуа присоединился к своей роте, чтобы немного отдохнуть у костра в ожидании утра.

1582

См., например: *Bertrand V.* Op. cit. P. 124. Напоминаем, что Бертран был сержантом карабинерной роты 7-го легкого полка.

1583

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 423; *Friant.* Op. cit. P. 231–232; Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 92, 109, 135, 173; *Поликарпов Н. П.* Указ. соч. Вып. 2. С. 80–82.

1584

Исполняющий должность дежурного генерала в главной квартире Кутузова полковник П. С. Кайсаров писал главнокомандующему Москвы Ф. В. Ростопчину 7 сентября: «Неприятель занимал нас перестрелкой на левом фланге, ограничиваясь только демонстрацией на оной, которым противопоставлены были движения наших войск». В черновике «Описания...» Толя написано, что 6 сентября «ввечеру» на правом неприятельском крыле замечены разные движения, после чего Кутузов приказал Тучкову идти на левое крыло (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 92, 173). Полагаем, что историками до сих пор до конца не решен частный, но исключительно важный вопрос о времени и целях переброски корпуса Тучкова в район Утицы.

1585

Dennée P.-P. Op. cit. P. 67; *Holzhausen P.* Die Deutschen in Rußland. S. 80–81; *Vossler H. A.* Op. cit. P. 59.

1586

Цит. по: *Holzhausen P.* Die Deutschland in Rußland. S.82–83.

1587

Ibid. S.83.

1588

Французы в России. С. 140.

1589

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 148; *Biot H.-F.* Op. cit. P. 32; *Teste F.-A.* Op. cit. P. 667; *Griois L.* Op. cit. P. 31; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 18–19; Генерал Компан – жене. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д.253. Л. 4–5; *Lettres interceptées.* P. 123–125.

1590

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. P. 11; *François C.* Op. cit. P. 788–789; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 207; *Rapp J.* Op. cit. P. 199; etc.

1591

Rapp J. Op. cit. P. 200.

1592

Ibid. P. 199; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. P. 180. Командир 18-го линейного Пельпор позже будет уверять читателей своих мемуаров, что Кутузов в речи перед иконой произнес дословно следующее: «Наполеон – это всеобщий деспот, тиран, мешающий миру, червяк, сверхдьявол; он сделал нас жертвами и залил все кровью, и т. д.» «Этот помпезный спектакль, – продолжал Пельпор далее, – благословения священников и увещевания офицеров экзальтировали дух армии, которая потребовала громкими криками сражения, дабы принести себя в жертву защите родины и религии» (*Pelleport P.* Op. cit. Т. 2. P. 23).

1593

Rapp J. Op. cit. P. 199; *Thiers L.-A.* Op. cit. Т. 14. P. 318; etc.

1594

François C. Op. cit. P. 789; Denniée P.-P. Op. cit. P. 18.

1595

Д. С. Мережковский писал о Бородинском сражении: «Может быть, не только французы и русские, но и люди вообще никогда не дрались с таким ожесточением и с такою равною доблестью, потому что за святыни равные: французы – за мир и Человека, русские – за отечество и еще что-то большее, сами не знали за что: думали: «За Христа против Антихриста» (*Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 211–212*).

1596

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 229–230; Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 375.

1597

Rapp J. Op. cit. P. 199; Пюибюск. Указ. соч. С. 72.

1598

Наполеон – Марии-Луизе. 6 сентября 1812 г. // *The Letters of Napoleon. P. 95.*

1599

Известен только один текст, подписанный Наполеоном 6 сентября, – приказ Бертье на начало сражения. Это ясно говорит о том напряженном ожидании предстоящего боя, в котором находился император. Сохранился текст записки Бертье, начертанной в тот день и отправленной Бассано. Бертье написал, что завтрашний день станет великим днем в истории, что завтра французская армия атакует неприятеля и что император не сомневается в успехе. «Я напишу вам завтра. Напишите в Париж, передайте новости об Императоре и армии» (Бертье – Маре. В лагере перед Можайском, 6 сентября 1812 г. // *AN AFIV 1649/1. F. 408*).

1600

Согласно Фэну, Наполеон даже сажился на лошадь и проехал вперед, к передовой линии. Коленкур об этом не пишет ни в мемуарах, ни в «Дорожном дневнике». События этой ночи, связанные с Наполеоном, чрезвычайно запутанны. Подробности, которыми столь обильно насыщены воспоминания Раппа и Сегюра, находят только частичное подтверждение при сопоставлении с массой других материалов. Наиболее достоверно выглядят на этом фоне свидетельства «Дорожного дневника» Коленкура (Р.432. Note 1), Пеле (С. 73–74), Солтыка (Р.213–214), Шамбрэ (Т. 2.Р.46–47), Кастелана (Р.148). Фэн, хотя и опровергает Раппа, утверждая, что не Рапп, а О. Коленкур был в ту ночь дежурным генерал-адъютантом, сам явно смещает час выезда Наполеона к редуту, относя его к 5 утра (*Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. Р.18–19. Note 1*).

1601

Brandt H. Mémoires. P. 36; *Bourgogne A.-J.-B.-F.* The Memoires... P. 7–8; *Dumonceau F.* Op. cit. T. 2. P. 133; *Bourgeois R.* Op. cit. P. 44; Bullutins officiels... P. 101.

1602

Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G. Op. cit. P. 180–181; Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 112, 361.

1603

«Дорожный дневник» Коленкура. P. 432. Note 1.

1604

Там же.

1605

Шамбрэ также отмечает, что Молодая гвардия и гвардейская кавалерия последовали на позиции сразу после отъезда императора (из текста Шамбрэ ясно, что он относит это ко времени между 2.30 и 3.00) – *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 46–47.

1606

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 133.

1607

Biot H.-F. Op. cit. P. 33; «Дорожный дневник» Коленкура. P. 432. Note 1.

1608

«Дорожный дневник» Коленкура. P. 432. Note 1; Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка. P. 61; Приказ трем дивизиям корпуса Даву; и др.

1609

Рапорт Понятовского о Бородинском сражении. P. 137; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Str. 182.

1610

Pion des Loches A.-A. Op. cit. P. 287–289.

1611

Пеле Ж. Указ. соч. С. 101.

1612

Dumonceau F. Op. cit. Т. 2. Р. 133, 136.

1613

Teste F.-A. Op. cit. Р. 669; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. Р. 149; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. Р. 23; *Brandt H.* Mémoires. Р. 37; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 72; [*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 14.

1614

Приказ Мюрату; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 100; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. Р. 126; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 46, 55; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. Р. 22; *Castellane E.-V.-F.-B.* Op. cit. Р. 149; *Pajol.* Op. cit. Р. 41; *Teste F.-A.* Op. cit. Р. 667; *Понов А. И.* Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995. С. 65. Рот фон Шрекенштайн, служивший вторым лейтенантом в штабе 1-й бригады 7-й тяжелой дивизии 4-го кавалерийского корпуса, размещает корпуса несколько иначе: 4-й между 2-м и 1-м, и несколько уступом назад; кавалерию Хаммерштайна – позади левого фланга 8-го армейского корпуса, который построен впереди резервной кавалерии (*Roth von Schreckenstein.* Op. cit. S.44; карта).

1615

Поднимавшееся тем утром солнце Бородина вызвало те же ассоциации и у простых старых солдат (См.: *Bro L.* Op. cit. Р. 115).

1616

Bulletins officiels... Р. 101; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. Р. 180–181; *Teste F.-A.* Op. cit. Р. 669; *Bourgeois R.* Op. cit. Р. 44; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 133.

1617

Пеле Ж. Указ. соч. С. 73–74; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 59; *François C.* Op. cit. Р. 789.

1618

Griois L. Op. cit. Р. 39.

1619

1620

Тихонов И. С. Об установлении неизвестного автора воспоминаний «Исторические сведения о Бородинском сражении»...// Отечественная война 1812 г. Россия и Европа. Бородино, 1992. С. 16–20. О первом выстреле, произведенном с русской батареи, писал и Михайловский-Данилевский.

1621

Некоторые американские историки (Палмер, Эспозито и Элтинг) объясняют это тем, что утренний туман «сделал атмосферу тяжелой, и ядра не достигали целей». Причина, конечно, была в другом. Артиллерийские эполементы были слишком далеко от русских позиций (так, например, считали Сегюр, Шамбрэ и Пернети; с ними были согласны Тьер, Богданович, Геруа, Кукель, Даффи, Тернье и Карминьяни, Кэйт и другие авторы): от батарей Сорбье и Пернети до Багратионовых «флешей» было не менее 1200 м, от батареи Фуше до Курганной высоты – примерно 1800, до укреплений д. Семеновское – до 1800 м. Очевидно, что если 12-фунтовые пушки и достигали «флешей», то огонь гаубиц был совсем неэффективен. Тем более обстрел Курганной высоты и д. Семеновское был невозможен совершенно. Орудия пришлось срочно выкатывать из укреплений и передвигать вперед на открытое пространство. По словам Сегюра, «неприятель дал это сделать». Как далеко вперед были передвинуты батареи Сорбье, Фуше и Пернети? Современники событий об этом умалчивают. Богданович предположил, что их передвинули на расстояние 1600 шагов от Багратионовых «флешей». Вслед за ним эту цифру указали Геруа и Нафзигер. Возможно, это мнение более или менее верно. Чандлер, отмечая плохую штабную работу в отношении расположения батарей, замечает, что такая ошибка не могла бы произойти перед орлиными глазами Наполеона, если бы это было в дни его расцвета.

1622

Подсчеты выполнены по: *Fabry G.* Op. cit. Т. 4; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 33; *Пеле Ж.* Указ. соч. Приложения. Биографы генерала Дессэ приводят следующую численность 4-й дивизии на 1 сентября: под ружьем всего было не 6054 человека, а 6337 (*Dessaix J., Folliet A.* Op. cit. Р. 246). О потерях дивизии Компана 5 сентября см. выше.

1623

Численность войск дана на 2 сентября на основе переключки по материалам архива Исторической службы министерства обороны Франции (SHD 2С 529), Пеле и Шамбрэ.

1624

Состав и численность кавалерии даны по: *Васильев А. А.* Кавалерия Наполеона в Бородинском сражении.

1625

Подсчитано по: Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 136, 181, 379; и т. д.; *Богданов Л. П.* Указ. соч. С. 104–107, 109–112; *Ларионов А. П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год. К столетию Отечественной войны. С. 120–122; и др.

1626

О Багратионовых «флешах» см.: *Богданов Л. П., Свиридов Н. Г.* Багратионовы флешы и батарея Раевского // 1812 год. К столетию Отечественной войны. С. 290–294; *Нефедович А. В.* Укрепления на Бородинском поле сражения 1812 г. // Инженерный журнал. 1912. № 8. С. 936–967; *Поликарпов В. П.* Указ. соч. Вып. 2. С. 19–20; Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле. М., 1903. С. 123.

1627

Пеле Ж. Указ. соч. Приложения. С. 116.

1628

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 336, 370; *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 5–7.

1629

Рапорт Нея о Бородинском сражении. Р. 135; *Suckow K.* Op. cit. Р. 178; *Bonnet.* Op. cit. Р. 658; *Pelleport P.* Op. cit. Т. 2. Р. 22–23.

1630

Pajol. Op. cit. Р. 41; *Vossler H. A.* Op. cit. Р. 59; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 108–111; etc.

1631

Napoleon I. Correspondance. Т. 24. Р. 206–207; *Chuquet A.* 1812. Sér.1. Р. 69–70; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 100–101; etc.

1632

Записка генерала Компана о сражении 7 сентября. Р. 184; Компан – жене. 7 сентября 1812 г. // *Ternaux-Compans.* Op. cit. Р. 185; Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября. Р. 357; Рапорт 57-го линейного полка. Р. 435; Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября. Р. 359; *Dutheillet de Lamothé A.* Op. cit. Р. 42; Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении.

1633

Пеле Ж. Указ. соч. С. 100–101; *Thiry J.* Op. cit. P. 137.

1634

Chuquet A. 1812. Sér. 1. P. 69; *Girod de l'Ain.* Op. cit. P. 79; *Teste F.-A.* Op. cit. P. 667; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 73–74; Записка генерала Компана о сражении 7 сентября. P. 184.

1635

Boulart J.-F. Op. cit. P. 253–254; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 347. Note 1; Записка генерала Компана о сражении 7 сентября. P. 184; Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении; *Gardier L.* Op. cit. P. 48.

1636

Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка; Журнал дивизии Фриана // *Chuquet A.* 1812. Sér. 2. P. 50; *Teste F.-A.* Op. cit. P. 667; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 72, 100–101; *Friant.* Op. cit. P. 233. В приказе о построении 5-й и 4-й дивизий, продиктованном Даву Ромёфу, ничего не говорится о войсках Фриана. Не исключено, для 2-й дивизии был отдан отдельный приказ, текста которого нет. Возможно, приказ был устным. Но еще более возможным было то, что Даву вообще не отдавал никакого приказа для дивизии Фриана, которая, подобно двум другим дивизиям, был изъята императором из-под командования маршала. Даву должен был рассчитывать в выполнении тяжелейшей задачи только на две из пяти своих дивизий!

1637

Vorpe P. Les Espagnols... P. 147.

1638

Пеле Ж. Указ. соч. С. 100–101.

1639

Рапорт Нея о Бородинском сражении. P. 134.

1640

Teste F.-A. Op. cit. P. 667. App.

1641

Цит. по: *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 9.

1642

Дневник поручика Фоссена. С. 470; *Gardier L.* Op. cit. P. 48.

1643

Boulart J.-F. Op. cit. P. 253–254. Уже упоминавшийся майор гвардейской артиллерии Булар пишет, что Пантинье «был убит ядром рядом и даже позади нас, прежде чем его дивизия вышла в линию».

1644

Согласно Пеле (С. 74), уже у Каменского оврага солдаты Компана были встречены огнем русских стрелков. Рапорты полков и воспоминания участников атаки об этом умалчивают; они пишут о действиях русских застрельщиков только в лесу.

1645

О движении 5-й дивизии и, в частности, 57-го полка по лесу см.: Рапорт 57-го линейного полка. P. 184; *Teste F.-A.* Op. cit. P. 669; *Ternaux-Compans H.* Op. cit. P. 187; Компан – жене. 7 сентября 1812 г. // *Ternaux-Compans H.* Op. cit. P. 185; etc.

1646

Рапорт К. Ф. Левенштерна. С. 183–184.

1647

Записка генерала Компана о сражении 7 сентября. P. 184–185; Компан – жене. 7 сентября 1812 г. // *Ternaux-Compans H.* Op. cit. P. 185.

1648

Ж.-Л. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 38.

1649

Teste F.-A. Op. cit. P. 669.

1650

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. P. 42.

1651

Рапорт 57-го линейного полка. Р. 346; Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября. Р. 359; *Gardier L.* Op. cit. Р. Встречается и иное написание фамилии майора Яже (Yager) – Жаже (Jaeger) (см., например: *Lettres interceptées.* Р. 38). Гардые явно ошибался, утверждая, что «редут» был взят 25-м линейным полком.

1652

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. Р. 42–43. Мемуарист пишет о майоре Liegre или Liegue, сам путаясь в фамилии. Далее Дютейе де Ламот повествует о том, что этот майор будет убит. В списках убитых и раненых офицеров 57-го полка (*Martinien A. Tableaux...* Р. 250–251; Рапорт 57-го линейного полка. Р. 347) майора Liegre нет. Есть майор Яже (Yager), раненный и вскоре умерший. Без сомнения, Дютейе де Ламот имел в виду майора Яже.

1653

Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября. Р. 357; Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября. Р. 359; Рапорт 57-го линейного полка. Р. 246; Дневник поручика Фоссена. С. 470–471; *Dutheillet de Lamothe A.* Op. cit. Р. 42.

1654

Записка генерала Компана о сражении 7 сентября. Р. 184; *Dessaix J., Folliet A.* Op. cit. Р. 248.

1655

Girod de l'Ain. Op. cit. Р. 81; *Dessaix J., Folliet A.* Op. cit. Р. 249. Жиро де л'Эн ошибочно называет лейтенанта Маркье Магнаном (Magnan). Это исправлено биографами генерала Дессэ.

1656

Фэн утверждает, что после ранения Компана 5-й дивизией временно командовал командир 1-й бригады генерал Ж. Дюплен (*Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. Р. 25). Не исключаем, что Дюплен мог командовать дивизией уже после ранения самого Теста. Однако все известные материалы вообще умалчивают о его участии в сражении 7 сентября; накануне, 5-го, он был легко ранен (См., например: Компан – жене. 7 сентября 1812 г. // *Ternaux-Compans H.* Op. cit. Р. 186).

1657

Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении. С. 22; Даве – жене. 8 и 20 сентября 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville)* Op. cit. Р. 168, 172; Бригадный генерал Леклерк, командир 1-й бригады дивизии Жерара —? // *Ibid.* Р. 169–170. Note 1; *Gourgaud G.* Op. cit. Р. 218; *Vigier.* Davout, maréchal d'Empire. Р., 1898. Т. 2. Р. 96. В письме жене маршал уверял, что «оправился за 6 минут».

1658

Gourgaud G. Op. cit. P. 218. Note 1; *Denniée P.-P.* Op. cit. P. 75. Note 1; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 149; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 25; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 127; *Rapp J.* Op. cit. P. 204–205; *Thiers L.-A.* Op. cit. T. 14. P. 323. Из рассказа майора Ле Руа (P.157) не совсем ясно, был ли он тем офицером, который привез в императорскую ставку известие о ранении Даву, или нет.

1659

Vigier. Op. cit. P. 96; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 127.

1660

Girod de l'Ain. Op. cit. P. 81–82; *Dessaix J., Folliet A.* Op. cit. P. 249–250. Биографы Дессэ утверждают, что этот эпизод, описанный у Жиро де л'Эна, произошел на «втором редуте» и якобы также взят войсками Даву. Считаем, что текст самого мемуариста не дает никаких оснований для такого утверждения. Далее Жиро де л'Эн описывает смерть дю Бурже, однако биографы Дессэ утверждают, что это ошибка и дю Бурже был убит только в конце сражения.

1661

Рапорт 57-го линейного полка. P. 346. Первыми из французов о существовании восточной флешы узнали, конечно, не солдаты Нея, ворвавшиеся позже на северный люнет, а бойцы 57-го полка.

1662

Teste F.-A. Op. cit. P. 670; *Dutheillet de Lamothe A.* Op. cit. P. 44; Ж.-Л. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées.* P. 38. Шарьер счастливо вышел из того боя за южную «флешь»: он потерял только лошадь.

1663

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 342, 379, 184, 168, 358, 394.

1664

Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 127; *Rapp J.* Op. cit. P. 204; *Suckow K.* Op. cit. P. 183–184; Рапорт Нея о Бородинском сражении. P. 136; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 74; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 62. В рапорте Нея явная описка, которая ввела в заблуждение некоторых историков, например, Бутурлина. Вместо «редут слева» следует читать «редут справа». На это обратил внимание еще А. В. Геруа, а в наше время – А. И. Попов.

1665

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S.88–89; *Suckow K.* Op. cit. P. 183.

1666

Рапорт 57-го линейного полка. Р. 347. В письме Тошу-старшему (который, вероятно, был его хорошим другом, так как взял на себя непростой труд передать в Англию 600 франков брату Шарье Андрэ, находившемуся там в плену) Шарьер писал: «...я был хозяином редута, который тотчас же стал оспариваться врагом, и враг дважды атаковал, стараясь его вернуть. Но дважды был отбит» (Lettres interceptées. Р. 38).

1667

Duthellet de Lamothe A. Op. cit. Р. 44.

1668

Pelleport P. Op. cit. Т. 2. Р. 25.

1669

Smith D. Op. cit. Р. 63–64.

1670

Лоссберг. Указ. соч. С. 30.

1671

Suckow K. Op. cit. Р. 179.

1672

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. Р. 25; *Thiry J.* Op. cit. Р. 144. Майор Ле Руа, прикомандированный к штабу Даву и прибывший с поручением в ставку императора, уверяет, что слышал, как Наполеон сказал адъютанту: «Быстрее езжайте и скажите Нею, чтобы он двигался вперед!» (*Le Roy C.-F.-M.* Op. cit. Р. 157). Если это так, то получается, что известия о трудностях, с которыми столкнулись войска 1-го корпуса, заставили Наполеона поспешить с атакой 3-м и 8-м корпусами.

1673

Рапорт Нея о Бородинском сражении. Р. 135; *Bulletins officiels...* Р. 102; *Bonnet.* Op. cit. Р. 658.

1674

Рапорт Нея о Бородинском сражении. Р. 135; *Suckow K.* Op. cit. Р. 179–180; *Bonnet.* Op. cit. Р. 658.

1675

Suckow K. Op. cit. P. 180.

1676

Pelleport P. Op. cit. T. 2. P. 25.

1677

Попов А. И. Меж двух «вулканов». С. 11; Его же. Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши. С. 44.

1678

Многие историки описывают этот бой даже в деталях, но у нас нет полной уверенности, что он произошел во время первой русской контратаки. Еще А. П. Скугаревский в свое время недоумевал, когда и кто перевел ахтырцев и новороссийцев к Семеновским укреплениям (*Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 45. Примеч.).

1679

Рапорт 57-го линейного полка. Р. 346–347.

1680

Рапорт Нея о Бородинском сражении. Р. 135–136.

1681

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S. 88; *Попов А. И.* Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши. С. 44.

1682

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S.88–89; *Лоссберг.* Указ. соч. С. 38.

1683

Pelleport P. Op. cit. T. 2. P. 26.

1684

Bonnet. Op. cit. P. 658–659.

1685

Suckow K. Op. cit. P. 184–185.

1686

Стендаль. Прогулки по Риму // *Стендаль. Собр. соч.* М.; Л., 1949. Т. 12. С. 62.

1687

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S. 90–91.

1688

Burkersroda. Op. cit. S. 10.

1689

Faber du Faure G. Op. cit. Pl.LIV.

1690

Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября. P. 357–358; Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября. P. 358.

1691

Girod de l'Ain. Op. cit. P. 83.

1692

Dessaix J., Folliet A. Op. cit. P. 251.

1693

Girod de l'Ain. Op. cit. P. 83.

1694

Dessaix J., Folliet A. Op. cit. P. 251; *Girod de l'Ain.* Op. cit. P. 83. Полагаем, что замечание мемуариста об односторонних кирасах можно либо отнести на счет плохой памяти рассказчика, либо объяснить тем, что вместе с кирасами участие в атаке принимали и драгуны, не имевшие кирас вовсе, либо, наконец, предположить, что какие-то кирасирские части действительно имели односторонние кирасы, тем более что об этом пишут и

некоторые другие участники сражения. По-видимому, именно эту атаку русских кирасир описал в своих воспоминаниях Пернети: «...я увидел большой отряд русской кавалерии, выходящий галопом через проход между крайним редутом и тем, что был расположен левее. Так как поблизости у нас не было войск, способных нас поддержать, я подготовил мои орудия к отступлению, но они были настигнуты этой кавалерией, которая, проскакав галопом по батарее, зарубила несколько канониров, защищавшихся ганшпугами. В конце концов эти кавалеристы, не очень многочисленные, отошли в свою очередь под ударами нашей кавалерии и ускакали также галопом» (Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении. С. 226).

1695

Rapp J. Op. cit. P. 207; Французы в России. С. 123. Пеле и Фэн утверждают, что Даву, Компан, Дессэ, Дюплен и Рапп «были поражены в четверть часа» (*Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 25; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 74). Компан в письме своей жене пишет, что Рапп был ранен «через полчаса после того, как был послан Наполеоном командовать 5-й дивизией» (Компан – жене. 7 сентября 1812 г. // *Ternaux-Compans H.* P. 186). Ближе к версии самого Раппа утверждение капитана Кастелана, который пишет, что генерал-адъютант получил четыре раны в течение часа (*Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 149).

1696

Girod de l'Ain. Op. cit. P. 84; *Dessaix J., Folliet A.* Op. cit. P. 252–254.

1697

Girod de l'Ain. Op. cit. P. 85; *Dessaix J., Folliet A.* Op. cit. P. 255–256.

1698

Дневник поручика Фоссена. С. 470–471; *Gardier L.* Op. cit. P. 50.

1699

Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября. P. 359. О том, что 111-й вынужден был держаться леса, который все-таки, худо или бедно, защищал от огня, свидетельствует рассказ Фоссена о лейтенанте Дечорери. Лейтенант был ранен пулей в правую руку, выронил шпагу и побежал к перевязочному пункту. Однако вскоре оттуда вернулся и заявил, что «там падает столько же ядер, сколько у нас ружейных пуль, и остался у нас до вечера. На другой день он получил орден» (Дневник поручика Фоссена. С. 471).

1700

Рапорт 57-го линейного полка. P. 347; Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября. P. 357–358. К сожалению, рапорта 25-го полка не сохранилось.

1701

Le Roy C.-F.-M. Op. cit. P. 157.

1702

Bourgogne A.-J.-B.-F. The Memoires... P. 11–13.

1703

Ibid. P. 11–12.

1704

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S.89; *Suckow K.* Op. cit. P. 183; *Planat de la Faye N.-L.* Op. cit. P. 83.

1705

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 211. В русских переводах (См.: Французы в России. С. 155–156; Родина. 1992. № 6–7. С. 54) французское слово «boulet» (здесь – пушечное ядро) почему-то упорно переводится как «пуля». Вообще, смертельное ранение Ромёфа обросло легендами. Многие полагали, что это ранение произошло в одно время с контузией Даву (*Dennée P.-P.* Op. cit. P. 76; *Dedem de Gelder.* Op. cit. P. 237). По-видимому, более достоверна версия, из которой следует, что Ромёф был ранен вскоре после того, как сразило Монбрёна, то есть, вероятно, в начале 11-го. Последующее изложение Леженом событий это еще более подтверждает.

1706

Пеле Ж. Указ. соч. С. 77.

1707

Бутурлин Д. П. Указ. соч. С. 270; *Богданович М. И.* История Отечественной войны. Т. 2. С. 185–186, 188.

1708

Thiers L.-A. Op. cit. Т. 14. P. 330–334.

1709

Bulletins officiels... P. 103; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 128; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 81. Примеч. 21. Несмотря на глубину анализа Бородинского сражения, Пеле нередко допускал серьезные неточности. Так, захват «большого редута» он относил ко времени

между 12 и 13 часами только на том основании, что пленного генерал-майора П. Г. Лихачева привели к Наполеону, когда тот заканчивал завтрак (*Пеле Ж. Указ. соч. С. 84*). Однако, согласно свидетельству префекта двора Боссе, когда последний предложил в 12 часов Наполеону позавтракать, тот решительно отказался; и только позднее «съел кусочек хлеба и выпил стакан красного вина» (*Bausset L.-F.-J. Op. cit. P. 96*).

1710

Полагаем, что из всех отечественных и зарубежных исследователей это наиболее удалось А. В. Попову (*Попов А. И. Бой за деревню Семеновское. С. 57–61; Его же. Меж двух «вулканов». С. 17–18, 21–23, 30–33, 45–48*).

1711

О том, что д. Семеновское была временно захвачена французами до подхода Фриана, пишут Шамбрэ (*Chambray G. Op. cit. Т. 2. P. 62–63*), Кукель (*Kukiel M. Wojna 1812 roku. Т. 2. Str. 186*) и Кэйт (*Cate C. Op. cit. P. 242*). Об этом же говорится в черновике «Описания сражения...» К. Ф. Толя. Однако Бутурлин и Богданович хотя и написали об этой атаке, но, пытаясь уточнить, какие именно французские части атаковали, серьезно запутали вопрос. Как справедливо указал А. И. Попов, единственным относительно достоверным свидетельством этого эпизода следует считать только слова генерала Сокольниковского в пересказе Солтыка и расплывчатые свидетельства, исходящие от саксонцев, приведенные Церрини (*Soltyk R. Op. cit. P. 230; Попов А. И. Бой за деревню Семеновское. С. 57; Его же. Меж двух «вулканов». С. 17–18*).

1712

Рапорт Нея о Бородинском сражении. P. 136; *Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. P. 28*.

1713

См.: *Попов А. И. Меж двух «вулканов». С. 13–14*.

1714

Grünwald C. Op. cit. P. 152. Первые публикаторы этой рукописи приписывали ее Жану Бро де Марло (*Bréaut des Marlot*). В действительности, как установил А. Шюке (*Chuquet A. Lettres de 1812. P. 152, 155*), ее автором был Клод Орио. Упомянутый г-н де Грамон был су-лейтенантом того же 9-го кирасирского полка и значится среди убитых при Бородине (*Martinien A. Tableaux... P. 531; Martimprey A. Historique du 9 Régiment cuirassiers. P.; Nancy, 1888. P. 150*).

1715

Пеле Ж. Указ. соч. С. 79.

1716

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 236. См. также: *Friant*. Op. cit. P. 233.

1717

Brandt H. Mémoires. P. 40.

1718

См.: *Chambray G*. Op. cit. T. 2. P. 65.

1719

Chuquet A. 1812. Sér.2. P. 50, 61.

1720

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 211; *Soltyk R*. Op. cit. P. 230–231; *Thiers L.-A*. Op. cit. T. 14. P. 333;
Попов А. И. Меж двух «вулканов». С. 23.

1721

Об участии наполеоновской кавалерии во взятии д. Семеновское см.: *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 28–45.

1722

Журнал дивизии Фриана. P. 50; Ф.-М. Дюфур – Богарне. 28 января 1813 и 5 февраля 1813 г. // *Chuquet A*. 1812. Sér. 3. P. 345–346; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 127–128; *Friant*. Op. cit. P. 234.

1723

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 53; *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 30.

1724

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 52. Anm. 30; *Friant*. Op. cit. P. 234; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 80; *Thiry J*. Op. cit. P. 146; *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 32–33.

1725

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 63.

1726

Журнал дивизии Фриана. Р. 50; Ф.-М. Дюфур – Богарне. 28 января и 5 февраля 1813 г.; *Dedem de Gelder*. Op. cit. Р. 238; Friant. Op. cit. Р. 234–235; *Rivollet G.* Op. cit. Р. 252. В биографии Фриана, написанной его сыном Жаном-Франсуа, который был его адъютантом, утверждается, что рядом с 48-м располагался и испанский полк. Однако из истории полка Жозефа-Наполеона можно понять, что два батальона Ж.-Б. Чюди примерно до часу прикрывали орудия Пернети.

1727

Friant. Op. cit. Р. 234–235; Журнал дивизии Фриана. Р. 51; *Rivollet G.* Op. cit. Р. 252.

1728

Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 32. Гурго выражал большие сомнения по поводу правдоподобности этого эпизода (*Gourgaud G.* Op. cit. Р. 224).

1729

Chuquet A. 1812. Sér. 2. Р. 61; Извлечение из донесения 2-й дивизии 1-го корпуса // *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 104. Прилож. «Г».

1730

Dedem de Gelder. Op. cit. Р. 238; *Cate C.* Op. cit. Р. 242.

1731

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 16–18; *Попов А. И.* Новые сведения о Бородинском сражении. С. 51–55.

1732

Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. Р. 128; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 81.

1733

Girod de l'Ain. Op. cit. Р. 86; *Boppe P.* Les Espagnols... Р. 147.

1734

Girod de l'Ain. Op. cit. Р. 86–87.

1735

Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября. Р. 358; Дневник поручика Фоссена. С. 471.

1736

Pelleport P. Op. cit. Т. 2. Р. 26–27.

1737

Пеле Ж. Указ. соч. С. 83.

1738

Там же. С. 85.

1739

Lejeune L.-F. Op. cit. Р. 213. По мнению Фэна (Т. 2. Р. 31), гвардейская артиллерия в 80 орудий под командованием генерал-адъютанта Лористона, была брошена в дело еще до рейда Платова и Уварова; это маловероятно. Рапп утверждает, что из орудий гвардейской артиллерии в сражении приняло участие только 30 стволов. Неясно, о каких именно орудиях идет речь; включены ли в это число орудия, находившиеся изначально на «батарее Сорбье».

1740

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. Р. 31; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 88; С. 93. Примеч. 31; Сегюр Ф. П. Поход Наполеона в Москву. С. 32. По мнению Сегюра, император двинул Роге, только возвратясь из рекогносцировки. Пеле утверждает (С. 88), что дивизия Роге «присоединилась вечером».

1741

Пеле Ж. Указ. соч. С. 85. Примеч. 24. Пеле ссылается на донесение 2-й пехотной дивизии 1-го корпуса.

1742

Ф.-М. Дюфур – Богарне. 28 января и 5 февраля 1813 г. Р. 345–346; *Friant.* Op. cit. Р. 237–238; *Rivollet G.* Op. cit. Р. 252; *Borpe P.* Les Espagnols... Р. 147. Несмотря на серьезные ранения 7 сентября, генерал Фриан и его сын вскоре стали поправляться. 8 октября об их здоровье написал в письме метрдотель генерала Фриана Годо: хотя генерал мог передвигаться только рядом с кроватью, сын уже мог ходить, опираясь на костыли; кости и того, и другого повреждены не были (Годо – Лафоресту, метрдотелю принца Экмюльского, в Париж. Москва, 8 октября 1812 г. // *Lettres interceptées.* Р. 65–66).

1743

Thiry J. Op. cit. P. 148; *Blond G.* Op. cit. P. 343.

1744

В архиве Исторической службы министерства обороны Франции хранится записка генерала Дедема, помеченная Москвой 21 сентября 1812 г., об участии его бригады, состоявшей из 33-го линейного полка, в Бородинском сражении, а также отрывок записки Компана (?), из которых следует, что Фриан передал командование дивизией Дюфуру (SHD. 2С 131).

1745

Журнал дивизии Фриана. P. 51; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 129; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 85; *Thiry J.* Op. cit. P. 151. В журнале 2-й дивизии утверждается, что этой атакой продолжал руководить раненый Фриан; это маловероятно.

1746

Pelleport P. Op. cit. T. 2. P. 27.

1747

Пеле Ж. Указ. соч. С. 87–88.

1748

Дневник поручика Фоссена. С. 471; *Friant.* Op. cit. P. 241; Донесение 33-го линейного полка // *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 88. примеч. 26; *Dedem de Gelder.* Op. cit. P. 238.

1749

Попов А. И. Меж двух «вулканов». С. 51.

1750

Богданов Л. П., Свиридов Н. Г. Указ. соч. С. 293–294.

1751

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 100. Anm.69.

1752

Липранди И. М. Материалы для Отечественной войны 1812 года. С. 17–19; *Неелов Н. Д.* Указ. соч. С. 57; *Поликарпов Н. П.* Указ. соч. Вып. 2. С. 67.

1753

Скугаревский А. П. Указ. соч. С. 8.

1754

Богданов Л. П., Свиридов Н. Г. Указ. соч. С. 293.

1755

Богданов Д. Из воспоминаний // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 336.

1756

Соловьев Д. Б. Опыт реконструкции; Его же. Непрístupная крепость.

1757

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 171.

1758

См.: *Богданов Л. П., Свиридов Н. Г.* Указ. соч. С. 294; и др.

1759

См.: *Ларионов А. П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении. С. 117–123; *Богданов Л. П.* Указ. соч. С. 99 –109; и др.

1760

Рапорт Н. Н. Раевского // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 161; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 42–43; *Геруа А.* Указ. соч. С. 49; *Богданов Л. П.* Указ. соч. С. 102–104, 112–113; и др.

1761

Chambray G. Op. cit. Т. 2. Р. 55; *Thiers L.-A.* Op. cit. Т. 14. Р. 309, 311; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 62, 72–73; *Chandler D.* Campaigns of Napoleon. Р. 183; Idem. Borodino. Р. 198.

1762

Пеле Ж. Указ. соч. С. 65.

1763

Там же. С. 70.

1764

Приказы Наполеона Мюрату, Богарне, Ларибуазьеру; Общий приказ; 18-й бюллетень Великой армии; Рапорт Богарне о Бородинском сражении. Р. 131–132; Рапорт генерала Груши // SHD. 2С 287. F. 7.

1765

François C. Op. cit. Р. 787; Рапорт Жерара; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 33.

1766

Рапорт Жерара. Текст рапорта можно понять и так, что уже вечером 6-го 3-я дивизия переправилась через реку и разместилась влево от 1-й дивизии. Но, судя по другим материалам, Жерар перешел Колочъ все-таки 7-го.

1767

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. Р. 131; Журнал действий дивизии Прейзинга. Р. 193–194; *Попов А. И.* Бородинское сражение. С. 23, 27–28; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 133–134.

1768

Griois L. Op. cit. Р. 32; *Combe.* Op. cit. Р. 78–79; Рапорт Богарне о Бородинском сражении. Р. 131; Рапорт генерала Груши. F. 7–8; *Henckens J. L.* Op. cit. Р. 126; etc.

1769

Попов А. И. Бородинское сражение. С. 17. Калибр орудий в войсках Богарне установлен по: *Fabry G.* Op. cit. Т. 4. *Annexe.* Р. 265, 294. См. также: *Попов А. И.* «Укрепления Эжена Боарнэ».

1770

Приказ Ларибуазьеру; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 130; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. Р. 18; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 42.

1771

По-видимому, это касалось не только северного фланга, который предполагалось в ходе сражения заметно ослабить, но и центра, где возведенные эполемента также оказались довольно далеко от русских позиций.

1772

Ложье Ц. Указ. соч. С. 133. По тексту Ложье можно только догадываться, что это произошло, вероятно, утром 7-го.

1773

Приказ Богарне; Приказ Ларибуазьеру; Рапорт Богарне о Бородинском сражении. Р. 131; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. Р. 18; *Griois L.* Op. cit. Р. 33; *Thiers L.-A.* Op. cit. Т. 14. Р. 313. Тьер пишет о 5 или 6 мостах.

1774

См.: *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 130; *Богданович М. И.* История Отечественной войны. Т. 2. С.169; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 44, 53; *Попов А. И.* Бородинское сражение. С. 44. Примеч. 79; и др.

1775

Ложье Ц. Указ. соч. С. 132.

1776

François C. Op. cit. Р. 789. Из текста Франсуа следует, что дивизия Морана утром 7-го была на левом берегу Колочи и только позже переправилась на правый. Это ошибка.

1777

Griois L. Op. cit. Р. 32; *Austin P. B.* Op. cit. Р. 269.

1778

Ложье Ц. Указ. соч. С. 134; *Bertrand V.* Op. cit. Р. 124–125; *François C.* Op. cit. Р. 789; Французы в России. С. 145.

1779

Griois L. Op. cit. Р. 33–34.

1780

Об этом бое см.: *Попов А. И.* Бородинское сражение. С. 28–44.

1781

Рапорт Н. Н. Раевского; Из записок К. А. Крейца. 1837 г. // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 359; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 53; *Геруа А. В.* Указ. соч. С. 48–49; и др. А. И. Попов предполагает, что Крейц ошибся, указав наряду с Сибирским и Иркутским драгунскими полками Оренбургский полк (*Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 19. Примеч. 1).

1782

См., например: *Геруа А. В.* Указ. соч. С. 49; *Троицкий Н. А.* 1812. С. 168; Бородино. 1812 г. С. 173; *Duffy C.* Op. cit. P. 105–107; *Esposito J. R., Elting V. J.* Op. cit. Map. 17. Нафziger осторожно называет это «рекогносцировкой» (*Nafziger G.* Op. cit. P. 238).

1783

Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 354–355.

1784

Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2. С. 195.

1785

Геруа А. В. Указ. соч. С. 49.

1786

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992. С. 140.

1787

Бородино. 1812 г. С. 173.

1788

Троицкий Н. А. 1812. С. 168.

1789

Рапорт Жерара; *Bertrand.* Op. cit. P. 125; *François C.* Op. cit. P. 790; *Griois L.* Op. cit. P. 34; *Combe.* Op. cit. P. 79; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 77; *Grünwald C.* Op. cit. P. 134; *Chambray G.* Op.

cit. Т. 2. Р. 68; *Thiers L.-A.* Op. cit. Т. 14. Р. 68; Описание сражения... // Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 16. С. 114; *Бутурлин Д. П.* Указ. соч. С. 269; *Богданович М. И.* История Отечественной войны. Т. 2. С. 195; и др.

1790

Попов А. И. Меж двух «вулканов». С. 16–23; Его же. Немецкие войска... С. 47.

1791

Попов А. И. Немецкие войска... С. 47; Его же. Бородинское сражение. С. 60.

1792

Bulletins officiels. Р. 102–103; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. Р. 183; *Пюибюск.* Указ. соч. С. 78.

1793

См., например: *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 136.

1794

Даффи, а вслед за ним Нафziger ошибочно утверждали, что от этого обстрела особенно страдал русский 3-й кавалерийский корпус. Реально большая часть этого корпуса стояла в тылу за 6-м пехотным и не должна была страдать от огня более, чем пехота. Три драгунских полка во главе с Крейцем занимали позицию в тылу южного фланга батареи. Их обстрел мог бы иметь место только с юго-запада, из района, где французской артиллерии быть еще просто не могло.

1795

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. Р. 132; Bulletins officiels. Р. 102; *Rivollet G.* Op. cit. Р. 69. Лабом представил эту атаку батареи как некий экспромт Морана, который, отражая атаку русских, попытался перехватить инициативу и захватить Курганную высоту. Эта версия маловероятна.

1796

Два баденских полка, которые историками нередко включаются в число штурмовавших Курганную высоту (*Богданович М. И.* История Отечественной войны. Т. 2. С. 195; *Геруа А. В.* Указ. соч. С. 49; *Nafziger G.* Op. cit. Р. 238; и др.), в сражении вообще не участвовали.

1797

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. Р. 132; *François C.* Op. cit. Р. 791; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. Р. 183; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 68.

1798

Six G. Op. cit. Т. 1. Р. 123–124; Даву – военному министру. 17 ноября 1811 г. // Отечественная война 1812 г. Отд. 2. Т. 1. С. 99.

1799

François C. Op. cit. Р. 791–792. Первоначальный вариант воспоминаний Франсуа, который мы использовали, хотя и несколько сумбурен, но дает нам ценные подробности, которых нет в других изданиях этих мемуаров. Мы уже отмечали, что не можем принять те корректировки при описании первой атаки батареи Раевского, предложенные в 2016 г. Д. Б. Соловьевым. Во-первых, по причине того, что автор привлек для реконструкции события только издание 1903 г. Журнала Франсуа, во-вторых, по причине игнорирования им тех «отклонений» от регламента построения боевой линии, которые могли произойти в ходе реального боя.

1800

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 161.

1801

Из записок Н. Н. Раевского // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 381. В литературе распространено мнение, будто французам удалось захватить батарею, потому что заряды на ней иссякли (*Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 243; *Геруа А. В.* Указ. соч. С. 49; *Riehn R. K.* Op. cit. Р. 249). Это объяснение, вероятно, идет от Михайловского-Данилевского. Возможно, заряды и подходили к концу, но стрельба велась до последнего момента. Пороховой дым и «мертвое пространство», в которое попал 30-й возле батареи, способствовали его успеху. Не исключено также, что полк шел на батарею не в лоб, а с северо-запада, в то время как большая часть орудий стояла на левом фесе укрепления.

1802

François C. Op. cit. Р. 792. Франсуа, упоминая всюду «волчьи ямы», имеет в виду не только их, но и ров, уже заметно заполненный землей и телами живых и убитых людей.

1803

François C. Op. cit. Р. 792; Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 36; *Debidour A.* Le général Fabvier. Р., 1904. Р. 58–60.

1804

François C. Op. cit. P. 791; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 139.

1805

Austin P.B. Op. cit. P. 280.

1806

Thiers L.-A. Op. cit. Т. 14. Р. 328; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 77.

1807

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 139, 171, 174. См. также: Записки А. П. Ермолова. М., 1991. С. 191–192.

1808

Записки современников 1812 г. С. 117; Из записок В. И. Левенштерна // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 363. М. И. Кутузов подписал приказ о производстве фельдфебеля 18-го егерского полка Золотова в подпоручики за взятие французского генерала в плен (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 113).

1809

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 161–162.

1810

Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 16. С. 114.

1811

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 139–140, 175.

1812

Bulletins officiels... P. 102; *Chuquet A.* 1812. Sér. 3. P. 369.

1813

François C. Op. cit. P. 792.

1814

Письма Лейссера «с берегов Волги» // *Meerheim F. L.A.* Op. cit. S. 297. В литературе пишут то о 12 ранах (Кэйт), то о 16 (Нафziger), то о 17 (Дитфурт, Тири), то о 20 (Блонд). Наконец, французская «Большая энциклопедия», доведя драматизм до высшей точки, написала о 22 «ранах штыком»! (*Cate C.* Op. cit. P. 240; *Nafziger G.* Op. cit. P. 239; *Dithfurt M.* Op. cit. S.82; *Thiry J.* Op. cit. P. 147; *Blond G.* Op. cit. P. 343; *La Grand Enciclopédie.* P., s. d. T. 7. P. 242).

Вскоре Бонами стал поправляться. 10 сентября, увидев вокруг себя толпу любопытствующих русских мужиков, он испугался за свою жизнь уже с их стороны. «Ах, эти каналы нас перебьют!» – воскликнул он. Судьба Бонами в русском плену сложилась вполне благополучно. Русское правительство выделило специальное денежное содержание генералу, а 13 сентября Ростопчин вручил ему 1000 рублей. Наконец, Ермолов смог отправить Бонами в Орел, попросив отца «иметь непрерывное особенное о нем попечение». После войны с Францией генерал возвратился на родину. Умер в 1830 г. в родной Вандее. Имя Бонами красуется на Триумфальной арке в Париже.

1815

François C. Op. cit. P. 792.

1816

Ibid. P. 793–794. Кастелан упоминает о том, как уже в Москве, Раска (Rascas), один из командиров батальона 30-го линейного, обедая у генерал-адъютанта Нарбонна, подробно описывал, как он получил русскую пулю в кивер, к счастью для него, поверх головы, во время атаки «большого редута» (*Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 170).

1817

Ложье Ц. Указ. соч. С. 139.

1818

François C. Op. cit. P. 792.

1819

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. P. 132; *Larrey D.-J.* Op. cit. P. 45; *Chuquet A.* 1812. Sér. 3. P. 369; *Thiry J.* Op. cit. P. 147; *Понов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 20.

1820

Рапорт Жерара; Рапорт Богарне о Бородинском сражении. P. 132.

1821

Рапорт Жерара.

1822

Bertrand V. Op. cit. P. 125–127.

1823

Ложье Ц. Указ. соч. С. 141. Изобилующий ошибками и неточностями при переводе русский текст книги Ложье мы исправили по тексту французского издания. Кстати, Ложье полагал, что именно в этой атаке был убит А. И. Кутайсов. Вслед за Ложье, об этом написал и Бриттен Остин (*Austin P. B.* Op. cit. P. 380. Note 10).

1824

Рапорт Богарне о Бородинском сражении; Рапорт Жерара; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 141.

1825

Griois L. Op. cit. P. 34–35; Французы в России. С. 145.

1826

Ложье Ц. Указ. соч. С. 140; *Rivollet G.* Op. cit. P. 69.

1827

Bulletins officiels. P. 102–103; Рапорт Богарне. P. 132.

1828

Записки современников 1812 г. С. 140–142.

1829

Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 127.

1830

Brandt H. Mémoires. P. 38–39; *Pajol.* Op. cit. P. 43; *Biot H.-L.* Op. cit. P. 34–35; *Понов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 23–24.

1831

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 333.

1832

Записки А. П. Ермолова. С. 192.

1833

François C. Op. cit. P. 793.

1834

Chuquet A. 1812. Sér. 3. P. 349; *Debidour A.* Op. cit. P. 59–60.

1835

Combe. Op. cit. P. 81.

1836

Six G. Op. cit. T. 2. P. 50–51; *Larrey D.-J.* Op. cit. P. 45.

1837

Bourgogne A.-J.-B.-F. The Memoires. P. 8.

1838

Brandt H. Mémoires. P. 38–39; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 79; *Pajol.* Op. cit. P. 43. Мы не можем согласиться с широко распространенной версией, будто Наполеон решил передвинуть дивизию Клапареда влево, только когда узнал о рейде Платова и Уварова (*Soltyk R.* Op. cit. P. 235–236; *Богданович М. И.* История Отечественной войны. Т. 2. С. 208; *Dithfurt M.* Op. cit. S. 84; *Cate C.* Op. cit. P. 241–242). Все говорит за то, что выдвижение Клапареда произошло раньше начала знаменитой русской диверсии. Необходимость передвижения Клапареда влево возникла прежде всего потому, что вследствие неудачи Богарне при взятии батареи во французских линиях открылась огромная брешь.

1839

В рапорте Богарне ничего не сказано о подготовке этой атаки, которая так и не состоялась вовремя. Однако Шамбрэ, Сегюр и Ложье прямо об этом пишут, а материалы Гриуа и русской стороны это подтверждают.

1840

Griois L. Op. cit. P. 35; *Combe.* Op. cit. P. 83. Даффи утверждает, что кроме бригады Готрена на левый фланг была переброшена 6-я дивизия тяжелой кавалерии Лагуссе и 25-й

конноегерский из легкокавалерийской бригады Жерара (*Duffy C. Op. cit. P. 121*). Исследование этого вопроса А. И. Поповым не подтвердило мнения Даффи. У нас также нет оснований соглашаться с версией английского исследователя. Из материалов Комба и Гриуа следует, что на левый фланг была отправлена только 11-я легкокавалерийская бригада.

1841

Ложье Ц. Указ. соч. С. 145; *Попов А. И.* Бородинское сражение. С. 69–70.

1842

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 70. В принципе, можно было бы возразить в том смысле, что благодаря этим частям французы получили возможность провести основательную артиллерийскую подготовку, обрушив валы «редута» и нанеся страшные потери русским войскам. Это было бы так, если бы одновременно от русского огня не страдали массы французской кавалерии, поставленной на убой в тщетном ожидании скорой атаки.

1843

См., например: *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 44–49.

1844

Записки А. П. Ермолова. С. 192–195; Рапорт А. П. Ермолова // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 171–172; Донесение М. И. Кутузова // Там же. С. 140; Рапорт Н. Н. Раевского. С. 162; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 72; и т. д.

1845

Описание сражения... // Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 16. С. 117; Донесение М. И. Кутузова. С. 139; Рапорт М. Б. Барклая-де-Толли // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 175; *Бутурлин Д. П.* Указ. соч. С. 281–282; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 56–57, 72; и др. Наиболее удачную попытку определить размещение русской артиллерии предпринял Ларионов (С. 123–131).

В целом предложенный нами вариант размещений русских войск, особенно пехоты, накануне решающего штурма батареи Раевского, не может считаться единственно правильным. Пехота 4-го корпуса могла стоять и без «загиба», а быть размещена порядками «вглубь» за батареей. Такой вариант, к примеру, предложил герцог Г. Лейхтенбергский (Первая кирасирская бригада и, в частности, конная гвардия в Бородинском бою // ВИС. 1913. № 3. С. 83–90).

1846

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S.84–85; Meerheim F. L.A. Op. cit. S. 94, 96; Minckwitz A. Op. cit. S. 10; Dithfurth M. Op. cit. S.95; Попов А. И. Меж двух «вулканов». С. 44, 49.

1847

La manuscript des carabiniers... Р. 209; *Seruzier T.-J.-J.* Op. cit. Р. 211; *Васильев А. А.* Французские карабинеры при Бородино. С. 8; *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 44, 49.

1848

См.: *Pajol*. Op. cit. Р. 43–44; *Biot*. Op. cit. Р. 35; *Vossler H. A.* Op. cit. Р. 61; *Попов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 44; Его же. Боевые действия... С. 242–244.

1849

Рот фон Шрекенштайн, Дитфурт и другие располагали 2-й кавалерийский корпус на весьма обширном пространстве. Сомневавшийся в правильности этого, Скугаревский даже предположил, что 2-й корпус мог разместиться за дивизией Жерара, и только когда последняя продвинулась вперед к «редуту» на 300–400 шагов, он смог раз.

1850

Dumonceau F. Op. cit. Т. 2. Р. 139; *Chlapowski D.* Lettres... Р. 268.

1851

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. Р. 133; Рапорт Жерара. Примерное расположение полков дивизии Морана и Брусье предложено на основе их последующего участия в бою.

1852

См. «Историческую записку 9-го линейного полка», пространно цитируемую П. А. Жилиным (*Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 158–160). *Journal de marche et operations du 9-e regiment de ligne*.

1853

Griois L. Op. cit. Р. 36–37; *Grünwald C.* Op. cit. Р. 150; *Holzhausen P.* Die Deutschen in Rußland. S. 98; *Combe*. Op. cit. Р. 79–80; *Henckens J. L.* Op. cit. Р. 128.

1854

Grünwald C. Op. cit. Р. 150; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 71.

1855

Богданович М. И. История Отечественной войны. Т. 2. С. 205–206; *Геруа А. В.* Указ. соч. С. 51; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 72.

1856

См., например: *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 213.

1857

Chuquet A. 1812. Sér.1. P. 77.

1858

Griois L. Op. cit. P. 36. Гриуа ошибается: вюртембергского кирасирского полка не было, было два вестфальских, находившихся в 4-м кавалерийском корпусе, которые действительно в это время подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Хотя ряд явных неточностей имеется и в последующих строках Гриуа, но общая картина нарисована весьма ярко и впечатляюще.

1859

Meerheim F. L.A. Op. cit. S. 95; *Понов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 49.

1860

Malachowski S. Op. cit. Str. 106.

1861

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 85–86; 88. Anm. 55; Anm. 56; S. 89, 92–94. См. также: *Holzhausen P.* Die Deutschen in Rußland. S.97. Дитфурт (S.103), а также другие исследователи (например, А. И. Попов) обнаружили в книге Рот фон Шреккенштайна ряд неточностей, в том числе в отношении периода «стояния» под русским огнем.

1862

Pajol. Op. cit. P. 44; *Biot H.-F.* Op. cit. P. 36; *Понов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 47.

1863

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S. 98.

1864

Combe. Op. cit. P. 79.

1865

Griois L. Op. cit. P. 36–37.

1866

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S.89.

1867

Pajol. Op. cit. P. 43–44; *Biot.* Op. cit. P. 35; *Seruzier T.-J.-J.* Op. cit. P. 211; *Понов А. И.* Меж двух «вулканов». С. 44–45. Несмотря на то что Серюзье был заметно пьян в день сражения и несмотря на восторженно-завиральный стиль его воспоминаний, мы склонны думать, что какие-то проблески правды в его мемуарах все же есть.

1868

В основном источнике о действиях французских карабинеров «*Le manuscript des carabiniers*» об этой атаке ничего не сказано. Атака описывается по: *Pajol.* Op. cit. P. 44; *Biot H.-F.* Op. cit. P. 36–37, и по воспоминаниям трубача-карабинера К. Шееля (*Schehl K.* Op. cit. S.68). На основе очень путаных русских материалов (Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 140, 175, 359; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 16. С. 117; и др.) эту атаку можно отнести и к первой, и ко второй половине дня, а пехотными полками, отбившими ее, можно в равной степени полагать как части 4-го пехотного корпуса, так и 4-й пехотной дивизии.

1869

По версии А. Коленкура, формальное назначение его брата командиром кавалерийского корпуса состоялось, когда тот, получив известие о смерти Монбрёна, предварительно съездил к правому флангу.

1870

Bausset L.-F.-J. Op. cit. P. 94; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 426.

1871

Seruzier T.-J.-J. Op. cit. P. 213; *Dithfurth M.* Op. cit. S. 101–102.

1872

Rapp J. Op. cit. P. 205–206; *Сегюр Ф. П.* Поход на Москву. С. 38; *Griois L.* Op. cit. P. 37; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 128. Во французском изд. 1895 г. мемуаров Лежена, которым мы пользовались, этих строк нет. Они имеются в первом французском изд., использованном в известных русских переводах (Французы в России. С. 156; Родина. 1992. № 6–7. С. 54).

1873

Rapp J. Op. cit. P. 206. Косвенно об этом свидетельствуют и мемуары Серюзье (P. 213).

1874

Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 38.

1875

Dennée P.-P. Op. cit. P. 76; *Сегюр П. Ф.* Поход в Москву. С. 38.

1876

В 2007 г., во время археологических работ у северного фаса батареи Раевского, был найден орден Воссоединения, по всей видимости, принадлежавший О. Коленкуру. Орден имеет повреждение, оставленное пулей.

1877

А. Коленкур – графине Нансути. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 252. Л. 4 –4а; *Lettres interceptées*. P. 151.

1878

Austin P. B. Op. cit. P. 305. Автор ссылается на свидетельство Майи-Неля. Нам неизвестно, было ли сердце в действительности забальзамировано.

1879

Если принять во внимание место обнаружения ордена Воссоединения и согласиться с версией принадлежности его О. Коленкуру, а также предположить, что во время многократных земляных и прочих работ на Курганной высоте на протяжении почти 200 лет этот орден никуда не переместился и указывает на место гибели генерала, то можно предположить, что французские кирасиры обогнули батарею с юго-востока и проникли внутрь укрепления с северо-востока, а сам генерал погиб уже внутри батареи. Однако текст 18-го бюллетеня этой версии определенно противоречит.

1880

Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. P. 128; *Bulletins officiels*. P. 103.

1881

Пеле Ж. Указ. соч. С. 84.

1882

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 70–71; *Thiers L.-A.* Op. cit. T. 14. P. 341–342; *Thiry J.* Op. cit. P. 148–149; *Blond G.* Op. cit. P. 344; *Tranie J., Carmigniani J.-C.* Op. cit. P. 163; *Hourtoulle F. G.* Op. cit. P. 54, 48, 90 (Note 1), 106, 108.

1883

Рапорт генерала Тильмана. С. 46. Рапорт был опубликован впервые, как представляется, только в 1896 г.

1884

Cerrini di Monte Varchi C. F.X. Die Feldzuge...; Idem. Bruchstucke... S. 378–384; *Burkersroda.* Op. cit. S. 10.

1885

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 101. Anm. 64.

1886

Ibid. S. 117. Anm. 76; S. 118. Anm. 77; S. 119. Anm. 78; S. 121.

1887

Meerheim F. L.A. Op. cit. S.99, 104–105; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 14.

1888

Ditfurth M. Op. cit. S. 104–106.

1889

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S. 100–102.

1890

Duffy C. Op. cit. P. 125–126, 128; *Cate C.* Op. cit. P. 247; *Riehn R. K.* Op. cit. P. 252–253; *Nafziger G.* Op. cit. P. 246; *Austin P. B.* Op. cit. P. 303; *Palmer A.* Op. cit. P. 126; *Chandler D.* Campaigns of Napoleon. P. 805; Idem. Borodino. P. 201–202.

1891

Бутурлин Д. П. Указ. соч. С. 282–283; *Глинка Ф. Н.* Указ. соч. С. 380; *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 263. Об этом писал и Ермолов в своих «Записках».

1892

Скугаревский, вероятно не будучи знаком с версией Рот фон Шрекенштайна, недоумевал, откуда у Богдановича появился этот «невероятный маневр», когда кавалерия Коленкура должна была вначале пройти перед всем фронтом редута, обогнуть его и, наконец, атаковать с северной стороны.

1893

Геруа А. В. Указ. соч. С. 56–57; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 73. Примеч.; *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона... С. 144.

1894

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. С. 159; *Троицкий Н. А.* 1812. С. 169–170; *Бескровный Л. Г.* Отечественная война. С. 392; Бородино. 1812. С. 191.

1895

Васильев А. А. Французские карабинеры при Бородино. С. 8.

1896

Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 2. Str. 194–195.

1897

Fezensac M. Op. cit. P. 32; *Fabry G.* Op. cit. T. 3. Annexe. P. 195; *Chuquet A.* 1812. Sér.3. P. 326; *Labaume E.* Op. cit. P. 137.

1898

Henckens J. L. Op. cit. P. 128.

1899

В поименных списках убитых и раненых офицеров рядом с фамилией раненого 7 сентября 1812 г. лейтенанта Девэна де Фонтенэй, состоявшего в 5-м кирасирском полку и бывшего адъютантом командира бригады генерала Бомона, Мартиньен счел возможным сделать примечание, вероятно перенесенное им из официальной бумаги, о том, что тот «вошел первым в большой редут во главе 5-го кирасирского полка» (*Martinien A.* Tableaux... P. 50).

1900

Le Manuscrit de carabiniers. P. 213.

1901

Martinien A. Tableaux. P. 518–519, 526, 529–530, 532, 582. Интересно сопоставить и списки награжденных. 11 октября орденом Почетного легиона в 5-м кирасирском было награждено 4, в 8-м кирасирском – 6, в 10-м кирасирском – 7, во 2-м шевалежском – 5 человек. В то же время в 1-м карабинерном – 7, во 2-м карабинерном – 8 (РГАДА. Д. 284. Ч. 3. Л. 132–134).

1902

Grünwald C. Op. cit. P. 150.

1903

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 426–428; *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 150; *Сегюр П. Ф.* Поход в Москву. С. 38. У Тири (Р. 149) имеется ссылка на «рапорт Вольбера», но возможно, что автор использовал просто пересказ слов адъютанта в изложении А. Коленкура.

1904

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 93–94; *Meerheim F. L.A.* Op. cit. S. 97–99; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 12.

1905

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 95.

1906

Ibid. S. 96. Anm. 61; S. 98. Anm. 62; *Meerheim F. L.A.* Op. cit. S. 100–101; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 13.

1907

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 98. Возможно, именно на этого офицера обратили внимание и Лабом, и Брандт, чуть позже саксонцев появившиеся в укреплении. Лабом писал: «Я заметил... труп русского артиллериста, у которого было три ордена в петлице: казалось, что храбрец еще дышит; в одной руке он держал обломок сабли, а другой крепко обнимал пушку, которой так хорошо послужил». Брандт вспоминал, что «у бруствера стоял, прислонившись к пушке, офицер штаба с зияющей раной на голове» («офицер штаба» – во французском тексте, в русском переводе он превратился в «пожилого солдата»). Не исключено, что незабываемый образ русского офицера появился в одном из воспоминаний, скорее всего, у Лабомы, а затем стал «кочевать» по другим мемуарам.

1908

Meerheim F. L.A. Op. cit. S.99 –101; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 12–13; *Roth von Schreckenstein M.* Op. cit. S. 98; *Burkersroda.* Op. cit. S. 10; *Ditfurth M.* Op. cit. S. 106; *Holzhausen P.* Die Deutschen in Rußland. S. 99 –101; etc.

1909

Текст «Исторической справки» опубликован П. А. Жилиным (*Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии... С. 158–160); *Journal de marche et operations du 9-e regiment de ligne.* См. также: *Labaume E.* Op. cit. P. 138.

1910

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. P. 133; *Chuquet A.* 1812. Sér.3. P. 326; etc.

1911

Рапорт Жерара; Рапорт Богарне о Бородинском сражении. P. 133–134; *Le Manuscrit de carabiniers.* P. 210–213.

1912

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. P. 133; *Guillaume de Vaudoncourt F.-F.-G.* Op. cit. P. 185; etc.

1913

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S.95.

1914

Ibid. S.96. Anm. 56; S. 97. Anm. 62; S. 98 –102.

1915

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 103.

1916

Ibid. S. 104–105; *Ditfurth M.* Op. cit. S. 109.

1917

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 175–176, 365–366.

1918

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 105–108; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 15; *Meerheime F. L.A.* Op. cit. S. 116; *Ditfurth M.* Op. cit. S. 112. Anm. 1.

1919

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 109–111; Anm. 70; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 15. Во время Бородинского сражения саксонские кирасиры, по меньшей мере, дважды были приняты французскими кавалеристами за русских и атакованы. Одними из атаковавших были «краснохвостые» (Rothschwanze) карабинеры (*Meerheim F. L.A.* Op. cit. S. 109; *Burkersroda.* Op. cit. S. 10).

1920

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 111.

1921

Ibid. S. 111; Anm. 72.

1922

Le Manuscrit de carabiniers. P. 209–210; *Васильев А. А.* Французские карабинеры... С. 8–9.

1923

Le Manuscrit de carabiniers. P. 210–212; *Васильев А. А.* Французские карабинеры... С. 9–10.

1924

Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. S. 102.

1925

Grünwald C. Op. cit. P. 150–151; *Henckens J. L.* Op. cit. P. 128–129; *Griois L.* Op. cit. P. 54; *Ditfurth M.* Op. cit. S. 113–114; *Combe.* Op. cit. P. 84. У Комба явно смешались воедино события на северном берегу Колочи и возле «редута».

1926

Рапорт Богарне о Бородинском сражении. P. 134.

1927

Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 29; *Grouchy.* Op. cit. P. 54; *Griois L.* Op. cit. P. 38–39.

1928

См., в том числе: Рапорт генерала Груши (SHD. 2С 287); *Земцов В. Н.* Бородинское сражение в малоизвестных рапортах генералов Великой армии. С. 211–213.

1929

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 160, 176.

1930

Brandt H. Mémoires. P. 41–42.

1931

Ibid. P. 42; *Labaume E.* Op. cit. P. 141.

1932

Labaume E. Op. cit. P. 144.

1933

Bertrand V. Op. cit. P. 127.

1934

Рапорт Жерара.

1935

Brandt H. Mémoires. P. 43; *Кутузов М. И.* Сборник документов. М., 1955. Т. 4. Ч. 1. С. 377, 396–398; *Cate C.* Op. cit. P. 250.

1936

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 218.

1937

Ségur Ph.-P. Histoire de... P., 1825. Т. 1. P. 415–416; *Dumas M.* Op. cit. P. 439; *Понов А. Н.* Указ. соч. С. 2.

1938

См. также: *Лоссберг*. Указ. соч. С. 34, 39; *Dupuy V.* Op. cit. P. 181; etc.

1939

Chuquet A. 1812. Sér. 2. P. 53–54.

1940

Chambray G. Op. cit. T. 2; *Ségur Ph.-P.* Histoire de... 1825. T. 1.

1941

Gourgaud G. Op. cit.

1942

Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2; *Пеле Ж.* Указ. соч.; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit.; *Pelleport P.* Op. cit. T. 2; *Dumas M.* Op. cit.; *Dennée P.-P.* Op. cit.; *Lejeune L.-F.* Op. cit.

1943

Граббе П. X. 1812 год // РА. 1873. Кн. 3. Стлб. 463.

1944

Харкевич В. П. Указ соч. С. 170. Примеч.

1945

Бутурлин Д. П. Указ. соч. С. 290–291.

1946

Витмер А. Бородинский бой. С. 101, 126–127, 155–156, 158–159.

1947

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 452–456.

1948

См., например: *Земцов В. Н.* Насморк полководца, или Наполеон в Бородинском сражении. Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С. 349–374; Его же.

Наполеон в Бородинском сражении (опыт микроисторического исследования) Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 6–7 сентября 1999 г. Можайск, 2000. С. 56–84; и др.

1949

Mailly-Nestle. Mon journal pendant la campagne de Russie // Bertin G. Op. cit. P. 78.

1950

Thiers L.-A. Op. cit. T. 14. P. 328–329; Tranie J., Carmigniani J.-C. Op. cit. P. 155–156; Le Seigneur B.-J., Lacombe E. Op. cit. P. 69; etc.

1951

Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 32.

1952

Pion des Loches A.-A. Op. cit. P. 290; Французы в России. С. 147.

1953

Dumas M. Op. cit. P. 439–440; Пеле Ж. Указ. соч. С. 78–79. См. также: Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2. P. 22.

1954

Bausset L.-F.-J. Op. cit. P. 90–92; Soltyk R. Op. cit. P. 218; Denniée P.-P. Op. cit. P. 75.

1955

Soltyk R. Op. cit. P. 218; Dedem de Gelder. Op. cit. P. 236; Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 32; Pion des Loches A.-A. Op. cit. P. 290; Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 150; Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 65; etc.

1956

Bausset L.-F.-J. Op. cit. P. 96.

1957

Dumonceau F. Op. cit. P. 138; Pion des Loches A.-A. Op. cit. P. 290.

1958

Le Roy C.-F.-M. Op. cit. P. 157. По другим свидетельствам, приказ Нею был передан через генерал-адъютанта Мутона.

1959

Suckow K. Op. cit. P. 181. Пеле свидетельствует, что Наполеон через Мутона, графа Лобо, действительно вызывал Нею за получением приказаний от императора (*Пеле Ж.* Указ. соч. С. 78. Примеч.).

1960

«Это промедление, – писал Шамбрэ, – стоило 1/2 часа; запаздывание оказало великое влияние на весь ход сражения, а затем и на судьбу Наполеона» (*Chambray G.* Op. cit. Т. 2. P. 65).

1961

Boulart J.-F. Op. cit. P. 254–255.

1962

Dupuy V. Op. cit. P. 181; Французы в России. С. 144; ЧОИДР. 1972. Кн. 1. С. 111; *Пюибюск.* Указ. соч. С. 70; *Бутурлин Д. П.* Указ. соч. С. 290–291; России двинулись сыны... С. 409; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. P. 78; Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 32; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 218–219; *Dennée P.-P.* Op. cit. P. 78–79; *Thiers L.-A.* Op. cit. Т. 14. P. 345; *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М., 1937. С. 402; *Riehn R. K.* Op. cit. P. 255–256.

1963

Bulletins officiels. P. 104.

1964

Gourgaud G. Op. cit. P. 215, 233–238, 242; etc.

1965

Пеле Ж. Указ. соч. С. 93–94. Сам Пеле утверждал (С. 93–94. Примеч.), что не помнит, «чтобы кто-либо требовал помощи гвардии или жаловался на ее удаление».

1966

Bausset L.-F.-J. Op. cit. P. 99 –100; *Pelleport P.* Op. cit. Т. 2. P. 27; etc.

1967

Chandler D. Campaigns of Napoleon. P. 801, 804–805, 807; *Duffy C.* Op. cit. P. 117–119; *Nicolson N.* Op. cit. P. 79; *Nafziger G.* Op. cit. P. 249; etc.

1968

Chambray G. Op. cit. Т. 2. P. 33; *Пеле Ж.* Указ. соч. Приложение; *Fabry G.* Op. cit. Т. 4. Situation de la Grand Armée. P. 340–346, 348–349.

1969

Сегюр Ф. II. Поход на Москву. С. 32; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 31; *Soltyk R.* Op. cit. P. 235–236.

1970

Dumonceau F. Op. cit. Т. 2. P. 139.

1971

История об этой поездке принадлежит перу исключительно одного Фэна (*Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 32–33), который что-то напутал. Что же касается Пеле, который в то время мог находиться в районе Семеновского оврага, то этот эпизод им был включен явно под влиянием Фэна (*Пеле Ж.* Указ. соч. С. 83).

1972

Эта фраза, приведенная впервые в мемуарах Раппа (*Rapp J.* Op. cit. P. 206–207), по его мнению, сказанная Наполеоном в ответ на просьбы Бельяра, затем попала в другие воспоминания и работы.

1973

Dennée P.-P. Op. cit. P. 78; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 38; *Сегюр Ф. II.* Поход на Москву. С. 34–37, 40.

1974

Цит. по: *Французы в России.* С. 157.

1975

Pion des Loches A.-A. Op. cit. P. 291; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 31; *Сегюр Ф. II.* Поход на Москву. С. 32.

1976

Pion des Loches A.-A. Op. cit. P. 291; *Boulart J.-F.* Op. cit. P. 255; *Dennée P.-P.* Op. cit. P. 78–79.

1977

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 427; *Lejeune L.-F.* Op. cit. P. 215–216; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 84. Примеч. 23; *Soltyk R.* Op. cit. P. 242; etc.

1978

Гувион Сен-Сир отметил, что «теперь Наполеон не столько желал его (сражения. – В.З.), как прежде, и полагаю, предпочел бы дойти до Москвы, не давая сражения, потому что у него далеко не прежние вероятности успеха» (Цит. по: ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 109). Вильсон: «Бонапарт еще до битвы при Бородине понял, что не сможет уничтожить русскую армию и силою вынудить мир. Но он рассчитывал, что взятие Москвы испугает императора и даст возможность взбунтовать страну» (Вильсон Р. Т. – герцогу Глостерскому. 27 сентября 1812 г. // Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 197). Решение Наполеона переориентироваться, главным образом, на политические средства Вильсон считал глубоко ошибочным. «Для Наполеона лучше было бы, – писал Вильсон в “Повествовании о случившемся...” – осознав всю опасность, обратиться исключительно к военным мерам, а не возлагать надежды на политические интриги, которые лишь задерживали исполнение военных планов до тех пор, пока не стало уже слишком поздно» (Там же. С. 286). По нашему мнению, Наполеон окончательно решил на изменение стратегического плана только в ходе Бородинского сражения.

1979

О поездке императора по полю боя 7 сентября писали многие, в том числе несколько ее участников или свидетелей (А. Коленкур, Дюма, Пеле, Роос). В отношении Солтыка и Серюзье не ясно, видели ли они эту поездку сами или только слышали о ней. Повествовал об этом и Сегюр, который, в рекогносцировке и не участвовал, но рассказ которого не противоречит другим достоверным свидетельствам («Дорожный дневник» Коленкура. P. 423. Note 1; *Dumas M.* Op. cit. P. 438; *Soltyk R.* Op. cit. P. 244; *Seruzier T.-J.-J.* Op. cit. P. 214; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 85–88; *Роос Г.* Указ. соч. С. 123; *Сегюр Ф. П.* Поход на Москву. С. 40). Коленкур, потрясенный смертью брата, не смог, однако, в деталях воспроизвести обстоятельства этой поездки, однако его «Дорожный дневник» хотя и предельно лаконичен, но точен. Отметим в этой связи, что заявление Дюма, будто Наполеон сел на лошадь около 6.30, выглядит совершенно неубедительным.

1980

Роос Г. Указ. соч. С. 160. Г. А. Фосслеру, лейтенанту прусского гусарского полка «Герцога Людвига», оказавшемуся на перевязочном пункте Рооса, тоже показалось, что Наполеон «выглядел равнодушным и отчужденным» (*Vossler H. A.* Op. cit. P. 63).

1981

Наполеон – Марии-Луизе. Бородино, 8 сентября 1812 г. // *The Letters of Napoleon.* P. 97.

1982

Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 40–41. Неизвестный полковник Д., отправивший интенданту Пюибюску в Смоленск письмо, помеченное 9 вечера 7 сентября (!), утверждал, что «после дела» видел «Наполеона объезжающим поле боя». Полковнику Д. показалось, что Наполеон «светился, он потирал руки и повторял с удовольствием: пять мертвых русских против одного француза». «Я думаю, – отметил Д. – он принимал немцев за русских» (Копия письма полковника Д.-г-ну Д.П. (Пюибюску. – В.З.) в Смоленск. Можайск, 7 сентября 1812 г., 9 часов вечера // [*Puibuisque L.-G.*] *Op. cit.* P. 75–80.

1983

Офицер 3-го полка гвардейских пеших гренадер – отцу. Москва, 24 сентября 1812 г. // РГАДА. Ф.268. Л. 150об.

1984

Ральф, офицер 3-го полка гвардейских пеших гренадер, – отцу, в Утрехт // Там же. Л. 151об.

1985

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.3605. Ч. 1. Л. 34 –39об.

1986

Ф.-Ш. Лист, капитан конной артиллерии императорской гвардии, – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 150; *Lettres interceptées...* P. 25. Упоминаемый в письме Мартин Де Врие (*De Vriès*), тоже голландец, капитан гвардейской артиллерии, состоявший под командованием генерала Дево. Лист отмечает, что отличие Де Врие в битве сослужит последнему хорошую службу, «так как из-за его шутовства, он на не очень хорошем счету в полку. Теперь он получит крест».

1987

Pion des Loches A.-A. P. 291–292. См. также: *Martinien A. Tableaux...* 1895. P. 645.

1988

Martinien A. Tableaux... 1895. P. 67, 109, 636, 645.

1989

Brandt H. Mémoires. P. 47.

1990

См., например: *Pion des Loches A.-A.* Op. cit. P. 293. В 18-м бюллетене Наполеон сознательно искажил положение дел, написав, что «гвардия, ни пешая, ни конная, не участвовала [в сражении] и не потеряла ни одного человека» (*Bulletins officiels*. P. 104).

1991

Кастелан (P. 150) пишет о 6 вечера, тогда как в «Дорожном дневнике» Коленкура (P. 423. Note 1) – о 7.

1992

Gourgaud G. Op. cit. P. 242, 253; *Dumonceau F.* Op. cit. T. 2. P. 143; *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 328; *Dumas M.* Op. cit. P. 440; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 85–86; планы Пеле и Ларрея. На основе некоторых свидетельств можно подумать, что палатки были где-то у Большой Московской дороги (*Vionnet de Maringoné L.-J.* Op. cit. P. 14; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 423. Note 1; etc).

1993

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 143.

1994

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 151; *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 328.

1995

Fain A.-J.-F. Op. cit. T. 2. P. 43–44; *Dumas M.* Op. cit. P. 440–441; *Сегюр Ф.-П.* Поход на Москву. С. 41; и др.

1996

Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 151, 168, 175–176, 181.

1997

Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 112.

1998

Там же. С. 378.

1999

См., например: Рапорт генерал-лейтенанта Багговута, командира 2-го пехотного корпуса, Барклаю-де-Толли. Сентябрь 1812 г. // Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 187.

2000

Витмер А. Бородинский бой. С. 165–166.

2001

Троицкий Н. А. 1812. С. 173–174.

2002

Журнал дивизии Фриана. Р. 51; *Пеле Ж.* Указ. соч. С. 88. Примеч. 26.

2003

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. P. 44.

2004

Pelleport P. Op. cit. T. 2. P. 29–30.

2005

Bonnet. Op. cit. P. 660.

2006

Suckow K. Op. cit. P. 185.

2007

Дневник поручика Фоссена. С. 472.

2008

Сегюр П. Ф. Поход в Москву. С. 41; *Pelleport P.* Op. cit. T. 2. P. 28.

2009

Dutheillet de Lamothe A. Op. cit. P. 45; Дневник поручика Фоссена. С. 47; Лейтенант Паради – м-ль Ж. Бонграс // *Grünwald C.* Op. cit. P. 164; *Le Roy C.-F.-M.* Op. cit. P. 159; *Chuquet A.* Op. cit. Sér. 1. P. 155. Ле Руа описывает интересный эпизод, происшедший за час до его встречи с

сыном. Когда баталия была уже на исходе, русское ядро долетело до роты вольтижеров 1-го батальона. Капитан Гобер, видя, что ядро летит прямо на капрала, который стоял спиной и не видел летящего снаряда, рванул солдата к себе, пытаясь спасти. Ядро ударилось рядом о землю, но рикошетом ударило капитана в грудь. Хотя видимых следов повреждения не было, сильнейшая контузия вызвала удушье, от которого он немедленно скончался. В одежде несчастного Гобера товарищи обнаружили тысячу экю золотом, не считая 10 тыс. франков, которые были у него в кассе полка (*Le Roy C.-F.-M.* Op. cit. P. 159).

2010

Gardier L. Op. Cit. P. 51–52; *Teste F.-A.* Op. cit. P. 740.

2011

Ternaux-Campans H. Op. cit. P. 184–186.

2012

Girod de l'Ain. Op. cit. P. 84.

2013

Даву – жене. 8 сентября 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville).* Op. cit. P. 168; *Dumas M.* Op. cit. P. 441; *Larrey D.-J.* Op. cit. P. 47–48. О смерти Ромёфа в ночь на 9 сентября говорят и другие материалы (*Six G.* Op. cit. T. 2. P. 388; *Martinien A.* Tableaux. P. 21; *Idem.* Liste... P. 25). Тем большее возражение вызывает утверждение Н. А. Троицкого о том, что советские археологи в начале 80-х гг. во рву одной из флешей нашли останки именно Ромёфа (*Троицкий Н. А.* 1812. С. 150). Троицкий это делает на основе статьи корреспондента «Известий», в которой утверждение о находке останков начальника штаба Даву основано на том, что, дескать, во время раскопок найдены «звезды, шитые канителью», а рядом – мундштук сигнальной трубы, барабанные палочки и останки сразу 8 штабных офицеров (Известия. 1984. 5 марта). Трудно предположить, что тело умершего 9 сентября генерала специально привезли к «флешам» и там во рву закопали.

2014

Даву – жене. 8 и 20 сентября 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville).* Op. cit. P. 168, 170.

2015

Лоссберг. Указ. соч. С. 31.

2016

[*Колюбакин Б.М.*] Указ. соч. С. 19.

2017

Roth von Schreckenstein M. Op. cit. S. 115–116; *Meerheime F. L.A.* Op. cit. S. 112; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 17; *Burkersroda.* Op. cit. S. 13.

2018

Le Manuscrit de carabiniers. P. 212; *Васильев А. А.* Французские карабинеры... С. 10.

2019

Pajol. Op. cit. P. 45.

2020

Griois L. Op. cit. P. 35.

2021

Bertrand V. Op. cit. P. 127.

2022

François C. Op. cit. P. 793–794.

2023

Ложье Ц. Указ. соч. С. 149.

2024

Labaume E. Op. cit. P. 145; *Роос Г.* Указ. соч. С. 127.

2025

Богарне – жене. Поле боя, 8 сентября 1812 г., 8 часов утра // [*Du Casse A.*] Op. cit. Т. 8. P. 40.

2026

Роос Г. Указ. соч. С. 127; *Blond G.* Op. cit. P. 345.

2027

Сегюр Ф. П. Поход на Москву. С. 40.

2028

Brandt H. Mémoires. P. 44–46.

2029

См., например: Неизвестный офицер 3-го (голландского) полка пеших гренадер императорской гвардии – отцу. Москва, 24 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 150об.

2030

См.: *Vionnet de Maringoné L.-J. Op. cit. P. 14.*

2031

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 151.

2032

Цит. по: Французы в России. С. 157.

2033

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 218.

2034

Dumonceau F. Op. cit. T. 2. P. 143.

2035

Saint-Hilaire M. Op. cit. T. 3. P. 31. К сожалению, не ясно, на показания какого свидетеля опирался Сент-Илер. В воспоминаниях первого лакея императора Константа речь, как можно понять, идет уже об утре 8 сентября.

2036

Цит. по: Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М., 1914. С. 144.

2037

Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 2. Str. 200–201. Любопытно, что вообще именно поляки, как явствует из воспоминаний Брандта, любили порассуждать на данную тему, делая это неизменно в хвастливой и залихватской манере.

2038

Полковник Д. Пюибюску. Можайск, 7 сентября 1812 г., 9 часов вечера // [*Puibuisque L.-G.*] *Op. cit.* P. 75–80.

2039

Constant (Wairy) L. Pamiętniki kamerdynera cesarza Napoleona I. Warszawa, 1972. Str. 201–202.

2040

Наполеон – Марии-Луизе. Бородино, 8 сентября 1812 г. // *The Letters of Napoleon.* P. 97.

2041

Ложье Ц. Указ. соч. С. 149; *Bonnet.* *Op. cit.* P. 660.

2042

Soltyk R. *Op. cit.* P. 247–248; Французы в России. С. 159.

2043

Пеле Ж. Указ. соч. С. 89.

2044

В «Дорожном дневнике» Коленкура начало рекогносцировки отнесено к 10 утра (*Caulaincourt A.-A. L.* *Op. cit.* P. 435. Note 2). О 10 утра пишет и Кастелан: «8. Я заступил на службу в 7 часов; в 10 император поехал на рекогносцировку на правый фланг с 25 шассерами гвардии» (*Castellane.* *Op. cit.* P. 151). Из воспоминаний Брандта следует, что уже к 9 утра Наполеон прибыл к «большому редуту». Либо Брандт ошибается, что вполне возможно, либо Наполеон вначале проехал к «большому редуту», а затем уже к Семеновским высотам, а Брандт, со своей стороны, несколько ошибся с определением часа.

2045

Pelleport P. *Op. cit.* T. 2. P. 30.

2046

2047

Soltyk R. Op. cit. P. 248–249. См. также: *Lagneau L.-V.* Op. cit. P. 206; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. P. 42. Солтык уверяет, что в Колоцком монастыре, помимо 12 тыс. раненых Великой армии, было «25 тыс. москвитов». Полагаем, что эта цифра весьма преувеличена. Другие свидетели пишут о полном безразличии, которое наполеоновские солдаты проявляли по отношению к русским раненым (*Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 329). Война притупляет, а у многих и вовсе уничтожает всякое чувство гуманности.

2048

Brandt H. Mémoires. P. 46–47.

2049

Ibid. P. 47.

2050

Dumonceau F. Op. cit. Т. 2. P. 146.

2051

Возможно, к этому моменту относится приказ Наполеона (который уже сел на лошадь) отправить письмо Камбасересу, которое император чуть ранее продиктовал, но не успел подписать. Это письмо впервые опубликовано в 2012 г. Приведем его полностью: «Мой кузен, здесь произошла большая баталия при Бородино. У врага имелось примерно 120 000 человек, под командованием Кутузова, Барклая-де-Толли и Багратиона. Сражение очень жаркое, в 2 часа пополудни победа была за нами. Мы взяли 60 орудий и от 4 до 5000 пленных, среди которых много генералов. По оценкам потери неприятеля до 30 тысяч человек, а наши можно оценивать в 10 000 убитых и раненых. Генерал Монбрен пал во главе кавалерийской дивизии. Генерал Коленкур, мой начальник пажей, посланный его заменить, в свою очередь, был убит на батарее, которую он овладел. Неаполитанский король, вице-король, князь Невшательский, все маршалы действовали хорошо. Моя гвардия не участвовала, так что ни пехота, ни кавалерия Старой и Молодой гвардии не потеряли ни одного человека. Мы преследуем врага. Здоровье мое хорошее; однако у меня сильный насморк, пришлось ночами много раз садиться на лошадь; в палатке по ночам становилось свежо, и я садился на лошадь. Вы получите бюллетень с ближайшим курьером. Нансути ранен, но легко. Рапп получил легкую контузию, среди другого персонала моей Квартиры раненых нет. Прошел слух, что принц Экмюльский убит; но под ним была убита лошадь, а он не пострадал. Мы не взяли знамен, поскольку русские приняли меры и в ходе сражения отправили их в тыл и более не возвращали. Вы понимаете, что все эти детали предназначены [только] для вас» (Наполеон – Камбасересу. Бородино, 8 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31677. P. 1080).

2052

Bausset L.-F. J. Op. cit. P. 102–103.

2053

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 151.

2054

Bulletins officiels. P. 103.

2055

П.-Л. Паради – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 68; Lettres interceptées. P. 205; П.-Л. Паради – отцу. Москва, 25 сентября 1812 г. //Lettres interceptées. P. 23.

2056

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 152. Мы уже ранее, во 2-й главе, воспользовались этим рассказом Кастелана, но посчитали нужным воспроизвести его в несколько ином варианте ВНОВЬ.

2057

Poos Г. Указ. соч. С. 118–119.

2058

Fantin des Odoards L.-F. Op. cit. P. 329.

2059

Poos Г. Указ. соч. С. 126.

2060

Французы в России. С. 162–163.

2061

Griois L. Op. cit. P. 42.

2062

Poos Г. Указ. соч. С. 128.

2063

Griois L. Op. cit. P. 42.

2064

Pajol. Op. cit. P. 45.

2065

Griois L. Op. cit. P. 42.

2066

Fantin des Odoards L.-F. Op. cit. P. 328.

2067

Poos Г. Указ. соч. С. 130–131.

2068

Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 435. Note 2; *Brandt H.* Mémoires. P. 47–48; *Dumonceau F.* Op. cit. T. 2. P. 146–147; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 82. По некоторым свидетельствам, на поле боя французы смогли подобрать до 20 тыс. ядер.

2069

Бертье – Богарне. Императорский лагерь перед Можайском, 8 сентября 1812 г. // [Du Casse A.]. T. 8. Correspondance. P. 39–40; *Labaume E.* Op. cit. P. 146–147; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 82; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 152.

2070

О позиции русской армии при Можайске см.: *Бродский Г. Е., Тихонов И. С.* Позиция русской армии при Можайске 27 августа 1812 года: история, реконструкция и современное состояние // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2011. С. 85–92; Их же. Позиция русской армии при Можайске 27 августа 1812 года: история, реконструкция и современное состояние. Продолжение темы // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2016. Вып. 14. С. 250–259.

2071

[*Derrecagaix*]. Op. cit. P. 503–504; *Mémoires du comte Belliard*. P., 1842. T. 1. P. 53.

2072

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 241; *Griois L.* Op. cit. P. 43–44; *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 82; *Austen P. B.* Op. cit. P. 320–321.

2073

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 82. Эпизод с Наполеоном, идущим по дороге, Сегюр запечатлел в своих мемуарах (*Ségur Ph.-P.* Histoire et mémoires. P., 1837. T. 6. P. 11–15). Об этом же он написал в книге «De Phin à Fontainbleau». Другими источниками он не подтверждается. Если рассказ Сегюра не выдумка, то этот случай мог произойти уже после того, как Наполеон, примерно в 18.30 проехав д. Кукарино и узнав о ситуации, приказал императорской квартире повернуть обратно и расположиться там (*Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 435. Note 2). Сам же, в состоянии какой-то странной рассеянности, пошел вперед, намереваясь, вероятно, лично увидеть, что же происходило у Можайска. В наступившей темноте Сегюр указал ему на бивачные огни русской армии.

2074

У Деннье – в Staroknowo (*Dennée P.-P.* Op. cit. P. 83). То, что это было все-таки Кукарино, говорят все другие материалы: «Дорожный дневник» Коленкура. P. 435. Note 2 (d'Ukarino); *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 152; *Meneval C.-F.* Op. cit. P. 55.

2075

См., например: [*Du Casse A.*] T. 8. Correspondance. P. 39–41.

2076

В достаточно грубом виде эту мысль высказал Шамбрэ (*Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 82). Многие авторы-французы осуждали Кутузова и Александра I за эту «хитрость», усматривая в этом поступок, достойный азиатских «византийцев», но не благородных европейцев.

2077

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 241.

2078

Ibidem.

2079

Griois L. Op. cit. P. 44–45.

2080

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 242; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 153–154; *Gourgaud G.* Op. cit. P. 251; *Borpe P.* Les Espagnols... P. 148–149. О действиях русского авангарда см.: Черновая записка об оперативных действиях арьергарда казачьих войск под командованием генерал-майора Розена Г. В. в районе Можайска // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С. 239–240.

2081

Роос Г. Указ. соч. С. 138.

2082

Черновая записка... С. 241.

2083

Дедем де Гельдер —? Париж, февраль 1813 г. // *Chuquet A.* Lettres de 1812. P. 19–20; *Чюди.* Рукопись о действиях полка Жозефа-Наполеона // Ibid. P. 177; *Borpe P.* Les Espagnols... P. 149–150; *Pajol.* Op. cit. P. 46; Черновая записка... С. 241–244.

2084

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 243.

2085

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 87; *Dennée P.-P.* Op. cit. P. 83; *Bellot de Kergorre A.* Op. cit. P. 62–63.

2086

Larrey D.-J. Op. cit. P. 61–62.

2087

Bellot de Kergorre A. Op. cit. P. 62. См. также: *Chambray G.* Op. cit. T. 2. P. 87. Почти все русские раненые умерли. Очень немногим из них, благодаря природе, все же удалось выжить; когда они выползали из города, французы их не останавливали.

2088

Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. Р. 45–46; *Meneval C.-F.* Op. cit. Р. 55; *Dennée P.-P.* Op. cit. Р. 83–84.

2089

Наполеон – императору Австрии. Можайск, 9 сентября 1812 г.; Наполеон – Бертье. Можайск, 9 сентября 1812 г.; Наполеон – Маре. Можайск, 9 и 10 сентября 1812 г.; Наполеон – Бертье. Можайск, 10, 11 и 12 сентября 1812 г.; Циркуляр епископам империи. Можайск, 10 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Р. 207–216; 18-й бюллетень Великой армии. Можайск, 10 сентября 1812 г. // *Bulletins officiels*. Р. 99 –104; Бертье – Богарне. Можайск, 10–12 сентября 1812 г. [*Du Casse A.*]. Op. cit. Т. 8. *Correspondance*. Р. 41–43. См. также: *Fain A.-J.-F.* Op. cit. Т. 2. Р. 46–48, 74–78; *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. Р. 89 –108; *Thiry J.* Op. cit. Р. 156–160.

2090

The Letters of Napoleon. Р. 99.

2091

10 сентября в Можайске Каstellан сделал запись: «Дивизия Лаборда, из Молодой гвардии, и дивизия Пино, итальянская, остававшиеся в арьергарде, подошли; если будет вторая баталия, мы будем так же многочисленны, как в первой» (*Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. Р. 153).

2092

См., например: *Витмер А.* Бородинский бой. С. 104–105.

2093

К 11 сентября относится письмо Бельяра к Бертье. Начальник штаба резервной кавалерии пишет, что пытается подсчитать потери за 5 и 7 сентября и что сделать это трудно (Бельяр – Бертье. Крымское, 11 сентября 1812 г. // *SHD*. 2С 286. F. 9).

2094

Fezensac M. Op. cit. Р. 39.

2095

Такое столкновение Мюрата и Даву произошло в Можайске в присутствии Наполеона. Даву, как и раньше, обвинял Неаполитанского короля в том, что тот расстроил последние остатки кавалерии. «Вы находите, – сказал император маршалу, – что Неаполитанский король показывает слишком много пыла?» «Слишком много», – ответил Даву (*Dumas M.* Op. cit. Р. 442).

2096

Бертье – Богарне. Можайск, 10 сентября 1812 г., 9 часов утра // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 8. Correspondance. Р. 41; Бертье – Богарне. Можайск, 11 сентября 1812 г., 4,5 часа утра // Ibid. Р. 41–42; Бертье – Богарне. Можайск, 11 сентября 1812 г., 9 часов вечера // Ibid. Р. 42; *Bonnet*. Op. cit. Р. 660.

2097

В бумагах Бельяра сохранился порядок марша на 12 сентября (SHD. 2С 286. F. 10). Движение началось в 7 утра.

2098

Бертье – Богарне. Можайск (?), 12 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 8. Correspondance. Р. 42–43; Бертье – Богарне. Можайск, 12 сентября 1812 г. // Ibid. Р. 43.

2099

Bonnet. Op. cit. Р. 660.

2100

«Дорожный дневник» Коленкура. Р. 437. Note 1.

2101

У Деннье (Р.84) – «Tatarki», у Фэна (Т. 2. Р. 49) – «Petelina» (Петелина). Петелиной 13 сентября помечено одно письмо Наполеона к Маре, опубликованное в 2012 г. на основе двух каталогов, 1925 и 1952 гг.: «Я в 6 лье от Москвы. Не очень понятно, когда буду в этом огромном городе. Завтра нам будет виднее. Я с удовольствием наблюдаю, как герцог Беллюнский [маршал Клод-Виктор Перрен] приближается; ему следует прибыть. Моя простуда закончилась; [но] мне немного нездоровится. Сообщите о моих новостях князю Шварценбергу, герцогу Таррентскому [маршалу Ж. Макдональду], маршалу Сен-Сиру и в Париж...» (*Napoléon Bonaparte*. Op. cit. № 31723. Р. 1097). Мы не исключаем, что письма, помеченные как Таторками, так и Петелиной, могли быть отправлены из одного и того же помещичьего дома, располагавшегося между этими двумя деревнями.

2102

Бертье – Богарне. В шато, перед Таторки, 12 сентября 1812 г., 8,5 вечера // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 8. Correspondance. Р. 43.

2103

Цит. по: *Попов А. Н.* Французы в Москве в 1812 году. С. 9.

2104

Бельяр – Гильемино. 13 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 8. Correspondance. P. 43.

2105

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 153.

2106

Вопрос о том, ночевал ли Наполеон в Вязёмах либо в двух верстах, в д. Борисовке, был связан с тем, что два приказа, отданные Наполеоном Бертье, были помечены селением «Barisovka» (Наполеон – Бертье. Борисовка, 13 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. P. 217; Наполеон – Бертье. Борисовка, 13 сентября 1812 г. // *Ibidem*). Полагаем, что трехлетнее обсуждение этого вопроса (см., например: Цоффка В. В. Штрихи к портрету генерал-лейтенанта князя Б. В. Голицына (1769–1813) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. 2002. С. 211–222) к настоящему времени следует завершить. Решающими моментами можно считать упоминание Бертье в письме Е. Богарне от 26 сентября о том, что император ночевал «в шато принца Голицына в Безовке (à Bezowka), где спал император...» (Бертье – Богарне. Москва, 26 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 8. P. 53), дневник казначея в администрации Главной квартиры Великой армии Г.-Ж.-Р. Пейруса (Peugusse G. J. Op. cit. P. 94), а также записи в «Дорожном дневнике» А. Коленкура, который отметил, что император в 13.30 прибыл в «Malo-Wiasma», но умолчал о каких-либо других передвижениях Наполеона (Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. Т. 1. P. 440. Note 2).

2107

Бертье – Богарне. Безовка, 13 сентября 1812 г., 9 вечера // [Du Casse A.] Op. cit. Т. 8. Correspondance. P. 44.

2108

Soltyk R. Op. cit. P. 259; Fain A.-J.-F. Op. cit. Т. 2. P. 50–52; Понов А. Н. Французы в Москве. С. 13–14.

2109

Генерал Дедем, следовавший со своим 33-м линейным сразу за авангардными частями Мюрата, уверял, что Наполеон двигался в экипаже и, подозвав Дедема, сказал: «Прикажите войскам двигаться, это еще не конец» (*Dedem de Gelder*. Op. cit. P. 248).

2110

Цит. по: Французы в России. С. 173.

2111

Ложье Ц. Указ. соч. С. 164.

2112

Цит. по: *Попов А. Н.* Французы в Москве. С. 16.

2113

Роос Г. Указ. соч. С. 141.

2114

Dennée P.-P. Op. cit. P. 85–86.

2115

Цит. по: Французы в России. С. 189.

2116

Лоссберг. Указ. соч. С. 75.

2117

РГАДА. Д.240–243, 245–254, 260–264, 266–268, 284. Ч. 1–2; РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92; Ф.846. Оп.16. Д.3605. Ч. 1–2; ОР РГБ. Ф.41. К.165. Ед. 25; *Lettres interceptées...*; *Ternaux-Compans H.* Op. cit.; *Chuquet A.* *Lettres de 1812*; *Idem.* 1812. Sér.1–3; [*Du Casse A.*] Op. cit. Т. 7–8; *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville).* Op. cit. Т. 3; *Искюль С. Н.* Указ. соч.; etc.

2118

Ф. Пулашо – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 51.

2119

Ж.-П.-М. Барье – жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 32–33.

2120

Фуке, старший сержант 30 линейного полка, – барону Дюгамелю. Москва, 19 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 68. Фуке забыл сказать, что командир бригады генерал Бонами не только был ранен, но и попал в плен.

2121

Л. -Ж. Грандо – полковнику Ж.-Ф. Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 245. Л. 1 –2об.; Д.268. Л. 71; *Lettres interceptées*. P. 38–41.

2122

Ж.-Л. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 37–38.

2123

П.-Л. Паради – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 68; *Lettres interceptées*. P. 20.

2124

Генерал Шелер – королю Вюртемберга. Сентябрь 1812 г. // *Chuquet A.* 1812. Sér.3. P. 25.

2125

Сержант Х. Эрихрат – домой. Масии (Можайск), под Масрау (Москвой), 12 октября 1812 г. // *Искюль С. Н.* Указ. соч. С. 107.

2126

И. А. Вернке – домой. Можайск, 13 октября 1812 г. // Там же. С. 109.

2127

Кобылянский – жене. 22 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 77.

2128

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 87; *Meneval C.-F.* Op. cit. P. 54; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 41–42. Note 1; *Soltyk R.* Op. cit. P. 245; *Bulletins officiels*. P. 103.

2129

Dennée P.-P. Op. cit. P. 186–188.

2130

Ibid. P. 80. Note 1.

2131

Burkersroda. Op. cit. Beilage “D”, “E”; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 17–18.

2132

Flotow. Op. cit. P. 196.

2133

Roëder F. Op. cit. Annexe. S. 154.

2134

Рапорт 57-го линейного полка. P. 347; *Dutheillet de Lamothe A.* Op. cit. P. 45.

2135

Martinien A. Tableaux... 1895. P. 179, 250–251, 259, 332–333; Дневник поручика Фоссена. С. 471.

2136

Dedem de Gelder. Op. cit. P. 238; Генерал Дедем —? Париж, февраль 1813 г. // *Chuquet A.* Lettres de 1812. P. 19–20; *Martinien A.* Tableaux... P. 196, 229–230, 426; *Chuquet A.* 1812. Sér. 2. P. 61; *Boppe P.* Les Espagnols... P. 147–148. Note 3.

2137

Martinien A. Tableaux... 1895. P. 297, 330; Рапорт Бертье Наполеону. Москва, 28 сентября 1812 г. // [Derrecagaix.] Le maréchal Berthier. T. 2. P. 438.

2138

Васильев А. А. Лукавая цифра авантюриста. С. 69.

2139

[Derrecagaix.] Le maréchal Berthier. T. 2. P. 437–438.

2140

Подсчет проведен по: *Martinien A.* Tableaux... 1895

2141

Земцов В. Н. Наполеон в Москве. М., 2014.

2142

SHD. 2C 131, 2C 523–525, 2C 527, 2C 529.

2143

Земцов В. Н. Наполеон в Москве. С. 247–249.

2144

Dennée P.-P. Op. cit. P. 186–188; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 39–40.

2145

Martinien A. Tableaux...; Idem. Liste des officiers... P. 5 –10, 24–25; *Васильев А. А., Попов А. И.* Grande Armée... С. 38–40.

2146

Martinien A. Op. cit. Partie supplémentaire. P., 1909.

2147

Васильев А. А. Офицерские потери Великой армии Наполеона в Бородинском сражении, подсчитанные по именным спискам А. Мартинье // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы международной конференции. Москва, 21–22 апреля 2011 г. М., 2011. С. 19–43.

2148

Hourtoulle F.-G. Op. cit. P. 116.

2149

Хотим отметить, что общая цифра потерь по Васильеву, в конечном итоге, оказалась фактически такой же, как при моем подсчете, – 36 тыс. человек.

2150

Капитан Ван Бёкоп – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 70 –70об.; *Lettres interceptées*. P. 49–50.

2151

П.-Л. Паради – м-ль Ж. Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 68; *Lettres interceptées*. P. 20.

2152

Ж.-П.-М. Барье – жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 32–33.

2153

Ф.-Ш. Лист – жене. Москва, 22–23 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 150; *Lettres interceptées*. P. 26.

2154

Ж.-Л. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 37–38.

2155

Наполеон – Марии-Луизе. 8 сентября 1812 г. // *The Letters of Napoleon*. P. 97.

2156

Fantin des Odoards L.-F. Op. cit. P. 327.

2157

Наполеон – императору Францу I. 9 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. P. 206; *Bulletins officiels*. P. 103–104.

2158

Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 158; *Meneval C.-F.* Op. cit. Т. 3. P. 54; *Soltyk R.* Op. cit. P. 245; etc.

2159

Е. А. Назарян пришлось проделать значительную работу, чтобы идентифицировать личность «князя Голицына». В конечном итоге она пришла к выводу, что это был корнет лейб-гвардии Конного полка Григорий Яковлевич Голицын 3-й (1789–1821). Соковнин и Голицын будут освобождены русской армией в Дорогобуже. Русские материалы (П. А. Чуйкевич) указывают, что Великая армия потеряла в сражении 5–7 сентября пленными 1 генерала, 35 офицеров и 1140 солдат (*Чуйкевич П. А.* Рассуждения о войне 1812 года. СПб., 1813. С. 44). В этом у нас нет сомнения, поскольку французская армия наступала, захватила почти все русские позиции, но пленными потеряла больше, чем неприятель! Французские материалы

об общем числе потерь пленными умалчивают. В наши дни С. Н. Хомченко попытался проверить данные Чуйкевича, обратившись к поименным спискам взятых в плен чинов Великой армии (*Хомченко С. Н. Офицеры Великой армии, взятые в плен в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012. С. 310–318; Его же. Нижние чины Великой армии, плененные в Бородинском сражении // «Сей день пребудет...» С. 178–194*). Как можно понять, С. Н. Хомченко склонен принять цифры, предложенные Чуйкевичем.

2160

Даву – Бертье. Торн, 8 января 1813 г. // *Chuquet A. 1812. Sér.3. P. 322.*

2161

Троицкий Н. А. 1812. С. 175–176. См. также: Его же. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. С. 198.

2162

Целорунго Д. Г. Русские офицеры – участники Бородинского сражения // Бородинское поле. История. Культура. Экология. Можайск, 2000. С. 69.

2163

Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // История СССР. 1987. № 4. С. 135.

2164

Шведов С. В. Численность и потери русской армии в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы конференции. 1993 г. Бородино, 1994. С. 107–115. См. также: Его же. Численность и потери русской армии при Бородино // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2004. С. 76–111; Львов С. В. О потерях российской армии при Бородине 24–26 августа 1812 г. // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2003. С. 52–66. Заметный интерес в этой дискуссии представляют выкладки Михаила Казанцева, который публикуется исключительно на интернет-сайтах и делится своими размышлениями на интернет-форумах.

2165

Denniée P.-P. Op. cit. P. 81. См. также: Castellane E.-V.-E.-B. Op. cit. P. 150.

2166

Gourgaud G. Op. cit. P. 240–242.

2167

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 87.

2168

Bulletins officials. P. 104.

2169

Morvan J. Op. cit. T. 2. P. 283.

2170

Граббе П. Х. Из памятных записок //РА. 1873. Кн. 3. Стлб. 466. Ту же цифру указал Н. Г. Павленко (*Павленко Н. Г.* Русская артиллерия. 1589–1812. М., 1940. С. 134), а за ним повторил Н. А. Троицкий (*Троицкий Н. А.* 1812. С. 180).

2171

Denniée P.-P. Op. cit. P. 81.

2172

Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 807.

2173

Целорунго Д. Г. Русские офицеры – участники Бородинского сражения // Бородинское поле. С. 68; Его же. О характере ранений воинов русской армии – участников Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2006. С. 220–238; Его же. База данных «Солдаты и офицеры российской армии – участники Бородинского сражения»: социальные портреты, поведение в бою, боевые отличия // «Сей день пребудет...». С. 31–40. В последнем издании Д. Г. Целорунго дает иные цифры: ранений от ружейных пуль – 72,0 %, от артиллерийских снарядов – 22,0 %, от воздействия холодным оружием – 6,0 %.

2174

Свечников М. С. Указ. соч. С. 99 –100.

2175

Кобылянский – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // РГАДА. Д.268. Л. 77.

2176

Пико – г-ну Бержеру, офицеру-инженеру. Москва, 26 сентября 1812 г. // Там же. Л. 82.
Наиболее вероятно, что автором этого письма был капитан Пико, помощник полковника
Пюнье де Монфора, начальника штаба инженерных войск Великой армии.

2177

Плана де ла Файе – г-же Деплас. Москва, 15 октября 1812 г. // Там же. Л. 96об.

2178

Паради – сыну. Москва, 26 октября 1812 г. // Там же. Л. 68об. –69.

2179

Проспер – тестю. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 147–151.

2180

Солдат Маршал – Тюгне, кюре. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 34.

2181

Пулашо – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 51

2182

Шарьер – Таше-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 37–38.

2183

Пейрус – брату Андре. Кремлевский дворец, Москва, 22 сентября 1812 г. // *Peyrusse G.-J. Op. cit.* P. 101. Note.

2184

Доксон – жене. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 154–155.

2185

Генерал Маршан, командир 25-й пехотной дивизии, – жене. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д.260. Л. 1 –2об.; *Lettres interceptées*. P. 138–139.

2186

Бараге д'Илье – жене. Ельня, 4 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 344–345.

2187

Chuquet A. *Lettres de 1812*. P. 63.